

1900

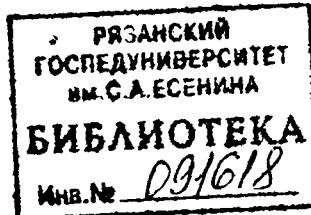
годъ VII-й

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНІЕ

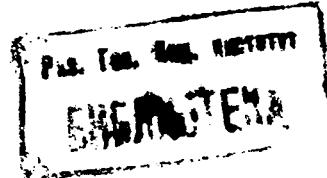
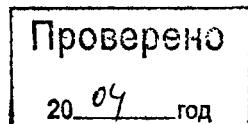
ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 9.

СЕНТЯБРЬ

Фонд
редких книг

Издание П. П. СОЙКИНА
подъ РЕДАКЦІЕЮ
д-ра филос. М. М. Филиппова.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Августа 1900 г.

Типографія И. П. Сойкина, Стремянная, 12.

С О Д Е Р Ж А Н И Е.

	Стр.
I. Планета Марсъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. (Окончаніе). <i>Ф. Брунса</i>	1489
II. Къ вопросу о заразительности и профилактикѣ проказы. Д-ра <i>Л. Гербсмана</i>	1509
III. Ученіе Шопенгауера о свободѣ воли. <i>С. Груzenберга</i>	1529
IV. Александръ Ивановичъ Герценъ. (Окончаніе). <i>В. Богуцкаго</i>	1542
V. Къ вопросу о классификаціи типовъ землепользованія. <i>М. Кроля</i>	1549
VI. Итоги полемики о цѣнности. <i>М. Филиппова</i>	1553
VII. Реформація и контрь-реформація. Проф. <i>Л. Гейгера</i> . .	1570
VIII. Ученіе о бактеріяхъ, какъ причинѣ болѣзней. Д-ра <i>А. Липскаго</i>	1588
IX. Страданія и подвиги женщинъ во время войны. (Окончаніе). Д-ра <i>Людвига</i> , пер. <i>М. Михайловской</i>	1603
X. „Доброе“ старое время въ Ливоніи. (Къ вопросу о причинахъ паденія Ливонскаго независимаго государства). <i>В. Ульриха</i>	1618
XI. Уранія (Корреспонденція изъ Германіи), (съ 2 рисунками). <i>П. Б.</i>	1628
XII. Научныя новості:	
1. Телеграфонъ. („Natur. Rund.“). 2. Свѣтлые края на изображеніяхъ темныхъ предметовъ на свѣтломъ фонѣ. („Nat. Rund.“) 3. Объ образованіи угольной кислоты куринаго зародыша. („Archiv. f. Physiologie“). 4. Fauna моравскихъ пещеръ. („Zoolog. Anzeig.“). 5. Парижскій воздухъ. („Compt. Rend.“). 6. Подземный шумъ. (Rendiconti Accad. dei Lincei.). 7. Измѣненіе поверхности металловъ свѣтомъ. („Compt. Rend.“).	1636
XIII. Новыя книги:	
1. Густавъ Карнелесь. Всеобщая исторія литературы. Пер. <i>С. Гринберга</i> . К—ра. 2. Dr. Hugo Rickes. Wert und Tauschwert. <i>П. Берлина</i> . 3. Dr. Lazarus Schweiger. Philosophic der Geschichte. <i>П. Берлина</i>	1643
XIV. Владиміръ Сергеевичъ Соловьевъ. (Некрологъ).	1649
XV. Книги, присланныя въ редакцію для отзыва.	
XVI. Приложенія:	
1. Берне. Сочиненія. Листы 24—27.	
2. XIX вѣкъ. Листы 4—9.	

1900

годъ VII-й

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНІЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 10.

ОКТЯБРЬ

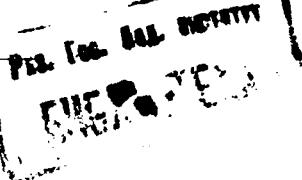
Издание П. П. СОЙКИНА
подъ редакцію
д-ра филос. М. М. Филиппова.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Сентября 1900 г.

Типографія Н. П. Сокина, Стремянная, 12.

С О Д Е Р Ж А Н И Е.

	Стр.
I. О природѣ Рентгеновыхъ лучей. <i>Б. Вальтера</i> , пер. <i>О. Минора</i>	1653
II. О чёмъ повѣстуетъ лѣсь. Проф. <i>Кона</i> , пер. <i>А. Филипповой</i>	1662
III. Бачебазство въ Средней Азіи. <i>В.</i>	1678
IV. Вопросы воздухоплаванія. <i>К. Цюлковскаго</i>	1689
V. Сѣверные славяне и борьба съ германскимъ духомъ. Проф. <i>Гирта</i>	1707
VI. Замѣтки читателя по поводу упраздненія Туганъ- Барановскимъ и Струве ученія Маркса о прибыли. <i>Н. Карелина</i>	1721
VII. Добroe старое время въ Ливоніи. <i>В. Ульриха</i> . (Окон- чаніе)	1736
VIII. Историческій материализмъ и практическій идеализмъ. <i>Сади Гунтера</i>	1759
IX. Ученіе Шопенгауэра о свободѣ воли. <i>С. Грузенберга</i> . (Окончаніе)	1775
X. Итоги полемики о цѣнности. <i>М. Филиппова</i>	1793
XI. Земельная неурядица въ Закавказіи. Кн. <i>Г. Туманова</i> . 1810	
XII. Масарикъ противъ Маркса. <i>П. Берлина</i>	1840
XIII. Научныя новости:	
1. Попытка опредѣленія спектрографическимъ путемъ скорости вращенія Венеры (Astr. Nachr.). 2. Отношеніе между грибами и водорослями (Amer. Nat.)	1845
XIV. Новыя книги:	
1. Л. Кирилловъ. Къ вопросу о внѣземледѣльческомъ отходѣ. <i>С. Семенова</i> . 2. А. Велицынъ. Торжество со- циализма. <i>П. Берлина</i>	1850
XV. Книги, присланнныя въ редакцію для отзыва.	
XVI. Приложенія:	
1. Берне. Полное собрание сочиненій. (Окончаніе).	
2. XIX вѣкъ: Очеркъ исторіи естественныхъ наукъ. <i>Особорна</i> и <i>Даннемана</i> . Успѣхи отдельныхъ народностей. Проф. <i>Фи- липпсона</i> . Листы 10 и 11.	

Бібліотека „Научнаго Обозрѣнія“.

Ковалевскій, М. Экономический строй Россіи. Спб. 1900. Ц. 75 к.

Вольфъ, А. Космогоническія гипотезы. Перев. съ франц. подъ редакц. д-ра филос. и чл. Русскаго Астр. О-ва М. Филиппова. Спб. 1900. Ц. 60 к.

Фюсслейнъ, Р. Англія и Трансвааль. Перев. съ нѣм. С. Піоторовскаго. Спб. 1900. Ц. 50 к.

Дарвинъ, Ч. Законы измѣнчивости. Переводъ подъ редакціей д-ра философіи М. М. Филиппова. Спб. 98. Ц. 60 к.

Гельмгольцъ, Г. Фарадэевская рѣчь. Современное развитіе Фарадэевыхъ возврѣній на электричество, перев. В. Тюрина. Спб. 98. Ц. 30 к.

Гарнеръ, Р. Языкъ обезьянь. Перев. съ англ. С. Л. Халютина. подъ ред. В. Битнера. Спб. 99. Ц. 50 к.

Дарвинъ, Ч. Автобіографія. (Написанная въ 1876 году). Перев. съ англійскаго, съ примѣчаніями переводчика. Съ порт. Ч. Дарвина. Спб. 96. Ц. 30 к.

Спенсеръ, Г. Недостаточность естественнаго подбора. Изд. 2-е. Спб. 94. Ц. 40 к.

Гельмгольцъ, Г. О физіологическихъ причинахъ музикальной гармоніи. Съ рис. Спб. 96. Ц. 30 к.

Гойеръ, Г. Мозгъ и мысль. Переводъ съ польскаго, съ 25 рисунками въ текстѣ. Спб. 95. Ц. 50 к.

Дарвинъ, Ч. Инстинктъ. Посмертное сочиненіе, перев. М. М. Филиппова. Спб. 96. Ц. 30 к.

Годри, А. Палеонтология. Переводъ съ французскаго (съ незначительными сокращеніями). Спб. 96. Ц. 40 к.

Филипповъ, М. Элементарная теорія вѣроятностей. (Для лицъ, не знакомыхъ съ началами высшей математики). Спб. 96. Ц. 40 к.

Герцъ, Г. Электрическая сила. Теорія и опыты. Съ рис. въ текстѣ Спб. 94. Ц. 40 к.

Эльсъ, В. Опыты по физіологии растеній. Съ 19 рисун. въ текстѣ Спб. Ц. 50 к.

Рибо, Т. Современная германская психологія. (Опытная школа) Перев. съ французскаго Л. Ройзмана. Спб. 95. Ц. 1 р. 50 к.

Дарвинъ, Ч. Пangenезисъ. Полный перев. съ англійскаго подъ редакціей д-ра философіи М. М. Филиппова. (Съ прибавленіемъ главъ о наслѣдственности и о подборѣ). Спб. 98. Ц. 1 р. 20 к.

Щербаковъ, С. О движеніи небесныхъ тѣлъ (Исторический очеркъ развитія ученія). Спб. 94. Ц. 40 к.

Менье, С. Сравнительная геологія или геологія небесныхъ тѣлъ, съ 16-ю рисунк. Спб. 96. Ц. 1 р.

1900.

годъ VII-й

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНІЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 11.

НОЯБРЬ

Издание П. П. СОЙКИНА
подъ редакціею
д-ра филос. М. М. Филиппова.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Октября 1900 г.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

С О Д Е Р Ж А Н И Е.

Стр.

I. Земельная неурядица и саморасправа на Кавказѣ: Хи- занскій вопросъ, Колонизация, Сословный вопросъ, Го- сударственные крестьяне и казенные земли. Князя <i>Г. Туманова</i>	1853
II. Замѣтки читателя по поводу упраздненія Тугань- Барановскимъ и Струве ученія Маркса о прибыли. <i>H. Карелина</i>	1922
III. Къ вопросу о реформѣ русскаго алфавита. <i>C. Кулябки</i> .	1932
IV. О первобытномъ обществѣ. <i>P. Берлина</i>	1946
V. Европа до революціи 1789 года. Проф. <i>Филиппсона</i> . .	1964
VI. Еще о Шопенгауэрѣ. <i>C. Груzenberga</i>	1992
VII. Психологія въ политической экономіи. <i>M. Филиппова</i> .	1997
VIII. Дифференціальная рента и теорія цѣнности. <i>C. Проко- повича</i>	2019
IX. Научные новости:	
1. Полученіе катодическихъ лучей съ помощью ультра- фioletovаго свѣта (<i>Annal. der Physiol.</i>). 2. Хемотропиче- ское движеніе капли ртути (<i>Natur. Rundsch.</i>)	2039
X. Новые книги:	
1. М. А. Энгельгардтъ. Прогрессъ, какъ эволюція жесто- кости. <i>C. III</i> . 2. Шульце Гевернитцъ. Крупное производ- ство въ Россіи. Пер. П. Авилова. <i>C. Семенова</i> . 3. Фаль- кенфельдъ. Марксъ и Нитцше. <i>P. Берлина</i>	2043
XI. Книги, присланныя въ редакцію для отзыва.	
XII. Объявленія.	
XIII. Приложеніе: XIX вѣкъ: <i>Профессора Филиппсона</i> : Успѣхи отдѣльныхъ народностей. Турки и Славяне, Аравія и Сѣверовосточная Африка, Русскіе въ Азіи, Китай въ новѣйшее время, Современное состояніе культуры въ Остъ-Индіи, Новѣйшая Японія, Развитіе культуры въ романской Америкѣ, Христіанство и европеизмъ въ чу- жихъ странахъ, Торговля людьми въ наше время. <i>Оль- герда Вильчинскаго</i> : Подвиги археологіи въ XIX вѣкѣ. <i>Стюарта Уэллера</i> . (Пер. А. Борисяка): Вѣкъ прогресса въ палеонтологіи. <i>B. Талиева</i> . Біологическія идеи второй половины XIX в. <i>Инж.-техн. Мельникова</i> : Идеалы тех- ники наканунѣ XX вѣка.—Съ портретами выдающихся ученыхъ, философъ, поэтовъ, композиторовъ и др. Листы 12—18.	

ОТЪ КОНТОРЫ.

За перемѣну адреса, городскаго на иногородній или иногородняго на городской взимается 1 руб., городскаго на городской или иногородняго на иногородній—**20** коп.

КЪ СВѢДѢНИЮ ГГ. АВТОРОВЪ:

- 1) Присылаемыя статьи должны быть четко написаны и, по возможности, сшиты.
- 2) Статьи и письма, касающіяся условій гонорара, а также всѣхъ лите-ратурныхъ и научныхъ вопросовъ, слѣдуетъ адресовать не въ контору редакціи, *a исключительно по личному адресу редактора, безъ добавленія словъ: въ редакцію*. Просить посыпать заказными бандеролями (не посылками) безъ вложенія писемъ.
- 3) При необозначеніи авторомъ условій гонорара, назначеніе и размѣръ такового зависитъ отъ редакціи.
- 4) Редакція **ни въ какомъ случаѣ** не ручается за помѣщеніе принятой статьи въ точно опредѣленный срокъ и время напечатанія назначается лишь предположительно.
- 5) Гонораръ выдается лишь за напечатанныя статьи *послѣ 10 числа каждого мѣсяца*.
- 6) Непринятые статьи возвращаются лишь въ томъ случаѣ, если приложены марки на обратную отсылку; въ противномъ случаѣ рукописи уничтожаются по минувшему 6-мѣсячнаго срока со дnia полученія ихъ редакціей. Мелкія статьи (менѣе 10,000 буквъ) не возвращаются вовсе и по поводу ихъ редакція не всту-паетъ въ переписку.
- 7) Срокъ разсмотрѣнія статей **одинъ мѣсяцъ** на кажд. печатв. листъ.
- 8) Гонораръ выдается ежемѣсячно съ 10 по 20 число.

Личный адресъ редактора слѣдующій:

Большой Сампсоніевскій пр., д. №. 6, кв. 7

д-ру философіи М. М. Филиппову.

Пріемъ по четвергамъ съ 1—4 ч.

1900

ГОДЪ VII-Й

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 12.

ДЕКАБРЬ

Издание П. П. СОЙКИНА
подъ редакцію
д-ра филос. М. М. Филиппова.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 ноября 1900 года.

Типографія П. И. Сойкина. Стремянная, 12.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
I. Опытъ критики критицизма. Д-ра философії <i>Л. Аксельродъ</i>	2053
II. Значеніе микробіології въ промышленности. Профес. <i>Н. Лидина</i>	2086
III. Ученіе о бактеріяхъ, какъ причинѣ болѣзней. Д-ра <i>А. Липскаго</i>	2094
IV. О первобытномъ обществѣ. <i>И. Берлина</i>	2116
V. Гюй де Мопасанъ и его общество. <i>А. Пресса</i>	2123
VI. Максъ Мюллеръ. <i>П. Б.</i>	2147
VII. Новыя книги:	
1. Физико-Математический Ежегодникъ. Проф. <i>Н. Гезехуса</i> . 2. Ринелла Сабино. Высокая и низкая заработка плата. <i>А. З. з.</i> 3. О различныхъ видахъ неспособности къ труду. <i>Д. Н--каго</i>	2152
VIII. Книги, присланныя въ редакцію для отзыва.	
IX. Алфавитный указатель за 1900 годъ.	
X. Объявленія.	
XI. Приложение: XIX вѣкъ: Идеалы техники XIX вѣка. <i>Инж.-техн. Мельникова</i> . Успѣхи воздухоплаванія въ XIX вѣкѣ. <i>К. Цюльковскаго</i> . Изъ исторіи умственныхъ и соціальныхъ течений XIX вѣка. <i>Проф. Циглера</i> . Обзоръ политическихъ событий для важнѣйшихъ европейскихъ государствъ. Съ портретами выдающихся ученыхъ, философовъ, путешественниковъ, государственныхъ дѣятелей, художниковъ, композиторовъ и проч. Листы 18—28 и 80 таблицъ портретовъ.	

ОТЪ КОНТОРЫ.

За перемѣну адреса, городскаго на иногородній или иногородняго на городской взимается 1 руб., городскаго на городской или иногородняго на иногородній—20 коп.

КЪ СВѢДѢНИЮ ГГ. АВТОРОВЪ:

- 1) Присылаемыя статьи должны быть четко написаны и, по возможности, сшиты.
- 2) Статьи и письма, касающіяся условій гонорара, а также всѣхъ литературныхъ и научныхъ вопросовъ, слѣдуетъ адресовать не въ контору редакціи, *а исключительно по личному адресу редактора, безъ добавленія словъ: въ редакцію*. Просить посыпать заказными бандеролями (не посылками) *безъ вложенія писемъ*.
- 3) При необозначеніи авторомъ условій гонорара, назначеніе и размѣръ такового зависить отъ редакціи.
- 4) Редакція **ни въ какомъ случаѣ** не ручается за помѣщеніе принятой статьи въ точно опредѣленный срокъ и время напечатанія назначается лишь предположительно.
- 5) Непринятые статьи возвращаются лишь въ томъ случаѣ, если приложены марки на обратную отсылку; въ противномъ случаѣ рукописи уничтожаются по мінованію 6-месячнаго срока со дня получения ихъ редакціей. Мелкія статьи (менѣе 10,000 буквъ) не возвращаются вовсе и по поводу ихъ редакція не вступаетъ въ переписку.
- 6) Срокъ разсмотрѣнія статей **одинъ мѣсяцъ** на кажд. печатн. листъ.
- 7) Гонораръ выдается ежемѣсячно съ 10 по 20 число.

Личный адресъ редактора слѣдующій:

Большой Сампсоніевскій пр., д. №. 6, кв. 7,
д-ру философіи М. М. Филиппову.

Пріемъ по четвергамъ съ 1—4 ч.

Планета Марсъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. (Окончаніе).

Объ условіяхъ органической жизни на Марсѣ.

Можно смѣло сказать, что во всей обширной области астрономіи не найдется вопроса, полного столь жгучаго интереса, какъ вопросъ объ обитаемости звѣзднаго міра. Приспособлены ли далекіе звѣздные міры къ обитаемости? Существуетъ ли на нихъ органическая жизнь и если да, то въ какой формѣ она тамъ проявляется? Можемъ ли мы надѣяться когда либо узнать будущую судьбу человѣчества путемъ наблюденія міровъ, болѣе древнихъ, чѣмъ наша маленькая земля? Къ сожалѣнію, въ настоящее время мы можемъ лишь строить болѣе или менѣе остроумныя догадки по вопросу объ обитаемости даже наиболѣе близкихъ къ намъ небесныхъ тѣлъ. Наши оптическія средства слишкомъ недостаточны, чтобы усмотреть какіе либо отдѣльные организмы хотя бы даже и на лунѣ—самомъ близкомъ къ намъ сосѣдѣ въ міровомъ пространствѣ—предполагая, конечно, что луна не представляетъ собою того мертваго міра, какимъ она является на самомъ дѣлѣ. О Марсѣ нечего уже говорить. Само собою разумѣется, что мы говоримъ здѣсь о проявленіяхъ органической жизни въ тѣхъ приблизительно формахъ, въ какихъ мы наблюдаемъ ее на землѣ.

Итакъ, задача наша сводится къ тому, чтобы решить, на сколько Марсъ приспособленъ къ животной и растительной жизни, и съ какой долей вѣроятности можемъ мы приписать замѣчаемыя на немъ явленія—періодическія перемѣны въ окраскѣ темныхъ пятенъ и характеръ пресловутыхъ каналовъ,—первыя—періодическимъ смѣнамъ листы, а послѣднія—дѣятельности разумныхъ существъ. Строго говоря, даже если бы мы нашли, что Марсъ приспособленъ къ проявленію на его поверхности органической жизни—мы этимъ решили бы лишь половину нашего вопроса, такъ какъ намъ предстояло бы решить другой вопросъ

огромной важности, вопросъ о томъ, могла ли *возникнуть* на Марсѣ органическая жизнь? Но вопросъ этотъ мы должны оставить совершенно въ сторонѣ по той простой причинѣ, что условія *возникновенія* органической жизни намъ совершенно неизвѣстны. Мы находимся до сихъ поръ въ невѣдѣніи о томъ, возникаетъ ли *неизбѣжно* органическая жизнь въ данномъ участкѣ вселенной, разъ физическія условія въ этомъ участкѣ становятся благопріятными для *поддержанія* существующей уже жизни, или же въ процессѣ возникновенія жизни играютъ роль какіе либо посторонніе, пока еще неизвѣстные намъ факторы. Полнѣйшая неудача всѣхъ попытокъ оказать *возможность* возникновенія органической жизни изъ неорганической природы исключительно дѣйствіемъ физическихъ силъ привела, между прочимъ, къ одной изъ любопытныхъ гипотезъ происхожденія жизни на землѣ, а именно—гипотезѣ такъ называемыхъ *космозоев* (космическихъ зародышей). Гипотеза эта, предложенная въ 60-хъ годахъ Рихтеромъ, насчитываетъ въ числѣ своихъ приверженцевъ между прочимъ такихъ людей, какъ Гельмгольцъ и знаменитый англійскій физикъ сэръ Уильямъ Томсонъ (нынѣшній лордъ Келовинъ). Слѣдя этой гипотезѣ, органическая жизнь существуетъ вѣчно и была принесена на землю *носящимися* въ междузвѣзднымъ пространствѣ твердыми частицами, будь это мельчайшиe частицы космической пыли или же огромныe массы метеоритовъ (или, какъ ихъ обыкновенно называютъ въ общежитіи, аэролитовъ). Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію *физическихъ условій* органической жизни на интересующей настѣ планетѣ.

Напомнимъ, въ общихъ чертахъ, тѣ даннныя о Марсѣ, которыя можно найти въ любомъ календарь. Годъ Марса вдвое продолжительнѣе земного, въ то время какъ сутки его почти что равняются нашимъ. Ось вращенія у него наклонена къ плоскости орбиты почти подъ тѣмъ же угломъ, какъ и у земли, вслѣдствіе сего и времена года у него близко соотвѣтствуютъ земнымъ, только они *вдвое* продолжительнѣе. Тяжесть на его поверхности почти *втрое* меньше, чѣмъ на поверхности земли, такъ что одинъ фунтъ вѣситъ тамъ всего лишь 0,38 фунта (около 40 золотниковъ). Наконецъ, напряженность солнечнаго лучепускания на разстояніи Марса составляетъ лишь 0,43 той напряженности, съ которой солнце грѣеть и освѣщаетъ землю. Припомнимъ теперь, что солнечные лучи достигаютъ поверхности планеты лишь послѣ болѣе или менѣе значительныхъ потерь, обусловливаемыхъ присутствиемъ атмосферъ: часть ихъ *отражается* этими атмосферами другая часть—поглощается и, наконецъ, третья часть падаетъ на поверхность. Земная атмосфера поглощаетъ $\frac{2}{3}$, вертикально падающихъ на нее лучей. Чѣмъ *наклоннѣе* паденіе лучей, тѣмъ погло-

щеніе ихъ будетъ значительнѣе. Французскій ученый Анго вычислилъ (1881), что если мы обозначимъ чрезъ 1000 количества тепла при среднемъ¹⁾ разстояніи земли отъ солнца, на экваторѣ въ эпоху равноденствія, то среднее суточное количество будетъ для различныхъ широтъ:

90° сѣверн. шир.	398	78
40° " — "	759	316
0 экваторѣ	959	466
40° южн. шир.	"	"
90° " — "	398	78

Въ первомъ столбѣ показаны количества лучей, падающихъ на верхніе слои атмосферы, разницы между полюсами и низшими широтами обусловливаются здѣсь лишь разными степенями наклона лучей; во второмъ столбѣ показаны количества достигающихъ до земной поверхности лучей. Итакъ, на экваторіальный поясъ Марса падаетъ столько же лучей, сколько падаетъ ихъ на полярныя области земного шара; къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать, сколько достигаетъ ихъ до поверхности, такъ какъ не знаемъ въ точности состава и свойствъ марсовой атмосферы: мы догадываемся только, что она должна быть крайне разрѣжена—быть можетъ, давленіе ея не превосходитъ 4—5 дюймовъ ртутнаго столба. На земль какъ мы это видѣли въ своемъ мѣстѣ, подобное давленіе наблюдается лишь на огромныхъ высотахъ, *вдвое* превосходящихъ высоту сильнѣйшихъ рельефовъ земной коры. Холодъ на этихъ высотахъ долженъ быть лютый, и всякие слѣды органической жизни, даже и въ болѣе низкихъ областяхъ, исчезаютъ. Обыкновенно принимаютъ, что температура падаетъ на 1° по Ц. (0,8° по Реомюру) съ каждыми 180 метрами возвышенія надъ уровнемъ почвы. Но цифры эти подвергаются сильнымъ колебаніямъ въ ту и другую сторону въ зависимости отъ широты мѣста, времени года и дня и т. д. Отсюда можно составить себѣ приблизительно понятіе о стужѣ, существующей господствовать на вызышеніи 10—13,000 метровъ! Вотъ, впрочемъ, данные непосредственныхъ наблюдений о средней годовой температурѣ на различныхъ высотахъ:

широта сѣв.	название	возвышение въ метрахъ.	годовая средняя температура.
77	Шпицбергенъ (Горизундъ)	460	— 10° по Ц.
73 ^{1/2}	Новая Земля (Зап. берегъ)	609	— 11° "
67	Скандинавскія горы (Зап. берегъ)	1,000	— 1,5. "

¹⁾ Среднее ариѳметическое изъ наибольшаго и наименьшаго разстояній.

широта съв.	название	возвышение въ метрахъ.	годовая средняя температура.
50	Ю. Алтай	2,600	— 11,5 "
47	Тирольскія Альпы	2,800	— 4 "
46	Швейцарія	2,700	— 3 "
28—36	Каракорумъ (ю. склонъ)	5,800	— 4 "
27—34	Гималаи { с. склонъ ю. склонъ	5,700 4,900	— 3 + 0,5 "
0	Анды (Экуадоръ)	4,800	+ 1 "

Шир. южная.	Название.	Возвышение въ метрахъ.	Годовая средняя температура.
20°	Перу	5700	— 3
41°	Ю. Чили (Озорно)	1460	— 3
44°	Ново - Зеландскіе Альпы . . .	2300	— 1

Съ этой табличкой можно сопоставить нижеслѣдующую, составленную Д. М. Менделѣевымъ по Глэшеру (известный аэронавтъ) и друг.

Высота въ метр.	Давленіе въ мил. ртутн. столба.	Темп. по Ц.
0	760	+ 15°
1300	650	+ 7,6°
2660	550	+ 1,0°
4250	450	— 5,8°
6190	350	— 12,5°
8720	250	— 19,2°

Само собою разумѣется, что если давленіе и температура на поверхности измѣняются, то измѣняются и данные 2-го и 3-го столбцовъ.

На Эверестѣ, одной изъ высочайшихъ горъ земного шара (Гималаи), средняя годовая температура должна быть около—23°, т. е. ниже вѣроятной средней годовой температуры полюсовъ.

Вотъ, кстати, средняя годовая температура (по Шпитальтеру) различныхъ широтъ:

Сѣв.	Янв.	Іюль.	Годъ.	Южн.	Янв.	Іюль.	Годъ.
90°	— 36°	— 2°	— 20°				
60°	— 16°	+ 14°	— 0,8°				
40°	+ 3,9	+ 23,8	+ 14	—	+ 16,1	+ 9,7	+ 11,8
20°	+ 21,7	+ 28,1	+ 25,6°	—	+ 25,5	+ 20,5	+ 22,7
Экв.	+ 26,2	+ 25,4	+ 25,9°				

Относительно температуры высокихъ широтъ южнаго полушиарія мы знаемъ очень мало по причинѣ почти полнаго отсут-

ствія наблюденій. Ниже мы вернемся еще къ вопросу о томъ, замѣчается ли въ этихъ широтахъ, какъ это наблюдается въ прилегающихъ къ экватору, болѣе низкая температура по сравненію съ сѣвернымъ полушаріемъ.

Сравнивая теперь двѣ первыя таблички, мы видимъ, что, по отношенію къ температурѣ, поднятіе вверхъ соотвѣтствуетъ постепенному движенію отъ экватора по направлению къ обоимъ полюсамъ. Вотъ почему при поднятіи на высокія горы въ тропическихъ областяхъ, можно встрѣтить постепенные переходы отъ тропической флоры къ полярной. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи каждые 160—240 метровъ возвышенія соотвѣтствуютъ приблизительно одному градусу широты (около ста километрамъ) приближенія къ полюсамъ. Въ зависимости отъ пониженія температуры по мѣрѣ поднятія вверхъ, находится, между прочимъ, и то обстоятельство, что на высокихъ горахъ, даже и въ южномъ поясѣ лежитъ постоянный снѣгъ и ледъ. Граница этихъ вѣчныхъ снѣговъ, вообще говоря, понижается по мѣрѣ приближенія къ полюсамъ и въ высокихъ широтахъ спускается, наконецъ, до самой поверхности океана. На экваторѣ она лежитъ приблизительно на высотѣ 5000 метровъ (около 18000 футовъ); впрочемъ, высота снѣжной линіи зависитъ не отъ одной только географической широты (температуры), но также и отъ нѣкоторыхъ другихъ факторовъ—влаги и пр., что нужно постоянно имѣть въ виду¹⁾.

Итакъ, повторяемъ опять, холодъ на высотѣ, соотвѣтствующей 4—5 дюйм. давленія ртутного столба, долженъ быть постоянный и лютый. Что же мы можемъ сказать относительно климата Марса? Вотъ тутъ-то и начинается рядъ неразрѣшимыхъ въ настоящее время загадокъ, которыхъ представляютъ намъ маленькой мірь Марса. Если мы только допустимъ, что околополярные пятна планеты представляютъ собою дѣйствительно скопища снѣговъ и льда, то принимая въ соображеніе наблюданное въ иныхъ случаяхъ *полное* исчезновеніе этихъ массъ замерзшой воды, мы должны будемъ прийти къ самому неожиданному заключенію касательно климата этого маленькаго міра — именно, что онъ не только не отличается крайней суровостью, но даже, несмотря на крайне малую плотность окружающей планету атмосферы, несмотря на то, что планета эта получаетъ въ $2\frac{1}{2}$ раза меньше

¹⁾ Сравнивая температуры воздуха на значительныхъ высотахъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду различіе между температурами этими, измѣряемыми на горахъ, т. е. на поверхности почвы (горъ) и на аэростатахъ, т. е. въ открытомъ воздухѣ. Для насъ собственно здѣсь имѣютъ большее значеніе *первые* температуры, такъ какъ мы желаемъ составить себѣ представление о температурѣ *на поверхности* Марса. Впрочемъ, подробности эти мало существенны.

тепла отъ солнца, чѣмъ наша земля,—климатъ этотъ значительно
мягче земного.

Чѣмъ объяснить эту нелѣпую аномалию? Воздухъ, какъ извѣстно, получаетъ тепло прямымъ прикосновеніемъ съ нагрѣвающей солнечными лучами почвой, путемъ сгущенія заключающихся въ немъ паровъ воды¹⁾ и (въ незначительной степени) путемъ непосредственного нагрѣванія солнечными лучами, какъ прямыми, такъ и отраженными поверхностью земли. Должны ли мы искать причину необыкновенной (по сравненію съ землею) мягкости Марсова климата въ свойствахъ атмосферы планеты или ся почвы? Что почва Марса отличается по своимъ свойствамъ отъ земной— показываетъ ея повсемѣстный красноватый цвѣтъ. Спѣшимъ, впрочемъ, напомнить читателю, что и у насъ, на землѣ, существуютъ обширныя площади, окрашенныя въ красно-желтые тоны. Таковы, напримѣръ, извѣстныя „цвѣтныя пустыни“, изображенія которыхъ можно найти на одной изъ раскрашенныхъ иллюстрацій, приложенныхъ къ *Исторіи Земли Неймайра*. (Замѣтимъ мимоходомъ, что превосходная акварель подобнаго рода пустыни, приложена къ августовской книжкѣ лондонскаго ежемѣсячника *Hargreaves Magazine*, за 1898 г.). Но тождественны ли по свойствамъ своимъ почва этихъ пустынь съ почвою Марса—мы сказать, конечно, не можемъ. Равнымъ образомъ мы не можемъ сказать ничего положительного и о точномъ составѣ Марсовой атмосферы.

Или же, быть можетъ, вопреки всѣмъ вѣроятностямъ, внутренняя теплота Марса еще не вполнѣ изсякла, такъ что планета, подобно какому нибудь парнику, какъ бы отопляется *извнутри*? Или же, наконецъ, не слѣдуетъ ли примкнуть къ мнѣнію тѣхъ, которые, какъ это было разъяснено нами въ своемъ мѣстѣ, видятъ въ околополярныхъ пятнахъ Марса не скопленія замерзшей воды, а другой какой-либо замерзшей жидкости или даже газа, тающихъ при чрезвычайно низкихъ температурахъ? Если допустить это послѣднее предположеніе, то не будетъ уже необходимости прибѣгать къ допущенію совершенно аномальной мягкости климата на Марсѣ. Но такъ какъ почти общепринято, что бѣлыя околополярныя пятна на дискѣ Марса представляютъ собою скопленія льда и снѣга, то и мы остановимся на этомъ предположеніи.

Здѣсь будетъ умѣстно сдѣлать небольшой разсчетъ касательно количества полярныхъ снѣговъ Марса и жидкой воды, получающейся отъ ихъ ежегоднаго таянія. Возьмемъ для этого разсчета *сѣверное* полярное пятно. Въ эпохи наибольшаго развитія

---

¹⁾ Эдинбургскій профессоръ Тэтъ вычислилъ, что если бы въ нижнемъ слоѣ атмосферы, толщиною въ 1 англ. милю, сгустить количество водяного пара, которое дало бы 1 дюймъ осадка, то воздухъ нагрѣлся бы на 33°.

своего, пятно это покрывает собою площадь въ 6.200,000 кв. километровъ или же площадь, по размѣрамъ своимъ почти что равную съверо-американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. Теперь, поверхность Марса заключаетъ въ себѣ 143.700,000 кв. километровъ. Одна *треть* этой поверхности покрыта темными пятнами, которыя, по объясненію м-ра Лоуэлля и др., представляютъ собою части поверхности, покрытыя растительностью и, слѣдовательно, нуждающіяся въ орошениі водою, получающеюся отъ таянія полярныхъ снѣговъ; притомъ большая часть темныхъ пятенъ находится въ южномъ полушаріи Марса. Площадь всѣхъ этихъ пятенъ (или по стащиному обозначенію „морей“) содержитъ въ себѣ около 44.000,000 кв. килом., т. е. въ семь разъ превосходитъ площадь съвернаго полярнаго пятна. Допустимъ, что полярные снѣга представляютъ собою слой толщиною въ 3 метра и что снѣгъ, при обращеніи въ жидкую воду, уменьшается въ объемѣ въ 8000 разъ (такъ что, если бы сразу растаяла весь снѣгъ съвернаго пятна, то получилось бы море глубиною въ 0,15 метра); не трудно видѣть теперь, что, такъ какъ площадь темныхъ пятенъ въ семь разъ обширише площади съверныхъ снѣговъ, то если бы всю воду, образовавшуюся отъ таянія этихъ снѣговъ, распредѣлить равнomoѣрно по орошающей каналами площади, то вода покрыла бы эту площадь слоемъ всего только въ $\frac{1}{7}$ фута или менѣе *двухъ* дюймовъ или 50 сантиметровъ толщиною. При этомъ разсчетѣ не принято еще въ соображеніе то обстоятельство, что не вся вода стекаетъ въ каналы, а часть ея несомнѣнно испаряется въ атмосферу, всасывается почвой, вступаетъ въ различныя химическія соединенія съ нею и т. д. Не лишнимъ будетъ напомнить здѣсь, что по разсчету американского ученаго Роберта Броуна, для деревьевъ Съверной Америки требуется отъ 30 до 40 сантим. дождя ежегодно. Говоря объ испареніи воды на Марсѣ, не слѣдуетъ забывать, что вслѣдствіе чрезвычайного разрѣженія окружающей его атмосферы, вода кипитъ на его поверхности уже при 46° по Ц (37° по Реомюру), вмѣсто 100° Ц. (80° Р.), какъ у насъ на поверхности земли. Въ Южной Америкѣ есть одна ферма, находящаяся на высотѣ 4000 метровъ надъ уровнемъ моря (Атизонъ); вода кипитъ въ этой фермѣ уже при 80° Ц. (64° по Р.). Другими словами, вода можетъ тамъ закипать, т. е. быстро превращаться въ паръ, *ключемъ*, при нагрѣваніи обыкновенными солнечными лучами. Въ заключеніе намъ слѣдовало бы разобрать вопросъ, какимъ же это образомъ стекшая въ каналы вода вновь возвращается къ полюсамъ? Но въ виду полнаго отсутствія какихъ-либо точныхъ данныхъ въ этомъ отношеніи, мы предполагаемъ умолчать о возможныхъ отвѣтахъ на вопросъ этотъ, тѣмъ болѣе, что въ настоящей статьѣ намъ и такъ приходилося уже и еще при-

дется не разъ покидать почву строгаго научнаго наведенія и пускаться въ скользкій путь фантазированія. Впрочемъ, говоря объ испареніи воды на Марсѣ, не слѣдуетъ забывать, что мы не знаемъ точнаго состава его атмосферы; а составъ этотъ, какъ извѣстно, оказываетъ вліяніе на испареніе. Такъ, напримѣръ, Кирхманнъ въ 1875 г. нашелъ, что камфора, легко улетучивающаяся въ обыкновенномъ воздухѣ, вовсе не улетучивается при тѣхъ же условіяхъ въ атмосферѣ чистой углекислоты, и какъ это показалъ позже (1891 г.) де-Гинь, въ атмосферѣ водорода. По Баумгартену (1877 г.) для относительной скорости испаренія эфира, алькоголя сѣристаго углерода получаются слѣдующія цифры:

Въ обыкновен- номъ воздухѣ.	Въ угле- кислотѣ.	Въ свѣтиль- номъ газѣ.	Въ водо- родѣ.
1	0,8	1,60	3,5

Скорость испаренія приблизительно обратно пропорціональна корню квадратному изъ плотности газовъ.

Итакъ, даннагя наблюденія, *совершенно вопреки нашимъ теоретическимъ мудрствованіямъ*, заставляютъ допустить, что климатъ на Марсѣ значительно мягче земнаго. Посмотримъ теперь, какое вліяніе можетъ оказать на Марсову флору вдвое большая (по сравненію съ земной) продолжительность тамошнихъ временъ года? Знаменитый французскій ботаникъ Декандоль первый ввелъ въ науку понятіе о *суммѣ полезныхъ температуръ* для тѣхъ или иныхъ растеній. Вотъ въ чёмъ заключается эта теорія.

Ни одно сѣмя не можетъ произростать при температурѣ ниже 2—3° выше нуля; но есть между ними и такія, которые требуютъ и значительно высшихъ температуръ +10 градусовъ и болѣе. Но если температура въ какой либо мѣстности никогда не поднимается выше 2—3°, то всякая растительная жизнь въ ней становится невозможна. Поэтому температуры ниже этого предѣла Декандоль называетъ *безполезными*. (Само собою разумѣется, что при всякихъ расчетахъ подобного рода, необходимо принимать во вниманіе также и другіе важные факторы растительной жизни—влагу, свѣтъ, почву и т. д.).

Полезными же температурами называются такія, при которыхъ развитіе того или другого растенія является возможнымъ. Декандолемъ были, между прочимъ, составлены таблицы полезныхъ температуръ для различныхъ растеній. Въ зависимости отъ подобныхъ „полезныхъ“ температуръ находится и географическое распределеніе растеній по различнымъ поясамъ (дѣленіе Унгера на зоны) и высотамъ надъ уровнемъ моря. (Какъ мы видѣли выше, по отношенію къ флорѣ каждые 160—240 метровъ возвышенія надъ уровнемъ моря, соотвѣтствуетъ приблизительно удаленію на

1° широты по направлению къ полюсамъ). Посмотримъ теперь, что называется суммами полезныхъ температуръ. Въ Петербургѣ (60° съв. шир.) сумма полезныхъ температуръ, если начать счетъ съ того времени года, когда температура бываетъ (въ среднемъ) не ниже 4°, равняется 2134°, а если отбросить тѣ дни, когда она бываетъ ниже 8°, то получится число 1736. Для Москвы (56° съв. шир.) она будетъ равняться—2609 и 2405, для Казани (+56°)—2331 и 2140. Для того, чтобы узнать, какая именно сумма полезныхъ температуръ потребна для данного растенія, опредѣляютъ границу или широту его съвернаго (для съв. полушарія) распространенія и затѣмъ подыскиваютъ городъ, лежащій приблизительно подъ этой же широтой и въ которомъ ведутся или же велись правильныя записи температуръ. Сумма полезныхъ температуръ для этого города и будетъ предѣльной (минимальной) суммой, необходимой для существованія растенія. Такжѣ можетъ быть отыскана и сумма температуръ для южной (для съвернаго полушиарія) границы распространенія растеній.

Способъ „суммъ температуръ“ Декандоля гораздо точнѣе опредѣляетъ температурныя условія произрастанія растеній, чѣмъ способъ „изотермъ“ (линий одинаковыхъ среднихъ температуръ) или сужденіе о необходимыхъ для растеній среднихъ годовыхъ температуръ по сравненію границъ распространенія растеній съ изотермами. Чтобы дать читателю понятіе о рассматриваемомъ способѣ, опредѣлимъ условія произрастанія обыкновенного ячменя. Злакъ этотъ культивируется и на берегахъ Нила, и подъ самымъ экваторомъ, и въ болѣе съверныхъ широтахъ; если бы мы судили о необходимой для его произрастанія и вызрѣванія температурѣ по изотермамъ, то получили бы расходящіеся результаты; между тѣмъ способъ Декандоля даетъ замѣчательно сходящіеся результаты. Такъ, напримѣръ, на берегахъ Нила ячмень сѣется въ концѣ ноября, а жнется въ концѣ февраля. Средняя температура сутокъ для этого периода равняется +21°, а продолжительность его—90 дн. Даѣ, въ Тукуэресь, близъ Кумбалля (подъ экваторомъ) злакъ этотъ сѣется около 1 іюня, а жнется въ серединѣ ноября.

Средняя температура этого 168 дневного промежутка времени равняется 10,7°. Наконецъ, въ Санте-Фэ-де Богота, въ столицѣ Новой Гренады, лежащей на Высотѣ 2,700 метровъ подъ 5° съв. шир., между посѣвомъ и жатвой ячменя проходитъ 122 дня и средняя температура этого периода равняется 14,7°. Какъ ни разнорѣчивы всѣ эти цифры, но произведенія ихъ ($21^{\circ} \times 90 = 1890^{\circ}$, $10,7^{\circ} \times 168 = 1798^{\circ}$ и $14,7^{\circ} \times 122 = 1793^{\circ}$) замѣчательно согласуются между собою. Изъ нихъ мы заключаемъ, что для вызрѣванія ячменя потребна сумма температуръ въ 1800, при условіи, что

средняя температура мѣстности не должна быть ниже 8° и выше 22°.

Итакъ, для произрастанія даннаго растенія нужно опредѣленное количество единицъ тепла, но количество это можетъ быть распредѣлено по большому или меньшему промежутку времени. Само собою разумѣется, что при этомъ температура не должна переступать извѣстныхъ предѣловъ градусовъ, способныхъ погубить растеніе. На Марсѣ продолжительность временія года вдвое больше чѣмъ у нась, на землѣ. Слѣдовательно, сумма температуръ должна быть на немъ значительно больше, чѣмъ у нась. Правда, и продолжительность зимъ на немъ вдвое значительнѣе, чѣмъ у нась, но о степени возможнаго вліянія зимъ этихъ на растительность мы, къ сожалѣнію, ничего сказать не можемъ, потому что не знаемъ въ точности, насколько зимы эти суровы. Судя по аналогіи съ землею, климатъ на Марсѣ, вслѣдствіе недостатка влаги на немъ, долженъ имѣть такъ называемый материковый или континентальный характеръ, т. е. зима его должны представлять вообще рѣзкій контрастъ съ лѣтомъ (большая годовая амплитуда температуры). До чего доходятъ въ иныхъ случаяхъ эксцессы такъ называемаго континентальнаго климата, показываютъ, между прочимъ, изслѣдованія покойнаго Пржевальскаго, нашедшаго, что въ пустыняхъ Тибета годовая амплитуда термометра доходитъ до 80° (по Ц.). Знаменитому путешественнику нашему случалось даже наблюдать, какъ термометръ, стоявшій днемъ на 20° тепла, ночью опускался до такой же температуры *ниже* точки замерзанія, т. е. суточная амплитуда доходила до сорока градусовъ! ¹⁾). Что зимы на Марсѣ вообще не отличаются особенной мягкостью, можно, какъ кажется, заключить изъ того обстоятельства, что мы наблюдаемъ на немъ периодическую массовую смѣну листвы (периодическія измѣненія въ цвѣтѣ пятенъ) подобно нашимъ умѣреннымъ поясамъ. Впрочемъ, повторяемъ опять, все это однѣ только догадки. Но если допустить, что и зимы на Марсѣ значительно мягче нашихъ, то въ такомъ случаѣ станетъ понятнымъ огромное развитіе растительности на его по-

¹⁾ Въ виду того, что большая часть южнаго полушарія земли, въ противоположность сѣверному, покрыта океанами, въ особенности начиная съ высокихъ широтъ, некоторые изъ современныхъ географовъ оспариваютъ то мнѣніе (о которомъ мы говорили въ главѣ о полярныхъ сиѣгахъ Марса), что *все* южное полушаріе наше *холоднѣе* сѣвернаго. Они утверждаютъ, что это имѣть мѣсто лишь до извѣстной южной широты, именно до 50-й географической параллели, далѣе же замѣчается обратное явленіе—околополярные области южной полусфера теплѣе соотвѣтственныхъ имъ областей сѣверной. Для окончательнаго решенія этого вопроса требуются болѣе точныя данныя, чѣмъ тѣ, которыя имѣть современная географическая наука.

верхности—вплоть до самыхъ полюсовъ. Какъ мы видѣли выше, площадь темныхъ пятенъ приблизительно составляетъ *одну треть* всей поверхности планеты. На землѣ же (по Менделѣеву) растильностью покрыта $\frac{1}{15}$ часть ея поверхности ($\frac{1}{4}—\frac{1}{5}$ часть супи покрыта, по Реклю, деревьями), причемъ на съверномъ полушаріи, съверной границей распространенія деревьевъ является приблизительно 70 параллель.

Вотъ для сравненія нѣкоторая новѣйшія данныя о площади лѣсовъ въ различныхъ странахъ; заимствуемъ ихъ изъ отчета, читанного въ концѣ прошлаго года въ Философскомъ обществѣ Кѣп-Тауна (на Мысѣ Доброй Надежды) м-ромъ Хэтчинсономъ, главнымъ лѣснымъ ревизоромъ Капской колоніи.

Страны:	Площадь лѣсовъ въ миллионахъ акровъ	Процентное отноше- ние къ общей площа- ди соотв. страны:
Европ. Россія	527,4	42%
Швеція	42,4	42%
Австрія	46,9	31%
Германія	34,4	26%
Норвегія	18,9	25%
Індія	140,0	25%
Франція	20,8	16%
Португалія	1,7	5%
Великобританія }	2,8	4%
и Ирландія }		
Капская колонія	0,4	0,3%

. Но дѣйствительно ли является уже такой необходимостью прибѣгать къ предположенію періодической массовой смѣны листьевъ для объясненія сезонныхъ измѣненій въ окраскѣ Марсовыхъ пятенъ? Не наблюдается ли чего либо подобнаго, напри-
мѣръ, на Лунѣ, поверхность которой изучена такъ хорошо?

Мы можемъ дать утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Самымъ известнымъ примѣромъ подобнаго рода періодическихъ измѣненій цвѣта лунной поверхности является знаменитая лунная формациѳ, обозначаемая на лунныхъ картахъ именемъ великаго греческаго мыслителя Платона. Формациѳ эта лежить на 50-й съверной параллели и представляетъ собою кругообразную впадину, съ диаметромъ около 450 килом., окруженнюю со всѣхъ сто-
ронъ кольцомъ горъ, высота которыхъ надъ дномъ впадины въ иныхъ мѣстахъ (особенно на Востокѣ) доходитъ до 7000 — 7500 футовъ. Вслѣдствіе вліянія перспективы, *Платонъ* является намъ не круглымъ кольцомъ, какимъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, а овал-
нымъ, съ большой осью, расположенной по географической па-
раллели. Дно этой колоссальной впадины имѣть стальносърый

цвѣтъ. Но цвѣтъ этотъ подвергается замѣнительнымъ періодическимъ измѣненіямъ, обусловливающимъ высотою солнца надъ впадиной. При восходѣ солнца, когда косые лучи его скользятъ по поверхности дна *Платона*, цвѣтъ этой поверхности представляется чисто сѣрымъ; по мѣрѣ поднятія солнца, дно постепенно свѣтлѣеть, принимаетъ мало-по-малу холодный, свѣтложелтый оттенокъ, но затѣмъ, когда высота солнца достигаетъ извѣстнаго предѣла (20° , т. е. приблизительно $\frac{1}{4}$ разстоянія отъ горизонта до зенита), свѣтложелтый оттенокъ этотъ начинаетъ темнѣть и ко времени полнолуния, когда возвышеніе солнца надъ впадиной достигаетъ своей наибольшей величины, дно пріобрѣтаетъ почти совершеніо темный, черный цвѣтъ. Весь циклъ этихъ измѣненій завершается въ какихъ нибудь нѣсколько днѣй, чтобы затѣмъ снова повториться въ слѣдующую лунную. Было предложено не мало гипотезъ, для объясненія этихъ странныхъ измѣненій цвѣта, рассматриваемаго небольшого участка лунной почвы. Нѣкоторые изъ астрономовъ, между прочимъ, прибѣгаютъ къ допущенію развитія на немъ какихъ нибудь низшихъ растительныхъ организмовъ. Къ предположенію этому прибѣгъ недавно м—ръ Пиккерингъ, имя котораго мы не разъ уже имѣли случай упоминать рядомъ съ именемъ м—ра Лоуелля. Но не идетъ ли здѣсь дѣло просто о какомъ либо физико-химическомъ процессѣ въ лунной почвѣ? Напримеръ, о плавленіи какой либо горной породы? Температура лунной поверхности въ точности, конечно, неизвѣстна. Однако-жъ изысканія лорда Росса даютъ намъ нѣкоторыя небезынтересныя данные на этотъ счетъ. Знаменитый ирландскій астрономъ-любитель нашелъ путемъ непосредственныхъ наблюдений,—произведенныхъ на его собственной обсерваторіи въ Парсонстаунѣ, что разница между температурой лунной почвы въ лунный полдень и лунную полночь достигаетъ до 375-ти градусовъ по Цельсію (300 по Реомюру)! Какова дѣйствительно температура почвы въ полдень и полночь, сказать очень трудно, такъ какъ мы не знаемъ ровно ничего о свойствахъ окружающей нашего спутника газообразной оболочки, не знаемъ даже, существуетъ ли она вообще. Непосредственныя наблюденія, по крайней мѣрѣ, не открыли рока и признаковъ ея существованія. Если Луна вовсе лишена атмосферы, то во время многодневной лунной ночи ¹⁾ почва каждой точки ея поверхности должна охлаждаться путемъничѣмъ не останавливающаго лучеиспусканія въ міровое пространство, температура котораго, какъ извѣстно, чрезвычайно низка. Очень возможно,

¹⁾ Время обращенія Луны около оси равняется времени обѣгнанія ея около земли, т. е. приблизительно 4 недѣлямъ. Поэтому то мы постоянно видимъ лишь одно только полушаріе нашего спутника—другое навсегда скрыто отъ насъ.

что при такихъ условияхъ ночью лунная почва охлаждается градусовъ до 100 ниже нуля, а около полудня—нагрѣвается до 200° выше. Само собою разумѣется,—повторяемъ это опять — что предыдущія цифры измѣняются, если допустимъ существованіе у Луны хотя бы и очень разрѣженной атмосферы. Но такъ какъ до сихъ порь наблюденія не обнаружили съ достаточной степенью точности существованія на Лунѣ ни атмосферы, ни влаги, то имѣемъ ли мы право приписывать вліянію растительности наблюденный дѣйствительно загадочная періодическая измѣненія въ окраскѣ днища *Платона*; измѣненія, безспорно находящіяся въ зависимости отъ степени нагрѣванія поверхности этой огромной впадины солнечными лучами? И если намъ представляется столь затруднительнымъ распутать вопросъ объ измѣненіяхъ цвета . данного пятна, находящагося на поверхности Луны, отстоящей отъ настѣ (говоря астрономическимъ языкомъ) *всего* на разстояніи какихъ нибудь 400,000 километровъ, то въ правѣ ли мы прибѣгать къ смѣлимъ гипотезамъ растительной жизни для толкованія подобного же класса явлений — (т. е. періодическихъ измѣненій цвета пятенъ), происходящихъ на Марсѣ, никогда не приближающагося къ намъ ближе *нѣсколькихъ десятковъ миллионовъ* километровъ?

Перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, какое вліяніе на особенности органической жизни на Марсѣ можетъ оказать значительное (почти *втрое*) уменьшеніе на поверхности его силы тяжести. Къ сожалѣнію, непосредственныхъ наблюденій надъ вліяніемъ уменьшенія или увеличенія силы тяжести на живые организмы мы не имѣемъ по той простой причинѣ, что вся животная и растительная жизнь на нашей планѣтѣ располагается близъ ея поверхности. Въ подземныхъ пещерахъ и на горахъ она наблюдается на такихъ ничтожныхъ (по сравненію съ размѣрами земного шара) разстояніяхъ отъ его поверхности, что колебанія въ напряженіи (или, какъ выражаются физики, въ *потенциалѣ*) тяжести становятся тутъ совершенно неощутимыми¹⁾. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія англійскій ботаникъ Найтъ для доказательства того, что корень заставляетъ расти внизъ именно сила тяжести (такъ назы-

1) По законамъ небесной механики, земля притягиваетъ всякую вѣшнюю точку такъ (приблизительно), какъ будто бы вся масса ёя, земли, была бы сосредоточена въ центрѣ, т. е. на разстояніи 6,000 километровъ отъ поверхности. Но известно, что сила тяжести слабѣеть обратно пропорционально квадратамъ разстоянія отъ источника силы (въ данномъ случаѣ отъ центра земли). Разстояніе отъ центра точки, лежащей на поверхности, равняется 6,000 килом. Допустимъ теперь, что мы имѣемъ гору въ 10 кил. высоты. Тогда получимъ что, напр., 1 фунтъ на вѣршинѣ этой горы будетъ вѣсить 1 ф. $\times \left(\frac{6000}{6010} \right)$ или 95% золотника--разница совершенно ничтожная.

ваемый *отрицательный геотропизмъ*, обозначаемый этимъ именемъ въ отличие отъ *положительного*—явленія роста стеблей и стволовъ *вверхъ*), прикреплять прорастающе растеніе къ окружности горизонтального колеса, и путемъ вращенія этого послѣдняго развивалъ центробѣжную силу, имѣвшую горизонтальное направлѣніе и отчасти нейтрализовавшую дѣйствіе тяжести. Корень при такихъ условіяхъ дѣйствительно вырасталъ въ наклонномъ направлѣніи. Значительное уменьшеніе силы тяжести на поверхности земного шара несомнѣнно укоротило бы корни и удлинило бы стебли и стволы. Что сида тяжести тормозить развитіе роста растительныхъ организмовъ, было показано, между прочимъ, въ концѣ 1897 года французскимъ ученымъ Жюльеномъ Рэй путемъ опытовъ (обставленныхъ по идеѣ Найта) надъ однимъ пизшимъ грибкомъ. Итакъ, если на Марсѣ существуютъ деревья, то они, очень можетъ быть, отличаются гигантскими высотами своихъ стволовъ.

Не меныше вліяніе должна оказать уменьшеніе силы тяжести и на животное царство. Что сила тяжести играетъ значительную роль въ развитіи животныхъ, было указано, между прочимъ, лѣтъ 20 тому назадъ докторомъ Густавомъ Іегеромъ (въ статьѣ о вліяніи силы тяжести на развитіе зародыша). Если бы на землѣ, сила тяжести уменьшилась, это повело бы ко многимъ важнымъ послѣдствіямъ и для животныхъ, и для человѣка. Знаменитый англійскій физикъ Вилльямъ Круксъ въ своей блестящей рѣчи, произнесенной имъ въ качествѣ президента Лондонскаго Общества для психическихъ изслѣдований въ январѣ 1897 года, обращаетъ, между прочимъ, вниманіе на то обстоятельство, что народныя представленія о „чистыхъ духахъ“ ассоциируются всегда съ представленіями о формахъ, являющихся продуктомъ *уменьшенной* или же даже и вовсе уничтоженной силы тяжести („ангелъ легкокрылый“), въ то время какъ съ представленіемъ объ *увеличенной* силѣ тяжести связуются представленія совершенно обратнаго характера (діаволъ въ видѣ пресмыкающагося змія).

Итакъ, предположимъ, что обитатели Марса *втрое* выше насъ, обитателей земли, соразмѣрно *втрое* уменьшенній силы тяжести на его поверхности. Такъ какъ съ одной точки поверхности данной планеты можно обозрѣть заразъ тѣмъ большую часть этой планеты, чѣмъ больше возвышается надъ нею глазъ наблюдателя и чѣмъ меньше поперечникъ самой планеты, то житель Марса, будетъ въ состояніи обнять взоромъ $\frac{1}{3.000,000}$ часть поверхности своей планеты, вмѣсто $\frac{1}{7.000,000}$ части, какъ мы, обитатели земного шара (принимая средній ростъ человѣка равнымъ 1,75 метрамъ).

Другое любопытное следствие, обусловливаемое уменьшением тяжести на поверхности Марса и втрое большим ростомъ его обитателей, заключается въ следующемъ: объемъ ихъ тѣла будетъ, очевидно, въ 27 разъ больше, чѣмъ объемъ нашего тѣла, вѣсить же они (на поверхности Марса) будутъ только въ 9 разъ больше нашего, потому что каждыя *три* единицы объема тѣла (предполагая строеніе обитателей Марса тождественнымъ съ нашимъ) вѣсить на поверхности этой планеты столько же, сколько *одна* единица объема вѣсить на землѣ. Значить устойчивость ихъ, не смотря на втрое большій ростъ, никакъ бы не пострадала, потому что *весь* ихъ увеличился бы. (Легко себѣ представить, чтосталось бы съ нами, обитателями земли, если бы ростъ нашъ вдругъ утроился безъ соотвѣтственного увеличенія вѣса нашего тѣла: самый слабый вѣтеръ сбивалъ бы насъ съ ногъ!)

Далѣе, мускулы Марсовыхъ жителей при втрое большемъ ростѣ должны объемомъ своимъ превосходить также въ 27 разъ наши мышцы, а, следовательн., должны быть способны и на *27 разъ большій трудъ*. Мало того, не будемъ забывать, что тяжесть на поверхности Марса въ 3 почти раза меньше, чѣмъ на поверхности земли. Значить рабочий на Марсѣ можетъ производить работу въ $27 \times 3 = 81$ разъ требующую большаго расхода энергіи, чѣмъ рабочій земной. (Произведеніе это (81) нужно нѣсколько уменьшить, потому что тяжесть на поверхности Марса не въ 3 раза меньше, а всего лишь въ 2,7 раза). Изъ предыдущаго можно видѣть, почему обитатели Марса могли соорудить такие огромные и многочисленные каналы на Марсѣ. Напомнимъ здѣсь, впрочемъ, еще разъ, что по толкованію м-ра Лоуелля и другихъ, видящихъ въ каналахъ этого далекаго міра произведеніе рукъ разумныхъ существъ, мы наблюдаемъ собственно не самые каналы, а окаймляющіе ихъ ряды растительности; сами же каналы должны быть много уже и, вѣроятно, не будь растительности по ихъ сторонамъ, они ускользнули бы отъ нашихъ теперешнихъ телескоповъ. Однакоожь, повторяемъ опять, дѣйствительно ли каналы эти представляютъ собою произведеніе рукъ разумныхъ существъ? Не проще ли видѣть въ нихъ трещины (*класы*), подобныя луннымъ бороздамъ, о которыхъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ. Слѣдимъ, впрочемъ, оговориться, что эта послѣдняя гипотеза никоимъ образомъ не исключаетъ возможности того, что *класы* эти наполняются периодически водою отъ таянія околополярныхъ снѣговъ, и что по бокамъ ихъ скучена густая растительность, которая и представляется намъ въ видѣ черточекъ или иныхъ фигуръ. Вопросъ о томъ, возможна ли вообще животная жизнь на поверхности Марса при крайней разрѣженности окружающей ихъ атмосферы мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ, такъ какъ намъ неиз-

вѣстны въ точности физико-химическія ея свойства. Само по себѣ разрѣженность воздуха, даже и въ той степени, какъ это, вѣроятно, имѣть мѣсто на Марсѣ, не можетъ, строго говоря, служить *абсолютнымъ* препятствіемъ для существованія на немъ растеній и животныхъ. Само собою разумѣется, что если бы внезапно перенести на Марсъ какое-либо животное, то съ нимъ случилось бы то же, что случается, напримѣръ, съ рыбами, выуживаемыми съ огромныхъ глубинъ океана: у нихъ выпячиваются изъ орбитъ глаза, тѣло страшно раздувается, внутренности выдавливаются черезъ ротъ, потому что внутреннее давленіе животныхъ, живущихъ на огромныхъ глубинахъ, приспособлено къ уравновѣшиванію господствующихъ тамъ чудовищныхъ давлений (воды), и слабое давленіе атмосферы на поверхности земли оказывается совершенно безсильнымъ уравновѣсить это давленіе. Но можетъ ли организмъ приспособиться мало-по-малу къ такому слабому давленію, какъ давленіе Марсовой атмосферы—это вопросъ уже совершенно иного рода. Что животныя и растенія могутъ отлично приспособляться къ весьма сильнымъ давленіямъ окружающей среды, доказывается фактъмъ существованія богатѣйшей фауны и флоры на громадныхъ глубинахъ океана—на разстояніи цѣлыхъ километровъ отъ его поверхности—гдѣ давленіе должно быть очень велико. И дѣйствительно, какъ это извѣстно изъ оснований физики, каждые (приблизительно) 10 метровъ или около 5 саженей водяного слоя соотвѣтствуютъ давленію въ одну атмосферу или же давленію 1033 килограммовъ на каждый квадратный сантиметръ поверхности ($16\frac{1}{3}$ фунтовъ на каждый кв. дюймъ). Отсюда слѣдуетъ, что уже на глубинѣ 1500 метровъ (около $1\frac{1}{2}$ версты) давленіе достигаетъ 150-ти атмосферъ (155 килогр. на 1 кв. сантим. или 60 пудовъ на кв. дюймъ). Полагая поверхность человѣческаго тѣла равною 1,5 метр. или 16 приблизительно кв. футамъ, найдемъ, что на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ километра человѣкъ испыталъ бы давленіе въ $2\frac{1}{3}$ мили. килограммовъ или 140,000 пудовъ вмѣсто 15,000 килограммовъ (930 пудовъ), испытываемыхъ имъ на поверхности земли. И тѣмъ не менѣе, на глубинѣ этой и еще значительно большей, отлично живутъ рыбы и другія животныя! Но выше мы сдѣлали расчетъ, по которому давленіе атмосферы на поверхности Марса составляетъ приблизительно $\frac{1}{7}$ давленія земной атмосферы. Слѣдовательно, по отношенію къ механическимъ эффектамъ давленія, поверхность Марса находится въ такихъ же условіяхъ къ поверхности земли, въ которыхъ поверхность этой послѣдней (оceanовъ) находится къ морской глубинѣ въ 70 метровъ. Если же мы возьмемъ, еще большую глубину, напримѣръ, 3 километра, гдѣ давленіе достигаетъ уже 300 атмос-

феръ, то границы приспособляемости животных къ измѣняющимся давлениямъ окружающей среды станутъ еще болѣе поразительными. Не мудрено поэтому, что рыбы, вынутыя изъ морскихъ глубинъ на поверхность океана, раздуваются и лопаются, какъ воздушные шары, поднявшіеся слишкомъ высоко. Другое дѣло, конечно, вопросъ о томъ, насколько воздухъ Марса при своемъ сильномъ разрѣженіи способенъ поддерживать дыханіе (газовый обмѣнъ) животныхъ и растеній. По причинѣ отсутствія точныхъ данныхъ о химическомъ составѣ этого воздуха, мы, какъ это было уже замѣчено нами выше, должны вопросъ этотъ оставить въ сторонѣ. Въ заключеніе замѣтимъ, что отсутствіе жизни на очень высокихъ горахъ никоимъ образомъ не можетъ служить решающимъ аргументомъ противъ возможности существованія жизни въ разрѣженной Марсовой атмосферѣ: не будемъ забывать того обстоятельства, что на горныхъ вершинахъ температура бываетъ очень низка, а вѣдь она играетъ огромную роль въ органической жизни.

Вообще слѣдуетъ сказать, что органическая жизнь въ иныхъ случаяхъ обнаруживаетъ замѣчательную устойчивость. Такъ, напримѣръ, живучесть сѣмянъ по истинѣ изумительна. Уже давно утверждался тотъ фактъ, что удавалось возвращать сѣмена некоторыхъ злаковъ, находимыхъ при муміяхъ египетскихъ гробницъ, т. е. пролежавшихъ въ саркофагахъ цѣлые тысячетѣтія. Фактъ этотъ одно время упорно оспаривался. Однакожъ новѣйшія изслѣдованія выяснили цѣлый рядъ фактовъ врядъ ли менѣе изумительныхъ. Такъ, напр., въ 1879 году Декандоль и женевскій ученый Рауль Пиктѣ возвращали сѣмена послѣ того, какъ они подвергались впродолженіи отъ 2-хъ до 6-ти часовъ температурѣ отъ 39 до 80 градусовъ ниже нуля по Цельсію. Два года спустя Вартманъ наблюдалъ сохраненіе жизнеспособности сѣмянъ послѣ подверганія ихъ впродолженіи двухъ часовъ холоду въ 100°. Въ 1893 году Пиктѣ въ своихъ дальнѣйшихъ опытахъ доводилъ температуру до 200°. Наконецъ, въ 1897 году англійскій ботаникъ Томасъ Браунъ наблюдалъ всхожесть сѣмянъ послѣ помѣщенія ихъ на 110 часовъ (болѣе 4-хъ сутокъ) въ трубки, содержавшія сжиженный (замороженный) воздухъ, температура котораго колеблется между 183 и 192 градусами ниже нуля по Ц. Единственная предосторожность, которая при этомъ соблюдалась, заключалась въ томъ, что сѣмена предварительно по возможности высушивались.

Не менѣе поразительны опыты надъ выдерживаніемъ сѣмянъ въ различныхъ средахъ, безусловно (по нашимъ понятіямъ) негодныхъ для поддержанія жизни. Въ 1893 г. весьма известный англійскій ученый, покойный м-ръ Ромэнсъ, опубликовалъ свои

изслѣдованія надъ возвращаніемъ съмянъ, выдерживавшихся имъ въ теченіе *пятнадцати* мѣсяцевъ въ стеклянныхъ трубкахъ, наполненныхъ воздухомъ, разряженномъ до $\frac{1}{1.000,000}$ атмосферы! Это

степень разрѣженія въ такъ называемыхъ кружковыхъ (и рентгеновскихъ) трубкахъ. Въ пѣкоторыхъ случаяхъ съмена, продержанныхъ въ подобныхъ трубкахъ до 3-хъ мѣсяцевъ, помѣщаясь послѣ этого, еще въ атмосферу чистаго кислорода, сѣроводорода, паровъ эфира, хлороформа и др. ядовитыхъ газовъ и съмена эти все таки проростали! Подобнаго рода изслѣдованіями занимался, между прочимъ, и проф. Джиліоли, описавшій въ 1878 г. свой опытъ, надъ проростаніемъ нѣкоторыхъ съмянъ, подвергавшихся дѣйствію еще болѣе ядовитыхъ газовъ—мышьяковистаго водорода, хлора и т. д. Мало того, только что названному ученому удавалось наблюдать проростаніе съмянъ, выдерживавшихся въ теченіе *шестнадцати* лѣтъ погруженными въ крѣпкій алкоголь и въ спиртовый растворъ сулесмы! Съ другой стороны, намъ извѣстны такие факты, какъ выдержаніе бациллами сибирской язвы и такъ называемой сѣнной бактеріи температуръ свыше 100° по Ц., т. е. свыше точки кипѣнія воды при нормальномъ (760 мм.) атмосферномъ давленіи.

Извѣстны также опыты (покойнаго извѣстнаго физіолога профессора Прейера и др.) и надъ оживленіемъ нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ, замораживавшихся въ такой степени, что они обращались въ ледяшки, разбивавшіяся на мелкіе кусочки при паденіи на полъ!

Вообще животныя, въ особенности млекопитающія, отличаются большею способностью приспособляться къ холоду. Такъ, напримѣръ, существуетъ одна обезьяна (Семnopитекъ), живущая на Гималаяхъ до 16,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Снабженная длинной шерстью, она питается хвойными съменами и лазить по деревьямъ, нерѣдко опущеннымъ снѣгомъ. Слоновъ въ Индіи нерѣдко встрѣчаются на высотѣ до 13,000 футовъ, т. е. близко уже границъ вѣчныхъ снѣговъ. Колибри въ Андахъ попадаются уже въ самой области вѣчнаго снѣга—на высотѣ до 16,000 футовъ.

Наконецъ, даже и по отношенію къ высшему представителю органической жизни на землѣ—человѣку—мы имѣемъ замѣчательные факты, свидѣтельствующіе о его выносливости. Достаточно припомнить, напримѣръ, новѣйшия опыты надъ продолжительнымъ многонедѣльнымъ полнымъ голоданіемъ (д-ра Таннера, Суччи и др.), перевернувшіе наши прежнія воззрѣнія на продолжительность времени, въ теченіе котораго человѣкъ можетъ оставаться совершенно безъ пищи, или же припомнить замѣчатель-

ные опыты индийскихъ факировъ надъ зарываніемъ ихъ на цѣлѣя недѣли въ землю.

Мы приводимъ всѣ эти факты для того, чтобы показать читателямъ, незнакомымъ съ этого рода вопросами, до какой степени могутъ быть выносливы живые организмы при быстрой, внезапной перемѣнѣ условій своего существованія на совершенно иные. Что же невѣроятнаго представляеть собою мысль о возможности *постепеннаго*, въ теченіе миллионовъ лѣтъ, приспособленія органической жизни къ условіямъ существованія на какомънибудь Марсѣ съ его страшно разрѣженной атмосферой? Мы хотимъ сказать этимъ, что нисколько ни отрицаемъ теоретической возможности существованія органической жизни или же даже разумныхъ обитателей на какомъ либо Марсѣ. Но современная наука требуетъ не *предположеній*, а точно установленныхъ *фактовъ*. Подобного же рода фактовъ, которые позволили бы намъ утверждать не только *возможность* существованія жизни на Марсѣ, но *доказательное* ся существование тамъ, мы пока не имѣемъ. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ сказать это о другихъ планетахъ, поверхность которыхъ изучена несравненно менѣе, чѣмъ поверхность Марса. Можемъ ли мы разсуждать, напримѣръ, объ обитаемости Венеры или Меркурія (двухъ ближайшихъ планетъ къ солнцу), когда намъ неизвѣстно даже и время обращенія ихъ около осей. Одни астрономы (вмѣстѣ съ В. Гершелемъ и др. старинными наблюдателями) утверждаютъ, что сутки этихъ планетъ равняются приблизительно нашимъ земнымъ или марсовымъ, другое же, съ знаменитымъ директоромъ Милапской обсерваторіи синьоромъ Скіапарелли во главѣ, представляютъ доказательства въ пользу того, что (подобно нашей лунѣ по отношенію къ землѣ) время вращенія планетъ этихъ около осей равняется времени обращенія ихъ около солнца, такъ что оба эти мѣра постоянно бываютъ обращены къ солнцу одною и тою же частью своей поверхностью: на одной изъ этихъ поверхностей господствуетъ вѣчный день, а на другой—вѣчная ночь. (Написано до работы Бѣлопольского о Венерѣ. Ред.).

Итакъ, какой же окончательный выводъ должны мы сдѣлать по вопросу о населенности Марса? Какъ мы видѣли выше, одни изъ астрономовъ считаютъ его совершенно негоднымъ для поддержанія органической жизни, другое, напротивъ того, допускаютъ *возможность* существованія на поверхности его растеній и животныхъ, хотя и отрицаютъ, чтобы астрономія представила намъ неопровергимыя *доказательства доказательнаго* существованія ихъ, трети, наконецъ, полагаютъ, что наблюденія доставляютъ намъ достаточно матерьяла для того, чтобы съ увѣренностью утверждать не только *возможность*, но и *доказательность* прозябания на Марсѣ растеній и даже проявленія на поверхности его

ясныхъ следовъ дѣятельности разумныхъ существъ (система оросительныхъ каналовъ). Каждые два земные года, соответствующіе одному году Марса, при наступлениі весны на томъ или иномъ его полушаріи начинается постепенное уменьшеніе полярнаго пятна—таяніе околополярныхъ снѣговъ. Образующаяся отъ таянія этого вода стекаетъ мало-по-малу по оросительнымъ каналамъ, построеннымъ марсовыми инженерами, и разносится хитро сплетенною сѣтью ихъ по всей поверхности крайне бѣдной водою планеты. Подъ совокупнымъ вліяніемъ тепла и влаги окаймляющая каналы и покрывающая оазисы богатая и густая растительность одѣвается листвою, которая при наступлениі осени начинаетъ опадать, что обусловливаетъ собою поблѣдненіе пятна. Такъ продолжается изъ года въ годъ. Вся жизнь обитателей Марса проходитъ въ безпрерывной борьбѣ съ все болѣе и болѣе прогрессирующими обѣднѣніемъ Марса водою. Поэтому-то вся поверхность его и покрыта, такою сложною сѣтью гигантскихъ каналовъ, число которыхъ, вѣроятно, непрерывно увеличивается. Самыхъ каналовъ, повторяемъ опять, мы не можемъ видѣть по причинѣ ихъ узкости; мы видимъ окаймляющія ихъ кущи растительности. И кто знаетъ, какія страшныя драмы происходятъ теперь на Марсѣ: не вымираетъ ли населеніе его медленной, мучительной смертью въ тяжелой борьбѣ съ все болѣе и болѣе увеличивающимся недостаткомъ въ оросительной влагѣ на его поверхности?

Какое же изъ предыдущихъ мнѣній должны мы принять за болѣе близкое къ истинѣ? Присутствуемъ ли мы, наблюдая далекій міръ Марса, при послѣднемъ актѣ той великой и страшной драмы, которая зовется исторической жизнью его человѣчества, или же Марсъ является намъ собою эпилогъ этой драмы—пустынную гробницу, подобную нашей Лунѣ, то палимую жгучими лучами Солнца, не умѣряемыми болѣе или менѣе плотной атмосферой, то подвергающуюся дѣйствію лютѣйшаго ночного холода,—гробницу, свидѣтельствующую намъ о бренности и ничтожествѣ всего сущаго и о всесокрушающей въ этомъ мірѣ власти смерти. Или же, наконецъ, маленький міръ Марса былъ, съ самаго начала дней своихъ, лишенымъ всякихъ признаковъ органической жизни?..

That is the question....

Ѳ. Брунсь.

Къ вопросу о заразительности и профилактике проказы.

Проказа (Lepra), о которой все чаще и чаще толкуютъ за послѣднее время въ нашемъ обществѣ, до сихъ поръ еще даетъ мѣсто для безконечныхъ дебатовъ и споровъ по вопросу о заразительности ея. Это происходитъ, во - первыхъ, потому, что проказа не передается отъ человѣка къ человѣку съ такой же ясной, неоспоримой очевидностью, какъ чума, сыпной тифъ, сифилисъ, дифтеритъ, скарлатина, корь и т. п. Извѣстный дерматологъ, профессоръ вѣнскаго университета *M. Капози*, въ своемъ докладѣ медицинскому обществу о дѣятельности берлинской лепрозной конференціи 1897 года, категорически заявляетъ:

„До настоящаго дня мы не знаемъ ни одного несомнѣннаго факта непосредственнаго переноса проказы“¹⁾.

Съ другой стороны, если бы эта неизлѣчимая, разрушительная болѣзнь была столь же прилипчива, какъ и выше перечисленныя, то намъ пришлось бы на каждомъ шагу встречаться съ людьми, одержимыми ею; а между тѣмъ добросовѣтные изслѣдователи, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыхъ причисляются къ особенно благопріятнымъ по распространенію болѣзни, насчитываютъ среди милліоннаго народонаселенія десятки проказенныхъ. Если бы эта болѣзнь была чрезвычайно заразительна, то, принимая во вниманіе, что она существуетъ съ библейскихъ временъ, а также то, что санитарно-гигієническія условия нашего крестьянства и даже городского населенія стоятъ на довольно низкой ступени, — можно было бы ожидать гораздо болѣе широкаго распространенія этой болѣзни.

„Кажущееся столь быстрое распространеніе проказы на Сандвичевыхъ островахъ, въ Колумбіи, на иѣкоторыхъ Антильскихъ островахъ, въ Прибалтійскомъ краѣ, въ окрестностяхъ Петер-

¹⁾ „Zur Frage der Contagiositt und Prophylaxis der Lepra“ von Profes. M. Kaposi (Vortrag gehalten in der Sitzung der k. k. Gesellschaft der Aerzte am 5 November 1897). pag. 5.

бурга, въ германскомъ Мемель и другихъ мѣстахъ легко объясняется тѣмъ, что за послѣднее время врачи ведутъ болѣе точные записи, систематично выискиваютъ и вѣрно діагносцируютъ эту болѣзнь“ (*M. Kaposi, ibid.*)

Въ октябрѣ 1897 года въ Берлинѣ состоялась конференція изъ выдающихся въ Европѣ представителей дерматологіи, при чмъ имѣлось въ виду разрѣшить вопросы: „заразительна ли проказа и какого рода профилактическія мѣры должно считать желательными или необходимыми?

Резолюція, предложенная норвежскимъ профессоромъ *Армаузеромъ Ганзеномъ* и поддержанная французскимъ ученымъ *Бене*, была принята на заключительномъ засѣданіи конференціи въ слѣдующемъ видѣ:

1. „Въ странахъ, гдѣ проказа обнаруживается очагами или въ видѣ болѣе значительного распространенія, изоляція представляетъ лучшее средство, чтобы задержать развитіе этой болѣзни.

2. „Систему обязательной изоляціи, какъ это заведено въ Норвегіи, можно рекомендовать всѣмъ государствамъ, гдѣ есть достаточное количество врачей.

3. Законныя власти должны, по выслушаніи авторитетныхъ мнѣній, составить специальныя предписанія, которыя вполнѣ отвѣчали бы соціальнымъ условіямъ данной мѣстности“ ²⁾.

Профессоръ *Капози* въ своемъ упомянутомъ докладѣ совершенно расходится съ этой резолюціей и призываетъ къ чувству гуманности, а профессоръ *Нейманнъ* (Вѣна) также не можетъ примкнуть къ резолюціи въ такой редакціи (*wenn vielleicht nicht n der gegebenen Formulirung*) ³⁾.

Хотя конференція и пришла къ такимъ категорическимъ внушильнымъ постановленіямъ, но тѣмъ не менѣе дебаты далеко еще не выяснили вопроса о заразительности и даже о возбудителѣ проказы, обѣ этой лепрозной бациллѣ, честь открытія которой принадлежитъ *Армаузеру Ганзену и Нейссеру*.

Такъ, по вопросу о томъ, можно ли бациллу *Ганзена* считать возбудителемъ проказы, *Вирховъ* объяснилъ, что пока не будетъ наѣтъ способъ искусственно культивировать эту бациллу и путемъ экспериментальной прививки не удастся возбудить проказу, до тѣхъ поръ нельзя съ полной увѣренностью говорить обѣ ея болѣзнетворной роли.

Большинство изслѣдователей признаютъ, однако, специфиче-

²⁾ Mittheilungen und Verhandlungen der internationalen wissenschaftlichen Lepraconferenz zu Berlin (11—16 October 1897). II. pag. 194. Berlin 1897. Aug. Hirschwald.

³⁾ „Die Lepraconferenz in Berlin“ von Hofrath Professor J. Neumann. Se paratabdruck aus der „Wiener klinischen Wochenschrift“. 1898. pag. 8.

скую роль бациллы, хотя и указывают на случаи клинически рѣзко выраженной проказы, не обнаружившей однако присутствія Ганзеновской бациллы, несмотря на тщательныя изслѣдованія.

Далѣе, по мнѣнію однихъ, бациллы можно находить только при узловатой формѣ проказы, при анестетической же онъ отсутствуютъ, другіе же, какъ, наприм., Петрини изъ Бухареста, сообщаютъ, что находиль также эту бациллу въ крови одержимыхъ анестетической формой проказы, между тѣмъ какъ въ одномъ случаѣ узловатой формы ея не оказалось, о чёмъ свидѣтельствуетъ также профессоръ Капози.

Эти противорѣчивыя данныя указываютъ на неустойчивость знаній по вопросу о бациллѣ. Никто, напримѣръ, теперь не спорить о специфичности туберкулезной или сапной бациллы, ибо ихъ культивируютъ и путемъ искусственного зараженія продѣзываютъ всю картину болѣзни на животныхъ.

Когда на конференціи дебатировался вопросъ о способѣ переноса заразы, то здѣсь также обнаружилась неустойчивость знаній, такъ какъ никто съ достовѣрностью еще не наблюдалъ того первичного пораженія, изъ котораго, какъ изъ очага (наприм., при сифилисѣ — твердый шанкръ), болѣзнь распространялась бы по всему организму.

Съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ одни (*G. Sticker, Jeanselme*) указываютъ на слизистую оболочку носа, которая первично поражается проказой, другіе же (*Arning, Kaposi, Bales*) полагаютъ, что первичное пораженіе можетъ возникнуть и на другихъ частяхъ тѣла, какъ, напримѣръ, на ногахъ у людей, имѣющихъ обыкновеніе ходить босыми.

Въ высшей степени интересное мнѣніе высказалъ *M. W. Geill*, который 5 лѣтъ завѣдывалъ лепрозоріемъ на островѣ Явѣ. Онъ полагаетъ, что обыкновенно зараза проникаетъ въ человѣческій организмъ изъ почвы, въ которой она непремѣнно должна нѣкоторое время просуществовать, чтобы сдѣлаться активной. Такимъ образомъ человѣкъ заражаетъ почву, которая, въ свою очередь, является посредникомъ между однимъ и другимъ человѣкомъ; но не всякая почва удобна для развитія заразы, равно какъ для проникновенія послѣдней въ организмъ человѣка требуются также особенные благопріятныя условія.

Въ пользу почвенной теоріи говорить, съ одной стороны, то обстоятельство, что проказа (какъ болотная лихорадка) дѣйствительно имѣть свои излюбленныя мѣста, гдѣ изслѣдователи отмѣчаютъ ея наибольшее распространеніе, съ другой—тотъ фактъ, что все сдѣланные опыты непосредственнаго искусственнаго переноса заразы отъ больного къ здоровому дали отрицательные результаты. Такъ известный лепрологъ *Danielssen* продѣлывалъ

этотъ рискованный опытъ на себѣ самомъ и на 15 другихъ лицахъ, при чёмъ переносилъ кровь и гнойные отдѣленія прокаженныхъ въ тѣло здоровыхъ людей, и ни разу не получилъ зараженія.

Наконецъ, не потому-ли проказа больше распространена въ деревняхъ, гдѣ полы въ хижинахъ обыкновенно бываютъ земляные, непосредственно связанные съ почвой, чѣмъ въ городахъ, гдѣ они—деревянные?

Geill, съ точки зрењія своей теоріи, находитъ необходимыми слѣдующія предохранительныя мѣры.

1. Изолировать больныхъ на островахъ или мѣстностяхъ, гдѣ проказы нѣтъ, гдѣ почва неблагопріятна для развитія заразнаго начала.

2. Трупы прокаженныхъ слѣдуетъ сжигать, дабы они не заражали почвы.

3. Перевязочный матеріаљъ, употребляемый прокаженными въ стадіи изъязвлений, должно также сжигать.

4. Прокаженные съ язвами на ногахъ не должны ходить босыми, ибо такимъ образомъ они заражаютъ почву.

Профессоръ *Нейманнъ* говорить: „Считаю необходимымъ обратить особенное вниманіе на тотъ фактъ, что во время моего изученія проказы въ Босніи и Герцеговинѣ, несмотря на самыя тщательныя изслѣдованія, я не могъ найти ни одного вполнѣ несомнѣнаго случая посредственнаго или непосредственнаго переноса заразы отъ больного къ здоровому человѣку“ ⁴⁾.

До берлинской конференціи (1897 г.) профессоръ *Neumann* не былъ склоненъ объяснять подозрительные факты переноса проказы ея заразительностью. „Но если на сѣверѣ и югѣ, востокѣ и западѣ, различными изслѣдователями независимо другъ отъ друга констатированъ фактъ, что черезъ *тѣсное и продолжительное физическое соприкосновеніе* съ прокаженными болѣзнь переносится отъ послѣднихъ на здоровыхъ людей, то мы вынуждены признать ея заразительность“ (*Neumann, ibid.*).

Самъ *Armauer Hansen*, который признаетъ теоретически безусловную заразительность, наследственную же передачу проказы решительно отвергаетъ, значительно ослабляетъ свои утвержденія тѣмъ, что, по его словамъ, въ Норвегіи проказа возникаетъ въ крестьянскихъ семьяхъ, живущихъ при крайней нечистоплотности и антигигійническихъ условіяхъ и что каждый прокаженный, имѣющій липкую отдѣльную кровать, представляетъ уже незначительную опасность въ отношеніи распространенія заразы.

Рѣшительно противъ заразительности проказы говорить от-

⁴⁾ „Die Lepraconferenz in Berlin“ J. Neumann. pag. 5.

четъ лепрозной комиссіи въ Индіи отъ 1893 года, при чмъ отчъ обнимаетъ 2,000 случаевъ и снабженъ казуистическими и статистическими выкладками.

Лепрологи *Boeck* и *Danielssen* приводятъ примѣры супружескихъ паръ, одна половина которыхъ, одержимая проказой, не заражала здоровую половину, несмотря на совмѣстное сожительство въ теченіе десятковъ лѣтъ.

Не лишены интереса также и сообщенія японскаго профессора *Baeltz* (1885) изъ Токіо. Въ Японіи, гдѣ проказа чрезвычайно распространена, при чмъ, однако, въ деревняхъ встрѣчается чаще, чмъ въ густо населенныхъ городахъ,—люди спать въ ночлежныхъ домахъ и тюремахъ голые подъ общимъ одѣяломъ, тѣсно другъ около друга, нерѣдко съ язвами,—и никогда не наблюдалось случая переноса заразы (*Kaposi*).

Такимъ образомъ одни изслѣдователи признаютъ безусловную заразительность проказы черезъ соприкосновеніе, другіе находятъ, что для переноса заразы требуются какія-то особенные благопріятныя условія. Такъ, профессоръ *Kaposi* говоритъ: „Хотя твердо установлено, что въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и при общеніи съ больными можно заразиться проказой, и если бы даже хоть одинъ разъ удался экспериментальный переносъ этой болѣзни, чего пока мы еще ни разу не видѣли,—чистая культура бациллъ еще до сихъ поръ вѣдь не удалась,—но на вопросъ, заразительна ли проказа, врачи должны указать на факты и клиническія наблюденія, свидѣтельствующія, что при обыкновенныхъ условіяхъ человѣческаго общенія проказа или совсѣмъ не припира или же весьма рѣдко заразительна, такъ что, съ практической точки зрењія,—она—незаразительная болѣзнь“⁵⁾.

Третыи ученые (*Zambaco-Pascha*, *v. Düring*, *Petrini-de-Golatz* и друг.), опираясь на свои изслѣдованія и наблюденія, полагаютъ, что проказа передается, подобно чахоткѣ, по наслѣдству отъ родителей къ дѣтямъ. Съ этой точки зрењія ученые предлагали даже въ качествѣ профилактическихъ мѣръ запрещеніе вступать въ бракъ лицамъ, подверженнымъ проказѣ.

Что касается до мѣръ защиты отъ распространенія заразы, то въ послѣднія десятилѣтія принимается по всей Европѣ главнымъ образомъ изоляція больныхъ, т. е. заключеніе проказенныхъ въ отдѣльно устроенные и специально предназначенные лепрозоріи.

Какъ боролись съ проказой въ средніе вѣка, объ этомъ можетъ, между прочимъ, свидѣтельствовать такъ называемая „Лим-

⁵⁾ „Pathologie und Therapie der Hautkrankheiten“ von Prof. M. Kaposi 1893. pag. 832.

бургская хроника“, относящаяся къ началу XV столѣтія. Исключивъ прокаженного изъ общества, при жизни объявляли его умершими и насильно удаляли въ хижины, устроенные въ отдаленныхъ глухихъ мѣстахъ; прокаженные обязаны были носить особыю одежду и приближеніе ихъ къ здоровымъ возвѣщалось особыми выкрикиваниями. Во время различныхъ эпидемій прокаженные становились жертвою ярости толпы, обвинявшей ихъ въ отравлении колодцевъ. Въ Индіи еще въ 1815 году прокаженныхъ закапывали въ землю живыми.

По словамъ д-ра *Beck-Reudebesch'a*, правительство Капской земли постановило въ 1884 году (Leprosy Repressions Act), что всѣ прокаженные должны быть удалены насильно изъ ихъ семействъ и для этой цѣли установило даже родъ систематической охоты на прокаженныхъ.

Отчетъ о проказѣ на островѣ Гавай оть 26 августа 1882 года свидѣтельствуетъ, что не только прокаженныхъ, но даже подозрительныхъ въ этомъ отношеніи лицъ, насильственными полицейскими мѣрами, несмотря на отчаянное сопротивленіе родственниковъ, удаляли отъ семействъ и нерѣдко предавали смерти, высаживая на необитаемыхъ пустынныхъ островахъ.

Понятно, что, благодаря этой необычайной суровости мѣропріятій, народъ употреблялъ всѣ старанія скрыть несчастныхъ больныхъ, и такимъ образомъ, драконовскіе законы давали обратные результаты.

Такъ д-ръ *Fitsch*, бывший оберъ-инспекторъ въ лепрозной колоніи на Гаваѣ, свидѣтельствуетъ, что несмотря на мѣры изоляціи, проводимые съ 1866 года, распространеніе проказы ни сколько не уменьшилось. Равнымъ образомъ отчетъ англійской коллегіи врачей 1862 года признаетъ насильственную изоляцію за бесполезную жестокость. Медицинское общество въ Христіаніи въ свое время высказалось также противъ насильственной изоляціи.

Armauer Hansen на берлинскомъ конгрессѣ (1897 г.) высказался за проведение строгой изоляціи прокаженныхъ. „Здоровые составляютъ большинство, и ни одинъ инфекціонный больной не имѣть права заражать другихъ членовъ общества. Такъ какъ до сихъ поръ еще не найдено средство для лѣченія этой болѣзни, то гораздо гуманнѣе преклоняться предъ нею, чѣмъ обнаруживать слабость доброго сердца“. Благодаря мѣрамъ изоляціи, проводимымъ, однако, мягко и на началахъ гуманности, за послѣдніе 20 лѣтъ число прокаженныхъ въ Норвегіи съ 2,000 понизилось болѣе, чѣмъ на 1,000, и на основаніи таблицы смертности *Hansen* высчитывается, что въ 1920 году въ Норвегіи уже не будетъ ни одного прокаженного. Такимъ образомъ, при примѣленіи

строгихъ мѣръ изоляціи, искорененіе проказы представляетъ лишь вопросъ времени.

Профессоръ *J. Neumann* присоединяется къ *Hansen'y*. Въ своей брошюркѣ: „Prophylaxis der Lepra“ онъ цитируетъ слѣдующее мнѣніе *Danielssen'a*.

„Слѣдуетъ строить лепрозоріи такъ, чтобы одно крыло зданія занимали больные мужчины, другое—женщины, а посрединѣ должно находиться помѣщеніе для администрації. Госпиталь долженъ находиться въ степи и окружень достаточнымъ количествомъ пригодной для обработки земли, дабы больные могли находить для себя занятія. Каждая больничная комната не должна вмѣщать болѣе четырехъ пациентовъ. Кроме больничныхъ палатъ слѣдуетъ имѣть рабочія комнаты и столовыя. Обыкновенно днемъ, въ то время, какъ больные занимаются въ рабочихъ комнатахъ, больничная палата вентилируется. Занятія больныхъ должны быть разъ навсегда заведены въ извѣстномъ порядкѣ. У насъ (въ Бернѣ) женщины плетутъ бумажныя нитки, вяжутъ чулки и другія вещи и отчасти приготовляютъ платье для собственныхъ нуждъ. Мужчины готовятъ сѣти, занимаются сапожнымъ ремесломъ или работаютъ въ саду. Если больные еще не слишкомъ сильно поражены проказой, то имъ разрѣшаются идти въ городъ, въ церкви и другія учрежденія. Часто также они предпринимаютъ совмѣстныя прогулки, и никогда мы не видѣли одного случая зараженія проказой. Если лепрозорій хорошо поставленъ и находится подъ гуманнымъ управлениемъ, то больные предпочтутъ жить въ немъ, чѣмъ влечить жалкое существованіе у себя дома. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ было издано постановленіе, въ силу котораго прокаженные, не имѣющіе возможности въ достаточной степени изолировать себя дома, полицейскими мѣрами насильственно водворялись въ лепрозоріяхъ. Результатомъ этого было, однако, то, что они скоро убѣгали. Во всякомъ случаѣ я полагаю, что лучшее средство для прекращенія проказы было бы изолированіе больныхъ при появлѣніи первыхъ признаковъ болѣзни въ специальнѣ устроенныхъ госпиталяхъ. Такой законъ было бы трудно провести, ибо онъ, конечно, не очень ужъ гуманенъ. На него нужно смотрѣть, какъ на необходимый законъ противъ угрожающей опасности“.

Интересуясь вопросомъ о степени заразительности и о мѣрахъ предохраненія отъ заразы, я въ октябрѣ 1898 года обратился съ запросами къ вѣкоторымъ европейскимъ специалистамъ, съ любезными отвѣтами которыхъ нахожу здѣсь не лишнимъ познакомить читателя.

I.

(Переводъ съ французскаго).

Бухарестъ, 30 ноября 98 г.

Уважаемый товарищъ! Въ отвѣтъ на ваше письмо, хотя это и не легко, я всетаки постараюсь формулировать свое мнѣніе по вопросу о заразительности лепры. Я, какъ вами известно, принималъ участіе въ лепрозной конференціи въ октябрѣ 1897 года, гдѣ я слышалъ разнообразныя мнѣнія относительно переноса проказы. Многіе изъ насть, присутствовавшихъ на этомъ съездѣ были контагіонистами, причемъ наслѣдственность одними въ ограниченной мѣрѣ признавалась, другими-же совершенно отрицалась. Почему-же большинство лепрологовъ стали нынѣ 'контагіонистами? Оттого-ли, что Ганзенъ открылъ свою бациллу при этой болѣзни, или же они основываются на какихъ либо неоспоримыхъ доказательствахъ? Но бактеріология не можетъ удовлетворяться только однимъ открытиемъ бациллы, и для того, чтобы можно было смотрѣть на бациллу, какъ на единственную причину заболѣванія, требуется также и чистая культура этой бациллы, требуется экспериментальное доказательство ея патогенныхъ свойствъ. Я принадлежу къ тѣмъ, которые придаютъ громадное значеніе гистологіи и бактеріологии, такъ какъ занимаюсь ими уже давно и ежедневно прибѣгаю къ нимъ для диагностики. Я допускаю, какъ и всѣ, что бацилла Ганзена есть патогенный возбудитель проказы, но до сихъ поръ, несмотря на то, что я пользую лепрозныхъ въ теченіе 12 лѣтъ, я не имѣлъ ни разу случая констатировать непосредственного переноса отъ одного больного къ другому, или къ сидѣлкѣ, или къ другимъ лицамъ, служащимъ въ больницѣ и приходящимъ въ соприкосновеніе съ больными, иногда даже язвенными. Въ настоящее время я имѣю въ своей клинике больную 45 лѣтъ, страдающую лерга tuberosa въ очень распространенной формѣ, съ большими лепромами неизъявленными. У нея четверо дѣтей, изъ которыхъ двѣ взрослыхъ дочери, живущія съ нею въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи, стирающія, по ея словамъ, бѣлье свое вмѣстѣ съ ея бѣльемъ, и тѣмъ не менѣе дѣти ея не представляютъ никакихъ признаковъ проказы, въ чемъ я удостовѣрился посредствомъ самаго тщательнаго осмотра. Вотъ результатъ этого изслѣдованія. Одна дочь 25 лѣтъ, другая 23 лѣтъ и 2 маленькихъ: одна 3-хъ, другая 5 лѣтъ; 2 старшія дочери замужемъ, но не имѣютъ еще дѣтей. Эти старшія дочери пользуются прекраснѣйшимъ здоровьемъ: у нихъ нѣть ни малѣйшаго заболѣванія нервной системы, никакого пятна, никакого инфильтрата или лепрознаго туберкулеза; нѣть носо-

выхъ кровотеченій. Маленькия дѣти не представляютъ также ничего подозрительного въ отношеніи лепры. Точно также и мужъ нашей больной совершенно здоровъ, ни малѣйшихъ признаковъ проказы на немъ нѣть, хотя онъ живеть со своей женой 30 лѣтъ; онъ цыганъ, играетъ на скрипкѣ и много пьеть. Мать больной умерла 105 лѣтъ отъ роду, причемъ всю свою жизнь, по словамъ больной, пользовалась прекраснымъ здоровьемъ. Что-жъ, этотъ случай приобрѣтенъ зараженiemъ? Мы этого не знаемъ, потому что въ той части города, где живеть больная, нѣть лепрознаго очага. Относительно же наслѣдственности намъ также ничего не удалось узнать въ данномъ случаѣ.

Итакъ, я повторяю то, что я уже имѣлъ честь высказать на конференціи въ Берлинѣ: до сихъ поръ изъ 35 случаевъ, которые я пользовалъ и наблюдалъ, я не могъ ни разу установить, что болѣзнь была перенесена путемъ заразы. Можетъ быть и некоторые больные давали неточныя свѣдѣнія, но во всякомъ случаѣ не всѣ. Гѣмъ не менѣе я могу допустить, какъ и для легочной чахотки, что проказа обусловливается также наслѣдственностью, но, быть можетъ, она чаще контагіозна. Однако, хотя я и не могу доказать послѣдняго положенія, но я вынужденъ все-таки стать на сторону тѣхъ, которые для случаевъ съ изъявленіями и отдѣленіями предложили мѣры изоляціи или надзора, и вотъ почему: если вполнѣ отрицать заразительность, тогда не будуть принимать никакихъ мѣръ и не будетъ установлена точная статистика числа лепрозныхъ, между тѣмъ какъ такая статистика въ высшей степени необходима, потому что тогда только можно решить, уменьшается-ли число лепрозныхъ или увеличивается и при какихъ именно обстоятельствахъ. Такимъ образомъ удастся черезъ иѣсколько лѣтъ узнать, наслѣдственная-ли это болѣзнь или только заразительная. Къ несчастью, у насъ нѣть такой точной статистики случаевъ лепры. Очень жаль, что понынѣ компетентные авторитеты не приняли въ этомъ вопросѣ никакого рѣшенія. Примите и проч.

Профессоръ Петрини-де-Галацъ.

II.

Многоуважаемый товарищъ!

Такъ какъ заразительность проказы почти бесспорна, то, хотя инкубационный периодъ имѣеть очень затяжной характеръ, слѣдуетъ все таки принять, въ качествѣ мѣры предосторожности, изоляцію больныхъ. Съ почтеніемъ профес. *E. Finger*.

III.

Многоуважаемый товарищъ!

По причинѣ моего отсутствія только сегодня я могу отвѣтить на Ваше любезное письмо. Прошу покорнѣйше извинить за опозданіе.

Относительно степени заразительности проказы, о чёмъ Вы желали бы знать мое мнѣніе, господствуютъ, конечно, различные взгляды. Въ то время, какъ еще недавно въ теченіе продолжительного времени большинство ученыхъ не признавали заразительности, теперь сторонники ея числятся въ большинствѣ. Результаты берлинской конференціи исключаютъ сомнѣніе въ заразительности проказы, въ ея способности передаваться отъ человѣка къ человѣку. Подъ вопросомъ остается лишь способъ переноса („der Modus der Uebertragung“). Я долженъ, однако, замѣтить, что большинство известныхъ мнѣ авторовъ держатся того мнѣнія, что лишь язвенные формы проказы обусловливаютъ посредственный или непосредственный переносъ заразы. Несомнѣнного доказательства въ пользу этого мы, правда, не имѣемъ до сихъ поръ. Еще меньше мы знаемъ о первичной формѣ проказы („Initialform der Lepra“). Всякое преждевременное мнѣніе въ этомъ отношеніи представляется мнѣ вреднымъ.

Такъ какъ, съ одной стороны, мы вмѣсто вполнѣ опредѣленныхъ имѣемъ лишь гипотетическіе взгляды на степень заразительности, на способъ переноса и начальную форму болѣзни, заразительность же проказы сама по себѣ кажется намъ несомнѣнной, то я полагаю, что мѣры изоляціи должны быть распространены на всѣхъ прокаженныхъ. Это желательно потому, что мы знаемъ, что носитель заразы есть вмѣстѣ съ тѣмъ и распространитель ея. Мы также не знаемъ, не можетъ ли при макулезной анестетической формѣ проказы, которая совершенно чистой формой рѣдко встрѣчается, возникнуть заразительный язвенный очагъ? Поэтому нужно смотрѣть и на туберкулезную и на анестетическую форму проказы, какъ на опасную въ отношеніи заразительности. Можно, однако, сообразоваться съ локализацией страданія, соответственно которой можно сортировать больныхъ по степени заразительности. А для того, чтобы общество предохранять отъ распространенія проказы, нельзя предпринять ничего лучшаго, какъ отдалить заболевшихъ отъ здоровыхъ.

Въ надеждѣ, что мои замѣчанія удовлетворятъ Васъ, имѣю честь быть благодарнымъ¹ за оказанное мнѣ довѣріе, съ истиннымъ почтеніемъ преданный Вамъ проф. *O. Lassar.*

Берлинъ 28/XI, 1898.

IV.

Многоуважаемый товарищъ! Ваше любезное письмо вслѣдствіе неточности адреса я только на дняхъ получилъ и потому прошу извиненія за запозданіе отвѣта.

Что проказа контагіозна, въ этомъ теперь уже никто не сомнѣвается. Миѣнія расходятся лишь относительно степени заразительности. Конечно, анестетическая форма проказы гораздо менѣе заразительна, чѣмъ узловатая; при этомъ имѣть значеніе степень развитія клиническихъ явлений болѣзни. Паціенты съ изъявившимися узлами проказы представляютъ, конечно, извѣстную опасность для окружающихъ. Мы знаемъ, что у многихъ паціентовъ при каждомъ чиханіи, при кашлѣ и сморканіи много тысячъ бациллъ выбрасываются изъ носа. Не всѣ эти бациллы, однако, заражаютъ человѣка. Но при тѣсной совмѣстной жизни опасность заразиться значительна. Конечно, опасность эта менѣе при анестетической формѣ проказы, которая даетъ менѣе изъявленій. Чаще всего, однако, встрѣчается узловатая форма проказы, для которой я считаю изоляцію безусловно необходимой. Бѣдные больные при этомъ будутъ считать за счастье быть принятными въ больницы. У состоятельныхъ же гораздо труднѣе провести изоляцію. Нельзя, однако, рекомендовать совмѣстную жизнь проказенного въ семье здоровыхъ людей, равно какъ давать прислугѣ стирать, напр., носовые платки больного и т. п.

Опасность заразиться при этихъ условіяхъ столь велика, что я здѣсь стою за строгую изоляцію проказенныхъ. Конечно, иногда эта мѣра представляется въ видѣ нѣкоторой жестокости, однако, лучше ужъ рѣшиться на нее, чѣмъ подвергать здоровыхъ опасности заразиться. Проказенные пока, благодаря Бога, составляютъ меньшинство, здоровые же большинство.

Вы видите, такимъ образомъ, что я въ главныхъ чертахъ стою на сторонѣ заразительности и изоляціи.

Готовый и впредь къ услугамъ моими познаніями, имѣю честь быть Вамъ глубоко преданнымъ. D-r Max Josef.

Berlin. 18/XI, 98.

V.

Многоуважаемый товарищъ! Великодушно извините, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ на Ваше письмо еще отъ 18-го октября! Признаюсь откровенно, что я за хлопотами куда-то его засунулъ и только сегодня, наконецъ, отыскалъ его между другими письмами. Что касается моего личнаго взгляда, то я *сторонникъ заразительности* проказы. Но для уясненія моей точки зрѣнія по-

звольте мнѣ Вашъ послать вырѣзу изъ моего „Краткаго учебника кожныхъ болѣзней“, изд. мною въ 1896 году.

Готовый къ услугамъ Вашимъ профес. А. Постпльовъ.

Москва 29/XI, 98.

Примѣч. При письмѣ приложены 105 и 106 страницы учебника.

VI.

Многоуважаемый коллега!

Хотя намъ еще не приходилось наблюдать въ Парижѣ ни одного случая *зараженія* проказой (межъ тѣмъ какъ у меня было въ прошломъ году до 20 случаевъ этой болѣзни), заразительность ея все-таки кажется несомнѣнной и по моему мнѣнію изоляція больного—единственное средство противъ распространенія этой болѣзни. Изъ всѣхъ способовъ передачи, существующихъ въ странахъ съ жаркимъ климатомъ и очень незначительныхъ у нась, я ставлю на первый планъ зараженіе черезъ насѣкомыхъ и комаровъ въ жаркихъ странахъ и черезъ блохъ въ холодныхъ. Наблюденія доказали, что прокаженный, прибывшій въ страну, гдѣ эта болѣзнь не существуетъ, передаетъ ее своимъ ближнимъ. Я убѣжденъ, что во Франціи рано или поздно будутъ приняты мѣры противъ проказы. Въ портахъ Франціи воспрещается вѣзѣдъ прокаженныхъ на корабляхъ.

Примите, дорогой коллега,увѣренія въ глубокой преданности проф. *Halloreau*.

Paris 19/IX, 98.

VII.

Многоуважаемый товарищъ!

На основаніи многихъ случаевъ проказы въ различныхъ ся проявленіяхъ (*lepra tuberosa et anaesthetica*), наблюдавшихъ мною въ моей клиникѣ — въ Александровской больницѣ, изъ которыхъ *четверо* принадлежали къ жителямъ г. Харькова и не выѣзжали вовсе изъ Харькова, слѣдовательно чисто мѣстная проказа, я пришелъ къ заключенію, что лерга *не* принадлежитъ къ числу заразительныхъ болѣзней, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ климатѣ и при существующихъ условіяхъ *не* можетъ передаваться отъ субъекта къ окружающимъ его. Всѣ мои случаи были изслѣдованы бактериологически проф. *Высоковичемъ* и въ нихъ былъ найденъ *bacillus leprosus*; а одинъ изъ нихъ былъ вскрыть проф. *Крыловымъ*.

Остаюсь всегда готовый къ услугамъ уважающій Васъ А. Кузнецовъ (профес.).

VIII.

Казань, 3 ноября 98 г.

Многоуважаемый товарищъ!

Въ виду того, что я живу въ свободной отъ лепры мѣстности и я наблюдалъ слишкомъ мало случаевъ проказы;—то едвали мое мнѣніе будетъ для Васъ пригодно, но все-таки охотно исполняю вашу просьбу.

Мнѣ приходилось наблюдать случаи, гдѣ лица взрослыхъ и жившія въ свободной отъ лепры мѣстности, уѣзжали, напр., на Цейлонъ, и черезъ 10—15 лѣтъ возвращались пораженные лепрой, видимо заразившись ею. Съ другой стороны въ одну зиму въ моей клинике лежали въ теченіе многихъ мѣсяцевъ трое лепрозныхъ; одинъ изъ нихъ даже умеръ въ клинике и послужилъ материаломъ для диссертациіи бывшаго моего администратора Внукова,— и никто изъ насть, несмотря на ежедневное соприкосновеніе, не заразился лепрой. Добавлю еще, что одинъ изъ больныхъ былъ монахъ, заболѣвшій лепрой на Каспійскомъ морѣ, и послѣ много лѣтъ жилъ въ монастырѣ, и никто отъ него не заразился. Сопоставляя всѣ подобные факты, я думаю, что, если лепра и заразительна, то заразительность эта должна быть признана весьма слабой и совершающейся лишь при условіяхъ, намъ еще не извѣстныхъ.

Вопроſъ о наслѣдственности я считаю совершенно открытымъ. Что касается обязательности лепрозорій, то исторія борьбы съ лепрой въ среднихъ вѣкахъ, да и нынѣ, указываетъ на цѣлесообразность и, конечно, желательность лепрозорій.

Прошу принять товарищеский привѣтъ отъ профессора A. Ге.

IX.

Професſоръ M. Капози (Вѣна) прислали мнѣ печатный отчетъ о своемъ докладѣ, прочитанномъ въ засѣданіи вѣнскихъ врачей 5 ноября 1897 года, по возвращеніи съ лепрозной конференціи въ Берлинѣ. Приведу здѣсь кромѣ уже цитированныхъ выше и другія наиболѣе характерныя выдержки.

На стр. 7.— „Несмотря такимъ образомъ на существование несомнѣнныхъ фактовъ, что члены здоровыхъ семействъ изъ здоровыхъ мѣстностей, поселившись въ прокаженныхъ областяхъ, заболѣвали проказой, и что, съ другой стороны, извѣстны также случаи, когда въ дотолѣ здоровой семье, послѣ поселенія въ ней прокаженнаго, обнаруживались случаи возникновенія этой болѣзни

и у другихъ членовъ,—тѣмъ не менѣе всѣ изслѣдованія говорять за то, что проказа, хотя и возникаетъ на почвѣ бацилларной инфекціи, переносится только при въ высшей степени рѣдкихъ и особенно благопріятныхъ условіяхъ. Это вовсе не должно удивлять насъ. Нужно только не забывать, что бацилларная или вообще микробиотическая натура болѣзни не всегда связана съ заразительностью и что заразительность (*Infectiositt*) въ патологическомъ, и заразительность (*Contagiositt*) въ клиническомъ смыслѣ представляютъ вовсе не тождественные понятія. Я хочу здѣсь упомянуть аналогичный примѣръ, который уже приводилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ вѣнскомъ медицинскомъ обществѣ и недавно въ дерматологической секціи на XII международномъ медицинскомъ конгрессѣ въ Москвѣ. Favus (парши), *Herpes tonsurans* (стригущій лишай), *Pityriasis versicolor* (разноцвѣтный лишай)—представляютъ накожные болѣзни, обусловленные известными специфическими грибками. При Favus грибки почти въ видѣ чистой культуры можно легко снять съ поверхности головы цѣлыми кусками, при чёмъ грибками можно насаждать болѣзнь экспериментально. Въ семействахъ болѣзнь переходитъ на другихъ членовъ, но не особенно часто, несмотря на многолѣтнюю продолжительность ея. Въ клиникѣ, по крайней мѣрѣ въ нашей, еще не было случая зараженія отъ Favus. При стригущемъ лишаѣ (*Herpes tonsurans*) грибки лежать въ глубокихъ слояхъ эпидермиса, покрыты волосами и только микроскопические поиски могутъ обнаружить ихъ, а между тѣмъ *Herpes tonsurans* болѣзнь очень заразительная и при наличности одного случая въ семье или пансионатѣ, тотчасъ слѣдуетъ заболѣваніе многихъ сожителей.—Наконецъ, *pityriasis versicolor*, при которой грибки лежать на столько поверхностно, что можно легко снять ихъ ногтемъ, представляется клинически незаразительной болѣзняю.

Полная аналогія существуетъ здѣсь и въ отношеніи проказы. Проказа, вѣроятно, можетъ быть перенесена при какихъ-то исключительныхъ условіяхъ, но во всякомъ случаѣ несравненно труднѣе сифилиса и едва ли даже можетъ быть съ нимъ въ этомъ отношеніи сравниваема.

И вотъ тысячи тысячи сифилитиковъ вращаются въ повседневной практической жизни среди здоровыхъ людей, равно какъ въ госпиталяхъ—среди другихъ больныхъ. Когда-же намъ приходится слышать о зараженіи при подобныхъ обстоятельствахъ? А вѣдь относительно сифилиса вполнѣ доказана экспериментально его заразительность, чего рѣшительно нельзя сказать о проказѣ. Для передачи заразы (при сифилисѣ въ противоположность летучему яду оспы, скарлатинѣ, кори) требуется непосредственный переносъ болѣзненныхъ продуктовъ на организмъ здороваго, что

въ практической жизни и при обычныхъ условіяхъ общежитія проходитъ чрезвычайно рѣдко и при условіяхъ крайней нечи-стоплотности.

Отчетъ лепрозной комиссіи въ Индіи (Report of the Leprosy Commission 1890—1891 [published by National Leprosy Fund] разослано изъ Royal College of Physicians, Royal College of Surgeons und Executive Committee of the National Leprosy Fund) излагаетъ эти факты въ слѣ-дующихъ мѣткихъ заключительныхъ словахъ (l. c. pag. 265):

„Хотя они (члены комиссіи) считаютъ проказу способною передаваться отъ больного къ здоровому путемъ переноса спе-цифической бациллы, тѣмъ не менѣе они того мнѣнія, что нѣть еще достаточно доказательства для того, что проказа распространяется и поддерживается благодаря ея специальному контагію; даже болѣе, они полагаютъ, что степень наблюданій заразительности въ такой мѣрѣ незначительна, что на нее не слѣдуетъ обращать никакого вниманія и что не требуется никакихъ закон-ныхъ мѣропріятій ни въ отношеніи изоляціи, ни въ отношеніи воспрещенія браковъ прокаженныхъ.“

На стр. 10 написано:

„Быть можетъ, нѣкоторымъ покажутся мои мысли слишкомъ оптимистическими и что своевременнѣ было бы изъ нѣкоторыхъ соображеній высказывать болѣе пессимистической взглядъ на положеніе дѣла.

„Но во всякомъ случаѣ рѣшительно не слѣдуетъ шумѣть и преувеличивать, утверждая, что проказа есть въ высшей степени заразительная болѣзнь. Ибо если бы врачи стали утвер-ждать, что проказа несомнѣнно заразительна, то вѣдь это прежде всего не соотвѣтствуетъ истинѣ извѣстныхъ намъ фактамъ.

„Затѣмъ врачи должны уже быть логически послѣдо-тельны въ своихъ утвержденіяхъ и если они сами не слѣдуютъ, то примутся за это санитарные власти и сама публика,—это зна-чить, что прокаженный или даже подозрительный въ этомъ отно-шеніи не долженъ садиться ни на пароходахъ, ни въ вагонѣ желѣзной дороги, ни въ гостинницахъ, ни за общимъ столомъ съ другими, ни въ больницахъ; иначе говоря, утвержденіемъ без-условной заразительности проказы, мы подвергаемъ несчастныхъ больныхъ и окружающихъ ихъ родственниковъ въ нашъ вѣкъ гуманности всѣмъ бѣдствіямъ среднихъ вѣковъ.

„Не говорите, что я слишкомъ сгущаю краски. Дѣло уже обстоитъ именно такъ, какъ я говорю. На недавнемъ интернаціо-нальномъ конгрессѣ въ Москвѣ, трое прокаженныхъ, которыхъ д-ръ Грюнфельдъ везъ изъ г. Ростова-на-Дону для демонстриро-ванія на дерматологической секціи, были начальствомъ арестованы за три станціи до Москвы. По поводу этого факта нѣкоторые, къ

моему удивлению, обнаружили веселое настроение („Heiterkeit“). Врачи сами объявляют всему миру, что проказа чрезвычайно заразительна и вслед за этим еще удивляются, что заботливые власти прежде всего самихъ-же врачей берегают от взгляда на проказенныхъ, отъ прикосновенія къ нимъ! И это происходит, несмотря на то, что (я хочу еще разъ повторить) неизвѣстно ни единаго случая непосредственного переноса заразы и несмотря на то, что мы знаемъ, что передача заразы происходит чрезвычайно рѣдко и при условіяхъ, намъ совершенно неизвѣстныхъ“.

Въ качествѣ ученика проф. Капози, я вполнѣ примыкаю къ высказываемымъ имъ взглядамъ, дышащимъ глубокой гуманностью и логической послѣдовательностью.

Рациональная борьба съ проказой сдѣлается возможной лишь въ тотъ день, когда эта страшная болѣзнь будетъ вполнѣ и всесторонне изучена, когда сдѣлаются точно известными тѣ моменты, которые благопріятствуютъ ея распространенію.

Д-ръ I. Гербсманъ.

Ученіе Шопенгауэра о свободѣ воли¹⁾.

Опытъ критического анализа нравственной философіи Шопенгауэра²⁾.

„Проповѣдывать мораль—легко; обосновать мораль—трудно“.
Шопенгауэръ: „О воль въ природѣ“.

«Если гора не идетъ къ Магомету, то Магометъ подойдетъ къ горѣ»— эти слова Шопенгауэръ могъ-бы выставить девизомъ своей теоріи свободы: если воля, какъ «вещь въ себѣ» не «идетъ» къ категоріи дѣйствія, то категорія дѣйствія «подойдетъ» къ волѣ, какъ «вещи въ себѣ» подъ мистическимъ покровомъ «единственного исключенія» или «каѳолической трансцендентальной перемѣны Асмуса».

Идея «умопостигаемаго» дѣйствія, пробѣгая черезъ всѣ извилины Шопенгауэровой теоріи свободы, кладетъ своеобразный отпечатокъ на всемъ характерѣ его нравственнаго міропониманія; рѣзче всего проступаетъ эта идея въ учениіи Шопенгауэра о неизмѣнности врожденного характера; это послѣднее учение, своеобразное по замыслу и высокое по подъему нравственнаго воодушевленія, представляетъ, однако, какое-то «ававилонское

¹⁾ Сравн. „Научное Обозрѣніе“ за 1899 г. № 7-ой.

²⁾ Въ первую мою статью о Шопенгауэрѣ (см. „Научное Обозрѣніе“ за июль 1899 г. стр. 1275—1285) вкрались слѣдующія погрѣшности, подлежащія исправленію:

На стр. 1276-й (въ 8-й строкѣ *снизу*) вмѣсто: „поскольку“ слѣд.: „поскольку мы“.

На стр. 1277-й (въ 5-й строкѣ *сверху*) вмѣсто: „признакозъ“ слѣд.: „признаковъ“.

На стр. 1278-й (въ 6-й строкѣ *снизу*) вмѣсто: „то явное..“ слѣд.: „то явное..“.

На стр. 1279-й (въ 18-й строкѣ *сверху*) вмѣсто: „ибо“ слѣд.: „и“.

На стр. 1279-й (въ 13-й строкѣ *снизу*) вмѣсто: „въ этотъ“ слѣд.: „въ этомъ“.

На стр. 1279-й (въ 7-й строкѣ *снизу*) вмѣсто: „внѣвременной“ слѣд.: „внѣдѣйственной“.

На стр. 1279-й (въ 4-й строкѣ *снизу*) вмѣсто: „внѣвременнаго“ слѣд.: „внѣдѣйственнаго“.

На стр. 1279-й (въ 1-й строкѣ *снизу*) вмѣсто: „взаимно“ слѣд.: „завѣдомо“.

На стр. 1279-й (въ 3-й строкѣ *снизу*) вмѣсто „неподвижая“ слѣд.: „неподвижна“.

На стр. 1280-й (въ 27-й строкѣ *сверху*) вмѣсто: „проявлять“ слѣд.: „проявляться“.

столпотвореніе» понятій. Лишь съ помощью анализа «умопостигаемаго» дѣйствія, какъ путеводного клубка Ариадны, можно разобраться въ лабиринтѣ тѣхъ противорѣчій и блестящихъ осколковъ мыслей, которыми пестритъ Шопенгауэрова теорія *неизмѣнности* эмпирическаго характера.

Попытаемся освѣтить картину этого ученія подъ угломъ критического анализа тѣхъ понятій, на которыхъ покоятся нравственныйя чаянія Шопенгауэра.

Отправляясь отъ основного различія *воли, какъ «вещи въ себѣ»* и *воли, какъ «явленія»*, Шопенгауэръ вполнѣ послѣдовательно примѣняетъ эту двойственную схему къ понятію *человѣческой воли*; сообразно такой схемѣ онъ приписываетъ человѣку характеръ его воли, какъ «вещи въ себѣ» и характеръ воли, какъ «явленія»; первый характеръ Шопенгауэръ называетъ вслѣдъ за Кантомъ «умопостигаемымъ» (*der intelligible Charakter*), второй—«эмпирическимъ» (*der empirische Charakter*). Со стороны умопостигаемаго характера человѣкъ «совпадаетъ съ идеей, или—еще точнѣе—съ первобытнымъ актомъ воли, въ ней выражаютимся»¹⁾. Будучи домировымъ, нераздѣльнымъ актомъ выбора міровой воли (*Urwillе*), умопостигаемый характеръ проявляетъ себя вовнѣ во времени и въ пространствѣ, т. е. въ явленіи. Это «заявленное свойство»—говорить Шопенгауэръ—«есть эмпирический характеръ, а его внутреннее, недоступное опыту послѣднее основаніе (скрытыя свойства)—есть умопостигаемый характеръ»²⁾. Эмпирический характеръ относится, поэтому, къ сдѣлавшему его умопостигаемому, какъ «явленіе»—къ «вещи въ себѣ». Это взаимоотношеніе характеровъ Шопенгауэръ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «что посредствомъ необходимаго развитія во времени и обусловленного имъ распаденія на отдѣльныя дѣйствія познается какъ эмпирический характеръ, то, при отвлечении этой временной формы явленія, составляетъ умопостигаемый (*intelligible*) характеръ—по выраженію Канта»³⁾. Характеръ каждого человѣка, поскольку онъ индивидуалъ,—учить

На стр. 1281-й (въ 13-й строкѣ *сверху*) вмѣсто: „лишь“ слѣд.: „насквозь“.

На стр. 1282-й (въ 11-й строкѣ *сверху*) вмѣсто: „оттѣняетъ“ слѣд.: „отмѣняетъ“.

На стр. 1282-й (въ 14-й строкѣ *сверху*) вмѣсто: „частное“ слѣд.: „частичное“.

На стр. 1283-й (въ 29-й строкѣ *сверху*) вмѣсто: „безпредѣльно“ слѣд.: „безраздѣльно“.

На стр. 1283-й (въ 8-й строкѣ *снизу*) вмѣсто: „въ возможность“ слѣд.: „въ возможности“.

На стр. 1284-й (въ 14-й строкѣ *сверху*) вмѣсто: „нравственной“ слѣд.: „теоретической“.

На стр. 1284-й (въ 14-й строкѣ *сверху*) вмѣсто: „философіи“ слѣд.: „философіи“.

На стр. 1284-й (въ 22-й строкѣ *сверху*) вмѣсто: „дѣйствія“ слѣд.: „пространства“.

На стр. 1284-й (въ 14-й строкѣ *снизу*) вмѣсто: „жизни“ слѣд.: „жизни“.

На стр. 1285-й (въ 8-й строкѣ *снизу*) вмѣсто: „1896“ слѣд.: „1896“.

На стр. 1285-й (въ 3-й строкѣ *сверху*) вмѣсто: „но“ слѣд.: „Однако“.

¹⁾ См. Артуръ Шопенгауэръ: „Міръ какъ воля и представление“. Переводъ А. Фета, изд. третья, Москва. 1892. Стр. 189.

²⁾ См. „Свобода воли и основы морали“. Двѣ основныя проблемы этики. Артура Шопенгауэра. Пер. съ нѣмецкаго Ф. В. Черниговца. Изд. третья. Спб. 1896. Стр. 222.

³⁾ См. „Міръ, какъ воля и представление“. Пер. А. Фета, стр. 189.

Шопенгауэръ,— можно рассматривать какъ «идею, соответствующую самостоятельному акту объективації воли»¹⁾; этотъ же послѣдній актъ совпадаетъ съ умопостигаемымъ характеромъ. Будучи волей, какъ «вещью въ себѣ», умопостигаемый характеръ—безосновенъ, т. е. совершенно неподвластенъ «закону достаточного основанія» во всѣхъ четырехъ видахъ его, такъ какъ сфера компетенціи этого закона исчерпывается исключительно міромъ явленій²⁾.

Какъ произведеніе домірового свободнаго акта творенія воли, эмпирический характеръ всецѣло опредѣляется своимъ умопостигаемымъ характеромъ и служитъ строгимъ проявленіемъ (во времени) этого послѣдняго.

Это учение Шопенгауэра, являющееся въ сущности переработкой Кантова учения объ умопостигаемомъ и эмпирическомъ характерѣ, наводить на серьезныя сомнѣнія, расшатывающія весь фундаментъ Канто-Шопенгаузеровской классификаціи характеровъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ возможенъ умопостигаемый характеръ и въ какомъ именно смыслѣ слѣдуетъ его понимать?—Вотъ вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ правильное пониманіе всего характера нравственной философіи Шопенгауэра. Слѣдуетъ-ли понимать подъ умопостигаемымъ характеромъ самый *актъ* домірового творенія воли, какъ «вещи въ себѣ», или умопостигаемый характеръ означаетъ самобытную стихійную силу «посюсторонняго» порядка, которая *отъ себя*, т. е. изначально творить въ доміровомъ бытіи своей эмпирической характеръ? Иными словами: считаетъ-ли Шопенгауэръ умопостигаемый характеръ какой-то *посредствующей средой* между волей, какъ «вещью въ себѣ» и эмпирическимъ характеромъ, или-же умопостигаемый характеръ и есть сама воля, какъ «вещь въ себѣ»? Если понимать подъ умопостигаемымъ характеромъ *творческую* стихійную силу «посюсторонняго» порядка, то придется неминуемо признать, что такая сила не только *дѣйствуетъ* въ доміровомъ бытіи, будучи, однако, *внѣдѣйственной* вещью въ себѣ, но дѣйствуетъ притомъ *многократно*, ибо *каждый* эмпирический характеръ является произведеніемъ соответствующаго *однократнаго* акта творенія такой силы.

Коль скоро для *каждаго* эмпирическаго характера требуется особый *однократный* актъ творенія воли, то для *множества* эмпирическихъ характеровъ потребовалось-бы *множество* такихъ творческихъ актовъ воли. Изъ этого положенія неизбѣжно вытекаетъ слѣдующая теорема: такъ какъ въ основу каждого эмпирическаго характера полагается соответственный актъ творенія воли, потребный *ad hoc*, то *число творческихъ актовъ умопостигаемаго характера воли должно быть равнымъ числу эмпирическихъ характеровъ, содѣланнныхъ изначально міровой волей*.

Легко видѣть, однако, что такая теорема (съ логической неизбѣжностью вытекающая изъ пониманія умопостигаемаго характера въ смыслѣ творческой самобытной стихійной силы «посюсторонняго» порядка) покоится на *трехъ* завѣдомо противорѣчивыхъ presuppositionахъ:

¹⁾ Ibid, стр. 192.

²⁾ Я не разматриваю въ своемъ критическомъ обзорѣ Шопенгаузеровской классификаціи характеровъ такъ-называемаго „прайбрѣтенаго характера“ (о которомъ говорить Шопенгауэръ), такъ какъ, будучи видоизмѣненіемъ эмпирическаго характера, онъ является въ сущности лишь искусственнымъ видоизмѣнениемъ подраздѣленіемъ этого послѣдняго.

1) поскольку умопостигаемому характеру приписывается *творческая дѣятельность*, постолько понятию *внѣдѣственной* воли, какъ «вещи въ себѣ» слѣдуетъ приписать категорію *дѣйствія*, т. е. допустить существование нелѣпаго «умопостигаемаго» дѣйствія;

2) поскольку умопостигаемому характеру приписывается способность творить *многократно*, т. е. поскольку умопостигаемому характеру усваивается категорія *множественности*, постолько понятию *внѣчислennой* воли, какъ вещи въ себѣ слѣдуетъ приписать категорію *числа*, т. е. допустить существование нелѣпаго «внѣчислennаго числа».

3) Посколько между умопостигаемымъ и эмпирическимъ характерами мыслится *причинное соотношеніе*, въ силу которого умопостигаемый характеръ или воля, какъ «вещь въ себѣ» относится къ своему эмпирическому характеру (содѣланныму имъ путемъ свободного домірового выбора) или къ волѣ, какъ «явленію» — какъ причина къ слѣдствію, постолько понятию абсолютно *внѣпричинной* «вещи въ себѣ» молчаливо приписывается категорія *причинности*, т. е. неминуемо допускается существование нелѣпой умопостигаемой или «*внѣпричинной причины*».

Выводы эти сохраняютъ свою полную силу и въ томъ случаѣ, если подъ умопостигаемымъ характеромъ мы условимся понимать самый *актъ* домірового творенія воли, какъ «вещи въ себѣ». Въ этомъ послѣднемъ случаѣ формулировка теоремы приметъ слѣдующій видъ: такъ-какъ для каждого отдельнаго эмпирическаго характера требуется соответственный *однократный* актъ домірового творенія воли, какъ «вещи въ себѣ», то *число эмпирическихъ характеровъ должно равняться числу творческихъ доміровыхъ актовъ воли, какъ «вещи въ себѣ» т. е. числу умопостигаемыхъ характеровъ.*

Легко видѣть, что эта вторая теорема, являющаяся въ сущности *перебразой* первой теоремы, подобно этой послѣдней:

1) приписываетъ понятию *внѣдѣственной* воли, какъ «вещи въ себѣ» категорію *дѣйствія*, т. е. требуетъ нелѣпаго «умопостигаемаго» дѣйствія;

2) приписываетъ понятию *внѣчислennой* воли, какъ вещи въ себѣ категорію *числа*, т. е. требуетъ нелѣпаго внѣчислennаго или «умопостигаемаго» числа.

3) приписываетъ понятию абсолютно *внѣпричинной* воли, какъ «вещи въ себѣ» категорію *причинности*, т. е. требуетъ нелѣпой внѣпричинной или «умопостигаемой» причины.

Да и что такое доміровый актъ творенія воли, какъ «вещи въ себѣ», если не замаскированное нелѣпое «умопостигаемое дѣйствіе»?

Само сочетаніе словъ «доміровой актъ творенія» звучитъ такъ-же нелѣпо, какъ, напр., выраженія: «внѣдѣственное дѣйствіе», «внѣвременное время» и т. п.

Чтобы умопостигаемый актъ творенія, т. е. умопостигаемое дѣйствіе было и впрямь возможно, нужно, *по повторяю*, допустить существование «внѣвременнаго или умопостигаемаго времени» и «внѣпространственнаго или умопостигаемаго пространства» т. е., иными словами, для умопостигаемаго дѣйствія понадобилось-бы особое «время въ себѣ» и «пространство въ себѣ».

Умопостигаемое дѣйствие! Внѣдѣйственное дѣйствие! Этотъ доміровой актъ творенія воли представляетъ изъ себя какого-то логического самозванца, который, попирая законы логики, захватываетъ престолъ въ Канто-Шопенгаузеровомъ царствѣ «вещей въ себѣ» и объявляетъ себя метафизическими *самодержцемъ!*..

Одно изъ двухъ: либо воля, какъ «вещь въ себѣ» и впрямь внѣдѣйственна, виѣпричинна и внѣчислена; тогда ей, очевидно, нельзя приписывать категорій *дѣйствія*, причины и *числа*; либо воля, какъ «вещь въ себѣ» причастна къ категоріямъ дѣйствія причины и числа; но тогда воля, какъ «вещь въ себѣ» превращается въ волю, какъ «явленіе», *Tertium non datur*. Какъ возможно *претвореніе* «вещи въ себѣ» въ явленіе—это остается вѣчной загадкой и Кантовой, и Шопенгаузеровой философіи!..

Это фантастическое *претвореніе* составляеть, однако, Ахиллову пяту не одной только Шопенгаузеровой, но и Кантовой теоріи свободы: учение это пролагаетъ какой-то таинственный мостъ отъ міра «вещей въ себѣ» къ міру «явленій». По этому воздушному мосту и Кантъ, и Шопенгаузэр то и дѣло перевозятъ контрабандой безпощадныхъ понятія и, смотря по надобности, то приписываютъ вещи въ себѣ категоріи времени, дѣйствія, числа и причинности, то наотрѣзъ отрицаютъ какую-бы то ни было причастность «вещи въ себѣ» къ означеннымъ категоріямъ. Сдается, право, что это *претвореніе*, это таинственное *средство* умопостигаемаго и эмпирическаго характеровъ—не то какой-то логический гермафродитъ, не то какой-то логический монстръ, срошеніе сіамскихъ близнецовыхъ!..

Полагая въ основу эмпирическаго характера соотвѣтствующій ему особый, *ad hoc* приставленный умопостигаемый характеръ (будь то самый актъ домірового творенія воли, или воля, какъ «вещь въ себѣ»—безразлично), и Кантъ, и Шопенгаузэр должны неизбѣжно допустить *равенство числа умопостигаемыхъ характеровъ числу эмпирическихъ*, или—иными словами—оба философа должны приписать понятію *внѣдѣйственной*, виѣпричинной и *внѣчисленной* «вещи въ себѣ» категоріи *дѣйствія*, причины и *числа*.

Самопротиворѣчіе Шопенгаузера тѣмъ болѣе разительно, что онъ самъ дальновидно предостерегаетъ читателя отъ смѣшения понятій «единая воля» и «единственная воля». Толковать «единую волю» міра въ смыслѣ *одной воли* (въ отличіе отъ *многихъ волей*) значитъ—по мнѣнию Шопенгаузера—*искажать* понятіе *всеседина* (*allein*) воли. Предикатъ «единый» слѣдуетъ, по смыслу Шопенгаузеровой философіи, понимать *не въ нумерическомъ*, а всецѣло въ *переносномъ*, *метафизическомъ* значеніи этого слова, разумѣя «единую волю» какъ синонимъ *всеседина* мірового начала, *'Еу ххι πα», Allein*. Въ этомъ смыслѣ Шопенгаузэр вполнѣ определенно говорить о волѣ, какъ «вещи въ себѣ»... рассматриваемая, какъ таковая и отдельно отъ своего проявленія, она (т. е. воля, какъ «вещь въ себѣ») находится виѣ времени и пространства, и потому, *не зная множества, она едина*. Но, какъ уже сказано, она едина не какъ индивидуумъ, или понятіе, а какъ иѣчто, чуждое возможности множества, этого *principii individuationis* (основанія индивидуализаціи). Поэтому *множество* вещей въ пространствѣ и во времени, составляющихъ въ

совокупности ея объективацію, не захватываетъ волю, и она, не взирая на нихъ, остается недѣлима»¹⁾.

Между тѣмъ, молчаливо допуская соотвѣтство числа умопостигаемыхъ характеровъ числу эмпирическихъ, Шопенгауэръ неминуемо долженъ признать *нумерическое различіе* воли, какъ «вещи въ себѣ», т. е. властъ въ явное самопротиворѣчіе. Противорѣчіе это ведеть свое происхожденіе отъ Канта, и Шопенгауэръ по необходимости повторилъ ошибку Канта, поскольку цѣлкомъ усвоилъ понятію «воли» Кантово различіе умопостигаемаго и эмпирическаго характеровъ. Въ этомъ отношеніи на Шопенгауэрѣ сполна оправдались мудрыя слова Микель Анджело: «Тотъ, кто идетъ по стопамъ другого, никогда не опередитъ его»²⁾.

Независимо отъ теоретическихъ погрѣшностей, на которыхъ, какъ было показано выше, молчаливо покоится Канто-Шопенгауэрова классификація характеровъ, классификація эта молчаливо предполагаетъ возможностъ познанія завѣдомо непознаваемой воли, какъ «вещи въ себѣ».

Въ самомъ дѣлѣ, легко видѣть, что поскольку умопостигаемому характеру приписываются какіе-бы то ни было положительные предикаты, или—иными словами—поскольку умопостигаемый характеръ служить предметомъ (*subjectum*) сужденія и ученія волѣ, какъ «вещи въ себѣ», постолько все такое ученіе обѣ абсолютно непознаваемой «вещи въ себѣ» молчаливо покоится на завѣдомо несостоятельной презумії—возможности познанія безнадежно непознаваемой (по природѣ нашихъ познавательныхъ способностей) «вещи въ себѣ».

По вопросу о конструкціи понятія „вещи въ себѣ“ а, равно и о свободѣ воли въ философіи Канта и Шопенгауера, см. также слѣдующія монографіи: 1) Kuno Fischer: „Kritik der Kantischen Philosophie“. Heidelberg. Carl Winter's Universit tsbuchhandlung. 1892. 2) Hermann Cohen: „Kant's Begr ndung der Ethik“ Berlin. 1877; 3) егоже: „Kant's Theorie der Erfahrung“. 2 Aufl. 1885; 4) „Das Ding an sich“ als kritischer Grenzbegriff“ von Friedrich von Barenbach (напечат. въ журнアルѣ „Zeitschrift f r Philosophie und philosophische Kritik u. s. w.“ Neue Folge. Zweifundsebzigsten Bandes Erstes Heft. Halle. 1878; s. 65—80); 5) „Ueber die Frage nach der Erkenntniss der Dinge an sich“ von d-r. Rudolf Seydel (на-

¹⁾ См. Артуръ Шопенгауэръ: «Миръ какъ воля и представленіе» Пер. А. Фета. § 25, стр. 155. Ср. также § 23 (стр. 136 и 137) упом. сочин., гдѣ о волѣ, какъ „вещи въ себѣ“ сказано: „она свободна отъ всякаго множества, несмотря на безчисленныя ея проявленія во времени и въ пространствѣ: сама она *одна*, но не такъ, какъ *одинъ* объектъ, коего единство познается лишь изъ противоположенія возможности *множества*, и не такъ, какъ *единъ* понятіе, происшедшее лишь черезъ отвлеченіе отъ *множества*, а *единъ* она, какъ то, что находится въ времени и пространства, въ *principii individuationis*, т. е. возможности множества и т. д.“.

²⁾ Указанную *теоретическую* ошибку Канта и Шопенгауера—примѣненіе категоріи *числа* къ понятію *одночисленной* вещи въ себѣ—дѣлаетъ также почтенный критикъ Канта—проф. Richard Falkenberg въ своей извѣстной монографіи: „Ueber den intellektiblen Charakter“. Zur Kritik der Kantischen Freiheitslehre, напеч. въ журнアルѣ „Zeitschrift f r Philosophie und philosophische Kritik“ gegr ndet von d-r I. H. Fichte etc. Neue Folge. F nfundsiebzigsten Bandes Erstes und Zweites Hefts. Halle. 1879 г. На стр. 37-ой своей монографіи извѣстный измѣцкій учennyй говорить (см. f nfundsiebzigsten Bandes. *Erstes* Heft): „...Человѣкъ состоитъ изъ *одной* разумной *половины* *вещь въ себѣ* (Dingansich-H lfte), которая не является,...но для которой является все являющееся (alles Erscheinende erscheint), и *одной* чувственной *половины* явлений, *вещь въ себѣ* *которой* (deren Ding an sich) намъ совершенно неизвѣстна и не поддается (zug nglich) ни чистой

печат. въ томъ-же журналѣ за 1878 г. Dreiundsiebzigerster Band. s. 101—148) 6) „Die Bedeutung des Dinges an sich in der Kantischen Ethik“ von d—r Otto Riedel. Stolp. 1888; 7) Rudolf Penzing: „Arthur Schopenhauer und die menschliche Freiheit“ Halle. 1873; 8) Prof. d-r. W. Windelband: „Ueber die verschiedenen Phasen der Kantischen Lehre vom Ding an sich“ напеч. въ журнѣлѣ „Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie“ Leipzig. 1876. 2 Heft.; 9) „De Kantii phaenomeno et noumeno quomodo inter se habeant...“ Dissert. I. Iaekel. 10) „Die Freiheitslehre bei Kant und Schopenhauer“ Dis. von David Neumark. Hamburg und Leipzig. 1896; 11) „Das Freiheitsproblem bei Kant und Schopenhauer“. Dis. von J. Schanz. Loessnitz. 1887; 12) „Ueber das Fundament der Ethik.“ Eine kritische Untersuchung über Kant's und Schopenhauer's Moralprinzip. Preisschrift von E. M. F. Zange. Leipzig 1872; 13) „Ueber Schopenhauer's Kritik der Kantischen Philosophie. Von Günther (напечат. въ журнѣлѣ: „Jahrbuch des Vereins für wissenschaftliche Pädagogik.“ Vierter Jahrgang. Leipzig. 1872. s. 116—150); 14) Prof. Eduard Zeller: „Ueber das Kantische Moralprinzip und den Gegensatz formaler und materialer Moralprinzipien—1880. Georg Reimer. Berlin. 15) „Schopenhauer's Willensmetaphysik in ihren Verhältniss zu neueren Ansichten über den Willen“ von S. Schmid. Leipzig. 1894; 16) „Kant's Lehre von der Freiheit“ Von s. Brandt. Bonn. 1872; 17) „Immanuel Kant's Lehre von der Freiheit“ von. P. Salis.lena. 1894 (вышла также вторымъ изданиемъ подъ заглавиемъ: „Darstellung und Kritik der Kantischen Lehre von der Willensfreiheit mit einem geschichtlichen Rückblick auf das Freiheitsproblem“. Rostock. Adlers Erben); 18) „Ueber Kant's Prinzipien der Ethik und Schopenhauer's Beurteilung derselben.“ Von Otto Lehmann. Berlin. 1880; 19) L. Chevalier: „Die Philosophie Arthur Schopenhauer's in ihrem Uebereinstimmung und Differenzpunkten mit der Kantischen Philosophie“ Prag. 1870. 20) „Kant und Schopenhauer“ von Georg Gizycki. Leipzig. 1888; 21) М. М. Филипповъ: „Необходимость и свобода“ (напеч. въ „Научномъ Обозрѣніи“ 1899, №№ 4 и 5); 22) Артуръ Шопенгауэръ. Изд. Моск. Псих. Общ. Вып. I; 23) Виндельбандъ: философія Канта. Съ нѣм. пер. Н. Платонова подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго; 24) Іеромонахъ Антоній: „Психологическая данная въ пользу свободы воли и нравственной ответственности. Спб. 1888; 25) „О волѣ, какъ мировомъ принципѣ“ проф. П. Линницкаго (напеч. въ „Вѣрѣ и Разумѣ“ 1891 г.); 26) Д-ръ Фридрихъ Цитгесъ: „Критические этюды о нравственной философіи Спинозы, Лейбница и Канта“. Переводъ со 2-го нѣм. изд. подъ редакціей Семена Груzenberga. СПб. 1900.

Наиболѣе полный перечень литературы о Шопенгауэрѣ на иностраннѣхъ языкахъ приведенъ въ книгѣ Ferdinand'a Laban'a: „Die Schopenhauer-Literatur“. Versuch einer chronologischen Uebersicht derselben. Leipzig. 1880 (систематический обзоръ литературы доведенъ лишь до 1880 года). Наиболѣе подробный указатель русской (оригинальной и переводной) литературы о Шопенгауэрѣ приведенъ въ „Артуръ Шопенгауэръ“ Изд. Моск. Психолог. Общ., а равно и въ „Исторіи новой философіи“ Фалькенберга. Пер. подъ ред. проф. А. И. Введенскаго. СПб. (см. постѣднее изданіе).

апперцепціи, ни нравственному сознанію... Какъ видно изъ приведенной цитаты, проф. Фалькенбергъ *расчленяетъ* вещь въ себѣ *на две половины*, которымъ соответствуютъ двѣ половины явленія. Легко видѣть, однако, что, *расчленяя* вещь *въ себѣ на две половины*, почтенный ученый молчаливо допускаетъ возможность существования *двухъ вещей въ себѣ*, или, иными словами—*принимаетъ понятію вѣнчурченной* „вещи въ себѣ“ категорію *числа*. Конструкція проф. Фалькенберга, слѣдовательно, поконится на той-же завѣдомо несостоятельной презумпціи (примѣненіи категоріи *числа* къ понятію *вѣнчурченной* „вещи въ себѣ“), которую я пытался отмѣтить въ Канто-Шопенгаузеровой конструкціи понятия умопостигаемаго характера. Только допущеніемъ соответствія числа умопостигаемыхъ характеровъ числу эмпирическихъ и можно, по моему мнѣнію, объяснить, почему съ *уничтоженіемъ, отмѣной*, умопостигаемаго характера (въ феноменѣ аскезы) не уничтожается, однако, міровая воля, какъ „вещь въ себѣ“. Если бы въ основу каждого эмпирическаго характера не былъ положенъ соответствующий ему ad hoc эмпирический характеръ, т. е. иными словами—если бы каждому явленію не соответствовала бы его особая „вещь въ себѣ“, то „индивидуальное отрицаніе воли“ было бы и вѣроятно, „вмѣстѣ съ тѣмъ всеобщимъ отрицаніемъ и уничтоженіемъ міра“, какъ говорить Куно Фишеръ (см. его „Артуръ Шопенгауэръ“, пер. подъ ред. В. П. Преображенскаго. Москва. 1896 г. стр. 510 и 119).

III.

Независимо отъ завѣдомо несостоятельной презумпціи, на которой, какъ показалъ намъ анализъ *взаимоотношения* умопостигаемаго и эмпирическаго характеровъ, поконится Шопенгауэрова теорія *неизмѣнности* эмпирическаго характера, эта послѣдняя теорія страдаетъ и внутренними противорѣчіями въ самомъ ходѣ и построеніи аргументаціи Шопенгауэра.

Отвергая въ принципѣ теорію такъ называемаго *равновѣснаго безразличія* воли (*arbitrii liberi indifferentiae*), Шопенгауэръ учитъ, что всѣ до одного дѣйствія человѣка строго детерминированы эмпирическимъ характеромъ, «изъ котораго мотивы вызываютъ его дѣйствія съ необходимостию» (Міръ къ воли и предст. стр. 349). Только въ дѣятельности человѣка сказывается всеподъ блю его эмпирическій характеръ, «такъ какъ онъ дѣлается извѣстенъ не a priori, а только по опыту» («Свобода воли», стр. 72). Этотъ эмпирическій характеръ, содѣлывающій среду мотивовъ для дѣйствій, и служитъ каменоломней всѣхъ наклонностей человѣка. Подобно силамъ природы эмпирическій характеръ «первоначаленъ, неизмѣненъ и необъяснимъ» (*ibid.*, стр. 73). Служа отпечаткомъ воли, характеръ человѣка строго индивидуаленъ. Индивидуальностью характера объясняется тотъ фактъ, что одинъ и тотъ-же мотивъ оказывается подчасъ совершенно различное воздействиѳ на характеры, подобно тому, какъ «теплота размягчаетъ воскъ и уплотняетъ глину». Наша душа—для настъ такія-же потемки, какъ и чужая душа; поэтому при затруднительномъ выборѣ наше собственное рѣшеніе, словно *чужое*, остается для настъ самихъ *тайной* до тѣхъ поръ, пока оно не осуществится». Только *поступки* развертываются передъ нами картину нашего внутренняго существа и разоблачаютъ самыя скровенныя залежи нашего нравственнаго бытія. «Кто разъ что-нибудь сдѣлать» учитъ Шопенгауэръ— «тотъ въ подходящемъ случаѣ *опять сдѣлаетъ то же самое*, какъ хорошее, такъ и дурное», и это—потому, что «*характеръ человѣка постояненъ*». Характеръ можетъ, правда, видоизмѣняться, но въ скровеной сущности, въ ядрѣ своемъ, онъ навсегда остается безнадежно неизмѣннымъ; мотивы, средства и направлениѳ дѣйствій могутъ измѣняться въ какую угодно сторону, но «самъ человѣкъ никогда не измѣняется»; поэтому: «какъ поступилъ онъ разъ въ одномъ случаѣ, такъ при совершенно одинаковыхъ обстоятельствахъ онъ всегда будетъ поступать и впредь» (*ibid.* стр. 76). Только въ силу неизмѣнности характера возможно, по мнѣнію Шопенгауэра, знаніе его, и основанное на этомъ знаніи довѣріе или недовѣріе къ людямъ. Мы можемъ обмануться, разочароваться въ характерѣ человѣка, но мы никогда не можемъ сказать о человѣкѣ, обманувшемъ наше довѣріе: «У него *измѣнился* характеръ». Каждый поступокъ человѣка есть сколокъ его нравственнай сущности, такъ сказать, *оттискъ* нравственнай его физіономіи, ибо въ каждомъ поступкѣ выливается весь человѣкъ. «На этой самой истинѣ» — говоритъ Шопенгауэръ (*ibid.* стр. 77)—«основано и то обстоятельство, что истинная честь, будучи разъ утрачена, никогда впредь не восстанавливается, и пятно единственна недостойна поступка всю жизнь остается на человѣкѣ, какъ говорится, клеймитъ его. Отсюда и пословица:

кто разъ укралъ — весь въкъ свой воръ. Будучи по природѣ своей абсолютно неизменными, характеръ человѣка не поддается никакому рѣшительно исправлению: вопреки искреннему намѣренію и обѣщанію исправиться, человѣкъ до могилы остается безнадежно неисправимымъ. Иное дѣло — *познаніе*: оно и только оно одно поддается коренному измѣненію, исправленію и усовершенствованію. На возможности внушенія преступнику сознанія *нецѣлесообразности* вредныхъ средствъ основана американская пенитенциарная система, задача которой — «просвѣтить голову» преступника путемъ указания ему возможности замѣны дурныхъ средствъ для достижения какой-нибудь цѣли — лучшими; но сердце, сущность характера, сердцевина нравственного существа человѣка не поддается по природѣ своей никакому исправлению: нельзя пересоздать волю, можно лишь развить, усовершенствовать познаніе, обогатить его выборомъ новыхъ средствъ. «Вообще» — говорить Шопенгауэръ (*ibid.*, стр. 79) — «сфера и границы всякаго исправленія и облагораживанія лежатъ единственно въ познаніи. Характеръ — неизмененъ; мотивы дѣйствуютъ съ необходимостью». Въ развитіи ума слѣдуетъ, поэтому, усматривать *нравственное* значеніе наукъ и искусствъ: они открываютъ доступъ мотивамъ, для которыхъ безъ этого человѣкъ оставался бы глухъ и замкнутъ» (*ibid.*, стр. 79). Нравственное значеніе просвѣщенія и обогащенія познанія, какъ «среды мотивовъ», было подмѣчено еще схоластиками и выражено въ извѣстномъ афоризмѣ: *Causa finalis (цѣль) movet non secundum suum esse reale, sed secundum suum esse cognitum*. Нельзя *научиться хотѣть иначе*: *velle non discitur*. «Человѣкъ» — говоритъ Шопенгауэръ (*ibid.*, стр. 107) во всякое время дѣлаетъ только то, что хочетъ, и дѣластъ, однако-же, это необходимо. Это происходитъ потому, что онъ *самъ уже есть то, что онъ хочетъ*, ибо изъ того, что такое онъ есть, необходимо слѣдуетъ все, что онъ всякий разъ хочетъ.

Такъ какъ характеръ человѣка — прирожденъ, то съ нимъ прирождены и неотъемлемы добродѣтели и пороки человѣка. Въ подтвержденіе своего ученія Шопенгауэръ ссылается на Сократа, Аристотеля, Веллея, Патеркула: Сенека безсиленъ быть пересоздать характеръ своего питомца Нерона, ибо въ прирожденномъ характерѣ, «этотъ истинномъ ядрѣ всего человѣка въ цѣломъ» таятся приготовленными всѣ пороки и добродѣтели его. Эти слова Шопенгауэра звучать отголоскомъ утвержденія Лейбница, что человѣкъ «всегда таитъ въ себѣ то, чѣмъ онъ будетъ» (...«*porte toujours avec lui, ce qu' il sera*»).

Необходимость, съ которой мотивы оказываютъ воздействиe на дѣяніе человѣка, коренится въ прирожденномъ, индивидуальномъ характерѣ человѣка: «Какъ въ неорганической природѣ» говоритъ Шопенгауэръ (*ibid.*, стр. 85) «всакое дѣйствіе есть необходимое произведеніе двухъ факторовъ, именно — силы природы и причины, точно такъ-же и *каждое дѣяніе человѣка есть необходимое произведеніе его характера и наступившаго мотива*». Прирожденный характеръ человѣка предопредѣляетъ *цѣли* для его дѣятельности; что-же касается *характера* средствъ для достижения цѣлей, то послѣдній — учить Шопенгауэръ — опредѣляется какъ виѣшией окружающей обстановкой, такъ и оценкой цѣлей въ зависимости отъ степени ума и развитія каждого человѣка.

Внутренний стимулъ нашей воли, содѣльвающій необходимость дѣйствій—т. е. внутренняя сущность человѣка, встрѣчаетъ извѣстное реагированіе со стороны всякаго существа сообразно его индивидуальной природѣ. Этотъ законъ обратнаго воздействиія знали уже схоластики, о чёмъ свидѣтельствуетъ формула: «operari sequitur esse» (т. е. дѣйствіе вытекаетъ изъ существованія вещи), ибо въ существованіи (*existentia*) вещи таятся уже приготовленныя условія существа (*essentia*) ея. Своё ученіе о *неизмѣнности* врожденнаго характера Шопенгауэръ резюмируетъ въ слѣдующемъ категорическомъ положеніи: «все, что совершається—отъ величайшаго до послѣдней мелочи, совершається необходимо. Quidquid fit, necessario fit» (*ibid.*, стр. 91). Ученіе это не только покояится на завѣдомо несостоительномъ фундаментѣ, но по самой логической структурѣ своей представляеть сѣть непримиемыхъ противорѣчій.

Въ самомъ дѣлѣ, если «каждое дѣяніе человѣка»—какъ учитъ Шопенгауэръ (*ibid.*, стр. 85)—«есть необходимое произведеніе его характера и наступающаго мотива» и для того, «чтобы послѣдовало *иное* дѣяніе, надлежало бы дать *или* иной мотивъ, *или* иной характеръ», если, въ свою очередь «характеръ—неизмѣненъ», то, очевидно, для наступленія того или иного эффекта дѣйствія нужно предположить, что и сами мотивы, порождающие дѣйствіе, по необходимости бывають такіе, а не иные, т. е., что сами мотивы дѣйствій *必不可*димы. Для того, однако, чтобы *必不可*димые мотивы вытекали изъ *неизмѣнного* характера и вызывали *必不可*димые дѣйствія, нужно предположить, что и сами мотивы дѣйствій, подобно *неизмѣнному* характеру, въ свою очередь *неизмѣнны по своей природѣ*. И дѣйствительно, Шопенгауэръ самъ молчаливо признаетъ *неизмѣнность* мотивовъ, чѣмъ явствуетъ изъ слѣдующихъ его словъ: «коль скоро онъ (т. е. мотивъ) опознаетъ, онъ *дѣйствуетъ совершенно одинаковымъ образомъ, предполагая, что онъ (мотивъ) вообще есть опредѣляющее основаніе возбуждаемой здѣсь воли*» (*ibid.*, стр. 47). Приписывая опознанному мотиву способность дѣйствовать «совершенно одинаковымъ образомъ», Шопенгауэръ—иными словами—молчаливо самъ признаетъ *неизмѣнность* мотива, такъ-какъ слова: «совершенно одинаковымъ образомъ» служатъ лишь *перифразой* слова: «неизмѣнно».

Наконецъ, что мотивы—неизмѣнны, явствуетъ изъ того, что мотивъ—по опредѣленію Шопенгауэра—есть «*опредѣляющее основаніе воли*», а воля, поскольку она отпечатывается въ эмпирическомъ характерѣ—*по природѣ своей неизмѣнна*; легко видѣть, однако, что если воля, отпечатленная въ эмпирическомъ характерѣ, *неизмѣнна, то и мотивъ, какъ «опредѣляющее основаніе воли* равнымъ образомъ долженъ бѣть признанъ *неизмѣннымъ*.

Если мотивы дѣйствій и впрямь *неизмѣнны, то какимъ образомъ эти мотивы могутъ до безконечности измѣняться при помощи познанія?* А между тѣмъ, Шопенгауэръ, какъ мы видѣли, учитъ, что мотивъ, т. е. «*опредѣляющее основаніе*» или тема *первичной* воли можетъ измѣняться благодаря *познанію*, т. е. благодаря дѣятельности *производяго* (отъ воли) *интеллекта!*

Легко видѣть, однако, что всякое *измѣнение* мотива путемъ познанія молчаливо предполагаетъ возможность *преподъажденія первичной воли*

производнымъ интеллектомъ, чтѣ, (какъ я показаъ уже при разборѣ ученія Шопенгауера о препобѣженіи воли интеллектомъ въ феноменѣ аскезы) покоится на нелѣпой презумпціи—возможности познанія завѣдомо непознаваемой воли, какъ вещи въ себѣ.

Только *молчаливымъ признаніемъ неизмѣнности мотивовъ* можно объяснить утвержденія Шопенгауера, что «какъ поступитъ человѣкъ въ одномъ случаѣ, такъ при совершеннѣ одинаковыхъ обстоятельствахъ онъ всегда будетъ поступать и впредь», или, что «*кто разъ* что-нибудь сдѣлалъ, тотъ въ подходящемъ случаѣ *отять* сдѣлаетъ *то-же самое*».

Легко видѣть, однако, что Шопенгауэръ впадаетъ въ *явное самопротиворѣчіе*, когда учитъ, что «*положеніе человѣка, при одинаковыхъ винныхъ обстоятельствахъ* можетъ быть *во второй разъ дѣйствительно совершиенно иное, чѣмъ въ первый*, именно, если онъ въ промежутокъ между ними сталъ способенъ правильно и вполнѣ понимать тѣ обстоятельства, вслѣдствіе чего на него стали дѣйствовать мотивы, для которыхъ онъ раньше былъ недоступенъ» (*ibid.*, стр. 80).

Если «*при совершеннѣ одинаковыхъ обстоятельствахъ* человѣкъ *одинаково* «будетъ поступать и впредь», то какъ возможно, чтобы «*положеніе человѣка при одинаковыхъ винныхъ обстоятельствахъ* могло оказаться «*во второй разъ дѣйствительно совершиенно инымъ, чѣмъ въ первый*»....?

Равнымъ образомъ непонятно, какъ могутъ дѣйствовать на человѣка *новые мотивы*, «для которыхъ онъ раньше былъ недоступенъ», если мотивы—по природѣ своей *неизмѣнны*, ибо служать *«опредѣляющими основаниями» неизмѣнной воли?*

Одно изъ двухъ: либо *одинаковые мотивы всегда и вездѣ при совершеннѣ одинаковыхъ обстоятельствахъ* вызывать одинаковый дѣйствія; тогда придется признать, что мотивы, подобно характеру, ихъ порождающему, *неизмѣнны*; либо одинаковые мотивы могутъ вызывать при совершеннѣ одинаковыхъ обстоятельствахъ и *неодинаковыя*, т. е. *различные* дѣйствія; но тогда мотивы перестаютъ, очевидно, быть *неизмѣнными*, а эмпирический характеръ, какъ источникъ такихъ *измѣняющихся мотивовъ* перестаетъ быть *неизмѣннымъ*. *Tertium non datur*.

Но самое разительное противорѣчіе Шопенгауера сказывается въ ученіи его обѣ отмѣнѣ, т. е. полномъ уничтоженіи умопостигаемаго и эмпирическаго характеровъ *въ феноменѣ аскезы*.

Въ самомъ дѣлѣ, если эмпирический характеръ по природѣ своей абсолютно неизмѣненъ, то какъ возможно *измѣненіе* такого *неизмѣнного* характера въ феноменѣ аскезы?

А между тѣмъ на возможности *измѣненія* эмпирическаго (т. е. *неизмѣнного*) характера покоится все ученіе Шопенгауера обѣ аскезѣ и искупленіи: у аскета—учить Шопенгауэръ—*измѣняется* (и даже совершенно *уничтожается*) не только умопостигаемый, но и *эмпирический* (т. е. *неизмѣнный*) *характеръ!*....

Одно изъ двухъ: либо эмпирический характеръ *абсолютно неизмѣненъ*; тогда онъ *не можетъ измѣняться и у аскета*; либо эмпирический характеръ можетъ измѣняться у аскета; тогда эмпирический характеръ, очевидно, перестаетъ быть неизмѣннымъ.

Tertium non datur.

Шопенгауэръ, какъ извѣстно, называлъ уничтоженіе воли, какъ вещи въ себѣ (въ феноменѣ аскезы) «чудомъ по преимуществу».

Но легко видѣть, что и для объясненія возможности *измѣненія* эмпирическаго, (т. е. *неизмѣнного*) характера у аскета нужно призвать на помощь *еще одно* «чудо по преимуществу»; но тогда окажется, что въ основаніи Шопенгауэровой теоріи свободы—находится *разомъ два чуда*, что составить уже не одно, а *цѣлыхъ два „единственныхъ исключеній!“*¹⁾.

Нужно оговорить, впрочемъ, что ученіе Шопенгауэра объ *измѣненіи* эмпирическаго (т. е. *неизмѣнного*) характера является *логическимъ наслѣдіемъ* Кантова ученія о «переломѣ» (Revolution) въ характерѣ человѣка, происходящемъ благодаря «извѣстнаго рода перерожденію и нѣкоторому новому акту творенія и обновленія сердца». Усвоивъ понятію «воли» Кантово различеніе умопостигаемаго и эмпирическаго характеровъ, Шопенгауэръ *необходимо долженъ былъ повторить* теоретическую ошибку Канта, поскольку примѣнилъ къ понятію *внѣдѣльственной и вѣнчисленной* воли, какъ «вещи въ себѣ» категоріи *дѣйствія и числа*²⁾.

Коль скоро *всъ до одного дѣйствія* человѣка строго *предопредѣлены* его неизмѣнныи эмпирическіи характеромъ, то отсюда слѣдуетъ заключить, что точно также и самыи *факты измѣненія характера* въ феноменѣ аскезы въ свою очередь *предопредѣлены* неизмѣнныи характеромъ аскета! Но если даже и допустить возможность такого

¹⁾ Ср. проф. Гижицкій („Kant und Schopenhauer“. Zwei Aufsätze. von Georg von Gyzicki. Hermann Haacke. Leipzig, S. 105): „Нельзя не признать, что системѣ Шопенгауэра не чужды противорѣчія, хотя система эта таитъ въ себѣ противорѣчія не въ такой мѣрѣ, въ какой приписываютъ ей противники Шопенгауэра... Шопенгауэръ слѣдующимъ образомъ самъ объяснялъ возможность противорѣчій такого могучаго ума, какъ онъ, противорѣчій, подмѣчаемыхъ недалекими умами (kleine Geister): „Eine gefasste Hypothese giebt uns Luchsauen für alles sie Bestätigende und macht uns blind für alles ihr Widersprechende..“ Ср. также: Куно Фишеръ: „Артуръ Шопенгауэръ“ Пер. съ нѣм. подъ ред. В. П. Преображенскаго. Москва. 1896. Издание Московскаго Психологическаго Общества. Стр. 511.

²⁾ Объ *историческомъ и внутреннемъ преемствѣ* Шопенгауэрова ученія объ *измѣненіи* эмпирическаго характера въ феноменѣ аскезы и Кантовой теоріи „*обновленія сердца*“ (въ его „Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft“) я говорю болѣе подробно въ своемъ *предисловіи* къ переводу монографіи Куно Фишера: „Ueber die menschliche Freiheit“ (см. Куно Фишеръ: „О свободѣ человѣка“. Съ приложеніемъ: 1) Трактата Лейбница: „О свободѣ“; 2) Письма его же къ Косту: „О необходимости и случайности“. Переводъ со 2-го нѣм. изд. подъ редакціей проф. М. И. Свѣшникова. СПБ. 1899). Въ указанной монографіи „О свободѣ человѣка“ Куно Фишеръ впадаетъ въ то же самопротиворѣчіе, которое я пытался отмѣтить въ Шопенгауэровой теоріи *неизмѣнности* характера: объявляя „*естественный*“,—а на языкѣ Шопенгауэра—„*эмпирический, врожденный*“ характеръ *неизмѣнныхъ*, Куно Фишеръ допускаеть, однако, „*превращеніе*“ (Umwandlung) такого неизмѣннаго „*естественнаго*“ характера. „То измѣненіе наклонностей, которое служитъ единственнымъ и безраздѣльнымъ фактомъ и свидѣтельствомъ свободы“—говорить Куно Фишеръ—„происходитъ не на поверхности, а въ корнѣ, не па вѣнѣній сторонѣ, а въ глубочайшемъ основаніи характера; оно измѣняетъ побуждаемое egoизмомъ направлениѳ воли, оно является *превращеніемъ* (Umwandlung)“ (см. 25-ую стр. русскаго перевода). Какъ, однако, примирить ученіе Куно Фишера объ *измѣненіи, превращеніи* характера съ утвержденіемъ его, что „наши дѣйствія суть послѣдствія естественнаго характера и обусловлены его основными направленими во всей своей растяжимости (Ausdehnung)“ или: „естественный характер опредѣляетъ поступки; внутри его нѣтъ мораль-

изменения эмпирического характера, то легко видеть, однако, что Шопенгауэръ во всякомъ случаѣ неизбѣжно впадаетъ въ безысходный кругъ (*circulus vitiosus*) и что ученіе его объ измѣненіи характера аскета превращается въ софизмъ Гоммеля ¹⁾ или въ «мусульманскую судьбу» (*fatum Mahometanum*), логическую несостоительность которой разоблачилъ еще Лейбницъ въ своемъ опроверженіи «софизма лѣниваго разума» ²⁾.

IV.

Независимо отъ указанныхъ внутреннихъ теоретическихъ противорѣчий, на которыхъ покоятся все ученіе Шопенгауэра о неизмѣнности характера, ученіе это оказывается бессильнымъ служить критеріемъ для

най свободы, нѣть способности измѣнить этотъ характеръ. При всѣхъ перемѣнахъ и преобразованіяхъ, которая происходитъ въ способѣ проявленія характера, основное его направление остается тѣмъ же самымъ. Да и нельзѧ измѣниться, если въ основѣ остается тѣмъ же самымъ". Но если „внутри характера нѣть моральной свободы, нѣть способности измѣнить себя“, если „основное направление“ характера остается всегда „тѣмъ же самымъ“, то какъ возможно „превращеніе“, т. е. измененіе характера, которое „проходитъ въ корнѣ... въ глубочайшемъ основаніи... измѣняетъ направление воли?“ Самопротиворѣчіе Куно Фишера оказывается неустранимымъ. Любопытно отмѣтить, что три наиболѣе крупныхъ „эмпирическихъ“ детерминиста—Кантъ, Шопенгауэръ и Куно Фишеръ, упорно отстаивающіе фактъ неизмѣнности эмпирического характера, въ концѣ концовъ сами приходяще къ противорѣчивому признанію измѣняющіи сти характера: Кантъ—въ ученіи объ „обновлении сердца“, Шопенгауэръ—въ ученіи объ отмѣнѣ воли въ феноменѣ аскезы и Куно Фишеръ—въ ученіи о „превращеніи естественного характера“. Справедливо говорить авторъ прекраснаго реферата „Вопросъ о свободѣ воли“ Л. М. Лопатинъ: „Замѣчательно, что именно тѣ мыслители, которые съ наибольшей рѣшительностью настаивали на абсолютной неизмѣнности нашего умопостигаемаго существа и вытекающей изъ нея призрачности человѣческихъ усилий, совершаюю во времени, по странной непослѣдовательности, глубже всѣхъ показали огромное значеніе тѣхъ великихъ моментовъ жизни, когда вся воля человѣка становится другою и принимаетъ направление, прямо противоположное прежнему („О свободѣ воли“ Изд. Моск. Псих. Общ. стр. 168.)

¹⁾ „Эта фаталистическая точка зреїнїя ясно сказывается у Гоммеля: онъ говоритъ, что самый фактъ борьбы съ вредными явленіями природы, въ томъ числѣ и съ преступниками, заранѣе предопределѣнъ, и представители государственной власти не могутъ не подчиняться этому предопределѣнію. Въ поясненіе онъ разсказываетъ слѣдующій анекдотъ: мой слуга, говорить онъ, разбилъ одну мою дорогую вазу, за что получилъ отъ меня ударъ. Слуга, заплакавъ, обращается ко мнѣ и говоритъ: „мнѣ неоднократно приходилось слышать, какъ ты предъ своими учениками отрицаешь свободу воли и говоришь о какой-то Книгѣ Жизни, въ которой отъ вѣка всѣ события предначертаны,—за что же ты ударилъ меня? Вѣдь я былъ несвободенъ, я принужденъ былъ разбить вазу“. Я ему отвѣчу: „переверни страницу въ этой Книгѣ и ты тамъ прочтешь, что я долженъ былъ тебя ударить“. (См. проф. Н. Д. Сергеевский: „Русское уголовное право“ СПб. 1890. Изд. 2-е. «Теорія детерминизма» стр. 239).

²⁾ „Ложно“ говорить Лейбницъ въ предисловіи къ „Теодицеѣ“ по поводу „софизма лѣниваго разума“, — „что событие совершился, какъ бы люди ни поступали: оно совершился, но потому именно, что люди вызовутъ его своими поступками, и если это событие предначертано въ книгѣ судебъ, то въ ней же написана также причина, которая вызоветъ наступление такого события: такимъ образомъ, связь дѣйствій и причинъ, вместо того, чтобы подтверждать ученіе о необходимости, вредной для дѣятельности, ведеть скорѣе къ отрицанію этого ученія“. Нельзѧ не замѣтить, что Шопенгауэрова теорія неизмѣнности характера, вообще крайне односторонняя, лишена ширины чисто социологического критерія явленій; теоріи этой не хватаетъ историко-культурной перспективы, не хватаетъ эволюционнаго пониманія преемства явленій. Шопенгауэръ упускаетъ изъ виду,

правственной оценки поведения человека и превращается въ отповѣдь всякой нравственности.

Поясню свою мысль наглядными примѣрами:

1) Допустимъ, что Ивану, о нравственномъ поведеніи котораго мы будемъ судить по теоріи Шопенгауэра, минуло *вчера* въ 12 часовъ пополудни ровно двадцать пять лѣтъ. До миновенія двадцатипятилѣтияго возраста, т. е. до 12 часовъ *вчерашняго* дня, Иванъ не совершилъ ни одного безнравственнаго поступка и весь безукоризненно нравственный образъ жизни, но *сегодня*, ровно въ 12 часовъ пополудни Иванъ совершаетъ *первый* безнравственный проступокъ, напр., кражу. Такъ какъ, по теоріи Шопенгауэра—всѣ до одного дѣйствія человѣка служать *неотвратимыми* и бесспорными проявленіями *неизмѣнного* характера человѣка и разоблачаютъ истинныя залежи его нравственнаго бытія, то съ момента совершенія Иваномъ *первой* кражи, т. е. съ 12 часовъ пополудни *сегодняшняго* дня Ивана слѣдуетъ считать «воромъ павѣки» согласно формулѣ: «*кто разъ украль—весь вѣкъ свой воръ*».

Но такъ какъ, съ другой стороны, до 12 часовъ пополудни *сегодняшняго* дня Иванъ не совершаѣтъ *ни единаго* безнравственнаго поступка и былъ, вообще, безукоризненно нравственности, то отсюда слѣдуетъ неизбѣжно заключить, что въ 12 часовъ пополудни *сегодняшняго* дня въ *характеръ* Ивана произошла несомнѣнная, рѣзкая *перемѣна*. Коль скоро фактъ *измѣненія* характера Ивана становится вѣкъ всякаго сомнѣнія, то отсюда я долженъ заключить, что характеръ Ивана обладаетъ способностью *измѣняться*. Коль скоро *измѣняемость* характера Ивана для меня бесспорный фактъ, то, очевидно, я въ правѣ вполнѣ послѣдовательно допустить, что характеръ Ивана можетъ *въ будущемъ* измѣниться и въ лучшую сторону, какъ измѣнился онъ съ *сегодняшняго* дня—въ худшую сторону.

Легко видѣть, что съ точки зрењія Шопенгауэра, Ивана слѣдуетъ признать одновременно и воромъ и честнѣйшимъ человѣкомъ, «и павой

что самыя понятія о добрѣ и злѣ, самый свитокъ нашихъ нравственныхъ представлений, какъ и всѣхъ вообще явленій духовной жизни, развертывается вѣками въ послѣдовательной исторической смынѣ явленій, имѣетъ свою сложную эволюцію, свою закономѣрную судьбу. Самое возврѣніе *на кражу*, напр., какъ на безусловно безнравственный поступокъ, стало достояніемъ современаго общества лишь послѣ упорной многовѣковой историко-культурной борьбы человѣчества: въ житейскомъ быту древней Спарты, напр., *кража* не только не составляла безнравственнаго проступка, но, какъ извѣстно, искусственная кража практиковалась даже въ спартанской школѣ. какъ чисто *воспитательное* средство; извѣстно, что ловко учиненная кража вмѣнялась *даже въ похвалу* юному воспитаннику спартанской школы и встрѣчала со стороны воспитателей *поощреніе*, тогда какъ уличенный воришка-питомецъ подвергался наказанію и посрамлению за *неудавшееся* воровство. Равнымъ образомъ по культурнымъ возврѣніямъ древнихъ славянъ, кража совершенная гостепріимнымъ хозяиномъ для угощенія гостя-чужестранца вмѣнялась даже въ обязанность славянину и освѣщалась цѣльмъ рядомъ историческихъ преданій и обычаевъ. Всѧ исторія права, состоящая въ сущности *главу* изъ исторіи человѣческой культуры—имѣетъ своей темой конфліктъ между правомъ и нравственностью, между представлениемъ о должномъ и желанномъ. Исторія эта рисуетъ намъ въ сущности картину послѣдовательного насленія нравственныхъ представлений, побѣды человѣческаго духа надо всѣмъ, что угнетало нравственную свободу человѣка. Можно сказать, что вся исторія человѣческой культуры есть исторія *освобожденія* воли свободженія духа изъ подъ оковъ темныхъ стихій природы.

и вороной», чѣмъ-то вродѣ нравственнаго гермафродита, ибо коль скоро справедливо правило: «кто разъ укралъ—весь вѣкъ свой воръ», то въ силу той же теоріи *неизмѣнности* характера въ равной мѣрѣ справедливо и противоположное правило: «кто разъ совершилъ честный поступокъ, тотъ наѣки—честный человѣкъ». Иванъ совершилъ *однажды* кражу, но онъ *многократно* совершаѣтъ и честѣйшіе поступки.

Какъ же называть его съ точки зрењія Шопенгауэровой теоріи *неизмѣнности* характера: ужъ не *честѣйшимъ ли воромъ?*

О возрастѣ, обстановкѣ, психикѣ и мотивахъ Ивана не можетъ быть никакой рѣчи съ точки зрењія Шопенгауэра: по его теоріи «варами наѣки» слѣдуетъ признать и Жанъ-Жака Руссо, совершившаго кражи въ дѣтствѣ, подъ гнетомъ тягостной нравственной обстановки, и знаменитаго педагога Пирогова, похищавшаго въ юности подъ гнетомъ самой сурої нуды, чай, булки и т. п. мелочь у своей квартирной хозяйки, и человѣка, совершающаго кражу подъ вліяніемъ гипноза, и недавно вставшую изъ постели роженицу, и юношу въ пору полового мужанія (какъ извѣстно, *клептоманія* молодыхъ женщинъ послѣ родовъ и юношей, въ пору полового мужанія, обусловливается чисто физиологическими экзессами), и двухлѣтняго ребенка, который воруетъ, «не вѣдая, что творить», и большого клептомана, и закоренѣлаго, исправимаго негодяя и пр. и пр. Словомъ, если бы выстроить тюрьму по системѣ Шопенгауэра, то въ нее слѣдовало бы помѣстить самое разношерстное общество, начиная отъ невинныхъ младенцевъ и кончая старцами, начиная отъ закоренѣлыхъ негодяевъ и кончая такими людьми, какъ, наприм., Пироговъ, Жанъ-Жакъ Руссо, св. Кристианъ и пр. и пр.!.. Объ *исправлениї* Ивана не можетъ быть и рѣчи у Шопенгауэра уже потому, что эмпирический характеръ Ивана служитъ строжайшимъ проявленіемъ умопостигаемаго характера, а всякая-де *перемѣна* эмпирическаго характера потребовала бы соответствующей *перемѣны*, т. е. *дѣйствія* во времени со стороны вида-дѣятельнаго и вида-времененаго умопостигаемаго характера воли!...

Но такъ какъ, очевидно, *нельзя* совершить кражи или иного безнравственного проступка *непосредственно во второй разъ*, а необходимо совершить проступокъ когда-нибудь *впервые*, то самый фактъ совершения Иваномъ *первой* кражи, свидѣтельствуетъ ео ipso о томъ, что *умопостигаемый характеръ Ивана* (какъ единственный нравственно-отвѣтственный виновникъ *всехъ безъ исключенія дѣйствий его*) *измѣнился toto genere* въ моментъ совершенія Иваномъ *первой* кражи, ибо до этого момента у Ивана былъ *одинъ* (именно—честный) умопостигаем-

Было время, когда, напр., *jus primae noctis*, *jus vitaes ac necis*, позорное рабство съ его торговлей живымъ товаромъ, съ его правомъ безнаказанно распоряжаться человѣческой честью, свободой, здоровьемъ и жизнью—не только пользовались санкціей закона, но жили въ сознаніи общества, какъ нравственные нормы. Достаточно вспомнить, напр., что не такъ давно *jus primae noctis* составляло довольно обычное явленіе нравственного обихода помѣщиковъ въ эпоху крѣпостного права на Руси. Ученіе Шопенгауэра о *неизмѣнности* характера, такимъ образомъ, не только „не оправдывается психологически и въ высшей степени негуманно“, какъ справедливо говорить П. Е. Астафьевъ въ своемъ рефератѣ „Къ вопросу о свободѣ воли“ (стр. 352), но ученіе это рѣзко расходится съ самыми дорогими убѣжденіями и чаяніями соціального и историко-культурного міропониманія.

мый характеръ, а *съ* момента совершения кражи у того же самаго Ивана, стать *иной* (именно — безчестный) умопостигаемый характеръ; отсюда слѣдуетъ, что умопостигаемый характеръ Ивана (*т. е. виновъственная и винновременная воля, какъ «вещь въ себѣ»*) не только дѣйствуетъ во времени, но у Ивана оказывается разомъ *цѣлыхъ два умопостигаемыхъ характера*, т. е. *две* виѣчисленныя «вещи въ себѣ»!..

2) Но допустимъ, даѣте, что Иванъ *до* того момента, когда я пишу о немъ эти строки, не совершилъ ни единаго безнравственнаго поступка. Можно ли въ этомъ случаѣ назвать Ивана нравственнымъ человѣкомъ съ точки зрѣнія Шопенгауэрой теоріи? Нѣтъ; нельзя потому, что умопостигаемый характеръ Ивана, по соображенію съ которымъ *единственно* и возможна по Шопенгауэру нравственная оцѣнка, будучи *винновременной* «вещью въ себѣ» не исчерпывается, поэтому, сполна прошедшемъ, какъ формой времени. Иванъ можетъ даже *умереть*, не совершивъ въ теченіе всей своей жизни ни единаго безнравственнаго проступка и все же по теоріи Шопенгауэра, его нельзя назвать *нравственнымъ* человѣкомъ, ибо умопостигаемый характеръ, *единственный* нравственно-отвѣтственный виновникъ *всѣхъ безъ исключенія* дѣяній Ивана, будучи абсолютно независимъ отъ времени, не можетъ, поэтому, сполна покрываться и быть, такъ сказать, исчерпаннымъ и согласованнымъ съ эмпирическимъ характеромъ Ивана, т. е. иными словами съ существованіемъ Ивана *во времени*.

Теорія Шопенгауэра оказывается, такимъ образомъ, бессильной служить критеріемъ для нравственной оцѣнки не только прошлой или будущей, но и всей вообще земной жизни человѣка, такъ какъ единственнымъ нравственнымъ мѣриломъ человѣка служить его умопостигаемый, т. е. *винновременный* характеръ, и полная, истинная характеристика нравственности человѣка могла бы, поэтому, быть сдѣлана лишь по соображенію съ поведеніемъ его въ домировомъ, т. е. «посюстороннемъ» бытіи¹⁾). Но такъ какъ до сихъ порь никому еще не удалось «сноситься» съ «посюстороннимъ, умопостигаемымъ міромъ», то нравственная характеристика, сдѣланная лишь на основаніи земной жизни человѣка, оказалась бы *затѣдомо невозможной*, ибо умопостигаемый характеръ, будучи абсолютно *независимымъ отъ времени*, очевидно, не зависитъ и отъ земной, т. е. *временной* жизни человѣка.

Наконецъ, судить объ умопостигаемомъ характерѣ, приписывать ему какія бы то ни было качества, т. е., иными словами — *разпознавать* его нельзя уже потому, что умопостигаемый характеръ, будучи вещью въ себѣ — *абсолютно непознаваемъ*. *Какъ же можно познавать* *затѣдомо непознаваемое?*

Самопротиворѣчіе Шопенгауэра и въ этомъ случаѣ оказывается неустранимымъ.

Такимъ образомъ, помимо внутреннихъ, теоретическихъ противорѣчий въ самой архитектурѣ и аргументаціи Шопенгауэрской теоріи неизмѣнности характера, эта послѣдняя теорія поконится на *четырехъ* затѣдомо несостоятельныхъ *презумпціяхъ*:

¹⁾ Ср. соображенія Геблера по этому вопросу (см. „Elemente einer philosophischen Freiheitslehre, von C. Hebler, professor der Philosophie in Bern. Berlin. Georg Reimer. 1887 S. 57—60.

1) Она приписывает умопостигаемому характеру или *внѣдѣйственной* «вещи въ себѣ» категорію *дѣйствія*, т. е. допускаетъ возможность существованія нелѣпаго умопостигаемаго дѣйствія;

2) Она приписываетъ той же *внѣчислennой* «вещи въ себѣ» категорію *числа*, т. е. допускаетъ возможность существованія нелѣпаго «внѣчислennаго числа»;

3) Она приписываетъ понятію *абсолютно винѣпричинной* «вещи въ себѣ» категорію *причинности*, т. е. допускаетъ возможность нелѣпой умопостигаемой или «внѣпричинной причины».

4) Она предполагаетъ возможность *познанія* абсолютно непознаваемой «вещи въ себѣ» или—иными словами требуетъ *познанія безнадежно непознаваемаго умопостигаемаго характера*, объявляя этотъ послѣдній характеръ *единственнымъ мѣриломъ нравственности человѣка*.

Независимо отъ указанныхъ теоретическихъ погрѣшностей, на которыхъ, какъ мы видѣли, молчаливо поконится Шопенгауэрова теорія неизмѣнности характера, самая конструкція понятія: «неизмѣнныи эмпирическій характеръ», какъ я попытаюсь показать, таитъ въ себѣ *contradictio in adjecto* и представляетъ сочетаніе двухъ завѣдомо противорѣчивыхъ и посему исключающихъ другъ друга понятій.

Въ самомъ дѣлѣ: что значить предикатъ «неизмѣнныи» (*constant*)? Отвѣтъ: неизмѣнныи, значитъ: абсолютно неспособный къ какимъ-бы то ни было *измѣненіямъ*, а такъ какъ всякое измѣненіе, какъ показалъ Кантъ, есть ничто иное, какъ *дѣйствіе*, то отсюда слѣдуетъ, что предикатъ «неизмѣнныи» есть *перифраза* предиката «*внѣдѣйственный*». Итакъ, выраженіе: «*неизмѣнныи эмпирическій характеръ*» значитъ — иными словами—«*внѣдѣйственный эмпирическій характеръ*», а такъ какъ эмпирическій характеръ есть, въ свою очередь, *явление* умопостигаемаго характера, то выраженіе «*внѣдѣйственный эмпирическій характеръ*» означаетъ, по ближайшемъ анализѣ,—«*внѣдѣйственное явленіе*».

Теперь я спрашиваю: «Можно-ли понять сочетаніе такихъ двухъ понятій, изъ коихъ одно логически исключаетъ другое? Вѣдь предикатъ: *внѣдѣйственный*, присущій «вещи въ себѣ» *немыслимы* относительно явленія. Какъ-же, спрашивается, возможно сочетаніе двухъ *затѣдомо противорѣчивыхъ понятій*?

«*Внѣдѣйственное явленіе!* Умопостигаемое явленіе! Мужчина—мать! Женщина—отецъ!

При такомъ смышеніи понятій (*quaternio terminorum*) нась покидаетъ всякая ясность мысли.

Такимъ образомъ, самая конструкція понятія «неизмѣннаго эмпирическаго характера» представляетъ ничто иное, какъ замаскированное *contradictio in adjecto* и поконится на тѣхъ-же *теоретическихъ ошибкахъ*, которыя я пытался отмѣтить выше.

Такимъ образомъ, Шопенгауэрова теорія «умопостигаемой нравственности» не только является отповѣдью всякой нравственности, но она, какъ я покажу ниже, вырождается въ проповѣдь жестокаго умопостигаемаго (т. е. метафизического) фатализма и безнадежнаго нравственнаго квѣтизма.

Семенъ Грузенбергъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Александръ Ивановичъ Герценъ.

(Окончаніе).

Почти передъ самой смертью стало складываться въ мысляхъ Герцена иное отношеніе къ Марксу и «марксидамъ»¹⁾. Но было уже поздно.

Сильный умъ Герцена додумывался часто самостоятельно до прямо таки гениальныхъ мыслей, которыя, увы, не находились рѣшительно ни въ какой связи съ его общимъ міросозерцаніемъ. Такъ, рассказавши одинъ эпизодъ изъ жизни Н. Х. К. (въ статьѣ того же названія. Безъ сомнѣнія, Н. Х. Кетчеръ.), Герценъ писалъ: «перехожу къ тому вреду, который мы сдѣлали бѣдной С. Ошибкѣ, сдѣланная нами, *родовая ошибка всѣхъ утопій и идеализмовъ*. Вѣрно схватывая одну сторону вопроса, обыкновенно не обращается никакого вниманія, *къ чему эта сторона приросла и можно ли ее отѣлить*, — никакого вниманія на глубокое сплетеніе жилъ, *связывающихъ дикое мясо со всѣмъ организмомъ*. Мы еще все думаемъ, что достаточно сказать хромому — «возьми одръ свой и ступай!», онъ и пойдетъ»).

Если бы Герценъ приложилъ эту замѣтительно глубокую мысль къ тѣмъ вопросамъ, которые занимали его въ русской жизни, то онъ не могъ бы не увидѣть, что его воззрѣнія на общину, артель, роль интеллигентіи въ Россіи и т. д. страдаютъ «родовой ошибкой всѣхъ утопій и идеализмовъ», что, «вѣрно схвативши одну сторону вопроса», онъ (а за нимъ и всѣ народники до нашихъ дней), не обращаютъ вниманія на

¹⁾ Марксъ относился къ Герцену въ свою очередь далеко не дружелюбно. Извѣстенъ его отзывъ о нашемъ соотечественнике въ первомъ изданіи первого тома „Капитала“: „Если на европейскомъ континентѣ... все остается по старому... то все это можетъ, наконецъ, сдѣлать неизбѣжнымъ обновленіе Европы посредствомъ кнута и насильтственного смѣщенія европейской крови съ калмыцкой, о чёмъ такъ ревностно пророчествуетъ полурусскій и вполнѣ „москвичъ“ Герценъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ беллетристъ сдѣлалъ свое открытие „русскаго“ коммунизма не въ Россіи, а въ сочиненіи прусскаго региуринграта Гакстгаузена. „Капиталъ“. Т. I, стр. 643. Въ послѣдующихъ изданіяхъ „Капитала“ это мѣсто было Маркомъ исключено.

Быть ли Марксъ знакомъ съ Герценомъ лично? На это у самаго Герцена нѣтъ указаній, но въ статьѣ Н. Берга „Морская экспедиція повстанцевъ 1863 года“, основаніемъ для котораго послужилъ помѣщенный въ №№ 180—227 за 1878 годъ польской газеты „Gazeta Narodowa“ самимъ начальникомъ экспедиціи полковникомъ Лапинскимъ разсказъ о ней, мы находимъ, между прочимъ, такія строки: „у Герцена собралось нѣсколько революціонныхъ тузовъ,

то, «къ чему эта сторона приросла и можно ли ее отѣлить» и на «глубокое сплетеніе жилъ, связывающихъ дикое мясо со всѣмъ организмомъ». Во взглядѣ на названные вопросы русской жизни именно Герценъ и его последователи думали, что «стоитъ сказать хромому—возьми одръ свой и ступай—онъ и пойдетъ».

Къ такимъ же мыслямъ Герценъ подходилъ не разъ:

«Мы не любимъ простого, мы не уважаемъ природу по преданію, хотимъ распоряжаться ею, хотимъ лечить заговорившемъ и удивляемся, что больному не лучше; физика нась оскорбляетъ своею независимою самобытностью; намъ хочется алхими, магіи, *а жизнь и природа равнодушно идутъ своимъ путемъ*, покоряясь человѣку по мѣрѣ того, какъ онъ выучивается *действовать ихъ же средствами*¹).

«Занимался ли кто нибудь серьезно физиологіей общественной жизни, исторіей, какъ дѣйствительно объективной наукой? Никто: ни консерваторы, ни радикалы, ни философы, ни историки»²).

«Доктора разсуждаютъ о трудно больномъ не такъ, какъ безутѣшные родственники; они могутъ въ душѣ плакать, но для борьбы съ болѣзнию надобно *пониманіе, а не слезы*³».

Вотъ, по истинѣ, гениальныя мысли, развитіе которыхъ спасло бы Герцена отъ многихъ заблужденій. Въ особенности плодотворна была бы спинозовская мысль о необходимости *«пониманія, а не слезъ»*. (У Спинозы эта мысль выражена въ видѣ извѣстнаго афоризма почти въ тѣхъ же словахъ: «не плакать, не смѣяться, а понимать»).

Характеризуя французскую эмиграцію, Герценъ писалъ: «въ ихъ рядахъ есть люди умные, острые, очень добрые, съ горячей религіей и съ готовностью ей пожертвовать всѣмъ, но понимающихъ людей, людей, которые бы изслѣдовали свое положеніе, свои вопросы такъ, какъ *естественному испытателю изслѣдуется явленіе или патологъ—болѣзнь*, почти вовсе неѣть»⁴).

Почему Герценъ разглядѣлъ многое хорошее въ эмиграціи французской, хотя и тамъ происходили иногда просто ужасныя вещи (см. напр. разсказъ Герцена о дуэли между Бартеломи и Курне) или эмиграціи польской, несмотря на то, что отъ него не ускользнули и ея темныя стороны

бывшихъ тогда въ Лондонѣ—Мацини, Ледрю-Ролленъ, Марксъ—повидимому съ тѣмъ, чтобы подѣлывать на Лапинскаго, когда бы онъ поколебался. Изъ поляковъ, сверхъ Лапинскаго, былъ только Цвѣрцякевичъ; изъ русскихъ—Огаревъ. Сначала говорили болѣе всего о польскомъ восстаніи.

Э,—сказалъ практическій и прозорливый Марксъ, занимавшійся очень серьезно жареной телятиной,—въ Россіи можетъ быть только такой или другой бунтъ, причемъ достанется нѣмецкимъ платьямъ, а революціи никакой и никогда не будетъ.—Это вызвало горячія выраженія со стороны Герцена и Огарева. Ледрю-Ролленъ и Цвѣрцякевичъ имъ вторили. Мацини и Лапинскій больше молчали⁵. (*Исторический Вѣстникъ. Январь 1881 года, стр. 79*).

Въ посвященномъ тому же предмету разсказѣ Герцена *«Пароходъ Ward Jackson»* объ этомъ свиданіи совсѣмъ не упоминается, и потому разсказы Берга принадлежатъ, вѣроятно, къ апокрифическимъ.

¹⁾ Соч. т. V, стр. 22.

²⁾ Ibid. стр. 75.

³⁾ Ibid. стр. 81.

⁴⁾ Сбор. пос. и. стр. 106—107.

имъ же разсказанныя въ статьѣ «Пароходъ Ward Jackson» и нѣкоторыхъ другихъ.

О томъ, что такое нѣмецкая эмиграція, Герценъ могъ бы узнать, напр., отъ Аненкова, описавшаго впослѣдствіи ¹⁾).

¹⁾ „По дорогѣ въ Европу,—рассказываетъ Аненковъ, я получилъ рекомендательное письмо къ извѣстному Марксу отъ нашего степного помѣщика, также извѣстнаго въ своемъ кругу за отличного пѣвца цыганскихъ пѣсень, ловкаго игрока и опытнаго охотника. Онъ находился, какъ оказалось, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ учителемъ Лассалемъ и будущимъ головою Интернационального Общества. Онъ увѣрилъ Маркса, что, предавшись душой и тѣломъ его лучезарной проповѣди и дѣлу водворенія экономического порядка въ Европѣ, онъ ѓдетъ обратно въ Россію съ намѣреніемъ продать все свое имѣніе и бросить себя и весь свой капиталъ въ жерло предстоящей революціи. Даѣтъ этого увлеченіе идти не могло, но я убѣжденъ, что, когда лихой помѣщикъ давалъ всѣ эти обѣщанія, онъ былъ въ ту минуту искрененъ. Возвратившись же на родину, сперва въ свое имѣніе, а затѣмъ въ Москву, онъ забылъ и думать о горячихъ словахъ, произнесенныхъ нѣкогда такъ эффектно передъ изумленнымъ Маркомъ и умеръ не такъ давно престарѣлымъ, но еще пылкимъ холостякомъ въ Москвѣ. Немудрено, однако, что послѣ подобныхъ продѣлокъ, какъ у самого Маркса, такъ и у многихъ другихъ, сложилось и долгое время длилось убѣженіе, что на всякаго русскаго, къ немъ приходящаго, прежде всего должно смотрѣть, какъ на подосланнаго шпиона или какъ на безсовѣстнаго обманщика... Я воспользовался, однако, письмомъ моего пылкаго помѣщика, который, отдавая его мнѣ, находился еще въ энтузиастическомъ настроеніи и былъ принять Маркомъ въ Брюссель очень дружелюбно... Съ первого свиданія Марксъ пригласилъ меня на совѣщаніе, которое должно было состояться у него на другой день вечеромъ съ портнымъ Вейтлингомъ, оставившимъ за собою въ Германии довольно большую партию работниковъ. Совѣщаніе назначалось для того, чтобы опредѣлить по возможности общій образъ дѣятельности между руководителями рабочаго движенія. Я не замедлилъ явиться на приглашеніе... Отрекомендовавшись наскоро другъ другу и притомъ съ отѣнкомъ изысканной утчиности со стороны Вейтлинга, мы сѣли за небольшой зеленый столикъ, на одномъ концѣ котораго помѣстился Марксъ, взявъ карандашъ въ руки и склонивъ свою львиную голову на листъ бумаги, между тѣмъ, какъ перазлучный его спутникъ и сотоварищъ по пропагандѣ, высокій, прямой, по английскому важный и серьезный, Энгельсъ открылъ застѣданіе рѣчью... Онъ еще не кончилъ рѣчи, когда Марксъ, поднявъ голову, обратился прямо къ Вейтлингу съ вопросомъ: „скажите же намъ, Вейтлингъ, какими основаніями оправдываете вы свою революціонную и соціальную дѣятельность и на чёмъ думаете утвердить ее въ будущемъ?“ Я очень хорошо помню самую форму рѣзкаго вопроса, потому что съ него начались горячія пренія, продолжавшіяся, какъ сейчасъ окажется, очень не долго. Вейтлингъ, видимо, хотѣлъ удержать совѣщаніе на общихъ мѣстахъ либерального разноглагольствованія. Съ какимъ то серьезнымъ, озабоченнымъ выраженіемъ на лицѣ, онъ началъ объяснять, что цѣлью его было не создать новыя экономической теоріи, а принять тѣ, которыя всего способнѣе, какъ показалъ опыты во Франціи, открыть рабочимъ глаза. Онъ говорилъ долго, но къ удивленію моему и въ противоположность съ рѣчью Энгельса сбивчиво... Опъ имѣлъ теперь совсѣмъ другихъ слушателей, чѣмъ тѣ, которые обыкновенно окружали его станокъ или читали его газету... Вейтлингъ, вѣроятно, говорилъ бы еще дольше, еслибы Марксъ съ гнѣвно-стиснутыми бровями не прервалъ его и не началъ своего возраженія. Сущность саркастической его рѣчи заключалась въ томъ, что въ цивилизованной землѣ, какъ Германия,—люди безъ положительной доктрины ничего не могутъ сдѣлать, да и ничего не сдѣлали до сихъ поръ, кромѣ шума, вредныхъ вспышекъ и гибели самого дѣла, за которое принялись.—Краска выступила на блѣдныхъ щекахъ Вейтлинга, и онъ обрѣлъ живую, свободную рѣчу. Дрожащимъ отъ волненія голо* сомъ сталъ онъ доказывать, что онъ, Вейтлингъ, утѣшаются отъ сегодняшнихъ нападокъ воспоминаніемъ о тѣхъ сотняхъ писемъ и заявленій благодарности, которыя получила со всѣхъ сторонъ своего отечества. При послѣднихъ словахъ взбѣщенный окончательно Марксъ ударилъ кулакомъ по столу такъ сильно, что зазвенѣла и зашаталась лампа на столѣ, вскочилъ съ мѣста и проговорилъ: „никогда еще невѣжество никому не помогло!“ Мы послѣдовали его примеру и тоже вышли изъ за стола. Засѣданіе кончилось, и покуда Марксъ хо-

Къ концу своей жизни Герценъ писал «письма къ старому товарищу» (Бакунину), которые весьма замѣчательны во многихъ отношеніяхъ. Уже самыи къ нимъ эпиграфъ, взятый изъ письма Іереміи Бентама къ Александру Первому—«одни мотивы, какъ бы они ни были достаточны, не могутъ быть дѣйствительны безъ достаточныхъ средствъ», указываетъ на точку зрѣнія, которой хотѣлъ держаться Герценъ въ этихъ «письмахъ». Онъ высказываетъ мысль, что скачки въ исторіи невозможны не только потому, что этому противодѣйствуютъ всякія «внѣшнія препятствія», но и потому, что «старое» имѣть слишкомъ глубокіе корни во всемъ прошломъ. «Большинство, наиболѣе страдающее, стремится одною частью,—городскихъ рабочихъ,—выйти изъ него, но удерживается старымъ традиціоннымъ міросозерцаніемъ другой и самой многочисленной части» (крестьянства) ¹⁾.

«Изъ міра нравственной неволи и подъавторитетности мы и бѣемся выйти *въ ширь пониманія, въ міръ свободы въ разумъ*» ²⁾.

«Я нисколько не боюсь слова «постепенность», опошленного шаткостью и невѣрнымъ шагомъ разныхъ реформирующихъ властей. Постепенность, такъ какъ непрерывность, неотъемлема всякому процессу разумѣнія. Математика передается постепенно, отчего же конечные выводы мысли о соціологіи могутъ прививаться, какъ оспа, или вливаться въ мозги, какъ вливаютъ лошадямъ сразу лекарство въ ротъ» ³⁾.

«Ии ты, ии я не измѣнили нашихъ убѣждений, но розно стали къ вопросу. Ты рвешься впередъ по прежнему со страстью разрушенія, которую принимаешь за творческую страсть, ломая препятствія и уважая исторію только въ будущемъ. Я не вѣрю въ прежніе пути и стараюсь понять *такъ людской* (кур. Герцена) въ быломъ и настоящемъ, иду съ нимъ въ ногу, не отставая и не забѣгая въ такую даль, въ которую люди не пойдутъ за мною, не могутъ идти» ⁴⁾.

«Каждый восходящій или воплощающійся принципъ въ исторической жизни представляетъ *высшую правду* (кур. Герц.) своего времени и тогда онъ поглощаетъ лучшихъ людей; за него льется кровь и ведутся войны, потомъ онъ дѣлается *ложью* (кур. его же) и, наконецъ, *воспоминаніемъ*» ⁵⁾.

«Междуди міїніемъ Лассала и проповѣдью о неминуемомъ распущеніи государства въ федерально-коммунальную жизнь лежитъ вся разница обыкновенного рожденія и выкиданія» ⁶⁾.

«Проповѣдь нужна людямъ,—писалъ онъ сейчасъ же послѣ выше-приведенныхъ строкъ,—проповѣдь неустанныя, ежели путная, проповѣдь *равно обращенная къ работнику и хозяину*, къ земледѣльцу и мѣщанину

диль взадъ и впередъ въ необыкновенномъ раздраженіи по комнатѣ я на-скоро распрощался съ нимъ и его собесѣдниками и ушелъ домой, пораженный всѣмъ мною видѣннымъ и слышаннымъ». (*Замѣчательное Десятилѣтие. Вѣст. Евр. 1880 г. № 4 стр. 496—499.*)

¹⁾ Сборн. Посм. стат. стр. 289.

²⁾ Ibid. стр. 298.

³⁾ Ibid. стр. 298.

⁴⁾ Ibid. стр. 302.

⁵⁾ Ibid. стр. 308.

⁶⁾ Ib. стр. 309.

ниину. Апостолы намъ нужны прежде авангардовъ офицеровъ, прежде саперовъ разрушениемъ. Апостолы, проповѣдующіе не только своимъ, но и чужимъ»¹⁾.

Смерть застала Герцена такъ и не примирившимъ роившіяся въ его головѣ противорѣчія...

Помимо сочиненій Герцена въ высшей степени интересна его переписка съ разными лицами, знакомство съ которой безусловно необходимо для пониманія духовной физіономіи знаменитаго писателя. Въ числѣ его многочисленныхъ поклонниковъ находился и К. Д. Кавелинъ, писавшій ему между прочимъ такія письма:

«Я выбиралъ эти бисерики изъ твоихъ статей, которыя казались мнѣ программами цѣлыхъ будущихъ трактатовъ и благоговѣлъ передъ этими проблесками геніальности, закладывавшими мысль за столѣтіе впередъ»²⁾.

«Когда ты обличаешь все съ неслыханной и невиданной смѣлостью, когда ты бросаешь въ геніальныхъ своихъ статьяхъ и памфетахъ мысли, которыя забѣгали на вѣка впередъ, а для текущаго дня ставили требованія самая умѣренная, самая ближайшая, стоявшія на очереди, ты мнѣ представлялся тѣмъ великимъ человѣкомъ, которымъ должна начаться новая русская исторія. Я плакать надъ твоими статьями, знать ихъ назусть, выбирать изъ нихъ эпиграфы для будущихъ историческихъ трудовъ, изслѣдователей политическихъ и философскихъ»³⁾.

«Повторяю, мысли, которыя ты бросаешь мимоходомъ, какъ будто невзначай, кажутся мнѣ программами на вѣка»⁴⁾ и т. д.

Увлеченіе Кавелина Герценомъ, конечно, вполнѣ заслуженно, но иногда оно было такъ велико, что Константинъ Дмитріевичъ,—да проститъ мнѣ читатель вульгарное выраженіе,—«поддакивалъ», и даже забѣгалъ впередъ подчасъ самыхъ невозможныхъ абсурдовъ своего кумира.

«Идите бодро своей дорогой,—писалъ онъ Герцену и Огареву,— сѣмена, которыя вы сѣете (дѣло шло объ изданіяхъ на русскомъ языкѣ), падутъ на добрую почву, т. е. на подпочву русскую, свѣжую, неразвернутую излишнимъ книжнымъ учениемъ. Тамъ здраваго смысла большие, чѣмъ въ нашихъ слояхъ и тамъ все это будетъ понятно»⁵⁾.

Рѣдкія свиданія съ Герценомъ казались Кавелину изъ праздниковъ праздниками, о которыхъ онъ съ восторгомъ упоминалъ потомъ въ своихъ письмахъ. Все это Герценъ принималъ какъ должное и даже посвятилъ Кавелину своего «Роберта Оуэна». Но, вотъ, тотъ же Кавелинъ написалъ заграницей брошюру, находившуюся въ большомъ, по нашему мнѣнію, согласіи съ славянофильско-народническо-демократическими взглядами Герцена, *противъ* дворянско-конституціонныхъ замысловъ нѣкоторыхъ лицъ въ 60-хъ годахъ («Дворянство и освобожденіе крестьянъ»). Герценъ страшно на это разсердился и тономъ властнаго человѣка писалъ Кавелину: «буду ждать твоего отвѣта или не буду ждать и тебя!»... Еще рѣзче обходился Гер-

¹⁾ Ib. стр. 311.

²⁾ Переписка Тургенева и Кавелина съ Герценомъ, стр. 55.

³⁾ Ibid. стр. 60.

⁴⁾ Ibid. стр. 47.

⁵⁾ Ib. стр. 13.

ценъ съ И. С. Тургеневымъ, который не разъ начинай свои письма къ нему фразами въ родѣ такой: «ну, и гиѣвенъ же ты, гиѣвенъ, Александръ Ивановичъ»... Впрочемъ, несмотря на мягкость своего характера, Тургеневъ болѣе другихъ *позволялъ себѣ* возражать Герцену по теоретическимъ вопросамъ, касавшимся Россіи. Какъ послѣдовательный западникъ онъ, конечно, не могъ согласиться съ Герценомъ, возврѣнія которого на Россію мѣтко называлъ «неперебродившей соціально-славянофильской брагой».

«Главное наше несогласіе съ Огаревымъ и Герценомъ,—писалъ онъ къ одному пріятелю,—состоитъ въ томъ, что они, презирая и чуть не топча въ грязь образованный классъ въ Россіи, предполагаютъ реформаторское начало *въ народѣ*. На дѣлѣ это совсѣмъ наоборотъ»¹).

«Роль образованнаго класса въ Россіи,—писалъ онъ же Герцену и Огареву,—быть передавателемъ цивилизациіи народу съ тѣмъ, чтобы онъ самъ уже рѣшилъ, что ему принимать или отвергать; это, въ сущности, скромная роль, хотя въ ней подвизались Петръ Великій и Ломоносовъ, хотя ее приводить въ дѣйствіе революція; эта роль, по моему, еще не кончена. Вы же, господа, напротивъ, нѣмецкимъ процессомъ мышленія (какъ славянофилы) абстрагируя изъ едва понятой и понятной субстанціи народа тѣ принципы, на которыхъ вы предполагаете, что онъ построить свою жизнь, кружитесь въ туманѣ, и что всего важнѣе, въ сущности, отрекаетесь отъ революціи, потому что народъ, предъ которымъ вы преклоняетесь, *консерваторъ par excellence* и даже *носитъ въ себѣ зародыши такой буржуазіи* въ дубленомъ тулупѣ, теплой и грязной избѣ, и отвращеніемъ ко всякой гражданской отвѣтственности и самодѣятельности, что далеко оставить за собою всѣ мѣтко-вѣрные черты, которыми ты изобразилъ западную буржуазію въ своихъ письмахъ. Далеко нечего ходить,—посмотри на нашихъ купцовъ. Я не даромъ употребилъ слово абстрагировать. Земство, о которомъ вы мнѣ въ Лондонѣ протрубыли уши,—это пресловутое земство оказалось на дѣлѣ такой же вымученной штучкой, какъ родовой быть Кавелина и т. д. Въ теченіе лѣта я потрудился надъ Щаповымъ²) (истинно потрудился!) и ничто не измѣнило моего убѣжденія. Земство либо значить то-же, что значитъ любое, однозначное западное слово, либо ничего не значитъ и въ Щаповскомъ смыслѣ непонятно *ровно ста музыкамъ изъ ста*»³).

«Россія—не Венера Милосская въ черномъ тѣлѣ и узахъ. Это такая же дѣвица, какъ и старшія ея сестры, и она уже... и также будетъ таскаться, какъ и тѣ»⁴).

«Отъ общинъ Россія не знаетъ какъ отчураться, а что до артели, я никогда не забуду выраженія лица, съ которымъ мнѣ сказалъ въ нынѣшнемъ году одинъ мѣщанинъ: «кто артели не зналъ, не знаетъ петли». Не дай Богъ, чтобы безчеловѣчно-эксплуататорскія начала, на которыхъ дѣйствуютъ наши артели, когда нибудь примѣнились въ болѣе широкихъ размѣрахъ»⁵).

¹) Ib. стр. 153.

²) т. е. надъ книгой Щапова „Земство и расколъ“.

³) Переписка стр. 160—161.

⁴) Ib. стр. 170.

⁵) Ib. стр. 198.

Герценъ отвѣчалъ на все это не только письмами, но и цѣлыми статьями («Концы и начала», «Еще варіація на старую тему» и др.)

«На нашей движущейся, не сложившейся почвѣ только и есть консервативнаго, что *сельская община*, т. е. только то, что слѣдуетъ сохранить» ¹⁾.

«Государство и крѣпостное право по своему сохранило родовую общину; постоянное, зимующее (кур. Герц.) начало, оставшееся въ ней изъ патріархализма, вовсе не утратилось: общинное владѣніе землей, міръ и выборы составляютъ почву, на которой легко можетъ вырасти новая общественная жизнь, почву, которой, какъ нашего чернозема, почти нѣть въ Европѣ. Вотъ почему, любезный другъ, я, середъ мрачнаго, раздирающаго душу реквиема, среди темной ночи, которая падає на усталый, болѣй западъ, отворачиваюсь отъ *предсмертнаго* стона великаго борца, котораго уважаю, но которому помочь нельзя и съ упованіемъ смотрю на нашъ родной востокъ, внутри радуясь, что я русскій» ²⁾.

Начавши еще съ письма къ Мишле страстную проповѣдь объ особыхъ, самобытныхъ путяхъ, которыми предстоитъ развиваться Россіи, объ общинахъ, артели и прочихъ «стихіяхъ русской жизни» ³⁾, на коихъ должно созиждаться зданіе будущаго, Герценъ такъ и умеръ съ убѣжденіемъ въ истинности своихъ объ этомъ предметѣ воззрѣній.

Эта иллюзія Герцена проникла позже глубоко въ сознаніе писателей народническаго направленія, *котораго Герценъ и явился первымъ родоначальникомъ и основоположникомъ*.

Намъ слѣдовало бы сказать еще объ издательской дѣятельности Герцена заграницей, но въ настоящей статьѣ мы этого предмета касаться не будемъ.

Девятаго января 1870 года Герцена не стало, и могила въ Ницѣ приняла въ себя бренные останки одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей и отмѣченного несомнѣнною печатью геніальности писателя.

В. Богучарскій.

¹⁾ Еще варіація на старую тему стр. 285.

²⁾ Ibid. стр. 292.

³⁾ Подлинное выраженіе Герцена. т. IV. стр. 267.

Къ вопросу о классификаціи типовъ землеполь- зованія.

Называя употребляемую мною терминологію «очень мѣткой и отчетливой», авторъ недавно вышедшей книги «Русская Община», г. Качоровскій, ставить мнѣ, однако въ упрекъ «искусственное отличие особаго *вольнаго* владѣнія отъ *семейно-захватнаго*». По мнѣнию г. Качоровскаго та форма землепользованія, которую я называю «*вольной*», есть въ сущности отънокъ единой общей формы, именуемой имъ «*семейно-захватной*». Понимая очень хорошо, какъ важна точная и ясная терминологія при анализѣ такого явленія, какъ землепользованіе (установленію наиболѣе точной, на мой взглядъ, терминологіи я посвятилъ особое введеніе къ своей книгѣ), я, однако, не могу согласиться съ мнѣніемъ г. Качоровскаго. Напротивъ, я полагаю, что г. Качоровскій безусловно затѣнилъ свою классификацію формъ землепользованія, соединивъ въ одно понятіе двѣ категоріи явленій и исторически, и юридически, и логически, рѣзко отличныя одно отъ другого. Но прежде, чѣмъ возражать г. Качоровскому по существу, посмотримъ, что разумѣеть онъ подъ «*семейно-захватнымъ* владѣніемъ». На 109 стр. «Русской Общины» авторъ ея опредѣляеть семейно-захватное владѣніе какъ такую форму, при которой «*отдельные семьи* свободно захватываютъ землю и *наследственно владѣютъ ею*¹⁾». Семейно-захватное владѣніе, слѣдовательно, предполагаетъ владѣніе посемейное, возникшее путемъ захвата и переходящее по наслѣдству. Это, очевидно, минимумъ содержанія этой формы, такъ какъ изъ другихъ объясненій г. Качоровскаго обнаруживается, что она гораздо богаче содержаніемъ. Такъ, въ другомъ мѣстѣ г. Качоровскій заявляетъ, что «*по объему личное право семейно-захватнаго владѣнія врядъ-ли въ чемъ-либо уступаетъ личной собственности*²⁾», а въ третьемъ мѣстѣ мы еще читаемъ: «*въ самыхъ первичныхъ и чистыхъ случаяхъ неограниченного захватнаго владѣнія...* на немъ (трудовомъ правѣ) основаны непосредственно всѣ тѣ обширныя права распоряженія заемщиками ихъ *участками*, ихъ продажа, дареніе, завѣщаніе, сдача въ аренду, которыя такъ характерны для него и такъ сближаютъ его съ личной собственностью». Такимъ образомъ изъ приведенныхъ цитатъ слѣдуетъ сдѣлать естественный выводъ, что семейно-захватная форма владѣнія землею есть форма вполнѣ *определенная* по

¹⁾ „Русская Община“, стр. 109.
²⁾ Ibidem., стр. 113.

содержанию, очень рѣзкая, а потому совершенно не гибкая, какъ и владѣніе на правахъ собственности. Лицо, владѣющее землею на семейно-захватномъ правѣ, по терминологии г. Качоровскаго, должно было вносить въ нее известную долю труда, обладать по отношенію къ этой землѣ вполнѣ опредѣленными правами (даже правомъ распоряженія), и кроме того земля эта должна представлять собою опредѣленный участокъ.

Если-бы г. Качоровскій былъ постѣдователъ и постоянно употреблялъ терминъ семейно-захватный въ томъ смыслѣ, какой онъ ему самъ придалъ своимъ опредѣленіемъ, у меня-бы съ нимъ никакого разногласія не могло быть, такъ какъ и я понимаю чисто захватное владѣніе, какъ такое, которое по объему своему ничѣмъ не отличается отъ права собственности¹⁾). Но въ томъ-то и дѣло, что г. Качоровскій очень скоро забылъ свое опредѣленіе и сталъ подводить подъ понятіе семейно-захватного владѣнія такія формы пользованія землей, которыя никоимъ образомъ не укладываются въ рамки его опредѣленія, а иногда прямо не имѣютъ ни одного общаго элемента съ семейно-захватнымъ владѣніемъ. Такъ, онъ считаетъ захватнымъ владѣніемъ и тотъ «кратковременный захватъ, (который) практикуется по отношенію (частію) къ лѣсу (т. е. къ пользованію деревьями...), пастбищамъ и иногда сънокосамъ, а также къ рыбнымъ ловлямъ, каменоломнямъ и т. п., по отношенію къ тѣмъ угодьямъ и до тѣхъ поръ, іѣль и пока производственный моментъ совпадаетъ, такъ сказать, съ эксплуатационнымъ, іѣль производимая природой полезности просто собираются безъ всякихъ предварительныхъ затратъ на то труда²⁾» (курсивъ нашъ). Но спрашивается, кто-же пользованіе деревьями въ лѣсу (когда всѣ могутъ рубить лѣсъ свободно, гдѣ хотятъ и сколько хотятъ) назоветъ захватомъ? Всякая терминология должна быть прежде всего ясна, и употребленіе словъ въ такомъ смыслѣ, въ какомъ ихъ никто не употребляетъ, представляетъ уже само по себѣ большое неудобство. Въ самомъ дѣлѣ, кому придется въ голову назвать захватомъ собираніе ягодъ въ лѣсу, если ягодъ изобиліе, и всякий ихъ можетъ свободно собирать въ какомъ угодно количествѣ? Или при чемъ захватъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ всякий, въ предѣлахъ огромной территории, можетъ пасти свой скотъ, гдѣ угодно и когда угодно, вмѣстѣ съ другими или отдельно, независимо отъ количества этого скота? Въ такихъ случаяхъ мы будемъ имѣть дѣло исключительно со *свободнымъ*, иначѣ и никакъ не стѣсняемымъ пользованіемъ пастбищами, сегодня въ одномъ мѣстѣ, завтра въ другомъ, сегодня однимъ хозяиномъ, а завтра другимъ. Но оставляя даже за г. Качоровскимъ свободу называть разныя формы землепользованія самыми своеобразными терминами, я, да и всякий другой читатель, выравѣ требовать, чтобы эти термины имѣли употреблялись всегда въ одномъ и томъ-же смыслѣ, а этого-то требованія г. Качоровскій и не выполняетъ. Если захватное владѣніе есть владѣніе *насильственное*, если для его возникновенія нужна *затрата нѣкотораго труда*, если по объему своему оно не уступаетъ собственности, то какъ можно назвать захват-

¹⁾ М. Кроль. «Формы землепользованія въ Забайкальской области», стр. 2. Материалы по изслѣдованію землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области, вып. 10).

²⁾ „Русская Община“, стр. 109—110.

нымъ такое пользованіе пастбищемъ, когда оно продолжается всего одинъ или нѣсколько дней (у кочевниковъ), когда всякий другой можетъ пасти свой скотъ рядомъ съ первымъ или послѣ него, не спрашивалось его, и когда для пользованія пастбищемъ не требуется ни капли труда (у инородцевъ скотъ уходитъ самъ въ степь утромъ и возвращается самъ-же вечеромъ къ стойбищу; табуны-же лошадей пасутся мѣсяцами безъ присмотра). Въ такомъ пользованіи, по моему мнѣнію, нѣть ни одного изъ элементовъ, изъ которыхъ составляется захватное владѣніе, и почему г. Качоровскій называетъ его все-таки захватомъ, я постигнуть не могу.

Г. Качоровскій вообще слишкомъ схематиченъ и изъ-за отвлеченныхъ построений иногда упускаетъ изъ виду реальную дѣйствительность, тотъ жизненный процессъ развитія разныхъ формъ землепользованія, который только одинъ и долженъ служить основаніемъ для всякихъ теоретическихъ построений. Такъ, онъ утверждаетъ, «что вполнѣ чистая форма захвата, *ничѣмъ неограниченная*, возможна только въ періодъ *отсутствія границъ*: только тогда захватъ ограниченъ лишь захватомъ же и ничѣмъ болѣе¹⁾», а между тѣмъ это утвержденіе въ такой же мѣрѣ противорѣчитъ фактамъ, въ какой оно содержитъ внутреннее противорѣчіе. Я понимаю ничѣмъ неограниченный захватъ, какъ форму, по объему своему никакъ не ограниченную, и въ силу этого весьма сходную съ правомъ собственности. Такъ же понимаетъ чистый захватъ и г. Качоровскій; подъ періодомъ же *отсутствія границъ* слѣдуетъ разумѣть періодъ, когда захватъ неограниченъ *пространственно*, и смышеніе этихъ двухъ разнородныхъ понятій совершенно спутываетъ смыслъ всей приведенной цитаты; мало того, по словамъ г. Качоровскаго выходитъ, что захватъ, возможный только въ періодъ отсутствія границъ, все-таки *ограниченъ* захватомъ другого. Но разъ захватъ ограничивается захватомъ-же, значитъ для него границы (пространственные) существуютъ. На мой взглядъ, оно такъ и есть. Извѣстно, что всякий заемщикъ, въ періодъ очень большого земельного простора, готовъ претендовать на огромныя пространства земли, окружающія его «займку», но эта претензія ни для кого не обязательна, и фактически всякий желающій можетъ занять любое мѣсто вблизи старой заемки; неприкосновенными остаются только тѣ участки земли, на завладѣніе которыми старымъ заемщикомъ была затрачена извѣстная доля труда — застроенная усадьба, распаханное поле, огороженный или окопанный сѣнокосъ, зачерченный участокъ лѣса. Иначе и быть не можетъ. Чистый захватъ есть выдѣленіе изъ ничѣмъ не занятаго земельного фонда части земли въ индивидуальное пользованіе съ правомъ передавать ее по наслѣдству, отчуждать, сдавать въ аренду и т. д.; ясно, что эта часть должна имѣть свои хотя бы приблизительныя границы. Если онѣ не установлены заранѣе первымъ заемщикомъ, то тотъ или другой его соѣдѣ вынудить его установить эти границы. Совершенноnevѣро, поэтому, утвержденіе г. Качоровскаго, что чистая форма захвата возможна только въ періодъ отсутствія границъ. Противъ автора «Русской Общины» говорить также неопровергнутые факты. Какъ это доказано мною многочисленными примѣрами²⁾, въ восточномъ Забайкальѣ у инородцевъ, крестьянъ

1) „Русская Община“, стр. 108.

2) „Формы землепользованія въ Забайк. области“, стр. 52, 306 и 342.

и казаковъ одинаково господствуетъ чисто-захватное пользование пахотными землями, несмотря на то, что сѣнокосы (у крестьянъ и казаковъ) уже давно передѣляются и что земельные общины тамъ фактически самымъ тщательнымъ образомъ разграничены. Мало того, у хоринскихъ бурятъ во многихъ улусахъ было зарегистрировано чисто-захватное пользование сѣнокосами, несмотря на сильное «утѣсненіе» въ этомъ угодье (свободныхъ болѣе или менѣе удобныхъ для захвата подъ сѣнокость участковъ уже не было) и рѣзко обострившуюся борьбу между беспокосными и мало-покосными хозяевами и владельцами крупныхъ захватныхъ покосовъ.

Миѣ остается еще прибавить, что останавливаясь слишкомъ подробно на анализѣ крестьянского землепользованія, г. Качоровскій очевидно удѣлилъ недостаточно вниманія землепользованію инородческому, иначе онъ бы убѣдился, что чисто-захватная форма пользованія сѣнокосами, пастищами и лѣсомъ не можетъ быть признана первоначальной формой въ Сибири. Такъ, извѣстно, что многие сибирские инородцы стали заниматься хлѣбопашествомъ лишь недавно, и что нѣкоторые изъ инородческихъ племенъ еще какихъ-нибудь 100—150 лѣтъ тому назадъ не знали сѣнокошенія. Скотоводы вели чисто-пастушескій образъ жизни и круглый годъ переходили со своими стадами въ поискахъ за кормами (пастищемъ). Кочевали они по обширнымъ территоріямъ, которыхъ они считали «своими» съ «незапамятныхъ временъ» и которыми они владѣли, какъ колективно-родовымъ достояніемъ. Содержаніе этого пользованія исчерпывалось правомъ каждого члена родовой группы части свои стада по всей родовой территоії «безвозвранно». Само собою разумѣется, что захват не только не совмѣстимъ съ такого рода свободнымъ пользованіемъ землею, но прямо враждебенъ ему, ибо всякое изъятіе какого-либо участка изъ общаго пользованія должно было явиться посягательствомъ отдельного лица или семьи на общеродовое достояніе. Вотъ почему на почвѣ колективно-родового пастушескаго земельного права чистый захватъ могъ возникнуть лишь постепенно, черезъ множество промежуточныхъ формъ, которымъ я, во избѣженіе путаницы, предпочелъ не присваивать никакихъ специальныхъ наименованій. Эти формы мною описаны очень подробно, цитируетъ ихъ также неоднократно и г. Качоровскій, и миѣ остается пожалѣть, что, увлекшись желаніемъ упростить терминологію, онъ смѣшилъ свободное «вольное» пользованіе землей и цѣлый рядъ переливающихся, въ высшей степени гибкихъ промежуточныхъ формъ—съ такой рѣзко-обособленной, типичной формой, какъ чисто-захватная.

М. Кроль.

Итоги полемики о цѣнности.

I.

Полемика о цѣнности не сходитъ со столбцовъ русскихъ и нѣмецкихъ органовъ, а между тѣмъ, кажется, пора уже подвести ей итоги. „Критическое настроеніе“ пока не принесло замѣтныхъ плодовъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что не создало никакой положительной доктрины: но это и не обязанность критики. Если она содѣствовала сколько нибудь разъясненію понятій, то и это уже нѣкоторая заслуга. Въ качествѣ одного изъ участвовавшихъ въ критическомъ разборѣ трудовой теоріи, я прежде всего долженъ открыто заявить, что если рѣчь идетъ о положительныхъ построеніяхъ, то я и себѣ самому ничего подобнаго не приписываю. Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній я самъ рѣшительнымъ образомъ всегда подчеркивалъ, *что въ учении Маркса я усматриваю правильный логический выводъ изъ постулата, который, какъ и постулатъ Эвклида въ геометрии и какъ всякий вообще постулатъ, точно также не можетъ быть доказанъ, какъ и опровергнутъ*. Положеніе, гласящее, что известное количество простого труда (да и всякаго вообще труда, для котораго даны качественные опредѣленія, независимыя отъ вышеупомянутыхъ условій приложенія этого труда) производить въ данное время вполнѣ определенную величину цѣнности—это положеніе совершенно недоказуемо и точно также не подлежитъ никакому опроверженію. Это не болѣе, какъ допущеніе, основная гипотеза, въ силу которой и оказывается, что *всякая вообще цѣнность, а стало быть и прибавочная цѣнность создается исключительно живыиъ трудомъ въ процессѣ производства*. И когда нѣкоторые изъ моихъ оппонентовъ противопоставляли мнѣ какъ разъ это положеніе, то они обнаруживали лишь невнимательное отношение къ моей аргументаціи. Скажу даже болѣе. То обстоятельство, что этого положенія доказать нельзя, само по себѣ такъ же мало компрометируетъ ученіе Маркса, какъ недоказуемость постулата о параллельныхъ линіяхъ никакимъ не компрометируетъ геометріи древнихъ. Существо науки состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы *все* было доказано, а во-первыхъ въ

томъ, чтобы она образовала связную, не допускающую внутреннихъ противорѣчій, систему понятій, во-вторыхъ въ томъ, чтобы она не противорѣчила даннымъ опыта, если опытная проверка возможна по характеру самого вопроса. Геометрія Лобачевскаго не хуже и не лучше геометріи Эвклида. Ни та, ни другая не противорѣчить ни себѣ самой, ни опыту. „Доказать“ ощтомъ постулатъ Эвклида, однако, нельзя, потому что мы не имѣемъ опыта относительно безконечно удаленныхъ точекъ, который потребовался бы для эмпирическаго доказательства ученія о параллельныхъ линіяхъ. Мы не можемъ доказать опытомъ и вытекающей изъ эвклидовскаго постулата теоремы о внутреннихъ углахъ треугольника, такъ какъ могло бы случиться, что уклоненіе ихъ суммы отъ двухъ прямыхъ столь мало, что недоступно нашему измѣрению. Обѣ геометріи представляютъ связныя системы понятій безъ внутренняго противорѣчія, обѣ не опровергаются опытомъ — и мы этимъ довольствуемся. Но геометрія Эвклида имѣеть за собою преимущество простоты и поэтому, безъ всякаго сомнѣнія, она никогда не будетъ вытѣснена изъ обыденной жизни никакой иной геометріей.

Возвратимся къ теоріи цѣпности.

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что и постулатъ Маркса въ политической экономіи имѣеть на своей сторонѣ *преимущество простоты* по сравненію со всякимъ инымъ постулатомъ. Я попытался, правда, противопоставить ему постулатъ болѣе общаго характера, включающей постулатъ Маркса, какъ частный случай. Мое предположеніе состояло въ томъ, что, вообще говоря, величина цѣпности, создаваемой трудомъ, зависитъ не только отъ продолжительности рабочаго времени и отъ субъективной квалификаціи труда (что допущено и Марксомъ), но и отъ квалификаціи объективной. Слова субъектъ и объектъ подразумѣваются здѣсь, разумѣется, не въ психологическомъ и не въ гносеологическомъ смыслѣ, а въ смыслѣ экономическомъ: подъ субъектомъ подразумѣвается рабочая сила, а подъ объектомъ — вѣшняя обстановка, въ которой этой силѣ приходится дѣйствовать. Если объективные условия идеально постоянны, то, какъ я утверждалъ, мы приходимъ къ постулату Маркса, такъ какъ тогда влияніе этихъ условій слѣдуетъ игнорировать. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ, я считалъ необходимымъ принять ихъ въ разсчетъ. Говорю въ прошедшемъ времени „считалъ“, такъ какъ читатели увидятъ изъ настоящей статьи, какія основанія побуждаютъ меня теперь взять назадъ эту поправку и возвратиться къ теоріи Маркса *pure et simple*. Для того, чтобы читатели могли лучше оцѣнить мотивы, побуждавшіе меня отвергать постулатъ Маркса, — мотивы, по моему мнѣнію, все же сохраняющіе значеніе, какъ *критика*,

разъясняющая вопросъ о квалифицированномъ труде, я попробую освѣтить вопросъ съ нѣсколько иной точки зрењія, чѣмъ это дѣялось до сихъ поръ—частью и мною самимъ, а въ особенности, другими критиками Маркса.

II.

Много лѣтъ тому назадъ, Дюрингъ, разбирая ученіе Маркса о цѣнности, нашелъ въ немъ очень крупную „ошибку“, состоящую въ томъ, что это ученіе... недостаточно демократично. Рабочее время каждого человѣка, утверждалъ Дюрингъ, слѣдуетъ заранѣе признать равнозначнымъ съ рабочимъ временемъ всякаго другого человѣка. При квалифицированномъ труде, правда, получается въ то же рабочее время большая цѣнность, но это зависитъ просто отъ того, что здѣсь къ индивидуальному времени присоединяется еще рабочее время другихъ людей. Такое присоединеніе происходитъ, по Дюрингу, какъ въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ дѣло съ обученнымъ или искусеннымъ рабочимъ,—при чемъ къ труду рабочаго присоединѣнъ трудъ учителя, такъ и въ томъ случаѣ, когда рабочій пользуется орудіемъ, сдѣланыимъ другими рабочими.

Эти разсужденія позволяютъ Дюрингу, по его мнѣнію, рѣшительно отвергнуть то ученіе о квалифицированномъ труде, которое развивается Марксомъ въ „Капиталѣ“. „Нельзя,—говорить Дюрингъ, допустить, какъ это самымъ туманнымъ образомъ представляется себѣ Марксъ, что рабочее время одного человѣка имѣть само по себѣ большую цѣнность, чѣмъ другого человѣка,—потому, что въ немъ какъ бы сгущено больше средняго рабочаго времени; нѣть, всякое рабочее время, безъ всякаго исключенія и принципіально, безъ того, чтобы даже надо было брать среднюю величину, совершенно равнозначно со всякимъ другимъ при выполненіи работы каждого лица, какъ и во всякомъ готовомъ продуктѣ. Слѣдуетъ только присмотрѣться къ тому, сколько рабочаго времени другихъ лицъ могло скрытымъ образомъ заключаться въ кажущемся примѣненіи одного лишь собственного рабочаго времени. Идетъ ли рѣчь объ орудіи, которымъ работаетъ рука, или о самой руки, или о головѣ, если только все это не могло получить требуемаго свойства и работоспособности безъ другихъ людей, это никако не нарушаетъ строгаго значенія теоріи. Но Марксъ въ своихъ разсужденіяхъ о цѣнности никакъ не можетъ избавиться отъ смущающаго его привидѣнія квалифицированаго рабочаго времени. Проникнуть въ суть вопроса въ этомъ направлениіи воспрепятствовалъ ему заимствованый имъ у ученыхъ классовъ образъ мыслей, для котораго представляется чудовищнымъ признать рабочее время рабочаго, возящаго тачку, равнозначнымъ съ рабочимъ временемъ архитектора“.

Какъ извѣстно, полемическое сочиненіе, называемое обыкновенно, ради краткости, Анти-Дюрингомъ, было написано Энгельсомъ при непосредственномъ участіи Маркса, причемъ главы, въ которыхъ рѣчь идетъ о вопросахъ политической экономіи, если не цѣликомъ написаны Марксомъ, то во всякомъ случаѣ имъ редактированы. Такимъ образомъ, содержащейся отвѣтъ на приведенную выше критику Дюринга можно смѣло признать отвѣтомъ самого Маркса. Посмотримъ же, каковы доводы Маркса въ пользу его теоріи квалифицированного труда.

Марксъ, какъ извѣстно, признаетъ, что цѣнность товаровъ (слово „товары“ поставлено здѣсь потому, что Марксъ изслѣдуетъ исключительно товарное производство, не касаясь предшествующихъ стадій) опредѣляется содержащимся въ нихъ человѣческимъ трудомъ. Подъ человѣческимъ трудомъ Марксъ подразумѣваетъ, говоря его же словами: „расходование простой рабочей силы, какою въ среднемъ обладаетъ всякий обыкновенный человѣкъ въ своемъ тѣлесномъ организмѣ безъ особаго развитія... Сложный трудъ имѣеть значеніе лишь какъ возвѣденный въ степень или скорѣе умноженный простой трудъ, такъ что меньшее количество сложнаго труда равно большему количеству простого труда. Что это приведеніе постоянно происходитъ, показываетъ опытъ. Товаръ можетъ быть продуктомъ сложнѣйшей работы, его цѣнность уравнивается его продукту простого труда и поэтому сама представляется лишь опредѣленное количество простого труда. Различныя пропорціи, въ которыхъ различные роды труда приводятся къ простому труду, какъ къ единицѣ мѣры, устанавливаются общественнымъ процессомъ за спиною производителей, а поэтому послѣднимъ кажется, какъ будто онъ даны обычаемъ“.

Въ „Анти Дюрингѣ“ это положеніе поясняется слѣдующимъ образомъ.

Прежде всего рѣчь идетъ вовсе не о какой-либо абсолютной цѣнности, т. е. не о теоріи цѣнности, примѣнимой къ какимъ угодно общественнымъ формамъ. Теорія относится исключительно къ товарному производству, т. е. ея необходимою предпосылкою является существованіе частныхъ производителей, производящихъ товары за свой счетъ и обмѣнивающихся съ другими такими же производителями. Итакъ, рѣчь идетъ не о какой-то „цѣнности вообще“, но о цѣнности товаровъ. Эта цѣнность создается и измѣряется воплощеннымъ въ товарахъ человѣческимъ трудомъ, трудъ же этотъ оказывается расходованіемъ простой рабочей силы. Но не всякий трудъ есть только расходование простой рабочей силы. Очень многіе роды труда включаютъ въ себѣ примѣненіе ловкости и знаний, приобрѣтаемыхъ съ большимъ или меньшимъ трудомъ, съ расходованіемъ времени и денегъ. Производятъ-ли эти роды

сложного труда, — спрашиваетъ Марксъ, — въ разные промежутки времени ту же самую товарную цѣнность, какъ и простой трудъ, т. е. расходованіе простой рабочей силы? Очевидно нѣтъ, — отвѣчаетъ онъ.

Продуктъ часового сложного труда есть товаръ, обладающій болѣе высокой, двойной, тройной и т. п. цѣнностью, по сравненію съ продуктомъ простого труда. Это, по словамъ Маркса, простой фактъ, ежедневно совершающійся передъ нашими глазами въ капиталистическомъ обществѣ. Фактъ этотъ настолько неоспоримъ, что самъ Дюрингъ, ни въ своемъ „Курсѣ политической экономіи“, ни въ своей „Критической исторіи политической экономіи“ не осмѣливается оспаривать его. Всякий фабриканть, который не имѣлъ бы въ виду этого факта, неминуемо пришель бы къ банкротству. Но Дюрингъ, по словамъ Маркса, заставляетъ насъ сдѣлать прыжокъ отъ нынѣшняго капиталистического міра въ міръ придуманной имъ будущей коммуны, гдѣ будетъ царствовать идеальное равенство. Не мѣшаетъ поэтому приглядѣться и къ этому будущему міру. Тамъ будутъ признавать „цѣнность всякаго рабочаго времени“ равною „цѣнности всякаго другого рабочаго времени!“ Съ этой точки зренія Дюрингъ обрушивается на „туманное представлениѳ“ Маркса, состоящее въ томъ, что рабочее время одного человѣка имѣть большую цѣнность, чѣмъ рабочее время другого человѣка.

Къ несчастію для Дюринга, оказывается, что этого туманного представлениѳ у Маркса никогда *не было и не могло быть* — и по очень простой причинѣ, а именно потому, что, по Марксу, *рабочее время вообще никакой цѣнности имѣть не можетъ*.

По ученію Маркса, рабочее время *создаетъ и измѣряетъ* цѣнность. Значитъ-ли это, — спрашиваетъ Марксъ, — что оно само имѣеть цѣнность? Ничуть не значить. Говоря о цѣнности, производимой простымъ и сложнымъ трудомъ, Марксъ нарочно дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „Читатель долженъ замѣтить, что здѣсь идетъ рѣчь не о вознагражденіи и не о цѣнности, получаемой рабочимъ, скажемъ, за одинъ рабочій день, но о цѣнности товаровъ, въ которыхъ этотъ рабочій день воплощается“.

Оказывается такимъ образомъ, что не Марксъ, а Дюрингъ *займствовалъ* нѣкоторые „предразсудки ученыхъ классовъ“. Вмѣстѣ съ этими учеными классами онъ не можетъ себѣ представить рабочее время иначе, какъ имѣющимъ опредѣленную цѣнность, сообразно съ которою рабочіе получаютъ свою долю общественного продукта. На той кухнѣ будущаго, которая придумана Дюрингомъ, эта доля, хотя не будетъ называться заработной платой, во всякомъ случаѣ, будетъ построена *по принципу заработной платы*.

По Марксу рабочее время, а слѣдовательно и трудъ, вовсе

не имѣть цѣнности. Цѣнность есть ничто иное какъ воиленное рабочее время. Сказать, что рабочее время имѣть цѣнность, это тоже, что сказать, что цѣнность имѣть цѣнность, или, что сила тяжести имѣть тяжесть. Положеніе, утверждающее, что рабочее время, а стало быть и трудъ, не имѣть цѣнности, хотя *рабочая сила* продается какъ товаръ, это положеніе очень важно для теоретика, допускающаго возможность эманципаціи рабочей силы отъ положенія товара. Вмѣстѣ съ тѣмъ, падаютъ всѣ нелѣные уточническіе планы, приводящіе къ тому, чтобы вознаграждать трудъ въ иѣкої коммунѣ по цѣнности рабочаго времени, т. е., въ сущности, по цѣнности рабочей силы, чѣмъувѣковѣчился бы принципъ заработной платы. Въ противоположность этому надо выдвинуть принципъ, по которому распредѣленіе (но скольку въ немъ играютъ роль чисто экономической начата, а не соображенія морали, относящіяся, напр., къ больнымъ, къ дѣтямъ и т. п.), должно регулироваться *интересами производства*. Эти же послѣдніе требуютъ, для достиженія наивысшей возможной производительности и павысшихъ качествъ труда, такой организаціи распредѣленія, которая дозволяетъ всѣмъ членамъ общества возможно болѣе полное и всестороннее развитіе ихъ способностей. „Для господина Дюринга должно конечно показаться чудовищнымъ,—говорить Марксъ,—что когда-либо не будетъ ни рабочихъ, исключительно воящихъ тачки, ни даже архитекторовъ по профессіи“.

Итакъ, если Дюринга смущаетъ то обстоятельство, что, при допущеніи квалифицированнаго труда, вознагражденіе за расходованіе рабочей силы неодинаково для рабочихъ разныхъ отраслей, то это плодъ его непониманія теоріи. Когда говорится о цѣнности, производимой квалифицированнымъ трудомъ, то при этомъ и рѣчи вѣтъ о величинѣ *вознагражденія* этого труда. Можетъ даже случиться, что какой-либо квалифицированный рабочий производить сравнительно гораздо большую цѣнность и тѣмъ не менѣе вознаграждается хуже неквалифицированнаго рабочаго. Это мы и видимъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ встрѣчается значительное развитіе, такъ наз. интеллигентнаго пролетаріата. Для того, чтобы утвержденіе Дюринга имѣло характеръ настоящаго возраженія, необходимо было бы прямо сказать, что цѣнность, производимая, скажемъ, втеченіе часа квалифицированнаго труда, всегда равна по величинѣ цѣнности, производимой часомъ простого труда. Но это очевидно несправедливо, даже для двухъ рабочихъ одной и той же отрасли, занимающихъ простымъ трудомъ. Понятіе простого труда пріобрѣтаетъ смыслъ только какъ среднее изъ многихъ случаевъ. Если взять двухъ рабочихъ, хотя бы такъ наз. чернорабочихъ, то, смотря по ихъ искусству и интенсивности ихъ работы, одинъ будетъ всегда производить большую цѣнность

чѣмъ другой. Этому горю,—говорить Марксъ,—не пособить никакая коммуна,—по крайней мѣрѣ на земномъ шарѣ.

Что касается собственно вознагражденія сложнаго труда, то въ капиталистическомъ обществѣ, каковы бы ни были частныя исключенія, безъ сомнѣнія, сложный трудъ, вообще говоря, вознаграждается выше простого. Причина ясна: обученіе искусстваго рабочаго требуетъ гораздо большихъ издержекъ, которыя и должны быть оплачены панимателемъ.

Допустимъ, однако, что такія издержки оплачивались бы обществомъ. Для этого не надо, собственно говоря, даже заглядывать въ будущее. Фактически теперь уже врачи и многие другие представители сложнаго труда получаютъ образованіе на государственный или общественный (напр., земскій) счетъ въ томъ случаѣ, когда обучаются даромъ и имѣютъ стипендіи. Тогда очевидно, что общество должно пользоваться болѣе высокою цѣнностью, производимою сложнымъ трудомъ, и это фактически обнаруживается въ томъ случаѣ, когда, напр., врачъ долженъ, за сравнительно ничтожный гонораръ, отслужить свою стипендію. Эти примеры мы нарочно заимствуемъ изъ обыденныхъ фактovъ дѣйствительности. Марксъ же выводить изъ своего принципа слѣдующее итогъ: притязаніе рабочихъ на получение „полнаго продукта“ своего труда не можетъ быть безусловно поддержано. То, что дано рабочему обществомъ, должно оставаться на пользу общества. Легко представить себѣ такое положеніе дѣла, когда сложный трудъ, производя гораздо болѣе высокія цѣнности, тѣмъ не менѣе вознаграждается немногимъ выше или вовсе не выше простого труда. Если же рѣчь идетъ о гаданіяхъ насчетъ будущаго, то можно надѣяться, что со временемъ не будетъ ни рабочихъ, исключительно занятыхъ простымъ трудомъ, ни такихъ, которые будутъ гнушаться этимъ трудомъ. Такимъ образомъ и самое различие между простымъ и сложнымъ трудомъ смягчится или даже совершенно устраниется.

Отсюда ясно, что и Марксъ не отвергалъ (какъ мнѣ первоначально казалось) объективныхъ условій, вліающихъ на ту или иную квалификацію труда. Искусство и интенсивность труда зависятъ, разумѣется, въ значительной мѣрѣ отъ индивидуальныхъ способностей, т. е. отъ субъективныхъ свойствъ рабочей силы. Но даже самыя выдающіяся способности могутъ заглохнуть безъ надлежащей культивировки, а эта послѣдняя слишкомъ обусловливается принадлежностью къ тому или иному классу общества. Человѣкъ не рождается ни архитекторомъ, ни чернорабочимъ. Квалификація того или иного труда есть поэтому, главнымъ образомъ, продуктъ объективныхъ общественныхъ условій¹⁾.

¹⁾ Можно еще добавить, что одинъ и тотъ же трудъ въ одномъ обществѣ

III.

Мы видимъ такимъ образомъ, что и съ точки зрењія Маркса объективныя условія вліають на квалификацію труда, а слѣдовательно и на величину производимой имъ цѣнности. Однако это вліяніе Маркса понимаєтъ въ совершенно иномъ смыслѣ, нежели Дюрингъ, и сравненіе взглядовъ Маркса и Дюринга поможетъ намъ разобраться въ этомъ вопросѣ.

Теорія Дюринга, если придать ей болѣе точное выраженіе, на первый разъ кажется еще болѣе простою, чѣмъ ученіе Маркса. Дѣйствительно, что можетъ быть проще предположенія, состоящаго въ томъ, что всякаго рода трудъ производить въ единицу времени такую же цѣнность, какъ всякихъ другой трудъ? Дюрингъ запрещаетъ даже брать среднія величины! Архитекторъ и каменьщикъ, взрослый и ребенокъ, прилежный и лѣнивый (котораго такъ не любятъ буржуазные экономисты), англичанинъ и индусъ,—всѣ вообще люди, дѣйствительно, абстрактно равны между собой—*какъ люди, какъ личности*. Изъ этого совершенно вѣрнаго положенія Дюрингъ выводитъ, что всѣ люди производятъ и равныя цѣнности. Правда, онъ выражаетъ это иначе, говоря о равенствѣ цѣнностей ихъ рабочаго времени—но мы уже видѣли изъ возраженій Маркса, что такая формулировка совсѣмъ неудачна. Истинный смыслъ утвержденій Дюринга, однако, тотъ, что производимыя цѣнности зависятъ лишь отъ продолжительности труда и болѣе ни отъ чего другого. Однимъ словомъ для Дюринга всякой трудъ есть то, что для Маркса абстрактный простой трудъ. Маркъ утверждаетъ, что это положеніе Дюринга противорѣчить очевиднымъ фактамъ и что каждый фабриканть обанкротился бы, если бы сталъ слѣдовать подобной теоріи. Но мы видѣли, что Дюрингъ пытается примирить свою теорію съ фактами и сами по себѣ „факты“, безъ анализа ихъ теоріей, здѣсь говорятъ мало. Пусть производимыя цѣнности не одинаковы, по Дюрингу ищетъ причину различія въ томъ, что въ случаѣ болѣе высокихъ цѣнностей въ нихъ неявнымъ образомъ входитъ трудъ *другихъ* людей, затраченный или на обученіе того работника, который производить большую цѣнность, или на доставленіе ему орудія, посредствомъ котораго тотъ работаетъ. Разсмотримъ оба эти предположенія.

Ремесленникъ обучаетъ ученика, не производившаго до тѣхъ поръ никакихъ цѣнностей, и достигаетъ того, что ученикъ начинаетъ производить цѣнности и со временемъ становится такимъ

можетъ считаться высоко квалифицированнымъ, въ другомъ, наоборотъ, приближаться къ простому труду.

же искусственнымъ рабочимъ, какъ самъ мастеръ, который такимъ образомъ какъ бы удвоилъ самого себя. Если ученикъ остается подмастеремъ у ремесленника, то этимъ путемъ мастеръ, затративъ извѣстный трудъ на обученіе, создалъ — однако не изъ ничего, а изъ способностей своего ученика — новую рабочую силу, равную своей собственной, которую онъ теперь, по допущенію, эксплоатируетъ въ роли предпринимателя или мелкаго капиталиста. Итакъ, затративъ извѣстный трудъ и примѣнивъ его къ пластическому человѣческому материалу, мастеръ тѣмъ самымъ, повидимому, создалъ для общества новый источникъ цѣнностей, а для себя самого—источникъ прибавочной цѣнности.

Однако, на самомъ дѣлѣ, вопросъ этотъ гораздо сложнѣе чѣмъ кажется на первый взглядъ. Если бы ученикъ былъ рабомъ или даже членомъ средневѣковаго цеха, то дѣло обстояло бы сравнительно просто. Но если мы допустимъ, что рѣчь идетъ о современномъ обществѣ, то отношенія ученика къ мастеру основаны на договорѣ между ученикомъ и мастеромъ,—или между родителями ученика и тѣмъ же мастеромъ, если ученикъ былъ отданъ въ обученіе съ малыхъ лѣтъ. Затѣмъ, оставаясь у мастера впослѣдствіи въ роли подмастерья, ученикъ опять таки находится въ договорныхъ условіяхъ и получаетъ ту или иную заработную плату. Такимъ образомъ, рѣчь идетъ не только о созданіи цѣнностей, но и томъ, что подмастерье продаєтъ по договору (хотя бы и не писанному) свою рабочую силу, какъ товаръ. Если отъ ремесленника перейдемъ къ крупному капиталисту, тамъ отношенія окончательно преобразуются. Капиталистъ порою основываетъ школы для фабричныхъ дѣтей, но никакъ не съ обязательствомъ съ ихъ стороны стать по окончаніи школы рабочими на его фабрикѣ. Онъ покупаетъ уже готовую, зрѣлую, сразу пригодную къ употребленію рабочую силу. Переходные формы мы наблюдаемъ лишь въ нѣкоторыхъ производствахъ, напр., въ типографскомъ дѣлѣ, гдѣ и до сихъ поръ берутъ учениковъ на ремесленномъ основаніи.

Въ развитой формѣ капиталистического производства мы имѣемъ такимъ образомъ дѣло съ обученіемъ рабочаго, какъ съ совершившимся фактомъ: неподготовленный къ дѣлу просто не найдетъ работы и во всякомъ случаѣ самъ предприниматель не примѣтъ на себя роли его учителя.

Обученіе въ капиталистическомъ обществѣ является отчасти заботою тѣхъ самыхъ лицъ, которые ищутъ работы и должны предварительно обучить самихъ себя или первоначально браться лишь за хуже всего оплачиваемую работу. Иногда оно становится дѣломъ общественнымъ: заводятъ, напр., школы для обученія типографскому дѣлу и множество другихъ профессиональныхъ и тех-

ническихъ школъ. Германія хлопотала объ этомъ въ шестидесятыхъ годахъ, а Россія въ настоящее время усиленно занята этимъ вопросомъ. Болѣе или менѣе привилегированные рабочіе, пока въ нихъ ощущается недостатокъ, оплачиваются сравнительно дорого; но вопросъ о заработной платѣ здѣсь настѣ не касается. Мы уже видѣли, что Марксъ предостерегаетъ отъ смыненія его съ вопросомъ, настѣ занимающимъ. Настѣ интересуетъ лишь вопросъ производства цѣнностей. Предположимъ, что какіе либо специальные рабочіе обучаются на общественный счетъ въ школахъ. Допустимъ, что издержки, понесенные обществомъ на обученіе этихъ рабочихъ, вносятъ будуть оплачены потребителями продуктовъ, произведенныхъ этими рабочими. Издержки входять, стало быть, въ составъ цѣнностей, производимыхъ обученными рабочими. Можно поэтому допустить, что сравнительно высокая цѣнность, производимая обученнымъ рабочимъ, зависитъ отъ того, что въ нее вложена скрытымъ образомъ известная доля цѣнности, созданной *его учителями* и вложенной по частямъ во всѣхъ учениковъ.

Но какимъ образомъ это происходитъ?

Трудъ учителя весьма *производителенъ*, поскольку онъ со-
дѣствуетъ развитію способностей учениковъ; но если даже учи-
тель обучаетъ работамъ, непосредственно воплощаемымъ въ про-
дукты, легко становящимся товарами, напр., если онъ обучаетъ
шить сапогъ, то и въ этомъ случаѣ онъ не создаетъ ни атома
цѣнности до тѣхъ поръ, пока сапоги, сшиты учениками, не ста-
новятся дѣйствительно товаромъ, а не выставляются въ школѣ,
какъ образецъ для подражанія другимъ ученикамъ. Учитель,
торгующій произведеніями учениковъ, уже не учитель въ настоя-
щемъ смыслѣ слова. Когда ученикъ начинаетъ самостоительно
шить сапоги и продавать ихъ, то онъ продаѣтъ уже продукты
своего труда, причемъ источникъ цѣнности лежитъ въ его собствен-
ной рабочей силѣ, развитой, при помощи учителя, его собственной
воспріимчивостью.

Такимъ образомъ объясненіе Дюринга еще ничего не объяс-
няетъ. Ученикъ не сохраняетъ цѣнностей, создаваемыхъ учите-
лемъ и не присваиваетъ ихъ, до тѣхъ поръ, пока учитель снабжаетъ
его не цѣнностями, а знаніями, которыя вдобавокъ должны быть
устроены трудомъ самого ученика.

По вопросу о квалификаціи труда посредствомъ обученія,
необходимо прежде всего помнить аксиому экономической науки,
а именно слѣдующее:

„Цѣнность не можетъ быть создана изъ ничего. Она образуется
либо изъ вновь открытыхъ источниковъ цѣнности или путемъ пере-
носа и сохраненія прежнихъ цѣнностей“. Вопросъ о томъ, каковы
новые источники цѣнности, мы здѣсь оставляемъ открытымъ.

Само собою разумѣется, что всякий трудъ, способный создавать цѣнности—разумѣется, если вообще допустить эту способность—способенъ создавать и *прибавочные* цѣнности въ томъ случаѣ, если сама рабочая сила стала предметомъ отчужденія. И обратно, если трудъ неспособенъ создавать цѣнности, то онъ не можетъ создать и прибавочной цѣнности.

Если, для краткости, способность создавать цѣнности мы назовемъ валентностью труда, то можно сказать, что въ капиталистическомъ обществѣ *всякий* трудъ, независимо отъ того, создаетъ ли онъ какіе-либо материальные предметы, или какіе-либо виды физической энергіи, является ли онъ съ какой-либо индивидуальной точки зрењія простымъ толченіемъ воды въ ступѣ или, наоборотъ, также съ какой-либо индивидуальной точки зрењія, имѣть характеръ весьма полезного труда—однимъ словомъ всякий вообще трудъ можетъ *при известныхъ условіяхъ* стать валентнымъ. Для этого достаточно, чтобы такой трудъ удовлетворялъ общественно-признанной потребности и былъ, поэтому, способенъ *отчуждать* свою рабочую силу. Этимъ разрушается теорія Адама Смита, который смысливалъ понятія производительности и валентности. Если-же признать производительнымъ лишь трудъ, удовлетворяющій весьма широкой общественной потребности, то, разумѣется, многіе виды труда, даже создающаго очень высокія цѣнности, напр., труда ювелира, окажутся мало производительными. Но понимаемая такимъ образомъ производительность вообще недоступна количественному измѣренію. Какъ опредѣлить, во сколько разъ потребность въ желѣзѣ превышаетъ потребность въ алмазахъ? Иное дѣло валентность. Это способность производить цѣнности, совершенно независимая отъ тѣхъ или иныхъ специальныхъ мѣрилъ полезности и довольствующаяся совершенно не-определеннымъ утвержденіемъ того, что данный продуктъ или результатъ труда пользуется общественнымъ признаніемъ, т. е. находить сбытъ на рынкѣ. Съ этой точки зрењія „производительность“, т. е., точнѣе, способенъ создавать цѣнности и трудъ учителя. Если же его рабочая сила превратилась въ товаръ, то послѣ такого превращенія, она создаетъ и *прибавочные* цѣнности. Цѣнность труда, созданная учителемъ, оплаченная ученикомъ или кѣмъ бы то ни было, не можетъ исчезнуть безслѣдно. Извѣстная величина ея передается рабочей силѣ ученика, которая, въ силу этого, дѣйствительно, обладаетъ сложною цѣнностью, т. е. квалифицируется. Дюрингъ совершенно упустилъ изъ виду именно условія, необходимыя для превращенія рабочей силы въ товаръ.

По этому поводу слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ по исторіи вопроса.

Основатель классической школы политической экономіи,

Адамъ Смитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ первымъ изъ экономистовъ, указавшимъ правильный методъ изученія экономическихъ явлений. Онъ въ одно и то же время пользовался и чисто дедуктивными построениями, и историческимъ матеріаломъ. Онъ не разсматривалъ экономической строй общества, какъ неподвижную схему, и въ своей полемикѣ предшественниками обнаружилъ ясное пониманіе того, что теоріи возникаютъ изъ потребностей жизни и находятся въ связи съ общественнымъ состояніемъ.

Болѣе одностороннее направление приняла экономическая наука въ трудахъ Рикардо. Какъ замѣтилъ Марксъ еще въ своей „Критикѣ политической экономіи“: „Рикардо рассматриваетъ буржуазную форму труда, какъ вѣчную, естественную форму общественного труда. Онъ заставляетъ первобытного рыбака и охотника сразу выступать владѣльцами товаровъ и обмѣнивать рыбу идичь, сообразно рабочему времени, заключенному въ этихъ мѣновыхъ цѣнностяхъ. При этомъ онъ впадаетъ въ анахронизмъ, допуская, что первобытный рыбакъ и охотникъ, для учета своихъ орудій труда, обращается къ таблицамъ учета процентовъ и погашенія капитала, принятыхъ въ 1817 г. на лондонской биржѣ“. Марксъ, однако, воадаетъ должное той проницательности, съ которой Рикардо анализировалъ собственно буржуазную экономію. Въ этой послѣдней верховное значеніе имѣеть мѣновая цѣнность. Но цѣнность есть количественное понятіе, а поэтому и неудивительно, что Рикардо придалъ своимъ построеніямъ математическую форму, поясняя ихъ всюду числовыми примѣрами. Иначе и быть не можетъ, когда рѣчь идетъ о хозяйствѣ, въ которомъ такую роль играетъ коммерческий расчетъ, требующій точной бухгалтеріи. Благодаря точной формулировкѣ понятій, Рикардо удалось во многомъ пойти дальше Смита: въ вопросахъ, требовавшихъ количественныхъ соображеній, какъ, напр., въ вопросѣ о различіи между цѣнностью продуктовъ труда и заработной платой или „цѣнностью рабочей силы“ и въ вопросѣ о дифференціальной рентѣ Рикардо избѣжалъ того смѣщенія понятій, въ которое иногда впадалъ Смитъ, довольствовавшійся довольно неопределеннной формулой своихъ основныхъ опредѣленій.

Джонъ Стюартъ Милль, едва ли не болѣе какого бы то ни было другого экономиста настаивавшій на дедуктивномъ характерѣ политической экономіи, не воспользовался однако въ достаточной мѣрѣ даже методомъ своего учителя Рикардо. Многія чисто фактическія изслѣдованія Милля, напр., о половничествѣ, сохраняютъ значеніе до сихъ поръ, но большинство дедукцій этого мыслителя представляютъ смѣсь ученія Рикардо съ воззрѣніями самыхъ различныхъ писателей, частью буржуазного此刻 by srujanika

Ученіе Маркса на первый взглядъ кажется строго дедуктивнымъ и порою даже схоластическимъ. Стоить, однако, понять, что для Маркса все экономические формы представляют плодъ эволюціи, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ его лицѣ мы видимъ представителя не какой-либо мертвой абстрактной догмы, но основателя научной критики существующихъ экономическихъ отношеній,—критики, исходящей изъ исторической точки зрѣнія. Отношение Маркса къ труду Моргана, ярко выражившееся въ тѣхъ указаніяхъ, которые были сохранены Энгельсомъ, показываетъ, что Марксъ стоялъ на широкой соціологической почвѣ, и если онъ не провелъ своего взгляда на эволюцію экономическихъ отношеній съ достаточной полнотою, то лишь потому, что въ своемъ „Капиталѣ“ и не задавался подобной задачей, по ограничился изслѣдованіемъ сравнительно пичтожнаго периода въ экономической истории человѣчества. Дополнить трудъ Маркса съ соціологической точки зрѣнія лишь отчасти удалось уже Энгельсу, Каутскому, Куннову и въ особенности Бюхеру, хотя слѣдуетъ сильно пожалѣть о томъ, что этотъ послѣдній авторъ имѣеть довольно неправильныя представленія объ одной изъ важнѣйшихъ экономическихъ эпохъ, а именно объ экономикѣ англіанаго міра.

Такимъ образомъ связь между экономической наукой и соціологическими изслѣдованіями можетъ въ настоящее время считаться вполнѣ установленной. Уже самое ученіе экономического матеріализма, обоснованное Марксомъ, диктовало эту связь, даже подчиняя соціологію—политической экономіи. Здѣсь, однако, идетъ рѣчь объ иномъ: для насъ важенъ вопросъ, поскольку всѣ вообще экономическая категоріи общепримѣнны ко всевозможнымъ общественнымъ формамъ и поскольку онъ связаны лишь съ опредѣленными экономическими формами? Трудъ, напр., есть категорія, общая всѣмъ формамъ человѣческой общественности. Такой же общей категоріей является сотрудничество (кооперація). Но относительно обмѣна уже могутъ явиться сомнѣнія, а относительно ренты, если употреблять этотъ терминъ въ смыслѣ Рикардо, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что эта категорія отсутствуетъ у весьма многихъ народовъ, у которыхъ уже существуетъ значительное раздѣленіе труда. Вообще, за исключениемъ труда и сотрудничества, едва ли можно указать хотя бы на одно понятіе, заимствованное изъ области экономическихъ отношеній, которое было бы примѣнено ко всевозможнымъ стадіямъ общественнаго развитія и ко всевозможнымъ обществамъ.

Краеугольнымъ камнемъ буржуазной экономіи является понятіе о мѣновой цѣнности. Спрашивается, можетъ ли это понятіе примѣняться въ одинаковомъ значеніи и къ наименѣе культурнымъ изъ известныхъ намъ народовъ, и къ народамъ, у кото-

рыхъ господствовалъ рабскій трудъ—словомъ къ различнымъ общественнымъ формамъ, существенно несходнымъ съ современнымъ экономическимъ строемъ?

Предшественникъ Адама Смита, Джемсъ Стюартъ (Stewart) зналъ уже, что хотя товары и деньги существовали и въ феодальную эпоху и при господствѣ рабскаго труда, но *товаръ, какъ основная форма богатства, принадлежитъ только буржуазной эпохѣ, и что характеръ труда, создающаго мыновую цѣнность, есть поэтомъ специфически буржуазныи*. Отмѣтивъ эту заслугу Джемса Стюарта, Марксъ, съ другой стороны, ставить въ укоръ Адаму Смиту то обстоятельство, что Смитъ признаетъ существованіе обмѣна несомнѣннымъ во всѣхъ случаяхъ, когда существуетъ раздѣленіе труда. У древнихъ перуанцевъ,—говорить Марксъ,—трудъ былъ значительно раздѣленъ, хотя обмѣна продуктовъ, какъ товаровъ, не существовало.

Но до тѣхъ поръ, пока не было понято, что цѣнность есть историческая категорія и притомъ возникающая сравнительно поздно, трудно было понять и источникъ цѣнности. Правда, теорію трудовой цѣнности формулировалъ уже Веніаминъ Франклинъ, въ 1721 г., стало быть задолго до Смита и Рикардо, и что всего замѣчательнѣе, формулировка его близко подходитъ къ теоріи абстрактнаго труда, данной Марксомъ. Однако, какъ замѣчаетъ Марксъ, Франклинъ не развилъ понятія абстрактнаго труда и не усмотрѣлъ, что *понятіе это возникаетъ изъ процесса всесторонняго отчужденія индивидуальнаго труда*. Можно было бы привести еще много полемическихъ и чисто теоретическихъ замѣчаній Маркса, изъ которыхъ видно, что въ своей „Критикѣ политической экономіи“ и даже позднѣе въ первомъ томѣ „Капитала“, Марксъ признавалъ, что *свое полное развитіе законъ цѣнности получаетъ какъ разъ въ буржуазномъ обществѣ*.

Достаточно указать слѣдующія замѣчанія Маркса о Рикардо:

„Изслѣдованія Рикардо ограничиваются исключительно величиною цѣнности и относительно нея онъ, по крайней мѣрѣ, догадывается, что осуществление этого закона зависитъ отъ предварительного существованія опредѣленныхъ общественныхъ условій. Именно онъ говорить, что опредѣленіе цѣнности рабочимъ временемъ относится только къ тѣмъ товарамъ, которые промышленностью могутъ быть произвольно умножены и надъ производствомъ которыхъ господствуетъ неограниченная конкуренція. Въ дѣйствительности,—замѣчаетъ Марксъ,—это значитъ только, что законъ цѣнности для своего полнаго развитія требуетъ существованія крупнаго производства и неограниченной конкуренціи, т. е. современного буржуазнаго общества.“

Сопоставивъ эти болѣе ранніе взгляды Маркса съ тѣмъ, что можно найти по тому же вопросу въ третьемъ томѣ „Капитала“,

мы увидимъ иѣкоторое противорѣчіе, быть можетъ и кажущееся, но во всякомъ случаѣ требующее разъясненія. Тамъ именно оказывается, что въ наиболѣе чистомъ видѣ законъ цѣнности проявляется не въ капиталистическомъ строѣ, а въ обществѣ простыхъ товаропроизводителей, совмѣщающихъ въ себѣ предпринимателей и рабочихъ. Здѣсь еще не мѣсто разобрать этотъ вопросъ, но пока отмѣтимъ, что во всякомъ случаѣ и простой товаропроизводитель производить *товары* и такимъ образомъ категорія цѣнности во всякомъ случаѣ и здѣсь связана съ *товарной* формою продукта.

Объясненіе Дюринга по вопросу обѣ обученнемъ трудѣ хотя и не абсолютно ошибочно, но совершенно недостаточно. Дюрингъ правъ, разсматривая сложный трудъ обученнаго рабочаго, какъ результатъ кооперации или комбинаціи труда учителя съ трудомъ ученика; но если бы трудъ учителя былъ даровыи и неспособнымъ *образовать* цѣнности, то онъ не могъ бы и *сообщить* никакихъ цѣнностей. Трудъ сообщаетъ цѣнность единственно въ силу того, что онъ самъ уже создаетъ ее и что его рабочая сила отчуждаема. Такой трудъ потенциальнно скрываетъ въ себѣ способность образовать прибавочную цѣнность. И это, какъ мы замѣтили, свойственно *всякому* виду труда, разъ онъ признается въ капиталистическомъ обществѣ общественно необходимымъ и отчуждаемымъ. Трудъ англичанина-туриста, вѣбирающагося на Альпы, не создаетъ цѣнностей: но трудъ его проводника, совершающаго такое-же восхожденіе, создаетъ цѣнности. А если иѣсколько проводниковъ эксплуатируются капиталистомъ, то трудъ этотъ создаетъ и прибавочные цѣнности.

Но Дюрингъ выставляетъ еще другой аргументъ: онъ говорить о томъ, что рабочій можетъ быть снабженъ орудіемъ производства, повышающимъ цѣнность производимаго имъ продукта, причемъ это повышеніе зависитъ отъ того, что и здѣсь скрытымъ образомъ въ трудѣ даннаго рабочаго участвуетъ трудъ другихъ людей, а именно тѣхъ, которые создали орудіе производства.

Обратимся опять къ нашему ремесленнику. Предположимъ, что это переплетчикъ, купившій усовершенствованную машинку для сшиванія листовъ книгъ, что гораздо скорѣе, чѣмъ шить ихъ руками. Онъ даетъ эту машину своимъ подмастерьямъ и получаетъ въ часъ втрое болѣе спищихъ листовъ, чѣмъ раньше. Допустимъ для простоты, что его мастерская занята исключительно сшиваніемъ книгъ и что онъ, пользуясь своимъ превосходствомъ надъ конкурентами, попрізилъ цѣну въ полтора раза. Это можетъ произойти, напр., такъ, что по количеству его мастерская выдѣлываетъ втрое болѣе, чѣмъ прежде. Купивъ машину, онъ такимъ образомъ увеличилъ вдвое массу добываемыхъ цѣнностей. Ремесленникъ будетъ твердо убѣжденъ въ томъ, что машина рабо-

таетъ на него и что именно она произвела новыя цѣнности. Онъ и правъ постольку, поскольку эти цѣнности возмѣщають затраты на машину, разложенные на все время ея существованія. Но если бы машина только вознаграждала затраты, то никто не сталъ бы ее покупать. Кромѣ возмѣщенія затратъ она должна, какъ говорится, давать извѣстную прибыль. Получить эту прибыль изъ ничего невозможно. Необходимо допустить одно изъ двухъ: или что машина сама создаетъ нѣкоторую прибавочную цѣнность, служащую источникомъ прибыли, или что эта цѣнность создается рабочими.

Предположеніе, что машина сама по себѣ способна создать прибавочную или вообще какую бы то ни было цѣнность я разберу особо, а пока остановлюсь на предположеніи, что эту цѣнность создаютъ рабочіе. Но является вопросъ, дѣлаютъ ли они это совершенно независимо отъ цѣнности машины или же тутъ есть какая либо зависимость?

По Марксу, зависимость состоять лишь въ томъ, что производительный трудъ рабочихъ переносить на продуктъ ту часть цѣнности машины, которая соотвѣтствуетъ ея изнашиванію. Но какова бы ни была эта цѣнность, она не оказываетъ ни малѣйшаго вліянія на величину цѣнности, вновь создаваемой рабочими, и на величину прибавочной цѣнности, составляющую часть этой вновь произведенной цѣнности.

Въ своихъ прежнихъ статьяхъ я высказалъ свои сомнѣнія относительно справедливости этой части доводовъ Маркса. И хотя теперь я убѣдился въ томъ, что сомнѣнія эти могутъ быть устранимы, но мнѣ кажется, что радикальное устраненіе ихъ требуетъ болѣе точнаго опредѣленія понятій какъ квалификаціи, такъ и производительности труда.

Мы видѣли, что при обученіи, квалификація труда достигается тѣмъ, что трудъ учителя создаетъ цѣнности и рабочая сила его становится товаромъ. Высокая цѣнность эта понижается, если обученіе становится дешевымъ, даровыемъ или излишнимъ. Усовершенствованное орудіе производства до извѣстной степени дѣлаетъ излишнимъ обученіе. Самый неискусственный рабочій можетъ, путемъ самыхъ простыхъ приемовъ, достичь съ помощью лучшихъ орудій того, чего не сдѣлаетъ самый искусственный, помощью менѣе совершенныхъ орудій. Здѣсь стало быть индивидуальность рабочаго все болѣе утрачиваетъ значеніе и самое обученіе становится сравнительно весьма легкимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, исчезаетъ и тотъ источникъ повышенной цѣнности, который присущъ обученному труду. Трудъ все болѣе упрощается, и, при прочихъ равныхъ условіяхъ, цѣнности создаваемыя имъ въ единицу времени, должны понижаться, а не повышаться. Такимъ образомъ здѣсь мы имѣемъ случай, прямо

противоположный повышенній квалификації труда. Я имѣлъ полное основаніе говорить о коопераціи мертваго труда съ живымъ, но дѣйствіе этой кооперации должно обнаружиться, при примѣненіи машинъ, въ направленіи какъ разъ противоположномъ повышенню квалификації труда. Здѣсь „мертвый подавляетъ живого“; накопленный и овеществленный трудъ препятствуетъ живому труду развить всѣ свои силы, искусснныи трудъ становится лишнимъ и замѣняется простымъ трудомъ. Конечно, это обстоятельство я имѣлъ въ виду и тогда, когда пытался внести „исправку“ въ теорію цѣнности, но не придавалъ ему должнаго значенія. Теперь я прихожу къ выводу, что именно оно не позволяетъ высказать положительно ничегоaprіорнаго относительно величины цѣнности, производимой рабочимъ, работающимъ при увеличенномъ постоянномъ капиталѣ, хотя, вообще говоря, повышающемъ производительность труда, но въ то же время обладающемъ тенденціей замѣнять искусственный трудъ неискуссннымъ, а стало быть—понижать его квалификацію. Нельзя, поэтому, сказать, что мой постулатъ ближе связантъ съ теоріей сложнаго труда, тѣмъ постулатъ Маркса: связность системы, наоборотъ на сторонѣ автора „Капитала“. Но если такъ, то слѣдуетъ всѣми силами попытаться объяснить всѣ наличные факты, исходя изъ предположенія настолько простого, какое вообще можетъ быть допущено безъ прямого противорѣчія съ логикой и съ фактами. И проще всего, конечно, предположеніе Дюринга: мы видѣли, однако, что оно критики не выдерживаетъ. Поэтому остается предположеніе Маркса: если оно не приводить систему къ внутреннимъ противорѣчіямъ и не опровергается прямо фактами¹⁾, мы должны имѣть удовольствоваться. Остается, стало быть, показать, что при правильномъ пониманіи теоріи, никакихъ логическихъ и фактическихъ противорѣчій не будетъ. Надѣюсь, мнѣ это уже отчасти удалось при разборѣ антиномій, выставленныхъ Струве. Этого, однако, еще недостаточно. Необходимо показать, что всѣ вообще противорѣчія, поскольку они не зависятъ просто отъ непониманія теоріи, составляютъ плодъ иллюзій, совершенно необходимой и зависящей отъ самой организаціи капиталистического производства. Когда это будетъ сдѣлано, тогда только придется убѣдиться окончательно въ томъ, что теоріей предусмотрѣна вся психологическая сторона вопроса, включая самое нелѣпое предположеніе, будто цѣнность можетъ производиться машиною даже безъ всякаго участія человѣка.

(Окончаніе слѣдуетъ). **М. Филипповъ.**

¹⁾ Послѣднее утверждаетъ напр., Тугань-Барановскій, говоря о „минимумѣ фактъ“ пониженія уровня прибыли; но читатели знаютъ, что по этому вопросу я съ самаго начала не соглашался съ Тугань-Барановскимъ.

Реформація и контръ-реформація.

1. Предтечи реформації.

Первые признаки сомнінія, — благодітельною для культурного розвиття скептицизма, проявились у *романських* народовъ, какъ найбільше ушедшихъ впередъ. И мы видимъ ихъ исключительно среди монаховъ или духовенства—знакъ, что тогда великие умственные елементы сосредоточивались въ церкви. За французскимъ ехоластикомъ, Петромъ Абеляромъ (Abailard, 1079—1142), слѣдоваль его еще болѣе великий ученикъ Арнольдъ брештіанскій (сожжень въ 1155)—то же монахъ. Уже направлениe этихъ самыхъ ранніхъ реформаторовъ совершенно совпадаетъ съ направлениемъ ихъ послѣдователей. Они не желали ничего больше, какъ возстановленія первоначальной чистоты христіанства, возвращенія къ его зачаткамъ, очищенія отъ нарости времени,—словомъ, имъ хотѣлось бывшее сдѣлать небывавшимъ, *загинтиъ времія назадъ*. Но никогда не должно ограничиваться такимъ противостоященнымъ дѣломъ: или оно рухнетъ при самомъ своемъ рожденіи, или реформа приведетъ къ созданию новаго ученія. Такъ Будда, Христосъ, Магометъ думали- только реформировать существующее, а кончили упорною оппозиціей ему и возвѣщенiemъ *новаго* ученія. Отсюда смертельная вражда между буддизмомъ и брахманізмомъ, между христіанствомъ и іудействомъ, между исламомъ и арабскимъ язычествомъ: во всѣхъ трехъ случаяхъ новое ученіе стремилось къ *безусловному уничтоженію* старого, и наоборотъ. Но лишь жизнеспособныя идеи развиваются до степени новой религіозной системы; что не соответствуетъ времени и его потребностямъ, то неизбѣжно погибаетъ. Оттого-то насильственное подавленіе церковью зачатковъ реформаціи и сектъ не было потерей для культуры: у нея не хватало силъ на заглушеніе истинно животворныхъ началь.

Много времени спустя, послѣ сожжения Арнольда брештіанскаго, духъ сомнінія овладѣлъ позже выступившими германскими народами. Лишь въ XIV-мъ вѣкѣ появился въ Англіи первый реформаторъ, Уиклифъ (Wycliffe), опять священникъ (1324—1387), ученіе котораго, замѣчательно, наиболѣе отразилось въ *Богемії*. Здѣсь поднялся Іоаннъ Гусъ (1373—1415), опять духовное лицо, какъ ревностный поборникъ ученія Уиклифа, и тотчасъ пріобрѣлъ могучее вліяніе на своихъ земляковъ. Но успѣхи гуситства какъ и катаризма, поконились на чисто *національныхъ* основахъ:

они ограничивались чешскимъ населеніемъ. Уже издавна нѣмцы заняли окраины богемского бассейна—и начались столкновенія съ жившими внутри чехами: нѣмцамъ удалось захватить нѣкоторыя привилегіи. Какъ вездѣ въ Германии, нѣмцы стремились подавить славянъ, которые представлялись имъ низшою породой, хотя они были тогда почти равносильны имъ по образованію. Вся нѣмецкая интеллигентія выступила замкнутою фалангой, въ союзѣ съ римскою церковью и нѣмецкою имперіей. То была открытая борьба между двумя національными идеями, причемъ, конечно, побѣдила болѣе сильная нація.

Съ обѣихъ сторонъ, религія служила лишь прикрытиемъ національныхъ интересовъ. И императоръ, а не папа, созвалъ великий церковный соборъ—право, которое признавалось тогда за папой: то былъ достопамятный Констанційский соборъ, который сжегъ Гуса и его товарища, *Геронима*, какъ еретиковъ, но не уничтожилъ гуситства. Напротивъ, именно по смерти своего любимаго вождя, гуситство вспыхнуло полнымъ пламенемъ. Кровавыя гуситскія войны были войнами религіозными и національными между германствомъ и славянствомъ.

2. Состояніе церкви.

Вторая великая задача реформаторовъ—остановить *обмірщисніе церкви* ведеть насъ къ рассматрѣнію положенія церкви вообще. Глубокое растѣніе духовенства въ эпоху альбигойскихъ войнъ ничѣмъ не отличалось отъ растѣнія *всего* феодального общества, которому содѣйствовала грубость нравовъ. Затѣмъ подъ влияніемъ возраставшей утонченности нравовъ, невоспитанность и невѣжество уступали мѣсто менѣе грубому, хотя нравственно врядъ-ли болѣе чистому образу жизни. Наконецъ, въ эпоху Возрожденія, по крайней мѣрѣ въ Италии, образованность достигла высшей ступени развитія, а безнравственность дошла до крайнихъ предѣловъ. Та и другая распространялись равно среди свѣтскихъ людей и духовенства, принимая лишь разные оттенки въ остальной Европѣ, смотря по культурнымъ условіямъ каждого народа. Въ концѣ среднихъ вѣковъ церковь испортилась и въ Испаніи не меныше, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы. «И здѣсь—говорить Мауренбрехеръ—у духовенства, въ большинствѣ случаевъ, не было ничего духовнаго; среди безбрачного духовенства открыто процвѣтало наложничество; не разъ законодательство пыталось установить положеніе дѣтей клира; народъ даже оправдывалъ наложничество; радовались, когда духовникъ довольствовался одною женщиною. И здѣсь церковь все хуже и лѣнивѣе исполняла свои благотворительныя задачи; ея члены вели праздную, недостойную жизнь, и чѣмъ выше по іерархической лѣстницѣ, тѣмъ хуже. «Хорошій епископъ—такая же рѣдкость, какъ хорошая погода въ апрѣлѣ», гласила испанская поговорка XV-го вѣка. Съ другой стороны, испанская и другія мѣстныя церкви превратились въ машины для высыпыванія и выжиманія соковъ народа въ пользу итальянскихъ и французскихъ лѣнтиевъ. Словомъ, въ этомъ растѣніи клирѣ не оставалось и слѣдовъ богословскаго образованія, церковнаго достоинства, религіознаго духа. А навстрѣчу такому

житъю-бытью клира шли *собственные* пороки народа. Властолюбіе, роскошничанье, легкая мораль, жажда уточненныхъ наслаждений, сластолюбіе, наконецъ религіозное сомнѣніе—вотъ отличія не только испанского двора, кардиналовъ и духовенства, но и всего общества временъ Возрожденія. Все это напоминало больше всего эпоху аббасидскихъ халифовъ и нѣкоторыхъ дворовъ исламской Испаніи, когда магометанскій міръ былъ охваченъ, въ одно и то же время, и религіознымъ равнодушіемъ и высокимъ умственнымъ полетомъ, и неслыханной беззравственностью. Конечно, дурно действовало на нравственность духовенства введеніе безбрачія у католиковъ—мѣра, поразительно ловкая въ смыслѣ политики, такъ какъ исключительно ей церковь была обязана тѣмъ могуществомъ, которое давало ей возможность исполнять описанное культурное привлечение.

Взглядите на судьбу церкви съ той минуты, какъ она создала нацкое первенство и стала государственнымъ учрежденіемъ въ европейскихъ странахъ, что доставило ей прочную организацію и сильную вѣтнюю опору. Всъ поразить замѣчательное явленіе: въ известные периоды церковной жизни, особенно ея вѣнчаниемъ носителямъ, недоставало идеального, религіозно-нравственного содержанія. Но каждый разъ въ какомъ-нибудь углу вдругъ оживлялось религіозное чувство, гдѣ-нибудь снова закипалъ родникъ истинной набожности, теплой религіозности. Оль охватывалъ окоченѣлые члены и учрежденія церкви, и эта свѣжая, первобытная религіозность обновляла церковь изъ ея собственныхъ началь, на ея собственной почвѣ, въ глубинѣ ея жизни. Таково было воскрешеніе строгой церковной дисциплины въ XI-мъ вѣкѣ, исходившее изъ монастыря Клюни, въ разрѣзъ съ обмирщеніемъ церкви; таково учрежденіе орденовъ доминиканцевъ и францисканцевъ въ XIII-мъ столѣтіи. Сюда же относится одновременное появленіе валльденсовъ, хотя они пошли совсѣмъ другою дорогой. Но во второй половинѣ XV-го вѣка, казалось, заснула всякая оппозиція господствующему духу церкви; какъ вдругъ, словно по данному знаку, во всѣхъ частяхъ Европы одновременно зародился новый полетъ религіознаго чувства. «Это настроение охватило Испанію, Италию, Францію, Германію, Швейцарію, Сѣверъ, Англію: одинъ за однимъ, но въ теченіе немногихъ годовъ, эти народы, одинъ за другимъ, примкнули къ нему. Такъ какъ забвеніе Христа и безвѣріе церкви были повсемѣстны, то и реакція религіознаго чувства противъ состоянія церкви оказалась повсюду; и въ главныхъ мѣстахъ вожди движенія работали самостоятельно, безъ взаимодѣйствія.

«Нигдѣ стремленіе къ религіознымъ реформамъ не проявлялось такъ своеобразно, какъ въ Испаніи. Испанскій народъ одинъ, безъ чужой помощи, освободилъ свою землю отъ ига ислама; и, въ силу этой побѣды, результаты которой превосходили подвиги крестоносцевъ въ Востокѣ, онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на другіе народы—такъ же, какъ на евреевъ и магометанъ. Правда, въ XIV—XVI вѣкахъ, многіе, особенно духовные писатели бичевали церковные порядки и беззравственность духовенства; но мѣры противъ этого зла принимались лишь государственной властью, которая имѣла въ виду при этомъ только собственное усиленіе. Королевская чета, *Фердинандъ и Изабелла*, соединили оба

королевства, на которых распадалась Испания, смирили пепокорное дворянство, подчилили себѣ рыцарские ордена; наконецъ, они стали не только господами церкви, но и руководили папой по своему произволу. По желанию «королей», Сикстъ IV довольно охотно согласился (1478) на введение испанской *инквизиціи*, которая направила свое орудіе, прежде всего, противъ крещеныхъ, но вновь отпавшихъ свреевъ и мавровъ.

«На учрежденіе испанской инквизиціи смотрѣли, какъ на существенное орудіе возрожденія церковно-религіознаго духа, которое было подготовлено католическими королями и двинуто великимъ прелатомъ своего времени, архіепископомъ толедскимъ, кардиналомъ *Хиленесомъ*, съ полной силой богато одаренной личности. Но объ испанской реформаціи можно говорить лишь въ томъ смыслѣ, что здѣсь папель себѣ вѣрное убѣжище средневѣковой католицизмъ, съ его монашескимъ идеализмомъ, съ его отрицаніемъ всякой свободы совѣсти: въ испанской атмосферѣ онъ сохранился въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ въ обмирщеній, итальянизованной куріи, и собралъ лучшія силы для предстоящей борьбы съ *настоящей* реформаціей. Религіозно-настроенные люди въ Испаніи не шли тогда дальше такихъ же попытокъ улучшенія, какія появлялись въ Германіи; и здѣсь видимъ преобразованіе монастырей, усиленный надзоръ за образованіемъ и нравственностью свѣтскаго духовенства, переводъ Библіи на мѣстный языкъ, заботы о церковной наукѣ, наряду съ осторожнымъ покровительствомъ мирному гуманизму—словомъ, передъ нами не реформація, а реставрація далекой старины¹⁾».

3. *Реформація у германцевъ.*

Очевидна разница въ реформаторской дѣятельности романскихъ и германскихъ націй. Нѣмцы издавна были народомъ мыслителей, т. е. они много думали. Ихъ мысль была занята глубокою вѣрой, при которой положеніе церкви, ихъ вождѣльнаго идеала, становилось для нихъ ужаснымъ, тогда какъ южанинъ, благодаря своему скептицизму, смотрѣлъ на это легкомысленно. И вотъ, изъ глубины нѣмецкаго чувства и мысли, поднимается словно сила природы, величавый образъ нѣмецкаго монаха, *Мартіна Лютера*. И, конечно, не случайно то обстоятельство, что колыбель великаго реформатора находилась на сѣверѣ Европы и его учение ограничивалось преимущественно высокими широтами. Жизненный обликъ рѣдкаго человѣка у всѣхъ предъ глазами. Онъ не уступалъ Гусу въ мужествѣ, когда поставилъ къ позорному столбу Тецеля, съ его торгомъ отпущеніями грѣховъ. Теперь тысячи людей дерзали высказывать то, о чёмъ думали втайне, ибо одинъ изъ нихъ проговорился. Борьба противъ вѣшнихъ злоупотреблений вела, шагъ за шагомъ, къ отверженію дальнѣйшихъ положеній, а наконецъ и къ возстанію противъ церковной власти. Мечтатели и невѣжды хотѣли пойти дальше Лютера—не преобразовать, а иско-ренить католицизмъ, и *распространить церковную свободу на область политики*. Вскорѣ отъ католицизма не осталось ничего, кроме лохмотьевъ,

¹⁾ Fr. v. *Bezold*, *Geschichte der deutschen Reformation*. Berlin, 1890, p. 165 и слѣд.

кромѣ пары правиль, такъ же мало выносившихъ критику, какъ и все отвергнутое. Самъ Лютеръ отрекся отъ католической церкви, которую хотѣлъ реформировать: и возникло *новое ученіе*. Какъ и прежнія ученія, оно коренилось въ старинѣ, называя себя лишь очищеніемъ ея. Задача реформатора, который не былъ ни государственнымъ мужемъ, ни законодателемъ, ни полководцемъ, состояла въ проложеніи новаго пути, по которому слѣдовало идти впередь. Но его замыселъ не былъ понятъ нѣмецкимъ народомъ и его естественными вождями, которые покинули его. Къ тому же прелестная весна реформаціи скоро миновала: ее скосила буря крестьянской войны, которая принесла тяжкое горе и нѣмецкому народу, и реформаціи. Жалкій споръ о причинахъ началъ покрывать новое ученіе своею тѣнью; силы евангеликовъ распались; религіозный расколъ Германіи превратился въ политическій; на сторону Лютера стали князья и города, какъ владѣльцы и носители реформаціи; но городамъ и селамъ пришлось возводить зданіе новой церкви.

Когда умеръ Лютеръ, у всемогущества римской церкви былъ оторванъ большой кусокъ: гдѣ мысль рождалась за мыслью, тамъ лозунгомъ было освобожденіе отъ папскаго ига. Въ Англіи самъ король отрекся отъ папы; въ Нидерландахъ развивалось мистическое сектантство; среди южныхъ славянъ появились лютеранскіе «подпольные проповѣдники». Въ Богеміи, на этомъ старомъ поприщѣ гуситства, чехи ревностно обращались къ новому ученію.

Совсѣмъ особенный видъ принялъ реформація въ *Швейцаріи*, гдѣ во главѣ ея стали люди, которые, конечно, могли поспорить съ нѣмецкими реформаторами по значенію; если они не пріобрѣли равносильного имени, то лишь потому, что ихъ область была мала и отдѣлена отъ нѣмецкой имперіи съ конца 15-го в. Главный изъ нихъ, Ульрихъ (Гульдрейхъ) *Цвингли* (род. 1484 въ Вильдгаузѣ, палъ подъ Капелемъ (1531), былъ не такъ горячо вдохновенецъ, какъ Лютеръ; человѣкъ болѣе холоднаго разсудка, онъ былъ умнѣе его и свободнѣе отъ предразсудковъ. Призванный въ священники большой соборной церкви въ Цюрихѣ, началь онъ (1519) проповѣдывать чисто по Евангелію, и въ такомъ свободномъ духѣ, кото-
рого не знали потомъ цѣлыя столѣтія. Онъ нашелъ много приверженцевъ въ остальной Швейцаріи. Но свободное направление Цвингли было стѣснено съ трехъ сторонъ—со стороны католиковъ, крайнихъ сектъ, скоплившихся вокругъ перекрещенцевъ, и окоченѣвшаго «православія» Лютера. Послѣ его смерти, боролись лишь обѣ крайности—радикалы и реакціонеры. Наконецъ, протестантская церковь такъ уподобилась католической, что обѣ онѣ, при всей ихъ враждѣ, соединились для подавленія перекрещенцевъ, которые носили въ себѣ доброе зерно, но втали въ сумасбродства въ *Мюнстеръ*, въ Вестфалии. Съ меньшимъ правомъ, но съ изысканной жестокостью были сожигаемы, потопляемы, казнимы въ Швабіи, Баваріи и Австріи, люди, которые осмѣливались отвергать крещеніе дѣтей, по образцу первыхъ христіанъ.

При оцѣнкѣ культурнаго значенія реформаціи, прежде всего, выходитъ, что она была неизбѣжнымъ плодомъ нѣмецкаго народнаго духа и оставалась вѣрна ему въ своей сущности и по своему вліянію. Благочестивый, склонный къ идеальной мечтательности характеръ нѣмцевъ пред-

начерталъ путь церковному преобразованію въ Германіи. Это настроеніе повело къ освобожденію отъ оковъ Рима, но *не отъ узъ впры*. Послѣ Цвингли и его друзей, вожди реформаторскаго движенья впадали въ мистицизмъ. Лютеръ твердо вѣровалъ въ черта; Кальвинъ впрочемъ, онъ не ввелъ реформацію въ Женевѣ: онъ сталъ только во главѣ той церкви, когда она уже была основана Фарелемъ и Виретомъ омрачилъ даже протестантское ученіе страшною системой. Въ первомъ очевидно отражался монархической, во второмъ—республиканскій духъ родины, причемъ послѣдній, при видимой свободѣ, сковываетъ человѣка самыми тѣсными духовными узами. По своимъ поступкамъ и образу мыслей, реформаторы вовсе не возвышались надъ уровнемъ римской церкви. Подобно ей, они считали различіе мнѣній достойнымъ смерти; подобно ей, они прибѣгали къ пыткамъ и къ инквизиціи. Даже терпимость Лютера въ теоріи и практикѣ не шла дальше правила, что церковь и ея служители должны только раскрывать заблужденія, а ужъ дѣло свѣтской власти наказывать изобличенныхъ еретиковъ. По замѣчанію Мауренбрехера, не велика разница между такимъ ученіемъ и *modus procedendi* испанской инквизиціи: и то и другое основывалось на аксиомѣ о необходимости церковнаго единства, которую безусловно признавали и средніе вѣка и реформаціонное время. Въ Швейцаріи за исключеніемъ пастуховъ въ первобытныхъ кантонахъ и нѣкоторыхъ городовъ, понынѣ придерживающихся старой вѣры, мрачные принципы Кальвина побѣдили свѣтлый воззрѣнія Цвингли и многія цали ихъ жертвой. Въ Женевѣ господство Кальвина тотчасъ перешло въ настоящую диктатуру съ всепроникающимъ, хорошо устроеннымъ шиніонствомъ: ему хотѣлось знать всѣ рѣчи и поступки своихъ противниковъ. За оскорблѣніе диктатора наказывали, какъ за богохульство; противорѣчіе его ученію вело къ эшафоту или костру. На костеръ взошелъ и человѣкъ, который, по свидѣтельству даже своихъ открытыхъ враговъ, равнялся по уму величайшимъ людямъ своего времени: то былъ испанецъ, *Михаилъ Серветъ*, открывшій кронообращеніе, медикъ и богословъ, юристъ и философъ, математикъ и астрономъ, филологъ и географъ; его работа и положительныя научныя открытия принесли культурѣ больши пользы, чѣмъ всѣ реформаторы вмѣстѣ взятые. Владычество Кальвина ознаменовалось такъ же провѣтаніемъ колдовскихъ судовъ и нерѣдко ханжескимъ свирѣпствованіемъ излишней морали противъ невинныхъ вещей и развлеченій; при такомъ управлѣніи нечего и говорить какомъ либо улучшениіи нравовъ. Кальвинъ перенесъ и духъ монашества въ новую церковь, которая должна была вполнѣ подчиниться ему. Вообще всѣ мрачныя краски, въ которыхъ выступаютъ ужасы папизма, должны быть перенесены и на реформаціонное движение. Послѣднее время историческая изслѣдованія доказали это и относительно времени Елизаветы англійской. Масса новыхъ документовъ, хотя и не оправдываетъ англійскихъ католиковъ, то во всякомъ случаѣ показываетъ ясно, что сильный противникъ обращался съ ними гораздо болѣе жестоко, чѣмъ думали до сихъ поръ. Вновь найденные бумаги вскрываютъ цѣлую систему самаго утонченаго шиніонства, дикой, невообразимой жестокости (пытка играла тутъ не малую роль), а также хорошо организованныя гоненія, болѣе продолжительныя, болѣе истребительныя и инквизиторскія, чѣмъ страшное преслѣдованіе протестантовъ при «кровавой» королевѣ Маріи.

Впрочемъ, мы должны признаться, что реформаторы были все честныя люди, слѣдовавшіе своему внутреннему убѣжденію. Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: это заставляетъ только насъ быть осторожными при оцѣнкѣ такихъ же поступковъ римского духовенства.

Многочисленность сектъ, порожденныхъ и порождаемыхъ до сихъ поръ протестантизмомъ, показываетъ, какъ мало существующій порядокъ удовлетворяетъ религіозную потребность, какъ жадно человѣкъ ищетъ новаго, при чемъ, понятно, попадаетъ на самые страшные пути. Строгая дисциплина, которую поддерживалъ католицизмъ среди своихъ приверженцевъ, благодаря своей умной организаціи и талантамъ папъ, была благодѣтельна въ томъ смыслѣ, что она избавляла его отъ заблуждений сектанства. На этомъ тинѣ умственныхъ смутъ католицизмъ выставилъ только два замѣтныя явленія—*янсенизмъ* въ 17-мъ вѣкѣ и *старо-католицизмъ* въ послѣднее время. И любопытно: тотъ и другой—германского происхождения. Янсенизмъ еще распространяется во Франціи, въ этой наименѣе романской изъ романскихъ земель; но старо-католицизмъ долженъ быть ограничиться Германіей и тамъ покончиться, какъ случилось и съ его предшественникомъ, задремавшимъ нѣмецкимъ католицизмомъ. Заблужденіе протестантскаго сектанства чаще всего проявлялось въ земляхъ, где наиболѣе торжествовалъ германскій духъ, где наиболѣе развились германскія учрежденія, германскія добродѣтели, германская свобода, образованность и наука, именно въ Англіи и Сѣверной Америкѣ, где выдвинулись методисты, квакеры, маршалы и армія спасенія. Историку культуры приходится задаться вопросомъ—не имѣютъ ли выродки протестантизма такого же значенія, какъ и совершиенно иное вырожденіе католицизма?

4. Послѣдствія реформаціи.

Всякое сопротивленіе церковной власти влекло за собой сопротивленіе и свѣтской власти, помогающей первой. Такъ необходимымъ слѣдствиемъ ученія Лютера было, противъ всякихъ его намѣрений, презираемое даже имъ, подрываніе императорской власти въ Германіи; и въ Швейцаріи пользовались реформаціей для проведения политическихъ перемѣнъ; и крестьяне, слушавшіе Лютера, говорящаго о христіанской свободѣ, понимали не одну только свободу религіи, но и свободу политическую. Положеніе низшихъ классовъ въ то время было очень тяжелое; феодализмъ потерялъ въ XVI столѣтіи свое первоначальное значеніе; въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи онъ сдѣлался обузой. Ходь этого развитія былъ слѣдующій. Политический элементъ вліялъ такимъ образомъ, что повсюду, где только политическая власть подымалась, она выдвигала ленный договоръ. Подобно тому, какъ позже старались деньгами навербовать солдатъ, такъ въ эпоху натурального хозяйства старались привлекать отряды, давать имъ земли на ленныхъ условіяхъ. Вскорѣ появилось много маленькихъ властителей, которые, стремясь добиться государственныхъ правъ, отдавали другимъ часть своихъ владѣній, чтобы такимъ образомъ обеспечить за собой власть надъ маленькой, специально имъ преданной, толпой. Такъ различно складывались и перекрещивались ленные союзы. Тянулась длинная цѣнь ленныхъ отно-

шений отъ короля до массы простыхъ свободныхъ людей; такъ случалось, что вассалъ одного бывалъ въ одно и то же время ленинымъ хозяиномъ другого, иной вассалъ бывалъ ленникомъ разныхъ ленныхъ господъ, такъ что въ XII столѣтіи свободный дворянинъ былъ уже большою рѣдкостью. Скоро дѣпли до того, что отдавали въ ленъ не только недвижимое имущество, но и должности, доходъ съ которыхъ шелъ ленинику; ленины контракты проникаль даже въ кругъ частныхъ имущественныхъ отношеній. Съ открытиемъ пороха рыцарскія услуги, для которыхъ лены и были въ началѣ устроены, сдѣлались непрактичными и ненужными. Возрастающая цивилизациѣ дѣлала вассаловъ XVI-го столѣтія такими миролюбивыми, что они не только не находили интереса въ личной военной службѣ, но даже выказывали сильное сопротивленіе ей. Съ возникшими въ то время перемѣнами въ военному искусству, начинается такъ-называемая *адэратація* (Adäration) лениной службы, т. е. плата деньгами ленинымъ хозяевамъ вмѣсто военной службы рыцарей. Но рыцарскія службы исполнялись самыми лениниками, въ то время какъ замѣняющія ихъ денежныя суммы должны были доставляться изъ дохода имуществъ,—дохода, который раньше шелъ только на удовлетвореніе жизненныхъ потребностей; другими словами, расходы вассаловъ вдругъ увеличились на цѣлый взносъ «ленного канона»; и этотъ излишекъ приходилось выплачивать изъ доходовъ имѣній. Отсюда необходимость увеличить послѣдніе; а это увеличеніе доходовъ требовало большей интенсивности рабочей силы, именно крестьянской. Стало быть въ концѣ концовъ на крестьянина-то падало бремя нового порядка вещей, порожденного возрастающимъ развитіемъ правовъ. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ развитія культуры была возрастающая дороживизна, а также распространеніе потребностей роскоши, жажды наслажденій внизу и наверху общества. Все это должны были оплачивать крестьяне, у которыхъ въ то же время поднялись требования отъ жизни. Отсюда, естественно, мысль у угнетенныхъ—что за паденіемъ іерархіи должно послѣдовать и паденіе феодальной системы. Папа Адріанъ VI высказалъ предостереженіе, годное для всѣхъ временъ: «Начнутъ съ духовной власти, кончатъ свѣтской».

Положеніе крестьянъ было крайне тяжело. Съ конца XV-го вѣка во многихъ мѣстахъ южной Германіи показались бунты; тамъ и сямъ слышались пѣсни, пропитанныя непавистью. Но настоящій *соціальныи вопросъ* выступилъ лишь въ великой пфемецкой крестьянской войнѣ. Требованія крестьянъ были вообще справедливы; справедливо было и то, что они стремились добиться силой того, чего не могли получить добромъ. *Интересы* сталкивались между собою; а побѣду одержала могущественнѣйшій по праву силы. Но крестьяне еще не были болѣе могущественной стороной. Къ тому же вполнѣ *абсолютистскія* воззрѣнія Лютера и его реформаціи тяжело легли на чашку вѣсовъ въ пользу господствующаго класса.

На положеніе имперіи реформація, естественно, должна была дѣйствовать разрушительно. Императоры и не думали, какъ надѣялся Лютеръ, стать во главѣ реформаторскаго движенія: идея имперіи была тѣсно связана съ идеей папства. Средневѣковая теорія строила государство по образцу церкви. Оба требовали повиновенія на одномъ и томъ же основ-

ваниі, а именно, что есть только *одна* истина и что где *одна* вѣра, тамъ должна быть и *одна* власть. Уже такое положеніе дѣлало императора по необходимости союзникомъ пашы. Реформація же именно разрушила начало формального единства, а потому она была возстаніемъ противъ всякаго деспотизма.

Столь же разрушительны были послѣдствія реформаціи для нѣмецкихъ городовъ. Одной изъ главныхъ чертъ этого процесса мірового разложения было именно возникновеніе индивидуализма, этого врага ремесленного принципа средневѣковья. Реформація, тѣсно связанныя съ возрожденіемъ гуманистическихъ знаній, съ ихъ принципомъ личной свободы, стояла въ противорѣчіи съ припудрительнымъ ремесленнымъ духомъ прежнихъ столѣтій. А вмѣсто того, чтобы реформировать старый строй, оставили устарѣлые формы: отсюда то безсердечіе, которое развивается всюду, где цѣняются за видимость и формы, отъ которыхъ отлетѣлъ духъ. Обыкновенно въ цехахъ видятъ лишь опоры тщеславнаго мелкаго мѣщанства. Это было не такъ во время процвѣтанія ремесленности: только когда рухнуло благосостояніе городовъ, цехи превратились въ тѣ карикатурныя явленія, которыя вызываютъ въ изслѣдоватѣль улыбку состраданія. Въ исходѣ XVI-го вѣка ремесла падаютъ.

Началось безсмысличное принужденіе въ промышленности во всѣхъ городахъ, и всякая попытка прогресса терпѣла неудачи. Но реформація и прамымъ путемъ способствовала уничтоженію старого блеска городовъ. Въ городахъ она нашла имѣнио самую приготовленную для себя почву, но вмѣстѣ съ тѣмъ, она какъ разъ возбуждала тутъ людей и овела къ восстановленію партій, побѣдавшихъ другъ друга. Эти партіи, смотря по политическому движению, распадались и быстро переходили въ городское управление. Аугсбургъ, напр., во время тридцатилѣтней войны не менѣе семи разъ менѣя свою программу. Стало ясно, что подобная неувѣренность во всякихъ общественныхъ отношеніяхъ, поведѣть за собой самыя дурнія послѣдствія для городовъ. Такъ большая религіозная войны, имѣвшія цѣлью уничтоженіе старого могущества городовъ, нашли не болѣе, какъ обрывки и жалкіе остатки. Но самое рѣшительное вліяніе на разрушеніе старой городской программы имѣло усиленіе княжеской власти. И тутъ реформація оказалась опасной опорой для городовъ. Протестантскіе владѣтельные князья, благодаря приобрѣтенію богатыхъ церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, и подчиненію новыхъ церковныхъ органовъ, приобрѣли самыя сильныя опоры для своихъ стремлений. И католическіе князья умно и выдержанно подражали данному примѣру.

Съ другой стороны, реформація имѣла необыкновенное, и большую частью очень благопріятное, вліяніе на экономическое движение. Уничтоженіе многихъ ненужныхъ праздниковъ способствовало поднятію производства. Секуляризація тысячей церковныхъ и монастырскихъ имѣній пустила въ оборотъ земли на огромную сумму; а отчасти имущество отобранныхъ церквей и монастырей перешло къ бѣднымъ, къ больницамъ; и плохо стоявшее преодолеваніе улучшилось. И въ этомъ отношеніи реформація составляетъ силу. Самъ Лютеръ обращалъ вниманіе друзъ на существующіе недостатки и подъ конецъ обращался преимущественно къ бургомистрамъ и думскимъ гласнымъ. Старанія великаго реформатора

увѣнчались самыи благословеннымъ успѣхомъ. Во всѣхъ городахъ стали думать о народномъ и особенно о научномъ преподаваніи. Существующія школы были улучшены; тамъ и сямъ расширили гимназии, основывали новыя заведенія и увеличали жалованье учителямъ. Эти гуманитарные стремленія должны были еще, однако, выдержать тяжелую борьбу съ грубостью вѣка. Родители не хотѣли понимать важности преподаванія и не посыпали своихъ дѣтей въ школу¹⁾). И материальное положеніе учителей только постепенно улучшалось. Вмѣстѣ съ улучшеніемъ школъ шло и основаніе городскихъ библиотекъ и книжныхъ магазиновъ. Съ уничтоженіемъ многихъ монастырей и церковныхъ учрежденій, книги перешли къ городамъ, которые помѣщали ихъ въ собственныя зданія, панимали смотрителей, которымъ часто платили щедро. Объявленная свобода изслѣдованія направляла умъ на изученіе природы; и наука должна была скоро открыть ся законы и силы, пустить ихъ въ ходъ для свободной работы, расчистить путь тому времени, когда машины должны были избавить человѣка отъ тяжелыхъ работъ.

Какъ по колдовству, вдругъ, въ серединѣ XVI-го столѣтія, реформація остановилась. Римъ опять добился части потерянного, и не по сверхъ-естественнымъ причинамъ, а просто насильственными мѣрами, благодаря преданнымъ панству властелинамъ, особенно въ Баваріи и Австріи, а также духовнымъ государямъ во Франкії и на Рейнѣ. Послѣ Германіи, реформація пустила сильные корни особенно во Франції. Тамъ и здѣсь для подавленія ея потребовались долгія, кровавыя войны—шмалькальденская и тридцатилѣтняя въ Германіи, гугенотская во Франції. Благодаря парижской кровавой свадьбѣ и драгонадамъ, усиѣхъ былъ полный во Франції; она осталась католическою, послѣ многихъ превратностей. Правда, въ этой странѣ церковь была могущественнѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ Англіи, и потому сначала нельзѧ было ожидать терпимости; но здѣсь, какъ и въ Германіи, подавленіе протестантизма входило въ интересы королевской власти. Корыстолюбіе королей, могущество которыхъ росло вмѣстѣ съ величиемъ подчинявшагося имъ народа, было вѣрнымъ страшемъ единства французской націи. Благодатная въ культурномъ отношеніи тиранія Людовика XI, конечно, не разбиравшая средствъ, сломила могущество знатныхъ вассаловъ, создала единую, упорядоченную Францію, задѣшила свободныя движенія и покровительствовала наукамъ. Его преемники развивали ту подавляющую централизацію, которая отчасти и теперь составляетъ какъ силу, такъ и слабость Франціи. Они понимали, что протестантизмъ долженъ потрясти эту систему: въ самомъ дѣлѣ, у французскихъ кальвинистовъ республиканская идеи шли рука обь руку съ

¹⁾ Уже Лютеръ жаловался: „Да, теперь чувственная толпа видѣть, что она уже не должна и не можетъ разсовать своихъ сыновей, дочерей и друзей по монастырямъ и церквамъ, выгнать ихъ изъ дома и имѣнія и посадить на чужую шко: оттого никто не хочетъ обучать своихъ дѣтей. Говорятъ: „Чего намъ учить ихъ, когда они не могутъ сдѣлаться попами, монахами, черничками! „Нужно учиться, чтобы прокормиться“. Въ Эсслингенѣ проповѣдники жаловались еще въ 1547 г., что родители рѣдко посыпаютъ дѣтей въ школу, говоря: „Мой парнишка, вѣдь, уже не станѣтъ попомъ и не получитъ хорошаго прихода; зачѣмъ же я стану посыпать его въ школу? Онъ долженъ разбогатѣть, долженъ видѣть, какъ одинъ гропъ добываетъ три“.

религіозной свободой. А республиканецъ естественно шелъ противъ господствующей системы, стремившейся къ единству.

Въ Германиі было не то. Правда, императоръ также отстаивалъ дѣло Рима; но здѣсь не было Людовика XI для усмиренія вассаловъ. Напротивъ, новое ученіе доставляло послѣднимъ средство слѣдоватъ свободнымъ движenіямъ, какъ имъ хотѣлось; волненія даже усиливались съ ослабленіемъ имперіи и императора. Но тутъ оказалось, что лишь общая вѣра связывала нѣмецкія племена въ теченіе семи столѣтій: народныя различія между сѣверомъ и югомъ привели къ цѣлой религіозной бездиѣ, не закрывшіейся до сихъ поръ. Впрочемъ, эту противоположность должно понимать не буквально. Въ сѣверной Германиі сохранилось столько же католиковъ (напр., въ Вестфалии), сколько въ южной протестантовъ (напр., въ Бюргергѣ). Но въ большинствѣ населенія югъ принадлежалъ съ тѣхъ поръ старой, сѣверь—новой вѣрѣ. И разница между обѣими религіозными партіями зависѣла не отъ степени культурнаго развитія; по большей части тутъ дѣло было въ томъ, насколько благопріятствовали той или другой вѣрѣ правящіе князья въ земляхъ и патриоти въ большихъ имперскихъ городахъ.

Такъ называемой противо-реформаціи въ пользу римской церкви способствовало улучшеніе богослуженія, которое лучше всего намъ способствовало и раззвѣту искусства. 16-й вѣкъ былъ расцвѣтомъ итальянской живописи, которая никогда не измѣняла церкви (а въ Германиі Дюреръ, Гольбейнъ и Кранахъ примыкали къ реформаціи) и находили въ ней главную поддержку. Тогда-то *Микель-Анджело* окончилъ свой «Стратній Судъ» въ Сикстинской капеллѣ Ватикана (1541), а *Палестрина* сочинилъ свою обѣдину Марцелла (1560). Наконецъ, возросшій гистъ инквизиціи легко подавить зачатки реформаторскаго движенія въ Италии и Испаніи. По самымъ острымъ оружіемъ папства оказалось основаніе *ордена іезуитовъ*.

5. Оденз іезуитовъ.

Созиавалъ ли *Игнатій Лойола*—основатель ордена—цѣль своего созиадія или нѣтъ, для настъ рѣшительно все равно: дѣло въ томъ, что этотъ орденъ вскорѣ достигъ поразительного могущества, котораго боятся и теперь. Такой успѣхъ объясняется лишь организаціей ордена, которой нѣтъ ничего равнаго по ловкости, остроумію и обдуманности: она показываетъ, что съ помощью деспотической, центральной власти и самоотверженаго послушанія можно достигнуть всего. Высшая власть поконится въ рукахъ «генерала»; повиновеніе—необходимое условіе подчиненныхъ ему членовъ ордена. Нужно думать, что организація іезуитскаго ордена всѣмъ извѣстна. Подъ минимыми правами, которыя называются «человѣческими правами» обыкновенно разумѣютъ прежде всего право самоопределенія: вѣдь рѣдко кто подозрѣваетъ, что дѣйствителльнымъ опредѣлителемъ служить не онъ, а всегда выше вліяніе или же внутреннія настроенія, независимыя отъ сознанія. Орденъ же требовалъ отъ іезуита, чтобы онъ отказался и отъ этой сладкой мечты. Онъ никогда не принималъ никого, кроме добровольцевъ; онъ даже вообще съ трудомъ увеличивалъ число членовъ; да ему и не нужны были подневольные братья.

У него была масса членовъ, что и доказываетъ что сказанное отреченіе, это пожертвованіе разсудкомъ, легче достается умницамъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Оденъ старался залучить къ себѣ выдающихся людей во всѣхъ отрасляхъ науки. Своимъ многостороннимъ образованіемъ іезуиты выгодно отличались отъ протестантскаго духовенства, падкаго до богословскихъ прериятельствъ! И дѣйствительно, рѣдкая область знанія не была обработана ими; исторія, точныя науки, астрономія, въ особенности же географія обязаны имъ драгоценными трудами. Іезуиты разбирали латинскія надписи и наблюдали за движеніями спутниковъ Юпитера. Они издавали цѣлые библіотеки и предпринимали путешествія въ страны, куда не прошагалъ никто ни по торговымъ дѣламъ, ни изъ любознательности; въ одеждахъ мандариновъ, заправляли они обсерваторіями въ Пекинѣ. Ихъ встрѣчали, съ лопатами въ рукахъ, среди дикарей Парагваю, обучающими туземцевъ основамъ земледѣлія. До сихъ поръ имъ однімъ удалось привлечь американскихъ индійцевъ къ пѣкотораго рода цивилизациі: они образовали изъ нихъ общины и показали имъ, какія благодѣянія для обѣихъ сторонъ проис текаютъ изъ труда. Іезуиты подчинили ихъ военному строю, раздѣливъ всѣхъ на европейскіе роды оружія, снабдили ихъ военными запасами; но въ то же время они ввели среди нихъ желѣзную дисциплину, проникавшую въ самыя ничтожныя мелочи жизни. *Добрицю-берз, Азара и Шарльюа* до сихъ поръ служатъ драгоценными источниками свѣдѣній о тѣхъ странахъ. Этнографы единогласно признаютъ значеніе за работами патеровъ среди индійцевъ Бразиліи, среди моховъ и чикитовъ. Здѣсь такъ же, какъ и въ сосѣднемъ Парагваѣ, іезуиты развивали изумительную миссіонерскую дѣятельность и достигли внушительныхъ результатовъ. Тайна поистинѣ крупныхъ успѣховъ іезуитовъ лежитъ, быть можетъ, въ томъ, что они всегда заботились не столько обѣ обращеніи туземцевъ въ христіанство, сколько о развитіи среди нихъ цивилизациі. Только и здѣсь высшему успѣху мышала страсть іезуитовъ держать своихъ питомцевъ въ вѣчномъ дѣствѣ. Но, во всякомъ случаѣ, для исторіи культуры важно, что есть бразильскій языкъ, съ которымъ можно путешествовать почти среди всѣхъ племенъ: *лингоа джераль*, всеобщій языкъ, возникъ изъ гваранскаго нарѣція или, вѣрнѣе, изъ языка ордѣ тути. А сознательными творцами этого языка, доставляющаго разношерстнымъ племенамъ Бразиліи общее средство сообщенія мыслей, были іезуиты, которые проливили и здѣсь свое глубокое знаніе человѣческой природы¹⁾). Въ Калифорніи іезуиты насадили виноградъ и плодовыя деревья, сохранившіяся до нашихъ дней²⁾). Самые смѣлые подвиги при смѣломъ первомъ изслѣдованіи Канады совер шены священниками изъ ордена іезуитовъ. По-двое, по-трое искрестили они еще нетронутые ногой бѣлаго земли, населенные враждебными племенами. И даже когда иное племя выказывало дружелюбіе, они хорошо знали, что малѣйшее невольное оскорблѣніе его суевѣрій, малѣйшее безсознательное возбужденіе его страстей или капризовъ каждую минуту могло привести ихъ къ мученической смерти. Но на дикарей, новидимому, дѣйствовало ихъ нравственное мужество, незапятнанное никакою жестокостью, то довѣrie,

¹⁾ Peschel въ „Ausland“, 1867, № 38, p. 899.

²⁾ Max von Versen: Transatlantische Streifzüge. Leipzig, 1876, p. 116.

съ которыми они принимали нерѣдко коварное гостепріимство, наконецъ, чрезвычайная простота ихъ обращенія. Первымъ апостоломъ ирокезовъ былъ іезуитъ *Исаакъ Хогес*, іезуитамъ *Даблону*, *Аллуезу* и *Маркетту* мы обязаны весьма важными географическими открытиями въ сѣверной Америкѣ¹⁾). Такую же роль играли патеры въ Азии. Иезуитъ Жербильонъ былъ политическимъ агентомъ въ свитѣ китайского уполномоченного, при заключеніи пограничного договора въ Нерчинскѣ, въ 1649 г. Отличные астрономы, іезуиты *Феликсъ д'Ароха*, *Эспина* и *Галлерштейнъ*, сдѣлали, въ 1759 году, первыя опредѣленія мѣстъ въ Тянь-Шань-Нань-Лю. Патеры *Фиделли*, *Бонжуръ* и *Режисъ*, въ 1714—1715 гг., такъ точно нанесли на карту мало извѣстную и теперь южную страну южнокитайскаго Юннана, что съ ними вполнѣ согласуются и нынѣшнія изслѣдованія²⁾). Иезуитъ *Марини* въ XVII-мъ в. написалъ прежнюю исторію Даоса; и Даось тѣхъ временъ извѣстенъ намъ только изъ сочиненій іезуита *Іоанна Маріи Леріи*³⁾). Другой іезуитъ *Камелли*, первый привезъ съ Филиппинскихъ острововъ бобы Игнатія (*Strychnos Ignatii Berg.*), въ 1699. До сихъ поръ восхваляются труды іезуитовъ на Габутъ, въ западной Африкѣ⁴⁾). И даже политические журналы признаютъ, что въ аргентинской колоніи Санта-Фе между іезуитами встрѣчаются люди, которые съ достойнымъ рвениемъ берутся за весьма запущенное тамъ школьнное обученіе⁵⁾). Такіе примѣры можно приводить безъ конца.

Чувство справедливости заставляетъ насъ признать, что орденъ іезуитовъ оказалъ значительныя и важныя услуги наукѣ. Іосифъ Акоста, авторъ прекраснаго труда *«De natura novi orbis»* (Кельнъ 1596), по признанію Пешеля, очень умный писатель, а значеніе Аѳанасія Кирхера становть яснымы каждому, кто основательно познакомится съ «Кирхеріанскимъ музеемъ» въ Римѣ. Онъ именно впервые изобразилъ на карте въ 1665 г. главныя течения океана, извѣстныя уже въ XVI столѣтіи. Это *первый чертежъ по физической географіи*, которымъ мы обладаемъ, такъ какъ онъ опредѣлилъ на 20 лѣтъ карту вѣтровъ Галлея (Наллеу). Совершенно беспристрастный критикъ справедливо говоритъ: «Кирхерь достигъ высшей точки образованія своего времени, и универсальностью своихъ знаній можетъ считаться *предтечою наимца совершенно другого пошиба*, а именно *Лейбница*. Въ тѣ времена іезуиты серьезно стремились овладѣть всѣми науками. Въ это самое время волненія Тридцатилѣтней войны грозили погасить совершенно свѣточъ науки, по крайней мѣрѣ въ Германіи». Еще и въ новѣйшія времена орденъ насчитывалъ въ своихъ рядахъ первостепеннаго астронома Секки. Наблюденія его надъ солнцемъ признаются замѣчательными всѣми компетентными лицами, а его сочиненіе *«Единство физическихъ силъ»* (есть рус. пер. Павленкова) отличается широтою обобщеній.

Орденъ, обладавшій такимъ запасомъ знаній, былъ могущественъ

¹⁾ *Bulletin de la Societé de géographie de Paris.* 1875. II. В., p. 3—11.

²⁾ *Journal of the R. geographical Society.* 1870. p. 298.

³⁾ *Bulletin de la Societé de géographie.* 1871, II В., p. 349.

⁴⁾ *Petermanns Geographische Mitteilungen.* 1875, p. 128.

⁵⁾ *Schwäb. Merkur*, отъ 20 августа 1873.

уже въ силу одного этого обстоятельства; но могущество его еще усиливалось безустанной корпоративной дѣятельностью, ради общаго дѣла, и неограниченнымъ повиновеніемъ іезуитовъ своей центральной власти.

Вопроſъ о томъ, жить ли іезуиту близъ полюсовъ или на экваторѣ, посвятить ли свою жизнь приведенію въ порядокъ геммъ и коллекціонированію рукописей или-же объясненію всего ужаса людѣства голымъ варварамъ южнаго полушарія,—этотъ вопросъ іезуитъ съ величайшою покорностью предоставлялъ решать другимъ. Героический духъ іезуитизма не угасъ и понынѣ. Когда въ наши времена ужасная эпидемія постепенно распространялась по всему земному шару, когда въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ панический страхъ разорвалъ всѣ общественные узы, когда духовенство покидало свою паству, когда невозможно было купить врачебную помошь и за груды золота, когда самыя сильныя природныя влеченія уничтожились чувствомъ самосохраненія: даже тогда іезуитъ не покидалъ и бѣдѣвшаго ложа, покиупатаго епископомъ и священникомъ, врачомъ и сидѣлкой, отцомъ и матерью, и, наклоняясь къ зачумленнымъ устамъ, выслушивалъ слабые звуки исповѣди и простираль къ умирающему образѣ распятаго Спасителя.

Цѣлью ордена было распространеніе католической церкви, а средствами къ достижению этой цѣли должны были служить: миссіонерства, школы, проповѣди, исповѣданія и основанія конгрегаций. Въ Европѣ іезуитамъ очень скоро удалось захватить въ свои руки общественное воспитаніе или, по крайней мѣрѣ, высшее научное образованіе юношества, которое они сумѣли вести необыкновенно искусно. Въ школахъ преподавался исключительно латинскій языкъ, причемъ обращалось преимущественное вниманіе на діалектику и декламацію, вытѣснялись мѣстные языки, изучалась лишь форма, а не содержаніе древняго міра, и все, что было несогласно съ строгой нравственностью, выключалось изъ классиковъ. Изученіе греческаго и латинскаго языковъ служило только подспорьемъ къ изученію латинской Бібліи: всякая критика исключалась. Ужасающая однородность характеризовала обученіе іезуитовъ, всюду придерживавшись одной и той же системы преподаванія, возникшей изъ дома *al Gesu*. Книга, не приходящаяся по вкусу генералу іезуитовъ, не попадала въ руки кого-бы то ни было изъ юношества всѣхъ націй западно-европейскаго континента; философская доктрина, противорѣчащая конституціи ордена, не могла быть объясняема ни съ какой каѳедры—однимъ словомъ, нѣчто вродѣ всеобщей цензуры, дѣйствовавшей одновременно и повсемѣстно, дѣяло невозможнымъ какое-бы то ни было развитіе школы. Кромѣ того примѣнилась къ дѣлу весьма усердно и съ большимъ успѣхомъ и проповѣдь. Въ исповѣданіи іезуиты вымогали у женщинъ всѣ тайны ихъ жизни; они становились духовниками королей; имъ были извѣстны интриги кабинетовъ и къ нимъ обращались за совѣтомъ. Иезуитъ скрывался подъ всевозможными масками; всюду, где жили благочестивые люди, онъ поддавалъ примѣръ набожности, и онъ-же первенствовалъ въ высшемъ изысканійшемъ обществѣ. Кромѣ того, іезуиты замѣтно убѣдились въ той пользѣ, какую можетъ принести распространенію и укрѣplenію вѣры торговля, и въ силу этого соображенія они стали одновременно великими миссіонерами и значительными купцами. Въ качествѣ послѣднихъ они накопляли

несметныхъ богатства, что давало имъ возможность безъ всякаго опасенія преслѣдоватъ свои цѣли.

Но ихъ единственою цѣлью было достижение неограниченаго единодержавія. И действительно, они сумѣли подчинить своей волѣ какъ могущественнѣйшихъ монарховъ, такъ равно и всѣ ступени церковной іерархіи; они умѣли либо обращать ихъ въ орудія для достижения своихъ стремлѣй, либо, въ случаѣ сопротивленія,—устранять ихъ. Такимъ образомъ, ни свѣтскій правитель, ни высшее, ни низшее духовенство, ни даже самъ папа не были въ состояніи долгое время противиться имъ. Іезуитъ, конечно, произносилъ самую точную присягу подчиненія папѣ; но, какъ доказала намъ исторія, орденъ іезуитовъ лишь настолько интересовался блескомъ папства, насколько онъ приобрѣталъ черезъ него посредство влияніе и независимость. Это безграничное властолюбіе совершенно естественно вызвало сираведливое враждебное чувство не только къ ордену, но и ко всей католической церкви. Протестантскіе и свободомыслящіе писатели никогда не высказывали іезуитамъ такихъ горькихъ истинъ какія имъ пришлось выслушивать отъ истинныхъ католиковъ. Полемическая письма августинцевъ и доминиканцевъ, произведенія Клиmenta Скотуса (Clemens Scotus) и того епископа М. Кано (M. Capo), который называлъ ихъ «набожными листцами, высокомѣрными ищими, предательскими учителями, тщеславными скромниками, сладкорѣчивыми клеветниками, корыстолюбивыми исповѣдниками, отцами погибели, чадами несправедливости»—еще и понынѣ не забыты. Но орденъ умѣлъ всегда повести дѣло такъ, чтобы заглушить отголосокъ этихъ рѣчей, при помощи римскихъ буллъ.

Изъ такой странной смѣси хорошаго и дурного состояль характеръ этихъ знаменитыхъ братьевъ іезуитскаго ордена, по *всѣ этой-то смѣси и таилась причина ихъ исполнинского могущества*.

Будь они только обыкновенными лицемѣрами—они не могли бы достичь такой власти; строгие моралисты—тоже не могли бы этого добиться. Лишь мужи, стремящіеся къ достижению великой цѣли съ полнымъ энтузіазмомъ и при томъ не останавливающіе ни передъ какими средствами, могли достичь такого могущества. Вотъ почему мы находимъ въ числѣ членовъ ордена искусѣйшихъ исказителей исторіи церкви, каковъ, напр., Бароніусъ (Baronius) и отвратительнѣйшихъ моралистовъ. Такъ, напр., Фома Санхецъ (Thomas Sanchez) говоритъ: «позволительно при извѣстныхъ обстоятельствахъ не только выходить на дуэль, но и убить тайно своего врага до дуэли, для того, чтобы избавить его отъ необходимости совершить убийство». Пренебрегая всѣми правилами обыкновенной морали, іезуиты, конечно, поступали такъ, какъ поступали многіе и до нихъ съ самого начала; но у нихъ однихъ хватило смѣлости открыто сознаваться въ этомъ въ своихъ сочиненіяхъ и даже защищать это положеніе. Бу碌чи глубокими знатоками человѣческаго сердца и ловко умѣя пользоваться человѣческими слабостями, іезуиты поняли, что нравственность и право—понятія не абсолютныя и колеблющіяся сообразно съ возрастомъ и национальностью человѣка; они были настолько смѣлы, что не только признавались въ этомъ, но и поступали сообразно съ этимъ. *Такимъ образомъ іезуитство воспользовалось такъ называемой мрачной стороной че-*

лювъческой природы, и легко понять, насколько они выигрывали по сравнению съ тѣми системами, которые принимаютъ въ разсчетъ лишь благородные свойства человѣка. *Именно то обстоятельство, что іезуитство насказываетъ «человѣчно» и служить источникомъ его могущества и неразрушимости.* Они принимали исходной точкой тотъ неопровергимый фактъ, что въ свѣтѣ побѣждаетъ не *добрый* человѣкъ, а *умный*. А потому, по мнѣнію іезуитовъ, все, что дѣлалось ради церкви, было хорошо; его дѣломъ было обдумать, какъ вѣриѣ воспользоваться представляемыми обстоятельствами, — какъ прибѣгнуть къ средствамъ, которыя возможно оправдать, и если это окажется невозможнымъ, то избрать неоправдаемые средства, придерживаясь древняго правила: «*цѣль отравоноситъ средства*». Иезуиты и ихъ приверженцы хотя и утверждаютъ, что нигдѣ въ твореніяхъ членовъ ихъ общины нельзя указать на подобное изречение, но тѣмъ не менѣе, начиная съ Бузенбаума (Busenbaum), котораго по справедливости можно считать отцомъ этого ученія, и кончая новѣйшими произведеніями отцовъ Гури и Либераторе (Guri и Liberatore) проглядывается въ непрерывной цѣни ученіе о томъ, что «когда позволена цѣль, то дозволяются и средства».

Но при этомъ надо сознаться, что и противники іезуитовъ поступали по тому же правилу.

Поученія, въ томъ видѣ какъ ихъ истолковывали іезуиты, какъ, напр., ученіе о вѣроятности (пробабилизмѣ), о направлении памѣренія и о мысленной оговоркѣ (reservatio mentalis) были такого рода, что легко привлекали къ себѣ массу людей, которые хотя настолько религіозны, что тревожатся о содѣянномъ проступкѣ, но не настолько религіозны, чтобы воздерживаться отъ подобныхъ проступковъ.

Въ числѣ членовъ ордена было много религіозныхъ мечтателей и фанатиковъ, но самъ орденъ быть всегда свободенъ отъ мечтаний и отъ какихъ бы то ни было предразсудковъ, хотя бы религіозныхъ.

Доказательствомъ этого служить его поведеніе, особенно среди чужеземныхъ народовъ. Гдѣ бы ни появлялись іезуиты, всюду мы замѣчаемъ, что имъ мало дѣла до чистаго ученія Христа, и что напротивъ они способствовали тому, что католицизмъ получалъ языческую окраску; примѣровъ подобнаго ихъ поведенія мы можемъ указать множество, даже въ Европѣ.

Они-то ввели богослуженіе въ честь Пресвятой Дѣвы Маріи и Сердца Іисуса Христа, чѣмъ непосредственно связали католичество съ язычествомъ, а это послѣднее по сию пору держится въ средѣ культурныхъ народовъ, именно въ низшихъ слояхъ. Само собой понятно, что, распространяя христіансскую религию среди дикарей и полу-дикыхъ племенъ, они тѣмъ болѣе избирали этотъ путь введенія языческихъ вѣрованій въ католицизмъ, который они совершенно исказили, допустивъ для новообращенныхъ поклоненіе идоламъ, оставивъ имъ ихъ представлениія и обычаи.

Еще съ раннихъ порь іезуиты защищали ученіе о державности народа, т. е. они основали свою систему на демократической почвѣ. Изъ всѣхъ ихъ письменныхъ произведеній явствуетъ, что они предугадывали истину, считая формы правленія дѣломъ рукъ народовъ.

Ранѣе говорить что, хотя Готманнъ (Hotmann) да и вообще всѣ сентябрь.

французские протестанты въ моментъ борьбы защищали идею о державности народа въ оправдание своихъ поступковъ, но тѣмъ не менѣе эта теорія никогда не была вполнѣ разработана ими. Лишь іезуиты того времени разработали ее, а именно они въ то время весьма усердно проводили принципъ о подчиненіи государства церкви. Власть церкви основывалась, по ихъ мнѣнію, на непосредственномъ повелѣніи Бога, считалась божественнымъ правомъ. Папство, обязанное своимъ происхожденiemъ единственно непосредственному Божьему велѣнію, противостояло свѣтской власти, вытекающей изъ державности народа, и изъ этого сопоставленія выводились съ неутомимой логикой непосредственные послѣдствія. На соборѣ, бывшемъ въ Трентѣ въ 1562 году, генералъ іезуитовъ Лене (Lainez) привелъ слѣдующее разъясненіе:

«Междуди Церковью Божией и человѣческими государствами полна противоположность. Церковь возникла не сама собой, не сама собой и приняла известное направление, а Христосъ, ея Монархъ и Правитель, первый далъ ей законы. Государства же избираются свободно свои правления. Въ началѣ вся власть въ рукахъ общинъ, эти же послѣднія передаютъ ее правителямъ, не лишая и себя власти».

Эти принципы ближе обосновываются іезуитомъ Белларминомъ (Bellarmine) въ различныхъ произведенияхъ, а особенно въ его книгѣ *de Romano Pontifice*. Хотя по поводу известного мѣста посланія къ римлянамъ и говорится, что власть вообще божественного происхожденія, но при этомъ прибавляется, что божественное право не даровало власти отдѣльной личности. Власть дарована всему обществу, а это послѣднее можетъ передать ее отдѣльной личности или иѣсколькимъ лицамъ. Массъ народной предоставлено назначить властителемъ надъ собой короля, консула или другихъ правителей. Если встрѣчается законный поводъ, то народъ можетъ во всякое время замѣнить монархію, аристократическое или демократическое правленіе—другимъ образомъ правленія. Но такъ какъ духовная власть непосредственно передана была Богомъ одному человѣку, то изъ этого слѣдуетъ, что духовная власть безспорно обладаетъ главенствомъ надъ свѣтской властью. Белларминъ сравниваетъ обѣ власти съ плотью и духомъ. Духъ вообще не долженъ вмѣшиваться въ дѣятельность плоти, но лишь только плоть противоборствуетъ духу, то этотъ послѣдний обязанъ повелѣвать плоти и карать ее. Итакъ, когда свѣтская власть противоборствуетъ духовной, то «первая можетъ и должна караться духовной властью всякимъ способомъ, въ известномъ случаѣ наиболѣе подходящимъ». Испанскій историкъ Хуанъ Марьяна, котораго Ранke называетъ остроумѣйшимъ изъ членовъ іезуитскаго ордена, объясняетъ эти принципы весьма обстоятельно и подробно. Марьяна рисуетъ предполагаемое естественное состояніе, когда сильнѣйший, подобно дикому звѣрю, обижаетъ слабѣйшаго, когда міръ былъ наполненъ убийствомъ и грабежомъ. Тогда притѣсняемые заключили союзъ между собой и соединились въ общество. Такимъ образомъ возникли города и королевская власть. Послѣдняя приобрѣталаась путемъ умѣренности и добродѣтели, свѣтская община возникла изъ сознанія погрѣшиности. «Но невѣроятно, чтобы граждане пожелали лишить себя власти и передать ее цѣликомъ въ другія руки», говоритъ Марьяна. Хотя, при из-

вѣстныхъ, весьма строгихъ ограниченихъ, монархія и предпочтительна по сравненію съ другими образами правленія, и хотя, говоря вообще, наследственность власти цѣлесообразна, но въ случаѣ надобности народъ можетъ и здѣсь кое-что измѣнить.

Безпристрастная оцѣнка ордена іезуитовъ, выведенная изъ исторіи культуры, заключается приблизительно въ слѣдующемъ положеніи: орденъ этотъ принесъ и безконечный вредъ, и безконечную пользу. Онъ оказывался и оказывается вреднымъ среди небольшой кучки цивилизованныхъ народовъ, полезнымъ среди огромнаго большинства варварскихъ и нецивилизованныхъ людей. Орденъ іезуитовъ—учрежденіе, которое понижаетъ уровень развитія людей, стоящихъ на высшихъ ступеняхъ цивилизациіи и, напротивъ, возвышаетъ уровень развитія людей, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ развитія: въ первомъ случаѣ онъ заслуживаетъ противоборства, во второмъ—полнѣйшаго одобренія. Если кто-либо умѣеть привлечь варваровъ къ нашей цивилизациіи, то это навѣрно іезуитъ, и въ этомъ отношеніи культурная задача ордена еще далеко не вполнѣ рѣшена. Напротивъ, въ средѣ высоко стоящихъ по развитію своему народовъ, іезуитъ играетъ роль тормаза, и это служить новымъ блестящимъ подтвержденіемъ того положенія, что то, что служитъ культурнымъ факторомъ на низшихъ ступеняхъ цивилизациіи, препятствуетъ развитію людей, стоящихъ на высшихъ ступеняхъ ея.

Проф. Л. Гейгеръ.

Перев. подъ ред. проф. А. Трачевскаго.

Ученіє о бактеріяхъ, какъ причинѣ болѣзнѣй¹⁾.

I.

Ученіє о бактеріяхъ, какъ причинѣ всѣхъ эпидемическихъ (и даже многихъ не эпидемическихъ) болѣзней, по быстротѣ своего распространенія, по множеству открытій, непрерывно слѣдовавшихъ одно за другимъ, по скорости, съ которой совершалось его практическое примѣненіе, рѣзко отличается отъ того медленного и иногда сопряженного съ большими трудностями, пути, по которому шли другія открытія въ области естествознанія.

Чѣмъ-же объяснить это явленіе? Основаніемъ теоріи паразитологовъ послужило открытіе при дифтеритѣ и другихъ болѣзняхъ низшихъ растительныхъ организмовъ, которые безъ достаточной критики признаны были за причину этихъ болѣзней. А такъ какъ вслѣдствіи оказалось, что организмы эти находятся во всѣхъ безъ исключенія патологическихъ продуктахъ болѣзней, то, вслѣдствіе предвзятаго мнѣнія, одно нахожденіе таковыхъ объявлялось, какъ открытіе, несомнѣнно констатирующее паразитической характеръ болѣзни.—Нужно замѣтить при этомъ, что въ патологическихъ секретахъ находится обыкновенно нѣсколько различныхъ формъ этихъ организмовъ, изъ которыхъ однѣ преобладаютъ въ одномъ, другія въ другомъ periodѣ болѣзни. Поэтому за причину болѣзни объявлялись иногда, почти единовременно, нѣсколько различныхъ паразитовъ и новыя открытія слѣдовали одни за другими и почти непрерывныи рядомъ. Нельзя не упомянуть также, что въ патологическихъ продуктахъ часто встречаются частицы распада тканей (*detritus*), которые до такой степени обкладываютъ бактеріи, что ихъ порою невозможно бываетъ отличить отъ послѣднихъ, по крайней мѣрѣ при простомъ микроскопическомъ изслѣдованіи безъ употребленія реактивовъ.—Ча-

¹⁾ Взгляды, развивающиеся авторомъ настоящей статьи, значительно отличаются отъ господствующихъ. Мы, однако, дали ему мѣсто на основаніи правила: *du choc des opinions jaillit la vѣrit *.
Ред.

стицы этого распада, получившія, вслѣдствіе сходства ихъ съ бактеріями, название псевдобактерій, играли вѣроятно не маловажную роль въ области бактеріологическихъ открытій.

Все это, вмѣстѣ взятое, представляло широкое и непочатое поле для гистологическихъ работъ. Всѣ секреты и экскреты животнаго тѣла подвергаются микроскопическому изслѣдованію. Всякій, вооружившись микроскопомъ, для изслѣдованія какихъ-либо продуктовъ болѣзни, могъ быть напередъ увѣреннымъ, что труды его увѣнчиваются успѣхомъ, что онъ найдеть въ нихъ что-нибудь новое. Работы эти производятъ впечатлѣніе погони за бактеріями. Открытія нагромождаются виѣ всячаго контроля и отбиваются другъ у друга. Такъ, напримѣръ, если одинъ изслѣдователь объявлялъ своего паразита причиною какой-либо болѣзни, то другой находитъ въ той-же самой болѣзни другого паразита, не имѣющаго никакого сходства съ первымъ; третій—третьяго, не имѣющаго ничего общаго съ двумя первыми и т. д.; а такъ какъ болѣзней, вообще, меньше, нежели оказалось лицъ, желавшихъ имѣть въ нихъ своего собственнаго микроба, какъ виновника заразы, то въ настоящее время многими болѣзнями управляютъ олигархически пѣсколько паразитовъ; приверженцы каждого изъ нихъ считаютъ остальныхъ самозванными. (См. дифтеритъ, коклюшъ, инфлюэнца, enteritis и проч. и проч.). Другіе бактеріологи, не участвовавши въ открытіи, не берутъ на себя труда провѣрки,—во-первыхъ потому, что критика имѣла-бы здѣсь значеніе эфемерное,—до появленія нового претендента на заразу, во-вторыхъ потому, что каждый провѣряющей, въ сущности, занять былъ своимъ собственнымъ открытіемъ.

Вотъ почему литература въ области паразитологіи въ относительно короткое время, по количеству печатнаго материала, опредѣлила многія отрасли медицины.

Продолжавшіяся открытія патогенныхъ бактерій и стремленіе поставить въ зависимость отъ нихъ всѣ заразныя болѣзни, не могли не обратить на себя вниманіе ученыхъ, серьезно относившихся къ научнымъ вопросамъ. Они начали изслѣдовать не только продукты болѣзней не заразительныхъ, но и здоровыхъ людей: слизь во рту, налетъ языка и проч. и находя здѣсь тѣ-же самыя формы бактерій, какія бактеріологи представляли, какъ специфическая для разныхъ болѣзней, возражали послѣднимъ, что специфичность и патогенетическое значеніе бактерійничѣмъ не доказывается. Но толчекъ, данный ученю о бактеріяхъ, какъ причинѣ болѣзней, былъ настолько силенъ и оно двигалось по инерціи, благодаря множеству изслѣдователей, съ такою быстротою впередъ, что всѣ возраженія противъ него оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; никакіе доводы логики во вниманіе

не принимались и оказывались безсильными охладить увлечение сторонниковъ паразитической доктрины. Послѣдніе выработали даже на этотъ предметъ свою особенную теорію посылокъ и умозаключеній, о которую всѣ возраженія противниковъ разбивались, какъ о непроницаемую броню.

Объяснимъ примѣромъ. Вы имѣете передъ собою завѣдомо заразительную матерію. При микроскопическомъ изслѣдованіи вы открываете въ ней мелкие растительные организмы—бактеріи. Прививка этой матеріи даетъ результаты положительные. Сдѣлаете-ли вы на этомъ основаніи заключеніе, какъ это дѣлаютъ бактеріологи (см. дифтеріть), что заразительность матеріи происходитъ исключительно отъ присутствія въ ней бактерій? Другой примѣръ: изслѣдователи (не бактеріологи), для того, чтобы убѣдиться, дѣйствительно-ли заразительное начало заключается въ бактеріяхъ, изолируютъ ихъ отъ среды, въ которой онѣ находились, посредствомъ неоднократнаго промыванія ихъ дестиллированною водою; перенося затѣмъ бактеріи въ Pasteur'овскую жидкость, убѣждаются, что жизненные свойства ихъ сохранены и очищенными такимъ образомъ бактеріями производятъ прививки. Зараженія не происходитъ. По мнѣнію бактеріологовъ, отрицательные результаты прививокъ при этихъ опытахъ не служать доказательствомъ незаразительности бактерій, а доказываютъ только, что дестиллированная вода несомнѣнно дѣйствуетъ паралитическимъ образомъ на ихъ функции (IV Chirurg. Congr. 1875).

Третій примѣръ. Вводятся въ организмъ животнаго также изолированные отъ патологического продукта грибки. Животное остается здоровымъ; тогда искусственно производится самая болѣзнь и затѣмъ уже вводятся въ организмъ бактеріи, которыя и развиваются на приготовленной искусственно почвѣ. Выводъ бактеріологовъ: причиной болѣзни служатъ грибки, но для этого требуется также известное предрасположеніе организма. (См. дизентерія).

II.

Прежде, чѣмъ приступимъ къ описанію отдѣльныхъ болѣзней, мы должны познакомить читателя въ общихъ чертахъ съ тѣми организмами, которымъ бактеріологи приписываютъ такое роковое значеніе въ природѣ и которые, по мнѣнію ихъ, представляютъ собою живую заразу (*contagium vivum*) и служатъ причиной заболѣваній.

Подъ именемъ бактерій естествоиспытатели разумѣютъ самые низшіе растительные организмы, близко примыкающіе къ водорослямъ¹⁾, а по другимъ ученымъ къ грибкамъ, видимые подъ

¹⁾ Шмальгаузенъ. „Ботаника“, стр. 114.

микроскопомъ только при очень сильномъ увеличениі, состоящіе изъ клѣточекъ круглой, или продолговатой формы, не содержащіе хлорофилла, присущаго большинству растеній и размножающіеся посредствомъ дѣленія.

Cohn раздѣляетъ бактеріи на четыре группы: 1) шарики, 2) палочкообразныя бактеріи, 3) нитеобразныя бациллы и 4) спиральныя—спириллы. Какъ ни ясно изображаютъ Эренбергъ и Конъ особенности наружнаго вида бактерій, тѣмъ не менѣе, при микроскопическомъ изслѣдованіи, трудно иногда бываетъ опредѣлить, какой именно видъ бактерій мы имѣемъ передъ собою: такъ, напримѣръ, очень тонкія формы палочкообразныхъ бактерій можно смѣшать съ нитеобразными; спириллы, дѣлающія очень быстрыя вращательныя движения, производятъ впечатлѣніе изгибанія и намъ кажется, что мы имѣемъ передъ собою гнующееся тѣло—vibrio. Вообще, относительно бактерій невольно навязывается вопросъ, не представляютъ-ли онъ случайныя формы одного и того-же рода, стоящія на различныхъ ступеняхъ развитія и видоизменяющіяся сообразно условіямъ среды, въ которой онъ питаются. Въ пользу этого взгляда высказались Ketry, Hoffmann, Karstein, Steudener и др. Billroth доказываетъ справедливость его въ извѣстномъ трудаѣ своемъ: „Untersuchungen über Vegetationsformen der Cocco-bacteria septica“, содержащемъ рядъ точныхъ и всестороннихъ наблюдений надъ этими организмами. Billroth принимаетъ для шарообразныхъ бактерій название Coccus отъ греческаго слова Kokkos, обозначающаго ягоду зерно, а для продолговатыхъ формъ—наименование бактерія (*бактеріа bacillus*) палочка. Формы бактерій, а также величина одной и той-же формы находятся въ зависимости отъ среды, въ которой онъ находится и въ которой питаются.

Какіе элементы необходимы для питанія бактерій и какое вліяніе оказываютъ послѣднія па составъ среды, въ которой онъ живутъ?

Бактеріи состоять изъ тѣхъ-же химическихъ элементовъ, какъ и прочія растенія: онъ содержать въ себѣ углеродъ, водородъ, кислородъ и азотъ, а также кали и фосфорную кислоту. Онъ могутъ размножаться только въ той средѣ, которая содержитъ эти элементы. Изслѣдованія Dujardin'a показали, что бактеріи размножаются не только въ альбуминозныхъ жидкостяхъ, но также и въ растворахъ, не содержащихъ альбуминатовъ. Если взять растворъ сахара и прибавить къ нему щавелевокислаго или-же фосфорокислаго амміака, то жидкость черезъ нѣсколько дней покрывается бѣловатою пленкою, состоящею изъ бактерій. Еще скорѣе образуется эта пленка, если взять 15 ч. древеснаго сахара (глицерозина), 10 ч. щавелевокислаго амміака и 10 ч. дождевой воды. Азотъ, по мнѣнію Pasteur'a, онъ могутъ ассимилировать,

какъ и другія растенія, изъ амміакальныхъ соединеній; что-же касается углерода, то по невозможности ассимилировать угольную кислоту, вслѣдствіе отсутствія въ нихъ хлорофилла, онъ должны получать ее изъ сахара или другихъ органическихъ соединеній. Это существенное отличіе бактерій оть другихъ растеній, состоящее въ томъ, что онъ для своего существованія нуждаются въ готовомъ органическомъ матеріалѣ, равно какъ и то обстоятельство, что онъ находять матеріалъ этотъ въ живыхъ организмахъ, и послужило поводомъ причислить ихъ къ паразитамъ.

III.

Скажемъ теперь объ отношеніи бактерій къ организму человѣка.

Вскрытіе труповъ показываетъ, что бактеріи находятся въ полостяхъ тѣла, въ паренхиматозныхъ органахъ: въ печени, селезенкѣ и другихъ; въ различныхъ экссудатахъ, въ гноѣ, въ крови и даже въ тканяхъ тѣла. Кислые физиологические сокры, какъ, напримѣръ, потъ, желудочный сокъ, не способствуютъ развитію бактерій; онъ образуются въ этихъ секретахъ только тогда, когда послѣдніе дѣлаются щелочными.

Бильротъ, изслѣдуя заживающія послѣ нагноенія раны, всегда почти находилъ въ нихъ бактеріи, преимущественно *Micrococcus*; этотъ послѣдній находился также и въ гноѣ абсцессовъ.

Какимъ образомъ попадаютъ бактеріи въ тѣло человѣка?

Многими изслѣдованіями доказано, что бактеріи находятся, какъ въ водѣ, такъ и (споры ихъ) въ воздухѣ. Самая чистая вода, употребляемая нами для питья, содержитъ бактеріи. Наблюденія Sanderson'a показали, что бактеріи находятся также въ дождевой и въ снѣговой водѣ. Бильротъ бралъ для мясного настоя, который онъ употреблялъ для опытовъ культуры бактерій, какъ колодезную, такъ и воду, прямо падавшую съ облаковъ и нашелъ, что развитіе бактерій, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ совершается одинаково. Левенгукъ и Частеръ также свидѣтельствуютъ, что бактеріи въ несмѣтномъ количествѣ населяютъ атмосферу и постоянно находятся въ тѣлѣ человѣка.

Изъ сказанаго съ очевидностью язвствуетъ, что бактеріи входятъ въ организмъ человѣка съ самыи чистымъ атмосфернымъ воздухомъ, которымъ онъ дышитъ, съ самою чистою ключевою водою и съ пищею, которую человѣкъ принимаетъ въ себя. Нѣкоторыя пищевые вещества въ особенности богаты бактеріями. Д-ръ Адамецъ вычислилъ, что въ сырахъ швейцарского производства, выдержаныхъ отъ 25—45 дней, на каждый граммъ сыра

приходится отъ 1.200,000 до 2.000,000 бактерій, а около корки сыра отъ 3.600,000 до 5.600,000 на одинъ граммъ.

При вдыханіи, споры бактерій могутъ задерживаться въ по-лости рта, зъва и въ воздухопосныхъ путяхъ. Входящія съ пищею и питьемъ попадаютъ въ желудокъ и въ кишечный каналъ.

Но этотъ краткій очеркъ далеко еще не опредѣляетъ всѣхъ путей, посредствомъ которыхъ бактеріи могутъ приходить въ со-прикосновеніе съ человѣкомъ. Такъ, въ 1884 году д-ръ Рейншъ изслѣдовалъ пятна на кредитныхъ билетахъ и металлическихъ деньгахъ. Они оказались скопищами различныхъ бактерій. Рейншъ опускалъ монету въ дестиллированную воду, которую послѣ раз-сматривалъ подъ микроскопомъ. Бактеріи производили быстрыя движенія. Шааршмидтъ также изслѣдовалъ бумажныя деньги, на поверхности которыхъ находились бациллы бугорчатки, тифозныя и проч.

И такъ, если въ живомъ организме постоянно находятся бактеріи, или споры ихъ, не проявляя ничѣмъ своего присутствія, т. е. не раз развиваются и не размножаются, то изъ этого слѣдуетъ, что здоровый организмъ не представляетъ условій, благопріятныхъ для ихъ существованія, что физіологическая отправленія организма не соответствуютъ условіямъ, необходимымъ для ихъ ве-гетаціи. Нужно предположить, что въ здоровомъ организме онъ находится въ состояніи анэргіи (*anergia*), причемъ жизненность ихъ хотя сохранена, но ихъ витальные свойства не проявляются. Аналогичное явленіе представляютъ споры водорослей, лишайни-ковъ и проч. Штейнбергъ¹⁾, бывшій воспитанникъ Кіевскаго универ-ситета, въ то время, когда еще и помину не было о бактеріяхъ, какъ причинѣ болѣзней, изслѣдовалъ подъ микроскопомъ веще-ство, накопляющееся на зубахъ и между зубами, для удаленія котораго употребляются наши различные зубные порошки. Ока-залось, что ни щательное полосканіе рта водою, ни даже чистка зубовъ мѣломъ не въ состояніи совершенно удалить отсюда бак-теріи. Штейнбергъ нашелъ въ веществѣ этомъ между другими формами бактерій и тѣ самыя, какія мы встрѣчаемъ при дифте-ритѣ и другихъ болѣзняхъ, именно: *Monas cerasasculum* (*Micrococcus*), *Bacterium termo*, мицеллы и проч.

Въ патологическомъ состояніи какого-нибудь органа, или цѣлаго организма условія существованія бактерій дѣлаются болѣе благопріятными и онъ начинаютъ проявлять свои витальные свойства. Бактеріи поэтому развиваются во всѣхъ гнѣющихъ ве-ществахъ, какъ животныхъ, такъ и растительныхъ; во всѣхъ жид-

¹⁾ Объ изслѣдованіи бѣлаго мягкаго вещества, накопляющагося между зубами. Кіевъ, 1861.

костяхъ, являющихся следствиемъ воспаленія: при плевритѣ, при воспаленіи суставовъ (*arthritis*), при воспаленіи брюшины (*peritonitis*) и проч. Нахожденіе же ихъ въ закрытыхъ полостяхъ не иначе можно себѣ объяснить, какъ постояннымъ нахожденіемъ ихъ споръ въ здоровомъ организмѣ. Очень наглядно доказывается это присутствіе бактерій въ пустулахъ, происходящихъ отъ случайного раздраженія кожи, какъ, напримѣръ: отъ давленія тѣсной обуви, отъ чесанія, въ пузыряхъ послѣ мушки, послѣ ожога и проч. Понятно поэтому, что онѣ должны находиться и въ оспенныхъ пустулахъ и дѣйствительно, мы находимъ здѣсь *Micrococcus*, какъ и въ простой пустулѣ.

То, что сказано нами о мѣстномъ заболѣваніи, относится также и къ общему заболѣванію организма. Если послѣдній находится въ условіяхъ ненормальныхъ; если его функциональная и нутритивная дѣятельность ослаблена, какъ, напримѣръ, при тяжелыхъ болѣзняхъ, бактеріи встрѣчаются уже менѣе препятствія для своего развитія. Въ болѣзnenномъ состояніи организма, онѣ начинаютъ развиваться въ лимфатическихъ и кровеносныхъ сосудахъ, чѣмъ объясняется и развитіе ихъ (*Spirochaeta*) въ крови при возвратной горячкѣ и при перемежающейся лихорадкѣ. Болѣзни эти, характеризующіяся періодическими пароксизмами, яснѣе другихъ подтверждаютъ эту зависимость. Когда пароксизмъ оканчивается и нормальная функция организма начинаютъ возстановляться, количество бактерій въ крови начинаетъ уменьшаться и затѣмъ онѣ совершенно исчезаютъ.

Бактеріи, находясь въ крови больныхъ, могутъ съ трансудирующимъ жидкостью переходить въ полости, а также въ ткани тѣла. Такимъ образомъ онѣ иногда появляются (*Strepto-bacteria gigas pericardii*—Billroth), въ околосердечной сумкѣ въ мочевыхъ канальцахъ и проч.

Въ агоніи, когда организмъ оставляетъ уже борьбу за свое индивидуальное бытіе и другія силы природы вступаютъ въ права свои, развитіе бактерій идетъ по новой стезѣ, равно какъ и морфологический характеръ ихъ измѣняется, соответственно измѣненію среды. Тѣ-же самыя формы бактерій встрѣчаются и въ живомъ организмѣ, если нѣкоторыя части его еще при жизни подвергаются деструктивнымъ процессамъ: некрозу, гиенію и проч.

IV.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о жизнедѣятельности бактерій,—о витальныхъ свойствахъ этихъ организмовъ.

Какъ классификацией, такъ и изученіемъ свойствъ бактерій мы обязаны Пастеру, Кону и др. (Pasteur, Cohn и др.).

Иследованія ихъ показываютъ, что нѣкоторыя бактеріи живутъ преимущественно въ разлагающихъ органическихъ веществахъ и гнилостныхъ жидкостяхъ; эти послѣднія носятъ название сапрофитовъ (Bac. *termo*); другія являются посредниками при процессѣ броженія, подобно дрожжевымъ грибкамъ (Cohn и др.). Что бактеріи близко стоятъ къ дрожжевымъ грибкамъ, это доказывается опытами Duval'я, который наблюдалъ переходъ пивныхъ дрожжей въ бактеріи. Если пивные дрожжи помѣстить въ фильтрованный виноградный сокъ, то они измѣняются не только химически, превращаясь изъ спиртоваго фермента въ ферментъ молочной кислоты, но также и морфологически, а именно: изъ кругловатыхъ дрожжевыхъ клѣтокъ образуются въ огромномъ количествѣ различныя формы бактерій. Мы не можемъ поэтому не высказать предположенія, что, какъ посредники броженія, онъ должны играть известную роль въ здоровомъ организмѣ человѣка и быть можетъ составляютъ необходимое условіе правильнаго пищеваренія; принятая съ пищею и питьемъ, онъ могутъ, въ силу своего ферментирующего свойства, производить соответственныя измѣненія пищевыхъ веществъ въ кишечномъ каналѣ; нѣкоторые авторы дѣйствительно приписываютъ имъ появленіе въ кишкахъ молочной и масляной кислоты. Присутствіе бактерій въ толстыхъ кишкахъ также не остается безъ вліянія на химическую измѣненія, происходящія въ послѣднихъ; на это указываетъ отсутствіе здѣсь кислорода, вместо котораго появляется сѣроводородъ. Еще большую роль приписываютъ авторы бактеріямъ въ процессахъ тѣлѣнія и гніенія (Cohn). Нѣкоторые (Neegeli, Hoffman и др.) убѣждены даже въ существованіи причинной связи между бактеріями и этими процессами. Представителями процессовъ тѣлѣнія являются плѣсневые грибы — *Aspergillus*, *Penicillium* и проч., постоянными же спутниками гніенія — *Bacterium termo*, *Vibrio bacillus*, *Monas crepasculum* (*Micrococcus*) и проч. Онъ является поэтому въ организмѣ человѣка также постоянными спутниками тѣхъ патологическихъ процессовъ, при которыхъ происходит разложеніе, некрозъ, некробіозъ и проч., какъ, напр., при дифтеритѣ, дизентеріи, гнилостномъ зараженіи и проч.

Переходя къ разбору отдѣльныхъ болѣзней, происхожденіе которыхъ въ настоящее время приписывается вліянію злокачественныхъ грибковъ, мы ставимъ себѣ единственную задачею разрешеніе слѣдующихъ вопросовъ: 1) *Найдены-ли дѣйствительно въ заразныхъ болѣзняхъ особья злокачественные бактеріи, составляющія причину этихъ болѣзней?* 2) *Доказана-ли зависимость болѣзней отъ бактерій путемъ прививки ихъ здоровому организму?*

V.

Дифтеритъ. При микроскопическомъ изслѣдованіи дифтеритическихъ оболочекъ Buhl обратилъ внимание на массу бактерій (преимущественно *Microsoccus*), находящихся какъ въ дифтеритическихъ оболочкахъ, такъ и въ гнойномъ отдѣленіи, но не придалъ имъ никакого этиологического значенія. Совершенно иначе было принято это открытие другими врачами. Oertel и Klebs объявили, что дифтеритъ происходит отъ злокачественныхъ грибковъ (бактерій), а именно отъ специфическихъ дифтеритическихъ микрококковъ. Противъ этого сдѣланы были другими наблюдателями вѣскія возраженія. — Wagner¹⁾ находитъ тѣ-же самыя бактеріи при простомъ не дифтеритическомъ воспаленіи миндалевидныхъ железъ и даже у совершенно здоровыхъ дѣтей въ слизи, которую онъ снималъ съ этихъ железъ послѣ сна. Billroth заявляетъ, что колоссальному распространенію микрококковъ при дифтеритѣ можетъ удивляться только тотъ, кто никогда не изслѣдовалъ подъ микроскопомъ толстаго налета языка при воспаленіи во рту (*Stomatitis*)²⁾. Эти и другія возраженія, сдѣланыя бактериологамъ, послужили поводомъ къ тому, что послѣдніе поставили цѣлью дальнѣйшихъ своихъ изслѣдований найти въ бактеріяхъ, встрѣчающихся при дифтеритѣ, какое-нибудь виѣшнее отличие отъ обыкновенныхъ круглыхъ бактерій (*Cocci*). Посмотримъ къ чему привели эти попытки.

Прежде всѣхъ выступилъ съ своимъ особеннымъ дифтеритическимъ грибкомъ Oertel³⁾. Онъ нашелъ, что при дифтеритѣ, кроме обыкновенныхъ, встрѣчающихся во рту, микрококковъ находится еще одинъ видъ ихъ — кружающійся. Его виѣшнее отличие заключается въ томъ, что зернышки его снабжены одною или двумя ворсинками, посредствомъ которыхъ они производятъ вращательная движенія. Я не буду приводить здѣсь мнѣніе, высказанное мною раньше въ печати объ этой бактеріи⁴⁾, на основаніи приложенаго Oertel'емъ рисунка, а ссылаюсь на авторитетъ Cohn'a, который на основаніи рисунковъ же (fig. 7 и 12) не сомнѣвается, что вмѣсто *специфическихъ круглыхъ* бактерій Oertel имѣть передъ собою вовсе *не специфическая палочкообразная*, именно: *B. termo*, *Bacillus* и отчасти *Spirillum*.

¹⁾ Zur Anwendung der Milchsäure beim Croup. Jahrbuch für Kinderheilkunde III, 1. 1869.

²⁾ I. c.

³⁾ Experimentale Untersuchungen über Diphtherit. Deutsch. Archiv f. Klin. Med. VIII. 242.

⁴⁾ О фибринозномъ (крупозномъ) воспаленіи зѣва у дѣтей. Киевъ. 1878.

Letzerich¹⁾ нашелъ для дифтерита другого вида специфической грибокъ, которому онъ далъ название *Zygodesmus fuscus*. Мы не будемъ дѣлать возражений противъ специфичности этого грибка, такъ какъ намъ неизвѣстно, кто изъ бактериологовъ, кромѣ самого автора, признаетъ ее. Еще одинъ специфической для дифтерита грибокъ былъ предложенъ Klebs'омъ²⁾, но вскорѣ послѣ опубликованія имъ этого открытия, Бильротъ нашелъ тотъ-же самый грибокъ на тонкихъ разрѣзахъ варенаго картофеля, а также на невытертыхъ предметныхъ стеклахъ. Мы далеки отъ предположенія, что Клебсъ не достаточно чисто производилъ свои опыты и при своихъ микроскопическихъ изслѣдованіяхъ пользовался не до суха вытертыми предметными стеклами; скажемъ только, что послѣ этого инцидента самъ авторъ предаетъ своей грибокъ забвѣнію.

Всльдъ за неудавшимися попытками найти для дифтерита особую специфическую бактерію, большинство бактериологовъ уже не настаиваетъ на этомъ; напротивъ того, они открыто заявляютъ, что дифтеритическая бактерія, по видѣнію виду, совершенно идентичны съ обычновенными—не заразительными, не допуская въ то-же время полнаго тождества между ними.

Такъ, Wiegert³⁾ говоритъ, что дифтеритическая бактерія имѣть только большое сходство съ гнилостными, но что ихъ нельзя признать „во всѣхъ отношеніяхъ“ одинаковыми, такъ какъ между ними существуютъ „тысячи различий“ (стр. 33); но въ чемъ заключается хотя одно изъ этихъ различий,—объ этомъ онъ предпочитаетъ хранить молчаніе. Откровеннѣе другихъ высказывается Eberl⁴⁾, который заявляетъ, что между дифтеритическими и обычновенными бактеріями не существуетъ никакой разницы, ни въ формѣ, ни въ величинѣ; но считаетъ совершенно достаточнымъ, для огражденія специфичности первыхъ, сдѣлать предположеніе, что между ними существуетъ *отличие невидимое*.

Полное отсутствіе какого-либо видѣнія отличія между дифтеритическими и не дифтеритическими микрококками, находящимися во рту даже у здоровыхъ людей, заставило и Oertel'я не только отказаться отъ своего кружашающагося *Micrococcus*, но прочесть внимательно ботаническую классификацію низшихъ растительныхъ организмовъ Cohn'a и объявить, въ другой статьѣ своей о дифтеритѣ⁵⁾, что встрѣчающіяся при этой болѣзни бактеріи, суть „тѣ самые растительные организмы, которые по системѣ Cohn'a принадлежатъ къ круглымъ бактеріямъ (*Sphaerobacteria*)“.

¹⁾ Virchow's Archiv. B. XIX, стр. 327.

²⁾ Archiv f. experiment. Pathologie & Pharmacolgie.

³⁾ Ueber pockenähnliche Gebilde in parenchymatösen Organen. Breslau 1875.

⁴⁾ Zur Kenntniss der bacterichen Mycosen. 1873.

⁵⁾ Ziemsen. Handbuch der speciellen Pathologie.

VI.

Спрашивается, что побудило бактериологовъ прибѣгнуть къ гипотезѣ о не-идентичности дифтеритическихъ микропокковъ съ обычновенными, ничѣмъ не отличающимися отъ нихъ по виѣшному виду?

Такая гипотеза могла-быть оправдана только въ томъ случаѣ, если-бы было доказано, что прививка взятыхъ изъ дифтеритическихъ продуктовъ бактерій и тщательно изолированныхъ отъ среды, въ которой они находились, производить дифтеритъ; между тѣмъ, какъ прививка другихъ бактерій—дифтерита не производить. Дѣйствительно, подобныя прививки были произведены, но, къ сожалѣнію, они отличаются совершенной бездоказательностью и не удовлетворяютъ даже самымъ элементарнымъ требованиямъ, которыя должны лежать въ основѣ научнаго изслѣдованія.

Задолго до открытия въ дифтеритическомъ отдѣленіи бактерій, извѣстно было, что отдѣленіе это заразительно. Всякому понятно, что имѣя передъ собою завѣдомо заразительный продуктъ, содержащей въ себѣ элементы, до того еще не извѣстные, и исходя изъ предположенія, что заразительность этого продукта заключается ни въ чёмъ иномъ, какъ въ этихъ элементахъ, нужна была тщательная изолировка ихъ отъ среды, въ которой они находились, чтобы заняться затѣмъ опредѣленiemъ ихъ свойствъ, или констатировать ихъ заразительность. Нужно замѣтить, что продукты эти, кромѣ бактерій, содержать много другихъ элементовъ, на которые мало еще было обращено вниманія и которые и до сихъ поръ недостаточно изслѣдованы.

Экспериментаторы оказались не такъ щепетильны: Trendelenburg¹⁾ и Oertel, взявъ кусокъ дифтеритической оболочки, вкладывали ее въ дыхательное горло животнаго, Hutter и Tomassi²⁾ въ мышечныя волокна; Эберть и Насиловъ переносили дифтеритические продукты на роговую оболочку глазъ. Результаты прививокъ были, конечно, положительные, а выводъ изъ этого, что причина заразительности заключается въ бактеріяхъ, такъ какъ будучи перенесены *вмѣстѣ съ дифтеритической матеріею* на другое мѣсто, они и здѣсь продолжали развиваться.

По мнѣнію нашему, въ прививкахъ этихъ не было даже никакой надобности. Заразительность дифтеритическихъ продуктовъ была съ давняго времени констатирована даже случаями зараженія дифтеритомъ врачей: во время изслѣдованія зѣва, больной выхаркивалъ иногда дифтеритическая отдѣленія, которыя, попадая

¹⁾ Ueber die Contagiositt u. locale Natur der Diphtheritis. Archiv fKlin. Chirurgie X. 720.

²⁾ Ueber Diphtheritis. Centralblatt V. 1, 1868.

въ глазъ или на губы врача, производили здѣсь тотъ-же самый патологический процессъ. Что-же новаго открыли своими прививками бактеріологи?

Приведенные нами наивные опыты показались имъ настолько убѣдительными,—съ такою очевидностью доказывающими, что заразительное начало болѣзни заключается въ микрококкахъ, что одинъ изъ нихъ (Klebs) провозгласилъ девизъ (правда заимствованный и пародированный¹⁾): „Ohne Micrococcus keine Diphtherie“—гдѣ нѣть микрококковъ, тамъ нѣть дифтерита. Эбертъ²⁾ однако, сознавая, что такие опыты нельзя назвать безукоризненными, дѣлаетъ попытку отдаленія дифтеритическихъ продуктовъ отъ микрококковъ. Онъ кладетъ дифтеритическія оболочки въ Pasteur'овскую жидкость и фильтруетъ ее черезъ глиняные цилиндры; фильтратомъ, не содержащимъ уже, по мнѣнію Эберта, микрококковъ, онъ производилъ прививки, каждый разъ съ отрицательнымъ результатомъ. Опытъ этотъ былъ-бы дѣйствительно доказательнымъ, если бы Эбертъ не упустилъ изъ виду, что если микрококки такъ велики (по величинѣ своей они стоятъ на границѣ невидимаго), что они не въ состояніи пройти черезъ поры глинянаго цилиндра, то ячеистые элементы дифтеритического экссудата, представляя, сравнительно съ бактеріями, огромныя тѣла, также не могли пройти черезъ поры и что слѣдовательно, если заразительное начало заключалось въ этихъ послѣднихъ, то въ фильтратѣ должна была получиться одна только безвредная жидкость, которая и дала отрицательные результаты. Мы не можемъ при этомъ не высказать предположенія, что нѣкоторые микрококки *могли* пройти даже черезъ поры цилиндра. По вычисленію бактеріологовъ въ одной биллонной части капли можно помѣстить около шести микрококковъ. Если поэтому предположить, что нѣкоторыя поры цилиндра будутъ даже въ шесть разъ меньше этой величины, то и тогда черезъ каждую изъ нихъ можетъ пройти одинъ *Micrococcus*.

Но если бактеріологи не доказали заразительности дифтеритическихъ микрококковъ, то врачи противоположнаго воззрѣнія доказали ихъ незаразительность. Hiller³⁾ изолировалъ микрококки отъ дифтеритического гноя, очищая ихъ дестиллированною водою и затѣмъ производилъ ими прививку. Всѣ прививки дали отрицательные результаты. Что очищенные такимъ образомъ микрококки вполнѣ сохранили свою жизненность, Hiller доказалъ тѣмъ, что прибавляя къ водѣ, въ которой они находились, нѣсколько ка-

¹⁾ Ohne Phosphor—kein Gedanke (Moleschott).

²⁾ Ziemsen. T. II. B. III.

³⁾ Allgemein. med. Centralzeitg. 1874. Verhandl. d. deutschen Geselsch. Chirurg. 1875. IV. Langenbeck's Archiv. f. Klin. Chirurg. Bd. XVIII. ст. 669. и сл.

пель Pasteur'овской жидкости, при чмъ происходило ихъ размноженіе.

Бактеріологи этого факта не отрицаютъ, но заявляютъ, что фактъ этотъ, вмѣсто того, чтобы доказать незаразительность микрококковъ, указываетъ на то, что въ дестиллированной водѣ они теряютъ свои специфическія свойства (Klebs. IV Chirurg. Congr. 1875). Странно однако, что бактеріологи, вмѣсто того, чтобы пропагандировать дестиллированную воду, какъ самое вѣрное средство противъ дифтерита, предпочитаютъ, говоря о дифтеритѣ, умалчивать объ опытахъ Hiller'a...

Еще одинъ специфическій для дифтерита грибокъ описали Roux и Verlin; тѣмъ не менѣе огромнымъ большинствомъ бактеріологовъ единственнымъ специфическимъ для этой болѣзни паразитомъ былъ признанъ *Microsoccus*.

И вотъ послѣ столькихъ убѣдительнѣйшихъ опытовъ, послѣ провозглашенія Klebs'a, что безъ *Microsoccus* пѣть дифтерита, какая-бы слѣдовательно при этомъ ни была клиническая картина болѣзни, паразитъ этотъ къ началу нынѣшняго десятилѣтія развѣнчивается,—не считается теперь не только специфическимъ грибкомъ дифтеріи, но у него отнимается (бактеріологами-же) всякое патологическое значеніе. Общепризнанными дифтеритическими бактеріями считаются въ настоящее время уже палочки Löffler'a. Но теперь, повидимому, у бактеріологовъ происходитъ нѣкоторый поворотъ во взглядахъ на специфичность,—замѣчается болѣе объективности въ опытахъ и изслѣдованіяхъ.

Löffler¹⁾ описываетъ найденныя имъ при дифтеритѣ бактеріи, какъ продолговатыя образованія съ утолщенными концами, содержащими зернышки. Онѣ находятся, говоритъ Löffler, только въ дифтеритическихъ оболочкахъ, но никогда не встрѣчается въ внутреннихъ органахъ. Изъ этого онъ заключаетъ, что бациллы его производятъ ядъ на мѣстѣ,—послѣдний затѣмъ всасывается. При 60° С. бациллы эти погибаютъ черезъ часъ. Культурная жидкость Леффлера содержитъ 1% пептоновъ, 1% винограднаго сахара и 0,5% поваренной соли.

Одинъ только этотъ видъ бактерій палочки по мнѣнію Löffler'a имѣть патогенетическое значеніе, тѣмъ не менѣе Löffler говорить и даже настаиваетъ на томъ, что такія-же образованія, но не заразительныя, находятся, какъ при дифтеритѣ, такъ и при не-дифтеритическихъ заболѣваніяхъ и даже на здоровой слизистой оболочкѣ; съ другой стороны и злокачественныя находятся при не-дифтеритическихъ заболѣваніяхъ. Hoffmann нашелъ ихъ при кори и заявляетъ, что во множествѣ случаевъ онъ видѣлъ ба-

¹⁾ Deutsch. med. Wochenschrift. 1890. № 5—6.

циллы, не только на катаррально-пораженныхъ, но и на здоровыхъ слизистыхъ оболочкахъ, представляющія совершенно одинаковый съ дифтеритическими морфологической характеръ, и однѣ и тѣ-же патологическія свойства (?). Löffler, признавая, что другія бациллы похожи на его дифтеритическія, что ихъ невозможно отличить, тѣмъ не менѣе заявляетъ, что на основаніи только внѣшняго сходства нельзѧ отрицать специфичность послѣднихъ.

Специфичность эту отрицаютъ, однако, опыты другихъ бактериологовъ. Hutter'у и Marcuse удалось произвести дифтеритическую оболочки прививкою гниющей крови, не содержащей бактерій. Д-ръ Golay въ Женевѣ указываетъ на продолжительное пребываніе Löffler'овской палочки въ зѣвѣ послѣ дифтерита, а именно отъ 23—78 дней; въ одномъ же случаѣ дифтеріи, имѣвшей теченіе не особенно тяжелое и окончившейся довольно скоро выздоровленіемъ, палочки Löffler'a оставались въ зѣвѣ въ теченіе цѣлаго года ¹⁾.

Послѣ всего сказанного едва-ли можетъ быть рѣчь о зависимости дифтерита отъ какихъ-либо грибковъ. Съ одной стороны эти, признаваемыя за специфическія, Löffler'овскія палочки могутъ находиться въ зѣвѣ у здоровыхъ людей, не причиняя своимъ присутствіемъ дифтерита, съ другой—болѣзнь можно произвести не только гнилостными жидкостями, не содержащими бактерій, но и Ѣдкими щелочами, вызывающими сильное воспаленіе слизистой оболочки зѣва, причемъ на послѣдней, вмѣстѣ съ дифтеритическимъ налетомъ, появляются и бактеріи ²⁾.

VII.

Гнойное зараженіе (піэмія и септицемія). Klebs приписываетъ эту болѣзнь также микрококкамъ, только при дифтеритѣ были у него микрококки дифтеритические (Micr. diphtheriticus), а здѣсь септическіе (Micrococcus septicus). Въ этой болѣзни однако микрококки Klebs'a были отѣснены другими бактеріями; Koch, снискавшій себѣ въ это время уже почтенную извѣстность между бактеріологами, заявилъ, что онъ микрококкамъ Клебса не придаетъ никакого значенія, а приписываетъ эту болѣзнь своимъ палочкамъ. Rosenberger также не признаетъ Klebs'овыхъ микрококковъ, а говорить о двухъ разновидностяхъ этой болѣзни. Davain'овской и Pasteur'овской. Одной—присущи только палочки, другой —кромѣ палочекъ—бисквитообразныя бактеріи.

¹⁾ Revue m dical de la Suisse Romande, Journal de m decine et de chirurgie pratique. 1897.

²⁾ Oertel. Deutsch. Archiv. f. Klin. Med. Band. VIII. Heft 3.

Всѣ эти экспериментаторы, также, какъ и при дифтеритѣ, для опытовъ своихъ употребляютъ не изолированныя бактеріи, а гнилостныя жидкости; но въ умозаключеніяхъ своихъ они еще смѣлѣ, чѣмъ при дифтеритѣ. Мы не знакомы съ опытами Клебса, а потому ссылаемся на статью Зенькевича¹⁾, который говоритъ, что многочисленныя изслѣдованія позволяютъ найти этіологическую связь между піеміею и септицеміею и встрѣчающимися при этихъ болѣзняхъ низшими организмами, въ доказательство чего приводить опыты Клебса, свидѣтельствующіе о томъ, что при впрыскиваніи животному гнилостныхъ веществъ, содержащихъ бактеріи, эффектъ бываетъ сильнѣе, чѣмъ при впрыскиваніи тѣхъ же веществъ, лишенныхъ низшихъ организмовъ (стр. 99).

При изслѣдованіи дифтеритическихъ продуктовъ, у бактериологовъ еще было сознаніе, что, разъ они объявляютъ находящіяся въ этихъ продуктахъ бактеріи за причину дифтерита, то нужно, чтобы опыты прививки давали, безъ присутствія этихъ послѣднихъ, отрицательные результаты. При гнойномъ-же зараженіи они позволяютъ себѣ находить причинную связь — (этіологическую зависимость) этой болѣзни съ бактеріями и въ томъ случаѣ, когда зараженіе происходитъ и при отсутствіи послѣднихъ, — когда оно производится веществами, лишенными низшихъ организмовъ.

Что піемія и септицемія не находится ни въ какой причинной связи съ бактеріями, доказывается какъ только что приведенными опытами Клебса, такъ и другими изслѣдованіями. Бергманъ обрабатывалъ жидкость, содержащую продукты гниенія, безводнымъ спиртомъ и затѣмъ подвергалъ ее въ продолженіе восьми часовъ дѣйствию 100° С. жара. Несмотря на эту температуру, при которой, повидимому, всякая органическая жизнь уничтожается, заразительность жидкости оставалась почти одинаковою. Въ такой-же степени не уничтожали заразительность ея юдкія химическая вещества, дѣйствующія вмѣстѣ съ тѣмъ разрушительно на бактеріи, какъ, напр., суплема, юдкій кали и проч. Stricker, Clementi и Thin доказали заразительность діастаза септической крови, не содержащаго абсолютно никакихъ ячеистыхъ элементовъ. Rosenberger нагрѣвалъ гнилостную жидкость, содержащую бактеріи, до 140° С. и, несмотря на это, она не теряла своей заразительности; но, будучи паразитологомъ, онъ упустилъ изъ виду, что такие опыты говорять противъ бактерій: извѣстно, что бактеріи погибаютъ при температурѣ ниже 100° С., а нѣкоторыя уже при температурѣ 40—50° С.

Д-ръ А. Липскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ „Значеніе низшихъ организмовъ въ этіологии инфекціонныхъ болѣзней“. Киевъ, 1883.

Страданія и подвиги женщинъ во время войны.

(Окончаніе).

Въ средніе вѣка улучшилось положеніе женщины на войнѣ, по крайней мѣрѣ, въ христіанскихъ странахъ: хотя грубые народы поступали съ женщинами еще довольно жестоко, но многіе народы обращались съ ними вполнѣ по-рыцарски, и женщины теперь очень рѣдко были продаваемы въ рабство.

Гуманный Велизарій не могъ,—въ войнѣ вандаловъ, въ 533 г., послѣ побѣды своей при Трикамарѣ въ Сѣверной Африкѣ,—заставить своихъ воиновъ дать свободу женщинамъ и дѣтямъ враждебнаго лагеря; однако, онъ оказалъ сдавшемуся храброму королю Гелімеру высокія почести: король Гелімеръ со всей своей семьей имѣлъ право жить, въ спокойствіи, въ подаренномъ ему императоромъ Юстиніаномъ имѣніи.

Самые рѣзкіе контрасты обнаружила собою двадцатилѣтняя война готовъ. Король готскій Витигесъ, завоевавъ въ 539 г. измѣнническую страну Медіоланскую, приказалъ убить 300,000 человѣкъ, т. е. все почти населеніе, женщинъ отправить въ рабство и сжечь городъ. Несмотря на это, король Юстиніанъ даровалъ Витигесу съ его семьей, когда послѣдній попался вскорѣ въ плѣнъ, почетную должность въ Азіи. Благородный король готовъ—Тотила, завоевавъ, черезъ нѣкоторое время, всю Кампанію, отпустилъ, однако, на волю всѣхъ знатныхъ женщинъ, не обидѣвъ ихъ ничѣмъ; этотъ же король велѣлъ казнить смертью одного очень знатнаго гота за обезчещеніе одной молодой дѣвицы въ Неаполѣ, а собственность казненнаго поручилъ отдать этой дѣвицѣ. Въ покоренномъ, наконецъ, Юстиніаномъ Римѣ строго запрещены были— злоупотребленія надъ человѣческою жизнью, а также надъ честью женщины.

Но Юстиніанъ былъ аріанскій еретикъ!

Наоборотъ, франкъ Храмній въ битвѣ противъ своего отца Клотара, въ 560 г., былъ взятъ въ плѣнъ и по приказанію отца сожженъ вмѣстѣ съ женой и дочерьми, въ одной хижинѣ.

Тѣснимые тюркскими народами, языческіе авары, въ 600 г., совершили набѣги на страны, лежащія въ пространствѣ оть Чернаго моря до Эльбы и Одера, опустошая все на своемъ пути безжалостно. Дѣвицъ они брали себѣ, а дѣтей и женщины продавали въ рабство. Магометане, въ своихъ войнахъ, поступали сначала согласно со строгими законами Корана. Величайшее варварство выказали противники Магомета: послѣ побѣды своей при Огодѣ, въ 625 г., главная соперница его—Гинда съ ся подругами отрѣзали у побѣжденныхъ—носы и уши и стали носить эти трофеи на шеѣ, какъ ожерелья, и на рукахъ, въ видѣ браслетовъ; Гинда пробовала даже съѣсть сердце одного изъ главныхъ своихъ соперниковъ. Въ свою очередь, и Магометъ былъ кровожаденъ: послѣ тицетной осады Медины, онъ велѣлъ убить всѣхъ 700 человѣкъ одного еврейскаго колѣна, которые ему сдались, а женъ и дѣтей оставшихся велѣлъ отдать въ рабство. При преемникахъ пророка Магомета, съ попавшимися въ плѣнъ поступали, по большей части, милосердно, именно—не разлучали матерей съ ихъ дѣтьми. Выступая въ походъ въ Сирію въ 631 г., Абу-Бекръ сказалъ: „не начинайте вашего оружія кровью женщинъ, дѣтей и старцевъ!“ При воинственному Омарѣ, который и женщинамъ, и дѣтямъ давалъ пощаду, мусульмане три раза были разбиты императорскимъ войскомъ въ битвѣ при Ярмуке въ 634 г., но были побуждены своими женами, столько же разъ, идти опять сражаться, и, иаконецъ, выиграли сраженіе. Въ своихъ за воеваніяхъ въ Сѣверной Африкѣ и Остъ-Индіи, мусульмане сопротивлялись жестокости своихъ воиновъ, также—продажѣ въ рабство дѣтей и женщинъ. При покореніи вестготовъ въ Испаніи, въ началѣ восьмого столѣтія, мусульмане проявляли еще больше милосердія: женщины, дѣти, монахи, калѣки, больные, нищіе и рабы были освобождены даже отъ подушного сбора. Тѣмъ болѣе жестоко поступали въ то время христіане, съ невѣрующими, т. е. мусульманами, среди которыхъ были и женщины. Когда, послѣ смерти Эйда, въ 1099 г., король Букеръ осадилъ Валенсію, королева осажденныхъ, со знаменемъ африканскихъ воиновъ-женщинъ, отличилась до такой степени, что народъ прославилъ ее въ своихъ пѣсняхъ, какъ звѣзду, посланную для защиты.

Тортоза была даже, при помощи женщинъ-воиновъ, спасена отъ мавровъ, въ 1148 году, и для возбужденія соревнованія въ другихъ—былъ основанъ для женщинъ—воиновъ особый орденъ, изображавшій собою топоръ; украшеніемъ для женщинъ-воиновъ служилъ кроваво-краснаго цвѣта топоръ на шейномъ платкѣ, на одѣяніи для груди и спины.

Въ войнахъ и хищническихъ набѣгахъ древнихъ скандинавовъ принимали издавна участіе и женщины. Начиная съ 800 г.

норманны опустошили въ продолженіе болѣе чѣмъ 200 лѣтъ Англію, не щадя ни женъ, ни дѣтей.

Еще болѣе жестоко свирѣпствовали тамъ датчане; такъ, въ завоеванномъ, въ 1010 г., Кентербери—все населеніе было умерщвлено. А въ 1084 г. норманны разрушили и сожгли Римъ, обезчещенныя же женщины вмѣстѣ съ дѣтьми и мужчинами проданы были публично на невольничью рынкѣ.

Мадьяры, наконецъ, буйствовали въ своихъ набѣгахъ безчеловѣчно и таскали за собою, особенно изъ Саксоніи и Тюрингіи, цѣлые обозы съ взятыми ими въ плѣнь людьми, изъ которыхъ женщины и дѣти были связаны между собою—волосами!

Чрезвычайно тяжело дѣйствовали также и внутреннія войны на населеніе, особенно войны, происходившія внутри Германіи. Господствовавшая страсть къ войнѣ переходила также и на женщины, но среди нихъ эта страсть приносila съ собой и благотворные плоды. Когда польскій вассальный князь Мечиславъ разрушалъ, въ 1015 году, Меиссію, женщины приносили защищавшимся камней и разныя орудія защиты и тушили пожары, за неимѣніемъ или недостаткомъ воды—медомъ. А когда городъ Вейнбергъ принужденъ былъ сдаться, въ 1140 году, императору Конраду III, царь велѣлъ убить всѣхъ мужчинъ, но женамъ ихъ позволилъ онъ взять лучшее ихъ добро и уйти изъ города; тогда жены эти взяли, какъ разсказываютъ, своихъ мужей на спину и стали проходить съ ними черезъ городскія ворота; тронутый этимъ поступкомъ женщинъ, король помиловалъ весь городъ. Законы „божьяго мира“, которые установили, между прочимъ, и пощаду для женщинъ, монаховъ и вообще духовныхъ лицъ, пилигримовъ и купцовъ, пахарей и пастуховъ, были почти совершенно забываемы вездѣ, такъ какъ жажды войны брала верхъ надъ всеми чувствами.

Во время крестовыхъ походовъ, длившихся 200 лѣтъ—ведѣніе войны соединялось съ безчеловѣчностью, которая прекращалась иногда, благодаря гуманности рыцарей. Особенно благонравнымъ и великодушнымъ оказался, преимущественно относительно женъ и дочерей павшихъ въ войнѣ,—прославившійся своими побѣдами въ Палестинѣ Саладинъ или собственно Салай-Эддинъ, въ 1187 г.; въ то же самое время крестоносцы, при разрушенія Константинополя въ 1204 году, поступали особенно гнусно и подло именно съ женщинами, даже съ монахинями.

Столько же ужасны, какъ эти священные войны, были и войны, которые въ концѣ среднихъ вѣковъ велись въ самой Европѣ.

Въ Германіи подвергались страшнымъ мученіямъ жители Тюрингіи; особенно свирѣпствовали воины въ дѣвичьихъ мона-

стыряхъ, находившихся здѣсь. Наемные воины Филиппа однажды обмазали одну голую молодую монахиню медомъ, потомъ погрузили ее въ перья и посадили ее въ такомъ искаженномъ, безобразномъ видѣ, на лошадь; но король Филиппъ за это злодѣяніе приказалъ утопить виновниковъ въ кипящей водѣ.

Въ Италии войны, происходившія между существовавшими тамъ партіями, отличались тоже варварскою свирѣпостью. Альберихъ, братъ необыкновенно жестокаго Эцелино, принужденъ былъ, въ 1260 году, сдаться маркграфу Эсте, а послѣдній велѣлъ умертвить предъ его глазами всю семью сдавшагося Альбериха: его жену, шесть сыновей его и двухъ его прекрасныхъ дочерей.

Въ упорныхъ возстаніяхъ и войнахъ англичанъ противъ шотландцевъ принимали также участіе и женщины осаждаемыхъ. Такъ, женщины защищались при осадѣ Дунбара въ 1336 г., подъ предводительствомъ графини Ла-Маркъ, съ такою геройскою храбростью, что англичане, наконецъ, должны были отступить.

Страшны до содроганія были столѣтнія войны между нѣмецкимъ орденомъ и язычниками-литовцами; при разрушеніи, напр., Пиллены въ 1336 году, литовцы сжигали своихъ женъ и дѣтей, а потомъ и самихъ себя лишали жизни. Еже ужаснѣе была война между этимъ орденомъ и поляками въ пятнадцатомъ столѣтіи.

Гуситскія войны были еще болѣе кровопролитны, и здѣсь принимали участіе также и женщины, находясь у военныхъ обозовъ. Но когда въ сраженіи съ Зестомъ въ 1444 году, архіепископъ кельнскій призвалъ на помощь богемскія банды поджигателей, такъ наз. цебраковъ, Зесть остался побѣдителемъ: женщины лишили богемцамъ на голову—горячую смолу.

Карлъ Смѣлый, прозванный впослѣдствіи Страшимъ, вельзъ безпрестанныя войны съ страшною свирѣпостью. Въ завоеванномъ имъ, въ одно воскресеніе 1468 года, Лютихъ—всѣ женщины и дѣвицы въ домахъ и церквахъ были сначала обезчещены, а затѣмъ умерщвлены; жители повсюду были убиваемы цѣлыми массами, такъ что кровь текла ручьями; взятые въ плѣнъ и спасшіеся утоплены были въ рѣкѣ Маасъ, и въ концѣ концовъ городъ Лютихъ былъ сожженъ.

По воинскимъ уставамъ, женщины должны были пользоваться пощадой во время войны, какъ установлено было, въ первый разъ въ Швеціи, изданиемъ такъ наз. „Земпахскихъ постановленій 10-го іюля 1393 года“. Затѣмъ, императоръ Фридрихъ III тоже издалъ указъ въ своей, такъ наз. „Франкфуртской реформаціи 1442 года“, чтобы нѣкоторыя лица, особенно роженицы и тяжко-больныя, беременные пользовались безопасностью и охраною; но оба эти постановленія были совершенно напрасны. Ни одному изъ писа-

телей среднихъ вѣковъ не удалось тоже имѣть успѣха въ дѣлѣ облегченія участіи женщинъ во время войны,—въ охраненіи женщинъ отъ столькихъ злоупотребленій надъ ними.

III.

Въ позднѣйшія времена женщины тоже, долгое время, не пользовались пощадой во время войны; первый періодъ новыхъ вѣковъ до 1648 года отличался въ этомъ отношеніи своею безчеловѣчностью.

Датчане, въ 1500 году, воевали безпощаднымъ образомъ противъ сословія свободныхъ крестьянъ изъ Дитмара; единственный ихъ городъ Мельдорфъ былъ разрушенъ датчанами, а оставшіеся въ немъ женщины, дѣти и старики были убиты.—Наоборотъ, Христина—супруга шведскаго короля Стень-Стуве, защищала, послѣ смерти послѣдняго въ 1520 году, Стокгольмъ противъ Христіана II Датскаго весьма храбро и успѣшно.

Въ законахъ, касающихся войны, изданныхъ императоромъ Максимилианомъ въ 1508 году, говорится слѣдующее: „Ратники должны, подъ страхомъ смертной казни, слѣдить за тѣмъ, чтобы не были обижаемы ниціе, вдовы, маленькия безпріютныя дѣти, священники, благородныя дѣвицы, дѣвочки и семейныя женщины“. Но собственные ландцснекты Максимилиана, черезъ 2 года послѣ этого указа, задушили посредствомъ дыма въ одной пещерѣ 6,000 обитателей Падуанской области, состоявшихъ изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Нѣмецкое „Общество, доставлявшее мѣста риторамъ и слугамъ“ въ 1570 году, взяло дѣвшукъ, подъ свое покровительство, а также 149 роженицъ, беременныхъ, старыхъ и церковно служителей, но не имѣло, конечно, еще долгое время, значительнаго вліянія.

Въ Америкѣ свирѣпствовали до крайнихъ предѣловъ, до озвѣрѣнія. Папа Александръ VI въ своей буллѣ 4-го мая 1493 г. раздѣлилъ всѣ завоеванныя земли здѣсь, третейскимъ судомъ, между королями—испанскимъ и португальскимъ; а испанскій король удостовѣрилъ папскую буллу предъ населеніемъ своимъ слѣдующимъ образомъ: „Богъ создалъ папу, какъ властителя надъ всѣмъ міромъ, т. е. надъ всѣми людьми. Этотъ главный служитель Бога, будучи царемъ всего міра, уступилъ острова и материки Атлантическаго океана королямъ Кастиліи. Если вы, мои подданные, не будете подчиняться мнѣ во всемъ, то я, съ помощью Божіей, буду воевать противъ васъ самыи страшнымъ образомъ; я возьму вашихъ женъ и дѣтей и отдамъ ихъ въ рабство; я буду причинять вамъ всѣ мученія, какъ подданнымъ-мятежникамъ“.

Еще омерзительнѣе этой угрозы было самое исполненіе ея на дѣлѣ. Ограбленіе и продажа въ рабство индѣйцевъ, противъ чего возставала только королева Испаніи—Изабелла, теперь расширились до возмутительной торговли невольниками. Туземцы были истребляемы всѣми средствами: и силою, и хитростью, и огнемъ, и мечемъ, и съ помощью коней и псовъ. Такъ, напр., Бальбоа велѣлъ отдать 40 знатныхъ особъ, взятыхъ въ плѣнъ, на растерзаніе гончимъ собакамъ. Европейцы могли бы научиться тогда даже у индѣйцевъ хорошимъ обычаямъ войны. Такъ, у нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ Сѣверной Америки было въ обычаяхъ, чтобы женщины водворяли миръ между воевавшими, и подобныхъ женщинъ называли у индѣйцевъ создательницами мира; мужчины же, принимавшие участіе въ мирныхъ переговорахъ, слыши за трусовъ.

Рассказываютъ, что еще до начала христіанства на землѣ, женщины у эѳіопскихъ троглодитовъ вступали въ середину боя, если борьба происходила между мужчинами эѳіопскими, и своими просьбами заставляли воевавшихъ прекратить борьбу.

Въ Европѣ войны отличались не меньшою свирѣпостью. Турки, при Сулайманѣ II, воевали въ 1520 году съ страшнымъ звѣрствомъ. Извѣстный писатель Курцъ говоритъ: „Возбуждаетъ отвращеніе и невыразимое негодованіе, какъ эти скоты-турки разрубали несчастныхъ людей и варили ихъ, какъ какую-нибудь траву; женщины разрѣзывали животы, отрывали у нихъ щипцами груди, а внутреннія части тѣла сжигали“.

Испанцы тоже были безпощадны на войнѣ. Въ царствованіе Изабеллы, при послѣднемъ восстаніи мавровъ, въ 1500 году, въ Гухарѣ, не павшіе въ битвѣ были отданы въ рабство, а въ Ланьяронѣ были взорваны многія мечети, куда спаслись бѣгствомъ женщины и дѣти. Когда же угнетенные мориски, перекрестенные потомки испанскихъ мавровъ, наконецъ, возмутились, аудиторіальный судъ въ Мадридѣ въ 1570 году приказалъ всѣхъ плѣнныхъ женщинъ морисковъ продать на невольничемъ рынкѣ.

Въ религіозной войнѣ, противъ отдѣлившейся Голландіи, испанскія наемные войска, въ 1576 г., при нападеніи на Мастихтъ, впереди себя гнали плѣнныхъ женщинъ, а въ завоеванномъ Антверпенѣ они безчинствовали три цѣлыхъ дня ужасно — и огнемъ, и грабежомъ, и убийствомъ, и всячими злодѣйствами, не разбирая ни пола, ни возраста. Это была настоящая „испанская фурія“.

Въ высшей степени свирѣпю вели свои войны и русскіе. Когда Иванъ Грозный покорилъ, въ 1552 году, Казань, трупы убитыхъ заняли такое пространство, которое достигало по высотѣ городскихъ стѣнъ, а покоренные въ городѣ жители были разосланы по всему государству, въ качествѣ холоповъ.

Въ Лифляндіи всѣ улицы заняты были трупами страшно изуродованныхъ женщинъ и дѣтей.

Всевозможныя звѣрства, варварства и гнусности проявлялись въ тридцатилѣтней войнѣ.

Въ Пфорцгеймѣ женщины сначала обезечещивали, затѣмъ ставили на голову и расщепляли саблей. Католическій посланикъ и министръ Хевенголлеръ удостовѣряется: „Солдаты начали безчинствовать дико и тираннически. Въ Безбекѣ на непріятельской землѣ нѣсколько хорватовъ хотѣли вырвать изъ рукъ одной женщины ея ребенка, чтобы сжарить его живымъ; но она его очень крѣпко держала, и они отрубили ей пальцы“. По указу, данному Валленштейномъ, въ 1617 г., „воины должны были подчиняться строгой дисциплинѣ, а къ ухаживанію за больными и къ другимъ подобнымъ дѣламъ должны были допускаться только замужнія женщины, какъ сказано въ приказѣ этомъ“. Но въ дѣйствительности, онъ давалъ волю всякому распутству.

Военный уставъ, составленный самимъ королемъ Густавомъ Адольфомъ, въ 1621 году, наоборотъ, предписывалъ наказывать даже смертью всякое насилие надъ безоружными; шведскій король не терпѣлъ въ своемъ войскѣ распутныхъ женщинъ. Въ разрушенномъ, въ 1631 году, Магдебургѣ Тилли дѣйствовалъ возмутительно—грабежомъ, убийствомъ, лишеніемъ дѣвицъ невинности. Хорваты Изолана бросали дѣтей въ огонь, валлоны Папенгейма разстрѣливали грудныхъ дѣтей на рукахъ у матерей. „Солдаты должны же имѣть что-нибудь за свои труды и опасности, имъ угрожающія“, отвѣтилъ Тилли офицерамъ, когда тѣ дали ему знать о всѣхъ безчеловѣчныхъ дѣйствіяхъ солдатъ. А папа Убанъ VIII въ своей буллѣ за 28-е іюня писалъ радостно цесарю: „Тысячи тысячи людей, которые испытали на себѣ позорную смерть (такихъ было 30,000), доказали еретикамъ, какой печальный жребій достается тѣмъ, кто подвергается наказанію Божьему. Милость Божья смертью еретиковъ излѣчиваетъ земной шаръ, лишая его такимъ образомъ, вредныхъ заразныхъ членовъ“. Голодъ и бѣдствія царствовали повсюду. Городъ Нердлигенъ геройски защищали его граждане; когда они подожгли взятую у нихъ было башню, изнуренные голodomъ женщины бросились на полусгорѣвшіе трупы враговъ и понесли куски отъ труповъ домой, въ пищу своимъ дѣтямъ. Въ одномъ описаніи положенія Нижней Саксоніи говорится: „Хорваты и другія цесарскія войска отрѣзывали жителямъ языки, носы, уши; выкалывали имъ глаза, вбивали въ ихъ ноги и головы гвозди, вливали черезъ ушные отверстія, носъ и ротъ въ тѣло горячей смолы, свинцу, горячаго олова и всякой грязи, не разбирая ни возраста, ни пола; обезечещивали какъ дѣвицъ, такъ и женщинъ, даже беременныхъ; убивали коньями дѣтей и

потомъ жарили ихъ въ хлѣбныхъ печахъ". И такого рода подлости совершили всѣ включительно, кто игралъ какую-либо роль въ войнѣ, даже французы и шведы.

Вездѣ и повсюду въ Европѣ обнаруживалась безпощадность къ безоружнымъ во время войны тогда, и это отсутствіе пощады было въ порядкѣ вещей. Послѣ кровопролитнаго усмиренія трехлѣтняго восстанія въ Ирландіи въ 1649 году, самъ Кромвель приказалъ отправить въ Вестъ-Индію большое количество женщинъ и дѣтей, а тамъ поступать съ ними, какъ съ рабынями.

Нѣкоторые писатели того времени желали, въ смыслѣ гуманизаціи, согласно съ Платономъ, участія женщинъ въ время войны. Англійскій канцлеръ Томасъ Моръ изображаетъ въ своей „Утопії“, въ 1516 году, войну, какъ „вполнѣ звѣрское дѣло“; „утописты“ воюютъ только будучи принуждены къ этому, женщины тоже упражняются въ военномъ искусствѣ. „Женщины, провожающія своихъ мужей на войну, становятся также въ военные ряды, затѣмъ каждого воина окружаютъ его дѣти, родственники, близакіе ему люди“.

Доминиканецъ Кампанелла, несмотря на свою надежду на мирное царствованіе папы во всей вселенной, допускаетъ въ своемъ сочиненіи „Государство солнца“ (*Civitas solis*) за 1623 годъ, существованіе войны: „Мальчики должны учиться, какъ попадать въ непріятеля, они должны владѣть ружьемъ, копьемъ, пикой, имъ надо знать искусство встрѣчать врага и побѣждать его. И женщины должны учиться военному искусству во всѣхъ его видахъ, чтобы приносить какую-нибудь пользу своимъ мужьямъ, въ случаѣ войны, и защищать страну свою въ случаѣ внезапнаго сильнаго нападенія на нее. Граждане „Солнечнаго государства“, беруть, такимъ образомъ на войну вооруженныхъ мальчиковъ даже и вооруженныхъ женщинъ. Послѣ сраженія, женщины эти и мальчики ласкаютъ борцовъ, ухаживаютъ за больными воинами, приступаютъ воевавшимъ и ободряютъ ихъ“.

Лютеранскій теологъ Тумміусъ въ своемъ „Диспутѣ о войнѣ“, сочиненіи, написанномъ въ 1621 г., требуетъ отъ побѣдителей страданія къ побѣженнымъ и ницимъ, особенно же къ женщинамъ и дѣтямъ. Однако, онъ же разсуждаетъ такъ: „Если женщины, дѣвицы и мальчики исполняютъ обязанности мужчинъ, то не только справедливость воздаянія, но даже Св. Писаніе запрещаетъ, при нападеніяхъ, которымъ тѣ противодѣйствуютъ, обходиться съ ними снисходительно, не враждебно. Если же нѣть такихъ причинъ, которые не позволяютъ щадить въ зависимости отъ возраста и пола покоренныхъ, то изъ этого прямо слѣдуетъ, что женщины и дѣти должны быть пощажены“.

Во второмъ періодѣ новаго времени, вплоть до французской

революції, то єд'єсь, то тамъ выражаются хотя желанія и просьбы о смягченіи судьбы женщины во время войны.

Турки продолжали свои завоеванія и походы и во второй половинѣ XVII столѣтія съ тою, конечно, свирѣпостью, какъ и раньше, и возбуждали этимъ своимъ варварствомъ сильный протестъ со стороны христіанъ. При содѣйствіи своихъ должностныхъ лицъ, турки увлекали тогда съ собой въ рабство массы людей изъ Австріи и Венгріи, именно христіанъ. Такъ, они продали въ рабство 87,000 христіанъ венгерцевъ и австрійцевъ: 6,000 стариковъ, 11,215 женъ, 13,888 дѣвушекъ, 204 знатныхъ барышень, 56,093 дѣтей. Маіоръ-фонъ Бисмаркъ свидѣтельствуетъ о послѣднемъ разрушениіи Офена, въ 1686 г., слѣдующее: „Наши бранденбуржцы были единственные, которые еще слушались своихъ начальниковъ; мы имъ препятствовали запятнать старую славу бранденбургскаго оружія. Хуже всего свирѣпствовали народы окраинъ; на войнѣ они были послѣдними, при обезчещеніи и убиеніи женщинъ они были первыми“.

Въ это самое время въ Ирландіи шла свирѣпая междуусобная война между католическими роялистами и протестантскими вильямитами. При осадѣ Лондондерри, якобиты ставили на валахъ протестантскихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, чтобы такимъ образомъ удерживать осаждающихъ отъ стрѣльбы, но своей цѣли якобиты этимъ способомъ не достигали. Наконецъ, ирландцы потерпѣли, вслѣдствіе битвы, проигранной Карломъ Стюартомъ,— пораженіе: раненые и пленные были массами убиты, женщины и дѣвушки были обезчещены на трупахъ своихъ близкихъ, а въ концѣ концовъ вся страна, на протяженіи 50 миль, превращена была въ пустыню.

Во время семилѣтней войны возобновились отчасти всѣ варварства тридцатилѣтней. Въ Вестфаліи французы, въ 1757 г., обезчещивали женщины и дѣвицы; въ восточной Пруссіи такъ поступали съ ними russkie; изувѣчивали ихъ, умерщвляли дѣтей передъ глазами матерей и тащили къ себѣ въ Россію цѣлыхъ нѣмецкія семейства. Фридрихъ Великій охотно доставлялъ женщинамъ возможность служить дѣлу человѣколюбія во время войны. Такъ, онъ самъ составилъ, въ декабрѣ 1758 г., предписанія „какъ женщины должны заботиться о раненыхъ“. А въ договорѣ между Пруссіей и Сѣверо-американскимъ союзомъ 1783 года, было установлено, между прочимъ, какъ обходиться должны съ женщинами и дѣтьми во время войны: „женщины и дѣти, ни въ какомъ случаѣ, не должны бояться за свою личность“. Мы встрѣчаемъ многихъ женщинъ и дѣвицъ, которыхъ съ честью служили на войнѣ. Такъ Максимилиана-фонъ-Лейтгорстъ, родная дочь ба-варскаго курфюрста Макса Эммануила, сражалась въ австрійскомъ

войскъ, противъ турокъ, сначала въ чинѣ корнета, и умерла въ 1747 году въ Вѣнѣ—лейтенантомъ. Точно также Іоанна Софія Каттнеръ сражалась въ этой же войнѣ сначала, какъ простой солдатъ, затѣмъ въ званіи капрала; она получила пенсію отъ Марії-Терезії и скончалась въ 1801 году.

Въ послѣднее столѣтіе положеніе женщины во время войны стало медленно и постепенно улучшаться.

Польскій мятежъ 1794 года усмирилъ Суворовъ взятиемъ Праги, причемъ погибло 12,000 безоружныхъ, дѣтей, женщины и старцевъ; изъ нихъ одни были убиты, другіе утоплены. Такъ-же тщетно защищали жители, въ томъ числѣ женщины и слуги, Варшаву, при новомъ восстаніи, именно въ 1831 году.

Въ войнахъ Наполеона женщины обязаны были принимать участіе, дѣйствовать и страдать въ сраженіяхъ. Про разрушеніе Яффы въ Сиріи, въ 1799 г., разсказывается капитанъ Малюсъ, какъ очевидецъ, слѣдующее: „повсюду разсѣянные солдаты убивали мужчинъ, женщинъ, дѣтей, стариковъ, христіанъ, турокъ; все, что носило на себѣ подобіе человѣка, становилось жертвой ихъ бѣшенства. Шумъ отъ рѣзни, вопль женщинъ, дочерей, обезвѣщеныхъ на трупахъ матерей ихъ, стоны раненыхъ, крики побѣдителей, которые, пресытившись кровью и золотомъ, падали мертвыми на груды труповъ, вотъ картина, которую представляла собою, вплоть до поздней ночи, несчастная страна“.

Въ Тиролѣ баварцы до такой степени свирѣпствовали въ 1809 году, что ихъ собственный начальникъ—генералъ Вреде—объявилъ имъ въ одномъ дневномъ приказѣ: „Говорю вамъ со слезами на глазахъ, что ваши чувства выродились въ одну лишь свирѣпость. Я вызываю васъ для того, чтобы съ этого дня вы сдѣлались опять солдатами и людьми“. Баварцы, напримѣръ, при Роттенбургѣ и Швацѣ, повѣсили болѣе сотни безоружныхъ человѣкъ на деревьяхъ, женщинъ и дѣтей рубили въ куски, а 14 мѣстностей сожгли до тла. Съ другой стороны, и тирольскія женщины нерѣдко вооружались противъ французовъ и баварцевъ, и еще въ 1853 г. существовало, въ память этого въ Фугенѣ—общество „женщинъ-защитницъ“.

Въ Испаніи была упорная война противъ французовъ; это была война народная, и продолжалась она 5 лѣтъ. Сарагосса два раза защищаема была всѣмъ населеніемъ, включая сюда женщинъ, дѣтей и старцевъ: первый разъ въ 1808 году она была спасена отъ французовъ, но второй разъ, въ 1809 году, Сарагосса подверглась разрушенію со стороны французовъ, и при этомъ погибло 40,000 человѣкъ испанцевъ.

Въ войнахъ Наполеона особенно отличились три женщины. Госпожа Шеллингъ изъ Гента принимала участіе, въ качествѣ

солдата, въ слѣдующихъ походахъ: отъ 1792—94 г.—въ Нидерланды, въ 1795 году—въ Голландію, въ 1796, 1797 и 1800 г.г. въ Италію, въ 1804 г. на границы Сѣверной Франціи, въ 1805 въ Германію, наконецъ, въ качествѣ лейтенанта она дѣйствовала въ Польшѣ; много разъ она была ранена, а въ 1808 году она стала получать казенную пенсію и награждена была крестомъ „почетнаго легіона“, который получила отъ самого Наполеона. Въ 1840 году послѣдовала смерть г-жи Шеллингъ: она умерла на 83 году отъ роду. Вторая женщина, отличившаяся въ войнахъ при Наполеонѣ, была Франциска Сканагетта. Она, въ 1794 г., поступила въ военную академію въ Вѣнѣ; въ 1797 она была уже прапорщикомъ, при атакѣ Генуи, въ 1800 г.—лейтенантомъ, въ 1801 г. награждена была пенсіей; въ 1804 году она вышла замужъ и умерла въ 1865 г., будучи вдовой маиора. Наконецъ, прославилась на войнѣ—дочь баварскаго полковника Сенкейзена. Осиrotѣвъ на 14-мъ году отъ рожденія, она тотчасъ вступила въ войско, находившееся подъ начальствомъ ея дѣдушки. Эта дѣвушка принимала участіе въ походахъ французовъ на Германію и Испанию; при Ватерлоо она была тяжело ранена, въ 1830 году она сражалась въ Алжирѣ,—удостоилась пенсіи въ 800 франковъ, награждена была медалью Св. Елены, а въ 1867 году она ушла въ госпиталь, по болѣзни, и здѣсь въ первый разъ только узнали, что она—женщина.

Въ 1813 году, Пруссія возстала противъ своего притѣснителя. Все населеніе Пруссіи, а главное, женщины и дѣвицы жертвовали тогда съ радостью всѣмъ, что только находили у себя цѣннаго, на пользу отечества. Расплавляли въ огромномъ количествѣ обручальные кольца и передавали это съ записками: „Золото мы даемъ вмѣсто желѣза!“ Дѣвица Фердинанда-фонъ-Шметау изъ Силезіи отдала свои прекрасные волосы. Множество молодыхъ дѣвушекъ вступило въ войско и большинство изъ нихъ служило съ честью, даже въ кавалеріи, напр., въ люцовской вольной дружинѣ—Элеонора Прохаска; а въ качествѣ партизанокъ Ренцъ и Крузе. Теперь въ первый разъ образовались ассоціаціи женщинъ и вскорѣ женщины стали оказывать важныя услуги въ лазаретахъ, ухаживая за больными. Громадныя услуги, оказанныя женщинами, выражились особенно послѣ сраженія при Лейпцигѣ, когда недоставало врачей и лѣкарственныхъ средствъ. Тутъ-то женщины проявляли себя, какъ наилучшія и незамѣнныя сестры милосердія. Такъ, Магдалина Экерть ухаживала за больными въ Дюссельдорфѣ отъ 1813 до 1815 года съ неутомимою преданностью; притомъ ухаживала одинаково, какъ за больными своего отечества, такъ и за больными враждебнаго лагеря. Ея труды были признаны одинаково, какъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III, такъ и Людовикомъ XVIII, даровавшими ей почетные

ордена. Какъ рѣзко отличался въ данномъ случаѣ шовинизмъ французовъ, когда союзныя войска вступили во Францію! По указу, изданному 10 февраля 1814 года, „каждая француженка на войнѣ обязывалась убить хоть одного врага“.

Ужасное варварство выражалось, особенно со стороны турокъ, во время девятилѣтней войны за освобожденіе въ Греціи. Турки терзали людей вражескаго лагеря, стрѣляли въ нихъ, а женщины и дѣтей уводили въ рабство. Съ своей стороны и греки выказывали порядочное звѣрство. Въ теченіе 3-хъ дней убивали греки, жгли въ завоеванной ими, во время переговоровъ 1821 года, Триполицѣ: трупы турокъ заняли такое пространство въ длину и ширину, что лошадь Колокотрони, пробѣжавъ весь почти городъ, ни разу не коснулась земли изъ-за труповъ; а при отступленіи уцѣлѣвшихъ турокъ, греки все-таки продолжали рубить и убивать не только мужчинъ, но и женщинъ, и дѣтей. Разъяренные турки возстали противъ невинныхъ обитателей острова Хиоса, въ 1822 году, и убили здѣсь всѣхъ мужчинъ, начиная съ 12-ти лѣтняго возраста, женщинъ съ сорока-лѣтняго, а дѣтей съ двух-лѣтняго возраста; всѣхъ убитыхъ было 23,000 человѣкъ. 47,000 плѣнныхъ они отдали въ рабство, а спаслось бѣгствомъ только 5,000 человѣкъ. Въ то же время, турки тиранствовали въ Македоніи: женщины были сжигаемы, беременныхъ же пытали жестоко, дѣти убиваемы были передъ лицомъ матерей, которыхъ скорѣе предпочитали добровольную смерть—утопленіемъ себя и дѣтей—страшнымъ пыткамъ со стороны турокъ. Въ числѣ многихъ другихъ, истерзаны были до смерти жены двухъ предводителей. Съ другой стороны, греки, взявъ Аѳину,—убивали, рубили отступавшихъ турокъ, даже дѣтей и женщинъ. Предводитель египетскихъ войскъ, завоевавшихъ о. Критъ, велѣлъ задушить посредствомъ дыма въ одной пещерѣ 400 или 500 человѣкъ, спасшихся бѣгствомъ, въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей; а изъ 2,000 человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ, онъ приказалъ женщинъ продать въ рабство, а мужчинъ—частью сжечь, частью изрубить.

Безпощадностью отличалось восстание мадьяръ въ 1848 г.; особенно беспощадны были ихъ враги хорваты и сербы, громившие въ Семиградіи, гдѣ надъ женщинами и дѣвушками въ свою очередь совершались позорныя насилия со стороны мадьяръ и румынъ, гдѣ дѣти и старцы убивались копьями, а мужчины были убиваемы послѣ страшныхъ пытокъ надъ ними.

Съ величайшимъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ шла первая семилѣтняя война карлистовъ въ Испаніи, и особенно жестоки были здѣсь христиносы, которые не щадили даже дѣтей женщинъ и старцевъ карлистской партіи. Когда карлистскій генераль Кабрера велѣлъ казнить многихъ алькальдовъ, принятыхъ

имъ за измѣнниковъ, то христиносскій генералъ Мина приказалъ за это застрѣлить семидесятилѣтнюю мать Кабреры, за что послѣдній приказалъ, въ свою очередь, застрѣлить 24-хъ женщинъ изъ христиносскаго лагеря. И подобное варварство происходило въ 1836 году! Во время вновь возникшой карлистской войны, продолжавшейся отъ 1872 до 1876 года, — особенно свирѣпствовали банды Донъ-Альфонса, брата претендента на престолъ, и его супруги Донны-Маріи. Въ завоеванной, напр., Кенсіи шайка Альфонса учиняла позорныхъ дѣйствія и убийства надъ женщинами. Въ русско-турецкой войнѣ, длившейся отъ 1877 до 1878 г., совершились, такія-же варварства. Въ особенности звѣрствовали башибузуки, и главнымъ образомъ надъ женщинами.

Съ систематическою безпощадностью дѣйствовали европейцы противъ женщинъ во время своихъ войнъ въ Азіи, Африкѣ, Сѣверной Америкѣ и Австралии. Безжалостно воевали и жители Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, въ 1846 году, именно при осадѣ Вера-Круцъ; — особенно угнетали и мучили беззащитную часть населенія, т. е. женщинъ и дѣтей, надѣясь подобнымъ образомъ заставить крѣпость сдаться.

Когда диктаторъ Лопеци въ Парагваѣ, замѣтилъ, во время пятилѣтней войны, что его индѣйцы ему строго подчиненные недостаточно сильны — онъ еще принудилъ къ смертоносной и полной страданій военной службѣ и громадное количество женщинъ, въ теченіе всего мая мѣсяца 1868 года.

Теперь оглянемся на тѣ поистинѣ великія дѣянія и подвиги женщинъ, которыми они завоевали себѣ почетное мѣсто даже во время войны.

Въ Крымской войнѣ, длившейся отъ 1854 до 1856 года, ознаменовалась своею самоотверженною дѣятельностью миссъ Найтингаль; а послѣ нея миссъ Стенли съ ея добродѣтельными сестрами, которыхъ султанъ называлъ ангелами мира. Обѣ эти женщины работали въ лазаретахъ, облегчая безконечныя страданія раненыхъ и уменьшая, въ весьма значительной степени, смертность воиновъ, особенно англійскихъ.

Скоро стали образовываться женскіе союзы добровольного ухаживанія за больными; такъ, составились союзы при междуусобной войнѣ въ Сѣверной Америкѣ. Въ 1861 году, въ Нью-Йоркѣ, 100 женщинъ организовали такъ наз. „Комміssію Здоровья“, задачи которой состояли въ ухаживанії за больными, доставленії лѣкарственныхъ веществъ и паблюденії за санитарными условіями, при которыхъ должны находиться больные. Благодаря этой комиссії — были спасены многія тысячи раненыхъ и больныхъ, безъ различія партій и происхожденія. Во время трехдневной кровопро-

литной битвы подъ Геттисбургомъ, напр., были соединены вмѣстѣ стараніями врачей „Частной комиссії“—13,500 федералистскихъ и 7,260 союзныхъ врачей и сестеръ; а комитеты вспомоществованія въ Нью-Йоркѣ присылали на мѣсто военныхъ дѣйствій не только перевязочнаго матеріала и освѣжающихъ веществъ, но даже громадныя массы льду.

Впослѣдствіи раненые не оставались никогда безъ врачебной помощи. Около этого же времени было окончено въ Европѣ великое международное дѣло человѣчности во время войны: „Женевская конвенція“ договоръ 1864 года. Послѣ пораженія австрійцевъ при Сольферино, -- вездѣ, а главное въ Бременѣ, — большое число зданій передѣлано было въ госпитали; раненые и больные пользовались усерднымъ и успѣшнымъ уходомъ, преимущественно со стороны женщинъ и девицъ. Однако, всѣ частныя средства и общества были, — какъ признавалъ и гуманный юристъ г. Дюнанъ, недостаточно сильны и недостаточно постоянны, именно изъ-за отсутствія прочной организаціи. И вотъ, Дюнанъ, изданіемъ своего сочиненія „Воспоминанія о Сольферино“, далъ первый толчекъ къ основанію „Женевской конвенціи“, которая постоянно совершенствовалась и которая была принята всѣми державами Европы. Скоро образовались женскіе союзы подъ именемъ „Краснаго креста“. Прежде всего, сталъ существовать такой союзъ въ Германіи; скоро основанный въ 1866 году въ Берлинѣ „Союзъ попеченія о раненыхъ и больныхъ во время войны“ и „Женскій союзъ въ пользу отечества“ соединились вмѣстѣ, именно въ Дрезденѣ, въ 1878 году, и составили тѣсный, дружный и общиі союзъ женщинъ—общественныхъ дѣятельницъ. Такимъ образомъ, 10 января 1878 г., частныя общества для оказанія помощи больнымъ во время войны получили прочную организацію и порядокъ; и теперь женщины стали служить необходимой帮忙ственной силой во время войны, онъ получили назначеніе—не наносить раны, а лѣчить ихъ.

Уже въ австро-prusской войнѣ 1866 года, были спасены отъ смерти 90% изъ всѣхъ прусскихъ раненыхъ. При наступленіи ужасной германско-французской войны, герцогъ Граммонъ приказалъ „не щадить и женщинъ“; приказаніе это исполнялось, напр., при вторженіи въ Баденъ. Какъ разъ наоборотъ поступали немцы во Франціи, что признавали и сами французы. Немцы за прещали всякую обиду и насилие надъ женщинами, угрожали, въ противномъ случаѣ, смирительнымъ домомъ, даже смертною казнью и ни одна француженка не пострадала за все время этой войны. Французскія женщины и девушки отличились въ этой войнѣ своею храбростью, самоотверженностью и стойкостью.

Дѣятельность германскихъ женщинъ въ дѣлѣ попеченія о больныхъ и оказаніи имъ помощи во время войны — превосходила всякую похвалу, достигла высшей степени гуманности.

Только путемъ дѣятельной дружной работы на пользу мира, женщины будутъ въ состояніи уменьшить бѣдствія войны и перейти къ великимъ подвигамъ въ дѣлѣ гуманизаціи войны въ высокомъ значеніи этого слова.

Д-ръ Людвигъ.

Перевела *Марія Михайловская*.

«Доброе» старое время въ Ливоніи.

(Къ вопросу о причинахъ паденія независимаго Ливонскаго государства).

1561-й годъ надолго останется памятнымъ въ областной истории Прибалтийского края: въ этомъ году сошло съ исторической сцены Ливонское орденское государство послѣ 360 лѣтъ фактически независимаго и автономнаго существованія. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1561 года горожане и дворянство Эстляндіи, т. е. съверной части тогдашней Ливоніи, первые отпали отъ орденского правительства и присягнули на вѣрное подданство шведской коронѣ, а затѣмъ въ ноябрѣ того-же года, по особенному соглашенію съ мѣстными „сословіями“, король польскій приобрѣлъ верховныя суверенные права по отношенію къ двумъ остальными частямъ старой Ливоніи, т. е. Лифляндіи и Курляндіи.

Этому событию, сыгравшему немаловажную роль также въ истории и политикѣ всѣхъ смежныхъ съ Ливоніей державъ, различные историки, особенно изъ мѣстныхъ нѣмцевъ, посвятили въ общемъ итогѣ не мало изслѣдований, пытаясь, между прочимъ, установить тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ совершилось это паденіе независимой Ливоніи. Однако и понынѣ вопросъ этотъ остается открытымъ. По крайней мѣрѣ мы лично далеко не удовлетворены тѣми объясненіями указаннаго события, какія нашли въ литературѣ предмета, и находимъ, что они нуждаются во многихъ и притомъ весьма существенныхъ поправкахъ. Достаточно сказать, что они и понынѣ въ общемъ не идутъ далѣе тѣхъ простодушныхъ, а порою и наивныхъ соображеній и мнѣній, которыя уже 300 лѣтъ тому назадъ высказывались современниками „катастрофы“, лѣтописцами и др.

Бѣглому критическому обзору взглядовъ, высказанныхъ въ наличной исторической литературѣ по затронутому нами вопросу, а также выясненію нашего собственна взгляда на него, мы и намѣрены посвятить предлагаемую статью. Попутно-же, и именно въ связи съ этой главной задачей статьи нашей, мы въ самыхъ общихъ чертахъ обрисуемъ также и то „доброе старое время“ въ

Ливонії, подъ которыми обыкновенно разумѣется XVI вѣкъ, вѣкъ наивысшаго всесторонняго процвѣтанія старой Ливонії, и о коромъ нѣкоторые историки-нѣмцы еще и до днѣсъ вспоминаютъ не безъ умиленія и теплого сочувствія, для насъ лично совершенно непонятнаго...

I.

Большинство извѣстныхъ намъ историковъ, и не только нѣмцевъ, но и русскихъ, понынѣ утверждаютъ, что благодаря войнѣ съ русскими, начавшейся въ 1557 году, Ливонія была такъ сильно „разорена и опустошена“, что у нея не стало хватать ни матеріальныхъ средствъ, ни людей, чтобы самостоительно продолжать борьбу съ Москвою, и что, не желая подчиниться „московиту—варвару“, она была принуждена купить себѣ помошь сосѣднихъ цивилизованныхъ“ державъ, Швеціи и Польши, дорогой цѣной утраты своей 360-лѣтней независимости.

Но такое „объясненіе“, повидимому цѣликомъ заимствованное изъ старыхъ мѣстныхъ хроникъ и грамотъ¹⁾, мы не можемъ признать ни правильнымъ, ни даже правдоподобнымъ—уже по той причинѣ, что оно рѣзко противорѣчитъ всему тому, что намъ подлинно извѣстно относительно матеріальныхъ ресурсовъ тогдашней Ливоніи хотя-бы изъ единогласныхъ показаний мѣстныхъ лѣтописцевъ современниковъ... Приводимъ нѣкоторыя показанія.

¹⁾ Такъ, напр., въ „Ливонской хроникѣ“ Б. Руссова мы находимъ слѣд. объясненіе „конца орденского владычества“: „Когда Ливовія пришла въ жалкое состояніе, такъ что многие замки, города и земли были разорены, всѣ запасы земли истощены, число служилыхъ людей и сановниковъ крайне умалилось, а магистрь былъ слишкомъ слабъ, чтобы противиться такому сильному непріятелю, которому такъ благопріятствовало счастье въ побѣдахъ,—магистрь счѣль самымъ лучшимъ передаться подъ защиту польской короны“... Затѣмъ, въ текстѣ „условій подчиненія“ (*Pacta subjectionis*), заключенныхъ между польскимъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ и (послѣднимъ) магистромъ Ливонского ордена Кетлеромъ въ 1561 г., мы тоже находимъ заявленіе, что ливонцы рѣшились на подданство польско-литовской короны потому, что „земля ливонская уже нѣсколько лѣтъ была разоряма и почти до основанія потрясена жестокимъ оружіемъ, пожарами и опустошеніями лютаго врага-московита, такъ что ей грозилъ послѣдній конецъ и предстояло перейти въ жестокое рабство врага“... Точно также и въ „*Приоилегіи*“, тогда-же выданной польскимъ королемъ ливонскому дворянству (*Privilegia nobilitati*), говорится, что архіепископъ рижскій, магистръ Ливонского ордена, и всѣ чины и сословія Ливоніи передали себя и свою область во владычество польской короны вслѣдствіе того, что Ливанская область „поражена и опустошена тяжкой и продолжительной войной съ Москвою и многими бѣдствіями, и сословія величайшимъ [разореніемъ и опустошеніемъ отъ огня и меча, и постоянными набѣгами непріятеля доведены до такой крайности и безвыходности, что защитить себя отъ рабства и жестокости врага собственными силами и средствами никоимъ образомъ не могутъ“...

Въ 1557 году, когда московскій царь, согласно договору, раньше заключенному, потребовалъ съ Ливоніи 40,000 талеровъ „дани“, грозя войною въ случаѣ неуплаты, ливонцы долго спорили и торговались по этому поводу, хотя нѣкоторые дворяне, по словамъ лѣтописца-современника, Бальтазара Руссова ¹), были „такъ богаты и могущественны, что каждый изъ нихъ своими личными деньгами, съ малымъ лишь убыткомъ для себя, могъ-бы помочь несчастью“. Но дѣло въ томъ, что „ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ дать ни одного талера“... И даже тогда, когда русское войско въ слѣдующемъ 1558 году уже вторглось въ Ливонію, чтобы взыскать требуемую дань собственоручно, орденскій магистръ и др. чины Ливоніи все еще „не знали“, гдѣ взять это злополучные 40,000 талеровъ, тогда какъ эта сумма, по удостовѣренію того-же лѣтописца, „легко нашлась-бы у какого нибудь дворянина или купца, если-бы они только захотѣли дать“; но опять таки никто „не захотѣлъ разставаться съ деньгами“... Впослѣдствіи, какъ и слѣдовало ожидать, деньги нашлись: города Рига, Ревель и Дерптъ, безъ всякаго видимаго затрудненія, собрали ихъ между собою, причемъ одинъ городъ Дерптъ, сравнительно небогатый и малолюдный, по словамъ другого лѣтописца-современника, Франца Ніэнстеда ²), далъ отъ себя 10,000 талеровъ. Но ливонцы опоздали и „московитъ“ уже не пожелалъ принять этихъ денегъ...

Далѣе, когда „московитъ“ (въ іюлѣ 1558 года) взялъ городъ Дерптъ, то даже въ этомъ, сравнительно небольшомъ городѣ, русские нашли и захватили, по словамъ Руссова, такое множество запасовъ и товаровъ и столько „сокровищъ“ въ видѣ денегъ, серебра, золота и драгоцѣнныхъ уборовъ, что на нихъ „легко было бы дерптцамъ добиться продолжительного мира, или вести упорную войну съ московитомъ“. Такъ, напр., у одного только дворянина, Ф. Тизенгаузена, московитъ, по словамъ лѣтописца, взялъ тогда болѣе 80,000 талеровъ чистыми деньгами... Впрочемъ, тѣми „сокровищами“, которыя были захвачены московитомъ, ресурсы, Дерпта не ограничивались. Руссовъ говорить, что городская знать еще до прибытія русскихъ войскъ, „собрала въ болыпихъ мас-

¹⁾ Бальтазаръ Руссовъ, лютеранскій пасторъ и уроженецъ города Ревеля, родился въ 1530 г., а умеръ въ 1600 г. Его „Ливонская Хроника“, вторымъ изданіемъ отпечатанная еще въ 1584 г., по общему признанію компетентныхъ историковъ, является весьма цѣннымъ и важнымъ источникомъ для исторіи Ливоніи XVI ст.

²⁾ Францъ Ніэнстедъ, рижскій купецъ и бургомистръ, родился въ 1540 г. въ Вестфаліи, потомъ 14-ти лѣтъ отъ рода пріѣхалъ въ Ливонію (въ Дерптъ), посвятивъ себя торговлѣ, затѣмъ въ 1571 г. изъ Дерпта переселился въ Ригу, гдѣ и былъ избранъ въ 1585 г. въ бургомистры. Онъ умеръ въ 1622 г., оставилъ послѣ себя „Ливонскую лѣтопись“, которая была имъ составлена въ 1604 г.

сахъ всѣ деньги, принадлежавшія церкви, больницамъ и малымъ дѣтямъ (сиротамъ?), и благополучно вывезла эти деньги изъ Дерпта". Вообще же, не по недостатку средствъ для обороны дерптскіе обыватели почти безъ сопротивленія сдали городъ свой русскимъ, а потому, говорить Руссовъ, что „тогда никто не хотѣлъ разставаться съ деньгами“, чтобы нанять лишнихъ ратныхъ людей къ той „прекрасной артиллериі, орудіямъ и боевымъ снарядамъ, которые имѣлись въ городѣ“, а когда пришла бѣда, то „никто не хотѣлъ давать ни для заключенія мира, ни для продолженія войны“.

Далѣе изъ хроники Руссова мы узнаемъ, что во многихъ городахъ, какъ, напр., въ Ревель, многіе зажиточные бургеры, вмѣсто того, чтобы личныя средства свои, въ виду наступленія непріятеля, обратить на оборону себя и своего города, „отсыпали свое имущество въ видѣ серебра, золота и денегъ, вонъ изъ страны“, въ болѣе безопаснѣя мѣста. Когда-же орденскому магистру (Кетлеру) понадобились въ 1559 г. деньги для найма ратныхъ людей, то ревельскій магистратъ, по словамъ Ніэнстеда, „ссудилъ“ его 30,000 талер., и въ обеспеченіе ссуды потребовалъ въ залогъ (какой-то) Кегельный дворъ, находившійся вблизи Ревеля. Слѣдовательно и въ городѣ Ревель свободныхъ денегъ было не мало, но объявились они лишь тогда, когда городу представился удобный случай устроить болѣе или менѣе выгодный гешефтъ... Наконецъ, относительно самаго богатаго и крупнаго ливонскаго города Риги, мы узнаемъ изъ лѣтописи Ніэнстеда, что здѣсь магистру (Кетлеру) тоже пришлося „занимать“ деньги на наемъ ландскнехтовъ, и притомъ даже не у города, а у совершенно частнаго лица, у какого-то „стараго гезелля“ (купеческаго приказчика) Биллербека, который ссудилъ магистра „подъ росписку“ 30 тысячами марокъ,—фактъ, одновременно свидѣтельствующій какъ о зажиточности даже скромныхъ бургеровъ въ Ригѣ, такъ и объ отсутствіи „гражданскихъ“ чувствъ у именитыхъ гражданъ этой главнѣйшей и старѣйшей твердыни Ливонскаго государства.

Послѣ всего изложеннаго выше, нась не долженъ удивлять и тотъ фактъ, что даже въ самый разгаръ московитской войны, ратнымъ людямъ нѣкоторыхъ гарнизоновъ и отрядовъ не выдавалось жалованье, хотя деньги имѣлись въ количествѣ достаточномъ и даже избыточномъ. Вотъ что сообщается, напр., хроника Руссова о сдачѣ русскимъ самаго лучшаго города въ Ливоніи и прекрасно укрѣпленнаго замка Феллина (въ августѣ 1560 года): „Этотъ несокрушимо крѣпкій замокъ былъ сданъ московиту безъ всякой необходимости нѣмецкими кнѣхтами (т. е. наемными ландскнехтами), въ немъ находившимися. Послѣ того, какъ кнѣхтамъ нѣсколько мѣсяцевъ не платили жалованья, они буйно стали

требовать, когда наступила нужда, жалованье свое отъ старого (т. е. удалившагося на покой) магистра В. Фирстенберга, избравшаго мѣстомъ своего жительства Феллинъ. Когда же этотъ добрый старецъ замѣтилъ злобу кнехтовъ, то предложилъ имъ свои собственныя наличныя деньги и драгоцѣнности; но кнехты бросились и силою похитили у старого магистра всѣ его сокровища золотомъ и серебромъ, его драгоцѣнности и уборы; затѣмъ они разбили всѣ ящики и сундуки, которые дворяне и крестьяне (?) привезли въ замокъ для сбереженія отъ непріятеля, самое лучшее и удобоносимое они вынули, и такимъ образомъ сами щедро заплатили себѣ; „потомъ, нагрузившись большими богатствами, они передали московиту замокъ“, выговоривъ себѣ отъ него свободный выѣздъ... Въ лѣтописи Ніэнстеда по этому поводу мы находимъ слѣдующія дополнительныя замѣчанія: „Добрый старый магистръ предлагалъ кнехтамъ въ залогъ золотыя и серебряныя цѣпи, украшенія и драгоцѣнности, стоимостью вдвое противъ слѣдуемаго имъ жалованья, пока онъ не получить возможность начекапить монету для уплаты имъ. Но эти каналы и измѣнники не приняли предложенія, разграбили сокровища магистра, взломали и разграбили сундуки и ящики многихъ знатныхъ дворянъ, сановниковъ ордена и бургеровъ, снесенные въ замокъ для храненія, и забрали себѣ всего, сколько могли, а забранное ими составило бы жалованье не только за одинъ годъ, но и за 5 и 10 лѣть, и они могли-бы защищать очень долго крѣость, потому что въ снарядахъ и сѣйствныхъ припасахъ недостатка не было“.

Уже изъ фактовъ, нами приведенныхъ выше, читатель можетъ усмотрѣть, что не взирая на „опустошеніе и набѣги“ московита, и даже въ самый разгаръ этихъ набѣговъ, материальныхъ ресурсовъ у Ливоніи того времени, во всякомъ случаѣ, было или оставалось не мало, и, конечно, говорить о полномъ разореніи страны, будто-бы понудившемъ Ливонію передать себя чужимъ державамъ, не было и нѣтъ достаточнаго основанія. Разумѣется, отъ „московитскихъ“ набѣговъ, страна къ 1561 году пострадала, и пострадала повидимому немало; но до полнаго и окончательнаго истощенія материальныхъ силъ и средствъ во всякомъ случаѣ было еще очень далеко. Къ этому выводу читатель, безъ сомнѣнія, придется и въ томъ случаѣ, если потрудится задать себѣ хотя-бы такой вопросъ: возможно-ли, чтобы два-три года московитской войны (1558—1561 г.), которая при томъ имѣла скорѣе характеръ временныхъ и полу-случайныхъ вторженій, чѣмъ настоящей правильной и упорной войны, и которая далеко не всегда и не вездѣ сопровождалась „варварскимъ“ неистовствомъ московита¹),—могли

¹) Такъ, напр., при взятіи Дерпта (лѣтомъ 1558 года), московиты, по удостовѣренію Ніэнстеда, который самъ проживалъ тогда въ этомъ городѣ, вели

„разорить“ до полнаго банкротства такую богатую страну, какою представляется Ливонія XVI ст. по описанію ея лѣтописцевъ-свременниковъ? Мы нисколько не сомнѣваемся, что на этотъ вопросъ читатель вмѣстѣ съ нами отвѣтить безусловно отрицательно, ибо усомниться въ правильности показаній хотя-бы такого добросовѣстнаго лѣтописца, какъ Б. Руссовъ, нѣть ни малѣйшаго повода, а онъ о Ливоніи своего времени, т. е. времени послѣднихъ орденскихъ магистровъ, непосредственно предшествующемъ московитской войнѣ, говорить слѣдующее:

„Это очень ровная страна, въ ней много болотъ, лѣсовъ, кромѣ того много озеръ и рѣкъ, изобилующихъ рыбою. Эта страна изобилуетъ также дичью, какъ-то оленями, зайцами, сернами, и всякой дикой птицей, которую всѣ мѣстные крестьяне вольны ловить и продавать безъ всякаго спора и препятствія. Къ тому-же земля эта превосходитъ многія другія земли производствомъ меда, льна, зернового хлѣба и др. плодовъ. Въ одномъ городѣ Ревелѣ ежегодно и безъ малѣйшаго вздорожанія можно было имѣть болѣе 10 тыс. ластовъ лишией ржи сверхъ того, что могли отдать еще другіе города и мѣстечки и при томъ цѣны были такъ низки, какъ нигдѣ на всемъ свѣтѣ. Еще въ правленіе послѣдняго магистра ¹⁾ можно было у крестьянъ купить цѣлый ласть ржи или солоду за 12 талеровъ, а въ этой странѣ (Ливоніи) ласть и шеффель больше, чѣмъ въ другихъ земляхъ ²⁾). Потому очень многое корабли (голландскіе, любекскіе и др.) вывозили многія тысячи ластовъ ржи изъ ливонскихъ городовъ. Въ этой странѣ не было также недостатка въ разныхъ породахъ скота и домашней птицы. За отличного жирнаго вола платили 3 талера, а за откормленную свинью $1\frac{1}{2}$ талера. Сверхъ того въ ливонскихъ городахъ, между русскими, ливонскими дворянами и крестьянами шла такая оживленная торговля, особенно въ Ригѣ и Ревелѣ, что трудно найти лучшую въ другихъ земляхъ и городахъ ³⁾). Каждый изъ этихъ

себя весьма корректно. Они оставили горожанамъ и епископу всѣ ихъ права и привилегіи, позволили всѣмъ, „кто не желалъ оставаться подъ властью великаго князя (московскаго), выѣхать со всѣмъ имуществомъ изъ города, строго наблюдали, чтобы ратники никого не обижали и не вторгались въ дома бургеровъ для мародерства, а провинившихся въ этомъ наказывали плетью, и т. д.“. Видя все это, говорить Ніэнстедѣ, бургеры нѣсколько успокоились въ своемъ несчасти, и не боялись уже открытаго нападенія и насилия“.

¹⁾ Послѣдній магистръ Ливонскаго ордена, Кетлеръ, правилъ Ливоніей отъ 1559 до 1561 г., т. е. въ самый разгаръ войны Ливоніи съ Москвой.

²⁾ Слѣдовательно, „московитскія опустошенія“ весьма мало, или вовсе не отразились на уровнѣ цѣни и размѣрѣ запаса продуктовъ?

³⁾ По словамъ Руссова, въ 1559 году обнаружилось, благодаря любекскимъ купцамъ, что ихъ соперники ревельцы въ самый разгаръ московитской войны торгоvali (тайкомъ, конечно) „со своимъ явнымъ врагомъ“.

городовъ имѣть такие превосходные амбары, эмпоріи и штапели (склады) для всѣхъ націй и земель, подобныхъ которымъ не найти нигдѣ по всему побережью Балтійского моря, исключая города Данцикъ, черезъ что дѣти многихъ бѣдняковъ, прибывшихъ сюда на службу изъ нѣмецкихъ земель, скоро достигали большой знатности и богатства“.

Другой лѣтописецъ, Фр. Ніэнстедъ, о современной ему Ригѣ и ея торговлѣ сообщаетъ слѣд. подробности:

„Тамъ имѣются большие склады купеческихъ товаровъ, потому что въ этотъ городъ идетъ большой подвозъ всякаго хлѣба и купеческихъ товаровъ какъ зимою, такъ и лѣтомъ, водою и сухимъ путемъ. Водою, внизъ по р. Двинѣ, изъ далекой Россіи везутъ на плотахъ, ладьяхъ и стругахъ всякие товары, много огромныхъ бревенъ, строевой лѣсъ и дрова, золу, смолу, зерновой хлѣбъ, коноплю, ленъ, кожи, воскъ, сало, конопляное сѣмя и масло, и др. товары. Также бываетъ большой подвозъ изъ Литвы, Курляндіи, Ливоніи. Всѣ товары въ Ригѣ выгружаются, разбираются и продаются, потому что рѣка Двина вливается въ открытое море. Къ устью Двины прѣѣзжаютъ часто, каждый годъ, очень много кораблей изъ всѣхъ мѣстъ и привозятъ въ Ригу разные товары, какъ соль, сельди, дорогія полотна, шелковыя матеріи, разные металлические и мелкие товары, вина, пиво, сѣѣстные припасы, пряности, желѣзо, красную мѣдь, олово, свинецъ, словомъ—все, что нужно бываетъ людямъ, и всего привозятъ вдоволь. Кроме того ежегодно нагружаютъ многія сотни судовъ кожами и др. товарами,годными для купцовъ“.

Вообще же, торговое процвѣтаніе ливонскихъ городовъ началось, по словамъ Ніэнстеда, именно съ конца XV ст., когда въ свою очередь стала падать торговля Новгорода, ибо тогда „всѣ русскіе товары стали направляться въ Ригу, Ревель и Дерпть, черезъ что какъ эти города, такъ и другіе на Балтійскомъ побережье начали возвышаться и процвѣтать“. Отъ себя же мы должны еще добавить, что на процвѣтаніе торговли въ ливонскихъ городахъ, достигнувшее небывало высокаго предѣла какъ разъ наканунѣ распаденія Ливонскаго орденскаго государства *), оказали несомнѣнно сильное вліяніе два события, имѣвшія мѣсто въ концѣ XV столѣтія: завоеваніе Византіи турками, и открытие морскаго пути въ Индію въ связи съ открытиемъ Америки. Втор-

*) Лишь позднѣе, именно уже послѣ паденія независимой Ливоніи, въ мѣстной экономической жизни, и именно въ торговлѣ съ Россіей, сталъ обнаруживаться нѣкоторый застой и упадокъ, да и то лишь временный. Въ объясненіе этого явленія, лѣтописецъ-купецъ Фр. Ніэнстедъ указываетъ на конкуренцію англійскихъ купцовъ, которые стали съ конца XVI ст.ѣздить въ Россію (Архангельскъ) сѣвернымъ морскимъ путемъ, а также на соперничество

женіе турокъ въ Византійскую имперію отрѣзalo и преградило прежніе торговые пути на югъ Европы, такъ что товары русскіе и отчасти азіатскіе стали усиленно притекать къ портовымъ городамъ Балтійского поморья, а въ томъ числѣ и къ городамъ Ливоніи, вмѣсто того, чтобы идти, какъ въ старину, на югъ.

Въ то-же время открытие морского пути въ Индію и Америку не только обогатило европейскую торговлю новыми товарами, и не только развило (а мѣстами и создало) морской типъ передвиженія товаровъ, но и перемѣстило центры міровой торговли съ побережья Средиземного моря на побережье Атлантическаго океана и его (съверныхъ) частей вообще; слѣдовательно, и съ этой стороны могли только выиграть, и дѣйствительно выиграли всѣ ганзейскіе города съверной Европы, а въ томъ числѣ, конечно, и ливонскіе города, какъ Рига и Ревель, вмѣстѣ съ ихъ стаrинными „пригородами“, какъ Дерптъ и многіе другіе, внутри страны, на старыхъ торговыхъ путяхъ расположеннымъи...

Наконецъ, довольно хорошей иллюстраціей экономического благосостоянія ливонскихъ городовъ можетъ служить то описание нравовъ и образа жизни ливонцевъ XVI ст., которое мы находимъ въ хроникѣ Руссова. Именно, говоря о времени послѣднихъ магистровъ и въ частности имѣя въ виду періодъ „отъ Газенкампа до правленія послѣдняго магистра Кетлера“, т. е. періодъ 1535—1561 г., Руссовъ отмѣчаетъ, прежде всего, обилие праздниковъ и пиршествъ въ средѣ всѣхъ зажиточныхъ классовъ ливонскаго общества, и по поводу обычая ливонцевъ-современниковъувѣшивать себя въ изобилии „великолѣпными нарядами и уборами“, особенно при сколько-нибудь торжественныхъ случаяхъ, онъ относительно горожанъ, т. е. купцовъ и бургевъ-ремесленниковъ, говоритъ:

„Знатнѣйшиe одѣвались въ кафтаны, подбитые мѣхомъ рыси, леопардовъ и куницъ, а простые довольствуются мѣхомъ волчьимъ и лисьимъ. У (замужнихъ) женщинъ не было недостатка въ серебряныхъ и вызолоченныхъ головныхъ уборахъ, вѣсомъ свыше 2 лотовыхъ марокъ; въ золотыхъ, серебряныхъ и вызолоченныхъ шейныхъ цѣпочкахъ, увѣшанныхъ драгоцѣпными предметами; въ серебряныхъ и вызолоченныхъ поясахъ съ вызолоченными сумками, всего вѣсомъ свыше 60 лотовъ, а также во множествѣ дорогихъ золотыхъ колецъ, пуговицъ и шнурковъ. У дѣвушекъ не

купцовъ любекскихъ и др., которые послѣ завоеванія города Нарвы русскими началиѣздить въ этотъ городъ независимо отъ ливонскихъ купцовъ и даже минуя ливонскіе порты. Слѣдовательно въ упадкѣ ливонской торговли, наступившемъ послѣ московитской войны, сыграли главную роль опять-таки не война и не разореніе отъ нея, а простая торговая конкуренція и коммерческій разсчетъ.

было недостатка въ серебряныхъ вызолоченныхъ и жемчужныхъ головныхъ повязкахъ, въ большихъ толстыхъ запонкахъ и пряжкахъ, въсомъ въ нѣсколько лотовыхъ марокъ; въ большихъ поясныхъ цѣпочкахъ съ сумками около 30 лотовъ въсомъ, и въ большихъ четкахъ, украшенныхъ разными драгоцѣнностями". Словомъ, ливонскія дамы и барышни изъ купеческаго и ремесленнаго словія въ такомъ изобилии увѣшивали себя различными „капитальными" украшениіями, что если бы собрать вмѣстѣ все серебро и золото, которое (на свадьбахъ, напр.) носили на себѣ жена и дочь простого бургера того времени, то человѣкъ, которому достались бы эти вещи, могъ бы, по словамъ лѣтописца, „вести значительную торговлю на вырученныя деньги и безъ пужды прокормить себя съ женой и дѣтьми" ¹⁾.

Однако, едва-ли не больше, чѣмъ зажиточные горожане, злоупотребляли обычаемъ ношенія на себѣ драгоцѣнностей высшіе слои ливонскаго общества, дворянѣ и духовенство, благо этимъ элементамъ мѣстной аристократіи, богатство, при даровомъ трудѣ крѣпостныхъ крестьянъ и холоповъ и при естественномъ богатствѣ самой страны, доставалось, конечно, несравненно легче, чѣмъ людямъ торговымъ и ремесленнымъ ²⁾). Такъ, по словамъ Руссова, на дворянскихъ свадьбахъ, напр., приглашенные гости вхали „великолѣпнымъ цугомъ въ поле на большихъ жеребцахъ и легкихъ коняхъ, украшенныхъ золотыми цѣпочками, перьями и другими уборами, а изъ этихъ коней каждый стоилъ свыше 9 ластовъ ржи и не былъ годенъ больше ни къ какому дѣлу". Невѣста украшала себя „жемчугомъ, золотомъ и парчей, а также высокой короной такой тяжести, что едва могла держаться на ногахъ", и т. п. Но, разумѣется, одними нарядами и украшениіями вѣнчанее благосостояніе ливонскихъ „рыцарей" не исчерпывалось, они еще и сытно ъли, и вкусно попивали, о чемъ свидѣтель-

¹⁾ Читателю, который заинтересуется вопросомъ: почему и какимъ образомъ разбогатѣлъ классъ ливонскихъ ремесленниковъ XVI ст., мы укажемъ на сравнительно недавно отпечатанную монографію извѣстнаго экономиста-профессора В. Штида по истории ремесленныхъ цеховъ, появившуюся въ сборникѣ Уставовъ рижскихъ гильдий и цеховъ (Schrachten der Gilden und Aemter der Stadt Riga), который въ 1896 г. былъ изданъ въ Ригѣ на средства мѣстнаго (нѣмецкаго) Исторического общества (стр. 111 и слѣд.). Здѣсь Штида, между прочимъ, доказывается, что производительность труда и техники ремесленниковъ въ Ригѣ и др. большихъ городахъ къ XVI ст. достигла небывало высокаго уровня развитія, число ремесленныхъ специальностей и ремесленниковъ быстро возрасло, а съ увеличеніемъ числа цеховъ и пр. все болѣе и болѣе развивалась и классовая организованность ремесленниковъ, которая и позволила имъ впослѣдствіи вступить за свои права и привилегіи въ борьбу не только съ купечествомъ, но и съ различными властями.

²⁾ Говоря, что даровой трудъ крѣпостныхъ людей и естественное богат-

ствують слѣдующія замѣчанія того же лѣтописца: „Многіе дво-
ряне потребляли на своеи дворы болѣе 20 ластовъ солоду (т. е.
варили огромное количество пива). На многихъ же усадьбахъ
былъ особый дворъ, на которомъ каждую недѣлю убивали боль-
шого вола и много овецъ, ягнятъ, куръ и гусей, и сковорода или
котель круглый годъ не сходили съ огня. Такое обыкновеніе
было у многихъ дворянъ, имѣвшихъ 80—100 крестьянъ. Въ до-
махъ же орденскихъ братьевъ, у которыхъ доходы были круп-
нѣе, все было поставлено на болѣе широкую ногу. Тамъ даже отъ
простыхъ конюховъ и слугъ погребъ никогда не запирался, они
же день и ночь такъ сильно пьянствовали, что весной ихъ уми-
рали цѣлныя кучи“ (!).

Полагаемъ, что приведенныхъ нами фактическихъ данныхъ
совершенно достаточно, чтобы читатель убѣдился въ полной не-
состоительности обычной ссылки историковъ на материальное бан-
кротство, на разореніе Ливоніи отъ московитской войны 1558—
61 г. какъ на основную причину распаденія Ливонскаго государ-
ства и утраты имъ своей независимости. Поэтому мы переходимъ
теперь къ другимъ ходячимъ объясненіямъ ливонской „кат-
строфы“.

В. Ульрихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ство самой страны облегчали аристократіи пріобрѣтеніе богатствъ, мы отнюдь не игнорируемъ другихъ факторовъ обогащенія, напр., хозяйство помѣщиковъ, ко-
торое въ общемъ прогрессъ ливонской экономической жизни и дѣятельности
также принимало активное и прямое участіе. Подхваченное общимъ потокомъ
товарного производства и обмѣна, ливонское помѣстное земледѣліе въ XV и
XVI ст. стало мало-по-малу тоже пріобрѣтать товарно-денежный характеръ,
взамѣнъ прежняго „натуральнаго“, а пріобщившись къ рынку, оно неиз-
бѣжно должно было подчиниться и рыночнымъ законамъ обмѣна и производства,
т. е. прогрессировать, развиваться какъ въ смыслѣ улучшенія техники
(введеніе трехполья и т. п.), такъ и въ смыслѣ цѣлесообразной организаціи
труда и землевладѣнія (энергическое и настойчивое прикрепленіе крестьянъ
къ помѣщичьей землѣ, экспроприація крестьянъ-землевладѣльцевъ или соб-
ственниковъ, и т. п.). Все это мы дѣйствительно и наблюдаемъ въ быту ливон-
скихъ помѣщиковъ-„хозяевъ“ XVI вѣка.

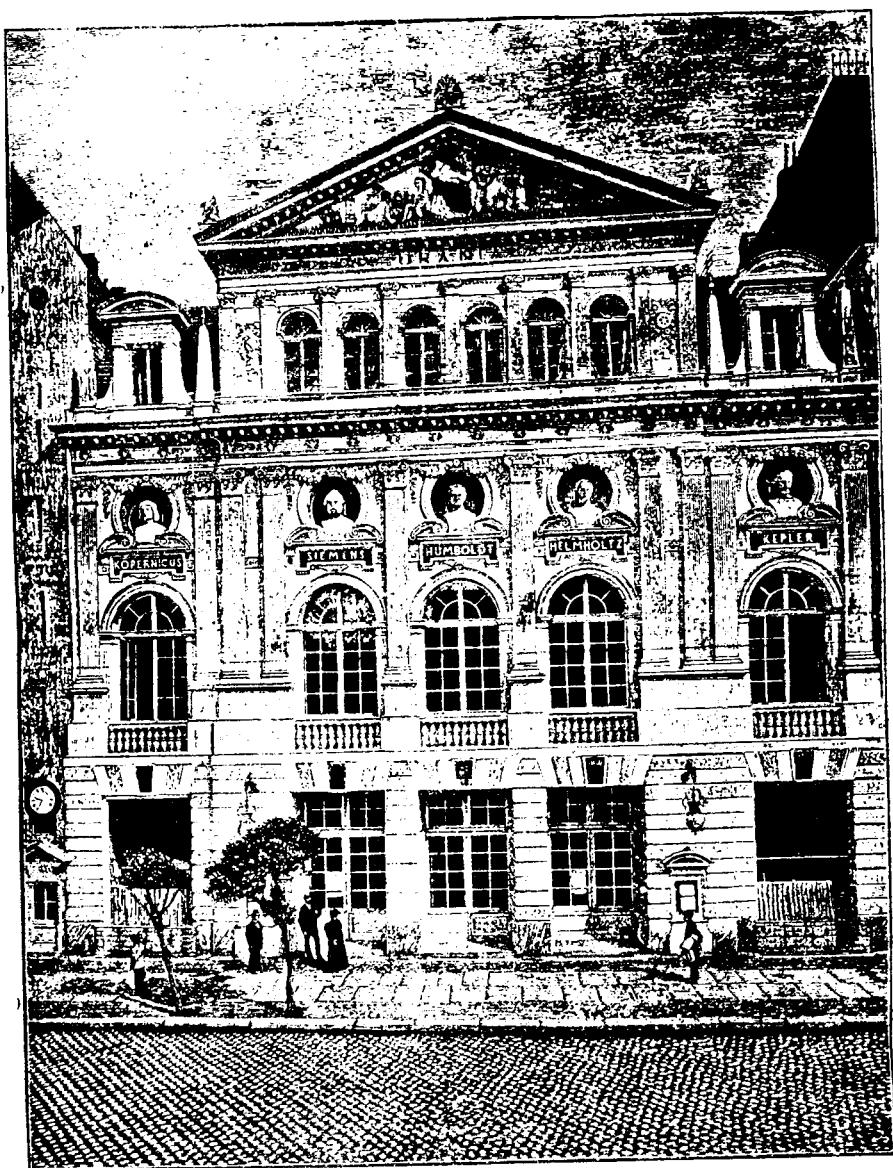
УРАНІЯ¹⁾.

(Корреспонденція изъ Германии).

Однимъ изъ симпатичнѣйшихъ теченій въ современной культурной жизни является «распространеніе университетскаго образованія», («University-Extension»—терминъ введенный въ употребленіе англичанами), стремленіе пріобщить къ благамъ науки широкую массу народа, демократизировать науку, свѣтъ которой до сихъ поръ аккумулировался главнымъ образомъ лишь тонкимъ верхнимъ слоемъ общества, скудно проникая въ народную среду. По прекраснымъ словамъ Герцена «наука, прорѣзывающая мутный прудъ обыденной жизни, не мѣшалась съ нею, бросаетъ направо и налево свои богатства, но ихъ не умѣютъ удѣлить мелкіе лодочники. Вся польза идетъ гуртовщикамъ и цѣдится каплями для другихъ; они мѣряютъ шаръ земной, а частная жизнь тащится возлѣ ихъ паровозовъ въ старой колымагѣ на своихъ клячахъ». Распространеніе демократической культуры, демократическихъ убѣждений и учрежденій, все большее вліяніе демократіи на современную жизнь и требованія теперешняго соціального экономического развитія выдвинули настоятельную необходиимость демократизировать науку. Въ современной борьбѣ за существованіе и преобладаніе, могущественнымъ орудіемъ является широкое, общее и профессиональное, народное образованіе. Недаромъ исходъ франко-пруссской войны у очень многихъ вырвалъ восклицаніе: «Школьный учитель побѣдилъ»; недаромъ удивительные успѣхи Германіи на поприщѣ экономического развитія приписываются широкому развитію образованія въ ея народной массѣ. Подъ давленіемъ этого ряда обстоятельствъ и зародилось въ Англіи движение, известное подъ именемъ «распространенія университетскаго образованія», быстро разливающееся по всѣмъ культурнымъ государствамъ.

Большинство учрежденій этого рода въ Германіи до послѣдняго времени не носило широко народного характера. На публичныя лекціи «Обще-соціальной политики», «Общества этической культуры», академіи Гумбольдта, лицея Викторіи, собиралась зажиточная публика изъ среднихъ и

¹⁾ При составленіи этого очерка, авторъ главнымъ образомъ пользовался личными наблюденіями, кроме того очень хорошими отчетомъ д-ра Мейера „Die Urania zu Berlin“. Приншу свою благодарность редактору „Naturwissenschaftliche Wochenschrift“ г. Potonié за его любезное содѣйствіе.

«Уранія».

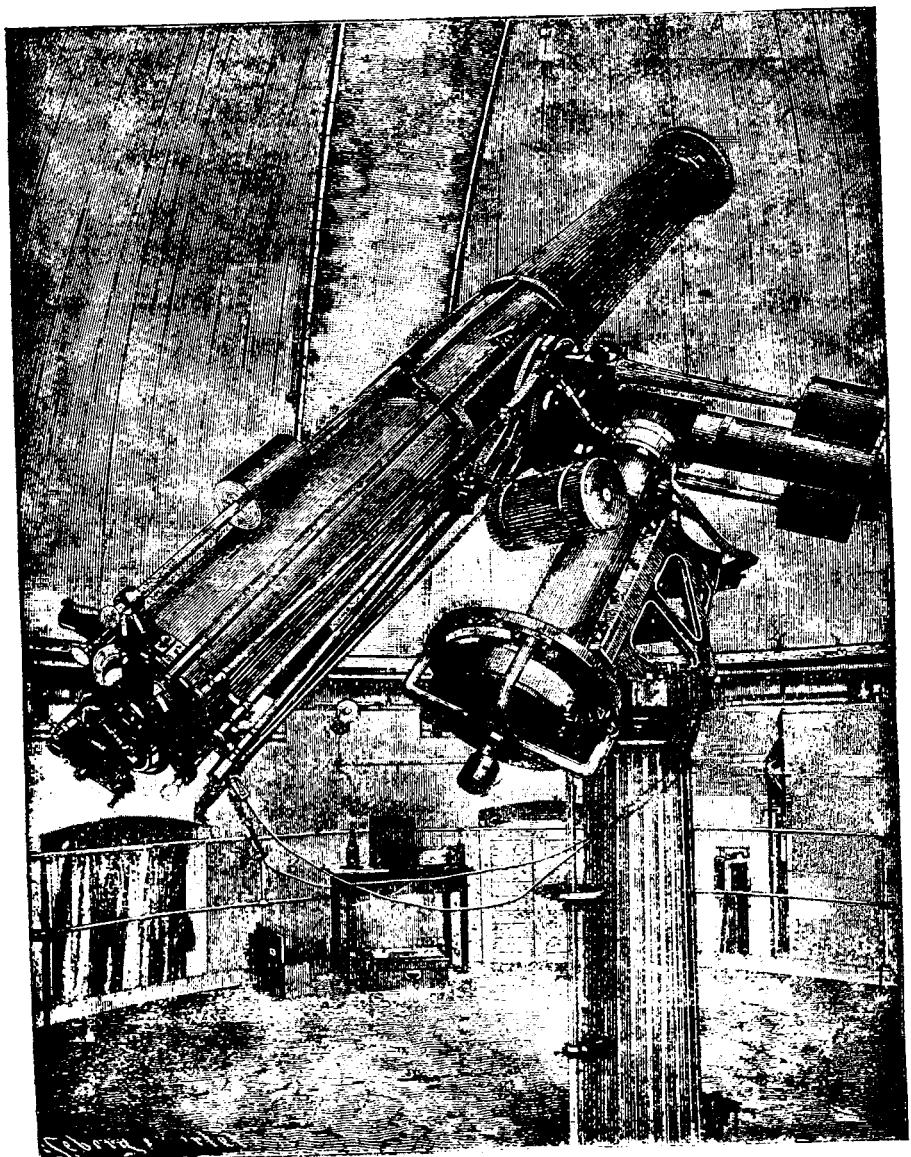
высшихъ слоевъ народа. Ремесленники и рабочие, за ничтожными исключениями, совершенно отсутствовали. И лишь въ самые послѣдніе годы былъ организованъ профессорами и доцентами университетовъ циклъ лекцій для низшихъ слоевъ народа. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній обратимся къ непосредственной темѣ нашей корреспонденціи, къ просвѣтительному обществу «Уранія», его организаціи и дѣятельности.

Рекрутируя свою аудиторію изъ широкой массы народа, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ получившей лишь низшее образованіе, это общество вполнѣ основательно избрало конкретный методъ преподаванія и съ этою цѣлью сосредоточило главное вниманіе на устройствѣ хорошихъ туманныхъ картинъ, хорошей обсерваторіи и богатаго подбора наиболѣе интересныхъ машинъ и приборовъ для производства химическихъ и физическихъ опытовъ. Лекціи, сопровождаемыя демонстраціями превосходныхъ туманныхъ картинъ и роскошныхъ декораций, усваиваются людьми мало привыкшими къ абстрактному мышленію несравненно легче и прочнѣе вскихъ отвлеченныхъ матерій. И широкая популярность «Уранія», этого народнаго университета Берлина, и ея замѣчательные успѣхи, преъвзошедшие самыя радужныя надежды, доказываютъ, что это учрежденіе съ самого начала стало на вѣрный путь.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, группа берлинскихъ интеллигентовъ съ небезъизвѣстнымъ астрономомъ и очень извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ, проф. Фэрстеромъ, во главѣ рѣшила основать въ Берлинѣ учрежденіе для популяризации естественно-научныхъ знаній въ широкой публикѣ. Благодаря соѣдѣствію правительства и образованію акціонерной компаніи, эту идею очень скоро удалось привести къ осуществленію и 2-го іюля 1889 г. общество «Уранія» уже было открыто для доступа публики. Это съ виду небольшое, но на самомъ дѣлѣ въ высшей степени помѣстительное и обширное зданіе было построено по плану городского архитектора Андрея, въ одной изъ тихихъ и живописныхъ частей города Берлина, на «Улицѣ Инвалидовъ», застроенной по преимуществу государственными, городскими и общественными учрежденіями. Это оригинальное и изящное зданіе, съ пристройками и террасами, увѣличивающеся тремя красивыми куполами, показываетъ, что общество съ самого начала рѣшило поставить это дѣло на широкую ногу и не скучиться на средства.

Впослѣдствіи, однако, общество, его кабинеты, театръ, число его помѣщений настолько разрослись, что администрація приуждена была перенести кабинетъ и научный театръ въ новое помѣщеніе, расположеннное въ центральной части Берлина, на Taubenstrasse. Астрономический же залъ остался въ старомъ помѣщении.

Обсерваторія «Уранія» пользуется чрезвычайно болѣшою популярностью въ берлинскомъ населеніи, и она дѣятельно превосходно обставлена. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе громадный рефракторъ, съ объективомъ въ 12 дюймовъ и длиною въ пять метровъ. По мѣткому и поэтическому выражению д-ра Мейера, этотъ рефракторъ служить какъ бы глазомъ «Уранія», —глазомъ, который открываетъ взору поѣтителей невѣдомыя дали вселенной. Этотъ рефракторъ, второй по величинѣ во всей Германіи, изготавлялся по специальному заказу «Уранія» по типу Фраунгофера, на что было затрачена масса времени и денегъ.

Двѣнадцатидюймовий рефракторъ «Ураній».

При рефракторѣ находится микрометръ и геліоскопъ. Окуляры, изготовленные по особымъ оптическимъ комбинаціямъ, даютъ увеличение въ 70—1300 разъ. Приводимый электричествомъ въ движение часовой механизмъ направляетъ всегда этотъ замѣчательный инструментъ по суточному течению небесныхъ тѣлъ.

Кромѣ того, въ обсерваторіи находится пять дорогихъ подзорныхъ трубъ, четырехъ-дюймовый экваторіаль съ часовымъ механизмомъ, шестидюймовый телескопъ, кометоискатель съ пятидюймовымъ объективомъ, построенный по особой системѣ. При входѣ въ центральную часть обсерваторіи устроены главные часы, находящіеся въ соединеніи съ приборомъ, отмѣчающимъ секунды и двумя другими часами, расположеннымъ въ другихъ частяхъ обсерваторіи.

Д-ръ Мейеръ отмѣчаетъ, между прочимъ, любопытный фактъ, что очень часто большая публика уходитъ изъ обсерваторіи съ нѣкоторымъ разочарованіемъ. Обыкновенно въ тихіе вечера при полнолуїніи публика прямо наводняетъ обсерваторію, чтобы посмотретьъ луну во всей ея красѣ. Но дѣло въ томъ, что именно при полнолуїніи даже въ самую лучшую подзорную трубу почти ничего не видно, и наиболѣе благопріятной для наблюденія луна является во вторую и четвертую фазу.

Объ астрономическихъ явленіяхъ очень часто читаются въ «Уранії» лекціи, демонстрируемыя проектированіемъ на экранѣ астрономическихъ снимковъ съ помощью источника свѣта силою въ 6000 стеариновыхъ свѣчей.

Еще болѣй интересъ посѣтителей возбуждаетъ физическое отдѣленіе «Уранії». По весьма остроумному плану проф. Гольдштейна, всякий посѣтитель самъ можетъ приводить въ дѣйствіе всѣ выставленные приборы. Каждый инструментъ спаображенъ электрической кнопкой, колесомъ, винтомъ и т. п., посредствомъ которыхъ приводится въ движение весь аппаратъ. Благодаря этому, посѣтитель, конечно, съ большимъ интересомъ слѣдитъ за опытами, имъ самимъ производимыми, а затѣмъ этимъ сохраняется много энергіи—человѣческой, если бы опыты должны были производиться администрацией,—или механической, если бы аппараты находились въ постоянномъ движеніи.

Въ электрическомъ отдѣленіи приборы расположены въ высшей степени остроумно. Приборы слѣдуютъ одинъ за другимъ въ строгомъ порядкѣ, въ основѣ котораго лежитъ намѣреніе, чтобы, ознакомившись съ однимъ приборомъ, зритель могъ бы уже понять непосредственно слѣдующій за нимъ и кромѣ того, вынести изъ изученія послѣдняго извѣстную сумму новаго знанія. Съ этимъ обогащенными знаніемъ онъ приступаетъ къ третьему прибору, уже нѣсколько болѣе сложному, или открывающему новую область явленій. Благодаря этой плодотворной системѣ посѣтитель въ какихъ-нибудь четверть часа проходитъ какъ бы элементарный курсъ экспериментальной физики.

Первый аппаратъ есть простой приборъ для возбужденія электрическаго тока. Второй аппаратъ уже нѣсколько сложнѣе: въ цѣль введены платина и серебро, которые при пробѣганіи электрическаго тока даютъ различные эффекты—платина раскаляется, серебро нѣтъ.

Затѣмъ зритель переходитъ къ третьему аппарату. Нажавъ соответствующую кнопку, онъ наблюдаетъ явленіе разложенія воды съ помощью

электрического тока. Здѣсь зритель непосредственно наблюдаетъ какъ электрическій токъ вызываетъ химические процессы; слѣдующіе аппараты показываютъ ему обратное явленіе—какъ химические процессы вызываютъ электрическій токъ. Слѣдуетъ рядъ гальваническихъ элементовъ различной конструкціи. Цѣлый рядъ слѣдующихъ аппаратовъ, перечислять которые мы не станемъ, знакомить зрителя съ явленіями гальванопластики, притяженіемъ и отталкиваніемъ электрическихъ токовъ и т. п. Отъ электрическаго отдѣленія мы вступаемъ въ оптическое. Здѣсь прежде всего бросается въ глаза огромное вогнутое зеркало, отражающее на штативѣ ложное изображеніе маленькой статуи, скрытой подъ самымъ штативомъ. Затѣмъ идутъ аппараты, объясняющіе механизмъ призмъ и глаза, аппараты для полученія прекрасныхъ цвѣтовыхъ явленій поляризациі, различные спектроскопы, которые въ особенности привлекаютъ вниманіе публики. Посредствомъ давленія на кношу, зритель производить бунзеновское горѣніе и улетучивание солей кальція, барія и т. д.; черезъ спектроскопъ онъ наблюдаетъ раскаленные спектры этихъ веществъ. За ними слѣдуютъ гейслеровскія трубки, трубки Крукса и т. д.

Электрическій токъ для всѣхъ этихъ аппаратовъ исходить изъ батареи изъ десяти большихъ электрическихъ аккумуляторовъ, питаемыхъ находящейся въ погребѣ динамо-машиной, приводимой въ движение газовымъ двигателемъ въ двадцать лошадиныхъ силъ. Отъ каждого изъ этихъ аккумуляторовъ идетъ особая проволока. Эта проволока покрываетъ своею сѣтью все пространство, составляя первы и жилы этого учрежденія.

Въ акустическомъ отдѣлѣніи наибольшее вниманіе привлекаетъ фотографъ. Здѣсь иногда устраиваются фотографо-телефонические музыкальные вечера, пользующіеся большой любовью публики. Здѣсь же устроены двѣнадцать телефонныхъ трубокъ для слушанія оперы въ королевскомъ театрѣ. Посредствомъ микрофона новѣйшей системы удается передать透过 телефонъ всю гамму звуковъ, съ ихъ тональными нюансами.

Достойно вниманія микроскопо-біологическое отдѣленіе, съ его богатой коллекціей микроскоповъ и превосходно сдѣланыхъ препаратовъ.

Наибольшей славой, наибольшою притягательною силою пользуется, несомнѣнно, научный театръ «Ураній», существующій служить миниатюрой всей природы съ ея удивительнымъ неисчерпаемымъ богатствомъ красокъ и цвѣтовъ, мертвой и живой природы.

Въ общихъ чертахъ механизмъ сцены и декорацій таковъ же, какъ и въ обыкновенныхъ театрахъ. Посредствомъ электрическихъ проводовъ можно достичь любой интенсивности свѣта и любыхъ оттенковъ цвѣта. Декораціи спускаются посредствомъ гидравлическаго аппарата. Декораціи поражающихъ своею роскошью картины природы, сопровождаются пояснительнымъ чтеніемъ лектора, находящагося на авансценѣ и представляющаго единственного «актера». Читаются лекціи по самымъ различнымъ вопросамъ—о спектральномъ анализѣ, электричествѣ, устройствѣ вселенной, о лунѣ, о жизни въ глубинахъ океана, о бактеріяхъ, о чудесахъ подземного міра, описывается путешествія въ Африку, Америку и т. п. Зрители сидѣть какъ въ обыкновенныхъ театрахъ, мѣста расположены амфитеатромъ. Передъ зрителемъ сцена, на которой и устанавливаются дивные изображенія, дающія полную иллюзію дѣйствительности. Сбоку у

сцены стоять лекторъ и объясняетъ появляющіяся картины. Руководители театра справедливо говорятъ въ своей программѣ, что центръ тѣжести—въ превосходно исполненныхъ декораціяхъ, открывающихъ городскому жителю совершенно невѣдомый ему міръ роскошной природы. Они справедливо полагаютъ, что не надо особенно стараться дать въ этомъ театрѣ много знаній. Усталый отъ долгой и трудной работы, человѣкъ ищетъ вечеромъ отдыха и если «Уранія» въ своеемъ театрѣ будетъ требовать отъ слушателей напряженія мысли и вниманія, то ей никогда не удастся отвлечь трудящійся людь отъ другихъ удовольствій. Поэтому администрація научнаго театра «Уранія» постоянно стремится, чтобы знанія преподавались здѣсь въ занимательной формѣ, чтобы зритель участвовалъ не только умомъ, но и чувствами, волею. Нѣкоторые ученые педанты указывали на рядъ «грубыхъ» ошибокъ въ лекціяхъ, читаемыхъ въ «Ураніи», но сухіе педанты забывали при этомъ, что подобные «ошибки» неизбѣжны, разъ имѣешь дѣло съ чрезвычайно пестрой массой слушателей, разъ пре-слѣдуешь цѣль придать изложению образную форму, говоря о научныхъ вещахъ на языкѣ профановъ. Одинъ изъ талантливѣйшихъ и популярнѣйшихъ лекторовъ «Ураніи», бывшій редакторъ издаваемаго «Ураніей» журнала «Himmel und Erde», д-ръ Вильгельмъ Мейеръ разсказываетъ между прочимъ слѣдующую исторію. Въ научномъ театрѣ онъ читалъ популярную лекцію «Отъ земли до луны», по обыкновенію демонстрированную декораціями. Въ концѣ лекціи на сценѣ было изображено захожденіе солнца за Средиземнымъ моремъ, причемъ солнце отражалось на поверхности воды; отраженіе имѣло форму эллипса для доказательства шарообразности земли. Обращая вниманіе на это явленіе, лекторъ говорилъ: «Мы видимъ, что отраженіе солнца на поверхности воды имѣтъ форму сжатаго круга, эллипса, тогда какъ если бы отражалось отъ плоскаго тѣла, то и отраженіе представляло бы правильный кругъ, какъ самое солнце». Ученые педанты не замедлили, конечно, возмутиться профанированіемъ науки: въ приведенномъ случаѣ вѣдь солнце находится вблизи горизонта и вслѣдствіе пре-ломленія лучей въ воздухѣ и безъ того должно казаться зрителю въ эллиптической формѣ, а на декораціяхъ оно изображено было въ видѣ правильнаго круга! Д-ръ Мейеръ, конечно, зналъ это прекрасно и если сдѣлалъ эту «грубую ошибку», то только съ цѣлью упростить условія и не сбивать мысль зрителя на побочные вопросы. Упоминаемъ объ этомъ фактѣ, чтобы подчеркнуть симпатичное отношеніе лекторовъ къ своей аудиторіи. Порою лекторы ради популярности изложения, ради того, чтобы заинтересовать слушателя, употребляютъ выраженія, недопустимыя въ строго-научной лекціи. Но судьба жертвъ искунительныхъ просить, и несомнѣнно, что именно такая постановка лекцій создала «Ураніи» такую популярность, какою никогда неользовались другія просвѣтительныя лекціи, по научности никакъ не уступающія лекціямъ «Ураніи», но сильно уступающія имъ по живости изложенія, иногда быть можетъ и покупаемой цѣною нѣкоторыхъ отступлений отъ требованій строгой науки. Въ особенности въ лекціяхъ о явленіяхъ природы сквозить часто антропоморфизмъ, вызванный желаніемъ придать этимъ явленіямъ «театральный» характеръ, изобразить ихъ въ видѣ драматической борьбы различныхъ силъ природы.

Наиболѣйшимъ успѣхомъ пользовалась лекція Мейера «Geschichte der

Urwelt. Она пользовалась громаднымъ успѣхомъ и въ первые два года читалась *девъсти* разъ. Авторъ мастерски нарисовалъ здѣсь истинную драму природы. Въ программѣ авторъ сжато излагаетъ планъ этой лекціи. Передъ нами совершается процессъ развигія земли отъ хаотическихъ туманностей до ея теперешняго состоянія. Сначала господствуетъ мрачный хаосъ, не освѣщаемый солнцемъ, где грозные удары грома, вулканическія изверженія, землетрясенія и ужасная борьба огня съ водою наводятъ на васъ жуткое чувство. Но постепенно изъ этого мрака и ужаса мы поднимаемся къ все болѣе радостнымъ временамъ, и достигаемъ наконецъ нашей земли у береговъ Средиземного моря, залиаго блескомъ заходящаго солнца. При звукахъ издалека доносящейся тихой музыки заивѣшься медленно опускается. Гармоничные звуки музыки какъ бы намекаютъ на то, что вся красота и поэзія великаго творенія, созданаго миллионами столѣтій борьбы, достигла цѣли лишь тогда, когда появилась на свѣтѣ воспріимчивая душа человѣка, только она и способна была воспринять безконечно возвышающее вліяніе поэзіи и музыки, понять тайну ритма и симметріи. Такъ излагаетъ свою лекцію Мейеръ и его лекція можетъ служить образцомъ научно-популярныхъ чтеній.

Посѣтитель «Ураніи» черезъ микроскопъ видѣтъ микроскопическихъ животныхъ, строеніе тканей, черезъ подзорныя трубы гигантскія небесныя свѣтила и строеніе ихъ, научный театръ переносить его изъ душнаго города, отъ этихъ громадныхъ каменныхъ мѣшковъ, въ дикія дивныя мѣстности Америки и Азіи, съ роскошною фауною и флорою, съ ихъ ча-рующими цвѣтами, свѣтомъ, звуками. На себѣ лично мы не разъ испытывали удивительно возвышающее вліяніе этихъ картинъ природы, причемъ декорации даютъ полную иллюзію, съ которой какъ-то болѣю разставаться, когда опустившійся занавѣшь напоминаетъ о дѣйствительности.

У насъ въ Россіи много дѣлается въ послѣднее время для организаціи народныхъ развлечений и нельзя не пожелать, чтобы у насъ хотя бы въ миниатюрѣ устроили нашу русскую «Уранію». Сѣеть она «разумное, добroe, вѣчное» и въ Германіи давно ужъ получила «спасибо сердечное» отъ трудящагося люда, ищущаго разумныхъ развлечений.

П. Б.

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Телеграфонъ. В. Пульсенъ следующимъ образомъ описываетъ новый аппаратъ, который онъ назвалъ «телеграфономъ» и который служитъ для регистрированія и воспроизведенія въ отдаленіи съ помощью электричества человѣческой рѣчи и какихъ угодно звуковъ, которые до сихъ порь можно было только фиксировать и впослѣдствіи когда угодно воспроизводить съ помощью фонографа.

Въ первичную или во вторичную цѣль какого-нибудь телефонааго аппарата вносятъ небольшой электромагнитъ, между полюсами котораго съ помощью какого-нибудь механическаго приспособленія устанавливаютъ стальную проволоку или полоску и приводятъ ее въ равномѣрное и безпрерывное движеніе. Эта стальная проволока или полоска движется, благодаря магнитному полю, которое, какъ функция волнообразнаго тока, вызванного нашено рѣчью, въ каждый моментъ измѣняется. Вслѣдствіе этого полоска или проволока на различныхъ пунктахъ своей длины получаетъ рядъ магнитныхъ силъ, характеръ и величина которыхъ являются также функциями этого тока. Такимъ образомъ здѣсь регистрируются магнитныя колебанія, вызванныя токомъ, идущимъ изъ электромагнита, т. е. здѣсь въ извѣстной мѣрѣ фиксируется магнитная кривая произнесеннаго.

Этотъ снарядъ можетъ, конечно, быть обернутъ. Чтобы воспроизвести сказанное, достаточно соединить телефонъ съ электромагнитомъ, служившимъ для регистрированія и между полюсами послѣдняго привести стальную проволоку или полоску, на которой сдѣланы были магнитные отпечатки. Тогда всѣ явленія появятся въ обратномъ порядке. Волнообразные токи, которые наводятся магнитными колебаніями въ основаніи электромагнита при проведеніи стальной полоски, действуютъ такъ, что сказанное воспроизводится въ приемникѣ телефона.

Чтобы уничтожить записанное, пропускаютъ непрерывный токъ черезъ обороты электромагнита, который поперемѣнно былъ записывать и приемникомъ, и тогда полоска можетъ воспринять новые отмѣтки.

Намѣченный здѣсь принципъ можетъ, по мнѣнию Вальдемара Пульсена, получить самое разнообразное примѣненіе на практикѣ. Между прочимъ на одной стальной полоскѣ можно также записать два разговора и затѣмъ, съ помощью особыхъ приемниковъ, воспроизводить то одинъ, то другой разговоръ. Natur. Rund.

Свѣтлые края на изображеніяхъ темныхъ предметовъ на свѣтломъ фонѣ. (Obermayer въ Eders Jahrbuch der Photographie und Reproductionstechnik. 1900. S. 143).

Въ настоящемъ изслѣдованіи доказывается, что свѣтлые поля на позитивныхъ изображеніяхъ темныхъ предметовъ на свѣтломъ фонѣ, которая впервые появилась въ 1868 году и приписывались процессу развитія на негативахъ и затѣмъ механическому просвѣтленію, зависятъ отсюда. Эти явленія такого-же рода, что и такъ называемыя ореолы, сіянія, которая при продолжительномъ фиксированіи въ особенности при высокостоящемъ солнцѣ замѣчаются на не покрытыхъ росою поверхностяхъ вокругъ тѣни наблюдателя.

Фотографія зачерненного и образованного предъ свѣтлой ширмой круга вмѣстѣ съ тѣнью его на этой ширмѣ въ равной мѣрѣ обнаруживаетъ эти спорные свѣтлые поля вокругъ изображенія круга и его тѣни. Кромѣ свѣтлыхъ краевъ выступаютъ внутри контуровъ и темные края, которые до настоящаго времени не упоминались при ореолахъ или сіяніяхъ, о которыхъ мы говорили выше, но которые при внимательномъ разсмотрѣніи выступаютъ вполнѣ отчетливо.

Эти свѣтлые и темные поля выступаютъ вполнѣ отчетливо при каждой буквѣ, напечатанной большими и жирными шрифтомъ, и въ особенности при освѣщеніи лампой. При закрываніи части свѣтлой поверхности вдоль контура черной бумагой исчезаетъ на закрытомъ мѣстѣ черная полоса, а при прикрытии буквы свѣтлой бумагой вдоль контура исчезаетъ свѣтлая полоса.

Если заставить падать тѣнь линій, освѣщенной пламенемъ газа, на фотографическую пластинку, то полученный такимъ образомъ позитивъ имѣетъ внутри контура тѣни темный край, а на контурѣ свѣтлой тѣни, противъ освѣщенной поверхности—свѣтлый край.

Эти явленія объясняются *физиологическимъ* закономъ, предложеннымъ Maxомъ (Sitzungsber. d. Wien. Akademie, Bd. LII S. 303). Согласно этому закону вездѣ, где кривая свѣта имѣть изломъ, мѣсто это выглядить свѣтлѣе или темнѣе, чѣмъ мѣсто въ окружности его, и свѣтлѣе тогда, когда изломъ противъ оси абсциссъ вогнутый, а темнѣе тогда, когда онъ выпуклый. Nat. Rund.

Объ образованіи угольной кислоты куринаго зародыша. (Chr. Bohr и Hasselbadt Skandinavisches Archiv. f. Physiologie. 1900, Bd. X S. 149).

Обмѣнъ веществъ у зародышей до настоящаго времени весьма мало изслѣдованъ. Затрудненія, съ которыми приходится столкнуться при изслѣдованіяхъ подобнаго рода у млекопитающихъ, весьма велики, что весьма понятно. Что касается птицъ, то наблюденія были весьма немногочисленны, касались преимущественно газового обмѣна и не лишены нѣкоторыхъ ошибокъ. Изъ наблюдений этихъ вытекало, что яйцо во время своего развитія потребляетъ сѣрную кислоту и отдаетъ угольную кислоту, но не было твердо установлено, каковы количественные отношенія этого обмѣна. Относительно количества потребленной сѣрной кислоты существовали лишь неполныя прямые указанія, а относительно количества образованной уголь-

ной кислоты не было недостатка въ противорѣчіяхъ. Авторы поэтому попытались, избѣгая тѣ источники ошибокъ, которые не были прияты во вниманіе прежними изслѣдователями, опредѣлить количество угольной кислоты, образованной зародышемъ. Они достигли достойнаго вниманія результата, такъ какъ имъ удалось вести опредѣленія изо дня въ день на одномъ и томъ-же яйцѣ въ теченіе его развитія.

Сущность ихъ метода заключается въ томъ, что яйцо заключено въ герметически закрытомъ колоколѣ,透过 which проходитъ непрерывный токъ свободного отъ углекислоты атмосферного воздуха, а образованная яйцомъ углекислота поглощается щадимъ кали и опредѣляется по вѣсу. При выполненіи опыта необходимо при напряженіи общей температуры поддержать влажность воздуха, а также позаботиться о равномѣрной общей теплотѣ. До начала самого опыта необходимо предварительнымъ изслѣдованіемъ опредѣлить количество углекислоты, выдѣленной пустой скорлупой яйца. Послѣднее зависитъ, какъ оказалось, отъ напряженія углекислоты въ окружающей атмосфѣрѣ: при большомъ содержаніи углекислоты наблюдается поглощеніе этого газа, а въ атмосферѣ, свободной отъ углекислоты, выдѣление ея, которое въ то время, когда зародышъ развивается еще мало углекислоты, должно быть принято во вниманіе, а въ позднѣйшія стадіи развитія его можетъ быть пренебрежено. Затѣмъ необходимо было предварительно установить опыты съ оплодотворенными яйцами, которые показали, что въ теченіе 2—3 дней производство углекислоты очень быстро понижается и въ 24 часа доходитъ отъ 5 до 0 миллиграммовъ.

Опыты съ оплодотворенными яйцами могли быть проведены въ 12 случаевъ и въ одномъ случаѣ, какъ уже сказано было, въ теченіе 21-го дня и затѣмъ въ развивающемся цыпленкѣ. Таблицы и графическое изображеніе найденныхъ величинъ показываютъ постоянное увеличеніе количества произведенной въ часъ углекислоты по мѣрѣ развитія зародыша. Такъ какъ во время развитія зародыша постоянно увеличивается и вѣсъ тѣла, то это увеличеніе было сопоставлено съ увеличеніемъ количества углекислоты, при чемъ оказалось, что въ первые дни увеличеніе вѣса тѣла шло медленнѣе, чѣмъ увеличеніе образованія углекислоты, но, начиная съ 9-го дня, отношеніе этихъ двухъ величинъ было почти одинаково и тѣмъ-же и вычисленіе показало, что образованіе углекислоты по kilo и въ часъ послѣ 9-го дня было почти одной и той-же величины, что и у взрослой курицы.

Фауна моравскихъ пещеръ (Absolon въ Zoolog. Anzeiger 1900, Bd. XXIII. S. 57).

Въ согласіи съ Verhoeffомъ авторъ указываетъ на то, что для решения вопроса о существованіи настоящей, приспособленной къ специальному условіямъ жизни, пещерной фауны и ее отношеній къ живущимъ въ пещерахъ родственнымъ ей видамъ является весьма существеннымъ вопросъ о томъ, существуютъ ли, напримѣръ, у слѣпыхъ пещерныхъ животныхъ слѣпые родственные виды, которые не живутъ въ пещерахъ, и—если этого и нѣть—ниже-ли они организованы и помимо отсутствія глазъ. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда на оба эти вопроса будетъ данъ отрицательный отвѣтъ, можно будетъ говорить о настоящихъ пещерныхъ живот-

ныхъ. Пещерная фауна девонского пласта Моравіи отличается отъ другихъ пещерныхъ фаунъ почти исключительнымъ господствомъ иѣкоторыхъ тизануръ и акаридъ, тогда какъ столь часто встрѣчающіеся слѣпые жуки здѣсь не встрѣчаются. Какъ та, такъ и другая группа животныхъ насчитываетъ какъ виѣ, такъ и внутри пещерь виды, имѣющіе глаза и не имѣющіе ихъ, причемъ степень организаціи тѣхъ и другихъ одинакова; разница заключается только въ томъ, что всѣ пещерные виды—все равно имѣютъ ли глаза, или иѣть—при дневномъ свѣтѣ умираютъ. Здѣсь, слѣдовательно, существуетъ несомнѣнное приспособленіе къ жизни въ темнотѣ, которое приобрѣтается весьма медленно. Въ противоположность Verhoeffу авторъ настаиваетъ на весьма широкомъ распространеніи настоящихъ пещерныхъ животныхъ.

Появленіе пещерной фауны авторъ представляетъ себѣ такъ, что отдельные виды частью активно—для защиты отъ солнца, зимней стужи или враждебныхъ нападеній—или же пассивно—вслѣдствіе наводненія или какъ паразиты—попадаютъ въ пещеры и въ зависимости отъ ихъ первоначального, большаго или меньшаго географического распространенія и занятое здѣсь пространство бываетъ больше или меныне. Относительно значительное богатство моравскихъ пещерь тизанурами вполнѣ тогда соответствуетъ тому, что этотъ отрядъ насѣкомыхъ и въ этой области представленъ многочисленными видами. Еще и теперь можно наблюдать, какъ отдельный животный, появляющійся еще и виѣ пещерь, постепенно становятся настоящими пещерными животными.

Особенный интересъ съ точки зрѣнія представляеть недавно открытая пещера, называемая Sosuvner Höhle.. Эта пещера, начиная съ третичного периода, не стояла ни въ какой связи съ какой-нибудь другой пещерой и снаружи не имѣла почти никакого выхода (за исключеніемъ иѣкоторыхъ трещинъ и щелей въ скалахъ), такъ что мы здѣсь, очевидно, имѣемъ дѣло съ весьма старинной пещерной фауной. Она весьма однобразна и состоитъ изъ иѣкоторыхъ тизануръ (*Heteromurus*, *Dicystoma*, *Aphorurus*) и акаридъ (*Gamasus*, *Scyphius*, *Linopoda*). Всего ихъ восемь видовъ, между тѣмъ какъ Slouper—пещера заключаетъ свыше 50-ти видовъ. Они всѣ весьма мало окрашены, частью совершенно бѣлы, а глаза вполнѣ редуцированы. Число же особей необычайно велико. «Нѣкоторые сталагмиты въ полномъ смыслѣ слова покрыты этими хорошенѣкими животными (*Heteromurus*), но въ тотъ самый моментъ, когда приближаются со свѣтомъ, всѣ сразу отскакиваютъ оттуда и поль весь покрывается бѣлыми подвижными точками». И это авторъ сводить къ долголѣтнему безпрепятственному развитию.

Что касается до питанія этихъ животныхъ, то авторъ указываетъ на то, что вслѣдствіе полнѣшаго отсутствія растительности, какъ и грибовъ, а также отсутствія доставляющихъ гуano летучихъ мышей, условія питанія очень неблагопріятны. Гамазиды питаются коллемболами, превосходящими ихъ часто по величинѣ, а жертвой этихъ падаютъ лѣнивые *Aphorugis*. Послѣдніе питаются гниющими остатками, которые получаются отъ обѣдовъ червей, и, можетъ быть, небольшимъ количествомъ органическихъ питательныхъ веществъ, приносимыхъ просачивающейся водой. Поэтому коллемболы встрѣчаются чаще на влажныхъ мѣстахъ и тѣхъ углубленіяхъ,

въ которыхъ собирается просачивающаяся вода. Вследствие этого также лишь тѣ stalagmitы богато населены, надъ которыми висятъ большие stalaktиты. Съ этимъ также связанъ тотъ интересный и до настоящаго времени не наблюдавшійся въ другихъ пещерахъ фактъ, что въ извѣстные периоды цѣлые колоніи этихъ животныхъ перекочевываютъ съ одного мѣста на другое. 10-го июня, напримѣръ, большое число собралось на одномъ stalagmitѣ, а въ слѣдующіе дни число ихъ все болѣе и болѣе уменьшалось и 20-го июня этотъ stalagmitъ былъ пустъ, тогда какъ другой, находящійся приблизительно на 20 метровъ дальше отъ первого и бывшій до того почти пустымъ, теперь оказался весь покрытъ животными. Авторъ приписываетъ это явленіе тому, что въ теченіе извѣстнаго времени питательный матеріалъ, существовавшій въ отдѣльныхъ мѣстахъ, истощается. Во всякомъ случаѣ интересно наблюдать, какъ при весьма незначительномъ питаніи здѣсь въ теченіе долгаго времени живеть многочисленный животный міръ.

Парижскій воздухъ. Въ воздухѣ Парижа Armand Gautier съ помощью тщательныхъ анализовъ нашелъ въ среднемъ 12,2 mg. углерода и 4,31 mg. водорода на 100 литровъ воздуха. Эти цифры относились, какъ 2,9 къ 1, чѣмъ они находятся въполномъ соотвѣтствии съ метаномъ и указываютъ на содержание этого углеводорода въ атмосферѣ (сравн. N. Rdsch. 1900, XV, 407). Впрочемъ, Gautier при сожиганіи разрѣженаго метана нашелъ отношеніе углерода къ водороду равнымъ только 2,4, потому что водородъ сжигается легче, чѣмъ углеродъ, такъ что отношеніе 2,9 къ 1 указываетъ на присутствіе соединенія болѣе богатаго углеродомъ, что легко объясняется условіями жизни большихъ городовъ. Составляетъ-ли метанъ нормальную составную часть воздуха, могутъ лишь показать дальнѣйшіе анализы чистыхъ пробъ его. Gautier изслѣдовала чистый лѣсной воздухъ и въ трехъ пробахъ нашелъ, какъ и въ Парижѣ, среднее содержание водорода = 1,54 mg. и углерода = 3,4 mg.; отношеніе между ними было равно, слѣдовательно, лишь 2,2, такъ что здѣсь, очевидно, къ метану былъ примѣшанъ водородъ. Затѣмъ по тому-же методу былъ изслѣдованъ воздухъ на лишенной растительности горѣ (на Пиренеяхъ, на высотѣ 2,400 метровъ) и въ среднемъ въ 100 метрахъ воздуха было найдено 1,97 mg. водорода и около 0,66 mg. углерода; здѣсь, слѣдовательно, отношеніе углерода къ водороду упало до 0,33, и количество углеводородовъ въ воздухѣ, повидимому, уменьшалось съ высотой, а также съ удалениемъ отъ влияній животныхъ и растеній, между тѣмъ какъ свободный водородъ здѣсь былъ почти въ количествѣ 0,0002. Но такъ какъ даже и на горахъ встрѣчается, хотя и скучная растительность, и происходятъ все таки нѣкоторые процессы броженія, то были, наконецъ, еще сдѣланы анализы морскаго воздуха во время весеннаго равноденствія, когда дующіе болѣею частию сѣверо-западные вѣтры приносятъ къ берегамъ Британіи чистый морской воздухъ. На маякѣ, отстоящемъ отъ континента на 40 km., Gautier удалось установить свои аппараты и изслѣдовать содержание въ воздухѣ углеводородовъ и другихъ горящихъ газовъ. Съ помощью трехъ, продолжительное время проведенныхъ, измѣреній было найдено въ 100 литрахъ воздуха при 0° 760 mm. давленія—1,21 mg.

водорода и 0,0 mg. углерода. Такимъ образомъ, предположеніе, что при исключеніи всякихъ вліній земли содержаніе углеводорода сведется къ 0, вполнѣ подтвердилося, а содержаніе водорода и въ количествѣ 0,0002 должно считать нормальной составной частью воздуха. Г-нь Gautier намѣренъ затѣмъ изслѣдовать, что является источникомъ углеводорода воздуха и что является источникомъ атмосферного водорода. Compt. rend. 1900, T. CXXXI, p. 13 и 86.

Подземный шумъ. 16 февраля сего года между 10-мъ и 11-мъ часомъ быть въ теченіе нѣсколькихъ минутъ слышенъ таинственный шумъ въ Римѣ и въ особенности въ верхней части города, а также на различныхъ мѣстахъ римской Кампани. На плоскогорье Panisperna этотъ шумъ былъ совершенно ясно слышенъ многими лицами, какъ внутри, такъ и внѣ домовъ, представителями ученыхъ учрежденій и крестьянами, работавшими въ той мѣстности. Нѣкоторые, замѣтивъ сильное дрожаніе оконныхъ стеколъ, спрашивали на сейсмической станціи Collegio Romano, были-ли отмѣчены на аппаратахъ землетрясенія, на что получили отрицательный отвѣтъ. Г-нъ Adolfo Cancani рѣшилъ собрать свѣдѣнія объ этомъ явленіи и изслѣдоввать его сущность. Въ результатѣ его разспросовъ получилось слѣдующее: шумъ былъ слышенъ на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстахъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтно было дрожаніе оконныхъ стеколъ; мѣста, находящіяся между этими отдѣльными мѣстами и въ сосѣдствѣ съ ними, оставались совершенно свободными отъ всего этого. Ближайшее изслѣданіе этого явленія привело его къ заключенію, что шумъ, который былъ слышенъ 16-го февраля въ Лациумѣ, былъ, по всей вѣроятности, подземного происхожденія и долженъ быть причисленъ къ типу тѣхъ землетрясений, которые были охарактеризованы Omori въ Японіи существованиемъ шумовъ при отсутствіи дрожанія. Нѣть сомнѣнія, что эти явленія достойны тщательного изученія. Rendiconti Real. Accad. dei Lincei, Ser. 5, Vol. IX (1), p. 304.

Измѣнение поверхности металловъ свѣтомъ. Г-нъ Н. Buisson произвелъ несколько опытовъ измѣненія поверхности металловъ съ помощью свѣта и результаты ихъ описалъ въ сочиненіи, представленномъ въ Парижскую Академію. Цинковая или алюминіевая пластинка, или, еще лучше, пластишка изъ амальгамированного цинка, тщательно вычищенная, при освѣщениі ея солнцемъ, теряетъ свое отрицательное электричество, при чемъ непосредственно вслѣдъ за истираніемъ очень быстро, а затѣмъ медленнѣе, пока дѣйствіе совершенно не прекращается; быстрота исчезанія электричества зависитъ отъ содержанія въ свѣтѣ ультрафиолетовыхъ лучей. Это измѣненіе чувствительности къ свѣту не есть результатъ окисленія поверхности металла, а результатъ дѣйствія свѣта, такъ какъ, если этотъ вычищенный металль сохранять долгое время въ темнотѣ, то на свѣтѣ онъ является какъ будто свѣжей пластишкой. Съ другой стороны это вызванное свѣтомъ исчезаніе чувствительности пропадаетъ, если подержать пластишку въ темнотѣ, послѣ чего пластишка является такой, какъ будто она никогда не подвергалась дѣйствію свѣта. Затѣмъ свѣтъ измѣняетъ разницу въ потенціалѣ двухъ металловъ. Если

металлическая пластишка остается долго въ темнотѣ, то она даетъ опредѣленную разность въ потенціалѣ съ другой пластишкой; при освѣщеніи ея, она даетъ опять другую разность въ потенціалѣ съ другой пластишкой; эта новая величина вначалѣ быстро измѣняется, затѣмъ медленнѣе и, наконецъ, получаетъ величину освѣщенія. Большинство металловъ, каковы: алюминий, цинкъ, мѣдь, олово, свинецъ, сурьма, висмутъ, латунь, амальгамированный цинкъ—являются послѣ освѣщенія электроотрицательными, платина,—наоборотъ, электро положительной; золото, серебро и желѣзо даютъ лишь слабыя, трудно опредѣлимые дѣйствія. Красное и желтое стекло вполнѣ задерживаютъ дѣйствіе свѣта, зеленое стекло сохраняетъ только половину его, а безцвѣтное — вполнѣ его пропускаетъ. Свѣтъ дугообразной лампы не причиняетъ никакого измѣненія въ потенціалѣ, но если поставить между дугообразнымъ свѣтомъ и металломъ стеклянную пластинку, можно получить такой-же замѣтный результатъ, какъ при освѣщеніи солнцемъ. Это объясняется тѣмъ, что не пропущенные стекломъ ультрафиолетовые лучи имѣютъ противоположное дѣйствіе, какъ и болѣе длинные лучи. Вполнѣ ясно выступаетъ это противоположное дѣйствіе на цинкѣ: при освѣщеніи его дугообразнымъ свѣтомъ, онъ становится положительнымъ, а если поставить посрединѣ стеклянную пластинку, онъ становится отрицательнымъ, какъ при освѣщеніи солнцемъ. Compt. rend. 1900. T. CXXX p. 1298.

НОВЫЯ КНИГИ.

Густавъ Карпелесъ. Всеобщая исторія литературы. Переводъ съ нѣмецкаго С. Гринберга. Выпускъ I-й.

Въ послѣдніе годы появилось нѣсколько произведеній по всеобщей исторіи XIX столѣтія. Книгѣ Сеньобоса, въ которой изложеніе доведено до послѣднихъ событій нашего времени, особенно посчастливилось: она вышла въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Это обстоятельство съ очевидностью доказываетъ, что общество живо интересуется событіями общественной и политической жизни недавняго времени. Не менѣе также живъ интересъ въ публикѣ къ произведеніямъ изящной словесности, какъ русской, такъ и иностранной, что доказывается обилиемъ оригиналныхъ и переводныхъ произведеній, появляющихся въ журналахъ и отдѣльными изданіями. Несмотря на это, какъ это ни странно, у насъ почти нѣть подходящей всеобщей исторіи литературы. Исторія литературы, изданная подъ редакціей Корша и Кирличникова, слишкомъ обширина и дорого стоитъ (около 30 руб.) и потому среднему читателю недоступна. Литература I. Шерра несомнѣнно одна изъ лучшихъ книгъ въ этой области, но она слишкомъ кратка, схематична, во многихъ мѣстахъ представляеть лишь голый перечень авторовъ. Къ тому-же она вышла лѣтъ 30 тому назадъ и потому характеристика новѣйшихъ теченій, наиболѣе интересующихъ современного читателя, въ ней совершенно отсутствуетъ. Книга Карпелеса можетъ отчасти заполнить этотъ пробѣлъ. Авторъ ея извѣстенъ, какъ одинъ изъ лучшихъ биографовъ и комментаторовъ Гейне и какъ человѣкъ, хорошо знакомый съ всемирной литературой, въ особенности нѣмецкой и литературой восточныхъ народовъ. Его всеобщая исторія литературы, начало перевода которой лежитъ передъ нами, довольно полна: она начинается литературой востока и заканчивается литературой европейскихъ народовъ, доходя до 1890 г. Въ первомъ выпускѣ перевода изложена литература Китая, Японіи и Индіи. Переводъ сдѣланъ довольно тщательно. Замѣчаются шероховатости въ языѣ, которая переводчикъ, повидимому, допустилъ въ иогонѣ за точностью и вѣрностью перевода. Внѣшность изданія вполнѣ удовлетворительна.

Г. К—ръ.

Dr. Hugo Rickes. Wert und Tauschwert. Zur Kritik der Markschen Wertlehre. Berlin, 1899. 69 Ss. Preis 1,20 M. (Д-ръ Рикесъ. Цѣнность и мѣновая цѣнность. Къ критикѣ ученія Маркса о цѣнности. Берлинъ, 1900).

Появление третьего тома «Капитала», какъ извѣстно, не принесло вполнѣ удовлетворяющаго разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, сомнѣй и недорѣшенній, которые остались у внимательныхъ читателей первыхъ двухъ томовъ знаменитаго сочиненія. Болѣе того, разрѣшеніе загадки паденія нормы прибыли, данное Марксомъ въ третьемъ томѣ, во многомъ представляется отступленіемъ отъ теоріи трудовой цѣнности, классически изложенной въ первомъ томѣ «Капитала». Въ силу этого понятно, почему появленіе третьего тома не только не успокоило споры объ экономической системѣ Маркса, но еще болѣе разожгло ихъ. Въ настоящее время литература о Марксе и критика его экономической системы растетъ очень быстро, къ сожалѣнію болыше вширь, чѣмъ въ глубь. Небольшая книжка д-ра Рикеса посвящена тому же вопросу критического пересмотра экономической системы Маркса, о которомъ у насъ въ Россіи теперь такъ много говорятъ и пишутъ. Авторъ ставитъ себѣ слѣдующую задачу: обычныя возраженія противъ системы Маркса сводятся къ тому, что цѣнность, какъ ее опредѣляетъ Марксъ, не оказываетъ вліянія на цѣны товаровъ, что Марксъ ошибочно упустилъ изъ виду процессъ обмѣна при опредѣлении цѣнности товаровъ, что истинный методъ долженъ заключаться въ томъ, чтобы, исходя изъ фактическаго процесса образованія цѣнъ, затѣмъ ужъ объяснить внутреннюю закономѣрность экономическихъ явлений, а не наоборотъ, какъ это дѣлаетъ Марксъ. Согласно этому, авторъ дѣлаетъ попытку, исходя изъ цѣнъ товаровъ, вскрыть закономѣрность процесса образованія цѣнъ, чтобы затѣмъ путемъ сравненія добытаго такимъ образомъ результата съ конструированнымъ Маркомъ закономъ цѣнности индуктивно проверить справедливость теоріи трудовой цѣнности.

Сущность теоріи цѣнны Рикеса сводится къ слѣдующему. Субъективная оцѣнка пользы блага, основанная на его потребительной цѣнности, служить главнейшимъ факторомъ, опредѣляющимъ цѣнность товара, издержки же производства опредѣляютъ лишь минимумъ цѣнны. Но на регулированіе отношеній между цѣнами товаровъ издержки производства имѣютъ болѣе широкое вліяніе; они приводятъ къ тому, что отклонение цѣнны одного товара отъ его стоимости вверхъ въ точности соответствуетъ отклоненію другого товара внизъ и въ результатѣ отношеніе цѣнъ, соответствующее издержкамъ производства, образуетъ въ каждомъ отдельномъ случаѣ среднюю пропорціональную къ фактическимъ цѣнамъ. Въ силу этого конкретныя цѣнны, опирающіяся на субъективную оцѣнку, по справедливости должны быть разматриваемы какъ простыя модификаціи цѣнъ, соответствующихъ издержкамъ производства.

Иллюстрируемъ это примѣромъ. Положимъ, что издержки производства $x \times$ товара A равны издержкамъ производства $y \times$ товара B . Тогда, согласно сказанному, измѣреніе мѣновой цѣнности получится изъ слѣдующаго уравненія:

$P +$ издержки производства; W — потребительная цѣнность или ея оцѣнка.

$$P.x \times \text{товара } A = P.y \times \text{товара } B,$$

$$W.x \times \text{товара } A \stackrel{<}{\underset{>}{=}} W.y \times \text{товара } B.$$

И мѣновое отношеніе будетъ: T — мѣновая цѣнность.

$$T.x \times \text{товара } A = T. (a \times y) \times \text{товара } B,$$

дѣ a означаетъ коэффиціентъ, модифицирующій мѣновую цѣнность и вытекающей изъ различной оцѣнки потребительной цѣнности. Онъ снова возстановляеть равновѣсіе, нарушенное различiemъ въ субъективной оцѣнкѣ товаровъ и можетъ быть принятъ за $\frac{<}{>} 1$.

Такимъ образомъ мы получили формулу, выражющую образование мѣновой цѣнности и вполнѣ принимающую во вниманіе вліяніе субъективныхъ стремлений въ процессѣ обмѣна. Такъ какъ въ вышеприведенной формулѣ a можетъ принять любую величину, то индивидуальная оцѣнка пользы является рѣшающимъ факторомъ въ процессѣ образования цѣпъ. Такъ, напр., если оцѣнка потребительной цѣнности товара $A \in <$ товара B , т. е., если товаръ A вообще не обладаетъ никакою потребительной цѣнностью, то a будетъ равно 0, и отсюда мѣновая цѣнность $x \times$ товаровъ A будетъ тоже равна нулю.

Данное изображеніе процесса образования цѣнъ товаровъ находится въ согласіи съ ученіемъ Маркса о цѣнѣ. Такъ какъ мы употребляли выраженіе издержекъ производства въ смыслѣ издержекъ капитоловъ на заработную плату и орудія производства, т. е., стало быть, въ смыслѣ затраченаго перемѣнного и постоянного капитала, то это совпадаетъ съ тѣмъ, что Марксъ называетъ «стоимостью» (Kostpreis).

Размѣры затраты капитала, соотвѣтствующіе общей средней нормѣ прибыли, получаются, если и оцѣнку авансированаго капитала будемъ выводить по вышеприведенной формулѣ для измѣренія мѣновой цѣнности, причемъ само собою понятно, что вслѣдствіе монопольнаго положенія капитала къ продавцамъ товаровъ a , должно быть взято съ извѣстнымъ и притомъ соотвѣтствующимъ средней нормѣ прибыли процентомъ > 1 :

Стоимость товара $= x \times$ авансированный капиталъ

$$W = - - > W.x \text{ деньги} [= x \text{ авансированаго капитала}]$$

Цѣна производства товара $= (a \times x)$ въ деньгахъ.

Конечно, подобная постановка вопроса уже устраиваетъ «проблему средней нормы прибыли», такъ какъ для оцѣнки затраты капитала, само собою разумѣется, безразлично, предназначена ли эта затрата для заработной платы, машинъ или другого матеріала; здѣсь приходится вспомнить слова Мальтуса, повторяемыя и Марксомъ, что капиталисты ждуть одинаковой пользы отъ всѣхъ частей затраченаго имъ капитала.

Ясно, что для приведенной формулировки процесса образования мѣновой цѣнности безразлично, будемъ ли мы рассматривать издержки производства какъ стоимость или какъ цѣну производства товара, ибо отношеніе

$$P.x \times \text{товара } A = P.y \times \text{товара } B.$$

(P — цѣна производства)

не измѣнится, если къ обѣимъ частямъ его прибавимъ по равной величинѣ.

Таково общее отношение разбираемаго автора къ спорному вопросу объ образованіи цѣнъ и средней нормѣ прибыли.

По недостатку мѣста, мы не станемъ останавливаться на другихъ взглядахъ Рикеса. Порою возбуждая недоумѣнія и заслуживая критики, они, однако, иногда не лишены оригинальности и въ общемъ его брошюру стоитъ прочесть.

Отмѣтимъ лишь, что въ заключеніе Рикесь приходитъ къ взгляду, уже высказанному К. Шмидтомъ и Зомбартомъ. Въ теоріи цѣнности Маркса онъ видѣтъ лишь методологически полезную фикцію, лишь «мыслительный фактъ», лишь требование нашего мышленія, но не придается ей реальнаго эмпирическаго значенія.

П. Берлинъ.

Dr. Lazarus Schweiger. Philosophie der Geschichte, Völkerpsychologie und Sociologie in ihren gegenseitigen Beziehungen. Bern. 1899. 78 s., 1,75 Frs.

Кто слѣдить за развитіемъ обществознанія, тотъ не могъ, конечно, не замѣтить, какъ быстро развиваются за послѣднее время философія исторіи, коллективная психологія и соціология. Однако, несмотря на это, взаимоотношенія этихъ наукъ, самостоятельная область каждой изъ нихъ до сихъ поръ остаются крайне неопределенными, что порождаетъ постояннное незаконное вторженіе одной изъ-нихъ въ территоріи другой. Отсюда настоятельность задачи точно установить предѣлы каждой изъ этихъ трехъ наукъ и ихъ взаимоотношеніе. Подобного рода попытки въ новѣйшей соціологической литературѣ дѣлались не разъ. Въ настоящей замѣткѣ мы дадимъ рефератъ новой книги, занятой разрѣшеніемъ вышепоставленныхъ вопросовъ, книги, написанной на тему, предложенную бернскимъ философскимъ факультетомъ и удостоенную преміей.

Соціология,—пишетъ авторъ,—есть изслѣдованіе нашей соціальной жизни при свѣтѣ философіи. Но при этомъ нельзя относить къ объекту соціологии все совершающееся въ обществѣ. Иначе вошли бы въ соціологію не только такія родственныя ей науки, какъ философія исторіи и коллективная психологія, но и болѣе далекія ей науки—искусство, литература. Въ виду этого необходимо болѣе тѣсно и точно ограничить область соціологии. Соціология должна изслѣдовывать отношеніе отдельного лица къ обществу, должна выяснить тѣ условія, въ которыхъ должны быть поставлены индивидуумы и общество для того, чтобы сохранено было устойчивое общественное равновѣсіе. Для выполненія этой задачи соціология не можетъ обойтись безъ помощи философіи исторіи и коллективной психологіи, такъ какъ соціальная и экономическая жизнь уходять своимъ корнями въ психическую структуру народа. Послѣдний вопросъ есть, по мнѣнію рецензируемаго автора, кардинальный вопросъ соціологии; всѣ остальные соціологические вопросы въ сравненіи съ нимъ второстепенны и ихъ разрѣшеніе въ большей или меньшей степени зависитъ отъ его разрѣшенія.

Несомнѣнно, что соціология, философія исторіи и коллективная психологія имѣютъ общий объектъ изслѣдованія, но несмотря на это, ихъ придется разсматривать, какъ три отдельныя дисциплины.

Подобно тому, какъ одно и то же растеніе можетъ быть изслѣдуемо съ точки зренія физіологии, химіи, ботаники и т. д., точно также и одни

и тѣ же общественные явленія могутъ быть рассматриваемы съ трехъ различныхъ, взаимно другъ друга пополняющихъ точекъ зреінія: соціологии, философии исторіи и колективной психологіи. При этомъ соціология имѣеть больше въ виду настоящее и формулируетъ его нормы и законы, что возможно лишь путемъ отдѣльныхъ методическихъ изслѣдований и собирания матеріала. Она дѣлаетъ это съ помощью статистики. Философія же исторіи переносить центръ тяжести изслѣдованія въ прошлое, стараясь въ немъ отыскать подтвержденія законовъ исторіи. И наконецъ, коллективная психологія связана съ общими названными науками взаимностью услугъ, она отчасти выводитъ изъ нихъ свои законы, отчасти же доставляетъ имъ самимъ руководящія точки зреінія.

Что касается методологіи всѣхъ этихъ трехъ отвѣтственій обществознанія, то прежде всего надо рѣзко подчеркнуть, по мнѣнію автора, отличіе ихъ отъ естествознанія. Въ естествознаніи мы легче можемъ вскрыть законы, такъ какъ тамъ мы имѣемъ дѣло лишь съ уже совершившимся, тогда какъ въ обществознаніи — съ процессомъ развитія. Въ естествознаніи далѣе мы имѣемъ дѣло лишь съ вопросомъ «какъ?», не интересуясь вопросомъ о цѣли, въ обществознаніи же мы задаемся еще вопросомъ «зачѣмъ?». Въ естествознаніи мы остаемся холодными и объективными, интересуясь лишь причиной связью событий, въ обществознаніи же мы должны еще дать оценку и поэтому почеволь становимся субъективны. Затѣмъ главнѣйшаго орудія естествознанія — эксперимента — соціальная наука совершенно лишена.

Относительно же методологическихъ особенностей каждой изъ трехъ разбираемыхъ наукъ слѣдуетъ замѣтить слѣдующее:

Философія исторіи разсматриваетъ лишь историческій процессъ. Современности она не придаетъ большаго вниманія, чѣмъ эпохѣ римлянъ и грековъ, ибо настоящее для нея лишь одинъ моментъ въ историческомъ процессѣ, лишь одно звено въ цѣни историческихъ событий. Она не останавливается на отдѣльныхъ фактахъ, разсматривая все человѣчество, какъ единое цѣлое, цѣль развитія котораго она стремится умозрительно познать. Соціология же, наоборотъ, твердо держится настоящаго и данного и стремится познать его аналитическимъ путемъ. Философія исторіи опирается на дедуктивнымъ методомъ. Изслѣдуя вопросъ о началѣ исторіи и ея конечной цѣли она не можетъ, конечно, опираться на факты, данные намъ въ опытѣ, и должна поэтому отъ общаго переходить къ частному. Поэтому философіи исторіи присущи тѣ же недостатки, которыми страдаетъ дедукція вообще. Философія исторіи, какъ и вообще всякая дедукція, не означаетъ собственно никакого прогресса мысли, такъ какъ всѣ выводы, дѣлаемые изъ главной посылки, въ скрытомъ видѣ уже содержатся въ ней. Въ силу этого философія исторіи не была въ состояніи формулировать какой-нибудь законъ.

Соціология же разсматриваетъ исторію чисто причинно, принимая во вниманіе всѣ факторы. Конечно, — думаетъ авторъ, — одного причиннаго объясненія соціальныхъ явленій еще недостаточно, мы должны призвать на помощь телесообразность, ибо мы руководимся мотивами и ставимъ себѣ цѣли. Но все это не уничтожаетъ причиннаго объясненія, благодаря тому, что мы связываемъ эти объясненія другъ другъ съ другомъ, что ведетъ къ

возникновенію телесологіческої або імманентної причинності. Єта-то імманентна телесологія і даєть можливість установити умову рівноваги між жизнью і діяльністю членів однієї і тієї-же суспільної організації.

Цимъ уже опредѣляется ходъ соціологическихъ ізслѣдований. Условія и законы могутъ быть установлены только путемъ индукціи и абстракціи, путемъ разложения сложныхъ явлений на ихъ отдельныя составные части. Соціология въ своей динамической части и является подобной абстрагирующей наукой, ибо она не обращается, подобно другимъ наукамъ, непосредственно къ материалу, а оперируетъ съ уже готовыми данными другихъ наукъ—антропологии, статистики, этнографіи и т. д. Она только систематизируетъ результаты этихъ наукъ и возводить ихъ на болѣе высокую ступень познанія. Она служить какъ бы центромъ соціально-историческихъ наукъ, отстоящихъ отъ нея на одинаковомъ радіусѣ. Ея задача двоякаго рода: статическая или описательная и динамическая, преслѣдующая историко-сравнительная и историко-генетическая задачи.

Таковы въ общихъ чертахъ воззрѣнія Швейгера. Послѣ изложенія своихъ взглядовъ авторъ затѣмъ даетъ исторический очеркъ соціологическихъ учений. Очеркъ этотъ до крайности исполненъ. Авторъ отъ Капта переходитъ прямо къ Барту! Авторъ не говоритъ о Зиммелѣ, между тѣмъ, какъ этотъ авторъ въ известной статьѣ «Проблема соціологии», высказался о соотношеніи между философіей історіи и соціологіей. Швейгеръ совершенно не говоритъ о французскихъ соціологахъ—Дюркгеймѣ, Тардѣ, объ англійскихъ и американскихъ—Гайдингсѣ, Уордѣ, касавшихся рассматриваемыхъ авторомъ вопросовъ. Что же касается до воззрѣній самого автора, то они уже черезъ чурь близки къ воззрѣніямъ бернскаго проф. Людвига Штейна, автора сочиненія: «Die sociale Frage im Lichte der Philosophie». Объ этомъ послѣднемъ сочиненіи мы уже имѣли случай говорить съ читателями «Научнаго Обозрѣнія».

П. Берлинъ.

Владимір Сергєевич Соловьевъ.

(Некрологъ).

31-го іюля умеръ В. С. Соловьевъ.

Онъ былъ вторымъ сыномъ историка С. М. Соловьева и родился въ Москвѣ въ 1853 году. По окончаніи курса въ московскомъ университѣтѣ, онъ слушалъ еще лекціи въ московской духовной академіи—фактъ характерный и указывающій на его склонности. Едва достигнувъ совершеннолѣтія, В. С. защитилъ въ петербургскомъ университѣтѣ диссертацио на степень магистра философіи, озаглавленную: „Кризисъ западной философіи противъ позитивистовъ“. Въ 1876—77 гг. онъ читалъ философію въ московскомъ университѣтѣ, затѣмъ переселился въ Петербургъ, где занялъ должность члена ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. В. С. читалъ въ Петербургѣ публичныя лекціи по философіи и написалъ докторскую диссертацию подъ заглавиемъ: „Критика отвлеченныхъ началъ“. Затѣмъ онъ получилъ каѳедру въ петербургскомъ университѣтѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ и сталъ однимъ изъ любимѣйшихъ профессоровъ. Но вскорѣ ему пришлось навсегда покинуть профессорскую каѳедру. Съ тѣхъ поръ В. С. посвятилъ себя исключительно литературѣ. Кромѣ многихъ журнальныхъ статей, напечатаны отдельно: *L'idée russe*; Национальный вопросъ въ Россіи; Оправданіе добра; Основы духовной жизни; Три разговора о войнѣ, прогрессѣ и концѣ всемирной истории со включеніемъ краткой повѣсти объ антихристѣ и др.

Уже весною настоящаго года всѣ видѣвшіе В. С. Соловьева выражали опасеніе на счетъ состоянія его здоровья. Я лично видѣлъ его въ послѣдній разъ на засѣданіи петербургскаго философскаго общества, где В. С. читалъ свой рефератъ, направленный противъ подлинности платоновскаго діалога „Протагоръ“. Не могу сказать, чтобы этотъ рефератъ убѣдилъ кого-либо изъ

присутствовавшихъ. Для меня было очевидно, что въ этомъ случаѣ В. С., незамѣтно для самого себя, поддался вліянію предвзятой идеи, желая во что бы то ни стало очистить Платона отъ всякаго упрека въ гедонизмѣ и приблизить его къ аскетическому міросозерцанію, послѣдователемъ котораго не могъ быть этотъ эллинъ съ головы до ногъ. Даже циники не были аскетами въ монапескомъ смыслѣ этого слова. Не довольствуясь отрицаніемъ подлинности, В. С. во что бы то ни стало хотѣлъ доказать принадлежность діалога „Протагоръ“ Аристиппу, однако и это совершенно не удалось. Но здѣсь, какъ во всемъ, что говорилъ и писалъ В. С., поражала та искренность, съ которой онъ отнесся къ своей задачѣ. Вездѣ, гдѣ у него не хватало доказательствъ, онъ прямо сознавался въ этомъ и во всякомъ его словѣ звучало не желаніе вести споръ ради самого спора (что такъ часто встрѣчается), но желаніе выяснить истину, которая была для него дорога, потому что соотвѣтствовала тому представленію о Платонѣ, какое онъ себѣ составилъ и которое всего болѣе подходило къ его собственному міросозерцанію. Какъ известно, въ послѣдніе годы жизни В. С. Соловьевъ особенно интересовался Платономъ и преинялъ полный переводъ его сочиненій.

О смерти В. С. газеты сообщаютъ слѣдующее. „Давно уже В. С. собирался навѣстить своего друга, профессора московскаго университета, кн. С. Н. Трубецкаго. Князь живеть въ своемъ имѣніи Узкомъ въ 12 верстахъ отъ Москвы. В. С. заѣхалъ къ нему проѣздомъ къ своей матери, живущей въ Калужской губерніи. В. С. былъ, однако, уже такъ слабъ, что недолгій переѣздъ изъ Петербурга въ Москву совсѣмъ разбилъ его. Пришлось пробыть день въ Москвѣ, чтобы собраться съ силами для дальнѣйшей поѣздки. Поѣздка эта, хотя совершенная въ очень удобномъ экипажѣ, до того утомила его, что по приѣздѣ въ Узкое, съ В. С. тотчасъ сдѣлался обморокъ. Это было 15-го іюля. Врачъ предписалъ полное спокойствіе. В. С. слегъ въ постель — и больше не вставалъ. Сначала онъ еще шутилъ, острилъ, интересовался Китаемъ, вообще чувствовалъ себя довольно хорошо, по затѣмъ сталъ впадать въ забытье, порою не узнавалъ окружающихъ, бредилъ, произнося философскія цитаты на языкахъ древнегреческомъ, древнееврѣйскомъ, латинскомъ, англійскомъ и др. Приглашенный докторъ Корниловъ отвергъ существованіе какихъ-либо страданій мозга. Созданный затѣмъ консиліумъ съ проф. Остроумовымъ во главѣ установилъ начавшееся зараженіе крови. Послѣднія минуты В. С. были спокойны: жизнь гасла незамѣтно. Прибыла 74-лѣтняя старуха-мать и сестры и онъ умеръ на рукахъ ихъ и своего друга кн. Трубецкаго. Въ 9 часовъ вечера 31-го іюля его не стало“.

Рукописи покойнаго разберетъ князь Трубецкой.

О произведенияхъ В. С. Соловьева мнѣ уже приходилось писать въ моихъ „Судьбахъ русской философіи“; придется можетъ быть во вратиться къ нимъ еще разъ. Пока скажу лишь слѣдующее. Каково бы ни было наше отношеніе къ теоретической и нравственной философіи В. С. Соловьева, какъ бы далеко ни отстояло наше міросозерцаніе отъ того, которое выражено въ его трудахъ, необходимо признать, что всѣ вообще произведения В. С. производятъ на всѣхъ чуткихъ людей глубокое впечатлѣніе своимъ исканіемъ истины и правды. Онъ былъ сторонникъ метафизики, которая, по моему мнѣнію, не имѣть и не можетъ имѣть будущаго; мало того, онъ вѣрилъ въ сверхъестественнное, въ магическое, чудодѣйственное, и мнѣ всегда казалось грустнымъ, что такой сильный умъ вѣрить во все это. Но онъ именно вѣрилъ, а не притворялся вѣрующимъ. И эта его правдивость и сила убѣженія невольно вліяла на всѣхъ, даже на людей совершенно расходившихся съ В. С. въ убѣженіяхъ. А впрочемъ, не во всемъ съ нимъ приходилось расходиться. Въ такихъ вопросахъ, каково осужденіе національной и религіозной нетерпимости или вопросъ обѣ упраздненіи смертной казни, В. С. Соловьевъ стремился къ тому же, чего добивались всѣ прогрессивные мыслители; и, право, не такъ важно, что его способъ доказательствъ былъ совсѣмъ иной... Все хорошо, что служить добру и истинѣ.

М. Ф.

Въ напечатанномъ въ августовской книжкѣ началѣ статьи
«А. И. Герценъ» вкрадлись двѣ опечатки:

Стр.	Строч. сверху.	Напечатано.	Надо читать.
1409.	41—42.	Огаревъ мечталъ уже въ тридцатыхъ годахъ уѣхать заграницу, дабы тамъ издавать журналъ «Иѣсть съ Герценомъ».	Огаревъ мечталъ уже въ двадцатыхъ годахъ уѣхать заграницу, дабы тамъ издавать журналъ вмѣстѣ съ Гегелемъ.
1419.	48.	Ibid. стр. 247.	Письма Бакунина, стр. 247.

Книги, присланные въ редакцію для отзыва.

Съ 1-го августа по 1-е сентября.

Д. Котлярь. Крыша міра (рассказы о разныхъ странахъ и на-
родахъ). Спб., 1900 г., 171 стр. Ц. 80 к. Изд. О. Поповой.

**Труды комиссии, избранной XIII-мъ съездомъ нефтепромышлен-
никовъ для разработки вопросовъ объ обезпеченіи пострадавшихъ
рабочихъ.** Спб., 1900 г., съ приложеніемъ проекта устава. 125 стр.

Л. Вольтманнъ. Теорія Дарвина и соціализмъ. Издание Зябиц-
каго и Пятинна. Спб., 1900 г. Переводъ подъ редакціей доктора
философіи **М. М. Филиппова.** Ц. 1 р. 25 к.

Н. Новиковъ, докторъ философіи Бернскаго университета.
Наука, школа и жизнь. Изд. В. Н. Маракуева. Одесса, 1900. Ц. 25 к.

Жоржъ Фонсегривъ, профес. философ. въ лицѣю Бюфона, въ
Парижѣ. **Элементы психологіи.** Переводъ студентовъ Московской
духовной академіи, подъ редакціей, съ измѣненіями и дополне-
ніями П. П. Соколова. Сергіевъ посадъ, Моск. губ., 1900. Ц. 1 р. 25 к

**Труды Статистического Отд. Деп. Таможен. Сборовъ. Внѣшняя
торговля по Европейской границѣ съ I-го января по I-е апрѣля 1900 г.**
Издание Деп. Там. Сборовъ. Спб., 1900 г.

В. Г. Бѣлинскій. Полное собраніе сочиненій. Томъ II, подъ ре-
дакціею и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Спб., 1900 г. Цѣна
1 р. 25 к., 607 стр.

Шараповъ, Сергѣй. По русски. Москва, 1900. Ц. 30 к., 39 стр.

**С. Аргамакова. Слабая борьба съ сильными заблужденіями въ
современномъ воспитаніи.** Спб., 1900. Ц. 60 к.

О природѣ Рентгено́выхъ лучей.

Несмотря на то, что Рентгеновские лучи уже около 4 лѣтъ стали достояніемъ науки и техники и не возбуждаютъ крупныхъ разнорѣчій среди физиковъ въ отношеніи своихъ свойствъ, однако природа этихъ лучей до сихъ поръ далеко не одинаково понимается учеными. Въ первоначальномъ своемъ сообщеніи Рентгенъ высказалъ, что иксъ-лучи представляютъ родъ продольного волнообразнаго движенія эаира. Цендеръ и до сихъ поръ держится этого взгляда, но многіе физики не могутъ съ нимъ согласиться и даже самъ Рентгенъ—судя по его послѣднимъ статьямъ—повидимому отказался отъ своихъ взглядовъ. Въ этомъ смыслѣ можно понять высказанное имъ предположеніе, что катодическіе и Рентгеновы лучи представляются „явленіями одной и той-же природы“. Болѣе подробное изложеніе Цендеровской теоріи сдѣлано Зервальде на страницахъ „Fortschritte“. Что эта теорія приводить къ значительнымъ трудностямъ въ пониманіи разбираемаго вопроса, видно уже изъ того, что ея не раздѣляетъ ни одинъ изъ ученыхъ физиковъ; большинство-же ихъ, насколько они успѣли высказаться, предпочитаютъ теорію поперечныхъ волнообразныхъ движений эаира.

Согласно послѣднему взгляду, X-лучи представляютъ явленіе по существу тождественное съ обыкновенными лучами свѣта и отличаются отъ послѣднихъ только длиною волнъ. Однако слѣдуетъ замѣтить, что до сихъ поръ решительно ничего еще не сдѣлано для экспериментальнаго доказательства волнообразной природы X-лучей. Многіе наблюдатели полагали, что судить о длине волнъ X-лучей вполнѣ возможно на основаніи аналогичныхъ опытовъ въ области оптическихъ изслѣдований надъ лучепреломленіемъ (опыты съ цѣлью произвести дифракцію). Но несомнѣнно, что эти аналогіи даютъ далеко не полное представлѣніе о сложномъ явленіи X-лучей, возникающихъ въ Рентгеновской трубкѣ. О явной неточности и неясности подобныхъ соображеній даетъ понятіе уже тотъ фактъ, что Цендеръ считаетъ длину нашихъ волнъ

безконечно-большой, между тѣмъ какъ защитники теоріи поперечныхъ волнообразныхъ вибрацій наоборотъ считаютъ ее величиной безконечно-малой.

Весьма важнымъ подтверждениемъ послѣдней теоріи служить то обстоятельство, что Рентгеновы лучи, подобно обыкновеннымъ свѣтовымъ лучамъ, способны возбуждать весьма сильную фосфоресценцію; однако-же не слѣдуетъ преувеличивать значеніе этого обстоятельства, потому что напр., *катодические* лучи, которыхъ до сихъ поръ конечно никто не признаетъ явленіемъ однороднымъ съ обыкновеннымъ свѣтомъ, также обладаютъ этимъ свойствомъ, да еще въ гораздо большей степени. Но какъ бы то ни было, и продольная и поперечная теорія волнообразныхъ движений эаира въ примѣненіи къ X-лучамъ одинаково приводятъ къ серьезнымъ трудностямъ, если мы не придадимъ эаиру иѣкоторыхъ специальныхъ свойствъ, что въ свою очередь опять затруднитъ объясненіе обыкновенныхъ оптическихъ явленій.

Уже по одному этому можно было бы предпочесть такую теорію Рентгеновыхъ лучей, которая бы была построена безъ примѣненія теоріи эаира. Именно такая теорія въ настоящее время и возникла. Преимущество предлагаемой теоріи заключается, кромѣ того, въ томъ, что для нея неѣть нужды ни въ одномъ новомъ положеніи; въ томъ, что она является логическимъ выводомъ изъ общепризнанной Круксовой теоріи катодическихъ лучей, и главное въ томъ, что множество явленій, имѣющихъ отношеніе къ X-лучамъ, объясняются при ея помощи чрезвычайно просто. Все это даетъ нашей теоріи по крайней мѣрѣ право на существование рядомъ съ эаирной теоріей.

Фактическая сторона теоріи была уже обнародована мною годъ тому назадъ въ Wiedemann's Annalen der Physik und Chemie и была принята сочувственно въ ученомъ мірѣ. Слѣдуетъ однако же упомянуть, что до меня совершенно независимо сходные взгляды высказали A. Vosmaer и F. L. Ortt (Nature Vol. 56, p.316. 1897).

По этой теоріи Рентгеновы лучи суть частицы катодическихъ лучей, отраженныхъ во всѣ стороны антикатодомъ; частицы эти однако на катодѣ измѣнились существенно: они лишиены электрическаго заряда.

Послѣднему обстоятельству мы придаемъ особенно важное значеніе, ибо благодаря ему мы легко можемъ объяснить всѣ различія между катодическими и Рентгеновыми лучами. Самымъ серьезнымъ явленіемъ принято считать *неспособность Рентгеновыхъ лучей отклоняться подъ вліяніемъ магнита*. Съ нашей же точки зрењія это совершенно понятно: движущаяся частица отраженного катодического луча, лишенная электрическаго заряда, не можетъ конечно реагировать подъ вліяніемъ магнита.

Второе весьма важное различие заключается въ томъ, что Рентгеновы лучи гораздо легче проникаютъ черезъ всякаго рода матерію, чѣмъ катодические. Но и этотъ фактъ съ нашей точки зрѣнія вполнѣ понятенъ, такъ какъ очевидно, что частица, обладающая электрическимъ зарядомъ, вслѣдствіе этого именно и будетъ притягиваться частицами того тѣла, сквозь которое проникаетъ и потому, что она съ гораздо большимъ трудомъ будетъ проникать, чѣмъ незаряженная частица,—„Рентгеновъ лучъ“. Я предвижу напередъ упрекъ моему доказательству. Я требую, скажутъ мнѣ, невозможной для здраваго смысла вещи; я требую признанія, что материальныя частицы, отраженные антикатодомъ Рентгеновой трубки, могутъ проникать не только черезъ стекло самой трубки, по и черезъ тѣло человѣка и черезъ цѣлый рядъ другихъ предметовъ. И тѣмъ не менѣе такое предположеніе не только необходимо, но, какъ я покажу, по многимъ соображеніямъ даже весьма вѣроятно.

Въ моей работѣ о катодическихъ лучахъ „Fortschritte d. Kathodenstrahlen, B. I, Seite 188.“), я пытался не только подтвердить Круксову теорію этого рода лучей, но, какъ мнѣ кажется, я показалъ, что *massa* материальныхъ частицъ, составляющихъ эти лучи, гораздо меньше, чѣмъ даже *атомы*, представление о которомъ намъ даетъ химія и электролизъ,—атомы, изъ которыхъ, по нашему представлению состоять молекулы всѣхъ тѣлъ. Укажемъ далѣе на тотъ фактъ, что быстрота движенія частицъ катодическихъ лучей—а по моему и Рентгеновскихъ—чрезвычайно велика, такъ какъ она превосходитъ быстроту материальныхъ молекулъ (а быстрота послѣднихъ тоже не мала) больше, чѣмъ въ 100,000 разъ (ibid. B. I, S. 143); наконецъ обратимъ вниманіе, что поглощеніе Рентгеновыхъ лучей въ гораздо большей мѣрѣ зависитъ отъ соединенія химическихъ атомовъ, чѣмъ молекулъ. Всѣ эти соображенія и факты приводятъ насъ къ необходимости признать, что Рентгеновы лучи, согласно нашей теоріи, проникаютъ не только черезъ промежутки между молекулами, но даже и сквозь самыя молекулы, благодаря чему они, такъ сказать, вступаютъ въ непосредственное соприкосновеніе съ атомами.

Еще одинъ и самый важный аргументъ въ пользу нашего предположенія составляетъ то обстоятельство, что катодические лучи въ этомъ отношеніи фактически именно и являются тѣмъ, что мы здѣсь хотимъ показать и относительно Рентгеновыхъ; существуетъ даже экспериментальное доказательство такого материального проникновенія частицъ. Иначе по крайней мѣрѣ невозможно понять тотъ фактъ, что частицы, составляющія эти лучи, несмотря на присутствіе въ нихъ электрическаго заряда, свободно проходятъ черезъ полую металлическую пластинку, соединенную

проводникомъ съ землею (такъ называемое Ленардово зеркало). Между тѣмъ, допустивъ наше предположеніе, что частицы катодическихъ лучей сами обладаютъ весьма малой величиной и что промежутки между молекулами, составляющими металль, сравнительно такъ велики, что первыя легко сквозь нихъ проходятъ—вышеуказанный фактъ становится совершенно понятнымъ. Итакъ, при каждомъ соприкосновеніи частицы, онъ отдаютъ свой электрическій зарядъ. Но, если это возможно допустить по отношенію къ частицамъ катодическихъ лучей, *заряженныхъ электричествомъ*, то, какъ мы выше уже показали, для *незаряженныхъ* частицъ Рентгеновыхъ лучей это допустимо въ гораздо большой степени.

Наконецъ, укажемъ на то, что въ оптикѣ эаиу приписывается такая способность проникать черезъ тѣла въ весьма обширной мѣрѣ, такъ какъ онъ, по понятіямъ оптики, долженъ проникать сквозь всю толщу нашей земли; между тѣмъ, мы не можемъ понимать эаиу, какъ матерію, лишенную массы, такъ какъ безъ массы онъ не обладалъ бы способности передавать работу. Но если признать послѣднее какъ фактъ, то вся совокупность явлений катодическихъ и Рентгеновыхъ лучей указываетъ на то, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ материальными частицами, которая по величинѣ массы занимаютъ средину между частицей эаира и обыкновенной матеріи—обстоятельство безусловно дѣляющее для насъ особенно интересными частицы катодическихъ и Рентгеновыхъ лучей.

Съ точки зрењія нашей теоріи Рентгеновыхъ лучей, мы легко поймемъ явленіе, извѣстное всякому рентгенографу,— явленіе состоящее въ томъ, что способность прониканія Рентгеновыхъ лучей прямо пропорционально разстоянію искры (Schlagweite) отъ которой они возникаютъ. Какъ я показалъ уже болѣе обстоятельно въ моей работѣ о катодическихъ лучахъ, съ увеличеніемъ разстоянія искры (Schlagweite) въ трубкѣ согласно Круксовой теоріи возрастаетъ также и *скорость* появляющихся въ ней катодическихъ лучей: то же самое по нашему мнѣнію должно имѣть мѣсто и для Рентгеновыхъ лучей, возникающихъ въ той же трубкѣ. Но такъ какъ частица массы Рентгеновскаго луча, проникая сквозь молекулу естественно претерпѣваетъ гораздо болѣе сильное механическое притяженіе, чѣмъ молекулы при дѣйствіи другъ на друга—а сила эта въ твердыхъ тѣлахъ вовсе не мала—то каждая частица нашего луча ускользнетъ отъ этого вліянія только въ случаѣ присутствія въ ней громадной скорости; и конечно, она тѣмъ легче ускользаетъ, чѣмъ ея скорость будетъ больше.

Также легко съ нашей точки зрењія понять разницу въ

влянії Рентгеновихъ лучей на различные физические тѣла, т. е. различную степень поглощениа по слѣдними Рентгеновымиъ лучей. Дѣйствительно, частицы ихъ тѣмъ больше будуть задерживаться молекулами тѣла, чѣмъ больше количество послѣднихъ въ единицѣ объема—другими словами—чѣмъ больше *плотность* тѣла. Да и самъ Рентгенъ въ первой своей работе установилъ что поглощеніе X-лучей „ни отъ какого физического свойства тѣла не зависятъ болѣе, чѣмъ отъ плотности“. Однако же вскорѣ изслѣдованія новыхъ наблюдателей показали, что весьма существенное вляніе въ этомъ отношеніи оказывается также и атомный вѣсъ элементовъ, составляющихъ данное физическое тѣло. Поэтому мы считаемъ необходимымъ разобрать этотъ фактъ съ точки зрѣнія нашей теоріи, и, само собой разумѣется, предварительно выяснить вообще нашъ взглядъ на значеніе атомнаго вѣса, указать, что именно здѣсь является необходимымъ предположеніемъ, съ которымъ придется все равно считаться всякой теоріи Рентгеновыхъ лучей. Что касается нашей теоріи, то мы вполнѣ можемъ привести ее въ связь съ общепринятой гипотезой, согласно которой химический атомъ не представляется наименьшей по размѣрамъ частицей въ природѣ, но состоять изъ нѣкотораго количества частицъ первичныхъ атомовъ; количество послѣднихъ прямо пропорціонально атомному вѣсу. Согласно этой теоріи становится совершенно понятнымъ возрастаніе поглащающей способности элементовъ параллельно росту атомныхъ вѣсовъ, такъ что послѣ всего вышесказанного намъ вѣтъ надобности входить въ болѣе подробныя разсужденія по этому поводу.

Такимъ образомъ наиболѣе важные факты, установленные до сихъ поръ по вопросу о поглощении Рентгеновыхъ лучей, получаютъ вполнѣ удовлетворительное объясненіе съ точки зрѣнія нашей теоріи. Теперь намъ предстоитъ согласовать съ нею новыя наблюденія надъ X-лучами. Для этой цѣли намъ опять таки не придется создавать нового предположенія; такъ съ нашей точки зрѣнія вполнѣ понятна ошибочность всѣхъ попытокъ доказать, что Рентгеновы лучи подчиняются законамъ *преломленія, отклоненія* и даже *поляризации*, подобно обыкновеннымъ лучамъ свѣта. Частицы Рентгеновыхъ лучей можно сравнить съ тучей пуль, летящихъ въ рѣдкій лѣсъ; ясно, что всѣ пули, которыхъ не будутъ отброшены назадъ стволами или отклонены въ сторону, будутъ направляться по прямому направлению. Понятно, что такое сравненіе приводить насъ къ необходимости признать, что наши частицы Рентгеновыхъ лучей, сталкиваясь съ молекулами какого-либо тѣла, претерпѣваютъ значительное отраженіе. Этимъ объясняется, почему часто у насъ діаграфическая и діаскопическая картины страдаютъ отсутствиемъ ясности. Согласно

позднѣйшему открытію Рентгена, въ этомъ фактѣ въ большой мѣрѣ участвуютъ даже частицы окружающаго насъ воздуха. Затѣмъ обратимъ вниманіе, что отраженіе въ этомъ случаѣ происходитъ вполнѣ *разсѣянное*, т. е. даже частицы, отраженные по *одному и тому же* направленію, разбрасываются отражающей молекулой *во все стороны* — фактъ вполнѣ понятный, если принять во вниманіе неизмѣримо меньшую величину частицъ Х-лучей по сравненію съ величиной обыкновенныхъ молекулъ воздуха.

Но убѣдительнѣе всего за правильность нашей теоріи говорить соответствующіе факты, имѣющіе отношеніе къ *катодическому* лучамъ. Такъ какъ катодические лучи, согласно нашей теоріи, состоять изъ тѣхъ-жъ частицъ, какъ и Рентгеновы, то мы для нихъ вправѣ ожидать вполнѣ аналогичной формы разсѣянія лучей при ихъ отраженіи, — съ той лишь разницей, что интенсивность явленія при катодическихъ лучахъ должна быть гораздо значительнѣе, такъ какъ, вслѣдствіе ихъ электрическаго напряженія, они съ одной стороны сильнѣе притягиваются атомами матеріи, а съ другой стороны и сильнѣе отражаются, чѣмъ незаряженныя электричествомъ частицы Рентгеновыхъ лучей. Такимъ образомъ мы здѣсь встрѣчаемся съ явленіями, совершенно аналогичными съ тѣми, которыя имѣютъ мѣсто по отношенію къ *газообразнымъ* тѣламъ, что уже давно доказано прекрасными опытами Ленарда, который впервые пропустилъ при помощи алюминіеваго окошка катодические лучи черезъ стѣнки трубки въ атмосферу и констатировалъ поразительное свойство этихъ лучей разсѣиваться при отраженіи. Тотъ фактъ, что катодические лучи обнаруживаютъ сильное разсѣяніе при отраженіи отъ твердыхъ тѣлъ, мы наблюдаемъ постоянно при опытахъ съ нашими трубками, обладающими фокусомъ. Сильная фосфоресценція въ одномъ концѣ трубки объясняется отраженіемъ и разсѣяніемъ на антикатодѣ катодическихъ лучей, а вовсе не самостоятельно проникающими черезъ стекло Рентгеновыми лучами, какъ большинство полагало до сихъ поръ.

Взглядъ, высказанный нами и развитый теоретически въ первоначальной статьѣ, получаетъ между прочимъ очень важное подтвержденіе въ одновременно появившихся двухъ совершенно самостоятельныхъ работахъ Starke и Merritt'a. Первый показалъ, что лучи, дающіе начало фосфоресценціи, заряжены *отрицательнымъ* электричествомъ, а второй дополнилъ это наблюденіе указаніемъ на свойство этихъ лучей *отклоняться подъ вліяніемъ магнита*, — свойства, присущія только катодическимъ лучамъ, а не Рентгеновымъ.

Самъ я заключилъ о существованіи этихъ свойствъ на основаніи факта разсѣянного отраженія катодическихъ лучей отъ

антикатода, но главнымъ образомъ я исходилъ и изъ другаго обстоятельства: сильно фосфоресцирующая часть стѣнки нашей стеклянной трубки обнаруживаеть не только фосфоресценцію, но и сильное Рентгеново лучеиспусканіе, а это согласно моей теоріи указываетъ на потері частицами катодического луча электрическаго заряда, а катодические лучи могутъ здѣсь появиться естественно только какъ отраженные антикатодомъ.

Всѣ эти заключенія кажутся мнѣ тѣмъ болѣе вѣроятными, что весьма сильное разсѣяніе, пріобрѣтаемое, какъ извѣстно, положительныиъ электричествомъ внутри трубки, проникаетъ сквозь ея стѣнки; это позволяло напередъ ожидать, что не все отрицательное электричество нейтрализуется на антикатодѣ, куда попадаетъ вмѣстѣ съ катодическими лучами съ катода; напротивъ того, ихъ нейтрализациѣ происходитъ въ значительной мѣрѣ на внутреннихъ стѣнкахъ самой трубки. Далѣе я бы могъ указать еще на то, что въ трубкахъ, въ которыхъ разрѣженіе воздуха доказано до большой степени, эта нейтрализациѣ не можетъ произойти вслѣдствіе отскакиванія отраженныхъ отъ антикатода частицъ катодическихъ лучей по направленію къ стѣнкамъ трубки; такъ какъ въ такихъ трубкахъ части, лежащія позади антикатода, сами начинаютъ проявлять сильную фосфоресценцію и Рентгеново лучеиспусканіе. Въ послѣднемъ легко убѣдиться при помощи экрана изъ платиновосинеродистаго барія. Диаграфическія свойства трубки естественно страдаютъ вслѣдствіе этого, такъ что слѣдуетъ всегда стараться о томъ, чтобы первоначальный пучекъ катодическихъ лучей уже на самомъ антикатодѣ нейтрализовался, т. е. обратился въ Рентгеновы лучи¹⁾.

1) Я бы еще могъ замѣтить, что даже въ лучшихъ трубкахъ на антикатодѣ всегда находится избытокъ отрицательного электричества, вслѣдствіе чего онъ становится какъ бы вторичныиъ катодомъ, самостоятельно развивающими катодические лучи. Это то и служитъ причиной того, что въ нашихъ Рентгеновыхъ трубкахъ платина антикатода такъ быстро расходуется, а сами трубки все болѣе лишаются воздуха, находящагося въ нихъ, какъ это показалъ Wild. Причиной этого явленія нельзя считать токи, получаемые при замыканіи индукторовъ; въ этомъ легко убѣдиться, воспользовавшись вѣ качествомъ анода для опыта вспомогательнымъ алюминиевымъ анодомъ трехконечной трубы. Такъ какъ при такомъ опыте замыкающій токъ индуктора не вліяетъ на платину антикатода, то по теоріи Wild'a не слѣдовало бы ждать образования пустоты въ трубкѣ. На самомъ-же дѣлѣ пустота въ данномъ случаѣ еще быстрѣе образуется, чѣмъ при нормальной вставкѣ въ цѣль. Это, по нашему мнѣнію, объясняется легко тѣмъ, что антикатодъ, связанный съ положительнымъ полюсомъ только косвенно черезъ воздухъ, находящійся въ трубкѣ и черезъ ея стеклянныи стѣнки, естественно еще легче получаетъ избытокъ отрицательного электричества и слѣдовательно обнаруживаетъ болѣе сильное катодическое свѣченіе, чѣмъ при непосредственномъ соединеніи анода съ индукторомъ.

Всѣ эти заключенія, получивъ въ вышеупомянутыхъ экспериментальныхъ работахъ полное подтвержденіе, разсмотрѣны мною съ точки зрѣнія предлагаемой теоріи и читатель согласится, что она обнаружила довольно значительную „эвристическую“ способность, въ чемъ и заключается существенная цѣнность всякой теоріи.

Но возвращаясь все-таки вновь къ обоснованію нашей теоріи, мы укажемъ еще и на другія свойства Рентгеновыхъ лучей, могущія послужить намъ сильной опорой. Г. Вильяръ давно уже замѣтилъ, что экранъ иѣтъ платиновосинеродистаго барія, по прошествіи нѣкотораго времени воздействиія на него Рентгеновыхъ лучей, проявляеть, такъ сказать, *усталость*, совершенно также, какъ стеклянныя стѣнки кружковой трубки послѣ нѣкотораго периода бомбардированія ихъ катодическими лучами. Однако-же слѣдуетъ упомянуть, что въ обоихъ случаяхъ *усталость* эта по истеченіи нѣкотораго времени опять пропадаетъ. Эти явленія очень ясно указываютъ на близкое родство обоихъ родовъ лучей, о которыхъ мы ведемъ рѣчъ, если только рассматривать ихъ съ точки зрѣнія нашей теоріи; съ точки-же зрѣнія эзирной теоріи близость эта совершенно необъяснима. Въ высшей степени интересно открытие г. Вильяра (Villard), состоящее въ томъ, что дѣйствіе X-лучей на фотографическую пластинку съ примѣненіемъ умѣреннаго, но продолжительнаго вліянія свѣтовыхъ лучей, получаетъ отражательный характеръ, такъ что путемъ удачнаго выбора периода рентгенізаціи можно получить не только *негативъ* рентгеновской фотографіи, но прямо *позитивное изображеніе* на пластинкѣ. Но это открытие, по моему мнѣнію, ни въ какомъ случаѣ не говорить за близость между X-лучами и лучами обыкновеннаго свѣта, что при первомъзнакомствѣ съ открытиемъ многимъ можетъ показаться весьма вѣроятнымъ. Дѣло въ томъ, что если-бъ это было такъ, то мы должны были бы получить сходный результатъ при обратной постановкѣ опыта, т. е. негативъ, обыкновеннымъ путемъ полученный, долженъ-бы бытъ при соотвѣтствующей обработкѣ Рентгеновыми лучами превращаться въ позитивъ.

Мои опыты не подтверждаютъ этого, такъ что открытие Вильяра скорѣе указываетъ на различіе, а не на сходство въ природѣ обоихъ родовъ лучей. Что-же касается вліянія Рентгеновыхъ лучей на фотографическую пластинку, то его легко объяснить съ точки зрѣнія нашей теоріи „бомбардированія“. Стоитъ лишь вспомнить, что согласно нашему толкованію летающія въ этихъ лучахъ частицы прорываются черезъ молекулы тѣла, при чемъ, сталкиваясь съ послѣдними, онѣ приводятъ въ движение пе всю молекулу, по лишь отдѣльные ея атомы. Понятно, что слабая связь, возникающая между этими частицами и молекулами тѣла,

легко нарушается. Точно также наша теория легко объясняет и тот фактъ, что X-лучи, сталкиваясь съ молекулами воздуха, „ионизируют“ ихъ, т. е. разбиваютъ ихъ на части, снабженныя различнымъ электричествомъ.

Особенное значеніе приобрѣтаетъ наша теория тѣмъ, что даетъ въ высшей степени удобное объясненіе для того извѣстнаго факта, что способность возбуждать фосфоресценцію въ гораздо большей степени свойственна катодическому члѣму Рентгеновыемъ лучамъ. Для насъ это вполнѣ понятно: появленіе Рентгеновыхъ лучей обусловливается вліяніемъ одного лишь удара ихъ, между тѣмъ какъ катодические лучи возникаютъ еще благодаря присутствію въ нихъ электрическаго заряда.

Въ концѣ концовъ укажемъ, что даже фактъ вреднаго вліянія X-лучей особенно сильно подтверждаетъ нашъ взглядъ, такъ какъ само собой понятно, что такое настойчивое обстрѣливаніе человѣческаго тѣла матеріей X-лучей не можетъ быть безвреднымъ. Конечно, этотъ вредъ былъ бы гораздо значительнѣе, принимая во вниманіе необыкновенную скорость движенія этихъ частицъ, если-бы масса ихъ была не такъ мала.

Послѣ всего сказаннаго я считаю себя вправѣ утверждать, что всѣ важнѣйшіе факты, касающіеся X-лучей, легко объясняются съ точки зрѣнія моей теоріи и принятіе послѣдней тѣмъ легче, что она не противорѣчитъ Круксовой теоріи катодическихъ лучей.

Б. Вальтеръ. Переводъ *O. Минора.*

О чём повествуетъ лѣсъ.

(Окончаніе).

VIII.

Огромное пространство времени, протекшее отъ зачатія жизни на землѣ до появленія человѣка, подраздѣляется геологами на три отдѣла, которые относятся другъ къ другу такъ, какъ въ исторіи человѣчества древніе вѣка относятся къ среднимъ, а эти послѣдніе къ новымъ; каждый изъ этихъ отдѣловъ длился тысячи лѣтъ.

Въ періодъ, аналогичный древней исторіи человѣчества, названный геологами первичнымъ или палеозойскимъ, господствовалъ на всей землѣ вплоть до полярного круга равномѣрный влажныій, жаркій климатъ, соотвѣтствующій климату экваторіального пояса. Поверхность земли была гладка, какъ поверхность моря, морщины и складки нашихъ теперешнихъ горныхъ цѣпей образовались лишь позднѣе.

Самые ранніе слѣды жизни доказываютъ, что тогда разстипалось безбрежное море; оно было населено низшими животными всѣхъ родовъ: морскими губками, кораллами, раковинами, морскими лиліями и звѣздами, ракообразными и головоногими, которые, подобно кораблику (*Nautilus*), живутъ въ многокамерныхъ, прямыхъ или изогнутыхъ въ видѣ рога раковинахъ. Животный міръ завершается странными акулами, панцирными рыбами и осетрами.

Нѣть еще теплокровныхъ; въ атмосфѣрѣ, пресыщенной угле кислотой, они, вѣроятно, не могли жить. Отъ растеній этого первичнаго періода не сохранилось почти никакихъ слѣдовъ; нельзя думать, чтобы они поднялись на болѣе высокую ступень, чѣмъ та, на которой находятся морскія водоросли, которая и понынѣ служить главными представителями морской флоры. Это была эпоха таллофитовъ, т. е. слоецвовыхъ.

Наконецъ, надъ морской поверхностью выступаютъ плоскіе

острова въ видѣ ровныхъ лѣсныхъ болотъ. На молодомъ материикѣ растительный міръ уже въ состояніи сдѣлать нѣсколько шаговъ впередь; изъ нижнихъ сферъ таллофитовъ—водорослей—они подымаются на ступень высшихъ тайнобрачныхъ—мховъ, папоротниковъ, а отъ нихъ—голосѣмянныхъ, которые по внѣшности хотя и похожи на явнобрачныхъ, но у которыхъ органы размноженія еще не украшены цвѣтами и обнаженные сѣмена держатся на сѣмянной ножкѣ.

Какъ ни мало совершенна организація этой растительности, все-же она развивается съ такой жизненностью и полнотой, какая съ тѣхъ поръ никогда ужъ не повторялась. Теперь впервые солнце проглянуло сквозь густой туманъ, который облекать теплое море силурійского и девонскаго періодовъ; лучи его работаютъ теперь съ полной энергией надъ зелеными клѣточками растительнаго царства и выдѣляютъ изъ атмосферной углекислоты въ органическихъ соединеніяхъ углеродъ, который мы теперь находимъ въ громадныхъ залежахъ каменнаго угля въ Новомъ и Старомъ Свѣтѣ.

Если бы какимъ либо чудомъ одинъ изъ нашихъ естествоиспытателей попалъ въ тотъ періодъ времени, онъ подумалъ бы, что попасть на другую планету; такъ странно чуждѣ, такъ различенъ ото всего земного былъ видъ тогдашняго ландшафта.

На неизмѣримое пространство, на цѣлые сотни квадратныхъ миль, раскидываются болота, поверхность ихъ покрыта густымъ лѣсомъ папоротниковъ съ красивыми перистыми листьями; на озерахъ, чередующихся съ болотами, плаваютъ сфеофиллы, съ клинообразными разрѣзными листами. Надъ водой порхаютъ исполинскіе муравьиные львы и набрасываются на пауковъ, жуковъ, таракановъ и саранчу, единственныхъ обитателей этихъ уединенныхъ странъ. На берегахъ озеръ разстилается своеобразный лѣсъ; здѣсь высятся огромныя, достигающія отъ 20 до 40 метровъ вышины стволы въ видѣ колоннъ, по которымъ тянутся борозды, и на поверхности которыхъ расположены красивыя пластинки продольными клѣточками или винтообразными линіями, а вершины которыхъ украшены многократно повторяющимися развѣтвленіями. Они всѣ имѣютъ длинные, узкіе листья, похожіе на хвои или на листья камыша, которые на концѣ вилообразныхъ сучьевъ образуютъ зеленую листву; красивыя на рѣзки на стволахъ ничто иное, какъ рубцы отъ опавшихъ листьевъ. Вместо цвѣтовъ у нихъ шишкі, похожія на еловыя, вместо сѣмянъ они производятъ лишь мелкозернистые споры; сигилларіи, каламоденды и ленидофидроны—вотъ преобладающія лѣсныя породы, давно вымершія формы которыхъ имѣютъ лишь отдаленное сходство съ драконовыми деревьями, съ ихъ вилообразными сучьями и съ

древовидными травами, по все-же всѣ они принадлежать къ классу высшихъ тайнобрачныхъ и родственны папоротникамъ и плавнамъ. Многочисленные древовидные папоротники развиваются, подобно папоротникамъ нашихъ временъ, свои изящныя лиственные метлы изъ почекъ, свернутыхъ винтообразно на верхушкѣ стройныхъ стержней. Классъ голосѣмянныхъ вступилъ лишь въ первую стадію развитія; представителями цикадовыхъ служить вымершій родъ кордайтовъ, исполинскіе стволы которыхъ сохранились ввидѣ окаменѣлыхъ лѣсовъ, и хвойныя впервые появляются въ лѣсахъ, но и ихъ представители принадлежать къ вымершимъ первобытнымъ породамъ. Жуткое безмолвіе царитъ въ этихъ лѣсахъ; однообразная зелень ихъ не разнообразится ни единой свѣжей былинкой, ни единымъ нестрымъ цвѣткомъ. Въ нихъ не шумятъ листья отъ вѣтра, не порхаютъ бабочки и пчелы, не щебечутъ птицы, не ломится сквозь чащу четвероногое животное. Острому зрѣнію графа Каспара фонъ Штернберга, А. Броньяра Геппера, Вильямсона, Грандъ Эри (Grand' Eury) и Рено (Renault) удалось изъ окаменѣлыхъ стволовъ, нѣжныхъ отисковъ листьевъ и остатковъ, сохранившихся въ пластахъ каменнаго угля, воссоздать эту эпоху высшихъ тайнобрачныхъ, гдѣ первобытная флора съ роскошью, но и съ однообразіемъ, не имѣющими ничего себѣ подобнаго, царила въ древнихъ материкахъ отъ Гренландіи и Шпицбергена до южнаго Китая, и пересахнувъ черезъ экваторъ, достигала Капланда и Австраліи ⁵¹⁾.

IX.

Средніе вѣка земного шара, вторичная или мезозойская эпоха, была переходной эпохой. Лѣсье все еще состоить исключительно изъ древовидныхъ тайнобрачныхъ и голосѣмянныхъ лиственные деревья и цвѣты еще отсутствуютъ, но древнія породы древовидныхъ тайнобрачныхъ все болѣе и болѣе отходяте на задній планъ и постепенно вымираютъ; тѣмъ роскошнѣе и разнообразнѣе развиваются голосѣмянныя которыя служатъ представителями этой эпохи.

Среди Кхвойныхъ появляются новые виды, которые также почти ужъ исчезли съ лица земли. Появляются и первые представители живущихъ еще и понынѣ гингко, араукарій, кипарисовъ и елей. Господствующія характеристическая черты этой эпохи, выражаются въ самыхъ красивыхъ и разнообразнѣйшихъ формахъ и сортахъ, это цикадовыя, которыя чудеснымъ образомъ сходны съ древовидными папоротниками, и соединяютъ перистую корону пальмъ съ шишками хвойныхъ.

По сравненію съ роскошью лигнитового периода раститель-

ность кажется теперь болѣе скудною; климатъ все еще теплый, но вмѣсто частыхъ ливней, вызывавшихъ обиліе растеній въ лигнитовомъ періодѣ, теперь господствуетъ сухость. Въ сѣверномъ полушаріи море распространялось надъ міромъ острововъ палеозойской эпохи, подобно нынѣшнимъ тропическимъ морямъ, оно изобиловало животными всякаго рода: могучіе Аммоновы рога плыть по волнамъ, раковины образуютъ мели, тянущіяся на цѣлые мили, а коралловыя животныя строятъ рифы въ тысячу метровъ; исполинскіе ящеры (*Sauri*) тиранически господствуютъ надъ морями, а по сравненію съ ними наши крокодилы казались бы карликами - эпигонами. Въ южномъ полушаріи, тамъ, гдѣ нынѣ три части свѣта, а именно изъ Старого Свѣта — Африка, а изъ Новаго — южная Америка и Австралия выставляютъ свои трехугольныя оконечности противъ южного полюса тогда протягивались, а можетъ быть и еще за зоны лѣтъ раньше или позже тянулся громадный материкъ чрезъ южный полюсъ, Антарктика, который связывала Патагонію и Огненную землю съ Капской землей и западной Австралией; Тасмания, новая Зеландія, Мадагаскаръ и острова Тихаго, Индійского и Южного Ледовитаго океана были полуостровами или смежными архипелагами этого утонувшаго материка. Флора всего южного полушарія обязана ему своими своеобразными формами, которыми она отличается такъ рѣзко отъ растительности южного полушарія.

Къ концу этой эпохи въ растительности замѣчается огромный шагъ впередъ, который она сдѣлала по сравненію съ первоначальными формами. Наука до сихъ поръ не въ силахъ дать объясненія, почему не раньше этого періода, въ который образовались песчаники саксонскихъ и баварскихъ горъ и выступили изъ морей верхняя мѣловыя формациіи, зародыши высшей организаціи, которые дремали безконечно долгое время въ растительномъ царствѣ, теперь вдругъ сразу стали развиваться и достигли высшихъ ступеней метаморфозъ. Теперь начинается вѣкъ покрытосѣмянныхъ который длится до нашего времени; теперь появляются впервые въ сѣверной Америкѣ, затѣмъ и въ Португалии и въ другихъ странахъ восточного полушарія первыя растенія съ совершенными цвѣтами и плодами, однодольные и двудольные. Одновременно съ первыми лиственными деревьями своеобразными тополями, вербами, дубами, платанами, лаврами, мirtами, магноліями и тюльпановымъ деревомъ, появляются пальмы и травы; число ихъ постоянно увеличивается; съ этого времени начинается борьба между лиственными и хвойными лѣсами, въ которой младшая раса шагъ за шагомъ одерживаетъ побѣду. Древнія породы цикадовыхъ, араукарій и другихъ подобныхъ растеній вымираютъ или вытѣсняются въ болѣе изо-

лированныя мѣстности, по большей части на острова южного полушарія. Міръ тайнобрачныхъ пересталъ служить отличительной чертой европейской флоры, онъ принимаетъ скромное участіе въ общей картинѣ лишь въ небольшихъ папоротникахъ, хвощахъ плаунахъ, мхахъ и лишайникахъ.

X.

Но лишь въ третичной или неозойской эпохѣ исторіи земли, которую можно сравнить съ новѣйшимъ періодомъ всемирной исторіи, растительность все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ характеръ, которымъ она отличается въ наше время. Сначала лишь семейства походили на нынѣшнія, вскорѣ и отряды; наконецъ, стали встрѣчаться и тѣ виды, которые и понынѣ, хотя и не всегда на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, входятъ въ составъ нашей флоры. При этомъ растительность становится снова роскошною и разнообразною, такъ что, по сравненію, и богатѣйшая флора нашего времени кажется бѣдной.

Но растительность нашихъ временъ лишь весьма постепенно развивается въ отдѣльныхъ районахъ земли; и развитіемъ этимъ управляетъ замѣчательный законъ, который дополняетъ наши прежнія наблюденія. То-же согласіе въ климатѣ и различныхъ формахъ растеній, которое мы замѣчаемъ въ поясахъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ, и въ различныхъ высотахъ, слѣдующихъ одна надъ другою, повторяется и въ слѣдованіи одной геологической эпохи за другой. Лѣсь германскій тоже пережилъ тропическій, умѣренно-жаркий и теплый періодъ, прежде чѣмъ принялъ характеръ болѣе умѣреннаго климата; подобная послѣдовательность существовала, какъ это доподлинно известно, и во всѣхъ климатическихъ поясахъ, до самаго полюса.

Подобно тому, какъ историкъ, повѣствую о болѣе новыхъ временахъ, отличаетъ періоды Карла V, Елизаветы Англійской, Людовика XIV, Фридриха Великаго, Наполеона I и т. д., которые, чѣмъ ближе стоять къ нашимъ временамъ, тѣмъ болѣе соглашаются по характеру съ характеромъ новѣйшей эпохи,—такъ и геологъ дѣлить третичную эпоху на ступени, изъ которыхъ древнѣйшая, остроумно прозванная „утренней зарей нового времени“ *эоценовая*, какъ по климату, такъ равно и по растительности, больше всего отличается отъ нашей эпохи.

До мѣлового періода по всей нашей землѣ господствовалъ однообразный тропический климатъ, а потому и флора — начиная съ полюсовъ до экватора — была однородна; затѣмъ полюсы стали охлаждаться и въ климатѣ и растеніяхъ замѣчается различіе, смотря по поясамъ, что до наступленія этихъ среднихъ вѣковъ

геологіи вовсе не было замѣтно. Но жаркій поясъ былъ ближе къ полюсамъ, чѣмъ въ наше время; южно-европейскія, страны, которыя теперь принадлежать умѣренно-жаркому поясу, имѣли характеръ тропического пояса; страны, лежащиа у сѣвернаго полюса, отличались климатомъ умѣреннаго пояса.

Въ послѣдующія эпохиолого—ценовую и міоценовую—флора Европы, состоя изъ тропическихъ растеній и растеній холоднаго пояса, принимаетъ тотъ смѣшанный характеръ, который мы и понынѣ встрѣчаемъ на островахъ Мадейрѣ и Канарскихъ и называемъ субтропическимъ. Янтарные деревья, зеленѣвшія, вѣроятно, на берегу Скандинавіи у Балтійскаго моря, на берегу, нынѣ погрузившемся въ воду, хотя и состояли изъ хвойныхъ деревъ, родственныхъ нашимъ соснамъ, но драгоценная смола, вытекавшая изъ ихъ дуплистыхъ стволовъ, покрытыхъ лишайниками, мхомъ и печеночными мхами, а также древесной губкой (трутомъ), содержитъ многочисленные листья, цветы и плоды, изъ чего яствуетъ, что тогда существовали болотные кипарисы и глиптостробы, дубы, каштаны и буки, маслины и коричневая деревья, магноліи, дейціи, чайные кустарники, вѣрнныя и перистыя пальмы и множество другихъ деревьевъ и цветовъ, составляющихъ картину флоры, вродѣ той, которую мы нынѣ видимъ въ Японіи.

На островахъ полярнаго моря въ тѣ времена красовались смѣшанные лѣса умѣренно-холоднаго пояса, состоящіе изъ лиственныхъ и хвойныхъ деревъ.

Позднѣе, въ пліоценовую эпоху, и на югѣ Европы стали исчезать тропические виды растеній; послѣдняя тропическая растенія исчезаютъ здѣсь во время дилювіальной эпохи, богатой глетчерами, и бывшей непосредственной предшественницей нашей эпохи.

Восхитительную картину представлялъ германскій лѣсъ въ міоценовую эпоху, въ эпоху лѣсовъ, давшихъ бурый уголь (лигнитъ). Вдоль сѣверной подошвы Альпъ, которая лишь постепенно возвышается надъ поверхностью моря, тянется Средиземное море; надъ его поверхностью высится многочисленные острова и полуострова, на которые цѣлые цѣпи вулкановъ изрыгаютъ свою огненную лаву и бѣлый пепель. Теперьшнее Средиземное море представляло въ ту эпоху почти сплошную сушу, широкій перешеекъ соединяя Европу съ Африкой.

Тогда въ германскомъ лѣсу можно было встрѣтить почти всѣ тѣ-же виды деревьевъ и кустарниковъ, которые и нынѣ разсѣяны повсемѣстно; по сравненію съ ними, среднеевропейскій лѣсъ настоящей эпохи кажется однообразнымъ и бѣднымъ; лишь въ роскошныхъ лѣсахъ Сѣверной Америки и Восточной Азіи мы встрѣчаемъ нечто подобное. Хотя въ лигнитовыхъ лѣсахъ

и исчезли многія тропическія породы—бананы, панданы, драконовыя деревья, черное дерево и шерстяное дерево, нѣкогда зеленѣвшіе на европейской почвѣ, но все же рядомъ съ вѣчно зелеными дубами, широколистенными магноліями и аралиями, камфорными и коричневыми деревьями, лаврами, сассафрасомъ появляются и яркія мимозы, съ ихъ нѣжной кружевной листвой, и чудно-перистые рожки, божьи деревца, терпентинное дерево. Но тутъ же растутъ и обыкновенный дубъ со своими лапчатыми листьями, хмѣль, букъ, тюльпанное дерево, амбровое дерево, благородные и дикіе каштаны, вязъ, кленъ, липа, платанъ, орѣхъ, крапивное дерево; многочисленны также различные виды тополей, ольхи, ивы и березы. Но особенной роскошью формъ отличается хвойный лѣсъ, состоящій изъ кипарисовъ, сосенъ и елей; рядомъ съ ними возвышается мамонтовое дерево Калифорніи, кедръ чилійскій, сандараковое дерево Атласскихъ горъ, виддрингтанія Капланда, гінкго и глиптостробъ Японіи и туземное розовое дерево; на болотистой подпочвѣ царствуетъ болотистый кипарисъ, который въ наше время встречается лишь на низменностяхъ Миссисипи. Густая сѣнь лѣсовъ переплетена плющемъ и дикимъ виноградомъ, лѣснымъ виноградомъ и аристолохіями, вьющимся папоротникомъ и остролистной ивой; мелкій лѣсъ стоитъ одновременно изъ гранатовыхъ и миртовыхъ кустарниковъ центральныхъ странъ, протеацій Ново-Голландіи и акацій, пѣт чилійскихъ кустарниковъ Comptonia, изъ европейской калины, изъ терна, лещины и колючей крутины; берега озеръ, на которыхъ растутъ водяные розы и лотосы, водяные орѣхи и сальвиніи, окаймлены касатикомъ, камышемъ, ирнѣмъ корнемъ и кицарисной травой, ивами и олеандрами; мѣстами надъ ними поднимаются вѣренія пальмы, а высокая финиковая пальма на заднемъ планѣ высиится со своей перистой короной. Масса цветовъ и травъ всѣхъ возможныхъ видовъ впервые украшаютъ разноцвѣтнымъ ковромъ почву; молодой лѣсъ оживляется бабочками и жуками, появившимися одновременно съ цветами: они служать носителями цветочной пыльцы, находя въ то же время пищу на этихъ-же растеніяхъ. Вообразимъ себѣ еще къ тому, что раздаются голоса птицъ, привѣтствующихъ впервые міръ, что раздѣлъ стада гигантскихъ травоядныхъ, тоже развившихся одновременно съ растительнымъ міромъ и пасущихся на роскошныхъ лѣсныхъ лугахъ, тапиры, динотеріи, слоны и носороги, олени, жирафы, газели и предки лошадей и рогатого скота—и мы получимъ яркую картину третичнаго периода, картину, которую сумѣли воскресить и изобразить Унгеръ, Освальдъ Гееръ, графъ Сапорта, и за точность которой ручаются дерево, листья, цветы и плоды, которые въ огромномъ количествѣ добываются

изъ слоевъ лигнита и глины. Удивительнѣе всего то, что въ эту эпоху даже въ Шпицбергенѣ и Гренландіи, до 81° сѣв. шир. встрѣчались подобные хвойные лѣса вспремежку съ лиственными, съ платанами, буками, дубами, каштанами и орѣхами, и лишь вѣчно зеленый лавръ и пальмы отсутствовали тамъ⁵⁵⁾.

XI.

Но наступило время, когда все это великолѣпіе окоченѣло подъ ледяной корой. Уже въ третичную эпоху Гренландія и острова Ледовитаго моря носили на себѣ признаки постепенного охлажденія, а послѣ этого всякая жизнь погибла подъ ледяной корой, простирающейся на сотни метровъ; все дальнѣе и дальнѣе распространялся ледяной покровъ къ югу. Весь Скандинавскій полуостровъ отъ Нордкапа до датскихъ мѣловыхъ скаль исчезъ подъ покровомъ льда, какъ теперь Гренландія, и ледъ этотъ наполнялъ фюорды, а глетчеры его плыли далеко въ море; то же случилось и съ Великобританіей⁵⁶⁾.

Высокая горная цѣнь плоскогорія, поднявшаяся постепенно во время лигнитового периода до снѣговой полосы, начиная отъ Пиреней до Кавказа и южно-сибирскихъ горъ, даже горы центральной Франціи и Германіи покрылись глетчерами. Съ вершинъ Альп глетчеры спускались все ниже и ниже и разстилались далеко въ долины. Рейнскій глетчеръ покрылъ Баденское озеро до Базеля, Ронскій глетчеръ — потянулся по Лаго-Маджюре и по озеру Комо до Милана и Туриніа.

Много существуетъ доказательствъ того, что Скандинавское глетчерное море, постоянно возрастаю, проникло по Балтійскому морю до южныхъ береговъ, затѣмъ покрыло ледяной корой низменности сѣверо-германскія и сѣверо-русскія, отъ устьевъ Шельды до Урала, и распространилось даже до подошвы средне-германскихъ горъ.

Затѣмъ ледъ снова отхлынуль къ сѣверу, когда наступили болѣе теплые и сухіе годы, но лишь для того, чтобы еще нѣсколько разъ, возрастаю при перемѣнѣ временъ года, снова завладѣвать покинутой территоріей. Что оставалось въ тѣ времена въ Европѣ свободнымъ ото льда, погибло отъ вліянія полярнаго климата, наступившаго вмѣстѣ съ ледянымъ периодомъ; вѣчно зеленые лиственные лѣса замерзли и были замѣнены однообразнымъ хвойнымъ лѣсомъ и тундрой⁵⁷⁾.

Уже въ тѣ времена, когда у подошвы Альп росли пальмы, драконовыя и коричневыя деревья, растительность ихъ, по мѣрѣ медленнаго поднятія почвы, распадалась на различные пояса. Всѣ породы, которыя были въ силахъ примѣниться къ суровому гор-

ному климату, поднялись по склонамъ вверхъ, измѣнили образъ жизни и форму и приняли характеръ субъ-альпійской и альпійской флоры. На сибирскихъ плоскогоріяхъ, когда почва промерзла до значительной глубины, рано развилась арктическая растительность. Когда же полярный климатъ распространился и на широты умѣренного пояса, то многія растенія спустились съ альпійскихъ вершинъ вмѣстѣ съ глетчерами глубоко въ долины; и въ Сибири арктическая флора, сообразуясь съ охлажденіемъ климата, спустилась на югъ по направленію къ Европѣ. И вотъ въ нашихъ горахъ вмѣсто замерзшей субтропической флоры поселились арктическія сосны, ели, осины, березы, лиственницы, высокіе цвѣтущиye кустарники и низкорослый ивнякъ, можжевельникъ, и верескъ; у подошвы съверогерманского глетчера цвѣли тогда, какъ нынѣ на Шпицбергенѣ, съверная карличная береза, травянистая ива, арктическая камнеломка, восьмилистивенный дріасъ, англійскій первоцвѣтъ и другія альпійскія растенія, миловидныя, малорослые, точно дернъ, съ крупными цвѣтами, на высокихъ цвѣтоножкахъ. Вмѣстѣ съ ними переселились и животныя, свойственныя крайнему съверу; мускусный быкъ, съверный олень, олень, росомаха, леммингъ, бѣлый медвѣдь двинулись къ югу до подошвы Альпъ, послѣ того какъ слоны, носороги, гиппопотамы, газели, львы, гіены, крокодилы и человѣкообразныя обезьяны, нѣкогда обитавшиye тутъ въ лигнитовый періодъ, передъ наступленіемъ ледяного періода ушли въ Африку,—гдѣ и по наши дни сохранились, хотя не тѣ самые виды, но близко родственные имъ. Часть субтропической третичной флоры нашла себѣ убѣжище въ умѣренномъ поясѣ Средиземного моря и Канарскихъ острововъ, гдѣ процвѣтаетъ и до сихъ поръ; большая часть сохранилась въ Сѣв. Америкѣ, въ Китаѣ, въ Японіи, гдѣ нашли убѣжище бѣгущія отъ холода ледниковаго періода растенія, въ то время какъ въ центральной Европѣ и Азіи они натолкнулись на непреодолимое препятствіе въ видѣ цѣпи глетчировъ, идущихъ съ востока на западъ горныхъ цѣней⁶⁸).

Но и ледниковый періодъ миновалъ; въ равнинахъ средней Европы глетчеры постепенно растаяли; Нѣмецкое и Балтійское моря освободились отъ своей ледяной коры, уровень ихъ былъ выше чѣмъ въ наши времена, а потому вода наводнила часть низменностей⁶⁹). За холоднымъ, обильнымъ снѣгомъ климатомъ, царствовавшимъ столько лѣть въ съверномъ полушаріи и вызвавшимъ чрезмѣрный ростъ глетчировъ, послѣдовалъ сухой, теплый періодъ. Вода оттаявшаго льда, заставившая рѣки выйти изъ береговъ, постепенно начала спадать, почва высохла и обратилась въ сухую степь, прерываемую лишь на берегахъ рѣкъ рѣдкими лѣсами, а на влажной почвѣ—торфяными болотами.

Тамъ, гдѣ высохшее морское дно было еще пропитано солью, оно обросло растеніями понтійскихъ солончаковъ, которые и понынѣ занимаютъ все пространство, нѣкогда покрытое водой, между Каспійскимъ и Аральскимъ морями. Но когда, вслѣдствіе дождей и наводненій, почва равнинъ утеряла всю соль, солончаковыя растенія не находились уже въ условіяхъ, пригодныхъ для ихъ роста; они постепенно вымерли, такъ какъ могли найти необходимую для ихъ питанія соль лишь на берегу моря и на отдаленныхъ мѣстахъ, на которыхъ бывутъ соляные источники; вотъ почему и теперь вблизи соляныхъ источниковъ и озеръ мы встрѣчаемъ тѣ же растенія, что у береговъ моря; это забытые часовые, оставившіе позади себя внутреннее море⁶⁰).

Въ то время какъ солончаковыя растенія и растенія морского побережья начали исчезать, растенія песчаныхъ равнинъ, степныя травы и колючіе кустарники еще долгое время благоденствовали на почвѣ Германіи; съ ними переселились на западъ и животные азіатскихъ степей, дикая лошадь и сайга, степные сурки, степные лисицы, землеройка, суслики, степная курочка⁶¹).

Наконецъ климатъ средней Европы, такъ долго колебавшійся между двумя крайностями, уравновѣсился, и стала ни слишкомъ холоднымъ, ни слишкомъ жаркимъ, ни слишкомъ сухимъ, ни слишкомъ влажнымъ, и съ тѣхъ поръ въ историческія времена больше не измѣнялся. Тогда-то Германія подверглась переселенію народовъ, какого впослѣдствіи никогда не случалось.

Изъ всѣхъ горныхъ странъ, которая во время ледяного периода были населены арктическими растеніями, спустились въ долины травы, кустарники и деревья и осѣли на вновь завоеванной территории. Изъ западной Азіи, съ Чернаго моря, и даже изъ южной Европы иммигрировали цѣлые колоніи растеній, которые, спускаясь съ холмовъ и рѣчныхъ долинъ, захватывали песчаныя равнинны и водные бассейны; болѣе сильныя породы проникли быстрѣе и дальше, остальные двигались медленно, пока, наконецъ, обѣ флоры, нѣкогда отдѣленныя другъ отъ друга большими пространствами, не столкнулись, пока не возгорѣлась между ними борьба, пока онѣ не слились, не замѣнили другъ друга. Многія породы, вслѣдствіе этихъ событий, совершенно погибли; но подъ конецъ изъ этихъ переселеній и изъ этой борьбы возникла нынѣшняя среднеевропейская flora, оставшаяся почти неизмѣнной и по наши дни. Лишь только климатъ сталъ мягче, тотчасъ для арктическихъ растеній стало невозможно удержаться въ болѣе глубокихъ горныхъ долинахъ; лишь на скалахъ горныхъ странъ и въ недоступныхъ болотахъ нѣкоторые одиночные остатки покоренного царства полярной flora нашли убежище, точно въ неприступ-

ныхъ крѣпостяхъ; этимъ объясняется, почему на вершинахъ Шотландской гористой страны, на Исполиновыхъ горахъ и Карпатахъ а также на альпийскихъ горахъ Европы и Азии, даже на Гималайскихъ горахъ и на тропическихъ Зондскихъ островахъ встречаются одни и тѣ-же виды растеній, которые мы затѣмъ встречаемъ уже лишь на плоскогоріяхъ Финляндіи, Лапландіи и Норвегіи или въ прибрежныхъ странахъ Ледовитаго океана. Флора каждой страны испытала въ теченіе тысячелѣтій перемѣны, совершенно тождественная съ измѣненіями, происшедшими въ народо-населеніи; приведемъ хоть одинъ примѣръ—Испанію. Развѣ она не была населена сначала сѣверо-африканскими иберами, затѣмъ финикийцами, пришедшими съ восточнаго побережья Средиземнаго моря, затѣмъ римлянами—изъ страны Апеннинъ, готами—съ побережья Балтійскаго моря, арабами изъ Іемена, прежде чѣмъ ей удалось, послѣ столѣтней борьбы и столѣтнихъ переселеній народовъ, достичь равновѣсія. Подобно населенію нашихъ государствъ, и растительный міръ нашихъ луговъ и лѣсовъ различнаго происхожденія и возраста; часть этихъ растеній съ незапамятныхъ временъ осѣла въ этомъ мѣстѣ, другія поселились позднѣе, то въ томъ, то въ другомъ тысячелѣтіи. Одни близки къ вымиранію, а ихъ современники, нѣкогда растущіе въ ихъ обществѣ, уже раньше исчезли; другіе лишь начинаютъ распространяться и имъ суждено еще сыграть значительную роль; точно такъ же дѣло обстоитъ и съ среднеевропейской фауной. Послѣ того какъ полярныя животныя диллювіальной эпохи вмѣстѣ съ глетчерами потянулись къ сѣверу, степныя животныя—въ Азію, ихъ мѣста заняли животныя умѣреннаго климата, нагрянувшія съ юга и востока. Но вмѣстѣ съ различными породами животныхъ, которыхъ и нынѣ находятся у насъ, явились исполинскій олень, покрытый мѣхомъ мамонтъ, волосатый носорогъ изъ хвойныхъ лѣсовъ южной Сибири, чтобы попасть въ молодыхъ лѣсахъ запада; за ними слѣдовали человѣкъ, и германскіе дубовые лѣса еще были свидѣтелями послѣднихъ охотъ на этихъ неповоротливыхъ гигантовъ у древнихъ народовъ, вооруженныхъ костяными стрѣлами и кремневыми топорами. Такъ и внослѣдствіи, въ историческая времена, туръ или дикий быкъ, бобръ, олень, медвѣдь, рысь и даже волкъ были уничтожены въ Германіи.

XII.

И такъ исторія лѣса вывела насъ изъ миѳической туманной дали временъ въ ясную дѣйствительность. Не сообщить ли она намъ кое что и о будущемъ?

Пророчество, которое мы выводимъ изъ лѣсного оракула мрачное. Это древняя притчи Гомера:

„Роды людскіе похожи на листья лѣсовъ!
„Вѣтеръ разносить листья, разсвѣвая ихъ по землѣ,
„Но съ наступленіемъ весны лѣсъ снова покроетъ листва;
„Такъ и роды людскіе, одни растуть, а другіе погибаютъ.“.

Все живущее преходящe, и не только это можно сказать про особи, это относится и къ видамъ; не только люди смертны, но и виды. Безчисленные виды растеній и животныхъ населяли землю, и всѣмъ, повидимому, предназначалось вѣчно наслаждаться жизнью, а между тѣмъ большая часть уже погибла, и мы и не знали бы ничего объ ихъ существованіи, если бы земля не сохранила ихъ останковъ. Ничто въ тѣлесномъ строеніи человѣка не даетъ намъ права надѣяться, что нашъ родъ будетъ пощаженъ и не раздѣлить общей участи. Мы видѣли, какъ вымирали семьи, существование которыхъ казалось обеспеченено на вѣчныя времена, мы видѣли исчезновеніе народовъ и не только такихъ, которые, будучи беспомощными дикарями, не могли противоборствовать нападенію культурныхъ народовъ, но и такихъ, которые, стоя на высокой степени цивилизаций, казалось, должны были вѣчно процвѣтать. Куда дѣвались эллины, древніе римляне, карѳагенянне египтяне, вавилоняне, ассирийцы, мидяне? Если вообще дозволено изъ опытовъ прошлаго выводить заключенія о будущемъ, то наступить время, когда весь людской родъ будетъ заключаться въ ничтожныхъ и отжившихъ остаткахъ, и ему придется вести неравную борьбу съ измѣнившимися силами природы. Наступить время, когда, быть можетъ, черепа несчастныхъ, нынѣ лежащіе на днѣ морскомъ и избѣгшіе общаго разрушенія, окажутся послѣднимъ остаткомъ рода, который въ своемъ высокомъ милицѣ что вся вселенная устроена ради него, и что вѣчный міровой духъ нуждается въ немъ, слабомъ сосудѣ, чтобы познать самого себя.

Такъ предсказываетъ древняя пророчица подъ большой ясеню и въ шумѣ листьевъ слышатся предсказанія о гибели божественнаго рода, о разрушеніи мірозданія и сумеркахъ царства боговъ.

Но если голосъ лѣса, напоминая намъ о нашей непрочности, производить на насъ такое тревожное впечатлѣніе, то съ другой стороны настѣнно успокоить то соображеніе, что, возрастъ видовъ измѣряется эонами, для которыхъ тысячетѣтія равняются одному дню; что, по изслѣдованіямъ науки, человѣкъ — младший сынъ природы, и что, если отдельныя расы, напр. первобытные народы Америки и Полинезіи и близки къ исчезновенію, то зато бѣлое племя, къ которому мы принадлежимъ и которое мы имѣемъ полное право считать цвѣтомъ древа человѣческаго, по

всей въроятности находится лишь въ началѣ своей карьеры, такъ что ему предстоитъ еще долгая будущность. И кромѣ того мы должны имѣть въ виду то обстоятельство, что, какъ это доказала исторія развитія природы во всѣ эпохи, отдѣльные виды, населявшіе землю одинъ за другимъ, лишь тогда исчезали, когда изъ нихъ развились высшіе, болѣе совершенные виды, которые и заняли ихъ мѣста, и что, наконецъ, формы, въ какія выливалась жизнь, измѣнялись, но законы остались неизмѣнными; а потому мы можемъ быть увѣрены, что не только законы, управляющіе матеріей, но и представленія о прекрасномъ, благомъ, истинномъ, которыхъ вѣдь ничто иное какъ законы духовные, вѣчны. Мы, конечно, лишь капельки въ безбрежномъ потокѣ міровой исторіи, источниковъ котораго не видалъ ни единий глазъ, и устье котораго недоступно пониманію нашему,—потокъ, который течеть по вѣчнымъ, неизмѣннымъ законамъ, и котораго никакая сила не можетъ ни направить, ни остановить. Но и капля исполнила свое назначеніе, хотя бы ей удалось сдвинуть съ мѣста лишь одну песчинку или напоить одинъ зародышъ. А что и малѣйшей каплѣ дана возможность отражать въ себѣ небо и землю и все мірозданіе, въ этомъ ея счастье, ея преимущество, которымъ она можетъ пользоваться, пока не исчезнетъ, поглощенная эфиромъ.

Примѣчанія автора.

1) Пліній родился въ 23 г. по Р. Х. Онъ семь лѣтъ служилъ въ Германіи въ римской конніцѣ. Его сочиненіе о германскихъ войнахъ, къ сожалѣнію, утеряно. Первобытные лѣса, покрывавшіе всю Германію и, по его словамъ, „наполнявшіе край холодомъ и мракомъ“, опѣ описалъ по личнымъ наблюденіямъ. Тѣмъ не менѣе описанія его страдаютъ мѣстами многими явными преувеличеніями: стоитъ вспомнить о томъ, что онъ говорить о дубахъ, будто бы „стоймя плывающихъ въ водѣ“ или будто отъ давленія корней дубовъ „поднимаются щѣльи холмы“.

2) На травѣ попадаются круглые плѣши: народъ полагаетъ, что это мѣста, вытоптанная пискою эльфъ или вѣдьмъ. На самомъ дѣлѣ, онъ образуются отъ роста крупныхъ пластинчатыхъ грибовъ: ихъ мицелій распространяется въ богатой черноземной почвѣ кругообразно. Поглощая питательные вещества почвы, онъ тѣмъ самъмъ убиваетъ траву.

3) Георгъ изъ Путлица (Georg zu-Putlitz), О чёмъ повѣствуетъ лѣсъ, 48-ое изд. 1892.

4) Гепперъ показалъ, что въ лѣсу сплетаются и сростаются не только корни одного и того же дерева, но и разныхъ деревьевъ; но только корни одного и того же вида даютъ настоящія сращенія. Между елью и букомъ, напр., полное сращеніе невозможно, но болѣе сильный корень облагаетъ слабѣйшій.

5) На всѣхъ корняхъ лишь самые молодые корешки (мочки) способны помошью своихъ волосковъ всасывать влагу изъ почвы. Болѣе старая развѣтвленія покрыты бурой корой, непропускающей воду. При пересадкѣ деревьевъ мочки разрываются и дерево не можетъ болѣе принимать пищу, пока онъ не образуются вновь. Франкъ показалъ, что мочки нашихъ лѣсныхъ деревьевъ обыкновенно покрыты плотной войлочною тканью грибныхъ нитей, образующихъ грибную оболочку или „микорризу“. Состоитъ она изъ мицелія различныхъ шляпочныхъ и воздушныхъ грибовъ. Это случай симбіоза, а не паразитизма. Грибы

снабжают деревья питательными веществами почвы, а сами въпрочемъ пользуются органическими выдѣлѣніями корней.

6) Свойства различныхъ сортовъ древесной ткани зависятъ отъ ея анатомического строения.

7) Уже Гэльстъ (Hales) вычислилъ, что одна головка капусты испаряетъ въ 12 часовъ 625 гр. воды, а грушевое дерево, само вѣсомъ въ 35 килогр., въ 10 часовъ испаряетъ 6,5 килогр. водяного пара.

8) По Генелю (Höhnel) гектарь букового старого лѣса съ 1 юля по 1 дек. испаряетъ около 3 милл. килогр. воды.

9) См. Ольтманъ. О движении воды въ мхѣ и ея влажности на распределеніе воды въ почвѣ. Въ Beitr. zur Biol. der Pflanzen, IV, 1.

10) Объ этомъ см. Конь, Растеніе. Т. I, гл. Свѣтъ и жизнь.

11) Геппертъ (Goerppert), Изъ Богемскаго лѣса.

12) Волосатый мохъ, *Lemnophyllum glaucum*. Оленій мохъ, *Cetraria rangiferina*. Вѣнчикъ, *Sarcothamnus scorpiarius* и т. д. Въ свѣтѣ Германіи слово Heide обозначаетъ сосновый лѣсъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ Германіи оно обозначаетъ безлѣсное пространство, покрытое верескомъ.

13) Плиний. Ест. Ист. XVI, 2.

14) Наблюденіями надъ этой послѣдовательностью древесныхъ формаций мы обязаны главнымъ образомъ датскому ученому Стенструпу. Подобныя же наблюденія произведены въ Норвегіи Блиттомъ.

15) Гибель старыхъ сосенъ посреди пихтоваго лѣса особенно хорошо наблюдалась въ мѣстности альпійскаго характера отъ Телемаркена до Хардангера.

16) По Цезарю очень обыкновенна въ Германіи и Галліи, теперь она рѣдка.

17) Рѣчь идетъ о растеніяхъ *Stellaria holostea* изъ обѣ *Epilobium angustifolium*; это такъ наз. Иванъ-чай

18) Къ коричниковымъ принадлежать: заразиха (*Orobanchus*), евфразія, вшивая трава, (*Pedicularis palustris*) и др. О способности образовать углеводы ср. слѣд. примѣч.

19) Принадлежащая къ ремнепѣтнымъ омела, безъ сомнѣнія, способна своими зелеными листьями производить на свѣтѣ изъ углекислоты воздуха углеводы.

20) Плиний, XVI, 95. Сравн. въ извѣстной оперѣ Беллини „Норма“, гдѣ изображенъ этотъ обрядъ обрѣзыванія омели.

21) Родственій картофельному грибку грибокъ фитофтора всеядная (*Phytophthora infestans*) уничтожаетъ буквально всякия молодыя растеніца; особенно гибелью онъ для буковъ.

22) Нѣм. *Russula*, черная роса есть черноватый мицелій ржавчинныхъ грибковъ *Capnodium* (на ивахъ, дубахъ, тополяхъ), *Apiosporum* (?) на еляхъ. Мучная роса есть мицелій видовъ *Erysiphe*.

23) Сосновая ржа происходитъ отъ грибка *Lophos permium Pinastri*.

24) Ржавчинные грибки (*Uredineae*) развиваются свой мицелій (грибницу) внутри тканей живыхъ растеній; но споры ихъ производятся плодоносцемъ подъ верхней кожицеей, и послѣ прорыва ея выступаютъ наружу, какъ красная пыль.

25) Споры многихъ ржавчинныхъ грибковъ прорастаютъ не на главномъ питающемъ растеніи, но первоначально заносятся въ тромъ и прорастаютъ на другомъ видѣ. Такъ споры ржавчины *Alecidium Berberidis*, живущей на барбарисѣ, прорастаютъ на злакахъ.

26) Робертъ Гартигъ (Hartig) въ своей книгѣ „Важнѣйшія болѣзни лѣсныхъ деревьевъ“ показалъ, что опустошительная болѣзнь лѣсныхъ деревьевъ зависитъ отъ шляпочныхъ грибовъ, главнымъ образомъ изъ рода *Polyporus*.

27) Рѣчь идетъ о растеніяхъ *Agrostemma Gilhago* (изъ от. гвоздичныхъ), *Delphinium consolida* (изъ лютиковыхъ) и др. Повилика (*Cuscuta*) встречается также на люцернѣ.

28) Если одно—и двулѣтнія растенія рѣдко дичаютъ, то это объясняется тѣмъ, что они вымираютъ, не успѣвъ достичь условій, благопріятныхъ для образования сѣмянъ, что удается не скоро.

29) Ср. А. Декандоль. Géographie botanique raisonnée. 1855. II, 710.

30) Оба эти растенія *Erigeron canadense* и *Oenothera biennis*, введены въ ботанические сады въ 1614 изъ С. Америки.

31) „Не тронь меня“ встрѣчается дико въ Средней Европѣ.

32) Ср. Р. Asherson, Naturwiss. Rundsch. 23 февр. 1896.

33) Американская агава ввезена въ Европу подъ именемъ американского алоэ въ 1561 г.

34) Настоящий кальмусъ былъ известенъ греческимъ врачамъ въ эпоху императорскаго Рима, потому былъ забытъ и смыщивался съ корнемъ желтаго касатика. Маттюлусъ въ 1558 не видѣлъ самъ кальмуса, но зналъ, что въ Литвѣ онъ называется „татарскимъ зельемъ“; турки жевали его, употребляли засахареннымъ, а также улучшали имъ питьевую воду.

35) Линней назвалъ шелковую траву сирійской асклепіей, но потомъ оказалось, что она родомъ изъ Канады и она была переименована по имени одного американского ботаника.

36) Объ элодѣ, ср. Ауэрсвальдъ и Росмеслеръ. Ботанич. бесѣды.

37) Румянка, *Echium vulgare* изъ норичниковыхъ. Ленникъ, *Linaria vulgaris*.

38) Пестроцвѣтная разновидность мятыника (*Poa annua*) растетъ въ горахъ.

39) О бурянахъ и сорныхъ травахъ ср. Franz Hellwig въ *Engler's Jahrbücher für Systematik und Pflanzengeogr.* VII, 1881, стр. 343.

40) *Euclidium syriacum*—сахарн. горохъ.

41) Возрастъ очень старыхъ деревьевъ трудно опредѣлить съ точностью. Въ старости годичный приростъ меньше, чѣмъ въ молодости, а потому счетъ годовыхъ колецъ даетъ слишкомъ высокія цифры.

42) О нейенштадской (а не нейштадской, какъ иногда говорятъ) липѣ, см. R. Caspary въ *Würtemb. Naturwiss. Heft*, N. 3.

43) Тацитъ, Германія, 5.

44) Ср. Статью Коня, Гете какъ ботаникъ, которая будетъ напечатана въ Научн. Об.

45) Водоросли, лишайники и грибы вмѣстѣ составляютъ классъ слоевцовъ, отличающихся тѣмъ, что у нихъ нѣтъ стебля и листьевъ, а есть лишь слоевище (*thallus*).

46) Мхи и папоротники согласуютъ съ слоевцовыми въ томъ, что размножаются посредствомъ споръ, мелкихъ, какъ пыль. Среди мховъ, впрочемъ, нѣкоторые роды печеночныхъ еще не имѣютъ листьевъ и стебля, но имѣютъ слоевище. Но вообще мхи не имѣютъ корней, а лишь корнеподобные органы—ризоиды, т. е. корневые волоски, которыми всасываютъ питательную жидкость.

47) Классъ папоротниковъ представляетъ наивысшій изъ классовъ тайно-брюхихъ. Сюда примыкаютъ и родственная группы, соединяясь съ папоротниками въ общую группу птеридофитовъ, или сосудистыхъ тайнобрачныхъ, въ противоположность клѣточнымъ, куда относятся мхи и слоевцы.

48) Голосѣмянныя по Гофмейстеру представляютъ переходъ отъ птеридофитовъ къ покрытосѣмяннымъ. Ришаръ (Richard) впервые показалъ, что цикадовые находятся въ ближайшемъ родствѣ съ хвойными. Въ прежніе геологические периоды хвойные были гораздо болѣе распространены, чѣмъ теперь.

49) Робертъ Броунъ противопоставилъ покрытосѣмянныхъ—голосѣмянныхъ. Изъ покрытосѣмянныхъ около $\frac{4}{5}$ принадлежать къ двудольнымъ, остальные однодольные.

50) Графъ Сапорта и Маріонъ, въ своей книгѣ *Evolution du règne végétal* различаютъ эпохи развитія растительного царства: криптогамную, прогимно-спермную, гимноспермную, метагимноспермную, проангiosпермную и ангiosпермную.

51) Въ начальную эпоху жизни на землѣ вѣроятно существовали лишь растенія вродѣ тѣхъ, какія теперь попадаются въ горячихъ ключахъ. Это водоросли изъ группы голубыхъ водорослей (*Syaporphuseae*). Лишь въ девонскую эпоху явилась возможность развитія болѣе совершенныхъ формъ.

52) Мезозойская система по характеру растительныхъ формъ распадается на два весьма различныхъ отдѣла, изъ которыхъ самый нижний—тріасъ и юра—еще тѣсно примыкаетъ къ палеозойскому.

53) Многіе роды и даже семейства растеній свойственны лишь южному полушарію; они общи южнымъ материкамъ, раздѣленнымъ теперь огромными океанами, но не могутъ перешагнуть широтъ къ с. отъ экватора.

54) Настоящій балтійскій янтарь есть смола янтарной сосны *Pinus succinifera*.

55) Сравн. мастерское описание О. Геера, O. Heeg, *Die Urwelt der Schweiz*. Бурые угли происходятъ по большей части, вѣроятно, изъ дерева хвойныхъ, изъ группы кипарисныхъ, напр., изъ мамонтова дерева, образовавшаго въ міоценовую эпоху колоссальные лѣса также въ Германії.

56) См. работы Шарпантье, Дезора, Агассиза, Лайэлля.

57) Послѣ изслѣдований Тореля, теорія „дрифта“ теперь оставлена.

58) См. диалоги Платона: Тимей и его же, Критій.

59) Въ дилювіи, хотя и рѣдко, все же попадаются морскія отложенія. Особо-

бенно это можно наблюдать на берегахъ Балтійского моря, которое нѣкогда покрывало большее пространство, чѣмъ теперь.

60) Родина діатомовыхъ — море. Нахожденіе ихъ въ солиныхъ источникахъ среди материка есть доказательство прежней морской флоры.

61) О прежнемъ степномъ климатѣ Средней Европы—см. Nehring, Потундрамъ и степямъ. Берлинъ 1896.

62) Несомнѣнныя доказательства существованія человѣка въ средней Европѣ относятся лишь къ дилuvіальной эпохѣ, а именно къ періоду, послѣдовавшему за великой ледниковой эпохой.

Проф. Конь.

Пер. А. Филипповой.

Бачебазство въ Средней Азіи.

Положение средне-азиатской женщины вызвало развитие такъ называемаго бачебазства.

Бача это собственно мальчикъ, танцоръ, подчасъ пѣвецъ и только. Такова теорія. Но, какъ всегда, практика нѣсколько расходится съ теоріей. И если мы съ одной стороны находимъ цѣллы артели—джуры, которыхъ сообща содержать бачу, наслаждаются его пляской и пѣнiemъ и зорко оберегаютъ его отъ слишкомъ грубыхъ ухаживаний, то, съ другой стороны, мы бы могли, не затрудняясь, привести и совсѣмъ иные факты, достаточно известные въ Самаркандѣ и Бухарѣ.

Что бы ни говорили о вліяніи женщины на мужчину, въ общемъ, оно всегда было и будетъ не развращающимъ, а облагораживающимъ. Но бача... неужели этотъ мальчикъ, въ пестромъ шелковомъ халатѣ, въ вышитой золотомъ тюбетейкѣ, изъ подъ которой торчатъ космы черныхъ, непослушныхъ волосъ,—этотъ мальчикъ, иногда уже сильно брѣющійся, можетъ замѣнить для таджика женское общество?

Какъ это ни странно для насъ, но туземцы смотрять на всѣ эти вещи совсѣмъ не такъ, какъ мы. Туземцы вообще смотрять нѣсколько свысока на русскихъ. Они считаютъ себя выше, развитѣе европейцевъ. Въ ихъ глазахъ русскіе и вообще европейцы тѣ же варвары, какими были скиѳы въ глазахъ грековъ. Напомню кстати, что у древнихъ грековъ любовь къ юношамъ играла не послѣднюю роль. Взглядъ туземцевъ на европейца особенно сказывается въ области музыки и танцевъ. Абсолютно нельзя довѣрять путешественникамъ, которые, побывавъ проѣздомъ въ Самаркандѣ или Бухарѣ, спѣшатъ заявить, что таджики, какъ и всѣ средне-азиатцы, не музыкальны въ высокой степени. Нѣть, они несомнѣнно музыкальны, но лучшіе мотивы свои вмѣстѣ съ искусствомъ сохраняются для болѣе нѣжныхъ, по ихъ мнѣнію, ушей своихъ соплеменниковъ. А русскаго, по ихъ мнѣнію,—чѣмъ ни угости,—все будетъ хвалить. Этому взгляду отчасти способство-

вали и сами русские, изъ вѣжливости расхваливавшіе каждую какофонію, которую обязательно преподносили имъ туземцы.

Во время моей поѣздки въ 1897 г. къ верховьямъ Зеравшана, ко мнѣ присоединился извѣстный всему равнинному Туркестану пѣвецъ Абдулъ-Азисовъ, отправлявшійся въ артистическое tourнѣ. Я имѣлъ уже не разъ случай слышать его на разныхъ празднествахъ (надо прибавить, у русскихъ) и, говорю откровенно, онъ мнѣ не понравился. Но теперь, въ первый же вечеръ, когда мы, усталые, утомленные тяжелымъ дневнымъ переходомъ по раскаленнымъ утесамъ горъ, расположились на ночлегъ, когда по просьбѣ хозяина Азисъ взялъ дуторъ (инструментъ вродѣ балалайки) и комната наполнилась горцами, съ любопытствомъ оглядывавшими меня — единственного европейца въ ихъ обществѣ,— только тогда я понялъ, почему Азисъ пользовался такой популярностью. Я не узналъ инструмента, не узналъ пѣвица. Какимъ образомъ умудрялся онъ извлекать изъ двухъ струнъ своего дутора такие звуки—Богъ его знаетъ. Но я слушалъ его въ продолженіе часа съ такимъ напряженіемъ и подчасъ волненіемъ, какого давно уже не испытывалъ. Когда онъ кончилъ, я спросилъ его, почему онъ раньше никогда не пѣлъ такъ? Онъ пожалъ плечами: „пѣвецъ поетъ хорошо, когда чувствуетъ, что его понимаютъ“.

Мы отвлеклись въ сторону. Но мнѣ хотѣлось указать, что и тамъ, гдѣ дѣло касается бачей, намъ, европейцамъ, показываютъ жалкие отбросы, которыми кишатъ трущобы Самарканда и Ташкента. Понятно, что здѣсь уже не можетъ быть никакой иллюзіи и мы, пожимая плечами, дивимся, какъ можно предполагать, что бача является продуктомъ не проституціи, а чего-либо другого.

Развратъ большихъ городовъ, дѣйствительно, наложилъ свое клеймо на бачей. Положеніе ихъ само собой напрашивается на сравненіе съ нашими кафе-шантанными балеринами. Сходство профессіи, скользкій путь, по которому имъ приходится идти, масса соблазновъ—все это обще. А разъ паденіе совершилось, оно идетъ crescendo, мало по малу отодвигая на задній планъ первоначальная занятія, и конечнымъ результатомъ являются уличныя женщины Петербурга и злополучные бачи темныхъ кварталовъ Самарканда. Но, повторяемъ, первое и настоящее назначеніе бачи—профессія танцора, и только; кромѣ того, онъ долженъ былъ заполнить въ мужскомъ обществѣ пробѣлъ, оставленный женщиной. Но гдѣ доказательства этому?

Въ горахъ восточной части Самарканской области затерянъ среди ущелій и снѣжныхъ вершинъ кишлакъ Дорхъ. Онъ представляетъ значительный интересъ для этнографа, такъ какъ съ давнихъ лѣтъ въ немъ существуетъ оригиналный отхожій про-

мысель: едва окончатся осення полевые работы, все молодое поколение кишлака расходится на весь зимний месяц по равнинному Туркестану, распевая во славу „веселаго Дорха“ сложенный имъ пѣсни, ставшія мало по малу общераспространенными, народными. Въ этомъ кишлакѣ скомороховъ есть свой хань—бача, говорилъ мнѣ съ презрительной усмѣшкой солидный самарканскій курбаши. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что въ Дорхѣ дѣйствительно есть бача: къ слову сказать, это единственный случай существованія бачи въ горахъ. Дорхцы отбили своего „хана“ у сосѣдей валабцевъ, которые въ свою очередь сманили его у у-шнебанцевъ. Не безъ боя уступили его валабцы; не разъ на окрестныхъ горахъ происходили кровопролитныя схватки, кончавшіяся иногда даже смертью наиболѣе горячихъ бойцовъ. Уже дважды приходилось судебному слѣдователю подниматься къ Валабу; но таджики мастера судиться, и дважды одураченный слѣдователь возвращался ни съ чѣмъ.

Только недавно удалось мнѣ пробраться въ этотъ кишлакъ, посмотрѣть на царство бачи. Обстоятельства сложились особенно благопріятно, и въ концѣ іюля, конвоируемый самими дорхцами, выѣзжалъ я въ ихъ кишлакъ—веселый, смѣющійся, не смотря на то, что каменные стѣны его домовъ далеко не прглядны. Путь къ нему труденъ въ самомъ дѣлѣ. „Не всякому показываемъ мы нашъ кишлакъ,—говорили дорхцы,—какъ дорогая жемчужина подъ семью замками заперть онъ отъ постороннихъ взоровъ“.

Не успѣли мы расправить усталые члены, онѣмѣвшіе отъ долгой Ѣзы, и поудобнѣе устроиться на грудахъ подушекъ, какъ въ михманъ-ханъ¹⁾ вошелъ бача. Всѣ присутствующіе встали, даже аксакаль²⁾. Бача былъ замѣтально красивъ. Полное бѣлое лицо, темно-каріе глаза, смѣлою дугою выгнутыя брови, длинныя рѣсницы. Тюбетейка изъ золотой парчи покрывала его гладко-выбритую голову; только на макушкѣ оставленъ былъ пучекъ волосъ,—чубъ, спускавшійся на правое ухо. Одѣть онъ былъ въ щегольской всѣхъ цветовъ радуги халать и изящный максютъ. Ему было 16 лѣтъ, но на видъ можно было дать не больше 11—12.

Кивнувъ головой присутствующимъ, онъ поздоровался со мной вѣжливо, даже съ нѣкоторою робостью. Въ немъ не было замѣтно той распущенности и того цинизма, которымъ щеголяли раньше видѣнныя мною бачи.

Вечеромъ въ честь новоприбывшихъ было устроено „томата“³⁾. На возвышеніи передъ михманъ-ханъ были постланы ковры и по-

¹⁾ Комната для гостей, кунацкая.

²⁾ Сельский староста.

³⁾ Праздникъ.

ложены подушки, на которыхъ расположились: волостной управлятель, казій, Азістъ, бывшій со мною переводчикъ военнаго губернатора Самаркандской области и я. Площадку передъ возвышениемъ покрыли коврами и паласами¹). Кругомъ, за рѣшеткой, густою, плотной толпою стояли дорхцы.

Нужно сознаться, что даже на привычные нервы самая обстановка производила впечатлѣніе. При красноватомъ огнѣ громадныхъ факеловъ и сальныхъ свѣчей, напоминавшихъ свѣчи нашихъ церковныхъ паникадилъ, смуглыя, возбужденныя лица окружающей оборванной толпы, получили какой-то особый зловѣщій отпечатокъ. Темныя крыши домовъ кажутся еще темнѣе подъ вѣтвями склонившихся надъ ними тополей и вязовъ. Надъ мѣстнымъ мазаромъ, ясно, отчетливо вырисовываются рога, правильными рядами расположенные по фронтону. А тамъ, дальше, отъснной стѣною поднимаются могучіе горные хребты, поблескивая своими залитыми волнами мягкаго луннаго свѣта вершинами. Праздникъ начался народной пляской. Два порядочно оборванныхъ дорхца вышли въ кругъ; стоя другъ противъ друга, они запѣли пронзительными, высокими голосами: „Мотовъ джонъ Мотовъ“—пѣсню, наиболѣе распространенную въ верховьяхъ Зеравшана. Они сопровождали пѣніе сильной жестикуляціей, совершенно не соотвѣтствующей мирному содержанію лѣсни, воспѣвающей матерь—этого кормильца горцевъ. Окончивъ куплетъ, пѣвцы, быстро вертясь, перемѣнялись мѣстами и снова продолжали пѣсню. Интереснѣе была вторая пляска, уже безъ пѣнія.

Сафарь выпелъ съ чучеломъ ребенка въ рукахъ. Туловище чучела было завернуто въ плотно застегнутый маленький халатъ. Къ ногамъ, скрученнымъ изъ пальмы, были приධѣланы петли, которыя Сафарь зацѣпилъ за большие пальцы своихъ голыхъ ногъ. Такимъ образомъ поддерживая чучело за рукава халата, Сафарь движенiemъ ногъ передвигалъ его передъ собой. Дважды обошелъ онъ сцену, медленно покачивался, подражая неуклюжей, медленной походкѣ ребенка. Время отъ времени онъ испускалъ жалобные, отрывистые крики. Затѣмъ онъ подхватилъ его на руки, прижалъ къ груди и началъ вертѣться по сценѣ, жестами и выражениемъ лица изображая безумную радость. Это была мать, ласкающая своего первенца. И вдругъ онъ круто остановился и передалъ чучело ближайшему изъ публики, съ добородому солидному туземцу. Тотъ сейчасъ-же сталъ его качать, напѣвая себѣ подъ носъ какую-то пѣсенку. А танцоръ, быстро оглянувшись по сторонамъ, отбѣжалъ въ сторону, туда, где не было луннаго свѣта и тусклѣе горѣли свѣчи. Остановился, закрылъ глаза, сталъ ды-

¹) Родъ половиковъ.

шать часто и глубоко, сдѣлалъ при общемъ хохотѣ нѣсколько судорожныхъ движений—циничныхъ, грязныхъ, и опять вернулся къ ребенку. Снова тѣ-же движения, снова высоко поднимаеть онъ его, цѣлуеть и вѣртится, и снова ребенокъ переходитъ въ руки на этотъ разъ молодого безбородаго зрителя. Съ замѣчательною находчивостью разстегиваеть тотъ халатъ и рубашку и дѣлаетъ видъ, что кормить ребенка грудью, чѣмъ, разумѣется, возбуждаетъ всеобщую веселость. Между тѣмъ Сафарь повторяетъ предыдущій маневръ.

За этой сценой послѣдовала новая пляска. Медленно обходить танцоръ сцену; темпъ музыки напоминалъ какой-то похоронный маршъ и вдругъ нѣсколько быстрыхъ поворотовъ и Сафарь стоялъ на одномъ колѣнѣ, вытянувъ впередъ руки и прищелкивая пальцами. „Гуджимона, гуджимо-о-на,—пѣлъ онъ протяжно, медленно повода всѣмъ туловищемъ и лукаво подмигивая глазами,—ульма, ульма, ульма шагуль!“ и дрожа плечами и запрокинувъ голову, онъ дѣлалъ рѣзкое порывистое движение бедрами, вскакивалъ, вѣртѣлся и снова падалъ на колѣно. Снова взмахивалъ руками, почти опрокидываясь на спину, дѣлалъ крутые рѣзкие повороты и прыжки подъ постепенно ускорявшійся темпъ музыки.

Небольшой перерывъ. Утомленные пѣвцы и танцоры подкрѣпляютъ силы чаемъ и фруктами. „Первое отдѣленіе“ кончилось.

Послѣ грубаго и циничнаго кривлянія, за душу хватающіе нѣжные звуки, которые умѣль извлекать изъ своего инструмента Азисъ, кажутся еще пѣжнѣе, еще задушевнѣе.

Онъ пѣлъ страстную, мелодичную, хотя нѣсколько скабрезную пѣсню, сложенную въ Дардарѣ, женщины котораго гремятъ своею красотою. Онъ пѣлъ—и эта толпа, за минуту хохотовшая нацѣ циничными выходками Сафара, слушала съ широко-раскрытыми глазами, сдерживая дыханіе;—и говорять, что таджики не музикальны! Едва смолкъ Азисъ, какъ загремѣли бубны. Ихъ тревожный, возбуждающій звукъ билъ по нервамъ.

Въ кругъ вступилъ бача, встрѣченный какимъ-то дикимъ изступленнымъ ревомъ толпы. Его нельзя было узнать. Бѣлая, расшитая золотомъ и шелками повязка охватывала голову, обернутую бѣлымъ-же платкомъ. Изъ подъ платка на грудь выбивались черныя косы парика, надѣтаго на голову бачи. Изъ рукавовъ короткаго парчеваго халата были выпущены длинные бѣлые рукава рубашки. Онъ былъ босикомъ.

Прихлопывая въ ладоши, шелъ онъ кругомъ сцены, осторожно, въ тактъ музыки переступая босыми миниатюрными ногами, какъ „она“.

— Вамъ нравится?—крикнулъ мнѣ казій.

Бубны зазвучали сильнѣе. Чей-то сильный голосъ затянуль

пѣсню, толпа подхватила и подъ громъ бубенъ и возбужденныхъ могучихъ голосовъ, бача сталъ вертѣться сначала медленно, по-томъ все скорѣе и скорѣе. Вотъ уже нельзѧ различить отдѣльныхъ частей тѣла, вы видите что-то пестрое, фантастичное, кажущееся еще болѣе сказочнымъ при свѣтѣ этихъ дымныхъ факеловъ.

Бача остановился на полномъ ходу. Бубны оборвали на полу-tonѣ. Казій съ улыбкой протянуль бачѣ свою чашку съ зеленымъ чаємъ. Бача сдѣлалъ глотокъ и вернуль чашку. Снова зазвучали бубны; снова завертѣлся бача, сдѣлалъ нѣсколько круговъ и опустился на колѣни противъ меня. Онъ прижалъ руки къ губамъ и граціознымъ жестомъ оттолкнулъ ихъ по направлению колѣнь. Затѣмъ медленно и красиво сталъ онъ махать надо мною длинными рукавами своей бѣлой рубашки, словно отгоняя заботу. Время отъ времени онъ останавливался, посыпалъ воздушные поцѣлуи и опять начинали мелькать въ воздухѣ, едва не касаясь моего лица, бѣлые, шитые золотомъ рукава.

Это продолжалось довольно долго. Затѣмъ онъ быстро поднялся и опять началъ кружиться. Нѣсколько круговъ и онъ на колѣнахъ передъ казiemъ. Опять поцѣлуи и обмахиваніе. Къnimъ же относятся здѣсь далеко не съ тѣмъ спокойствіемъ, съ которымъ относился я. Казій, самъ степенный казій дѣлаетъ видъ, что хватаетъ поцѣлуи и складываетъ ихъ за пазуху.

Сосѣди, не смущаясь, перехватываютъ ихъ. Слышатся отрывистые возгласы толпы. Но бача поднимается, вертится и зрители съ нетерпѣніемъ и, это не будетъ преувеличено, съ волненіемъ ждутъ, передъ кѣмъ „она“ склонить колѣни.

Нѣсколько утомленный бача прекращаетъ пляску; казій, волостной, аксакалы, спѣшать посторониться и дать ему мѣсто. Всѣ наперерывъ угошаютъ его. Дорхскій аксакаль вытираетъ шелковымъ платкомъ его вспотѣвшее лицо.

Я смотрю на него и въ головѣ невольно зарождается со мнѣніе: неужели эта граціозная, хорошенъкая фігурка съ большими темными глазами, черными косами, падающими на грудь— переодѣтый мальчикъ? не можетъ быть! Иллюзія слишкомъ полна, чтобы ей не поддаться— и я посылаю бачѣ чашку „фамильного“ чая¹⁾.

Бача пить чай. Изъ толпы выходитъ неутомимый Сафарь. Онъ становится на колѣни передъ nimъ и поетъ, аккомпанируя себѣ на дуторѣ.

„Солнце—ничто передъ твоей красотою!

1) Фамильнымъ туземцы называютъ черный чай, считающійся у нихъ уже роскошью. Обыкновенно они употребляютъ „кокъ - чай“ зеленый индійскій, персидскій чай.

„Всѣхъ очаровали, всѣхъ привлекли твои чудныя очи!“

„Ты, ты одна завладѣла мною“.

Бача сдвигаетъ брови. „Пустяки“, отрѣзалъ онъ. Но Сафарь не смущается.

„Увидѣвъ тебя, я бросился бы на твою шею,

„Но ты съ нѣжностью меня оттолкнула,

„И я сказала: царица, не губи меня!

„За твой поцѣлуй я отдалъ бы все, что имѣю!“

— Пустяки, — хладнокровно отвѣчаетъ бача. Восторгъ зрителей растетъ.

„Твой станъ стройнѣе тополя,

„Твое лицо, какъ распустившаяся роза,

„Щеки, какъ жасминъ Персіи“...

— Правда,—говорить бача, усмѣхаясь, и вызываетъ цѣлый взрывъ восторженныхъ восклицаній.

„Я твой преданнѣйшій рабъ, царица“—продолжалъ Сафарь.

„И будь я святымъ изъ святыхъ ислама, я отдалъ бы рай и блаженство, да простить мнѣ Богъ, за твою плѣнительную ласку“...

Но бача только смѣется.

Опустимъ занавѣсь надъ этой картиной. Вернемся къ прозѣ. Попытаемся подвергнуть анализу то, что только что происходило передъ нашими глазами. Прежде всего, мнѣ кажется, что вмѣстѣ съ мужскимъ костюмомъ бача сбрасываетъ и все мужское, если можно такъ выразиться, и превращается въ граціозную, кокетливую женщину, какой вы не найдете во внутреннихъ дворахъ таджикскихъ домовъ, хоть переройте ихъ всѣ до единаго. Мнѣ кажется, что всѣ присутствовавшіе до такой степени поддались иллюзіи, что видѣли въ бачѣ саму настоящую женщину; могу сказать, что я самъ былъ недалекъ отъ этого. И эта женщина кокетничаетъ, заставляетъ за собою ухаживать, дарить свою благосклонность однимъ, отвергая другихъ. А тѣ, настоящія женщины внутреннихъ дворовъ, дрожатъ при видѣ мужа, спѣшать рабски покорно исполнить его малѣйшее желаніе, отдаются ему холодно и беспрекословно. Результаты на лицо. Въ то время, когда настоящій прекрасный полъ получаетъ крохи со стола господина,— замѣститель ихъ, бача, приводить того же мужчину въ восторгъ, если согласится отпить глотокъ изъ его чашки съ чаемъ. Характерный фактъ: присутствовавшіе ни разу не называли бачу иначе, какъ „она, красавица“ — все время, пока онъ былъ въ женскомъ костюмѣ и плясалъ. Новое доказательство того, что пылкая фантазія таджиковъ видѣла въ этой, дѣйствительно женоподобной фигуркѣ—настоящую женщину. Наше положеніе доказывается также почти совершеннымъ отсутствиемъ бачей въ горахъ. Тамъ чище нравы, тамъ проще люди,—скажутъ мнѣ. Пусть такъ! Но нравы чище

потому, что женщина тамъ человѣкъ, а не домашняя утварь; если есть настоящая женщина—пужна ли поддѣлка подъ нее?

Но развратъ большихъ городовъ, повторяемъ, не могъ не коснуться бачей. Ихъ стало очень много, этихъ мальчиковъ въ нестрѣхъ халатахъ. Многіе изъ нихъ даже и танцоватъ не умѣютъ. Эти то „нетанцующіе танцоры“ и составляютъ одну изъ общественныхъ язвъ Туркестана, особенно не-русскаго.

Правда, бачебазство распространено исключительно между купцами и вообще богатымъ классомъ; въ низшіе слои оно, по счастью, еще не проникло. Да и удовольствіе это не изъ дешевыхъ. Пойдите въ базарный день на площадь въ Бухарѣ, или Картахѣ, или другомъ крупномъ центрѣ Бухарскаго ханства. Вашъ взглядъ невольно привлечетъ группу туземцевъ въ шикарныхъ халатахъ, бѣлоснѣжныхъ чалмахъ; впереди такой группы вы замѣтите знакомую вамъ фігурку съ самонадѣяннымъ и гордымъ лицомъ. Это бача и его обожатели. За каждымъ движеніемъ его слѣдятъ, каждое слово ловятъ, каждое желаніе предупреждаютъ. Онъ заглядѣлся на пеструю тюбетейку, которую догадливый патронъ выставилъ ему на глаза—одинъ изъ обожателей уже отсчитываетъ „теньги“ ¹⁾ за нее. Онъ захотѣлъ смочить пересохшее горло, обожатели спорятъ за честь угостить его. Бачи въ короткое время сколачиваются капиталы. А такъ какъ для среднеазіатца капиталъ—первое дѣло,—и съ капиталомъ примутъ куда угодно, то и самое занятіе бачи не считается предосудительнымъ. Пробывъ бачей нѣсколько лѣтъ—обыкновенно до предѣльного возраста—лѣтъ до 20 примѣрно, большинство остеепеняется и снова вступаетъ въ ряды мирныхъ гражданъ: заводятся хозяйствомъ, женятся, нерѣдко въ свою очередь содержать бачу. Но есть несчастные, которыхъ такъ затягиваетъ та жизнь, которую они ведутъ, что они не могутъ бросить свой промыселъ. Въ Бухарѣ и Гиссарѣ не разрѣшено открытое бачебазство, тамъ вы увидите въ тѣхъ главныхъ кварталахъ, гдѣ господствуютъ „красногоріе“ ²⁾—такъ называемыхъ хозамковъ. Большинство изъ нихъ—кастраты. Ужасное впечатлѣніе производятъ эти испыты, морщины лица, нарумяненные, иногда со слѣдами бритой растительности. Въ Ташкентѣ мнѣ былъ представленъ ривоято ³⁾ такого содержанія: „Въ одной изъ главъ шаріата говорится, что мальчикамъ, имѣющимъ красивое лицо, одѣвающимся въ шелковыя одежды и на подобіе женщинъ наводящимъ на лицо румяны, строго воспрещается сидѣть въ лавкахъ,ходить по базару и находиться въ чай-ханахъ,

¹⁾ Теньга—20 коп.

²⁾ Понятіе, равнозначущее съ нашимъ: золоторотцы.

³⁾ Мнѣніе.

такъ какъ это противно закону. Лица, занимающіяся бачебазствомъ, ходить по одиночкѣ и компаніями въ лавки, гдѣ имѣются упомянутые мальчики, и разсѣвшиь противъ нихъ, увлекаются пріщуриваніемъ глазъ мальчиковъ, за что платятъ деньги, которыя добываются у своихъ родителей и женъ, а потому вводятъ себя въ грѣхъ и идутъ по пути нечистой силы, такъ какъ въ одной изъ главъ шаріата говорится, что мальчики эти имѣютъ по 18 бѣсовъ, отъ которыхъ и кажутся красивыми и хорошими. Воспрещеніе такого беззаконія зависитъ отъ начальниковъ, которые обязаны прекращать это зло, а мальчиковъ возвращать къ своимъ родителямъ, за что они (начальники) получать милость Божію. Согласно вышеприведенному ривояту и мальчики, выполняющіе роль бачей, съ ранняго дѣтства пріучаются только къ праздной, бездѣятельной и разгульной жизни на счетъ дурныхъ мужчинъ, извѣстныхъ подъ именемъ бачебазовъ, и такимъ образомъ, достигнувъ возраста 20—25 лѣтъ, они сами обращаются въ бачебазовъ и проматываютъ все нажитое трудами предковъ своихъ и затѣмъ, не привыкнувъ ни къ какому труду, обращаются къ легкимъ промысламъ, какъ-то: обманамъ, кражамъ и грабежамъ. Такимъ образомъ общество само воспитываетъ въ себѣ вредныхъ членовъ, поощряя ихъ своими подношеніями и подарками, расходуя на это всѣ почти денежные заработки въ ущербъ своимъ семьямъ. На основаніи всего вышесказанаго предлагаю и. д. младшаго помощника и аксакаламъ разъяснить населенію вредъ, происходящій отъ бачебазства, и пригласить народъ принять участіе въ искорененіи этого зла. Всякій добропорядочный человѣкъ въ свободное время найдетъ себѣ развлеченіе, не противное долгу чести и шаріату". („Туземская Газета“ 1884 г. № 48).

Кажется, однако, достопочтенные ташкентскіе кази хватили грѣха на душу, т. е. слукавили самымъ бессовѣстнымъ образомъ. Правда, казій не станетъ ухаживать за бачей на базарѣ, или въ чай-ханѣ; это несогласно съ его достоинствомъ, да и не нужно, потому что рѣдкіе изъ нихъ не содержать бачи,—тайно, само собой разумѣется, хотя тайна сія всегда почти довольно относительна. Невольно вспоминается анекдотъ, который пользуется извѣстной распространенностью среди туркестанцевъ.

Однажды привели къ Кокандскому хану бачу-развратника. Ханъ присудилъ его къ смертной казни, но находчивый развратникъ заявилъ, что онъ знаетъ очень выгодный для государства секретъ и что ему не хотѣлось-бы уносить этотъ секретъ съ собою въ преждевременную могилу. „Что-же это за секретъ?“—спросилъ заинтересованный ханъ. „Я знаю способъ,—отвѣчалъ бача,— какъ изъ обыкновенныхъ сѣмянъ женщинъ выращивать чистое золото“.—Соблазнился обманчивымъ замѣчаніемъ ханъ и отложилъ

казнь. Наступило время посъва, ханъ приказалъ осужденному приступить къ дѣлу. „Таксыръ,—отвѣчалъ тотъ,—я гнусный развратникъ, изъ моего посъва не выйдетъ ничего. Прикажите кому-нибудь изъ приближенныхъ произвести посъвъ подъ моимъ личнымъ наблюденіемъ“. Одного за другимъ назначалъ ханъ, но не нашлось ни одного неповиннаго въ данномъ порокѣ. Тогда хитрый бача попросилъ самого хана взяться за посъвъ для народнаго блага, но... и самъ ханъ сознался въ своей виновности“. Анекдотъ, во всякомъ случаѣ, характеристичный. Вообще, кажется, убѣждений у таджиковъ не существуетъ. По крайней мѣрѣ мнѣ однажды довелось говорить съ Самаркандѣ съ курбаши,¹⁾ какъ разъ по поводу бачей. Курбashi страшно возмущался этимъ „гнуснѣйшимъ“, по его мнѣнію, порокомъ, увѣряль, что будь его воля, онъ казнилъ-бы всѣхъ бачей и бачебазовъ. Незамѣтно мы перешли на другую тему.

Черезъ десять минутъ, буквально во дворъ ввалилась цѣлая толпа арбакешей,²⁾ съ типичной фигуркой въ пестромъ шелковомъ халатѣ впереди. Бача принесъ жалобу на своихъ обожателей. Они наняли его, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ пользовались его услугами и не заплатили ни гроша. Бача излагалъ дѣло, выразительно стрѣляя глазами въ сторону курбashi, показывая свои бѣлые ровные зубы. Я думалъ на основаніи только что слышанного, что почтенный старикъ, пользуясь данною ему властью, подвергнетъ нарушителей закона аресту, штрафу... ничуть не бывало. Онъ быстро рѣшилъ дѣло, присудивъ арбакешей отдать всю сумму сполна, а бачѣ объявилъ, что онъ свободенъ отъ данного обѣщанія и если хочетъ, можетъ остаться у него. Въ первую минуту я подумалъ, что ошибся, что курбashi произнесъ незнакомое мнѣ слово—но потомъ джигиты подтвердили мнѣ слышанное. Очевидно курбashi слишкомъ попадѣлся на мое незнаніе языка. Какъ тутъ не воскликнуть: „горе вамъ книжники и фарисеи, лицемѣры!“

Когда противъ бачебазства стали принимать мѣры, исчезли тѣ организованныя артели бачей, которыхъ еще недавно устраивали въ Коканѣ грандіозныя процессы. Одну изъ этихъ процессій описываетъ участникъ посольства въ Коканѣ въ 1871 г. „Впереди,—пишетъ онъ,—шли музыканты и пѣвцы; за ними несли елку, украшенную цветами. Далѣе шли бачи въ лодкахъ, съ фонарями въ рукахъ, окруженные толпой обожателей. За ними шли опять бачи

---

¹⁾ Начальникъ города.

²⁾ Возчиковъ.

въ женскомъ платьѣ; въ рукахъ ихъ были палки съ ракетами.
Потомъ шли бачи Сумпаль-Мурадъ бека, ханъ-Зада и т. д. ¹⁾.

Мы видимъ здѣсь, такъ сказать, офиціальныхъ бачей различныхъ лицъ, стоявшихъ у кормила правленія.

В. В—ръ.

---

¹⁾ Ибрагимовъ. „Пять дней въ Коканѣ“. Что-же касается до обычая пляски бачей въ лодкахъ, онъ былъ введенъ Худояръ-ханомъ, по свѣту китайскихъ купцовъ. Лодка—картонная; мальчикъ влѣзаетъ въ нее и придерживаетъ ее руками. Ноги закрыты кускомъ матеріи, прибитой къ нижнему краю лодки. Пляска изображаетъ движеніе лодки. Время отъ времени лодки садятся на мель и присутствующіе стаскиваютъ ихъ на глубокое мѣсто.

Вопросы воздухоплаванія.

(По поводу трудовъ по воздухоплаванію VII-го отдѣла Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, за періодъ 1895—1900 гг.).

Подразумѣваю тутъ труды воздухоплавательнаго отдѣла, за 5 лѣтъ, начиная съ 1895 г. Большая часть ихъ печаталась въ специальныхъ журналахъ („Инженерный Журналъ“, „Записки Имп. Русск. Техн. Общества“), у меня же они имѣются въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ.

Общий духъ этихъ трудовъ:

Отрицаніе управляемыхъ аэростатовъ и теплая вѣра въ птице-подобныя летательныя машины.

Аэростать должна оставаться игрушкою вѣтровъ; аэростать можетъ имѣть примѣненіе только къ научнымъ или специальнымъ цѣлямъ, напр., къ военному дѣлу, но никакъ не къ практическимъ цѣлямъ—перевозкѣ грузовъ и пассажировъ. Великая будущность (въ этомъ или болѣе скромномъ духѣ) принадлежитъ аэропланамъ или другимъ подобнымъ приборамъ, гдѣ легкій газъ не играетъ никакой роли. За весь указываемый періодъ (1895—1900 гг.) почтенной дѣятельности VII-го отдѣла нѣть, по крайней мѣрѣ, ни одной статьи, даже ни одной фразы въ пользу управляемости аэростатовъ.

Позволю себѣ тутъ выразить дань глубокагоуваженія къ большей части трудовъ Общества, въ особенности къ тѣмъ, которые относятся къ изслѣдованію атмосферы. Ихъ нельзя не признать весьма важными и значительными не только въ общенаучномъ смыслѣ, но и въ примѣненіи къ воздухоплаванію: безъ этихъ предварительныхъ изысканій невозможно создавать проектовъ воздушныхъ кораблей. Цѣня эти труды по изслѣдованію атмосферы, я не буду все-таки говорить о нихъ, имѣя въ виду лишь выясненіе вопроса о наивыгоднѣйшей системѣ летанія.

Въ 1895 году вышелъ отдѣльный оттискъ (изъ „Инженернаго Журнала“) сочиненія г. Поморцева: „Аэростаты“ (предсѣда-

теля VII-го отдѣла Имп. Русск. Техн. Общества). Трудъ этотъ какъ бы произнесъ смертный приговоръ надъ управляемыми аэростатами, показавъ полную ихъ практическую невозможность. Я уже писалъ въ журналахъ (см. „Техническій Сборникъ“ за 1896 г., также „Научное Обозрѣніе“), что выводъ г. Поморцева произошелъ отъ самыхъ простыхъ ошибокъ, просто отъ случайного не вниманія.

Выводъ г. Поморцева былъ таковъ: чтобы аэростатъ быть управляемъ, онъ долженъ имѣть (при существующей энергіи двигателей) громадные размѣры: высоту въ 86 метровъ и объемъ въ 2.000,000 куб. метровъ. А такъ какъ такихъ размѣровъ аэростать построить трудно, то и самая управляемость аэростата въ практическомъ смыслѣ невозможна.

Исправивъ ошибки, найдемъ для размѣровъ управляемаго аэростата не 86 метровъ, а только около 12 метровъ, а для объема менѣе 4,000 метровъ. Для размѣровъ, значитъ, получимъ въ 8 разъ менѣе, а для объема въ 500 разъ менѣе, чѣмъ вычислилъ г. Поморцевъ.

Такихъ размѣровъ аэростаты вполнѣ возможны, а слѣдовательно, и самъ г. Поморцевъ долженъ признать возможность за аэростатами одолѣвать вѣтры.

Разъ сдѣланы случайно такія ошибки, нисколько не роняющія авторитета г. Поморцева, по важныя по своимъ послѣдствіямъ (шутка-ли зачеркнуть управляемость аэростатовъ!), необходимо исправить ихъ, заявить о нихъ и тѣмъ спасти отъ заблужденія многихъ, не имѣющихъ времени или терпѣнія провѣрять вычисленія. Насколько мнѣ известно, это не сдѣлано, ни г. Поморцевымъ, ни однимъ изъ членовъ Воздухоплавательного отдѣла. И въ этомъ я позволю себѣ упрекнуть VII-й отдѣль.

Повторяю, ошибки такія дѣластъ всякихъ (я больше всѣхъ) и не ошибка важна, а важно, что она не исправлена, не заявлена со стороны авторитетовъ. Въ своемъ особомъ изданіи, „Желѣзный управляемый аэростатъ на 200 человѣкъ, длиною въ большой морской пароходъ“, я еще разъ упомянулъ объ этихъ ошибкахъ и, кажется, только одинъ „Развѣдчикъ“ (1896 г., № 311), да „Калужскій Вѣстникъ“ (№ 50) заявили о нихъ, сдѣлавъ перепечатку изъ моего изданія.

Если бы авторитеты заявили объ управляемости аэростатовъ, то болѣе бы занимались ими и не были бы они въ томъполномъ пренебреженіи, въ какомъ находятся, по крайней мѣрѣ, у насъ въ Россіи.

Вопросъ о сопротивленіи воздуха—вопросъ спорный.

Дѣлая благопріятный выводъ объ управляемости аэростата, я принялъ *всѣ* основанія (и даже формулы), согласно г. Помор-

цеву. Въ упомянутомъ выше своеі сочиненіи онъ находитъ теоретически величину сопротивленія воздуха для разныхъ тѣлъ. Для управляемаго аэростата, г. Поморцевъ положилъ полезность формы (аэростата) въ $3^{1/3}$ (коэфіц. сопротивленія въ 0,3); это значитъ, что кораблеподобный аэростатъ разсѣкаетъ воздухъ (при продольномъ движеніи) въ $3^{1/3}$ раза легче, чѣмъ плоскость, равная площади наибольшаго поперечнаго сѣченія аэростата.

Опыты о полезности продолжавшихъ формъ противорѣчатъ вычисленіямъ г. Поморцева (см., напр., мои опыты: „Давленіе воздуха на поверхности, введенныя въ искусственный воздушный потокъ“. Въ продажѣ существуетъ особое изданіе 1899 г.) и другіе ученые принимаютъ другую полезность формы,—гораздо высшую. Да и самъ г. Поморцевъ считаетъ въ одной своей статьѣ весьма вѣроятнымъ число 10, какъ полезность для формы птицъ (Вып. 4, стр. 60).

Любопытное противорѣчіе: съ одной стороны аналитическая изысканія г. Поморцева даютъ для идеальной формы (даже при отсутствіи тренія воздуха;—этимъ пренебрегается для упрощенія задачи) число $3^{1/3}$, съ другой,—для формы совсѣмъ не идеальной (не застрахованной, напр., отъ тренія и, конечно, не слѣдующей строго математическому уравненію) онъ принимаетъ число 10...

Какъ бы то ни было, но это число позволяетъ еще въ 3 раза улучшить выводы, касающіеся степени управляемости аэростатовъ. Напр., размѣры управляемаго аэростата могутъ быть въ три раза уменьшены (4 метра), а объемъ въ 27 разъ. Если размѣры оставить тѣ-же (12 метровъ), то потребная для движенія его сила двигателей можетъ быть уменьшена въ 3 раза.

Въ упомянутомъ мною моемъ трудѣ описываются опыты, на основаніи которыхъ полезность формы увеличивается съ увеличеніемъ скорости движенія и размѣровъ тѣла. А такъ какъ размѣры аэростатовъ много больше размѣровъ птицъ, то и полезность формы для аэростатовъ нужно принять много больше 10.

Можетъ быть, кто нибудь возразить, что птицы имѣютъ форму, подражать которой мы не можемъ, а потому и аэростатъ не можетъ имѣть даже такой полезности формы, какъ птицы. На это скажу, что есть множество средствъ съ математическою точностью скопировать любую форму и напрасно видѣть нѣкоторые въ птичьей формѣ что-то таинственное, неподражаемое. Въ моихъ опытахъ описывается опытъ съ тѣломъ вращенія, продольное сѣченіе котораго ограничено дугами окружностей. Длина тѣла 32 сантиметра, а диаметръ наименьшаго поперечнаго сѣченія около 10 сантим. И это тѣло, грубой формы, дало полезность ея въ 10, т. е. почти то-же, что и тѣло птицы. Что-же въ немъ тогда совершеніаго? Велико уже разнообразіе формъ птицъ. Впрочемъ, прини-

маемое г. Поморцевымъ число 10, можетъ быть, для птицъ черезъ чуръ мало; надѣюсь рѣшить этотъ вопросъ путемъ опыта¹⁾.

Если бы даже для аэростатовъ принять число 10, то и тогда ихъ управляемость вытекаетъ непреложно изъ данныхъ, принимаемыхъ Воздухоплавательнымъ отдѣломъ. Почему же, послѣ этого, объ управляемыхъ аэростатахъ ни слова, какъ будто-бы г. Поморцевъ и въ правду ихъ зачеркнулъ?...

Тутъ не мѣсто говорить подробно о выгодахъ или невыгодахъ управляемыхъ аэростатовъ. Интересующимся, если они желаютъ знать мои мѣнія, укажу на свои труды по воздухоплаванію:

1. *Простое ученіе о воздушномъ корабль и его построениіи.* 1899 г. Изложеніе хотя и строго научно, но не требуетъ для усвоенія знанія математики.

Слѣдующіе труды требуютъ для чтенія математическихъ по-знаній:

2. *Аэростатъ металлический управляемый.* 2 выпускъ 1892—93 г.

3. *Аэропланъ или птицеподобная летательная машина.* 1895 г.

4. *Самостоятельное горизонтальное движение управляемаго аэростата.* 1898 г.

5. *Желѣзный управляемый аэростатъ на 200 человѣкъ, длиною въ большой морской пароходъ.* 1896 г.

6. *Давленіе воздуха на поверхности, введенныя въ искусственный воздушный потокъ.* 1899 г.

Въ этихъ работахъ я привожу мысль, что будущее въ воздухоплаваніи прежде всего принадлежитъ аэростатамъ, а потомъ уже аэропланамъ, что газовые воздушные корабли въ 100 разъ выгоднѣе и осуществимѣе птицеподобныхъ летательныхъ приборовъ.

Насколько я правъ, рѣшить время, этотъ безошибочный судья.

Два неигрушечныхъ безгазныхъ снаряда построены были Максимомъ и Адеромъ. Оба были значительныхъ размѣровъ: одинъ предназначался для 3 пассажировъ, а другой (Адера) для одного.

Оба немного поднимались и оба поломались. Снарядъ Адера былъ свободенъ (за то и сломался при первомъ опыте), снарядъ же Максима не только двигался по рельсамъ, но и былъ защищенъ отъ вѣтра окружающими высокими деревьями, что иначе и быть не могло: малѣйший вѣтеръ, при десятисаженныхъ размѣрахъ крыльевъ (400—800 кв. метровъ поверхности: данные разнорѣчивы) сейчасъ бы его опрокинулъ. Впрочемъ, никто на немъ, ни даже самъ изобрѣтатель, не рѣшился бы пуститься въ свободный путь. Адеръ полетѣлъ на своемъ снарядѣ и хотя упалъ на томъ-

¹⁾ Въ настоящее время я предпринимаю рядъ новыхъ опытовъ на средства, данныя мнѣ Импер. Академіею Наукъ. Опыты окончатся не ранѣе осени 1901 года.

же мѣстѣ съ какого полетѣлъ, но какимъ то чудомъ спасся: поломался только приборъ; послѣдній возобновляется при поддержкѣ отъ французского военного министерства. Движеніе аэроплана Максима было ограничено рельсовымъ путемъ, съ котораго онъ не могъ сойти, но могъ лишь подняться на нѣсколько вершковъ, что онъ и дѣлалъ иногда.

Приборъ Максима требовалъ для такого своего поднятія не менѣе 360 лошад. силъ. Снарядъ-же Адера былъ легче и съ крыльями меньшей величины. Онъ требовалъ для поднятія только 40 лошад. силъ. Первый вѣсилъ съ 3 пассажирами около 4,000 килогр., второй около 500 (со всѣми запасами и 1 пассажиромъ). У первого поверхность крыльевъ составляла 370 кв. метр. (иные журналы даютъ болѣе 800 кв. метр.), у другого—40—50 кв. метр.

Отсюда мы видимъ, что вѣсь, крылатость (парусность) и сила у первого снаряда была въ 8—9 разъ больше, чѣмъ у меньшаго, между тѣмъ какъ первый поднималъ только двухъ пассажировъ, т. е. *лишь вдвое болѣе*, чѣмъ второй.

Какой-же выводъ можно сдѣлать изъ этихъ грандіозныхъ и безъ сомнѣнія, весьма почтенныхъ опытовъ, стоявшихъ сотни тысячъ?

1. Приборъ, поднимающій одного человѣка, дорогъ и требуетъ для своего управлѣнія особенныхъ специальныхъ знаній, такъ что для всякаго пассажира онъ не годится.

2. Онъ чрезвычайно опасенъ по своей неустойчивости; но это, впрочемъ, дѣло искусства, науки, ума, времени и *этотъ недостатокъ, можно надѣяться, будетъ устраненъ*: полетъ на аэропланѣ при специальному обученіи авіатора и совершенномъ устройствѣ снаряда не будетъ опасенъ, если принять въ расчетъ только опасность отъ неустойчивости.

3. Но чтобы онъ могъ успѣшно бороться съ вѣтромъ и это также необходимое условіе безопасности полета — его крылья должны имѣть какъ можно меньшую поверхность, что еще требуетъ усиленія энергіи моторовъ.

4. Если даже принять только 40 лошад. силъ на человѣка, то и это нельзя считать малой энергіею. Огневые моторы, обладая такой силой, при чрезвычайно маломъ вѣсѣ (3—4 килограмма на 1 силу) и непрочности всѣхъ частей, не могутъ считаться безопасными отъ порчи и поломки. Кромѣ того, эти огневые двигатели угрожаютъ каждую секунду сожженiemъ шелковыхъ крыльевъ аэроплана.

5. Полетъ, требующій массы топлива и воды, при малой подъемной силѣ, можетъ продолжаться лишь нѣсколько минутъ, послѣ чего требуется ремонтировка и новые запасы воды, топлива и т. д. На дѣлѣ полетъ даже ограничивается секундами.

Такъ, наиболѣе удачный опытъ Ланглея съ его аэродромомъ въ 18 килограммовъ вѣсомъ, продолжался лишь 90—100 секундъ. Холодильникъ-же ему приспособить не удалось, что и понятно, имѣя въ виду громадное количество испаряющейся въ паровикахъ воды. Адеръ имѣть холодильникъ, но сомнительно, чтобы онъ успѣшно исполнялъ свое назначение. Это было бы возможно при употребленіи металлическихъ крыльевъ и пользованіи ими, какъ холодильникомъ.

Статьи о приборахъ Максима и Адера см., напр., въ 1, 4 и 5 вып. Воздухоплавательного отдѣла. Интересная теоретическая статья г. Ширмана (см. вып. 4) отчасти подтверждаетъ выводы, сдѣланные изъ опыта съ летательнымъ снарядомъ Максима.

Съ своей стороны скажу, что въ моемъ труде „Аэропланъ“, на стр. 36, приведена таблица съ тремя проектами аэроплановъ: на 1, 2 и 4 пассажировъ. Первый изъ этихъ проектовъ довольно близко подходитъ къ аэроплану Адера. Именно, по моему проекту, вѣсъ прибора 450 килогр., поверхность крыльевъ 54 кв. метра (см. № 56, гдѣ показана площадь и длина *одного* крыла), разстояніе между концами ихъ—14,8 метра плюсъ ширина корпуса, т. е. немного болѣе 15 метровъ (то-же и у Адера), сила въ 10 метрическихъ лошадей, или въ 25 лошадиныхъ силъ.

Только сила, потребная для полета, у меня проектировалась значительно меньшая, потому что я, не желая быть заподозреннымъ въ безпричинной ненависти къ аэропланамъ, давалъ самыя благопріятныя условія для ихъ полета; напр., полезность винта принималъ въ $\frac{3}{4}$, тогда какъ она для летательныхъ снарядовъ не оказывается больше 0,5; полезность формы корпуса принималъ въ 50, что опять много для небольшихъ размѣровъ пассажирского помѣщенія (даже для громадныхъ аэростатовъ я принималъ полезность формы только въ 25). Если бы я отнесся такъ-же строго къ аэропланамъ, какъ къ аэростатамъ, то получилъ бы не менѣе 40 лошадиныхъ силъ (одна поправка на полезность винта уже вмѣсто 25 силь даётъ $37\frac{1}{2}$).

Моя работа была напечатана въ журналѣ „Наука и Жизнь“ въ 1894 г., между тѣмъ какъ опытъ Адера относится къ 1898 г. Поэтому тутъ не могло быть съ моей стороны никакого предвѣтаго мнѣнія.

Прекрасная статья профессора Жуковскаго „О наивыгоднѣйшемъ углѣ наклона аэроплановъ“ (см. 1 выпускъ VII отдѣла), еще подтверждаетъ необходимость громадной энергіи для полета птице-подобныхъ снарядовъ. Н. Е. Жуковскій находитъ, что наивыгоднѣйший уголъ наклона плоскостей крыльевъ къ горизонту долженъ заключаться между 16 и 23 градусами.

По поводу этой работы г. Федоровъ, во 2 выпускѣ VII отдѣла,

дѣлаетъ совершенно правильный выводъ, принявъ наименьшій, *наиболѣе благопріятныи* уголъ наклона (менѣе 15° собственно выходитъ 14°): работа въ секунду, потребная для *тяги* аэроплановъ по горизонтальному направлению со скоростью V , равняется *одной четверти* ($\frac{1}{4}$) работы, необходимой для поднятія аэроплана на высоту V .

Это соотношеніе, говоритъ далѣе г. Федоровъ, столь невыгодно, что представляетъ собою *смертный приговоръ аэропланамъ*; такъ, напр., продолжаетъ онъ, для передвиженія аэроплана, вѣсомъ въ 150 килогр. (9 пудовъ), со скоростью 2 метровъ въ секунду (72 килом. въ часъ, или около 67 верстъ), необходима мощность двигателя въ 40 паровыхъ лошадей.

Тутъ, вѣроятно, г. Федорову кто нибудь помѣшалъ, такъ какъ второпяхъ онъ ошибся въ 4 раза, ибо требуется всего только 10 лошадиныхъ силъ. Это пустая ариѳметическая ошибка и, конечно, не имѣть ни малѣйшей важности ни для кого, если только ее тотчасъ-же исправить, чего, къ сожалѣнію, кажется, не сдѣлано. А не трудно было бы помѣстить поправку въ слѣдующемъ выш. VII отдѣла.

Г. Федоровъ въ своей статьѣ совершенно вѣрно думаетъ, что величина наклоненія крыльевъ зависитъ отъ ихъ тренія и лобового сопротивленія всего снаряда; чѣмъ меньше сумма этихъ сопротивленій, тѣмъ меньше и наивыгоднѣйшій уголъ, а слѣдовательно тѣмъ меньше и работа аэроплана при его полетѣ.

Эта мысль не помѣщала г. Федорову прийти приблизительно къ тѣмъ же результатамъ относительно угла наклона, къ какимъ пришелъ и проф. Жуковскій.

Примѣнная наиболѣе благопріятныи уголъ (14°) къ снаряду Адера, въ 500 килогр. вѣсомъ, найдемъ работу *тяги*, для его движенія со скоростью 20 метровъ въ секунду, равной $500 \times 20 \times 0,25 = 2,500$ килограммометровъ или болѣе 33 лошадиныхъ силъ. Полезность винта не болѣе $\frac{1}{2}$; поэтому для работы аэроплана Адера, согласно г. Федорову и проф. Жуковскому, получимъ не менѣе 66 лош. силъ. Сколько-же получится, если принять въ разсчетъ еще работу на одолѣніе тренія и сопротивленія воздуха!..

Такъ какъ снарядъ Адера все таки поднялся на воздухъ, то мы можемъ утѣшить себя выводомъ, что или уголъ наивыгоднѣйшаго наклона меньше, или вогнутая внизу форма крыльевъ снаряда Адера значительно уменьшила работу полета.

Хотя оба цитируемые автора основывались на опытахъ Лилиенталя, однако послѣдній (вып. V, 34 стр.) для стоянія снаряда въ воздухѣ, при 80 килогр. его вѣса, даетъ только работу въ $1\frac{1}{2}$ лошад. силы (вып. V, стр. 34); значитъ на 500 килогр. (Адеръ) приходится менѣе 10 лошад. силъ. Если допустить даже такую малую

работу и при горизонтальномъ передвиженіи того же снаряда (хотя она должна быть много меньше), то все-же она будетъ въ 7 разъ меньше вычисленной.

Туть Лиленталь, такъ сказать, противорѣчить самъ себѣ. Какому изъ двухъ выводовъ вѣрить — неизвѣстно. Мы склонны вѣрить тому, который болѣе согласуется съ опытами Максима, Ланглея и Адера.

Итакъ, со стороны весьма авторитетныхъ опытовъ и теорій мы находимъ подтвержденіе тому, что работа, требуемая аэропланами для ихъ полета, громадна.

Что если-бы эту работу, эту энергию, необходимую аэропланамъ, примѣнить къ управляемымъ аэростатамъ! Могли бы получиться результаты иные, чѣмъ получились до сихъ поръ.

Взгляните на слѣдующую таблицу, где въ первомъ столбцѣ стоять имена изобрѣтателей аэростатовъ и з аэроплановъ, во второмъ подъемная сила приборовъ (килогр.), въ третьемъ — сила двигателей (лошад. сила), въ четвертомъ — сила ихъ, приходящаяся на 1000 килогр. подъемной силы летательнаго снаряда, далѣе — секундная скорость въ метрахъ и часовая — въ километрахъ; наконецъ, вѣсъ двигателя, приходящійся на 1 лошадинную силу, въ килограммахъ.

ИМЕНА И ГОДЫ.

	Полная подъем- ная сила въ килограммахъ.	Сила двигателей въ лошадинныхъ силахъ.	Сила двигателя, приходящаяся на 1000 кило подъемн. силы.	Скорость въ ме- тровъ, въ 1 сѣк.	Скорость въ киломъ въ 1 часъ.	Вѣсъ двигателя, приходящ. на 1 лошад. силу, килограммы.
Жиффаръ 1852 г.	1800	3	1,7	2—3	7,2—10,8	290
Дюпюи-де-Ломанъ 1872 г.	3800	2—1,3	0,53—0,34	2,6	9,4	1200
Гейнлейнъ 1872 г.	2630	3,6	1,4	5,2	18,7	146
Тисандье 1883—84 г.	1240	1,5	1,2	3—4	10,8—14,4	186
Ренаръ и Кребсъ 1884—85 г.	2000	8,5	4,3	5,5—6,5	19,8—23,4	77
Металлич. аэростатъ Шварца. 1894 г.	4320	10	2,3	—	—	—
Максимъ 1894 г.	3600	360	100	15	54	3
Ланглей (модель) 1896 г.	13,5	1,1	82	8	29	3
Адеръ 1898 г.	500	40	80	—	—	3

Обратите вниманіе на послѣдній столбецъ и разсчитайте, во сколько разъ, при одной силѣ, вѣсъ моторовъ для безгазныхъ летательныхъ приборовъ меньше вѣса моторовъ для управляемыхъ аэростатовъ. Въ самомъ неблагопріятномъ случаѣ — въ 26 разъ; т. е. двигатель, употребленный Адеромъ для своего аэродрома, былъ въ 26 разъ энергичнѣе (при одпомъ вѣсъ) двигателя Ренара и Кребса.

Также обратите вниманіе на четвертый столбецъ, или на силу мотора, приходящуюся на одну и ту-же подъемную силу (1000 кило) летательнаго прибора. Если даже взять самое неблагопріят-

ное отношение, сравнивъ Адера съ Ренаромъ, то и тогда найдемъ 19, т. е. адерь употребилъ для своего Авиона въ 19 разъ большую мощность (при одной подъемной силѣ), чѣмъ Ренаръ. Сравнивъ же управляемый аэростатъ Дюпюи-де-Лома съ аэропланомъ Максима, получимъ число 294, между тѣмъ какъ даже этотъ жалкій, по своей двигательной силѣ, аэростатъ имѣлъ самостоятельную скорость до 9 килом. въ 1 часъ.

Какой-же блестательный результатъ могли бы дать аэростаты кораблеподобные (т. е. съ формой, хорошо разсѣкающей воздухъ, не какъ, напр., аэростатъ Шварца) и съ могучими аэропланными двигателями!

Смотрите теперь на скорость, развиваемую снарядами въ горизонтальномъ направлении (столбецъ 5 и 6). Мы не видимъ, чтобы она для аэростатовъ сильно отличалась отъ скоростей аэроплановъ. Такъ, единственный порядочный по продолжительности опытъ Ланглея (100 секундъ), даль для аэродрома секундную скорость лишь въ 8 метровъ, что не сильно отличается отъ скорости аэростата Ренара (до 6,5 метровъ въ 1 сек.).

Опытъ-же Максима, продолжавшійся лишь 20 секундъ и при исключительныхъ условіяхъ, трудно принимать въ разсчетъ. (Данныя предыдущей таблицы заимствованы изъ книгъ Медебека, изданій VII отдѣла и другихъ источниковъ).

Нѣкоторые ученые старались опредѣлить работу птицъ при летаніи и на основаніи этихъ опредѣленій вычислить и работу, потребную для летанія человѣка. Такъ, Лабуре вычислилъ работу чайки, пользуясь подлинными фотографиями Марея. Оказалось, что чайка, въ 0,6 килогр. вѣсомъ, затрачиваетъ въ секунду работу въ 7 килограммовъ.

Если допустить, что летательный снарядъ, вмѣстѣ съ человѣкомъ, вѣситъ только 80 килогр. и испытываетъ сопротивление пропорциональное своему вѣсу, если поверхность крыльевъ также будетъ пропорциональна этому вѣсу,—то такой снарядъ для своего полета, со скоростью чайки, потребовалъ бы секундную работу въ 12 паровыхъ лошад. силъ. Если человѣкъ вѣситъ 70 килогр. (около 4 пудовъ) то на вѣсъ снаряда съ крыльями, разными механизмами и моторомъ въ 12 лош. силъ остается лишь 10 килограммовъ.

Пока ничего подобнаго еще никто не устраивалъ.

Если принять вѣсъ всего аппарата, со всѣмъ содержимымъ, въ 500 килогр. (какъ снарядъ Адера), то для полета его, на основаніи изслѣдованій Лабуре и Марея, потребуется 76 лошад. силъ. Это дѣйствительно нѣсколько много, если и Адеръ для своего Avion'a употреблялъ лишь 40 нариц. лошад. силъ (эта сила болѣе 40 индикаторныхъ лошадиныхъ силъ; я-же принималъ ранѣе для авиона 40 обыкн. лош. силъ).

Впрочемъ, его снарядъ и не полетѣлъ въ обширномъ смыслѣ слова, такъ что можетъ быть 40 лошад. силъ недостаточно и правъ проф. Жуковскій, давшій для наивыгоднѣйшаго наклона крыльевъ уголъ не менѣе 15° . Основываясь же на этомъ, наиболѣе благопріятномъ числѣ, мы ранѣе для работы авіона получили не менѣе 66 лош. силъ.

Тѣмъ не менѣе весьма вѣроятно, что работа птицъ несравненно менѣе вычисляемой на основаніи теоріи, потому что птицы умѣютъ пользоваться волнами воздуха, его восходящими потоками, значительными измѣненіями скорости въ горизонтальномъ, вертикальномъ и наклонномъ направленіи. Несомнѣнно, что работа иѣ-которыхъ птицъ, благодаря ихъ искусству, обращается даже въ нуль,—при благопріятныхъ условіяхъ.

Г. Федоровъ, дѣлая разныя поправки (см. „Записки Импер. Русск. Техн. Общ.“ 1898 г., № 4), въ вычисленіяхъ Лабуре, находитъ для работы чайки, во время гребного полета, число въ 11 разъ менѣе.

Г. Каменевъ (см. вып. 5 VII Отдѣла: *Воздухоплаваніе*), производя другія поправки въ вычисленіяхъ того-же Лабуре, находитъ число, для работы чайки, уже въ 100 разъ менѣе. Такъ что, пол. Каменеву для полета человѣка, вѣсящаго съ крыльями и со всѣми принадлежностями 80 килогр., потребовалась бы въ секунду работа въ 10 килограммовъ, или въ $\frac{1}{8}$ лошадиной силы!

Бѣдные Лабуре и Марей! Какъ вы, бѣдняжки, промахнулись, благодаря проницательности г. Федорова и, въ особенности, г. Каменева.

Но только вотъ въ чемъ вопросъ: кому-же вѣрить—г. Федорову или г. Каменеву?

Результа́тъ, полученный г. Каменевымъ, въ 9 разъ благопріятнѣе (для авіаціи) результа́та, полученнаго г. Федоровымъ.

Ужъ не повѣрить-ли послѣднему, тѣмъ болѣе, что въ пользу г. Каменева говорять и его вычисленія, сдѣланныя имъ на основаніи его особенной парашютной теоріи. Дѣйствительно г. Каменевъ, исправляя Лабуре, находитъ число 0,069; его-же теорія даетъ 0,063. Разница, какъ видите, небольшая.

И такъ порадуемся вмѣстѣ съ г. Каменевымъ, который надѣется; если его теорія вѣрна (см. вып. 5, стр. 28), что человѣкъ можетъ летать на крыльяхъ собственными своими мускульными силами или съ помощью небольшого двигателя (въ $\frac{1}{8}$ лошадиной силы).

Удивительно только, почему столь радостнымъ выводамъ такъ жестоко противорѣчать изысканія проф. Жуковскаго и опыты Ланглея, Максима и Адера съ ихъ аэропланами!

Въ томъ же 5 выпускѣ VII воздухоплавательного отдѣла помѣщена другая статья г. Каменева, въ которой статьи ранѣе помѣщены

были въ „Запискахъ Имп. Р. Т. Общества“), которая, къ сожалѣнію, сильно подрываетъ довѣріе къ выводамъ и теоріямъ г. Каменева. Это статья „О работе птицы при полетѣ на мѣстѣ“.

Вотъ взглядъ г. Каменева. При безвѣтріи, птица стоитъ (въ воздухѣ) въ одномъ мѣстѣ и лишь слегка колеблется въ вертикальномъ направленіи: то падаетъ, когда крылья поднимаются, то подымается на ту же высоту, когда крылья опускаются. При этомъ опусканіи, воздухъ будто бы представляетъ твердую опору, такъ что г. Каменевъ разсчитываетъ не работу крыльевъ при ихъ опусканіи въ податливой средѣ, а только работу поднятія тѣла птицы на прежнюю высоту. На этомъ именно основаніи, работу птицы и вообще всякаго летательного прибора, умѣющаго хлопать крыльями, онъ опредѣляетъ формулой

$$T = 1,23 \cdot \frac{p}{n},$$

гдѣ (p) есть вѣсъ птицы, и (n) число ударовъ, или опусканий крыльевъ въ 1 секунду.

По формулѣ этой г. Каменевъ составляетъ и первый столбецъ своей таблицы на стр. 40 (вып. 5). Изъ него мы видимъ, что секундная работа снаряда, вѣсомъ въ 80 килогр., составляетъ отъ 98 (при одномъ ударѣ крыльевъ въ секунду) до 8 килограммовъ (при 12 ударахъ), т. е. отъ $1\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{9}$ лошадиной силы.

Но этого мало, что г. Каменевъ принимаетъ воздухъ за совершенно неподвижную опору (что непосредственно слѣдуетъ изъ его формулѣ), онъ думаетъ, что при ударѣ о воздухъ птицы съ ея крыльями, она отскакиваетъ отъ воздуха, какъ резиновый мячикъ отскакиваетъ отъ пола. Это явленіе онъ называетъ *отскокомъ*. Благодаря отскоку, птица качается, какъ маятникъ (только не въ горизонтальномъ, а вѣсомъ направленіи), вслѣдствіе чего секундная работа птицы еще болѣе уменьшается и г. Каменевъ уже выражаетъ ее формулой (стр. 38, вып. V)

$$T = 1,23 \cdot \frac{p}{n} (i - k),$$

гдѣ (k) есть коэффиціентъ отскока. Напр., когда птица отскакиваетъ на 0,9 своей прежней высоты, то коэффиціентъ отскока будетъ равенъ 0,9.

Г. Каменевъ не знаетъ, какъ великъ отскокъ и потому дополняетъ свою утѣшительную таблицу (на стр. 40) для работы летательныхъ снарядовъ при разныхъ отскокахъ: отъ нуля до 0,9. При 12 ударахъ крыльевъ въ секунду и при отскокѣ въ 0,9, снарядъ въ 80 килограммовъ вѣсомъ требуетъ только 0,82 килограмметра работы въ секунду, что составляетъ около $\frac{1}{91}$ лошадиной силы.

Если бы число колебаній еще увеличить (упругія пластинки

могутъ колебаться весьма быстро; насѣкомыя могутъ дѣлать крыльями нѣсколько сотенъ колебаній въ секунду), то для полета человѣка потребовалась бы чуть не муравьиная сила (смотрите предыдущую формулу). И странно, что этотъ выводъ дѣлаетъ г. Каменевъ для полета птицъ на мѣстѣ въ неподвижномъ воздухѣ, т. е. при штильѣ, когда по обыкновеннымъ грѣшнымъ теоріямъ, которыя г. Каменевъ называетъ *ортоптерными* и *аэропланными* и въ которыхъ онъ сомнѣвается, требуется особенно громадная работа.

Дѣйствительно, при 2-хъ крыльяхъ, дѣйствующихъ поперемѣнно, каждое въ 10 кв. метровъ,—при вѣсѣ снаряда со всѣмъ содергимымъ въ 80 килограммовъ,—нужно не менѣе 10-ти лошадиныхъ силъ; но геликоптеръ, при той-же поверхности, требуетъ меньше работы.

Признаюсь, послѣ членія этой статьи г. Каменева у меня пронала всякая охота провѣрять его теоріи.

Однако, въ пользу этихъ послѣднихъ *какъ будто* есть нѣчто въ статьѣ профессора Жуковскаго „О крылатыхъ пропеллерахъ“ (см. вып. 4-й).

Въ самомъ дѣлѣ, г. Жуковскій думаетъ, что при маханіи крыльевъ образуется волна воздуха, подобная волнѣ звука, и что волна эта производить на крылья давленіе *гораздо большее*, чѣмъ какое слѣдуетъ по известнымъ законамъ сопротивленія воздуха.

Работа проф. Жуковскаго весьма серьезна и интересна и не имѣть въ этомъ отношеніи ничего общаго съ твореніями г. Каменева, но, къ сожалѣнію, почтенный ученый дѣлаетъ изъ своего труда невѣрный выводъ. Проф. Жуковскій начинаетъ какъ будто съ опыта Лилентала. Приборъ его состоялъ изъ двухъ крыльевъ, колеблющихся посредствомъ шатуна, кривошипа и блока съ намотанной на него ниткой. Нитка тянулась гирей, блокъ вертѣлся, кривошипъ качалъ шатунъ, послѣдній заставлялъ колебаться крылья.

Сила, т. е. гиря, одна и та-же.—Спрашивается, отъ чего зависитъ быстрота колебаній, кромѣ сопротивленія воздуха?—Конечно, отъ массы крыльевъ и другихъ колеблющихся частей механизма: если масса ихъ будетъ большая, то, какъ бы ни было мало сопротивленіе воздуха, колебаніе будетъ медленное. Въ такомъ случаѣ получится иллюзія,—будто сопротивленіе воздуха увеличилось. Приведу въ примѣръ обыкновенный маятникъ: длинный маятникъ качается очень медленно; но развѣ эта медленность зависитъ отъ увеличенія сопротивленія воздуха!.. Кто бы такъ сталъ объяснять замедленіе въ движеніи маятника, тотъ поддался бы иллюзіи. Лиленталь увлекся подобной иллюзіей, а проф. Жуковскій неосторожно выдаетъ ее за истину.

Безъ сомнѣнія, сопротивленіе воздуха въ этомъ опыте больше, чѣмъ при поступательномъ движениі, вслѣдствіе прерывистости движенія (въ опыте). Но, во-первыхъ, такого движения не бываетъ у птицъ, гдѣ давленіе не прерывистое (то вверхъ, то внизъ), а всегда направлено въ одну сторону—снизу вверхъ,—во-вторыхъ, чтобы выдѣлить и оцѣнить вѣрно увеличеніе давленія въ опыте Лиленталя, необходимо принять въ разсчетъ массу твердыхъ колеблющихся частей прибора, чего не сдѣлано и чѣмъ пренебрегать, по моимъ расчетамъ, никакъ нельзя.

Пойдемъ далѣе и разсмотримъ теоретическія разсужденія проф. Жуковскаго.

Онъ изучаетъ простѣйшій случай образованія волны (доступный для вычисленія), когда воздухъ движется въ цилиндрической трубѣ подъ вліяніемъ движенія поршня.

Отъ этого движенія образуется волна сгущенія и разрѣженія (по другой сторонѣ поршня); въ результатѣ-же поршень будетъ испытывать давленіе P по формулѣ

$$P = 80. V. F, \text{ гдѣ}$$

V скорость движенія поршня въ метрахъ, а F его площадь въ квадратныхъ метрахъ. Такъ что на каждый метръ скорости поршня и на каждый кв. метръ его площади получается давленіе въ 80 килогр.; это давленіе больше обыкновенного (при движеніи въ неограниченной средѣ, со скоростью одного метра въ секунду) чуть не въ 1000 разъ.

Прекрасно! все это вѣрно; но вотъ въ чёмъ дѣло. Отъ чего образуется воздушная волна? Всякій знаетъ, что отъ сжимаемости воздуха: не было-бы сжимаемости, не было-бы и волны. Чѣмъ большее сжимаемость или меньше упругость среды (подъ упругостью среды я тутъ подразумѣваю давленіе ея на единицу площади при единицѣ плотности и единицѣ абсолютной температуры), тѣмъ на меньшее разстояніе, въ единицу времени, распространяется ея движение, тѣмъ короче волна, меньше работа поршня и, слѣдовательно, меньшее давленіе на него. Если допустить, что среда совсѣмъ не сжимаема (сжимаемость среды—есть коэффициентъ, обратный упругости), или упругость безконечна, то весь безпредѣльный столбъ воздуха въ трубѣ долженъ одновременно прийти въ движение, отъ чего и давленіе на поршень должно быть безконечно большой величины. Волны-же при несжимаемости среды, очевидно, образоваться не можетъ.

Итакъ несомнѣнно, что давленіе волны возрастаетъ съ увеличеніемъ упругости воздуха, или степени его несжимаемости, что, впрочемъ, и прямо слѣдуетъ изъ 5-ї формулы проф. Жуковскаго, гдѣ давленіе пропорціонально (λ), или скорости звука въ

разматриваемой средѣ; скорость же звука въ средѣ, какъ извѣстно, пропорциональна квадратному корню изъ упругости среды, или обратно пропорциональна квадратному корню изъ степени сжимаемости ея. При бесконечной упругости, или абсолютной несжимаемости, волна совсѣмъ не образуется, но тутъ-то, по доказанному и вытекающему изъ 5-й формулы г. Жуковскаго, и образуется бесконечное сопротивление столба. Наоборотъ, чѣмъ болѣе сжимаемость среды, чѣмъ болѣе ея способность къ образованію волнъ, тѣмъ давленіе ея на поршень менѣе.

Не трудно видѣть, что это давленіе, въ случаѣ абсолютной неупругости инертной среды,—какъ въ трубѣ, такъ и въ неограниченной средѣ,—выражается формулой

$$P = s \cdot d \cdot \frac{v^2}{2g}, \text{ гдѣ}$$

(d) есть плотность среды (s) площадь пластинки, а (g) ускореніе земной тяжести. Изъ формулы видно, что давленіе получается дѣйствительно наименьшее, такъ какъ даже въ неограниченной средѣ къ этой формулѣ приписывается коэффиціентъ большій единицы (отъ 1,2 до 2).

Если давленіе въ трубѣ въ 1000 разъ больше, чѣмъ въ свободной средѣ, то это зависитъ не отъ сжимаемости ея и не отъ способности ея къ образованію волнъ,—что производить какъ разъ обратное дѣйствіе, т. е. уменьшаетъ давленіе на поршень,—а отъ другихъ причинъ, именно отъ стѣсненности русла.

Профессоръ Жуковскій проводить аналогію между явленіемъ въ трубѣ и явленіемъ сопротивленія въ свободной средѣ. Позволимъ мы и себѣ принять ту-же аналогію.

Дѣйствительно, если нашъ выводъ, обратный выводу почтенаго профессора, справедливъ для волнъ, распространяющихся въ цилиндрической трубѣ, то почему-же онъ не будетъ справедливъ и въ примѣненіи къ волнамъ, распространяющимся на свободѣ сферическими волнами.

А разъ это такъ, то сжимаемость воздуха только уменьшаетъ опору для крыльевъ и тѣмъ болѣе, чѣмъ эта сжимаемость больше. Значитъ аэропланы только проигрываютъ (хотя и немногого, вѣроятно) отъ сжимаемости воздуха и его способности образовывать волны, между тѣмъ какъ аэростаты, наоборотъ, должны-бы выиграть отъ того-же обстоятельства. Нѣкоторые мои опыты также указываютъ, что когда образуется волна и сжиманіе воздуха,—сопротивленіе его нѣсколько уменьшается (см. упомянутый мой трудъ: „Давленіе воздуха...“, стр. 23).

Во всякомъ случаѣ, я весьма долженъ быть благодаренъ проф. Жуковскому, послѣ статьи котораго мнѣ вполнѣ разъяснился

тотъ вопросъ о роли сжимаемости среды, который до того мнѣ былъ не совсѣмъ ясенъ, по крайней мѣрѣ—аналитически.

Въ № 6 „Записокъ Импер. Русск. Техн. Общества“, за 1898 г. помѣщена статья г. Квятковскаго: „Изслѣдованіе полета птицъ и теорія летанія“.

Подобно г. Каменеву, выдумавшему новую *парашютную* теорію летанія, и г. Квятковскому додумался до новой теоріи, хотя названія ей особаго и не далъ.

Все бы это было очень прекрасно, тѣмъ болѣе, что и работа г. Квятковскаго составлена, повидимому, добросовѣстно и даже содержитъ интересныя данныя о птицахъ,—если бы въ самомъ основаніи ея не было заблужденія. Это разсѣянность посѣтителя кунсткамеры, который видѣть всякия козявки и таракашки, даже менѣе булавочной головки и лишь не примѣчасть слона. Не будемъ строго судить за это г. Квятковскаго, потому что за нимъ-ли однимъ водятся такие грѣхи...

Но приступимъ къ дѣлу: извольте обратить вниманіе, къ какимъ заключеніямъ приходитъ г. Квятковскій въ концѣ своей статьи:

При полетѣ вовсе не нужна сила для поддержания птицы въ воздухѣ (стр. 451—452), т. е. тяжесть, при полетѣ, почти не имѣеть вліянія на работу полета,—какъ будто-бы ея и совсѣмъ не было. Прошу имѣть въ виду, что г. Квятковскій не предполагаетъ *неравномѣрное движение воздуха*, благодаря которому это положеніе для нѣкоторыхъ птицъ иногда оправдывается на практикѣ. Напротивъ, онъ тутъ имѣеть въ виду или типину воздуха или равномѣрный горизонтальный его потокъ.

Для воспроизведенія полета требуются девь силы: 1) временная—для создания начальной скорости поступательного движения и 2) постоянная небольшая сила, нужная для продолженія полета. Эта сила не зависитъ отъ вѣса птицы, а только отъ площади ея наибольшаго поперечнаго сжечія (точнѣе—отъ сопротивленія воздуха тѣлу птицы и ея крыльямъ при ихъ расположеніи по направленію движенія).

Какимъ-же образомъ все это происходитъ, спросить читатель? А вотъ какимъ.

Птица сначала падаетъ отвѣсно (хотя и въ горизонтальномъ положеніи тѣла и крыльевъ) до тѣхъ поръ, пока сопротивленіе воздуха или давленіе его на тѣло птицы и крылья не будетъ равно вѣсу птицы. Тогда паденіе ея будетъ равномѣрно. Чтобы уничтожить это паденіе и создать горизонтальный полетъ, птица принимаетъ наклонное положеніе, такъ что голова ея становится нѣсколько выше хвоста,—и въ этомъ наклонномъ положеніи птица движется вдоль направленія корпуса, съ помощью взмаховъ.

крыльями. При достаточной скорости этого наклонного (слагающего) движение вверхъ, очевидно, въ результатѣ получится горизонтальное (равнодѣйствующее) движение.

Этотъ взглядъ на полетъ, какъ состоящій изъ двухъ слагающихся движений, можно считать совершенно вѣрнымъ; но чтобы вычислить работу полета, необходимо, кроме работы сопротивленія воздуха, принять въ расчетъ и работу восхожденія птицы какъ бы по наклонной плоскости. Вычисленная такимъ образомъ работа не будетъ ложна и будетъ строго сходиться съ той, которая вытекаетъ и по аэропланной теоріи. Но г. Квятковскій эту работу восхожденія *на гору* не считаетъ, а считаетъ только одно сопротивленіе воздуха. По его теоріи выходитъ, что птицы и снаряды тратили бы лишь чуть меньше работы, если бы они двигались въ той-же средѣ, но не подверженной силѣ тяжести. Разница на практикѣ выходитъ незамѣтная; причину же ея я тутъ разъяснять не буду именно по ея малой величинѣ.

Вѣроятно, г. Квятковскаго ввелъ въ заблужденіе то, что полетъ горизонталенъ и видимаго восхожденія нѣтъ.

Пожалуй, можно и такъ взглянуть на явление полета, но тогда нужно считать сопротивленіе воздуха *наклоненнымъ* крыльямъ и корпусу и въ такомъ случаѣ, какъ я говорилъ, опредѣленіе работы полета будетъ тождественнымъ съ исправленной теоріею г. Квятковскаго.

Дѣйствительно, давленіе воздуха на наклонныя крылья и корпусъ будетъ почти равно (на практикѣ) тяжести птицы и направление этого давленія будетъ имѣть тѣмъ болѣе наклонное положеніе чѣмъ болѣе тяжесть птицы; горизонтальная слагающая этого давленія должна одолѣваться, при движениі, работою птицы и величина ея будетъ зависѣть отъ вѣса птицы.

Слѣдовательно, для полета, требуется непрерывный расходъ работы, зависящій отъ тяжести птицы, что противорѣчитъ выводу¹ г. Квятковскаго. Этой постоянной работы не было-бы, если бы не было тяжести, потому что тогда корпусъ и крылья могли бы имѣть почти горизонтальное положеніе.

Кромѣ того, опредѣляя сопротивленіе всадуха тѣлу птицы, г. Квятковскій примѣняетъ для этого формулу Дюшмана-Ланглея, примѣнимую только къ наклоннымъ *не продолговатымъ* *плоскостямъ*, но никакъ не къ сложной и удлиненной формѣ птицы. Поэтому то и работа полета птицы получилась у него больше, чѣмъ то слѣдуетъ по его розовой теоріи.

Не только въ обществѣ, но даже и въ средѣ специалистовъ распространено убѣжденіе въ неуправляемости аэростатовъ.

Напротивъ, надежды на аэропланы самыя розовыя. Насколько эти взгляды общества согласны съ истиной, мы уже видѣли

Тысячи статей и книгъ въ газетахъ и журналахъ твердятъ одну и ту-же мысль о преимуществѣ аэроплановъ передъ аэростатами. Но преимущества эти основаны на ошибкахъ специалистовъ. Указать эти ошибки, значитъ разсѣять заблужденіе и направить мысль и трудъ общества въ направленіи болѣе благодарномъ.

Если бы эти ошибки были и безъ указаній очевидны, то не было бы въ обществѣ ложныхъ взглядовъ на воздухоплаваніе, не сообщалось бы въ специальныхъ собранияхъ, что управляемые аэростаты должны быть непремѣнно гигантскихъ размѣровъ (какъ это ошибочно указалъ г. Поморцевъ, а за нимъ стали повторять и другіе).

Въ своей статьѣ мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ, вытекающимъ изъ самыхъ трудовъ VII Отдѣла Импер. Русского Техническаго Общества.

1. При настоящемъ состояніи техники возможны управляемые аэростаты весьма даже малыхъ размѣровъ, начиная съ 4 метровъ въ высоту. При большихъ размѣрахъ управляемость увеличивается, или относительная сила двигателей для управляемыхъ аэростатовъ можетъ быть уменьшена пропорціонально увеличенію ихъ размѣровъ.

2. По даннымъ проф. Жуковскаго, для полета аэроплана, вѣсящаго со всѣмъ содергимымъ 500 килогр. и назначенаго для поднятия одного человѣка, требуется *не менѣе* 66 лошадиныхъ силъ (если принять наивыгоднѣйшій уголъ наклона крыльевъ въ 14°, а если принять 23°, то необходимо 111 силъ).

3. Вычисленія г. Федорова даютъ возможность подтвердить этотъ выводъ.

4. Снарядъ Адера на опытѣ указалъ на недостаточность 40 нарицательныхъ лошадиныхъ силъ для полета аэроплана въ 500 килогр.

5. Вычисленія г. Ширмана подтверждаютъ необходимость громаднаго расхода силъ на полетъ аэроплана.

6. Лабуре, основываясь на данныхъ Марея, приходитъ къ такому-же заключенію относительно птицъ. Впрочемъ, г. Федоровъ думаетъ, что Лабуре ошибся въ 11 разъ, а г. Каменевъ думаетъ, что Лабуре ошибся въ 100 разъ.

6. Аэропланы дороги и опасны для полета въ отношеніи устойчивости, пожара и крѣпости двигателей. На аэропланѣ никто еще не дѣлалъ свободнаго полета даже въ нѣсколько метровъ протяженія.

7. Хотя на аэростаты, при одной подъемной силѣ съ аэропланами, употреблялись двигатели въ десятки и сотни разъ слаѣйшіе чѣмъ на аэропланы, однако самостоятельная скорость по-

слѣднихъ была лишь немного больше, чѣмъ таковая-же аэростатовъ.

8. Изъ другой статьи проф. Жуковскаго выясняется мысль, что при крылатыхъ пропеллерахъ безгазныхъ летательныхъ приборовъ образованіе волнъ и сжимаемость среды уменьшаютъ сопротивленіе ея крыльямъ и слѣдовательно способствуютъ увеличенію работы полета. При несжимаемости среды, когда волны не образуются, сопротивленіе ея оказывается наибольшимъ, а работа полета наименьшей.

К. Ціолковскій.

Съверные славяне и борьба съ германцами.

Мѣстность между Одеромъ и Вислой не всегда принадлежала германцамъ, но была отнята отъ прежнихъ переселенцевъ. Населеніе, жившее здѣсь передъ германцами—намъ неизвѣстно; но серьезно утверждали, что славяне жили здѣсь передъ германцами и пережидали бурю германского переселенія, чтобы достигнуть новаго господства. Это невѣрно, но все же остается неяснымъ, какимъ образомъ славяне заселяли земли между Эльбой и Вислой. У насть нѣтъ обѣ этомъ никакихъ извѣстий, такъ какъ ни одинъ современной историкъ не останавливался на этомъ фактѣ, столь важномъ для средневѣковой исторіи. Вѣроятно славяне проникали въ эту слабо заселенную мѣстность не массовыми переселеніями, а переходили туда нѣсколькими родами и семьями. Что эта мѣстность не была незаселенной, видно изъ того, что славяне заимствовали нѣсколько старыхъ германскихъ названий. Название Silingen измѣнилось въ Slesi, а изъ того произошло современное — Силезія (Schlesien). Германское название Одеръ славяне присвоили себѣ, а въ Богеміи «Молдава» (Moldau), является лишь измѣненнымъ «Waldfuss» (Waldawa). Моментъ самого широкаго распространенія славянъ совпадаетъ съ увеличенiemъ могущества франковъ (550—600 до Р. Х.). Въ эту эпоху славяне подвинулись за Эльбу, они населяютъ Вагрию (Wagrien) до Кilia въ Гольштейнѣ, острова Воллинъ (Wollin), Рюгенъ (Rüggen, славянское Рана) и Фемеригъ (Fehmern).

Они принадлежали къ такъ называемому полабскому племени (Labe—Elbe, Лаба—Эльба, полабы—жители Эльбы), который можно допустить только какъ географической терминъ.

Полабы не имѣли собственнаго отдельнаго языка, но, какъ подраздѣленіе восточныхъ поляковъ или лаховъ, они говорилипольскимъ нарѣчиемъ. Они распадались на два главныхъ народа лютичей (велетовъ или вильцовъ) между Одеромъ, Балтийскимъ моремъ и Эльбой, въ Бранденбургѣ, где теперь возвышается на старой славянской землѣ городъ Берлинъ, съ чисто славянскимъ названіемъ; бодричей или оботритовъ въ Мекленбургѣ и Гольштайнѣ. На востокѣ отъ полабовъ жили лахи или поляки (отъ *поле*—обитатели равнинъ) въ русской Польшѣ, Поммераніи, старой Пруссии (Altpreussen), и Силезіи. Къ югу отъ лаховъ, между годами 454—492 переселились въ Богемію и Моравію чехи и завладѣли этой областью. Въ настоящее время находящіеся тамъ нѣмцы являются позднейшими

поселенцами. Часть Австрії принадлежала чехамъ, но она до этого не была владѣніемъ нѣмецевъ.

Подобное тому было и на югѣ. Не успѣли еще баварцы укрѣпиться въ своемъ владѣніи на сѣверныхъ альпийскихъ рѣкахъ, какъ въ VII и VIII столѣтіи вторглись въ альпийскія земли славяне западной Панноніи и Норіи—именно словинцы. Но не съ помощью побѣдоноснаго оружія приобрѣтали они эти мѣста; безшумно наполняли они, сначала пустынную равнину, отдалыми деревушками и поселками, постепенно захватывали и безлюдныя болѣе сѣверныя долины и проникали съ юношеской силой въ горы, гдѣ почти никогда еще до сихъ поръ не было ни одного жилища. Чужіе называли ихъ виндами, сами они звали себя словенами или хорутанами, откуда произошло название Каринтія. Еще въ XI в. мѣстопребываніе словинцевъ распространялось гораздо дальше, чѣмъ теперь на западъ и сѣверъ, до истоковъ Иппа и Дравы; они наполняли Pinzgau и доходили до Ziller и Pustethal, глубоко въ Salzach, распространялись отъ Pongau до Attsee, появлялись у Штейера и Кремса, въ Эрландѣ и Трайзенѣ. Верхняя и Нижняя Австрія къ югу отъ Дуная была населена славянами. Славянскіе признаки безспорно живутъ въ падномъ типѣ около Линца, въ Kaisertal'ѣ, въ Teffereggен и въ Hochpusterthal'ѣ, также какъ и въ зальцбургской Lungau, гдѣ еще встрѣчаются названія мѣсть славянскаго происхожденія; въ Вельшскомъ Тиролѣ и Фріаулѣ слѣды пребыванія славянъ стоять вѣкъ всякаго сомнѣнія. Это, когда то значительное, распространеніе славянства и продолжительное пребываніе его на нынѣшней нѣмецкой почвѣ дало возможность пустить глубокіе корни славянскому быту, и потребовалась упорная продолжительная борьба, чтобы ихъ уничтожить, да и то не въ полной степени.

Вслѣдствіе этого становится понятнымъ, что слѣды древняго славянства встрѣчаются повсемѣстно, какъ въ сѣверной Германіи, такъ и въ области Альпъ. Нѣмецкій элементъ послѣднихъ, въ особенности внутреннихъ областей Австріи, такимъ образомъ, новѣйшаго происхожденія. Въ то время славяне были также земледѣльческимъ народомъ, быстро, впрочемъ, развивавшимся, подъ влияніемъ западной культуры. Историки того времени всеѣ одинаково прославляютъ дѣятельность славянскихъ народовъ, жившихъ при Балтійскомъ морѣ, изобиліе и правильность ихъ жизни, ихъ ловкость и трудолюбіе въ земледѣліи, скотоводствѣ, рыболовствѣ, торговлѣ и ремеслахъ. Славянскіе сорбы обрабатывали солнечные источники Галле, жители Помераніи ткали шерстяныя и льняныя ткани, культивировали злаки, ленъ и виноградъ. Славяне занимались горнымъ дѣломъ и ковали отличную утварь и оружіе. Объ ихъ нравахъ, въ особенности оѣѣности славянскихъ женъ, съ восторгомъ упоминаетъ Бонифаций. Раны, т. е. обитатели острова Рюгена были замѣчательны своей храбростью и могуществомъ, искусствомъ и богатствомъ, благодаря мореплаванію, принявшему форму пиратства — морского разбоя, какъ и у германскихъ норманновъ. Относительно этого имѣются указанія у Видукинда. Въ ихъ главномъ городѣ Орекунда или Ореконда, по нѣмецки Аркона, на полуостровѣ Витовѣ, находилось широко прославляемое и почитаемое святилище Свентовита (Swantowit). Ко времени основанія этого мѣстопребыванія древнихъ славянъ, нѣкоторыя нѣмецкія племена въ культурномъ

развитіи не отличались существенно отъ нихъ. Но въ общемъ слѣдуетъ признать, что культура двигалась съ запада на востокъ, и если позднѣе, въ средневѣковой періодѣ саксы считались всѣми остальными нѣмцами, дикими, то на цивилизацию болѣе восточныхъ славянъ нѣть основаній смотрѣть слишкомъ высоко.

Нѣмцы превосходили славянъ ранней политической организацией. Съ утвержденіемъ господства Каролинговъ, начинаются новые завоевательные набѣги германцевъ, облегченныес еще отсутствіемъ у славянъ большихъ союзовъ. Какъ у нѣмцевъ существовала древняя национальная вражда между франками и саксами, точно такъ же глубоко коренилась ненависть между бодричами и лютичами и давала поводъ къ кровопролитнымъ войнамъ, никогда не кончавшимся перемириемъ, несмотря на побѣду одного племени и вопреки желаніямъ высшей власти. Это было главной причиной, почему славяне, несмотря на свое упорство, не могли устранить нѣмецкій элементъ между Эльбой и Балтійскимъ моремъ. Подчиненіе славянъ было подготовлено всего болѣе учрежденіемъ марки или военной границы; однако военное счастье покинуло ихъ лишь во времена саксонскихъ государей. Съ безпощадною суворостью порабощало саксонское племя своихъ старинныхъ сосѣдей и враговъ и стремилось сгладить ихъ национальныя особенности. Оттонъ Великий увеличилъ и усовершенствовалъ мѣры для подчиненія и учредилъ три епископства: въ Ольденбургѣ (Stargard, Старый-Градъ), въ Вагріи, въ Хафельбергѣ (Havelberg) и Бранденбургѣ. Однако этимъ не было достигнуто продолжительныхъ результатовъ.

Послѣ кровопролитной битвы при рѣкѣ Тонгерѣ постепенно ослабѣваль перевѣсь нѣмцевъ въ полабскихъ земляхъ вплоть до середины XIII стол. и славяне переходили отъ оборонительныхъ къ наступательнымъ войнамъ, причемъ постоянно обнаруживали враждебность къ христіанству. Въ то время главнымъ значеніемъ въ полабской землѣ пользовался островъ Рюгенъ. Храмъ въ Арконѣ затмилъ древній блескъ языческой святыни. Въ 1073 г. нѣмцы даже искали помощи у славянъ. Лишь въ 1093 г., послѣ долгаго мира, на нихъ хлынула новый потокъ; не только саксы, но и датчане вторглись въ страну, разрушая все. Еще разъ при обортитскихъ князьяхъ поднялись славянскіе народы; со всей силой боролись они за сохраненіе старыхъ обычаевъ и старого культа, пока князь Никлосъ, послѣдняя опора славянства, не палъ отъ руки Генриха Льва въ 1160 г. Около южной границы ихъ прежней земли, славяне завладѣли Бранденбургомъ и утвердили тамъ новое царство, послѣднее болѣзникое проявленіе умирающаго сильнаго народа; въ 1157 г. Альбрехтъ Медвѣдь (Albrecht der Bär) завоевалъ Бранденбургъ и напечь смертельный ударъ славянству между Эльбой и Одеромъ. Когда, наконецъ, датскій король Вальдемаръ (1169) завоевалъ Рюгенъ, послѣднее убѣжище славянъ-язычниковъ, тогда уже не было никакихъ препятствій къ онѣмеченію славянъ между Эльбой, Одеромъ и Балтійскимъ моремъ; это производилось съ большой быстротой и въ короткое время было приведено въ исполненіе. Одна часть славянъ была уничтожена нѣмцами и датчанами, другая продана въ рабство, а всѣ остальные должны были платить дань и нести барщинныя повинности. Подобной участи подверглись и

сорбы между Заалой, Эльбой и Рудными горами. Германское подразделение на округи проводилось завоевателями и въ покоренныхъ страахъ; всюду отдавались славянскія земли въ ленное пользованіе нѣмецкой знати, которая строила свои крѣпости на возвышеностяхъ и такимъ образомъ держала въ повиновеніи побѣжденныхъ; на правомъ берегу Эльбы съ 1124—1157 г. славянская национальность сорбовъ совершило уничтожена мечемъ и другими способами. Слѣдовательно, нельзя предполагать какое-либо смыщеніе рась къ западу изъ Эльбы. Лучшая участь ждала сорбовъ на правой сторонѣ Эльбы, въ позднѣйшей Лужицкой землѣ, Lausitz, гдѣ еще и до сихъ поръ встречаются слѣды славянъ. Здѣсь, безъ сомнѣнія, имѣли мѣсто многочисленныя смыщенія съ славянской кровью, такъ же, какъ и браки высокихъ особъ съ дѣвушками чешского и сорбского происхожденія. Но даже послѣ укрѣленія нѣмецкаго господства къ сорbamъ относились снисходительнѣе, тѣмъ къ остальнымъ славянамъ, такъ что они гораздо легче перенесли первый напискъ нѣмцевъ.

У жителей Помераніи, на берегахъ Балтийскаго моря, гораздо дольше сохранилась ихъ национальность. Съ древнихъ временъ они имѣли сношенія съ поляками. Указанія на раниeе распространеніе нѣмецкаго господства на Померанію, кажутся намъ сказочными; раниeе соприкосновеніе со скандинавскими и датскими норманнами не имѣло никакого этническаго вліянія; поэтому мы имѣемъ полное основаніе разсматривать жителей Помераніи ко времени первого соприкосновенія съ нѣмцами, какъ чистопольскихъ славянъ. Восточная часть Помераніи долго остается въ туманѣ. Только въ 1107 году удалось Болеславу Кривоустому превратить въ вассаловъ князей Помераніи; за этимъ послѣдовало полное подчиненіе полякамъ нижней и верхней Помераніи (1120—1121). До этого времени верхняя часть Помераніи колебалась между христіанствомъ и язычествомъ, въ передней же части Помераніи царило неизмѣнно язычество: только съ этихъ поръ христіанство пустило тамъ глубокіе корни, но не тотчасъ же проникли туда нѣмцы. Славянская земля эта, какъ известно, очень поздно соединилась съ Германіей и управлялась до 1637 г. туземными герцогами, подъ покровительствомъ которыхъ совершилось мирное переселеніе нѣмцевъ. Это повело къ вытѣсненію славянскихъ элементовъ на востокъ, такъ что къ извѣстному времени Голленбергъ (Gollenberg), восточнѣ Козлина (Koślin), сдѣлался границей, къ востоку отъ которой отступили славяне, тогда какъ на западѣ города и равнинны были заселены нѣмецкими переселенцами изъ Нижней Саксоніи, Фландріи и Голландіи. Происходило ли здѣсь какое нибудь смыщеніе рась, не вполнѣ еще выяснено; для верхней Помераніи это точно установлено; даже тамошнее славянское населеніе огерманізировалось лишь очень поздно. Остатки славянского прошлаго еще до сихъ поръ ощущительны вдоль всего берега Балтийскаго моря. Отъ Любека до Кольберга (древній Колобргъ), важнѣйшия города — славянскаго корня. Также многочисленныя фамиліи на «овъ» (какъ Вирховъ, Бюловъ и др.) живо напоминаютъ славянское происхожденіе.

Въ восточныхъ окраинахъ Германіи происходила та-же частичная германизація. Уже въ концѣ XIII в. господствовали нѣмецкій рыцарь и

вооруженный купецъ далеко на балтийскихъ берегахъ, тогда какъ свободный нѣмецкій крестьянинъ, предпочитаемый властующимъ родомъ, проводить свою борозду между подвластными латышскими народами на вновь распаханной лѣсной почвѣ прусской земли. Правда, въ Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи это происходило такъ рѣдко, что тамъ не могло произойти этническое измѣненіе. Въ Ригѣ, въ Ревелѣ, до Новгорода гаизейский купецъ имѣлъ въ общемъ одинаковый неуспѣхъ. Его культурное вліяніе нашло себѣ подходящую почву лишь въ узкой береговой полосѣ Пруссіи. Только города и резиденціи государей становились нѣмецкими, деревенское населеніе сохраняло свою латышскую и эстонскую національность; также было и въ Эстляндіи. Въ Лифляндіи орденъ меченосцевъ приготовилъ почву для проникновенія въ 1202 году христіанства и нѣмецкой цивилизациі. Въ Литвѣ и Пруссіи язычники приносили еще нѣсколько столѣтій жертвы въ священной рощѣ въ Ромовѣ (Romove). И только къ концу XIV ст., когда великий князь Ягелло крестился, для получения руки наследницы польского престола, только тогда не было уже никакихъ препятствий для обращенія въ христіанство литовцевъ. На призывѣ Польши еще въ 1228 г. явились первые рыцари тевтонского ордена въ языческую Пруссию, исполненные желаніемъ политической власти и земельной собственности. Пятьдесят три года продолжалась борьба, съ героической серьезностью, часто даже съ безпощадной дикостью, которую проявлять народъ въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о бытѣ и небытїи, пока, наконецъ, прусскій народъ не сдался тевтонскимъ рыцарямъ и крестоносцамъ. На каждомъ высокомъ холмѣ, на каждой переправѣ, въ каждой пристани возвышался замокъ, возлѣ него городъ, надѣленный владѣніями и любекскими, магдебургскими и кѣльскими правами.

Свободный дворъ упрямыхъ, зажиточныхъ фризскихъ и нижнегерманскихъ крестьянъ развивался также, какъ франко-алеманская деревня; онъ былъ представителемъ нѣмецкаго языка и обычаяевъ среди подчиненного славянскаго народа. Это является новымъ историческимъ подтвержденіемъ того факта, что племенное различие является обыкновенно также основаніемъ для сословныхъ подраздѣлений.

Русское славянство.

Происхожденіе русскаго государства заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія, въ виду того, что на этотъ счетъ существуютъ разногласія. Въ самомъ началѣ русскіе живутъ по сосѣдству со славянскими и индогерманскими народами и постоянно, неудержимо оттѣсняются они и поглощаются остальныя племена, въ особенности же финскіе элементы. Съ первого момента появленія русскихъ не можетъ быть и рѣчи о простомъ, а не сложномъ этнографическомъ элементѣ; а въ дальнѣйшемъ ходѣ событий соцрѣкословеніе съ другими народами должно было произвести пѣкоторое отклоненіе отъ самобытной національности. Сосѣдство печенѣговъ и половцевъ на югѣ и юго-востокѣ, въ первые вѣка исторіи Россіи, не могло не измѣнить первоначальный славянскій типъ. Поглощеніе финскихъ элементовъ въ центральныхъ мѣстностяхъ и на сѣверѣ и сѣверо-

востокъ государства создало съ помощью кочеваний и завоеваний, частью мирной и насильственной колонизации, этнографической конгломератъ, кажущейся продуктомъ истории и нигдѣ больше не встрѣчающейся.

На порогѣ русской истории стоитъ варяжский вопросъ, который до сихъ поръ составляетъ предметъ ученыхъ споровъ. Вопреки всему, что высказано противъ этого, на варяговъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на шведскихъ норманновъ. Въ византійскихъ договорахъ 911 и 914 гг. сохранилось 90 русскихъ собственныхъ именъ; они не только скандинавскаго происхожденія, но указываютъ даже съ опредѣленностью на Швецию, а въ особенности на мѣстности Упландъ (Upland), Зедерманландъ (Södermannland) и Эстерготландъ (Östergötland), какъ на первоначальную родину русскаго (варяжскаго) племени.

Противъ этого свидѣтельства языка всѣ остальные доказательства становятся безсмысленными, винушенными частью страшнымъ национальнымъ чувствомъ. По общимъ соображеніямъ, известія русского лѣтописца Нестора являются болѣе, чѣмъ вѣроятными, несмотря на то, что они въ отдельныхъ частяхъ укращены легендами. Славяне не были тогда еще въ состояніи основывать большія государства, тогда какъ скандинавы, путешествуя на своихъ корабляхъ, создали болѣе или менѣе прочное государство.

Очень рано завязались дѣятельныя сношения Запада съ береговыми народами Востока; въ IX столѣтіи шведы, съ возобновленіемъ энергіей, завязали сношения съ землями, лежащими на другомъ берегу Балтійскаго моря; на Ладожскомъ озерьѣ они устроили свои поселенія; эти поселенцы въ серединѣ столѣтія завоевали Новгородъ и стали властвовать надъ живущими здѣсь славянами; но лишь съ завоеванія Киева можно считать основаніе русскаго царства. Название Русь исчезло изъ Новгорода, чтобы исключительно и навсегда соединиться съ Киевомъ.

Древніе russы не давали себѣ самы такого названія, но переняли его отъ финновъ, на берегахъ Балтійскаго моря, назвавшихъ такимъ именемъ (Ruotsi) сѣверныхъ переселенцевъ. Изъ глубины славянской земли это название перешло въ Грецію. Удивительно, что здѣсь название росъ втеченіи XI столѣтія было замѣнено «варягомъ». Въ то время много шведовъ служили тѣлохранителями при Константинопольскихъ императорахъ. Съ постепеннымъ прекращеніемъ походовъ викинговъ, съ распространениемъ влиянія датчанъ и англичанъ, этнографическое название отступаетъ на задний планъ передъ военнымъ обозначеніемъ, такъ что въ XII столѣтіи слово варягъ обозначало чѣмто иное, какъ иноzemный воинъ. Скандинавскій элементъ, собственно русскіе, не долго сохранили свою национальную самобытность въ Киевѣ; самое большее, если она удержалась до третьяго—четвертаго поколѣнія.

Славянское населеніе, жившее вокругъ нихъ, было слишкомъ многочисленно и сильно вытѣснило норманскій языкъ и обычай.

Владимиръ сдѣлалъ славянскій языкъ — церковнымъ и себя считая славяниномъ; при его сынѣ Ярославѣ († 1056), черезъ браки былъ снова введенъ сѣверный элементъ, но съ его смертью порвалась послѣдняя связь русскихъ князей со скандинавской национальностью и родиной.

Руссы совершенно «ославяшились», а походы варяговъ прекратились въ 1043 г.; и нѣтъ никакой возможности указать слѣды и вліяніе скучного скандинавскаго элемента въ крови, обычаихъ и государственномъ устройствѣ.

Только въ русскомъ языкѣ имѣются нѣкоторые слѣды его происхождения¹⁾. Если принять въ соображеніе, что современная численность шведского населения не превышаетъ 4 мил., то тысячу лѣтъ назадъ оно не могло быть настолько большимъ, чтобы мы могли представить переселяющихся варяговъ многочисленнымъ народомъ. Если шведскіе пришельцы все же приходили въ Россію, то число ихъ было очень ограничено и, вопреки позднѣйшимъ указаніямъ, они ассимилировались со славянскимъ племенемъ. Доказательство этому, что въ 945 г. встрѣчается князь Святославъ, съ совершенно славянскимъ именемъ. Не они измѣнили русскій народъ, но, наоборотъ, послѣдніе измѣнили ихъ такъ же, какъ они это дѣлали впослѣдствіи съ многими финскими элементами. На Рюриковичей слѣдуетъ поэтому смотрѣть, какъ на совершенно ославянизированныхъ русскихъ, будь они, въ дѣйствительности, норманы, или нѣтъ. Связи съ родиной однако удержались на будущее время и это оказалось хорошее вліяніе. Остатки древностей опредѣленно указываютъ на шведское вліяніе въ Россіи.

Все же мы можемъ смотрѣть на культуру этой эпохи въ Россіи, какъ на безусловно туземную, такъ какъ еще вопросъ—превосходили ли варяги въ культурномъ развитіи русскихъ славянъ, несмотря на свой военно-политической бытъ. Какъ бы высоко мы не цѣнили тогдашнее культурное развитие русскихъ, оно не могло быть привезеннымъ, такъ какъ основывалось на естественныхъ условіяхъ страны.

Наконецъ, скандинавы царили, болѣе или менѣе продолжительно, и въ другихъ мѣстахъ—въ Англіи, Ирландіи и съверной Франціи—и здѣсь они не оставили глубокихъ слѣдовъ, по крайней мѣрѣ такихъ, которые бы существенно измѣнили первоначальный элементъ народа. Въ IX в. въ Россіи нѣкоторыя мѣстности все же достигли культурного успѣха. Острогородъ—позднѣйший Новгородъ—былъ уже значительнымъ городомъ, а замѣчательный Кіевъ на Днѣпрѣ, въ то время подъ господствомъ хазаръ, блисталъ еще до прихода собственно русскихъ, такъ какъ онъ владѣлъ древнимъ торговымъ путемъ. Центръ тяжести русского государства, которому, однако, не хватало единства, находился въ то время болѣе къ западу, чѣмъ поздише, а поэтому подвергался большему западно-европейскому вліянію.

Кіевскіе великие князья въ первыя столѣтія развитія русскаго государственного быта, кроме отношеній къ Византіи и Скандинавіи, завоевали еще таковыя и съ Германіей.

Новгородъ процвѣталъ и долгое время поддерживалъ связи съ Западомъ по Балтийскому морю. Отношенія Ганзы къ Новгороду длились до X^υ столѣтія, такъ какъ Волховская республика избѣжала непосредственнаго порабощенія татарамъ. Славянскому народу присуща особенная сила основывать города. Эта сила поконится на развитіи семьи и сохранилась до настоящаго времени. Большая часть съверо-германскихъ городовъ была

¹⁾ W. Thomsen. Происхожденіе русского государства. Три лекціи. Проредактированное авторомъ немецкое изданіе L. Bongemann'a Gotha, 1879. 8°.

основана славянами, и славянская названия въ настоящее время встрѣчаются всюду, даже въ Тюрингіи.

Русские славяне нигдѣ не достигали сѣверной части Балтийского моря; только новгородцамъ удалось утвердиться на географическомъ и историческомъ соединительномъ пункѣ при истокѣ Волхова изъ Ильменского озера. Съ раннихъ поръ жители береговъ Ильмени занимались торговлей. Задолго до появленія варяговъ они установили спошнія между югомъ и финскими народами, между тѣмъ какъ болгарскіе караваны съ Волги привозили имъ драгоценности востока для обмѣна съ продуктами сѣвера. Когда московскіе князья основали здѣсь свое господство, въ концѣ XVI столѣтія, пала торговая республика на Волховѣ съ ея своеобразнымъ устройствомъ. Постепенно стущалось и распространялось земледѣльческое славянское населеніе, усиленно работая топоромъ, косой и плугомъ надъ приготовленіемъ почвы; «земля—моя, гдѣ топоръ рубиль и куда коса или соха ходила», это значитъ, что мое владѣніе равняется моей работѣ; это было древней правовой формулой для приобрѣтенія въ собственность земли. Отъ верхневолжскаго бассейна русская колонизация распространилась къ сѣверо-востоку. Если норманны основывали государства винѣз по Днѣну, то новгородскіе славяне достигаютъ по Двинѣ Бѣлаго моря, гдѣ Холмогоры (Holmgard) рано образуютъ центральный пунктъ славянско-скандинавскихъ морскихъ спошній. Гдѣ въ настоящее время находится Архангельскъ, сгояль въ XII столѣтіи монастырь св. Михаила, платившій десятину новгородскому монастырю св. Георгія. Могучая славянская республика могла бы павѣрное быть опасной для нѣмцевъ на Балтийскомъ морѣ, если бы она не истощила всѣ свои силы на завоеванія и колонизацію финскаго сѣвера и области Урала. Быстро распространялись новгородцы въ мѣстностяхъ по рѣкамъ сѣвернаго Ледовитаго океана и уже въ XI в. ихъ караваны проходили черезъ области Печоры, Перми и Угры по всѣмъ направлѣніямъ, причемъ укрѣпленіе такого положенія не всегда обходилось безъ кровопролитія. Въ льготной грамотѣ Всеволода (XII ст.) упоминается уже о торговомъ сословіи на Онегѣ, въ Карелии, въ Вологдѣ и Перми.

Со своеобразнымъ происхожденіемъ новгородскихъ переселеній мы наглядно знакомимся изъ Климовской лѣтоиси; однако, здѣсь мы не будемъ на этомъ останавливаться. Мы удовольствуемся лишь установлениемъ, что эта колонизація была облегчена подвижностью и непостоянствомъ раздробленнаго и хитраго финскаго населенія и что осѣдлое земледѣльческое славянское и славянлизированное населеніе становилось все гуще. Подчиненіе, обращеніе, славянлизированіе слѣдовали одно за другимъ. Русскіе славянлизировали большую часть поволжскихъ народовъ и страны отъ Дона до Ледовитаго океана и создавали изъ нихъ однородную массу. Такъ путемъ колонизацій, поселковъ и постепенного славянлизированія образовался такъ называемый великорусскій народъ, въ которомъ финская кровь составляетъ значительный процентъ. По поводу этого присутствія финскаго элемента у русскихъ, благодаря политической и национальной враждѣ, было высказано много преувеличеній, повторенныхъ и нѣмецкой наукой. Виѣпартийная наука свидѣтельствуетъ только, что славянскій элементъ становится преобладающимъ на югѣ, также какъ на востокѣ его присутствіе уменьшается, и пропорционально возрастаетъ смѣщеніе съ чуждыми со-

ставными частями. Однако, въ Россіи славянство побѣдило чуждый ему финскій элементъ. Только съверо-западъ остался свободенъ отъ славянскаго вліянія. Занятые дѣлами исключительно на востокѣ, новгородцы не заселили берега Балтійского моря и поэтому тамъ могли укрѣпиться шведы, нѣмцы и датчане и подчинить эти мѣстности вліянію западно-европейской культурной системы. Иначе страны по Балтійскому морю были бы рано славянизированы. Одновременно съ распространениемъ русско-славянского народонаселенія распространялось и восточное христіанство, которое про никло въ Россію при Владимірѣ въ 988 г. Въ этомъ отношеніи русскіе славяне превзошли даже своихъ западныхъ союзей въ Литвѣ и Пруссіи.

О происхожденіи христіанства въ Россіи¹⁾ имѣются очень неточные указания. Подобно тому, какъ легендарно описывались обстоятельства, при которыхъ основывалось русское государство, такъ и события при введеніи нового вѣрованія носятъ легендарный характеръ.

Совершенно невѣроятно наивное указаніе на переговоры Владимира съ представителями различныхъ религій, посылая нѣсколькоихъ агентовъ для изученія въ разныхъ странахъ церковнаго быта и вѣрованій, чтобы дать возможность великому князю выбрать наиболѣе подходящую религію для своей страны,—все это не заслуживаетъ никакого довѣрія, несмотря на то, что этому въ нѣкоторыхъ случаяхъ вѣрять и даже этому учатъ. Введеніе христіанства представляется по Голубинскому въ слѣдующемъ видѣ.

Между варягами было много такихъ, которые, побывавъ въ Константинополѣ, приняли христіанство. Они безпрепятственно могли придерживаться своего ученія. Христіанская церковь существовала какъ частная религія. Число ея послѣдователей было значительно. Въ Кіевѣ была построена церковь Св. Ильи, которая, пожалуй, можетъ считаться «дочерью» константинопольской церкви Св. Ильи. Великий князь Игорь, который, подобно своему предшественнику Олегу, предпринялъ военный походъ на Византію, былъ, вѣроятно, христіаниномъ, не думая, однако, возвысить свое вѣрованіе до государственной религіи. Его супруга Ольга обратилась также, до нѣкоторой степени, въ типы своей частной жизни, въ христіанство и была даже крещена передъ путешествіемъ въ Константинополь (957), но она очень мало сдѣлала для распространенія христіанства среди народа, хотя и велѣла построить христіанскія церкви въ Кіевѣ и Псковѣ. Нѣтъ, однако, никакого сомнѣнія, что она умерла христіанкой. То обстоятельство, что слѣдующіе государи Святославъ, Ярополкъ и въ началѣ Владиміръ не были обращены въ христіанство, замедлило распространеніе новаго ученія, но не нанесло ему существеннаго вреда. Число церквей, существовавшихъ до признанія христіанства государственной религіей, Голубинскій обозначаетъ около 20—30. О какомъ-либо враждебномъ отношеніи язычниковъ къ христіанской церкви мы ничего не слышимъ. Среди такихъ обстоятельствъ произошло официальное обращеніе Руси въ христіанство величимъ княземъ Владиміромъ въ концѣ X стол. Этотъ государь вовсе не былъ въ положеніи выбирающаго между различными религіями, хотя онъ, какъ разъказываютъ, хотѣлъ добить своему народу новую вѣру отъ нѣмцевъ, болгаръ или византійцевъ. Ему нужно было только оформить

¹⁾ Ср. А. Brückner, „Історія Россіи до конца XVIII столѣтія“.

существовавшія уже съ давнихъ поръ въ Россіи, и христіанізація государства по греческому образцу имѣла огромный успѣхъ. Нужно еще помнить, что въ то время не существовало борьбы между латинской и греческой церковью, которая позднѣе проявилась очень энергично, такъ что Россія изъ за этой противоположности была потомъ исключена изъ участія въ нѣкоторыхъ событияхъ культурного развитія. Восемьсотъ лѣтъ тому назадъ русскіе не отставали такъ отъ нѣмцевъ, какъ теперь. Однако должны были быть иные основанія, помимо введенія греческаго православія, чтобы вызвать теперешніе результаты. Указывали на недостатокъ способностей у русскихъ. Это, однако, невѣрно. Можно себѣ представить параллель мальчиковъ въ школѣ; пока дѣло идетъ объ элементахъ знанія, все приложенные развиваются болѣе или менѣе ровно и только въ вышихъ стадіяхъ преподаванія, когда выступаютъ сложныя идеи, становится замѣтна большая разница въ способностяхъ. Правда, различіемъ способностей можно объяснить, многое и они вызываются то или другое культурное развитіе, но параллель не подходитъ—потому, что этнологи не сомнѣваются теперь въ равныхъ способностяхъ славянъ съ остальными арийскими народами. Съ допущеніемъ различныхъ способностей не добьешься никакого толка на европейской почвѣ и въ концѣ концовъ этимъ объясненіемъ ставится грекъ вмѣсто икса. Для русскихъ мы, однако, можемъ указать на причину данного положенія вещей. Почти вся вина, почему русскіе, едва присоединясь къ цивилизованнымъ народомъ Европы, были надолго оторваны отъ нихъ, состоить въ стихійномъ событии. Это событие—нашествіе монголовъ и все, что сопровождало его. Можно съ полнымъ правомъ называть эту народную бурю стихійнымъ явлениемъ, какъ всякое вообще кочеваніе народовъ, причины которого остаются загадкой. Но такъ какъ всякое явленіе природы имѣть свою причину, хотя бы мы и не могли ее открыть, то мы можемъ предполагать *causa efficiens* и для ужаснаго монгольского нашествія. Въ 1209 г. Темучинъ, по прозванию Чингизханъ, во главѣ своихъ монголовъ вторгся въ Китай и быстро завоевалъ эту обширную страну. Отсюда онъ покорилъ средне-азіатскія государства, а въ 1224 г. онъ направилъ свои орды въ южную Россію, которую всѣдѣ затѣмъ подчинилъ своему господству. Дальнѣйшая попытка проникнуть въ западную Европу (Польша, Силезія, Венгрия и Моравія были уже покорены) нашла предѣлъ у новой Вѣны. Разбойники повернули назадъ. Причина этого заключалась не столько въ храброй борьбѣ австрійцевъ и чеховъ, сколько въ томъ обстоятельствѣ, что они были отозваны на родину, гдѣ ихъ присутствие было необходимо въ виду смерти хана. Въ Россіи, однако, они господствовали три съ половиною столѣтія. Нравы монголовъ, которые были мясо убитыхъ и даже не убитыхъ враговъ, описывались, какъ самые дикие и можно себѣ представить то вліяніе, какое, согласно неизмѣннымъ законамъ культурного развитія, оказало господство этихъ варваровъ на русскій народъ. Всеобщее культурное одичаніе, насильственное отгѣсаніе едва развернувшагося культурного роста, образованіе, благодаря необходимости, нѣкоторыхъ качествъ, какъ рабскій инстинктъ, низкоопеклчество, лицемѣріе, хитрость, подкупничество и т. п., которыхъ должны были задерживать позднѣйшее развитіе, все это были необходимые результаты Нѣкоторыхъ азіатскія черты русскіе присвоили себѣ благодаря кровнымъ

связямъ съ побѣдителями и съ сосѣдями. Монголки жили при дворѣ прежнихъ царей и еще до сихъ порь въ Россіи есть много знатныхъ фамилій, которыхъ происходятъ отъ какой нибудь монгольской орды, хотя народная масса осталась не монголизированной. Несомнѣнно, однако, что монгольское господство наложило свою печать на русскихъ и освободило ихъ отъ своего ярма, доведя до очень низкой ступени культурнаго развитія.

Матеріальная и духовная культура Россіи потерпѣла громадный ущербъ, больший даже, чѣмъ это было въ древности отъ набѣговъ германцевъ. Впрочемъ, тому же господству варваровъ Западъ обязанъ процвѣтаніемъ литературы. Именно—указывается съ полнымъ убѣжденіемъ, что главная масса всѣхъ повѣстований и сказокъ, распространенныхъ въ Европѣ, Аравіи и Турціи происходитъ изъ Индіи, где буддизмъ является собственною носителемъ этого¹⁾). Изъ Индіи они проникли къ персамъ и арабамъ переведенными. Эти послѣдніе дали имъ возможность, благодаря своему долголѣтнему господству въ Испаніи и со-приосновенію съ итальянскими и греческими народами, распространиться на югѣ Европы. Здесь эти повѣстованія, а въ особенности веселые разсказы, вошли въ употребленіе, благодаря Бокаччевскому «Декамерону» въ Италии, въ Испаніи же благодаря Дону Мануэлю. На сѣверѣ же Европы эти проявленія индійскаго духа проникли благодаря монголамъ.

Обращенные въ буддизмъ монголы, вмѣстѣ съ новой вѣрой и ея вѣстникомъ, восприняли его разсказы и сказки и распространили ихъ, благодаря двухсотлѣтнему господству и другимъ со-приосновеніямъ, на востокѣ Евроши среди славянъ и германцевъ и даже дальше, о чѣмъ свидѣтельствуетъ почти дословное совпаденіе одной старой французской фableю съ однимъ изъ разсказовъ Siddhi-Kür'a²⁾.

Тогда какъ Россія теперь платилась за свое положеніе вблизи Азіи, оно впослѣствіи должно было послужить основаніемъ для могущества государства. И здесь подтверждается снова, что экономические законы начертываютъ путь культурнаго развитія. Въ настоящее время русскіе спокойно находятъ путь въ Китай и являются господами средней Азіи, тогда какъ англичане, проникая насилиственно, никогда не могли обойтись безъ ломки. Не можетъ быть спора о томъ, кто изъ двухъ народовъ—англичане или русскіе, являются болѣе культурнымъ народомъ. Также достовѣрно, что высоко цивилизованные бриты не умѣютъ доводить своихъ азиатскихъ подданныхъ до той культурной ступени, на которой находятся сами; русскіе же, напротивъ, достигли гораздо большихъ результатовъ среди азиатскихъ племенъ, которыхъ они удивительнымъ образомъ умѣютъ ассимилировать, несмотря на свое гораздо болѣе низкое, чѣмъ у бритовъ, культурное развитіе. Конечно, они могутъ довести ихъ только до того уровня раз-

¹⁾ Bernhard Sulg, Сказки Siddhi Kür'a. Калмыцій текеть съ нѣмецкимъ переводомъ и калмыцкимъ словаремъ Leipzig 1866. Siddhi Kür, любимая народная книга калмыцкой степи, ничто иное, какъ монгольская передѣлка старой буддійской критики индійскихъ собраній сказокъ, извѣстныхъ подт названіемъ Vetalas pantschatatim — „двадцать пять разсказовъ“. Ср. также Bernhard Sulg. Монгольскія сказки, разсказы изъ сборника Ardschi—Bordschi. Innsbruck 1867 съ совершенно одинаковымъ содержаніемъ какъ Тристанъ и Изольда Готтфрида Страсбургскаго.

²⁾ Benfey. Pantschatantra. Leipzig 1859 8°, 2 Bd.

витія, на которомъ находятся и сами; минимумъ того, что они въ дѣйствительности даютъ имъ, все-же больше, чѣмъ максимумъ, который англичане не могутъ выполнить. Подъ русскимъ господствомъ, правда, культурный прогрессъ совершається медленно, но постоянно и соответственно способностямъ и расовымъ склонностямъ. Цивилизациј же англичанъ азиаты совершенно чужды и не могутъ ее понять. Такимъ образомъ съ полнымъ правомъ говорить одинъ этнографъ: примѣсь монгольской крови, которая течеть въ сосудахъ русскихъ, является причиной достигнутыхъ результатовъ. Тѣ же причины, задержавшія культурное развитие Россіи, приводятъ ее въ настоящее время къ непредвидѣнному величію и помогаютъ ей не только покорить бывшихъ угнетателей, но и воспитать ихъ, т. е. распространить свѣтъ цивилизациі. Культурное развитие слѣдуетъ тѣмъ же законамъ.

Славяне южной Европы.

Исторически достовѣрное переселеніе славянскихъ племенъ на югъ Европы произошло довольно поздно. Хотя отдаленія кучки славянъ рано появляются на картахъ, однако государства готовъ, затѣмъ гунновъ, на время задержали ихъ вторженіе. Именемъ съ ними должны были тѣснымъ образомъ соприкасаться славяне, такъ какъ они долгое время проводили въ областяхъ, населенныхъ славянами. Значительное культурное влияніе гордаго народа—готовъ обнаруживается и теперь въ славянскихъ языкахъ, содержащихъ многочисленныя заимствованія изъ этого германского нарѣчія. Это можно вывести изъ нашихъ прежнихъ замѣчаній, гдѣ государственно-военные понятія, какъ князь, король, народъ, люди, названія оружій, выраженія для торговли и сношеній являются заимствованными, такъ какъ всего этого сначала не было у славянъ. Но такъ какъ влияніе простирается даже на такія слова, какъ мясо, хлѣбъ, молоко, скотъ, пиво и т. д., то мы должны предположить самая интенсивныя сношенія и самое тѣсное сожительство.

Послѣ того, какъ готы были оттѣснены гуннами, а эти иослѣдніе снова повернулись на востокъ, славяне могли подвинуться впередъ. Они поселились на всемъ протяженіи между низовьями Днѣпра и Дуная и окружали въ продолженіе цѣлаго столѣтія со всѣхъ сторонъ Карпаты. Вѣроятно уже въ серединѣ V-го столѣтія славяне жили подъ охраной господства гепидовъ, за которымъ слѣдовало господство аваровъ—древняго народа, подобного гуннамъ. Подъ ихъ господствомъ славяне населили между 568—592 по Р.Х. Паннонію на всемъ ея протяженіи, какова она была, во время римлянъ, Норию и всѣ земли отъ Дуная до Истрии. Южнѣ Дуная поселенія славянъ въ мѣстностяхъ Мизіи начинаются лишь съ VII ст. Въ 657 г. по Р. Х., они становятся оброчными подданными римского государства, такими же, какими они встрѣтили болгаръ, съ появлениемъ которыхъ романское господство въ Мизіи собственно приходитъ къ концу.

Нѣть никакого сомнѣнія, что древніе болгары были вѣтвью гунновъ. Здѣсь не имѣть никакого значенія принадлежали ли они къ турецкому племени или же, по предположенію одного новѣйшаго изслѣдователя къ племени самоѣдовъ; важно только то, что болгары, подобно гуннамъ, аварамъ,

хазарамъ и печенѣгамъ не были арійскаго происхожденія и нашли Мизію заселеной арійскими славянами. Такимъ образомъ, основанное здѣсь болгарское государство вовсе не состояло изъ однихъ болгарскихъ элементовъ, но изъ значительного числа славянского населенія, между которыми болгары были политически—главными и оставляли господствующій классъ. Что является обыкновеніо въ такихъ случаяхъ, то произошло и здѣсь. Славянское большинство смѣшалось съ болгарами и слилось съ ними въ продолженіе двухъ столѣтій. Для этого смѣшанія господствующаго и покореннаго народа потребовалось лишь 250 лѣтъ. Съ X столѣтія болгарскій языкъ все болѣе вытеснялся общепотребительнымъ славянскимъ. Славяне приняли название болгаръ. Итакъ, между теперешними болгарами и древними нѣтъ никакого родства. Въ современномъ болгарскомъ языкѣ, который является наимѣніемъ славянскаго, находятся все же немногіе древніе элементы.

Этотъ болгарскій діалектъ измѣнился съ теченіемъ времени, болѣе всякаго другого, такъ что онъ имѣть отдаленное сходство съ кореннымъ языкомъ и труднѣе всѣхъ понимается. Точно также и физическій типъ современныхъ болгарскихъ народовъ отличается нѣкоторыми чертами отъ сосѣднихъ славянскихъ народовъ. Въ то время, какъ происходила славянізация восточной части Балканскихъ странъ, въ западную часть полуострова проникли сербо-хорватскіе переселенцы. Сербы и хорваты, какъ известно,—одинъ народъ съ однимъ языкомъ, отличающійся теперь только по вѣроисповѣданію и шрифту. Такимъ образомъ заблаговременно начался процессъ, превративший романское государство въ славянское. Съ VII и VIII ст., области на сѣверъ отъ Балканъ были славянскими и въ этомъ мы можемъ видѣть причину постепенного паденія и политической слабости восточно-римского государства. Если даже военное счастье улыбалось константинопольскимъ царямъ и давало возможность оттеснить вражескіе народы отъ границъ государства, все же, наконецъ, побѣдила, древнюю культуру, уже много разъ побѣждавшая въ исторіи грубая сила. Подчиненіе славянъ, было иллюзіей, а не побѣдою въ борьбѣ за существованіе, такъ какъ они легко освобождались, основывали свои государства и даже угрожали стѣнамъ Константина.

Съ переселеніемъ хорвато-сербовъ и мизійскихъ славянъ, славянское странствованіе послѣ двухсотлѣтнаго періода пришло къ концу; изъ трехъ большихъ переселеній народовъ, германскаго, славянскаго и турецко-угорскаго, приводившихъ въ колебаніе въ продолженіе тысячелѣтія нашу часть свѣта, славянское переселеніе протекло всѣхъ спокойнѣе, имѣю болѣе прочное вліяніе. Переселеніе не соединяетъ крѣпче народъ, оно не создаетъ королей толпы и царство меча. Это исторія колонизаціи, а не завоеванія, имѣвшая здѣсь мѣсто по раннѣе указаннымъ причинамъ. Все то, чѣмъ завладѣли славяне, упорно ими отстаивалось и большого труда стоило нѣмцамъ отнять у нихъ часть ихъ земли. По этимъ причинамъ существуетъ гуннское, османское преданіе о завоеванії, германскій эпосъ изъ временъ переселенія народовъ; но ничего подобнаго нѣтъ у славянъ. Только впослѣдствіи, во время серьезной борьбы за землю и свободу, проявились у русскихъ и сербовъ героическая пѣсни,

такъ какъ только въ этотъ періодъ создалось необходимое предварительное условіе для сословія обяръ и князей. Славянскія массы, жившія на югѣ, характеризуются, какъ разбойническія орды на самой низкой степени развитія. Но еще неизвѣстно, достовѣрны ли изслѣдованія иныхъ писателей. То, что одному кажется грубостью, то другой называетъ простотой. Славяне на югѣ могли быть просты и грубы, какъ большинство первобытныхъ народовъ, но они были сильны и здоровы и являлись продуктомъ ихъ хозяйственнаго строя со всѣми преимуществами и слабостями вызванными имъ. Конечно, по ихъ жизни мы не можемъ заключить о бытѣ славянъ въ Германіи. Нѣтъ никакой надобности представлять себѣ всѣ славянскія племена на одинаковой ступени развитія, скорѣе можно себѣ представить обратное. Какое большое различіе было между близкими сосѣдями франками и саксами, несмотря на ихъ общее германское происхожденіе! Девятьсотъ лѣтъ тому назадъ древняя Саксонія выглядѣла такъ, какъ теперь западъ сѣверной Америки. Къ тому же у насъ есть весьма правдоподобный объясненія отсталости южныхъ славянъ постоянными соприкосновеніями съ дикими тюркско-угорскими племенами, которыхъ цѣлые столѣтія держали въ подчиненіи южную Россію, отъ Кавказа до Дуная, и отдалили южанъ отъ сѣверныхъ сородичей. Культурно-историческое влияніе соприкосновенія съ низшими посторонними элементами не является исключительной ее чиной отсталости южныхъ славянъ. Скорѣе всего, они поселились въ области, отрѣзанной уже въ древности отъ великаго культурного потока. Населеніе Далмациі, Илліріи и другихъ балканскихъ земель считалось уже въ древности варварскимъ. Въ эти области цивилизациѣ проникаетъ гораздо позже, чѣмъ куда либо.

Проф. М. Гиртъ.

Замѣтки читателя по поводу „упраздненія“ Туганъ-Барановскимъ и Струве ученія Маркса о прибыли.

Въ своей статьѣ, помѣщенной въ февральской книжкѣ „Жизни“ за 1900 годъ, П. Б. Струве, упразднивъ, на свой взглядъ, теорію трудовой цѣнности Маркса посредствомъ „reductio ad absurdum“ ученія объ уровнѣ прибыли, обѣщаєтъ приступить, вмѣстѣ съ другими представителями „критического направлениа въ русской литературѣ“, къ задачѣ „вставить... въ широкую и грандиозную рамку соціологическихъ обобщеній Маркса“ нѣчто совершенно отличное отъ той картины, которая наполняетъ эту рамку у самого Маркса.

Съ неменьшей рѣшительностью упраздняетъ теорію прибыли, а за нею и трудовой цѣнности Маркса, также и М. И. Туганъ-Барановскій, предлагая въ замѣну свою собственную теорію прибыли, составляющую одно цѣлое съ его теоріей рынковъ, признаваемой отчасти и нѣкоторыми другими изъ нашихъ экономистовъ. Такое рѣшительное нападеніе на ученіе Маркса двухъ видныхъ представителей нашего „критического направлениа“ должно было привлечь къ себѣ вниманіе. Оба названные нами автора желаютъ слышать голосъ лишь „самостоятельной“ критики, занимающейся „взвѣшиваніемъ и анализомъ высказанныхъ ими идей“, строго предостерегая послѣдователей Маркса отъ вреда „перефразировки и повторенія“... „всѣмъ извѣстной догмы“ его ученія. Отвѣтами на свою статью въ майской книжкѣ „Научнаго Обозрѣнія“ за прошлый годъ Туганъ-Барановскій остался недоволенъ какъ „чисто формальными и не затрогивающими сущности дѣла“.

Я не болѣе какъ „читатель“ въ области политической экономіи. Читатель въ томъ смыслѣ, что никогда не занимался специальной разработкой того или другого ея отдѣла, никогда не рассматривалъ подолгу въ микроскопъ различныхъ формулы или схемы, встрѣчающихся въ „Капиталѣ“, изолировавъ эти схемы отъ общаго содержанія книги. Для меня ученіе Маркса всегда имѣло

значение лишь въ его цѣломъ, какъ теоретическое отраженіе и—тѣмъ самыи—объясненіе дѣйствительности. „Формальными“ мои замѣтки не будутъ, но не будутъ онъ отличаться и той самостоятельностью, которая, что касается до упраздненія ученія Маркса о паденіи уровня прибыли, заключается у занимающихъ нась писателей въ игнорированіи смысла этого ученія ради разрушительныхъ упражненій надъ схемами и формулами, отдѣленными отъ выраженного въ нихъ содержанія. Напоминаніе объ этомъ содержаніи Струве и Туганъ-Барановскій сочтутъ вѣроятно вредной „перефразировкой“. Я мало надѣюсь убѣдить критиковъ. Но мои замѣтки имѣютъ другую цѣль.

Сферой „чистой“, специальной науки значеніе теоріи Маркса никогда не ограничивалось. Эта теорія важна не для однихъ специалистовъ по политической экономіи. На свѣтѣ много такихъ же, какъ я, читателей. Я надѣюсь, что нѣкоторымъ изъ такихъ читателей мои замѣтки помогутъ „взвѣсить и проанализировать“ тѣ способы, посредствомъ которыхъ созданы такъ громко провозглашенныя ошибки и антиноміи Маркса.

Сама по себѣ новая теорія рынковъ не составляетъ предмета моихъ замѣтокъ, но такъ какъ Туганъ-Барановскій совершенно правъ, указывая Нежданову на ея неразрывную связь со своей теоріей прибыли, такъ какъ и возраженія Марксу и теорія прибыли прямо-таки вытекаютъ у него изъ теоріи рынковъ, какъ ея необходимое дополненіе, то мнѣ приходится коснуться мимоходомъ и теоріи рынковъ.

Эта теорія, выросшая на почвѣ полемики противъ взглядовъ гг. В. В. и Н—она, говорить намъ о независимости капиталистического производства отъ иностраннаго для него рынка, въ смыслѣ ли заграничнаго вывоза, или въ смыслѣ третьихъ лицъ — некапиталистическихъ производителей внутри страны. Очевидная и безусловная необходимость иностраннѣхъ рынковъ для существующихъ капиталистически развитыхъ странъ выросла изъ ихъ специализаціи на извѣстныхъ отрасляхъ промышленности. Предполагается, что если бы капиталы и рабочіе распредѣлялись пропорціонально между всѣми отраслями промышленности, эти отрасли служили бы рынкомъ другъ для друга, и общая сумма продуктовъ развивающей свое капиталистическое производство страны могла бы также расти, какъ росла при работѣ на всемирномъ рынке.

Это, конечно, болѣе, чѣмъ сомнительно.

Вытѣснивъ продукты своихъ собственныхъ производителей съ национальнаго рынка, англійская промышленность продолжала такое же вытѣсненіе на всемирномъ рынке и могла удваивать и утраиватъ свое производство въ такую эпоху, когда англійское потребленіе какъ мѣстныхъ, такъ и привозныхъ продуктовъ, скорѣе

падало, чѣмъ росло. Работая же исключительно на національный рынокъ, англійскій капитализмъ бытъ бы вынужденъ сообразовать свой ростъ съ ростомъ потребленія жителей Англіи.

Но крайній и единственный интересующій насъ здѣсь видъ этой теоріи отрицааетъ зависимость роста капиталистического производства—не отъ вѣнчанихъ рынковъ только, а также и отъ внутренняго спроса на предметы потребленія. Пропорціонально-распределенное производство средствъ производства можетъ само для себя служить рынкомъ и благополучно расти при уменьшениі производства предметовъ потребленія. Въ капиталистическомъ хозяйствѣ цѣлью производства является не потребленіе, а прибыль. Возможность возрастанія отдѣла: „средства производства“, на счетъ отдѣла: „средства потребленія“ видна изъ извѣстныхъ схемъ общественнаго воспроизводства.

Эти схемы, предназначенные у Маркса для выясненія совсѣмъ иного вопроса, играютъ въ нашей литературѣ о рынкахъ огромную, но едва ли подобающую имъ роль. Съ ними можно продѣлывать что угодно и показывать самые противоположныя вещи.

1-й отд.	Средства производства	4000 с + 1000 в + 1000 м = 6000
2-й отд.	„ потребленія рабочихъ . . .	1000 с + 250 в + 250 м = 1500
3-й отд.	„ „ капиталистовъ . .	1000 с + 250 в + 250 м = 1500

Попробуемъ уменьшить въ каждомъ отдѣлѣ перемѣнныи капиталъ вдвое,— а можно и сразу вдесятеро— и остальную половину, или $\frac{9}{10}$ приложимъ во всѣхъ отдѣлахъ къ постоянному капиталу того же отдѣла, а затѣмъ всѣ числа второго отдѣла уменьшимъ вдвое или вдесятеро, а всѣ остатки приложимъ къ соответствующимъ числамъ 1-го отдѣла, и— какъ видите— всѣ части всѣхъ отдѣловъ нынѣшнему находятъ свой эквивалентъ.

1-й отд.	Средства производства	6002 $\frac{1}{2}$ с + 122 $\frac{1}{2}$ в + 1225 м = 7350
2-й отд.	„ потребленія рабочихъ . .	122 $\frac{1}{2}$ с + 2 $\frac{1}{2}$ в + 25 м = 150
3-й отд.	„ „ капиталист. .	1225 с + 25 в + 250 м = 1500

Такія же операциіи можно продѣлать, разумѣется, и съ постояннымъ капиталомъ и съ прибылью, можно производить между ними различныя комбинаціи. Да мало ли что можно дѣлать! Нужно только соблюдать „пропорціональность“ и все останется въ порядке. Но какой бы порядокъ ни царствовалъ въ мірѣ схемъ, какими бы аргументами намъ ни пытались доказать, что производство средствъ производства можетъ увеличиваться при уменьшениі производства предметовъ потребленія, мы можемъ только повторить отвѣтъ Вольтера физіократамъ, утверждавшимъ, что одно лишь земледѣліе приносить чистый доходъ: нѣть, хотя бы самъ Богъ сказалъ противное, міръ не сдѣланъ изъ стекла!...

Не могу также и я не видѣть, что сокращеніе производства

пищи, одежды, обуви, утвари, мебели и проч. неизбежно ведеть за собою сокращение производства пряжи, хлопка, льна и шерсти зерна и топлива, желѣза, красокъ, и проч. и проч. За этимъ не можетъ не послѣдовать прекращеніе производства основнаго капитала для всѣхъ этихъ закрывшихся производствъ, элементовъ оборотнаго капитала, а слѣдовательно—сокращеніе metallurgicheskoy и каменноугольной промышленности и основнаго капитала этой промышленности. Все это должно закончиться сокращеніемъ производства машинъ, дѣлающихъ машины, вплоть до самыхъ вершинъ этой машиностроительной іерархіи. Всѣ эти сокращенія должны сопровождаться новымъ уменьшеніемъ потребленія, что, вмѣстѣ съ сокращеніемъ торговли и перевозки товаровъ, должно вызвать новую волну сокращеній производства по всей линіи. И чѣмъ „пропорціональнѣе“ и „независимѣе“ представимъ мы себѣ капиталистическое хозяйство, тѣмъ чувствительнѣе должны быть всѣ его отдѣлы къ уменьшенню производства предметовъ потребленія. „Пропорціональность“-то и требуетъ, при такомъ уменьшениі, сокращенія всѣхъ отдѣловъ, создающихъ средства производства. Не подлежитъ сомнѣнію, что цѣлью капиталистического производства является не потребленіе, а прибыль, но производить средства для отсутствующаго производства было бы занятіемъ нецѣлесообразнымъ и прибыли не принесло бы.

Туганъ-Барановскій видить подтвержденіе своей теоріи въ новѣйшемъ фазисѣ промышленного развитія Англіи. Ея текстильная промышленность перестала рости, тогда какъ машиностроительное производство, химическое, обработка металловъ, добыча каменного угля и другія отрасли промышленности, создающія средства производства, продолжаютъ рости. Само по себѣ это обстоятельство говоритъ лишь о томъ, что рядомъ съ Англіей существуютъ страны, употребляющія англійскія средства производства для изготавленія своихъ предметовъ потребленія, часть которыхъ получалась прежде изъ Англіи. Видѣть въ этомъ какое-то подтвержденіе новой теоріи, должно быть, помогаетъ положеніе: „продукты обмѣниваются на продукты“, но лишь взятое совершенно абстрактно, такъ какъ, при попыткѣ вложить въ него конкретный смыслъ, оно для теоріи рынковъ тотчасъ же теряетъ всякое значеніе.

Какъ бы тамъ ни было, теорія существуетъ, а разъ она существуетъ, ей нужно показать, что производительность труда можетъ рости, не увеличивая количества продуктовъ (средства производства могутъ разростаться при неизмѣнномъ, или падающемъ потребленіи), а машины могутъ замѣнять рабочихъ, не уменьшая ни издер-

жекъ производства, ни прибыли (уменьшеније издержекъ при неизмѣнности продукта, равняется уменьшенију капитала, а паденіе уровня прибыли, не вознаграждаемое ростомъ ея массы,—паденію капитализма).

Всѣмъ этимъ надобностямъ удовлетворяетъ—фабриканть шелковыхъ тканей, открывающій „основную ошибку абстрактной теоріи капитализма Маркса“. Онъ отпустилъ половину своихъ рабочихъ и пріобрѣлъ такие механические станки, при которыхъ издержки производства прежняго количества продукта ничуть не понизились.

Туганъ-Барановскій полагаетъ, что по теоріи Маркса прибыль этого фабриканта должна пасть, а между тѣмъ: „предложеніе тканей остается прежнимъ, спросъ также — нѣть никакого основанія предполагать его измѣнившимся. Слѣдовательно, и цѣна ткани не испытаетъ перемѣны“. Рынокъ, по справедливому замѣчанію автора, даже и не замѣтилъ происшествія на шелковой фабрикѣ. „А если такъ, то и процентъ прибыли шелковаго фабриканта останется совершенно такимъ же, какъ и до замѣщенія части перемѣнного капитала постояннымъ, ибо всѣ расходы фабриканта тѣ-же, и выручка та-же, что и раньше. Такъ говорить простой здравый смыслъ и ежедневный опытъ“. Совершенно вѣрно. Ободренный очевидной убѣдительностью своего примѣра, Туганъ-Барановскій переходитъ къ цѣлой странѣ. Ея производство выражалось сперва въ схемѣ: $100c + 200v + 200m = 500$. Затѣмъ ея предприниматели, опять таки безъ уменьшенія издержекъ производства того-же количества продукта, замѣняютъ половину рабочихъ машинами: $200c + 100v + 200m = 500$, и рынокъ опять ничего не замѣчаетъ... Ни простой здравый смыслъ, ни ежедневный опытъ этого, положимъ, уже не говорять. Если у человѣка выпадетъ одинъ волосъ, то очевидно, что этого никто не замѣтитъ, но, разъ человѣкъ потеряетъ всѣ волосы или хотя половину, ежедневный опытъ говорить намъ, что онъ сдѣлается плѣшивымъ.

Посмотримъ, какимъ образомъ, вопреки вѣковому опыту капиталистического производства, страна Туганъ-Барановскаго или его шелковый фабриканть ухитрился удвоить производительность труда рабочихъ, не понизивъ своихъ издержекъ?

Постоянный капиталъ состоять, какъ извѣстно, изъ основнаго, передающаго продукту часть своей цѣнности, но не входящаго въ него материально, и изъ сырья (въ данномъ случаѣ шелка), цѣликомъ входящаго въ продуктъ и материально и по цѣнности — это самъ продуктъ въ недоконченномъ состоянії. Предположимъ, что до переворота станки составляли въ передаваемой продукту цѣнности постояннаго капитала $\frac{1}{4}$, т. е. 25 единицъ.

ницъ цѣнности, а 75 стоилъ шелкъ. Шелкъ и послѣ переворота больше 75 единицъ цѣнности стоить не можетъ, такъ какъ количество продукта осталось прежнимъ, слѣдовательно, новые станки стоять впятеро дороже старыхъ, хотя сократить на нихъ можно лишь то-же самое количество ткани. Вмѣсто 25 единицъ цѣнности они передаютъ теперь тому-же самому продукту 125 единицъ.

Считая несостоятельность ученія Маркса о прибыли уже доказанной предыдущими примѣрами, Тугань-Барановскій спрашиваетъ себя: „Въ чёмъ же заключается ошибка Маркса?“ и находить ее въ томъ, что „Марксъ очень часто говоритъ о вліяніи на норму прибыли возрастанія производительности труда, но при этомъ онъ всегда разумѣеть подъ такимъ возрастаніемъ уменьшеніе затраты капитала на производство единицы продукта. Но измѣненіе производительности труда, зависящее *только* отъ измѣненія сложенія капитала, при неизмѣнности издержекъ производства единицы продукта, не изслѣдовано Марксомъ. Отсюда и вытекаетъ основная неправильность построенія Маркса...“

Въ рядѣ схемъ, приведенномъ Туг.-Барановскимъ изъ 13-й главы III т. „Капитала“, нѣть схемы, соотвѣтствующей его шелковому фабриканту, но въ 15-й главѣ того-же тома совершенно аналогичный примѣръ рассматривается въ дополнительныхъ поясненіяхъ къ тому общему положенію, что *сопротивленіе* ростомъ производительности труда растетъ лишь масса сырья, лишь *оборотная* часть постоянного капитала, но *не основная*. Хотя машины при увеличивающейся массивности (вследствіе увеличенія размѣровъ производства, увеличенія той *массы* сырья, для обработки которой онъ предназначаются) становятся абсолютно дороже, но относительно онъ дешевѣютъ. Если пять рабочихъ производятъ товаровъ вдесятеро больше прежняго, то отъ этого затраты на основной капиталъ не удесятеряются (у Туг.-Барановскаго онъ удесятеряются, когда 5 рабочихъ производятъ товара лишь вдвое больше прежняго), онъ возрастаютъ вмѣстѣ съ ростомъ производительности труда, но далеко не сопротивленіе ростомъ.

Что иначе и быть не можетъ, разъясняется на примѣрѣ машины, которая, вдвое сокращая живой трудъ, въ то-же время втрое увеличивала-бы цѣнность, передаваемую единицѣ продукта ея собственнымъ изнашиваніемъ и въ общемъ оставляла-бы издержки производства прежними. Не удешевляя товара, такая машина въ капиталистическомъ хозяйствѣ не представляеть усовершенствованія, капиталисту нѣть никакого интереса ввести ее. Распространиться она не можетъ потому уже, что въ прямой убытокъ—обезцѣнивала-бы, превращая въ ломъ, еще не изношенная, дѣйствующая машины, а такихъ „утопическихъ глупостей“

капиталисты не дѣлаютъ¹⁾). Сокращеніе труда само по себѣ, ради досуга, могло интересовать самостоятельныхъ производителей; къ нему будетъ всѣми силами стремиться планомѣрно хозяйствующее общество, капиталисту-же интересно не сокращеніе живого труда, а лишь сокращеніе издержекъ. Тут.-Барановскій находитъ нужнымъ „изслѣдовать явленіе въ наиболѣе чистомъ видѣ— изслѣдовать, какъ вліяетъ замѣщеніе перемѣнного капитала постояннымъ само по себѣ“, безъ уменьшенія издержекъ производства. Онъ изслѣдуется вліяніе на уровень прибыли такого явленія, которое „само по себѣ“ станетъ возможнымъ (какъ общественная тенденція, а не личный капризъ)... лишь съ исчезновеніемъ капиталистической прибыли.

Но капиталистъ Тут.-Барановскаго дѣйствуетъ не по экономическимъ разсчетамъ, а лишь по злобѣ. Онъ желаетъ „избѣгнуть непріятности“ и мѣтъ дѣло съ рабочими. Такъ какъ „механически“ прибыль падаетъ лишь у схематического Маркса, противъ котораго борются теперь Струве и Тут.-Барановскій, у реальнаго-же Маркса—механизмомъ, вырабатывающимъ изъ роста производительности труда паденіе прибыли, служить конкуренція, борьба за спросъ, а сердитый фабрикантъ ее не задѣть, то по обычнымъ экономическимъ причинамъ его прибыль не потерпить урона. Достигнуть ли онъ той нравственной цѣли, къ которой стремится— это другое дѣло. Еще въ шелковомъ-то производствѣ—куда ни шло, но устроилъ такую штуку въ одной изъ отраслей англійской промышленности, гдѣ существуютъ рабочіе союзы, секретари которыхъ прекрасно знаютъ условія промышленности и тотчасъ проникли-бы въ мотивы фабриканта, ему дорого пришлось-бы поплатиться за свою продѣлку— даже и со стороны прибыли, а ужъ душевнаго-то удовлетворенія навѣрное пришлось-бы ждать до обезьянь, о которыхъ зри у Тугана-Барановскаго²⁾.

Никакихъ иныхъ аргументовъ, кроме всего того-же замѣщенія рабочихъ машинами „caeteris paribus“, не приводить Тут.-Барановскій и во второй своей статьѣ, озаглавленной „Трудовая цѣнность и прибыль“³⁾.

Разсмотримъ его собственное ученіе объ уровняхъ прибыли,

¹⁾ На томъ, что машина всегда стоитъ меньше замѣняемой ею рабочей силы, Марксъ неоднократно настаиваетъ и въ I томъ и въ другихъ мѣстахъ III-го. Я „повторяю всѣмъ извѣстную догму“. Это, разумѣется, скучно, но вѣдь очевидное *не*-паденіе прибыли шелковаго фабриканта поставлено во главу угла всего крушенія теории Маркса. Какъ-же не напомнить читателю, что Марксъ изслѣдовалъ тенденціи существующаго капиталистического строя, а не „стеклянного дворца“, который созданъ и изслѣдуется Тут.-Барановскимъ?

²⁾ Май 1899 г. Н. О. „Основная ошибка“.

³⁾ Мартъ 1900 г. „Н. О.“.

въ заключеніе котораго онъ цѣлыми четырьмя строчками курсива подчеркиваетъ свое торжество надъ Марксомъ.

„Отъ какихъ бы причинъ ни зависѣла цѣнность продуктъ... распредѣленіе продукта между отдѣльными общественными классами совершается при посредствѣ цѣны. Какъ предметы, имѣющіе цѣну, всѣ продукты соизмѣримы другъ съ другомъ. Весь общественный продуктъ распадается на три части: одна идетъ на возстановленіе средствъ производства, другая на потребленіе рабочихъ и третья поступаетъ въ распоряженіе нетрудящихся классовъ. Чѣмъ опредѣляется доля нетрудящихся классовъ? Очевидно, высотой двухъ другихъ долей—средствъ производства и предметовъ потребленія рабочихъ. Если доля рабочихъ и средствъ производства въ суммѣ останется неизмѣнной, то и доля нетрудящихся классовъ не можетъ измѣниться, *какъ-бы ни измѣнялась доля рабочихъ*. Допустимъ, что доля средствъ производства = $\frac{1}{4}$ всего продукта, доля рабочаго класса $\frac{1}{2}$ и доля нетрудящихся классовъ $\frac{1}{4}$. Пусть доля рабочаго класса сократится вдвое, а доля средствъ производства соотвѣтственно возрастѣтъ. Въ такомъ случаѣ на долю рабочаго класса придется $\frac{1}{4}$ продукта, на долю средствъ производства — $\frac{1}{2}$. Но такъ какъ доля рабочихъ и средствъ производства въ совокупности не измѣнилась, то и доля нетрудящихся классовъ должна оставаться неизмѣнной. Отсюда ясна мнемость закона Маркса о паденіи нормы прибыли. Замѣщеніе рабочаго машиной, *caeteris paribus*, никакого вліянія на долю капиталистовъ, а, слѣдовательно, и на норму прибыли не оказываетъ“¹⁾.

Какимъ-же способомъ достигается здѣсь неизмѣнность суммы общественного продукта, при ростѣ доли средствъ производства на счетъ доли рабочихъ? Чтобы разсмотрѣть его, изобразимъ это хозяйство въ обычной схемѣ, только при постоянномъ капиталѣ отмѣтимъ въ скобкахъ его распаденіе на основную *os* и оборотчную *ob* части. Эти части мы беремъ произвольно, но ихъ относительные размѣры не измѣняютъ дѣла.

1) Средства производства 125 (25 ос. 100 об.) $c + 250 v + 125 m = 500$.

2) Средства потребленія рабочихъ 250 (50 ос. 200 об.) $c + 500 v + 250 m = 1000$.

3) Средства потребленія капиталистовъ 125 (25 ос. 100 об.) $c + 250 v + 125 m = 500$.

Соединенныя-же вмѣстѣ средства потребленія капиталистовъ и рабочихъ равнялись 375 (75 об. + 300 ос.) $c + 750 v + 375 m = 1500$.

¹⁾ „Науч. Об.“ № 3 1900 г. „Трудов. цѣнн. и прибыль“.

Это при первоначальномъ составѣ капитала “¹”).

Послѣ переворота доля средствъ производства изъ $\frac{1}{4}$ превращается въ $\frac{1}{2}$, доля рабочихъ изъ $\frac{1}{2}$ въ четверть, а такъ какъ доля капиталистовъ остается прежней, то въ общемъ производство предметовъ потребленія сокращается на $\frac{1}{3}$, на $\frac{1}{3}$ -же уменьшается очевидно и количество превращаемаго въ эти предметы сырья и полуфабрикатовъ, т. е. оборотная часть постояннаго капитала въ отдѣлѣ средствъ потребленія.

1) Средства производства: $500 \text{ с} + 250 \text{ в} + 250 \text{ м} = 1000$.

2) и 3) Средства потребленія капиталистовъ и рабочихъ: 500 ($300 \text{ ос. } 200 \text{ об.}$) $\text{ с} + 250 \text{ в} + 250 \text{ м} = 1000$.

Такимъ образомъ, до переворота 75 единицъ основного капитала было достаточно для обработки 300 единицъ сырья въ 1500 единицъ продукта, послѣ переворота требуется учетверенный основной капиталъ для обработки 200 единицъ сырья и производства, сократившагося на $\frac{1}{3}$ продукта. Не имѣя ни малѣйшихъ данныхъ относительно причинъ безмѣрнаго вздорожанія машинъ, приобрѣтаемыхъ у 1-го отдѣла двумя послѣдними, мы не можемъ произвести соответствующихъ измѣненій въ отношеніи между основнымъ и оборотнымъ капиталомъ въ отдѣлѣ производства средствъ производства. Но этого и не нужно для того, чтобы видѣть, что Тугань-Барановскій, замѣнивъ рабочихъ машинами, могъ сохранить неизмѣнными, какъ общую сумму продукта, такъ и издержки производства (общую сумму долей рабочихъ и средствъ производства) лишь посредствомъничѣмъ не объяснимаго вздорожанія основнаго капитала. Именно — вздорожанія, такъ какъ для производства уменьшенаго количества продукта, увеличеніе массы основнаго капитала понадобиться не можетъ.

Читатель видѣть, что это не новый аргументъ, а съ одной стороны — все тотъ-же, разросшійся въ цѣлое „общество“ фабри-

¹) Какъ здѣсь, такъ и въ первой статьѣ Тугань-Барановскій предполагаетъ первоначальный составъ капитала до такой степени низкимъ, что является вопросъ: не думаетъ ли онъ, что въ его схематической утопіи отражается не только настоящее или будущее капиталистического строя, но и его возникновеніе? Быть можетъ и фабриканть шелковыхъ тканей взять потому именно, что въ этой отрасли не перевелись еще ручные стапки? Если-бы мое предположеніе оказалось справедливымъ, то нашего автора отъ всей души поблагодарили-бы многочисленныи тѣни ремесленниковъ, въ особенности-же тѣни всѣхъ погибшихъ ручныхъ ткачей Англіи, Индіи, Силезіи. Имъ такъ приятно было бы хотя бы въ „чарованіи красныхъ вымысловъ“ представить себѣ, что вмѣсто погубившихъ ихъ злыхъ машинъ, безмѣрно умножавшихся и удешевлявшихъ продукты, современные имъ капиталисты вводили дорогія игрушки М. И. Тугань-Барановскаго. Съ такими игрушками не предстояло бы никакой борьбы. На нихъ можно-бы просто-на-просто не обращать вниманія

канть шелковыхъ тканей, съ другой-же стороны—это уже знакомая намъ теорія независимости производства средствъ производства отъ производства предметовъ потребленія.

Все остальное, имѣющее во второй статьѣ виѣшній видъ выражений, является простымъ противопоставленіемъ взглядамъ Маркса „производительности капитала“.

„Трудовая цѣнность есть не болѣе, какъ условное предположеніе—фикція, но полезная (!) фикція“. Кому и почему она можетъ быть полезна, будучи фикціей, остается неизвѣстнымъ, но Марксу она была очень вредна. Подъ ея вліяніемъ „Марксъ сдѣлалъ крупную ошибку. Онъ *упустилъ изъ виду* (курсивъ мой), что реально въ дѣлѣ созданія прибыли капиталъ вполнѣ эквивалентъ труду. Поэтому, замѣщеніе труда капиталомъ не можетъ вліять на норму прибыли... Норма прибыли, какъ реальное явленіе, не находится ни въ какомъ соотношеніи съ строеніемъ капитала... Ошибка Маркса проистекла изъ того, что онъ *упустилъ изъ виду*, что всякое уменьшеніе доли труда въ общихъ затратахъ производства при неизмѣнности, или даже возрастаніи суммы производимыхъ продуктовъ, есть только другое выраженіе повышенія производительности труда“. Словомъ, Марксъ „упустилъ изъ виду“ все то, что опровергалъ въ своей „Критикѣ политической экономіи“, да сверхъ того упустилъ изъ виду еще и „повышеніе производительности труда“.

Что именно хочетъ сказать Туганъ-Барановскій этимъ послѣднимъ совершенно невѣроятнымъ „упущеніемъ“, видно изъ слѣдующей страницы. „Повышеніе производительности труда есть ничто иное, какъ другое выраженіе для обозначенія паденія доли труда въ общихъ затратахъ производства. Понятное дѣло, что если общій результатъ работы Петра и Ивана я считаю работой только Петра, то чѣмъ больше сработалъ Иванъ, тѣмъ производительнѣе я долженъ считать трудъ Петра. Марксъ повѣрилъ, что Иванъ дѣйствительно ничего не дѣлаетъ и заключилъ: если Иванъ береть на себя работу Петра — если машина замѣщаетъ рабочаго — значитъ, ихъ общая выработка сокращается. Иными словами Марксъ стаѣтъ отрицать факты (наблюдаемые М. И. Туганъ-Барановскимъ въ его стеклянномъ царствѣ); но онъ могъ-бы спасти трудовую теорію, если-бы призналъ, что, благодаря замѣщенію труда машинами, растетъ производительность труда, почему это замѣщеніе, само по себѣ, и не должно вліять на прибыль“.

Само по себѣ! *Ceteris paribus*, т. е. все тотъ-же шелковый фабриканть! Не ростъ производительности труда „упустилъ изъ виду“ Марксъ, а именно—этого сердитаго господина, всецѣло за-владѣвшаго Туганъ-Барановскимъ. Онъ, и только онъ заставляетъ наппего автора говорить о „независимости цѣны отъ строенія капи-

тала“, о томъ, что „цѣна продукта не находится ни въ какой зависимости отъ этого строенія“. Иначе, даже при глубочайшей увѣренности, что работаетъ Иванъ,—а Петръ такъ только безъ толку около него вертится, Туганъ-Барановскій, руководствуясь лишь издержками производства и исторіей промышленности, не могъ-бы не вспомнить, какъ должны были падать и дѣйствительно падали цѣны машинныхъ издѣлій (и именно падала разница въ цѣнѣ между сырьемъ и фабрикатомъ), на томъ „вульгарномъ, будничномъ рынке“, къ которому (язвить Михаилъ Ивановичъ) большинство марксистовъ питаетъ искреннее презрѣніе, и законы кото-раго трактуются ими, какъ нѣчто низшее и буржуазное“. Независимость-же отъ строенія капитала цѣны пріобрѣтаютъ лишь на изящномъ, праздничномъ рынке той почтенной страны, где „машины замѣщаются рабочихъ *saeteris paribus*“ и, не сокращая издер-жекъ производства, могутъ вводиться лишь сердитыми господами исключительно по злости.

Мы знаемъ, чѣмъ опредѣляется по мнѣнію Туганъ-Баранов-скаго уровень прибыли капиталистовъ. У него есть также новая теорія самого происхожденія прибыли. Хотя эта теорія излагается не для опроверженія Маркса, а лишь въ замѣну его уже опро-вѣргнутаго по мнѣнію автора ученія, мы все-же взглянемъ на эту теорію прежде чѣмъ разстаться со статьями Туганъ-Барановскаго. Онъ рассматриваетъ все общество въ его цѣломъ, а такъ какъ совокупность всего общества не покупаетъ и не продаетъ, то богат-ство всего общества не зависитъ отъ цѣны. „Въ частномъ хозяйствѣ производимый продуктъ несравнимъ, по своимъ потреби-тельнымъ свойствамъ, съ продуктами, затраченными для его про-изводства. Въ народномъ хозяйствѣ продукты, вновь производи-мые и продукты потребляемые или расходуемые вполнѣ сравнимы, такъ какъ это въ общемъ, одни и тѣ-же продукты“. Въ начальѣ операціоннаго года общество располагало такимъ-то и такимъ-то числомъ миллионовъ пудовъ пшеницы, чугуна, желѣза, матерій и проч., и проч. Въ концѣ года оно имѣеть всѣхъ этихъ пудовъ на 20, на 30 процентовъ большие, чѣмъ въ началѣ. Въ основѣ при-были лежитъ простой фактъ увеличенія количества продуктовъ. „Почему, спрашивается авторъ, совокупный общественный продуктъ цѣнится выше продуктовъ, затраченныхъ на его производство? Да потому, что путемъ затраты данного количества продуктовъ, общество не только воспроизводить затраченные продукты, но и полу-чаетъ нѣкоторый избытокъ продуктовъ. Этотъ избытокъ расцѣни-вается такимъ-же порядкомъ, какъ и затраченные продукты; та-кимъ образомъ возникаетъ прибавочная цѣнность. Что прибыль основывается именно на моментѣ увеличенія количестваproduk-товъ въ распоряженіи общества, это вполнѣ ясно, если вспомнить,

что прибавочная цѣнность была-бы немыслима безъ прибавочного продукта. Въ основѣ прибыли лежитъ, слѣдовательно, созданіе прибавочного продукта“...

„Этотъ свободный, прибавочный продуктъ частью или цѣликомъ достается владѣльцамъ средствъ производства—потому что для производства необходимъ не только трудъ, но и средства производства. Монопольное владѣніе послѣдними даетъ экономическую силу имущимъ классамъ обеспечить себѣ опредѣленную долю участія въ общественномъ продуктѣ“.

Отъ другихъ теорій происхожденія прибыли его собственная теорія выгодно отличается, по мнѣнію ея автора, между прочимъ въ томъ отношеніи, что въ ней „дѣйствительно нѣтъ ни грана этики“, тогда какъ другія, въ томъ числѣ и теорія Бемъ-Баверка, стремятся доказать „законность нетрудового дохода“.—„Но и теорія Маркса, хотя и въ другомъ смыслѣ, также заключаетъ въ себѣ этическій моментъ. По этой теоріи прибыль есть неоплаченная доля труда рабочаго. Но развѣ такое опредѣленіе прибыли не исходить изъ молчаливаго допущенія, что только рабочій имѣеть право на продуктъ производства?“ Говорить о неоплаченномъ труда можно только „въ смыслѣ несоответствія дѣйствительности извѣстному этическому и правовому идеалу—праву рабочаго на всю выручку его труда“... „Обѣ теоріи этичны, односторонни и объективно невѣрны“. Теорія Маркса затрагиваетъ „область желаемаго, а эта область „не есть область причинныхъ отношеній бытія, которыми только и занимается объективная наука“.

А вотъ теорія Туганъ-Барановскаго свободна отъ этой ненаучности. „Она лишь объясняетъ соціальные факты, даетъ имъ научное истолкованіе—и только“.

Итакъ, опредѣленіе прибыли, какъ результата неоплаченной части труда, не имѣеть основанія въ „отношеніяхъ бытія?“

Присмотримся къ теоріи прибыли самого автора. Исходнымъ пунктомъ ея является, какъ мы знаемъ, не цѣнность продуктовъ, а ихъ количество въ пудахъ, аршинахъ, четвертяхъ, и проч. Прибыль основывается на моментѣ увеличенія этого количества: „Путемъ затраты даннаго количества продуктовъ общество... получаетъ пѣкоторый избытокъ продуктовъ“.

Что капиталистъ получаетъ свой „избытокъ“ путемъ затраты даннаго количества денегъ, это съ его точки зрѣнія не подлежитъ сомнѣнію. Но вѣдь въ теоріи происхожденія прибыли Туганъ-Барановскаго рѣчь идетъ не о цѣнностяхъ, а объ материальныхъ предметахъ, и не о капиталистѣ, а объ „обществѣ“, состоящемъ не изъ однихъ-же капиталистовъ. Большинство-же общества, разъ рѣчь идетъ о пудахъ, отлично знаетъ, что сколько-бы пудовъ чего угодно ни было затрачено, ни малѣйшей прибавки

къ нимъ не произойдетъ, если не привести ихъ въ того или другого рода движение, если не подвергнуть ихъ тѣмъ, или другимъ процессамъ,—словомъ—если не приложить къ нимъ труда. Разумѣется, чтобы приложить къ раньше произведеннымъ пудамъ новую прибавку, нужны эти пуды, но сама-то прибавка есть результатъ труда, и только труда—новаго труда большинства общества, приложенного къ результатамъ старого труда того-же большинства. Этотъ фактъ еще можно „упустить изъ виду“, оставаясь въ сферѣ цѣнностей, такъ очевидно достающихся ихъ владѣльцамъ „путемъ затраты“ капитала, но что пуды-то, если ихъ не пошевелить, могутъ только гнить да ржавѣть, а ужъ никакъ не давать прибавки — это ясно, какъ день. Итакъ „увеличеніе количества продуктовъ въ распоряженіи общества“ происходитъ во время труда и посредствомъ труда. Одна доля получившихся прибавочныхъ пудовъ отдается рабочимъ, слѣдовательно—одна часть трудового времени, произведшаго новые пуды, оплачивается обладателями старыхъ, затраченныхъ пудовъ, возвращающихся къ своимъ владѣльцамъ въ сопровождѣніи второй доли прибавочныхъ пудовъ, явившихся въ результатѣ второй—ничѣмъ не оплаченной части труда. Прибыль, слѣдовательно, есть продуктъ неоплаченной части труда. Туганъ-Барановскій скажетъ вѣроятно, что лишь въ марксистской фикції „общій результатъ работы Петра и Ивана считается работой только Петра,“ на самомъ-же дѣлѣ неоплаченная (полученная безъ выдачи за нее эквивалента) часть новыхъ пудовъ была результатомъ работы машинъ. Но работы—не правдали? Не затраты-же? Капиталистамъ пуды ничего не стоили кроме затраты, имъ они достались путемъ затраты — это безспорно. Но на свѣтѣ Божій пуды появились исключительно путемъ движенія, путемъ работы.

Но „человѣкъ и машина въ этомъ отношеніи вполнѣ эквивалентны“ напоминаетъ Туганъ-Барановскій. „Трудовая теорія цѣнности, въ примѣненіи къ реальнымъ фактамъ, должна быть конструирована такимъ образомъ, чтобы эквивалентность человѣка и машины находила себѣ въ ней выраженіе“.

Мысль, что, работая при помощи машинъ, люди производятъ лишь столько, сколько смогли-бы произвести, работая безъ машинъ, все-же осталъное количество продукта, явившееся въ результате роста такъ называемой производительности труда („чѣмъ больше сработалъ Иванъ, тѣмъ производительнѣе я долженъ считать трудъ Петра“) сдѣлано машинами — эта мысль лежитъ въ основаніи „трудовой цѣнности“, конструированной Туганъ-Барановскимъ въ его первой статьѣ. Но я думаю, что онъ выразилъ тамъ свою мысль такъ затѣйливо и назвалъ вдобавокъ ея конструированіе „трудовой цѣнностью“ лишь изъ тѣхъ-же добрыхъ

чувствъ къ марксистамъ, какими руководствуется нянка, давая отнимаемому оть груди ребенку пососать пустую соску, чтобы не слишкомъ плакалъ, пока не привыкнетъ обходиться безъ соски.

И соску пососали, хотя ея пустота видна уже изъ того простого соображенія, что нѣтъ ни малѣйшаго резона начинать сокращеніе трудовой цѣнности съ момента приобрѣтенія пресловутымъ шелковымъ фабрикатомъ новыхъ машинъ. Развѣ раньше никакихъ усовершенствованныхъ орудій не вводилось? Количество труда, необходимаго на производство данной единицы товара, не уменьшалось? Производительность труда не росла?

Та-же мысль, но уже безъ соски, высказана и въ статьѣ П. Б. Струве¹). „Прибавочная цѣнность, воплощенная въ прибавочномъ продуктѣ,—говорить онъ,—создается не только живымъ трудомъ, иначе говоря, *M* есть функція не одного только *V*. *M* есть функція *C*, (= *C+V*), т. е. всего общественнаго капитала. Но я иду еще дальше: установленная Марксомъ и всецѣло признаваемая мною зависимость между ростомъ одного изъ элементовъ постояннаго капитала—капитала основного—и ростомъ производительности труда даетъ полное право утверждать, что ростъ прибавочной цѣнности или прибавочнаго продукта зависитъ въ гораздо большей мѣрѣ отъ роста постояннаго капитала, чѣмъ отъ роста перемѣннаго капитала. Исторически прибавочная цѣнность, или прибавочный продуктъ (*M*) является по преимуществу функціей основнаго капитала“.

Хорошо. Но я иду еще дальше и берусь показать, что съ этой точки зрѣнія люди съ незапамятныхъ временъ никакихъ продуктовъ не производили—развѣ что иной разъ какой-нибудь Ноздревъ руками зайца поймаетъ. Машины, конечно, вещи большія; передъ ними, какъ предъ привезенной по телеграфу заграничной коровой въ разсказѣ Успенскаго, самъ урядникъ можетъ шапку снять, но и деревенская скотинка—все же корова.

Еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ Бастіа въ полемикѣ съ Прудономъ доказывалъ, что если, при помощи рубанка²) чело-вѣкъ, изготавлившій раньше за цѣлый день одну доску, сталъ изготавливать ихъ цѣлыхъ три, то двѣ доски сдѣланы въ сущности новымъ инструментомъ. Бастіа говорилъ о рубанкѣ, но кивалъ-то онъ все-таки на машины. Вѣрно, однако, то, что поскольку это разсужденіе имѣетъ смыслъ (или не имѣетъ его) въ примѣненіи къ машинамъ, постольку же оно относится и къ рубанку. Дальше, логика этого разсужденія „даетъ“ мнѣ „полное право утверж-

¹) „Основная антиномія теоріи трудовой цѣнности“. „Жизнь“ № 2. 1900 г.

²) А можетъ быть и другого ручного инструмента. Излагаю на память и ручаюсь лишь за смыслъ.

датъ“, что и единственная доска въ день, существовавшая до ру-
банка, являлась по преимуществу функцией топора. Безъ него не
было-бы сдѣлано и одной и т. д. и т. д. Словомъ, относительно
самыхъ первыхъ орудій придется, пожалуй, признать, что они
сдѣланы людьми, но дальнѣйшія дѣлались уже орудіями, какъ и
теперь машины производятся машинами; предметовъ-же потреб-
ленія люди, повидимому, никогда не производили.

А съ другой стороны, вѣдь тогда-то только они и начали
трудиться, когда завелись орудія. Росло употребленіе орудій,
вмѣстѣ съ тѣмъ росъ и трудъ. Глупые люди! Именно въ XIX
вѣкѣ, когда машины достигли такого величія,—высочайшаго на-
пряженія достигъ и ихъ трудъ. Лишь въ этомъ вѣкѣ узнали они
ночную работу, въ этомъ вѣкѣ въ небывалыхъ размѣрахъ при-
влечены къ труду дѣти, до небывалой длины растянуть рабочій
день, а при наступившемъ въ крупной промышленности сокра-
щеніи этого дня, трудъ оставшихся рабочихъ часовъ доведенъ до
немыслимой въ прошлые вѣка интенсивности.

Перенесеніе прилагательного: *производительный* съ человѣ-
ческаго труда на основной капиталъ—кажется мнѣ единственнымъ,
хотя и не новымъ возраженіемъ, которые наши критики дѣлаютъ
реальному Марксу, а не его механической схемѣ.

Но я забѣжалъ впередъ, упоминая выводы Струве изъ его
„непрекаемаго“, какъ ему кажется, упраздненія теоріи Маркса,
не сказавъ еще ни слова о самомъ способѣ упраздненія.

Н. Карелинъ.

(*Окончаніе следуетъ*).

«Доброе» старое время въ Ливонії.

(Къ вопросу о причинахъ паденія независимаго Ливонскаго государства).

(Окончаніе).

II.

Другое объяснение „Ливонской катастрофы 1561 г.“, тоже весьма часто встречающееся въ исторической литературѣ, и, къ слову сказать, особенно излюбленное нѣкоторыми русскими историками, заключается въ указаніи на то нравственное банкротство, на ту *деморализацію*, которую было заражено ливонское общество XVI ст. и которая будто-бы лишила его силъ и способности отстоять, въ критический моментъ тяжкой московитской войны, свою самостоятельность и свободу¹⁾.

Дѣйствительно, весьма значительную и широко распространенную нравственную распущенность высшихъ, т. е. наиболѣе обеспеченныхъ и властныхъ слоевъ ливонского общества, отрицать нельзя. О ней свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ показаний лѣто-

¹⁾ Замѣтимъ, что мысль о деморализаціи ливонцевъ XVI ст., какъ при чинѣ паденія Ливоніи, тоже уже 300 лѣтъ тому назадъ была высказана старыми лѣтописцами. Такъ, напр., Руссовъ въ одномъ мѣстѣ своей Хроники говоритъ: „Во время могущественного магистра В. Платенберга пришелъ конецъ ливонской самостоятельности. Ибо когда этому достохвальному магистру (правившему Ливоніей отъ 1495 до 1535 г.) содѣствовало счастье и побѣда надъ московитами, и онъ, одолѣвъ ихъ, пріобрѣлъ этимъ продолжительный миръ, то сатана... посѣялъ... иѣгу, высокомѣrie, роскошь, невоздержность и др. грубые пороки и грѣхи, которые распространились между (ливонскими) правителями и подданными“. За эти-то „пороки и грѣхи“, по убѣждѣнію лѣтописца-пастора, ливонцевъ и постигло Божье „праведное возмездіе“, т. е. разрушеніе ливонскаго господства. Въ другомъ мѣстѣ „Хроники“ Руссовъ приписываетъ паденіе Ливоніи тому обстоятельству, что ратники ливонскіе (дворяне и др.) во время московитской войны „безъ всякой нужды и измѣничики сдавали московиту замки и крѣпости и убѣгали отъ нихъ, а жадные и своеокрыстные купцы доставляли московиту артиллерію и боевые снаряды“; наконецъ, „многіе ливонцы перебѣгали къ московиту и служили ему во всѣхъ коварныхъ замыслахъ противъ христіанъ“ (т. е. ливонцевъ).

писца-современника. Вотъ что находимъ мы въ „Хроникѣ“ Б. Руссова по этому поводу, относительно времени, непосредственно предшествующаго войнѣ съ Москвою, или „времени послѣднихъ орденскихъ магистровъ“.

„Нѣкоторые орденскіе магистры, ради добрыхъ праздныхъ дней (т. е. отъ праздности) впали въ такой развратъ, что и вспоминать стыдно. Держать наложницъ (несмотря на обязательный для братьевъ Ордена обѣтъ безбрачія и цѣломудрія) не считалось у нихъ стыдомъ. Точно такъ-же бывало и у (католическихъ) епископовъ и канониковъ. Если же наложница у какого нибудь епископа старѣлась или переставала ему нравиться, то онъ выдавалъ ее замужъ за безземельного бѣдняка, подаривъ ему въ приданое мельницу или участокъ земли, и затѣмъ по нѣсколько разъ бралъ себѣ новую дѣвку и опять выдавалъ ее замужъ. Такъ-же точно поступали каноники и аббаты. И этихъ женщинъ всѣ называли не развратницами, а хохайками и компаньонками. Порокъ этотъ, наконецъ, сталъ такимъ обыденнымъ, что многіе знатные люди, тотчасъ послѣ смерти своихъ женъ, не горюя долго, брали себѣ „хозяекъ“ и хохайнчали съ ними до тѣхъ поръ, пока не замѣняли ихъ другими. Многіе же уважали своихъ наложницъ болѣе, чѣмъ законныхъ женъ, что причиняло послѣднимъ не мало огорченій“. Для иллюстраціи своихъ замѣчаній, Руссовъ приводитъ слѣдующій фактъ: „Когда одинъ ревельскій каноникъ, нѣкто Йоганъ Бланкенбургъ, привезъ свою законную жену изъ Германіи въ Ревель, то не осмѣился признаться епископу, что она съ нимъ вѣнчана, и говорилъ, что она его наложница и служанка. А когда про это узналъ другой человѣкъ, то Б. далъ ему откормленную свинью, чтобы тотъ не разглашалъ, что при немъ живеть законная жена“...

Впрочемъ, не одни католики духовнаго сословія развратничали и нарушили свой обѣтъ безбрачія и цѣломудрія. Лѣтописецъ продолжаетъ: „Когда порокъ этотъ (сожительство съ развратными женщинами) распространился повсемѣстно, то и нѣкоторые евангелические священники внутри страны (т. е. въ деревняхъ) не постыдились держать наложницъ-хозяекъ, подобно другимъ. Ибо въ то время, во всей странѣ, не было ни одного суперинтендента, который обратилъ бы вниманіе на подобные грубые пороки. И многіе церковнослужители мало заботились о поученіи и проповѣди и ничего не дѣлали, только разъѣзжали отъ одного прихожанина-помѣщика къ другому, а также по крестьянамъ, и всюду заставляли хорошо угощать себя. И кто изъ церковнослужителей отличался веселымъ нравомъ, умѣть строить шутки, устраивать веселый пиръ и говорить пріятныя для слушателей вѣщи, тотъ считался здѣсь настоящимъ пастыремъ народа. Поэтому въ то

время между (лютеранскими) проповѣдниками лишь немногіе осмѣливались обличать грубые пороки“.

Но если такимъ образомъ развратничали правители, епископы и каноники, и вообще люди, „понимающіе, что дѣлаютъ“ и если здѣсь, въ странѣ, по словамъ Руссова, „никогда не было ни видано, ни слыхано, чтобы наложничество и нарушеніе супружеской вѣрности было наказываемо орденскими чинами, епископами или дворянствомъ“, то неудивительно, что и „неразумные“ (!) туземцы,—говорить лѣтописець,—погрязали въ распутствѣ“.

Впрочемъ, изъ дальнѣйшихъ словъ того-же лѣтописца оказывается, что „распутство“ туземцевъ-крестьянъ сводилось къ свободному незаконному сожительству мужчинъ и женщинъ, т. е. къ браку, церковью не освященному. При томъ самъ-же лѣтописецъ объясняетъ, что такой внѣ-законный бракъ поощрялся самими помѣщиками, ибо послѣ смерти родителей, жившихъ въ незаконномъ бракѣ, имъ, помѣщикамъ, легче удавалось „отстранять отъ отцовскаго наслѣдства незаконныхъ дѣтей крестьянъ и присвоивать себѣ ихъ недвижимое и движимое имущество“.

Обыденная жизнь орденскихъ рыцарей и братьевъ, канониковъ и дворянъ того времени, по словамъ Руссова, проходила „въ травлѣ и охотѣ, игрѣ въ кости и другихъ играхъ, въ катанѣи верхомъ и переѣздѣ съ одного пира па другой, съ одной ярмарки на другую“. Всякое, даже самое ничтожное событие семейной и личной жизни дворянъ-помѣщиковъ ознаменовывалось многодневными гомерическими пиршествами, которые сводились обыкновенно къ непомѣрному обжорству и пьянству и завершались нерѣдко столь серьезными драками, что „цибульникамъ приходилось работать дни и ночи“... Лѣтописецъ находитъ, что въ его время туземцы-крестьяне были еще слишкомъ преданы „идолопоклонству и безбожію“, даже послѣ проникновенія лютеранства въ Ливонію (т. е. послѣ 1522 года), и причину этого явленія усматриваетъ въ томъ, что „орденскіе братья и епископы вообще слишкомъ мало заботились о спасеніи душъ и благосостояніи бѣдныхъ крестьянъ, говоря, что Ливонія не ихъ отчизна, и заботились только о томъ, чтобы имѣть всего вдоволь на свои собственные дни“. Понятно, что они не слишкомъ много заботились и о школахъ. Во всей странѣ, по словамъ Руссова, не было ни университета, ни хорошей школы (только въ главныхъ городахъ существовали ничтожныя частныя училища), ибо большая часть ливонскихъ сословій противилась устройству школъ, боясь „налоговъ и убытковъ“. Естественно, что при тѣхъ низменныхъ интересахъ и томъ мало-культурномъ образѣ жизни, какіе наблюдались, по словамъ Руссова, въ Ливоніи его времени, умственный уровень ливонской аристократіи не могъ быть высокимъ. Дѣй-

ствительно,—говорить лѣтописецъ,—на большихъ собраніяхъ ли-
вонскихъ дворянъ „не слышно было разговоровъ о предметахъ
важныхъ; бесѣда велась обыкновенно о зайцахъ, лисицахъ, соба-
кахъ, и о другихъ бесполезныхъ предметахъ, при чемъ нѣкото-
рые хвалились, что у нихъ столько собакъ борзыхъ, что на нихъ
ежегодно выходитъ 6 или 7 ластовъ хлѣба“. Когда же временами,
на пирахъ и пр., заходила рѣчь о чёмъ либо другомъ, то ратные
люди обыкновенно жаждали (на словахъ) войны и военныхъ тре-
вогъ, дворяне изъ епископскихъ вассаловъ судачили объ орден-
скихъ „попахъ“ и желали имѣть во главѣ себя какого-нибудь
нѣмецкаго князя, а сторонники Ордена возражали: „У насъ гос-
пода добрые, съ ними мы бражничаемъ и пируемъ за однимъ сто-
ломъ, а если кого-нибудь изъ нихъ и ударимъ кувшиномъ по го-
ловѣ, то на другой день мы уже опять добрые пріятели, а при
нѣмецкомъ князѣ этого бы не было“.

Вообще о „рыцарскомъ“ сословіи своего времени Руссовъ
отзывается весьма неодобрительно, находя, что среди этихъ
жалкихъ, безусловно выродившихся потомковъ старинныхъ ры-
царей-крестоносцевъ „очень мало людей, годныхъ для службы
гдѣ-либо за предѣлами Ливоніи, при какомъ-нибудь княжескомъ
дворѣ, или на войнѣ“... И что этотъ отзывъ лѣтописца совер-
шенно справедливъ, это показала московитская война, когда очень
многіе изъ господъ ливонскихъ „рыцарей“ почти при всякой
стычкѣ съ московитомъ всегда первые обращались въ бѣгство
или вовсе уклонялись отъ встрѣчи съ непріятелемъ, предпочитая
больше заниматься спасеніемъ своей собственной благородной
особы и своихъ ненаглядныхъ „сокровищъ“, чѣмъ спасеніемъ и
обороной родины и ея независимости... Приведемъ нѣсколько
конкретныхъ образчиковъ гражданской доблести и воинского му-
жества благородныхъ рыцарей Ливоніи конца XVI ст.

Въ 1558 году, когда московитъ съ сильнымъ войскомъ при-
шелъ въ Ливонію, напалъ на земли епископовъ рижскаго и
дерптскаго и на Вирландъ, „грабилъ, жегъ и убивалъ, причиняя
большіе убытки убийствомъ, грабежомъ, пожарами и плѣненіемъ
несопротивлявшихся ливонцевъ“,—въ это время, говорить Рус-
совъ, „въ Ревель справляя свадьбу одинъ дворянинъ, очень
знатный членъ барріенскаго совѣта. На свадьбу было приглашено
все дворянство изо всѣхъ эстонскихъ земель, а также многіе изъ
епископства рижскаго, со многими орденскими братьями“. На
пиру многіе храбро баxвались своимъ превосходствомъ надъ
русскими и т. д. Но когда дѣло дошло до настоящаго боя, тогда,
говорить Руссовъ, „многіе изъ нихъ бѣжали и не только отъ
русскихъ, но даже отъ сосенъ и кустовъ, коихъ они издали при-
нимали за русскихъ“... Въ маѣ 1558 года, когда былъ взятъ рус-

скими городъ Нарва съ замкомъ, „нѣкоторые орденскіе сановники и помѣщики въ той мѣстности, по словамъ Руссова, покинули свои замки отъ большого страха“... Далѣе, когда русскія войска приближались къ Дерпту и показался русскій авангардъ, „епископскіе дворянѣ (вассалы дерптскаго епископа), по словамъ лѣтописца, ночью бѣжали изъ города“. А затѣмъ, когда канцлеру Ю. Гольтшуру, предложившему сдѣлать вылазку съ отрядомъ дворянъ, отворили городскія ворота, онъ вмѣсто того, чтобы ударить па московита, направился туда же, куда бѣжали епископскіе дворянѣ, т. е. къ Ригѣ, и вслѣдъ за нимъ скоро бѣжала также цѣлая толпа горожанъ (Руссовъ)... Около того же времени, при нападеніи русскихъ на замокъ Варбекъ, гарнизонъ замка, по свидѣтельству того же лѣтописца, въ самую рѣшительную минуту перепился и сдался русскимъ безъ сопротивленія, а начальникъ гарнизона, бургграфъ Гельмутъ, поступилъ даже на русскую службу... Далѣе Руссовъ сообщаетъ, что фогтъ замка Вейсенштейна, Б. фонъ-Шмертенъ, лишь только услыхалъ о взятіи Дерпта московитомъ, „отъ большого страха“ бѣжалъ со всей своей дворней и оставилъ замокъ пустымъ, хотя этотъ прекрасный крѣпкій замокъ былъ въ изобиліи снабженъ всевозможными припасами, а русскіе даже не заглядывали въ эту мѣстность... То же сдѣлалъ (лѣтомъ 1558 года) командиръ ревельскій, Ф. фонъ-Антель: онъ бѣжалъ, по словамъ Руссова, изъ замка Ревеля, передавъ его какому-то дворянину „въ пользу короны датской“, и принудивъ этимъ ревельцевъ обратиться къ королю датскому съ просьбой помочь противъ московита. Но когда король въ помощи военной отказалъ, то ратные люди ревельскаго замка, не зная есть-ли у нихъ господинъ или нѣть, и за неимѣніемъ денегъ, предложили ревельскому магистрату купить замокъ или разрушить за нѣкоторую ничтожную сумму. Магистратъ это предложеніе почему-то отклонилъ, и въ скоромъ времени ревельскій замокъ былъ „откупленъ“ и занять орденскимъ магистромъ Кетлеромъ...

Впрочемъ, даже самъ главнокомандующій ливонскихъ войскъ, магистръ Ордена, г. Кетлеръ, дѣйствовалъ противъ непріятеля по меньшей мѣрѣ вяло и неумѣло. Такъ въ ноябрѣ 1559 года нанявъ ратниковъ, онъ выступилъ во главѣ значительного войска противъ русскихъ, но послѣ 2 или 3 неудачныхъ сшибокъ съ русскими отрядами, „отступилъ,—по выражению—Руссова, со стыдомъ и позоромъ, вслѣдствіе наступленія зимы (!) и отсутствія счастья (!), а его ратники, въ виду неблагопріятнаго счастья и недостатка денегъ, разсердились и разошлись“...

Въ томъ же 1559 году, по словамъ Руссова, бѣжалъ изъ своей епархіи I. Менкгузенъ, епископъ эзельскій и курляндскій, и тоже изъ страха передъ московитомъ, но передъ тѣмъ „пере-

далъ“ (а по другимъ источникамъ—продалъ за 30,000 талеровъ) свой удѣлъ королю датскому Фридриху II, который и принялъ его въ пользу брата своего, герцога Магнуса¹⁾). А въ слѣдующемъ 1560 году тому же герцогу Магнусу досталась епархія другого, ревельского, епископа, М. фонъ-Врангеля, который тоже „предадалъ“ ему свое епископство и затѣмъ тоже бѣжалъ въ Германію... Наконецъ, въ январѣ 1560 года, по словамъ Руссова, комendantъ большого, хорошо укрѣплennаго замка Мариенбурга, К. фонъ-Зибергъ, „сдалъ“ московиту этотъ замокъ, но при такихъ обстоятельствахъ, что магистръ Ордена впослѣдствіи обвинилъ Зиберга въ измѣнѣ и заключилъ его въ крѣпость Кирхгольмъ...

„Вообще же,—говорить Руссовъ,—московитъ въ это время не взялъ ни одной ливонской крѣпости ни силой, ни голодомъ или продолжительной осадой, но всѣ онѣ были сданы ему изъ большого малодушія и легкомыслія“.

Правда, въ такой слишкомъ общей и категорической формѣ это замѣчаніе лѣтописца несвободно отъ преувеличенія и не можетъ быть признано вполнѣ справедливымъ, тѣмъ болѣе, что самъ же онъ сообщаетъ иѣсколько (хотя и не очень много) пріемѣровъ истиннаго мужества, проявленнаго иѣкоторыми ливонскими дворянами во время московитской войны²⁾... Тѣмъ не менѣе едва ли не большинство ливонскихъ дворянъ дѣйствительно вело себя далеко не по-рыцарски даже въ самые рѣшительные моменты борьбы съ непріятелемъ, и такимъ образомъ сущность неблагопріятной характеристики, которую находимъ въ хроникѣ Руссова (да и не въ ней одной) относительно его современниковъ изъ привилегированныхъ высшихъ сословій вообще остается въ полной силѣ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что о среднихъ слояхъ ливонского общества XVI ст. лѣтописецъ также отзывается не очень благосклонно. По словамъ Руссова, представители городской бур-

¹⁾ Епископъ Менкгузенъ, послѣ „передачи“ епархіи, уѣхалъ въ Вестфалию тамъ перешелъ въ протестантство, и женился, несмотря на свой преклонный возрастъ. Замѣтимъ, что иѣсколькими годами раньше точно такъ же поступилъ со своей епархіей дерптскій епископъ Йодокъ фонъ-деръ Рекке, съ тою только разницей, что епархію свою онъ сначала заложилъ за весьма крупную сумму денегъ, потомъ, живя уже заграницей, продалъ епископство богатому мѣстному аббату, Герману Вейланду, бывшему сыну шляпника...

²⁾ Такъ, напр., самъ Руссовъ весьма одобрительно отзыается о молодомъ дворянинѣ, К. фонъ-Ольденбокемъ, который занялъ замокъ Вейсенштейнъ послѣ бѣгства бывшаго коменданта его, Б. фонъ-Шмертена, и въ продолженіи 5 недѣль оборонялъ замокъ противъ московита, „вполнѣ безкорыстно и честно“, и наконецъ заставилъ непріятеля отступить. Столъ же доблестно, хотя и менѣе удачно, по словамъ Руссова, боролись съ врагомъ (при Эрмесѣ, въ августѣ 1560 г.) братья Шалль фонъ-Белли и иѣкоторые другие дворяне, и т. п.

жуазіи, именно бургеры-ремесленники и купцы „также не мало упражнялись въ иелиществахъ, тщеславіи, мотовствѣ и бахвальствѣ“; они также любили устраивать грандіозныя пиршества, которые сводились къ изобильной ъдѣ и еще болѣе изобильной выпивкѣ, и т. п. Съ другой стороны, Руссовъ отмѣчаетъ нѣсколько характеристическихъ фактовъ, которые свидѣтельствуютъ, что у городской буржуазіи уровень гражданскихъ чувствъ и общественной нравственности былъ также невысокъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ фактовъ мы ознакомили читателя уже въ первой главѣ нашей статьи; другіе, о которыхъ мы не можемъ здѣсь распространяться, обнаруживаются, что почтенные ливонскіе бургеры также не отличались большимъ мужествомъ и храбростью во время московитской войны¹⁾ и т. п.

Итакъ, многочисленные факты дѣйствительно свидѣтельствуютъ, что ливонское общество XVI ст. можно укорять и значительной распущенностью правовъ, и общественнымъ индифферентизмомъ, и крайней узостью грубо-матеріалистическихъ интересовъ и стремлений, словомъ—значительной деморализацией. Тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что объяснять „паденіе“ независимой Ливоніи етимъ чисто „идеологическимъ“ факторомъ пельзя, и вотъ по какимъ соображеніямъ. Во 1-хъ, нравственная распущенность можетъ быть констатирована относительно любого изъ предыдущихъ столѣтій и періодовъ ливонской исторіи²⁾, и всетаки Ливонія не „падала“ до утраты своей независимости 1561 года. Во 2-хъ, если деморализація ливонцевъ XVI ст. ограничивалась, какъ показываютъ лѣтописи, одними только верхними слоями тогдашняго общества, т. е. ничтожнымъ меньшинствомъ ливонского населенія, тогда какъ массу языка деморализаціи не тронула, то остается непонятнымъ, какъ и почему поведеніе и личная испорченность ничтожнаго меньшинства могли опредѣлить собою всю

¹⁾ Такъ, о зажиточныхъ бургерахъ города Везенберга, Руссовъ сообщаетъ, что они въ мирное время были очень заносчивы, любили всевозможные бои и драки, и очень гордились рубцами, полученными на подобныхъ бояхъ; но когда наступила московитская война и прошелъ слухъ, что непріятель приближается къ Везенбергу, везенбергскіе драчуны поспѣшили уходить въ Ревель, „утѣшая другъ друга королемъ датскимъ и говоря: пусть русскіе берутъ себѣ наши земли и города, король датскій у нихъ снова отниметъ все“...

²⁾ Даже рыцари-меченосцы XIII столѣтія, т. е. чисто героического периода ливонской исторіи, далеко не свободны отъ укора въ распутствѣ, корыстолюбіи, и пр. Такъ напр., уже въ 1206 году мѣстный лѣтописецъ Генрихъ Латышскій въ своей Ливонской хроникѣ сѣтовалъ, что рыцари Ливоніи въ роли свѣтскихъ судей „ злоупотребляютъ своей судебной властью, отправляя эту должность болѣе ради наполненія своихъ кармановъ, чѣмъ ради Божьей справедливости“. Особенно отличился въ этомъ отношеніи нѣкій рыцарь изъ пилигримовъ, Торейдскій фогтъ Готфридъ, который, по словамъ лѣтописца, обиралъ не только всѣхъ, обращавшихся къ нему за судомъ, но и самого епископа...

жизнь и судьбу огромного большинства, не вызывая съ его стороны массовыхъ протестовъ и попытокъ устроить жизнь и судьбу свою по собственному плану и желанію¹⁾). Въ 3-хъ, если деморализація правящаго меньшинства сводилась, какъ мы видѣли, къ личному физическому и моральному вырождению, къ неспособности или нежеланію лично бороться за свое независимое существованіе или хотя-бы материальное благополучіе, то остается непонятнымъ, отчего ливонцы, при несомнѣнномъ материальномъ достаткѣ своемъ, не надумались хотя-бы откупиться отъ врага (московита) или противопоставить ему хорошое и достаточное войско наемниковъ²⁾). Въ 4-хъ, если деморализація успѣла къ XVI ст. развиться въ небывалой мѣрѣ, то слѣдуетъ-ли причину паденія Ливоніи искать въ тѣхъ (невѣдомыхъ намъ) условіяхъ и обстоятельствахъ, которые повліяли на развитіе деморализаціи, а не въ самой деморализації? и т. п.

Съ другой стороны, внимательное детальное изученіе всѣхъ положительныхъ фактovъ, изъ которыхъ непосредственно слагается эпизодъ паденія Ливоніи, равно и нѣкоторыхъ аксессуарныхъ обстоятельствъ, ему предшествовавшихъ и сопутствовавшихъ, насытъ прямо и естественно приводить не только къ безусловному и полному отрицанію причинной связи между деморализаціей ливонцевъ XVI ст. и паденіемъ Ливоніи, но и къ искомому отвѣту на занимающей насъ здѣсь вопросъ... Каковъ этотъ отвѣтъ, читатель узнаетъ изъ послѣдней заключительной главы нашей статьи; но чтобы подойти къ нему, намъ придется въ слѣдующей главѣ разсмотрѣть еще одно ходячее, стереотипное „объясненіе“, которое дается паденію Ливоніи историками старой школы.

III.

Третье объясненіе, которое дается интересующему насъ событию во многихъ историческихъ сочиненіяхъ и учебникахъ, сводится къ указанію на давнишній взаимный антагонизмъ „сословій“, особенно сильно обострившійся въ Ливоніи въ XVI столѣтіи, и на ожесточенную борьбу двухъ религіозныхъ партій, протестантовъ и католиковъ, именно въ XVI столѣтіи въ Ливоніи возникшихъ. Эта *сословная и религіозная борьба и рознь*, говорятъ намъ,

¹⁾ Читателю, конечно, известно, что ливонское крестьянство не протестовало, когда Ливонія, по инициативѣ и желанію правящихъ сословій, была подѣлена и отдана въ 1561 году подъ покровительство и власть сувереновъ иноземныхъ державъ, Швеціи и Польши. (Объясненіе этого любопытнаго факта читатель найдетъ у насъ ниже).

²⁾ Чтобы отбиться отъ „московита“, который въ 1558 году вторгся въ Ливонію съ войскомъ въ 40,000 человѣкъ, мало дисциплинированныхъ и плохо вооруженныхъ, очевидно не пришло бы слишкомъ много и потратиться на

не давала ливонцамъ XVI столѣтія сплотиться въ солидарное общественное цѣлое, когда наступила минута серьезной виѣшней опасности, и Ливонія, обессиленная и истощенная своей внутренней распрай, пала, не выдержавъ даже небольшой трехлѣтней войны, навязанной ей московитомъ¹⁾.

При всей видимой правдоподобности и удовлетворительности этого объясненія, мы однако-же не можемъ признать его безусловно правильнымъ и никакимъ поправкамъ или оговоркамъ не подлежащимъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы остановимся сначала хотя бы на первой части его, т. е. разсмотримъ заявленіе объ антагонизмѣ сословій, какъ основной причинѣ внутренней слабости Ливоніи, и попытаемся проѣбрить его при помощи того фактическаго материала, который заключается въ безспорныхъ и единогласныхъ показаніяхъ лѣтописцевъ—современниковъ. Мы прежде всего убѣдимся въ наличности совсѣмъ иной борьбы.

Въ поясненіе и подтвержденіе этой нашей мысли, мы, со словъ лѣтописцевъ-современниковъ, приведемъ изъ исторіи Ливоніи первой половины XVI столѣтія, нѣсколько характерныхъ фактовъ изъ сферы той общественной борьбы, которую мы называемъ „классовой“.

Въ 1535 году, по словамъ Руссова, одинъ знатный дворянинъ, по имени Іоганъ Уксель фонъ-Ризенбергъ, былъ въ Ревелѣ заключенъ въ тюрьму за то, что убилъ своего собственного крестьянина. Друзья этого дворянина предупреждали его не являться самолично въ городъ, такъ какъ убитый имъ бѣглый крестьянинъ давно успѣлъ пріобрѣсть въ Ревелѣ права гражданства и въ качествѣ бургера пользовался правомъ уголовной защиты. Но Ризенбергъ пренебрѣгъ этимъ предостереженіемъ, не вѣря, что его могутъ преслѣдовать изъ-за его же „собственнаго“ мужика. Но когда къ нему явился городской фогтъ, чтобы арестовать его, и когда Р. увидѣлъ, что его „серъезно“ будутъ судить, то онъ одумался и стала предлагать за себя „довольно денегъ и всякаго добра“. Но ничто не помогло; по приговору суда, его казнили мечемъ въ воротахъ города 7 мая 1535 года.

наемъ специалистовъ-ремесленниковъ военного дѣла, ландскнехтовъ. На наборъ собственныхъ крестьянъ дворянство не могло полагаться, во 1-хъ потому, что крѣпостные въ Ливоніи не смѣли носить оружіе и не принимались на военную службу, и 2-хъ потому, что они (какъ мы увидимъ ниже) ко времени московской войны были настроены мятежно противъ помѣщиковъ и мѣстами даже возставали противъ нихъ.

¹⁾ Такое объясненіе паденія Ливоніи также встрѣчается уже въ старыхъ хроникахъ мѣстныхъ лѣтописцевъ. Напр., въ хроникѣ Б. Руссова мы находимъ сѣдующую тираду: „Непріязнь дворянъ къ бургерамъ, и купцовъ къ ремесленникамъ всегда оставалась и увеличивалась съ каждымъ днемъ, пока надъ всеми пими не пролетѣлъ великий коршунъ (т. е. московитъ)“.

Этот инцидентъ, по словамъ лѣтописца, причинилъ большое неудовольствіе всему ливонскому дворянству и въ значительной мѣрѣ усилилъ вражду дворянъ къ гражданамъ, „хотя уже и передъ тѣмъ всегда существовало большое несогласіе, ненависть и зависть между дворянствомъ и бургераами“ въ Ливоніи вообще, и въ Эстляндіи въ особенности. Наконецъ, по распоряженію орденского магистра (Брюггенея), для разсмотрѣнія обоюдныхъ неудовольствій враждующихъ сторонъ, въ 1543 году пріѣхали въ Ревель особые комиссары, которые въ присутствіи мѣстныхъ дворянъ и ревельского магистрата стали обсуждать обвиненіе, выдвинутое противъ ревельскихъ горожанъ эстляндскими дворянами. Послѣдніе жаловались, главнымъ образомъ:

1) Что ревельцы не позволяютъ дворянамъ торговать въ гавани хлѣбомъ съ иноземцами, тогда какъ сами пользуются неограниченнымъ правомъ свободной торговли со всѣми дворянами и крестьянами провинцій.

2) Что ревельцы, „къ великому позору и безчестію всего дворянства“, арестовали и осудили на смерть знатнаго дворянина (Ризенберга) изъ-за бѣлага крестьянина, причемъ самый судъ производилъ не командоръ ревельской, который, по мнѣнію дворянъ, только и могъ судить дворянина, а простой городской фогтъ.

3) Что ревельцы принимали къ себѣ и брали подъ свое покровительство дворянскихъ крѣпостныхъ крестьянъ, бѣжавшихъ отъ своихъ помѣщиковъ, и не выдавали ихъ обратно, черезъ что дворянскія земли и деревни приходили въ запустѣніе¹⁾.

На это обвиненіе магистратъ и община города Ревеля отвѣчали:

1) Не дозволяя дворянамъ торговать съ иноземцами, они, ревельцы, поступали лишь согласно старому обычая. Гавань открыта для всякаго, кто пожелаетъ купить необходимые предметы для своего собственнаго обихода, не вводя при этомъ горожанъ въ обманъ и памятую о старинномъ правилѣ, что гость съ гостемъ не долженъ заключать торговыхъ сдѣлокъ. И такъ какъ содержаніе гавани стоитъ городу большихъ денегъ, нести же расходы эти жители города должны одни, то и вѣть въ томъ никакой несправедливости, если бургеры сравнительно съ чужими будутъ пользоваться нѣкоторыми выгодами.

2) Предавая своему суду дворянина, ревельцы дѣйствовали согласно „честному божественному Любекскому праву, утвержденному римскими императорами“, которымъ они пользуются въ силу особаго пожалованія датскихъ королей.

¹⁾ Дворяне, впрочемъ, соглашались отпускать бургераамъ, для „домашней службы“, крестьянъ своихъ, по требовали, чтобы бургеры испрашивали у нихъ на то согласіе.

3) Они, ревельцы, действовали въ духѣ старого обычая, „до нихъ существовавшаго“, если отказывались выдавать приходившихъ къ нимъ въ городъ постороннихъ людей и крестьянъ. Отъ датскихъ королей (которые владѣли Эстоніей до 1347 года и затѣмъ продали ее Ливонскому ордену) они пожалованы привилегіей держаться „правъ“ имперскаго города Любека, а въ Любекѣ не хватаютъ и не выдаютъ чужихъ людей и крестьянъ¹⁾). Наконецъ, если дворяне не удовлетворятся этимъ отвѣтомъ, то ревельцы въ свою очередь потребуютъ, чтобы дворяне перевели къ себѣ въ усадьбы и деревни всѣхъ своихъ больныхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми, находящихся у ревельцевъ въ госпиталяхъ и богадѣльняхъ, и только тогда они, ревельцы, и здоровыхъ крестьянъ станутъ выдавать помѣщикамъ.

Выслушавъ объясненія сторонъ, комиссары постановили: 1) что дворяне будутъ ссыпать свой хлѣбъ въ г. Ревель и при случаѣ (?) могутъ продавать его (кому?) съ выгодой для себя; 2) что о всякомъ новомъ случаѣ убийства крестьянина помѣщикомъ слѣдуетъ сообщать ревельскому командору; и 3) что гаковыхъ крестьянъ (крестьянъ — хозяевъ) ревельцы обязаны отсылать обратно къ помѣщикамъ. Однако и послѣ такого приговора комиссаровъ, скрытая ненависть и своеокорыстіе,—по словамъ Руссова,— все-таки оставались между бургераами и дворянами“. Чтобы досадить дворянамъ, бургеры придумали слѣдующее: во время ярмарокъ, на которыхъ съѣзжались дворяне, цѣнъ на „дворянскіе“ товары, до прїезда дворянъ, не назначать сообща никакихъ, предоставляемыхъ каждому кругу запрашивать съ дворянъ за свой товаръ, что угодно, и только послѣ отѣзда дворянъ подвергать товары нормальной расценкѣ и продавать дешевле. Дворяне же, въ отместку, стали запрещать своимъ крестьянамъ привозить хлѣбъ бургерамъ, помимо помѣщиковъ, такъ что бургерамъ приходилось покупать весь хлѣбъ, по высокой цѣнѣ, отъ однихъ лишь дворянъ.

На этой крайне характерной распѣрѣ ревельскихъ горожанъ съ эстонскимъ дворянствомъ мы еще нѣсколько остановимся, дабы проанализировать ее и решить, что представляеть собою этотъ типичный образецъ старо-ливонской общественно-политической борьбы сословій: простое ли проявленіе сословной вражды, какъ думали прежніе историки или же нѣчто другое.

---

¹⁾ При этомъ бургеры выражали согласіе входить въ требуемое соглашеніе съ дворянами по вопросу о наймѣ крестьянъ къ себѣ въ услуженіе.— Замѣтимъ, что въ Ригѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ Ливоніи существовалъ 2-хъ-лѣтній срокъ давности для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ помѣщикамъ.

Показавъ читателю примѣръ классовой борьбы, которую въ Ливоніи XVI ст. двѣ городскія фракціи буржуазіи (торговая и ремесленная) вели сообща противъ аграрно-дворянской или земской фракціи, мы покажемъ теперь, какъ и изъ-за чего боролись, въ той-же Ливоніи XVI ст., обѣ городскія фракціи буржуазіи другъ съ другомъ.

По словамъ лѣтописца Руссова, одновременно съ распрай горожанъ съ дворянами, подобная же несогласія и раздоры про-исходили въ ливонскихъ городахъ между купцами и ремесленниками. Дѣло въ томъ, во-первыхъ, что „купцы не хотѣли ни въ какомъ случаѣ допустить, чтобы ремесленники покупали что-либо въ гавани и у (городскихъ) воротъ, или вели торгъ съ чужеземцами“. Во-вторыхъ, „ремесленникамъ также не хотѣли (купцы?) давать бургерскаго титула или званія“. До какого ожесточенія доходила эта распрая обоихъ „сословій“, видно изъ того, что купцы, наконецъ, стали враждовать съ ремесленниками даже „изъ-за одѣянія ихъ женъ и дочерей“, т. е. изъ-за того, что жены и дочери ремесленниковъ осмѣливались одѣваться такъ, какъ одѣвались жены и дочери купцовъ...

Въ этой борьбѣ двухъ фракцій буржуазіи (купцовъ и хозяевъ-ремесленниковъ) все настолько ясно и понятно, что не требуется никакихъ комментаріевъ.

Однимъ изъ типичныхъ примѣровъ такой борьбы представляется возстаніе эстонскихъ крестьянъ 1560 года. По словамъ Руссова, осенью 1560 года, крестьяне округовъ Гарріенского и Викского „возстали противъ дворянъ изъ-за того, что должны были давать имъ большія подати и налоги, и исполнять трудныя службы, не получая за это отъ нихъ никакой защиты въ нуждѣ и подвергаясь нападеніямъ московита“. Крестьяне заявляли, что не хотять болѣе подчиняться дворянамъ и нести въ ихъ пользу какія либо службы, и если не будутъ освобождены отъ нихъ, то перебьютъ все дворянство. По словамъ лѣтописца, имъ дѣйствительно удалось „исполнить свое намѣреніе и убить нѣкоторыхъ дворянъ“, а потомъ они осадили замокъ Лоде, куда спаслись отъ нихъ многие дворяне. Но на выручку осажденнымъ поспѣшилъ нѣкто Хр. Менкгуузенъ съ нѣсколькими дворянами, которымъ и удалось перебить многихъ крестьянъ и взять въ плѣнъ главарей мятежа и публичной казнью ихъ въ Ревель и въ замокъ Лоде восстаніе закончилось. При этомъ небезинтересно замѣтить, что возмутившіеся крестьяне посыпали пословъ отъ себя къ горожанамъ Ревеля съ предложеніемъ „заключить дружбу и миръ съ городомъ“, но магистратъ города Ревеля отклонилъ это предложеніе мятежниковъ и, сохранивъ нейтралитетъ, уговаривалъ ихъ „оставить свое намѣреніе относительно дворянъ“. Эта подробность

интересна въ слѣдующемъ отношеніи. Она наглядно обнаруживаеть ту основную общеклассовую солидарность, которая, какъ мы говорили выше, объединяла и оплачивала всѣ фракціи тогдашней ливонской буржуазіи, несмотря на временные столкновенія ихъ другъ съ другомъ по „злободневнымъ“ вопросамъ второстепенной важности.

До такихъ „крайнихъ“ формъ протesta противъ буржуазно-классового господства и режима, въ разсматриваемый нами періодъ (т. е. первую половину XVI ст.), не доходила другая категорія ливонского рабочаго люда, — масса ремесленныхъ работниковъ (подмастеры и ученики). Однако, выводить отсюда заключеніе, будто въ сословіи городскихъ ремесленниковъ того времени все „обстояло благополучно“ и никакой классовой вражды и борьбы не существовало, было бы дѣломъ весьма опрометчивымъ. Напротивъ, глухое недовольство своимъ положеніемъ и очень упорная, хотя и въ „мягкія“ формахъ облеченнная классовая борьба наблюдалась также и въ массѣ ремесленниковъ, и объ этомъ свидѣтельствуютъ если не лѣтописи современныхъ хронистовъ-любителей, то многіе иные документы, вродѣ цеховыхъ уставовъ (шрагъ) и т. п.¹⁾.

По мѣрѣ того, какъ ухудшалось положеніе крестьянъ въ усадьбахъ и деревняхъ дворянъ-помѣщиковъ, притокъ туземной рабочей силы къ городамъ съ конца XV ст. значительно возрастилъ, тѣмъ болѣе, что упомянутыя нами благопріятныя коньюнктуры мірового рынка въ XVI ст. въ высокой степени усиливали, по городамъ, потребность въ рабочихъ рукахъ. Но когда потребность эта, наконецъ, была удовлетворена, и когда предложеніе труда начало превышать наличный спросъ на рабочую силу, тогда взаимное соперничество рабочихъ рукъ въ сфере ремесленного труда не замедлило оказать свое обычное двухстороннее вліяніе на положеніе рабочаго пролетаріата. Съ одной стороны, оно уменьшало силу сопротивленія рабочихъ и все болѣе ухудшало ихъ материальное положеніе; а съ другой стороны оно увеличивало власть хозяевъ-мастеровъ надъ своими „помощниками“, и давало имъ возможность притѣснять ихъ всячески: удлинять рабочій день, урѣзывать плату, интенсифицировать ремесленный трудъ, предписывать рабочимъ даже образъ жизни сообразно собственнымъ хозяйствскимъ интересамъ и вкусамъ, и т. п. Въ Ригѣ, напр., цеховые уставы XVI ст. предписывали начинать рабочій

¹⁾ Нижеслѣдующій бѣглый очеркъ положенія ремесленныхъ рабочихъ и борьбы ихъ съ мастерами-хозяевами составленъ нами, главнымъ образомъ, по тѣмъ указаніямъ и материаламъ, которые мы нашли въ упомянутомъ выше сборникѣ старинныхъ уставовъ рижскихъ гильдій и цеховъ (*Schrägen der Gilde und Aemter der Stadt Riga, 1896*).

день въ 4 или 5 час. утра, а кончать въ 6, 7 или 9 час. вечера. Рабочіе должны были довольствоваться хозяйскими харчами и обязательно жить у хозяевъ. Переписка подмастерьевъ подлежала просмотру цеховыхъ старшинъ. Полученіе званія подмастерья обусловливалось безконтрольнымъ почти ученичествомъ въ 3—6 лѣтъ или даже неопределенного срока, а послѣ полученія этого званія подмастерье обязывался, въ благодарность за обученіе, прослужить у мастера-учителя еще 2 или 4 года въ качествѣ полу-работника. Наконецъ, полученіе званія мастера обставлено было такими обременительными требованіями, что многіе подмастерья до самой смерти своей не успѣвали добиться вожделѣнаго диплома¹⁾... Въ виду всего этого, ремесленные рабочіе рѣшились сначала бороться съ алчностью и деспотизмомъ хозяевъ посредствомъ устройства цеховыхъ и гильдейскихъ „братствъ“, и такие союзы ремесленныхъ рабочихъ стали возникать въ XVI ст въ ускоренномъ темпѣ и въ значительномъ числѣ, несмотря на противодѣйствіе хозяевъ-мастеровъ и городскихъ властей. Формально они задавались цѣлями, аналогичными тѣмъ цѣлямъ, которыми задавались мастера-хозяева при устройствѣ своихъ собственныхъ гильдій и цеховъ (взаимный прогрессиональный контроль, цензура нравовъ, регулировка труда и сбыта произведеній, взаимопомощь въ несчастныхъ случаяхъ и т. д.). Въ уставахъ такихъ братствъ, организуемыхъ рабочими съ согласія мастеровъ и разрѣшенія городскихъ властей, рѣчь шла обыкновенно объ упорядоченіи профессиональной и личной нравственности рабочихъ и т. п. Но сила обстоятельствъ вынуждала рабочихъ нерѣдко выходить изъ предѣловъ намѣченной уставомъ задачи и ставить на очередь дня вопросы, принадлежащіе къ области материальныхъ и обще-классовыхъ интересовъ сословія ремесленныхъ рабочихъ.

Всѣ ремесла того времени были организованы по началу цеховыхъ корпорацій, которая относительно другъ друга были независимы и въ дѣлѣ защиты своихъ особыхъ правъ и интересовъ нерѣдко приходили во взаимное столкновеніе. Затѣмъ

¹⁾ Напр., подмастерье, ищущій званія мастера, обязывался прослужить отъ 1 до 3 лѣтъ, для провѣрки своихъ знаній, у какого-нибудь цехового мастера; затѣмъ, если получалъ одобрительный аттестатъ отъ него, долженъ быть подвергнутся испытанію, въ знаніи ремесла, со стороны цеховыхъ авторитетовъ, не будучи ничѣмъ гарантированъ отъ произвола экзаменаторовъ. Наконецъ, выдержавъ благополучно испытаніе, кандидатъ обязывался „угостить“ экзаменаторовъ своихъ, затѣмъ устроить угощеніе всѣмъ мастерамъ своего цеха, сдѣлать требуемые денежные взносы очень крупнаго размѣра въ цеховую кассу и въ заключеніе приобрѣсть (за плату) права бургера у городскихъ властей и представить доказательства своей имущественной состоятельности.

каждая мастерская, входившая въ составъ даннаго цеха, представляла, въ хозяйственномъ и производственномъ отношеніи, также единицу автономную, хотя и мелкую, а потому нерѣдко также приходила въ столкновеніе съ другими, ей подобными единицами или даже съ цѣлымъ цехомъ.

Намъ остается теперь разсмотрѣть вторую часть того „объясненія“, которому мы отвели настоящую главу нашей статьи, а именно указаніе пѣкоторыхъ историковъ на религіозную борьбу партій, какъ одну изъ главныхъ причинъ слабости и конечнаго паденія Ливоніи. Но по этому „вопросу“ мы можемъ ограничиться немногими короткими замѣчаніями, ибо эта ссылка историковъ идеологовъ безусловно опровергается положительными фактами ливонской истории.

Дѣйствительно въ первой половинѣ XVI ст. въ Ливоніи имѣла мѣсто крупная церковная реформа: введено было лютеранство, которое впервые проникло сюда около 1522 года и найдя себѣ агентовъ сначала въ крупнѣшихъ торгово-промышленныхъ городахъ (Ригѣ, Ревельѣ, Дерптѣ), потомъ въ остальныхъ городахъ и мѣстечкахъ и наконецъ въ помѣщичихъ усадьбахъ и деревняхъ, мало по малу совершенно вытѣснило отсюда католической „папизмъ“, до того времени безраздѣльно господствовавшій въ Ливоніи въ продолженіе 300 лѣтъ... Но какъ ни крупна была эта реформа церкви сама по себѣ, однако исторія несомнително и неопровержимо показываетъ, что она совершилась быстро и почти безъ шума и борьбы¹⁾.

Въ 1521 году прибылъ въ Ригу вѣкій Андрей Кнепкенъ, одинъ изъ ученыхъ лютеранскихъ проповѣдниковъ, бѣжавшій отъ преслѣдованія католиковъ Германіи. Занимаясь здѣсь частнымъ обученіемъ юношества, онъ сталъ исподволь и сначала негласно распространять свои религіозныя воззрѣнія; но затѣмъ, когда ему удалось пріобрѣсть сторонниковъ въ кругу вліятельныхъ и сановитыхъ горожанъ, вродѣ бургомистра Дуркопа, городского секретаря Ломюллера и др., Кнепкенъ началъ дѣйствовать уже смѣлѣ и откровеннѣе, устраивая публичные диспуты съ католическими монахами, говоря въ городскихъ церквяхъ публичныя проповѣди и т. п. Этой пропагандѣ новой вѣры городскія власти стали затѣмъ оказывать явное покровительство; высшая государственная власть, въ лицѣ орденскаго магистра Вальтера фонъ-

---

¹⁾ Нижеслѣдующіе факты исторіи реформаціи въ Ливоніи мы излагаемъ по специальнымъ монографіямъ Брахмана, Бергмана, Таубенгейма и мн. др. Замѣчательно, что въ лѣтописяхъ современниковъ, напр., Руссова и Ніэнстеда, о введеніи реформаціи въ Ливоніи только упоминается, да и то лишь въ самыхъ краткихъ словахъ, и какъ-бы мимоходомъ.

Плеттенберга, относилась къ ней „нейтрально“, ¹⁾ а высшая духовная власть, въ лицѣ рижского архіепископа и епископовъ, при всемъ своемъ желаніи искоренить и пресѣчь „ересь“, не могла съ нею ничего подѣлать: на собственныхъ вассаловъ-дворянъ разсчитывать не приходилось въ виду ихъ двусмысличного отношенія къ „ереси“; на наемъ ландскнехтовъ, для насильственного подавленія ереси, въ церковной казнѣ не находилось денегъ; глава Германской имперіи и папа мало интересовались отдаленной Ливоніей, будучи заняты собственными дѣлами и заботами. Такимъ образомъ, успѣхъ лютеранской пропаганды возраста1ль, число провозвѣстниковъ новаго ученія увеличивалось, тѣмъ болѣе, что самъ великий ерессіархъ, Лютеръ, поощряя дѣло реформаціи многими собственноручными посланіями въ Ливонію; кругъ адептовъ все болѣе и болѣе расширялся и уже на 3-й или 4-й годъ агитациі, лютеранская ересь успѣла фактически охватить подавляющее большинство городовъ и дворянскихъ усадьбъ въ Ливоніи. Наконецъ рижане первые подали сигналъ къ открытому возмущенію противъ владычества „папистовъ“: они отказались въ 1524 году принести традиціонную ленщую присягу подданства новому архіепископу Бланксафельду, занявшему архіепископскую каѳедру послѣ смерти своего предшественника Линде; въ то же время рижане предложили орденскому магистру принять Ригу подъ свое единоличное покровительство, въ качествѣ единаго верховнаго владыки города. Предложеніе рижанъ не могло не встрѣтить сочувствія въ магистрѣ и всѣхъ прочихъ сановникахъ ордена, и оно было принято. Въ сентябрѣ 1525 г. состоялся между протестантскимъ городомъ Ригой и магистромъ-католикомъ договоръ, по которому рижане отдавали себя магистру въ исключительное подданство, а магистръ гарантировалъ имъ свободу исповѣданія лютеранской вѣры. Такимъ образомъ лютеранство восторжествовало въ Ригѣ уже черезъ 3 года послѣ своего проникновенія въ Ливонію... Въ томъ же 1525 году городъ Ревель также „отрекся“ отъ своего епископа и вступилъ въ подданство магистра ордена на тѣхъ-же условіяхъ, какъ Рига. Затѣмъ примѣру этихъ главныхъ городовъ послѣдовали Дерптъ и прочіе города и, наконецъ, многіе „земскіе“ люди.

Читатель видить, что реформація въ Ливонії осуществилась весьма быстро; но этого мало, она осуществилась также безъ сколько-нибудь серьезной борьбы. Правда, пропаганда и утвер-

¹⁾ Этотъ нейтралитетъ магистра объясняется нежеланіемъ его ссориться съ городами и дворянами, которые склонялись въ пользу протестантства, и непріязнью къ давнишнему сопернику ордена по стремленію къ единодержавію, къ рижскому епископу

жденіе новаго ученія не вездѣ и не всегда обходились безъ нѣкоторыхъ беспорядковъ и эксцессовъ. Такъ, въ Ригѣ, напр., городская чернь въ 1523 году ограбила католическія церкви, ломала и уничтожала иконы, и т. п. Въ Ревелѣ народъ въ 1524 году тоже врывался въ католическія церкви и монастыри, выбрасывалъ иконы, ломалъ алтари, разбивалъ и грабилъ шкафы и денежные ящики. Въ Дерптѣ, въ концѣ 1524 года, бургеры тоже врывались въ католическія церкви, разбивали шкафы, въ которыхъ хранились драгоценности и ризы, и расхищали ихъ, затѣмъ ссыпали иконы и жгли ихъ, и наконецъ захватили архіепископскій замокъ. Потомъ, лѣтомъ 1526 года беспорядки повторились: бургеры изгоняли изъ католическихъ церквей священниковъ, ломали алтари, сжигали иконы на рыночной площади; потомъ, набросившись на монастыри, выгоняли оттуда монаховъ и монахинь, запрещали имъ брать съ собою какія либо цѣнности и вещи, кромѣ молитвенниковъ; доходами монастырей при этомъ завладѣль городъ; монахамъ, принимавшимъ лютеранство, дарованы были бургерскія права; а для того, чтобы монастыри впредь не могли служить мѣстомъ религіозныхъ сборищъ для католиковъ, горожане превратили одинъ монастырь въ цейхгаузъ, а другой—въ мастерскую для обжиганія извести ¹⁾...

Итакъ, мы видимъ, что введеніе реформаціи въ Ливоніи происходило не совсѣмътихо и гладко. Но съ другой стороны несомнѣнно, что беспорядки въ родѣ описанныхъ выше, носившіе характеръ случайныхъ и моментальныхъ вспышекъ, возникавшіе то тамъ, то здѣсь спорадически, и ограничивавшіеся тѣснымъ райономъ даннаго города, отнюдь не заслуживаютъ громкаго названія „борьбы“ религіозныхъ партій. До настоящей борьбы дѣло въ Ливоніи никогда не доходило, да и до открытаго отпаденія городовъ и сословій отъ католическаго архіепископа, не дошло послѣ того, ибо и заключительная стадія введенія въ Ливоніи лютеранства не представляла собою ничего, кромѣ длиннаго ряда чисто-дипломатическихъ пререканій архіепископа съмагистромъ по поводу фактически состоявшагося сосредоточенія всей правительственной власти въ рукахъ послѣдняго, и въ 1854 г. завершилась Вольмарскимъ соглашеніемъ обоихъ соперниковъ о томъ, что всякий ливонецъ можетъ безпрепятственно исповѣдывать свою вѣру, „впредь до созванія всеобщаго собора христіанъ“... Ясно, что вве-

¹⁾ Нѣкоторые источники упоминаютъ, что въ 1525 году єстонскіе крестьяне возстали противъ дворянъ, требуя, на основаніи Библіи, права назначать себѣ проповѣдниковъ, права занимать общественные должности и отмѣны крѣпостного права вообще. Но болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ происшествіи мы не имѣемъ, и потому полагаемъ, что серьезнаго значенія это „возстаніе“, во всякомъ случаѣ, не имѣло.

деніе реформації въ Ливоніи ни въ какомъ случаѣ не могло обезсилить или истощить Ливонію до полной утраты ею своей независимости...

Заключаемъ настоящую главу небольшимъ дополнительнымъ замѣчаніемъ. Читатель можетъ задать намъ вопросъ, почему мы не упоминаемъ здѣсь о такихъ проявленіяхъ сословной розни и борьбы, какъ распрая ордена съ архіепископомъ изъ-за власти, или борьба городовъ съ орденомъ и архіепископомъ изъ-за притѣсненій, и т. п. На это мы отвѣтимъ слѣдующее: этихъ распрай мы здѣсь не коснулись потому, что въ продолженіе 60-ти лѣтъ, предшествовавшихъ московитской войнѣ и „паденію“ Ливоніи, никакихъ серьезныхъ столкновеній этого рода въ Ливоніи не наблюдалось, такъ что и объ истощеніи Ливоніи отъ такихъ распрай, какъ причинѣ паденія ливонского государства, говорить не приходится. Только въ 1556 г. между архіепископомъ и магистромъ возникла небольшая „внутренняя война“ изъ-за того, что архіепископъ противозаконнымъ образомъ назначилъ себѣ коадьюторомъ иноземнаго принца. Но эта война очень скоро окончилась и, судя по лѣтописнымъ извѣстіямъ, „разоренія“ странѣ не причинила.

IV.

Изъ предыдущаго изложенія читатель можетъ заключить, что причиной паденія старо-ливонскаго независимаго государства мы признаемъ борьбу общественныхъ классовъ, происходившую въ Ливоніи XVI ст., въ періодъ наивысшаго оживленія мѣстной торгово-промышленной дѣятельности и экономического процвѣтанія. Таково дѣйствительно наше мнѣніе; но было бы большой ошибкой объяснять паденіе Ливоніи (въ томъ видѣ, какъ оно совершилось фактически) одною ссылкою на то, что „общественная рознь“, порожденная классовымъ антагонизмомъ отдѣльныхъ элементовъ ливонского общества, мѣшала имъ сплотиться въ одно солидарное и крѣпкое цѣлое въ критическую минуту внѣшней опасности, чтобы отразить внѣшняго врага общими соединенными усилиями и средствами... Что материальныя средства Ливоніи были весьма значительны даже въ разгарѣ московитской войны 1558—61 гг., и что ихъ хватило бы на то, чтобы такъ или иначе одолѣть непріятеля, это мы показали уже въ I-й главѣ нашей статьи. Только напуганному воображенію лѣтописца-современника, очевидца тѣхъ опустошеній, которыми сопровождалъ свои набѣги „варваръ-московитъ“, могло казаться, что непріятель „очень силенъ и могущественъ“ (Руссовъ). Въ дѣйствительности, московитъ быть совсѣмъ не такъ „силенъ“ и даже не такъ „страшенъ“,

какъ говорили (искренно или притворно) ливонцы XVI ст. и какъ виослѣдствіи, съ ихъ словъ, увѣряли нѣкоторые историки. Да и сами ливонцы могли бы убѣдиться въ этомъ, если бы не торопились такъ стремительно бѣжать при одномъ слухѣ о приближеніи непріятеля, бросая на произволъ судьбы свои дома и усадьбы и даже свои крѣпкіе зѣмки; если бы поменьше хлопотали о спасеніи своихъ сундуковъ и сокровищъ и побольше помышляли о необходимости вооружаться и обороняться противъ наступающаго врага, словомъ, если бы ливонцы вели себя относительно московита такъ, что въ нихъ можно было бы предположить серьезное желаніе отстоять свое независимое государство во что бы то ни стало. Но этого-то желанія мы и не замѣчаемъ ни въ одномъ словѣ тогдашняго общества; а выше мы видѣли, что особенно позорно въ этомъ смыслѣ было поведеніе всѣхъ верхнихъ слоевъ общества, и это обстоятельство наводитъ насъ на пѣкоторый новый рядъ догадокъ и соображеній относительно причинъ и самаго характера „паденія“ Ливоніи...

Прежде всего возникаетъ вопросъ: были-ли заинтересованы верхніе слои ливонского общества (слои буржуазные—по нашей терминологии) въ сохраненіи своего ливонского независимаго государства и своей собственной независимости въ составѣ этого государства?—На этотъ вопросъ мы принуждены отвѣтить безусловно-отрицательно.

Въ 1557 году московитъ категорически потребовалъ, чтобы ливонцы уплатили „дань“, обѣщанную по одному изъ прежнихъ договоровъ, и не мѣшили русскимъ купцамъ торговатъ ливонскими и „заморскими“ товарами съ иноzemными „гостями“ непосредственно. Ливонская буржуазія заволновалась, такъ какъ требованіе дани оскорбляло ея самолюбіе и кромѣ того причиняло чувствительный ущербъ ея карману, а требованіе отказаться отъ посреднической роли въ торговлѣ русскихъ съ иностранцами грозило чуть не полнымъ разореніемъ большинству ливонскихъ городовъ... Ливонцы, какъ мы знаемъ, дали своевременно не уплатили, и московитъ, не дожидаясь отвѣта на другія требованія поспѣшилъ обѣявить ливонцамъ войну и тотчасъ же вторгнулся въ Ливонію. Но для отраженія русскихъ полчищъ здѣсь въ Ливоніи, какъ мы видѣли, не нашлось ни собственнаго достаточнаго войска, ни денегъ для набора наемнаго войска. Орденское правительство, какъ и слѣдовало отдать, бездѣйствовало, или же терпѣло постоянно неудачу въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда рѣшалось что-либо предпринять въ видахъ обороны страны. Такимъ образомъ, орденское правительство еще разъ оказалось рѣшительно неспособнымъ и безсильнымъ исполнить общественные задачи, ливонской буржуазіей на него возложенные, и ливонское

„общество“ начало серьезно подумывать о преобразовании своей государственности.

Однако, до настоящего преобразования ливонской государственности, до настоящего государственного переворота, дѣло, какъ извѣстно, въ Ливоніи не дошло. Для этого и моментъ былъ совершенно неподходящій, да и времени было слишкомъ мало, тѣмъ болѣе, что и классовая рознь ливонского общества была слишкомъ велика, чтобы позволить ему въ короткое время солидарно и единодушно избрать ту или иную форму новой государственности. Поэтому „общественное мнѣніе“ ливонской буржуазіи съ большинствомъ и естественнымъ сочувствіемъ отнеслось къ другому, болѣе практическому и простому средству выйти изъ затруднительного положенія: мы говоримъ о предложеніи нѣкоторыхъ хитроумныхъ политиковъ тогдашней Ливоніи—отдать страну подъ покровительство чужой сильной державы. Успокоившись на такомъ решеніи вопроса, ливонцы стали размышлять, какой именно державѣ предложить роль покровителя Ливоніи. За Швецію высказывались съверяне, т. е. жители Эстляндіи, ибо съ Швеціей ихъ связывали съ данныхъ поръ крѣпкія узы оживленныхъ и постоянныхъ торговыхъ сношеній. Южане же, т. е. жители Лифляндіи и Курляндіи, вмѣстѣ съ магистромъ ордена и рижскимъ архіепископомъ¹⁾, предпочитали покровительство польско-литовской короны, такъ какъ они, по выражению лѣтописца Руссова получали „кормленіе“, т. е. изрядную выгоду отъ давнишняго торга съ Литвою и отчасти Польшею. Соглашеніе между обѣими партіями не состоялось, и каждая изъ нихъ немедленно завела отдельные

¹⁾ Этотъ характерный и съ первого взгляда странный фактъ спокойнаго, сознательно-активнаго участія самихъ „сувореновъ“ въ подрывѣ и уничтоженіи собственной власти объясняется довольно просто. Не имѣя силъ съ успѣхомъ противиться „революціи“ и отстоять свою власть и права въ прямой борьбѣ суворены ливонскіе рѣшили faire bonne mine au mauvais jeu, примириться съ роковыми силами исторіи, и въ свою собственную пользу извлечь изъ неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ все, что только было можно. Наибольшую выгоду при данныхъ обстоятельствахъ сулило посредничество между ливонской буржуазіей и державой, ю для роли протектора намѣченной, и суворены рѣшили заняться посредничествомъ. Расчетъ оказался правильнымъ. Король польскій, принявъ Ливонію въ свое подданство, наградилъ орденскаго магистра Кетлера титуломъ наследственнаго герцога и крупнымъ личнымъ владѣніемъ (Курляндіей) именно за его посредническія хлопоты, или, какъ сказано въ „Условіяхъ подчиненія“ (Pacta subjectionis 1561) за то, что онъ „всегда выказывалъ особенную вѣрность и преданность королю польскому, и измѣнилъ правленіе въ Ливоніи по совѣту рыцарскаго сословія и съ одобреніемъ короля“. Другому суворену, архіепископу рижскому, за старательное посредничество въ пользу Польши было обѣщано (по показанію нѣкоторыхъ современниковъ) возстановленіе въ Ливоніи прежняго главенства католической церкви, столь сильно потрясенаго лютеранской ересью.

переговоры съ намѣченою державою¹⁾). Но тутъ скоро оказалось, что требуемое покровительство ливонцы получать только въ томъ случаѣ, если признаютъ себя вѣрными подданными короны, ими избираемой. Послѣ нѣкотораго колебанія, ливонскія командующія сословія, наконецъ, согласились на предложенное условіе, сообразивъ, что сдѣлка, заключенная на этомъ условіи, все-таки будетъ крайне выгодна для нихъ. Такая сдѣлка обезпечивала имъ немедленную и энергическую помощь противъ вѣнѣшняго врага, московита, и противъ врага внутренняго, рабочаго пролетаріата, и кромѣ того обезпечивала за ливонской буржуазіей всѣ тѣ рыночныя выгоды и преимущества, которыми она такъ давно пользовалась и такъ справедливо дорожила.

Впрочемъ, перечисленными здѣсь выгодами не ограничивалась благопріятная для ливонцевъ сторона сдѣлки. Въ дѣйствительности, какъ извѣстно, договоръ о подданствѣ, заключенный ливонцами съ Швеціей и Польшей, сохранилъ за ними всѣ сословныя и классовыя привилегіи и права, весь внутренній строй управлениія и жизни, которыми они пользовались прежде, въ составѣ старого независимаго ливонскаго государства, а договоръ съ Польшей даровалъ ливонцамъ, его заключившимъ (т. е. лифляндцамъ и курляндцамъ), даже нѣкоторыя новыя права и преимущества, которыми они прежде или вовсе не пользовались, или пользовались лишь фактически, въ силу простого захвата и узурпациіи. Такъ, „Привилегія“, которую король польскій выдалъ въ

¹⁾ Отъ Россіи и отъ торга съ нею, ливонцы, какъ извѣстно, тоже имѣли издавна весьма обильное „кормленіе“; однако, за подчиненіе Ливоніи московскому царю никто изъ представителей ливонской буржуазіи не высказывался; напротивъ, всѣ боялись „иги московитскаго“, какъ величайшаго бѣдствія. Оно и понятно. Въ московскомъ государствѣ XVI ст. еще не существовало крѣпостного права, и потому ливонскіе помѣщики имѣли поводъ опасаться, что, съ переходомъ въ русское подданство, они лишатся и права на даровой трудъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, и права на извѣстное владѣніе ихъ землей. Вмѣстѣ съ тѣмъ ливонское дворянство могло опасаться, что утратить и свои политическія права и привилегіи или властительство, если войдетъ въ составъ московскихъ подданныхъ, въ которыхъ русскіе самодержцы уже со временемъ Ивана III привыкли видѣть простыхъ холоповъ... Ливонская буржуазія городовъ также боялась московского холопства и утраты своего политического значенія и своей автономіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ могла опасаться, что съ переходомъ въ русское подданство, она принуждена будетъ уравняться въ торговыхъ правахъ и фискальныхъ обязанностяхъ съ московскимъ купечествомъ, и что черезъ то значительно пострадаетъ ея „кормленіе“. Относительно же Швеціи, а также Польши, гдѣ всѣ существенно важныя условія жизни были сходны съ ливонскими, „сословія“, не имѣли повода питъ подобныя опасенія, и потому перспектива союза или сліянія съ этими державами никого не пугала, а многихъ даже соблазняла. (Сліянію съ Россіей не могло сочувствовать еще и духовенство ливонское, какъ иповѣрческое. Такимъ образомъ, за московское „иго“ могло высказываться и высказывалось въ Ливоніи только крестьянство).

1561 г. ливонскому дворянству при его вступлении въ польское подданство, обезпечивала за нимъ, кромѣ свободы аугсбургского (лютеранского) исповѣданія и „германского“ управлениія и суда, исключительное право на занятіе всѣхъ должностей въ Ливоніи, признаніе законной силы за всѣми наличными граматами на жалованная имѣнія и ленныя владѣнія, признаніе и сохраненіе всѣхъ арендъ, обычныхъ владѣній, привилегій и вольностей и всего, что „присвоено и поступило во владѣніе дворянъ отъ пользованія въ теченіе продолжительного времени“. Мало того, „привилегія“ обещала замѣнить граматы и документы „потерявшіеся“ новыми, если показаніемъ двухъ или трехъ свидѣтелей (!) будетъ подтверждено, что таковые документы у просителя когда-то имѣлись. Далѣе, „привилегія“ обезпечивала ливонскому дворянству „право на всѣ почести, саны, права, вольности и прерогативы, коими пользуется знать королевства польского“, право свободного, безпошлииннаго проѣзда по всѣмъ владѣніямъ польско-литовской короны, право отбывать военную службу „по различному состоянію“, а не по прежнимъ нормамъ и расчетамъ. Наконецъ, „привилегія“ обезпечивала за дворянствомъ право вытребовать себѣ обратно своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ всякаго срока давности, право „исключительного“ пользованія трудомъ крестьянъ, право домашняго суда надъ ними, о чёмъ, какъ объ „особенной“ милости, ходатайствовало ливонское дворянство въ виду того, что въ Ливоніи, по ихъ словамъ, „часто случалось, что дворяне тайно были убиваемы своими крестьянами“... Что же касается другихъ, недворянскихъ сословий, то имъ, какъ сказано въ „Условіяхъ подчиненія“ 1561 г., король польский оставлялъ свободное „исповѣданіе аугсбургской религіи, оставлять и утверждалъ всѣ ихъ права, пожалованія, привилегіи, владѣнія и вольности“, неограниченное право судопроизводства по старымъ законамъ и обычаямъ, оставлять ихъ при ихъ прежнихъ „германскихъ властяхъ“ съ правомъ замѣщенія всѣхъ должностей исключительно людьми „германской націи и языка“, и устранилъ, наконецъ, конкуренцію евреевъ, воспрещая имъ производство торговъ, откуповъ и арендъ въ предѣлахъ всей Ливоніи...

Читатель видитъ, что польская корона, какъ и корона шведская, отнеслась къ ливонцамъ крайне снисходительно и либерально ¹⁾, и что верхніе, буржуазные слои ливонского общества

¹⁾ Такой либерализмъ польской короны объясняется радостью по поводу довольно неожиданного осуществленія ея давнишнаго желанія овладѣть побережьемъ Балтійского моря для торговыхъ цѣлей. Относительно же Швеціи имѣются указанія, что она дорожила Эстоніей, да и всей вообще Ливоніей, какъ житницей или поставщицей хлѣба и какъ весьма значительнымъ рынкомъ для сбыта своего жалѣза и т. п.

осуществили свой желанный „государственный переворотъ“ тихо, скоро и безкровнымъ путемъ, и отъ этого „переворота“ отнюдь не остались въ убыткѣ...

Подведемъ теперь итоги. Мы видимъ, что „паденіе“ ливонскаго независимаго государства сводится къ государственному перевороту, который былъ совершенъ ливонской буржуазіей въ своихъ интересахъ, и который состоялъ въ обновленіи старой государственности путемъ замѣны прежняго дряхлаго правительства властью новою, полнаю жизненныхъ силъ и энергіи. Этотъ переворотъ былъ вызванъ борьбой, охватившей въ XVI ст. всѣ безъ исключенія сословія Ливоніи и опредѣявшій собою весь общественный укладъ Ливоніи. И та же борьба не только расшатала все прежнее, старое зданіе ливонской государственности, но и опредѣлила собою ту новую структуру государственности, при которой ливонское буржуазное общество продолжало свое политическое существованіе послѣ „рокового“ 1561 года...

В. Ульрихъ.

Историческій матеріализмъ и практическій идеализмъ.

Въ образованныхъ классахъ буржуазіи утверждилось предубѣжденіе въ томъ, что историческій матеріализмъ исключаетъ всякие идеалы. Даже такие люди, которые начинаютъ теоретически приближаться къ историческому матеріализму и которые не считаютъ возможнымъ покончить съ нимъ, какъ докторъ Бартъ (Barth), парою фразъ, доказывающихъ его полное непониманіе,—находить въ этомъ предубѣжденіи основаніе не примкнуть къ нему окончательно.

Такъ поступаетъ также и профессоръ Штаммлеръ въ Галле въ своей книгѣ: „Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung“ (Leipzig, 1896. Veit & C°). Хотя онъ и признаетъ, на что мы хотимъ обратить особенное вниманіе, что исторический матеріализмъ есть единственное пониманіе исторіи, „которое не только говорить о закономѣрности человѣческой исторіи, но и рѣшается дать о ней ясное понятіе и вѣрный взглядъ“, но псевдо-идеалистическое предубѣжденіе не позволяетъ ему все-таки вникнуть въ сущность этого ученія.

Прежде всего онъ бросаетъ два упрека историческому матеріализму: 1) Исторический матеріализмъ въ томъ отношеніи „незрѣль“, что онъ недостаточно „познавательно критически“ („erkenntnikritisch“) установилъ извѣстныя основныя понятія, какъ „экономические феномены“, „хозяйственные отношенія“ и др. и поэтому учить совершенно ложнымъ образомъ, что право зависитъ отъ особенностей соціального хозяйства (стр. 79). Но „совершенно невѣрно разсматривать отношение правового порядка къ соціальному хозяйству, какъ причинное воздействиe и приводить его къ понятіямъ причины и вліянія. Потому что это предполагало бы, что оба, право и хозяйство, существуютъ, какъ два самостоятельныхъ, другъ другу противостоящіе объекта, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности этого неѣть“ (стр. 229).

2. „Не достаетъ основательныхъ доказательствъ того, что со-

циальная закономѣрность и причинно-понимаемый процессъ развитія соціальныхъ стремленій есть одно и то же“ (стр. 79). Потому что „существуетъ основное различіе между познаніемъ причиннаго событія и установлениемъ цѣли“ (стр. 354). И „научно необосновано, что телескопическая необходимость можетъ быть раздѣлена, какъ причинно-необходимое слѣдствіе“ (стр. 429).

Эти обѣ точки зреінія полемики Штаммлера насы больше всего затрагиваются. Ихъ поэтому мы хотимъ выдѣлить и на нихъ попробовать вкратцѣ возразить.

Относительно первого упрека мы можемъ выразить очень кратко, такъ какъ въ сущности онъ заключается ни больше, ни меныше, какъ въ различномъ пониманіи словъ. Болѣе пространно мы должны разсмотрѣть второй упрекъ, такъ какъ въ его основѣ лежитъ широко распространенная метафизическая ошибка, что практическій идеалъ можетъ быть основанъ только на теоретическомъ идеализмѣ. Здѣсь мы должны указать на то, что Штаммлеръ предпринимаетъ веденіе шаткой двойной бухгалтеріи, которая въ балансѣ не сходится, и послѣднее мы должны обосновать положительными доказательствами: 1) какимъ образомъ духовныя явленія въ причинной цѣли событій должны дѣйствовать самостоителійно; 2) что въ историческомъ матеріалѣ, который должно строго различать отъ общаго матеріализма, не только возможенъ, но даже и необходимъ практическій идеализмъ. Поэтому наша статья состоить изъ трехъ частей: 1) „экономическая матерія и правовая форма“; 2) „причинность и духовная жизнь“; 3) „исторический матеріализмъ и практическій идеализмъ“.

I. Экономическая матерія и правовая форма.

Въ предисловіи къ „Критикѣ нѣкоторыхъ положеній политической экономіи“ (стр. XI) Марксъ говоритъ: „Сумма этихъ производственныхъ отношеній („которые соответствуютъ опредѣленной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ“) составляетъ экономическую структуру общества, реальное основаніе, на которомъ возвышается правовая и политическая надстройка и которому соответствуютъ опредѣленные формы общественного сознанія“, что, какъ известно, служитъ для исторического матеріализма однимъ изъ основныхъ положеній. На ту противоположность, въ которой здѣсь стоять „экономическое основаніе“ и „юридическая и политическая надстройка“, Штаммлеръ нападаетъ съ энергией и не перестаетъ оттѣнять то, что такое противопоставленіе недопустимо, что о хозяйствѣ безъ правового и политического распорядка въ человѣческомъ обществѣ даже невозможно

думать. Хозяйство и право, въ глазахъ Штаммлера, находятся по отношенію другъ къ другу въ такой зависимости, которая въ математикѣ обозначается, какъ „функция“. Марксъ же, какъ онъ думаетъ, ошибается въ томъ, что онъ эту функциональную зависимость превращаетъ въ причинную зависимость.

Упрекъ кажется очень вѣскимъ, между тѣмъ какъ все дѣло заключается въ спорѣ приблизительно такого рода: Естествоиспытатель изслѣдуетъ произрастаніе дерева и говорить, что лежащій между деревомъ и корой производительный слой клѣточекъ, камбіальный слой, образуетъ съ одной стороны дерево, съ другой стороны кору. Кора, говорить онъ, располагается снаружи, поверхъ производительной ткани и защищаетъ ее; чѣмъ больше растетъ дерево, тѣмъ больше простоянавливается ростъ старой коры, наконецъ, она разрывается и быстро или постепенно слѣзаетъ.

Противъ него выступаетъ человѣкъ, который говорить: „Какая безсмыслица! Дерево безъ коры совсѣмъ нежизнеспособно, въ ея соковыхъ клѣточкахъ происходитъ жизненный процессъ дерева. Какъ можно противопоставлять причинно другъ другу кору и производительную ткань? Истина въ томъ, что нужно отличать материю клѣточки отъ ея формы, т. е. живыя строительныя вещества клѣточки. Въ послѣднихъ, въ живыхъ сокахъ лежать силы, которые производятъ преобразованія и новообразованія“.

Слѣдовательно, этаъ человѣкъ придаетъ особенное значеніе тому, чтобы указать, что не должно вѣрить тому, что могутъ существовать живые соки клѣточки безъ формъ клѣточки. Чисто анатомическое (аналитическое) различіе между содержаніемъ и формой клѣточки настолько захватываетъ его, что онъ даже не замѣчаетъ, о чёмъ хочетъ говорить первый изслѣдователь. Этотъ также прекрасно знаетъ аналитическое различіе, но это различіе для его цѣли не имѣть никакой особенной цѣнности, потому что въ настоящемъ случаѣ онъ хочетъ указать физиологическая соотношенія не между стѣнкой и сокомъ клѣточки, а между тканеобразующей и болѣе или менѣе омертвѣлой клѣтчатою тканью. Это же соотношеніе есть дѣйствительно причинное, а не только функциональное. Слѣдовательно, второй изслѣдователь возражаетъ первому совершенно невпощадѣ.

Точно такое смыщеніе происходитъ и у Штаммлера. Онъ анатомъ, который разрѣзаетъ живой хозяйственныи организмъ во многихъ мѣстахъ, и постоянно находитъ хозяйство и право, какъ материю и форму, различными. Съ этимъ различіемъ онъ тогда принимаетъ видъ физиолога и говорить: „Справедливо то, что сами движенія матеріи соціальной жизни должны вызывать измѣненія и преобразованія обусловливающаго ее формальнаро по-

рядка" (стр. 344). Этимъ въ сущности онъ не говоритъ ничего другого, что говорить физиологъ экономіи, Марксъ, словами: „На извѣстной ступени своего развитія матеріальная производительная силы общества вступаютъ въ противорѣчие съ существующими производственными отношеніями или, употребляя юридическое выражение, съ отношеніями имущественными, и, съ измѣненіемъ экономической основы медленнѣ или быстрѣе измѣняется вся громадная надстройка". Штаммлеръ только примѣняетъ слово „право" (какъ названный естествоиспытатель слово „кора") не-много въ другомъ смыслѣ, чѣмъ его противникъ. Марксъ говоритъ объ юридической надстройкѣ, объ отношеніяхъ имущественныхъ, какъ юридическомъ выраженіи производственныхъ отношеній; следовательно онъ говоритъ объ установившемся, кодифицированномъ правѣ, которое существуетъ не только какъ защищающая, но также въ случаѣ необходимости и какъ задерживающая кору вокругъ соковыхъ клѣточекъ живого хозяйственного организма. Уничтоженіе этого старого и отжившаго правового порядка начинается, конечно, причиннымъ путемъ, такимъ образомъ, что болѣе развитое хозяйство старается образовать новую, ей соответствующую кору,—мы хотимъ сказать юридическую форму—и старую отбросить. Этого естественнаго хода развитія Штаммлеръ не видитъ, потому что онъ вполнѣ погрузился въ свое аналитическое отличіе хозяйственной матеріи отъ правовой формы. Поэтому онъ думаетъ, что Марксъ просмотрѣлъ то, что каждое хозяйство должно иметь также правовую форму. Что съ Марксомъ ничего подобнаго не могло случиться, доказывается между прочимъ тотъ фактъ, что для него все производство само является только, какъ „измѣненіе формъ" („Капиталъ", I, стр. 167), что онъ говоритъ объ *общественной форме* процесса производства („Капиталъ". I т., стр. 588). Въ этомъ же необходимо заключаются явныя правовыя отношенія, принимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ. Конечно, это „право" Марксъ особенно не анализируетъ, ему это приходится дѣлать въ связи и въ случайномъ противопоставленіи живого хозяйства и окаменѣлагаю юридического права.

Эта ссылка „анатома понятій" на именно имъ указанное, аналитическое различіе стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ его кантіанствомъ. Кантъ совершилъ очень крупную работу, анализировавъ наше познаніе, а также предпринявъ изслѣдованіе состоянія нашихъ духовныхъ способовъ познанія, субстанціи, причинности, количества качества, матеріи, формы и т. п. Такія различія мы во всякомъ случаѣ принуждены дѣлать. Но эти познавательные средства суть нечто болѣе, чѣмъ только функции ума, они обозначаютъ также нечто и о самыхъ познаваемыхъ предметахъ. Количество и каче-

ство свойственны самимъ вещамъ, а не только нашимъ представліямъ о вещахъ. Здѣсь заключается ошибка въ слѣдующемъ: думаютъ, что то, что разъ въ предметѣ было познано, какъ количества, не можетъ другой разъ выступить качественно; что установленось въ предметѣ, какъ субстанція, не можетъ явиться въ другой разъ въ живой причинности (*im kausaler Lebendigkeit*), что разъ принято было, какъ матерія, не можетъ другой разъ рассматриваться, какъ форма.

Эту неподвижность, которую имѣютъ названныя познавательные средства только, какъ понятія, вдругъ переносятъ на обозначаемыя ими постоянно текучія (*fliessende*) вещи и вещественные отношения. Въ эту ошибку впадаетъ самъ Кантъ, также неокантіанцы Когенъ и Наторпъ, насколько они указываютъ на понятія, какъ на познавательные средства, и наконецъ къ нимъ вполнѣ присоединяющійся Штаммлеръ. Здѣсь, какъ исправляющая инстанція, долженъ выступить Гегель и показать, что результаты анатомического анализа не должны переноситься въ неизмѣнной неподвижности на физіологической жизненный процессъ. Исторический материализмъ есть въ извѣстной степени синтезъ кантовско-гегелевской философіи по отношению къ фактическому опыту.

2. Причинность и духовная жизнь.

Штаммлеръ, присоединяясь къ Наторпу (*Ibid. стр. 31-я*), говоритъ: „Только въ опытѣ представляются всѣ ощущенія въ общей и закономѣрной связи“. Судя по этому, можно было бы думать, что Штаммлеръ будетъ также выводить мысли, цѣли, намѣренія, идеалы людей въ ихъ общей и закономѣрной связи изъ одного этого опыта. Однако онъ этого не дѣлаетъ. Напротивъ! Онъ бросаетъ соціализму, который это въ дѣйствительности дѣлаетъ, упрекъ, упомянутый въ предисловіи, что послѣдній не думаетъ о томъ, „что между познаніемъ причинного события и между установленіемъ цѣли есть основное различіе“. Онъ подчеркиваетъ нѣсколько разъ это различіе въ высшей степени настойчиво, и въ особенности въ слѣдующемъ мѣстѣ:

„Поскольку дѣйствие разсматривается научно, какъ необходимое слѣдствіе предшествующей причины, постольку исключается всякое способствующее и благопріятствующее вліяніе человѣка.“

„Желаніе требовать причинно-необходимаго слѣдствія заключаетъ въ себѣ простую безмыслицу...“

„Кто приготовляется къ предстоящей зимѣ, тотъ поступаетъ согласно намѣренію, потому что здѣсь слѣдствіе его поступка признается научно, не какъ причинно-необходимое событие, а представляется, какъ имъ произведенное“ (стр. 628).

„Имъ произведенное?“ Слѣдовательно, это было бы противоположно „причинно-необходимому?“ Слѣдовательно, должна была бы существовать двоякая причинность, одна естественная, а другая телеологическая, и послѣдняя должна была бы имѣть возможность какъ нибудь втискиваться въ цѣль первой? Или же если она этого не можетъ, такъ какъ существуетъ только одинъ опытъ, тогда телеология есть одинъ миражъ.

Такъ можно было бы безъ дальнѣйшаго возразить Штаммлеру, но мы боимся, что это мало помогло бы. Должны быть болѣе глубокія основанія для того, чтобы заставить такого человѣка занять позицію, которую, какъ можно уже судить при поверхностномъ разсмотрѣніи, всякий пятнадцатилѣтній школьнікъ могъ бы признать ошибочной.

Затрудненіе, которое здѣсь при полной очевидности встрѣчаетъ даже умный человѣкъ, можетъ быть двоякаго рода. Съ одной стороны дѣйствуетъ на насъ вызванная нашимъ воспитаніемъ склонность отличать умственныя, тѣлесныя и духовныя свойства отъ свойствъ другого рода, и эта склонность у Штаммлера еще больше усилилась привычкой мыслить по Канту, разсматривая аналитическую различія, какъ явно вещественные различія.

Во - вторыхъ - же, это аналитическое различіе потому такъ энергично сохраняется, что непосредственное сознаніе какъ бы доказываетъ совершенно несомнѣмую съ причиннымъ подчиненіемъ свободу вели. Здѣсь, вопреки взгляду на общепримѣнность закона причинности, ищется задняя дверь, черезъ которую можно было бы выскользнуть противорѣчію и спасти метафизическую свободу воли—и эта дверь находится. Штаммлеръ находитъ ее, присоединяясь къ Канту: „Причинная связь это не есть связь между предметами, которая является между ними сама по себѣ, а также совершенно вѣроятности нашего познанія; но это особый объединяющій способъ приводить въ порядокъ наши представленія“. (стр. 362). Конечно! Что лежитъ вѣроятности нашего познанія, о томъ мы не можемъ говорить. Но фраза, что причинность есть только „способъ приводить въ порядокъ наши представленія“ вносить заднюю дверь, именно скрытую мысль, что телеологический способъ познанія могъ бы все таки стоять съ одинаковымъ правомъ рядомъ со способомъ причиннымъ. Это почти все равно, какъ если бы сказали: хотя съ одной стороны земля вращается вокругъ солнца, но, несмотря на это, сужденіе: солнце вращается вокругъ земли, одинаково цѣнно, потому что оно вѣдь основано на другомъ правильномъ способѣ познанія сущности предмета...

Мы бы посмѣялись надъ тѣмъ, кто захотѣлъ бы здѣсь обозначить определеніе вѣнчанаго чувства и определеніе научное

какъ два „другъ друга исключающихъ альтернатива“, такъ какъ оба были справедливы. Но мы смыслись бы надъ этимъ только потому, что мы въ состояніи объяснить противорѣчашую вѣщему чувству научную сущность предмета, и слѣдовательно въ дѣйствительности создать единое представлениe. Если бы мы этого не могли, то непостоянное вѣщнее чувство вѣроятно и здѣсь сыграло бы съ нами шутку и повело бы къ различнымъ попыткамъ сохранить ложное опредѣленіе несмотря на геліоцентрическую систему. Поэтому въ настоящемъ случаѣ нашей задачей должно быть объяснить, какъ умъ и воля въ состояніи функционировать внутри причинной связи. Именно это и дѣлаеть историческій материализмъ; и такъ какъ Шгаммлеръ призналъ тѣ пункты, въ которыхъ заключается это доказательство, то необходимо изложить ихъ болѣе пространно.

Обыденное сознаніе не только различаетъ тѣлесныя и духовныя свойства, но оно ихъ вполнѣ раздѣляетъ, какъ небо и землю. Историческій материализмъ не подражаетъ этому метафизическому отличію. Онъ беретъ человѣка, какъ сознательное и дѣйствующее существо, какимъ онъ себя проявляеть сообразно опыту въ дѣйствительномъ жизненномъ процессѣ. Прежняя идеалистическая философія старалась изложить только духовныя стороны этого жизненного процесса, а остальные стороны рассматривала болѣе или менѣе, какъ прибавленія. Напротивъ того, догматическій материализмъ рассматриваетъ только тѣлесный механизмъ; онъ смотрѣть на человѣка просто, какъ на извѣзъ затопленную и пущенную въ ходъ машину, которой внутреннія функции остаются неизмѣнными. Исторический материализмъ, напротивъ того, превращаетъ обѣ эти односторонности въ единство одного жизненнаго процесса. Согласно Мерингу („Lessinglegende“ стр. 492) одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ этого ученія тотъ, что оно показываетъ способъ производства матеріальной жизни человѣка въ ея связи съ духомъ и природой.

Далѣе, материалистическое пониманіе исторіи не видитъ „никакихъ противорѣчий“ въ томъ, „что признаются идейныя побудительныя силы, но только въ томъ, что отъ нихъ не стремятся проникнуть дальше до причинъ, вызвавшихъ эти силы“ (Engels „Feuerbach“ стр. 45). [Въ одномъ, въ высшей степени важномъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, мѣстѣ Марксъ говоритъ: „Человѣкъ самъ выступаетъ противъ матеріи природы, какъ сила природы“ и именно въ трудѣ. Послѣдній „прежде всего—процессъ между человѣкомъ и природой“, который совершаеть человѣкъ „для того, чтобы присвоить себѣ естественные силы въ формѣ удобной для употребленія въ своей собственной жизни; именно, это „процессъ, въ которомъ онъ своею дѣятельностью посредничаетъ,

управляетъ и контролиуетъ свой обмѣнъ веществъ съ природой".
("Капиталъ" I, стр. 163).

Слѣдовательно, здѣсь человѣкъ понимается ясно и отчетливо какъ „сила природы“ по отношенію къ другимъ силамъ природы, но несмотря на это не какъ мертвая механическая сила, но какъ сознательно „управляющее и контролирующее“ существо. Этимъ телевологія признается безъ дальнѣйшаго доказательства. Не можетъ быть также рѣчи о желаніи понять ея связь съ причинностью чисто механически, какъ это дѣлаетъ метафизический материализмъ. Противъ этого материализма Марксъ самъ выступаетъ очень рѣзко, Можно было бы думать, что нижеслѣдующую фразу изъ восьмого тезиса противъ Фейербаха написалъ какой нибудь метафизической идеалистъ: „Материалистическое ученіе о томъ, что люди представляютъ собою продуктъ обстоятельствъ и воспитанія, и что, слѣдовательно, измѣнившіеся люди являются продуктомъ измѣнившихся обстоятельствъ и другого воспитанія,— забываетъ, что обстоятельства измѣняются именно людьми, и что воспитатель долженъ самъ быть воспитанъ“.

Этотъ, кажущійся идеалистическимъ, упрекъ имѣеть огромное значеніе. Онъ содержитъ въ себѣ вопросъ: „Какъ происходитъ измѣненіе обстоятельствъ и это измѣненное воспитаніе воспитателей?“ Отвѣтъ на этотъ вопросъ является рѣшающимъ для исторического материализма.

Прежде, чѣмъ разсматривать его принципъ, возьмемъ аналогію изъ чисто механической природы, чтобы сходства и различія выступили болѣе рѣзко. Разсмотримъ напримѣръ, вертящійся волчекъ. Приведенный въ движеніе, онъ будетъ сохранять разъ принятую форму движенія, пока его сила не исчерпается отъ тренія и сопротивленія воздуха, если только не явится какая либо новая задерживающая или двигающая сила. Если является задерживающая сила, быть можетъ ножка стула по дорогѣ, онъ разбивается или по меньшей мѣрѣ движеніе его уменьшается или видоизмѣняется. Если же является двигающая сила, направленіе которой совпадаетъ съ направленіемъ его движенія, видъ его движенія измѣняется, оно будетъ уже сложеніемъ предыдущаго и новаго побужденій. Является „прогрессъ“.

Слѣдовательно уже въ мертвой механикѣ мы имѣемъ остановку, или-же постепенное прекращеніе при недостаткѣ особыхъ, новыхъ побужденій, регрессъ или-же моментальную смерть при задерживающемъ, и прогрессъ при увеличивающемся и сложномъ побужденіи. Почти одинаково и только отчасти въ другой формѣ происходятъ событія въ органической природѣ.

Возьмемъ слѣдующій случай. Нѣсколько питающихъся травою и листьями четвероногихъ попали въ долинѣ въ

ущелье, откуда со всѣхъ сторонъ очень трудно найти выходъ. Но въ серединѣ находится котловина, вполнѣ достаточно снабженная пищей. Вдругъ наступаетъ наводненіе, которое наполняетъ котловину камнями; животныя не имѣютъ больше пищи, но голодъгонитъ ихъ искать травы. Нѣкоторыя тщетно пытаются выкарабкаться, но падаютъ обратно. Часть изъ нихъ умираетъ отъ истощенія, другая часть влажитъ жалкое существованіе, питаясь нѣкоторыми лишайниками, которыми раньше пренебрегали и которые они обгладываютъ со скаль; нѣкоторымъ особенно сильнымъ и счастливымъ экземплярамъ удается найти мѣста, где они могутъ вскарабкаться на скалы. Сверхъ скалъ на горной почвѣ находять они богатое пастище. Здѣсь становятся они и, раньше всего, ихъ потомство сильнѣе и ловче, чѣмъ они были раньше въ долинѣ.

Въ этомъ примѣрѣ мы имѣемъ виѣшнїй механическій толчокъ, уничтоженіе наводненіемъ источника пищи. Дѣйствіемъ послѣдняго была голодовка. Но самъ голодъ не находить никакой пищи. Онъ долженъ со своей стороны сначала побудить существующія духовныя силы къ поискамъ за пищой, а послѣднія должны опять направить члены тѣла въ тѣ мѣста, где есть надежда на пищу. *Причинная цѣль слѣдовательно проходитъ чрезъ мозгъ животнаго, размышеніе и напряженіе воли являются ея собственными звеньями.* Гдѣ эти духовныя силы не находятъ себѣ исхода, тамъ слѣдуетъ смерть. Совершенно непонятно, где здѣсь Штаммлеръ находится „неумолимую альтернативу“—различать и проводить границу между причинно понимаемымъ познаніемъ и цѣлесознательной волей“ (стр. 432). Цѣлесознательная воля должна здѣсь также „необходимо“ пониматься внутри причинной связи.

Но мы должны принимать здѣсь въ соображеніе побужденія и измѣненія двоякаго рода. Когда наводненіе уничтожаетъ пищу, увеличиваетъ голодъ и побуждаетъ къ поискамъ новой пищи, то конечный толчокъ, какъ показано, чисто механическій, однако же животныя научились лучше карабкаться. То, чemu они научились, не лежало по пути первого толчка, не было также необходимымъ послѣдствіемъ сознательной цѣли—искать пищу. Однако же, несмотря на это, увеличившаяся способность лазить и можетъ быть связанныя съ нею обостренность чувства и разсудка есть дѣйствіе фактическихъ поисковъ за новыми источниками пищи. И если теперь, быть можетъ, истощится новое мѣсто пастища, то эти вновь приобрѣтенные свойства помогутъ легче найти новую пищу.

Эти причинно необходимыя, но телеологически незамѣча-
мые побочныя воздействиа цѣлесознательного поступка очень
характеристичны для сущности исторического материализма.
Бундтъ („Этика“ стр. 231) говорить, касаясь этого, о принципѣ

гетерогон и цълей, которую онъ опредѣляетъ, какъ то „общее явленіе, что въ совокупномъ объемѣ человѣческихъ волевыхъ поступковъ дѣйствія поступковъ болѣе или менѣе превышаютъ рамки первоначальныхъ волевыхъ мотивовъ и происходящіе отсюда новые мотивы“, которые снова „дѣйствуютъ подобнымъ же образомъ“. Сознательный поступокъ человѣка старается разрѣшить поставленную себѣ проблему; при этомъ, однако, онъ создаетъ, не желая и не сознавая, новые проблемы, которыхъ побуждаютъ человѣка къ новымъ поступкамъ и затѣмъ опять къ новымъ проблемамъ, дѣйствуя такимъ образомъ на него воспитательно.

Принципъ „гетерогоніи цълей“ Марксъ и Энгельсъ открыли гораздо раньше Вундта. Такъ Марксъ говоритъ: „Человѣкъ, воздѣйствуя (сознательно) своимъ трудомъ на вицѣшнюю природу, измѣняетъ одновременно (бессознательно) свою собственную природу“. Тоже самое говоритъ Энгельсъ („Фейербахъ“ стр. 43) и положенія Маркса въ предисловіи къ „Критикѣ нѣкоторыхъ положеній политической экономіи“ — ничто иное, какъ приложеніе этого принципа къ конкретнымъ историческимъ событиямъ. Эту мысль мы должны развить немного болѣе подробно.

Основное положеніе этого предисловія звучитъ такъ: „Способъ производства материальной жизни обусловливается вообще соціальный, политический и духовный жизненный процессъ“. Эту вкратцѣ выраженную мысль нужно разъяснить. Какъ известно, ни одно поколѣніе не свободно въ выборѣ способовъ производства; каждое связано существующимъ способомъ производства. Въ феодальномъ государствѣ не могъ произойти фабрикантъ. Того, что въ феодальномъ государствѣ обыденное мышленіе и сознаніе имѣли совсѣмъ другія формы, чѣмъ въ современномъ государствѣ, Штаммлеръ навѣрное не будетъ оспаривать. Онъ даже теперь можетъ видѣть, какъ сильно обусловливаются среднее сознаніе и мышленіе помѣщиковъ, фабрикантовъ, рабочихъ ихъ жизненными отношеніями.

Но спрашивается, какъ же происходятъ измѣненія? Происходятъ ли они просто такимъ образомъ, что въ одинъ прекрасный день приходятъ умные люди и говорятъ: феодальное государство не годится, мы хотимъ ввести капиталистическое государство, и толпа высказываетъ имъ сочувствіе, разрушаетъ феодальное государство и создаетъ совершенно новые жизненные отношенія? Этого и самъ Штаммлеръ не говоритъ; для этого онъ, несмотря даже на свою телесологію, слишкомъ сильно проникнуть причинной условностью всей жизни.

Внутри феодального порядка образуются раньше всего, не пробуждая въ человѣкѣ сознанія важности маленькихъ измѣненій, измѣненные формы производства и обмѣна; послѣднія влекутъ

за собою другія измѣненія, наконецъ; интересы отдѣльныхъ группъ требуютъ защиты, дальнѣйшаго устройства правового порядка; это вызываетъ правовое преобразованіе вообще и т. д.

Иногда Штаммлеръ это какъ бы понимаетъ, въ другихъ же мѣстахъ онъ какъ бы считаетъ производство, технику совершенно мертвыми вещами, которыя отъ самихъ себя зависятъ; такъ, когда онъ говоритъ: „Желаніе требовать причинно необходимаго послѣдствія заключаетъ въ себѣ полную безсмыслицу“ (стр. 628). Различія между механическимъ и гетерогоническимъ побужденіемъ (которое дѣлается также на волю причинно) онъ очевидно не знаетъ.

Въ противовѣсь этому стоитъ обратить вниманіе на слѣдующее: люди производятъ сознательно свои продукты. Но они дѣлали бы это одинаковымъ способомъ до бесконечности, не идя дальше, если бы вслѣдствіе новыхъ вѣнчихъ или гетерогоническихъ толчковъ не зародились новые проблемы. Если данное общество разрѣшаетъ эти проблемы, то оно идетъ впередъ, если же оно ихъ не разрѣшаетъ, то идетъ назадъ или же совсѣмъ погибаетъ. Это, замѣчу между прочимъ, единственный пунктъ, въ которомъ, какъ мы думаемъ, Марксъ ошибался. Именно, онъ говоритъ: „Человѣчество ставить себѣ всегда только тѣ задачи, которыя оно можетъ разрѣшить“. Древній же міръ не могъ разрѣшить, какъ намъ кажется, противорѣчія между воздѣлывающими посредствомъ рабовъ латифундіями и обусловленнымъ послѣднимъ освобожденіемъ многочисленнаго безработнаго и неимущаго пролетариата. Во времена Гракховъ это противорѣчіе вошло въ сознаніе, какъ проблема; но не было найдено средствъ для ея разрѣшенія и Римъ долженъ былъ погибнуть.

Во всемъ прочемъ можно Маркса очень мало обвинять, если только не бороться собственно съ созданными призраками и не рассматривать историческій материализмъ, какъ догму. Онъ не догма, онъ только эвристически¹⁾ принципъ, „руководящая нить“, для „занятій“, не больше (Пред. къ „Критикѣ иѣк. пол.“ стр. XI). И такъ какъ онъ въ этомъ отношеніи необыкновенно плодотворенъ, намъ не нужно дальше это развивать: это не оспариваетъ также и Штаммлеръ.

Штаммлеръ только объявляетъ этотъ принципъ „незрѣлымъ“ и „непродуманнымъ“, напротивъ того, мы должны стать на другую точку зреенія и показать, что это ошибка. Мы уже только, что показали, что онъ настолько не „незрѣлъ“, что заключаетъ въ одну и ту же причинную связь духовныя стороны жизненнаго процесса: волю и этимъ самыи телесологію. Намъ еще остается только изложить, какъ практическій идеализмъ именно въ исто-

¹⁾ Отъ греч. слова обозначающаго *найти, открыть*.

рическомъ материализмъ приобрѣаетъ болѣе выдающеся и ясное значеніе, чѣмъ въ какой-либо другой прежней доктрина-идеалистической системѣ.

3. *Исторический материализмъ и практический идеализмъ.*

На порогѣ каждого идеализма мы видимъ старое различіе между матеріей и формой. И Марксъ также признаетъ это различіе. Для него „продуктъ“ есть „естественная матерія, приспособленная измѣненіемъ формы для человѣческихъ потребностей“. Но у Маркса это различіе подвижное. Продуктъ, который существуетъ въ формѣ, готовой для потребленія, можетъ сдѣлаться снова сырьемъ матеріаломъ для другого продукта, какъ напримѣръ, виноградъ служить сырьемъ матеріаломъ для вина. Напротивъ того, у платоновца или строгаго кантианца различіе является неподвижнымъ и твердымъ. Мы уже видѣли, какъ рѣзко разсматривается Штаммлеръ анатомическое различіе между хозяйственной матеріей и законной формой.

Однако, если даже различіе между матеріей и формой и подвижно, то все-же оно не произвольно, какъ это слѣдуетъ изъ приведенного примѣра Маркса. И практически это очень важное различіе: выступаетъ-ли и насколько точка зрѣнія матеріи или точка зрѣнія формы.

При громадномъ количествѣ нашихъ повседневныхъ преобразованій данной матеріи матерія и форма суть опредѣленныя величины. Чтобы придать опредѣленную форму машинѣ, понадобится опредѣленное количество матеріи, напримѣръ, желѣза, и совершенство, которое будетъ достигнуто въ этой формѣ, опредѣляется также часто техническими потребностями и вспомогательными средствами. Но при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ одинъ изъ этихъ факторовъ или оба вмѣстѣ могутъ быть неизвѣстными. Можетъ быть, напримѣръ, неизвѣстно, сколько желѣза необходимо для велосипеда. Если нѣть вопроса о степени совершенства *формы*, то тутъ идеть вопросъ о чисто *количественной* сторонѣ. Меньше или большее извѣстного количества желѣза нельзя употребить, потому что иначе велосипедъ будетъ не цѣлесообразнымъ или-же совсѣмъ не годнымъ. Поэтому дѣло въ томъ, чтобы найти „правильную середину“.

Иначе дѣло, если вопросъ не въ количествѣ, а если существенную цѣль составляетъ само совершенство формы. Тогда спрашивается: какъ сдѣляемъ мы наиболѣе производительную машину? Тутъ уже нѣть никакой рѣчи о правильной серединѣ. Изготовить наиболѣе производительную машину, это цѣль, которая лежитъ въ какихъ либо опредѣленныхъ границахъ. Здѣсь выступаетъ телологія въ ея собственномъ правѣ. Цѣль стремленія является, какъ неисполнимый *идей*.

Эту своеобразность идеала мы должны ближе разсмотреть.

Чтобы достигнуть своей цѣли, человѣкъ долженъ: 1) знать и владѣть средствами, которыя ведутъ къ цѣли; 2) „подчинить свою волю“ установленной цѣли, „которая опредѣляется, какъ законъ, способъ его поступковъ“. (Марксъ „Капиталъ“ I стр. 164). Въ обоихъ само собою понятныхъ требованіяхъ, между прочимъ, заключаются въ зародышѣ обѣ полярно-противоположныя и полярно-неразрывныя стороны дѣйствительно научной этики. Изъ того, какъ эти обѣ стороны относятся другъ къ другу, слѣдуютъ четыре главныхъ случая, раздѣляющихся на двѣ группы.

Въ первомъ главномъ случаѣ средства не только извѣстны, но также и достижимы, и подчиненіе воли преобразовалось въ навыкъ. Этотъ навыкъ становится даже современнѣмъ чисто механическою привычкою, если только способъ, какимъ преодѣляется цѣль, что составляетъ форму, остается постоянно одинаковымъ. На этомъ основаніи взрослому человѣку масса отправлений, которыя въ его юности были предметомъ страстныхъ стремленій и большого самобладанія, уже не представляются больше никакими проблемами; они возбуждаютъ интересъ только въ исключительномъ случаѣ, если ихъ теченіе будетъ нарушено какимъ-либо неожиданнымъ происшествіемъ.

Второй главный случай тотъ, когда средства дѣйствительно или мнимо извѣстны и достижимы, но воля не склонна имъ подчиняться. Тогда выступаетъ воспитательное или какое-либо другое вѣнчайшее принужденіе, чтобы подчинить волю поставленнымъ требованиямъ. Этотъ и предыдущій случаѣ исключительно имѣла этика въ виду до сихъ поръ. Она устанавливаетъ существующій жизненный порядокъ или существующій законъ; кто ему охотно слѣдуетъ, тотъ хороши; чья воля противится, тотъ, безъ дальнѣйшаго, золъ. Нравственная задача состоять только въ томъ, чтобы подчинять волю данному порядку.

Этимъ двумъ случаямъ, которые соотвѣтствуютъ относительно постояннымъ состояніямъ общества, противостоятъ два другіе, въ которыхъ выражаются времена болѣе быстрыхъ преобразованій и новообразованій общества.

Индивидуальное или соціальное развитіе можетъ поставить именно такія проблемы, разрѣшеніе которыхъ лежитъ еще во мракѣ, такъ какъ средства, ведущія къ поставленной цѣли, еще не узнаны и не достигнуты, и одновременно можетъ недоставать серьезныхъ стремленій разыскать правильныя средства и подчинить волю для отысканія таковыхъ. Наше время указываетъ въ необычайномъ изобиліи примѣры для этого случаѧ. Масса людей совсѣмъ не хочетъ видѣть соціальной проблемы; они закрываютъ отъ послѣдней съ чувствомъ скверной совѣсти, и

считаютъ, что если они ничего въ томъ не понимаютъ, то тѣмъ радостнѣе могутъ продолжать дальше трястись по старой колѣвѣ. Стремленіе къ наживѣ, страсть къ наслажденіямъ, слѣпой шовинизмъ, притѣснительная политика—вотъ практическія выраженія этого образа мыслей; философски представляется онъ частью въ истасканной привязанности къ старымъ умственнымъ направлѣніямъ, частью въ господской морали (*Herremoral*) Нитцше, пессимизмъ Гартманна и мелкомъ оппортунистическомъ эклектизмѣ.

Мы должны себѣ отказать въ томъ, чтобы коснуться ближе этого очень интереснаго случая. Насъ долженъ занять четвертый случай, именно, когда воля хотя склонна примѣнить средства, которыя ведутъ къ цѣли, но эти средства не могутъ быть, или могутъ быть, но не вполнѣ, познаны и достигнуты. *Въ этомъ случае цѣль выступаетъ въ душѣ отдельного человѣка, народа, слоя народа, какъ идеалъ.*

Здѣсь характерны два обстоятельства: съ одной стороны недостаетъ точныхъ границъ для рода и мѣры поступковъ; относительно средствъ спорятъ и за нихъ болѣе или менѣе увѣренно хватаются. Съ другой стороны сама цѣль стоитъ предъ глазами подобно солнцу, ясная, объединенная и въ полной законченности, въ особенности, если эта цѣль особенной важности.

Иногда, конечно, также и обыкновенная цѣль вызываетъ напряженіе всѣхъ силъ, какъ напр., при спорѣ. Если-бы каждый, прежде чѣмъ рѣшился на состязаніе при бѣганіи взапуски могъ-бы въ умѣ точно оцѣнить всѣ постороннія обстоятельства, а также силы свои и своего противника, и могъ-бы поэтому узнать, что побѣда для него невозможна, то онъ не пустился-бы въ состязаніе. Только мысль о возможности побѣды заставляетъ его напрягать себя. Съ одной стороны онъ не знаетъ, побѣдять ли его силы даже при наибольшемъ напряженіи; съ другой онъ знаетъ увѣренно, что только при высшемъ напряженіи ихъ онъ можетъ надѣяться на удачу. Поэтому его цѣль становится для него идеаломъ.

Если уже въ такихъ вещахъ идеаль (если только мы его здѣсь должны такъ называть) часто является очень сильной возбуждающей силой, то еще больше имѣть это мѣсто при такихъ цѣляхъ, гдѣ является выборъ: разрѣшить ихъ, или же окончательно погибнуть. Мы уже видѣли это у животныхъ. Въ подобныхъ случаяхъ у человѣка идеаль пріобрѣтаетъ прямо всемогущую возбуждающую силу. И если цѣль достигается не такъ, какъ надѣялись, то это само дѣйствуетъ еще болѣе возбуждающе, потому что если тѣ дороги, на которыя раньше надѣялись, оказываются недостижими, силы возрастаютъ и стремятся найти новыя дороги для разрѣшенія. Это служитъ основаніемъ, почему цѣль соціализма,

освобождение отъ капитала и создание новыхъ гармоническихъ жизненныхъ формъ, смогла такъ сильно захватить массы, двигать впередъ и теперь уже ихъ поднять. Теперь угнетенные знаютъ, что они должны употребить всѣ силы къ тому, чтобы найти и примѣнить вѣрныя средства для разрѣшенія данной соціальной проблемы; потому что иначе они будутъ повергнуты еще въ большую нужду и вся достигнутая ими культура погибнетъ вмѣстѣ съ ними.

Но этаотъ идеаль только тогда вполнѣ охватываетъ человѣка, когда онъ умственно ясно понять. Поднятіе каждого идеала до яснаго пониманія, поэтому, есть необходимое предварительное условіе свободной разумной дѣятельности. Иначе человѣкъ остается на почвѣ слѣпого, дикаго импульса.

Опираясь на такой непосредственно практическій идеаль, составляютъ затѣмъ общее идеальное понятіе, которое, разъ создавшись, доставляетъ дальнѣйшіе конкретные идеалы, подымаетъ, ихъ, возбуждаетъ даже тамъ идеальный стремленія, гдѣ безъ него они не могли произойти. Это идеальное понятіе имѣетъ слѣдующія отличительныя черты. При каждомъ намѣренномъ поступкѣ мелькаетъ сознаніе, что всѣ внутреннія и виѣшнія силы должны быть направлены и расположены къ цѣли. Они должны быть такъ расположены, чтобы въ совокупности, какъ *причина*, достичь *цѣли*. Выражаясь языкомъ Штаммлера, это значитъ: при каждой цѣли дѣло только въ томъ, чтобы „сдѣлать закономѣрной сырую чувственную матерію“ (стр. 391). Конечно, при такомъ способѣ выраженія соразмѣрныя духовныя силы должны быть также причислены къ „сырой чувственной матеріи“, потому что соответствующей цѣли порядокъ остальной матеріи невозможенъ безъ порядка мысли и воли.

Въ случаѣ, если мы, въ отвлеченіи, принимаемъ общее понятіе *порядка*, отбрасывая всякия конкретныя особенности, мы можемъ, конечно, вмѣстѣ съ Штаммлеромъ сказать, что нашимъ намѣреннымъ поступкамъ „служить основаниемъ твердый, неизмѣнныи масштабъ въ идеѣ абсолютнаго единства“ (стр. 482), который „независимъ отъ всѣхъ эмпирическихъ событий и стремленій“ и который только „осуществляется“ „закономѣрное направление“ послѣднихъ. Мы, конечно, не такъ понимаемъ это обоснованіе, что эмпирическая дѣйствительность кристаллизовалась вокругъ первоначальной реальности абсолютнаго понятія, но такъ, что это понятіе есть абстракція, которая сдѣлалась „абсолютно“ свободной отъ особыхъ направленій, и теперь же „a priori“, какъ говорить Кантъ, склонна сдѣлаться примѣнимой ко всѣмъ подобнаго рода особымъ направленіямъ.

Этотъ масштабъ „неизмѣнаго“ единства можетъ именно, если

онъ уже тамъ установился, быть примѣнимымъ къ каждой отдельной цѣли или къ любой комбинаціи отдельныхъ намѣренныхъ поступковъ. Всѣ группы нашихъ индивидуальныхъ, семейныхъ, классовыхъ, государственныхъ и человѣческихъ цѣлей должны будуть рассматриваться согласно этой, разъ пріобрѣтенной, абстракціи „высшаго единства“. Должно спросить разъ навсегда, связаны-ли воедино всѣ наши средства и цѣли? Потому что если нѣть, то непремѣнно существуютъ столкновенія, а тамъ гдѣ происходятъ столкновенія, тамъ поставленныя цѣли въ большей или меньшей степени не могутъ быть достигнуты. Научный соціализмъ это знаетъ, настолько хорошо, что онъ на этомъ построилъ всю свою теорію. Вѣдь всѣ свои главныя доказательства онъ, какъ это также известно Штаммлеру, черпаетъ изъ дѣйствительныхъ противорѣчій современной общественной жизни и изъ призыва къ созданію новаго, высшаго единства, провозглашенного слоями народа, притѣсненными этими противорѣчіями.

Понятіе единства расширяется тогда до понятія совершенства. Здѣсь выступаетъ наружу формальный идеалъ, и это случается въ тысячахъ различныхъ мелочахъ жизни, точно также, какъ и при великихъ, охватывающихъ человѣчество цѣляхъ. Является побужденіе и вмѣстѣ съ тѣмъ причина къ большему вниманію, старательному розысканію правильныхъ средствъ, болѣе сильному подчиненію собственной воли.

Сади Гунтеръ.
Перев. М. К.

Ученіе Шопенгауера о свободѣ воли.

(Окончаніе).

V.

Анализъ Шопенгауэрой теоріи *неизмѣнности* характера былъ-бы далеко не полныъ безъ критического разбора ученія Шопенгауера о правственной отвѣтственности и о совѣсти, такъ неразрывно, можно сказать, органически связаны эти ученія другъ съ другомъ.

Не прерывая нити нашего изложенія, попытаемся поближе разглядѣть картину ученія Шопенгауера о *совѣсти* и освѣтить на ней тѣ черты, которыя наиболѣе характерны для правственного міропониманія Шопенгауера.

«Чтосталось-бы съ этимъ міромъ»—говорить Шопенгауэръ (*ibid.*, стр. 93 и 94) «если-бы всѣхъ вещей не пронизывала и не сдерживала строгая необходимость, что было-бы съ рожденіемъ особой и индивидуумовъ?»

Какое-то уродство, безобразная груда, гримаса безъ смысла и значенія, воистину дѣло чистаго настоящаго случая!»

Невольно возникаетъ вопросъ: Какъ-же примирить желѣзную необходимость, «пронизывающую насквозь» всѣ дѣйствія человѣка съ фактомъ правственной отвѣтственности и вмѣняемости человѣка?

Вѣдь нравственное сознаніе неугомонно подсказываетъ намъ, что «мы сами—*творцы* нашихъ дѣяній»; вѣдь *вопреки* убѣждению въ необходимости содѣянія поступка, мы все-же пребываемъ въ непреклонной увѣренности, что характеръ такой необходимости—насквозь *субъективный*, и что *объективно* совершенное дѣяніе могло не совершиться вовсе, или могло даже совершиться дѣяніе, діаметрально-противоположное совершененному. Да, все это было-бы возможно—по мнѣнію Шопенгауера—лишь въ томъ случаѣ, если-бы совершившій дурной поступокъ «былъ-бы другимъ человѣкомъ; для него, такъ-какъ онъ—*этотъ*, и не другой человѣкъ, и потому что у него *такой-то* характеръ, конечно, другое дѣяніе было невозможно; но само по себѣ, т. е. объективно,—оно было возможно» (*ibid.*, стр. 100). Вотъ почему и нравственная отвѣтственность—по мнѣнію Шопенгауера—падаетъ *не* на совершенное дѣяніе, а всецѣло и безраздѣльно на *умопостигаемый характеръ* лица, совершившаго такое дѣяніе. Само дѣяніе служить только какъ-бы *нравственнымъ коэффициентомъ*, свидѣтель-

ствомъ о коренныхъ, непреходящихъ недостаткахъ характера: вина коренится въ ядрѣ воли, въ самой *сердцевинѣ характера*, а не въ преходящемъ злобіи, которое служить лишь временнымъ разоблачителемъ низменныхъ залежей характера; поскольку *вина* человѣка падаетъ всенѣло на умопостигаемый характеръ его, постолько этотъ послѣдний характеръ долженъ нести на себѣ и *ответственность* за совершенныя дѣянія, и «такъ-какъ это есть единственная данная, дающая право заключать о нравственной свободѣ» говоритъ Шоненгауэръ (*ibid*, стр. 101) «то тамъ же должна быть и свобода, т. е. въ характерѣ человѣка, тѣмъ болѣе, что ее нельзя встрѣтить въ отдѣльныхъ поступкахъ, которые, предполагаясь характеромъ, наступаютъ со строгой необходимостию».

Отсюда Шоненгауэръ заключаетъ, во первыхъ, что эта свобода—трансцендентальная (т. е. метафизического происхожденія) и во-вторыхъ, что ее слѣдуетъ, поэтому, искать «не въ отдѣльныхъ поступкахъ, но во всемъ существованіи и существѣ (*existentia et essentia*) самого человѣка, которые должны быть мыслимы какъ его свободное дѣяніе» (*ibid*, стр. 105 и 106).

Въ мірѣ «явленій» нѣтъ свободы: здѣсь царить безъизъятый законъ необходимости, по которому «все, что происходитъ, происходитъ необходимо—*quidquid fit, necessario fit*»; человѣкъ не властенъ уничтожить, измѣнить или предотвратить свои поступки, ибо послѣдніе вытекаютъ изъ его сущности—*operari sequitur esse*. «Поэтому» говоритъ Шоненгауэръ (*ibid*, а. а. 0) «свобода, которую нельзя найти въ *operari* (т. е. въ дѣятельности) должна находиться въ *esse* (т. е. въ бытіи)».

Отсюда объясняется нравственное сознаніе или совѣсть: тема совѣсти—сознаніе *драматического конфликта* между тѣмъ что, совершилось по необходимости и тѣмъ, что могло, однако, не совершиться, сознаніе разлада между *гнетомъ* эмпирической необходимости и *перспективной* трансцендентальной (т. е. метафизической) свободы. Совѣсть говоритъ всегда послѣ содѣянія факта—*post factum*, но говорить о томъ, что должно и могло-быть *до* совершенного дѣянія—*ante factum*¹⁾. Она говоритъ человѣку: «совершенный тобою поступокъ—неотвратимое проявленіе сущности твоего характера, оттискъ твоего нравственного существа. Твой поступокъ дуренъ потому, что онъ разоблачаетъ самые скровенные залежи въ шахтѣ твоей души, вытекаетъ изъ основного направлѣнія твоей воли, и свидѣтельствуетъ, поэтому, о томъ, что *ты самъ*, все твое нравственное бытіе *по природѣ своей*—дурны, ибо твой характеръ есть каменоломня твоихъ наклонностей, и такъ-какъ этотъ поступокъ необходимо проявляется твоимъ характеромъ, значитъ, сердцевина, ядро твоего характера—дурны. Ты не могъ не совершить этого поступка, ты *долженъ* былъ его совершить, *такъ-какъ* ты самъ, твоя воля, твой характеръ—*таковы, каковъ* этотъ поступокъ. Ты *могъ-бы* не совершить этого поступка *только* тогда, когда твой характеръ *былъ-бы инымъ*, когда ты самъ *былъ-бы инымъ* человѣкомъ; но для того чтобы стать *инымъ*, тебѣ нужно было еще *въ домѣрномъ бытіи* избрать себѣ *иной* харак-

¹⁾ Что угрызенія совѣсти уязвляютъ человѣка *послѣ* совершенного имъ проступка—это признавалъ до Шоненгауэра Жанъ-Жакъ Руссо въ своей „Исповѣди“ (см. перев. Устрилова).

терь; но такъ-какъ ты, будучи *абсолютно свободнымъ при выборѣ въ домировомъ бытіи своего характера*, избралъ себѣ *добровольно этотъ, а не иной характеръ* и такъ-какъ ничто въ мірѣ не властно отнынѣ *изменить твоего свободного выбора, то ты одинъ всецѣло виноватъ въ томъ, что у тебя дурной характеръ.*¹⁾.

Такимъ образомъ, тему совѣсти Шопенгауэръ объясняетъ внутреннимъ раздвоенiemъ эмпирическаго и умопостигаемаго характеровъ человѣка; умопостигаемый человѣкъ говорить эмпирическому человѣку: «я свободенъ, и по свободному единоличному выбору избралъ именно *тебя* быть моимъ проявителемъ во времени»; эмпирический человѣкъ говорить умопостигаемому: «Я—всесцѣло слѣпой рабъ твой, но и ты *теперь* свой собственный рабъ, потому-что ты *былъ лишь однажды свободенъ*, когда въ домировомъ бытіи выбралъ меня; но избравъ меня своимъ носителемъ, ты вмѣстѣ съ тѣмъ потерялъ, какъ и я, свою свободу, ибо ты не властенъ *отнынѣ* отмѣнить меня; ты—стать самъ свой рабъ!»

«Если-бы я не былъ Александромъ Македонскимъ, то я хотѣль-бы быть Дюгеномъ!»—въ этихъ словахъ завоевателя древности заключается вся сущность темы совѣсти; да, Александръ Македонскій могъ-быть Дюгеномъ, если-бы еще въ домировомъ бытіи его умопостигаемый характеръ избралъ-бы своимъ эмпирическимъ носителемъ Дюгена; но онъ избралъ себѣ характеръ Александра и теперь—рабъ своего-же, свободно выбранаго эмпирическаго характера: умопостигаемый характеръ *былъ лишь однажды свободенъ* въ домировомъ бытіи, какъ Адамъ быть свободенъ до грѣхопаденія въ раю!...

Такимъ образомъ, умопостигаемый характеръ, (т. е. *внѣвременная вещь въ себѣ*) *только однажды действовалъ*, въ домировомъ бытіи. Мало того: *свобода действий умопостигаемаго характера исчерпывается всесцѣло однимъ только моментомъ прошедшаго: это—свобода «заднимъ числомъ»*; умопостигаемый характеръ лишь однажды *былъ свободенъ* при выборѣ въ домировомъ бытіи своего эмпирическаго характера. По самое сочетаніе словъ: «*былъ свободенъ въ домирномъ бытіи*» означаетъ нѣцѣлѣное соединеніе противорѣчивыхъ понятій и въ переводѣ на языкъ логики звучитъ такъ: «*виѣвременный характеръ пребывалъ* во времени во *внѣвременному бытіи*» или «*пребывалъ* во времени *внѣ времени*» или: «*быть въ небытіи*». Однако, при такомъ смѣщеніи «умопостигаемаго» и «эмпирическаго» наскѣ покидаетъ всякая ясность мысли ²⁾!...

Отсюда ясно, что Шопенгауэрово учение о совѣсти, поскольку оно *покоится на понятіи «свободного акта выбора въ домировомъ бытіи»* — притисываетъ понятію *внѣвременной внѣдѣственности*

¹⁾ Приведенное Шопенгауэрово объясненіе темы угрызенія совѣсти усвоено во всѣхъ деталяхъ Куно Фишеромъ въ его монографіи „О свободѣ человѣка“ и. т. д. (См. пер. подъ ред. проф. М. И. Свѣшникова СПб. 1899. Ср. также мое предисловіе къ упомянутой монографіи Куно Фишера).

²⁾ Ср. Friedrich Dittes: „Ueber die sittliche Freiheit mit besonderer Berücksichtigung der Systeme von Spinoza, Leibniz. Kant“. Gekrönte Preischrift etc. Zweite Auflage. Leipzig und Wien. 1892. S. 28; „человѣческая свобода вообще и нравственная въ особенности есть не метафизическое положеніе (Lehratz), поэтическое требованіе, не фактъ, но жизненная задача. Нельзя поэтому сказать: „ты—свободенъ“; но слѣдуетъ сказать ему: „Будь свободенъ, стань свободенъ“ См. также стр. 30—40 этой книги: „Zweites Capitel: Die Freiheit als Perfectum“

и винъпрчинной вещи въ себѣ категоріи времени причины и дѣйствія, или, иными словами—требуетъ нелѣпаго «снѣдѣйственного дѣйствія», «внѣвременного времени» и «внѣ причинной причины¹).

Легко видѣть, однако, что въ виду указанной логической несостоительности понятія «домірового выбора воли, какъ вещи въ себѣ», на которомъ покоится ученіе Шопенгауера о нравственной отвѣтственности, это послѣднее ученіе разрѣшается въ *жестокий умопостигаемый* (*t. e. метафизический*) *батализмъ*, который, однако, слѣдуетъ отличать отъ детерминизма.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ возможны факты *доброй* или *нечистой* совѣсти, какъ возможна *вмѣняемость*, когда «все, что совершается—отъ величайшаго до послѣдней мелочи—совершается необходимо», а умопости-гаемый характеръ—единственный нравственный виновникъ всѣхъ безъ исключенія дѣйствій человѣка—по природѣ своей абсолютно не поддается никакому воздействию, никакому измѣненію?

Да и можетъ ли быть рѣчь о какой бы то ни было нравственной ответственности, о какой бы то ни было вмѣнности, если всѣ воры—клептоманы, такъ какъ характеръ каждого вора—воровской отъ рожденія. Чѣмъ виноваты убѣйцы, воры и всѣ вообще преступники, если характеры ихъ преступны отъ рожденія и, будучи строго индивидуальными и неизменными, дѣйствуютъ съ безусловною необходимостью? Чѣмъ повиненъ Жанъ-Жакъ Руссо въ кражѣ ленты, чѣмъ повиненъ Пироговъ въ кражахъ у своей квартирной хозяйки, если въ силу врожденности и неизменности характера, каждый изъ нихъ безусловно долженъ быть совершить покражи?

Въ честь заслуга и нравственное достоинство святыхъ, мученическое идеи, нравственныхъ подвижниковъ, если ихъ святость, ихъ мученичество и подвижничество *врождены* неизмѣнному характеру святого ²⁾?

Шопенгауэр удалось бы спасти свою теорию неизменности характера отъ жестокаго метафизического фатализма въ томъ только случаѣ, если бы *перемѣна* умопостигаемаго характера и виѣрьмъ оказаласо бы возможной; но, какъ мы видѣли, подобное *измѣненіе* умопостигаемаго характера, требующее нелѣпаго умопостигаемаго дѣйствія, является логическимъ non sens. Коль скоро, ~~однако~~, эмпирический характеръ является лишь слѣдствіемъ умопостигаемаго характера, весь міръ превращается

¹⁾) Liebmamn (u. d. indiv. Bew. der Freih. d. Will, s. 126), выводитъ, иллюзію liberi arbitrii indifferentiae изъ смѣщенія моментовъ настоящаго и прошедшаго, отождествленія понятій Sollen съ K  nnen: мѣрило того, что должно явиться (подр. въ будущемъ), прилагаютъ къ тому, что явилось". Цитата эта приведена П. Е. Астахьевымъ на 293 стр. его реферата: "Къ вопросу о свободѣ воли" Любопытна полемика автора съ Либманномъ, по вопросу о возникновеніи идеи и установленія (см. стр. 294 „О свободѣ воли". Труды Моск. Псих. Общ. 1889).

2) Было-бы жестокой нелѣпостью вмѣнять, напр., въ вину водороду то его свойство, что H_2O даеть воду, или ставить въ заслугу кислороду, то, что H_2O_2 даеть перекись водорода. Легко видѣть, что въ такой-же точно мѣрѣ нелѣпо вмѣнять въ заслугу святому его нравственные подвиги или, наоборот, ставить въ вину преступнику совершилъ имъ преступленіе, колы скоро нравственные дѣянія святого совершаются имъ въ силу врожденного, строгого индивидуального и неизмѣнного характера съ той-же желѣзной необходимостию, съ какой совершаются по той-же причинѣ и безнравственные дѣянія преступника.

въ театръ безмысленныхъ, автоматическихъ марionетокъ, которыхъ мочется въ этомъ мірѣ лишь потому, что гдѣ-то ять «закулисомъ» умопостигаемомъ мірѣ, гдѣ-то въ домировомъ бытіи» каждая марionетка завела свой механизмъ и никакая сила не властна измѣнить или исправить отныне этотъ механизмъ¹⁾!..

Равнымъ образомъ совершенно непонятно, какъ возможно угрызеніе совѣсти, коль скоро «эмпирический человѣкъ» явился на свѣтъ Божій лишь по капризу «умопостигаемаго человѣка», которому гдѣ-то въ «посюстороннемъ» домировомъ бытіи, угодно было произвести свое безапелляціонное «быть по сему!»²⁾.

Непонятно также и то, почему угрызенія совѣсти должны нести, такъ сказать, эвентуальный характеръ, или, иными словами, почему голосъ совѣсти укоряетъ человѣка, если можно такъ выразиться, «заднимъ числомъ», язвить его post factum, т. е. по совершеніи дурного поступка: коль скоро *вина* *падаетъ всецѣло на умопостигаемый характеръ*, то самъ фактъ дурного побужденія воли, злого умысла (dolus malum), долженъ ложиться позорнымъ пятномъ на умопостигаемый характеръ человѣка *совершенно независимо отъ того, проявился ли такой дурной умыселъ вовнѣ, вылился ли онъ въ соотвѣтствующій поступокъ, или нѣтъ*, формулой «умопостигаемой» нравственности должны служить слѣдующія слова: «Volo malum—ergo facio malum»—«я хочу зла, значитъ — я *творю зло*», ибс ни «до», ни «послѣ», не существуютъ для умопостигаемаго характера, какъ для вѣкврменной «вѣщи въ себѣ»³⁾.

Если, съ другой стороны, угрызенія совѣсти обусловлены сознаніемъ *неизмѣнности* эмпирическаго характера, то какъ можетъ такая совѣсть

¹⁾ Ср. Hugo Sommer: „Ueber das Wesen und die Bedeutung der menschlichen Freiheit und deren moderne Widersacher. Zweite vervollstndigte und umgearbeitete Auflage. Berlin. Georg Reimer. 1885. с. 131: „Царство явлений оказывается скорѣе царствомъ автоматовъ и т. д. См. стр. 120—142 указаннаги сочиненія.“

²⁾ Справедливо говоритъ Max Krieg (см. его „Der Wille und die Freiheit“. Freiburg im Bresgau. 1898, S. 38). „Если я долженъ сказать себѣ: „Ты могъ бы въ этомъ случаѣ поступить иначе, тогда дѣйствіе мое отнюдь не было необходимымъ“. Otto Liebmann (см. его „Ueber den individuellen Beweis fr die Freiheit des Willen“, Stuttgart. 1886, S. 70), остроумно говоритъ: „Это явный абсурдъ, чтобы надѣленный самосознаніемъ человѣкъ, долженъ быть отвѣтственнымъ не за то дѣйствіе, которое онъ совершаѣтъ съ волею и разумѣніемъ, а за тотъ характеръ, который обусловленъ ему самому неизвѣстной причинной связью, или—чего доброго (oder gar)—за „умопостигаемый“, о которомъ онъ ничего не знаетъ“. Равнымъ образомъ недоумѣваетъ по этому поводу и „Otto Kohl. (См. его „Kant's Ansicht von der Freiheit des menschlichen Willens“. Leipzig. 1868. S. 23). „Долженъ ли (домировой актъ выбора) быть единственнымъ, опредѣляющимъ весь жребій человѣка, какъ существо въ себѣ (als Wesen an sich)? Присущее намъ стремленіе къ моральному усовершенствованію, къ достижению нравственнаго идеала, позволяетъ безъ трудности предполагать, что земная жизнь есть лишь испытаніе однократнаго акта воли, по окончаніи котораго, то же самое существо въ себѣ совершаѣтъ новые волевые акты и вступаетъ въ новые фазы жизни (Erscheinungsleben), до какового вступленія существо въ себѣ, быть можетъ, являлось въ иной жизни. Это странствованіе душъ (Seelenwanderung). соотвѣтствовало бы учению Канта о живущихъ на планетахъ существахъ“.

³⁾ Сравни Евангелие отъ Матея, глава V, ст. 28: „... Говорю вамъ, что всякий, кто смотрѣть на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ ней въ сердцѣ своемъ...“

внезапно, такъ сказать, *приразняться нулю?* А между тѣмъ, учить Шопенгауэръ это проиходитъ въ феноменѣ аскезы: «*прежнія преступленія*», говоритъ онъ, («Миръ какъ воля и представлѣніе», пер. А. Фета, стр. 481), «*не удручаютъ уже болѣе и гдѣ* (т. е. аскетовъ) *сознаніи*; но они охотно искупаютъ ихъ смертью». Какъ же согласовать эти слова Шопенгауэра съ категорической формулой его этики: «*кто разъ укралъ, весь вѣкъ свой воръ?*» Легко видѣть, что и въ этомъ случаѣ, мы патакиваемся на *самопротиворѣчіе* Шопенгауэра, обусловленное его учениемъ объ *изъянченіи* эмпирическаго (т. е. неизмѣннаго) характера).

Наконецъ, какъ можно *приписывать* умопостигаемому характеру предикать *постоянства*, т. е., иными словами, *познавать его, коль скоро умопостигаемый характеръ*, будучи «вещью въ себѣ», абсолютно непознаваемъ?

Въ чёмъ же вина *«эмпирического человѣка»*, если онъ, *слѣпое орудіе* въ рукахъ непсравимаго «умопостигаемаго человѣка?»

На это Шопенгауэръ отвѣчаетъ словами Кальдерона: «*Величайшая вина человѣка состоѣть въ томъ, что онъ родился!*»

Но для того, чтобы *самый фактъ рожденія* человѣка можно было выѣнять ему въ *«величайшую вину»*, необходимо предположить, что *вина* тяготѣеть надо всѣмъ умопостигаемымъ характеромъ міра, нужно *завѣдомо осудить* міръ, какъ «вещь въ себѣ» въ этическомъ смыслѣ. И Шопенгауэръ, какъ известно, выноситъ безапелляціонный обвинительный вердиктъ всему умопостигаемому характеру міра: міровая воля, воля, какъ «вещь въ себѣ» — есть будто бы *по природѣ своей* неискоренимое зло; эта всеединая первобытная воля міра (*Urwillе*) составляетъ-де вѣчный источникъ *discordiae naturae* (разногласія, вражды природы); она будто бы является *первопричиной* неукротимой вражды, неисцѣлимыхъ страданій!

Шопенгауэръ забываетъ, однако, что онъ же самъ объявилъ волю міра или волю, какъ «вещь въ себѣ» абсолютно независящей отъ «закона достаточнаго основанія» и *посему* абсолютно непознаваемой! А между тѣмъ эта абсолютно непознаваемая воля міра (или умопостигаемый характеръ міра) *всегда* признается Шопенгауэръ — и странное дѣло — признается даже въ корнѣ, *in nuce!*.

Какъ можно осуждать, т. е.—иными словами—судить, познавать умопостигаемый характеръ міра, если послѣдній, будучи вѣщью въ себѣ—безнадежно непознаваемъ?

Коль скоро *умопостигаемый* характеръ міра — для наѣки *terra incognita*, то и весь обвинительный вердиктъ Шопенгауэра по адресу умопостигаемаго характера міра — завѣдомо несостоятеленъ, а съ нимъ вмѣстѣ придется признать завѣдомо несостоятельнымъ и обвиненіе человѣка «въ томъ, что онъ родился».

Равнымъ образомъ непонятно, какъ можно приписывать умопостигаемому характеру предикаты «добрый», «злой», «отвѣтственный» и по томъ уже, такъ сказать — «пассивно» заключать объ этической годности или негодности, винѣ или заслугѣ *эмпирического* характера? Да и какъ, вообще, можно говорить объ отвѣтственности, этической годности или негодности умопостигаемаго характера, коль скоро послѣдній, будучи «вещью въ себѣ» *абсолютно непознаваемъ?* Но, допустимъ, что Шопенгауэръ,

благодаря всемогуществу и всевъдѣнію «единственного исключенія» удалось какимъ-то «чудомъ по преимуществу» познать (вопреки абсолютной непознаваемости) умопостигаемый характеръ міра со стороны его полной этической негодности; удастся ли Шопенгауэръ даже цѣною завѣдомаго самопротиворѣчія спасти свое ученіе отъ характера жестокаго метафизического фатализма и проповѣди нравственнаго квѣтизма? Нисколько: въ самомъ дѣлѣ, коль скоро міръ *завѣдомо* осужденъ, коль скоро неискупимая вина тяготѣеть надъ умопостигаемымъ характеромъ міра и неотлучно сопровождается, какъ злой гений, появленіе человѣка на свѣтъ божій, то безплодность и завѣдомая бесполезность нравственнаго усовершенствованія становится слишкомъ очевидно: *зачѣмъ* заботиться о нравственной чистотѣ своего «я», *къ чѣму* стремиться къ нравственному поступательному движению, *для чѣго* преслѣдовывать нравственные идеалы, когда человѣкъ, какъ носитель завѣдомо осужденаго и безнадежно неисправимаго умопостигаемаго характера міра, является eo ipso нравственно «отпѣтымъ» существомъ, а міръ представляеть изъ себя нравственный адъ, на дверяхъ которого выбиты роковыя слова Данте: «*Lasciate ogn' speranza, voi ch'entrate!*» (т. е. «оставьте послѣдний лучъ надежды, входя сюда»)...

Такимъ образомъ, жестокій метафизический фатализмъ Шопенгауера выражается въ безнадежный *этический пессимизмъ метафизическою происхожденіемъ*.

Этотъ *метафизический пессимизмъ* не только исключаетъ возможность различія добра и зла, но въ конецъ *изгоняетъ* добро изъ нравственнаго содержанія міра; мало того: этический пессимизмъ Шопенгауера дѣлаетъ невозможнымъ постановку этическихъ идеаловъ, исключаетъ всякое нравственное усовершенствованіе и поступательное движение по пути культурнаго прогресса.

Выражаясь въ проповѣдь нравственнаго квѣтизма, ученіе это ведеть къ провозглашенію нравственнаго «ничегонедѣланія» и «непротивленія злу»...

И действительно, ученіе Шопенгауера обѣ аскезѣ является, какъ я покажу, проповѣдью замаскированаго нравственнаго квѣтизма и *вполнѣ* послѣдовательно вытекаѣть изъ всего характера *нравственнаго пессимизма* Шопенгауера.

VI.

Идея «умопостигаемаго» дѣйствія, проходящая красною нитью черезъ все ученіе Шопенгауера о свободѣ воли, разрѣшается въ этикѣ состраданія въ неизмѣримую, внутреннюю *антиномію*.

Какъ известно, этический принципъ рѣзко изготается Шопенгауеромъ изъ области этики: «эгоизмъ и нравственная цѣнность дѣяній» — читаемъ мы на 263 стр. «Основъ Морали» — «непремѣнно взаимно исключаютъ другъ друга»; *только* состраданіе, сочувствие страданіямъ другого человѣка содѣлываютъ мой поступокъ воистину нравственнымъ. Однако, какъ я попытаюсь показать, принципъ *состраданія*, выставленный Шопенгауеромъ, какъ *основаніе морали, не только не чуждъ эгоизма, но*

служит даже замаскированным выражением наиболее интенсивного и квалифицированного эгоизма.

«Я хочу моего блага» — такова основная формула эгоизма; если же я хочу блага или отвращения страдания другого лица, тогда поведение мое получает нравственную ценность. «Какую бы ни придумать причину дѣянія, всегда окажется, что, въ концѣ концовъ, какимъ-либо окольнымъ путемъ истинной его пружиной будетъ собственное благо и страданіе дѣйствующаго лица, что стало быть, дѣяніе эгоистично, слѣдовательно, не имѣть нравственной ценности. Есть лишь одинъ единственный случай, когда этого не бываетъ, именно, когда послѣднее побудительное основание поступка или воздержанія отъ него заключается прямо и исключительно въ благѣ и страданіи кого-либо другого, пассивно причастнаго къ дѣянію, когда, слѣдовательно, активная сторона при своемъ дѣяніи или воздержаніи имѣть виду единственное лишь благо и страданіе другого лица и заботится только о томъ, чтобы не пострадалъ этотъ другой и даже получилъ поддержку, помочь и облегченіе. Эта цѣль одна кладетъ на воздержаніе печать нравственной ценности» (ibid., стр. 265 и 266).

(Я нарочно выписала это мѣсто цѣликомъ, такъ какъ въ немъ содержится *квинтъ-эссенція* всей Шопенгауэрской этики). Отсюда видно, что нравственные поступки — по Шопенгауэру могутъ быть либо *пассивные*, либо *активные*; первые имѣютъ своимъ содержаниемъ *воздержаніе отъ причиненія страданій другому*, вторые — дѣятельное сочувствіе страданіямъ другого лица и оказаніе ему помощи; *оба* типа нравственныхъ поступковъ находятъ свое выраженіе въ формулѣ: «*neminem laede, sed omnes, quantum potes, iuva*» — «никому не вреди, но всѣмъ, по мѣрѣ силы, оказывай помощь». Если поступокъ направленъ на *мое* благо или отвращеніе *моего* страданія, онъ — насквозь эгоистиченъ и *eo ipso* — безнравственъ; напротивъ, если поступокъ направленъ на осуществленіе блага или на отвращеніе страданія *другого лица*, онъ — всецѣло альтруистиченъ и *посему* имѣть нравственную ценность, ибо только «*состраданіе есть настоящая пружина нравственности*» (ibid., стр. 273). Различіе между нравственнымъ и безнравственнымъ поступкомъ обусловливается, такимъ образомъ, *объектомъ, предметомъ* моего хотѣнія: если объектъ этотъ лежитъ *во мнѣ самомъ*, — поступокъ мой безнравственъ; если-же объектъ моего хотѣнія кроется *внѣ меня*, т. е. *въ другомъ лицѣ*, то поступокъ мой приобрѣтаетъ печать нравственной ценности. Однако, сферу *альtruизма* Шопенгауэр ограничиваетъ лишь *отвращеніемъ* страданій и *зла для другого лица*: «*непосредственное участіе къ другому ограничиваются его страданіемъ и не возбуждается, по крайней мѣрѣ, прямо его благодеятствиемъ*: это послѣднее само по себѣ для насъ безразлично... Счастливый, довольный, *какъ таковой*, оставляетъ насъ равнодушными, собственно потому, что состояніе его — отрицательное». Мало того: *счастье и наслажденіе* другого лица способно даже возбудить въ насъ зависть, «*задатки которой есть въ каждомъ человѣкѣ*».

Съ точки зренія Шопенгауэрской этики *состраданія* оказывается, собственно говоря, непонятнымъ, почему «*счастливый, довольный, какъ таковой*, оставляетъ насъ равнодушными» и возбуждаетъ даже въ насъ чувство зависти: колъ скоро *прозрѣніе principiorum individuationis*

претворяетъ мое «я» въ «не-я», коль скоро съ прозрѣніемъ миража времени антитеза между «я» и «не-я» разрѣшается въ высшій синтезъ: «ты во мнѣ, ибо ты — я еще разъ», коль скоро въ чужомъ мнѣ человѣкъ я узнаю свой двойникъ, свое *alter ego*, то, казалось-бы, не только *его* страданія и горести, но и *его* радость и довольство должны стать въ моихъ глазахъ какъ-бы моими собственными. Почему-же, соболѣзнуя страданіямъ и печали своего *alter ego* (т. е. своего «я еще разъ»), я не только не радуюсь *его* радостямъ, но *его* благополучіе возбуждается даже во мнѣ чувство зависти? Чѣмъ объясняется, что моя дѣятельная любовь (въ феноменѣ аскезы) къ чужому мнѣ человѣку, въ которомъ я прозрѣлъ сквозь обманчивый покровъ Майи свое «я еще разъ», исчерпывается сферой соболѣзнованія *его* страданіямъ и не простирается вовсе на *его* радости, на *его* благополучіе и довольство?

Я думаю, что это можно объяснить только тѣмъ, что по духу Шопенгауэрова ученія феноменъ состраданія (какъ я покажу это ниже) представляетъ въ сущности замаскированный феноменъ пассивнаго, косвенного самоподтвержденія воли (*Selbstbejahung des Willens*), т. е. наиболѣе могучаго, утонченнаго эгоизма. Этимъ только, какъ мнѣ кажется, и можно объяснить ту непослѣдовательность Шопенгауэрова ученія о состраданії (въ феноменѣ аскезы), въ силу котораго при лицезрѣніи страданій и лицемѣ другого лица антитеза между «я» и «не-я», благодаря прозрѣнію *principiorum individuationis* разрѣшается для меня въ высшій синтезъ: «не-я» = «я еще разъ», а при лицезрѣніи радостей, счастья и довольства эта-же антитеза между «я» и «не-я» възвѣстяется во всей своей силѣ и отзывается во мнѣ чувствомъ зависти къ благополучію моего «я еще разъ», т. е. порождаетъ во мнѣ даже недоброжелательство къ ближнему иоему.

Итакъ, только соболѣзнованіе страданіямъ другого, только состраданіе служитъ, по мнѣнію Шопенгауэра — единственнымъ критеріемъ нравственности.

Въ чёмъ коренится состраданіе и какъ оно возможно? Шопенгауэръ опирается мнѣніе итальянскаго ученаго Кассина (автора «Saggio analitico sulla compassione»), учившаго, что состраданіе вызывается иллюзіею воображенія, когда мы относимъ *къ себѣ* страданія другого и думаемъ, что *внутри самихъ себя* мы переживаемъ страданія другого. Шопенгауэръ утверждаетъ въ противность Кассина, что сострадая другому, мы страдаемъ «не въ своемъ собственномъ, а въ его лицѣ» (*ibid.*, стр. 273). Тема состраданія заключается, такимъ образомъ, въ претвореніи чужихъ страданій и тяготъ въ свои собственные, въ устраненіи всякой антитезы между «я» и «не-я». Эта антитеза въ глазахъ эгоиста столь велика, что «для него чужое страданіе есть непосредственное наслажденіе» (*ibid.*, стр. 349), ибо эгоистъ содѣлываетъ свое «я» непосредственнымъ сосредоточіемъ, верховной цѣлью міра, согласно максимѣ: «пусть погибнетъ міръ, лишь-бы только я пребывалъ въ благополучії» (*pereat mundus, dum ego salvus sim*); напротивъ, состраданіе разрѣшаетъ антитезу между «я» и «не-я» въ формулѣ: «не-я есть я еще разъ»; феноменъ состраданія — учить Шопенгауэръ, основывается на прозрѣніи сквозь пелену времени и пространства (*principiorum individuationis*) *всединой міровой*.

воли (Urwill). Стѣны времени и пространства отѣляютъ меня обманчивымъ покровомъ Майи отъ другого индивида; цѣли времени и пространства сковываютъ меня, какъ явленіе, отличное отъ другого индивида, какъ явленія. Но такъ какъ *множественность* (Mehrheit) есть лишь иллюзія времени, создающая антитезу между «я» и «не-я», то, прозрѣвъ покровъ обманчивой множественности (Майи), я познаю, что различие между мною и другимъ человѣкомъ обусловливается лишь перегородками времени, что я отличаюсь отъ другого человѣка *лишь какъ явленіе*, а что въ сущности «я гражданинъ того отечества, которое называется міромъ» (слова Сенеки); тогда для меня становится ясно, что мое «я» есть въ сущности модификація всеединой міровой воли, и я узнаю *себя* въ этой имманентной всѣмъ явленіямъ тожественной сущности и говорю себѣ: «*tat twam asi*» (т. е. «это—ты»)!

Коль скоро обманчивая *чешуя времени* спала съ моихъ глазъ, я познаю теперь, что воля чужого мнѣ человѣка есть модификація моей воли, мое alter ego, мой двойникъ. Съ прозрѣніемъ *міража* времени я узнаю въ страданіяхъ другого лица мои собственныя страданія, болѣю *его* болѣмъ, потому что его скорбь—моя скорбь. Свергнувъ съ себя оковы времени и пространства, моя душа расширяется до предѣловъ скорбящей *міровой* души и *моя* скорбь *претворяется*, поэтому, въ міровую скорбь (Weltschmerz). «Другое для него» (т. е. для аскета)—говорить Шопенгауэръ (*ibid.*, стр. 360)—«не какое нибудь «не-я», но я еще разъ».

Антитеза между «я» и «не-я» благодаря *прозрѣнію* *principiorum individuationis* (т. е. времени и пространства) разрѣшается въ высший синтезъ: «ты—во мнѣ, ибо ты—я еще разъ»!

Это претвореніе «я» въ «не-я» составляетъ, по словамъ Шопенгауэра тотъ воистину «тайнственный процессъ» состраданія, который изображенъ въ учениі о *ri  te* Жанъ Жакомъ Руссо «этимъ величайшимъ моралистомъ новѣйшаго времени... глубокимъ знатокомъ человѣческаго сердца, почерпавшимъ свою мудрость... изъ дѣйствительной жизни... питомцемъ природы, уловлявшимъ истину и трогавшимъ сердце» (*ibid.*, стр. 322).

Но не говоря уже о томъ, что подобное прозрѣніе принциповъ индивидуализаціи (*principiorum individuationis*, или—иными словами—познаніе всеединой міровой воли) поконится, какъ я показалъ выше, на *затѣдомо* *постоянной* *презумпціи*—*возможности познанія абсолютно непознаваемой воли*, какъ «*вещи въ себѣ*», состраданіе, какъ понимаетъ его Шопенгауэръ, должно быть признано уточненнымъ, рафинированнымъ эгоизмомъ! ¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, если только страданія, только лишенія носятъ *положительный* характеръ, если даже «жизнь есть безысходное страданіе» и «величайшимъ благомъ (*summum bonum*), единственно радикальнымъ лекарствомъ» служитъ «полное самоупичтоженіе, *отрицаніе* воли, истинное безволіе, которое одно навсегда утоляетъ и прекращаетъ стремленіе воли, *одно* даетъ довольство, уже не подвергающееся нарушению, *одно*

) Ср. „*Neue Briefe*“ etc. von Julius Frauenstadt. S. 269 и 370, см. также „*Нравственная философія Шопенгауера*“ кн. Д. Цертелева („*Журналъ Минист. Народн. Просв.*“, часть CCXXIV, декабрь 1882, стр. 224).

избавляет отъ міра», если жить—значитъ страдать, то по смыслу Шопенгауэрской системы состраданіе является проповѣдью убіенія людей.

Вспомнимъ, что жить—значить страдать и что единственнымъ радикальнымъ лекарствомъ противъ жизни, какъ страданія, служить отмѣна, отрицаніе жизни, погашеніе воли къ жизни. Отсюда слѣдуетъ: такъ какъ я сострадаю Ивану и желаю ему наивысшаго блага или отвращенія отъ него наивысшаго зла и страданія, а жизнь и есть это наивысшее страданіе, то, движимый чувствомъ состраданія къ Ивану, я долженъ лишить Ивана жизни, дабы пересѣчь въ кориѣ источникъ величайшаго страданія Ивана.

Какъ-же лишить Ивана жизни, т. е. отвратить отъ него величайшее зло? Только однимъ путемъ можно отмѣнить въ конецъ самую волю къ жизни—учить Шопенгауэръ—путемъ аскезы, ибо—учить Шопенгауэръ—только аскеза служить полнымъ и двухстороннимъ уничтоженіемъ воли, какъ «вещи въ себѣ» и воли, какъ явленія; напротивъ, *всякий иной род смерти*, напр., самоубийство, Шопенгауэръ считаетъ безцѣльнымъ и безсмысlenнымъ поступкомъ, ибо самоубийство, будучи одностороннимъ актомъ частичной отмѣны воли, уничтожаетъ лишь волю, какъ явленіе, не касаясь вовсе воли, какъ «вещи въ себѣ». Птакъ, выходитъ, что, движимый состраданіемъ къ Ивану, я долженъ обратить его на шутъ аскезы, убѣдить его стать аскетомъ, склонить его волю къ аскетизму. Но я доказалъ уже (въ своей первой статьѣ), что въ виду логической несостоительности понятія уничтоженія воли, какъ «вещи въ себѣ» (требующаго нелѣпаго умопостигаемаго дѣйствія), между аскезой и самоубийствомъ не можетъ быть никакого принципіального различія, ибо аскеза, какъ и самоубийство, представляютъ лишь односторонніе акты частичного уничтоженія воли, какъ явленія и не касаются вовсе воли, какъ «вещи въ себѣ»; коль скоро проповѣдь аскезы сводится у Шопенгауэра въ сущности къ замаскированной проповѣди модифицированного, растянутаго во времени самоубийства, т. е. смерти, то легко видѣть отсюда, что и состраданіе, требующее отъ сострадательного человѣка обращенія Ивана па путь аскезы, сводится въ сущности къ требование склонить Ивана къ самоубийству, такъ какъ «самоубийство» и «аскеза» составляютъ синонимы на языкѣ Шопенгауэра (какъ я разъяснилъ это выше, въ *первой главѣ* настоящей статьи). Но коль скоро состраданіе повелѣваетъ мнѣ склонить Ивана къ самоубийству, т. е. къ смерти, то не безразлично-ли въ этическомъ смыслѣ—*заставлю-ли* я Ивана покончить самоубийствомъ, т. е. явлюсь-ли я *виновникомъ* самоубийства Ивана, доведу-ли я его до самоубийства, или-же *самъ* убью Ивана, какъ убиваютъ, напр., на войнѣ тяжело раненыхъ солдатъ или изувѣченыхъ животныхъ, чтобы *ускорить* конецъ ихъ невыносимыхъ и неисцѣлимыхъ страданій, раздирающихъ душу стоновъ, предсмертныхъ судорогъ, или какъ отравляютъ, напр., на операционномъ столѣ безнадежнаго больного, метущагося въ предсмертной агоніи, чтобы положить конецъ его нестерпимымъ мукамъ.

Допустимъ, что Шопенгауэръ цѣною завѣдомаго самопротиворѣчія удалось бы доказать, что съ уничтоженіемъ, отмѣной эмпирическаго

характера въ феноменѣ аскезы и впрямь уничтожается, погашается въ то-же время и умопостигаемый характеръ аскета (хотя, какъ было показано выше отмѣна или уничтоженіе умопостигаемаго характера неизбѣжно требуетъ неѣпаго «умопостигаемаго» или «*внѣ дѣйствія*»). Достигаетъ-ли аскетъ имманентнаго нравственнаго искушенія умопостигаемаго характера міра? Разумѣется,—пѣтъ, потому что въ данномъ случаѣ *уничтожился бы исключительно индивидуальный умопостигаемый характеръ предполагаемаго аскета*, по умопостигаемый характеръ міровой воли не претерпѣлъ-бы отъ этого никакихъ рѣшительно измѣненій. Этимъ объясняется, почему, вопреки сомнѣнію Куно Фишера, индивидуальное отрицаніе воли *отнюдь не должно быть вмѣстѣ съ тѣмъ и всеобщимъ отрицаніемъ и уничтоженіемъ міра*. (См. Куно Фишеръ: «Артуръ Шопенгауэръ» перев. подъ ред. В. И. Иреображенскаго. М. 1896, стр. 510 и 119). Дѣло въ томъ, что вся Канто-Шопенгауэрова классификація характеровъ молчаливо *предполагаетъ соотвѣтствіе числа умопостигаемыхъ характеровъ числу эмпирическихъ, содѣланыхъ первыми путемъ свободнаго акта выбора въ доміровомъ бытии* (какъ я объяснялъ и доказалъ это выше).

Отсюда объясняется весьма крупная теоретическая ошибка Канта и Шопенгауэра—*допущеніе индивидуальности* (т. е. возможности *нумерического различенія*) *абсолютно винчелленной, всеединой (al-lein) міровой воли*, какъ «вещи въ себѣ».

Легко видѣть, однако, что, независимо отъ указанныхъ *теоретическихъ погрѣшностей*, усвоеніе *индивидуальности*, т. е. *замаскированной категоріи числа* понятію *абсолютно винчелленной воли міра* *предполагаетъ молчаливо неслѣпое допущеніе*, указанное мною выше: поскольку волль, какъ «вещи въ себѣ» приписываются какіе-бы то ни было положительные предикаты, постолько *eo ipso* не-минуемо допускается, что воля, какъ «вещь въ себѣ», можетъ служить предметомъ познанія, не взирая на то, что «вещь въ себѣ», будучи абсолютно независимой отъ закона достаточнаш основанія, съ тѣмъ вмѣсть—*абсолютно и безнадежно непознаваема (по природѣ нашихъ познаваемыхъ способностей)*.

Въ самомъ дѣлѣ, коль скоро аскеза является такой-же *отповѣдью* жизни, что и самоубійство, или иными словами—коль скоро состраданіе служитъ замаскированною проповѣдью *смерти*, то картица и способъ смерти, очевидно, не можетъ имѣть *принципіального значенія*¹⁾.

Равнымъ образомъ и самый принципъ Шопенгауэрской этики находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ доктриной отрицанія воли къ жизни (*Verneinung des Willens zum Leben*), таѣкъ какъ проповѣдь *дѣятельнаго состраданія* представляеть въ сущности пропаганду самаго

¹⁾ Коль скоро проповѣдь аскезы превращается у Шопенгауэра въ отповѣдь жизни, то знаменитый герой „терновской драмы“—Федоръ *Ковалевъ*, зарывшій заживо три партіи (двадцать пять человѣкъ), уступая просьбамъ фанатиковъ, обрекшихъ себя на самоубійство, является, по смыслу Шопенгауэрского ученія, самымъ строгимъ и послѣдовательнымъ *адептомъ* Шопенгауэрской этики. См. обѣ этомъ „Эпидемическая вольная смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ“. Проф. И. А. Сикорскаго, см. также Сапожниковъ: *Самосожжение въ русскомъ расколѣ*. Москва. 1891 г.

могучаго, рафинированнаго самоподтверждения (*Selbstbejarung*) воли—
т. е. замаскированнаго квалифицированнаго эгоизма.

Въ самомъ дѣлѣ: «я страдаю, значить я живу— *patior, —ergo vivo*»—таково основное положеніе пессимистической доктрины Шопенгауэра; отсюда вытекаетъ слѣдующій выводъ: *поскольку* я хочу страдать, *постольку* я хочу жить, ибо желаніе страдать есть—иными словами—феноменъ подтверждения воли къ жизни (*Bejahung des Willens zum Leben*). Но что значитъ: «я сострадаю Ивану»? По смыслу Шопенгауэрова ученія это значитъ: я страдаю страданіями Ивана, словно они были бы моими собственными, я страдаю въ Иванѣ *еще разъ*, ибо Иванъ—есть мое *alter ego*, мое «я еще разъ». Итакъ, *состраданіе есть* подтверждение своего страданія въ другомъ или за предѣлами своего «я» т. е. *наиболѣе могучее подтверждение страданія*. Но *страдать*, значитъ по Шопенгауэр—*жити*, ибо сама воля къ жизни таитъ въ себѣ вѣчный источникъ неисцѣлимаго страданія; колѣ скоро «страданіе» и «жизнь»—служить на языкѣ Шопенгауэра синонимами, то легко видѣть, что, поскольку состраданіе есть могучее подтверждение своего страданія въ другомъ, постольку-же *состраданіе слѣдуетъ признать могучимъ подтвержденіемъ своей воли къ жизни въ другомъ, т. е. за предѣлами своего я*. По могучее подтверждение своей воли къ жизни въ другомъ или за предѣлами своего «я», знаменующее, по мнѣнію Шопенгауэра, бракъ, самъ-же Шопенгауэръ называется въ своей «Метафизикѣ любви» *самымъ напряженнымъ, квалифицированнымъ подтвержденіемъ воли къ жизни, т. е. самымъ утонченнымъ и рафинированнымъ эгоизмомъ*. Легко видѣть, однако, что принципъ состраданія, какъ его понимаетъ Шопенгауэръ, есть ничто иное, какъ замаскированный принципъ наиболѣе утонченнаго, такъ сказать, *рафинированнаго эгоизма*. Итакъ, придется признать, что Шопенгауэрова этика состраданія *разрѣшается въ этику самого могучаго эгоизма*. А между тѣмъ на языкѣ Шопенгауэра эгоизмъ означаетъ *безнравственность*, и онъ неустанно твердитъ, что «эгоизмъ и нравственная цѣнность дѣяній непремѣнно взаимно исключаютъ друга друга».

Теперь я спрашивала: какъ слѣдуетъ назвать поступокъ, вытекающій всесѣло изъ состраданія, которое есть ничто иное, какъ замаскированный, самый могучий, рафинированный эгоизмъ?

На языкѣ Шопенгауэра такой поступокъ слѣдуетъ назвать единственнымъ, воистину нравственнымъ дѣяніемъ; но на языкѣ строгой логики такой поступокъ нельзѧ назвать иначе, какъ *въ высокой степени эгоистическимъ и посему съ точки зренія самого же Шопенгауэра въ высокой степени безнравственнымъ*, такъ-какъ, по словамъ Шопенгауэра «чтобы дѣяніе имѣло нравственную цѣнность, никакая эгоистическая цѣль, ни близкая, ни отдаленная, ни посредственно, ни непосредственно не должна служить ему мотивомъ» (стр. 263 и 264 «Основы морали»), ибо «эгоизмъ исключаетъ нравственную цѣнность поступка»¹⁾.

Шопенгауэръ, какъ извѣстно, вмѣнялъ себѣ въ высокую заслугу то,

¹⁾ Cp. Friedrich Wagner: „Ist Verneinung des Willens m glich?“ Stuttgart, Fr. Frommanns Verlag (E. Hauff), 1897. стр. 18 и 16, гдѣ авторъ приводитъ любопытныя своеобразныя воззрѣнія на сущность аскезы.

что только ему (да отчасти еще Канту) удалось отринуть этику отъ того эвдемонистического характера, которымъ, по мнѣнію Шопенгауэра, были запечатлены всѣ этическія доктрины вплоть до Канта; легко видѣть, однако, что поскольку Шопенгауэрова этика состраданія, отправляясь отъ замаскированной утонченной эгоистической мотивациі, молчаливо разрѣшается въ проповѣдь наиболѣе могучаго самоподтвержденія воли и апологію рафинированнаю, квалифицированную эгоизма, постольку и вся нравственная философія Шопенгауэра представляетъ въ сущности ничто иное, какъ замаскированный эвдемонизмъ.

Такимъ образомъ, «отсутствіе всякой эгоистической мотивациі» выставленное Шопенгауеромъ въ качествѣ «критерія поступка нравственной цѣнности» разрѣшается въ самую утонченную эгоистическую мотивацию.

Этика состраданія разрѣшается, такимъ образомъ, въ апологію замаскированного самоподтвержденія (*Selbstbejahung*) воли и проповѣдь безграничнаго эгоизма, провозглашающую девизъ: «*Pollice verso!*» («Добей его!»). Этика Шопенгауэра покоится, такимъ образомъ, на *внутренней непримиримой антагонії*; тезисъ этой антипомії гласитъ: Жизнь есть вѣчный источникъ вражды природы (*discordiae naturae*), неисцѣлимыхъ страданій и безысходнаго зла; поэтому слѣдуетъ ирессѣчь самый корень жизни, какъ зла по своей природѣ, слѣдуетъ отрицать самое волю къ жизни, подавлять въ себѣ всякие проблески желаній, слѣдуетъ, словомъ, отрицаться отъ безнадежно грѣховнаго міра, слѣдуетъ заглушить въ себѣ всякую охоту къ жизни». Такъ говорить тезисъ; антитезисъ же, въ противность тезису утверждается: «Жизнь есть вѣчный источникъ зла; сама воля по природѣ своей есть безнадежное страданіе; поэтому, слѣдуетъ питать состраданіе къ людямъ, какъ порожденіемъ злой воли міра; поэтому слѣдуетъ любить все живущее, слѣдуетъ исцѣлять его страданія, предотвращать или ослаблять тяготы ближняго; поэтому слѣдуетъ всячески способствовать утвержденію воли къ жизни въ другомъ и *eo ipso* наиболѣе могучимъ способомъ утверждать свою собственную волю къ жизни за предѣлами своего «я» т. е. въ другомъ; поэтому слѣдуетъ любить жизнь и изо всѣхъ силъ утверждать волю міра, какъ источникъ всякой жизни».

Такъ говорить антитезисъ. Тезисъ выступаетъ безпоощднымъ обвинителемъ воли къ жизни и настаиваетъ на необходимости полнаго осужденія жизни и примѣненія къ ней самого строгаго наказанія—смертной казни или погашенія воли къ жизни; антитезисъ напоминаетъ краснорѣчиваго защитника, который старается разжалобить сердца судей трогательнымъ изображеніемъ безысходныхъ страданій подсудимаго и требуетъ самаго сплѣходительнаго отношенія къ міру, самаго глубокаго человѣко-любія и состраданія ко всему живущему...

Нельзя, однако, проновѣдывать жалость, состраданіе и любовь къ людямъ, проновѣдая въ то же время отвращеніе ко всему живущему, ненависть къ самой жизни: чтобы слиться воедино съ близкимъ своимъ, чтобы претворить свое сердце въ сердце ближняго своего, страдать *его* страданіями, болѣть его болями, нужно прежде всего «возлюбить ближняго своего, какъ самого себя», нужно любить все живущее, любить самое

жизнь. Проповѣдывать любовь къ людямъ наряду съ *отповѣдью* самой жизни—это значить проповѣдывать любовь на кладбищахъ, среди мертвцевъ! Но царство *нравственности*—не кладбище, не гробы, а *живая* совѣсть людей: только *живыя* сердца способны биться любовью и состраданиемъ ко всему страждущему, ко всему живущему. Безъ человѣка, какъ условия и носителя нравственного мѣра немыслима никакая нравственность. Отнимите живого человѣка, превратите міръ въ необитаемую пустыню безъ малѣйшаго признака жизни и мысли—и нравственность превратится въ *самую* жалкую химеру. Не даромъ Гете называлъ міръ «нравственнымъ феноменомъ»: какъ всякое явленіе, нравственный міръ возможенъ лишь постольку, поскольку существуетъ человѣкъ — носитель нравственныхъ идеаловъ¹⁾!

Проповѣдь *отрицанія* воли къ жизни приводить къ нравственному индиферентизму, къ вырожденію культуры: государство благодаря нравственному квѣтизму превращается въ какой-то *скимъ*, изъ арены для борьбы во имя нравственныхъ идеаловъ этическій пессимизмъ Шопенгауэра дѣлаетъ кладбище заживо погребенныхъ нравственныхъ чаяній и завѣтовъ²⁾...

Указанная выше внутренняя антимонія, на которой молчаливо поконится вся Шопенгауэрова этика состраданія также, какъ и цѣлая сѣть другихъ непримиримыхъ противорѣчий Шопенгауэра, (отмѣченныхъ

¹⁾ Prof. Hermann Cohen силится отстоять, такъ сказать, самодовлѣющее достоинство нравственныхъ законовъ, независимость нравственности отъ человѣка. Такъ, на стр. 139 и 140 своего извѣстнаго труда „Kants Begründung der Ethik“ (Berlin, Dünmlers Verlagsbuchh. 1877) онъ говоритъ: „Нравственность составляетъ проблему реальности не исключительно (nicht lediglich) человѣка, но (вообще) разумнаго существа. Это выражение наводить насъ на мысль, что если бы не было людей (wenn Menschen nicht wären), нравственность, всетаки, должна была бы существовать; равно какъ, если даже и не въ высшей степени (wenn nicht gar in höherem Grade) бытие (Sein) должно быть мыслимо нами и на той даже случай, если бы не было людей, которые созерцаютъ и мыслятъ это (Büte)“. Такое толкованіе Hermann'a Cohen'a вызываетъ у Отто Леманна вполнѣ основательное недумѣніе. На стр. 32 „Ueber Kant's Prinzipien der Ethik und Schopenhauer's Beurteilung derselben“ (Berlin, Verlag von Grießen, 1880) упомянутый авторъ говоритъ по поводу приведенной цитаты Cohen'a слѣд.:... (нравственность) должна быть мыслима нами даже, на той случай, если бы не было людей мыслящихъ ее! Понятіе каждого существованія, которое мы хотимъ утверждать не на словахъ только, поконится на неотъемлемомъ (unerlässlichen) предположеніи существованія сознающаго „я“.... Безъ (мыслящаго) субъекта нѣть (мыслимаго) объекта“. „Что безъ субъекта остается немыслимъ также и объектъ — это, по словамъ Когена — сумасбродство (Wahnwitz). Конечно, Когенъ неминуемо долженъ *соизбрание са и противорѣчія* признать возможность существованія субъекта безъ объекта. Вопросъ о *соотношении между объектомъ и субъектомъ* (кромѣ трактата Шопенгауэра. „О четвероякомъ кориѣ закона достаточнаго основанія“) подробно разбирается Давидомъ Неймаркомъ въ его диссертациі „Die Freiheitslehre bei Kant und Schopenhauer“ (Hamburg und Leipzig. 1896). I. Шанцемъ (Johann Schanz) въ его диссерт. „Das Freiheitsproblem bei Kant und Schopenhauer (Loessnitz, 1887) и отчасти Цанге (Friedrich Zange) въ его монографіи „Ueber das Fundament der Ethik“ Eine kritische Untersuchung ueber Kant's und Schopenhauer's Moralprinzip. Gekrönte Preisschrift. Leipzig. 1872. См. также монографію Günther'a „Ueber Schopenhauer's Kritik der Kant'schen Philosophie“, напечат. въ „Jahrbuch des Vereins für wissenschaftliche Pädagogik“ Vierter Jahrgang. Leipzig. 1872.

²⁾ Ср. Куно Фишеръ: „Артуръ Шопенгауэръ“ Изд. Московск. Психологич. Общества. М. 1896. Стр. 503—504. См. также: „Schopenhauer und die Entwicklung der monistischen Weltanschauung“ Von Rudolf Lehmann. Berlin. 1892. S. 10—14.

мною выше), объясняется одной крупной теоретической пограничностью, составляющей коренную ошибку (*протероу феодос*) всей Шопенгауэрской философии; источникъ этой ошибки кроется въ завѣдомомъ *reliatio principle*, на которой, какъ мы увидимъ сейчасъ, молчаливо покоятся конструкція понятія *воли*, какъ «вещь въ себѣ»: Воля, какъ «вещь въ себѣ» — учить Шопенгауэръ — *абсолютно виноватъственна* (*wirksamkeitlos*), такъ какъ дѣйственность (*Wirksamkeit*) предполагаетъ своимъ неотъемлемымъ условиемъ наличность *principiorum individuationis*, т. е. времени и пространства, чуждыхъ въ конецъ *внѣвременной и внѣпространственной* «вещи въ себѣ». Отсюда ясно, что выражение «*дѣйственная* (*Wirksam*) *воли*, какъ «вещь въ себѣ» должно звучать на языкѣ Шопенгауэра завѣдомо непримиримымъ самопротиворѣчіемъ, такъ какъ понятія: «дѣйственный» и «вещь въ себѣ» — завѣдомо исключаютъ другъ друга; *а между тѣмъ Шопенгауэръ учитъ, что воля, какъ «вещь въ себѣ» — насквозь неугомонный порывъ, «безпокойство», ненасытное стремление безъ меты и перерыва, т. е.—иными словами—дѣйствующая (активная), творческая стихія міра*. Правда, Шопенгауэръ пытается провести рѣзкую демаркаціонную черту между понятіями «*воли*» и «*силы*»; легко видѣть, однако, что *вопреки попыткамъ Шопенгауэра разграничить сферу понятій «воли» и «силы»*, *его воля міра (Weltwillе)* *или воля, какъ «вещь въ себѣ» неизбѣжно разрываются въ логически несостоятельное понятіе дѣйственной воли, какъ «вещь въ себѣ»*. Въ самомъ дѣлѣ легко видѣть, что *поскольку Шопенгауэръ усваиваетъ міровой волѣ характеръ активности, «безпокойства», неудержимаго влечения, ненасытнаго безпрерывнаго стремленія, постольку его ipso понятію абсолютно виноватъственной воли, какъ «вещь въ себѣ» неминуемо приписывается дѣйственность, или—иными словами—постольку понятію «вещь въ себѣ» приписывается завѣдомо противорѣчивый предикатъ «явлениѣ»*. Благодаря такому явному смѣшению понятій (*quaternio terminorum*), основное понятіе воли, какъ «вещь въ себѣ», составляющее альфу и омегу всей вообще Шопенгауэрской философии оказывается на провѣрку завѣдомой логической натяжкой (*contradictio in adjecto*), такъ какъ самое сочетаніе двухъ завѣдомо противорѣчивыхъ понятій («*внѣдѣйственный* и «*вещь въ себѣ*») оказывается логически несостоятельнымъ. Отправляясь въ своей теоріи свободы отъ завѣдомо противорѣчиваго понятія «*дѣйственной воли, какъ «вещь въ себѣ»*», Шопенгауэръ *неизбѣжно* долженъ былъ прийти къ тѣмъ многочисленнымъ противорѣчивымъ выводамъ которые я пытался отмѣтить выше (въ обѣихъ своихъ статьяхъ)¹). (По вопросу о различіи понятій «*воли*» отъ «*силы*» у Шопенгауэра см. Куно Фишеръ: «Артуръ Шопенгауэръ»

¹) Справедливо замѣчаетъ С. Шмидъ (*Sebastian Schmid: „Schopenhauer's Willensmetaphysik in ihren Verhältniss zu neueren Ansichten ueber den Willen“ Leipzig. 1894, s. 4*): „Философъ не можетъ настъ обманывать: всеобщность (*Allgemeinheit*) не служитъ еще критеріемъ истинности. Воля ищется тамъ, где ее нельзя найти, признается тамъ, где она единственно и притомъ сама дѣйствуетъ. Шопенгауэръ разсматривалъ міръ не черезъ очки познанія, его филосовство (Philosophieren) не возвышается надъ пытливымъ размышеніемъ о мірѣ („Да ужъ не постигается ли наконецъ природа?—гласитъ motto его философии)—онъ превратился въ догматика...“. Ср. также 7-ую стр. названной монографіи Шмидта.

Перев. подъ редакціей В. И. Преображенского. Москва. 1896. Стр. 509 и 510 («Стремленіе въ вещи въ себѣ»). См. также статью проф. Н. Козлова: «Два основныхъ положенія философіи Шопенгауэра», напечат. въ «Кievskikhъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» за 1875 г.

Пессимизмъ Шопенгауэра явился энергическимъ протестомъ передовой нѣмецкой мысли противъ того гнета милитарной, казарменной Германіи, который заглушалъ въ ней всякие проблески смѣлаго чувства и мысли. Политический режимъ Германіи эпохи Шопенгауэра давилъ все, что было въ ней свободнаго и могучаго, все, что волновало пытливую нѣмецкую мысль. Философія Шопенгауэра родилась въ душной, казарменной Германіи: ее всپоило браѧанье цѣпей, ее вскормилъ боевой кличъ. Первое философское произведение Шопенгауэра «О четвероякому корнѣ закона достаточнаго основанія», словно незакорожденное дѣтище, увидѣло свѣтъ въ гостиницѣ «Рыцарь» въ «пощаженномъ шумомъ войны» Рудольфштадтѣ. Въ своемъ «curriculum vitae», представленномъ іенскому университету въ 1813 году для соисканія докторской степени, Шопенгауэръ заявилъ, «что онъ... воспитанъ космополитически, что его отчество обширишь, чѣмъ Германія, и что онъ призванъ служить человѣчеству не кулакомъ, а головою» (Куно Фишеръ «Артуръ Шопенгауэръ» стр. 31). И онъ, дѣйствительно, явился отважнымъ бойцомъ со своей эпохой, борцомъ за правду, которая, по его словамъ «дѣйствуетъ далеко и живеть долго».

Лозунгомъ борьбы Шопенгауэра были его-же слова: «Жизнь коротка, а правда дѣйствуетъ далеко и живеть долго; будемъ-же говорить правду!» И онъ сказалъ эту горькую правду своей эпохѣ: его философія прозвучала торжествующимъ гимномъ свободы мысли и совѣсти, она сказала казарменной Германіи, что «но въ силѣ—Богъ, а въ правдѣ», она отразила на себѣ сложную психологическую драму и противорѣчивую діалектику духа своего вѣка—и въ этомъ — ея *историческое* значеніе; но воюя съ вѣкомъ, Шопенгауэръ былъ «гражданиномъ грядущихъ поколѣній», творцемъ грядущихъ идеаловъ, воителемъ за «правду, которая дѣйствуетъ далеко и живеть долго»—и въ этомъ заключается,—*nепрѣходящее, идеиное значеніе* его философіи.

Не только этика, но и все вообще міропониманіе Шопенгауэра таитъ въ себѣ непримируемую внутреннюю антию, разладъ между *переходной* эпохой и *непрѣходящими* чаяніями *правды*. И эта *переходная* эпоха не прошла еще: ее переживаетъ современная мысль въ лице Эдуарда Гартмана, Фридриха Нитцше¹⁾ (въ *первый* здоровый периодъ

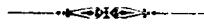
¹⁾ Понятіе „воли къ власти“, возведенное Нитцше въ верховный принципъ этики, является въ сущности историческимъ наслѣдіемъ идеи „воли къ жизни“ (Wille zum Leben), составляющей—по учению Шопенгауэра—основной двигатель (primum movere) всякой жизни. Этимъ учениемъ своимъ о „волѣ къ власти“, разрѣшающимъся въ апологіи безгранничного самоподтверждения (Selbstbejahung) воли и ничѣмъ не сдерживаемаго эгоизма, Нитцше провозгласилъ лозунгъ: „Police verso“ („дѣбей его!“) и въ этомъ смыслѣ онъ привнесъ логической корректизмъ въ Шопенгауэрому этику состраданія, которая, какъ мы видѣли выше, разрѣшается напослѣдокъ въ проповѣдь замаскированнаго наиболѣе могучаго и утонченнаго эгоизма. Такимъ образомъ, можно сказать, что въ исторической перспективѣ развитія *волюнтаризма* Нитцше вполнѣ послѣдовательно отмѣчаетъ моментъ, завершающій *пресиѣственную связь* между философіей пессимизма и наиболѣе пріимѣтнѣмъ русломъ современаго научнаго мышленія.

его литературной деятельности), Генрика Ибсена и, наконецъ, у насъ, въ Россіи — въ лицѣ гр. Л. Н. Толстого; и эта эпоха имѣетъ еще свою будущность, потому что, несмотря на свой *переходный* характеръ, она преслѣдує величайшую *новую* культурную цѣль и имѣть своимъ лозунгомъ: «ex oriente—lux»: двѣ величайшія релігіи міра-христіанство и буддизмъ, два вѣковѣчныхъ завѣта — «любви къ ближнему своему» и чаянія «цирваны» пытались *примирить* Шопенгауэръ въ своей этикѣ; *две культуры* — азіатскую и европейскую пытался онъ слить воедино въ новомъ научномъ *credo*; два типа научнаго міропониманія — *пантезизмъ* съ его этикой подтвержденія воли къ жизни и *дуализмъ* съ его этикой отрицанія этой воли силился спасти Шопенгауэръ въ *синтезѣ* пессимизма и оптимизма. Недаромъ онъ называлъ священныя книги Ману и Ведъ самыми глубокомысленными твореніями человѣческаго духа; вся задача философіи Шопенгауэра сводилась къ научному миссіонерству: отводя въ русло научнаго сознанія своеобразное міропониманіе *буддизма*, Шопенгауэръ пытался перевести буддистскій катехизисъ на языкъ европейской науки, перечеканить застывшіе рѣзы азіатскаго мышленія въ новые слитки подвижной, свободной европейской мысли — и эта *перечеканка* понятій происходитъ и понынѣ...

Шопенгауэръ былъ «нигилистомъ»: да, но разрушая старое одной рукой, онъ, подобно библейскому герою, созидалъ новое другой рукой... Онъ училъ не для того, чтобы разрушать, а разрушалъ для того, чтобы на развалинахъ стараго возсоздавать великое, творить новое; недаромъ онъ не на шутку сравнивалъ себя съ Іоанномъ Крестителемъ, который благовѣщовалъ людямъ новую зарю...

И эта *новая* заря разгорается все ярче, все побѣднѣе надъ старымъ міромъ.

Какъ всякий гениальный творецъ-мыслитель, Шопенгауэръ былъ великий страстотерпецъ о человѣкѣ: но изъ всѣхъ печальниковъ о человѣчествѣ онъ былъ едва-ли не самымъ чуткимъ предвосхитителемъ культуры грядущаго ¹⁾).

¹⁾ Блестящую характеристику вѣка Шопенгауэра даетъ Куно Фишеръ въ своемъ «Артуръ Шопенгауэръ» (перев. подъ ред. В. П. Преображенского. М. 1896, стр. 4—7); картину культурной обстановки эпохи Шопенгауэра рисуетъ также Georg Jellinek въ своей монографіи: «Die Weltanschauung Leibnizens und Schopenhauer's, ihre Gründen und ihre Berechtigung». Eine Studie ueber Optimismus und Pessimismus. Wien, 1872.

Итоги полемики о цѣнности.

II.

Въ своемъ отвѣтѣ критикамъ, напечатанномъ въ № 3 „Научнаго Обозрѣнія“, Туганъ-Барановскій говоритъ, что по вопросу о цѣнности, до сихъ поръ признававшемуся яблокомъ раздора между экономистами, на самомъ дѣлѣ существуетъ полное соглашеніе. Этимъ Туганъ-Барановскій очевидно не хотѣлъ сказать, что о цѣнности никто не полемизируетъ—вѣдь сказать это, значило бы насыщаться надъ очевидными фактами — мысль его была та, что спорящія стороны не сознаютъ своего согласія. По мнѣнію Туганъ-Барановскаго, трудовая теорія и напр., теорія предѣльной полезности, не только не исключаютъ другъ друга, но „стоятъ рѣшительно на одной и той-же почвѣ“. Я не захожу такъ далеко и думаю, что почва у этихъ теорій—весьма различная. При пѣкоторой поправкѣ, мысль Туганъ-Барановскаго, окажется, однако, вѣрдою. Справедливо, что возможны различные теоріи цѣнности и что одна изъ нихъ не исключаетъ другой, но каждая хороша на своемъ мѣстѣ. Въ какомъ смыслѣ это надо понимать, будетъ видно изъ послѣдующаго.

Я уже неоднократно сравнивалъ постулатъ трудовой цѣнности съ постулатомъ Эвклида. Этотъ послѣдній, какъ известно теперь всякому математику, не только не доказанъ, но и *недоказуемъ*. Самое существование геометріи Лобачевскаго и сферической геометріи, т. е. не-эвклидовскихъ геометрій, служить краснорѣчивѣйшимъ свидѣтельствомъ недоказуемости мнимой „аксіомы“ Эвклида. Что же? Слѣдуетъ-ли изъ этого, что вся геометрія древнихъ ровно никуда не годится? Вытекаетъ-ли отсюда, напр., что архитекторы, инженеры, геодезисты, астрономы не вправѣ пользоваться тѣмъ положеніемъ, что сумма внутреннихъ угловъ треугольника равна двумъ прямымъ,—положеніемъ, которое остается или падаетъ вмѣстѣ съ эвклидовскимъ постулатомъ? Лишь совершенное непониманіе научныхъ методовъ могло привести къ требованію доказать то, что само находится въ основѣ доказательствъ. Этимъ непониманіемъ

следует объяснить и требования, предъявляемые иногда трудовой теорией. Такъ, одинъ изъ критиковъ теории, г. Залѣсскій, слѣдя по стопамъ Бемъ-Баверка, говорить: „Неужели у товаровъ есть только одно общее свойство — затраты труда на ихъ производство? Напротивъ, у нихъ очень много одинаковыхъ общественныхъ свойствъ. Такими общественными свойствами можетъ быть названо, напр., то обстоятельство, что товары являются объектами права собственности, что они — предметъ спроса и предложения. А разъ это такъ, разъ товарамъ, кроме факта затраты труда на ихъ производство, обще и еще кое-что, то Марксовъ положеніе, что цѣнность есть кристаллизованный трудъ, оказывается не выводомъ, какъ это можетъ съ первого раза показаться, а предположеніемъ. Какъ предположеніе, оно нуждается въ доказательствахъ. Посмотримъ, чѣмъ же доказывается у Маркса это положеніе? Ничѣмъ. Доказательствъ нѣтъ... Родбертусъ былъ въ этомъ отношеніи гораздо добросовѣстнѣе. Трудовую теорію цѣнности онъ прямо называлъ предположеніемъ“.

Критикъ думаетъ, конечно, что, указавъ на бездоказательность постулата трудовой теоріи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сокрушилъ и все ученіе. Могу его увѣрить, что онъ доказалъ лишь свое собственное незнакомство съ методами точныхъ наукъ, несмотря на частныя экскурсіи въ области физики и химіи. Геометрія, несомнѣнно, твердо обоснованная и точная наука. Но будемъ разсуждать по рецепту г. Залѣсскаго. Постулатъ Эвклида не доказанъ. Всѣ предлагавшіяся доказательства оказались призрачными, основанными какъ разъ на томъ, что требуется доказать. Постулатъ этотъ оказывается не выводомъ, какъ это можетъ съ первого взгляда показаться, а предположеніемъ. Какъ предположеніе онъ, если вѣрить г. Залѣсскому, „нуждается въ доказательствахъ“. Но вотъ явился Лобачевскій и показалъ, что постулатъ не только не доказанъ, но и недоказуемъ, что можно создать „мнимую“ геометрію, которая вмѣсто этого постулата принимаетъ другой. Надѣ Лобачевскимъ сначала смѣялись, но онъ оказался правъ. Позднѣе явился Бельтрами, который показалъ, что эта „мнимая“ геометрія на самомъ дѣлѣ примѣнна къ извѣстнымъ реальнымъ геометрическимъ протяженіямъ.

Въ упомянутой уже статьѣ, Туганъ-Барановскій высказалъ нѣкоторыя мысли, имѣющія прямое отношеніе къ занимающему насъ вопросу.— „Съ чисто формальной стороны, говоритъ Туганъ-Барановскій, можно было бы построить теорію цѣнности, признающую единственнымъ факторомъ цѣнности любой факторъ производства, участвующій въ созданіи цѣнныхъ предметовъ. Можно было бы, напр., построить теорію, по которой цѣнность создается не женскимъ трудомъ, а мужскимъ... Подобная теорія была бы нелѣпа

не потому, что она противорѣчить фактамъ, ибо она противорѣчить имъ никакъ не больше и не меньше трудовой теоріи. Ея неизвѣстность заключалась бы въ томъ, что предположеніе объ исключительной производительности мужского труда ни для кого не нужно, не оправдывается никакими методологическими соображеніями, между тѣмъ, какъ столь-же произвольное предположеніе объ исключительной производительности человѣческаго труда вообще можетъ быть полезно въ методологическомъ отношеніи". Способъ выраженія Туганъ-Барановскаго отличается отъ моего; но несомнѣнно, что онъ хотѣлъ здѣсь выразить ту мысль, что трудовая теорія есть не болѣе, какъ постулатъ. Туганъ-Барановскій, конечно, не призналъ возможнымъ, вслѣдъ за г. Залѣсскимъ, отвергнуть этотъ постулатъ только на томъ основаніи, что онъ не доказанъ.

Обнаруживъ такимъ образомъ ясное пониманіе значенія научныхъ постулатовъ, Туганъ-Барановскій, повидимому, долженъ былъ удовольствоваться ихъ „методологическимъ значеніемъ“. Тѣмъ болѣе удивляютъ меня другія разсужденія Туганъ-Барановскаго, идущія прямо въ разрѣзъ съ правильной оцѣнкой значенія постулатовъ. „Отсюда ясно,—говорить онъ,—почему законъ Маркса о паденіи прибыли я считаю мнимымъ. Да потому, что въ дѣлѣ созданія цѣнныхъ предметовъ рѣшительно никакого принципіального различія между человѣкомъ и машиной не существуетъ. Человѣкъ и машина въ этомъ отношеніи вполнѣ эквивалентны. Можно признать цѣнность созданіемъ только труда, но нельзя отрицать фактовъ. Иными словами, трудовая теорія цѣнности, въ примѣненіи къ реальному фактамъ, должна быть конструирована такимъ образомъ, чтобы эквивалентность человѣка и машины находила себѣ въ ней выраженіе“.

Чтобы яснѣе обнаружить „основную ошибку“ Туганъ-Барановскаго, возвращусь еще разъ къ моей геометрической аналогіи. Буду разсуждать по примѣру Туганъ-Барановскаго.

„Отсюда ясно, почему теорему: сумма внутреннихъ угловъ треугольника равна двумъ прямымъ я считаю совершенно мнимою. Да потому, что въ теоріи параллельныхъ линій никакого принципіального различія между постулатами Эвклида и Лобачевскаго не существуетъ. Они оба въ этомъ отношеніи вполнѣ эквивалентны. Можно признавать, что черезъ данную точку къ данной прямой возможно провести лишь одну параллельную, но нельзя отрицать фактъ; напр., факта, по которому мы не имѣемъ наглядного представленія безконечно-удаленныхъ точекъ. Иными словами, геометрія Эвклида, въ примѣненіи къ реальному пространству, должна быть конструирована такимъ образомъ, чтобы эквивалентность постулатовъ Эвклида и Лобачевскаго находила въ ней свое выраженіе“...

Не знаю, удастся ли кому либо построить такую ублюдочную геометрию; но въ экономической наукѣ все возможно...

Я вполнѣ согласенъ съ Туганъ-Барановскимъ, что, съ чисто формальной стороны, любой факторъ производства можно признать единственнымъ факторомъ цѣнности. Возможно, безъ малѣйшаго логического противорѣчія, построить теорію, по которой единственнымъ образователемъ цѣнности будутъ средства производства. Стоить только рассматривать самую рабочую силу, какъ простое средство производства. Съ этой вполнѣ послѣдовательной точки зрѣнія окажется, конечно, справедливымъ то, что Слонимскій утверждалъ о лошадяхъ, а Туганъ-Барановскій обѣзьянахъ, а именно, что ихъ рабочая сила ничѣмъ не отличается отъ человѣческой, т. е. даетъ такую-же „прибавочную цѣнность“. Съ той же точки зрѣнія очевидно, что и всякая машина даетъ прибавочную цѣнность; и мы, наконецъ, дойдемъ до утвержденія, что такую прибавочную цѣнность даютъ даже даровыя силы природы и вѣчно самодѣйствующіе автоматы, экономические перпетуум мобиле, не требующіе никакого человѣческаго труда ни для присмотра за ними, ни для ремонта. Какъ известно, Туганъ-Барановскій не остановился и передъ этимъ выводомъ; и съ известной точки зрѣнія онъ былъ правъ. Въ такой теоріи эквивалентность человѣка и машины будетъ очевидна; но почему? Потому, что здѣсь собственно рассматривается не человѣкъ, какъ личность, а такъ сказать, *homme-machine*, человѣческая рабочая сила, какъ составная часть техническаго процесса. Это механико-технологическая и бухгалтерско-коммерческая, но не соціально-экономическая точка зрѣнія. Туганъ-Барановскій согласенъ, однако, съ тѣмъ, что можно также признавать цѣнность созданіемъ только труда; но, говорить онъ, „нельзя отрицать фактъ“. Утвержденіе это основано на безмолвномъ предположеніи, что существуютъ „факты“, противорѣчащіе трудовой теоріи. Но такихъ фактъ не указано Туганъ-Барановскимъ, а наоборотъ, онъ отвергаетъ фактъ паденія нормы прибыли. Впрочемъ, не вполнѣ ясно, отвергаетъ-ли онъ самый фактъ или только объясненіе факта, данное Марксомъ.

Допустимъ на время, что уровень прибыли одинаковъ для всѣхъ капиталовъ и всѣхъ эпохъ (хотя это и не такъ). Туганъ-Барановскій прежде всего долженъ быть бы доказать, что нѣть факторовъ, противорѣчивающихъ паденію этого уровня,—факторовъ, принятыхъ во вниманіе и подробно изученныхъ теоріей Маркса. Ничего подобнаго Туганъ-Барановскій, однако, пока не сдѣлалъ. Попытка фактическаго опроверженія трудовой теоріи поэтому должна быть признана неудавшеюся. До сихъ поръ, впрочемъ, всѣ подобныя попытки основывались на томъ „противо-

рѣчіи“, которое было указано и, въ концѣ концовъ, устраниено самимъ авторомъ теоріи. Какъ извѣстно, „противорѣчіе“ состоить въ томъ, что законъ равенства нормы прибыли (который, какъ тенденція, не можетъ быть оспариваемъ для ограниченныхъ районовъ и эпохъ)—этотъ законъ прямо противорѣчитъ выводу изъ трудовой теоріи, по которой капиталъ съ высшимъ органическимъ строеніемъ, т. е. содержащей относительно-большое количество мертваго труда, долженъ дать низшую норму прибыли, по сравненію съ капиталомъ болѣе низкаго строенія. Дѣйствительно, если одинъ только живой трудъ создаетъ прибавочную цѣнность, то чѣмъ его сравнительно больше, тѣмъ больше будетъ и эта цѣнность по отношенію къ цѣнности совокупнаго капитала, а это отношеніе и даетъ норму прибыли.

Бемъ-Баверкъ ставить себѣ въ особую заслугу, что онъ еще въ 1884 г., раньше Конрада Шмидта и др., провозгласилъ непримиримость закона равной средней нормы прибыли съ закономъ цѣнности. Удивительно, какъ это Бемъ-Баверкъ забыть о томъ, что представляющееся здѣсь противорѣчіе впервые выставлено самимъ Марксомъ въ первомъ томѣ „Капитала“. Въ нашей литературѣ г. В. В. можетъ съ гораздо большимъ основаніемъ гордиться тѣмъ, что онъ не только усмотрѣлъ противорѣчіе, но и рѣшилъ его задолго до появленія третьаго тома „Капитала“, при чемъ, въ основныхъ чертахъ, его отвѣтъ совпадаетъ съ рѣшеніемъ Маркса. По поводу этого рѣшенія мнѣ остается повторить то, что я утверждалъ уже не разъ: если постулатъ Маркса принять всецѣло, т. е. если допущено, что величина цѣнности, создаваемой трудомъ въ единицу времени, есть данная величина, то все остальное вытекаетъ, какъ необходимое, математически доказуемое слѣдствіе. „Противорѣчіе“ съ фактами несомнѣнно будетъ встрѣчаться—но не въ большей мѣрѣ, чѣмъ для всякой другой научной теоріи, не исключая и теоріи тяготѣнія. Гдѣ такое противорѣчіе дѣйствительно встрѣчается, а не составляетъ лишь плодъ непониманія фактовъ, тамъ слѣдуетъ, прежде чѣмъ отвергнуть теорію, поискать, нѣть ли какихъ-либо усложняющихъ обстоятельствъ, по устраненіи которыхъ теорія окажется незыблемою.

Тугань-Барановскій, очевидно, сознавалъ, что съ одними фактами тутъ ничего не подѣлаешь, ибо факты требуютъ еще правильнаго истолкованія. Поэтому онъ и пытался опровергнуть законъ шаденія еще чисто теоретическими соображеніями. Одно изъ этихъ соображеній таково.

„Предположимъ“, — говорить Тугань-Барановскій („Н. Об.“ 1900 г. № 3, стр. 629), „что доля средствъ производства= $\frac{1}{4}$ всего продукта, доля рабочаго класса $\frac{1}{2}$ и доля нетрудящихся классовъ= $\frac{1}{4}$ “. Пусть доля рабочаго класса сократится вдвое, а доля

средствъ производства соотвѣтственно возрастетъ. Въ такомъ случаѣ на долю рабочаго класса придется $\frac{1}{4}$ продукта, на долю средствъ производства $\frac{1}{2}$. „Но такъ какъ доля рабочихъ и средствъ производства въ совокупности не измѣнились (это заранѣе было предположено Туганъ-Барановскимъ), то и доля нетрудящихся классовъ должна оставаться неизмѣнной. „Отсюда ясна мнимость закона Маркса о паденіи нормы прибыли. Замѣщеніе рабочаго машиной никакого вліянія на долю капиталистовъ, а слѣдовательно и на норму прибыли, не оказываетъ“.

Какъ извѣстно, Туганъ-Барановскій и Струве въ послѣднее время все чаще вводятъ вмѣсто цѣнности — продуктъ. Задачи „распредѣленія“ этимъ значительно упрощаются, но въ то-же время и теряютъ значительную часть интереса, такъ какъ распределеніе „продукта“ между трудящимися и нетрудящимися вовсе не составляетъ специфической особенности капиталистического строя и самое это распредѣленіе подчиняется весьма различнымъ законамъ, смотря по общественной формѣ, въ предѣлахъ которой оно происходитъ. Я считаю такое сваливаніе въ одну кучу различныхъ способовъ распредѣленія не соціологическимъ пріемомъ, а отсутствиемъ соціологической точки зрѣнія; однако попытаюсь показать, что даже оставаясь на почвѣ „прибавочного продукта“ и совершенно игнорируя категорію цѣнности, нельзя прийти къ тѣмъ выводамъ, которые противопоставлены ученію о паденіи нормы прибыли. Итакъ, будемъ вмѣсто прибыли разсуждать о „прибавочномъ продуктѣ“, а вмѣсто наемныхъ рабочихъ вообще о „трудящихся“. Въ такомъ случаѣ рѣчь идетъ уже не о паденіи нормы прибыли, а о томъ, существуетъ ли тенденція къ пониженію нормы прибавочного продукта, получаемаго нетрудящимися классами? Правда, прежде чѣмъ опровергать подобную тенденцію, слѣдовало показать, что кто-либо вообще ее когда-либо утверждалъ.

Итакъ, будемъ разсуждать вообще, для всевозможныхъ общественныхъ формъ и средствъ производства, отъ каменнаго топора до Круповскихъ заводовъ включительно. Допустимъ, что кто-либо утверждаетъ, что по мѣрѣ перехода отъ каменнаго топора къ Круппу, доля „нетрудящихся классовъ“ пропорціонально падаетъ, хотя бы она и росла относительно. Справедливо-ли это или нѣтъ, я не знаю, но утверждаю только, что и такую тенденцію, если-бы она кѣмъ-либо была обнаружена, Туганъ-Барановскій не могъ бы опровергнуть своимъ „чистымъ продуктомъ“. Дѣйствительно, къ чему приводится его опроверженіе? Онъ говоритъ, что если доля рабочихъ и средствъ производства остались въ суммѣ неизмѣнными, то и доля нетрудящихся классовъ останется прежнею. Совершенно справедливо—если *сумма всѣхъ трехъ долей осталась неизмѣнною*,—т. е. если при сокращеніи доли

рабочаго класса и соотвѣтственномъ увеличеніи доли средствъ производствъ, общая сумма общественныхъ продуктовъ осталась неизмѣнною. Но кто сказалъ намъ это? Откуда мы знаемъ, что при замѣнѣ части продуктовъ, прежде достававшихся „трудящимся классамъ“ машинами или иными средствами производства, общая выработка останется прежнею?

Пусть Туганъ-Барановскій даже правъ въ томъ отношеніи, что машина и человѣкъ эквивалентны, какъ созидатели цѣнности. Но вѣдь это теперь нимало не относится къ дѣлу, такъ какъ понятіе цѣнности мы на время согласились совсѣмъ упразднить. Мы разсуждаемъ съ Туганъ-Барановскимъ, по его же собственному требованію, не о цѣнности продукта, а о самомъ *продуктѣ*, о его количествѣ. Повидимому, Туганъ-Барановскій считаетъ аксиомой и то положеніе, что машина „эквивалентна“ рабочему и въ дѣлѣ созиданія продуктовъ. Но въ какомъ смыслѣ понимать эту эквивалентность? Не въ томъ ли, что при замѣнѣ какого бы то ни было количества рабочихъ машиной, общая *сумма продуктовъ* можетъ оставаться одною и тою же? Я первоначально приписывалъ это, также высказанное Туганъ-Барановскимъ, мнѣніе не совсѣмъ точному опредѣленію производительности труда, которая всегда должна быть относима къ рабочей силѣ и къ единицѣ времени; я думалъ, что Туганъ-Барановскій пользуется своей схемой лишь какъ упрощенiemъ. Оказывается, однако, что простѣйшій случай превратился у него въ общій законъ, т. е. что его возраженіе основано на безмолвномъ допущеніи, будто замѣна рабочихъ машиной *происходитъ уже тогда, когда сумма продуктовъ остается неизмѣнною*, иамъняется же лишь распределеніе ихъ между рабочими и средствами производства. Но если есть догма, явно противорѣчащая фактамъ, то конечно эта. Конечно, возможны исключительные случаи, когда машина вводится для того только, чтобы избавиться отъ хлопотъ съ людьми; но возводить это исключеніе (примѣры для котораго можно было бы подобрать, напр., въ прусскомъ сельскомъ хозяйстѣ) въ общее правило для всего капиталистического производства—можно лишь при полномъ игнорированіи фактovъ.

На каждомъ шагу мы видимъ, что, вытѣсняя рабочихъ, машина создаетъ гораздо больше продуктовъ, чѣмъ производилось вытѣсненными рабочими. Иначе она-бы ихъ и не вытѣснила. Правда, отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы въ то-же время повышалась и цѣнность, заключающаяся въ этомъ увеличенномъ прибавочномъ продуктѣ. На практикѣ,—поскольку мы можемъ судить о цѣнности по цѣнѣ,—цѣнность эта иногда повышается, иногда остается неизмѣнною, иногда падаетъ. Минь прежде казалось, что, разсуждая теоретически, съ повышенiemъ производитель-

ности труда посредствомъ примѣненія машинъ, должна повышаться и *massa* производимой цѣнности. Но если отказаться отъ этого предположенія и принять всецѣло теорію Маркса, то слѣдуетъ признать, что повышеніе производительности труда само по себѣ никакъ не вліяетъ на величину цѣнности, создаваемую единицей рабочей силы въ единицу времени, а отсюда неизбѣжно вытекаетъ, что относительное сокращеніе числа рабочихъ и относительное увеличеніе постоянного капитала не повышаетъ, а понижаетъ норму прибавочной цѣнности, понижая ея массу по отношенію къ совокупному капиталу. Это разсужденіе, правда, никако не касается Туганъ-Барановскаго, пока онъ говоритъ не о цѣнности, а о продуктѣ. Но относительно продукта мы уже видѣли, что никто не доказалъ, да и никогда не сможетъ доказать чтобы общее количество могло оставаться неизмѣннымъ, несмотря на замѣну части рабочихъ машинами. А разъ никто этого не доказалъ, то и все это новое возраженіе Туганъ-Барановскаго падаетъ. Дѣйствительно, допустить заранѣе неизмѣнность общей массы продуктовъ при неизмѣнности суммы, составленной изъ доли рабочихъ и доли средствъ производства, это значитъ допустить, что между прибавочнымъ продуктомъ и тою же суммою существуетъ постоянное отношеніе, т. е. допустить, что норма прибавочнаго продукта неизмѣнна. Такимъ образомъ, Туганъ-Барановскій предполагаетъ какъ разъ то, что хочетъ доказать; т. е. неизмѣнность нормы прибавочнаго продукта служитъ для него доказательствомъ той же неизмѣнности нормы продукта, только иначе вычисленной. Это все равно, какъ если бы кто нибудь сказалъ: урожайность ржи всегда неизмѣнна. Доказательствомъ служить слѣдующее: если посѣять на десятинѣ 1 четверть, она дастъ 6 четвертей; если, при прочихъ равныхъ условіяхъ климата и почвы, посѣять 1 четверть и общее количество урожая, вслѣдствіе неизмѣнности условій, останется прежнимъ, то по вычетѣ посѣва мы получимъ 5 четвертей прибавочнаго продукта, а такъ какъ пять и одинъ равны шести, то урожайность всегда равна 6 четвертямъ съ десятиной. Пять и одинъ всегда шесть, но если, при прочихъ равныхъ условіяхъ, мы положимъ удобреніе, то получимъ, быть можетъ, десять четвертей съ десятиной, и все разсужденіе обратится въ прахъ. То-же справедливо и при замѣнѣ рабочаго машиной. „При прочихъ равныхъ условіяхъ“ замѣна рабочаго машиной настолько повышаетъ производительность труда оставшихся рабочихъ, что общая масса продукта растетъ. Кто воспользуется этимъ приращеніемъ—это вопросъ особый.

Насколько, однако, всякое упрощенное решеніе вопросовъ распределенія помошью обращенія къ продукту непримѣнно къ обществу, въ которомъ господствуетъ товарное производство

и наемный трудъ, показываетъ слѣдующій простой примѣръ. Пусть, согласно съ предположеніемъ Туганъ-Барановскаго, доля средствъ производства составляетъ сначала $\frac{1}{4}$, а доля рабочихъ половину, но обѣ эти доли выражены не въ продуктѣ (да я и не знаю, какъ ихъ выразить въ продуктѣ безъ посредства его цѣны, такъ какъ вѣдь никто не платить рабочимъ продуктами и не дѣлаетъ машинъ изъ продуктовъ), а въ какой-либо отвлеченной единицѣ цѣнности, скажемъ—въ рабочихъ дняхъ. Итакъ, пусть доля средствъ производства выражается, положимъ, 25 милл. рабочихъ дней, а доля рабочихъ 50 милл., что согласно съ отношеніемъ, принятымъ Туганъ-Барановскимъ. Пусть теперь въ этомъ случаѣ доля нетрудящихся классовъ или число рабочихъ дней, необходимыхъ для воспроизведенія (я уступаю, пожалуй, Туганъ-Барановскому „производство“ и выражаясь по терминологіи Кэри) прибавочного продукта, равно 25 милл. рабочихъ дней. Вводятся машины. Теперь на долю средствъ производства приходится, скажемъ, 50 милл. рабочихъ дней. Спрашивается, можно-ли апріорно утверждать, что машины, соответствующія 50 милл. рабочихъ дней, вмѣстѣ съ рабочими, заработная плата которыхъ теперь соответствуетъ 25 милл. рабочихъ дней, дадутъ ту-же общую массу продукта, воплощающую тѣ-же 100 милл. рабочихъ дней, какъ и прежде? Другими словами, справедливо-ли, что если взять 75 милл. рабочихъ дней, соответствующихъ самыемъ различнымъ распределеніямъ средствъ производства и заработной платы, то при какихъ угодно комбинаціяхъ, количество рабочихъ дней, воплощенныхъ не въ этихъ самыхъ средствахъ производства и не въ назначенней къ израсходованію заработной платѣ—до соприкосновенія рабочихъ съ машиной, а въ продуктахъ послѣ процесса труда, будетъ всегда одинаковымъ? По моему, это очевидное заблужденіе и вполнѣ отрицаніе всякаго техническаго значенія машиннаго производства. Цѣль этого послѣдняго—воплощать въ наименьшемъ количествѣ рабочихъ дней наибольшее количество продукта. Поэтому, допустивъ, что количество продукта осталось прежнимъ, мы должны признать, что на производство его потребовалось меньшее число рабочихъ дней. Но такъ какъ количество рабочихъ дней, воплощенныхъ въ долѣ средствъ производства, по предположенію Туганъ-Барановскаго, возрасло лишь настолько, насколько упало количество рабочихъ дней, воплощенныхъ въ заработной платѣ, то отсюда необходимый выводъ таковъ: количество рабочихъ дней, воплощенныхъ въ прибавочномъ продуктѣ, *абсолютно уменьшилось*. А такъ какъ прочее осталось безъ перемѣны, то оно уменьшилось и относительно, а это и есть законъ паденія нормы прибыли.

Это приводитъ насъ прямо къ центральному пункту аргу-

ментації Туганъ-Барановскаго, какъ она была изложена еще въ 1899 году („Научное Обозрѣніе“ 1899, № 5).

Тамъ приводятся схемы, которыми, посредствомъ введенія трудовой цѣнности, повидимому доказывается обратное, а именно *возможность неизменной массы и нормы прибыли, несмотря на ростъ производительности труда и вызываемое имъ понижение цѣнности единицы продукта при замѣнѣ рабочихъ машинами.* Ошибочность схемъ Туганъ-Барановскаго заключается въ томъ, что, сокративъ вдвое перемѣнныи капиталъ, т. е. уменьшивъ вдвое число рабочихъ дней, въ немъ воплощенныхъ, Туганъ-Барановскій затѣмъ вычисляетъ по трудовой цѣнности новый перемѣнныи капиталъ въ $83\frac{1}{3}$, тогда какъ прежний былъ, по его же формулы, при выражении въ трудовыхъ единицахъ, равенъ 250. Что это значитъ? Ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что трудовая цѣнность перемѣннаго капитала, соответствующаго вдвое меньшему количеству рабочихъ дней, стала не вдвое меньше, а втрое меньше. *Другими словами, трудовая цѣнность, соответствующая одному рабочему дню, понизилась въ полтора раза.* Или еще лучше: выходитъ, что $2=3$.

Съ точки зрењія трудовой теоріи Маркса, да и съ точки зрењія простой ариѳметики, это утвержденіе явно ошибочно. Но Туганъ-Барановскій именно эту свою ошибку и считаетъ преимуществомъ своей теоріи. У него трудовая цѣнность продукта рабочаго дня (а не только единицы продукта) оказывается необходимо понижающейся, а не постоянной, какъ слѣдовало бы по теоріи Маркса, да и по ариѳметикѣ.

Я уже высказалъ, что считаю вполнѣ возможнымъ построение такой теоріи цѣнности, въ которой не будетъ ни атома труда и которая, однако, будетъ удовлетворять извѣстной точкѣ зрењія. Но Туганъ-Барановскій говорить здѣсь о *трудовой* теоріи. По этой теоріи цѣнность создается трудомъ, т. е. рабочимъ временемъ. Сказать, что цѣнность продукта рабочаго дня въ трудовыхъ единицахъ можетъ понизиться, это значитъ сказать, что цѣнность продукта рабочаго дня, измѣряемая рабочимъ днемъ, можетъ быть то больше, то менѣе. Это нелѣпая форма мысли, которой можно, однако, придать рациональное значеніе. Дѣло въ томъ, что можно допустить, что самый „рабочій день“ не есть нѣчто постоянное и что здѣсь идетъ рѣчь объ измѣреніи цѣнности продукта рабочаго дня, взятаго при данномъ строеніи капитала, цѣнностью рабочаго дня, взятаго при другомъ строеніи капитала, а въ этомъ, конечно, нѣть никакого абсурда. Но сказать это—значитъ признать зависимость цѣнности, производимой въ теченіе рабочаго дня, отъ строенія капитала, отъ того или иного участія машинъ, и зависящей отсюда производительности труда. Другими словами—мы придемъ къ тому-же пред-

положению, которое раньше поддерживалось мною, и которое, конечно, можно противопоставить постулату Маркса, утверждающему обратное; но доказать это положение ровно ничем нельзя.

Напомню о содержании схемы Тугань-Барановского, (см. „Научн. Об.“ 1899 г. стр. 979—980). Даны капиталы: $A=100c+200v$; $B=200v+100c$. Допущено, что оба производят продукт равной „денежной ценности“, именно равной $P=500$ единиц золота. Для этого прибавочная ценность капитала A должна быть равна 200, и капитала B также 200. Имеемъ денежныя ценности:

	c	v	m	P
A	100	200	200	500
B	200	100	200	500

Чтобы перейти къ „трудовымъ ценностямъ“, разсуждаемъ такъ. Для A живой трудъ выражается формулой $v+m=400$. Допустимъ, что этотъ живой трудъ выражается въ 500 какихъ-либо „трудовыхъ единицахъ“ (напр., рабочихъ дняхъ). Тогда $200v+200m$ превратятся при переводѣ на новые единицы въ $250v+250m$, ибо одна старая единица равна $\frac{500}{400}=\frac{5}{4}$ новыхъ. Точно также вместо 100 c найдемъ 125 c . Произведемъ аналогичную операцию для B . Здѣсь „живой трудъ“ $v+m=100+200=300$ и было-бы, по-видимому, логично принять его равнымъ $\frac{3}{4}$ живого труда A , т. е. равнымъ $\frac{3}{4}\cdot 400=375$ трудовымъ единицамъ. Но по Тугань-Барановскому выходить иначе, и здѣсь-то его вторая „основная ошибка“. Онъ говоритъ, что во второмъ случаѣ живой трудъ = 250 трудовымъ единицамъ, т. е. вдвое менѣе, чѣмъ для A . Почему? „Потому что перемѣнный капиталъ сократился вдвое“, т. е. вместо прежняго $200v$ теперь имѣемъ $100v$. Но разъ живой трудъ $v+m$ есть всегда показатель величины перемѣнного капитала v ?

Источникъ ошибки очевиденъ. Тугань-Барановскій въ одно и то-же время и принялъ и отвергъ теорію цѣнности Маркса. Если принять эту теорію, т. е. допустить, что величина цѣнности, созданной въ единицу времени, есть величина постоянная, независящая отъ сложенія капитала, то отсюда (какъ доказано въ моихъ прежнихъ статьяхъ) вытекаетъ математически, что норма прибавочной цѣнности т. е. $\frac{m}{v}$ есть величина постоянная. Но въ такомъ случаѣ $\frac{v+m}{v}=1+\frac{m}{v}$ некоторая постоянная величина есть также величина постоянная, т. е. $v+m$ есть постоянное кратное v , и поэтому тогда действительно безразлично, говорить-ли о сокращеніи вдвое живого труда или только перемѣнного капитала. Но у

Тугань-Барановского норма прибавочной цѣнности измѣняется, а онъ все-же подставляетъ перемѣнныи капиталъ, какъ бы показатель живого труда! Онъ принимаетъ стало быть сразу и постулатъ, эквивалентный моему, и прямо противоположный постулатъ Маркса.

Отсюда получается замѣчательный результатъ, ясный изъ слѣдующей схемы:

Схема № 2. Трудовая цѣнность.

$$\begin{array}{|c|l} \hline A & 125c + 250v + 250m = 625. \\ \hline B & 166\frac{2}{3}c + 83\frac{1}{3}v + 166\frac{2}{3}m = 416\frac{2}{3}. \\ \hline \end{array}$$

Что это значитъ?

Для *B* перемѣнныи капиталъ, выраженный въ трудовой цѣнности, *втрое* меныше чѣмъ для *A* (вмѣсто 250 имѣемъ $83\frac{1}{3}$). Въ то-же время трудовая цѣнность прибавочного продукта понизилась лишь въ *полтора* раза (вмѣсто 250 имѣемъ $166\frac{2}{3}$). Такимъ образомъ, одинъ фактъ измѣнившагося сложенія капитала какимъ-то чудодѣйственнымъ путемъ измѣняетъ коэффиціентъ, показывающій отношеніе между цѣнностями, производимыми рабочимъ на себя и на капиталиста ровно *двое*. Это можно объяснить не иначе какъ тѣмъ, что трудовая цѣнность продукта рабочаго времени падаетъ вдвое въ теченіе извѣстной части рабочаго дня и никакихъ причинъ этого чудеснаго паденія не указано.

Правда, въ схемѣ № 2 трудовая цѣнность продукта $v+m$ для *B* равна 250, т. е. вдвое меныше чѣмъ для *A*, для котораго $v+m$ равно 500. Но это и показываетъ ошибочность допущенія, такъ какъ мы видѣли, что трудовая цѣнность перемѣннаго капитала не вдвое, а *втрое* меныше прежней ($83\frac{1}{3}$ вмѣсто 250).

Другими словами, по Тугань-Барановскому, живой трудъ *B* соотвѣтствуетъ вдвое менышему числу рабочихъ дней, чѣмъ живой трудъ *A*, но въ то-же время „трудовая цѣнность“ той части рабочаго дня, которая соотвѣтствуетъ покрытию заработной платы, понизилась втрое, а другой части, соотвѣтствующей производству прибавочной цѣнности, понизилась лишь въ полтора раза. Это возможно только при допущеніи *моего* прежняго постулата. Но принявъ, что *перемѣнныи капиталъ является показателемъ количества живого труда*, т. е. *косвенно допустивъ постоянство нормы прибавочной цѣнности*, Тугань-Барановскій отрѣзалъ себѣ этотъ путь.

Отличіе разсужденій Тугань-Барановскаго отъ моихъ прежнихъ разсужденій состояло именно въ томъ, что я только посту-

лировалъ то, что онъ падѣялся доказать своими схемами. Доказательство его, однако, сводится къ тому, что онъ заранѣе предполагаетъ соотношеніе трудовой цѣнности, какъ единицы продукта, *такъ и самого рабочаго дня*, со сложеніемъ капитала. Дѣйствительно, хотя равенство нормы прибыли есть „фактъ“, но требуется еще доказать, что это равенство создается не въ актѣ обмѣна помощью конкуренціи и не путемъ распределенія прибавочной цѣнности, какъ показано Марксомъ, а въ самомъ актѣ производства.

Между тѣмъ Туганъ-Барановскій изъ эмпирическаго факта равенства нормы прибыли сразу выводить, что это равенство существует въ самомъ производствѣ. На стр. 980 (въ цитированной статьѣ) онъ пишетъ: „Наблюденіе говоритъ, что цѣна прибыли и ея процентъ остаются неизмѣнными. Я предположу слѣдовательно, согласно наблюдаемымъ фактамъ, что измѣненіе сложенія капитала не вліяетъ на цѣну прибыли“. Но въ томъ-то и дѣло, что наблюденіе еще ровно ничего не говоритъ относительно вліянія или не-вліянія сложенія капитала на норму прибыли. Оно говоритъ просто о равенствѣ нормы прибыли: однако вполнѣ возможно, что въ самомъ производствѣ прибыли вовсе нѣть равенства и что равенство достигается позднѣе, путемъ какихъ-либо вторичныхъ процессовъ; это именно и утверждаетъ Марксъ, говоря о распределеніи общей массы прибавочной цѣнности между индивидуальными капиталистами. Допустить же заранѣе, что норма прибыли не зависитъ отъ сложенія капитала, это значитъ, какъ показалъ уже самъ Марксъ въ I томѣ, какъ разъ допустить то, что противорѣчить основному постулату трудовой теоріи, какъ она построена Марксомъ: это значитъ принять, что величина цѣнности, производимой въ рабочій день, зависитъ отъ сложенія капитала, а не есть величина постоянная. Примемъ постулатъ Маркса, и всѣ схемы Туганъ-Барановскаго разлетятся въ прахъ, такъ какъ уже нельзѧ будетъ сказать, что трудовая цѣнность продукта рабочаго дня измѣняется и придется признать, что рабочій день всегда останется однимъ и тѣмъ же рабочимъ днемъ, мѣромъ той-же трудовой цѣнности.

Различіе моихъ прежнихъ разсужденій отъ „теоріи“ Туганъ-Барановскаго касалось не существа результатовъ, но *существа метода*: онъ противопоставлялъ постулату Маркса другой постулатъ, не сознавая, что имѣеть дѣло со столь же недоказаннымъ положеніемъ, тогда какъ я съ самаго начала утверждалъ гипотетическій характеръ—какъ своихъ схемъ, такъ и самой теоріи Маркса. Это позволило мнѣ прийти, въ концѣ концовъ, къ сознанію пре-восходства постулата Маркса, какъ болѣе простого и единственнаго, соответствующаго точкѣ зреенія человѣческой личности.

Нисколько не оспариваю того, что можно построить цѣлую экономическую теорію, въ которой личность совсѣмъ исчезнетъ

и останутся лишь „средства производства“. Я возстаю лишь противъ электическихъ смѣшанныхъ теорій, особенно если онѣ выступаютъ догматически.

III.

Теперь, послѣ того, какъ всѣ критическія попытки, клонящіяся къ опроверженію или измѣненію трудовой теоріи, оказываются недостигшими цѣли, я вынужденъ, конечно, признать и всѣ слѣдствія, вытекающія изъ теоріи: сюда относится прежде всего тенденція нормы прибавочной цѣнности къ равенству во всѣхъ отрасляхъ промышленности, такъ какъ мною было показано, что эта тенденція составляетъ простой математической выводъ изъ постулата Маркса. (См. мои статьи въ „Научномъ Обозрѣніи“ 1899 года). Даѣте, необходимо принять всецѣло и учение о цѣнахъ производства, какъ единственный способъ возстановить равную норму прибыли; а вмѣстѣ съ тѣмъ опять возникаетъ пресловутый вопросъ: не составляетъ ли это учение о цѣнахъ производства прямого отступленія отъ трудовой теоріи? Какое значеніе можетъ имѣть учение о цѣнности, если трудовая цѣнность нигдѣ, по крайней мѣрѣ въ капиталистическомъ обществѣ, не осуществляется даже при посредствѣ „среднихъ“ цѣнъ?

Энгельсъ въ своей послѣдней работѣ пытался отвѣтить на этотъ вопросъ такимъ образомъ, что законъ цѣнности оправдывался всецѣло на ранніхъ ступеняхъ общественнаго развитія, да и внослидствіи, въ хозяйствѣ самостоятельныхъ производителей; со времени же господства капиталистического производства вмѣсто цѣнностей явились цѣны производства.

Я предпочитаю обратиться къ разъясненіямъ самого Маркса, поскольку они намъ извѣстны изъ отрывковъ, изданныхъ подъ именемъ третьаго тома „Капитала“.

„Допустимъ,—говоритъ Марксъ,—что рабочіе сами обладаютъ соотвѣтственными средствами производства и обмѣниваютъ товары между собою. Смотря по технической природѣ ихъ работы, цѣнность средствъ производства и рабочихъ матеріаловъ, примѣненныхъ въ разныхъ отрасляхъ, будетъ различна. Точно также, независимо отъ неравной цѣнности примѣненныхъ средствъ производства, потребуется разное количество ихъ для данной массы труда, смотря по тому, можетъ ли определенный товаръ быть изготовленъ въ одинъ часъ, или же въ одинъ день и т. п. Допустимъ далѣе, что эти рабочіе, въ среднемъ, работаютъ одинаково долго, причисливъ всѣ поправки, вытекающія изъ разной интенсивности труда и проч. Двое рабочихъ прежде всего воз-

мѣстить въ товарахъ, образующихъ продуктъ ихъ дневного труда, сначала свои издержки, именно стоимости затраченныхъ средствъ производства. Эти издержки будутъ различны смотря по технической природѣ ихъ отраслей труда. Затѣмъ оба создадутъ однаковую новую цѣнность, а именно—добавленный къ средствамъ производства рабочій день. Эта новая цѣнность включаетъ ихъ „заработную плату“ или, собственно, цѣнность ихъ средствъ существованія, плюсъ прибавочная цѣнность—результатъ прибавочного труда, превышающаго ихъ потребности. Выражаясь „капиталистически“, слѣдуетъ сказать, что оба получать ту-же заработную плату плюсъ та-же прибыль. Но прежде всего цѣнности ихъ товаровъ будутъ различны“.

„Въ товарѣ I напр., содержится болѣе значительная доля цѣнности за примѣненія средства производства, чѣмъ въ товарѣ II, и сразу товарѣ I пусть поглощаетъ болѣе живого труда, чѣмъ товарѣ II, т. е. требуетъ болѣе продолжительнаго рабочаго времени для производства, чѣмъ товарѣ II. Цѣнность этихъ двухъ товаровъ будетъ весьма различна. Различны будутъ также суммы товарныхъ цѣнностей, произведенныхъ въ данное время обоими рабочими. Если назовемъ отношеніе прибавочной цѣнности къ совокупной цѣнности затраченныхъ средствъ производства, включая средства существованія самостоятельныхъ рабочихъ, нормою ихъ „прибыли“, то и эта норма будетъ весьма различна въ обоихъ случаяхъ. Но прибавочная цѣнность для равнаго рабочаго времени будутъ одинаковы для I и II. Или точнѣ: такъ какъ I и II получаютъ всю цѣнность продукта рабочаго дня, то окажется, что, по вычитаніи цѣнности затраченныхъ постоянныхъ элементовъ производства, оба получать одинаковыя цѣнности, причемъ одна часть полученной цѣнности будетъ возмѣщеніемъ затраченныхъ во время производства средствъ существованія, тогда какъ другая можетъ быть рассматриваема какъ „прибавочная цѣнность“. Если I имѣлъ больше издержекъ, то онъ зато возмѣщаются болѣе значительной долей цѣнности его товара, оплачивающаго эту постоянную долю, и ему опять приходится превращать большую часть общей цѣнности своего продукта въ элементы этой постоянной доли; тогда какъ II, хотя менѣе получаетъ, за то и менѣе долженъ расходовать. Различіе нормъ прибыли въ этомъ случаѣ вѣць совершенно безразлична: самостоятельнаго рабочаго интересуетъ не норма прибыли, а ея *massa*, т. е. абсолютная величина и при томъ не сама по себѣ, а сложенная съ средствами существованія рабочаго“.

Итакъ, для самостоятельныхъ производителей, по Марксу, законъ равной нормы прибыли вовсе не существуетъ, даже какъ тенденція: наоборотъ, здѣсь должна существовать неравная норма

прибыли, смотря по тому, больше или меньше доля, вложенная въ средства производства. Зато, при этихъ условіяхъ обмѣнъ будетъ совершаться по цѣнностямъ или приблизительно по цѣнностямъ товаровъ. „Обмѣнъ товаровъ по ихъ цѣнностямъ,—заключаетъ Марксъ,—требуетъ, слѣдовательно, гораздо низшей ступени развитія чѣмъ обмѣнъ по цѣнамъ производства, для чего требуется известная высота капиталистического развитія“. (Сравн. „Kapital“, III, I, 154—155).

Итакъ, конечный результатъ, къ которому пришелъ Марксъ относительно закона цѣнности, состоить въ томъ, что въ самомъ чистомъ видѣ законъ этотъ проявляется въ хозяйствѣ самостоятельныхъ товаропроизводителей. Это нѣсколько отличается отъ утверждений, которые содержатся въ „Критикѣ политической экономіи“. Но, какъ мы уже замѣтили, во всякомъ случаѣ оказывается, что господство закона цѣнности требуетъ всесторонняго отчужденія продуктовъ труда, т. е. по крайней мѣрѣ развитой *товарной* формы. Чтобы убѣдиться въ справедливости этого мнѣнія, стоитъ вспомнить о неустойчивости мѣновыхъ отношеній, господствующихъ въ мало-культурныхъ обществахъ, гдѣ, напр., нѣть никакого торга, кроме мѣнового.

Общество самостоятельныхъ товаропроизводителей въ чистомъ видѣ, конечно, никогда не существовало. Ремесленники, напр., были связаны цеховою организацией, значительно измѣняющей положеніе дѣла, такъ какъ цехъ устранился свободную конкуренцію: кроме того цѣны опредѣлялись въ значительной мѣрѣ обычаемъ, даже насильственной регламентацией и т. д. Крестьяне въ свою очередь окружены множествомъ внешнихъ условій. Но все это нисколько не мѣшаетъ рассматривать теоретически случаѣ самостоятельныхъ товаропроизводителей. Вѣдь и капитализмъ въ чистомъ видѣ нигдѣ не существуетъ. Сверхъ того Марксъ совершенно правъ, утверждая, что не только теоретически, но и исторически слѣдуетъ разсматривать цѣнности, какъ предшествующую стадію по отношенію къ цѣнамъ производства. Для того, чтобы цѣны приблизительно соответствовали цѣнностямъ, достаточно слѣдующаго: обмѣнъ товаровъ долженъ перестать быть чисто случайнымъ или очень рѣдкимъ явленіемъ, товары должны съ обѣихъ сторонъ производиться въ количествѣ, приблизительно соответствующемъ взаимной потребности, что вытекаетъ изъ продолжительного обмѣна; наконецъ должны отсутствовать всякия монополіи.

Но если въ капиталистическомъ обществѣ законъ цѣнности не проявляется болѣе въ чистомъ видѣ, то слѣдуетъ ли изъ этого, какъ упорно утверждаютъ многіе, что онъ вовсе не проявляется, что онъ вполнѣ нарушенъ? Или же мы должны, вслѣдъ

за С. Н. Булгаковымъ, высказать парадоксальную мысль, что законъ цѣнности „осуществляется въ неосуществлени?“¹⁾.

Мнѣ кажется, что нѣтъ надобности прибѣгать къ такому героическому средству, какъ этотъ парадоксъ, но достаточно помнить то, что мы видимъ на каждомъ шагу въ точныхъ наукахъ, имѣющихъ дѣло съ болѣе или менѣе сложными явленіями и соответственными формулами и законами.

Осуществляется ли гдѣлибо въ чистомъ видѣ законъ инерції? Если да, то пусть мнѣ укажутъ на опытъ хотя одинъ примѣръ абсолютного покоя или абсолютно равномѣрного движенія. Такъ какъ ни того, ни другого нельзя указать, то слѣдуетъ ли изъ этого, что законъ инерції ложенъ? Тѣ, для кого цѣнность имѣеть значеніе лишь мѣнового отношенія и кто не усматриваетъ, что подъ этимъ отношеніемъ скрывается и нѣчто безотносительное, а именно рабочее время, могутъ считать нелѣпымъ утвержденіе Маркса, что законъ цѣнности вполнѣ оправдывается и въ капиталистическомъ обществѣ для совокупнаго продукта общества. Но даже если остановиться исключительно на точкѣ зреенія частныхъ мѣновыхъ сдѣлокъ, регулируемыхъ цѣнами, то развѣ не ясно, что цѣны могутъ „въ конечномъ счетѣ“ зависѣть отъ относительныхъ количествъ рабочаго времени и все-же не быть имъ строго пропорциональными, если только эта зависимость очень сложнаго характера.

Трудовыя цѣнности даютъ мѣновыя отношенія, которыя, сочетаясь съ другими элементами, могутъ дать отношенія, соответствующія цѣнамъ производства. А такъ какъ фактически мы наблюдаемъ непосредственно лишь эти послѣднія, то и не удивительно, что наблюдаемыя нами отношенія не соответствуютъ трудовому принципу. Это то-же, что законъ Бойля-Мариотта съ его отступленіями въ примѣненіи къ реальнымъ газамъ. По остроумному замѣчанію Булгакова, цѣны производства представляютъ равнодѣйствующую двухъ силъ: трудовыхъ цѣнностей и тенденціи прибыли къ равенству. Что-же удивительнаго въ томъ, если получаемыя отношенія совсѣмъ не тѣ, какія были бы, если бы прибыль не имѣла тенденціи къ равенству,—а неравенство прибыли, какъ показалъ Марксъ, вполнѣ возможно въ капиталистического производства, въ товарномъ хозяйствѣ самостоятельныхъ производителей.

Теорія остается, такимъ образомъ, непоколебленной: надо только умѣть ее примѣнять.

Остается еще „психологія“. Но обѣ этомъ въ слѣдующій разъ.

М. Филипповъ.

¹⁾ Сравн. его любопытную статью о теоріи цѣнности въ „Научн. Обозр.“ 1898 г. № 2, 9 и 10.

Земельная ненурядица въ Закавказье.

„Одно простое устройство земельныхъ порядковъ, требующее только внимания и скромного дѣла,—одно это ужъ сняло бы съ нашей души массу тьмы и тяготы, освятило бы жизнь и распространило бы тепло по всей Руси“.

Гл. Успенский.

Полный контрастъ между богатствомъ природы Закавказья и нищетой населенія этого края невольно обращаетъ на себя вниманіе даже самаго поверхностнаго наблюдателя. Населеніе здѣсь едва гуще, чѣмъ въ любомъ изъ вполнѣ обдѣленныхъ природой уголковъ Европы; между тѣмъ местные жители (занимающіеся преимущественно земледѣліемъ), чутъ не изъ-за каждого кусочка земли вступаютъ съ сосѣдомъ въ драку, которая нерѣдко кончается тяжкими пораненіями или даже убийствомъ, а новые поселенцы, которые являются иногда сюда изъ внутреннихъ губерній, постоянно терпятъ нужду и нерѣдко возвращаются обратно нищими.

Въ настоящей статьѣ имѣется въ виду затронуть одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ материальнаго преуспѣянія Закавказья, а именно вопросъ о поземельномъ неустройствѣ населенія этого края.

I.

Однимъ изъ главныхъ враговъ поземельного благоустройства въ Закавказье является отсутствіе необходимыхъ документовъ на земельную собственность. Многіе изъ старинныхъ документовъ, десятки лѣтъ находившихся въ разсмотрѣніи вновь учрежденныхъ при присоединеніи края русскихъ полицейскихъ учрежденій, были утеряны отчасти этими учрежденіями, отчасти самими владельцами земли, пѣкоторые же изъ такихъ документовъ вовсе не предъявлялись въ надлежащія учрежденія для засвидѣтельствованія, какъ по незнанію значенія этой формальности, такъ и изъ

боязни потерять ихъ при обычной въ присутствіяхъ того времени волокитѣ.

Какъ бы то ни было, отсутствие документовъ создавало въ краѣ путаницу въ поземельныхъ дѣлахъ. А это въ свою очередь, при крайней череполосности и дробности земельныхъ участковъ, вызывало массу споровъ, которые благодаря медленности дореформенного судопроизводства, были положительно безконечными. Правильная борьба съ этимъ зломъ началась лишь съ 1861 года, съ введеніемъ въ краѣ судебнаго межеванія. Но и это мѣропріятіе вскорѣ было парализовано недостаточностью отпускаемыхъ на него суммъ, результатомъ чего явились слѣдующіе неутѣшительные факты: изъ общей площади Закавказья приведены межеваніемъ въ бесспорное положеніе, въ продолженіе первыхъ 25 лѣтъ, лишь немногого болѣе $\frac{1}{25}$ или 4%; остальная же часть земель, какъ справедливо замѣчаетъ мѣстный официальный календарь (за 1888 г.), „остаются юридически безхозяйными за отсутствіемъ у землевладѣльцевъ какихъ-либо точныхъ документовъ“. Эта-то безхозяйность земель и даетъ широкій просторъ произволу и деморализуетъ населеніе.

Здѣсь не будемъ касаться вопроса о воздействиіи этого явленія на усиленіе преступности въ краѣ, а чтобы дать общее понятіе о разрушительномъ дѣйствіи его, беремъ нѣсколько бытовыхъ картинъ изъ изслѣдований агентовъ уполномоченнаго министромъ государственныхъ имуществъ на Кавказѣ (*Матеріалы по изслѣдованию экономического быта государственныхъ крестьянъ Закавказского края*, т. VI, изд. 1886 г.). „Жители сел. Ачасу (Казахскаго уѣзда, Елизаветпольской губ.),—говорить изслѣдователь,—претендуютъ, чтососѣди ихъ, хаштаракцы и друг., захватили у нихъ до 100 дес. земли. Къ услугамъ обиженныхъ ачасуйцевъ явились мѣстные міроѣды и получили полномочіе общества на веденіе дѣла. Напечаталъ также адвокатъ изъ мѣстныхъ дворянъ, который въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ подалъ массу прошеній административнымъ и другимъ учрежденіямъ края, но нигдѣ не имѣлъ пока успѣха. Между тѣмъ, обществу предъявленъ счетъ на 6,000 рублей „за хлопоты уполномоченныхъ и адвоката“; ачасуйцы, лѣтомъ 1885 г., не знали, какъ отдаться отъ этого долга. Другой примѣръ. Тридцать лѣтъ тому назадъ возникъ споръ между селеніями Лалакяндъ и Узунтала о пахотной и пастбищной землѣ въ 35 десятинъ. Съ тѣхъ поръ споръ этотъ тянулся непрерывно до лѣта 1885 г. и пережилъ цѣлыхъ два поколѣнія. Въ тридцатилѣтній періодъ на спорномъ участкѣ не разъ происходили побоища, въ которыхъ принимали участіе даже женщины и дѣти. При малѣйшемъ пополновеніи одной стороны распахать хотя клочокъ спорнаго участка, другая сторона, немед-

ленно вооружившись холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, выступала въ походъ и забирала въ плѣнъ плуги, скотъ и даже погоначей. Административное управление завалено жалобами и протоколами о разбитыхъ черепахъ, обѣ избитыхъ почти до смерти, о покушеніяхъ на жизнь и другихъ случаевъ, требовавшихъ судебнаго разбирательства. Важнѣе всего, что во все теченіе 30-ти лѣтней вражды сказанныхъ двухъ обществъ, однаково сильно нуждавшіяся въ землѣ стороны взаимно не допускались къ пользованію спорнымъ участкомъ и, такимъ образомъ, 35-ти десятинное пространство бесполезно пропадало для нихъ въ теченіе столь продолжительнаго периода времени” (стр. 39). Другой изслѣдователь (Сигнахскаго уѣзда, Тифлисской губ.) удостовѣряетъ слѣдующее: „Нѣть ни одного селенія, въ которомъ хотя бы часть земель не оспаривалась какимъ-нибудь сосѣднимъ селеніемъ. Весьма часто однимъ и тѣмъ же участкомъ одинъ годъ пользуется одно селеніе, а слѣдующій—другое. Укажу, напримѣръ, на часть земель вакирцевъ, которая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подрядъ распахивалась джугаанцами; выведенные изъ терпѣнія, вакирицы вооружаются кольями и палками и силою выгоняютъ непрошенныхъ гостей; черезъ нѣкоторое время то же самое продолжаютъ джугаанцы, и такъ борьба эта продолжается до сихъ поръ. Въ смежныхъ селеніяхъ, Какабети и Кандаури, одинъ годъ межевые знаки переносятся на середину какабетскихъ земель, а на другой они оказываются въ чертѣ кандаурскихъ“ (*Матеріали по изслѣдованию эконом. быта госуд. крест. Закавк. края*, т. IV, ч. II, стр. 201). Такими фактами испещрено изслѣдованіе чуть не каждого уѣзда во всѣхъ семи объемистыхъ томахъ помянутыхъ *Матеріаловъ*.

При такой поземельной неурядицѣ давность владѣнія получаетъ особенную важность. Это — чуть ли не главный способъ приобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ. Всѣ лучшіе казенные участки присвоены такимъ способомъ частными лицами, какъ крестьянами, такъ въ особенности мѣстными привилегированными лицами: беками, агаларами, меликами и др., а казнѣ оставлены, главнымъ образомъ, неорошаемыя, неудобныя земли, пастыщные участки. Бывшій уполномоченный министра государственныхъ имуществъ на Кавказѣ, тайн. сов. Тихѣевъ, въ изданіи¹⁾ имъ *Сводъ вышеназванныхъ матеріаловъ*, не скрываетъ, что „захваты государственныхъ имуществъ сдѣлались въ краѣ обычнымъ явлениемъ и частное землевладѣніе продолжаетъ возрастать въ прямой ущербъ благосостоянію крестьянства“. Напрасно только агенты

1) Этому вопросу посвящена значительная часть помѣщаемой ниже статьи. *Разбор и саморасправа на Кавказѣ*.

г. Тихъева винять въ этомъ печальномъ явленіи развращенность мѣстнаго, главнымъ образомъ, мусульманскаго населенія, всегда будто силою захватывающаго казенную землю и доказывающаго давность владѣнія только показаніями подкупленныхъ лжесвидѣтелей и другими подобными преступными путями ¹⁾). Напрасно винить въ вышеупомянутомъ явленіи и снисходительное будто къ нему отношеніе со стороны правительствующаго сената и нѣкоторыхъ цивилистовъ ²⁾). Въ тѣхъ же изслѣдованіяхъ агентовъ уполномоченнаго министра государственныхъ имуществъ на Кавказѣ неоднократно упоминается о томъ, что казенные земли долго послѣ присоединенія Закавказья къ Россіи не приводились въ извѣстность, что, за несуществованіемъ въ краѣ специальныхъ органовъ для ихъ завѣдыванія, онъ находились въ вѣдѣніи низшихъ полицейскихъ агентовъ, небрежность и корыстолюбіе которыхъ ускоряли переходъ лучшихъ казенныхъ участковъ въ частныя руки. Только въ 1841 г., т. е. спустя почти 40 лѣтъ по присоединеніи края, были учреждены двѣ палаты государственныхъ имуществъ, которая вскорѣ, въ 1850 г., были упразднены, а нынѣ существующія по губерніямъ управлениа государственными имуществами были открыты только въ 1868 г., но съ весьма ограниченными средствами. Лишь въ недавнее время послѣдовало усиленіе средствъ мѣстныхъ управлений, и благодаря тому, что межеваніе казенныхъ земель стало производиться на средства министерства государственныхъ имуществъ, межеваніе это идетъ нѣсколько быстрѣе, чѣмъ въ частныхъ имѣніяхъ. До послѣдняго времени большая часть казенныхъ земель находилась, такъ сказать, въ безхозяйномъ положеніи. Сидящіе на нихъ крестьяне и другія лица, владѣя ими безспорно въ теченіе нѣсколькихъ земскихъ давностей, вовсе не нуждались въ лжесвидѣтеляхъ, чтобы укрѣпить за собой на законномъ основаніи владѣмая ими земли. Нѣкоторые же, наиболѣе цѣнныя казенные участки

¹⁾ См. *Матеріалиы*, т. IV, ч. 2, стр. 251 (изслѣдованіе Шушинскаго и Джебраильскаго уѣздовъ); т. VI, ч. 2, стр. 364 (изслѣдованіе Джеванширскаго уѣзда); т. VI, ч. 2, стр. 42 (изслѣдованіе Шемахинскаго и Геокчайскаго уѣздовъ).

²⁾ См. *Сводъ матеріаловъ*, т. I, изд. 1887 г., стр. 203, 204 и слѣд. статья: *Формы крестьянского землевладѣнія въ Кутаисской губерніи и возникновеніе спорныхъ земель* С. А. Егіазарова: „...По рѣшenіямъ кассац. департ. правительствующаго сената, законъ не требуетъ, чтобы давностное владѣніе основывалось на какомъ-нибудь актѣ укрѣпленія чтобы оно происходило на законномъ основаніи и, наконецъ, чтобы владѣніе было добросовѣстно. Само собою понятно, что, при такомъ состояніи законовъ о давности, противникамъ казны не трудно доказать, путемъ свидѣтельскихъ показаній или инымъ способомъ, голый фактъ владѣнія на правѣ собственности, тогда какъ ни камеральное описание, ни платежъ оброка въ казну, хотя бы въ теченіе болѣе 10 лѣтъ, не могутъ служить доказательствомъ правъ казны“ и проч.

стки продавались своекорыстными полицейскими агентами, и владѣльцамъ этихъ участковъ, слѣдовательно, не было никакой необходимости прибѣгать къ насилиственному захвату и другимъ проступкамъ и преступленіямъ.

И въ отношеніи частнаго землевладѣнія давностное владѣніе является чуть не единственнымъ способомъ укрѣпленія недвижимыхъ имуществъ въ виду, главнымъ образомъ, отсутствія необходимыхъ крѣпостныхъ актовъ и медленности судебнаго межеванія. Посредствомъ судебнаго доказательства давности владѣнія, частныя лица очень часто закрѣпляютъ за собою такія мнѣнія, которые ими приобрѣтены посредствомъ неоформленной купли, или получены въ даръ или наследство, безъ соблюденія требуемыхъ закономъ формальностей. Для доказательства своихъ правъ собственности, въ Кутаинской губерніи иногда прибѣгаютъ и къ такому хитроумному способу. Лицо, желающее заложить въ земельномъ банкѣ свое имѣніе, въ дѣйствительности ему, владѣльцу, принадлежащее, но не закрѣпленное за нимъ надлежащимъ актомъ, подговариваетъ своего сосѣда предъявить къ нему искусть на это имѣніе. Судъ отказываетъ истцу по бездоказательности иска и, такимъ образомъ, спорное имѣніе закрѣпляется за настоящимъ его владѣльцемъ посредствомъ такого судебнаго рѣшенія. На основаніи этого рѣшенія землевладѣльцу выдается залоговое свидѣтельство и опѣ, такимъ образомъ, получаетъ возможность свободно распоряжаться своею собственностью: заложить ее въ банкѣ, выкупить, продать и проч. Это, конечно, обходъ закона, но обходъ, естественно вызываемый медленностью межеванія и отсутствиемъ правильныхъ документовъ.

По вышеизложеннымъ обстоятельствамъ читатель, вѣроятно, уже получилъ понятіе о той деморализаціи и разореніи, которая являются естественнымъ результатомъ отсутствія въ краѣ твердо установленного права собственности. Необходимо вспомнить также, что это послѣднее обстоятельство является очень большимъ тормозомъ и для культурнаго развитія страны. Землевладѣлецъ, неувѣренный въ завтрашнемъ днѣ, не можетъ улучшить свое хозяйство, такъ какъ выгоды такихъ улучшений могутъ быть рассчитаны лишь на долгій срокъ. При шаткости права трудно существовать и земельному кредиту. Устранить всѣ эти невыгоды, за отсутствіемъ у населенія надлежащихъ документовъ, можетъ только судебнное межеваніе, какъ это признаетъ и правительство. Остается только принять энергическія мѣры противъ той крайней медлительности, съ какою подвигается это дѣло.

Дробность и чрезполосность земель не будетъ имѣть вреднаго вліянія на быстроту межевыхъ дѣйствій въ будущемъ, такъ какъ правительство признало фактъ существованія въ яѣкото-

рыхъ мѣстностяхъ Закавказья общинного, а не подворного землевладѣнія¹). Въ этихъ мѣстностяхъ является достаточнымъ отмежевывать земли одного общества отъ другихъ, безъ внутренняго межеванія такихъ земель. Кромѣ того, нѣсколько лѣтъ назадъ изданъ законъ, имѣющій специальную цѣль—ускорить межеваніе казенныхъ участковъ; закономъ этимъ внутреннее межеваніе ихъ отлагается впередъ до окончанія отмежеванія этихъ участковъ отъ земель частныхъ владѣльцевъ.

Для ускоренія межеванія необходимо усиленіе денежныхъ средствъ и состава межевыхъ учрежденій. Расходы правительства на это дѣло не только окажутъ большую пользу частнымъ интересамъ, но и значительно увеличить доходы казны. Только по окончаніи межеванія получится возможность съ успѣхомъ замѣнить упраздненную нынѣ подымную подать (соответствующую подушной и подворной подати во внутреннихъ губерніяхъ) податью болѣе справедливою и болѣе доходною для казны—поземельною. Наконецъ, послѣ размежеванія казенныхъ земель устранится возможность легкаго ихъ захвата частными лицами. „Выгоды, которые получается отъ размежеванія вообще земель,—справедливо говорится въ кавказскомъ календарѣ²),—не замедлять съ избыткомъ покрыть всѣ затраты по доведенію межеванія до конца, какъ бы велики послѣднія ни были... Можно съ увѣренностью сказать, что большие половины земель, и, притомъ, въ самыхъ богатыхъ частяхъ края (напримѣръ, долина р. Алагани, Муганская степь, сѣверо-западный уголъ Горийскаго уѣзда и пр.), лежать непроизводительно именно вслѣдствіе невыясненности юридическихъ правъ землевладѣльцевъ и происходящей отсюда невозможности купить, отдать въ аренду и т. д. какой-либо земельный участокъ. Одно только межеваніе можетъ устраниТЬ подобное положеніе дѣлъ и, следовательно, оживляющимъ образомъ подѣйствовать на общее развитіе производительности Кавказа“.

Если примемъ во вниманіе, что отзывъ этотъ дается правительственнымъ изданіемъ (кавказскаго центрального статистического комитета), то, казалось бы, въ межевомъ дѣлѣ и нѣтъ никакого вопроса. Задачи этого дѣла вполнѣ соизволы правительству и остается только пожелать, чтобы они были выполнены

¹⁾ Сводъ материаловъ по изслѣдованію экономического быта госуд. крестьянъ Закавказья, т. I, стр. II: „Совершенное незнаніе условій экономической жизни населенія повело къ тому, что поземельное устройство государственныхъ крестьянъ, подворенныхъ на земляхъ лицъ высшаго мусульманскаго сословія, послѣдовало при томъ ошибочномъ предположеніи, что въ краѣ повсемѣстно существуетъ подворное землевладѣніе“, и пр.

²⁾ Изд. 1888 г.; см. статью Краткий очеркъ экономического положенія Кавказа по официальному и другимъ отчетамъ.

безотлагательно, а не отложены въ долгій ящикъ, какъ это въ дѣйствительности часто случается.

Нѣсколько болѣе сложными представляются другія поземельныя дѣла Закавказья, къ которымъ и переходимъ.

II.

Вопросъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ захватываетъ еще болѣе широкую сферу интересовъ, чѣмъ вопросъ межевой. такъ какъ касается не только собственниковъ земли, но и еще болѣе многочисленнаго класса земледѣльцевъ, вслѣдствіе чего оставленіе этого вопроса неразрѣшеннымъ даетъ сице болѣе чувствительные результаты.

Крѣпостное право существовало въ Закавкази только въ двухъ губерніяхъ, Тифлисской и Кутаисской (въ бывшихъ грузинскихъ провинціяхъ), и существовало почти въ тѣхъ же самыхъ формахъ, какъ во внутреннихъ губерніяхъ. Крестьяне въ Тифлисской губерніи были освобождены въ 1864 г., а въ Кутаисской—въ 1865—67 гг., и оставалось только найти энергичныхъ исполнителей этой гуманной реформы. Но въ дѣйствительности вышло совершенно иначе. Оказывается, что крестьянскія учрежденія въ теченіе 25 лѣтъ не успѣли повсюду составить уставныя грамоты (въ имѣніяхъ заграничныхъ греческихъ монастырей, гдѣ проживаетъ около 20 тыс. крестьянъ, въ послѣднее время только теперь составлялись устав. грамоты). Положеніе крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости, не вездѣ разъяснено и регулировано закономъ (мачабеловскіе крестьяне-осетины, освобожденные еще при кн. Воронцовѣ въ 50-хъ годахъ, не имѣютъ до сихъ поръ опредѣленныхъ надѣловъ). Но что важнѣе всего, такъ это невыкупленность крестьянскихъ надѣловъ, несмотря на содѣйствіе ссудой, оказываемое правительствомъ. Въ Тифлисской губ., занимающей площадь въ 35,517 кв. верстъ и населеній, главнымъ образомъ, временно-обязанными крестьянами, въ теченіе 24 лѣтъ послѣ крестьянской реформы выкупныхъ сдѣлокъ было совершено всего лишь 264, на сумму 645,333 руб. 46 коп. ¹⁾). Такъ же медленно шло дѣло и въ послѣдующіе годы. Относительно же Кутаисской губерніи, гдѣ, какъ заявлялось въ печати, крестьяне обнаруживаютъ большую склонность къ приобрѣтенію земель въ собственность, къ тому же, безъ всякаго содѣйствія со стороны правительства, извѣстно намъ, что въ теченіе 24 лѣтъ совершены тамъ выкупныя сдѣлки временно-обязанными крестьянами на сумму около 4 миллионовъ рублей. Но намъ кажется, что сумма эта вовсе

¹⁾ См. типл. газету *Новое Обозрѣніе* 1888 г., № 1590.

не значительна, если принять во внимание высокую цену на земли въ названной губерніи въ виду развивающегося въ неї крестьянского малоземелья (десятина стоитъ 200—300 и болѣе рублей) и площадь крестьянского землевладѣнія (губернія занимаетъ 635 тыс. квадр. м., большая часть которыхъ находится въ пользованіи бывшихъ помѣщицкихъ крестьянъ).

Нужно ли распространяться о невыгодахъ переходного положенія имѣній, создаваемаго удержаніемъ па неопределѣленное время обязательныхъ отпушений крестьянъ къ бывшему помѣщику? Извѣстно, какъ ограничено послѣдній въ пользованіи и распоряженіи землями, находящимися въ надѣлѣ крестьянъ. За нимъ оставлено лишь номинальное право собственности. Онъ можетъ пользоваться частью дохода крестьянина отъ надѣла лишь въ натурѣ, въ формѣ, трудно поддающейся точному опредѣленію (въ Закавказье землевладѣльцу удѣляется повинность въ видѣ $\frac{1}{4}$ части съ урожая земныхъ произведеній). Для крестьянина же переходное положеніе еще тягостище: всякий трудъ его, направленный къ улучшенію занимаемой имъ земли, поднимаетъ ея цену и тѣмъ все болѣе и болѣе затрудняетъ выкупъ надѣла. Мы здѣсь уже не говоримъ о вопиющей несправедливости такого положенія: читатель самъ догадается, что крестьянину придется, въ концѣ-концовъ, выкупать у помѣщика не только землю, но и свой трудъ, потраченный на нее. Такимъ образомъ трудолюбивый земледѣлецъ какъ бы наказывается за свое трудолюбие.

Затѣмъ нужно принять во вниманіе, что отношенія временно-обязанныхъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ регулируются особыми положеніями, которыя имѣли временный характеръ, составлены лишь для кратковременнаго, переходного отъ крѣпостничества къ полной свободѣ состоянія и не выдерживаютъ въ отношеніи полноты никакого сравненія съ общегражданскими законами. Въ положеніяхъ этихъ много недомолвокъ, многое представлено добровольнымъ соглашеніямъ сторонъ и много ссылокъ на обычное право (наприм., относительно пользованія водой, настѣнными и пр.), къ разработкѣ и разъясненію котораго, однако, не было принято никакихъ мѣръ. А при такой неполнотѣ временныхъ правилъ для крестьянъ въ действительности многое опредѣляется произволомъ мѣстныхъ мировыхъ посредниковъ. Если же принять во вниманіе, что эти послѣдніе, по упомянутымъ правиламъ, набираются изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, то легко понять, чьимъ интересамъ служатъ предоставленные посредникамъ обширныя полномочія и какъ отсюда недалеко до возстановленія фактически крѣпостническихъ порядковъ.

Всѣ эти неудобства и невыгоды переходного положенія временно-обязанныхъ крестьянъ продолжаютъ существовать и по-

нынѣ вопреки конечной цѣли крестьянской реформы — по возможности скорѣе сдѣлать бывшихъ крѣпостныхъ дѣйствительными собственниками своихъ надѣловъ. Казалось бы, не слѣдовало откладывать въ долгій ящикъ примѣненіе къ Закавказью общихъ мѣръ къ ускоренію выкупа. Правда, осуществленію этой мѣры препятствуютъ разныя „мѣстныя особенности“ (такъ принято выражаться на кавказскомъ бюрократическомъ языкѣ), но эти особенности далеко нельзя назвать неустранимыми.

Одна изъ такихъ особенностей натуральная повинность (въ доляхъ урожая), затрудняющая установленіе нормальныхъ выкупныхъ цѣнъ. Цѣны эти, на основаніи наказа о выкупѣ, опредѣляются капитализацией изъ 6% ежегодного оброка. Вслѣдствіе этого, прежде всего, необходимо переложить въ оброкъ существующую въ настоящее время повинность $\frac{1}{4}$ урожая, отбываемую крестьянами по уставной грамотѣ. Это, конечно, дѣло очень трудное въ виду крайнѣго разнообразія климатическихъ и почвенныхъ условій чуть не въ каждомъ уѣздѣ Закавказья, но дѣло — неизбѣжное. Между тѣмъ, чѣмъ болѣе откладывать оцѣнку названныхъ повинностей и замедлять выкупъ, тѣмъ трудаѣе будетъ осуществленіе этихъ мѣръ: цѣна на земли, какъ выше было упомянуто, все болѣе и болѣе повышается и земли дѣлаются все менѣе и менѣе доступными для выкупа.

Въ кавказскихъ газетахъ неоднократно печатались извѣстія, что въ высшихъ правительственныйыхъ учрежденіяхъ разсматривается проектъ мѣстнаго начальства о переложеніи на деньги натуральной повинности, отбываемой землевладѣльцамъ бывшихъ мусульманскихъ провинцій Закавказья поселянами, живущими на ихъ земляхъ. Было бы желательно, чтобы вмѣстѣ съ этимъ проектомъ разсматривался и вопросъ о возможно-скорой расцѣнкѣ повинностей временно-обязанныхъ крестьянъ Тифлисской и Кутаисской губ. Давать преимущество во времени первой мѣстности передъ второю едва ли есть практическое основаніе, въ виду того, что въ бывшихъ мусульманскихъ провинціяхъ Закавказья (Эриванская, Бакинская, Елизаветпольская и часть Тифлисской губ.) крѣпостного права не существовало и отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ выражаются въ уплатѣ первыми послѣднимъ лишь $\frac{1}{10}$ урожая.

Переложеніе на деньги нынѣшнихъ крестьянскихъ повинностей имѣеть, и помимо выкупа, весьма важное значеніе. У натуральной повинности есть свои достоинства, это — легкость ея отбыванія въ неурожайные годы и возможность обходиться безъ денежнѣхъ знаковъ, довольно рѣдкихъ въ обращеніи закавказскаго сельскаго люда. Но повинность эта, тѣмъ не менѣе, тяжелѣе оброка: она крайне неопредѣлена и вызываетъ массу непріятностей при

выдѣлъ продуктовъ въ натурѣ и доставленіи ихъ землевладѣльцу. Это сознавалось и правительствомъ, которое удержкало повинность въ доляхъ урожая лишь временно, во избѣжаніе кореннай ломки существующаго обычая. Если разнообразіе природныхъ условій края затрудняло осуществленіе этого дѣла въ начаѣ, при изданіи положеній, то едва-ли это затрудненіе можетъ быть признано непреодолимымъ. Въ продолженіе 35 лѣтъ, протекшихъ послѣ освобожденія закавказскихъ крестьянъ, возможно было произвести изслѣдованіе края, необходимое для этого дѣла.

Помимо отсутствія нормальныхъ цѣнъ на надѣлы, выкупное дѣло тормазится и незначительностью правительственной ссуды. Во внутреннихъ губерніяхъ ссуда эта составляла 80% выкупной суммы и размѣръ доплаты, такимъ образомъ, опредѣлялся лишь въ 20%. Между тѣмъ, по „наказу о выкупной операциіи въ Тифлісской и Кутаїсской губ.“, на землю одного дня паханья (мѣстная мѣра, равняется $\frac{1}{2}$ десят.) поливнаго поля правительство выдаетъ не болѣе 10—15 рублей, а на поливную землю того же разряда не болѣе 20—30 р., или за кцеву (900 кв. саж.) низшаго плодородія—не болѣе 7 р. 50 к.—11 р. 25 к. и за кцеву высшаго плодородія—15 р.—22 р. 50 к. ¹⁾). Эти максимумы, во время изданія вышеупомянутаго „наказа“ (1867 г.), можетъ быть, и составляли въ иныхъ случаяхъ 80% той суммы, за какую въ то время можно было выкупать надѣлы, но теперь, по истеченіи болѣе 30 лѣтъ, суммы эти едва-ли составлять даже 30 или 40% настоящихъ цѣнъ на земли. Еще въ 1884 г. одна грузинская газета заявила, что вышеупомянутыя нормы ссуды едва составляютъ 60% рыночныхъ цѣнъ выкупаемыхъ земель, а въ Кутаїсской губерніи, где вслѣдствіе малоземелья цѣны эти идутъ въ гору очень быстро, такъ велика разница между размѣромъ правительственной ссуды и выкупной за надѣлы суммы, что, во избѣжаніе сложной процедуры двойныхъ займовъ, крестьяне, при выкупѣ, предпочитаютъ обходиться вовсе безъ правительственного содѣйствія. Крестьяне не хотятъ обращаться къ этому содѣйствію и потому, что оно вовсе не оказывается при выкупѣ самыхъ цѣнныхъ для нихъ и нерѣдко самыхъ необходимыхъ угодій, а именно фруктовыхъ и виноградныхъ садовъ, а также сверхнадѣльныхъ, „отрѣзныхъ“ земель. Такимъ образомъ, правительственное пособіе не избавляетъ крестьянина ни отъ частныхъ кредиторовъ (которыми, большую частью, за отсутствиемъ правильно организованныхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ и сельскихъ банковъ, являются ростовщики, берущіе или, лучше сказать, дерущіе по 100 и 150%),

¹⁾ Первые цифры составляютъ норму для земель, за которыхъ отбываются повинности въ натурѣ, а вторая—для земель съ денежнымъ оброкомъ.

ни отъ его бывшаго помѣщика, къ которому оно оставляеть его въ обязательныхъ отношеніяхъ по пользованію садами и отрѣзными землями. Помѣщики же обращались къ правительствуенному судѣйствію тогда, когда оно давало имъ возможность сбывать крестьянамъ малоудобныя земли за непомѣрно высокую плату (такъ случилось, напримѣрь, въ нѣкоторыхъ кахетинскихъ деревняхъ Сигнахскаго и Телавскаго уѣздовъ, Тифлісской губ.). Вслѣдствіе этого выкупъ доводилъ крестьянъ до разоренія, а казну лишалъ исправнаго поступленія выкупныхъ платежей.

Устранить недостаточность правительственної ссуды и сдѣлать ее привлекательной для крестьянъ легче всего, опять-таки посредствомъ переложенія нынѣшней натуральной повинности въ денежный оброкъ. Посредствомъ капитализаціи оброка изъ 6% образуется выкупная стоимость земли и тогда возможно, подобно тому, какъ это было во внутреннихъ губерніяхъ, выдавать ссуду въ размѣрѣ 80% этой стоимости. Въ этомъ случаѣ, т. е. поставивъ размѣръ ссуды въ зависимость отъ размѣра выкупной стоимости, можно быть увѣреннымъ, что степень правительственної судѣйствія не будетъ отставать отъ уровня потребностей выкупного дѣла.

Правительство, усиливъ такимъ образомъ ссуду, а также распространивъ свою выкупную операцию на сады и даже сверхнадѣльные земли, едва-ли въ общемъ выводѣ увеличитъ свои расходы на крестьянское дѣло. Нужно имѣть въ виду, что при осуществлѣніи означенной мѣры неминуемо сократятся расходы по содержанію учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. Учрежденія эти на Кавказѣ не завѣдуютъ сельскимъ общественнымъ управлениемъ въ такихъ размѣрахъ, какъ во внутреннихъ губерніяхъ, а имѣютъ въ своемъ вѣдѣніи лишь селенія съ временно-обязанными крестьянами. Слѣдовательно, когда будутъ развязаны отношенія временно-обязанныхъ крестьянъ съ ихъ бывшими помѣщиками, существованіе крестьянскихъ учрежденій окажется въ значительной части излишнимъ. Вслѣдствіе этого ежегодные расходы правительства на крестьянское дѣло въ краѣ сократятся на 150 слишкомъ тыс. руб., которые съ болѣшою пользой могли бы быть употреблены на завершеніе выкупной операции.

Еще легче устранимы и другія требованія дѣйствующаго наказа о выкупѣ, тормазящія осуществлѣніе престѣдуемой имъ цѣли, а именно: 1) установление круговой поруки при выкупѣ товариществами (требованіе это противорѣчить системѣ подворнаго владѣнія землею, рѣшительно преобладающей въ Тифлісской и Кутаисской губ.); 2) употребленіе въ перепискѣ по выкупному дѣлу исключительно русскаго языка, непопятнаго массѣ сельскаго населенія, и отсутствіе печатныхъ бланковъ для выкупныхъ сдѣлокъ, и пр. и пр.

Представляется, во всякомъ случаѣ, настоятельная необходимость пополнить пробѣлы и недомолвки дѣйствующихъ крестьянскихъ „положеній“, слишкомъ краткихъ и неопределенныхъ, какъ вообще вѣкъ временные правила. Чтобы не быть голословными, въ видѣ примѣра укажемъ на неупоминаніе названными положеніями о томъ, можетъ-ли быть приводимо въ исполненіе постановленіе губернского по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, впредь до разрѣшенія жалобы, принесенной на это постановленіе правительствующему сенату. Подобный случай подробно предусмотрѣнъ, въ отношеніи общихъ судовъ, судебными уставами 20 ноября 1864 г., но крестьянскія положенія не предусмотрѣли его. Полиція, на которую возложено этими положеніями исполненіе постановленій крестьянскихъ учрежденій, можетъ такимъ образомъ безнаказанно злоупотреблять этимъ пробѣломъ закона. Захочетъ она—приведеть въ исполненіе обжалованное постановленіе присутствія, не захочетъ—не приведеть. Еще примѣръ. По 93 ст. полож. о мѣстн. крест. учр., „спорящимъ и ихъ повѣреннымъ предоставляетъся присутствовать при разборѣ дѣла ихъ въ присутствіи“. Но при этомъ не указывается, нужно-ли оповѣстить ихъ о днѣ засѣданія присутствія. Всѣдѣствіе этого на практикѣ возникаетъ много недоразумѣній. Стороны не получаютъ повѣстокъ и тѣмъ какъ бы лишаются права, предоставленного статьею закона, а именно присутствовать при разборѣ ихъ дѣла, самолично или черезъ повѣренныхъ.

Но пробѣлы крестьянскихъ положеній не ограничиваются одною лишь процессуальною стороной, а касаются и болѣе существенныхъ правъ крестьянъ. Пробѣлы эти особенно обнаруживаются въ предоставленіи большаго простора обычному праву и добровольному соглашенію сторонъ, а иногда и просто усмотрѣнію крестьянскихъ учрежденій. Обычаю, напримѣръ, предоставлено опредѣлить: 1) порядокъ „пользованія со стороны крестьянъ, въ предѣлахъ помѣщичьихъ земель, выгонами и мѣстами для пастьбы“; 2) плату за пользованіе со стороны крестьянъ, изъ помѣщичьихъ лѣсныхъ дачъ, материалами, необходимыми для виноградныхъ и другихъ садовъ; 3) порядокъ наслѣдованія подымными участками крестьянского надѣла; 4) пользованіе помѣщичьими землями, на безсрочно-арендномъ правѣ, со стороны такъ называемыхъ на мѣстѣ „хизанѣ“, и пр. Всѣ эти предметы не заносились въ уставные грамоты и регулируются мировымъ посредникомъ, по мѣрѣ надобности. Нужно принять, къ тому же, во вниманіе, что, несмотря на предоставленіе обычному праву такого широкаго круга дѣйствія, не было до сихъ поръ сдѣлано никакихъ серьезныхъ попытокъ къ изслѣдованію этого права. Поэтому не трудно представить себѣ тотъ хаосъ, какой создаются и

еще болѣе могутъ создавать въ будущемъ, при ослабленіи существующихъ обычаевъ, пробѣлы крестьянскихъ положеній, вродѣ вышеприведенныхъ.

III.

Въ аналогичномъ съ временно-обязанными крестьянами Тифлисской и Кутаисской губ. положеніи находятся и государственные крестьяне, водворенные въ частныхъ имѣніяхъ бывшихъ мусульманскихъ провинцій Закавказья, въ губерніяхъ Эриванской, Елисаветпольской, Бакинской и части Тифлисской.

До присоединенія этихъ провинцій къ Россіи формы землевладѣнія въ нихъ, несмотря на свою пестроту, были довольно опредѣлены и развивались правильно. Землевладѣніе здѣсь существовало на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ теперь существуетъ въ провинціяхъ Турціи и Персіи. Всѣ земельные участки, за исключеніемъ участковъ подъ домами, усадьбами, садами, огородами, лавками, караванъ-сарайами и мельницами, составляли собственность главы государства, отданную въ пожизненное или по томственное управлѣніе ханамъ, бекамъ, агаларамъ и другимъ разрядамъ высшихъ сословій. Поселяне, населявшіе эти имѣнія, не были прикрѣплены къ нимъ, а лишь отбывали разнообразныя повинности въ пользу владѣльцевъ и казны, большую частью въ извѣстныхъ доляхъ урожая земныхъ произведеній.

Русской власти, явившейся въ этотъ своеобразный для нея міръ, надлежало, конечно, прежде всего, изучить его, не ломая до того существующихъ порядковъ. Къ сожалѣнію, въ дѣйствительности оказалось иное: хорошіе полководцы оказались плохими администраторами и на первыхъ же порахъ было допущено много несообразностей и даже злоупотребленій. Вотъ что, напримѣръ, рассказываютъ офиціальные историки по земельному вопросу въ Закавказье.

„Русскіе начальники,—говорить одинъ изъ нихъ¹⁾,— отдавали селенія и кочевья въ управлѣніе не только бекамъ, но и простымъ крестьянамъ, руководствуясь, притомъ, не обычаями страны, а исключительно временными условіями преходящихъ обстоятельствъ или просто произволомъ... Комендантскія управлѣнія мало заботились о томъ, чтобы опредѣлить нормы существовавшихъ въ управляемыхъ провинціяхъ обычныхъ правъ, но, напримѣръ, своими произвольными распоряженіями и самовла-

¹⁾ См. Сводъ матеріаловъ по изученію эконом. быта госуд. крест. Закавказскаго края, т. I, изд. 1887 г.; статья г. Кучаева: Поземельное устройство госуд. крест., водворенныхъ на владѣльческихъ земляхъ въ закавк. губ., стр. 2 и 5.

стіемъ создавали безурядицу... Впослѣдствіи высшее мѣстное начальство признавало необходимымъ собрать свѣдѣнія о томъ, на какомъ основаніи беки владѣютъ населенными имѣніями, и учреждало для разбора ихъ документовъ разныя комиссіи, но означенныя комиссіи еще болѣе запутали дѣло, потому что не извлекали изъ документовъ общихъ выводовъ о бекскихъ правахъ и ихъ видоизмѣненіяхъ, а растеряли самые документы, или, по крайней мѣрѣ, не возвратили ихъ по принадлежности, и они хранятся донынѣ въ разныхъ архивахъ, находясь въ безвѣстности", и пр.

При введеніи въ краѣ въ 1841 г. гражданскаго управленія представлялось необходимымъ такъ или иначе разрѣшить поземельный вопросъ въ вышеназванныхъ губерніяхъ, и потому въ это время были произведены новыя изслѣдованія мѣстныхъ по земельныхъ правъ. Но „самая изслѣдованія, — какъ замѣчаетъ г. Марковъ ¹⁾—заключались не въ собраніи фактическихъ данныхъ, а въ составленіи личныхъ мнѣній, заключеній и предположеній“. Такъ, ревизовавшій въ то время закавказскія учрежденія сенаторъ Гань высказалъ взглядъ, по которому мѣстные землевладѣльцы являлись временными владѣльцами, временно управлявшими занимаемыми ими имѣніями. Взглядъ этотъ въ то время получилъ высшую санкцію и агалары были удалены отъ управленія деревнями, получивъ взамѣнъ того пожизненно нѣкоторое денежное вознагражденіе. Впрочемъ, были и такія мѣстности, где агалары и мелики были устраниены безъ всякаго вознагражденія. Но этотъ взглядъ, не успѣвъ быть вполнѣ примѣненнымъ, вскорѣ былъ отвергнутъ, причемъ императоръ Николай I высказалъ даже, что „отнятіе у агаларовъ земель была мѣра ошибочная и что имъ надобно отдать ихъ“. Въ виду этого, бывшій намѣстникъ Кавказа, кн. Воронцовъ, выработалъ въ 1846 г. „положенія“ (получившія высшее утвержденіе), основанія которыхъ, напротивъ, заключались въ утвержденіи за мѣстными высшими сословіями владѣемыхъ ими земель на правѣ собственности. Крестьяне же, живущіе на этихъ земляхъ, признаны были казенными и обязанными отбывать землевладѣльцамъ лишь существовавшія до того повинности.

Но и эти „положенія“ въ большей части бывшихъ мусульманскихъ провинцій Закавказья оставались мертвою буквой. Они не примѣнялись вовсе къ Армянской области (нынѣшняя Эреванская губ.) и громадному Ахалцихскому уѣзду, где опредѣленіе поземельныхъ отношеній поселянъ къ владѣльцамъ предоставлено

¹⁾ См. Сводъ материала, т. II; статья: Земельное довольство государственныхъ крестьянъ Закавказского края, стр. 221.

было мѣстнымъ адатамъ (обычаямъ) и усмотрѣнію мѣстнаго начальства. А въ восточной и юго-восточной частяхъ Закавказья „положеніе“ вводилось въ дѣйствіе краине медленно, въ виду отсутствія у правительства какихъ бы то ни было свѣдѣній о правахъ того или другого землевладѣльца на занимаемыя имъ земли. Такимъ образомъ, двадцать лѣтъ спустя послѣ изданія тѣхъ „положеній“, въ 1866 г., когда явилась у правительства мысль о примѣненіи ко всѣмъ населеннымъ имѣніямъ Закавказья крестьянскихъ положеній 19 февраля 1861 г., большинство имѣній этихъ оставались въ дѣйствія какого бы то ни было аграрнаго закона ¹⁾.

Но и новое положеніе, изданное въ 1870 г. и имѣвшее цѣлью надѣлить крестьянъ вышеназванныхъ мѣстностей землею и урегулировать ихъ отношеніе къ землевладѣльцамъ на основаніяхъ крестьянской реформы 1861 г., имѣть очень ограниченную сферу дѣйствія. Оно не касается: 1) населенныхъ имѣній, въ которыхъ оно застало поселянъ живущими по особому условію съ землевладѣльцами; 2) имѣній, принадлежащихъ лицамъ непривилегированныхъ сословій, не имѣющимъ права владѣть населенными землями (нѣкоторыя исключенія въ этомъ отношеніи были допущены впослѣдствіи въ 1877 и 1882 гг.); 3) имѣній, которыми пользуются довольно многочисленныя въ Закавказье кочевыя общества, и 4) такъ называемыхъ тѣульныхъ имѣній, т. е. имѣній, где владѣльцы получаютъ съ поселянъ, живущихъ тамъ, повинность, принадлежащую казнѣ. Кромѣ этихъ имѣній, существовало еще нѣсколько разрядовъ такихъ имѣній, относительно которыхъ сила упомянутаго положенія оставалась долго сомнительной (наприм., имѣнія армянской церкви) и въ которыхъ составленіе уставныхъ грамотъ не закончено и по настоящее время. Составленныя же раныше грамоты въ другихъ имѣніяхъ очень часто оказываются совершенно неправильными ²⁾; очень часто обнаруживается, что обѣ ихъ существованіи поселяне вовсе и не знаютъ, пока владѣльцамъ не вздумается, въ своихъ интересахъ, ввести тѣ грамоты въ силу. Вслѣдствіе этого, возникаютъ безконечные споры, отъ которыхъ выигрываетъ только мировой посредникъ, берущій порядочныя суммы со стороны за новое составленіе грамотъ (это дѣло было возложено не на владѣльцевъ, какъ во внутр. губерн., а на посредниковъ ³⁾). Шаткость же положенія, создаваемаго частымъ передѣлываніемъ уставныхъ грамотъ, равносильна шаткости правъ владѣльца и поселянъ на занимаемую ими землю. Одна и та же

¹⁾ См. вышенназв. статью тайн. сов. Кучаева, стр. 41.

²⁾ Ibid., стр. 69.

³⁾ Ibid., стр. 68.

земля сегодня оказывается въ полномъ распоряженіи землевладѣльца, а завтра—въ надѣлъ у поселанъ, и наоборотъ. Измѣненію уставныхъ грамотъ необходимо возможно скорѣе положить предѣлъ и потому, что законнымъ основаніемъ къ отводу поселенамъ надѣла служить фактическое пользованіе съ ихъ стороны тѣмъ надѣломъ въ день обнародованія „поселянского положенія 1870 года“, то-есть фактъ, который теперь, а еще болѣе въ будущемъ, спустя много лѣтъ послѣ изданія положенія, едва ли есть возможность обслѣдовать съ достаточнотою для столь важнаго дѣла обстоятельностью. Мы, разсуждая такъ, далеки, конечно, отъ мысли оставить всѣ безъ исключенія нынѣшняя уставная грамоты безъ исправленія въ нихъ тѣхъ воплющихъ упущеній, существованіе которыхъ официально констатировано. Но полагаемъ, что исправленія эти необходимо произвести возможно скорѣе, для чего нужно принять какую-нибудь энергическую мѣру, вродѣ того, какъ объявить вновь всѣ грамоты сторонамъ и на основавіи ихъ возраженій поручить особой комиссіи сдѣлать необходимыя распоряженія въ извѣстный, по возможности короткій срокъ.

Поселянская реформа, введенная въ бывшихъ мусульманскихъ провинціяхъ Закавказья, подобно крестьянской реформѣ 1861 г., имѣть конечно цѣлью выкупъ поселенами отведенныхъ имъ надѣловъ. Но выкупное дѣло въ провинціяхъ этихъ находится въ еще болѣе неудовлетворительномъ положеніи, чѣмъ въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ. Если въ этихъ послѣднихъ мѣстностяхъ выкупъ крестьянскихъ надѣловъ совершается очень медленно, то въ первыхъ, можно сказать, къ нему почти вовсе не было приступлено. Это произошло отъ того, что обращеніе въ нихъ натуральной повинности (въ доляхъ урожая) въ повинность денежную, что необходимо для вычисленія выкупной цѣны земли, является, вслѣдствіе крайней пестроты природныхъ условій мѣстностей, дѣломъ гораздо болѣе труднымъ, чѣмъ въ двухъ вышеуказанныхъ губерніяхъ. Кроме того, въ бывшихъ мусульманскихъ провинціяхъ къ выкупу правительство вовсе не оказываетъ своего содѣйствія ссудой.

Для возможно скораго осуществленія цѣли поселянской реформы въ названныхъ провинціяхъ, т. е. для быстраго совершенія выкупа поселянскихъ надѣловъ, по нашему мнѣнію, необходимо принять безотлагательныя мѣры къ устраненію обоихъ вышеупомянутыхъ препятствій, тѣмъ болѣе, что мѣры такія принять очень нетрудно. Всѣ мучительныя операции по оцѣнкѣ натуральной повинности, отбываемой поселенами владѣльцамъ, давно уже завершены на мѣстѣ и работа мѣстныхъ комиссій представлена г. главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, насколько намъ

явъстно, еще въ 1885 г. Въ виду обилія матеріаловъ, представленныхъ комиссіями по этому дѣлу, едва ли потребуются еще къ нимъ какія-нибудь дополненія, и, слѣдовательно, немногое уже нужно, чтобы одинъ изъ готовыхъ проектовъ по этому вопросу быть принятъ къ руководству.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что тѣ препятствія, которыя мѣшиали правительству, при введеніи реформы, распространить свое содѣйствіе на выкупъ поселянскихъ надѣловъ въ бывшихъ мусульманскихъ провинціяхъ, въ настоящее время, можно сказать, не существуютъ уже вовсе. Бывшій комитетъ по устройству крестьянъ Закавказскаго края таковыми препятствіями считаемъ: во-первыхъ, „недостаточно установившую прочность къ землѣ и осѣдлости мусульманскаго населенія“ и простирающую отсюда невозможность опредѣлить благонадежность поселянъ для правильного взноса выкупныхъ платежей; во-вторыхъ, непереложеніе еще повинностей натуральныхъ въ денежныя и отсутствіе, вслѣдствіе этого, свѣдѣній „о дѣйствительной доходности земли“. и, въ-третьихъ, указаніе закона на содѣйствіе правительства ссудой только бывшимъ крѣпостнымъ, а не государственнымъ крестьянамъ¹). Нужно полагать, что правительство принимало во вниманіе и то, что поселяне бывшихъ мусульманскихъ провинцій Закавказья, не находились въ крѣпостной зависимости отъ владѣльцевъ, уплачивали имъ сравнительно нетяжелыя повинности, около $\frac{1}{10}$ части урожая земныхъ произведеній, считались въ положеніи болѣе сносномъ, чѣмъ бывшіе помѣщичьи крестьяне въ губерніяхъ Тифлисской и Кутаисской.

Всѣ эти основанія въ настоящее время не имѣютъ уже никакого значенія. „Недостаточная осѣдлость поселянъ“ не можетъ угрожать правильному ходу выкупной операциі, потому что поселянская реформа не была распространена на кочевыя общества, а поселяне, получившіе надѣлы, въ продолженіе 25—30 лѣтъ со введеніемъ реформы не только не обнаруживаютъ никакой склонности къ кочевкамъ и вообще къ какому бы то ни было отказу отъ своихъ надѣловъ, а, напротивъ, въ послѣднее время замѣчаются нерѣдкіе случаи перехода кочевыхъ обществъ въ осѣдлое состояніе. Сомнѣнія же относительно доходности земель въ такой богатой губерніи, какъ, напримѣръ, Эриванская, въ настоящее время уже являются большимъ анахронизмомъ. Правда, въ Бакинской губ., а отчасти въ Елисаветпольской и Тифлисской губерніяхъ, попадаются земельные участки, малодоходные за отсутствіемъ орошенія, но пебольшія правительственные ссуды въ этихъ мѣстностяхъ всегда есть возможность обеспечить и тѣми малыми

¹) См. *Сводъ матеріаловъ* и проч., ст. г. Кучаева, стр. 64.

доходами, какие получаются съ названныхъ участковъ. Уже при опѣнкѣ повинностей для переложенія ихъ на деньги достаточно было обнаружено специальными комиссіями, что и вполнѣ бездоходные участки въ названныхъ губерніяхъ могутъ оказаться весьма цѣнными, дающими рись, хлопокъ, кунжутъ и проч., если произвести самыя скромныя затраты на проведеніе оросительныхъ каналъ. Наконецъ, ссылка на законъ, который допускаетъ правительственное содѣйствіе только при выкупѣ надѣловъ бывшихъ помѣщичьихъ, а не государственныхъ крестьянъ, потеряла свое значеніе послѣ того, какъ положеніе послѣднихъ, въ поземельномъ отношеніи, въ виду неправильностей уставныхъ грамотъ, сдѣжалось малообеспеченнымъ и едва ли чѣмъ лучше положенія бывшихъ крѣпостныхъ. Ссылка эта неудовлетворительна и потому, что законъ и въ отношеніи государственныхъ крестьянъ стремится къ достижению полной поземельной эманципаціи: во внутреннихъ губерніяхъ они переведены въ разрядъ собственниковъ, посредствомъ владѣніи записей, а въ вышеназванныхъ мѣстностяхъ Закавказья—посредствомъ представленія такимъ поселянамъ права выкупа надѣловъ, который, однако, осуществить, при настоящихъ условіяхъ частнаго кредита, безъ правительственной ссуды, оказывается затруднительнымъ.

Поселянскія положенія 1870 г. и послѣдующихъ годовъ еще болѣе требуютъ дополненій и разъясненій, чѣмъ указанная нами въ предыдущей главѣ крестьянскія положенія Тифлисской и Кутаисской губ. Достаточно указать слѣдующіе два примѣра. Выше было уже упомянуто, что, несмотря на существование въ бывшихъ мусульманскихъ провинціяхъ общиннаго землевладѣнія, поселянская реформа установила подымное (соответствующее подворному) владѣніе землею, и надѣлы по уставной грамотѣ отводятся подымными участками. Вслѣдствіе этого составленіе грамотъ поглощаетъ массу труда, времени и расходовъ, положительно разорительныхъ для обѣихъ сторонъ—и землевладѣльцевъ, и поселянъ¹⁾. Хотя, въ дѣйствительности, это обстоятельство не разрушаетъ основъ общины и послѣдняя продолжаетъ прибѣгать въ извѣстные сроки къ передѣламъ, не обращая никакого вниманія на границы подымныхъ участковъ, определенная уставною грамотою, но достаточно одному члену общины, потерявшему часть своего надѣла при передѣлѣ, обратиться съ жалобой къ мировому по-

¹⁾ См. *Сводъ материалаовъ* и проч.; ст. г. Кучаева, стр. 68: „Составленіе подымныхъ описей потребовало сложной и обширной канцелярской работы, безъ опредѣленной цѣли, для которой эта работа потребовалась. Между тѣмъ, чрезъ составленіе подобныхъ описей уставная грамота обратились въ томы исписанной бумаги, и за каждую копію съ грамоты сторонамъ приходилось расплачиваться нѣсколькими сотнями рублей“.

среднику, чтобы этотъ послѣдній, основываясь на буквѣ грамоты, однимъ почеркомъ пера уничтожилъ постановленіе общества о передѣлѣ.

Упраздненіе въ то время общины произошло не по невѣдѣнію¹⁾, а вслѣдствіе общей тогда по имперіи политики министерства внутреннихъ дѣлъ, поощрявшаго всѣми мѣрами участковое землевладѣніе. Было бы желательно, чтобы ошибки прошлаго были исправлены въ самомъ близкомъ будущемъ, чего можно достигнуть объявленіемъ, что указанныя въ уставной грамотѣ границы и размѣры подымныхъ надѣловъ не обязательны для общества.

Укажемъ здѣсь въ видѣ примѣра и на другое требованіе мѣстныхъ поселянскихъ положеній, которое, впрочемъ, свидѣтельствуетъ не столько о неправильности взгляда ихъ составителей, сколько о пробѣлахъ, какіе обыкновенно такъ свойственны всѣмъ времененнымъ правиламъ, составленнымъ паскоро. Мы здѣсь имѣемъ въ виду правило (ст. 2 положенія обѣ имѣніяхъ лицъ, не принаадлежащихъ къ высшему сословію и не имѣющихъ права владѣть населенными имѣніями), по которому поселяне, живущіе на земдѣ лица невысшаго сословія, имѣютъ право требовать себѣ надѣла изъ земель, находящихся въ непосредственномъ распоряженіи владѣльца, если у нихъ, у поселянъ, окажется при составленіи уставной грамоты менѣе 5 десятинъ па варослаго мужчину. Въ правилахъ этомъ кажется страннымъ добавленіе, что требованіе поселянъ о прирѣзкѣ земли удовлетворяется, „гдѣ это по мѣстнымъ условіямъ окажется возможнымъ“. Эта оговорка и владѣльца, и поселянина отдаетъ вполнѣ во власть мирового посредника. Послѣдній можетъ ихъ обезземелить (т. е. или владѣльца на счетъ поселянина, или наоборотъ), можетъ лишить владѣльца участка, на обработку котораго онъ сдѣлалъ громадныя затраты, и всѣ свои дѣйствія можетъ оправдать неопределенною ссылкой на „мѣстная условія“. А губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, призванныя контролировать дѣйствія посредниковъ, сдва ли могутъ оспаривать право послѣднихъ пользоваться тѣми широкими полномочіями, которыя имъ предоставляетъ законъ.

¹⁾ Ibid., стр. 62. Въ запискѣ бывшей канцеляріи по крестьянскимъ дѣламъ (по этому предмету) заявлялось, что, соотвѣтственно господствующему характеру пользованія землею въ мусульманскихъ частяхъ края, должна быть принята система общинного пользованія, установленная великороссійскими мѣстными положеніемъ. Но бывшій комитетъ обѣ устроїствъ Закавказскаго края заслушавши эту записку, тѣмъ не менѣе, порѣшилъ примѣнить къ этимъ крестьянамъ „мѣстное положеніе для малороссійск. губерній“ (о подворномъ владѣніи), причемъ комитетъ не нашелъ нужнымъ не только произвести предварительно какія-нибудь мѣстные изслѣдованія, но и просто мотивировать свое рѣшеніе, шедшее въ разрѣзъ съ заслушанною запиской.

А кто такие эти мировые посредники, усмотрѣнію которыхъ „положенія“ предоставляетъ рѣшать судьбу почти каждого землевладѣльца и земледѣльца въ краѣ, а именно опредѣлять размѣръ свободныхъ земель владѣльца и поселянскаго надѣла, рѣшать ихъ поземельныя дѣла по обычаю: устанавливать правила пользованія пастбищами, лѣсами и водой, и пр., и пр.? Это люди большою частью не имѣющіе никакого понятія о мѣстныхъ обычаяхъ, интересахъ и языкахъ. Единственными знатоками своего дѣла являются тѣ изъ посредниковъ, которые перешли на свою должность изъ низшихъ полицейскихъ агентовъ, но этого послѣдняго обстоятельства достаточно, чтобы понять, какъ они употребляютъ свое знаніе мѣстной жизни и какими они могутъ быть *мировыми посредниками*. Большинство же — канцелярскіе чиновники или лица,ничѣмъ до того не занимавшіяся. А губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, поставленыя надъ мировыми посредниками, исключительно бюрократическія учрежденія, рѣдко въ натурѣ наблюдающія какой-нибудь видъ изъ многоразличныхъ починностей, отбываемыхъ поселянами землевладѣльцамъ. Они никогда не подымаютъ и не разрѣшаютъ ни одного важнаго вопроса по дѣламъ ихъ вѣдѣнія.

IV.

Въ то время, какъ во внутреннихъ губерніяхъ, вскорѣ послѣ крестьянской реформы, государственные крестьяне получили определенные надѣлы и по владѣніямъ записаны закрѣпили ихъ за собой, на правѣ собственности, съ уплатой правительству за нихъ лишь выкупныхъ платежей, въ Закавказье крестьяне эти остались въ старомъ положеніи. А именно: въ лучшихъ участкахъ, которые почти все были присвоены частными лицами, государственные крестьяне, подобно бывшимъ помѣщицкимъ, поставлены, какъ выше было упомянуто, въ обязательныя отношенія къ землевладѣльцу, весьма мало регулированныя закономъ, а въ худшихъ участкахъ, сохранившихся за казной, крестьяне являются случайными арендаторами, судьба которыхъ никакимъ положеніемъ не обеспечена отъ произвола какого-нибудь мелкаго чиновника.

Чтобы дать читателямъ нѣкоторое понятіе о поземельномъ положеніи государственныхъ крестьянъ въ казенныхъ участкахъ въ Закавказье, приводимъ цифровыя данныя, добытыя позднѣйшими изслѣдователями экономического быта этихъ крестьянъ. Пахотной и садовой земли въ среднемъ выводѣ на каждую душу мужского пола приходится въ Тифлисской губерніи 1,72 дес., въ Бакинской губ. (осѣдлые) — 1,47 дес., въ Елисаветпольской губ. (тоже) — 2,19 дес., въ Эриванской губ. (тоже) — 1,71, а въ Кутаис-октябрь.

ской губ.—0,77 ¹⁾). Такимъ образомъ, государственные крестьяне въ Кутаисской губерніи надѣлены землею въ несравненно меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ остальныхъ губерніяхъ Закавказья, чего отнюдь нельзя объяснять лучшимъ качествомъ земель Кутаисской губерніи сравнительно съ землями другихъ губерній, а скорѣе густотою населенія. Невыгодное вліяніе этого явленія на быть государственныхъ крестьянъ правительство всегда имѣть возможность смягчить до извѣстной степени посредствомъ равномѣрнаго распредѣленія между ними свободныхъ казенныx участковъ. Пусть слова „свободные участки“ не удивляютъ читателя: въ то время, какъ въ однѣхъ мѣстностяхъ незначительность надѣловъ вынуждаетъ государственныхъ крестьянъ брать въ аренду земли у частныхъ владѣльцевъ, въ другихъ—они имѣютъ количество земли, далеко превышающее ихъ потребность, такъ что отдаютъ ее въ аренду постороннимъ лицамъ ²⁾.

Еще большая неравномѣрность замѣчается въ нормахъ по земельной подати государственныхъ крестьянъ въ разныхъ мѣстностяхъ Закавказскаго края. „Прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что нигдѣ почти высота размѣра не находится въ соотвѣтствии съ количествомъ и качествомъ крестьянскихъ надѣловъ. Въ губерніяхъ Бакинской, Эриванской и Елисаветпольской, сравнительно хорошо обеспеченныхъ землею и допускающихъ культуру не только цѣнныхъ хлѣбныхъ растеній, но даже и промышленныхъ, размѣръ поземельной подати колеблется отъ 0,36 до 0,80 р., между тѣмъ какъ въ Кутаисской губерніи, где земля изъ хлѣбныхъ растеній даетъ почти одну только кукурузу и где малоzemелье настолько ощутительно, что населеніе эмигрируетъ изъ родины,—та же плата съ десятины доходитъ до 1 р. 42 коп. Мало того, это несоотвѣтствіе еще рѣзче оказывается при сравненіи поземельныхъ платъ, причитающихся на отдѣльные уѣзды. Такъ, напримѣръ, уѣзды Эриванской губерніи этой житницы Кавказа, какъ принято ее называть, платятъ отъ 0,36 до 1,02 руб., а Лечгумскій и Рачинскій уѣзды, Кутаисской губерніи, продовольствующіеся, въ большинствѣ случаевъ, привознымъ хлѣбомъ,—отъ 1,55 до 2,21 р. съ десятины ³⁾.“

Намъ могутъ замѣтить, что поземельная подать сама по себѣ ничтожна и ея неравномѣрность не можетъ сколько-нибудь серьезно вліять на благосостояніе крестьянъ. Но возьмемъ подымную подать (соотвѣтствующую подушной и подворной во внутреннихъ

¹⁾ См. *Сводъ матеріаловъ* и проч., т. II, стр. 366—368.

²⁾ Ibid., стр. 311—312 (перечислены мѣстности, въ которыхъ замѣчены такие случаи).

³⁾ Ibid., т. I, статья: *Податное обложение госуд. крестьянъ Закавказскаго края*, стр. 153.

губерніяхъ Россії), которая теперь доживаетъ свои послѣднія дни, и здѣсь мы увидимъ ту же неравномѣрность 'распределенія, какую видѣли въ отношеніи поземельной повинности. „При распределеніи подымной подати не было принято никакой опредѣленной системы: ни районъ, ни экономическое благосостояніе сель, ни количество надѣльной земли, ни, наконецъ, степень обложенія дыма другими повинностями, — однимъ словомъ, ничего, что бы могло убѣдить насть въ томъ, что при обложениі податями руководились какими-нибудь основаніями. Нельзя ничѣмъ объяснить того факта, что смежныя селенія обложены подымною податью въ размѣрахъ обратно пропорціональныхъ благосостоянію крестьянъ и количеству ихъ надѣльной земли“¹⁾.

Еще менѣе равномѣрности было замѣтно въ отбываемыхъ государственными, какъ и прочими, крестьянами общественныхъ повинностяхъ (послѣднихъ не нужно смѣшивать съ такъ называемымъ земскимъ сборомъ, взимаемымъ особо), которая составляютъ во многихъ мѣстностяхъ свыше 20 и даже 30 % всей суммы подымного обложения. Между разнообразными видами этихъ повинностей, по своей крайней неравномѣрности, является натуральная дорожная повинность. „Нѣть уголка, нѣть уѣзда, гдѣ бы она не вызывала ропота и смятенія среди крестьянскаго населения... Непріятѣль всего, что требованія непремѣнно предъявляются весною или осенью, т. е. во время полевыхъ работъ или неотложныхъ занятій въ виноградникахъ. А въ такихъ случаяхъ иногда одинъ день рѣшаетъ судьбу земледѣльца и вопросъ обѣзначеніи его семьи... Это отражается и на прочихъ сельскихъ хозяевахъ, нуждающихся въ рабочихъ рукахъ... Главная тяжесть дорожной повинности падаетъ на жителей тѣхъ уѣздовъ, по которымъ пролегаютъ дороги, имѣющія особенное — стратегическое или коммерческое—значеніе (*Сводъ материаловъ* и пр., т. I, ст.: *Податное обложение*, стр. 217 и 218). Это послѣднее узаконеніе даетъ ясное понятіе о громадной разницѣ между уѣздаами въ отношеніи отбыванія повинностей, имѣющихъ общее для государства и края значеніе.

Много также ропота вызываетъ повинность содержанія разъ-

¹⁾ Ibid., стр. 156. Даѣте приводятся изслѣдователемъ многочисленные факты, ярко иллюстрирующіе вышеприведенное его заключеніе. Правда, въ той же статьѣ приведены и соображенія, вѣсколько оправдывающія руководителей податного дѣла на Кавказѣ и указывающія на всѣ трудности введенія правильной податной системы въ краѣ съ крайне разнообразными природными условіями и еще болѣе разнообразными видами податей, унаследованными отъ прежнихъ правительствъ—турецкаго, персидскаго, грузинскаго и друг. Но обстоятельство это нисколько не умаляетъ вреда, наносимаго населенію неправильными налогами.

ъздныхъ командъ, назначаемыхъ для водворенія безопасности отъ разбойничихъ шаекъ,—повинность, которая продолжаетъ существовать и по минованіи надобности въ такихъ командахъ (см. то же изслѣдованіе, стр. 217). Укажемъ еще на одну повинность, не входящую въ нашу общую податную систему,—прямой остатокъ прежняго сатрапскаго управлениія.—вынужденное угощеніе сельчанами незваныхъ гостей. „Эти гости—все мелкие служащіе: чины земской стражи, разъездныхъ командъ, лѣсные объездчики и пр., чуть не ежедневно проѣзжающіе черезъ тѣ или другія селенія по дѣламъ службы... Курьезнѣе всего то, что эти господа не только угощаются сами, но приглашаютъ и другихъ, преимущественно своихъ родственниковъ, „покутить на счетъ крестьянъ“ ¹⁾. До того стѣснены иногда сельскія общества такими даровыми угощеніями, что послѣднія даже отдаются въ подрядъ. Вотъ, напримѣръ, какой договоръ заключили жители сел. Ангегакотъ, Зангезурскаго уѣзда, Елисаветпольской губ., съ однимъ изъ своихъ односельцевъ: „15 февраля 1885 г., мы, такие-то, по общему согласію постановили отдать въ подрядъ за 194 р. всѣ случайные расходы въ селеніи, а именно: на приемы правительственныхъ чиновниковъ, есауловъ (верховыхъ, разсыльныхъ), казаковъ, управляющаго уѣздомъ, губернатора, генераловъ, случайно проходящихъ солдатъ; на приемы духовныхъ лицъ, чиновниковъ, прибывшихъ изъ другихъ губерній, на приемы инженеровъ (землемѣровъ)“ и пр. все въ этомъ родѣ ²⁾.

Изъ приведенныхъ раньше фактовъ читатель легко можетъ вывести заключеніе, что повинности, лежащія на закавказскихъ крестьянахъ, нисколько не сообразованы съ земельною обезпеченностю послѣднихъ. Если исправленіе этого зла въ частныхъ имѣніяхъ и представляеть много затрудненій, то едва-ли можно сказать то же относительно казенныхъ земель, населенныхъ государственными крестьянами. Тѣмъ легче достигнуть этого министерству государственныхъ имуществъ, что агенты его весьма подробно изслѣдовали податное обложение находящихся на его попеченіи крестьянъ. Явленіе это тѣмъ болѣе достойно вниманія, что прежніе офиціальные изслѣдователи, не выходя изъ кабинета и не имѣя никакого понятія о тѣхъ повинностяхъ крестьянъ, которыхъ не значатся въ общей системѣ податей, основаніемъ къ опредѣленію податныхъ платежей брали исключительно денежныя повинности—оклады подымной подати, акцизного и земскаго сбора и выводили отсюда заключеніе, что закавказские крестьяне несравненно менѣе обременены налогами, чѣмъ крестьяне вну-

¹⁾ Ibid., стр. 224.

²⁾ См. *Материалы по изученію гос. крест.* и пр., т. IV, ч. 1, стр. 111.

треннихъ губерній. Вышеупомянутые же агенты министерства государственныхъ имуществъ не ограничились, подобно своимъ предшественникамъ, одною только кабинетною работой, а изслѣдовали дѣло на мѣстѣ, изучая самолично живую дѣйствительность. Они пришли къ совершенно противоположному выводу. Они убѣдились, что правительство, будучи поглощено военными дѣйствіями, имѣло менѣе возможности пещись о гражданскомъ благоустройствѣ края, чѣмъ въ другихъ частяхъ государства, а населеніе мѣстное здѣсь, между тѣмъ, болѣе обременено произвольно налагаемыми на него повинностями, чѣмъ въ прочихъ болѣе благоустроенныхъ мѣстностяхъ имперіи.

Выше уже было упомянуто, что казенными землями въ Закавказье до послѣдняго времени завѣдывали полицейскіе органы, стѣдствіемъ чего была потеря казною лучшихъ ея участковъ. Только съ 1883 г. было приступлено къ дѣятельной разработкѣ проектовъ улучшенія поземельного положенія государственныхъ крестьянъ и охраны казенныхъ имуществъ отъ захватовъ частныхъ лицъ. Результаты такой дѣятельности уже налицо: выше было сказано, что министерство государственныхъ имуществъ ускорило межеваніе ассигнованіемъ на это дѣло суммъ изъ своихъ собственныхъ источниковъ. Кроме того, по инициативѣ того же министерства, изданы новые правила по пользованію казенными пастбищами, значительно подвинутъ впередъ къ разрѣшенію очень старый и настолько же важный вопросъ о регулированіи мѣстныхъ обычаевъ по пользованію оросительными каналами и вообще водой и, наконецъ, произведено обширное и всестороннее изученіе экономического быта государственныхъ крестьянъ и нынѣшняго положенія казенныхъ пастбищъ, черезъ особыхъ агентовъ, многотомными изслѣдованіями которыхъ мы часто пользовались въ настоящей статьѣ.

Всѣ эти вопросы, разрабатываемые и отчасти уже разработанные министерствомъ государственныхъ имуществъ, имѣютъ животрепещущее значеніе не для однихъ государственныхъ крестьянъ, но и для всего населенія края, и поэтому мы здѣсь кратко познакомимъ читателей съ каждымъ изъ этихъ вопросовъ. О межевомъ дѣлѣ мы уже говорили выше. Вопросъ о водѣ является особенно существеннымъ для Закавказья, потому что громадныя пространства удобной для хлѣбопашства земли не обрабатываются вовсе, за отсутствиемъ орошенія, столь необходимаго въ жаркомъ климатѣ, въ безлѣсной равнинѣ. Между тѣмъ, какъ свидѣтельствуетъ уполномоченный министра государственныхъ имуществъ на Кавказѣ¹⁾, не подлежитъ сомнѣнію, что иррига-

¹⁾ См. *Сводъ материалаовъ* и пр., т. I, стр. VI.

ционное хозяйство края послѣдовательно падаетъ. „Правительственныя мѣропріятія,клонившіяся къ возобновленію заброшенныхъ каналовъ и къ сооруженію новыхъ, не достигли никакихъ результатовъ. Вполнѣ неблагопріятный исходъ всѣхъ благихъ попытокъ мѣстной власти въ этомъ направлениі объясняется тѣмъ что власть эта не озабочилась созданиемъ специальныхъ органовъ, необходимыхъ для успѣха дѣла. Каналы строились, въ большинствѣ случаевъ, не техниками, а людьми, не имѣвшими никакого понятія о томъ дѣлѣ, къ выполненію котораго призывались. Дѣйствовавшія ирригационныя сооруженія приходили въ разстройство, вновь соиздаемыя—не давали воды... По мѣрѣ разстройства ирригационныхъ сооруженій, дѣйствовавшихъ когда-то безупречно, утрачивали силу обычай и водворялось безправіе. Время поливокъ есть время произвола, насилий, злоупотребленій и преступленій. При такихъ условіяхъ мѣстная власть не могла не сознавать необходимости закона о правѣ на воду и о порядкахъ орошенія“.

Для этой послѣдней цѣли неоднократно учреждались комиссіи и, наконецъ, въ 1884 году былъ представленъ въ Петербургъ проектъ по этому дѣлу, а въ 1891 г. былъ уже изданъ законъ о правѣ на воду и обѣ учрежденіи особаго водного управлѣнія на Кавказѣ, съ цѣлью штатомъ специалистовъ, инженеровъ-гидравликъ. Но, къ сожалѣнію, учрежденіе это принесло краю пока очень мало пользы.

Тотъ фактъ, что въ дѣлѣ распределенія общественной воды самоуправленіе замѣнилось самоуправствомъ, объясняется, конечно, не неспособностью мѣстнаго населенія вѣдать предоставленными имъ дѣлами, а тѣмъ, что, какъ вѣрно замѣтилъ г. уполномоченный министра государственныхъ имуществъ на Кавказѣ (см. выше), разстройство ирригационныхъ сооруженій и недостатокъ воды лишили обычай его прежней силы и замѣнили его безправіемъ. Всѣ эти обстоятельства говорять въ пользу того взгляда, что не столько необходимо для края разрешеніе головоломныхъ юридическихъ вопросовъ о водовладѣніи и орошеніи и о системѣ ирригационной администрації, сколько быстрое и умѣлое возобновленіе тѣхъ оросительныхъ каналовъ, существованіе которыхъ прежде давало возможность Закавказью имѣть населеніе, въ нѣсколько разъ болѣе многочисленное, чѣмъ нынѣшнее¹⁾.

Правительственные инженеръ-гидравлики успѣли составить много проектовъ, но, къ сожалѣнію, ни у частныхъ лицъ, ни управи-

¹⁾ См. *Кавказъ*, справочная книга, составл. старожиломъ, стр. 12.—*Земля и люди*, Е. Реклю, т. VI, русск. изд.

тельства не оказывается средствъ на выполнение этихъ проектовъ. Нужно-ли говорить, что каждая копейка, затраченная на орошение, вернулась бы съ избыткомъ: уменьшились бы засухи въ краѣ, расширилась бы площадь удобныхъ земель, увеличилось бы население, увеличилось бы и народное богатство ¹⁾.

Болѣе счастливый исходъ имѣлъ другой изъ вышеупомянутыхъ вопросовъ, разработанныхъ въ послѣдніе годы министерствомъ государственныхъ имуществъ, а именно пастбищный. Вопросъ этотъ имѣетъ особенно важное значеніе въ Закавказье, потому что обширныя безводныя степи, въ нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ, неудобныя для культуры хлѣбныхъ и другихъ болѣе цѣнныхъ растеній, за недостаткомъ орошения, равно какъ и многочисленныя горныя мѣста, недоступныя ни постоянной жизни человѣка, ни культурѣ хлѣба, имѣютъ въ настоящее время исключительно пастбищный характеръ. Участки эти принадлежатъ большою частью казнѣ и они ею были оставлены въ пользованіи мѣстнаго кочевого и полукочевого населенія, сперва за плату натурой (скотомъ и продуктами молочного хозяйства), а затѣмъ за денежную плату по числу выпасаемаго скота. Въ семидесятыхъ годахъ изъ нѣкоторыхъ пастбищъ были образованы оброчная статья, которая на общемъ основаніи сдавались въ содержаніе съ торговъ, но эта система привела къ лишению многихъ поселянъ, жившихъ исключительно скотоводствомъ, всякихъ средствъ къ существованію и къ появлению посредника-скупщика между сельскими обществами и казной. Поэтому въ 1885 году былъ изданъ законъ, которымъ министерство государственныхъ имуществъ имѣло въ виду лишить пастбища характера оброчныхъ статей и уничтожить плату по числу выпасаемаго скота, отчего получилась двойная польза: 1) пастбищами пользуются дѣйствительно нуждающіеся въ нихъ поселяне и 2) сборъ съ пастбищъ въ пользу казны увеличился болѣе чѣмъ въ $1\frac{1}{2}$ раза. Но окончательное распределеніе между поселянами пастбищныхъ участковъ, въ видѣ постоянныхъ надѣловъ, еще не послѣдовало, а предварительно предпринято министерствомъ изученіе нынѣшняго дѣйствительного положенія пастбищъ и пользующихся ими обществъ и частныхъ лицъ, и это изученіе далеко еще не закончено. Нельзя при этомъ не пожелать, чтобы будущее „положеніе“ о поземельномъ устройствѣ обществъ, пользующихся казенными пастбищами, не страдало такими большими проблѣмами и недомолвками, которая замѣчаются въ положеніяхъ о бывшихъ

¹⁾ См. по этому поводу интересную статью г. С. З. „О сельско-хозяйственныхъ Кавказа“ („Нов. Об.“, 24 сентября 1899 г., № 5394).

помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянахъ, живущихъ на частныхъ земляхъ¹⁾.

Самая же главная забота министерства государственныхъ имуществъ въ Закавказье, по справедливости, сосредоточивается на поземельномъ устройствѣ самой производительной части государственныхъ крестьянъ, а именно хлѣбопашцевъ, осѣдлыхъ и имѣющихъ въ пользованіи постоянные участки. Мы указали на неравномѣрность распределенія между этими крестьянами казенныхъ земель и разныхъ повинностей, лежащихъ на нихъ,—неравномѣрность, исправленіе которой будетъ одною изъ важнейшихъ будущихъ заслугъ министерства. Но на правительству лежитъ еще не менѣе важная обязанность—урегулировать отношенія крестьянъ къ своимъ будущимъ надѣламъ. Правительству предстояло выбрать одинъ изъ двухъ путей: или, подобно общему положенію, сразу определить поземельные права крестьянъ въ точности, признавъ ихъ собственниками земли и давъ имъ возможность выкупить ее въ болѣе или менѣе короткій срокъ, или же уравнять ихъ положеніе съ положеніемъ безправнаго владѣльца земли, предоставленного попеченіямъ казны. Насколько намъ известно, министерство предполагало выбрать этотъ послѣдній путь, а именно предоставить крестьянамъ надѣлы безъ права собственности на нихъ и неотъемлемаго, вѣчнаго пользованія ими. Въ вышеупомянутыхъ изданіяхъ министерства (*Материалы и Сводъ материаловъ*) неоднократно выражается сожалѣніе о ломкѣ кн. Воронцовы, бывшимъ намѣстникомъ кавказскимъ, прежняго, турецкаго и персидскаго порядка землевладѣнія, основанного на принципѣ принадлежности сельскихъ имѣній исключительно казнѣ, безъ сколько-нибудь прочныхъ на нихъ правъ со стороны частныхъ лицъ.

Нежеланіе министерства закрѣплять за крестьянами находящіяся въ ихъ пользованіи обширныя *паства* представляется совершенно законнымъ, если принять во вниманіе, что въ будущемъ,

---

¹⁾ Значительно хуже нынѣшнее положеніе кочевыхъ обществъ, занимающихся скотоводствомъ на земляхъ *частныхъ лицъ*. Пользованіе частными пастбищами не регулировано никакимъ положеніемъ и судьба крестьянъ вполнѣ зависитъ отъ владѣльцевъ земли. Въ послѣднее время споры кочевыхъ обществъ съ владѣльцами пастбищъ стали принимать къ своему разбирательству мировые посредники, обязывая послѣднихъ сохранять за обществами ихъ прежніе участки, безъ увеличенія за то платы владѣльцамъ, но такія распоряженія учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ не основаны на законѣ и могутъ быть всегда игнорированы общими судами, которые на общества не могутъ смотрѣть иначе, какъ на простыхъ арендаторовъ, къ тому же, не обезпечившихъ себя отъ произвола землевладѣльца никакимъ формально совершеннымъ контрактомъ.

при усиленіи оросительныхъ средствъ, пространства эти превратятся въ весьма цѣнныя участки, способные прокормить несравненно большее число поселянъ, чѣмъ въ настоящее время. Закрѣплять на-вѣки эти участки за пользующимися ими нынѣ кочевыми обществами значило бы создавать для нихъ привилегированное положеніе. Но не закрѣплять за крестьянами нынѣшихъ хлѣбопахотныхъ участковъ, находящихся съ незапамятныхъ временъ въ ихъ пользованіи, и не дѣлать этого на томъ только основаніи, что эти уже орошаляемые или не нуждающіеся въ орошеніе участки могутъ быть съ большою пользой эксплуатируемы казной когда-нибудь въ будущемъ, не значитъ-ли это предпочитать журавля въ небѣ синицѣ въ рукахъ?

Съ точки зрењія теоріи, сохраненіе за государствомъ права собственности и периодическихъ передѣловъ, въ отношеніи населенныхъ казенныхъ земель, вполнѣ можетъ быть достойно сочувствія. Государство, заботящееся объ общемъ благѣ, справедливѣ распределить земли между нуждающимися въ нихъ, чѣмъ это возможно при полной экономической свободѣ, которая въ данномъ случаѣ вскорѣ можетъ привести къ обезземеленію: крестьяне ставъ собственниками земли, подъ гнетомъ нужды продадутъ ее и превратятся въ пролетаріевъ, а нынѣшняя казенная земли попадутъ въ руки скупщика-міроѣда. Но государственнымъ людямъ едва-ли дозволительно принимать въ соображеніе одну только теоретическую точку зрењія; правительственные мѣропріятія должны быть основаны и на практическихъ требованіяхъ данного времени и мѣстности. Въ виду этого, нельзя не задаться вопросомъ: въ какомъ же, въ дѣйствительности, положеніи оказались бы государственные крестьяне Закавказья, если бы только измѣнился составъ ихъ нынѣшняго надѣла и нынѣшнихъ повинностей, но не было бы обеспечено за ними закономъ постоянное владѣніе и пользованіе надѣлами?

Насколько намъ извѣстны условія мѣстной жизни, недостатки низшихъ органовъ правительства и общія тенденціи мѣстной бюрократіи, мы полагаемъ, что предположеніе министерства государственныхъ имуществъ относительно поземельного устройства крестьянъ, имѣюще, какъ выше было сказано, вѣрную теоретическую подкладку, имѣло бы рѣшительно гибельные для крестьянъ практическія послѣдствія. Та неопределенность или тотъ „хаосъ“ (какъ выражается министерство), который царитъ теперь въ „земельномъ довольствіи“ государственныхъ крестьянъ, никакъ отъ той мѣры не уменьшился бы. Нынѣшніе представители министерства всесторонне изслѣдовали положеніе крестьянъ и имѣли въ виду принять мѣры къ равнoprѣному распределенію между ними земель и повинностей за

нихъ; но такъ же ли относится въ будущемъ разные мѣстные органы власти? не будетъ-ли многое зависѣть отъ произвола тѣхъ чиновъ, которыхъ безпощадно обличаютъ сами нынѣшніе представители министерства? не парализуется-ли при этомъ наклонность мѣстного населенія къ затратамъ на обрабатываемый участокъ, такъ какъ послѣдній будетъ являться для него лишь временнымъ надѣломъ? не поощряются-ли, напротивъ, хищническіе инстинкты земледѣльца? Вотъ рядъ вопросовъ, который невольно напрашивается въ виду проектированной министерствомъ мѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не отмѣтить того бережливаго обращенія съ землею и той привязанности къ ней въ закавказскомъ крестьянинѣ, которая едва-ли позволяетъ ему легко разстаться со своею собственностью, если казна признаетъ за нимъ, на общемъ основаніи, право выкупа надѣльныхъ угодій.

* Въ виду, вѣроятно, всѣхъ этихъ соображеній, проектъ министерства былъ принять государственнымъ совѣтомъ съ существенными измѣненіями. Признано было неудобнымъ колебать сложившійся много лѣтъ порядокъ землепользованія, и новый законъ (1-го мая) въ первомъ своемъ пунктѣ предписывается: „Земельные надѣлы отводятся сельскимъ обществамъ, селеніямъ и поселкамъ, съ сохраненіемъ существующаго порядка пользованія оными“. При этомъ крестьянамъ отводятся всѣ земли, находящіеся издавна въ ихъ бесспорномъ дѣйствительномъ пользованіи (стр. 6).

Новый законъ, впрочемъ, даетъ лишь *общія начала*, на которыхъ надлежитъ устроить земельный бытъ государственныхъ поселеній Закавказья.

По этому закону, министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ предстоитъ внести на утвержденіе въ законодательномъ порядке 1) проектъ правилъ о порядке опредѣленія земельныхъ надѣловъ и производства поземельно-строительныхъ работъ, въ 5-ти губерніяхъ Закавказья, за исключеніемъ округовъ батумскаго и артвинскаго, а также объ отводѣ лѣсныхъ надѣловъ, взамѣнъ отпусковъ лѣсныхъ матеріаловъ, объ опредѣленіи лѣсного налога и о пользованіи лѣсными надѣлами въ тѣхъ же мѣстностяхъ и 2) расписаніе личнаго состава чиновъ, для указанныхъ поземельно-строительныхъ работъ, а также расходовъ на эти работы.

Нужно надѣяться, что все это приведется въ исполненіе въ недалекомъ будущемъ. Нынѣшніе неопределѣленное положеніе лишь до какой степени ослабляется новымъ закономъ; устраниится же оно только послѣ выработки ожидаемыхъ подробныхъ правилъ.

Во всякомъ случаѣ, желательно, чтобы министерство государственныхъ имуществъ на Кавказѣ не измѣнило практиковавшейся ранѣе системы разработки поднятыхъ имъ вопросовъ, а

именно, чтобы своему будущему, болѣе подробному проекту о по-зем. устройствѣ госуд. крестьянъ дало такую же широкую гласность, какую дало ужесвоимъ изданиемъ *Материаловъ* и *Свода материаловъ*. Только по всестороннемъ обсужденіи взглядовъ, какіе могутъ быть высказаны при этомъ печатью и свѣдущими людьми, возможно будетъ справедливое разрѣшеніе поставленной министерствомъ очень важной задачи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень трудной.

Настоящая статья имѣла цѣлью дать читателямъ лишь общее понятіе о свойствахъ и размѣрахъ поземельной путаницы въ краѣ, присоединенномъ къ Россіи уже около столѣтія назадъ. Поэтому мы здѣсь коснулись лишь нѣсколькихъ главнѣйшихъ изъ нерѣшенныхъ поземельныхъ вопросовъ, не упоминая вовсе о другихъ, также довольно важныхъ и, быть можетъ, еще болѣе запутанныхъ поземельныхъ дѣлахъ. Мы умолчали напримѣръ, о правахъ земельной собственности въ Карской и бывшей Батумской областяхъ, о сервитутныхъ и иныхъ правахъ на лѣсья среди мѣстного, по всему краю, населенія (преимущественно крестьянскаго), и пр., и пр.

Всѣ затронутые здѣсь предметы имѣютъ несомнѣнно государственное значеніе и требуютъ самаго внимательнаго со стороны правительства отношенія. Иѣслѣдователи быта государственныхъ крестьянъ Закавказья оправдываютъ отсутствіе надлежащихъ правительственныйыхъ попеченій о гражданскомъ развитіи края постояннымъ отвлечениемъ начальства военными дѣйствіями. Но, вѣдь, известно, что военная дѣйствія закончились въ Закавказье болѣе полстолѣтія назадъ, а въ горахъ — въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Между тѣмъ, и послѣ завершенія кавказской войны, край находится скорѣе въ военномъ, чѣмъ въ гражданскомъ управлениі. Не говоря уже о многихъ областяхъ, находящихся въ вѣдѣніи военного министерства, необходимо вспомнить, что и тѣ губерніи, которыя подчинены министерству внутреннихъ дѣлъ и управляются, повидимому, на основаніи общепрѣсскихъ законовъ, въ дѣйствительности вполнѣ предоставлены усмотрѣнію лицъ военного вѣдомства, и если еще существуетъ какой-нибудь гражданскій элементъ въ администраціи края, то онъ играетъ самую ничтожную, совершенно подчиненную роль.

Князь Г. Тумановъ.

Масарикъ противъ Маркса¹⁾.

Въ основныхъ своихъ чертахъ марксизмъ сложился въ эпоху конца сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія. Тогдашній капитализмъ и тогдашнее соціальное движеніе носили характеръ существенно отличный отъ современнаго капитализма и современнаго соціального движения.

Существовалъ, съ одной стороны, цѣлый рядъ явлений, которые казались нераздѣльно связанными съ капиталистическимъ хозяйствомъ и не существовало, съ другой стороны, цѣлаго ряда явлений, которые развились или получили значеніе значительно позже. Не удивительно, что Марксъ, несмотря на всю его гениальную проницательность, не могъ, однако, предвидѣть гибели однихъ явлений и расцвѣта другихъ. Современное развитіе капитализма и соціального передвиженія *съ общемъ* подтверждаетъ указанную Марксомъ *тенденцію* развитія, но, конечно, оно опровергло многое изъ частичныхъ предсказаній Маркса, придало иѣко-торымъ явленіямъ иную чѣмъ Марксъ предсказывалъ *форму* и капиталистическое хозяйство въ общемъ казалось болѣе эластичнымъ, болѣе устойчивымъ чѣмъ это думалъ Марксъ и Энгельсъ (Энгельсъ, какъ извѣстно, предсказалъ на 1896 г. крахъ капиталистического общества и твердо былъ увѣренъ, что до двадцатаго вѣка оно не доживетъ). Въ виду этого, передъ мыслящими послѣдователями Маркса и Энгельса встала настоятельная задача критического пересмотра основоположений марксизма и внимательного учета тѣхъ явлений, которые появились или съ ясностью обнаружились лишь за послѣдніе полувѣка. На этой почвѣ и выросла критика марксизма, сдѣланная извѣстнымъ марксистомъ Эдуардомъ Бернштейномъ. Бернштейнъ подвергаетъ марксизмъ строгой и далеко не всегда справедливой критикѣ и называетъ Маркса «плѣнникомъ доктрины». Появление статей и книги Бернштейна еще болѣе усилило критическую струю въ современному марксизму и возгорѣвшаяся цолемика много сподобствовала уясненію коренныхъ вопросовъ марксизма. Какъ и слѣдовало ожидать буржуазная пресса съ ликованиемъ встрѣтила эту «грызню» («Mai-sierung») между марксистами и процессъ «лиянія» среди практическихъ марксистовъ. Но этимъ она лишь засвидѣтельствовала всю плоскость своего

¹⁾ Die philosophischen und sociologischen Grundlagen des Marxismus. von Prof. Th. Masaryk. Wien 1899. XV+600 SS. Preis 12 M. (Проф. Масарикъ, Философскія и соціологическія основы марксизма. Вѣна 1899).

пониманія. Критический марксизмъ, конечно, сильнѣе и страшнѣе для всѣхъ мракобѣсовъ, чѣмъ догматический марксизмъ. Разногласія между марксистами, критическое отношеніе къ произведеніямъ Маркса, внимательное и безпристрастное изслѣдованіе современной жизни—все это служить лишь симптомами и залогомъ жизненности марксизма и его способности къ дальнѣйшему развитію. И, конечно, претворять ученіе Маркса значить въ гораздо большей степени быть истиннымъ послѣдователемъ Маркса, чѣмъ просто повторять Маркса.

Теченіе, породившее Бернштейна (о немъ мы еще надѣемся поговорить съ читателями «Научнаго Обозрѣнія») и теченіе, порожденное Бернштейномъ, вызвали сильный ростъ литературы о марксизме. Среди ряда появившихся книгъ выдѣляется сочиненіе пражскаго проф. Масарика, который уже года полтора тому назадъ выпустилъ брошюру о «философскомъ и научномъ кризисѣ марксизма» (о ней мы уже говорили на страницахъ «Научнаго Обозрѣнія» въ февралѣ текущаго года).

Масарикъ справедливо замѣчаетъ, что марксизмъ есть цѣлое міросозерцаніе, а не только экономическая теорія. Сообразно съ этимъ онъ и рассматриваетъ марксизмъ съ самыхъ различныхъ сторонъ: философской, соціологической, экономической, этической, эстетической и т. д. Книга распадается на шесть частей: 1) Введение, 2) историческій материализмъ 3) сущность и развитіе экономической организаціи общества 4) идеологіческія системы (государство и право, національность и интернациональность, религіозный вопросъ, этическій вопросъ, соціализмъ и искусство, абсолютный объективизмъ), 5) марксистская критика существующаго строя 6) заключеніе. Обширныя цитаты и обильныя ссылки обнаруживаются у автора замѣчательное знаніе литературы обсужденыхъ вопросовъ, но глубокого пониманія этой литературы у него, къ сожалѣнію, незамѣтно. Масарикъ прежде всего излагаетъ и критикуетъ философскую сторону ученія Маркса и Энгельса, т. е. метафизической материализмъ, на точкѣ зрѣнія котораго въ большей или меньшей степени стояли оба мыслители. Въ этой части мы вполнѣ сочувствуемъ проф. Масарiku, такъ какъ метафизической материализмъ, будучи *генетически* связанный съ марксизмомъ, *логически* не находится съ нимъ ни въ какой связи. И чѣмъ скорѣе будетъ разорвана эта связь марксизма съ устарѣлой и опровергнутой философской теоріей тѣмъ лучше. Масарикъ справедливо подчеркиваетъ, что и Маркъ и Энгельсъ уже придерживались не чистаго материализма, а материализма съ явной позитивистской окраской. Говоря о вліяніяхъ, подъ воздействиемъ которыхъ связывалось міросозерцаніе Маркса, Масарикъ слишкомъ ужъ большое значеніе приписываетъ гегельянству и слишкомъ незначительное Лоренцу Штейну, французскимъ соціалистамъ и въ особенности событиямъ тогдашней жизни.

Но если можно только привѣтствовать попытку Масарика доказать неосновательность общефилософскаго материализма, то зато уже совсѣмъ иначе приходится отнестись къ его стремленію ниспрoverгнуть соціальный материализмъ, который—чего Масарикъ никакъ не можетъ понять—кромѣ имени не имѣть ничего общаго ни съ философскимъ, ни тѣмъ наче съ житейскимъ материализмомъ. А Масарикъ смѣшиваетъ его и съ тѣмъ и съ другимъ. Материалистическую философию и соціальный материализмъ нельзя

смѣшиватъ уже по одному тому, что первая есть метафизическая теорія, а вторая чисто опытная теорія, выведенная изъ фактовъ исторіи и жи-вой современности. Что же касается до смѣшиванія соціального материа-лизма съ житейскимъ эгоизмомъ, то это смѣщеніе уже достаточно было осмѣяно очень остроумно и основательно Бельтовымъ въ его известной книгѣ «Къ вопросу о развитіи монистического взгляда на исторію». Масарикъ напр. находитъ, что материалистическое пониманіе исторіи сводится къ пошлому по своей тривіальности положенію: *primum vivere, deince philosophari* (спачала надо жить, а потомъ философствовать), что марксисты «не признаютъ» значенія никакихъ идеальныхъ мотивовъ, что они игнорируютъ психологію, значеніе индивидуальности, расы и т. п. жалкія слова.

Какъ будто бы объяснить *генезисъ* какого-либо явленія значитъ отрицать его значеніе! Какъ будто бы отъ того, что мы скажемъ, что красивое опереніе попугая или чудное пѣніе соловья выработались подъ неинопредственнымъ воздействиемъ полового подбора слѣдуетъ, что мы умаляемъ красоту оперенія или привлекательность пѣнія птицы, какъ будто этимъ мы отрицаємъ возможность того, что и въ средѣ птицъ *спосѣдствіе* эти явленія могли удовлетворять потребностямъ ничего общаго не имѣющимъ съ половыми чувствами. Да и кромѣ того «материальность» экономической «основы» понятіе относительное; не надо только смѣшивать материальные интересы съ материальными потребностями. Масарикъ не обнаруживаетъ особаго глубокомыслія, когда смѣшиваетъ соціальный материализмъ съ утилитаризмомъ. Вспомнимъ какъ презрительно говоритъ о Бентамѣ Марксъ въ первомъ томѣ «Капитала». Говоря о *бесознательности* соціального процесса, Марксъ уже этимъ самимъ устраняетъ всякий утили-таризмъ.

Масарикъ, какъ это обыкновенно водится, упрекаетъ далѣе марксизмъ въ квѣтизмѣ и фатализмѣ. Мы бы спросили почтенного профессора, кто больший фаталистъ—знахарь-ли, не признающій никакихъ законовъ и считающій, что онъ «все можетъ» или врачъ изучающій законы развитія организма и дѣйствующій на основаніи точной закономѣрности? Кто больший фаталистъ—цивилизованный человѣкъ-ли убѣжденный, что громъ гремитъ и убивается по непреложнымъ законамъ и устраивающій громоотводъ или хотя бы китаецъ, который увѣренъ, что онъ можетъ прогнать громъ и молнию и сообразно съ этимъ поднимающій смышиной шумъ при всякой бурѣ?¹⁾.

Масарикъ открывается у марксистовъ «своеборазную двойственность»— они съ одной стороны смѣются надъ попытками реформировать общество распространениемъ этическихъ идей, а съ другой стороны развѣ вся ихъ теорія не есть этическое обвиненіе всего общества? По мнѣнію Масарика послѣдовательный марксизмъ долженъ былъ-бы отказаться отъ всякаго нравственного негодованія на кривды современной жизни. Всякій чуткій человѣкъ страдаетъ отъ всѣхъ ужасовъ нашего труднаго времени и въ этомъ отношеніи марксистъ ничѣмъ не отличается отъ честнаго моралиста. Все

¹⁾ Во избѣженіе недоразумѣній считаемъ нужнымъ оговориться, что здѣсь рассматриваемъ сложный вопросъ о свободѣ и необходимости лишь съ чисто субъективно-психологической точки зрѣнія, не углубляясь въ гносеологию и объективную психологію.

различие обнаруживается при постановкѣ вопроса: *какъ помочь горю?* На этотъ вопросъ и даетъ отвѣтъ материалистическое пониманіе исторіи. Отвѣтъ этотъ не имѣть ничего общаго ни съ фатализмомъ ни съ отсутствіемъ нравственной чуткости.

Отвергаетъ Масарикъ и экономическую теорію Маркса, находя ее слишкомъ «материалистической», для него его теорія цѣнности «очевидно фальшива». Попытку Шмидта и Зомбарты придать марксовской теоріи цѣнности значеніе регулятивнаго принципа *à la Кантъ* и сводящуюся къ положенію, что *le roi règne, mais il ne gouverne pas*, напѣ критикъ тоже признаетъ совершенно не удавшейся. Самъ-же онъ, по обыкновенію, не выставляетъ цѣльной теоріи и приходитъ къ заключенію, что на величину цѣнности все вліяетъ — и трудъ, и психологическая соображенія, и затраты капитала и пр. и пр.

Масарикъ впадаетъ при критикѣ экономической теоріи Маркса въ крупную методологическую ошибку. При построеніи всякой теоріи приходится отвлекаться отъ всѣхъ осложняющихъ нетурбационныхъ вліяній. И законы физики дѣйствительны лишь при идеальныхъ условіяхъ; тѣла никогда не падаютъ по точнымъ законамъ паденія, но это ничуть не опровергаетъ точность этихъ законовъ, ибо выведены они лишь при предложеніи идеального пространства. Всякий законъ есть абстракція и всякая абстракція упрощаетъ пеструю и сложную дѣйствительность, которая во всей своей конкретности никогда не можетъ войти въ науку¹⁾). И затѣмъ появленіе или открытие явлений, модифицирующихъ законъ ничуть еще не опровергаетъ самоло закона. Рено доказалъ, что законъ Мариотта не примѣнимъ ко всѣмъ температурамъ и давленіямъ, но въ предѣлахъ тѣхъ температуръ и давленій въ которыхъ наблюдали его Мариотта законъ этотъ не утративъ своего точнаго приложения. Требовать чтобы законъ цѣнности Маркса въ точности соотвѣтствовалъ всѣмъ явленіямъ обиѣна во всей ихъ конкретности и индивидуальности это значитъ не понимать, что такое законъ и стоять на точкѣ зренія того доброго и наивнаго нѣмца, который такъ смѣшно негодовалъ на статистиковъ: статистики утверждаютъ, — недоумѣвалъ нѣмецъ — что въ Германіи на *каждаго* взрослого человѣка приходится двѣ кружки потребленія пива въ день, а я вѣдь въ ротъ пива не беру, а между тѣмъ вѣдь я и взрослый человѣкъ и нѣмецъ. Какъ-же можно такъ бессовѣстно лгать!

Сдѣлавъ изслѣдованіе марксизма, внимательно выслушавъ его, но плохо понявъ, нашъ почтенный критикъ приступаетъ въ заключительной главѣ къ діагнозу и терапіи. Діагнозъ гласить, что марксизмъ переживаетъ тяжелый кризисъ. Но затѣмъ профессоръ находитъ, что положеніе больного не безнадежно. Для выздоровленія прежде всего необходимо излѣчиться отъ застарѣлого материализма иувѣровать въ значеніе правды, любви и красоты и прочихъ дорогихъ вещей, о которыхъ такъ трогательно умѣеть рассказывать профессоръ этимъ жестокимъ марксистамъ. Докторъ Вейзенгрюнъ еще недавно прямо заявилъ, что марксизмъ уже скончался и даже произнесъ ему надгробное слово въ три печатныхъ листа (см. нашу за-

¹⁾ Гегель мѣтко сказалъ: „Abstractionen in der Wirklichkeit gelten machen, heißt die Wirklichkeit zerstören“.

мѣтку о Вейзенгрюцѣ въ юньской кн. «Научнаго Обозрѣнія» за 1899 г.) профессоръ болѣе милостивъ, онъ находить лишь кризисъ и обѣщаетъ полное выздоровлѣніе, если пациентъ будетъ вести умѣренный и аккуратный образъ жизни питаться тѣмъ Mehlspiese mit Mandeln und Rosinen, которые приготовилъ подъ именемъ философскаго міросозерцанія проф. Масарикъ. Затѣмъ марксизмъ долженъ не употреблять жестокихъ словъ, поменьше волноваться и усвоить себѣ спасительную философію Обломовскаго Захара,—все «образуется».

Резюмируемъ основной недостатокъ сочиненія Масарика: это его полная неспособность проникнуть въ кругъ идей марксизма и на время стать на точку марксистовъ. Отсюда постоянные qui pro quo и борьба не съ марксизмомъ, а съ своими ложными представлениями о немъ. Авторъ затѣмъ совершенно не различаетъ марксизма отъ личныхъ взглядовъ отдѣльныхъ марксистовъ и напр. требуетъ отъ марксистовъ единства взглядовъ по всѣмъ вопросамъ религіи, искусства, этики! Встрѣчается у него много любопытныхъ выписокъ и сопоставленій, не мало дѣльныхъ замѣчаній, надъ которыми призадумается всякий мыслящій марксистъ, но въ общемъ его критика очень не глубока и вся его попытка опровергнуть марковскій анализъ, диагнозъ и прогнозъ должна быть признана—выражаясь языкомъ юристовъ—покушениемъ съ негодными средствами.

П. Берлинъ.

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Попытка определенія спектрографическимъ путемъ скорости вращенія Венеры.

Вопросы о томъ, имѣетъ-ли планета Венера «короткое» время вращенія, подобно нашей землѣ и планетѣ Марсѣ, или при равенствѣ вращенія ея вокругъ своей оси обращаетъ-ли она при обращеніи вокругъ солнца къ послѣднему постоянно одну и ту-же сторону — вопросы эти имѣютъ весьма большое значение въ космогоническомъ отношеніи. Согласно Канто-Лапласовой теоріи, планеты, окруженные спутниками, должны были гораздо скорѣе вращаться, чѣмъ онѣ это на самомъ дѣлѣ дѣлаютъ.

Когда Марсъ былъ на столько мало стущенъ, что масса его выполняла все пространство, по которому проходилъ его ближайшій спутникъ Phobos, періодъ его вращенія долженъ былъ быть равенъ періоду вращенія Phobos'a (7 ч. 39 м.) и тогда этотъ спутникъ долженъ былъ оторваться, благодаря развившейся центробѣжной силѣ, или отъ Марса долженъ былъ отдѣлиться кругъ, который позднѣе и превратился въ такъ называемые сателлиты. Въ теченіе того времени, какъ Марсъ, стущаясь, получилъ современный намъ малый объемъ, скорость его вращенія должна была еще болѣе уменьшиться, а между тѣмъ эта скорость въ настоящее время равна 24 ч. 37 м. G. H. Darwin «объяснилъ» это замедленіе, равное уменьшению момента вращенія на одну двадцать пятую часть его, воздействиіями солнца на Марсъ. Эта «задерживающая сила» солнца должна была быть незамѣтной на Юпитерѣ и Сатурнѣ, но и эти планеты врачаются медленнѣе, чѣмъ онѣ должны были бы вращаться, не на нѣсколько секундъ, какъ это следовало ожидать, согласно этому объясненію, а на нѣсколько часовъ.

Наконецъ, скорость вращенія самого солнца, которое не можетъ подвергаться какимъ-нибудь задерживающимъ воздействиіямъ посторонняго тѣла, равна лишь незначительной части той величины, которой оно должно быть равно, согласно Канто-Лапласовой теоріи.

Такимъ образомъ теорія Дарвина оказывается здѣсь несостоятельной.

Можно, однако-же, допустить, что она, по крайней мѣрѣ, вѣрна для четырехъ ближайшихъ къ солнцу и во многихъ отношеніяхъ похожихъ другъ на друга планетъ. Тогда у Венеры вслѣдствіе ея большей близости

къ солнцу замедление должно было быть значительно. Это было бы понятно, если-бы получилось то-же состояніе, что и у луны, именно, чтобы спутникъ обращалъ къ центральному тѣлу всегда одну и ту-же сторону. Трудность прямого опредѣленія скорости вращенія Венеры была выставлена еще раньше. W. Killiger изъ Мюнхена и почтио дновременно съ нимъ R. A. Müller S. Y. изъ Рима поколебали аргументы, которые были приведены Schiaparelli и нѣкоторыми другими астрономами въ пользу 225-дневнаго вращенія Венеры (Rdsch. 1898, XIII, 482), и сдѣлали весьма вѣроятнымъ мнѣніе о 24-хъ часовомъ ея вращеніи, въ пользу чего говорятъ и наблюденія Brenner'a. Скорость вращенія на экваторѣ въ такомъ случаѣ равна 460 м. въ секунду и разность скоростей на востокѣ и западѣ равна 920 м. Такое движение источника свѣта обнаруживается въ спектрѣ сдвинутыя линій, которыя при благопріятныхъ обстоятельствахъ могутъ быть констатированы хорошими аппаратами. На Венерѣ обыкновенно доступенъ наблюденію только одинъ край, но доступенъ наблюденію идущій отъ нея свѣтъ, являющійся отраженіемъ солнечного свѣта, который перетерпѣваетъ аналогичное измѣненіе положенія линій при появленіи на поверхности приведенной въ движение планеты, такъ что при особенной постановкѣ мы можемъ увидѣть линіи сдвинутыми вдвое больше (Rsch. 1895, X, 252).

Keeleger'омъ были произведены нѣкоторыя попытки опредѣлить передвиженія линій въ спектрѣ Венеры, но безъ всякаго результата. Болѣе счастливымъ оказался Бѣлопольскій въ Пулковѣ, хотя и здѣсь нельзя еще говорить о численномъ опредѣленіи величинъ движенія. Эти опредѣленія ради достиженія возможно большей точности были сдѣланы на пластинахъ изъ рогового серебра, которая вслѣдствіе ихъ малой чувствительности должны быть экспонированы довольно долго. Вначалѣ въ спектральный аппаратъ была помѣщена одна призма, а къ концу—три. Измѣреніе производилось по двумъ методамъ. Получились слѣдующія величины для истинной скорости вращенія экватора Венеры.

При одной призмѣ.	При трехъ призмахъ.
1-ый методъ.	2-ой методъ.
+ 1,4 km.	+ 0,7 km.
+ 0,4 »	- 1,9 »
- 1,1 »	+ 0,7 »
0,0 »	+ 1,4 »
	+ 1,4 »
	+ 1,5 »
	+ 1,6 »
0,0 »	+ 0,6 »

Въ среднемъ эти три ряда даютъ скорости +0,6, +0,6 и +0,9 km. Знакъ + означаетъ вращеніе отъ запада къ востоку. Единственная отрицательная величина, полученная при первомъ методѣ, была получена на пластинкѣ, которая весьма слабо показывала линіи уравнительного спектра. Если-бы вращеніе Венеры было весьма медленное, то было-бы непонятно, почему въ работѣ Бѣлопольского не было получено столько-же отрицательныхъ чиселъ, сколько положительныхъ. Можно еще выставить

то возражение, что это преобладание положительныхъ чиселъ получается вслѣдствіе постоянныхъ ошибокъ. Этотъ вопросъ смогутъ разрѣшить наблюденія на другихъ обсерваторіяхъ, напримѣръ, въ Потсдамѣ или Іерской обсерваторіи. Въ особенности фотографическій рефракторъ въ Потсдамѣ будетъ гораздо полезнѣе при такого рода изслѣдованіяхъ, чѣмъ цулковскій. Astr. Nachr.

Отношенія между грибами и водорослями въ лишайникахъ.

Мнѣніе, что лишайники суть особенные организмы, какъ извѣстно, давно уже отвергнуто. Въ настоящее время ни одинъ серьезный ботаникъ не сомнѣвается въ томъ, что лишай состоять изъ водорослей и грибовъ. Не ясно еще, однако, каково физиологическое отношеніе ихъ: одни говорятъ о симбиозѣ, въ которомъ каждая часть даетъ и беретъ, а другіе — о паразитизмѣ грибовъ на водоросляхъ.

Мы представимъ поэтому въ старомъ изложеніе заключеніе G. Y. Pierce'a, въ которыхъ вопросъ этотъ съ достаточной ясностью разрѣшается на основаніи изслѣдований самого автора.

Водоросли, входящія въ составъ лишаевъ, растутъ и размножаются почти при всѣхъ условіяхъ скорѣе, чѣмъ грибы, и въ лишаяхъ они растутъ и размножаются медленнѣе, чѣмъ при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Но въ лишаяхъ онѣ иногда размножаются очень быстро и быстрѣе, чѣмъ грибы. При тепломъ дождѣ, туманѣ или росѣ гонидіи находятся въ благопріятныхъ условіяхъ; онѣ тогда растутъ и размножаются быстрѣе, чѣмъ грибы и многія клѣтки ихъ опять становятся такими, какими онѣ были до соединенія съ грибами. Такимъ образомъ получаются новыя поколѣнія клѣтокъ гонидій, которыя поддерживаютъ росу въ тѣлѣ лишая и тѣмъ мѣшаютъ имъ сразу поглотить. Итакъ, другими словами, если грибъ и является паразитомъ на водоросли, то богатая жизнью водоросль не сразу пожирается своимъ паразитомъ, что, впрочемъ, является конечнымъ удѣломъ отдѣльной клѣтки гонидій.

Необходимо, поэтому, доказать, что грибъ на самомъ дѣлѣ дѣйствуетъ разрушающимъ образомъ на клѣтки водорослей.

На всѣхъ лишаяхъ гифы и гонидіи тѣсно связаны, при чемъ гифы или тѣсно охватываются клѣтками гонидій или даже впускаютъ въ нихъ свои развѣтвленія. Въ результатѣ такого тѣснаго соприкосновенія между ними должно быть осмотическое движеніе питанія и другихъ веществъ, если только оболочки гриба или водоросли не дѣлаютъ этого осмосъ невозможнымъ, что допустить невозможно.

Подъ дѣйствиемъ свѣта водоросль выдѣляетъ свободныя отъ азота соединенія углерода, которыя часто, если не всегда, находятся въ растворенному состояніи. Эти соединенія переходятъ отъ клѣтки водоросли къ клѣткѣ гриба, каковое физическое явленіе имѣть весьма важное физиологическое значеніе для гриба, такъ какъ онѣ такимъ образомъ получаетъ необходимое ему питаніе. Если потребность въ питаніи гриба или части его становится больше того количества, которое можетъ доставить водоросль, то грибъ пожираетъ самое ее. Прекраснымъ доказательствомъ этого могутъ служить нустыя клѣтки гонидій, но это доказательство не всегда можетъ быть приведено, такъ какъ не всегда грибъ требуетъ такъ

много отъ водоросли, что на его удовлетвореніе должно пойти самотѣло ея.

Итакъ, медленно растущій грибъ получаетъ питаніе отъ быстрѣе растущей водоросли, въ которой это питаніе приготовляется. Такое явленіе есть, очевидно, паразитизмъ. Если бы водоросль росла бы и размножалась медленнѣе, или если грибъ росъ бы быстрѣе, или если бы водоросль доставляла бы менѣе питанія, а грибъ требовалъ бы болѣе, или, наконецъ, если бы грибъ и водоросль росли бы съ одинаковой быстротой вмѣсто того, чтобы водоросль по временамъ росла быстрѣе, чѣмъ грибъ, то паразитизмъ этого послѣдняго на водоросли скорѣе приводилъ бы къ разрушению клѣтокъ ея.

При данныхъ же условіяхъ грибъ разрушаетъ водоросли постепенно и такъ медленно, что нарождается новое поколѣніе раныше, чѣмъ первое виолиѣ пожирается.

Но если можетъ происходить осмотический переходъ свободнаго отъ азота питанія изъ водоросли въ грибъ, то можетъ произойти такой-же переходъ чего нибудь другого изъ гриба въ водоросль. De Bary, Reinke и другіе принимаютъ, что грибъ снабжаетъ водоросль водой и минеральными солями.

Это, по мнѣнію Pierce, не подлежитъ сомнѣнію, но онъ сомнѣвается въ томъ, можетъ ли здѣсь идти рѣчь о чёмъ иномъ, кромѣ капиллярнаго движенія раствора минеральныхъ солей въ видѣ столбовъ и тонкихъ слоевъ между и вдоль гифовъ гриба, которые, протекая болѣе или менѣе параллельно, образуютъ капиллярныя трубки во всемъ лишаѣ.

Такимъ образомъ грибъ обезпечиваетъ водоросли воду, но то-же могли бы сдѣлать такимъ же образомъ устроенные бумажныя нити и стеклянныя трубки. Нѣть сомнѣнія, что при данномъ положеніи водоросли въ лишаѣ ей должны быть доставлены вода и минеральные соли, но это положеніе не ей самой создано, не по природѣ необходимое и исключительное по пользѣ, которую оно приноситъ.

Въ свободномъ состояніи водоросли (*Protococcus*, *Gloecapsa*, *Nostoc* и др.) добываются себѣ растворы необходимыхъ имъ питательныхъ солей и безъ посредства дорого стоящихъ имъ помощниковъ.

Говорятъ, что если бы грибъ просто паразитировалъ бы на водоросли, то клѣтки послѣдней не размножались бы такъ быстро и не процвѣтали бы такъ, какъ это часто наблюдается. Кромѣ приводимыхъ другими причинъ этого явленія Pierce приводитъ еще наблюденія, произведенныя имъ надъ *Lamalina reticulata* и нѣкоторыми другими лишайами и подтверждающія это возврѣніе. Сообразно съ этимъ, охваченные нитями гриба, клѣтки водоросли стараются частымъ дѣленіемъ произвести такія клѣтки, которыя были бы совершенно свободны отъ соприкосновенія съ гифами.

Прикосновеніе гифовъ вызываетъ раздраженіе, которое ведетъ къ дѣленію. Можно найти въ лишаѣ большія гонидіи, которыя совершенно свободны отъ гифовъ. Онѣ рѣже дѣлятся, чѣмъ другія, и по величинѣ, цвѣту и виду, какъ и толщинѣ и составу всего болѣе напоминаютъ точническія свободныя клѣтки водорослей. Эти свободныя гонидіи пытаются водой и минеральными солями, защищены отъ высыханія и другихъ опас-

ностей и могутъ, дѣйствительно, получить пользу отъ того, что онѣ заключены въ массу гифовъ гриба.

Найдено также, что при все растущемъ числѣ лишаевъ, гифы не только тѣсно охватываютъ гонидіи и такимъ образомъ дѣлаютъ возможнымъ осмотическое движение приготовленного питанія отъ водоросли къ грибу, но прямо проникаютъ въ гонидіи съ помощью особыхъ нитей, которыя вростаютъ въ клѣтки и илидвигаютъ впередъ протоплазму или проникаютъ черезъ протоплазму. Тамъ, где это имѣть мѣсто, тамъ не можетъ быть сомнѣнія, что соединеніе этихъ двухъ организмовъ вредно водоросли и полезно грибу. Движеніе же растворовъ черезъ эти нити отъ гонидій къ гифамъ весьма мало отличается по степени и совершенно не отличается по существу отъ того движенія, которое существуетъ между гонидіями и окружающими ихъ вѣтвями гифовъ. Принятіе пищи въ первомъ случаѣ достигается легче, паразитизмъ является болѣе совершеннымъ и яснымъ, но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ гифы являются паразитами (American Naturalist).

НОВЫЯ КНИГИ.

Л. А. Кирилловъ. Къ вопросу о внѣземледѣльческомъ отходѣ крестьянскаго населенія. СПб. 1899.

Миграція населенія и та или другая степень развитія ся служатъ обыкновенно показателями соотвѣтственной степени развитія экономики. Движеніе на окраины, эмиграція, отходъ на земледѣльческія работы, внѣземледѣльческій отходъ—главнѣйшія стадіи развитія этой миграціи. Интересно соображеніе между двумя постѣдними стадіями. На примѣрѣ Англіи Каблуковъ¹⁾ показалъ, что въ силу стремленія фермеровъ «увеличить разницу между стоимостью продукта и затратами на трудъ» (144 с.) и вытекающей отсюда необходимости пониженія заработной платы сельскихъ рабочихъ, послѣдніе съ развитіемъ индустрии устремляются въ города, на фабрики и заводы. Такое явленіе наблюдалось, по мнѣнію г. Кириллова, и въ Россіи. «Сельское населеніе предпочитаетъ неземледѣльскій отходъ земледѣльческому... Оно бѣжитъ отъ сельско-хозяйственного труда вообще». На внѣземледѣльческие промыслы идутъ и простые «землеробы», «до того не знавшіеничего, кромѣ сохи и косы». «Низкая рабочая плата—говорить авторъ въ другомъ мѣстѣ (Слов. Брокгауз, XXVII, ст. «Отхожіе промыслы», с. 271)...—служитъ одной изъ главныхъ причинъ сокращенія земледѣльческаго отхода и развитія, вмѣсто него, внѣземледѣльческаго».

Изслѣдуя вопросъ о сущности внѣземледѣльческаго отхода, г. Кирилловъ признаетъ необходимость болѣе широкой сравнительной съ общепринятой постановки его. Характериѣйшей чертой этого вопроса, по мнѣнію автора должно признать не дальность разстоянія, на которомъ происходит отходъ, а сравнительную продолжительность срока его. Отхожими промыслами г. Кирилловъ вопреки установленному взгляду признаетъ поестественному и такіе, которые находятся въ районѣ постояннаго мѣстопребыванія крестьянина (мѣстныя фабрики), разсматривая вопросъ главнымъ образомъ въ отношеніи продолжительности срока отхода и, следовательно, сравнительной порванности связи съ земледѣльемъ. Внѣземледѣльческій отходъ—«одно изъ проявленій совершающагося въ Россіи процесса общественнаго раздѣленія труда, отдѣленія промысла отъ земледѣлія». Разсматривая вопросъ съ такой именно точки зрѣнія, авторъ приходитъ къ выводу, что внѣземледѣльческий отходъ пріобрѣтаетъ постепенно характеръ постояннаго, самостоятельнаго явленія и «имѣетъ тенденцію для значительной части отхожепромышленниковъ въ ближайшемъ будущемъ совершиенно

¹⁾ Н. Каблуковъ. Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. М. 1884.

уподобиться западному переселению въ города разъ на всегда». Въ ряду различныхъ факторовъ отхода—экономическихъ и соціальныхъ—главнѣйшимъ авторъ считаетъ разрушение натурального хозяйства, вызванное расхищениемъ природныхъ богатствъ и обуславливающуюся этимъ необходимость для крестьянской массы искать «стороннихъ доходовъ», такъ какъ старая «коммунистическая» семейная община перестала удовлетворять вновь назрѣвшимъ потребностямъ.

Очеркъ свой г. Кирилловъ оканчиваетъ заявлениемъ, что, признавая внѣземлѣльческий отходъ «естественнымъ продуктомъ совершающейся въ Россіи эволюції экономическихъ отношеній», онъ далекъ отъ идеализаціи этого явленія и считаетъ необходимыми мѣропріятія, имѣющія въ виду улучшеніе условій внѣземлѣльческаго отхода, каковы: государственное страхование трудящихся, организація въ городахъ по примѣру западноевропейскихъ муниципалитетовъ справочныхъ бюро для рабочихъ, образованіе професіональныхъ рабочихъ союзовъ и т. п.

С. Семеновъ.

А. А. Велицынъ. Торжество соціализма. Москва, 1899 г.
229 стр.

Ярко-красной обложкой и обманнымъ заглавиемъ г. Велицынъ хочетъ привлечь къ своей книжкѣ легковѣрныхъ читателей. Но легковѣрному читателю достаточно будетъ прочесть на оборотной сторонѣ первой страницы маленькую однострочную надпись, чтобы тотчасъ убѣдиться, о какомъ торжествѣ соціализма идетъ рѣчь въ этой книжкѣ... Но если читатель все-таки приступить къ чтенію произведенія г. Велицына, то онъ будетъ жестоко наказанъ за свое легкомысліе—трудно представить себѣ что либо болѣе пошлое и банальное, чѣмъ эта книжка. Сначала вы еще кое какъ мириетесь съ этими пошлостями, стараясь понять, чего же собственно хочетъ г. Велицынъ, но точно осенний дождь непрерывно льются пошлиости за пошилостью и нѣтъ имъ конца. Какого сорта остроуміе автора это видно изъ того, что, напр., онъ весьма подробно излагаетъ какъ соціалистическое государство кормило всѣхъ и исключительно одною телятиною, такъ какъ это обходилось дешевле. Какъ это остроумно, не правда ли, читатель? Остальныя возраженія г. Велицына тоже носятъ, по преимуществу желудочный характеръ; онъ не способенъ выйти за кругозоръ кармана и желудка и поэтому очень обезпокоенъ грядущимъ торжествомъ соціализма. Но въ виду именно этого, г. Велицыну не слѣдовало бы писать свою книжку. Вѣдь онъ прямо компрометируетъ защищаемое имъ дѣло; прочитавъ его книжку, иной можетъ подумать, если только такого рода доводы можно выставить, то пошлисти, которая на 229 стр. повѣствуетъ г. Велицынъ, производить прямо тошнотворное впечатлѣніе и мы твердо убѣждены, что ни у кого, кромѣ рецензентовъ, не хватитъ терпѣнія и самоотверженности прочесть болѣе двадцати страницъ этой книжки. Возражать г. Велицыну смыслино—не опровергнѣ же въ самомъ дѣлѣ словесныя выраженія желудочныхъ урчаний, всѣ эти телячи сравненія и т. д., да кромѣ того гг. Велицыны имѣютъ въ этомъ отношеніи *privilegium odiosum...*

П. Берлинъ.

Книги, присланныя въ редакцію для отзыва.

Съ 1-го сентября по 1-е октября.

Кн. Эсперъ Ухтомскій. Къ событіямъ въ Китаѣ. Спб., 1900 г.
87 стр.

Л. З. Яхнинъ. Сила воли или искусство владѣть собою. Спб.,
1900 г. Ц. 70 к. 106 стр.

Кн. Г. Г. Гагаринъ. Воспоминанія о Карлѣ Брюлловѣ. Спб.,
1900 г. Цѣна 40 к., 54 стр.

Посредничество по ввозу нѣмецкаго племеннаго скота въ
Россию чрезъ Товарищество по сбыту скота въ Германіи. Спб.,
1900 г. 28 стр.

Къ вопросу о проектѣ Министерства Народнаго просвѣщенія
ввести дирекціи народныхъ училищъ въ Юго-Западномъ краѣ.
Кievъ, 1900. 18 стр.

Гетчинсонъ. Вымершія чудовища. СПб., 1900 г. Ц. 1 р. 20 к.
194 стр.

А. А. Кирилловъ. Къ вопросу о внѣземледѣльческомъ отходѣ
крестьянскаго населенія. СПб., 1899 г., 41 стр.

В. Лермонтовъ. Курсъ примѣнимой алгебры. Спб. 1900 г. Цѣна
1 рубль. 143 стр.

Проф. Б. Срезневскій. Возможность точнаго предсказанія по-
годы на какое угодно время впередъ. СПб., 1900 г. 11 стр.

А. П. Лидовъ. О полученіи трудно сгорающихъ углеродистыхъ
газовъ. Харьковъ, 1900 г., 48 стр.

Обзоръ дѣятельности Министерства Земледѣлія и Государ-
ственныхъ имуществъ за шестой годъ его существованія. СПб.
1900 г. 321 стр.

Прессъ, Аркадій. Аристотель. СПб., 1900 г. Ц. 40 к., 52 стр.

Естественно-исторический музей Полтавскаго губернского
земства. Описаніе коллекцій. Полтава, 1900 г. 90 стр.

С. В. Ястребинскій. Надежные суффиксы въ якутскомъ языке.
(Этюдъ), изъ трудовъ якутской экспедиціи. Отдѣль. II. Иркутскъ,
1898. Ц. 40 к., 50 стр.

М. Тихвинскій. Методъ и система современной химіи. Спб.,
1900 г. Ц. 2 р. Изд. О. Н. Поповой. 340 стр.

Г. Бичеръ-Стону. Хижина дяди Тома (сокращенный переводъ
О. Н. Поповой). Спб., 1900 г. Ц. 25 к. Издание О. Н. Поповой (съ
18 рисунками). 96 стр.

А. Ф — въ. Жизнь и стихотворенія Николая Алексѣевича
Некрасова. Спб., 1900 г. Изд. О. Н. Поповой, 86 стр.

Естественно-Исторический музей Полтавскаго Губернского
земства. Отчетъ за 1898 г. Полтава, 1899 г., 13 стр.

Земельная неурядица въ Закавказье.

Хизанскій вопросъ.

I.

Крестьянская реформа на Кавказѣ коснулась главнымъ образомъ крѣпостныхъ людей. Между тѣмъ, они являлись въ общей массѣ кавказскихъ крестьянъ лишь меньшинствомъ. Большинство же составляютъ государственные крестьяне, водворенные на земляхъ частныхъ лицъ и учрежденій, и устройство быта многихъ изъ этихъ крестьянъ, какъ показано въ другой нашей статьѣ, вовсе не начато, въ отношеніи же нѣкоторыхъ изъ нихъ приняты пока только полумѣры.

Тѣмъ легче было, казалось бы, устроить бытъ этихъ крестьянъ, что большинство ихъ не было стѣснено крѣпостной зависимостью и для своего благополучія не требовало, такимъ образомъ, никакихъ жертвъ со стороны остальныхъ сословій. Тѣмъ не менѣе неразрѣшеннѣхъ крупныхъ поземельныхъ вопросовъ, касающихся интересовъ государственныхъ крестьянъ, накопилось у кавказскаго начальства такъ много, что простое перечисленіе ихъ заняло бы добрую половину настоящей главы.

Главными препятствіями къ своевременному разрѣшенію названныхъ дѣлъ служили, во-первыхъ, органический порокъ всякой бюрократіи вообще, и тѣмъ болѣе кавказской, составленной изъ пришлага элемента, — а именно, полное равподушіе къ живой дѣйствительности и полное незнакомство съ прошлого и современною жизнью населенія, съ его обычаями и экономическимъ положеніемъ, и, во-вторыхъ, естественное стремленіе лицъ привилегированаго сословія пользоваться этой слабостью начальствующихъ лицъ для своихъ выгодъ, — для установленія, за отсутствиемъ закона, полнаго произвола въ своихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ, живущимъ на ихъ землѣ.

Нельзя сказать, чтобы если и не всѣ, то многія изъ вышеозначенныхъ дѣлъ не были предметомъ особой заботливости кавказскаго начальства. Ими занимаются и мѣстныя губернскія по крестьянскимъ и поселенскимъ дѣламъ присутствія, и совѣтъ

главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказъ, и особыя комиссіи, съ участіемъ свѣдущихъ лицъ изъ землевладѣльцевъ. Можно, конечно, пожалѣть, что ни одинъ изъ поднятыхъ вопросовъ разрѣшенія не получилъ и, вѣроятно, не скоро еще и получитъ его, но несомнѣнно, что вопросы эти, касающіеся важнѣйшихъ интересовъ производительнѣйшаго класса кавказскаго населенія, настолько выяснились, благодаря трудамъ вышеуказанныхъ учрежденій, что теперь есть возможность сколько-нибудь точно опредѣлить ихъ сущность и значеніе какъ для государства, такъ и для лично заинтересованныхъ въ нихъ землевладѣльцевъ и крестьянъ.

Результатъ этихъ трудовъ также въ высшей степени интересенъ въ смыслѣ характеристики упомянутыхъ уже нами препятствій къ разрѣшенію нашихъ поземельныхъ дѣлъ. Сущность этихъ дѣлъ такъ незамысловата, что, зная ее, не трудно разыскать справедливые и законные пути къ ихъ разрѣшенію. А если они такъ долго оставались нерѣшенными, то это, очевидно, благодаря отчужденности напей бюрократіи отъ центра экономической жизни населенія и благодаря, вслѣдствіе этого, неумѣнію этой бюрократіи бороться съ крѣпостническими стремленіями мѣстныхъ землевладѣльцевъ.

Въ этомъ отношеніи особенно поучительна исторія „хизанскаго“ вопроса. „Хизане“ въ воображеніи кавказскихъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій являлись до сихъ поръ настоящими *enfants terribles*, неподдающимися никакому определенію. Этотъ разрядъ крестьянъ и по настоящее время живетъ на земляхъ частныхъ лицъ и отбываетъ имъ повинности въ томъ порядкѣ и размѣрѣ, какіе опредѣлены *обычаемъ*; законъ же объ нихъ до послѣдняго времени упоминалъ лишь въ одной статьѣ мѣстнаго крестьянскаго положенія, какъ о крестьянахъ, отношенія которыхъ къ землевладѣльцамъ устанавливаются обычаями. Лишь въ 1891 г. были изданы правила о поземельномъ устройствѣ хизанъ; до тѣхъ же поръ собирались только свѣдѣнія для установленія понятія о хизанствѣ. Да и теперь окончательно не установлено законодательнымъ порядкомъ понятіе о хизанствѣ и вопросъ о немъ, въ ту минуту, когда пишется настоящая статья, въ концѣ 1899 г., еще не разрѣшенъ вполнѣ. Трудно ли такъ было, однако, составить понятіе объ этомъ предметѣ?

Хизанство опредѣляется самимъ названіемъ его. Хизанъ (что значитъ по-грузински пріютившійся) это — свободный человѣкъ или же крестьянинъ — казенныи, помѣщичій или церковный, который, будучи гонимъ изъ своего постояннаго мѣстожительства малоземельемъ, голodomъ и другими бѣдствіями, или какимъ-нибудь случайнымъ обстоятельствомъ, находилъ пріютъ, на сто-

ронъ, у помѣщика, казеннаго или частнаго учрежденія, оставаясь или не оставаясь въ крѣпостной зависимости отъ прежняго помѣщика. Хизантъ отъ своего новаго покровителя получать въ пользованіе всѣ тѣ земельныя угодья, какими обыкновенно пользовались крѣпостные, но отбывалъ ему только поземельныя повинности. Повинностей же личныхъ, истекающихъ изъ крѣпостной зависимости, какъ-то: денежнаго сбора по раскладкамъ помѣщика, домашней у него службы, повинностей, взимавшихся за раздѣлъ, на свадьбу, крестины, похороны и различныхъ, установленныхъ обычаемъ приношеній, хизантъ въ пользу владѣльца земли не отбывалъ и не отбываетъ иначе, какъ по собственному побужденію. Такимъ образомъ, хизантъ былъ свободенъ отъ повинностей, истекающихъ не изъ пользованія землею, а изъ личной зависимости, и, кромѣ того, не могъ быть подвергнутъ владѣльцемъ земли никакимъ наказаніямъ. Но съ течениемъ времени, понемногу, хизантъ, оставаясь долго на землѣ одного и того же помѣщика, уравнивался по своимъ обязанностямъ съ крѣпостными людьми и записывался въ разрядъ послѣднихъ. По законамъ грузинскаго царя Вахтанга, хизантъ, по истечениіи тридцати лѣтъ своего хизанства, переходилъ въ крѣпостное состояніе. Такимъ образомъ, хизанство было переходное состояніе отъ свободнаго въ крѣпостное.

Въ такомъ переходномъ состояніи крестьянская реформа за- стала въ грузинскихъ провинціяхъ, гдѣ хизанство исключительно существовало, довольно большое число крестьянъ: въ Тифлисской губерніи—4,685 дымовъ (что составляло 27% общаго числа временно обязаннныхъ крестьянъ въ этой губерніи), и въ Кутаисской—1,169 дымовъ. Затѣмъ, и по освобожденіи крестьянъ, перешло въ хизанское состояніе: въ Тифлисской губ.—1,468 дымовъ, а въ Кутаисской—1,025 дымовъ. Итого, въ обѣихъ губерніяхъ еще въ 1884 г. насчитывается хизантъ свыше 8 тыс. дымовъ или до 40 тыс. душъ, и все это число крестьянъ послѣ реформы, и до настоящаго времени, остается въ томъ состояніи, которое прежде считалось лишь переходнымъ, и отношенія ихъ къ землевладѣльцамъ опредѣляются не закономъ, а обычаемъ. Но такъ какъ обычай хизанского пользованія землею никѣмъ серьезно не были изслѣдованы, и самое понятіе о хизанствѣ не было закономъ опредѣлено, то иски къ хизанамъ предъявлялись не въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, какъ это требовалось закономъ, а въ общихъ судахъ. Отсюда проискало то, что хизанская дѣла разрѣшались здѣсь на основаніи закона объ арендѣ, т.-е. землевладѣльцамъ предоставлялось — хизантъ, не заключившихъ съ ними общеустановленнымъ порядкомъ условія, сгонять съ обработанныхъ ими полей и лишать заведенныхъ ими хозяйствъ. Такія несправед-

ливо жестокія послѣдствія имѣло въ данномъ случаѣ отсутствіе закона.

Въ 1884 году Тифлісскимъ и Кутаїскими губернскими крестьянскими присутствіями приступлено было къ проектированію положенія о хизанахъ, на основаніи свѣдѣній, собиравшихся оть мировыхъ посредниковъ и землевладѣльцевъ почти въ продолженіе 20 лѣтъ. Свѣдѣнія эти хотя и собирались слишкомъ долго, но ихъ трудно назвать полными. Они добыты у мировыхъ посредниковъ, которые на Кавказѣ баснословно лаконичны по самимъ важнымъ поземельнымъ вопросамъ и не считаютъ разработки такихъ вопросовъ прямою своею обязанностью, и оть землевладѣльцевъ, которые заинтересованы въ разрѣшеніи хизанскаго вопроса лишь въ крѣпостническомъ духѣ.

Въ хизанскомъ дѣлѣ самыми существенными вопросами являются слѣдующіе: имѣли ли право землевладѣльцы произвольно увеличивать повинности хизанъ и выселять послѣднихъ съ занимаемыхъ ими земель? При утвердительномъ отвѣтѣ, хизане приравниваются къ арендаторамъ, въ противномъ же случаѣ ихъ положеніе можетъ быть сравнено съ положеніемъ бывшихъ крѣпостныхъ, нынѣ временно-обязанныхъ крестьянъ. Представители дворянства, участвовавшіе въ разсмотрѣніи начальствомъ хизанскаго дѣла, почти единогласно дали утвердительные отвѣты на вышеуказанные вопросы и тѣмъ какъ бы признали хизанъ обыкновенными арендаторами.

Губернскія присутствія, выслушавъ одну лишь заинтересованную сторону, не могли, конечно, не решить вопроса односторонне. Они отказались, въ своемъ проектѣ, обеспечить быть хизанъ даже настолько, насколько обеспечиваются временно-обязанные крестьяне, которые, какъ известно, получили въ постоянное пользованіе определенный надѣль и стбываются разъ-навсегда определенные повинности. Присутствія признали хизанъ простыми арендаторами. Кутаїское присутствіе, впрочемъ, пожелало уравнять съ временно-обязанными крестьянами тѣхъ хизанъ, которые не имѣютъ собственной усадебной осѣдлости. Но тифлісское присутствіе пошло гораздо дальше и проектировало признать всѣхъ хизанъ обыкновенными арендаторами, причемъ предоставить землевладѣльцамъ лишать ихъ исконнія обрабатывавшихся ими земель, если въ продолженіе трехъ лѣтъ они не заключатъ съ ними арендаго договора.

Такимъ образомъ, учрежденія, созданныя для улучшенія поземельного быта крестьянъ, высказались въ данномъ случаѣ за его ухудшеніе. Придавать хизанству характеръ аренды — значитъ уничтожать исконныя права хизанъ на землю, — права, которыхъ имѣютъ даже временно-обязанные крестьяне, находившіеся до

крестьянской реформы въ худшемъ положеніи, чѣмъ хизаны. Хизанское положеніе, какъ заявляется и въ журналѣ бывшаго закавказскаго центральнаго комитета по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ, считалось „одною изъ счастливыхъ особенностей свободныхъ поземельныхъ отношеній владѣльцевъ земли и живущихъ на ней поселянъ, въ здѣшнемъ краѣ“. Вопросъ, поставленный въ такомъ видѣ: составляло-ли хизанское положеніе улучшеніе быта крѣпостного сословія, — конечно, не можетъ быть разрѣшено иначе, какъ въ смыслѣ утвердительномъ, ибо несомнѣнно, что крѣпостные люди, получая безвозмездно право лицъ свободнаго состоянія, не могутъ требовать отъ помѣщика дарованія имъ болѣе выгоднаго положенія, чѣмъ то, въ которое ставятъ себя добровольно лица свободныхъ сословій. По проектамъ же губ. присутствій положенія мѣняются: хизане, состояніе которыхъ было завидно для бывшихъ крѣпостныхъ иѣсколько лѣтъ назадъ, должны теперь завидовать въ свою очередь поземельной обезпеченности послѣднихъ. Какъ же не назвать послѣ этого мѣру, предложенную присутствіями,—ухудшеніемъ быта хизанъ!

Если бы мѣстное начальство пригласило къ участію въ своихъ трудахъ дѣйствительно свѣдущихъ лицъ, а не лишь одну изъ заинтересованныхъ сторонъ, то сразу обнаружилась бы вся разница между хизанами и арендаторами. Для этого слѣдовало бы послушать землевладѣльцевъ, неимѣющихъ хизанъ, а также другихъ крестьянъ, живущихъ по сосѣдству съ хизанами. Не было бы излишнимъ принять къ свѣдѣнію и тѣ небольшія замѣтки, какія по временамъ являлись въ мѣстной печати. Такъ, напримѣръ, въ грузинской газетѣ „Дроэба“ рѣзко проведена была черта между понятіями о хизанствѣ и арендаторствѣ, слѣдующею замѣткой.

„Для того, чтобы арендовать имѣніе, необходимы три условія: 1) арендуемое имѣніе должно имѣть вѣрныя, ясно опредѣленныя границы; 2) арендаторъ обязанъ платить извѣстную сумму за право аренды, и 3) срокъ аренды долженъ быть опредѣленъ въ точности, а по истеченіи срока, условія аренды прекращаются и земля остается въ полномъ владѣніи землевладѣльца. Между тѣмъ, трудно или почти невозможно указать хоть одного хизана, который удовлетворялъ бы этимъ тремъ условіямъ. Большинство хизанъ живеть въ неразмежеванныхъ мѣстахъ, на спорной землѣ, охраняя права землевладѣльца на эту землю противъ притязанійсосѣдей, чего не сдѣлалъ бы ни одинъ арендаторъ, изъ опасенія поплатиться имуществомъ и даже жизнью, при столкновеніяхъ землевладѣльцевъ. Другое условіе — взиманіе опредѣленной арендной платы — также нигдѣ не практикуется. Доходъ отъ хизанъ почти ежегодно измѣняется, смотря или потому, во-первыхъ, каковъ былъ урожай или же, во-вторыхъ, насколько добросовѣстными оказались сами

хизаны, и насколько взыскателен землевладелецъ. Третье условіе — опредѣленный срокъ пользованія землею — уже совсѣмъ не слыханная новость какъ для хизанъ, такъ и для самихъ землевладѣльцевъ. Хизанъ беретъ землю, чаще лѣсъ, вырубаетъ его, очищаетъ и обрабатываетъ, разводитъ фруктовыя деревья, строить себѣ домъ, хлѣва для скотины; — словомъ, обзаводится всѣмъ, что необходимо для доброго хозяина. Все это дѣлается имъ, конечно, не для временнаго житья, не на семью или на десять лѣтъ, а навсегда, и ни хизаны, ни сами землевладѣльцы никогда и не думали о томъ, чтобы когда-нибудь хизашамъ пришлось бросать насиженныя ими мѣста. Даже если случалось, что хизанъ не по хозяйствски обращался съ господскою землею, вырубалъ безпощадно лѣсъ и т. д., то и тогда, при всемъ своемъ желаніи, землевладѣлецъ рѣдко бывалъ въ силахъ ограничить его произволъ или вообще выказать передъ нимъ свои хозяйствія права. Словомъ, отношения хизанъ къ землевладѣльцамъ не имѣютъ ничего общаго съ отношеніями арендаторовъ, и если, несмотря на то, гг. землевладѣльцы въ послѣднее время величаютъ хизанъ арендаторами, то, конечно, потому, что согнать послѣднихъ съ земли — легко, а хизанъ — нѣтъ“.

Въ этомъ же смыслѣ высказывалась и мѣстная русская газета „Новое Обозрѣніе“, устами одного изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Наконецъ, достаточно было внимательнѣе прислушаться къ ламентаціямъ приглашенныхъ въ засѣданіе присутствія землевладѣльцевъ, чтобы понять всю шаткость ихъ доводовъ. Они не категорически ссылались на существующіе обычаи, когда рѣчь заходила о правѣ землевладѣльца выселить хизана съ занимаемой имъ земли, а распространялись о значеніи права собственности, и изъ отвлеченаго понятія объ этомъ правѣ выводили и понятіе о своемъ правѣ на выселеніе хизанъ. Эти ораторы, очевидно, забывали о существованіи въ дѣйствительности такихъ ограниченій права собственности, какъ, напримѣръ, права временно-обязанныхъ крестьянъ на земли своихъ бывшихъ помѣщиковъ, вѣчно-чиншевое право, или право государственныхъ поселянъ, живущихъ въ пмѣніяхъ высшаго мусульманскаго и армянскаго сословій на вѣчное пользованіе занимаемыми ими землями или право выкупа земель, по ихъ-же, поселять, усмотрѣнію.

II.

Послѣ большого промежутка со времени освобожденія крестьянъ, а именно въ 1891 г., наконецъ, издано было положеніе о поземельномъ устройствѣ хизанъ. Въ положеніи этомъ сдѣлана

была попытка разрешить все важнейшие, основные вопросы хизанского права, но это была только попытка.

Первый спорный вопросъ, возбуждавшійся на практикѣ довольно часто, это вопросъ о томъ, кого изъ крестьянъ съемщикъ земельныхъ участковъ надлежитъ признавать хизанами? Одни признавали таковыми только крестьянъ, не имѣющихъ письменнаго аренднаго договора и пользующихся землею по праву давности. Другіе считали необходимымъ признакомъ хизанства безсрочность аренды, не обращая вниманія на форму договора. Трети хизанами называли безсрочныхъ съемщиковъ земли, осѣвшихъ до отмѣны крѣпостного права. Четвертые, напротивъ, находили, что хизанство существовало независимо отъ крѣпостного права и могло имѣть мѣсто и тамъ, где крѣпостныхъ не было, и тогда, когда крестьянская реформа была уже введена, и пр., и пр. Всѣ эти споры упомянутое положеніе разрѣшило, принявъ хизанство въ широкомъ значеніи этого слова. По ст. I положенія о хизанахъ, таковыми признаются „тѣ водворившіеся, до изданія сего положенія во владѣльческихъ имѣніяхъ Тифлисской и Кутаисской губерніи крестьяне-землевладѣльцы, которые по предмету пользованія ими владѣльческими землею и другими угодьями, не состоять съ владѣльцами въ срочныхъ договорныхъ отношеніяхъ, облеченныхъ въ форму акта, установленнымъ порядкомъ совершенного или засвидѣтельствованнаго, или хотя бы и въ форму домашняго акта, но не оспариваемаго сторонами“.

Такимъ образомъ, законъ признаетъ хизанами не только крестьянъ, не имѣющихъ письменныхъ условій съ землевладѣльцами, но и тѣхъ, которые имѣютъ такія условія, — лишь бы въ послѣднихъ не было означенено срока (хизанамъ отъ помѣщиковъ въ старину часто давались условія безъ обозначенія срока). Кроме того, законъ не воспрещаетъ признавать хизанами крестьянъ, поселившихся на частныхъ земляхъ послѣ отмѣны крѣпостного права. Точно такъ же, по смыслу новаго „положенія“, хизанами могутъ быть признаны не только крестьяне, имѣющіе въ своемъ пользованіи лишь тѣ земли, которыя они занимаютъ на хизанскомъ правѣ, но и тѣ, которые, сверхъ того, имѣютъ на сторонѣ кое-какое земельное обеспеченіе, въ видѣ надѣла, по уставной грамотѣ, или казенной оброчной статьи.

Другой вопросъ, возбуждавшій еще болѣе споровъ между лицами, обсуждавшими хизанско право, и имѣющей еще большее для послѣдняго значение, — это вопросъ о томъ, имѣютъ-ли право землевладѣльцы производить какія-нибудь измѣненія въ земельномъ пользованіи хизанъ, т. е. уменьшить или вовсе уничтожить это пользованіе, а также возвысить или видоизмѣнить отбываемыя хизанами повинности. Одни полагали, что землевла-

дѣлецъ, будучи собственникомъ земли, не лишенъ права измѣнить порядокъ пользованія принадлежащею ему землею (такъ высказались землевладѣльцы, имѣющіе въ своихъ имѣніяхъ хизанъ). Согласно этому мнѣнію, хизанъ приравнивался къ обыкновенному арендатору или даже ставился въ менѣе выгодныя, чѣмъ послѣдній, условія, такъ какъ арендаторъ обезпеченъ въ землепользованіи до известной степени письменнымъ условіемъ, между тѣмъ какъ хизанъ, большую частью не имѣя такого условія, могъ бы быть выселенъ изъ своего участка во всякое время, по произволу землевладѣльца.

По мнѣнію другихъ экспертовъ, хизанское право есть право вѣчнонаследственное, и существующій обычай не позволяетъ лишать хизана обработанного имъ участка, ни увеличивать повинности, уплачиваемыя имъ издавна. Согласно этому поземельный быть хизанъ долженъ быть обезпеченъ такъ же, какъ уже обеспечено поземельное устройство временно-обязанныхъ крестьянъ.

Законъ, по видимому, остановился на серединѣ, между этими двумя крайними, идущими въ разрѣзъ другъ съ другомъ, мнѣніями. По ст. 4 „положенія“ 1891 г., „всякія измѣненія въ земельномъ пользованіи хизана и въ связанныхъ съ симъ пользованіемъ сервитутныхъ правахъ, а также въ повинностяхъ, могутъ быть дѣлаемы владѣльцемъ не иначе, какъ съ согласія хизана“. Нарушение же этого условія подвергаетъ владѣльца слѣдующимъ послѣдствіямъ, изложеннымъ въ ст. 7 того-же „положенія“. По этой послѣдней статьѣ, „владѣлецъ, отказавшій хизану въ пользованіи землею, долженъ вознаградить его въ размѣрѣ, опредѣленномъ по обоюдному между ними соглашенію. Если же такого соглашенія не послѣдуется, то владѣлецъ обязанъ уплатить хизану, по особой оцѣнкѣ, двойную стоимость всѣхъ принадлежащихъ послѣднему на владѣльческой землѣ построекъ, хозяйственныхъ обзаведеній и насажденій, а также всѣхъ затратъ, произведенныхъ хизаномъ на улучшеніе состоявшихъ въ его пользованіи разнаго рода земельныхъ участковъ.“

Такимъ образомъ, законъ признаетъ за землевладѣльцемъ право выселять хизанъ изъ занимаемыхъ ими земель, а также увеличивать хизанскія повинности, но это право обставляетъ условіями, которая имѣютъ въ виду, съ одной стороны, воздержать землевладѣльца отъ злоупотребленія такимъ правомъ, а съ другой — обезпечить хизана отъ произвольнаго нанесенія ему ущерба со стороны землевладѣльца.

Изъ остальныхъ частей положенія 1891 г. наиболѣе достойны вниманія ст. 9 и 10. По ст. 9 разборъ споровъ землевладѣльцевъ и хизанъ предоставленъ не общимъ судамъ, а учрежденіямъ, ко-

торымъ ввѣрена специальная охрана крестьянскихъ интересовъ мировымъ посредникамъ и губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ. По ст. 10, въ случаѣ согласія владѣльца на выкупъ хизаномъ его участка, правительствомъ оказывается ленное содѣйствіе (вѣроятно на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ оно практикуется при выкупѣ временно-обязанными крестьянами ихъ надѣловъ).

Такимъ образомъ, законодатель имѣлъ въ виду разрѣшить въ этомъ „положеніи“ одинъ изъ важнѣйшихъ аграрныхъ вопросовъ Закавказья въ его главныхъ основаніяхъ. На вопросъ этотъ, созданный обычаемъ подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ историческихъ условій, при которыхъ развилось мѣстное землевладѣніе, въ деталяхъ своихъ не менѣе сложенъ, чѣмъ въ главныхъ основахъ, и поэтому требовалъ дальнѣйшей тщательной разработки. Между тѣмъ изслѣдованіе хизанскихъ обычаевъ на научныхъ основаніяхъ, какъ выше было упомянуто, никогда у насъ не производилось и нескоро еще можетъ быть произведено, за отсутствіемъ на Кавказѣ необходимыхъ для того научныхъ и материальныхъ средствъ. Можно было бы возложить въ этомъ отношеніи нѣкоторую надежду на мѣстныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ. Ихъ практика могла бы выяснить тѣ разнообразные способы хизанского землепользованія, которые до сихъ поръ густою вуалью были закрыты отъ глазъ не только общества, но и тѣхъ самыхъ учрежденій, которымъ специально ввѣрена охрана хизанскихъ судебъ. Если же хизанство представляется отжившей свой вѣкъ архаическою формою землепользованія, то и въ этомъ случаѣ сколько-нибудь правильная и беспристрастная ликвидация ея возможна лишь при детальномъ опредѣленіи того, что уже создано вѣками. Въ этомъ отношеніи, съ изданіемъ новаго „положенія“, роль мѣстныхъ учрежденій въ хизанскомъ дѣлѣ получала особенное значеніе.

Но крестьянскія учрежденія нашли нужнымъ не дополнять и развивать, инструкціоннымъ путемъ, основныя положенія закона 1891 г., а измѣнить въ законодательномъ порядкѣ эти положенія. Въ этомъ смыслѣ былъ поднятъ вопросъ въ тифлісскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, канцеляріи и совѣтѣ главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ и тифлісскомъ губернскомъ дворянскомъ собраніи.

Законъ 1891 г. крестьянамъ долго оставался неизвѣстенъ. Землевладѣльцы же, быстро ознакомившись съ нимъ, нашли его несоответствующимъ ихъ интересамъ.

Въ новомъ законѣ землевладѣльцами былъ усмотрѣнъ очень важный пробѣлъ.

Пробѣлъ былъ замѣченъ въ недостаточномъ опредѣленіи

въ новомъ положеніи понятія о хизанствѣ *). Этому понятію въ положеніи дано, по ихъ мнѣнію, слишкомъ широкое толкованіе. Хизаномъ признается по положенію всякий крестьянинъ, живущій на чужой землѣ безъ письменного условія. Такимъ образомъ, всякий случайный арендаторъ земли можетъ быть признанъ хизаномъ, такъ какъ на Кавказѣ со съемщиками земель землевладѣльцы часто не заключаютъ никакихъ письменныхъ условій.

Въ этомъ видятъ нѣкоторые важный недостатокъ нового закона. „Помилуйте, — разсуждаютъ они, — законъ имѣлъ цѣлью ликвидировать хизанство, какъ отжившій свой вѣкъ институтъ, и замѣнить неопределенное обычное хизанскоѣ право чѣмъ-либо вполнѣ определеннымъ, а между тѣмъ въ дѣйствительности оказывается нѣчто обратное, а именно хизаны не только не упразднены, а, напротивъ, понятіе о нихъ новымъ положеніемъ значительно расширено; всѣ безписьменные арендаторы, а такие только и существуютъ у насъ, превращены въ хизанъ. Выходитъ, что законъ достигъ цѣли, совершенно противоположной той, къ какой стремится“.

Составители положенія 1891 г., дѣйствительно, стремились къ ликвидации хизанства и къ замѣнѣ его общею формою аренды, но землевладѣльцы упустили изъ виду, что положеніе 1891 г., въ другихъ своихъ частяхъ, дѣлаетъ существенные уступки ихъ возврѣніямъ. За землевладѣльцами положеніе 1891 г. признало такія важныя привилегіи въ отношеніи хизанъ, которыя не могли быть оправданы съ точки зрѣнія обычнаго права. За землевладѣльцами положеніе это признаетъ право удалять хизана съ его осѣдлости за сравнительно ничтожное вознагражденіе, между тѣмъ какъ нѣкоторыми экспертами, высказавшимися по хизанскоему вопросу, хизаны считались по обычай вѣчными и бессрочными арендаторами земли. А разъ землевладѣлецъ вправѣ удалять хизанъ со своей земли, то подъ угрозой обѣ удаленіи имѣеть онъ также возможность заставить хизанъ платить ему больше, чѣмъ платили ранѣе. Между тѣмъ тѣ-же эксперты всегда признавали за хизанами предоставленное имъ обычаемъ право оставаться на своемъ участкѣ за разъ определенные повинности.

---

*) Розясненію этого вопроса посвящена слѣдующая (I) ст. положенія, высочайше утвержденного 3 іюня 1891 г.: „Хизанами, на основаніи настоящаго положенія, признаются тѣ водворившіеся, до изданія сего положенія, во владѣльческихъ имѣніяхъ Тифлісской и Кутаїсской губерній крестьяне-землевладѣльцы, которые по предмету пользованія ими владѣльческими землею и другими угодьями не состоятъ съ владѣльцами въ срочныхъ договорныхъ отношеніяхъ, облеченныхъ въ форму акта, установленнымъ порядкомъ совершиеннаго или засвидѣтельствованного, или хотя-бы и въ формѣ домашняго акта, не оспариваемаго сторонами“.

— 1863 —

Повторяемъ, положеніе 1891 г. сдѣлало всѣ такія важныя уступки возарѣніямъ землевладѣльцевъ съ тѣмъ, чтобы такимъ образомъ, облегчить развязку хизанскаго дѣла. А разъ законъ стремится къ ликвидациіи хизанства, то можно-ли упрекать его въ недостаточномъ разъясненіи этого института. Вѣдь, положеніе 19 февраля 1861 г., освободившее крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и уничтожившее крѣпостное право, не занималось вовсе опредѣленіемъ признаковъ этого права, а лишь заботилось о будущей судьбѣ освобожденныхъ. Судебные уставы 20 ноября 1864 г., упразднившіе дореформенный судъ, не занимались-же характеристикой упраздненнаго учрежденія, а указывали лишь порядки новаго судопроизводства. Городовое положеніе 1870 г., упразднившее прежній муниципалитетъ, вовсе не дѣлало попытки возстановить въ памяти гражданъ свойства этого установлѣнія, а вводило новое городовое управлѣніе. Такъ точно и хизанское положеніе, переводящее хизанъ въ состояніе обыкновенныхъ арендаторовъ, едва-ли нуждалось въ подробнѣмъ опредѣленіи понятія о хизанствѣ. Такъ точно при смерти человѣка для наследниковъ его важно не то, что онъ имѣлъ еще при жизни, а то, что оставляетъ послѣ смерти.

Намъ могутъ возразить, что по закону 1891 г. хизанъ, ликвидируя свое хозяйство, получаетъ отъ землевладѣльца двойную стоимость своихъ хозяйственныхъ обзаведеній, насажденій и затратъ на улучшеніе земли и что, поэтому, чрезвычайно важно для землевладѣльца знать, кто состоитъ у него съемщикомъ земли, хизанъ или обыкновенный арендаторъ.

Но дѣло въ томъ, что у насъ сколько-нибудь солидная обзведенія и затрата на землю производятся чрезвычайно медленно, и при томъ только тогда, когда арендаторъувѣренъ въ своемъ правѣ на пользованіе обрабатываемою имъ землею. Въ такихъ случаяхъ арендаторъ запасается долгосрочнымъ контрактомъ и, слѣдовательно, согласно новому закону, не можетъ быть признанъ хизаномъ. Если-жъ онъ не имѣетъ контракта, то, очевидно, что онъ пользуется землею сыздавна на обычномъ правѣ, и не будетъ грѣха въ томъ, что крестьянскія учрежденія такого арендатора признаютъ хизаномъ.

Конечно, могутъ быть исключительные случаи, не предусмотрѣнныя закономъ (а гдѣ такихъ случаевъ не бываетъ). Такъ, напримѣръ, случайный арендаторъ земли, въ отношеніи котораго землевладѣльцу не запасся контрактомъ, черезъ короткое время оставитъ снятую имъ землю и, признавая себя хизаномъ па томъ только основаніи, что не связанъ контрактомъ, потребуетъ отъ собственника земли двойную стоимость своихъ обзаведеній. Но въ такихъ случаяхъ крестьянскимъ учрежденіямъ необходимо

руководиться, конечно, общимъ смысломъ закона, а не только буквой его. Нужно помнить, что положеніемъ 1891 г. признается хизаномъ не всякий безписьменный арендаторъ земли, а тотъ, кто безписьменно „водворился“ въ данномъ имѣніи, т. е. получилъ тамъ осѣдлость. Слѣдовательно, всякие случайные арендаторы земли не могутъ, ссылаясь на упомянутый законъ, перечисляться въ состояніе хизанъ и требовать себѣ хизанскихъ льготъ.

Вотъ вслѣдствіе какихъ соображеній нужно думать, что отсутствіе въ хизанскомъ положеніи подробнаго опредѣленія признаковъ хизанского состоянія не должно было еще вызвать необходимости въ пересмотрѣ этого положенія. Можно было переждать, чтобы практика новаго закона указала болѣе серьезные въ немъ пробѣлы и недостатки. А таковые въ немъ, конечно, нашлись бы. Урегулированіе такого сложнаго дѣла, какъ хизанско, не можетъ быть исчерпано десятью коротенькими статьями закона 1891 г.

Надежды землевладѣльцевъ не совсѣмъ оправдались. Проектъ измѣненій, составленный въ желательномъ для нихъ смыслѣ, не получилъ одобренія въ Петербургѣ. Въ 1897 г., сколько известно, проектъ былъ возвращенъ кавказскому начальству для новаго разсмотрѣнія. Проектъ былъ снова разсмотрѣнъ и снова представленъ въ Петербургъ, но до сихъ поръ еще не утвержденъ. Въ печать о новомъ проектѣ проникли очень коротенькая и отрывочная свѣдѣнія. Этотъ послѣдній проектъ, такимъ образомъ, не только не былъ обсужденъ въ печати, но и неизвѣстенъ сколько-нибудь обществу и печати. Отсутствіе гласности, безъ сомнѣнія, можетъ отразиться на судьбѣ проекта неблагопріятно. Въ немъ опять могутъ оказаться пробѣлы, а, можетъ быть, и такие недосмотры, которые вновь вызовутъ коренные измѣненія въ будущемъ законѣ. Эти пробѣлы и недосмотры, между тѣмъ, легко могли бы быть избѣгнуты, если бы была допущена гласность въ обсужденіи проектовъ.

Подобная гласность и раньше, и въ настоящее время допускалась и допускается въ отношеніи всѣхъ другихъ крестьянскихъ законоположеній. Она болѣе, чѣмъ когда-либо, была бы умѣстна въ настоящемъ случаѣ, при составленіи и разсмотрѣніи вопроса, связаннаго съ обычнымъ правомъ.

Благодаря, быть можетъ, именно этой безгласности, нѣкоторые одностороннія домогательства землевладѣльцевъ въ отношеніи хизанъ не остались безъ результата. Практика значительно сузила понятіе о хизанахъ, установленное положеніемъ 1891 г. Указомъ правительствующаго сената по дѣлу боржомскихъ поселенъ, добивавшихся хизанскихъ правъ, разъяснено было, что крестьяне, получившие поземельное устройство въ одномъ мѣстѣ

по какимъ-либо правительственнымъ актамъ, не могутъ претендовать на хизанская права въ имѣніи другого владѣльца (см. „Нов. Обозр.“, 6 мая 1898 г.). Судя по сообщенію печати, большая часть хизанъ, благодаря этому разъясненію сената, лишается своихъ хизанскихъ правъ. „Стоитъ помѣщику доказать, что претендующіе на хизанство крестьяне получили надѣлъ отъ такого-то помѣщика или казны, и споръ рѣшится не въ пользу хизана, который, быть можетъ, и въ глаза не видѣлъ мѣста водворенія своихъ предковъ“, мѣста, къ которому и онъ приписанъ былъ первоначально. Значительно сузило понятіе хизанства и разъясненіе мѣстныхъ учрежденій, что хизанами признаются лишь крестьяне, получившіе земли на хизанскомъ правѣ до 1864 г., т. е. до освобожденія крестьянъ въ Тифлисской губерніи. Говорить, это разъясненіе войдетъ и въ новый законъ о хизанахъ, вырабатываемый въ настоящее время.

Нужно-ли говорить, какъ потрясаютъ до основанія экономической бытъ кавказскихъ крестьянъ эти противорѣчивыя, быстро сменяющіяся распоряженія мѣстныхъ и центральныхъ учрежденій. Таковы результаты неизслѣдованности края, таковы результаты глубокаго невѣжества нашей бюрократіи.

Колонизация.

I.

Вопросъ о колонизации Кавказа представляется однимъ изъ самыхъ острыхъ вопросовъ. Рѣшеніе вопроса немало осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ связанъ съ общимъ вопросомъ о переселеніяхъ,—съ вопросомъ сложнымъ и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ весьма мало изслѣдованнымъ.

Но нельзя не сожалѣть, что какъ проекты, такъ и отзывы печати постоянно касались только одной, не самой существенной части переселенческаго вопроса. Обращалось вниманіе, главнымъ образомъ, на то, что невольно бросалось въ глаза, и предлагались средства противъ самой кричащей боли, но не противъ самой болѣзни, причины которой оставались скрытыми отъ врачей, потому что никогда не подвергались обстоятельному изслѣдованію. Обращалось вниманіе на переселенца лишь съ того момента, когда онъ выходилъ изъ нормального положенія осѣдлого земледѣльца и, оставляя вѣками насажденное мѣсто, свою родину и обычную обстановку, пускался странствовать въ отдаленнѣйшее, совершенно чуждые ему и неизвѣстные края, и тѣмъ подвергалъ себя всѣмъ опаснымъ случайностямъ, связаннымъ съ жизнью бродячаго ни-

щаго. Все внимание и практиковъ и литературныхъ дѣятелей, интересовавшихся переселенческимъ вопросомъ, на томъ только и сосредоточивалось, чтобы *возможно скорѣе и какъ-нибудь спасти переселенцевъ отъ немедленной голодной смерти*. Но не было пока ни времени, ни средствъ присмотрѣться къ той почвѣ, на которой развилась переселенческая нужда. Мало того, не была определена даже самая болѣзнь, и до сихъ поръ неѣ никакихъ данныхъ опредѣлить, нужда-ли происходитъ отъ переселеній, лишенныхъ правильной организаціи, или-же, наоборотъ, самыя переселенія вызваны нуждой на родинѣ.

Газетные корреспонденты и нѣкоторые наши общественные дѣятели-практики увѣряютъ, что между переселенцами много за-житочныхъ крестьянъ, изъ которыхъ иные и скрываютъ свое состояніе, чтобы вызвать къ себѣ возможно больше симпатій на новомъ мѣстѣ водворенія. Если это вѣрно, тогда фактъ массовой эмиграціи нельзя считать болѣзненнымъ явленіемъ, и, слѣдовательно, достаточно поставить его въ нѣкоторая вѣнчнія благопріятныя условія, чтобы оно развилось правильно. Тогда достаточными окажутся и тѣ паліативныя мѣры, которыя уже теперь принимаются и еще болѣе предположено принять въ скоромъ будущемъ: денежная помощь на новомъ мѣстѣ водворенія, регулированіе правительствомъ направлений переселенческаго движения, отводъ свободныхъ казенныхъ земель за известную плату, и пр., и пр.

Но въ трудахъ земскихъ и ученыхъ статистиковъ можно встрѣтить данныя, дающія совершенно иное освѣщеніе переселенческому дѣлу. По этимъ даннымъ, соотношеніе между доходностью крестьянскаго надѣла и платежами, съ нимъ связанными, нерѣдко имѣеть въ настоящемъ вопросѣ рѣшающее значеніе. Мирный хлѣбопашецъ разстается со своею землею только въ томъ случаѣ, когда къ тому вынуждается крайне неблагопріятными экономическими условіями жизни. Въ такомъ случаѣ, переселенчество само уже по себѣ составляетъ бѣдствіе, помимо того, какъ устроился переселенецъ на новыхъ мѣстахъ, и нужно заботиться не о лучшей организаціи переселеній, а, напротивъ, объ устраненіи причинъ, ихъ вызывающихъ.

Рѣшить, который изъ этихъ противорѣчивыхъ между собой, въ самомъ своемъ основаніи, взглядовъ правильнѣе и болѣе соответствуетъ дѣйствительности, можно только по специальному изученіи переселенческаго дѣла въ его источни克ѣ, т. е. въ тѣхъ губерніяхъ, откуда оно возникаетъ, а не въ тѣхъ, куда оно направляетъ эмигрирующихъ. Только по такомъ изученіи и возможно решить, нужно-ли упорядоченіемъ переселеній поощрять ихъ, или-же болѣе всего необходимо заняться устраниемъ тѣхъ пе-

благопріятныхъ экономическихъ и др. условій, которыя дѣлаютъ неизбѣжными постоянныя массовыя передвиженія.

Самымъ естественнымъ импульсомъ для переселеній, казалось бы, должно явиться малоземелье на родинѣ. Между тѣмъ, приглядываясь къ дѣйствительности, мы видимъ, что малоземелье далеко не единственная причина переселеній; по крайней мѣрѣ, тѣ губерніи, откуда болѣе всего замѣтна эмиграція, не могутъ быть признаны самыми малоземельными. Статистика указываетъ на крайнюю обременительность платежей, связанныхъ съ крестьянскимъ надѣломъ, какъ на одно изъ главныхъ основаній, почему крестьянинъ пересталъ дорожить землею и осѣдлостью на родинѣ. Вообще-же, податной вопросъ, несмотря на немаловажныя реформы въ этой сферѣ за послѣдніе годы, ожидаетъ еще многаго для своего рационального разрѣшенія. Вся сумма податей государственныхъ, городскихъ, земскихъ и волостныхъ составляетъ немногого болѣе 7 рублей на душу — налогъ небольшой, если принять во вниманіе налоги другихъ странъ. Напримѣръ, въ Великобританіи и Ирландіи центральные и мѣстные налоги равняются $3\frac{1}{2}$ фунта стерл. или 33—34 р. на каждого жителя. Но нужно имѣть въ виду средній ежегодный доходъ каждого русскаго въ сравненіи съ такимъ-же доходомъ англичанина или ирландца. Отношеніе между тѣмъ и другимъ доходомъ выражается въ пропорціи 370: 55, и въ то время, какъ въ Россіи на уплату податей уходитъ 13% дохода, въ Великобританіи и Ирландіи процентъ этотъ падаетъ до 9¹⁾). Податное бремя у насъ еще чувствительнѣе отъ того, что оно особенно сильно ложится на необходимые предметы потребленія: одинъ изъ самыхъ главныхъ налоговъ нашихъ, питейный сборъ (въ 1887 г. достигъ 272 мил. р.), имѣетъ характеръ подушной подати, въ принципѣ давно уже отвергнутой нашимъ правительствомъ и, вообще, осуждаемой финансовой наукой за ея односторонность и неравнomoрѣніе.

Но уменьшить подати у насъ невозможно, потому что, какъ выше было сказано, онѣ сами по себѣ невелики, и ихъ уменьшеніе неминуемо должно отразиться неблагопріятно на удовлетвореніи обще-государственныхъ нуждъ. Необходимо поднять производительность нашего труда; необходимо поставить трудъ въ такія условія, при которыхъ не были-бы страшны тѣ неособенно великія жертвы, какія на насъ налагаются правительствомъ и обществомъ. Необходимо, чтобы у насъ не имѣло мѣста такое напр., ненормальное явленіе, какъ существованіе на 100 мил. жителей европейской Россіи всего 2—3 десятковъ сельскохозяйственныхъ школъ, въ

¹⁾ Эти цифры заимствованы изъ свѣдѣній, появившихся лѣтъ 10 тому назадъ, но едва ли они потеряли свое значеніе и въ настоящее время.

то время, какъ, напр., Пруссія во много разъ съ меньшимъ населеніемъ имѣеть нѣсколько сотъ такихъ школъ. Но устроенія такихъ ненормальныхъ у насъ явленій и, вообще, радикальной перемѣны общественныхъ условій пришлось бы ждать намъ очень долго, а переселенцы не ждутъ и тысячами убѣгаютъ отъ непосильныхъ для нихъ повинностей. Поэтому-то намъ кажется очень важной та мѣра новаго законопроекта о переселенцахъ, которая касается частью облегченія, частью полной отмѣны нѣкоторыхъ повинностей, лежащихъ на нихъ дома и ожидающихъ на новомъ мѣстѣ поселенія. Какъ-бы ни были велики затраты государства на содѣйствіе прочному устройству переселенцевъ, эти затраты всегда окупятся сторицей—увеличениемъ числа состоятельныхъ хозяевъ, исправныхъ плательщиковъ всѣхъ государственныхъ налоговъ, а также развитиемъ и оживлениемъ производительности пока пустующихъ окраинъ. Но не менѣе справедливо, по нашему мнѣнію, желать, вмѣстѣ съ тѣмъ, побольше затратъ правительства и на серьезное улучшеніе экономического быта крестьянъ на настоящихъ *местахъ ихъ остойности* чтобы уничтожить въ корнѣ ту эпидемичность, какую приняло переселенческое движение, развивая голодъ и нищету среди самыхъ производительныхъ элементовъ государства.

Многіе расходятся съ этимъ взглядомъ. Многіе утверждаютъ, что стремление къ переселеніямъ—здоровое стремленіе и ему не-трудно дать нормальное теченіе. По мнѣнію нѣкоторыхъ, для этого достаточно отводъ переселенцамъ свободныхъ казенныхъ земель на окраинахъ государства. Но легко-ли найти такія земли? Первоначально, и правительствомъ, и печатью не терялось надежды отыскать ихъ въ европейской Россіи или вообще гдѣ-нибудь по близости. Этю мечтою особенно занята лишь печать, имѣющая много благихъ пожеланій, но очень мало практическихъ, необходимыхъ для данного дѣла свѣдѣній. Нѣкоторые газеты все еще настаиваютъ на отводѣ переселенцамъ казенныхъ земель на Кавказѣ, хотя уже много разъ заявлялось въ той-же печати, что на Кавказѣ удобные для хлѣбопашества участки давно уже несвободны и довольно густо заселены (гуще, чѣмъ тѣ губерніи, откуда направляются переселенцы), а существующія здѣсь свободныя земли неудобны для культуры, и прежде, чѣмъ ихъ обратить въ хлѣбопахотныя, необходимо затратить много миллионовъ на сооруженіе значительныхъ оросительныхъ каналовъ. Другія-же газеты серьезно разсчитываютъ, что оставшіяся за государственнымъ дворянскимъ банкомъ имѣнія, предложенные къ передачѣ въ вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ, могли-бы служить удобнымъ для переселенцевъ убѣжищемъ. При этомъ забывается, что въ банкѣ закладывались не пустопорожніе участки

а такія-же *населенныя имѣнія*, какъ тѣ, откуда бѣгутъ переселенцы въ невѣдомые для нихъ края. Въ самомъ лучшемъ случаѣ, оставшіяся за банкомъ дворянскія имѣнія могли-быть переданы мѣстнымъ крестьянамъ на лучшихъ условіяхъ, чѣмъ это было до сихъ поръ, и такимъ образомъ могло-бы ослабѣть стремленіе ихъ къ бѣдственной для нихъ эмиграціи. Но и эта мысль едва-ли осуществится, такъ какъ государственный дворянскій банкъ, терпящій значительные убытки отъ оставленія за нимъ помянутыхъ имѣній, едва-ли согласится на новыя жертвы—на сокращеніе доходовъ отъ своихъ имѣній, въ пользу идеи улучшенія экономического положенія чуждаго ему элемента.

Но если плоха надежда на европейскую Россію и на Кавказъ, то не можетъ-ли помочь землеобильная Сибирь? Частые случаи возвращенія на родину разочарованныхъ Кавказомъ переселенцевъ и рассказы послѣднихъ о незавидномъ положеніи у насъ такъ-называемыхъ „иностороннихъ“ имѣли результатомъ направление переселенческихъ массъ, главнымъ образомъ, на Сибирь. Но и тамъ бродячихъ хлѣбопашцевъ ожидали много самыхъ горькихъ разочарованій. Отсутствіе удобныхъ путей сообщенія на громадномъ пространствѣ отдаленной окраины, непривычка хлѣбопашца средней полосы европейской Россіи къ суровымъ природнымъ условіямъ новыхъ мѣстъ и, нерѣдко, недостатокъ свободныхъ земель, находящихся въ распоряженіи казны, сдѣлали и здесь частными случаями возвращенія переселенцевъ изъ Сибири на непривѣтливую родину. Во всякомъ случаѣ, лучшія казенные земли западной Сибири уже заняты переселенцами и тѣмъ закрыты для будущихъ переселеній.

II.

Успѣху колонизаціи Кавказа (вѣрнѣе, Закавказья, такъ какъ Сѣверный Кавказъ давно уже колонизованъ русскимъ элементомъ, занявшимъ тамъ мѣсто выселившихся въ Турцію горцевъ) мѣшаютъ много причинъ. Кроме недостатка удобныхъ земель, о которомъ говорится выше, необходимо указать на слѣдующіе важные тормозы: 1) неблагопріятныя для русскихъ переселенцевъ климатическія условія, которыя развиваются среди нихъ жестокую маларию и смертность; 2) разность почвы и другихъ природныхъ условій между внутренними губерніями, откуда идутъ переселенцы, и Закавказьемъ; 3) отсутствіе специальныхъ правительственныхъ органовъ для руководства переселенческимъ дѣломъ; 4) недостатокъ вообще правительственной помощи, и пр., и пр. Но, минуя всѣ эти важныя условія, тормозящія переселенческое дѣло на Кавказѣ, печать въ послѣдніе годы весьма усердно на-
ноябрь.

брасывалась на кавказцевъ - чиновниковъ, которые будто искусственно задерживаютъ переселеніе ради интересовъ мѣстнаго населенія. Въ этомъ отношеніи особенно много усердствовало „Новое Время“.

Но всѣ эти походы противъ кавказскихъ чиновниковъ предстаютъ комедіею, которую можно было бы назвать „Много шума изъ пустяковъ“. Такъ, наприм., припоминаются замѣчательныя статьи нѣкоего Старожила въ 1894 г. въ „Нов. Вр.“ по по-воду отобраниія казною у извѣстнаго чаепоровца Попова 'неправильно владѣемыхъ имъ казенныхъ участковъ возлѣ Батума.

Старожилъ, упоминая о пріемѣ управлениемъ госуд. им. казенныхъ земель въ бывшей Батумской обл., подчеркиваетъ то обстоятельство, что въ числѣ такихъ земель были приняты управлениемъ и „культивируемые русскими пionерами участки, хотя и сдатчикъ (военно-народное управление), и пріемщикъ (упр. гос. имущ.) не могли не знать и не видѣть, что на сдаваемой землѣ находятся сады, дороги, и другіе признаки давняго владѣнія“.

Напрасно г. Старожилъ ссылается на давность владѣнія. Не всѣ русскіе законы распространены на вновь присоединенныя къ Россіи турецкія провинціи и вопросъ о томъ, дѣйствуетъ ли тамъ законъ о десятилѣтней давности, въ то время еще не былъ решенъ.

Авторъ статьи затѣмъ въ видѣ примѣра, приводить исторію съ чайнымъ плантаторомъ, г. Поповымъ и прибавляетъ:

Интересно, что русскіе люди подвергаются всѣмъ этими злоключеніямъ въ то самое время, когда въ области найдется свыше сотни лицъ изъ инородцевъ, невозбранно владѣющихъ землею и на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, какія были признаны недостаточными для гг. Попова и Соловцева.

Это самое тяжкое обвиненіе, которое выдвигается въ статьѣ противъ гг. Гамрекели и Абазадзе (грузины-чиновники въ Кутаисской губ.). Но нужно признаться, что это обвиненіе вмѣстѣ съ тѣмъ и самое фантастическое. Говоримъ это потому, что авторъ не позаботился подкрѣпить свои слова ни единственнымъ фактомъ. Словоохотливый въ другихъ случаяхъ, авторъ на этомъ пункѣ очень кратокъ и кромѣ того, что нами цитировано, т. е. кромѣ 7 строкъ, ничего другого по этому поводу въ фельетонѣ мы не находимъ. Между тѣмъ почти всѣ обвиненія противъ кавказскихъ чиновниковъ, выдвигаемыя газетой въ своихъ длинныхъ статьяхъ, главнымъ образомъ зиждутся на приведенномъ мѣстѣ фельетона г. Старожила. Правда, послѣдній въ другомъ мѣстѣ своего фельетона замѣчаетъ, что Батумъ „на 25 тыс. жителей имѣеть всего 15 русскихъ собственниковъ!“ Но причемъ тутъ управление госуд. имущ., авторъ не упоминаетъ. Это и понятно. Онъ не найдетъ въ земельныхъ дѣлахъ бывшей Батумской обл. такого случая, когда

бы управлениі госуд. им. (въ бытность Гамрекели управляющимъ) при удовлетвореніи просьбы частныхъ лицъ руководствовалось происхожденіемъ просителей, а не требованіями закона. Конечно, возможно критиковать дѣйствія этого управления, находить ихъ приидичивыми, формальными, обвинять въ буквоДствѣ, но упрекать въ націонализмѣ—нѣть никакого фактическаго основанія. Если бы г. Старожиль былъ дѣйствительнымъ батумскимъ старожиломъ или, по крайней мѣрѣ, пожелалъ отнести къ дѣлу безпристрастно, то онъ легко могъ бы припомнить много слу чаевъ, когда батумскія городскія или казенные земли отбирались и отъ туземцевъ, разъ они не выполняли правилъ пользованія этими землями. При наличности такихъ фактovъ нельзѧ утверждать, что земли отбираются казной будто только у Попова и другихъ русскихъ „пionerovъ“.

Между тѣмъ именно въ такихъ голословныхъ обвиненіяхъ гг. Гамрекели и Абазадзе строить газета свои огульныя обвиненія вообще всѣхъ кавказскихъ чиновниковъ въ „спеціальной политикѣ кавказскаго издѣлія“. На этомъ же основаніи газета проектируетъ гг. „чиновниковъ кавказскаго происхожденія отослать во внутреннія губерніи и даже въ съверные (въ воздаяніе за усердную службу?), а на Кавказъ посыпать русскихъ“.

Но прежде чѣмъ сочинять подобные проекты, газетѣ, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы ближе ознакомиться съ мотивами дѣйствующаго на Кавказѣ закона, который при опредѣленіи на государственную службу не допускаетъ дѣлать различія въ происхожденіи кандидатовъ. Существующій порядокъ опредѣленія на службу есть прямой результатъ всего исторического склада жизни нашего края въ текущемъ столѣтіи. Грузины и нѣкоторыя горскія племена давно добивались присоединенія своихъ областей къ Российской имперіи. Армяне не могли этого сдѣлать, такъ какъ никакихъ своихъ областей въ то время не имѣли, но они много поработали для того, чтобы освободить себя отъ владычества мусульманъ и подчинить владѣнія послѣднихъ христіанской державѣ. Лѣтописи кавказской войны испещрены многими славными именами армянъ, грузинъ и отчасти горцевъ, посвятившихъ всю свою жизнь торжеству русскаго оружія. Остальные племена на Кавказѣ хотя долго и боролись за свою независимость, но съ наступленіемъ мира честно выполняли долгъ гражданина новаго своего отечества. Вотъ почему во весь длинный періодъ мирнаго, гражданскаго управления Кавказомъ, мы не запомнимъ ни одного случая судебнаго или административнаго обвиненія кавказскаго чиновника въ „спеціальной политикѣ кавказскаго издѣлія“, какъ выражается „Нов. Вр.“. Намъ приходилось видѣть кавказскаго чиновника на скамье подсудимыхъ по

обвиненіямъ въ разныхъ преступленіяхъ, но мы не помнимъ, чтобы эти преступлівія когда-нибудь носили характеръ политической.

Въ третьей и послѣдней своей статьѣ „Нов. Вр.“ предлагается назначить сенаторскую ревизію, „чтобы расчистить почву для новыхъ порядковъ въ Батумской и Карской областяхъ“. Не можемъ не отмѣтить, что поводъ къ такой ревизіи газетой выбранъ неудачно. Хотя „Нов. Вр.“ и устраняетъ вопросъ о желательности законодательного разрѣшенія поземельного вопроса въ Карской и бывшей Батумской обл., но вопросъ этотъ уже выдвинутъ самою жизнью и впредь до разрѣшенія его нѣть возможности разобраться въ земельной путаницѣ этихъ областей. Между тѣмъ въ дѣлѣ выработки законодательныхъ актовъ цѣннѣе всего не ревизія, въ обыкновенномъ значеніи этого слова, а мѣстное изслѣдованіе, основанное на солидномъ знаніи юридическихъ и экономическихъ условій мѣстной жизни.

Намъ могутъ возразить, что мѣстныя научныя изслѣдованія не привели ни къ чему. Въ этомъ, конечно, есть доля правды, и въ этомъ виновата бѣдность края научными силами. Изслѣдованиемъ поземельныхъ правъ во вновь присоединенномъ къ Россіи краѣ занимался извѣстный историкъ и археологъ, покойный Дм. Бакрадзе, и занимался со всею свойственной ему энергией, но въ данномъ дѣлѣ несравненно болѣе необходимъ былъ ученый юристъ и экономистъ, чѣмъ историкъ и археологъ. Къ тому же одинъ въ полѣ не воинъ, и трудъ Д. Бакрадзе не спасъ населенія отъ путаницы его правовыхъ отношеній.

Если же, согласно желанію „Нов. Вр.“,—устранить законодательное разсмотрѣніе поземельного вопроса, то у проектируемой сенаторской ревизіи останется болѣе частная задача—разслѣдованіе дѣйствій мѣстныхъ чиновниковъ. Но оригинальное-же это будетъ разслѣдованіе! До сихъ поръ ревизіи назначались для борьбы съ хищеніемъ казенныхъ земель (лѣкъ было, наприм., въ 80-хъ гг. въ Оренбургскомъ краѣ), но въ данномъ случаѣ ревизору пришлось бы вести войну, наоборотъ, съ защитниками казенного добра. Миръ еще не видаль такой фантастической ревизіи! Интересно было бы видѣть на скамье подсудимыхъ лѣсную стражу, попавшую подъ судъ за охрану казенныхъ земель.

Интереснымъ знаменіемъ времени является и публицистъ, усматривающій „интересы государственности“ въ раздачѣ богатѣйшаго достоянія страны крупнымъ купцамъ, привыкшимъ живаться на счетъ государства.

Въ такомъ смыслѣ опроверженія неоднократно помѣщались въ кавказской печати и притомъ не только въ туземной, но и русской, не только въ официальной, но и въ частной. Особено

много писалось въ этомъ духѣ въ тифлисской русской газетѣ „Новое Обозрѣніе“, но статьи его не могли излѣчить столичныя изданія отъ мрачнаго пессимизма по отношенію къ кавказскимъ чиновникамъ и вотъ спустя 1½ года, въ концѣ 1895 г. вновь появляется въ „Нов. Вр.“ рядъ статей (на этотъ разъ уже не Старожила, а Кавказца,— мнимаго, конечно)—все о томъ-же коварствѣ кавказскихъ чиновниковъ. Авторъ всю вину за малочисленность русскихъ поселеній на Кавказѣ взваливаетъ на мѣстное чиновничество. Оно состоить, молъ, преимущественно изъ туземцевъ и поэтому покровительствуетъ только своимъ, туземцамъ. Чтобы не быть голословнымъ, авторъ приводитъ таблицы процентнаго состава туземцевъ, служащихъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Въ этихъ таблицахъ чуть не первое мѣсто отведено мировымъ посредникамъ, въ составѣ которыхъ въ Тифлисской и Кутаисской губ. туземцевъ (грузинъ) оказывается цѣлыхъ 100%! Въ остальныхъ губерніяхъ Закавказья % туземцевъ колеблется между 39,2 и 94,1, за исключеніемъ джеванширскаго уѣзда управленія гдѣ туземцевъ-чиновниковъ также оказывается 100%.

Указывая на высокій процентъ туземцевъ среди мировыхъ посредниковъ Тифлисской и Кутаисской губ., авторъ забылъ упомянуть, что они, *въ силу специального закона*¹⁾ комплектуются изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. А мотивомъ къ изданію этого закона послужило то обстоятельство, что мировымъ посредникамъ приходится рѣшать дѣла болѣею частию на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и сообразуясь съ мѣстными экономическими условіями. Къ тому же дѣла нужно рѣшать преимущественно миромъ, а этого трудно достигать безъ знанія языка сельчанъ и безъ близкаго знакомства съ ними. Нужно вспомнить, что мировые посредники и во внутреннихъ губерніяхъ, когда они тамъ существовали, также назначались изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ.

Указанный законъ не дѣйствуетъ въ нѣкоторыхъ закавказскихъ губерніяхъ и здѣсь уже нельзя встрѣтить столь высокій процентъ мировыхъ посредниковъ-туземцевъ. Почему авторъ умолчалъ, наприм., объ Эриванской губ., гдѣ судя по этому-же источнику, которымъ онъ пользуется („Кавк. календарь“) мировые посредники-туземцы составляютъ лишь 25%.

Но если и здѣсь, въ Эриванской губ., процентъ былъ бы значительно выше, то и этому не слѣдовало-бы придавать того значенія, какое придается авторъ.

Какъ непривычные для русскихъ климатъ и природныя условія Закавказья, его отдаленность отъ центровъ, мало привлекаютъ

¹⁾ См. Положеніе о мир. поср. и губ. по крест. дѣламъ прис. въ Тифл. и Кут. губ.

сюда русскихъ поселенцевъ, такъ точно и правительственныея должности въ Закавказье не манять сюда жителей внутреннихъ и съверныхъ губерній. Несмотря на щедрыя льготы, которыя правительство, особенно прежде, даровало пріѣзжимъ на Кавказъ чиновникамъ, охотниковъ служить здѣсь, въ низшихъ должностяхъ находилось мало.

Мировые посредники не есть нижшая должность, но она временная и опредѣленныхъ служебныхъ правъ не даеть. Работа въ этой должности, протекающая въ скромной сферѣ экономическихъ интересовъ захолустья, — совсѣмъ невидная, и случаевъ повышенія по службѣ почти вовсе не бываетъ. Мировой посредникъ получаетъ въ годъ всего 2 тыс. руб., на которые долженъ содержать не только себя, но и свою канцелярію, и лошадь. Тѣмъ менѣе могутъ быть соблазнительны для пріѣзжаго чиновника низшія полицейскія и канцелярскія должности, въ родѣ приставовъ, регистраторовъ и переводчиковъ уѣздныхъ управлений. А вѣдь главнымъ образомъ этихъ должностей и касаются цифровыя данныя, приводимыя г. Кавказцемъ. Имъ вовсе не упоминаются центральныя кавказскія учрежденія. Чтобы доказать, что въ нихъ русскій элементъ вовсе не такъ уже забыть, какъ можно было бы думать, читая статью г. Кавказца, приведемъ свѣдѣнія о нихъ изъ „Кавк.-же календаря“ за тотъ-же годъ, обозначая % чиновниковъ-нетуземцевъ. Совѣтъ главноначальствующаго—100%; канцелярія главноначальствующаго—81%¹⁾; управление уполномоченнаго министра государственныхъ имуществъ на Кавказѣ (безъ межевыхъ чиновъ и таксаторовъ)—75%²⁾; водная учрежденія—92%; губернаторы и вице-губернаторы—83%; кавказскій военноокружный судъ (безъ канцеляріи)—100%; тифлисская судебная палата (безъ канцеляріи)—96%; тифлисскій окружный судъ (безъ канцеляріи)—84%; кутаисскій окружный судъ (безъ канцеляріи)—88%³⁾; бакинскій окружный судъ (безъ канцеляріи)—88%; елисаветпольскій окружный судъ (безъ канцеляріи)—87%; эриванскій окружный судъ (безъ канцеляріи)—83%; управление медицинскою частью гражданскаго вѣдомства на Кавказѣ—83%; управление кавказскимъ учебнымъ округомъ—100%.

Мы могли-бы перечислить еще много важнѣйшихъ кавказскихъ учрежденій, въ которыхъ русскому элементу отведено почетнѣйшее мѣсто. Но и приведенныхъ цифръ, кажется, достаточно. И русское правительство, въ теченіе почти 100 лѣтъ своего владычества на Кавказѣ, не дѣлало этого различія. Во все про-

¹⁾ Нами исключенъ одинъ умершій и включенъ одинъ вновь назначенный.

²⁾ Не считаемъ одного умершаго.

³⁾ Нами исключенъ одинъ умершій членъ суда

долженіе этого времени не представлялось еще случая убѣдиться въ ошибочности такого взгляда. Между тѣмъ, жизнь на каждомъ шагу подвергала тяжелому испытанію преданности населенія Закавказья русской власти. Безконечныя войны, то съ Персіей и Турцией, то съ горцами, обильною кровью запѣчатлѣли на страницахъ исторіи подвиги закавказцевъ во славу русскаго оружія. Эта-то неизмѣнная преданность населенія и служащихъ своему новому, но могущественному отечеству и дѣлала совершенно излишними искусственныя мѣры въ russификаціи края. Опять достаточно доказать, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ гр. А. К. Толстой въ своихъ письмахъ (см. „Вѣстн. Евр.“ №№ 10 и 11, 1895 г.), что искусственныя мѣры въ такихъ случаяхъ никогда пользы не приносятъ и не могутъ выдержать никакого сравненія съ естественнымъ сліяніемъ народностей.

Что происхожденію служащихъ не нужно придавать большого значенія въ этомъ „Нов. Вр.“ могло бы убѣдиться и у себя въ Петербургѣ, не совершая экскурсіи на Кавказъ. Половина петербургскихъ канцелярій состоять изъ лицъ нерусского происхожденія, но это никому не давало повода обвинять ихъ въ измѣнѣ отечеству. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ какой-то газетѣ былъ опубликованъ списокъ служащихъ въ редакціи „Нов. Вр.“ и болѣе половины ихъ оказалось нерусского происхожденія, но на этомъ основаніи никто упрека не бросалъ „Нов. Времени“ въ антипатріоческомъ направлении.

III.

Противъ упрека въ недостаточномъ развитіи колонизации, съ Кавказа обыкновенно отвѣчали, что въ Закавказье нѣть свободныхъ земель, всѣ онѣ уже заселены, и что на Сѣверномъ Кавказѣ, откуда горцы выселились, почти всѣ свободныя земли были уже отведены русскимъ, главнымъ образомъ—казакамъ.

Это возраженіе авторъ вышеупомянутыхъ статей въ „Нов. Вр.“ старается лишить всякой силы, указывая на нѣкоторые участки въ Закавказье, которые, дѣйствительно, очень рѣдко заселены. Это, во-первыхъ, обширная Муганская степь. Но при этомъ тотъ же авторъ указываетъ и на обстоятельства, которыя при настоящемъ условіи дѣлаютъ названную степь неудобною для заселенія. Отсутствіе орошенія въ однихъ мѣстахъ, гниющія болота и эпидемія лихорадокъ—въ другихъ, вотъ что обращаетъ эту степь въ „мерзость запустѣнія“. Но, по мнѣнію автора, всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства очень легко устранить. Черезъ степь „протекаетъ такая полноводная рѣка, какъ Кура, которой по желанію правительства можно оросить всю эту степь, а затѣмъ, устроивъ ирри-

гацию, разбить ее на участки и сдавать на известныхъ льготныхъ условіяхъ переселенцамъ, группируя ихъ въ поселки семей въ 30—50“.

Вотъ геніальная мысль! Но авторъ ея не подумалъ о томъ, что для приведенія ея въ исполненіе требуется много миллионовъ руб. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятьъ всѣ специалисты дѣла орошенія и не намъ, профанамъ, возражать противъ этого. А ассигновать на такое дѣло миллионы, конечно, не во власти кавказскаго начальства, на которое такъ обрушился авторъ, а центральныхъ учрежденій.

Та Америка, которую открылъ сегодня авторъ статьи, г. Кавказецъ, много лѣтъ назадъ открыта ненавистными ему кавказскими чиновниками и счастливая идея автора давно уже приводится въ исполненіе въ ограниченныхъ размѣрахъ, т. е. насколько то позволяютъ наличные средства мѣстныхъ учрежденій. Если бы г. Кавказецъ не повторялъ, какъ попугай, задовъ старыхъ корреспонденцій и справился въ управлениі государственныхъ имуществъ Бакинской губ. и Дагестанской обл., то узналъ бы, что въ послѣднія 10 лѣтъ управление это довольно много занимается колонизационнымъ вопросомъ и всѣ свободныя и годныя для хлѣбопашества земли въ названной губерніи отводятъ *исключительно* русскимъ поселянамъ. Въ видѣ примѣра можемъ указать, на немалочисленныя русскія поселенія въ Джеватскомъ и Кубинскомъ уѣздахъ.

Упомянемъ еще о статьѣ „Русскія поселенія въ сухумскомъ округѣ“, напечатанной въ томъ же 1893 году, въ газетѣ „Нов. Обозр.“. Изъ этой статьи можно усмотрѣть, что на томъ самомъ Черноморскомъ побережье, на колонизаціи котораго русскимъ элементомъ особенно настаиваются нѣкоторыя столичныя газеты, не мало льготъ оказывалось русскимъ поселенцамъ, и теперь проектируется кутаисскимъ начальствомъ цѣлый рядъ мѣръ къ улучшенію такой колонизаціи. Если, несмотря на всѣ эти мѣры, колонизація идетъ тамъ черепашими шагами, то на то имѣются болѣе глубокія причины, а не „желаніе или нежеланіе правительства“, какъ полагаетъ г. Кавказецъ, авторъ статьи въ „Нов. Вр.“.

Далѣе продолжаетъ авторъ перечислять свободныя земли на Кавказѣ:

„Кромѣ необъятной Мурганской степи, мы можемъ указать еще на другіе могущие быть свободными, участки земли. Между кореннымъ туземнымъ населениемъ, во многихъ селеніяхъ имѣется большое количество земель, которыхъ они сами не въ состояніи распахивать, почему сдаютъ ихъ другимъ жителямъ въ аренду и этими деньгами платить подати въ казну, что пружаетъ ихъ къ бездѣятельности, отсюда—рабои, грабежи, убийства и т. п., потому что туземецъ, имѣя массу свободного времени и не зная, на что его употребить, подъ видомъ развлечения, пускается на различныя рискованныя предприятия, и, если его поймаютъ и посадятъ въ тюрьму или убьютъ при преслѣдованіи, то, по его понятію, таково предопределение судьбы!

„Мы знаемъ сельскія общества въ Бакинской губерніи, состоящія всего

изъ 40—80 дымовъ, у которыхъ, по приблизительному исчислению, приходится на каждое болѣе 5 тыс. дес. земли (Бостанчинское, Нараджанское и др.), а сел. Крызъ, состоящее изъ 700 съ небольшимъ дымовъ, имѣющее на берегу Каспійского моря до 30 кишлаговъ (хуторовъ), кромѣ того, имѣеть еще въ горахъ болѣе 20 тыс. дес. земли, а, можетъ быть, и болѣе—кто ее мѣрялъ!?"

Въ Кавказскихъ горахъ, дѣйствительно, не замѣчается малоземелья, по тутъ обиліе земель ни для кого не утѣшительно. Сухая каменистая почва дѣлаетъ хлѣбопашество невозможнымъ. Значительная часть такихъ земель отводится подъ пастьбу скота. Аренда земель крестьянами у крестьянъ же здѣсь является рѣдкимъ явлениемъ. Несравненно чаще случаи недостачи земель на всѣхъ членовъ семьи и ухода безземельныхъ на отхожіе промысла. Всѣ административныя учрежденія на Кавказѣ завалены просьбами малоземельныхъ крестьянъ о дополнительномъ надѣлѣ. Громадное большинство этихъ просьбъ остается безъ удовлетворенія, вслѣдствіе дѣйствительного недостатка свободныхъ земель. Ежегодно массы безземельныхъ крестьянъ покидаютъ свои родныя пепелища и идутъ въ далекіе края на сторонніе заработки. Въ главныхъ центрахъ Кавказа—Тифлісъ, Баку и Батумъ на каждомъ шагу можно встрѣтить чернорабочихъ, только-что покинувшихъ землю въ Кутаїской, Эриванской и др. губерніяхъ и идущихъ на самую тяжелую работу, чтобы не умереть съ голоду. Самъ же авторъ статьи въ „Нов. Вр.“, въ другомъ мѣстѣ, замѣчаетъ, что сотни имеретинскихъ дворянъ служатъ въ Тифлісѣ поварами и лакеями. Укорять дворянъ въ томъ, что они, по бѣдности своей, зарабатываютъ хлѣбъ чернымъ, но честнымъ трудомъ, можетъ только человѣкъ, зараженный вредными сословными предразсудками, или враждебно настроенный къ кавказскимъ народностямъ. Но тотъ фактъ, что люди вынуждены бросать свой домъ и идти въ прислугу въ городъ не служитъ ли самымъ яркимъ доказательствомъ малоземелья на Кавказѣ?

Если гдѣ на Кавказѣ и замѣчается многоземелье и аренда земель крестьянами у крестьянъ, такъ это на Сѣверномъ Кавказѣ. Здѣсь, дѣйствительно, казаки (Терской и Кубанской обл.) и крестьяне (въ Ставроп. губ.) часто владѣютъ землями болѣе 10 дес. на дворъ, вслѣдствіе чего у нихъ (особенно у казаковъ) земли иной разъ и арендуются крестьянами (ингородними). Но на это не можетъ претендовать г. Кавказецъ, такъ какъ здѣсь какъ сдатчики земель, такъ и съемщики, сплошь состоять изъ русскихъ поселенцевъ.

Вообще, всѣ факты въ подобныхъ статьяхъ бываютъ тенденціозно перетасованы и намъ пришлось бы очень долго провозиться съ ними, если бы задались мы цѣлью разобрать всѣ нагроможденные въ нихъ небылицы.

IV.

Въ слѣдующіе годы (1896—99 гг.) наша реакціонная печать вопросъ о колонизаціи Кавказа связала съ выселеніемъ отсюда духоборовъ въ Америку, а также съ прибытіемъ въ Закавказье армянъ, бѣжавшихъ отъ турецкихъ звѣрствъ.

Изъ всѣхъ русскихъ поселянъ, которыхъ судьба забрасывала въ Закавказье, наилучше акклиматизировались и осѣли сосланные сюда сектанты, главнымъ образомъ духоборы. Послѣдніе мирно жили въ краѣ нѣсколько десятилѣтій, пока живъ былъ ихъ духовный глава.

Затѣмъ среди нихъ пошли раздоры, которые мѣстная власть не только не сумѣла устранить, а, напротивъ, усилила своимъ неумѣлымъ вмѣшательствомъ. Часть духоборовъ приняла ученье толстовцевъ и отказалась нести воинскую повинность. Пошли беспорядки, аресты, разселеніе непокорныхъ по чужимъ селеніямъ, и все это, наконецъ, завершилось переселеніемъ довольно значительной части духоборовъ въ Америку (Канаду).

Что и говорить, тяжело было краю и всему государству терять такихъ прекрасныхъ работниковъ и мирныхъ обывателей, какъ духоборы. Нѣтъ сомнѣнія, и безтактность бывшей въ то время мѣстной администраціи достойна была осужденія. Но усматривать во всемъ этомъ дѣлѣ какую-то интригу туземцевъ-чиновниковъ было болѣе чѣмъ странно. Это подозрѣніе могла создать только распаленная фантазія усердныхъ не по разуму газетныхъ quasi—патріотовъ.

Въ 1897—98 гг. въ Закавказье появилось нѣсколько тысяч армянъ, бѣжавшихъ отъ ужасовъ, творившихся въ то время въ Турціи курдами вслѣдствіе армянского движения. Этого факта было достаточно, чтобы охранительная печать у насъ забила тревогу о нападкѣ армянъ и усиленіи на Кавказѣ, вслѣдствіе этого, беспокойнаго элемента. Глава армянской церкви, патріархъ Миртичъ заявилъ, что это переселеніе—временное и что бѣжавшіе готовы вернуться обратно, если Турція приметъ ихъ. Вслѣдствіе этого, немедленно начались дипломатическія сношенія нашего правительства съ Портой для возвращенія армянъ въ Турцію.

Нужно еще принять во вниманіе, что перешедшіе въ Закавказье армяне никакихъ свободныхъ казенныхъ земель не занимали, а находили временный пріютъ у своихъ одноплеменниковъ: у крестьянъ, въ селеніяхъ—въ качествѣ арендаторовъ и работниковъ, въ городахъ—въ качествѣ прислуги и поденщиковъ-рабочихъ.

Но если даже предположить, что этимъ переселенцамъ не

удастся вернуться въ Турцію, то едва-ли что-нибудь потеряетъ отъ этого Россія. Немало турецкихъ армянъ и раньше переселялось къ намъ и жалѣть объ этомъ правительству не приходилось. Переселялись большою частью не городскіе хищники, а крестьянѣ, мирный и трудолюбивый элементъ. Они оказывали существенную помощь русскимъ войскамъ во время войнъ съ Турцией, а послѣ войнъ переселялись съ одобренія нашего правительства на земли, оставленныя турками. Эти новые поселенцы оказывались вѣрными подданными единовѣрной имъ державы и вѣрными гражданами своего новаго отечества. Ихъ могли считать измѣнниками и революционерами только турки и курды, отъ гнета которыхъ они бѣжали, но отнюдь не русскіе патріоты. А между тѣмъ противъ такихъ несчастныхъ армянъ-поселенцевъ, потерявшихъ на родинѣ все и спасшихъ свою жизнь только бѣгствомъ къ намъ, велась въ послѣдніе 3 года жестокая травля на газетныхъ столбцахъ („Кавказъ“), пока главное кавказское начальство въ концѣ 1899 г. не положило этому конецъ, удаливъ усерднаго не по разуму редактора мѣстной офиціальной газеты.

Впрочемъ, представители этого теченія еще остались на Кавказѣ; это—нѣкоторые члены вновь образовавшагося въ Тифлісѣ переселенческаго общества. Этимъ карьеристамъ необходимо записать поскорѣе въ свой формуляръ, что они совершили необыкновенный подвигъ—усилили на Кавказѣ русскій элементъ. А что затѣмъ произойдетъ—имъ горя мало. Пусть эти поселенцы болѣютъ и мрутъ, или бѣгутъ безъ оглядки отъ новыхъ мѣстъ поселенія, какъ отъ чумы. Пусть мѣстное населеніе (не одно только армянское) лишается земель, вѣками обработанныхъ ихъ потомъ и кровью. Пусть это мирное населеніе озлобляется и беспокойный элементъ въ краѣ увеличивается, пусть усиливается преступность. Все это, къ сожалѣнію, упускается изъ виду сторонниками заселенія края русскимъ элементомъ сейчасъ, немедленно, во что бы то ни стало, не разбирая условій мѣстной жизни, не изучая вопроса, не намѣчая заранѣе земель, дѣйствительно удобныхъ для заселенія.

Чтобы читатель не заподозрилъ, что настоящія строки продиктованы озлобленіемъ туземца-кавказца, мы сошлемся на рядъ статей извѣстнаго русскаго беллетриста-народника, г. Ивановича, напечатанныхъ въ 1899 г. въ газетѣ „Новое Обозрѣніе“. Вотъ что, напримѣръ, онъ пишетъ о комитетѣ мѣстнаго переселенческаго общества (см. № отъ 24-го октября 1899 г.):

Комитетъ долженъ дать пріютъ несчастнымъ русскимъ крестьянамъ, которыхъ вужда заставила покинуть столь милую для всякаго родину. Надо помочь имъ устроиться на чужбинѣ, надо, чтобы они нашли хоть что-нибудь изъ того, чего они ищутъ, чтобы имъ не пришлось вспомнить пословицу: „изъ огня, да въ полымя“... Русскіе переселенцы, дѣйствовавшіе ощупью, нерѣдко

попадали въ такое положение на „новыхъ мѣстахъ“, но теперь у нихъ есть путеводитель—комитетъ, который знаетъ мѣстные условия и не допустить, конечно, чтобы переселеніе привело русскаго крестьянина не къ лучшему, а къ худшему. Словомъ, если только „проснулась душа живая“, то прежде всего въ переселенческомъ комитетѣ.

И какъ нарочно, на томъ же газетномъ листѣ (газ. „Кавказъ“), гдѣ было заявлено о пробужденіи живой души, я увидѣлъ заголовокъ „Отъ переселенческаго комитета“. Оказался краткій отчетъ объ опыте поселенія русскихъ крестьянъ въ Карайзахъ.

Опытъ былъ произведенъ наль семью семействами, которыхъ, отчаявшись получить надѣлы въ Сочинскомъ округѣ, согласились поневолѣ подвергнуться опыту, будуть ли люди болѣть лихорадкой въ лихорадочной мѣстности. На средства переселенческаго комитета переселенцы построили на Карапатѣ дома и „изъ практики прошлаго лѣта, — говорить отчетъ, — можно отмѣтить слѣдующее: въ теченіе лѣта до сентября между поселенцами было мало заболѣваній лихорадкой—пять случаевъ на 42 души, по *всѣ сентябрѣ переболѣли почти всѣ, при чѣмъ трудно-болѣнныx было три*“. Затѣмъ 5 семействъ получили извѣстіе, что имъ отведены надѣлы въ Сочинскомъ округѣ и немедленно бросили свои дома на Карапатѣ...

Кажется, ясно, что опытъ былъ неудаченъ; что мало, слишкомъ мало вниманія къ русскимъ крестьянамъ выразилось въ этомъ опыте, потому что вѣдь производившіе его знали, что Карайзы отличаются лихорадками, и что „душа живая“ не допустить продолженій такого негуманнаго и непатротичнаго опыта надъ русскими людьми... Но, несмотря на то, что „почти всѣ“ переселенцы „переболѣли“ лихорадкой, переселенческій комитетъ находитъ, что „опытъ далъ сравнительно благопріятные результаты“ и что для дальнѣйшаго опыта „на мѣсто бывшихъ пяти семействъ намѣчены новые русскія семьи“...

Если при началѣ опыта предполагалось, что всѣ русскіе переселенцы умрутъ, то, конечно, послѣ того, какъ они только переболѣли, можно назвать результаты опыта „сравнительно благопріятными“. Но согласитесь съ тѣмъ, господа, что сердце каждого человѣка, и русскаго въ частности, не можетъ не возмутиться при сообщеніи о такомъ опыте. Неужели русскихъ крестьянъ можно подвергать такимъ жестокимъ опытамъ? И почему это переселенческое общество, имѣющее цѣлью принести пользу русскимъ переселенцамъ, дѣлаетъ имъ зло, посылая въ завѣдомо вредномъ для здоровья мѣсто въ переселенческомъ обществѣ и извѣстной части печати.

Сословный вопросъ.

I.

Къ русскимъ дворянамъ приравнены и утверждены въ дворянскомъ достоинствѣ пока только дворянѣ Тифлисской и части Кутаисской губерній, всѣ же высшія сословія Закавказья, включая сюда и Дагестанъ, а также Терскую и Кубанскую области, пользуясь фактически лишь нѣкоторыми льготами, присвоенными русскому дворянству, не признаны еще въ правахъ этого сословія.

Къ разбору сословныхъ правъ мѣстнаго населенія правительство приступило почти тотчасъ вслѣдъ за замиреніемъ края, около полвѣка назадъ. Такъ было поступлено и въ отношеніи хановъ, бековъ, агаларовъ и меликовъ Эриванской, Бакинской,

Елисаветпольской и части Тифлисской губ., и въ отношеніи мингрельцевъ, и въ отношеніи горскихъ сословій. Особо образованная на мѣстѣ комиссіи, подъ предсѣдательствомъ довѣренныхъ отъ правительства лицъ, разматривали какъ принципіальный вопросъ о признаніи того или другого разряда высшихъ сословій въ правахъ русскаго дворянства, такъ и составляли списокъ лицъ, которыхъ они признавали подходящими подъ данный разрядъ. Труды этихъ комиссій не разъ восходили на разсмотрѣніе бывшаго главнаго управлѣнія намѣстника кавказскаго, дополнялись, исправлялись и нерѣдко снова направлялись въ мѣстныя комиссіи, съ тѣмъ, чтобы вновь возвращаться въ Тифлисъ.

Ходъ дѣла замедлялся, съ одной стороны, многочисленностью градаций мѣстныхъ высшихъ сословій, требующую продолжительнаго, осторожнаго и основательнаго изученія всѣхъ нюансовъ дѣла, а съ другой стороны тормазомъ служилъ духъ того времени, съ которымъ совпала пора наибольшей дѣятельности сословныхъ козней. Всѣ крупныя преобразованія Императора Александра II носили на себѣ характеръ всесословности: крестьянская, судебнага, воинская, городская и прочія реформы болѣе или менѣе вели къ нивелированію общественныхъ группъ въ ихъ личныхъ правахъ. Съ точки зрењія этихъ реформъ, само собой умалялось значеніе сословныхъ прерогативъ. Но какъ только реформы завершились и явилось новое направление законодательства, сословный вопросъ на Кавказѣ вновь получилъ свое естественное теченіе. Вопросъ этотъ такъ или иначе долженъ былъ разрешиться. Общество наше вспомнило объ этомъ, и правительство, съ своей стороны, откликнулось на этотъ запросъ своевременно.

Трудно молчать и печати объ этомъ, живо задѣвающемъ интересы мѣстнаго общества, предметъ. Вопросъ этотъ лишь на видъ кажется шаблоннымъ, архаическимъ, лишеннымъ современнаго общественнаго интереса, въ дѣйствительности же онъ неразрывно связанъ съ интересами просвѣщенія и общественнаго самовоспитанія.

Было, дѣйствительно, время, когда понятіе о сословныхъ привилегіяхъ неразрывно связывалось съ понятіемъ о китайской стѣнѣ, раздѣляющей общество на касты. Всякое стремленіе къ сословной обособленности, понятно, являлось признакомъ регресса, поощреніемъ противообщественныхъ инстинктовъ. Но въ данномъ случаѣ сословный вопросъ получаетъ совершенно иное значеніе, прямо противоположное сказанному.

Дарованіе кавказскимъ высшимъ сословіямъ правъ русскаго дворянства, — что въ принципѣ правительствомъ давно уже было решено, равносильно дарованію обширному кругу населенія весьма существенныхъ гражданскихъ правъ.

Дворянское достоинство, открывая доступъ обладателямъ его въ нѣкоторыя учебныя заведенія, въ которыя дѣти не-дворянъ не принимаются, тѣмъ самымъ способствуетъ распространенію въ населеніи просвѣщенія. Официальное признаніе за кавказскими высшими сословіями нѣкоторыхъ правъ, которыми они въ настоящее время пользуются только отчасти и только фактически, облегчитъ имъ доступъ на государственную службу, расположитъ ихъ къ трудовой жизни и добыванію себѣ средствъ существованія честнымъ путемъ, путемъ службы государству. Утвержденіе въ дворянскомъ достоинствѣ, сверхъ всего этого, даетъ массъ нашихъ бѣдныхъ землевладѣльцевъ возможность пользоваться дешевымъ кредитомъ въ закавказскомъ отдѣленіи государственного дворянскаго банка, что, конечно, не можетъ не ослабить нынѣшней тяжелой зависимости ихъ отъ мѣстныхъ кулаковъ и ростовщиковъ. Мало этого, дарование нашимъ дворянамъ права имѣть свои словно-общественные учрежденія, въ видѣ депутатовъ и общихъ дворянскихъ собраній, имѣть своихъ представителей, въ лицѣ предводителей, несомнѣнно, пробудить въ нихъ сознаніе необходимости общей солидарности въ важныхъ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ. Это сословное самоуправлѣніе вызоветъ въ мѣстномъ дворянствѣ духъ общественной инициативы и интересъ къ общественнымъ дѣламъ.

Имѣя въ виду все это, а также и то обстоятельство, что дворянскій титулъ уже не предоставляетъ его обладателю такихъ правъ, которыя могли бы служить въ ущербъ интересамъ остальныхъ общественныхъ группъ, какъ, напримѣръ, крѣпостного права или свободы отъ несенія государственныхъ повинностей¹⁾, нельзя не прийти къ заключенію, что утвержденіе кавказскихъ высшихъ сословій въ правахъ русского дворянства не только не представляетъ собой чего-нибудь противнаго общественнымъ или государственнымъ интересамъ, а, напротивъ, является крайне желательнымъ, съ точки зрѣнія гражданскаго преуспѣянія нашего края.

Вотъ почему, не боясь прослыть ретроградами, отъ души пожелаемъ скорѣйшаго и окончательнаго разрѣшенія дѣла о разборѣ сословныхъ правъ во всѣхъ тѣхъ частяхъ Кавказскаго края, въ которыхъ они еще не окончательно разобраны, а именно въ Мингрелии, бывшихъ мусульманскихъ провинціяхъ Закавказья и въ горскихъ областяхъ, т. е. на значительномъ пространствѣ края.

¹⁾ За исключеніемъ, впрочемъ, подымной подати, отъ которой, дѣйственно, освобождено дворянство. Но подать эта долго у насъ существовать не будетъ, а подлежитъ замѣнѣ поземельнымъ налогомъ, какъ это уже случилось во внутреннихъ губерніяхъ русскихъ, гдѣ подушная подать, соответствующая нашей подымной, уже вовсе отмѣняется. Въ этомъ смыслѣ уже составляется соответствующій законопроектъ.

Такія сужденія кажутся ретроградной части печати очень странными и такими-же они могут показаться и другимъ, имѣющимъ превратное понятіе объ исторіи нашего края. Въ виду этого считаемъ нелишнимъ дать здѣсь необходимое разъясненіе.

По мнѣнию наприм. „Моск. Вѣдом.“¹⁾, мы, сочувствуя утвержденію горскихъ сословій въ правахъ русскаго дворянства, упустили, будто изъ виду главное.

„Высшія сословія тѣхъ народностей Кавказа,—говорить газета,—которыя, какъ грузины, дѣйствительно вѣрой и правдой служатъ Государю и Россіи, имѣютъ дѣйствительно полнѣйшія права на русское дворянство, каковыми правами, впрочемъ, и пользуются. Если въ этомъ отношеніи есть недосмотры,—нельзя не пожелать ихъ устраненія. Но дарование правъ русскаго дворянства князьякамъ враждебныхъ Россіи племенъ,—только силой оружія сдерживаемыхъ въ соединеніи съ нами и измѣняющихъ Россіи при каждой войнѣ съ Турцией,—есть полнѣйшее искаженіе идеи дворянина, человѣка, всѣ права и все благородство котораго всецѣло истекаютъ изъ безпредѣльной, ничѣмъ, предполагается, несокрушимой вѣрности Государю и отечеству. Горскому князьку можно дать какія угодно права, но не званіе русскаго дворянства, на которое гораздо больше правъ имѣть послѣдній грузинскій крестьянинъ. Уважая принципъ дворянства, это званіе можно давать только тѣмъ горскимъ князьякамъ, которые личными заслугами доказали свою преданность Государю и Россіи. Мы достаточно подрывали свое дворянство, переполняя его ряды смертельными врагами Россіи, въ родѣ польскихъ шляхтичей. Эту политику пора прекратить“.

Такъ можетъ говорить только тотъ, кто не имѣть знакомства съ обсуждаемымъ предметомъ. Борьба во время горской войны была направлена главнымъ образомъ противъ черкесовъ или адыгейскихъ племенъ на западномъ Кавказѣ и противъ чеченцевъ на востокѣ. Но известно, что первые выселились въ Турцию, а вторые отличались демократическимъ складомъ жизни и не имѣли высшихъ сословій. Всѣ проекты о признаніи за горскими сословіями известныхъ правъ имѣли и имѣютъ въ виду почти исключительно осетинъ, кабардинцевъ и кумыковъ, которые еще задолго до присоединенія Грузіи къ Россіи, считались союзниками и данниками русскихъ, добровольно отдавая себя послѣднимъ въ подданство.

То-же нужно сказать относительно армянскаго населенія Закавказья, създавна стремившагося освободиться изъ подъ ига персидскаго и турецкаго и поступить въ подданство христіанской державы—Россіи. Населеніе это немало способствовало присоединенію къ нашему отечеству обширныхъ мусульманскихъ провинцій юнѣшняго Закавказья.

Даже въ завоеванныхъ частяхъ Кавказскаго края правительство не лишало населенія присвоенныхъ послѣднему ранѣе правъ состоянія, и такова была политика русская не только у насъ, на Кавказѣ, но и вездѣ, чему, напримѣръ, доказательствомъ могутъ служить распоряженія правительства о признаніи сословныхъ

¹⁾ Статья „Моск. Вѣд.“ появилась послѣ вышевысказанныхъ нами сужденій въ 1891 г. и является отвѣтомъ на эти сужденія.

правъ за калмыками Астраханской губерніи, ордынцами Закаспійской области, и пр.

Какъ ханамъ, бекамъ и меликамъ Закавказья, такъ и кавказскимъ горскимъ „князькамъ“ и дворянамъ русское правительство, на первыхъ-же порахъ своего вступленія въ край, фактически даровало весьма существенныя права русскихъ дворянъ. А именно: эти сословія были освобождены отъ отбыванія подымной подати и отъ тѣлеснаго наказанія, а также были предоставлены имъ права государственной службы.

Если, несмотря на все это, окончательное разрѣшеніе сословнаго вопроса на Кавказѣ замедлилось, то не потому, конечно, чтобы мусульманское дворянство играло роль польскихъ шляхтичей, чemu не шутя вѣрять „Моск. Вѣдом.“, а въ виду того лишь, что вопросъ этотъ, какъ мы уже разъяснили въ началѣ этой статьи, по своей сложности и по разнообразію матеріала, требовалъ тщательной разработки, на что у правительства не хватало досуга и средствъ до послѣдняго времени, до полнаго умиротворенія края. Какъ видитъ читатель, ларчикъ просто открывается, но нашей скучающей прессѣ непремѣнно нужны какіе-нибудь мрачные политические призраки, и вотъ она вызываетъ ихъ изъ мрака кавказскихъ горъ, — благо эта почва, мало изслѣдованная въ русской наукѣ и литературѣ, даетъ благодарный матеріалъ для разныхъ фантастическихъ заключеній.

Разрѣшить вопросъ однако давно пора. Нынѣшнее неопределеннное положеніе создаетъ въ краѣ смуту, что можно видѣть изъ корреспонденцій, часто появляющихся въ столичныхъ газетахъ. Ввидѣ образчика приведемъ слѣдующее сообщеніе изъ Терской области, помѣщенное въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ въ концѣ прошлаго (1899) года:

„Положенію дѣла, — какъ оно представляется по исторической справкѣ, заимствованной изъ официальнаго источника, — совершенно не соотвѣтствуетъ за послѣднее время образъ дѣйствій администраціи Терской области, которая систематически третируетъ представителей благородныхъ сословій горцевъ, какъ самозванцевъ, и даже лишаетъ ихъ возможности воспользоваться тѣми правами, которыя, независимо окончательного разрѣшения сословнаго вопроса, уже получили законодательную санкцію. Таково, напримѣръ, предъявленное дигорскимъ бадилятамъ требование подписки въ томъ, что они впередъ не будутъ называть себя происходящими изъ рода бадилятъ, тогда какъ со званіемъ бадилятъ сочржены извѣстныя права и преимущества. (ст. 5 и 29 III. т. св. зак. Р. И.). Паспортная система служитъ для администраціи Терской области излюбленнымъ средствомъ стѣсненія даже хорошо ей извѣстныхъ лицъ. По закону 8 июля 1898 г. (Собр. уз. и распор. прав. № 86 ст. 1082 § 9) инородцы, пользующіеся на основаніи существующихъ узаконеній правами привилегированнаго сословія, должны иметь виды на жительство на одинаковыхъ условіяхъ съ привилегированными лицами русскаго происхожденія. Между тѣмъ, администрація снабжаетъ представителей высшихъ сословій проходными свидѣтельствами и даже отбираетъ безсрочные виды на жительство, выданные прежнимъ начальствомъ области. Бывали случаи, что лица, прожившихъ 35 лѣтъ съ документами, выданными отъ народнаго суда осетинскаго округа, требовали изъ Россіи обратно въ Терскую область этапнымъ порядкомъ, какъ проживающихъ безъ всякаго вида.. Мириться съ такимъ положеніемъ благородныхъ сословія не

— 1885. —

могутъ и безпрестанно утружаютъ высшее начальство жалобами. Жалобы эти, разумѣется, безъ послѣдствій не остаются, и въ результатѣ одинъ братъ зачисляется на государственную службу, какъ происходящій изъ привилегированнаго сословія, а другой третируется, какъ государственный крестьянинъ. Неудивительно поэтому, что запросы новой жизни, не получая правильнаго развитія, способствуютъ лишь полному разладу горцевъ съ собой“...

Такихъ заявленій немало можно встрѣтить, повторяемъ, въ столичной печати и они остаются безъ опроверженія со стороны мѣстной власти, такъ какъ, къ сожалѣнію, они по большей части вполнѣ справедливы.

Разбои и саморасправа.

I.

У впечатлительного кавказскаго общества „злобы дня“ вообще очень быстро мѣняются: сегодня говорять о межеваніи и орошениі, завтра о школахъ, затѣмъ опять о межеваніи и орошениі, и т. д.; все здѣсь не устроено, все ждетъ устроїства. Но есть предметъ, который составляеться, такъ сказать, вѣчную злобу дня Кавказа, и который вполнѣ достоинъ серьезнаго вниманія, какъ мѣстнаго, такъ и вообще русскаго читателя, это—отсутствіе безопасности, безпрестанное, и нерѣдко остающееся безнаказаннымъ, нарушеніе спокойствія мирныхъ жителей. Кавказъ прославился обиліемъ самыхъ возмутительныхъ преступленій; убийства, пораненія, разбои, составляютъ здѣсь обыденное явленіе не только въ горахъ и другихъ захолустьяхъ, но и въ наиболѣе бойкихъ пунктахъ, торговыхъ и административныхъ. Никого уже не удивляетъ, напр., нападеніе шайки разбойниковъ на почту, всего въ 12 верстахъ отъ Тифлиса, или когда весь край терроризуется другой шайкой, грабящею въ продолженіе одного дня болѣе ста человѣкъ проѣзжихъ по эриванскому или иному бойкому тракту.

Нужно ли говорить о тѣхъ, ничѣмъ не вознаградимыхъ потеряхъ, какія несетъ населеніе Кавказа при необеспеченнosti жизни и имущества? Торговля и промышленность страдаютъ отъ частыхъ нападеній на транспорты и отъ безпрестанныхъ поджоговъ. Земледѣлецъ не столько думаетъ здѣсь о плугѣ, сколько, о кинжалѣ и ружьѣ, которые должны быть у него всегда на готовъ для отраженія многочисленныхъ шаекъ, оперирующихъ у него подъ носомъ. Вниманіе администраціи поглощено заботами объ охранѣ жизни и имущества населенія, и вслѣдствіе этого отложено въ долгій ящикъ осуществленіе давно задуманныхъ и давно уже получившихъ примѣненіе въ другихъ мѣстностяхъ Россіи реформъ, — реформъ, отъ которыхъ зависитъ экономическое благосостояніе всего края. Разбои же и грабежи изъ Кавказа

ноябрь.

дѣлаютъ для туриста какое-то пугало, между тѣмъ, какъ край этотъ, благодаря красотѣ и богатству своей природы, при другихъ условіяхъ, могъ бы служить, подобно Швейцаріи, магнитомъ для путешественниковъ, и, подобно-ей же, богатѣть отъ ихъ наплыва.

Имѣя въ виду такой важный ущербъ, наносимый населенію Кавказа отъ высокаго уровня въ немъ преступности, невольно является вопросъ о причинахъ развитія этого зла, разъѣдающаго красивѣйшую и богатѣйшую окраину Россіи, и о средствахъ, которыхъ могли бы служить въ данномъ случаѣ противоядиемъ.

Ходячее мнѣніе объ этомъ предметѣ указывало до сихъ поръ на слабость полицейской власти и карательныхъ мѣръ, налагаемыхъ судомъ. Поэтому многіе были убѣждены, что усиленіе ре-прессаліи приведетъ къ желанному результату. Такому мнѣнію нѣкоторой части общества или, лучше сказать, бюрократіи, мѣстная администрація оказала въ послѣднее время большое вниманіе. Болѣе или менѣе крупныя уголовныя дѣла были переданы военному суду, который обыкновенно въ такихъ случаяхъ подсудимыхъ осуждалъ на смертную казнь. Административная ссылка была значительно усиlena, причемъ подвергались ссылкѣ не только предполагаемые преступники, но и ихъ семейства, до малолѣтнихъ дѣтей включительно, а также и родственники ихъ, какъ близкіе, такъ и дальние. Введена была въ сельскихъ обществахъ круговая порука, которою они обязывались вознаграждать потерпѣвшаго за всякое преступленіе, совершенное въ ихъ районѣ. Кромѣ того, въ общества эти на ихъ же счетъ наряжались экзекуціи, обязанныя оставаться тамъ впередь до полнаго возвращенія въ нихъ порядка.

Люди, знакомые съ исторіей уголовныхъ законодательствъ, не ожидали, конечно, отъ этихъ мѣръ никакой пользы, помня ту аксиому, добытую вѣковымъ опытомъ, что строгость наказанія еще не влечетъ за собой ослабленія преступности. Извѣстно, напротивъ, что смертная казнь, напримѣръ, ожесточаетъ зрителей и усиливаетъ наклонность къ злодѣяніямъ. Такой же результатъ получается отъ всякой несправедливости, невольно допускаемой властью при чрезмѣрномъ стремлѣніи ея возможно скорѣе и во что бы то ни стало найти преступниковъ и наказать ихъ возможно сильнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, на Кавказѣ ни строгости военного суда, ни усиленная административная высылка, ни взятие въ плѣнъ родственниковъ и даже дѣтей, преслѣдуемыхъ полиціею разбойниковъ, ни, наконецъ, экзекуція и круговая порука сельскихъ обществъ, — не только не уменьшили числа преступленій, но, напротивъ, повидимому, даже увеличили его, какъ это видно изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ, добытыхъ нами въ отношеніи трехъ закавказскихъ губерній, чутъ не наиболѣе про-

славившихся хищническими подвигами своихъ шаекъ. Въ эриванской губерніи въ продолженіе 1881 г. было совершено крупныхъ преступлений 985, болѣе, чѣмъ въ предыдущемъ году, на 214, а затѣмъ въ 1882 году число преступлений увеличилось тамъ до 1,114, т.-е. на 129 болѣе, чѣмъ въ 1881 году; въ 1883 же году число это возрасло еще на 133, т.-е. достигло 1,247. Почти такой же прогрессъ замѣчается и въ Елисаветпольской губерніи, гдѣ въ продолженіе 1881 года имѣло мѣсто 1,842 случая различныхъ злодѣяній, а въ слѣдующемъ году цифра эта возрасла до 2,251, т.-е. увеличилась на 409. Затѣмъ, въ 1883 году въ этой же губерніи хотя и замѣчаемъ нѣкоторое паденіе степени преступности, а именно съ 2,251 число крупныхъ преступлений падаетъ до 2,019, но все-же эта послѣдняя цифра выше соответственной цифры 1881 года (1842). Въ Тифлисской губерніи возрастаніе числа преступлений выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Въ 1877 г.:	Въ 1883 г.:
Убийства	62	107
Грабежи и разбои.	82	121
Пораненія и тяжкіе побои . . .	12 (?)	178 ¹⁾

Безрезультатность вышеперечисленныхъ репрессивныхъ мѣръ засвидѣтельствована отчасти и официально; такъ, напримѣръ, привлеченіе сельскихъ обществъ къ имущественной ответственности за преступление, совершенное въ ихъ районѣ, не принесло никакой пользы, по заявлению одного изъ товарищей прокурора тифлисской судебнной палаты (тифлисская газета „Новое Обозрѣніе“, № 381), и это подтверждено было въ отношеніи нѣкоторыхъ пограничныхъ деревень и официальной карской газетой

Годы.	Убийства.	Пораненія и тяжкіе побои.	Грабежи и разбои.
1871 г.	419	548	479
1872 "	453	501	586
1873 "	545	838	542
1874 "	558	958	632
1875 "	642	775	574
1876 "	629	950	729

Конечно, этотъ быстрый ростъ численности преступлений нѣсколько противорѣчитъ уголовной статистикѣ, недопускающей такихъ сильныхъ скачковъ, да къ тому же это не можетъ быть оправдано и особенно быстрымъ возрастаніемъ численности населения, чего на Кавказѣ и нѣтъ. Но еще менѣе можетъ быть основанія выводить изъ вышепоказанныхъ цифръ заключеніе объ уменьшении преступности на Кавказѣ, какъ это дѣлаетъ газета „Кавказъ“, очевидно для успокоенія мѣстного общества, не въ мѣру напуганнаго подвигами двухъ-трехъ разбойничихъ шаекъ. Впрочемъ, въ такихъ случаяхъ дѣлаются обыкновенно голословныя заявленія или же приводятся явно невѣроятныя свѣдѣнія.

¹⁾ Нельзя здѣсь не оговориться, что постоянное, изъ года въ годъ, увеличеніе числа преступлений на Кавказѣ замѣчалось и раньше, до принятія вышеперечисленныхъ репрессивныхъ мѣръ, что видно, наприм., изъ слѣдующей таблицы, извлеченной нами изъ „Сборника свѣдѣній о Кавказѣ“, т. IV.

пія, добытыя поліцією, которая вообще заинтересована въ показаніи возможно меншаго числа преступлений. Такъ, наприм., въ названной газетѣ указывалась разница между числами преступлений, совершенныхъ въ Елисаветпольской губерніи въ 1883 и слѣдующемъ годахъ, и отношеніе это выражалось въ цифрахъ 1,413 и 602, т.-е. оказывалось, что въ этой губерніи въ продолженіе года преступность уменьшилась болѣе, чѣмъ вдвое, и все это благодаря строгимъ мѣрамъ администрації, повидимому обладающей магической силой сразу искоренять преступность.

(см. „Новое Обозрѣніе“, № 580). Экзекуціі же наносили населенію больший материальный ущербъ, чѣмъ тѣ преступленія, для искорененія которыхъ онъ къ нему посыпались.

Достойно, однако, вниманія, что, несмотря на вышеприведенные цифры и официальная заявлепія, находятся сице люди, не перестающіе вѣровать во всемогущество экзекуцій; такъ, нѣкій тифліссійский корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“ съ восторгомъ ссылается на Персію, какъ, па образецъ, достойный полнаго подражанія въ отношеніи умѣнія быстро и энергично возстановлять спокойствіе. Вотъ какъ, въ Персіи, разсказываетъ корреспондентъ, ловятъ и казнятъ разбойниковъ: „По караванной дорогѣ на городъ Себзеваръ, по сообщенію одной персидской газеты, на караванъ съ дорогими товарами напали разбойники-кочевники, въ числѣ пятидесяти конно-вооруженныхъ, и разграбили весь товаръ на громадную сумму. Объ этомъ происшествіи доложили принцу Зилли-Султану (второй сынъ шаха); принцъ немедленно отправилъ къ ширазскому валию (губернатору) особаго уполномоченнаго чиновника съ приказаниемъ въ три дня доставить къ нему грабителей и все ими награбленное, въ противномъ случаѣ,— голову самого валия. По прибытии посланного въ Ширазъ, вали просилъ по телеграфу отсрочки и получилъ ее, но съ подтвержденіемъ, что голова его останется у него на плечахъ лишь при успѣшномъ исполненіи приказанія. Тогда вали собралъ 300 всадниковъ и отправился въ кочевые грабителей, гдѣ и произошло упорное сраженіе. Изъ грабителей трое убиты, а остальныхъ 47 заарестованы, затѣмъ взяли весь ограбленный товаръ, и вали лично представилъ его, равно и разбойниковъ, памѣстнику. Принцъ наградилъ валия подаркомъ, товары возвращены купцамъ, а изъ доставленныхъ разбойниковъ чрезъ каждые три дня казнятъ на площади по пять человѣкъ. Вотъ примѣръ быстрого исполненія, подъ вліяніемъ остротки!“ Какъ можно заключить по этому восклицанію корреспондента, онъ и не подозрѣваетъ, что сообщенія персидскихъ газетъ о сатрапской мудрости обыкновенно сильно смахиваютъ на арабскія сказки, и повидимому, убѣжденъ, что тѣ пятьдесятъ человѣкъ, которыхъ поймалъ ширазскій губернаторъ въ три дня, изъ боязни быть самому обезглавленнымъ, и которые были немедленно казнены, нужно полагать, безъ суда и слѣдствія,—что эти пятьдесятъ человѣкъ были дѣйствительно тѣ са-

мые разбойники, которые совершили вышеописанное преступление! Ничуть не бывало. Особенно кавказцы хорошо знаютъ, по собственному опыту, что означаетъ такой нераазборчивый способъ розыска преступниковъ и ограбленного имущества; кавказцамъ хорошо известно, что казнамъ и инымъ тяжкимъ шаказаніямъ подвергаются иногда если не совершенно невинные люди, то нерѣдко второстепенные участники преступлениа, а за ограбленное или уворованное имущество выдается собственность чуть не самаго мирнаго изъ всѣхъ мирныхъ жителей околотка.

Обвиненіе въ слабости, взводившееся на кавказскую полицію и судъ, очень часто оказывалось совершенно неосновательнымъ; полиція кавказская, какъ и полиція вообще русская, конечно, не можетъ похвастаться ни образцовой своей организацией, ни за виднымъ личнымъ составомъ, но обвинять ее, на основаніи пѣ сколькихъ единичныхъ случаевъ, въ соучастіи въ тѣхъ злодѣяніяхъ, которыхъ терроризируютъ весь край — было бы крайнею несправедливостью. Кавказская полиція ведеть съ мѣстными разбойничими шайками правильно организованную войну и нерѣдко въ стычкахъ съ ними теряетъ своихъ лучшихъ представителей. Точно также и судебная установленія, которымъ подсудны всѣ крупныя преступлениа, далеко не отличаются чрезмѣрною снисходительностью къ подсудимымъ. На Кавказѣ нѣть суда присяжныхъ, а то все зло приписали-бы исключительно именно этому суду. Въ практикѣ существующихъ тамъ коронныхъ судовъ, напротивъ, было не мало случаевъ, дававшихъ поводъ упрекнуть суды эти въ излишней суворости. Конечно, суворость эта проходила не отъ чего иного, какъ отъ невольнаго незнанія ими тѣхъ условій мѣстной жизни, которыхъ могли бы послужить подсудимому облегчающимъ вину его обстоятельствомъ. Но нельзя упускать изъ виду, что незнакомство кавказской бюрократіи съ мѣстнымъ бытомъ и нарѣчіями не составляетъ явленія случайного, а, напротивъ, зло это, къ сожалѣнію, пустило тамъ глубокіе корни, и вслѣдствіе этого, не только нѣть никакого основанія протестовать противъ излишней будто для „кавказскихъ дикарей“ гуманности мѣстнаго суда и полиціи, но, напротивъ, приходится нерѣдко жаловаться на излишнюю строгость этихъ учрежденій. Не зная обычаявъ края, нельзя ихъ уважать, не зная языка населенія, нельзя понять его нуждъ, и въ такихъ условіяхъ мѣстная бюрократія, при всемъ ея доброжелательствѣ, понятно, часто оказывается черезчуръ суворою.

Такая излишняя, хотя и невольная, суворость мѣстныхъ судебныхъ и полицейскихъ чиновниковъ не только не ослабляетъ склонности населенія къ преступленіямъ, но, напротивъ, вызываетъ ихъ. Такъ напримѣръ, все населеніе какого-нибудь селенія

или даже цѣлаго уѣзда считаетъ иногда своимъ святымъ долгомъ укрывать у себя явныхъ преступниковъ, будучи убѣждено, что, попадясь въ руки полиціи и суда, они понесли бы чрезмѣрно строгое наказаніе. И это убѣженіе населенія не есть слѣпое предубѣженіе противъ начальства, а, напротивъ, оно основано на неоднократныхъ живыхъ примѣрахъ, на очевидныхъ фактахъ.

Достойно вниманія, что примѣръ иенужной жестокости, вслѣдствіе непониманія мѣстной жизни, подаются часто не одни закоренѣлые бюрократы, смотрящіе на живую дѣйствительность съ высоты птичьяго полета. Въ доказательство того, что лучшіе кавказскіе дѣятели, воодушевленные желаніемъ принести пользу kraю оказываются для него въ нѣкоторыхъ случаяхъ вреднѣе завѣдомо вредныхъ дѣятелей, именно вслѣдствіе непониманія нуждъ населенія,—приводимъ слѣдующій характерный случай, изъ книги доктора Богуславскаго о кавказскихъ минеральныхъ водахъ, случай, хотя и изъ давно прошедшаго времени, но весьма возможный и сегодня:

„Кисловодская казенная гостинница, въ которой теперь ежедневно собирается публика,—говорить д-ръ Богуславскій,—въ 1850 году была свидѣтельницей страшной драмы, разыгравшейся среди бѣлага дня. Въ то время начальникомъ края былъ князь Воронцовъ. Эпизодъ состоитъ въ слѣдующемъ: нѣкто азіатецъ, изъ хорошей фамиліи, Шамхаловъ, увезъ дочь у генерала Туганова (тоже азіатецъ), находившагося въ русской службѣ. Сдѣлано это было потому, что, по ихъ обычаямъ, всякий порядочный человѣкъ иначе и не женится; но Тугановъ, какъ человѣкъ скупой, разсчитывалъ получить за свою dochь большою калымъ, а потому подалъ жалобу на похитителя мѣстному начальнику и, по приказанію послѣдняго, сдѣлано было распоряженіе о вызовѣ Шамхалова для личныхъ объясненій. Шамхаловъ по первому зову не явился, говоря, что нѣть никому дѣла до ихъ обычаевъ. Спустя нѣсколько дней онъ прибылъ, однако, въ Кисловодскъ со своимъ братомъ и пятью нукерами въ полномъ вооруженіи. Одновременно явился съ нимъ и братъ его жены съ кунаками, которые, предвидя непріятность, во-время уѣхали и не принимали участія въ печальному происшествію. Объясненіе Шамхалова происходило на дворѣ у мѣстнаго начальника, князя Эристова, гдѣ, по распоряженію послѣдняго, была уже собрана рота солдатъ изъ крѣпости и сотня донцевъ. Князь Эристовъ отдалъ приказъ предварительно обезоружить арестованного Шамхалова, на что послѣдній отвѣчалъ, что онъ скорѣе позовлить снять съ себя голову, чѣмъ отдать оружіе, и съ крикомъ „шашки вонъ!“ всадники вскочили на коней, что и было поводомъ къ общему переполоху. Горцы съ гикомъ бросились на Крестовую гору, но на дорогѣ встрѣчены были залпомъ донскихъ казаковъ, причемъ былъ убитъ братъ Шамхалова. Вскарабкавшись на верхушку горы, всадники засѣли за крестомъ ея, захвативъ съ собой убитаго товарища. Началась перестрѣлка, при чемъ трое изъ горцевъ были убиты. Чтобы покончить разомъ съ ними, по распоряженію князя Воронцова, наблюдавшаго за ходомъ дѣла со своего двора,—копли на приступѣ. Видя это, оставшіеся трое въ живыхъ бросились съ горы по направлению квартиры князя Воронцова, но изъ нихъ одинъ былъ убитъ на дорогѣ, другой проколотъ вилами бывшимъ случайно на дворѣ конюхомъ, а третій ворвался въ казенную гостинницу, ударомъ кинжала положилъ встрѣтившагося буфетчику и бросился по узкой лѣстницѣ на хоры, гдѣ и выжидалъ дальнѣйшаго нападенія. Не найдя въ живыхъ никого на вершинѣ Крестовой горы, рота отправилась въ гостинницу, гдѣ начала штурмовать хоры. Одинъ изъ солдатъ, отправившійся наверхъ по лѣстницѣ, былъ зарѣзанъ заставшимъ въ углу горцемъ; той-же участіи подвергся и второй, пока высмотрѣвшій его унтеръ-офицеръ пулей не положилъ его на мѣстѣ. Такъ кончилась эта кровавая драма, жертвой которой пали семь рыцарей, защищавшихъ свою честь и обычай до послѣдней капли крови“.

Описывая эту историю, докторъ Богуславскій совершенно справедливо замѣчаетъ, что „ея могло бы и не случиться, еслибы начальство относилось къ мѣстнымъ обычаямъ съ надлежащимъ уваженіемъ, а не такъ, какъ на самомъ дѣлѣ бываетъ на Кавказѣ“¹⁾. Читатель, вѣроятно, удивится, узнавъ, что инициатива нарушенія въ данномъ случаѣ мѣстнаго обычая принадлежитъ князю Эристову, уроженцу Кавказа. Но дѣло въ томъ, что участіе туземцевъ въ управлении краемъ совершенно случайно, и неудачный выборъ изъ нихъ служебнаго персонала является слѣдствиемъ все того же незнакомства съ краемъ пріѣзжаго чиновничества, отъ котораго и зависить всякое служебное назначеніе. Кромѣ того, иные кавказскіе администраторы, при назначеніяхъ туземцевъ, держатся системы удаленія ихъ отъ мѣстностей, сколько-нибудь имъ знакомыхъ. Дѣлается это съ благою цѣлью—поставить ихъ въ невозможность дѣйствовать въ знакомой мѣстности, по родству, кумовству или инымъ личнымъ побужденіямъ. Реaultать же отъ этой мѣры всегда получается плачевныи, вродѣ выше-разказанного: чиновника, склоннаго къ пристрастію, эта мѣра не удерживаетъ отъ незаконныхъ дѣйствій, а лицо, искренно желающее пользы kraю, приноситъ ему однѣ лишь вредъ.

Вышеуказанное ненормальное положеніе суда и полиціи иногда равняется полному ихъ отсутствію, и этимъ обстоятельствомъ и слѣдуетъ объяснить, что до настоящаго времени кавказцы избѣгаютъ обращаться къ защитѣ законной власти, и предпочтитаются саморасправу. Обычай родовой мести обыкновенно въ правильно организованномъ государствѣ съ теченіемъ времени исчезаетъ, по мѣрѣ того, какъ населеніе начинаетъ питать все болѣе и болѣе довѣрія къ суду, къ которому и обращается для возстановленія своей чести. Такое же явленіе было замѣчено въ шестидесятыхъ годахъ въ Дагестанской области, гдѣ правительство успѣло покончить миромъ значительное количество дѣлъ, возник-

¹⁾ Въ то время, когда уже писались эти строки, въ г. Баку случилось происшествіе, по своему характеру напоминающее вышеописанное. У мусульманъ, живущихъ въ этомъ городѣ, существуетъ обычай каждый годъ въ октябрь праздновать такъ называемый „шахъ-сей, вахъ-сей“—трауръ по Гусейну. Этотъ трауръ заключается въ цѣломъ рядѣ мистерій, исполняемыхъ какъ въ мечети, такъ и на улицахъ, причемъ некоторые фанатики наносятъ себѣ въ голову раны. Обычай этотъ очевидно изъ тѣхъ, которые желательно, чтобы или вовсе вывелись, или же исполнялись безъ какихъ бы то ни было кровавыхъ жертвъ; но достичь этого, конечно, нельзя тѣми мѣрами, какія приняла мѣстная полиція, безусловно воспретившая всякія уличныя процесіи. Несмотря на это запрещеніе, на многихъ улицахъ города появились уличныя процесіи, встрѣтившія появление полицейскихъ градомъ камней и выстрѣлами. Камни попали въ полиціймейстера и въ его помощника, а выстрѣлами ранены помощникъ и два матроса; со стороны же мусульманъ оказалось десять человѣкъ раненыхъ.

шихъ вслѣдствіе обычая кровавой мести. Говоря о саморасправѣ, мы не имѣемъ въ виду одну лишь родовую месть; это послѣднее преступленіе часто носить характеръ дуэли, которая, какъ извѣстно, не вывѣлась и въ Европѣ, несмотря на всѣ существующіе тамъ нынѣ усовершенствованные судопроизводственные порядки. Саморасправа на Кавказѣ далеко не всегда возникаетъ по вопросамъ чести; она тамъ весьма часто является и при такихъ случаяхъ, при какихъ ей нѣтъ вовсе мѣста въ сколько-нибудь благоустроенному государствѣ, а именно въ сферѣ имущественныхъ отношеній. Среди мусульманскаго населенія Закавказья, въ особенности въ Эриванской и Елизаветпольской губерніяхъ самое большое число грабежей имѣеть въ своемъ основаніи месть¹⁾). То же, но только въ меньшей степени, повторяется и въ другихъ мѣстностяхъ Кавказа. Неразмежеванность имѣній, а, главнымъ образомъ, неопределенность правъ населенія на землю и на воду создаютъ массу поземельныхъ споровъ, требующихъ возможно скораго и справедливаго разрешенія. Всѣ эти споры основаны обыкновенно не столько на документахъ, сколько на обычай и давностномъ владѣніи и требуютъ со стороны суды не столько юридической учности, сколько знанія бытовыхъ условій мѣстной жизни и ея исторического склада, а это-то знаніе и трудно найти въ коронномъ судѣ, въ членѣ губернскаго крестьянскаго присутствія, и въ другихъ органахъ власти, замкнутыхъ въ канцелярскомъ формализмѣ. Не имѣя же возможности добиться отъ нихъ скораго и справедливаго разрешенія своихъ поземельныхъ вопросовъ, населеніе невольно прибѣгаєтъ къ саморасправѣ. Изъ статистическаго обзора уголовныхъ преступленій за 1871—77 гг., помѣщенного въ „Сборникѣ свѣдѣній о Кавказѣ“ (т. IV и VII), видно, что убийства на Кавказѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, являются слѣдствиемъ ссоръ и дракъ, возникающихъ изъ такихъ пустыхъ причинъ, о которыхъ авторъ вышеупомянутаго обзора, не избѣгающей вообще подробнаго изложенія мотивовъ преступленій, не считаетъ нужнымъ даже вскользь упоминать. Между тѣмъ, эти-то пустыя ссоры и драки имѣютъ своей подкладкой не столько пустыя любовныя шалости и врожденный кавказцамъ будто отъ природы буйный нравъ, какъ это любятъ доказывать нѣкоторые поверхности наблюдатели, сколько, главнымъ образомъ, неудовлетворенное чувство справедливости, неудовлетворенная имущественная требованія, и вообще раздраженіе, вызываемое аяархіею въ самыхъ кровныхъ интересахъ. Какъ ни скучны по этому предмету статистическая свѣдѣнія, помѣщенные въ помянутомъ „Сборникѣ“, однако, и ихъ достаточно, чтобы ими до извѣстной степени освѣ-

¹⁾ См. „Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ“, т. IV.

тить указываемое нами явление. Такъ, на Сѣверномъ Кавказѣ и на Закавказье, вслѣдствіе потравъ пахатныхъ и пастбищныхъ мѣстъ и вообще вслѣдствіе споровъ изъ-за земли и воды было случаевъ:

Пораненій и тяжкихъ побоевъ:	Убийствъ:
Въ 1873 г.	43 неизвѣстно.
„ 1874 „	42 18
„ 1875 „	37 „
„ 1877 „	40 20

Но иногда бываетъ на Кавказѣ и нѣчто худшее, чѣмъ саморасправа, это полнѣйшая безнаказанность преступника, что имѣть мѣсто тогда, когда шайка оказывается настолько изворотливой или могущественной, что съ нею не могутъ справиться полиція и судъ. Населеніе въ такихъ случаяхъ не только не оказываетъ властямъ содѣйствія при преслѣдованіи этой шайки, но нерѣдко и укрываетъ ее отъ нихъ, изъ боязни, что непойманный членъ шайки жестоко и безнаказанно отомститъ всему населенію. А разъ шайка успѣетъ терроризовать какую нибудь мѣстность, дерзости и хищничеству ея нѣть уже предѣла.

Изъ всего вышесказанного явствуетъ, что не простое усиленіе репрессій, а, главнымъ образомъ, болѣе близкое знакомство полиціи и суда съ условіями мѣстной жизни сдѣлаетъ борьбу законной власти съ разбойничими шайками болѣе успѣшной, и возстановленіе порядка и спокойствія въ краѣ — болѣе возможнымъ. Совершенно справедливо замѣчаетъ Курсель-Сенелль въ своемъ извѣстномъ „Трактатѣ о политической экономіи“, что нѣть ни одного столь общедѣйствительного средства къ укорененію прогресса покоренныхъ племенъ, какъ строгое, справедливое и выдержанное правосудіе.

Мечтать о возстановленіи на Кавказѣ дoreформенного суда было бы большимъ заблужденіемъ. Безгласность этого суда еще болѣе увеличила бы ту пропасть, которая существуетъ между кавказскимъ населеніемъ и бюрократіею. При старомъ судѣ каждое крупное преступленіе возбуждало подозрѣніе, что оно—дѣло рукъ тѣхъ самыхъ лицъ, на которыхъ закономъ возложена охрана порядка и спокойствія. А подозрѣніе это являлось невольно, потому что, при безгласности суда, народъ не имѣлъ возможности привѣрить тѣ слухи, которые обвиняли судебнo-полицейскихъ чиновниковъ въ своекорыстныхъ дѣйствіяхъ и которые отчасти подтверждались быстрымъ обогащеніемъ этихъ чиновниковъ. Такое недовѣрчивое отношеніе къ старому суду усиливалось еще его крайнимъ формализмомъ и медленностью.

Казалось бы, что реформу кавказскихъ судовъ, начатую въ 1868 г., согласно новымъ судебнymъ уставамъ, слѣдовало бы до-

вести до конца и увѣнчать введеніемъ суда присяжныхъ. Такъ, вѣроятно, и случилось бы, еслибы не убѣженія вліятельной части мѣстной бюрократіи, что на Кавказѣ населеніе слишкомъ мало сознаетъ преступность тѣхъ происшествій, которыя приводятъ въ ужасъ образованное общество, и что населеніе это, засѣдая въ судахъ, поголовно оправдывало бы всѣхъ закоренѣлыхъ преступниковъ. Этю же крайнею неразвитостью кавказского населенія многіе объясняютъ и обсуждаемое въ этой статьѣ зло—высокую степень преступности на Кавказѣ. Поэтому намъ нельзя не остановиться на разборѣ доводовъ, приводимыхъ въ пользу такого, по нашему мнѣнію, совершенно неправильного взгляда.

II.

Представленія о добрѣ и злѣ у народовъ первобытныхъ и цивилизованныхъ, конечно, не одинаковы. Среди германскихъ народовъ, въ древности, грабежъ былъ столь же непостыднымъ и небеаchestящимъ поступкомъ, какъ и неумышленное убийство. Въ Шотландіи и Ирландіи еще въ XVII вѣкѣ разбойничество не представляло ничего бесчестного и нерѣдко принимало даже некоторое религіозное освященіе. Точно также крайне извращено у народовъ неразвитыхъ и понятіе о наказаніи. Изслѣдователь древняго русскаго права, Станиславскій, замѣчаетъ, что въ эпоху господства физической силы, при воинственности нравовъ гражданъ, открытое нападеніе на собственность вызывало болѣе энергически сильную защиту, чѣмъ въ наше время, и можно думать, что рѣдкій случай грабежа не оканчивался смертью кого-либо. Кавказскіе народы многимъ поверхностнымъ наблюдателямъ, какъ выше было упомянуто, кажутся именно въ такомъ первобытномъ состояніи. Кавказцы смотрять на преступленіе какъ на ремесло, или даже какъ удальство, предметъ хвастовства,— вотъ мнѣніе, которое приходится слышать часто, какъ только рѣчь заходитъ о высокой степени преступности на Кавказѣ.

Взглядъ этотъ достоинъ серьезнаго вниманія, но не потому, что онъ могъ бы быть признанъ въ дѣйствительности справедливымъ, а въ виду его распространенности, и въ виду того, что, благодаря этому взгляду, на Кавказѣ тормазятся всѣ сколько-нибудь благодѣтельныя, съ общечеловѣческой точки зрѣнія, реформы; предполагается, что дикие кавказцы неспособны воспринять блага этихъ реформъ, а, напротивъ, могутъ ими лишь избаловаться. Достойно вниманія, что такие взгляды находятъ себѣ мѣсто не только въ мѣстной кавказской бюрократіи, но и въ серьезныхъ, повидимому, изслѣдованіяхъ, въ которыхъ, казалось бы, кромѣ

научныхъ свѣдѣній и основанныхъ на нихъ выводовъ, ничего и не должно бы быть. Составитель, напримѣръ, статистическихъ свѣдѣній о преступленіяхъ на Кавказѣ, г. Сегаль („Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ“, т. VII), приходитъ къ мысли, „что судебная реформа не только не содѣствовала къ уменьшенію въ этомъ краѣ числа уголовныхъ преступлений, а, будучи въ принципѣ чрезвычайно гуманной, скорѣе содѣствовала къ увеличенію числа таковыхъ, развязавъ дикарямъ руки“. Въ подтвержденіе же мысли, что гуманные законы лишь развращаютъ такихъ дикарей, какъ кавказцы, приводится при этомъ даже самъ Гербертъ Спенсеръ. Доморощенный статистикъ, ратуя противъ судебнай реформы и гуманности вообще, повидимому, полагаетъ, что лучше наказать десять невинныхъ, чѣмъ оправдать одного виновнаго. Нѣчто въ этомъ родѣ въ отношеніи Кавказа было высказано, къ нашему удивленію, даже въ одномъ специальному юридическому органѣ, чуждомъ, повидимому, какихъ-либо узкихъ тенденцій. Тотъ же взглядъ проводится и въ сообщеніяхъ, носящихъ офиціозный характеръ; такъ, напримѣръ, въ описаніи поѣздки главноначальствующаго по югу Закавказья, помѣщенномъ въ газетѣ „Кавказъ“ (1885 г.), замѣчалось, что, при борьбѣ съ разбойами, надо вообще „различать двѣ категоріи таковыхъ: преступленія, входящія, такъ сказать, въ самый бытъ населенія, вслѣдствіе существованія въ немъ цѣлаго класса людей, изъ поколѣнія въ поколѣніе привыкшихъ жить только одною преступпою добычею,— и преступленія, хотя и возмутительныя по своей наглости и по своему звѣрству, но такія, которыя носятъ на себѣ случайный или исключительный характеръ. Эти исключительныя преступленія болѣе замѣтны, о нихъ болѣе говорятъ; но достаточно изловить какую нибудь шайку въ 7—8 человѣкъ разбойниковъ, чтобы прекратились и ихъ преступленія, чтобы вскорѣ забыло о нихъ и напуганное общество. Другое дѣло—разбои, грабежи, поджоги, убийства, похищенія женщинъ, которыя свирѣпствовали въ борчалинскомъ уѣздѣ и въ другихъ мѣстностяхъ края. Они составляютъ какъ бы принадлежность самого быта, они совершаются изо-дня въ день,— обѣихъ нихъ даже и не говорятъ, такъ какъ населеніе привыкло смотрѣть на нихъ, какъ на повседневное явленіе“.

Въ доказательство же того, что кавказцы смотрѣть на всякое преступленіе съ легкимъ сердцемъ, обыкновенно указываютъ на слѣдующія обстоятельства: горцы и нѣкоторыя другія народности Кавказа нисколько не стремятся наказать преступника, а стараются лишь взыскать съ него извѣстное материальное вознагражденіе въ пользу потерпѣвшаго, какъ бы за самое обыкновенное имущественное правонарушеніе; когда же власти берутся за престѣданіе преступниковъ, то населеніеничѣмъ не пренебрегаетъ

для сокрытия следов преступления, причем на суде и следствии прибегает даже к лжесвидетельству. При этом щедро сыплются на несчастных кавказцев упреки в дикости правовъ, въ фанатическомъ отношении къ иновѣрцамъ, и въ отсутствіи склонности къ мирной жизни. Но всѣ эти доводы, имѣющіе вѣнчаний видъ правдоподобія, при ближайшемъ разсмотрѣніи, вовсе не выдерживаютъ строгой критики. Въ самомъ дѣлѣ, если и по настоящемъ времени въ кавказскихъ горахъ существуетъ обычай денежной компенсаціи по уголовнымъ дѣламъ, то онъ не имѣетъ, да и не имѣть, кажется, раньше, значенія простого возстановленія нарушенныхъ имущественныхъ правъ, а игралъ роль штрафа, взыскиваемаго въ иѣсколько разъ болѣшемъ размѣрѣ противъ понесенныхъ отъ преступленія убытковъ. Такъ, напримѣръ, по осетинскимъ обычаямъ, обличенный въ воровствѣ платилъ за уворованную вещь втрое и даже всемеро противъ того, что вещь уворованная стоила. Тотъ же принципъ прочно установленъ въ адатахъ (обычаяхъ) и у всѣхъ остальныхъ горцевъ. Эта усиленная материальная компенсація у послѣднихъ, вообще не отличающихся материальнымъ благосостояніемъ и обилиемъ денежныхъ знаковъ, является не менѣе сильнымъ для нихъ наказаніемъ, чѣмъ можетъ быть, иѣкоторые установленные европейскими кодексами наказанія, сопряженныя съ физическими страданіями (каторжная работа и пр.), но не особенно трудно переносимы людьми, такъ богато одаренными физически, какъ горцы. Кромѣ того, у горцевъ существовало наказаніе и въ другой формѣ; такъ, напримѣръ, въ видѣ убийства изъ мести, въ видѣ ссылки, членовредительства, и пр.

Такою же вѣнчаною правдоподобностью отличается и другая ссылка — ссылка на лжесвидетельство, распространенность которого будто доказывается отсутствіе у кавказцевъ пониманія преступленности. Слухи объ этомъ дѣйствительно существующемъ на Кавказѣ печальному явлению — крайне преувеличены. Всякая ошибка переводчика (а ихъ бываетъ очень много, вслѣдствіе его певѣжества) считается намѣренно извращеннымъ свидѣтельскимъ показаніемъ; всякая неудачная догадка полиціи при разслѣдованіи преступленія даетъ поводъ подозрѣвать, что населеніе всякими способами способствуетъ ея неудачѣ. Какъ свято почиталось населеніемъ всякое показаніе на судѣ, доказываетъ существование у него такъ-называемой очистительной присяги: достаточно было подсудимому присягнуть предъ судьями въ своей невиновности, чтобы онъ былъ оправданъ; ложное свидѣтельство на судѣ наказывается, у горцевъ, наприм., такъ-же строго, какъ воровство, и уличенный въ лжесвидѣтельствѣ удовлетворяетъ потерпѣвшаго тѣмъ, чѣмъ долженъ бы быть удовлетворить обви-

ненный имъ человѣкъ; или, по адатамъ горцевъ кумысского округа, напримѣръ, уличенный въ лжеприсягѣ подвергался ссылкѣ на одинъ годъ въ Георгіевскъ и, кромѣ того, его имя оглашалось въ главныхъ мечетяхъ во всеуслышаніе народа и записывалось въ заведенные для этого дѣла списки, хранящіеся при мечетяхъ. Мы, однако, не думаемъ вовсе отрицать сильной распространенности на Кавказѣ лжесвидѣтельства. Но при этомъ не нужно забывать; во-первыхъ, о томъ общемъ всему человѣчеству явленіи, которое замѣчено Спенсеромъ въ отношеніи индуловъ, въ книгѣ: „Развитіе политическихъ учрежденій“, а именно, что даже тѣ народы, которые отличались особою правдивостью, нерѣдко практиковали притворство относительно прилагающаго элемента (европейцевъ), коль скоро вступали съ нимъ въ торговыя спошнія (стр. 7); и во-вторыхъ, что лжесвидѣтельство въ настоящее время въ кавказскихъ судахъ является часто, вслѣдствіе убѣжденія свидѣтеля въ несоответствіи мѣръ наказаній, находящихся въ распоряженіи властей, со степенью преступности подсудимаго. Этой же послѣдней причиной можно объяснить и всякое иное стремленіе мѣстного населенія къ укрывательству преступниковъ. При большемъ согласованіи русскихъ уголовныхъ законовъ съ понятіями кавказского населенія о разныхъ видахъ преступленія и наказанія, при существованіи, наконецъ, на Кавказѣ суда присяжныхъ,—это печальное явленіе, вѣроятно, было бы распространено тамъ значительно менѣе. Присяжные, какъ мѣстные жители, легче могли бы разоблачать лжесвидѣтельство, чѣмъ пынѣшніе профессиональные судьи, незнакомые ни съ языкомъ, ни съ обычаями мѣстного населенія. Поэтому свидѣтели, при существованіи суда присяжныхъ, болѣе остерегались бы въ своихъ показаніяхъ произвольнаго иавращенія истины.

Признавать мотивомъ крупныхъ преступленій на Кавказѣ фанатизмъ мусульманского населенія также не имѣть основанія. Центральный статистический комитетъ въ своемъ органѣ „Кавказскій календарь“ (за 1885 г.) замѣчаетъ, что жертвами преступленій, совершаемыхъ мусульманами, являются, главнымъ образомъ, сами же мусульмане. Кромѣ того, мы не помнимъ случая въ кавказской уголовной хроникѣ, чтобы какое-либо преступленіе было вызвано ненавистью мусульманъ къ христіанскому населенію¹⁾). Если же въ „дѣлахъ“ иногда официально и заявлялось о такомъ мотивѣ преступленія, то, при дальнѣйшемъ разслѣданіи, оказывалось, что мотивъ этотъ служить лишь маской хищ-

¹⁾ Мы это говоримъ не только на память, но и на основаніи свѣдѣній, помѣщенныхъ въ „Сборникѣ свѣдѣній на Кавказѣ“, т. IV и въ „Обзорѣ нечаянныхъ смертныхъ случаевъ, смертоубийствъ и уголовныхъ преступленій“, за 1871—77 гг.

ническимъ инстинктамъ преступниковъ; такъ было, напримѣръ, въ 1873 г., въ Елизаветпольской губерніи, въ сел. Хачмазъ, гдѣ при ограбленіи татарами евреевъ, послѣднихъ они неосновательно обвиняли въ похищеніи ихъ мальчика, съ цѣлью будто смыть его кровь съ тѣломъ для праздничнаго хлѣба. Крупныя столкновенія русскихъ рабочихъ съ татарскими лавочниками, періодически повторяющіяся въ Баку во время праздниковъ, какъ свидѣтельствуютъ очевидцы, которыхъ неоднократно приходилось лично разспрашивать пищущему эти строки, и какъ это хорошо извѣстно мѣстному обществу, вызываются не религиозною нетерпимостью православныхъ къ „басурманамъ“, или обратно, а лишь циничными выходками двухъ-трехъ ловеласовъ изъ лавочниковъ противъ русскихъ женщинъ, пришедшихъ къ нимъ за покупками, или сильнымъ вліяніемъ Бахуса на праздничную толпу рабочихъ. Да и откуда взяться мусульманскому фанатизму на Кавказѣ, когда мѣстное христіанскоѣ населеніе отличается традиціонною вѣротерпимостью, и въ томъ же духѣ дѣйствуютъ здѣсь официальные представители господствующей церкви.

Довольно краснорѣчивымъ опроверженiemъ вышеупомянутаго мнѣнія относительно особенно сильной склонности кавказцевъ къ преступленіямъ могутъ служить нижеприводимыя цифры, заимствуемыя нами изъ официальныхъ источниковъ (изъ „Кавк. календаря“ и „Сводовъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, производившимся въ 1879 г.“), и свидѣтельствующія о незначительности разницы, существующей въ отношеніи численности преступленій между Кавказомъ и другими мѣстностями Россіи. Одно крупное преступленіе, подсудное окружному суду, въ Эриванской губерніи, напримѣръ, приходится на 484 человѣка; въ Дагестанской—на 423 чел.; а въ округѣ петербургской судебнай палаты одно такое же преступленіе приходится на 344 человѣка; въ одесскомъ округѣ—на 416 чел., въ казанскомъ—на 450 чел. Судя по этимъ цифрамъ, въ Эриванской губерніи степень преступности въ населеніи ниже, чѣмъ въ округахъ: казанскомъ, одесскомъ и, въ особенности, петербургскомъ, а въ Дагестанской области нравственность выше, чѣмъ въ одесскомъ и петербургскомъ округахъ¹⁾). Лишь въ округахъ саратовской, мо-

¹⁾ Необходимо оговориться, что вышеприведеннымъ цифрамъ нужно придавать значеніе лишь приблизительной вѣроятности, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о преступленіяхъ, подсудныхъ окружнымъ судамъ, и подсудность этихъ судовъ въ кавказскомъ округѣ немнogo ограниченнѣе, чѣмъ въ другихъ округахъ, а именно: кавказскіе окружные суды рассматриваютъ дѣла лишь по тѣмъ преступленіямъ, которыя влекутъ за собой лишеніе или ограниченіе правъ, между тѣмъ, какъ въ другихъ округахъ окружнымъ судамъ подсудны и нѣкоторыя другія уголовныя преступленія, подсудныя на Кавказѣ только мировому суду.

сковской и харьковской судебныхъ палатъ преступность нѣсколько слабѣе, чѣмъ въ вышеозначенныхъ мѣстностяхъ Кавказа, а именно: въ первомъ округѣ одно преступленіе въ годъ приходится на 486 человѣкъ, во второмъ—на 514, и въ третьемъ—на 558. Даже тѣ мѣстности Кавказа, которая отличаются наибольшою своею преступностью, какъ Елизаветпольская и Тифлисская губерніи, по численности преступленій, въ нихъ совершаемыхъ, не сильно превзошли петербургскій округъ, въ которомъ, какъ уже было выше сказано, въ годъ одно преступленіе приходится на 344 человѣка; въ губерніи же Елизаветпольской—на 315, и въ Тифлисской—на 322 чел. Такимъ образомъ, степень вообще преступности, если о ней судить по числу крупныхъ происшествій,—въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, въ которыхъ живеть безусловно мирное населеніе, и на воинственномъ Кавказѣ, оказывается почти одинаковой. Если же преступность на Кавказѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, даетъ себя чувствовать, такъ это, какъ выше было упомянуто, вслѣдствіе обилія тамъ преступленій квалифицированныхъ, направленныхъ въ одно и то же время и противъ собственности, и противъ личности. Преступленія же, направленныя исключительно противъ собственности, напротивъ, значительно сильнѣе распространены въ другихъ судебныхъ округахъ, чѣмъ въ кавказскомъ. Кражи въ Елизаветпольской губерніи составляютъ лишь 15%, а въ центральныхъ округахъ—57%, и въ варшавскомъ округѣ—58%. Еще большая разница, въ томъ же направленіи, замѣтна въ преступленіяхъ болѣе или менѣе замысловатыхъ. Мошенничество въ Елизаветпольской губерніи составляетъ лишь—0,1%, между тѣмъ, какъ въ центральныхъ округахъ это же преступленіе составляетъ 1%, а въ варшавскомъ округѣ—1,04%.

Это, впрочемъ, вполнѣ понятно съ точки зреінія законовъ нравственной статистики. Въ сферѣ уголовныхъ правонарушений законъ компенсаціи играетъ не малую роль. Съ теченіемъ времени преступленія, дѣлаясь все менѣе тяжкими, увеличиваются въ числѣ; преступленія противъ личности встрѣчаются все рѣже и рѣже, преступленія же противъ собственности усиливаются. Скученность населенія въ большихъ городахъ и дороговизна жизни нѣть сомнѣнія, создаютъ почву, особенно благопріятную для преступленій послѣдняго порядка. Съ другой стороны, усиленная заботливость о благосостояніи потомства предупреждаетъ переполненіе страны и экономическая бѣдствія, но увеличиваетъ въ то же время число преступленій противъ нравственности¹⁾. По наблюденіямъ профессора Ферри, за періодъ съ 1826 по 1876 гг. во Франціи замѣчается антагонизмъ въ возрастаніи и уменьшеніи

¹⁾ См. „Журналъ Гражданского и Уголовного права“, 1883 г., Книга 3.

по годамъ между числомъ преступлений противъ нравственности, съ одной стороны и числомъ кражъ—съ другой. Вообще же образование—орудіе обоюдоострое; оно, открывая дорогу ко всему доброму, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность нравственно испорченнымъ личностямъ совершать такія тонкія преступленія, какъ, подлоги, шантажъ, которыя нерѣдко причиняютъ потерпѣвшему сильныя страданія и доводятъ его до самоубийства. Съ другой стороны, быстро распространившееся знаніе легко возбуждаетъ въ впечатлительныхъ личностяхъ несоразмѣрное стремленіе, потребности, удовлетворить которыя данной средѣ нѣть никакой возможности. Въ такихъ случаяхъ замѣчается особая наклонность къ самоубийству, явленіе, имѣющее характеръ преступности.

Какъ бы, однако, ни была мала разница въ численности преступлений, совершаемыхъ въ населеніи неразвитомъ, съ одной стороны, и въ населеніи, уже цивилизованнымъ—съ другой, нельзя отрицать того положенія, что въ первомъ случаѣ преступность проявляется съ большею жестокостью, чѣмъ во второмъ. Въ первомъ случаѣ преступная воля выражается въ открытомъ насилии, производимомъ крайне грубо, неразсчетливо, съ болѣшою опасностью не только для цѣлости всего имущества, находящагося на мѣстѣ преступленія, но и для жизни всякаго случайнаго очевидца преступленія, будь онъ хозяинъ этого имущества или совершенно постороннее лицо—все равно. Уменьшить это зло можно посредствомъ распространенія среди кавказцевъ образованія, что, казалось бы не особенно трудно, потому что ни въ стремленіи ихъ къ этому благу, ни въ способности ихъ къ движению его сомнѣваться ни въ какомъ случаѣ нельзя. Но почему, несмотря на это, народныя массы остаются здѣсь до сихъ поръ въ невѣжествѣ,—вопросъ не исключительно кавказскій, а общерусскій, и мы поэтому его здѣсь не будемъ касаться, тѣмъ болѣе, что онъ прямого отношенія къ предмету настоящей статьи не имѣть, да это и завело бы насъ слишкомъ далеко.

III.

На характеръ преступности, кромѣ степени умственного развитія, имѣть большое вліяніе, какъ извѣстно, и материальное благосостояніе. Итальянскій профессоръ — криминалистъ Ферри, одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей новой уголовно-антропологической школы, въ ряду факторовъ, вызывающихъ преступность, первое мѣсто отводить неудовлетворительному экономическому положенію народныхъ массъ, и какъ на средства, способные спасти общество отъ развитія преступности, указываетъ на

-- 1901 --

такія мѣры, какъ напримѣръ, свободная эмиграція, уравненіе по-
датей и налоговъ, публичныя работы въ годы экономическихъ
бѣдствий, полная замѣна звонкой монетой кредитныхъ билетовъ
(средство затруднить поддѣлку денегъ), разумное устройство фаб-
рикъ, ограниченіе числа рабочихъ часовъ несовершеннолѣтнихъ—
(средство уменьшить преступленія противъ нравственности), со-
оруженіе дешевыхъ жилищъ для рабочихъ, общества взаимнаго
страхованія и проч.

И на Кавказѣ неудовлетворенность нѣкоторыхъ экономиче-
скихъ интересовъ является единственнымъ мотивомъ многихъ и
многихъ преступлений. Имущественная необеспеченность погра-
ничныхъ съ Турциею и Персіею жителей пріучаетъ послѣднихъ
быть всегда наготовѣ для самообороны и саморасправы съ бро-
дячими у границъ шайками. Неразмежеванность имѣній и не-
определенность вообще поземельныхъ правъ, а также отсутствіе
правильного орошенія, какъ выше было упомянуто, нерѣдко яв-
ляются поводомъ къ кровавымъ драмамъ, которымъ завязкой обык-
новенно служитъ самый ординарный и иногда совершенно пустой
поземельный споръ, а развязкой—драка, кончающаяся нерѣдко
убийствами и пораненіями. Такимъ-то образомъ, лица, вся при-
косновенность которыхъ къ суду должна бы была ограничиваться
лишь подачею искового прошенія, попадаютъ нерѣдко на скамью
подсудимыхъ, въ качествѣ разбойниковъ и убийцъ.

Вліяніе экономического склада жизни на характеръ преступ-
ности на Кавказѣ выражается, между прочимъ, и въ особомъ раз-
витіи въ этомъ краѣ конокрадства и скотокрадства вообще, а
также въ склонности кочевыхъ обществъ къ разбою и грабе-
жамъ. Преступленія первого рода на Кавказѣ распространены,
вслѣдствіе особенного развитія тамъ скотоводства и вслѣдствіе той
легкости, съ какой преступленія эти вообще совершаются: скрыть
скотину хозяину ея гораздо труднѣе, чѣмъ вору; хозяинъ не мо-
жетъ защитить ее съ такимъ же удобствомъ, какъ какое бы то
ни было другое движимое имущество; а вору, напротивъ, скрыть
краденое нерѣдко помогаетъ самыи же предметъ кражи: воръ
скачетъ на краденой лошади за границу, въ Персію или Тур-
цию, а вскорѣ затѣмъ смѣло можетъ явиться домой съ нею же,
съ лошадью, если она не имѣть какихъ-либо особыхъ призна-
ковъ, по которымъ хозяинъ могъ бы доказать свое право на нее.

Скотоводство же пріучаетъ мирныхъ, осѣдлыхъ жителей Кав-
каза къ беспокойной кочевой жизни. Лѣтомъ они стада свои па-
суть на горныхъ высотахъ, чуть ли не у полосы вѣчнаго снѣга
и въ тундрахъ, а осенью спускаются на равнину, гдѣ остаются
впередь до наступленія весны и затѣмъ снова поднимаются на
горы, убѣгая отъ жаровъ и засухи низменныхъ мѣстностей. Лицъ,

ноябрь.

живущихъ такою кочевою или полукочевою жизнью, вообще на Кавказѣ немногі; такъ, въ Эриванской губерніи, гдѣ кочевая жизнь наиболѣе развита, число кочующихъ еле достигаетъ 7,000 душъ обоего пола, что не составляетъ и $1\frac{1}{2}\%$ общей численности населенія губерніи. Несмотря, однако, на это, наиболѣе опаснымъ для спокойствія края элементомъ являются именно кочевыя общества, преступность которыхъ поощряется какъ трудностью ихъ преслѣдованія со стороны мирныхъ жителей, такъ и тою злобою противъ осѣдлыхъ обществъ, которая возникаетъ вслѣдствіе того, что эти послѣднія безжалостно опустошаютъ ихъ зимовники, во время ихъ кочевки въ горы. Каковы бы, однако ни были причины необузданности кочевниковъ, несомнѣнно, что они являются настоящими *enfants terribles* мѣстного населенія, и какъ французъ ищетъ въ каждомъ преступлѣніи женщину, такъ кавказецъ при каждомъ разбойничьемъ нападеніи вспоминаетъ кочевника. Вотъ въ какомъ видѣ представляются подвиги этого бродячаго населенія, по разсказу одного мѣстного изслѣдователя¹⁾.

„Кочевники безпощадно потравляютъ всѣ встрѣчающіеся имъ по дорогѣ пастбища, выгоны и даже посѣвы мѣстныхъ крестьянъ. Этого мало: отличаюсь хищническою натурою, кочевники бѣзъ стѣсненія уносятъ скошенный хлѣбъ, уводятъ скотину изъ стадъ или изъ конюшней, воруютъ сѣно, домашнія вещи, однѣмъ словомъ, все, что попадается имъ подъ руку. Осѣдлые поселяне обыкновенно не коятъ хлѣбовъ до ухода кочевниковъ; иначе имъ пришлось бы свозить съ поля хлѣба въ самый день покоса, такъ какъ чобанкяра (кочевникъ), пожалуй, не оставилъ ни одного снопа. При такомъ положеніи, хозяева не успѣваютъ до наступленія зимы убрать свои посѣвы, которые зачастую пропадаютъ отъ непогоды или необмолоченные остаются въ скирдахъ подъ снѣгомъ до весны слѣдующаго года. Вообще чобанкяры и курды лежатъ тяжелымъ бременемъ на судѣбѣ мѣстныхъ жителей, они настоящій бичъ посѣвовъ и пастбищъ поселянъ, не хуже саранчи или полевыхъ мышей. Это цѣлая правильно организованная шайка самыхъ безсовѣстныхъ, отъявленныхъ разбойниковъ которыми осѣдлый житель не смѣеть прекословить, изъ опасенія быть зарѣзаннымъ или обворованымъ до послѣдней нитки. Съ увѣренностью можно сказать, что чобанкяры и курды для каждого селенія, находящагося на пути ихъ движенія, обходятся не менѣе 1000 рублей въ годъ.

„Дѣло доходитъ нерѣдко до открытаго грабежа. Нуженъ ли хлѣбъ, сѣно или что другое, кочевникъ идетъ къ какому-нибудь мирному селянину и прескокойно просить дать все нужное, не думая и заняться о вознагражденіи за проносимое. Положеніе крестьянъ, живущихъ на пути движения кочевниковъ, настолько тяжело, что къ концу августа, когда ущелья мало-по-малу освобождаются, наконецъ, отъ огней и шатровъ кочевниковъ, поселяне поздравляютъ другъ друга „съ уходомъ чобанкяра и курдовъ“, какъ поздравляютъ, обыкновенно, съ новымъ годомъ или свѣтлымъ праздникомъ“.

Но какъ уничтожить кочевое состояніе? Вотъ вопросъ, который, какъ видитъ читатель, имѣеть весьма важное значеніе въ дѣлѣ водворенія гражданственности на Кавказѣ. Если признать кочевую жизнь здѣсь признакомъ первобытнаго состоянія населенія, то, конечно, противъ этого зла бороться крайне трудно.

¹⁾ См. изданные уполномоченными Министерства Государств. Имуществъ на Кавказѣ „Материалы для изученія экономического быта государств. крестьянъ Закавказскаго края“, т. I, вып. I. Изслѣдованіе г. Зелинского.

Процессъ перехода отъnomадской жизни къ осѣдлой крайне труденъ, и искусственно его ускорить едва ли есть какая-нибудь возможность. Но дѣло въ томъ, что, зная умственный и нравственный уровень мѣстнаго населенія, въ особенности, христіанской его части, зная историческіе памятники, свидѣтельствующіе о несомнѣнной культурности его, легко можно заключить, что кочевая жизнь кавказца не вытекаетъ изъ свойства его быта, не составляетъ основной черты его характера; напротивъ, кто знакомъ съ кавказцемъ, тотъ легко замѣтилъ его отвращеніе къ такой жизни и стремленіе къ осѣдлости. Слѣдовательно, есть какія-либо внѣшнія причины, наталкивающія населеніе на несимпатичное ему бродяжничество.

Изъ вышеприведеннаго краткаго описанія кочевой жизни Кавказа, читатель долженъ заключить, что къ жизни этой располагаетъ не только скотоводство, но и невыносимые жары, распространяющіе разныя болѣзни и увеличивающіе смертность на низменности, а также засуха, опустошающая пастищныя и сѣнокосныя мѣста и тѣмъ лишающая населеніе возможности кормить свою чутъ ли не единственную кормилицу — скотину. А засуха и жары — результатъ отсутствія правильнаго орошенія и безпощаднаго уничтоженія лѣсовъ. Когда-то, при персидскомъ владѣчествѣ, здѣсь существовали во множествѣ канавы и производилась правильная ирригациѣ, но теперь противъ безводья не принимается никакихъ серьезныхъ мѣръ, и жители невольно бросаютъ свой домъ со всѣмъ обзаведеніемъ и ищутъ спасенія въ горахъ, въ лѣсной прохладѣ, у изобильно бывающихъ изъ горъ ключей. Слѣдовательно, развитіе орошепія и рациональное веденіе лѣсного хозяйства можетъ повести къ уменьшенію и даже полной ликвидациѣ на Кавказѣ кочевокъ цѣлыми обществами.

Но если даже предположить, что кочевая жизнь на Кавказѣ не есть случайное явленіе, вызываемое вышеуказываемыи внѣшними условіями, а составляетъ природную склонность населенія, то и въ томъ случаѣ нельзя терять надежды на скорое упраздненіе общаго кочевапія. Намъ кажется, что именно сильная склонность кавказскихъ кочевыхъ обществъ къ преступности и является признакомъ скораго перехода ихъ въ земледѣльческое, осѣдлое состояніе. Мы приходимъ къ такому заключенію, судя по истории другихъ народовъ. Избытокъ населенія въ кочевыхъ племенахъ, неудовлетворяющійся находящимися въ ихъ распоряженіи пастищами, обыкновенно прежде всего пробуетъ жить разбоями и грабежами, произведенными среди мирнаго, земледѣльческаго населенія, а впослѣдствіи, будучи сильно отражаемъ этимъ населеніемъ, принуждается такимъ образомъ къ переходу въ земледѣльческое состояніе. Таковъ естественный ходъ развитія

кочевыхъ народовъ, и нужно полагать, что та же участь ожидаетъ ихъ и на Кавказѣ, гдѣ къ тому же земли, занимаемыя ими, большею частью вполнѣ годны и для хлѣбопашства. Правительству остается лишь ускорить этотъ процессъ исчезновенія кочевки, посредствомъ развитія ирригациіи, въ которой сильно нуждаются богатѣйшія и плодороднѣйшія поля Кавказа, посредствомъ охраны лѣсовъ отъ безщаднаго ихъ истребленія и правильно организованной полиціи и суда, для воспрепятствованія бродячимъ обществамъ-шайкамъ подвергать опасности жизнь и имущество мирнаго населения.

Существуютъ на Кавказѣ еще полукочевые общества, которыхъ числомъ больше, чѣмъ вполнѣ кочевыхъ. Полукочевые общества состоятъ изъ семействъ, нѣкоторые члены которыхъ коchuютъ вмѣстѣ со стадами, предоставляя другимъ членамъ оставаться въ зимовникахъ и тамъ заниматься земледѣльческимъ хозяйствомъ. Изъ этого можетъ заключить читатель, что кавказское населеніе, въ силу привычекъ, пріобрѣтенныхъ имъ сообразно роду своихъ занятій, должно быть признано вообще очень подвижнымъ и склоннымъ къ эмиграціи, чѣмъ и можно объяснить, между прочимъ, и тѣ частныя выселенія съ Кавказа его коренныхъ обитателей въ Персію и главнымъ образомъ въ Турцію, которая начались преимущественно съ покоренія кавказскихъ горъ. Но мы этимъ, конечно, вовсе не хотимъ сказать, что у горцевъ и у другихъ народностей, эмигрирующихъ отъ насъ, не было бы уважительныхъ мотивовъ къ такимъ переселеніямъ, и что эмиграція составляла бы для нихъ природную потребность, такъ сказать, основное свойство ихъ быта. Напротивъ, необходимо замѣтить, что, какъ и выше было упомянуто, кавказцы вовсе неnomads, а осѣдлый народъ, и лишь крайне тяжелая экономическая условія жизни побуждаютъ ихъ иногда оставлять родной кровъ и родныхъ поля и бѣжать въ невѣдомую имъ даль, нерѣдко на прямую свою гибель. Извѣстно, наприм., что горцы Терской области, по умировѣренію края, были надѣлены землею въ несравненно меньшей долѣ, чѣмъ рядомъ съ ними казаки. Наибольшее же выселеніе въ Турцію происходило изъ западнаго Кавказа (Кубанской области); тамъ горцы выселены были изъ горъ и размѣщены на равнинѣ, гдѣ они терпѣли и терпятъ крайнюю нужду, и понятно ихъ никогда не покидаетъ надежда вернуть себѣ счастье, среди своихъ единовѣрцевъ, въ Турціи.

Мы остановились на этомъ обстоятельствѣ, потому что крайняя нужда, гонящая кавказцевъ съ ихъ родныхъ пепелищъ за границу, сильно раздражаетъ ихъ противъ русского правительства и превращаетъ въ усердныхъ укрывателей всѣхъ шаекъ, бродящихъ на границѣ. Нѣтъ и не было на Кавказѣ сколько-нибудь

— 1905 —

значительной разбойничьей шайки, которая бы съ большими для себя удобствомъ не скрывалась отъ преслѣдований нашей полиціи, у пограничныхъ жителей. О многочисленности этихъ хищниковъ можно судить по слѣдующему разсказу, приводимому нами изъ „Сборника свѣдѣній о Кавказѣ“ (т. VII): „Перебираясь черезъ границу цѣлыми массами, они не боятся даже отпора, могущаго встрѣтиться со стороны жителей и кордонной стражи. Шайки, вторгающіяся въ наши пограничные уѣзды, состоять всегда изъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, такъ что совмѣстная усиленія къ сопротивленію одновременно со стороны нѣсколькихъ деревень не въ состояніи оказывать никакого вліянія на уменьшеніе числа вторженій, и даже казаки кордонной линіи бываютъ иногда вынуждены пассивовать предъ ними“. Приводя затѣмъ нѣсколько примѣровъ, авторъ изслѣдованія замѣчаетъ: „всѣ вышеупомянутые примѣры не единственные въ своемъ родѣ и не выбраны, какъ самые выдающіеся“. Впослѣдствіи, послѣ послѣдней восточной войны и присоединенія Карской и Батумской областей, эти разбойничьи набѣги на наши границы еще болѣе усилились. Нѣть почти ни одного № газеты „Карсъ“, въ которомъ не упоминалось бы о грандіозныхъ похожденіяхъ мѣстныхъ Ринальдо-Ринальдиновъ, преслѣдованіи свившихъ себѣ гнѣздо у нашихъ сосѣдей, въ двухъ шагахъ отъ границы; по увѣренію же названной газеты, въ набѣгахъ турецкихъ шаекъ принимаютъ участіе даже лица, состоящія на государственной службѣ“.

Впрочемъ, это усиленіе преступности на нашихъ новыхъ границахъ станетъ вполнѣ понятнымъ, если вспомнить, въ какихъ размѣрахъ совершилось выселеніе изъ названныхъ областей въ Турцию ихъ коренного населенія, немедленно по присоединеніи къ Россіи. По официальнымъ даннымъ, изъ 13,500 дымовъ, населявшихъ Карскую область притурецкому владычеству, эмигрировало изъ нея, по присоединеніи ея къ Россіи, до 10,000 дымовъ, что составляеть почти 100,000 душъ обоего пола. Изъ батумской же области послѣ войны выселилось туда же около 20,000 человѣкъ. Что же заставило эти массы бросить родной домъ и землю, воздѣланную потомъ и кровью ихъ предковъ и идти на прямое разореніе? Конечно, не заманчивыя обѣщанія турецкаго правительства, которымъ никто не вѣрилъ, и не фанатизмъ отдѣльныхъ лицъ. Объяснить это явленіе официально констатированными причинами мы не имѣемъ возможности. Кавказскою администрациєю того времени не были ни изслѣдованы дѣйствительныя причины такого важнаго явленія, ни приняты какія бы то ни было мѣры къ удержанію переселенцевъ на родинѣ. Почему начальство не сочло нужнымъ привязать населеніе вновь завоеванного края къ его новому отечеству, а замѣнило это на-

селение греками, молоканами и др., какъ болѣе будто благонадежнымъ въ политическомъ отношеніи элементомъ, — намъ, конечно, совершенно неизвѣстно. Неизвѣстно также, имѣла-ли мѣстная полиція, отъ выдачи переселенцамъ увольнительныхъ билетовъ, тѣ же выгоды, какія имѣла отъ этой статьи въ отношеніи переселяющихъ горцевъ полиція Кубанской области. Можемъ лишь безошибочно сказать, что отъ означенной эмиграціи больше всего выиглало наѣзжее чиновничество и купечество, пріобрѣвшія за безцѣнокъ богатѣйшіе участки земли, оставленные эмигрантами. Извѣстно также, что администрацію, въ отношеніи упомянутаго края, были приняты мѣры, которая свидѣтельствовали о ея желаніи поскорѣе раздѣлаться съ его кореннымъ населеніемъ. Въ числѣ такихъ мѣръ достойны особеннаго вниманія тѣ, которые принимались въ отношеніи поземельного устройства; мѣстное начальство стремилось, во что бы то ни стало, поскорѣе ввести обще-русскіе гражданскіе законы, безъ соображенія съ мѣстными поземельными обычаями и порядками; русскіе порядки оказались для мѣстнаго населенія крайне стѣснительными (въ отношеніи, напр., безвозмезднаго пользованія лѣсомъ, бездокументальнаго владѣнія общественными пастващами и пр.), и экономическое положеніе его сразу ухудшилось. А какъ ревниво преслѣдовала свои цѣли мѣстная администрація, достаточно упомянуть, что бывшій помощникъ намѣстника счѣть нужнымъ разъяснить въ 1878 году карсскимъ властямъ, что какова бы ни была важность цѣли (заселенія края исключительно русскимъ населеніемъ), средства къ ея достижению должны быть согласны съ достоинствомъ нашего правительства и законами справедливости, и что намъ не подобаетъ прибѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ для понужденія къ переселенію мусульманъ Карской области. Что упоминаемая здѣсь выраженія: справедливость, достоинство и пр., ни къ чему определенному не обязывали карсскихъ администраторовъ, это доказывалось, во-первыхъ, тѣмъ, что переселеніе въ Турцію не прекращалось и послѣ поминутаго разъясненія, а во-вторыхъ, что судьбами вновь присоединеннаго края посланы были распоряжаться тѣ самые люди, дѣйствія которыхъ незадолго предъ тѣмъ, во время послѣдней войны, какъ оказалось по послѣдующимъ официальнымъ разслѣдованіямъ, были признаны дѣяніями уголовнаго свойства.

Указывая на жалкое экономическое положеніе, какъ на главную побудительную причину беспрестанныхъ выселеній съ Кавказа его коренныхъ жителей и слѣдующихъ затѣмъ самыхъ державъ набѣговъ послѣднихъ на наши границы, мы тѣмъ не менѣе не желаемъ присоединиться къ голосу тѣхъ, которые материальная условія жизни кавказскаго населенія признаютъ чуть не един-

ственнымъ источникомъ всѣхъ, такъ часто проявляющихся въ немъ, преступныхъ наклонностей. Существуетъ, напримѣръ, мнѣніе, что высшее мусульманское сословіе, лишенное при русскомъ владычествѣ всякой власти, неполучившее образованія и преданное бездѣлью, снабжаетъ закулисными руководителями всевозможныя разбойничьи шайки. Но дѣло въ томъ, что мнѣніе это построено скорѣе на предположеніи, чѣмъ на дѣйствительно существующихъ фактахъ. Въ дѣйствительности, высшее мусульманское сословіе, сплошь состоявшее изъ персидскихъ и турецкихъ чиновниковъ, хотя и потеряло свои должности при русскомъ правительстве, но зато это же сословіе сохранило самыя существенные права предоставлявшіяся ему прежнею турецкою и персидскою службою: а именно, русскимъ правительствомъ пожалованы ему въ потомственное владѣніе казенные земли, которыя прежде находились въ его владѣніи не на правѣ полной собственности, а лишь съ цѣлью получать съ нихъ нѣкоторую часть дохода, какъ вознагражденіе за трудъ по государственной службѣ. Кромѣ того, русское правительство многимъ изъ потомковъ персидскихъ и турецкихъ правителей оказывало и оказываетъ то-же довѣріе, какимъ они пользовались и при владычествѣ на Кавказѣ ихъ единовѣрцевъ: туземцамъ на Кавказѣ, хотя и въ меньшей степени, сравнительно съ прѣзжимъ элементомъ, все же открыть доступъ для занятія должностей въ арміи, въ судѣ, въ полиціи и въ другихъ сферахъ служебной дѣятельности. Слѣдуетъ однако обратить вниманіе на микроскопически малое число учащихся мусульманъ въ учебныхъ заведеніяхъ Съ каждымъ днемъ отсталость кавказскихъ мусульманъ растетъ. Невѣжество и бездѣлье создаютъ и питаютъ преступность. Настоятельная нужда въ увеличеніи числа учебныхъ заведеній какъ общеобразовательныхъ, такъ и специальныхъ, но непремѣнно приоровленныхъ къ потребностямъ мусульманъ. Нужно, чтобы эти школы были для нихъ понятны и привлекательны.

Можетъ возникнуть вопросъ: если признаніе высшаго мусульманского сословія собственникомъ находившихся въ его владѣніи казенныхъ земель было благодѣтельно для этого сословія, то не пострадали ли отъ того поселяне, живущіе на тѣхъ земляхъ, превратившихся фактически изъ государственныхъ поселянъ во владѣльческихъ. Многіе, дѣйствительно, такое распоряженіе кн. Воронцова, получившее законное утвержденіе, считаютъ равносильнымъ отдачѣ населенія въ кабалу вновь созданнымъ помѣщикамъ. Этимъ объясняютъ, почему поселяне подъ гнетомъ своихъ новыхъ господъ, профессиональныхъ разбойниковъ, принуждены заниматься поголовно пристанодержательствомъ и иною болѣе активною преступною дѣятельностью. Этотъ взглядъ кажется намъ

несовсѣмъ основательнымъ. Хотя государственные крестьяне вообще въ Россіи въ поземельномъ отношеніи лучше устроены чѣмъ бывшіе помѣщичьи,—и поселяне мусульманскихъ провинцій, Закавказья, оставаясь и при русскомъ правительствѣ на казен-ной землѣ, можетъ быть, находились бы въ лучшемъ положеніи, чѣмъ находятся въ настоящее время, когда они отбываютъ повинности частнымъ лицамъ; но несомнѣнно, что ихъ настоящее положеніе не хуже прежняго. Положенія 6 декабря 1846 г., а затѣмъ и 14 мая 1870 г., на основаніи которыхъ совершилось по-земельное устройство этихъ поселянъ, сохранили въ ихъ пользованіи всѣ тѣ земли, какія находились у нихъ раньше, когда высшее сословіе не считалось еще собственникомъ этихъ земель. А послѣднее изъ выше упомянутыхъ положеній, составленное примѣнительно къ положенію 19 февраля 1861 г., кромѣ того, осво-бодило поселянъ отъ тѣхъ личныхъ повинностей крѣпостническаго характера, какія они прежде, несмотря на отсутствіе у нихъ крѣ-постного права отбывали владѣльцамъ, какъ служилому сословію Наше правительство замѣнило повинности эти ничтожною денежн-ю, подесятинною, платою. Во-вторыхъ, нужно имѣть въ виду какъ размѣръ, такъ и качество земельнаго надѣла названныхъ по селянъ. По размѣру, надѣль этотъ, дѣйствительно, уступаетъ на-дѣлу бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ во внутреннихъ губер-ніяхъ (первый надѣль состоять среднимъ числомъ изъ 1— $1\frac{1}{2}$ десят. на душу муж. пола), и не всегда превышаетъ земельную собственность даже западно-европейскаго крестьянина. Но зато по богатству почвы съ надѣломъ закавказскихъ поселянъ едва-ли можетъ сравняться какой бы то ни было другой крестьянской на-дѣль; участокъ закавказского поселянина нерѣдко оказывается состоящимъ изъ такъ называемой чалтычной земли, которая за-сѣвается ежегодно и, несмотря на это, даетъ весьма высокий урожай (самъ 12 и даже 15) сарочинского пшена; на поселянской землѣ здѣсь, кромѣ того, произрастаютъ такія цѣнныя произведе-ния, какъ хлопокъ, кунжутъ и пр. Правда, выкупное дѣло у кав-казскихъ поселянъ поставлено въ менѣе благопріятныя условія, чѣмъ у временно-обязанныхъ крестьянъ вообще (въ томъ числѣ и у такихъ крестьянъ въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ), а именно, оно предоставлено единственнно собственнымъ силамъ самихъ поселянъ, безъ оказанія со стороны правительства денежн-ой помощи. Вслѣдствіе этого дѣло выкупа въ мусульманскихъ губерніяхъ, можно сказать, и не начато еще. Но, съ другой сто-роны, едва ли это обстоятельство можетъ особенно тревожить по-селянъ названныхъ губерній, такъ какъ они, кромѣ разныхъ пре-имуществъ предъ временно-обязанными крестьянами, имѣютъ еще и то преимущество, что отбываютъ за надѣлы относительно не-

значительную повинность, а именно $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{20}$ урожая, между тѣмъ какъ въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ временно-обязанные крестьяне выдѣляютъ въ пользу помѣщика $\frac{1}{4}$ урожая, Здѣсь, кромѣ того, выкупъ можетъ совершаться и по одному требованію поселенія, хотя бы и противъ воли владѣльца.

Но, къ сожалѣнію, не вездѣ, какъ выше было сказано, по-земельное устройство кавказцевъ завершилось, такъ выгодно для нихъ, и нѣкоторые горцы, равно какъ и населеніе вновь присоединенныхъ областей, покидая край, вслѣдствіе поземельной безурядицы, и унося съ собою злобу противъ русскихъ порядковъ, мстить намъ пристанодержательствомъ и разбойничими набѣгами и служать постоянной угрозой для порядка и спокойствія на нашихъ границахъ.

Еще болѣе достойно сожалѣнія, что въ будущемъ не только не обѣщаетъ зло это уменьшиться, а, напротивъ, есть основаніе думать, что оно сильнѣе разрастется. Опасеніе это является невольно въ виду того усердія, съ какимъ извѣстная часть столичной печати пропагандируетъ въ послѣднее время мысль о колонизаціи Кавказа кореннымъ русскимъ населеніемъ. Извѣстно, что Закавказье и безъ того страдаетъ крестьянскимъ малоземельемъ, что еще болѣе усиливается стремленіемъ мѣстного чиновничества и купечества прибирать къ своимъ рукамъ земли, оставшіяся безъ хозяина при эмиграції. А тутъ еще газеты приглашаютъ крестьянъ внутреннихъ губерній. Очевидно, что онѣ или вовсе не думаютъ объ участіи мѣстного населенія, которое въ такомъ случаѣ осталось бы вовсе безъ земли, или же убѣждены, что ему и не полагается вовсе существовать. Если читатель думаетъ, что такою жестокою для туземцевъ мѣрою предполагается улучшить экономическое положеніе русского мужика, то горько ошибается. Долголѣтній опытъ доказалъ, что русскій пришлецъ въ Закавказье почти всегда погибаетъ или отъ того, что не имѣеть, да и не можетъ имѣть достаточно средствъ для заведенія въ незнакомой ему средѣ хозяйства; или же, главнымъ образомъ, отъ того, что не переносить чуждаго ему климата и другихъ природныхъ условій новой для него мѣстности. Наши публицисты Рекомендуютъ замѣну на Кавказѣ мѣстного населенія исключительно русскимъ въ виду высшихъ государственныхъ соображеній. Туземцы, по мнѣнію ихъ, не благонадежны въ политическомъ отношеніи, а на окраинахъ нужно имѣть населеніе, вѣрноподданническія чувства котораго не подлежали бы никакому сомнѣнію: Мы не будемъ здѣсь доказывать всю неосновательность подобныхъ соображеній. Не будемъ напоминать, что мѣстное населеніе давало поводъ сомнѣніямъ въ политическомъ отношеніи лишь тогда, когда мѣстная бюрократія обнаруживала стремленіе

къ его обезземеленію. Не будемъ доказывать, что вышеупомянутые публицисты своею мѣрою—выселеніемъ коренного кавказскаго населенія—могли бы достичь противоположныхъ результатовъ, а именно усиленія неблагопріятныхъ для государства элементовъ. Напомнимъ лишь о знаменитой ашиновской эпопеѣ, характеризующей лицъ, агитирующихъ въ столицахъ за немедленное и не-разборчивое заселеніе Кавказа русскимъ элементомъ. „Царицынскій купеческій сынъ Ашиновъ,—читаемъ въ „Кавказѣ“ (№ 263),—человѣкъ предпріимчивый, бойкий, но весьма неразборчивый на средства для достижения своихъ личныхъ цѣлей, подговоривъ болѣе ста семействъ Черниговской и Полтавской губерній къ переселенію на Кавказъ, явился въ началѣ 1884 года въ С.-Петербургъ, къ главнокомандующему гражданскою частью на Кавказѣ съ заявлениемъ о намѣреніи поселить эти семейства на черноморской береговой линіи, образовавъ изъ нихъ какое-то особое казачье войско. Ашинову было объявлено, что правительство не имѣеть, и не можетъ имѣть въ виду создавать казачье войско на Черноморскомъ побережье, но что желающіе водвориться тамъ могутъ, по осмотрѣ ходаками свободныхъ земель, водвориться на нихъ съ разрѣшеніемъ мѣстнаго начальства, на общихъ правахъ поселянъ. Ашиновскіе переселенцы, избравшіе землю около Ольгинского поселенія, явились безъ всякихъ средствъ къ водворенію, будучи введены въ заблужденіе своимъ предводителемъ о томъ, будто бы правительство снабжаетъ каждую русскую переселенческую семью шестью головами скота и 200—300 руб. пособія. Большая часть переселенцевъ, убѣдившись, вскорѣ по прибытии въ Сухумъ, въ томъ, что они обмануты Ашиновымъ, возвратилась обратно на родину; осталось же въ Сухумскомъ округѣ всего 44 семьи, которая и водворились близъ Ольгинскаго, образовавъ поселокъ Полтавскій. Входя въ бѣдственное положеніе этихъ поселянъ, главноначальствующій окказалъ имъ всевозможныя льготы отпускомъ казеннаго провіанта, двухъ тысячъ рублей на покупку скота и, кромѣ того, денегъ на постройку дороги къ Ольгинскому. Между тѣмъ, Ашиновъ, выдавая себя передъ переселенцами за какого-то атамана новаго казачьяго войска, истрастилъ часть полученныхъ имъ для нужды поселенцевъ денегъ и хлѣба, который онъ продалъ торговцамъ въ свою пользу, и продолжалъ заваливать начальство постоянными просьбами о пособіи и жалобами на притѣсненія мѣстныхъ властей. Когда же всѣ мошенничества его обнаружились, и администрація рѣшилась привлечь его къ уголовной ответственности,—Ашиновъ внезапно скрылся изъ Сухума и появился въ Петербургѣ. Тамъ онъ съумѣлъ втереться не только въ редакціи весьма почтенныхъ газетъ, но и къ нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ. Своими раз-

— 1911 —

сказами о государственной пользѣ учрежденія „вольнаго казачества“ на Черноморскомъ побережье, о подвигахъ какихъ-то казаковъ, состоящихъ на службѣ у махди, въ Суданѣ, и у царя абиссинскаго, ему удалось возбудить къ себѣ участіе—пока, наконецъ, не обнаружилась вся наглая ложь его розсказней, и этотъ самозванный атаманъ несуществующаго казачества быть привлеченъ къ уголовной отвѣтственности“.

Заканчивая настоящую статью, считаемъ нужнымъ оговориться, что мы не имѣли въ виду всесторонне изслѣдоватъ почву, на которой кавказскія уголовныя дѣла все болѣе, безпрерывно изъ года въ годъ, разрастаются. Если читатель, пробѣжавъ наши замѣтки, скептически отнесется къ тѣмъ мѣрамъ, которыя предлагаются для уничтоженія этого зла извѣстною частью печати и которая находять иногда примѣненіе со стороны кавказскаго начальства,—то мы достигли вполнѣ своей цѣли, такъ какъ мы здѣсь желали лишь показать, что мѣры строгости вообще, а тѣмъ болѣе строгости неразборчивой, несправедливой, несообразованной съ условіями мѣста и времени, не могутъ залечить одну изъ главицъ рань Кавказа. Мы желали показать всю неосновательность мнѣнія тѣхъ, которые утверждаютъ, что на окраинѣ этой некогда думать о гражданственномъ развитии населенія, и все вниманіе должно быть обращено на быстрое, энергичное уничтоженіе преступныхъ наклонностей населенія. Мы желали доказать, что преступныя наклонности эти составляютъ продуктъ гражданскаго неустройства края, и что бороться съ кавказской уголовной безурядицею нужно не военными строгостями, которая своею неразборчивостью, напротивъ, еще болѣе могутъ увеличить эту безурядицу, а такими нешумными, но болѣе дѣйствительными мѣрами, какъ упорядоченіе суда и администраціи, распространеніе народнаго образованія, безобидное для мѣстнаго населенія служебное его устройство, возможно скорое завершеніе межеванія, улучшеніе ирригаций, охрана лѣсовъ, и т. п.

Государственные крестьяне и казенные земли.

Несмотря на вѣковое владѣніе Россіи Закавказьемъ и несмотря на многочисленность государственныхъ крестьянъ, живущихъ въ этомъ краѣ на казенныхъ земляхъ, до сихъ поръ все же не завершено поземельное устройство этихъ крестьянъ. Дѣйствіе положенія 1866 г. не было распространено на Закавказье и здѣсь государственные крестьяне не только не получили отъ казны зе-

мельной собственности, но и не пользуются вовсе какою-либо земельною обезпеченностью.

Только 1½ года тому назадъ внесены были въ государственный совѣтъ проектъ поземельного устройства государственныхъ крестьянъ въ Закавказье или, вѣрнѣе сказать, только немногія главныя основанія такого устройства.

Проектъ этотъ имѣть два главныхъ основанія. Во-1-хъ, онъ вводить нормировку надѣла тамъ, гдѣ до сихъ поръ играли главную роль разныя случайности, и, во-2-хъ, отводить крестьянамъ земли въ постоянное пользованіе, а не въ собственность, чѣмъ существенно отстуپаетъ отъ положенія, дѣйствующаго во внутреннихъ губерніяхъ.

Разсмотримъ сперва первое изъ этихъ основаній.

Присоединяя къ Россіи различныя области Закавказья, правительство всегда оставляло въ нихъ неизмѣннымъ существующее землепользованіе поселянъ. Послѣдующія въ немъ перемѣны происходили единственно подъ вліяніемъ увеличивавшейся потребности въ землѣ и въ значительной части совершились самими населеніемъ, въ силу простой возможности занятія свободныхъ казенныхъ земель. Надѣленіе земель, какъ признаются и представители министерства, носило случайный характеръ. Въ виду этого, распределеніе земель между государственными поселянами крайне неравномѣрное. На-ряду съ многоземельными обществами нерѣдко можно встрѣтить и общества, которыхъ слишкомъ необеспечены въ отношеніи земельного довольствія.

Улучшеніе земельного быта крестьянъ, недостаточно обезпечившаго землею, прежде всего, конечно, предстоитъ произвести насчетъ свободныхъ земель, т. е. тѣхъ, которыхъ нынѣ состоятъ въ разрядѣ оброчныхъ статей или же отнесены къ составу пастищъ (преимущественно зимнихъ), но пригодны для распашки. Къ этого же рода землямъ, по проекту, могутъ быть причислены и незначительныя, въ общемъ счетѣ, лѣсныя площади съ маловажными насажденіями, способныя къ воздѣлыванію, и снятіе съ которыхъ лѣса можетъ быть допущено безъ вреда для общаго благосостоянія окружающихъ ихъ мѣстностей. Но такихъ земель вообще въ Закавказье мало и во всякомъ случаѣ далеко не достаточно для обезпеченія всѣхъ малоземельныхъ обществъ необходимымъ размѣромъ надѣла. Въ виду этого, проектируется приселеніе недостаточно обеспеченныхъ землею крестьянъ къ многоземельнымъ обществамъ. Въ случаѣ же неосуществленія такого приселенія по какимъ-либо причинамъ, излишня земли (т. е. превышающія заранѣе опредѣленную норму) подлежатъ отрѣзкѣ въ казну. Не подлежать отрѣзкѣ въ казну или въ пользу малоземельныхъ крестьянъ только тѣ участки, на улучшеніе которыхъ крестьянами

— 1913 —

употреблены особые труды и средства: усадебная мѣста, сады земли, искусственно орошаемыя, мельничные участки, искусственные рощи и проч.

Однимъ изъ членовъ комиссіи признана такая мѣра не-практичной.

При этнографической пестротѣ Закавказья, враждебныхъ, по историческимъ условіямъ, отношеніяхъ нѣкоторыхъ племенъ между собой, наконецъ, вслѣдствіе вѣроисповѣдныхъ различій, нормированіе надѣловъ съ его слѣдствіемъ — передвиженіемъ населенія можетъ потребовать такихъ принудительныхъ мѣръ, которыхъ желательно было-бы избѣжать. Въ этихъ мягкихъ выраженіяхъ сказано многое¹⁾.

Но этимъ сказано не все.

„Эта рѣшительная мѣра представляется намъ очень рискованной и къ тому же устанавливающей такой порядокъ, при которомъ благосостояніе одной части населенія повышается насчетъ принудительного пониженія благосостоянія другой. Такой принципъ намъ кажется недопускаемымъ въ современномъ законодательствѣ. Эту принудительную мѣру нельзя смысливать, напр., съ операцией, произведенной при освобожденіи крестьянъ, ибо у помѣщиковъ земля тогда отчуждалась на началахъ выкупа ея крестьянами, теперь же ничего подобного не предполагается. Хотя земля эта принадлежитъ казнѣ, и казна формально можетъ распоряжаться ею, какъ угодно, но надо забывать, что поселенные на ней крестьяне пользуются ею уже давно; разсчитывая пользоваться ею и впредь, они обзавелись соответствующими хозяйственными приспособленіями, вложили въ нее много труда и денегъ, смотрятъ на нее, какъ на состоящую въ ихъ постоянномъ пользованіи. Несправедливо было бы теперь отбирать у нихъ, притомъ же даромъ, часть этой земли. Надо къ тому же вспомнить, сколько у насъ было земельныхъ процессовъ, въ которыхъ крестьяне обвинялись въ сопротивлѣніи властямъ, часто вооруженномъ и сопровождавшемся разными насилиями наль представителями власти. Земельный вопросъ — одинъ изъ наиболѣе жгучихъ, и рѣшать его надо съ крайней осторожностью.

„Возможность разныхъ волненій и сопротивлений особенно ясна для Закавказья, при примѣненіи принудительныхъ мѣръ въ земельномъ вопросѣ. Здѣсь составъ населенія отличается крайней пестротой и въ этнографическомъ и вѣроисповѣдномъ отношеніяхъ; многія отдельныя племена и роды находятся во враждѣ между собой, благодаря особымъ историческимъ условіямъ. И вотъ, при такихъ условіяхъ придется принудительно отбирать землю у однихъ и отдавать ее въ пользованіе другимъ!“

Результатомъ такого устройства государственныхъ крестьянъ которое предлагается большинство комиссіи, несомнѣнно, съ одной стороны, явится улучшеніе быта малоземельныхъ крестьянъ и въ то же время ухудшеніе быта крестьянъ многоземельныхъ. Но многоземельность — понятіе относительное. По даннымъ министерства, вполнѣ самостоятельнымъ крестьянскимъ семействомъ можно признать такую семью, душевой расходъ которой составляетъ отъ 60 р. (въ Кутаисской губ.) до 80—90 руб. (въ восточномъ Закавказѣ). Благосостояніе этихъ крестьянъ не такъ уже

¹⁾ Передавая это мнѣніе, газ. „Сѣв. Кавк.“ (№ 45) раскрываетъ скобки и говорить:

велико, какъ видѣть читатель, чтобы на немъ строить улучшеніе быта другихъ еще менѣе состоятельныхъ крестьянъ.

Но, спрашивается, какъ же удовлетворить малоземельныхъ государственныхъ крестьянъ, если свободныхъ казенныхъ земель недостаточно и если не допускать прирѣзокъ изъ многоземельныхъ участковъ? На это не даетъ отвѣта упомянутый выше членъ комиссии. А „Сѣв. Кавк.“—единственная до сихъ поръ газета, которая обратила внимание на этотъ важный вопросъ,—высказываетъ слѣдующее мнѣніе.

„Казпа,—говорить эта газета,—могла бы скупить продающіяся частновладѣльческія земли (все равно, продаются ли сами собственники, или продаются они за долги), которая затѣмъ она можетъ предоставить въ пользованіе малоземельнымъ обществамъ, конечно, за извѣстную арендную плату. Это былъ бы самый безобидный и справедливый способъ рѣшенія этого важнаго вопроса. Такая мѣра была бы цѣлесообразна еще и потому, что земля изъ рукъ владѣльцевъ, лично ее необрабатывающихъ, перешла бы въ руки людей, непосредственно влагающихъ въ нее свой трудъ“.

Мы вполнѣ согласны съ этимъ мнѣніемъ и считаемъ нужнымъ лишь прибавить, что самымъ легкимъ практическимъ способомъ осуществленія такой мѣры слѣдовало бы признать учрежденіе въ нашемъ краѣ отдѣленій государственного крестьянскаго банка. Банкъ этотъ, какъ извѣстно, учрежденъ именно для потребностей малоземельныхъ крестьянъ. Онъ, конечно, не лишенъ своихъ недостатковъ, но имѣть и неоспоримыя достоинства, главное изъ которыхъ заключается въ томъ, что открывается крестьянамъ дешевый кредитъ съ цѣлью пріобрѣтенія земель.

О важномъ значеніи крестьянскаго банка уже очень много писалось и мы вновь не будемъ распространяться о немъ. Скажемъ лишь, что ближе всѣхъ къ интересамъ крестьянства стоитъ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, и оно должно взять на себя инициативу возбужденія этого вопроса. Если министерство финансовъ не встрѣтило препятствія удовлетворить ходатайство дворянъ объ открытии въ Закавказье отдѣленія государственного дворянскаго банка, то едва-ли представится основаніе отказать въ ходатайствѣ объ открытии отдѣленія государственного крестьянскаго банка. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что крестьяне еще болѣе дворянъ нуждаются въ дешевомъ ипотечномъ кредитѣ.

Противники крестьянскаго банка указываютъ на опытъ Сѣв. Кавказа, гдѣ ставропольское отдѣленіе этого банка дѣйствовало чрезвычайно слабо, такъ что возникъ даже вопросъ объ его закрытии вовсе. Но опытъ этотъ не удался не потому, чтобы крестьяне не нуждались въ дешевомъ кредитѣ, а вслѣдствіе неудовле-

творительной организаціи дѣла. Вотъ что, напр., читаемъ въ „Недѣлѣ“ (№ 12, 1896 г.). Неудачи ставропольского отдѣленія банка объясняются:

„во 1-хъ, тѣмъ, что нормальная оцѣнка крестьянскаго банка до того противоестественна, что, напр., за землю, покупаемую крестьянами по 125 р. за десятину банкъ можетъ выдать лишь по 24 руб.—и покупщикамъ, если-бъ они обратились въ отдѣленіе, пришлось бы, такимъ образомъ, доплатить изъ своихъ средствъ по 100 руб. слишкомъ на десятину; между тѣмъ какъ въ частныхъ банкахъ совсѣмъ наоборотъ: охотно выдадутъ по сто рублей,—и крестьянамъ придется, слѣдовательно, доплатить изъ своихъ средствъ лишь по 25 р. Во-вторыхъ, въ частномъ банкѣ все дѣло можно обѣйтъ въ двѣ-три недѣли, а въ крестьянскомъ требуется иногда два-три мѣсяца для того, чтобы дѣло, посланное уже изъ отдѣленія въ Петербургъ, было тамъ, наконецъ, доложено и рассмотрѣно... Стоило бы только измѣнить оцѣнку и хоть немножко упростить формализмъ и канцелярскую волокиту въ этомъ живомъ дѣлѣ, смѣло уменьшивъ на половину число многоразличныхъ „документовъ“, требуемыхъ отъ крестьянъ, когда они обращаются за ссудами въ этотъ свой банкъ, и дѣло пошло бы живо и хорошо.

Замѣтка эта, обратившая на себя вниманіе печати, не вызвала возраженія ни съ чьей стороны,—слѣдовательно, достойна довѣрія. Указанные въ замѣткѣ тормазы устранить легко, и государственный крестьянскій банкъ могъ бы съ успѣхомъ помочь нашимъ безземельнымъ и малоземельнымъ государственнымъ крестьянамъ приобрѣсть новыя земли, безъ ущерба остальному крестьянству.

II.

Мы уже видѣли, что составители проекта поземельного устройства гос. крестьянъ Закавказья не признаютъ неприкоснѣвности нынѣшняго землепользованія крестьянъ и находятъ возможной отрѣзку изъ участковъ многоземельныхъ крестьянъ въ пользу малоземельныхъ. Такая же непрочность крестьянскаго землепользованія устанавливается проектомъ и на будущее время. Проектируется предоставить крестьянамъ земельные надѣлы не въ *собственность*, какъ это уже сдѣлано въ Европейской Россіи и Ставропольской губ., а лишь въ *пользованіе*.

Необходимость такого отступленія отъ общаго порядка составители проекта мотивируютъ слѣдующими соображеніями:

1) Крестьянское земельное хозяйство еще не вполнѣ сформировалось. Значительная часть надѣловъ составляется изъ земель.

неорошаемыхъ. Поэтому приходится теперь отводить обширные надѣлы. Но эти участки при надлежащемъ ихъ орошениі могутъ оказаться пригодными для культуры и способными обеспечить существованіе не одного того дыма, которому они случайно достались, но и другихъ, малоземельныхъ или безземельныхъ крестьянъ. При такихъ условіяхъ предоставление надѣловъ *въ собственность* способно нанести существенный ущербъ общему благосостоянію края, лишивъ правительство возможности способствовать культурному развитію обширныхъ земельныхъ пространствъ путемъ орошенія, разведенія лѣсовъ и пр. Сказанное особенно относится къ землямъ кочевыхъ и полукочевыхъ обществъ.

2) Предоставленіе земель крестьянамъ *въ собственность*, т. е. предоставленіе права залога, продажи и иного распоряженія землями, дало во внутреннихъ губерніяхъ неблагопріятные для интересовъ крестьянства результаты. Земли перешли къ кулакамъ. И на Кавказѣ невысокий уровень развитія крестьянъ можетъ привести послѣднихъ къ обезземеленію.

3) Судебное межеваніе во многихъ мѣстностяхъ Закавказья еще не закончено. Это обстоятельство имѣть существенное значеніе. Если земли, отведенныя крестьянамъ казной, окажутся при межеваніи частными, то, по проекту, онѣ остаются у крестьянъ, съ выкупомъ у собственниковъ. Но эти же земли были бы отобраны у крестьянъ, еслибы казна ихъ отвела крестьянамъ на правъ *собственности*, а не на правъ пользованія.

Составители проекта вмѣстѣ съ тѣмъ сознавали и слабую сторону такого устройства быта крестьянъ. Принято было во вниманіе и то, что владѣніе по праву собственности имѣть свои преимущества. Крестьянинъ, владѣя землею на правъ собственности, спокойнѣе можетъ вложить въ нее трудъ и капиталъ. Поэтому можетъ возникнуть опасеніе, что предоставленіемъ крестьянамъ земли лишь въ пользованіе будетъ нанесенъ ущербъ крестьянскому благосостоянію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и культурному развитію края.

Такія опасенія проектъ, однако, признаетъ неосновательными. Во-первыхъ, собственникомъ надѣльныхъ земель въ значительной части Закавказья должно было бы явиться не отдельное лицо, а крестьянское общество. Такимъ образомъ личная хозяйственная инициатива отдельныхъ его членовъ не получитъ полнаго простора и при отдачѣ земель въ собственность. Во-вторыхъ, приведенная невыгодность пользованія землею, въ сравненіи съ владѣніемъ ею на правъ собственности, вполнѣ устраняется предоставленіемъ надѣловъ *въ постоянное пользованіе* крестьянъ.

Со всѣми приведенными соображеніями, мы, съ своей стороны, не можемъ согласиться. При ближайшемъ разсмотрѣніи

проекта, по нашему мнѣнію, невыгоды проектируемой мѣры перевѣшиваютъ выгоды, предоставляемыя ею.

Прежде всего бросается въ глаза слѣдующее противорѣчіе.

Проектировано отвести крестьянамъ земли, какъ только-что было сказано, въ *постоянное* пользованіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ допускается возможность отбирать у крестьянъ земли, которыхъ правительство найдетъ нужнымъ орошать¹⁾. Кромѣ того, проектъ допускаетъ возможность отбранія у крестьянъ земель подъ общеполезныя предпріятія: облѣсительные площади, сельско-хозяйственные школы, фермы, ирригационныя сооруженія и пр.

При такомъ порядке крестьянинъ не можетъ бытьувѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Каждый ключекъ его земли можетъ быть признанъ болѣе производительнымъ при усовершенствованномъ орошениі и, благодаря этому, будетъ отобранъ казной. Каждый ключекъ надѣла можетъ завтра оказаться нужнымъ для разныхъ общеполезныхъ предпріятій — школъ, фермъ, лѣсонасадженія и пр., — и крестьянинъ долженъ лишиться вѣками обрабатываемаго имъ участка.

Въ виду этого намъ казалось бы, стѣдуетъ отводить госуд. крестьянамъ Закавказья земли не въ пользованіе только, а въ собственность, на общемъ основаніи. При этомъ для общеполезныхъ предпріятій изъ владѣнія крестьянъ могли бы быть отчуждены земли на общемъ же основаніи, т. е. съ вознагражденіемъ крестьянъ за утерянную ими собственность, а не только съ отводомъ имъ другой, свободной казенной земли, если таковая окажется, или уменьшениемъ податныхъ платежей, какъ предлагается проектъ. Правда, у крестьянъ въ составѣ ихъ надѣловъ могутъ оказаться земли, которыхъ при искусственномъ орошениі составлять значительную цѣнность, но вѣдь многоземельныхъ крестьянъ среди *осѣдлаго* населенія немного. Что же касается кочевого или полу-кочевого населенія, то въ отношеніи его могло бы быть допускаемо отчужденіе земель для производства на нихъ казной искусственного орошениія, но съ тѣмъ, чтобы взамѣнъ каждой отчуждаемой неорошеннай десятинѣ крестьянскому дыму отводилось меньшее количество орошенной земли (опредѣлить норму — дѣло специалистовъ; мы ея здѣсь не опредѣляемъ).

При существованіи права собственности можетъ быть допущено и другое ограниченіе. Крестьянскія земли могутъ быть признаны неотчуждаемыми, съ цѣлью избавить крестьянъ отъ искушенія продать ихъ кулакамъ въ случаѣ нужды. Если право земельной собственности и неотчуждаемость уживаются вмѣстѣ во внутреннихъ губерніяхъ (какъ извѣстно, давно уже составленъ

¹⁾ См. выше, п. 1.

ноябрь.

въ этомъ смыслѣ особый законопроектъ), то мы не имѣемъ основанія не допускать того же и на Кавказѣ.

Судебное межеваніе, говорится далѣе въ проектѣ, во многихъ мѣстностяхъ Закавказья еще не закончено. Если земля, отведенная крестьянамъ, будетъ, благодаря межеванію, присуждена въ частную собственность, то земля, по проекту, останется все же въ рукахъ крестьянъ. Не то будетъ въ случаѣ отвода въ собственность; земля не останется у крестьянъ, а перейдетъ къ новому собственнику. Отсюда вытекаетъ заключеніе, что отводъ въ пользованіе предпочтительнѣе предъ отводомъ въ собственность.

Но, во-первыхъ, приведенное обстоятельство не болѣе какъ случайность.

Больше шансовъ за то, что земля при межеваніи не отойдетъ къ частнымъ собственникамъ въ томъ случаѣ, когда она будетъ дана крестьянамъ въ собственность, а не только въ пользованіе. Крестьянинъ, получивъ землю въ собственность, съ большою энергией будетъ отстаивать ее при межеваніи, чѣмъ казна. Извѣстно, что если казна до сихъ поръ сохранила за собой кое-какія годныя земли, то только при содѣйствіи крестьянъ во время межеванія. Слѣдовательно, необходимо заинтересовать крестьянъ—отвести землю имъ въ собственность, а не только въ пользованіе.

Во-вторыхъ, нужно принять во вниманіе, что присужденіе спорной земли частнымъ лицамъ или учрежденіямъ обходится казнѣ недешево. Казна, по проекту, обязана заплатить новому собственнику стоимость этого участка и оставить послѣдній въ пользованіи крестьянъ. На эти же деньги крестьяне могли бы приобрѣсти себѣ землю отъ нашего владѣльца и въ томъ случаѣ, если бы казна отвела имъ ее не въ пользованіе, а въ собственность. А если бы новый собственникъ не согласился на это, то крестьяне на тѣ же деньги сумѣли бы купить участокъ на другомъ мѣстѣ.

Противъ отвода земли въ собственность представляютъ иногда и слѣдующее возраженіе. Собственникомъ надѣльныхъ земель въ значительной части Закавказья, въ виду существованія здѣсь общинного землевладѣнія, должно было бы явиться крестьянское общество; такимъ образомъ, личная хозяйственная инициатива отдѣльныхъ его членовъ не получить-де простора и въ томъ случаѣ, если бы земля имъ была отдана въ собственность, а не только въ пользованіе.

Но общинное землевладѣніе, какъ видно изъ свѣдѣній министерства земледѣлія и государ. имущ., въ однѣхъ мѣстностяхъ Закавказья (наприм., Кутаисской губ.) вовсе не существуетъ; въ другихъ же мѣстностяхъ имѣть слабое развитіе, настолько слабое, что проектъ названного министерства находить возможнымъ игно-

рировать его во многихъ случаяхъ. „Такъ какъ надѣльныя земли говорится въ проектѣ, отводятся для обеспеченія всѣхъ членовъ общества, а не одной только состоятельной его части, то, очевидно, каждый изъ состава общества имѣеть на нихъ право сообразно своимъ нуждамъ и не можетъ быть лишенъ участія въ надѣлѣ. Поэтому *приговоры общества по распределенію надѣльныхъ земель*, нарушающіе это основное положеніе поземельного устройства крестьянъ, не должны быть признаваемы законными, какимъ бы числомъ голосовъ ни были постановлены“. Слѣдовательно, обществу не такъ-то легко нарушить владѣніе такимъ участкомъ, который крестьяниномъ обработанъ долгими трудами.

Вслѣдствіе всего этого не можемъ не признать слабыми всѣ разсмотрѣнные нами доводы въ пользу отвода казенныхъ земель крестьянамъ только *въ пользованіе* и возраженія противъ отвода тѣхъ же земель *въ собственность*.

Отводъ земель крестьянамъ въ собственность считаемъ особенно необходимымъ въ настоящее время, когда возникаютъ всевозможные фантастические планы о выселеніи однихъ элементовъ изъ вѣками насиженныхъ ими мѣстъ и водвореніи тамъ другихъ. Стѣнть, напр., вспомнить статью г. Бутыркина въ газ. „Кавказъ“ (1897 г., іюль) о выселеніи съ черноморскаго побережья всѣхъ эсѣвшихъ тамъ кавказскихъ туземцевъ и поселеніи на ихъ мѣстахъ пришлага элемента, который вовсе не желаетъ или не можетъ тамъ осѣдать. Намъ могутъ возразить, что эти фантастические планы не должны пугать госуд. крестьянъ, такъ какъ надѣлы отводятся имъ въ *постоянное пользованіе*. Но читатель видѣлъ изъ вышеизложеннаго, что проектъ допускаетъ изъятіе изъ крестьянскаго надѣла тѣхъ или другихъ участковъ въ государственныхъ цѣляхъ. А эти цѣли, какъ известно—понятія растяжимыя и въ толкованіи иныхъ публицистовъ получаютъ вовсе не надлежащее значеніе. Давать острое оружіе въ руки такихъ публицистовъ и прожекторовъ—то-же, что держать мирное населеніе края въ вѣчной тревогѣ, отбивать его отъ приложенія труда и капитала къ землѣ и толкать на хищническую обработку ея, а это, съ своей стороны, не можетъ не способствовать приниженію у насъ и безъ того очень низкой культуры.

Къ тому же, предлагаемая проектомъ форма землепользованія пока напимъ законодательствомъ не разработана, и вслѣдствіе этого она можетъ обрѣть мѣстное крестьянство па произволъ всякихъ случайностей, печальная послѣдствія которыхъ предвидѣть весьма не трудно.

III.

При окончательномъ поземельномъ устройствѣ государствен-
ныхъ крестьянъ Закавказскаго края, предположено подвергнуть
коренному переесмотру и существующее обложение податью земель,
находящихся въ пользованіи названныхъ крестьянъ.

Установленные въ давнее время поземельные платежи вовсе
не отвѣчаютъ современному состоянію крестьянскаго хозяйства;
случайность же и произвольность позднѣйшаго обложения за до-
полнительные отводы надѣловъ лишаетъ возможности придавать
ему серьезное значеніе. Обложение поземельнымъ оброкомъ должно
соответствовать прежде всего дѣйствительной производительности
земли, отведенной крестьянамъ, и уже поэтому оно въ Закавказ-
скомъ краѣ, отличающемся крайнимъ разнообразiemъ естествен-
ныхъ и экономическихъ условій, не можетъ быть ограничиваемо
одною общую нормою.

Но поземельное обложение казенно-крестьянскаго населенія
пяти закавказскихъ губерній находится въ тѣсной связи съ обло-
женіемъ его подымною податью. Раскладка подымной подати, какъ
она нынѣ ведется (по числу дымовъ въ крестьянскихъ обществахъ,
безъ принятія въ соображеніе главнаго источника благосостоянія
крестьянъ — земли), можетъ лишь нарушать достигнутое при по-
земельномъ обложениі справедливое распределеніе населенія, по
отношенію къ уплатѣ податей, а именно — по платежной его спо-
собности. Насколько неравномѣрно и несоответственно земльному
обеспеченію населенія распределены податные платежи, видно изъ
слѣдующихъ примѣровъ. По Елисаветпольскому уѣзду на деся-
тину культурныхъ земель упадаетъ податныхъ платежей 41 коп.,
тогда какъ въ Рачинскомъ уѣздѣ 2 руб. 21 коп., т. е. почти въ
 $5\frac{1}{2}$ разъ больше, что совершенно не соответствуетъ относитель-
ной производительности и доходности земель въ обоихъ этихъ
уѣздахъ и вообще условіямъ въ нихъ крестьянскаго хозяйства.
На культурныя земли Тюнетскаго уѣзда, большую частью распо-
ложенныя въ предѣлахъ высокогорной полосы, причитается по-
датей въ среднемъ 1 руб. 72 коп. съ десятины; въ Эчміадзин-
скомъ же уѣздѣ, заключающемъ, главнымъ образомъ, мѣстности
жаркой полосы, въ которыхъ возможно воздѣлываніе цѣнныхъ
растений, на десятину культурной земли приходится лишь 68 коп.
Точно такъ же кочевые общества Шаруродаралагезскаго уѣзда,
не имѣющія вовсе культурныхъ угодій, уплачиваютъ податей, по
расчету на все количество состоящей у нихъ земли, впятеро болѣе
(1 руб. 47 коп. съ десятины), чѣмъ осѣдлые жители того же
уѣзда, располагающіе поливною землею (по 29 коп. съ десятины).

— 1921 —

Это приводить къ выводу, что всю сумму податныхъ платежей казенno-крестьянскаго населенія нужно перечислить на состоящую въ его пользованіи землю, а затѣмъ распределить таковыe между обществами пропорціонально какъ количеству, такъ и качествамъ надѣльныхъ земель. Съ переложенiemъ подымной подати на земли, по заключенiu представителей министерства земледѣлія, не только будетъ достигнуто уравнительное распределение ея, но и представится полная возможность къ возвышенню самого размѣра этой подати, нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ края весьма невысокаго, по сравненiu съ платежною состоятельностью населенія.

Съ основною мыслью, высказанною изслѣдователями быта государственныхъ крестьянъ, нельзя не согласиться. Личная подать давно уже осуждена наукой и практикой. Во внутреннихъ губерніяхъ подушная подать давно уже замѣнена поземельной. Ту же мѣру предположено принять и въ отношеніи закавказскихъ крестьянъ, какъ только будутъ приведены въ извѣстность всѣ земли, подлежащи обложенію.

Можно лишь пожелать, чтобы не было допущено при этомъ увеличенія сборовъ съ крестьянъ, при переходѣ послѣднихъ отъ подымной подати къ поземельной. Всякое увеличеніе обложенія въ данный моментъ, по нашему мнѣнію, можетъ очень гибельно отозваться на экономическомъ положеніи крестьянъ. Нужно вспомнить всю тяжесть отбываемой въ настоящее время крестьянами натуральной дорожной повинности. Кроме того, въ сельскихъ обществахъ Тифлисской губерніи введено самообложение для образования сельско-хозяйственного капитала. И за всѣмъ тѣмъ важнѣйшія мѣстныя нужды сельского населенія остаются почти во-все безъ удовлетворенія, вслѣдствіе отсутствія въ нашихъ уѣздахъ такихъ хозяйственно-общественныхъ органовъ, какъ земская учрежденія. Громадная часть селеній лишена школъ, медицинской помощи, воды, дорогъ, усовершенствованныхъ орудій, общественныхъ депо и прочее; не пользуется благами взаимного страхованія отъ огня, отъ градобитій, отъ неурожаевъ и проч. Для организаціи всѣхъ тѣхъ общественныхъ учрежденій, благами которыхъ давно уже пользуются сельскія общества не только въ Западной Европѣ, но и въ европейской Россіи, нѣтъ сомнѣнія, понадобится новое обложение. А почти единственнымъ предметомъ обложенія въ деревнѣ является только земля. При переложеніи подымной подати на землю, поэтому, по нашему мнѣнію, необходимо щадить землю елико возможно, щадить въ виду тѣхъ существующихъ тяготъ, которые несетъ крестьянское населеніе края, помимо податной подати, и которая въ будущемъ могутъ увеличиться при удовлетвореніи неудовлетворяемыхъ въ настоящее время мѣстныхъ нуждъ, весьма настоятельныхъ и весьма неотложныхъ.

— 1922 —

Въ настоящей статьѣ мы коснулись только 2—3 основныхъ положеній проекта, выработаннаго уполномоченнымъ министра государственныхъ имуществъ на Кавказѣ и разсмотрѣннаго представителями разныхъ вѣдомствъ въ Тифлісѣ. Но этотъ же проектъ касается и многихъ другихъ весьма существенныхъ вопросовъ: нормировки надѣловъ сообразно климатическимъ и почвеннымъ условіямъ разныхъ районовъ, установленія новыхъ правилъ пользованія лѣсомъ, поземельнаго устройства крестьянъ, живущихъ на частновладѣльческихъ земляхъ, и проч. Желательно, чтобы и эти вопросы не остались безъ гласнаго обсужденія въ печати, со стороны лицъ, близко знакомыхъ съ бытомъ нашего крестьянства. Необходимо, чтобы эти лица откликнулись, такъ какъ на разрѣшеніе поставлены вопросы, рѣшающіе судьбу многихъ поколѣній производительнѣйшей части населенія.

Князь Г. Тумановъ.

Замѣтки читателя по поводу „упраздненія“ Туганъ-Барановскими и Струве ученія Маркса о прибыли.

(Окончаніе).

Струве точно также, какъ и Туганъ-Барановскій, пунктомъ для своего нападенія избираетъ объясненіе, данное Марксомъ тенденціи уровня прибыли капиталистовъ къ паденію. Выразивъ уровень прибыли или отношеніе прибавочной цѣнности къ совокупному общественному капиталу въ видѣ дроби $\frac{M}{C+V}$, Струве спрашиваетъ себя: „Но что-же такое $\frac{M}{C+V}$ въ примѣненіи ко всему обществу?“ И отвѣтаетъ, что „М для всего общества означаетъ общественную прибавочную цѣнность, воплощенную въ общественномъ прибавочномъ продуктѣ, т. е. это—чистый или свободный продуктъ общества. Это та величина, которою измѣряется ростъ производительности общественного труда, $\frac{M}{C+V}$ есть такимъ образомъ отношеніе чистаго дохода общества ко всему общественному капиталу“. Напомнивъ затѣмъ, что ростъ постояннаго капитала, какъ это понимаетъ и самъ Марксъ, является техническо-экономическимъ выражениемъ роста производительности общественного труда, Струве дѣлаетъ предположеніе, что читатель уже понялъ, въ чемъ заключается обѣщанная антиномія. Она такова:

„1) Свободный продуктъ или чистый доходъ общества, величиной котораго измѣряется производительность общественного труда, прогрессивно падаетъ по отношенію къ совокупному общественному капиталу.

2) Это паденіе обусловливается прогрессивнымъ возрастаниемъ постояннаго капитала, т. е. фактотъ, составляющимъ тех-

нико-экономической базисъ роста производительности обществен-
наго труда“.

Дальше авторъ начинаетъ браниться: „Эта антиномія есть очевидная нелѣпость, но это—нелѣпость, логически вытекающая изъ положенія, что прибавочная цѣнность (прибавочный продуктъ) создается живымъ трудомъ, это—нелѣпость всей механической теоріи трудовой цѣнности“. Затѣмъ слѣдуетъ „посрамленіе.... абсурдъ“ все на той-же 300-й страницѣ.

Догадался, или не догадался заранѣе внимательный чита-
тель, какая именно ожидаетъ его нелѣпость, онъ не можетъ не прийти въ изумленіе предъ средствомъ, изготовленнымъ авторомъ
для его покушенія на Маркса.

Прежде всего бросается въ глаза фраза, повторяющаяся затѣмъ на протяженіи всей статьи какъ лейтмотивъ и гласящая, что прибыль „это та величина, которую измѣряется ростъ произ-
водительности общественного труда“. Что это значитъ? Кѣмъ и когда ростъ производительности труда измѣрялся величиною при-
были? Мы знаемъ, что, по мнѣнію автора, прибавочная цѣнность создается не только живымъ трудомъ, но по преимуществу ка-
питаломъ. Если-бы онъ сказалъ намъ, что прибыль есть та вели-
чина, которую измѣряется ростъ производительности капитала,
можно бы понять, что онъ хочетъ сказать. Но, вѣдь, производи-
тельность капитала—это та теорія, которую предстоитъ еще во-
друзить на мѣсто „упраздненной“ антиноміею теоріи Маркса, а
пока рѣчь идетъ о взглядахъ самого Маркса. Къ своему опре-

дѣленію $\frac{M}{C+V}$ „въ примѣненіи ко всему обществу“, Струве дѣ-
лаетъ примѣчаніе, утверждающее, что „это пониманіе соотвѣт-
ствуетъ вполнѣ пониманію самого Маркса, развивающему имъ въ
разныхъ мѣстахъ трехъ томовъ „Капитала“ (см. въ особенности
т. III 2, 353—356 том. ориг.)“.

Я не вижу этого соотвѣтствія, но пока намъ нужно лишь
отмѣтить, что антиномія выражаетъ претензію состоять изъ положеній,
соотвѣтствующихъ взглядамъ самого Маркса.

По Марксу ростъ производительности труда проявляется въ
томъ, что при помощи растущаго примѣненія машинъ, одинаковое
число рабочихъ въ одинаковое время превращаетъ большую
массу сырья въ продукты. Слѣдовательно и измѣряться ростъ
производительности труда можетъ лишь ростомъ всего продукта
чистаго и нечистаго, производимаго въ данномъ обществѣ. Онъ
можетъ затѣмъ измѣряться паденiemъ доли заработной платы въ
цѣнѣ продукта, а слѣдовательно его удешевленіемъ.

Уровень-же прибыли, въ смыслѣ Маркса, могъ бы служить

— 1925 —

мѣриломъ роста производительности труда развѣ что по правилу обратной пропорціональности.

Кромѣ этой основной нелѣпости, авторъ вносить въ свою формулировку первого члена антиноміи еще одну, на первый взглядъ простую неясность, которой, однако, онъ придаетъ, какъ увидимъ, капитальное значеніе. Это союзъ *или*—знакъ равенства—который онъ ставить между продуктомъ и прибылью (т. е. между продуктомъ и его цѣнностью), говоря о паденіи прибыли¹⁾. Такое отождествленіе продукта съ цѣнностью, разъ рѣчь идетъ объ измѣненіи—паденіи—послѣдней, вызываетъ представление о паденіи не только цѣнности продукта, но и его количества. За устраненіемъ всего этого, что же остается отъ антиноміи?

Производительность труда растетъ съ ростомъ постоянного капитала, а уровень прибыли падаетъ: это просто два факта изъ міра дѣйствительности. Безъ отмѣченной нами собственности Струве, но не Маркса, антиномія заключается въ простомъ сопоставленіи фактовъ. Авторъ статьи фактовъ не отрицаєтъ, но повидимому находитъ „нелѣпымъ“ ихъ совмѣстное существование. Марксъ предлагаетъ намъ свое объясненіе этихъ фактовъ. Струве считаетъ объясненіе ошибочнымъ. Но никакого указанія на эту ошибочность изъ простого сопоставленія фактовъ, какимъ бы нелѣпымъ ни казалось вамъ ихъ сосуществование, произойти не можетъ. Сосуществование дано дѣйствительностью. Лишь своей, не имѣющей ни малѣйшаго смысла съ точки зрењія Маркса, вставкой, Струве сразу превращаетъ это сопоставленіе—не то чтобы въ антиномію—а въ полнѣйшій абсурдъ заставляя Маркса говорить одновременно, что производительность труда и падаетъ и растетъ и что это обстоятельство обусловлено ростомъ постоянного капитала, т. е. той же самой производительностью труда. Но вычеркните только изъ этой безмыслицы измѣреніе роста производительности труда величиною прибыли и вся „антиномія“ даже въ собственной формулировкѣ автора превращается въ простое констатированіе фактовъ, даже не заключающее въ себѣ въ сущности никакого ихъ специфического толко-

¹⁾ Свое право на это *или* Струве выводить, повидимому, изъ того, что „прибавочная цѣнность для всего общества необходимо совпадаетъ съ прибавочнымъ продуктомъ.“ Совпадаетъ, конечно, по статически, въ производствѣ данного года. Это еще не значитъ, чтобы между ними можно было ставить знакъ равенства, говоря о ростѣ или паденіи. Падающая по своему уровню прибыль не только по Марксу, а даже и по Струве должна всплощаться въ возрастающемъ количествѣ продукта. Причинами паденія прибыли Струве считаетъ избыточное производство и конкуренцію между капиталистами. Какимъ же способомъ конкуренція понижаетъ прибыль, какъ не понижениемъ цѣнъ „избыточнаго“, т. е. возрастающаго количества продуктовъ?

ванія. Такъ какъ если падаетъ лишь уровень прибыли, а не ея масса, то нѣтъ необходимости стоять на точкѣ зреїння Маркса чтобы признать, что это паденіе „обусловливается“ ростомъ того капитала, въ процентномъ отношеніи къ которому вычисливается оставшаяся неизмѣнной по своей величинѣ или возрастая масса прибыли.

Къ своему сложному „абсурду“ Струве дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „Марксъ безбоязненно формулируетъ этотъ абсурдъ: „Прогрессивная тенденція всеобщаго уровня прибыли къ паденію есть, такимъ образомъ, лишь присущее капиталистическому способу производства выраженіе прогрессивнаго развитія общественной производительной силы труда“. Марксъ, однако, не замѣчаетъ, что въ его формулировкѣ законъ паденія уровня прибыли выражаетъ фактъ независимый отъ капиталистического производства какъ такового, т. е. отъ его соціального характера. Болѣе быстрое возрастаніе C , сравнительно съ V , есть по Марксу признакъ всякаго развивающаго свои производительныя силы хозяйства, признакъ расширенія власти человѣка надъприродой. Поэтому нельзя сказать, что выставленная нами основная антиномія теоріи трудовой цѣнности есть реальное противорѣчіе самого капиталистического производства“. Затѣмъ, снова сказавъ нѣсколько рѣзкихъ словъ мимоходомъ, Струве настаиваетъ на томъ, что уровень прибыли есть исключительно цѣнностное отношеніе, тамъ, где нѣть цѣнностной соизмѣримости оно не имѣть смысла. „Нечего и говорить о томъ, что самъ Марксъ разсматриваетъ $\frac{M}{C}$ ¹⁾ какъ цѣнностное отношеніе. Это слѣдуетъ запомнить.

Въ только что цитированномъ примѣчаніи имѣется нѣкоторый опредѣленный, уловимый смыслъ, и этотъ смыслъ показываетъ такое стараніе (вѣроятно вызванное какими-то высшими научными соображеніями) не понимать Маркса и тѣмъ самымъ заставить и насъ, читателей, перестать понимать его, что я, вопреки всѣмъ заклятіямъ, чувствую потребность заняться „перефразировкой“ и сообщеніемъ „извѣстныхъ“, догмъ“, т. е. напомнить дѣйствительный смыслъ ученія Маркса объ уровнѣ прибыли.

Мы знаемъ, что Марксъ рассматриваетъ составъ капитала въ двоякомъ смыслѣ: въ отношеніи пропорціи между цѣнностью постоянного и перемѣнного капитала (цѣнностный составъ) и пропорціи между матеріальной массой, изъ которой состоить постоянный капиталъ и количествомъ труда, необходимаго для производства продукта (техническій составъ капитала). Повышеніемъ

¹⁾ Упразднивъ, за негодность, дѣленіе капитала на постоянный и переменный, авторъ обозначаетъ такимъ образомъ формулу $\frac{M}{C+V}$.

общаго, органическаго состава капитала Марксъ называетъ повышение его цѣнностнаго состава, поскольку оно обусловливается его повышениемъ въ техническомъ отношеніи и, говоря объ этомъ повышениіи, всегда предполагаетъ, что цѣнность постояннаго капитала возрастаетъ вслѣдствіе роста его материальной массы, т. е. производительности труда. Простое вздорожаніе постояннаго капитала въ какой-нибудь отрасли промышленности, безъ увеличенія его массы, вызвало-бы цѣнностное, но не органическое повышение состава ея капитала. Съ другой стороны, если-бы то-же самое число рабочихъ начало превращать большую массу материала въ продуктъ, но этотъ материалъ въ то-же время пропорціонально упалъ-бы въ цѣнѣ, получилось-бы техническое, но не цѣнностное, а потому и не органическое повышение состава капитала. Паденія уровня прибыли оно-бы не вызвало.

Струве глубоко ошибается, когда утверждаетъ, что „болѣе быстрое возрастаніе *C* (постояннаго капитала) сравнительно съ *V* (заработной платы) есть по Марксу признакъ всякаго развивающаго свои производительныя силы хозяйства“. Марксъ отлично зналъ, что для проявленія такого „признака“ необходимы капиталисты и наемные рабочіе, имѣющіеся не во „всякомъ“ хозяйстве. Несомнѣнно, однако, что во всякомъ прогрессирующемъ хозяйстве замѣчаются признаки, соотвѣтствующіе повышенію техническаго состава капитала: при томъ-же количествѣ труда люди начинаютъ превращать большую массу средствъ производства въ продуктъ. Это-то вѣроятно и имѣль въ виду Струве, но онъ „не замѣчаетъ“, что для превращенія этого обстоятельства въ паденіе уровня прибыли, необходимы капиталисты, которые покупали-бы на рынкѣ, разросшіеся какъ по массѣ, такъ и по цѣнности, средства производства, для приложенія къ нимъ прежняго количества купленной рабочей силы. А для появленія такихъ капиталистовъ нужно, по меньшей мѣрѣ, отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія, а въ дѣйствительности нужно и очень многое другое, т. е. все, что нужно для существованія самаго капиталистического производства.

Если въ хозяйствахъ, производящихъ полотно изъ выращенаго на собственной землѣ льна, увеличится производительность труда ткача, скажемъ, вдвое, и хозяйство пожелаетъ имѣть вдвое больше полотна, ему придется вдвое увеличить свои трудовые затраты на производство льна и пряжи. Если прежде трудъ ткача составлялъ $\frac{1}{3}$ всего труда надъ полотномъ, то окажется, что, увеличивши на $\frac{2}{3}$ свои расходы, хозяйство получило вдвое больше продукта. Понадобился, правда, лишній трудъ на улучшеніе станковъ. Можно поэтому предположить, что трудъ увеличился не на $\frac{2}{3}$, а на $\frac{3}{4}$.

Переведя все это на мѣновую цѣнность и принимая ея возрастаніе равнымъ возрастанію трудовыхъ затратъ, мы увидимъ, правда, что двойно число аршинъ полотна стоитъ не вдвое, а лишь на $\frac{3}{4}$ больше прежняго. Въ качествѣ льновода, прядильщика и производителя станковъ хозяйство получаетъ за вдвое большій трудъ, вдвое большее вознагражденіе которое можно для аналогіи раздѣлить, коли угодно, на заработную плату и прибыль, откладываемую въ кубышку. Въ качествѣ ткача, хозяйство за прежнее количество труда получаетъ прежнее вознагражденіе, хотя и превращаетъ теперь въ одинаковое время вдвое большую массу пряжи въ полотно. Но вѣдь одно изъ двухъ: либо въ качествѣ ткача оно выручаетъ на полотнѣ все вознагражденіе и прядильщика и льновода; либо — высчитывая вознагражденіе для каждой стадіи производства отдельно — оно, какъ прядильщикъ, а затѣмъ, какъ ткачъ, получаетъ постоянный капиталъ (лень и пряжу) даромъ, и не имѣть ни малѣйшаго резона высчитывать свое вознагражденіе въ процентномъ отношеніи къ нему.

Въ капиталистическомъ хозяйствѣ количество всѣхъ продуктовъ какъ „чистыхъ“ (вырученная цѣна которыхъ составляетъ прибыль капиталистовъ), такъ и всѣхъ остальныхъ (цѣна которыхъ идетъ на покупку элементовъ C и на уплату рабочимъ) растетъ пропорционально количественному росту сырья и полуфабрикатовъ и улучшенію орудій труда. Ростъ двухъ первыхъ элементовъ C есть ростъ самаго продукта на различныхъ ступеняхъ его изготавленія. Если-же мы возьмемъ ростъ продукта какъ такового и сравнимъ его съ ростомъ цѣнности постоянного капитала, то окажется, какъ по теоріи, такъ и по исторіи, что количество продуктовърасло въ несколько разъ быстрѣе роста цѣнности C , такъ какъ элементы тоже удешевлялись, хотя въ гораздо меньшей степени, чѣмъ продукты. Иными словами: производительность труда расла быстрѣе на верхнихъ ступеняхъ процесса превращенія, взятаго у природы вещества, въ потребительныя цѣнности, чѣмъ на нижнихъ.

До послѣдняго времени, по крайней мѣрѣ, капитализмъ развивался по преимуществу въ обрабатывающей промышленности и въ его образцовой странѣ, Англіи, хлопчато-бумажная промышленность настолько преобладала надъ другими, что тенденціи, пересилившія въ этой отрасли, становились общими тенденціями ея хозяйства. Здѣсь масса хлопка возрастила въ такой-же пропорціи, какъ и масса изготавляемой изъ него пряжи и тканей, но его цѣна падала гораздо медленнѣе, чѣмъ цѣна тканей. Это значитъ, что въ ростѣ производства хлопка увеличеніе производительности того-же количества труда (изъ производство боль-

шаго количества продукта при уменьшении издержек на производство его единицы) играло меньшую роль, чѣмъ абсолютный ростъ числа занятыхъ рабочихъ (производство большаго количества продукта при тѣхъ-же издержкахъ на его единицу). За то процессъ производства сильно сократился въ области прядильно-ткацкой промышленности. Здѣсь производительность труда расла во много разъ сильнѣе его количества. Въ каждой штукѣ миткаля доля принадлежащаго капиталистамъ труда какъ оплаченного (V), такъ и неоплаченного (M), все уменьшалась, а они были вынуждены прикладывать ее къ купленному хлопку, доля кото-раго падала въ нѣсколько разъ медленнѣе ихъ доли.

Вліяніе этого обстоятельства на уровень прибыли въ хлопчатобумажной промышленности несомнѣнно замедлялось, отчасти парализовалось уравненіемъ съ другими отраслями, гдѣ производительность труда расла такъ быстро или гдѣ сырье не играло такой роли въ цѣнѣ продукта. И, тѣмъ не менѣе, взгляните на таблицы, приведенные Шульце-Геверницемъ: съ конца XVIII вѣка разница между цѣной фунта пряжи и цѣнною входящаго въ этотъ фунтъ хлопка, т. е. между цѣнною хлопка и всѣми издержками на его превращеніе въ пряжу, включая сюда и прибыль, понизилась съ 14 шиллинговъ до $2\frac{7}{8}$ пенса (1892 г.), т. е. въ $58\frac{1}{2}$ разъ; цѣна-же хлопка понизилась за то-же время съ 2 шил. до $4\frac{7}{8}$ пенса, т. е. почти вчетверо только. Изъ этихъ-же таблицъ вмѣстѣ съ расчетами уменьшенія стоимости труда и другихъ элементовъ цѣнности на фунтъ пряжи, правильность отношенія между паденiemъ доли перемѣнного капитала и прибыли бросается въ глаза ¹⁾.

¹⁾ „Крупное производство“. Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ И. Б. Струве стран. 48 и 88, 58, 135 и др. Вставлять въ рамку Маркса „реалистическая теорія“ людей, стоящихъ па совершенно иной точкѣ зренія, думаетел мнѣ, совсѣмъ пустое занятіе. Но всѣ факты дѣйствительности, всѣ вѣрныя даниыя, кѣмъ-бы ни были они собраны, входятъ въ картину Маркса, не нарушая въ ней ни одного штриха. Однимъ изъ выискиваемыхъ „противорѣчій“ теоріи Маркса съ фактами считается благосостояніе верхняго миллиона англійскихъ рабочихъ, обыкновенно называемаго при этомъ для краткости, должно быть, „рабочимъ классомъ“. Марксъ дѣйствительно говорилъ, что цѣна рабочей силы соотвѣтствуетъ издержкамъ на ея воспроизведеніе, предполагая при этомъ конкуренцію между рабочими и легкость ихъ перехода изъ одной отрасли производства въ другую. Но, по мѣрѣ усовершенствованія организацій Тредуніоновъ, шедшаго параллельно и въ тѣсной зависимости съ громаднымъ усиленіемъ интенсивности труда въ наиболѣе развитыхъ отрасляхъ промышленности, полубольные отъ лишений рабочие, остававшіеся за предѣлами Тредуніоновъ, могли все менѣе и менѣе замѣнять членовъ этихъ организаций. Такимъ образомъ, организованные рабочіе нѣсколькихъ отраслей промышленности вышли изъ подъ дѣйствія конкуренціи съ большинствомъ рабочаго класса, стали нѣкоторымъ образомъ монополис-

Выводя паденіе уровня прибыли какимъ-то „механическимъ“ способомъ изъ формулы $\frac{M}{C+V}$, и Струве и Туганъ-Барановскій придаютъ ему въ теоріи Маркса гораздо болѣе абсолютное и „основное“ значение, чѣмъ оно имѣть въ „Капиталѣ“. Струве считаетъ даже „уровень прибыли въ смыслѣ Маркса... совершенно независимъ отъ общественныхъ условій производства“ и на этомъ-то измѣненіи смысла основываетъ, повидимому, все свое посрамленіе теоріи Маркса. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ въ смыслѣ настоящаго *Маркса* общій уровень прибыли и его паденіе имѣютъ и мѣсто и смыслъ *только въ капиталистическомъ хозяйствѣ*, то изъ выведенія этого *паденія* за предѣлы капитализма, неизбѣжно получается безсмыслица.

Туганъ-Барановскій остается въ предѣлахъ капитализма, но утверждаетъ, что благодаря „колossalной ошибкѣ“ Маркса „получился мнимый законъ тенденціи нормы прибыли къ паденію, противорѣчащей всѣмъ известнымъ фактамъ (?)“ и совершенно несостоятельный теоретически. Получился удивительный выводъ что чѣмъ выше производительность труда, тѣмъ ниже процентъ капиталиста, откуда оставалось заключить, что капиталистъ заинтересованъ не въ повышеніи, а въ пониженіи производительности труда до возможнаго минимума. Машины... оказались, по этой теоріи, злѣйшими врагами фабриканта. И пока секретъ не былъ открытъ въ манускриптѣ Маркса, ни одному фабриканту и въ голову не приходило, что, замѣщая рабочихъ машинами, онъ роеть самъ себѣ яму!“.

Да откуда-же взяль Туганъ-Барановскій, что въ паденіи уровня прибыли заключается та яма, которую роеть себѣ капитализмъ? Едва-ли изъ „манускриптовъ Маркса“. Нечего и говорить, что капиталистъ, удачно примѣнившій усовершенствованные способы про-

---

тами работы въ этихъ отрасляхъ. Высота ихъ заработной платы такъ-же мало противорѣчитъ теоріи Маркса, какъ противорѣчилъ-бы ей ростъ прибыли въ какой-нибудь отрасли промышленности, продукты которой продавались-бы по монопольнымъ цѣнамъ. Шульце-Геверницъ разсказываетъ, что за угоженiemъ, предложеннымъ ему хлопчато-бумажными рабочими, (которыхъ онъ считаетъ, по ихъ благосостоянію, вполнѣ достойными сопричислиться къ среднему классу Англіи), объ участіи миллионовъ низшаго класса напомнилъ присутствующимъ бывшій тутъ-же священникъ, но встрѣтилъ сочувствіе только среди женщинъ. Шульце-Геверницъ съ сожалѣніемъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что въ Германіи носителями „аналогичнаго (высказаннаго священникомъ) соціального идеализма“ являются сами рабочіе, тогда какъ въ Англіи рабочіе мужчины о подобныхъ идеализмахъ и слышать не хотятъ. Но во всякомъ случаѣ низшій классъ, получающій „голодную“ заработную плату, въ современной Англіи не менѣе многочисленъ, чѣмъ 50—60 лѣтъ тому назадъ и „участь этого класса никогда даже въ 1842 году (считающемся самымъ бѣдственнымъ) по самой природѣ вещей не могла быть хуже“ (*Ibid.* стр. IV предисловія).

— 1931 —

изводства на своей фабрикѣ, роеть яму не себѣ, а своимъ слабѣйшимъ соперникамъ. Отдельному капиталисту, какъ таковому, до обогащенія всего класса капиталистовъ нѣть ни малѣйшаго дѣла. Но и теоретики этого класса могли безъ всякаго ужаса созерцать объясненное Марксомъ фактическое паденіе уровня прибыли, при громадномъ ростѣ¹ ея массы вслѣдствіе усиленнаго накопленія и расширенія производства. Вѣдь 20% прибыли на 10.000,000 капитала все-же въ 4 раза и больше и пріятнѣе 50% прибыли на капиталъ въ 1.000,000. Ропшеръ находилъ даже, что умѣренный % на большій капиталъ „разумнѣе и человѣчнѣе“ большого процента на маленькой.

Но не только это. Между техническимъ и цѣнностнымъ повышеніемъ состава капитала существуетъ тѣсное, но далеко не полное соотношеніе. Оно гораздо полнѣе, конечно, въ обрабатывающей промышленности, гдѣ объектомъ труда является матеріаль, уже прошедший черезъ рабочія руки и вышедший въ качествѣ продукта изъ другой отрасли производства. Эта промышленность преобладала въ историческомъ ростѣ развивавшагося капитализма. Марксъ объяснилъ намъ его тенденціи и это объясненіе осталось бы во всей своей силѣ, теорія Маркса не потерпѣла бы ни малѣйшаго ущерба, если-бы, въ какой нибудь капиталистической странѣ главная масса капиталовъ сосредоточилась бы въ такихъ отрасляхъ промышленности, гдѣ ростъ производительности труда могъ-бы сопровождаться пропорциональнымъ паденіемъ цѣнности постояннаго капитала въ единицѣ продукта, хотя здѣсь этотъ ростъ вызывалъ-бы тенденцію къ паденію скорѣѣ *massы*, нежели уровня прибыли.

Но вернемся къ „антиномії“ Струве. „Намъ могутъ возразить“, продолжаетъ онъ вслѣдъ за цитированнымъ нами мѣстомъ, „что $\frac{M}{C_1}$, т. е. отношеніе прибавочной цѣнности (прибавочнаго продукта) ко всему капиталу не можетъ служить показателемъ производительности труда, что для послѣдней характеренъ абсолютный размѣръ M, а не отношеніе его къ C₁. Это, однако, совершенно невѣрно: производительность труда измѣряется именно отношеніемъ (цѣнностнымъ) свободнаго продукта къ затратамъ на его производство, и если это отношеніе падаетъ, то это значитъ, что производство свободнаго продукта становится все затруднительнѣе и затруднительнѣе“....

„Въ капиталистическомъ обществѣ,—говорить далѣе Струве,— всякая доля капитала, независимо отъ своей формы, должна приносить одинаковые „плоды“, въ одинаковый промежутокъ времени“. Съ точки зрењія капиталиста все это совершенно вѣрно, всѣ доли его капитала, въ какой-бы онъ тамъ ни были формѣ, всегда дол-

жны приносить ему одинаковые и именно денежные плоды. Но авторъ совершино неправъ, утверждая далѣе, что „такъ разсуждаетъ не только капиталистъ, такъ долженъ разсуждать всякий рационально хозяйствующій субъектъ, напримѣръ, планомѣрно хозяйствующее общество“. Ну, съ какой же стати? Такому обществу различныя доли его капитала могли бы приносить самые разнобразные „плоды“. Усовершенствованныя машины могутъ приносить досугъ; обширныя, красивыя фабричныя зданія могутъ приносить здоровье и—вмѣсто совершенного безобразія—красоту родной странѣ, которую такой коллективный субъектъ можетъ полюбить той любовью, какою горожане любили въ эпоху возрожденія свои вольныя городскія республики. Да, мало-ли какіе могутъ быть плоды! Еще менѣе резонно утвержденіе автора, что для такого общества ростъ С по сравненію съ V можетъ быть „затруднителъ“.

Заглянемъ въ тѣ страницы III т. „Капитала“, на которыхъ намъ „въ особенности“ указывается Струве. Здѣсь Марксъ касается мимоходомъ прибавочнаго труда въ некапиталистическомъ „планомѣрно хозяйствующемъ обществѣ“. Определенное количество прибавочнаго, т. е. превышающаго даннаго потребности труда понадобится и тамъ, для страхованія общества противъ случайностей и для прогрессивнаго расширенія процесса воспроизводства. Но при высшей формѣ общественнаго строя, материальная условія которой капитализмъ подготавливаетъ усиленнымъ развитіемъ производительности труда, прибавочный трудъ можетъ соединяться съ прогрессивнымъ уменьшеніемъ всего количества труда, посвященнаго удовлетворенію материальныхъ потребностей. И дѣйствительно, количество потребительныхъ цѣнностей, произведенныхъ въ данную единицу времени, зависитъ всецѣло отъ производительности труда и можетъ быть очень велико, при очень незначительномъ числѣ посвященныхъ труду часовъ. Поэтому, какъ дѣйствительное богатство общества, такъ и возможность постояннаго расширенія процесса воспроизводства, зависятъ не отъ количества рабочаго времени, а отъ его производительности.

Все это относится, конечно, лишь къ обществу на высшемъ степени развитія, богатство котораго зависитъ отъ количества потребительныхъ цѣнностей, какъ зависѣло отъ нихъ на низшей, до развитія товарнаго производства. Богатство же производителя товаровъ, какъ такового, зависитъ отъ ихъ цѣнности, цѣнность же продуктовъ падаетъ вмѣсть съ ихъ размноженіемъ, поскольку послѣднее зависитъ отъ роста производительности труда.

Марксъ не развиваетъ здѣсь этой противоположности, ясной изъ всѣхъ „трехъ томовъ Капитала“. Цѣль его отступленія совсѣмъ иная. Онъ настаиваетъ въ немъ на томъ обстоятельствѣ,

— 1933 —

что область труда, посвященного удовлетворению материальных потребностей, всегда останется царством необходимости. Свобода въ области труда,—этого обмѣна вещества съ природою,—можетъ заключаться лишь въ томъ, чтобы объединенные производители подчинили этотъ процессъ своему общему контролю, вмѣсто того, чтобы давать ему властвовать надъ собою, какъ слѣпой силѣ, и чтобы трудъ совершился съ наименьшейтратой силы и въ возможно лучшихъ условіяхъ. Но онъ все-же останется областью необходимости. Лишь за его предѣлами начинается дѣйствительное царство свободы, развитіе человѣческихъ силъ, которое само себѣ служить цѣлью, но можетъ процвѣтать лишь на основѣ необходимаго труда. Поэтому основнымъ условіемъ свободного развитія людей является возможно большее сокращеніе рабочаго дня.

Какое же затрудненіе можетъ доставить обществу, богатство котораго заключается въ потребительныхъ цѣнностяхъ, ростъ средствъ производства по сравненію съ количествомъ необходимаго рабочаго времени?

Если его капиталъ возросъ вдвое, это значитъ, что его фабричныя зданія, рудники, копи и проч., все устроено вдвое лучше, что у него вдвое больше запасовъ продукта на различныхъ ступеняхъ его приближенія къ окончанію, что его машины настолько усовершенствовались, что съ ихъ помощью онъ можетъ производить больше при меньшемъ количествѣ труда.

Размножившіеся продукты подешевѣютъ, въ извѣстномъ смыслѣ, также и для этого общества, какъ по объективной оцѣнкѣ затратъ труда, которыхъ они стоили, такъ и по субъективной оцѣнкѣ ихъ полезности; но какая надобность такому обществу вычисливать свой подешевѣвшій продуктъ въ процентномъ отношеніи къ возросшему капиталу? Положимъ, что оно его высчитало и увидѣло, что продуктъ, по сравненію съ капиталомъ, упалъ по какой угодно оцѣнкѣ: и стало его больше и достается онъ легче.—Ну и слава Богу!

Факта паденія прибыли, какъ уже было упомянуто, Струве не отрицаєтъ: „Но этотъ фактъ,—говоритъ онъ, отнюдь не находится въ такой механической зависимости отъ измѣненія организаціи состава капитала, какую утверждалъ Марксъ“. Струве утверждаетъ, что фактъ находится въ зависимости, кроме роста заработной платы, отъ того, „что капиталистическому строю присуща тенденція къ избыточному... производству и накопленію капитала... Наибольшую роль въ паденіи доли прибыли, т. е. доли капиталистовъ-предпринимателей, какъ мнѣ кажется, играетъ ихъ конкуренція между собою“.

Какъ будто Марксъ не видѣлъ, не указывалъ *этыхъ* всѣхъ извѣстныхъ и всѣми признанныхъ причинъ тенденціи уровня приояврь.

были къ паденю! Всѣ тенденціи капиталистического хозяйства, о которыхъ говорится въ „Капиталѣ“, предполагаютъ конкуренцію. Безъ нея не могло бы образоваться ни среднихъ цѣнъ, ни средняго для цѣлой страны уровня прибыли, не говоря уже о его паденіи.

Безъ конкуренціи не могъ-бы развиться и самъ, извѣстный намъ, капитализмъ, Марксъ не написалъ бы „Капитала“ и Струве его не упразднялъ бы.

Не знаю, что именно, кромѣ неодобренія Марксу, хочетъ Струве выразить эпитетомъ „механическая“, который онъ постоянно прилагаетъ также и къ теоріи цѣнности Маркса, но ясно, что механизмъ, посредствомъ котораго повышеніе органическаго состава капитала превращается въ соотвѣтствующее паденіе цѣнъ товаровъ, а слѣдовательно и уровня прибыли, заключается въ борьбѣ за рынокъ, въ конкуренціи. Марксъ нашелъ въ своемъ изслѣдованіи дальше этой, всѣмъ въ глаза кидающейся причины. Струве довольствуется конкуренціей. Его дѣло. Но онъ самъ же утверждаетъ, что капиталы ростуть („избыточное производство и накопленіе“), а прибыль падаетъ, и въ самую средину своего сообщенія о паденіи прибыли и его причинахъ онъ вставляетъ утвержденіе, что это происходитъ „несмотря на то, что уровень прибыли, въ смыслѣ Маркса, т. е. $\frac{M}{C}$, вопреки Марксу, возрастаетъ“.

И такъ, числитель уменьшается, знаменатель увеличивается и „несмотря“ на это, „вопреки Марксу“, ариѳметикъ и здравому смыслу, дробь благополучно возрастаетъ.

Я высказалъ предположеніе о томъ смыслѣ, который вкладываетъ Струве въ таинственные безсмыслицы, но признаю, что оно не вполнѣ удовлетворительно, такъ какъ измѣренія роста производительности труда уровнемъ прибыли оно все-таки не объясняетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, я предположилъ, что Струве выдѣляетъ техническое повышеніе состава капитала изъ органическаго его повышенія, очищаетъ такимъ образомъ материальный ростъ продукта отъ тѣхъ цѣнностныхъ отношеній, которыхъ онъ обусловливаетъ въ капиталистическомъ строѣ, но отъ которыхъ самъ по себѣ остается независимымъ, и въ результатѣ справедливо заключилъ, что ростъ С всюду ведеть за собою ростъ производительности труда и продукта, независимо отъ общественныхъ условій. Отсюда его „антиномія“. У Маркса, когда рѣчь идетъ о паденіи дроби $\frac{M}{C+V}$, всегда подразумѣвается, конечно, паденіе цѣнности каждой единицы умножившагося продукта; Струве подставляетъ, вмѣсто этого паденія, простой ростъ самого продукта, сопровож-

— 1935 —

дающій возрастаніе средствъ производства, и находитъ нелѣпымъ „паденіе“. Но почему-же, однако, Струве хочетъ измѣрять ростъ производительности труда величиною лишь того количества продукта, которое (смотря по общественнымъ условіямъ) отнимается у производителей, откладывается ими про запасъ, или идетъ на расширение производства, а не ростомъ всего продукта, какъ потребляемаго, такъ и непотребляемаго производителями — этого моя гипотеза не объясняетъ. Вѣдь величина прибавочнаго продукта, при всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ, лишь косвенно связана съ ростомъ производительности труда, зависить не отъ нея одной, а отъ цѣлаго ряда другихъ причинъ, какъ это знаетъ и Струве. Ростъ же всего количества продукта, являясь прямымъ и непосредственнымъ результатомъ роста производительности того-же количества труда, не можетъ не быть ему строго пропорціональнымъ.

Я признаю, поэтому, что проникнуть въ точный смыслъ роста уровня прибыли „въ смыслѣ Маркса“ хотя и „вопреки ему“, „несмотря“ на паденіе этого уровня въ смыслѣ Струве, сможетъ лишь тотъ „реалистически“ мыслящій представитель „критического направлѣнія“, которому доступно измѣреніе роста производительности труда уровнемъ прибыли.

Но каковы-бы ни были эти смыслы, остается несомнѣннымъ, какъ для насъ, простыхъ „ортодоксовъ“, такъ и для самого Струве, что всюду, гдѣ рѣчь идетъ о паденіи уровня прибыли, Марксъ говорить ни о чёмъ иномъ, какъ о той самой простой, вульгарной прибыли капиталистовъ-предпринимателей, которая падаетъ и у самого Струве. Авторъ „антиноміи“ посрамляетъ, слѣдовательно, не тотъ смыслъ, который самъ Марксъ вкладываетъ въ свое объясненіе тенденціи уровня прибыли къ паденію, а лишь тотъ, который, по мнѣнію Струве, Марксъ *долженъ* былъ вкладывать и вложилъ бы въ томъ случаѣ, если-бы былъ надѣленъ такою-же ясностью мысли, какою обладаетъ самъ Струве.

Это научная критика? Это образчикъ реалистической науки?

Я говорилъ уже, что, по моему мнѣнію, производительность машинъ представляетъ собою единственный аргументъ, который наши критики противопоставляютъ настоящему Марксу.

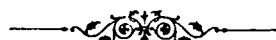
Но тутъ по существу, по содержанію этого аргумента не можетъ быть спора. Мы все согласны, что не только увеличеніемъ количества продуктовъ, но и самой возможностью производить ихъ, люди обязаны изобрѣтенію, а затѣмъ совершенствованію орудій труда. Туганъ-Барановскій хотѣлъ, правда, произвести какое-то разграничение между сдѣланнѣмъ людьми и орудіями. Такого разграничения, на сколько-нибудь разумномъ, не произвольномъ основаніи, сдѣлать невозможно, такъ какъ люди и орудія

— 1936 —

вообще несознательны. Но говорить-ли, что люди работают орудиями труда, или орудия — людьми, — это уже дело вкуса, а о вкусахъ не спорятъ.

Послѣднее было-бы, конечно, оригинальнѣе, но мы, не стремящіеся, во что-бы то ни стало, къ новизнѣ и оригинальности, можемъ остаться при старой терминологии, свойственной огромному большинству человѣческаго рода, которое съ незапамятныхъ временъ привыкло и говорить, и думать, и чувствовать, что работаютъ *люди*, какъ бы ни былъ производителенъ ихъ трудъ.

Н. Карелинъ.

Къ вопросу о реформѣ русскаго алфавита.

Не часто, но все-же иногда въ русской периодической печати и въ филологической литературѣ слышатся голоса, указывающіе на необходимость реформы современаго русскаго алфавита, въ смыслѣ приведенія русской орѳографіи въ соотвѣтствіе съ фонетикой разговорной русской рѣчи. Такъ, и въ этомъ году, въ февральской книжкѣ „Русской Мысли“ г. Н. Благовѣщенскій поднимаетъ вопросъ „о необходимости уничтоженія буквы „ять“. „Просматривая—говорить онъ—новый алфавитъ, поданный печатникомъ гражданской азбуки, въ которомъ было 48 буквъ, Петръ Великій уничтожилъ лишнія буквы, но былъ чѣмъ-то отвлечень, не дойдя до буквъ „ять“, „ѳиты“ и „ижицы“, а печатникъ не рѣшился окончить случайно неоконченное Петромъ дѣло выбрасыванія изъ алфавита лишнихъ буквъ. Такъ, благодаря случайности, онъ и остались на смущеніе обучающихся русской грамотѣ“ (страница 131-я). Смущеніе это испытываютъ и русскіе, и иностранцы, и учащіеся, и обучающіе русской грамотѣ, такъ какъ употребленіе буквы „ять“ не можетъ быть объяснено никакими общими правилами. Наука правильной постановки буквы „ять“ до того была затруднительна и не давалась русскимъ грамотѣямъ, что царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ данъ былъ указъ, до сихъ поръ не отмѣненный и помѣщенный въ Полномъ Собраниі Законовъ подъ № 980, въ которомъ сказано, что никому нельзя ставить въ вину изображеніе словъ черезъ *e* или черезъ *ю* (страница 137-я).

Не могъ справиться съ правильнымъ употребленіемъ буквы *ю* и императоръ Николай I и однажды, особенно этимъ разозленный, онъ спросилъ у Гречи: „Скажи, Гречъ, зачѣмъ у насъ буква „ять“? — „Это знакъ отличія грамотныхъ отъ неграмотныхъ“, съостриль Гречъ,—и буква „ять“ опять осталась въ алфавитѣ. „Еслибъ,—полагаетъ г. Благовѣщенскій—императоръ Николай I задалъ этотъ вопросъ Пушкину,—великий поэтъ сумѣлъ-бы похоронить ненужную, вредную букву“ (страница 133-я). Видоизменяя

нѣсколько вопросъ императора Николая I Гречу, авторъ въ такой формѣ обращается съ нимъ къ русскимъ академикамъ, прося ихъ отвѣтить: „зачѣмъ нужна буква „ять“? (страница 135-я).

Признавая необходимымъ уничтоженіе буквы „ять“ и неосновательность филологическихъ и практическихъ возраженій противъ этого уничтоженія, г. Благовѣщенскій считаетъ, что съ уничтоженіемъ „татарского крючка, какимъ является Ђ, этотъ знакъ отличія Гречи отъ Пушкина и Жуковскаго“,—увеличится и красота русскаго шрифта. Техническая сторона дѣла уничтоженія буквы „ять“, по мнѣнію автора статьи очень проста: стоитъ только опубликовать (кто это долженъ сдѣлать?), что буква „ять“ уничтожается, и наборщики выйдутъ изъ своихъ ящиковъ литеру Ђ и всыпятъ въ нихъ литеру е—и дѣло будетъ окончено. Буква „ять“ останется, конечно, въ славянскомъ языкѣ и въ филологическихъ изысканіяхъ, гдѣ и теперь употребляются „юсы“ и другія древнія буквы (страница 131-я).

Заканчиваетъ свою статью г. Благовѣщенскій такими словами: „Пора, давно пора уничтожить нелѣпую букву „ять“! Мнѣ почему-то кажется, въ XX-мъ столѣтіи мы этой ужасной буквы употреблять уже не будемъ“.

Все это прекрасно, но одно наскѣ удивляетъ: отчего это г. Благовѣщенскій ограничивается одной буквой „ять“ въ своихъ требованіяхъ реформы русскаго алфавита? Развѣ, съ фонетической точки зрѣнія на русскій алфавитъ, какой, очевидно, авторъ придерживается, требуя изгнанія изъ обыденнаго употребленія ненужной съ этой точки зрѣнія буквы „ять“,—употребленіе твердаго знака, двухъ знаковъ для выраженія звуковъ и (если „ижицу“ считать уже исключенной практикой изъ употребленія), ѿ и ё, одного знака—г для выраженія двухъ совершенно различныхъ звуковъ, напримѣръ, въ началѣ словъ—голосъ и Гейне, употребленіе совершенно ненужной буквы ѫ, когда есть буквы ѿ и ё, буквы—я, е, ё, ѿ, когда существуютъ для выраженія всѣхъ этихъ сложныхъ звуковъ буквы—ї и а, ё, ѿ, ў,—развѣ употребленіе всѣхъ этихъ совершенно лишнихъ буквъ, а потому и существованіе ихъ въ русскомъ алфавитѣ менѣе странно, чѣмъ обыденное употребленіе буквы „ять“?

Если бы г. Благовѣщенскій возразилъ на это, что такое измѣненіе алфавита вызвало-бы значительное измѣненіе русской орѳографіи, то на это мы отвѣтили-бы, что и устраненіе изъ алфавита буквы „ять“ влечетъ за собой значительное измѣненіе орѳографіи, что, вообще, измѣненіе орѳографіи не есть пѣчто всегда вредное для языка и совершенно невозможное. Напротивъ, измѣненіе алфавита и измѣненіе орѳографіи является только необходимымъ отображеніемъ жизни самого языка, пока онъ существуетъ

— 1939 —

какъ живой языкъ, пока не станетъ мертвымъ языкомъ. Измѣнялся и русскій гражданскій алфавитъ, постоянно измѣнялась и русская орѳографія, а такъ какъ это языкъ еще живой, то нельзя считать, чтобы орѳографія, установленная академикомъ Гrotомъ, хотя и общеупотребительная въ настоящее время, несмотря на крупные ея недостатки, въ свое время отмѣченные критиками этой системы,—могла считаться послѣдней ступенью систематизации орѳографіи русского языка. Наконецъ, обращаемъ вниманіе г. Благовѣщенскаго на требованія, предъявляемыя д-ромъ Робертсономъ, въ его грамматикѣ англійскаго языка для французовъ, нормальному алфавиту какого-бы то ни было языка. Такихъ требованій два: 1) чтобы каждый звукъ данного языка имѣлъ своего отдѣльного представителя въ знакахъ алфавита этого языка, 2) чтобы каждый знакъ алфавита данного языка представлялъ собой только одинъ звукъ этого языка. Само собой разумѣется, что это только цѣль, къ которой долженъ идти алфавитъ каждого языка и которой не соотвѣтствуетъ ни одинъ изъ существующихъ алфавитовъ, но, все-же, требованія д-ра Робертсона указываютъ то направленіе, въ какомъ должно совершаться измѣненіе, разъ жизненная практика ставить на очередь вопросъ объ измѣненіи какого-либо алфавита.

Такъ и въ вопросѣ, возбужденномъ г. Благовѣщенскимъ объ устраненіи изъ русскаго алфавита, а слѣдовательно и изъ орѳографіи современной письменности на русскомъ языкѣ, буквы „ять“,—мы думаемъ, что всѣ тѣ основанія, которыя приводить г. Благовѣщенскій въ доказательство необходимости устраненія изъ употребленія буквы „ять“, могутъ быть приведены и въ пользу необходимости устраненія изъ употребленія указаныхъ нами (сверхъ буквы „ять“) лишнихъ буквъ въ русскомъ алфавитѣ и введенія, положимъ, латинскаго *g* (*согломен*, *vulgus* и проч.) для выраженія звука, слышимаго, напримѣръ, въ началѣ словъ—голосъ, городъ и проч., оставивъ за знакомъ *g* въ алфавитѣ только выраженіе звука, слышимаго въ началѣ словъ—Гейне, Генрихъ, Геродотъ и проч. Для чего-же ограничивать реформу въ русскомъ алфавитѣ и въ русской орѳографіи одной буквой „ять“? Зачѣмъ устранять одну несообразность, оставляя въ силѣ нѣсколько осталъныхъ?

Конечно, вопросъ о реформѣ алфавита и орѳографіи является очереднымъ вопросомъ не только по отношенію къ русскому языку; мы его встрѣчаемъ въ филологической литературѣ и по отношенію къ англійскому, французскому и малорусскому языкамъ. Для алфавитовъ онъ возникъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе практической необходимости христіанскихъ миссіонеровъ въ Африкѣ и другихъ частяхъ свѣта печатать Евангеліе, Библію

и другія священныя книги на языкахъ народовъ, не имѣвшихъ еще письменности. Это вызвало необходимость составленія общечеловѣческаго алфавита, что въ свою очередь повело къ научной критикѣ существующихъ алфавитовъ и къ научнымъ изслѣдованіямъ элементовъ человѣческой рѣчи въ языкахъ разныхъ народовъ: филологическимъ, акустическимъ и физиологическимъ. Эти изслѣдованія и вызвали вопросъ о фонетической реформѣ алфавитовъ и орѳографіи разныхъ языковъ.

Фонетической требуемая реформа называется потому, что въ основу ея положены принципъ соотвѣтствія алфавита и орѳографіи звуковымъ элементамъ и ихъ комбинаціи въ устной рѣчи даннаго языка. Противники фонетической реформы полагаютъ, что основаніемъ орѳографіи, а слѣдовательно и алфавитовъ, должно быть не современное произношеніе словъ, т. е. современная устная рѣчь, а ихъ происхожденіе (генезисъ); отсюда и такая система орѳографіи называется генетической. Если мы посмотримъ на орѳографіи литературныхъ языковъ съ точки зренія этихъ основаній, то мы должны будемъ признать, что ни въ одномъ изъ нихъ ни одна изъ двухъ системъ орѳографіи строго не выдержаны, да мы не считаемъ и возможной полную выдержанность какой-либо изъ нихъ для какого-бы то ни было языка. Полное примѣненіе генетической системы невозможно потому, что нѣть возможности прослѣдить орѳографію всѣхъ словъ до началъ письменности въ данномъ языкѣ и неуклонно слѣдовать первоначальной орѳографіи, несмотря на звуковыя измѣненія, постоянно происходящія въ живомъ языкѣ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Полное примѣненіе фонетической системы орѳографіи невозможно потому, что тогда у каждого человѣка была-бы своя особенная орѳографія, съ своимъ особыніемъ алфавитомъ, такъ какъ у каждого человѣка есть свои особенности произношенія. Такъ что весь вопросъ въ томъ, въ какой мѣрѣ орѳографіи смѣшаны между собой генетическое и фонетическое основанія и которое изъ нихъ является въ данной орѳографіи преобладающимъ. Возьмемъ, напримѣръ, русскія слова—*зѣкъ* и *сдѣлатъ*: генетически—оба слова слѣдовали-бы начинать съ буквы—*с*, фонетически—съ буквы *з*, такъ какъ въ устной рѣчи первоначальный глухой звукъ *с* обратился въ обоихъ словахъ, въ сочетаніи съ яснымъ звукомъ—*д*, въ соотвѣтствующій ясный звукъ—*з*. А въ дѣйствительности, по правиламъ русской орѳографіи, мы пишемъ слово *сдѣлатъ* по генетической системѣ, такъ какъ произносимъ его *зѣкъ*, а слово *зѣкъ*—по фонетической системѣ. Такъ что ученые изслѣдователи, настаивающіе на фонетической реформѣ алфавита и орѳографіи даннаго языка, настаиваютъ собственно, на усиленіи въ данной орѳографіи и

— 1941 —

алфавитъ фонетического основанія до преобладающаго его значенія—не болѣе.

При такой постановкѣ вопроса, противники фонетической реформы уже не могутъ пользоваться въ борьбѣ съ ея сторонниками прежнимъ аргументомъ—неудобствомъ и практической невозможностью индивидуализации алфавита и орѳографіи—и прибѣгаютъ къ совершенно несостоятельнымъ возраженіямъ, вродѣ приведенного объясненія Гречемъ Николаю Павловичу причины существованія въ русскомъ алфавитѣ и въ русской орѳографіи буквы „ять“. И такие аргументы приводятся противъ фонетической реформы орѳографіи первоклассными литераторами и самыми солидными органами печати. Додѣ, напримѣръ, высказывался по этому поводу, что предлагаемая реформа французской орѳографіи, быть можетъ, и очень желательна, но только въ ея результатѣ получится уже не французскій языкъ, ему извѣстный, на которомъ онъ пишеть, пишутъ и писали и всѣ другіе французские литераторы, и которому они учились въ родной семье и школѣ, а какой-то другой, ему совершенно неизвѣстный, о которомъ онъ, поѣтому, и не можетъ сказать что-либо опредѣленное. Такой взглядъ первокласснаго писателя показываетъ только, какъ велика сила привычки, сила рутинъ и надѣй величими умами. Вѣдь, въ сущности, выражая такой взглядъ на фонетическую реформу французскаго языка, Додѣ уподобляется тѣмъ поклонникамъ свѣтскаго cant'a, которые отказались бы признать извѣстную имъ личность, еслибы она явилась въ ихъ общество безъ кринолина, турнюра, буффа и тому подобныхъ причудъ костюма въ эпоху господства моды на нихъ въ большомъ свѣтѣ. Неужели упрощеніе и осмысленіе орѳографіи, въ чемъ, собственно, и состоитъ сущность фонетической реформы, такъ измѣнить языкъ, что его можетъ не узнать одинъ изъ выдающихся его хозяевъ-работниковъ? Такие писатели, какъ Альфонсъ Додѣ, несомнѣнно, являются вмѣстѣ и работниками, и хозяевами—творцами родного языка.

Еще ближе къ указанному объясненію Греча подходитъ возраженіе, или правильнѣе—высмѣваніе фонетической реформы указаніемъ на демократизацію такимъ способомъ орѳографіи, такъ какъ послѣ реформы, по мнѣнію ея критиковъ, орѳографія образованныхъ и ученыхъ людей не будетъ отличаться отъ орѳографіи полуграмотной массы. Неужели главная цѣль образованія и учености заключается въ томъ, чтобы усвоить себѣ разныя отличія отъ массы людей, не имѣвшихъ возможности получить образованіе и сдѣлаться учеными... мандаринами, имционирующими всѣмъ и каждому своими шариками? Мы полагаемъ, напротивъ, фонетическая реформа, упростивъ орѳографію и сдѣлавъ, такимъ

образомъ, ея правильность болѣе общедоступной для массъ на-
селенія, можетъ быть отъ этого самаго только еще болѣе желательной. Съ сожалѣніемъ должны замѣтить, что указанное отно-
шеніе высмѣшиванія намъ пришлось встрѣтить и въ такомъ
органѣ, какъ „Вѣстникъ Европы“, по поводу книги о фонетиче-
ской реформѣ одного одесского профессора. А между тѣмъ дѣло
фонетической реформы ореографіи и алфавитовъ имѣть въ числѣ
своихъ сторонниковъ такого авторитетнаго и всемирно-извѣстнаго
ученаго лингвиста, какъ маститый профессоръ Максъ Мюллеръ,
сказавшій въ одной изъ серій своихъ знаменитыхъ лекцій о
языкѣ въ оксфордскомъ университѣтѣ, что только привычкой
людей къ рутинѣ можно объяснить себѣ существованіе безси-
стемной и неправильной современной ореографіи, но что ранѣе
или позже она несомнѣнно отойдетъ въ вѣчность, какъ сошли
съ арены исторической жизни Англіи династія Стюартовъ, хлѣб-
ные законы и имѣ подобныя жизненные несообразности: такая
несообразность, однако, не мѣшала имѣ въ свое время господ-
ствовать и силою подавлять всякий протестъ противъ этого
господства, всякое указаніе на его несообразность съ здравымъ
смысломъ и лучшими интересами людей.

Поэтому, пользуясь возбужденіемъ г. Благовѣщенскимъ
вопроса объ устраненіи изъ русскаго алфавита и изъ русской
ореографіи буквы „ять“, мы обращаемъ вниманіе русскихъ писа-
телей и ученыхъ филологовъ на такую-же необходимость устра-
ненія и указанныхъ лишнихъ буквъ, принятія новой буквы — ла-
тинскаго *g*, выраженія па письмѣ сложныхъ йотированныхъ зву-
ковъ слогами изъ двухъ буквъ: *йа*, *иэ*, *ий*, *ио*, *ай*, а сложныхъ
звуковъ, состоящихъ изъ смягченнаго согласнаго звука и глас-
ной,— слогами: *ръя*, *нъэ*, *лью*, *нъю* и имѣ подобными. Конечно,
такое измѣненіе русскаго алфавита и русской ореографіи будетъ
нѣсколько болѣе сложнымъ дѣломъ, чѣмъ простое устраненіе
одной буквы „ять“, но, послѣ этого измѣненія, русскій алфавитъ
и русская ореографія станутъ дѣйствительно фонетическими, на-
сколько возможно въ жизненной практикѣ осуществленіе фоне-
тической системы въ примѣненіи къ русской ореографіи. Нечего
и говорить о томъ, насколько такая ореографія облегчитъ обу-
ченіе русской грамотѣ по звуковой методѣ, такъ какъ это само
собой разумѣется. Въ настоящее время эта метода не можетъ
быть выдержана вполнѣ, такъ какъ, познакомивъ учащихся съ
буквами *a*, *r*, *d*, *й* и *и*, вы должны имѣ объяснить, что слова: *я*,
яръ, *рядъ* и т. д. пишутся не въ формѣ — *йа*, *йар*, *риад* и т. д., какъ
следовало бы по сочетанію входящихъ въ составъ этихъ словъ
звуковъ и какъ всегда ихъ написали-бы усвоившіе звуковое со-
четаніе учащіеся до объясненія учителя, а въ формѣ, которую

надо заучивать, а не выводить изъ простого сочетанія звуковъ, знаки письменного выраженія которыхъ имъ уже извѣстны. Вся же сущность звуковой методы обученія грамотѣ въ томъ и заключается, что памяти учащихся предоставается только работа запоминанія знаковъ письменного и печатного выраженія отдѣльныхъ звуковъ (буквъ алфавита); все-же остальное обученіе чтенію и письму требуетъ отъ учащихся только работы соображенія, вывода, синтеза. И вотъ, только что учителю пришлось навести классъ на правильные пріемы требуемаго отъ учащихся синтеза, какъ сейчасъ-же ему приходится разрушать свою собственную работу и объяснять учащимся, что хотя они совершенно правильно выразили на бумагѣ или доскѣ, или складной азбукой—сочетаніе звуковъ *й* и *а* слогомъ *йа*, но что принято выражать этотъ слогъ на письмѣ начертаніемъ *я* и что они такъ и должны его писать, а это *я*, если передъ нимъ стоитъ *р*, *д* и т. д., должны выговаривать не какъ *я*, а какъ *а*, смягчая предыдущій звукъ, какъ будто-бы послѣ него былъ знакъ смягченія—*ъ*, т. е. слоги *ря*, *дя*, должны выговаривать не *риа*, *дїа*, какъ-бы слѣдовало по звуковой методѣ, а *риа*, *дꙗ*. Выходитъ, что буква *я* выговаривается двояко: и какъ *йа*, и какъ *ъа*. То же самое, конечно, и съ *ю*, и съ *ё* и съ *ъю*. Печально положеніе учащаго дѣтей русской грамотѣ по звуковой системѣ, при необходимости частыхъ объясненій, что они правильно написали, вѣрно сообразили, но впередъ должны писать иначе заданное сочетаніе звуковъ. Это нѣсколько напоминаетъ положеніе прежнихъ учителей, требовавшихъ, чтобы учащіе изъ *наши*, *есть*, *вѣди*, *ручи*, *иже* составили выраженіе—*не ври*.

Предлагаемое нами измѣненіе русскаго алфавита и русской орѳографіи, основанное на требованіяхъ фонетики русскаго языка, совершенно устранить и указанныя педагогическія затрудненія при обученіи русской грамотѣ, а это обстоятельство тоже должно имѣть свое значеніе при обсужденіи вопроса о желательности или нежелательности предлагаемыхъ измѣненій, хотя главнымъ основаніемъ для убѣжденія въ необходимости этихъ измѣненій все-же служитъ то общее положеніе, что устная рѣчь есть источникъ письменности и основное выраженіе жизни языка, а потому, если алфавитъ языка и его орѳографія въ данное время ужъ очень разошлись съ устной рѣчью въ фонетическомъ отношеніи, то естественно имъ надо приспособиться къ устной рѣчи, а не наоборотъ. Въ такомъ положеніи и находятся теперь алфавиты и орѳографія многихъ языковъ, въ томъ числѣ и русскаго. Отсюда и вытекаетъ необходимость реформы алфавитовъ и орѳографій.

Что-же касается способа, какимъ эта реформа можетъ быть

осуществлена, то мы здѣсь нѣсколько разойдемся съ г. Благовѣщенскимъ. Онъ полагаетъ произвестъ реформу по отношенію къ буквѣ „ять“ моментально, путемъ одновременнааго для всѣхъ типографій опорожненія у наборщиковъ ящиковъ съ буквой „ять“ и всыпки туда буквы *e*. Такимъ образомъ въ одинъ день во всей Россіи (вѣроятно, и въ заграничныхъ типографіяхъ, печатающихъ русскія книги) буква „ять“ исчезла-бы изъ обыденнаго употребленія въ печати, а затѣмъ—и изъ русской письменности. Предлагаемая нами реформа сложнѣе, а потому требуетъ и нѣсколько иного пріема для своего осуществленія. Какъ въ исторіи способовъ выраженія устной рѣчи письменность предшествовала печати и послужила основаніемъ возникновенія послѣдней, такъ и въ отношеніи къ предлагаемой реформѣ русскаго алфавита и русской ореографіи мы полагаемъ, что реформа въ русской печати будетъ слѣдствіемъ реформы въ русской письменности, а не наоборотъ, какъ полагаетъ г. Благовѣщенскій. Затѣмъ, если она осуществится, то произойдетъ она не сразу, не въ одинъ моментъ во всѣхъ типографіяхъ (неизвѣстно, по общему-ли соглашенію хозяевъ типографій, или по чьему-либо повелѣнію), а путемъ эволюціоннымъ, какъ произошли всѣ результаты историческаго развитія народовъ, человѣчества. Вѣроятно, путь совершенія реформы будетъ, приблизительно, такого рода: сначала лучшіе беллетристы, ученые и прочіе писатели станутъ писать свои произведенія примѣнительно къ фонетическому алфавиту и придерживаясь фонетической ореографіи, что вызоветъ необходимость усвоенія реформы сначала немногими, а потомъ и всѣми типографіями. Такимъ образомъ, нѣкоторое время будутъ существовать параллельно, въ письменности и въ печати, двѣ системы ореографіи, два алфавита; вмѣстѣ съ тѣмъ, станутъ появляться учебники фонетической ореографіи, руководство къ обученію грамотѣ и понемногу фонетическая ореографія войдетъ въ общее употребленіе. Тогда и школа должна будетъ ее усвоить и новая ореографія станетъ сначала преобладающей, а потомъ и единственно-употребительной. Конечно, много воды утечетъ до тѣхъ поръ, но мы раздѣляемъ надежду г. Благовѣщенскаго, что XX-й вѣкъ не окончится благополучно не только для буквы „ять“, какъ онъ полагаетъ, но и для другихъ лишнихъ буквъ русскаго алфавита. Вообще, мы полагаемъ, что наступающій вѣкъ будетъ свидѣтелемъ завершенія фонетической реформы ореографіи и, быть можетъ, введенія въ общее употребленіе одного общаго для всѣхъ языковъ алфавита и одной общей системы ореографіи, возможно болѣе фонетической. Совершится это дальнѣйшимъ продолженіемъ того-же пути исторической эволюціи, какимъ совершилось уже введеніе въ общее употребленіе совре-

— 1945 —

менныхъ алфавитовъ: греческаго для греческаго языка, латинскаго для нѣсколькихъ романскихъ языковъ, нѣмецкаго для нѣмецкаго языка, русскаго для русскаго и малорусскаго языковъ, и т. д., и современной, практически неудобной, не научной и пестрой орѳографіи, особенной для каждого языка. Такъ что и предлагаемая фонетическая реформа русской орѳографіи есть не болѣе, какъ естественная слѣдующая стадія въ жизни русскаго языка, въ исторической эволюціи его письменности и печати, стадія, составляющая очередной жизненный вопросъ и для другихъ языковъ человѣческаго рода.

Намъ остается теперь еще объяснить научныя основанія фонетической реформы и указать ихъ отношеніе къ предлагаляемымъ нами измѣненіямъ русскаго алфавита и русской орѳографіи, но это мы отлагаемъ до другого раза.

С. Н. Кулябка.

О первобытномъ обществѣ.

Въ теченіе очень долгаго времени и почти вплоть до второй половины умирающаго девятнадцатаго вѣка наука о первобытномъ обществѣ находилась въ самомъ первобытномъ состояніи. Полное отсутствіе эволюціоннаго міровоззрѣнія, полная неспособность отрѣшииться отъ отношеній современной эпохи, взглянуть на далекую эпоху глазомъ не вооруженнымъ призмой современныхъ убѣжденій, предубѣжденій, идеаловъ не давало возможностей придать объективный научный характеръ наукѣ о первобытномъ обществѣ, общественной эмбріологіи, какъ ее мѣтко окрестилъ одинъ изъ ея крупнѣйшихъ современныхъ представителей М. М. Ковалевскій. Могучее теченіе, прошедшее въ началѣ второй половины истекающаго девятнадцатаго вѣка по всей Европѣ породившее дарвинизмъ и имъ страшно усиленное, оказалось плодотворнѣйшее вліяніе и на общественные науки, въ томъ числѣ и антропологію. Получивъ этотъ могучій толчокъ и усвоивъ себѣ ту небольшую по объему, но плодотворную истину, что все течеть и измѣняется и въ этомъ безостановочномъ процессѣ теченія и измѣненія ничего не остается такимъ же и тамъ же, какимъ и гдѣ оно было, что постоянно совершаются „переоцѣнка цѣнностей“, общественная эмбріологія затѣмъ ужъ сравнительно быстро развивалась и черта за чертою возстановляла передъ нами образъ первобытнаго человѣка, его семейную и общественную организацію.

И прежніе философы и экономисты любили порою „иллюстрировать“ свои теоріи примѣрами дикарей. Вспомнимъ философъ восемнадцатаго вѣка, заставлявшихъ голыхъ дикарей вступать въ „соціальный договоръ“, вспомнимъ классиковъ-экономистовъ, создавшихъ знаменитую робинзоніаду. Эволюціонная точка зрѣнія при этомъ совершенно отсутствовала. Извѣстно, что Риккардо, приводя въ примѣръ первобытныхъ дикарей, заставлялъ

ихъ обмѣнивать свои продукты согласно законамъ товарного обращенія въ буржуазномъ обществѣ. Марксъ мѣтко замѣтилъ, что Рикардо не былъ знакомъ ни съ одною общественною формой, исключая лондонской биржи и параллелограммовъ Оуэна. Рикардо, говоритъ онъ, заставлялъ дикарей справляться съ цѣнами лондонской биржи.

Въ результатѣ подобнаго „метода“ изслѣдованія можно было только прийти къ дикимъ теоріямъ, но не къ теоріи жизни дикарей.

Много съ тѣхъ порь воды утекло и „рѣка временій“ въ свое теченіе“ принесла людямъ знавшимъ только, по выражению Маркса, „одну общественную форму“, горькое разочарованіе:— наука показала, что общественные формы далекихъ эпохъ кореннымъ образомъ отличаются отъ современной общественной формы и что, нѣкогда замѣнивъ собою другую общественную форму, современный общественный строй въ свою очередь смѣнится другимъ, а жизнь въ то же время сплочивала людей въ „ряды—шеренги“ для борьбы за новую общественную форму... Теченія въ жизни въ связи съ научнымъ теченіемъ—дарвинизмомъ¹⁾ заставили взглянуть на первобытную эпоху совершенно иными глазами.

Въ настоящее время эволюціонное мышеніе сдѣлалось прочнымъ достояніемъ науки и уже нѣть нужды доказывать, что человѣкъ не представляетъ особаго „царства“ природы, что и для него писаны тѣ же законы, какъ и для всего остального міра. Болѣе того, въ виду близорукихъ соціальныхъ выводовъ, сдѣланныхъ нѣкоторыми учеными изъ дарвинизма, въ виду постыдокъ буржуазныхъ дарвинистовъ грубо отождествлять общественное развитіе съ развитіемъ органическаго міра, передъ современнымъ изслѣдователемъ стоитъ насущная задача: показать *предѣлы* примѣненія дарвинизма къ общественной наукѣ, установить *различие* между борьбой за существованіе и общественной борьбой, выяснить *особенности* человѣческой исторіи. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ установить, каковъ характерный признакъ человѣка какъ такового, чѣмъ отличается человѣкъ отъ всего животнаго міра?

На этотъ кардинальный вопросъ даетъ удивительно мѣткий и сжатый отвѣтъ известное опредѣленіе человѣка, сдѣланное Франкліномъ: „Человѣкъ — это животное, дѣлающее орудія“. Въ этомъ опредѣленіи схвачена наиболѣе характерная черта человѣка, позволяющая выдѣлить человѣческую исторію, если не въ особое „царство“ природы, то въ особый объектъ изслѣдованія.

¹⁾ На Дарвина, по его собственному признанію, сильнѣйшее вліяніе оказалось Мальтузъ. Ученіе же Мальтуза явилось теоретическимъ оправданіемъ современного строя, защитой его отъ нападокъ сторонниковъ равенства, нашедшихъ своего выразителя въ Уильямѣ Годвинѣ. Не подлежитъ, стало быть, сомнѣнію роль „жизни“ въ распространеніи эволюціонизма.

Если способность изготавлять орудия отличаетъ человѣка отъ животнаго, то степень развитія этой способности, или иначе выражая ту же мысль, степень развитія техники должны быть положены въ основу классификаціи исторіи культуры. Только подобного рода классификація уничтожаетъ субъективизмъ мѣрила „прогресса“ и даетъ возможность построить научную исторію культуры. Уже датскіе археологи стояли на этой точкѣ зрењія, когда дѣлили всю исторію культуры на каменный, бронзовый и желѣзный вѣкъ, когда отличали періоды палеолитической и неолитической.

Исходя изъ этой же точки зрењія, пытается дать новую классификацію развитію культуры Люисъ Морганъ въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи „Первобытное общество“, появившемся недавно въ русскомъ переводе съ предисловіемъ М. Ковалевскаго.

Большее или меньшее искусство въ производствѣ жизненныхъ средствъ, говоритъ Морганъ, опредѣляетъ степень превосходства человѣка надъ природой. Всѣ великия эпохи прогресса совпадаютъ болѣе или менѣе съ эпохами расширенія средствъ къ существованію. Этой идеей руководится Морганъ, когда дѣлить исторію культуры на періодъ дикости, варварства и цивилизаціи и въ основу отличія этихъ періодовъ кладетъ техническій фактъ высоты производительности труда. Ниже мы разберемъ крайне искусственную классификацію Моргана, а также и его взгляды на организацію семьи у первобытныхъ народовъ, а пока мы въ общихъ чертахъ отмѣтимъ, насколько распространился въ соціальной эмбріологии взглядъ о необходимости построить классификацію на техническомъ фактѣ и признать за техникой *primum movens* культурнаго развитія.

Мы уже упомянули о томъ, что датскіе археологи дали техническую классификацію. Мишую Моргана, мы обращаемъ вниманіе на взгляды Макса Мюллера, Нуаре, Гейгера, Коппа. Такъ Нуаре¹⁾ старается показать какъ на почвѣ технической дѣятельности развивались логические взгляды человѣка, какъ техника создала самое понятіе о предметной каузальной связи. Онъ доказываетъ, что проекція органовъ въ техникѣ является источникомъ объективациіи, что орудіе служитъ связующимъ звеномъ между волею и предполагаемымъ дѣйствіемъ. Въ своихъ работахъ Нуаре и Максъ Мюллеръ стараются доказать, что языкъ и человѣческій разумъ развились въ тѣсной зависимости другъ отъ друга. На почвѣ колективной работы путемъ рефлекса возникли первые звуки, связанные съ представлениями опредѣленнаго дѣйствія, и коллективная работа получила дружный характеръ только благо-

¹⁾ *Noire. Das Werkzeug und seine Bedeutung für die Entwicklungsgeschichte der Menschheit.* Mainz 1880.

— 1949 —

даря выработкѣ этихъ всѣмъ понятныхъ звуковъ. Такимъ образомъ, по этой теоріи общественная техника послужила почвою выработкѣ членораздѣльной рѣчи, т. е. собственно выработкѣ самого человѣка въ особаго примата¹⁾. Эта теорія получила дальнѣйшее развитіе въ новѣйшихъ трудахъ Вольтмана, разросшись здѣсь въ своего рода трудовую теорію познанія, въ видѣ motto къ которой могутъ быть взяты знаменитыя слова Фауста:

Im Anfang war die That²⁾.

„Являясь частью субъекта,—говорить Вольтманъ,—орудіе въ то же время объектъ“³⁾, въ этомъ отлічіе орудія отъ органа и этимъ и обусловливалось значеніе орудія для развитія человѣческаго мышленія. „Организмъ,—говорить тотъ же писатель въ другомъ своемъ труду,—долженъ быть развиться въ техницизмъ, лишенный органовъ, для того чтобы субъективное импульсивное сознаніе развило въ объективное разсудочное познаніе. Нѣть логики безъ техники. Отдѣленіе технической дѣятельности отъ органическихъ функций въ то же время обусловило интеллектуальное отдѣленіе субъекта и объекта, раздѣленіе между „я“ и міромъ“⁴⁾.

Органъ является интегрированною частью въ себѣ замкнутаго, животнаго существа, существующаго выполнять опредѣленную функцию. Орудіе же, напротивъ, есть органъ, проектируемый нами изъ предѣловъ самого организма, отдѣленный отъ него и пространственно и вещественно, но вмѣстѣ съ тѣмъ находящійся отъ него въ функциональной зависимости. Такимъ образомъ на почвѣ общественной техники выработался человѣкъ, какъ психически-обособленный приматъ. Этую же мысль доказывается Лавровъ въ своемъ замѣчательномъ труду „Опытъ исторіи мысли“. Ему принадлежать слѣдующія знаменательныя слова: „Процессъ перехода отъ низшихъ формъ мысли къ высшимъ совершился на почвѣ первобытной техники, безъ которой человѣкъ въ его характеристическихъ признакахъ и въ его развитіи былъ бы немыслимъ“. Источникомъ всей эволюціи человѣческой мысли этотъ авторъ признаетъ технику и творчество общественныхъ формъ⁵⁾.

¹⁾ Кромѣ уже названного труда Нуаре, см. труды L. Geiger'a: „Zur Entwicklungsgeschichte der Menschheit“. Stuttgart 1878, „Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Vernunft“. 1868.

²⁾ Вольтманъ, Теорія Дарвина и соціолизмъ (есть русск. пер. подъ ред. М. Филиппова).

³⁾ Wolltmann, System des moralischen Bewustseins Dusseldorf. 1878 S. 138.

⁴⁾ „Въ началѣ было дѣло“.

⁵⁾ Отмѣтимъ еще любопытную попытку Энгельса показать значеніе труда въ процессѣ выработки изъ обезьяны человѣка. Ср. Fr. Engels „Der Anteil der Arbeit an der Menschenwerdung der Affen“. „Neue Zeit“ XIV Jahrg. № 44.

Мы такимъ образомъ видимъ, что различные мыслители, отправляясь съ разныхъ исходныхъ точекъ, приходятъ въ концъ концовъ къ признанию истины, лаконически формулированной Франклномъ: „Человѣкъ есть животное, дѣлающее орудія“.

Дарвинъ приводить многочисленные случаи пользованія орудіями въ мірѣ животныхъ. Уже дождевикамъ онъ приписываетъ способность употреблять техническіе пріемы, онъ упоминаетъ за-тѣмъ о томъ, что обезьяны нерѣдко пользуются палками и камнями какъ орудіями и оружіями, что слоны обмахиваются вѣтками отъ мухъ и т. д. Но при всемъ этомъ дѣло, во-первыхъ, идетъ лишь обѣ употребленій, а не изгото-вленію орудій, а во-вторыхъ—и что самое главное—о случайныхъ фактахъ, никакъ не характерныхъ для животнаго міра и не сыгравшихъ въ его развитіи рѣшительно никакой роли. Человѣка же самыхъ отдаленныхъ эпохъ мы встрѣчаемъ уже вооруженнымъ камнемъ, костями. Уже въ четвертичныхъ отложеніяхъ найдены куски кости и камня, которыми пользовался человѣкъ какъ орудіями. Катрафажъ и другие антропологи доказываютъ существование орудій уже въ третичную эпоху. Приверженцы антропопитека настаиваютъ на существованіи въ третичныхъ отложеніяхъ остатковъ первобытной техники и даже употребленія огня. Съ другой стороны очень многіе антропологи воскрешаютъ человѣка, еще не умѣвшаго пользоваться огнемъ, не знаящаго употребленія орудій и для рѣтъя и защиты пользовавшагося лишь своими органами. Но такой „человѣкъ“—къ тому же вполнѣ гипотетической—не можетъ быть объектомъ антропологии.

Необходимость выбрать технику аріадниной нитью въ изслѣдованіи исторіи культуры чѣмъ дальше, тѣмъ больше начинаетъ проникать въ общее сознаніе работниковъ молодой науки. Передъ нами замѣчательная попытка Липперта построенія исторіи культуры на принципѣ развивающейся „заботы о поддержаніи жизни“ ¹⁾, выражавшей степень развитія труда.

„Основнымъ побужденіемъ,—говорить Липпертъ въ предисловіи къ своему замѣчательному труду,—господствующимъ во всей исторіи культуры, является забота о поддержаніи жизни. Въ ней сливаются и въ ней же обособляются животный и человѣческий элементы; въ ней сказывается и зоологическій инстинктъ и она отмѣчена уже печатью человѣчности; забота о поддержаніи жизни по своему соединяетъ и разъединяетъ обѣ области органическаго міра—царство человѣка и царство зоологическое“ ²⁾.

Та же идея проникаетъ и известную программную рѣчь

¹⁾ Lippert „Kulturgeschichte der Menschheit“.

²⁾ Липпертъ. Введеніе въ исторію культуры. Переводъ съ нѣмецкаго П. Берлина. Москва. 1899 г. стр. 7.

— 1951 —

проф. Гильдебрандта „Über das Problem einer allgemeinen Entwickelungsgeschichte des Rechts und der Sitte“ Graz 1894. „Въ различіи ступеней экономической культуры,—говорить проф. Гильдебрандт въ этой рѣчи,—косвенно заключается и различіе ступеней развитія общей культуры, или, если можно такъ выразиться, заключается опредѣленіе культурной зрѣлости. Каждая болѣе высокая степень экономической культуры является въ то же время болѣе позднею, болѣе зрѣлою ступенью развитія культуры вообще“¹).

Упомянемъ еще о работахъ Бюхера. Въ своемъ блестящемъ труда „Ритмъ и трудъ“²) Бюхерь показываетъ, что первобытная поэзія возникла на почвѣ производительной дѣятельности человѣка что ритмъ продиктованъ процессомъ труда. Въ своемъ другомъ труда „Entstehung des Volkswirtschaft“ Бюхерь далъ замѣчательную классификацію исторического развитія экономического строя, классификацію, въ основу которой положенъ техническій фактъ: длина пути, проходимаго продуктомъ отъ производителя до потребителя.

Если мы затѣмъ назовемъ труды Кунова³), Энгельса⁴), Гроссе⁵) и др., то убѣдимся, что идея о необходимости избрать степень развитія экономической культуры мѣриломъ развитія общей культуры начинаетъ охватывать все болѣе широкій кругъ защищниковъ⁶). „Подобно тому какъ сравнительная анатомія,—говорить Пешель,—возвысила на степень научной истины латинскую поговорку „по когтямъ узнаю льва“, такъ точно и народовѣдѣніе можетъ отъ орудій данного народа смѣло умозаключать о степени развитія его цивилизаціи“⁷).

„Способъ добыванія пищи,—пишетъ Гроссе,—господствующій или господствовавшій до этого у какой-либо соціальной группы, форма ея производства, выбираемая далеко не произвольно, а диктуемая особенностями условій жизни, посредствено и непосредственно формируютъ все умственное и нравственное состояніе общества“⁸).

Не будемъ больше приводить цитатъ; полагаемъ, что и при-

¹) Гильдебрандтъ. „Эволюція права и нравовъ“. Переводъ съ нѣмецкаго. П. Берлина. („Научное Обозрѣніе“ 1898 г. № II, стр. 308).

²) Bücher „Arbeit und Rhythmus“ Leipzig. 1899. 2 Auflage.

³) Kunow. Die Verwandschaftsorganisation der Australneger Stuttgart. 1894 „Die ökonomischen Grundlage der Mutterherrschaft „Neue Zeit“ 1897 г. №№ 4—8.

⁴) Engels. Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staats Stuttgart. Fünfte Auflage 1892.

⁵) Гроссе. Формы семьи и формы хозяйства. Москва 1898 г.

⁶) Во избѣженіе недоразумѣній считаю нужнымъ замѣтить, что здѣсь и ниже рѣчь идетъ объ этой теоріи исключительно какъ о рабочей гипотезѣ, а не цѣльномъ философскомъ міросозерцаніи.

⁷) Ср. Oscar Peschel. Völkerkunde. Leipzig. 1875 с. 199.

⁸) Гроссе. Формы семьи и формы хозяйства. Москва 1898 г., стр. 34.

веденныхъ достаточно, чтобы убѣдиться, какія болыпія завоеванія сдѣлала идея о необходимости технической классификаціи среди работниковъ соціальной эмбріології.

Но передъ нами стоитъ еще одно возраженіе, которое мы должны выслушать и обсудить раньше чѣмъ перейдемъ къ книгѣ Моргана, такъ много поработавшаго для торжества этой идеи. Говоримъ о попыткахъ нѣкоторыхъ ученыхъ доказать, что у первобытныхъ людей вовсе не существовало хозяйства, а стало быть не существовало и хозяйственного расчета, интереса. Намъ не преминуть указать на то, что „даже“ Энгельсъ „какъ извѣстно“ долженъ былъ отказаться отъ объясненія экономическими условіями организаціи первобытныхъ людей и искать этого объясненія въ семейной организаціи. Если мы вспомнимъ, что Вейгенгрюнъ¹⁾ разбилъ всю исторію на три периода: 1) семейное начало, 2) экономический материализмъ, 3) высвобожденіе интеллектуального момента изъ экономического, а авторъ „Исторіи мысли“ ту же послѣдовательность культуры выразилъ въ терминахъ господства: 1) обычая, 2) интересовъ и 3) убѣженія, и такимъ образомъ оба эти автора сочли нужнымъ датировать роль экономического фактора съ нѣсколько болѣе поздней эпохи, — если мы далѣе припомнимъ недавнія работы Бюхера²⁾ и Кулишера³⁾, старавшихся доказать отсутствіе хозяйства у первобытныхъ народовъ, то вполнѣ выяснится необходимость нѣсколько остановиться на этомъ вопросѣ.

Ссылаясь на психологію дикаря, неспособнаго думать о будущемъ и живущаго исключительно текущимъ мгновеніемъ, Бюхерь доказываетъ, что первобытный человѣкъ не могъ дѣлать запасовъ, что предполагало заботу о будущемъ, не могъ придать планомѣрный характеръ своей дѣятельности, т. е. не могъ, стало быть, заниматься хозяйственной дѣятельностью; дѣятельность дикаря, по Бюхеру, была *индивидуальнымъ исканіемъ пищи*. Мы не станемъ доказывать всю невѣрность этой характеристики, такъ какъ это уже было сдѣлано на страницахъ „Научнаго Обозрѣнія“ г. Кирсановымъ⁴⁾. Для нашей цѣли достаточно отмѣтить методологическую ошибку Бюхера, который, вмѣсто того, чтобы психологію дикаря объяснить характеромъ его дѣятельности, по-

¹⁾ Paul Weisengrün. Die Entwicklungsgesetze der Menschheit 1888.

²⁾ Karl Bücher. „Die Wirtschaft bei Naturvölker“. Dresden, 1898, „Die Entstehung des Volkswirtschaft“. Leipzig, 1899.

³⁾ Josef Kulischer. Zur Entwicklungsgeschichte des Kapitalzinses. („Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik“ III Folge 18 Bd. Heft 3 u. 4).

⁴⁾ А. Кирсановъ. „Письма безъ адреса“. („Научное Обозрѣніе“) 1899 г. № XI, 1900 г. № III.

ступилъ наоборотъ, характеромъ его психологіи объяснивъ характеръ его дѣятельности.

Выше мы уже замѣтили, что многіе антропологи съ Катр-фажемъ во главѣ доказываютъ, что уже человѣкъ третичной эпохи употреблялъ орудія и былъ знакомъ съ огнемъ. *Всякое же употребленіе орудія и поддерожаніе огня предполагаетъ и воспиты-ваетъ заботу о будущемъ.* Въ самомъ дѣлѣ, если бы дикарь, какъ это утверждаетъ Бюхерь, совершенно неспособенъ быть думать о будущемъ, то онъ не могъ употреблять орудіе, такъ какъ изгото-вленіе и сохраненіе орудія уже предполагаетъ элементарную заботу о будущемъ. Этой элементарной заботы не лишены даже пчелы и муравьи, дѣлающіе запасы. Человѣкъ, еще не умѣвшій разводить огонь, уже умѣлъ его поддерживать, для чего опять таки необходима была наличность элементарной заботы о будущемъ. Если же первобытный человѣкъ отличается крайне слабою способностью думать о будущемъ, дѣлать запасы, то это объяс-няется крайнею неопределенностью его положенія, его полною неувѣренностью въ завтрашнемъ днѣ, жалкимъ состояніемъ его производительныхъ силъ. Другой психологіи при характерѣ его труда дикарь не могъ имѣть. Охотничій образъ жизни дѣлалъ его положеніе зависящимъ отъ ряда случайностей; посчастливилась ему добыча и онъ старается воспользоваться ею, наѣдается до отвращенія, такъ какъ онъ неувѣренъ, скоро ли ему достанется новая добыча, да и сохранить мясо онъ не умѣлъ. Знайные пески научили африканца сушить мясо, холодные снѣга научили эскимосовъ замораживать мясо и у этихъ народовъ появилась забота о будущемъ, ихъ психологія не помѣщала этому. Всматриваясь въ исторію культуры, мы видимъ какъ развитіе техники, ростъ производительности труда все болѣе пріучали человѣка думать о будущемъ, потому что они дѣлали это будущее все болѣе обез-печеннымъ, все болѣе зависящимъ отъ самого человѣка. Мы, напр. видимъ, какъ съ развитіемъ земледѣльческой техники человѣкъ постепенно переходилъ отъ культивированія однолѣтнихъ расте-ній къ культивированію многолѣтнихъ, что требовало все большаго и большаго расширенія заботы о будущемъ. Конечно, хо-зяйство дикарей ровно ничего общаго не имѣло съ современнымъ капиталистическимъ хозяйствомъ, но все же это было „хозяйство“ —техническая дѣятельность, направленная на удовлетвореніе по-требностей. Но надо имѣть въ виду, что и въ предѣлахъ такъ называемаго „первобытного времени“ были чрезвычайно различ-ныя системы хозяйства, а отсюда и психологія первобытного человѣка далеко не представляетъ нѣчто единое и сплошное. Мы, напр., безъ труда можемъ прослѣдить, какъ совершенно измѣ-няется психологія доисторического человѣка съ переходомъ отъ

охотничьяго періода къ скотоводческому, какъ именно въ первобытную эпоху вся психологія дикаря является точнымъ отраженіемъ его экономики. У нѣкоторыхъ африканскихъ пастушескихъ народовъ,—рассказывает Ратцель¹⁾—по крайней мѣрѣ 99% всѣхъ разговоровъ вертится около скота, его происхожденія, привычекъ, достоинствъ и недостатковъ. Такъ, напр., гегеры, которые не нашли нужнымъ установить въ своемъ языке слова для обозначенія небесной лазури и зеленої травы, имѣютъ слово для точнѣйшаго обозначенія всякаго отгѣнка, всякаго отличія въ краскѣ овецъ и козъ. На такую же черту въ языкѣ динковъ указалъ и Швейнфуртъ. Если мимо этихъ первобытныхъ людей прогонять чужое стадо, то среди нихъ поднимается горячій споръ о мастиахъ каждой штуки скота, причемъ вопросъ этотъ обсуждается съ самою основательною ученоствью. Когда эти народы предаются увеселеніямъ и цляскѣ, то опять-таки они не занимаются ничѣмъ инымъ, какъ подражаніемъ манерѣ скота. Полуприодѣнными руками они копируютъ искривленные рога—туловище качается то въ одну, то въ другую сторону, какъ это дѣлаютъ бараны во время ходьбы и всѣ радуются, когда кому либо изъ пляшущихъ удается воспроизвести своими движениями главнаго быка, такъ, чтобы всѣ его узнали по первому взгляду.

Про бразильскихъ индѣйцевъ, живущихъ еще въ охотничьемъ періодѣ, известный ихъ изслѣдователь фанъ-денъ-Штейненъ²⁾ пишетъ: „Мы сумѣемъ понять этихъ людей только тогда, когда станемъ рассматривать ихъ какъ созданія охотничьяго быта. Весь главнѣйший источникъ ихъ опыта связанъ съ животнымъ міромъ и на основаніи этого опыта сложилось ихъ міровоззрѣніе“.

Если признавать вообще необходиомость построить классификацію культурнаго развитія на техническомъ фактѣ, то первобытная культура представляеть особенно благопріятное поле для ея приложенія. Первобытное время отличается особенно легко вскрываемою зависимостью между производительными условіями и „надстройками“, потому, во-первыхъ, что въ эту эпоху отсутствуютъ прочныя традиціи, потому во-вторыхъ, что въ эту эпоху цѣпь передаточныхъ звеньевъ между „базисомъ“ и надстройкой чрезвычайно коротка. Теперь въ наше сложное время эта цѣпь необычайно удлинилась и вліяніе, исходящее изъ базиса, пробѣгая длинную передаточную цѣпь, достигаетъ отдаленнѣйшихъ частей надстройки въ значительно ослабленномъ видѣ. Въ виду указаныхъ только что обстоятельствъ, первобытныя условія, міросозерцаніе чрезвычайно легко и быстро измѣняются подъ воздействиемъ измѣнившихся

¹⁾ Ratzel. Völkerkunde. 1885. Ср. ss. 205—207.

²⁾ Van-den-Steinen. Unter Völker Zentral-Brasiliens. Berlin, 1894, s. 201.

условий производства. Извѣстенъ классической въ этомъ отношеніи примѣръ древней Рѣти (теперешняго швейцарскаго Граубюндена), этрусское населеніе которой, достигнувъ въ эпоху римлянъ довольно высокой ступени культуры, было постепенно вытѣснено изъ долины въ горы кельтическими и германскими завоевателями и развило здѣсь до тѣхъ поръ чуждая ему, но вполнѣ отвѣчающія измѣнившимся условіямъ его быта—пастушески-общинныя формы жизни.

Вспомнимъ также берберовъ, которые жили сначала при индивидуальныхъ формахъ имущественныхъ отношеній, развившихся подъ вліяніемъ римлянъ и римского права, перешли затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ ихъ вытѣснили въ пустыню арабы, къ общиннымъ формамъ жизни¹⁾. Въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о Сибири Кеннанъ разсказываетъ слѣдующій, крайне любопытный въ этомъ отношеніи примѣръ. Въ сѣверной части Камчатки живетъ племя коряковъ. Они занимаются разведеніемъ оленей и эта дѣятельность принуждаетъ ихъ вести кочевой образъ жизни. По мѣрѣ того, какъ стадо оленей поѣдаетъ кругомъ весь кормъ, коряки принуждены подниматься и переселяться на новое мѣсто. Коряки, по словамъ Кеннана, отличаются своимъ гостепріимствомъ, добротою; къ женщинамъ и дѣтямъ они относятся съ любовью и нѣжностью: никогда не случалось видѣть, чтобы они жестоко обращались съ ними. Но кочевой образъ жизни заставляетъ ихъ придерживаться жестокаго обычая—убиенія больныхъ и стариковъ, если нѣть надежды на ихъ выздоровленіе. Но вотъ эпидемія погубила весь скотъ у 300—400 коряковъ; они перешли тогда къ осѣдлой жизни и, поселившись на берегу моря, занялись ловлей рыбы и морскихъ животныхъ. Они завели торговыя сношенія съ русскими купцами и американскими китоловами. Кеннанъ разсказываетъ, какъ рѣзко, неузнаваемо измѣнились ихъ нравы и обычаи подъ вліяніемъ измѣненія способа производства. Они стали грубые и порочнѣе всѣхъ обитателей Сѣверной Сибири. Они стали грубыми, лукавыми, нечестными, жестокими. Съ кочевыми коряками они представляютъ рѣзкую, полную противоположность. Такое рѣзкое различіе существуетъ между кочевыми и осѣдлыми коряками, хотя принадлежать они къ одной и той же расѣ и живутъ при почти одинаковыхъ географическихъ условіяхъ.

Въ виду всего сказанного, не представляется рѣшительно никакихъ оснований именно наслѣдователю первобытной культуры сворачивать съ той руководящей точки зреянія, на которой стоитъ Морганъ. Я висковъ при этомъ не скрываю всѣхъ трудностей встрѣчающихся на пути технической классификаціи.

¹⁾ Ср. М. Ковалевскій. Сравнительно-историческое правовѣдѣніе и его отношеніе къ соціологіи. („Сборникъ юридическихъ знаній“). СПб. 1899 г.

Охотничьи народы не всегда переходят к земледелию через стадию скотоводства. Такъ, напр., большинство американскихъ земледельцевъ непосредственно перешли отъ охоты къ земледелию, миновавъ стадию скотоводства. Уже цитированный известный изслѣдователь фанъ-денъ Штейненъ нашелъ племена бразильскихъ индѣйцевъ живущими еще въ каменномъ вѣкѣ и несмотря на это воздѣлывающими майсъ и табакъ. Другой же изслѣдователь, Эйеръ, нашелъ у некоторыхъ очень мало культурныхъ австралийскихъ племенъ искусственное орошение полей. Вспомнимъ, что въ древней, высоко культурной Греции состояніе техники было довольно низко, а въ космомъ Китаѣ оно несравненно развитѣе.

Здѣсь слѣдуетъ еще отмѣтить модифицирующую роль „географической подкладки исторіи“, какъ выражался Гегель¹⁾. Напр., сѣверные охотничьи народы развили довольно высокую технику. Ихъ жилища и орудія стоять гораздо выше, чѣмъ у остальныхъ народовъ; кромѣ того собаки даютъ имъ средство сообщенія, котораго лишены даже высшіе охотничьи народы. Но всѣ эти техническія завоеванія парализуются невыгодами полярного климата и эскимосы, несмотря на высокое развитіе техники, въ общемъ стоять на той же ступени культуры, какъ и прочія охотничьи племена, съ ихъ гораздо болѣе низкимъ состояніемъ техники.

Но какъ бы тамъ ни было, техническая классификація лучшая изъ всѣхъ существующихъ и оставляетъ неразъясненнымъ наименьшее число явлений.

Эта техническая классификація, конечно, упрощаетъ, схематизируетъ пеструю и разнообразную дѣйствительность. Безъ сомнѣнія, совершенно правъ Гроссе, когда онъ возражаетъ Моргану: „Живое развитіе безконечно богаче и развитѣе того, что конституировалъ Морганъ¹⁾“, но подобнаго рода возраженіе примѣнительно всякаго рода познанію. Къ сожалѣнію, мы вообще не въ состояніи познавать, не упрощая пестроты и сложности дѣйствительности. Постепенный переходъ отъ воспринятія къ представленію, отъ представленія къ понятію есть постепенное упрощеніе дѣйствительности, постепенное удаленіе отъ плоти и крови дѣйствительности къ бесплотнымъ абстракціямъ. Надо только понимать и помнить, что схемы и классификаціи суть лишь вспомогательная орудія нашего познанія. Гроссе самъ не могъ избѣжать этого упрощенія, хотя вся его классификація сводится къ дѣленію на охотничьи, земледельческія и скотоводческія племена. Онъ, напр.,

¹⁾ Роль географическихъ условій въ первобытную эпоху очень велика, но въ основу классификаціи она положена быть не можетъ, въ виду того, во-первыхъ, что она выражаетъ статический, а не динамический моментъ и въ виду того, во-вторыхъ, что съ развитиемъ техники, искусственной среды, роль эта все уменьшается и ея влияніе все болѣе становится опосредствованнымъ техникой.

причисляетъ каффровъ къ номадамъ, хотя сознаетъ, что каффры занимаются также земледѣліемъ и охотой, но скотоводство служить у нихъ господствующей формой производства¹).

Морганъ попытался дать болѣе подробную и разработанную классификацію, чѣмъ это дѣлаетъ Гроссе.

Всю исторію культуры онъ разбиваетъ на три періода: дикость, варварство и цивилизація. Каждый изъ двухъ первыхъ періодовъ въ свою очередь распадается на три ступени: низшую, среднюю и высшую.

Низший періодъ дикости начинается съ младенчества человѣчества, а заканчивается знакомствомъ съ огнемъ и началомъ употребленія въ пищу рыбы. Въ эту раннюю эпоху развитія люди жили въ убогихъ шалашахъ и питались различными плодами и орѣхами. Къ этой эпохѣ, по мнѣнію Моргана, относится выработка членораздѣльной рѣчи. Историческая эпоха не застала уже ни одного народа стоящимъ на этой примитивной ступени.

Средняя ступень дикости открывается ознакомленіемъ съ огнемъ и употребленіемъ въ пищу рыбы и замыкается изобрѣтеніемъ лука и стрѣль. Достигнувъ этой ступени развитія, человѣчество начало разселяться по всему лицу земли. На средней ступени дикости находились австралійцы и большая часть полинезійцевъ, когда они были открыты европейцами.

Третья, высшая ступень дикости начинается съ изобрѣтенія лука и стрѣлы и заканчивается изобрѣтеніемъ гончарного искусства. На этой высшей стадіи дикости находятся въ настоящее время племена земель Гѣдсона, племена, живущія въ долинахъ рѣки Колумбіи, некоторые племена съверной и южной Америки.

Съ изобрѣтеніемъ гончарного искусства человѣчество перешло изъ фазиса дикости къ низшему фазису варварства, характеризующемуся отсутствиемъ умѣнія разводить растенія и пріучать животныхъ.

Средняя ступень варварства открывается одомашненіемъ животныхъ и завершается открытиемъ искусства ковать желѣзо. На этой стадіи развитія человѣкъ уже началъ употреблять камни для постройки своихъ убогихъ жилищъ.

Средняя ступень варварства отдѣляется отъ верхней ступени варварства искусствомъ перерабатывать желѣзо и заканчивается изобрѣтеніемъ фонетического алфавита и употребленіемъ письма. На этой ступени развитія стояли греки эпохи Гомера, итальянцы эпохи основанія Рима, германскія племена временъ Цезаря.

Изобрѣтеніе фонетического алфавита и письменъ ввело че-

¹⁾ Эрнстъ Гроссе. Формы семьи и формы хозяйства. Москва. 1898, 6 стр.

²⁾ Ibid. 35 стр.

ловъческую исторію въ фазисъ цивилизаціи, въ свою очередь рас-
падающейся на античный и современный периодъ.

Каждый изъ перечисленныхъ выше періодовъ культурного
развитія выражаетъ особую культуру, особый ея фазисъ. Эта клас-
сификація, указываетъ Морганъ, есть классификація высоты куль-
турного развитія и какъ таковая, она вовсе не совпадаетъ съ тою
хронологическою послѣдовательностью, въ которой развивались
отдѣльные племена и народы. Послѣднее указаніе Моргана очень
важно, но за всѣмъ тѣмъ вся его классификація крайне искус-
ственно построена. Признаки, выбранные имъ для разграничения
одного періода культуры отъ другого, выбраны случайно, одно-
сторонне. Неизвѣстно, напр., почему гончарное искусство должно
было сыграть роль фактора, поднявшаго первобытное человѣче-
ство со ступени дикости на ступень варварства? Почему далѣ
Морганъ совершенно не прослѣдилъ перехода отъ каменныхъ ору-
дій къ бронзѣ и желѣзу и не положилъ этотъ переходъ огромной
культурной важности въ основу своей классификації? Ознакомле-
ніе съ питательными свойствами растеній, хотя бы въ видѣ упо-
требленія въ пищу кореньевъ, должно быть отодвинуто въ гораздо
большую глубь исторіи, чѣмъ это дѣлаетъ Морганъ. Если даже и
признать, далѣе, что Морганъ мѣтко схватилъ въ своей класси-
фикаціи наиболѣе характерныя черты различныхъ культурныхъ
типовъ, то всетаки и тогда его классификація страдаетъ весьма
серезнымъ недостаткомъ—она не даетъ намъ картины *происхож-
денія* этихъ типовъ.

Однако, въ свое время классификація Моргана была огром-
нымъ шагомъ впередъ и, какъ это часто бывало въ исторіи науки,
будучи сама ошибочной, она повела къ открытію ряда очень важ-
ныхъ истинъ и сослужила хорошую службу въ качествѣ метода
изслѣдованія. Съ методологической стороны эта классификація
очень цѣнна—мѣриломъ и признакомъ культурного развитія она
избираетъ степень развитія техники.

Однако, главнѣйшей заслугой Моргана была не эта класси-
фикація, а раскрытие законовъ семейной организаціи первобыт-
ныхъ народовъ, мастерское распутываніе чрезвычайно сложной
системы родства у дикарей и сведеніе этой системы къ чрезвы-
чайно простымъ жизненнымъ условіямъ.

До шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія, до появленія
трудовъ знаменитаго базельскаго ученаго Бахофена, не существова-
вало сколько-нибудь научной разработки вопроса о семейной орга-
низаціи въ первобытную эпоху. Всѣ были убѣждены, что совре-
менная форма брачныхъ отношеній существовала и будетъ суще-
ствовать присно и во вѣки вѣковъ. Бахофенъ первый обратилъ
вниманіе на то, что брачные отношенія отдаленнѣйшихъ эпохъ

ничего общаго не имѣютъ съ современными брачными отношениями. Тонкій знатокъ и цѣнитель античныхъ миѳовъ, Баховенъ въ своихъ сочиненіяхъ „Das Mutterrecht“, „Antiquarische Briefen“ разборомъ миѳовъ и сказаний показалъ, что въ античныхъ миѳахъ мы находимъ сначала апоѳеозъ матери и материнскаго начала, затѣмъ изображеніе геронческой борьбы между материнствомъ и отцовствомъ и празднованіе окончательной побѣды отцовства надъ материнствомъ.

По Бахофену въ первобытную эпоху господствовало безпорядочное половое сожительство, не было никакой регламентации брака, господствовалъ, какъ неудачно выразился Бахофенъ, „гетеризмъ“. Это беспорядочное половое сожительство исключало, конечно, всякую возможность установить, кто былъ истиннымъ отцомъ ребенка. Вслѣдствіе этого принуждены были вести родство по женской, а не мужской линіи, а это привело къ господству женщинъ, къ гинекократіи. Бракъ затѣмъ пріобрѣлъ индивидуальный характеръ; материнское родство и власть замѣнились отцовскими. Для доказательства существовавшаго нѣкогда господство матерей Бахофенъ обратился къ разбору античныхъ миѳовъ. И эти миѳы въ интересующемъ насъ отношеніи представляютъ дѣйствительно богатѣйший материалъ.

Уже у древніяго Геродота мы находимъ извѣстіе о существованіи материнскаго права у ликійцевъ, жившихъ на юго-западѣ Малой Азіи. „Удивительно странный обычай существуетъ у ликійцевъ: — называться по имени матери“ писалъ Геродотъ. Бахофенъ употребилъ много талантливыхъ усилий, чтобы доказать, что это былъ не странный обычай, а характернейшая черта древней организаціи семьи. Поэзія грековъ поставила этой умершей организаціи многочисленные и красивѣйшіе литературные памятники. Въ Иліадѣ Гомера Елена объясняетъ свое пристрастіе къ Діоскурамъ тѣмъ, что они дѣти одной матери. Когда Ахиллесъ хочетъ убить Ликаона, брата Гектора, убившаго Натрокла, то Ликаонъ молитъ его о пощадѣ ссылаясь при этомъ на то, что онъ собственно чужой Гектору: „Я родился,—говорить онъ,—не отъ одной матери съ Гекторомъ“.

Въ миѳахъ геронческаго периода съ гениальною силою и простотою описывается борьба новаго времени съ старыми порядками. Персонификацией „новаго духа времени“ является Геркулесь—боецъ за мужское право. Онъ учредилъ въ честь Зевса большія религіозныя празднества въ Олимпіи и во время этихъ празднествъ всѣ женщины изгонялись изъ окрестныхъ святилищъ. „Женщины не могли приближаться дальше опредѣленной черты къ жертвенному алтарю Олимпіи, хотя въ той же Олимпіи нѣ-

когда находились храмъ и оракулъ матери богини Ген:—времена измѣнились...“¹⁾.

На почвѣ борьбы материнства съ отцовствомъ выростъ красивый миѳъ объ Орестѣ.

Клитемнестра убиваетъ своего мужа Агамменона; сынъ ея Орестъ, мстя за смерть отца, убиваетъ ее. Это трагическое происшествіе вызываетъ борьбу двухъ началъ: старого, материнскаго начала, требующаго смерти Ореста, и новаго, мужскаго начала, отстаивающаго Ореста. Аполлонъ, богъ новаго общественнаго строя, побудилъ Ореста отомстить за отца и онъ защищаетъ его отъ нападеній эринній, старыхъ хтоническихъ богинь. Загорается ожесточенный споръ о поступкѣ Ореста, голосованіе за и противъ его помилованія даетъ равное количество голосовъ. Тогда Аѳина, богиня-посредница, женщина, не способная быть матерью и не имѣвшая матери, кладетъ свой камень въ urnу за Ореста. Ореста оправдываютъ.

Въ лицѣ эринній выступаютъ защитницы материнскаго права не допускающаго, чтобы женщина могла быть обвиненной въ „уголовномъ“ преступленіи за убийство своего мужа и отца ея ребенка. „Она не была кровною родственницей своего мужа“, говорятъ эринніи и онѣ поэтому не мстятъ Клитемнестрѣ, но Орестъ убилъ свою мать, находящуюся съ нимъ въ кровномъ родствѣ и онѣ объявляютъ ему безпощадную месть.

„Развѣ она не носила тебя, обагренного кровью, подъ своимъ сердцемъ?
Отрекаешься ли ты отъ драгоценной крови своей матери?“

Съ негодованіемъ говорятъ эринніи Оресту. Но Аполлонъ вступается за Ореста и доказываетъ, что убийство отца такое же преступленіе, какъ и убийство матери:

Мать не творить дитя и не рождаетъ,
Но только, что посъяно—питаетъ.
Творить отецъ..

Эринніи вполнѣ понимаютъ все значеніе происходящей драмы гибели прежняго порядка.

Ты, юный богъ, колеблешь силы сплохъ временъ
Насъ, стариковъ, желаяши ниспровергнуть,

говорятъ онѣ.

Аѳина, рѣшая своимъ камнемъ приговоръ, говоритъ:

За Ореста кладу я этотъ камень,
Ибо у меня не было матери, которая бы меня родила.

1) Ср. Ю. Липпертъ „Исторія семьи“. Спб. 1897 г. стр. 62. Приводимые нами миѳы заимствованы изъ этой книжки Липперта.

— 1961 —

Менъе достойнымъ наказанія считаю я теперь убийство женщины,
Погубившей своего мужа, *главу дома*.

Хоръ эринній, потерпѣвшихъ пораженіе, жалобно поетъ:

О *новые* боги! Старый законъ и *старое* право
Нисправергаете вы, вырываете изъ моихъ рукъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что разборъ миѳовъ дѣйствительно свидѣтельствуетъ о совершившейся нѣкогда борьбѣ материнства съ отцовствомъ. На разборѣ миѳовъ и строить, главнымъ образомъ, свое доказательство Бахофенъ. „Преданіе, воплощенное въ миѳахъ,—говоритъ онъ.—заключаетъ въ себѣ точное отраженіе жизни тѣхъ эпохъ, въ которыхъ скрыть зародышъ эволюціи древняго міра. Они служать выраженіемъ первобытныхъ представлений, являются непосредственнымъ историческимъ откровеніемъ и слѣдовательно источникомъ колоссальной важности. Во всѣ времена поэзія безсознательно отражала законы окружающей ее жизни“¹⁾.

Тонкій знатокъ античныхъ миѳовъ, Бахофенъ такъ близко сжился съ ихъ міромъ, что стала придавать имъ реальное значеніе, стала впадать въ антропоморфизмъ, стала искать за понятіями реальныхъ носителей. Энгельсь справедливо замѣчаетъ: „Бахофенъ вѣрить въ эринній, Аполлона и Аѳину точно такъ же какъ древній Ахиллесъ“²⁾. Отсюда нѣкоторый мистицизмъ Бахофена, помѣшавшій ему установить реальную связь между трудовою жизнью и миѳами тогдашней эпохи. Между тѣмъ только подобное изслѣдованіе могло вскрыть источникъ поэтическаго творчества миѳовъ³⁾.

Но какъ бы тамъ ни было, Бахофенъ былъ родоначальникомъ научной разработки исторіи семьи. Научная мысль, получивъ отъ Бахофена толчокъ въ этомъ направлениі, продолжала упорно и успѣшно развиваться и однімъ изъ крупнѣйшихъ работниковъ въ этой области явился послѣ Бахофена Люисъ Морганъ, авторъ „System of Consanguinity and Affinity“ 1871 и „Ancien Society“.

Подобно Бахофену, самой первоначальной стадіей въ развитіи семьи Морганъ считаетъ беспорядочное половое сожительство, Эта форма „брака“ смѣнилась затѣмъ кровосмѣсительной семьей, въ которой уже исчезли половыя сношенія между родителями и дѣтьми. Родные и двоюродные братья и сестры были вмѣстѣ съ

¹⁾ Cp. Bachofen. Das Mutterrecht, 1861, s. 7.

²⁾ Fr. Engels. Der Ursprung der Familie etc. Stuttgart. 1892, s. XIV.

³⁾ „Обряды, привязанные къ извѣстнымъ отношеніямъ пастушескаго или земледѣльческаго быта, всегда были общимъ достояніемъ народа, выражая присущую ему потребность—идеализировать обиходную сторону своей трудовой жизни“ (А. Н. Веселовскій. Сравнительная миѳология и ея методъ. „Вѣстникъ Европы“, 1873 г., № 10, стр. 651).

тѣмъ мужьями и женами и находились въ половой связи другъ съ другомъ. Кровосмѣсительная связь была постепенно вытѣснена „товарищеской“ семьей, семьей „пуналуа“, какъ ее называетъ Морганъ. При этой формѣ семейной организаціи половыя сношенія между родными и двоюродными братьями и сестрами уже исключены и замѣнены такъ называемымъ групповымъ бракомъ. Половыя сношения допускаются лишь между членами различныхъ группъ, при чемъ всѣ братья одной и той же группы имѣютъ общихъ женъ, (изъ которыхъ исключаются сестры этихъ братьевъ), а всѣ сестры—общихъ мужей (изъ числа которыхъ исключены ихъ братья). Четвертой стадіей въ развитіи семьи явилась парная семья; здѣсь мужъ живеть съ одною женой, отъ которой требуется полная супружеская вѣрность, мужу же не запрецается имѣть связь съ другими женщинами. Наконецъ появляется моногамная семья цивилизованныхъ народовъ, брачный союзъ одного мужчины съ одною женщиной.

Таково схематическое изображеніе развитія семейной организаціи. Параллельно съ этимъ Морганъ излагаетъ и эволюцію общественного строя. Здѣсь крупнейшей заслугой Моргана является доказательство тождества семейной организаціи американскихъ индѣйцевъ съ „родомъ“ римлянъ и грековъ. Скрѣпляющимъ началомъ „рода“ является происхожденіе отъ одного общаго предка, въ началѣ развитія—отъ одной общей матери. Являясь сплочивающимъ элементомъ рода, мать пользовалась огромною властью, господствовало материнское право. Дѣти должны были всегда оставаться въ родѣ матери и наслѣдство переходить по материнской линіи—не къ дѣтямъ, а къ братьямъ матери. Изъ первоначальной общественной ячейки, рода, постепенно развились другія формы общественного быта; прежде всего фратрія, представлявшая кооперацію нѣсколькихъ родовъ; соединеніе въ одно нѣсколькихъ фратрій образовало племя, характеризующееся своимъ особымъ именемъ, центральнымъ управлениемъ, общею территоріальною собственностью. Отдельные племена слились затѣмъ въ союзъ племенъ, при чемъ развилась извѣстная автономность отдельныхъ членовъ союза.

Подобный ходъ развитія общественной организаціи замѣчается одинаково и у первобытныхъ американскихъ индѣйцевъ и у грековъ. Нѣкоторые народы миновали стадію фратріи, у нѣкоторыхъ такъ и не развился союзъ племенъ, но у всѣхъ у нихъ существовалъ нѣкогда „родъ“. Развитіе частной собственности сдѣлало первую брешь въ родовой организаціи: оно привело къ вытѣсненію материнского права отцовскимъ. Отцовское право, съ наследованіемъ по отцовской линіи, подавило основы родовой организаціи, такъ какъ имущество богатой невѣсты, выходящей замужъ,

— 1963 —

стало уходить изъ своего рода въ чужой, въ родъ мужа. Идеи Моргана встрѣтили ожесточенную критику, въ которой, къ сожалѣнію, далеко не послѣднюю роль сыгралъ своего рода „приматъ практическаго разума“¹⁾). Здѣсь прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что современныя изслѣдованія дѣлаютъ весьма сомнительнымъ существованіе стадіи беспорядочнаго полового сожительства, полнаго отсутствія регламентаціи брачныхъ спошений. Въ настоящее время не существуетъ ни одного племени съ беспорядочнымъ половымъ сожительствомъ и нѣть основанія предполагать, чтобы оно когда-либо существовало; беспорядочное половое сожительство рѣдко даже встречается у млекопитающихъ, и у животныхъ обыкновенно выключаются нѣкоторыя половыя спошенія, по крайней мѣрѣ между родителями и потомствомъ.

Ошибка Моргана заключалась въ томъ, что онъ придалъ современный смыслъ первобытнымъ словамъ „мать“ и „отецъ“, „брать и сестра“ и отрывъ фактъ, что братъ, сплошь и рядомъ называется напр., свою сестру „матерью“ предположилъ существованіе между близкайшими родственниками половыхъ спошений, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ указанное явленіе было порождено возрастной группировкой, придававшей совершенно своеобразное значеніе словамъ „мать“, „отецъ“, „брать“ и „сестра“. Многіе авторы указывали, что именно возрастная группировка была первоначальной стадіей брачной организаціи (назовемъ Леббока, Всетермарка и др.), но наиболѣе стройное теоретическое развитіе и наиболѣе солидное фактическое подкрѣпленіе эта идея получила въ весьма дѣльныхъ трудахъ Кунова: „Die Verwandschaftsorganisation bei Australneger“ Stuttgart, 1894 и „Die ökonomischen Grundlagen der Mutterherrschaft“, „Neue Zeit“, 1897, №№ 4—7. Ту же самую идею доказываетъ Гроссе въ своемъ трудахъ: „Формы семьи и формы хозяйства“ (Москва, 1897).

П. Берлинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Предъ лицомъ нѣкоторыхъ критиковъ Морганъ оказался повиненъ даже въ томъ, что... „соціалисты“ превозносили его сочиненіе. Уже одного этого для многихъ оказалось достаточнымъ для того, чтобы обрушиться на Моргана. Извѣстный испанскій ученый Позада говорить напр. „Трудъ Моргана, который временами кажется несомнѣнно фантастическимъ, замѣчательенъ тѣмъ, что соціалисты считаютъ его, какъ это видно изъ книги Энгельса, наилучшимъ синтезомъ матеріалистического воззрѣнія на исторію“ (А. Позада. Происхожденіе общества и государства. Одесса, 1897, стр. 37). Бѣдный Морганъ! А впрочемъ, вѣрнѣе: „Бѣдный Позада!“

Европа до революції 1789 г.

Розвитіє абсолютизма.

Іспанська борьба тридцатилітній війни окончилась въ 1648 году. Несмотря на упорную войну, жертвой которой была Германия, ни древняя, ни новая церковь не одержали победы. Европейские народы, утомленные, отказались продолжать споръ о вѣроисповѣданіяхъ. Времена реформаціи приходили къ концу и наступала новая эра.

Самая характерная черта, придавшая этому періоду особенную окраску до французской революціи, это устраненіе средневѣковаго сословнаго порядка и постепенное развитіе абсолютизма. Феодальныя государства съ ихъ сословными представителями заключали власть государя въ тѣсныя границы, что, конечно, служило на пользу не всего народа, а лишь меньшинства привилегированныхъ классовъ: духовенства, дворянства и городского патриціата. Въ теченіе семнадцатаго и восемнадцатаго вѣка эти границы падаютъ, а государи европейскаго континента укрѣпляютъ свою власть какъ «бронзовую скалу». Но каковы были причины этого всюду совершающагося процесса?

Сословное правление имѣло слабыя стороны, которые обезоруживались при столкновеніи съ сильнымъ и недобросовѣстнымъ соперникомъ. Города и дворянство постоянно враждовали, и интересы ихъ были вполнѣ противоположны. При этомъ городской патриціатъ отличался мелочностью и ограниченностью міровоззрѣнія, землевладѣльцы-дворяне были грубы, склонны къ насилию и не обладали духовнымъ, нравственнымъ и материальнымъ могуществомъ. Цѣли сословныхъ собраній никогда и нигдѣ не были общими, стремящимися къ достижению блага всего государства и каждого изъ его членовъ, но каждый изъ привилегированныхъ классовъ дѣйствовалъ только сообразно узкому эгоизму въ свою пользу, въ ущербъ другимъ. Достаточно будетъ привести лишь нѣсколько примѣровъ. Датское дворянство, которое держало въ своихъ рукахъ государство болѣе чѣмъ въ теченіе столѣтія (съ 1523—1660) измѣнническимъ образомъ стремилось лишь къ тому, чтобы погубить могущество и боевую силу Даніи съ цѣлью ослабить власть короны. Кромѣ того оно присвоило себѣ впослѣдствіи девять десятыхъ всей земли, поработило всѣхъ крестьянъ, обративъ

— 1965 —

ихъ въ крѣпостныхъ, освободилось отъ всякихъ общественныхъ обязанностей.

Точно такимъ же далеко не патріотическимъ образомъ дворянство Швеціи въ исходѣ среднихъ вѣковъ благопріятствовало датскому владычеству; національная партія, напротивъ того, искала опору въ крестьянахъ и въ низшемъ городскомъ сословіи.

Въ Германіи дворянство окончательно лишило самостоятельности деревенскихъ жителей, послѣ великой крестьянской войны 1525 года, и въ особенности послѣ ужасающихъ опустошеній тридцатилѣтней войны, которая вполиъ лишила сельское пародонаселеніе всякой материальной и моральной силы.

Тогда-то крестьяне лишились послѣдней тѣни свободы: вмѣсто прежнихъ опредѣленныхъ услугъ ихъ принуждали къ тягостной работѣ и тяжелымъ налогамъ въ пользу землевладѣльца, судебная власть которыхъ хотя и подчинялась государственнымъ трибуналамъ, но безъ особенного успѣха. Выборъ занятій и женитьба зависѣли отъ согласія помѣщика; во многихъ мѣстностяхъ Германіи крестьянъ продавали, какъ рабочій скотъ. Тяжесть государственныхъ податей всецѣло падала на крестьянъ. Если такова была добрая воля помѣщика, то онъ могъ ихъ «снять», т. е. безъ вознагражденія согнать изъ дома и со двора, а то и другое отнять для собственнаго пользованія.

Высшіе классы цѣнили дичь выше человѣческой жизни; за простую защиту со стороны крестьянъ своихъ собственныхъ полевыхъ плодовъ отъ прозорливой дичи они подвергались жестокимъ тѣлеснымъ наказаніямъ. До самой французской революціи во многихъ мѣстахъ Германіи лѣсничіе вознаграждались деньгами «за убитыхъ браконьеровъ». Въ городахъ же масса горожанъ была лишена не только права занимать должности, но и выборнаго права, и все это въ пользу иѣсколькихъ семействъ патриціевъ.

Не удивительно послѣ этого, что остальное большинство народа, насколько оно не чуждалось вообще общественныхъ интересовъ, благодаря полному отупѣнію, чувствовало глубокую ненависть къ привилегированнымъ сословіямъ. Кромѣ того эти послѣдніе и между собой вели распри, что давало государямъ удобный случай, натравливая одно сословіе на другое, побѣждать одно сословіе посредствомъ другого. Собрания чиновъ происходили не регулярно, и между ними нерѣдко проходилъ промежутокъ времени въ нѣсколько лѣтъ; такимъ образомъ у нихъ не могло быть и рѣчи ни о цѣлесообразныхъ настойчивыхъ дѣйствіяхъ, ни о привычкѣ къ веденію общественныхъ дѣлъ—въ то время какъ государь, окруженный цѣлымъ штабомъ искусственныхъ и преданныхъ чиновниковъ, былъ въ состояніи, съ полнымъ сознаніемъ цѣли, стремиться къ достижению ея, и такимъ образомъ приобрѣть значительный перевѣсъ надъ городскими корпораціями. Въ протестантскихъ странахъ кромѣ того недоставало самого могущественнаго сословія, а именно духовнаго, а въ католическихъ оно во время религіозной борьбы до того нуждалось въ защите правителей, что ему не легко было отказывать имъ въ повиновеніи и въ подчиненіи ихъ власти.

Эгоистическая дѣйствія и недостатокъ въ общемъ согласіи феодальныхъ сословій тѣмъ менѣе дѣлали ихъ способными къ управлению госу-
появръ

дарствомъ, что задачи послѣдняго, при возрастающей культурѣ, при быстромъ усиленіи торговыхъ сношеній, ремесль, благосостоянія и образованія, становились все обширнѣе и затруднительнѣе. Благодаря всему этому для управления требовалось раздѣление труда, техническая подготовка, цѣлесообразныя дѣйствія, которыхъ нельзѧ было ожидать отъ временныхъ собраний, въ которыхъ преобладали простые, деревенскіе землевладѣльцы.¹⁾. Чувствовалась необходимость въ однородной, цѣлесообразно раздѣленной и направляемой свыше администраціи, съ чиновниками пожизненно назначаемыми и хорошо подготовленными въ специальныхъ позиціяхъ. Низменные побужденія и грубая торопливая работа средневѣковыхъ сословій стали непримѣнимы въ обществѣ, которому приходилось заботиться о церкви и школѣ, объ интересахъ торговыхъ и промышленныхъ, при чемъ приходилось вникать во всѣ мелочи, которому надо было устраивать пути сообщенія на водѣ и суши, поднять науки, искусства, нравственность, создать могущественную военную силу. При такихъ обстоятельствахъ неминуемо должна была возрасти сила центральной власти государства. Она еще увеличилась, благодаря усиливающемуся изученію римского права, которое распространило взгляды на власть монарха и обязанности подданныхъ, діаметрально противоположные взглядамъ, господствующимъ въ средніе вѣка. Юристы, которыхъ монархи преимущественно избирали для своего услуженія, были безусловными защитниками государственной власти противъ всякихъ притязаній на особыя права и особыя требованія.

Кромѣ того въ большей части европейскихъ государствъ власть монарха усиливалась теченіемъ, бывшимъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ продолжительныхъ и тяжелыхъ междуусобицъ. Такъ, въ Испаніи въ теченіе 1520 и 1521 годовъ возстаніе сословій, *comuneros*, наполнило все государство борьбой и убийствами. Возстаніе было подавлено, такъ какъ дворянство, руководимое мелочною завистью къ гражданамъ, присоединилось къ королю. Но зато и оно съ тѣхъ поръ потеряло всякое значеніе въ королевствѣ, и всѣ классы народа населенія старались перешеголять другъ друга въ самоуничтоженіи и покорности относительно монарха. Послѣдніе остатки свободы на Иберійскомъ полуостровѣ—во владѣніяхъ престола Арагонскаго—были уничтожены во время неудачнаго сопротивленія этихъ провинцій новой Бурбонской династіи, въ 1714 г.

Еще сильнѣйшему и жесточайшему опустошенію подверглась Франція, благодаря религіознымъ войнамъ, свирѣпствовавшимъ съ фанатическою жестокостью въ теченіе сорока лѣтъ. Сотни тысячъ людей пали жертвою войны, или же были хладнокровнѣйшимъ образомъ умерщвляемы; всѣ провинціи были переполнены развалинами блестящихъ замковъ, а нѣкогда цвѣтущи мѣстности были опустошены; никто не могъ бытьувѣренъ въ неприкосновенности своего имущества или своей жизни, а нѣкогда такое

¹⁾ О рабскомъ состояніи крестьянъ, отъ 1650 г. до Наполеонскихъ войнъ см.: G. J. Кнэрр. Освобожденіе крестьянъ въ старинныхъ частяхъ Пруссіи (2 тома Лейпцигъ, 1887). Fr. Grossmann Правовые отношения землевладѣльцевъ и крестьянъ въ Бранденбургѣ. (Schmoller, Государственная и соціальная изслѣдованія IX, IV). K. Grünberg, Освобожденіе крестьянъ въ Богеміи, Моравіи и Силезіи (2 г. Лейпцигъ, 1894).

значительное преобладание Франции по отношению к другим державам исчезло совершенно. Это безграничное несчастие вызвало во всех классах французского народа почти что страстное стремление к покоре. Все желали одного: мира, порядка, безопасности и возсоединения и могущества Франции. А каким образом легче было решить эту задачу, как не посредством неограниченной монархической власти? В Генрих IV Франция нашла короля, умевшего воспользоваться этими благоприятными обстоятельствами для основания славного и всем полезного абсолютизма. До какой степени все сердца были преданы Генриху IV, стало ясно после смерти великого короля, во время несовершенства его сына, Людовика XIII. Несмотря на все громкую обещания, попытки восстания со стороны высшего дворянства не встретили сочувствия у народа. Безусловная потребность покоя, которого требовало большинство французов, дала возможность кардиналам Ришелье и Мазарини окончательно укрепить королевское всемогущество.

В Германии по преимуществу тридцатилетняя война была причиной, упадка хозяйственной и нравственной силы сословий, а, следовательно, она же и подготовила почву для монархического самодержавия. И здесь страшное кровопролитие, пытки и ужасы войны вызвали потребность в мире, в охране, в порядке; народ согласен был повиноваться в том случае, если сильная власть возстановить уничтоженные права собственности и сделает вообще жизнь возможной. И дворянство, и города слишком ослабли и обединились, чтобы быть в состоянии серьезно противостоять планомерным захватам власти со стороны правительства. Во избежание частных собраний, влекущих за собой потерю времени и денег, они избирали депутатации, а монархи легко приходили в соглашение съ незначительным числом членов этих депутатаций. Благодаря постоянному вращению в кругу общества и приближенных монарха, благодаря страсти к чинам и титулам, благодаря угрозам лишением высочайшей милости, любовь к свободе была подавлена у многих. В постоянной борьбе за существование монархи могли не обращать внимания на мнение сословий, тем более, что денежные субсидии, выдаваемые ими у других монархов, давали им возможность обходиться без сословий. Германский абсолютизм отличался от абсолютизма других стран лишь тем, что усиление власти послужило на пользу не главному монарху т. е., немецко-римскому императору, а мелким владельцам князьям. Причиной этого явления было то обстоятельство, что государство давно потеряло характер единства, так что все вопросы управления почти целиком решались отдельными правительствами. Таким образом мелкие владельческие правительства могли, напрекор праву, отказывать в повиновении императору и одновременно нарушать права отдельных сословий. После тридцатилетней войны Мозерош (Moscherosch) приписывал государю следующие слова: «Я господин, вопреки всякому, право здесь, право там, пусть всякий поступает по моему желанию. Кто же этого не сделает, тот лишится чести и имущества. Я — право, горе тому, кто мне сопротивляется». («Ich bin der Herr, Trotz der sich sperrt. Recht hin, Recht her, ein jeder thue, was ich begehr. Wer das nicht thut, dem kostet's Ehre und Gut; Ich bin das Recht, Trotz der mir wi-

derfecht»). Курфюрстъ баварскій, Максимилианъ, столь известный въ исторіи тридцатилѣтней войны, совѣтовалъ въ предсмертныхъ своихъ распоряженіяхъ своему преемнику по возможности обезсилывать сословія и, если бы они причиняли напрасныя затрудненія, «unnötige Diffikultäten», то пустить въ дѣло свою власть и свое право, тѣмъ болѣе, что «государь не нуждается въ ихъ согласіи, а долженъ пользоваться своимъ преимуществомъ какъ властитель страны». Очевидно, здѣсь проповѣдывается полная власть, теорія абсолютизма со стороны монархіи. Эта теорія была фактически приведена въ исполненіе преемникомъ Максимилиана, курфюрстомъ Фердинандомъ Марія. Представители сословій не приносятъ монарху ни чести, ни пользы, отъ нихъ «становящихся возлѣ монарха, присваивающихъ себѣ равенство или consortium imperii, монархъ извлекъ бы лишь плохую честь и репутацію и мало пользы. Законный государь имѣть право, въ силу своего положенія монарха и своего главенства, возлагать подати на государственные сословія и на своихъ подданныхъ». Но еще рѣзче обрисовывается новое положеніе германского монархизма изреченіе герцога Іоанна Ганноверскаго въ (1676 г.): «въ своей странѣ я—императоръ».

Послѣ достиженія неограниченной власти нѣмецкіе княжескіе роды впервые въ исторіи начали играть значительную роль и въ европейской политикѣ: такъ, напр., Гогенцоллерны Бранденбургскіе, Гельфы Брауншвейгскіе и Ганноверскіе, Виттельсбахеры Баварскіе. Въ столѣтіи, слѣдовавшемъ за великою войною, три изъ этихъ княжескихъ домовъ достигаютъ королевской короны: польской, прусской, англійской; одинъ изъ Виттельсбахеровъ удостоился благороднѣйшей во всемъ мірѣ діадемы—а именно діадемы римской имперіи. И такъ изъ вассальныхъ фамилій произошли такія могущественные европейскія династіи.

Но еще гораздо большие чиновничества служило опорой новоокрѣпшей власти постоянное войско, замѣнившее повсюду недостаточный и нецѣлесообразный войска, поставляемый дворянствомъ. Преимущества наемныхъ войскъ, оплачиваемыхъ правительствомъ, а потому вполнѣ отъ него зависимыхъ и служащихъ ему своимъ оружіемъ безразлично противъ вѣнѣнія и внутренняго врага, были настолько значительны, что правительства перестали пользоваться ленными арміями. Дворянне были рады освобожденію отъ этой стѣснительной и опасной обязанности и во время ландтаговъ и рейхстаговъ съ готовностью давали согласіе на значительные суммы для наемныхъ войскъ—причемъ они эти суммы черпали, конечно, не изъ своего кармана, а изъ кошельковъ крестьянъ и горожанъ. Но они при этомъ упустили изъ виду то обстоятельство, что давая монархамъ въ руки постоянно наостренный мечъ, они тѣмъ самымъ разоружались, и что, слагая съ себя обязанность защиты страны, они тѣмъ самымъ отказывались отъ своихъ прерогативъ, такъ какъ имъ грозила опасность потерять ихъ навсегда. Постоянное наемное войско оказалось абсолютизму величайшія услуги. Благодаря ему Ришелье и Мазарини подавляли повторяющіяся восстанія—дворянства, парламента, демократіи большихъ городовъ, гугенотовъ, церкви. Съ его помощью испанскимъ королямъ удалось удержать въ нововведеніи возставшія провинціи Арагонскую, Неаполь, Португалію и Бельгію. Съ его помощью Бенециа подавила

недовольное дворянство и стремящееся къ свободѣ города своихъ сухопутныхъ владѣній «terra ferta». Съ его помощью иѣмецкіе монархи проводили свои измѣнивые «реформаціи» въ дѣлахъ вѣры. Съ помощью властителя, вродѣ великаго курфюрста Бранденбургскаго, уничтожили могущество сословій, налагая безъ согласія представителей сословій подати при помощи оружія и такимъ образомъ доказали «господамъ сословіямъ» ихъ беспомощность и незначительность. Наконецъ съ его-же помощью Габсбурги разрушили до основанія политическую и религіозную свободу своихъ королевствъ, Богеміи и Венгрии. Главной причиной паденія Карла I Стюарта, короля англійскаго, было то, что онъ не обладалъ постояннымъ хорошо обученнымъ войскомъ.

Но европейскіе народы привыкали лишь постепенно и медленно къ понятію о монархическомъ самодержавії. Теорія государственного права слѣдовала по стопамъ развивающихся фактовъ. Еще въ послѣдней четверти шестнадцатаго столѣтія въ литературѣ преобладало антимонархическое революціонное направление, которое, будучи основано церковными публицистами среднихъ вѣковъ, усилилось благодаря борьбѣ реформаціонного времени и возникшей въ это время теоріи о правѣ, болѣе того—объ обязанности убийства тирановъ, что проповѣдывали въ Испаніи Мартьяна, въ Шотландіи Ноксъ (Knox) и Бухананъ (Buchanan), во Франціи Готманъ, Лаше, Россе, Буше. Протестанты и католики — единогласно защищали теорію права каждого народа лишать престола, заключать въ темницу, даже, въ случаѣ надобности, убивать несправедливаго, клятвоупрѣступнаго или еретика - монарха ¹⁾). Но постепенно другія мнѣнія стали одерживать верхъ, — мнѣнія совершенно противоположныя. Уже въ первыхъ десятилѣтіяхъ семнадцатаго столѣтія иѣмецкая публицистика объявляла о наступлении монархического абсолютизма. Въ это время Арнізэусъ (Arnisäus) приписывалъ монархамъ право собственности надъ всѣми земельными угодіями, находящимися въ его государствѣ; Эренбергъ (Ehrenberg) изъ всѣхъ средствъ охраненія противъ злыхъ монарховъ допускаетъ лишь изгнаніе. Ипполитъ съ холмовъ (Hippolyt de Collibus) требуетъ отъ правителя весьма обширшаго вліянія на поднятіе и охрану благосостоянія народнаго на всѣхъ возможныхъ поприщахъ.

Но истиннымъ основателемъ абсолютистической теоріи былъ англичанинъ Тома Гоббесъ (Thomas Hobbes) въ своихъ произведеніяхъ «Elementa philosophica de cive» (1642) и «Leviathan» (1651). Гоббесъ бралъ исходной точкой естественное состояніе человѣка, когда каждый отдельный индивидуумъ, пискомъ не думая о другихъ, ищетъ исключительно своей выгода. Изъ этого вытекаетъ всеобщая междуусобная война всѣхъ противъ каждого, что влечетъ за собой всеобщій страхъ и всеобщія бѣдствія.

Чтобы избавиться отъ этого невыносимаго положенія, люди, въ силу государственного договора, вручаютъ власть охраны мира одному лицу — королю. Такимъ образомъ на этого послѣдняго падаетъ обязанность сохранять миръ и порядокъ посредствомъ военной силы, законовъ и конституціонныхъ правилъ, заставляя людей уважать обьюздыя права. Другой

¹⁾) Hume Brown, Buchanan (Эдинбургъ, 1890) стр. 266 ff. Treumann, die Monarchomachen (Лейпцигъ, 1895).

цѣли правительство не имѣть: его единственная задача — общественное благо, и никто не имѣть права противоборствовать его стремлѣніямъ. Оно даже вправѣ назначать государственную религію.

Ученикомъ Гоббса, но не обладающимъ его политической рѣзкостью, вызванной у Гоббса революціей, свирѣпствовавшей въ его отечествѣ, можетъ считаться пѣмецъ Самуилъ фонъ-Пуфendorфъ. Въ своемъ «*Jus naturae de gentium*» онъ приписываетъ правительству высочайшую власть, выражающуюся на судебномъ, законодательномъ, военномъ и конституционномъ поприщѣ, а также признаетъ за нимъ неограниченное право взиманія податей, а также право опеки надъ подданными въ соціальномъ и экономическомъ отношеніи. Подобные задачи предписывались въ прежніе вѣка разве только церкви, но никоимъ образомъ не свѣтскимъ правителямъ. На практикѣ абсолютизмъ монархическій семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтій развивался тремя послѣдовательными фазисами¹⁾. Сначала мы встречаемся съ конфессиональнымъ абсолютизмомъ до Тридцатилѣтней войны, стремящимся управлять по собственному произволу совѣстью подданныхъ. Главный доктринальный догматъ здѣсь гласитъ: «*Cujus regio, ejus religio*». Такъ мы видимъ, что въ Германіи иѣкоторыя княжескія семьи — какъ, напр., князья Пфальца, — мѣняютъ по иѣсколько разъ свое вѣроисповѣданіе и всякий разъ къ тому же призываютъ и своихъ подданныхъ. Государство пестрить конфессиональными районами, смотря по рѣшеніямъ государей, правителей и городского управления. Генрихъ VIII англійскій преобразовываетъ религіозныя отношенія въ своемъ государствѣ сообразно съ различнымъ настроениемъ духа, вытекающимъ изъ его брачныхъ дѣлъ и подъ влияниемъ своихъ, вѣчно мѣняющихся, любимцевъ, а послѣ смерти тирана Англія вынуждена сообразоваться то съ строго протестантскимъ взглядомъ Эдуарда VI, то съ фанатически католическими воззрѣніями Маріи Тюдоръ, то съ умбрешнымъ протестантизмомъ Елизаветы. Новое ученіе жестоко преслѣдуется монархами Италии, а также королями Испаніи и Польши, старое — скандинавскими монархами.

Послѣ окончанія великой религіозной войны, не принесшей никакихъ положительныхъ результатовъ, наступаетъ эпоха абсолютизма характера *придворного*, а именно сосредоточеніе всего понятія о государствѣ въ лице монарха. Самый блестящій представитель этого фазиса — Людовикъ XIV французскій, которому totчасъ же стали подражать всѣ монархи — великіе, средніе и мелкіе. Всѣ живыя силы народа, даже дѣйствующія въ искусствахъ, наукахъ, литературѣ должны собираться вокругъ властителя. Если допустить даже, что пресловутое изреченіе «*L'état, c'est moi!*» никогда не было произнесено, то все же оно обратилось въ дѣйствительность. Для Франціи было гибельно то обстоятельство, что она удерживала еще эту форму абсолютизма въ такое время, когда она всюду въ другихъ государствахъ была вытѣснена успѣхами культуры и просвѣщеніемъ абсолютизму. Когда Людовикъ XVI попытался провести просвѣщенный абсолютизмъ въ Парижѣ, онъ потерпѣлъ пораженіе, отчасти вслѣдствіе слабости характера и недостатка въ способностяхъ, отчасти потому, что антимонархиче-

¹⁾ Это подраздѣленіе введено сначала W. Roscher'омъ въ *Allgem. Zeitschrift*, издававшейся Ranke (1847), затѣмъ много разъ повторялось; оно совершенно правильно.—Сравн. Roscher, *Politik*. (Stuttgart).

ские элементы были въ творческое время ужъ слишкомъ сильны. — Творцомъ просвещенного абсолютизма былъ несомнѣнно Фридрихъ Великий, король прусскій, съ его излюбленнымъ изречениемъ: «Правитель — первый слуга государства». Знаменитейшимъ ученикомъ и послѣдователемъ Фридриха былъ Іосифъ II, императоръ австрійскій. Теперь ужъ не приписывалось главного значенія праву и пользованію королевской властью. Монархъ усматриваетъ въ обладаніи этой властью тяжелую, отвѣтственную обязанность. «Не нація существуетъ для правителя, а правитель для націи» — изрекаетъ въ Россіи законодательная комиссія, созданная Екатериной II. А Леопольдъ Тосканский пишетъ своей сестрѣ: «Я полагаю, что монархъ, хотя бы и наследственный, лишь уполномоченный представитель народа». Этотъ монархъ посвящаетъ всю свою жизнь государству, которое онъ желаетъ сдѣлать по возможности великимъ, могущественнымъ и богатымъ, онъ воюетъ древнее понятіе о государствѣ во всей его полнотѣ. Но именно поэтому онъ уничтожаетъ всякую самостоятельность помимо королевской, которая должна была управлять всѣми нитями жизни государства ко благу этого послѣдняго. Ни церковь, ни община, ни отдельные индивидуумы, ни вся нація не имѣютъ права на самостоятельную дѣятельность — лишь монархъ, въ качествѣ представителя цѣлая, имѣть право требовать подчиненія. Это была система строжайшей централизации, система, приводящая къ великимъ результатамъ до тѣхъ поръ, пока во главѣ правленія находится гениальный, но сдержаный и творческий монархъ, по которому оказывается вполнѣ несостоятельной, лишь только правителю не достаетъ хоть одного изъ вышеперечисленныхъ качествъ. Такъ случилось въ Австріи даже во время правленія самого Іосифа II, то же произошло и въ Пруссіи въ 1806 году.

Такъ какъ каждая изъ этихъ формъ абсолютизма наиболѣшимъ образомъ соотвѣтствовала обстоятельствамъ того времени, когда она господствовала, то тотъ монархъ, который наимогущественнѣйшимъ образомъ проводилъ въ жизнь каждую изъ этихъ формъ, пользовался и наиболѣшимъ вліяніемъ на свою эпоху. Такъ было съ Филиппомъ II въ XVI вѣкѣ, съ Людовикомъ XIV — въ XVII, съ Фридрихомъ II въ XVIII вѣкѣ.

Большая часть периода отъ конца эпохи реформаціи до французской революціи, а именно периодъ въ 130 лѣтъ отъ 1620 приблизительно до 1750 года, отличается придворнымъ абсолютизмомъ, проявляющимся въ отдельныхъ изъ его представителей еще до самаго великаго переворота. Монархи этого рода считали себя солидарной кастой. «Какъ бы плохъ ни былъ монархъ», говорить Людовикъ XIV по поводу восстания португальцевъ противъ господства Испаніи, «все же восстаніе его подданныхъ преступно. Тотъ, кто даровалъ людямъ королей, желалъ, чтобы ихъ почитали какъ его намѣстниковъ, и удержалъ за собой право судить ихъ поведеніе. Его воля такова, чтобы люди, родившіеся подданными, повиновались слѣпо». Ничто такъ не раздражало этого монарха противъ голландцевъ, въ Аахенскомъ мирѣ 1668 года какъ то обстоятельство, что эти республиканцы осмѣялись предписывать ему, королю, правила его вѣнчаной политики. Со стороны монарха Людовикъ, можетъ быть, и потерпѣлъ бы подобное поведеніе; но купцы, самонадѣянные торговцы, заслуживали, по его мнѣнию, примѣриаго наказанія за подобную дерзость. Вѣдь по общему

мнѣю королевская власть обладала божественной силой. Въ доказательство этого короли Франціи,—а вслѣдствіе того, что со временемъ Эдуарда III и короли англійскіе имѣли притязанія на обладаніе Франціей, то и короли Англіи—обладали мистической властью исцѣлять прикосновеніемъ золотуху. Нерѣдко народъ стекался тысячами даже изъ Испаніи и Португалии ко французскому двору, чтобы подвергнуться подобному лѣчению. Карль II въ теченіе своего царствованія прикоснулся болѣе чѣмъ къ 100,000 лицамъ; въ 1658 году только, онъ прикоснулся къ 8,500 лицамъ. Вѣра въ эту силу подкрѣплялась государственнымъ совѣтомъ, всѣмъ духовенствомъ, Оксфордскимъ университетомъ и всѣмъ народомъ. И это во времена Бэкона, Мильтона, Гоббса, во времена Локка! Это торжество совершилось въ церкви, на особой литургіи. Во Франціи эта комедія окончилась лишь съ паденіемъ всего стараго режима, въ 1789 г. Въ Англіи—на сто лѣтъ раньше, но не вслѣдствіе общаго просвѣтленія, а вслѣдствіе сопротивленія короля Вильгельма подчиниться такому смѣшному обычаю, за что, между прочимъ, его горько винили.

Уже въ Испаніи, послѣ полнаго подавленія религіозныхъ несогласій внутри государства и послѣ установленія дружескихъ отношеній съ государствами другихъ вѣроисповѣданий, монархія утеряла конфесіональный характеръ абсолютизма и замѣнила его придворно-абсолютныій. Кальдеронъ всегда изображаетъ короля образцомъ высочайшей мудрости и справедливости, рыцари и гранды различиѣшихъ временъ и странъ всегда покорнѣйшіе и всеподанныѣйшіе придворные кавалеры. Преступные государи, вродѣ Петра Жестокаго, выставляются имъ въ просвѣтленномъ видѣ, благодаря волшебной неприкословности личности монарха; совершенно же незначительные государи, какъ, напримѣръ, Карль II Испанскій, ставятся имъ на одну доску съ Александромъ Великимъ.

Подобный обоготворяемый король долженъ быть окруженъ посвященными лично его служенію жрецами, поклонниками и слугами, и эта роль выпала на долю дворянства.

Королевская власть лишила это сословіе всякой самостоятельной власти, заставила его разрушить свои укрѣпленные замки и распустить свои войска, въ денежнѣомъ же отношеніи старалась его все тѣснѣе связать съ собой и вознаграждала его за всѣ его потери внѣшнимъ блескомъ. Дворянъ старались привлечь ко двору, такъ что исключительно они были приближенными государя, назначались на высшія должности въ управлении государствомъ и въ войскахъ; ихъ осыпали титулами и подарками. Потомки тѣхъ самыхъ гордыхъ родовъ, которые еще недавно сопротивлялись своимъ монархамъ, воевали съ ними и заключали съ ними договоры,—оперничали теперь въ унизительномъ услуженіи, оспаривали другъ у друга право надѣть своему властелину рубашку или подержать ему умывальникъ; все ихъ существованіе повидимому всецѣло зависѣло отъ улыбки или нахмуриванія бровей помазанника Божьяго. Герцогъ Ришелье писалъ госпожѣ де-Мантенонъ: «Простите великую смѣлость, съ которой я рѣшаюсь послать вамъ это письмо, которое я пишу Королю. Я въ немъ умоляю его колѣнопреклоненно дозволить мнѣ хотя бы изрѣдка являться къ нему на поклонъ; ибо я охотнѣе умеръ бы, нежели не видать его въ теченіе двухъ мѣсяцевъ». Въ награду за подобную покор-

ность лишь дворянство уважалось королемъ, а высшіе его представители удостаивались названія «*mon cousin*»; остальныхъ гражданъ официально называли *ignobles, objects, indigues*. Все населеніе самымъ заботливымъ образомъ дѣлилось на многочисленные разряды: въ Австріи Карлъ VI раздѣлилъ народъ на 63 сословныхъ разряда, въ Пруссіи же король Фридрихъ I создалъ 142 разряда. Каждый разрядъ выказывалъ глубочайшее пренебреженіе нижестоящему разряду; но особенно велико было различіе между «благородными господами» и покорно передъ ними склоняющимися гражданами. Тогда же вошло въ обычай возводить заслуженныхъ гражданъ въ дворянство. Сто лѣтъ раньше былъ бы совершенно невозможенъ «дворянинъ Лютеръ» или «баронъ Меланхтонъ».

Но по отношенію къ монарху всѣ сословія были равно бессильны. Королевская власть располагала неограниченнымъ правомъ надъ жизнью и имуществомъ каждого подданиаго, безъ различія происхожденія; деньги и земли, которыя король оставлялъ во владѣніи кого-либо изъ великовѣдущія, въ сущности принадлежали ему настолько же, какъ и суммы, которыя они причисляли къ государственной казнѣ. Лувуа (*Louvois*) имѣлъ полное основаніе сказать своему королю: «всѣ ваши подданные, кто бы они ни были, обязаны вамъ жертвовать личностью, кровью, имуществомъ; но жертвуя вамъ всѣмъ, они собственно ничего не даютъ вамъ, такъ какъ все принадлежитъ вамъ».

Въ дѣствѣ Людовикъ XIV для упражненія въ письмѣ переписывалъ фразы вродѣ слѣдующихъ: «Королямъ обязаны подчиненіемъ; они же дѣлаются, что имъ угодно».

Позднѣе этотъ король не любилъ, когда его придворный врачъ Фагонъ, говоря съ нимъ, употреблялъ слово: «предписаніе»; онъ разбранилъ врача за то, что тотъ употребилъ слово: «вы должны». Еще говоря о Людовикѣ XIV министръ аббатъ Дюбуа (*Dubois*) выражался, что онъ богатѣйший изъ королей, такъ какъ онъ имѣетъ полное право считать себя собственникомъ всѣхъ земель своего государства. Вошло въ обычай приписывать монархамъ всѣ таланты, всѣ великія качества. Подобно древнимъ цезарямъ, они присваивали себѣ честь побѣдъ, одержанныхъ ихъ полководцами.

Людовикъ XIV самъ пѣлъ оперные куплеты, сочиненные и переложенные на музыку въ честь его.

Фридрихъ-Вильгельмъ I, король Прусскій, хотя лично былъ человѣкъ простой и непритязательный, но правилъ деспотически. Когда ученый профессоръ историкъ Гейнекіусъ (*Heineccius*) не соглашался переселиться изъ Франкфурта на Одерѣ въ Галле, то его отвели туда солдаты. Заслуженный пробстъ Рейнбекъ въ Берлинѣ получилъ весьма выгодное для себя приглашеніе въ Гамбургъ; но на половину насильно, на половину обманутымъ образомъ, король задержалъ его въ своей странѣ, притомъ безъ всякаго вознагражденія. «Каждый подданный», — писалъ тогда Мантейфель философу Вольфу — «каково бы ни было его положеніе, считается въ Пруссіи прирожденнымъ рабомъ, которымъ господинъ можетъ располагать по своему благоусмотрѣнію».

Точно также и во Франціи достаточно было кабинетнаго приказа (*lettre de cachet*) безъ всякихъ судебныхъ формальностей, для того, чтобы заключить несчастныхъ на неопределеннное время въ тюрьму.

Эти величественные короли, насквозь пропитанные самомнѣемъ, окружали себя этикетомъ, весьма близкимъ къ культу какого нибудь божества. Такимъ образомъ предполагалось возвысить монарха на недосягаемую высоту по сравнению съ другими людьми.

Даже во время богослуженія придворные кощунственнымъ образомъ поворачивались спиной къ алтарю, а лицомъ къ королю, колѣнопреклоненному на хорахъ.

Когда Людовикъ XIV обѣдалъ по обыкновенію за маленьkimъ приборомъ «petit souvert», то развѣ супругъ его дозволялось садиться возлѣ него: его братъ, его сыновья и внуки стоя присутствовали за его обѣдомъ, а Monsieur, его братъ, обязатъ былъ отъ времени до времени подавать ему салфетку. Его замки и дачи служили только отраженiemъ великаго короли и его образа жизни. Природа искусственно перерабатывается и искаjается; и какъ паркъ Людовика XIV не былъ настоящимъ садомъ, такъ равно и находившися въ немъ каменные боги и господа ничего не имѣли общаго съ классическими фигурами. Юпитеръ—это Людовикъ XIV, только безъ шарика и свѣтло-голубого бархатнаго каftана; Венера и Минерва—это Монтеспанъ или Ла-Валльеръ, Аполлонъ—како-нибудь «маркизъ» съ театральнымъ лицомъ, забывшій по несчастной случайности свою одежду; Марсъ—элегантный, тщеславный французскій маршалъ-кутила.

Древніе боги—очевидно придворные Людовика, дѣйствующіе въ живыхъ картинахъ. Каменные монархи и націи лежатъ у ногъ каменного же Геркулеса или Александра, а эти послѣдніе, конечно, опять таки тотъ-же «великий король». Никакое учрежденіе не выказало такой силы ассимиляціи, какъ дворъ Людовика XIV, вслѣдствіе громаднаго, почти что наивнаго эгоизма, признававшаго только себя одного! Все и всѣ, кто или что попадало на его территорію, должно было примѣняться къ нему; сады, лѣса, вѣды, горы, люди и боги. А въ центрѣ этого своеобразнаго искусствен-наго міра: Людовикъ XIV!

Роскошь, окружавшая королевскаго идола, была чрезвычайна. Какъ разъ послѣ неудачныхъ войнъ послѣдніяго десятилѣтія своего царствованія, Людовикъ XIV желалъ, чтобы все его окружающее покрылось еще большимъ блескомъ. Платяа его были покрыты каменьями, цѣнность которыхъ доходила до 8 или 9 миллионовъ. Всѣ старались подражать ему,—сообразно, конечно, со своими средствами. Король внимательно слѣдилъ за одеждой своихъ придворныхъ и хвалилъ ихъ, когда она отличалась роскошью.

Во всемъ существенномъ Людовикъ XIV уступалъ своему предшественнику: въ приданіи блеска своему двору посредствомъ блестящаго этикета онъ его превзошелъ.

Людовикъ XIV содержалъ въ Версалѣ три тысячи лошадей, къ уходу за которыми было назначено болѣе трехъ тысячъ людей. Въ общемъ, дворцовая прислуга доходила до пятнадцати тысячъ людей, содержаніе которыхъ обходилось государству отъ 40 до 50 миллионовъ ливровъ.

У Людовика XIV было всего 3,000 человѣкъ разныхъ дворцовыхъ чиновъ! Получить разрѣшеніе приблизиться къ королю—считалось величайшимъ счастьемъ. Изъ числа придворныхъ были такие, которые, достигши восьмидесяти-лѣтнаго возраста, провели сорокъ пять лѣтъ своей

жизни на ногахъ въ переднихъ монарха и принцевъ крови. Даже совершенно второстепенные мѣста, дававшія возможность хоть изрѣдка являться къ монарху, оплачивались отъ тридцати до ста тысяч ливровъ. Ежедневно его окружали сотни людей; даже при вставаніи его и при отходѣ ко сну его окружали отъ сорока до пятидесяти особъ.

Этотъ французскій этикѣтъ принимался за образецъ во всѣхъ европейскихъ странахъ и ему подражали настолько, насколько это допускалось болѣе ограничеными средствами. Въ Германіи особенно, которая со временемъ Тридцатилѣтней войны искала спасенія въ рабскомъ подражаніи французскимъ обычаямъ, каждый владѣтельный баронъ, обладающій государствомъ въ $\frac{1}{2}$ квадратной мили и нѣсколькими сотнями «подданныхъ», старался по возможности копировать «Короля-солнце» и версальскій дворъ. «Если-бы Господь Богъ не былъ Богомъ, то кто имѣлъ бы большее право быть Богомъ, чѣмъ Вы, Ваше Великокняжеское Высочество?» — пишетъ одинъ писака и композиторъ тѣхъ временъ незначительному ландграфу Эрнесту Людвигу изъ Гессенской боковой линіи. Больше всего отличался роскошью Дрезденскій дворъ, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ Августъ Сильный въ 1697 году надѣлъ на голову польскую королевскую корону. При дворѣ было служащихъ не менѣе 1,900 особъ, и даже послѣдніе изъ лакеевъ одѣвались въ шелкъ и атласъ. Блестящія празднества, въ которыхъ участвовали тысячи лицъ въ богатѣйшихъ нарядахъ. Конечно, заботились и объ удовлетвореніи болѣе благородныхъ стремленій, такъ, парадимѣръ, покровительствовали музыкѣ, архитектурѣ, живописи и ваянію — но все это заимствовалось изъ чужихъ странъ, не имѣло никакой связи съ отечествомъ и не приносило ему никакой пользы. Государственное правленіе и войско пали, а семь миллионовъ ежегодныхъ государственныхъ доходовъ и многочисленные посторонніе миллионы, получаемые посредствомъ займовъ, растрачивались на брилліанты, на произведенія искусства, на драгоцѣнную одежду, на итальянскихъ пѣвцовъ, на ширичество, на любовницъ и вороватыхъ любимцевъ.

Такая-же роскошь царствовала и при дворѣ Бранденбургскаго курфюрста Фридриха III. Дочь этого монарха во время бракосочетанія была одѣта въ платье, обшитое брилліантами, стоющими четыре миллиона талеровъ, а двадцать четыре придворныхъ сопутствовали ей съ зажжеными восковыми факелами. Когда же въ 1700 году курфюрстъ отправился на коронацію въ Кенигсбергъ, то свита, сопровождавшая его, была такъ велика, что кромѣ сотни лошадей, взятыхъ изъ Берлина, понадобилось еще тридцать тысячъ лошадей для приржки.

Коронаціонныя украшенія стоили много миллионовъ. Когда молодой курфюрстъ въ первый разъ сѣлъ на лошадь, то Фридрихъ I велѣлъ выпить особую монету въ честь этого знаменательного события, какъ требовало величие королевской фамиліи. Содержаніе монарховъ и поддержаніе блеска ихъ дворовъ считалось и въ Берлинѣ и въ Версалѣ настоящей задачей государства.

Пфальцскій дворъ былъ устроенъ совершенно по образцу французскаго. Курфюрстъ давалъ блестящіе пиры въ Манигеймѣ и въ Швецингенѣ и даже во время войны въ 1734 и 1735 годахъ онъ приглашалъ французскихъ генераловъ и аристократовъ, возводилъ великолѣпные дворцы,

содержалъ триста отборныхъ лошадей въ своихъ конюшняхъ, кормилъ безчисленное множество приживалокъ, однимъ словомъ окружалъ себя роскошью Людовика въ маломъ видѣ. А между тѣмъ, крестьянство погибало, благодаря налогамъ и вымогательствамъ; фискальные чиновники на всѣ лады притесняли подданныхъ, скакивали хлѣба, уводили скотъ и до того опустошили прекрасную страну, что имъ самимъ приходилось раздавать зерно на постѣвъ крестьянамъ, чтобы на слѣдующій годъ снова имѣть возможность косить хлѣбъ на корню и скормливать имъ лошадей.

При всѣхъ нѣмецкихъ дворахъ давались французскія и итальянскія оперы, и день за днемъ устраивали празднества на манеръ версальскихъ увеселеній. А такъ какъ нѣмцевъ считали слишкомъ мѣшковатыми для такихъ ролей, то выписывались французскіе авантюристы, которые обходились въ два и въ три раза дороже своихъ туземныхъ чиновниковъ.

Въ Англіи тоже, при дворѣ послѣднихъ Стюартовъ, господствовалъ французскій блескъ, а версальское легкомысліе проникало въ высшіе слои націи.

Во всеобщей исторіи трудно найти періоды, настолько лишенныя живого духа, какъ первая половина восемнадцатаго вѣка, въ которую не могли больше проникнуть болѣе благородныя стремленія дворцового абсолютизма, а для разумнаго абсолютизма еще не наступило время; это было время, когда Испанія была къ услугамъ каждого, кто желалъ обогатить дѣтей отъ второго брака короля, Австрія—каждаго, кто поддерживалъ прагматическую санкцію, а Польша и Швеція всякаго, кто умѣлъ купить голоса дворянъ; время,—когда Англія помышляла только объ одномъ—о недопущеніи въ страну Стюартовъ и объ увеличеніи Ганновера.

Подобно тому какъ Юпитеръ со своимъ олимпійскимъ всемогуществомъ, не задумываясь письмомъ, пользовался благоволеніемъ небесныхъ и земныхъ женщинъ, такъ и обогатившие короли тѣхъ временъ воображали, что имѣютъ право нарушать всѣ нравственные границы и предаваться необузданной чувственности. Въ отвѣтъ на такія требованія, продажныя, властолюбивыя, корыстолюбивыя женщины говорили, что прикосновеніе короля не позорить. Родители бросали дочерей, мужья—женъ въ объятія монарху и за это получали титулы, власть, богатство; женщины оспаривали другъ у друга преимущество стать возлюбленными властителя. И этому Людовику XIV показалъ примѣръ. Если не упоминать о безчисленномъ множествѣ его случайныхъ связей, то кому неизвѣстны его отношенія къ Лавальєръ, къ Монтеспанъ, къ Фонтанжъ, къ Мэптенонъ? Но главная опасность для общественной нравственности заключалась не столько въ этихъ прелюбодѣйственныхъ любовныхъ забавахъ, сколько въ томъ безстыдствѣ, съ которымъ онъ выставлялись на показъ и прославлялись передъ всѣмъ міромъ. Людовикъ оказывалъ своимъ незаконнымъ дѣтямъ, которыхъ онъ, впрочемъ, всѣхъ черезъ болѣе или менѣе продолжительное время узаконялъ, гораздо болѣе нѣжности, чѣмъ законнымъ, и давалъ имъ блестящее положеніе у престола. Но надо однако замѣтить, что онъ строго соблюдалъ принципъ, завѣщанный имъ своему сыну, а именно, что любовнымъ дѣламъ надо отдавать сердце, а не умъ, и что съ женщинами можно вести только нѣжные или веселые разговоры. На государственные дѣла его любовницы не имѣли ни малѣшаго вліянія.

Но и это благое ограничение пало при Людовике XIV. Въ то время какъ его прадѣдъ избиралъ возлюбленныхъ исключительно въ рядахъ духовно и общественно развитой аристократіи, правнукъ не следовалъ этому примѣру. Его неудержимо привлекали именно крайняя грубость и испорченность въ женщинѣ. Уже Помидуръ (Jeannette Poisson) происходила изъ безнравственной семьи мелкихъ гражданъ: а послѣдняя любовница короля была совсѣмъ простая дѣвка, нѣкая Вобернье, которую для вида обѣничали съ подложнымъ «графомъ» Дюбарри. А эти продажныя женщины рѣшили государственныхъ дѣла, по своему капризу назначали и смѣняли министровъ. Невозможно было болѣе рѣзко подтвердить всемогущество короля, но невозможно было и навлечь на него болѣе презрѣнія.

Само собой разумѣется, что нѣмецкіе монархи подражали и этому распутству, какъ подражали всему, что исходило изъ Версаля. При дворѣ герцога Эбергарда Людвига Вюртембергскаго, устроенному вполнѣ по образцу французскаго двора, царила его любовница, расточительная Грэвеницъ. Курфюрстъ Георгъ Людвигъ Ганноверскій былъ извѣстенъ болѣшимъ числомъ и низменнымъ характеромъ своихъ любовныхъ интригъ, а когда графъ Филиппъ Кенигсмаркъ осмѣлился поднять глаза на его покинутую супругу, то онъ его велѣль умертвить, а несчастную государыню заключилъ пожизненно въ уединенномъ замкѣ Альденѣ. Стоитъ только произнести имя Августа Сильного Саксонскаго, чтобы тотчасъ въ воображеніи возникъ рядъ ужасающихъ безнравственостей, какія только когда либо позволяли себѣ человѣкъ.

Весьма оригиналѣнъ и характеренъ для тогдашнихъ взглядовъ тотъ фактъ, что въ сущности совершенно нравственный Фридрихъ I Прусскій считалъ себя *обязаннымъ* содержать официально любовницу, графиню Вартенбергъ, дочь цѣловальника и вдову лакея. Ея отношенія къ нему ограничивались тѣмъ, что онъ каждый вечеръ посвящалъ часъ прохожданью взадъ и впередъ—лѣтомъ въ саду, зимой въ комнатѣ; во время же придворныхъ торжествъ онъ отъ времени до времени удалялся съ нею въ оконную нишу.

Англійскіе короли периода отъ 1660 до 1683 гг., Карлъ II и его братъ Яковъ II, не довольствовались подобными илатоническими отношеніями. Перваго подвищала на союзъ съ Франціей преимущественно красавица Луиза Керуаль, француженка, съ которой его свела его собственная сестра, Генріетта Орлеанская, жена брата Людовика XIV, по его приказанію. Но жизнерадостный Карлъ по крайней мѣрѣ не скрывалъ своихъ кутежей; въ Яковѣ-же II распутство еще противище, такъ какъ онъ разыгрывалъ роль фанатика-католика, набожнаго лицемѣра. Примѣръ монарха заразилъ дворъ, дворянство, высшее гражданство и весь народъ, какъ въ Англіи, такъ равно и во Франціи.

Рѣзкимъ контрастомъ этой распущенности правовъ служилъ формализмъ, соблюдавшій тогда во всѣхъ кругахъ общества. Уже Людовикъ XIV выказывалъ церемоніальную вѣжливость съ каждой женщиной; будь это горничная, онъ говорилъ съ обнаженной головой. Для всѣхъ сословій этикѣтъ былъ строго размѣренъ; поклоны, обращеніе, даже интонація голоса въ извѣстныхъ положеніяхъ и при извѣстныхъ требованіяхъ жизни—все подвергалось мельчайшей регламентациі, какъ у китайцевъ. Принадлежавшій

къ болѣе низкому сословію долженъ бытъ при встрѣчѣ цѣловать руку че-
ловѣку высшаго сословія, но не имѣть права разсчитывать получить отъ
него даже поклона. Всѣ служащіе классы подвергались величай-
шему пренебреженію. Въ это время вошло въ Германіи въ обычай
обращаться къ знатнымъ съ мѣстоименіемъ «Sie»; дѣти должны были
говорить родителямъ «Sie»; даже супруги, если желали казаться восни-
танными, обращались другъ къ другу съ словами «Monsieur и Madame»
и съ мѣстоименіемъ «Sie». Съ дѣтьми родители обращались очень строго,
почти какъ съ рабами. Дочь отдавали замужъ, не спрашивая ея согласія.
Въ это время вопросы международнаго этикета играли величайшую
роль, и нерѣдко были причиной войны; тогда цѣлые періоды засѣданій въ
Регенсбургскомъ рейхстагѣ проходили въ обсужденіи, какой формы и окраски
должны быть стулья, и каковъ долженъ быть титулъ депутатовъ.

Но блескъ и слава царствованія не заставили Людовика XIV забы-
вать о будущемъ, и какъ въ картинахъ и статуяхъ версальскихъ, такъ
равно ему хотѣлось оставить память по себѣ и въ разсказахъ и въ сти-
хахъ. Онъ надѣялся, что ему удастся подкупить и ослѣпить мнѣніе по-
томства, какъ удавалось подкупать мнѣніе современниковъ. Онъ оказывалъ
благодѣянія ученымъ и поэтамъ, но имъ отнюдь не руководила идеальная
любовь къ наукамъ и искусствамъ, а именно только то, что онъ въ нихъ
отыскивалъ — самого себя, свою славу и прославленіе. Его министръ Коль-
беръ окружалъ себя цѣльмъ комитетомъ ученыхъ поэтовъ, въ которомъ
придумывались похвальные надписи на королевскихъ зданіяхъ и крити-
ковались всѣ стихи въ честь короля, послѣ чего они печатались въ соб-
ственной дворцовой типографіи и въ такомъ видѣ предлагались читающей
публикѣ. Изъ этого-то комитета возникла впослѣдствіи академія медалей,
надписей и изящной словесности,—название, которое вполнѣ соотвѣт-
ствуетъ ея первоначальному назначению.

Но король не довольствовался этимъ кружкомъ расточателей похвалы;
необходимо было заставить всю Францію и всю Европу участвовать въ
концертѣ похвалъ Королю-Солнцу, надо было обезпечить за собой без-
численное множество «провозвѣстниковъ добродѣтелей короля». Вотъ что
служило поводомъ къ многочисленнымъ пенсіямъ разныемъ писателямъ и
ученымъ,—пенсіямъ, которая совершило несправедливо возводились въ ве-
ликую заслугу Людовику XIV. Какъ все на свѣтѣ, такъ и произведенія
ума имѣли для него значеніе лишь постольку, поскольку они относились
къ его личности. При томъ отдѣльныя пенсіи были незначительны. Никогда
не расходовалось въ годъ болѣе восьмидесяти тысячъ ливровъ на пенсіи
французскимъ писателямъ. Въ числѣ многихъ посредственостей, за кото-
рыми не водилось никакихъ заслугъ, кроме воспѣванія въ плохихъ или
напыщенныхъ стихахъ короля, рожденія дофина, великихъ дѣяній короля,
этотъ золотой дождь полился и на молодого, тогда еще неизвѣстнаго че-
ловѣка, Расина. Иностранные ученые тоже получали векселя на банкера
христіанскаго короля, сопровождаемы лестными письмами: то были
нидерландцы, нѣмцы, италиици, и, страннѣмъ образомъ, преимущественно
все люди незначительные, отъ которыхъ можно было ожидать, что они
въ благодарность за почести и выгоды воспояютъ своего высокаго благо-
дѣтеля. И дѣйствительно страсбуржецъ Вагензейль (Wagenseil) воспѣлъ

на нѣмецкомъ языке старания Людовика и Кольбера поднять торговлю и промышленность, а Дати (Dati) распространить «ароматъ добродѣтелей Его Величества» по полямъ Италии. Но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признаться, что Людовикъ, стремясь прославить себя на вѣки вѣчные,широко понималъ свою цѣль, и дѣйствительно обладалъ чутью и пониманіемъ той славы, которая вытекаетъ изъ произведеній ума.

Такъ, напр., онъ любилъ окружать себя не только придворными, государственными людьми и полководцами, но и выдающимися литературными силами своей страны. Отблески ихъ славы надали и на него и усиливали блескъ королевскаго солнца; онъ являлся центромъ и интеллектуальныхъ стремлений, воплощеніемъ французскаго гenia во всѣхъ направленияхъ. Онъ хотѣлъ имѣть право говорить не только: «L'état c'est moi!» но и «La France c'est moi», я—Франція! Привлеченные королевскими милостями, вокругъ него толпились писатели, они воспринимали его стремленія и взгляды, они были его слугами; какъ Кольберъ, такъ и Лувуа, Тюреннъ и Люксембургъ, сживались со своей ролью примѣнять во славу одного свои таланты, свое прилежаніе. Они походили на хоръ ангеловъ, толпящихся вокругъ престола божества и воспевающихъ его.

Къ счастью и эта, самая благороднѣйшая сторона деспотического эгоизма Людовика нашла подражателей за-границей. Въ Англіи, впрочемъ, не столько монархъ покровительствовалъ ученымъ и писателямъ, какъ высшее дворянство; но зато это послѣднее, дѣлало это такимъ образомъ, что съ нимъ могли сравниться въ щедрости времена возрожденія въ Италии. Стоявшіе у кормила правленія государственные люди и знатные дворяне, во времена Вильгельма III, считали за честь имѣть спонсорія съ литературными знаменитостями и стараться создать для нихъ легкую и пріятную жизнь. Въ Германіи многіе монархи составляли коллекціи произведеній искусства, основывали академіи и университеты. Какъ, напр., въ Пруссіи—университетъ въ Галле и берлинская академія наукъ и искусствъ возникли въ это время. Поэтовъ здѣсь нельзя было въ это время найти, т. е., хорошихъ: приходилось довольствоваться риемоплетами вродѣ Каница и Бессера, воспѣвавшихъ семейныя событія высокихъ властителей въ напыщенныхъ и иллюстрированныхъ стихахъ.—Гораздо дѣйствительнѣе и плодотворнѣе оказалась защита и поддержка, оказанная фамиліей Медичи во Флоренціи, особенно великимъ герцогомъ Фердинандомъ II, наукѣ и искусству. Галилей и его ученики Кассини и Вивіани, неаполитанецъ Борелли, Реди и многіе другіе были обязаны своимъ образованіемъ и тому блестящему развитію, которое они дали естественнымъ наукамъ и математикѣ—Флоренціи и ея повелителямъ.

Но абсолютизмъ нокоился на двухъ крѣпкихъ опорахъ: на штатъ чиновниковъ и на постоянномъ войскѣ. Первый исполнялъ волю монарха надъ подданными, второе подавляло каждую попытку къ непослушанію внутри страны и защищало ее отъ виѣшнихъ враговъ. Чиновники, которые сначала назначались на время, стали затѣмъ считаться «служителями» монарха, какъ личные его придворные слуги, а потому и они, не задумываясь, мѣняли господина и перѣдко переходили отъ одного монарха къ его противнику, какъ поступали и офицеры. Между тѣмъ самъ абсолютизмъ создалъ понятіе о государствѣ, и такимъ образомъ служители го-

сударя обратились въ служителей государства¹⁾). Въ то время какъ раньше государи по своему произволу разсправливали ихъ и назначали то на одно дѣло, то на другое, они въ теченіе XVI и XVII столѣтій образовали отдѣльные постоянныя коллегіи, смотря по различнымъ отраслямъ общественной службы. Чиновники получили болѣе прочное и болѣе самостоятельное положеніе и считали себя за единое цѣлое съ государствомъ, которому они и посвящали свое патріотическое служеніе. Въ иѣкоторыхъ странахъ, напр., во Франціи, они покупали свои должности, такъ что ихъ трудно было лишить этихъ послѣднихъ; но при томъ вошло въ обычай не удалять ихъ безъ особенно важныхъ поводовъ.

Кромѣ того сыновья чиновниковъ обыкновенно посвящали себя карьерѣ отца и такимъ образомъ образовалась настоящая каста, составляющая промежуточное звено между дворянствомъ и гражданствомъ. Слѣдствіемъ этого было то обстоятельство, что хотя чиновничество и охраняло привилегіи монарха и дворянства отъ притязаній другихъ сословій, но съ другой стороны порою оно защищало интересы народа и всего государства, какъ цѣлаго, отъ капризовъ монарховъ и насилий юнкерства.

Образцомъ бюрократизма служила Франція. Уже Ришелье уничтожилъ могущество аристократіи, какъ въ государственномъ управлении, въ которомъ онъ замѣнилъ ея беспорядочное, себлюбивое участіе постояннымъ, зависящимъ отъ короля и преданнымъ ему учрежденіемъ государственного совета, такъ равно и въ администрації провинцій, где онъ замѣнилъ высокорожденныхъ, всегда склонныхъ къ возмущенію губернаторовъ, гражданскими чиновниками, интендантами, которые и вели всѣ дѣла. Эти интенданты, вполнѣ зависимые отъ высшей власти, получили по инициативѣ Кольбера—министра Людовика XIV, почти неограниченную власть надъ подчиненными. Имъ были присвоены административная и полицейская права, они исполняли главнѣйшія функции городского управления, имѣли право вмѣшиваться въ судебнаго дѣла. Губернаторы сохранили лишь декоративное положеніе. Такимъ путемъ абсолютизмъ во Франціи успѣшио уничтожилъ относительную независимость какъ наследственныхъ губернаторовъ, такъ и куческихъ административныхъ и судебныхъ должностей. Людовикъ XIV значительно ослабилъ также и самостоятельность высшихъ судебныхъ учрежденій,—такъ называемыхъ парламентовъ, которые до него обладали правомъ контроля надъ декретами короля, и замѣнилъ правильные суды особыми комиссіями, составленными изъ зависимыхъ лицъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ему хотѣлось провести свои абсолютистскія стремленія.

Творцомъ превосходнаго дрѣнепруссаго бюрократизма можетъ считаться Фридрихъ Вильгельмъ I. Его рациональная организація чиновничества, которая, несмотря на централизацію, все-же, благодаря послѣдовательному проведению коллегіальной системы, представляла полныя

¹⁾ Еще Фридрихъ Вильгельмъ II Прусскій писалъ 31 марта 1790 года: подобно тому какъ каждое частное лицо можетъ безъ особаго процесса удалить своего слугу, такъ точно онъ долженъ бытъ-бы имѣть право поступать подобнымъ-же образомъ со своими общественными служами. А между тѣмъ чиновникъ Треепманъ добился того, что получилъ вознагражденіе за удаленіе отъ должности. Филиппсонъ. Прусское гос. право I. 160 и слѣд.

— 1981 —

гарантії безпристрастія і честності чиновниківъ, можеть считаться эпохой не только для Пруссіи, но и вообще для общаго государственаго развитія. Но при этомъ онъ ввелъ въ гражданскую службу вполнѣ военную дисциплину. Проступки чиновниковъ судились военнымъ судомъ, прошение объ отставкѣ нерѣдко считалось покушеніемъ дезертировать. Даже высшія должностные лица подвергались такой-же строгой дисциплинѣ. Министры и тайные советники обязаны были являться на службу ровно въ 7 часовъ утра. Съ другой стороны королевская администрація была всемогуща. Города потеряли свою самостоятельность, какъ и дворянство; «я не допускаю соучастія во власти дворянства», — говорилъ монархъ. Геній Фридриха II придалъ этой системѣ всемогущества главы государства идеальное выражение, если можно такъ выразиться. Ради блага подданныхъ, какъ онъ искренно бытъ убѣжденъ, глава государства долженъ непосредственно за всѣмъ наблюдать, всѣмъ распоряжаться, а его должностныи лица, какъ быгоденъ ни бытъ каждый на своеи мѣстѣ, долженъ бытъ лишь орудіями своего властителя. Съ подчасъ пезаслуженою суворостью онъ подавлялъ всякую попытку къ инициативѣ со стороны министровъ, а важнѣйшия государственные дѣла онъ даже не сообщалъ имъ. Всѣмъ онъ руководилъ изъ своего кабинета: какъ его генераль-адъютанты, которые работали надъ военными дѣлами, такъ равно и кабинетъ-совѣтники, которые работали надъ гораздо болѣе запутанными гражданскими дѣлами, должны были, по его дословному выражению, бытъ лишь его писарями. Все управление было подъ строжайшимъ наблюденіемъ даже до мелочей; кассы постоянно ревизовались; малѣйшее неповиновеніе, небрежность, нарушеніе довѣрія или своеволіе чиновниковъ наказывалось нерѣдко жестоко. «Быстро, построже» повторялось постоянно въ приказахъ къ судебнымъ учрежденіямъ.

Въ Скандинавіи, посѣ паденія могущества дворянства, стала проводиться бюрократическая система. Густавъ Адольфъ и Оксенштирна (Oxenstierna) организовали по обдуманному плану шведскую бюрократію и принудили должностныхъ лицъ присягать лишь королю, а не конституції. Послѣ того они обязаны были давать правильный отчетъ правительству. Король Карлъ XI царствовалъ до 1678 года, не принимая въ разсчетъ дотолѣ всемогущій сеймъ, а исполнительную власть поручилъ своимъ собственнымъ секретарямъ. Наиболѣе despoticично правилъ Карлъ XII, который однажды сказалъ, что если бы ему вздумалось послать свой сапогъ въ сеймъ, то сеймъ долженъ бытъ ему подчиняться.

Главнымъ орудіемъ абсолютизма было войско. Въ это-то время было положено основание постоянного войска, которое по количеству достигло развитія, превышавшаго всѣ подобныя учрежденія прежнихъ временъ, даже римской имперіи, и которое и было причиной того, что милитаризмъ легъ на новѣйшие народы тяжелымъ бременемъ. Лишь съ этихъ поръ монархи стали считать себя военными, а военное сословіе стало считаться почтенійшимъ сословіемъ, къ которому всѣ члены владѣтельного дома принадлежатъ со дня рожденія, почему и носятъ мундиры. И въ данномъ случаѣ Франція временъ Людовика XIV даа первый толчекъ и служила образцомъ, которому всюду старались подражать.

Въ царствование Генриха IV постоянное войско достигало едва 12,000 чел., во времена Ришелье число это поднялось до 26—60,000 чел. Организация войска все еще носила феодальный характеръ. Полковникъ, уполномоченный королемъ, вербовалъ полкъ или отрядъ, за что получалъ значительное вознаграждение; но назначение на должности, подлежало не королю, а генеральнымъ полковникамъ, а эти послѣдніе въ большей части случаевъ либо наследовали свои должности, либо покупали ихъ. Такъ дѣла обстоали во всей Европѣ, съ малыми измѣненіями. Такой порядокъ не только лишалъ центральную власть всякаго влиянія на составъ и духъ войска, но давалъ возможность совершать всякія злоупотребленія. Полковники и капитаны, которымъ была предоставлена вся забота объ отрядѣ или о полкѣ въ финансовомъ отношеніи, регулярно впадали въ искушение обмануть государство, платя войскамъ гораздо меньшіе положеннаго жалованья, но требуя отъ правительства полныхъ суммъ; это-же грозило опасностью, особенно во время войны.

Людовикъ XIV и министръ его Лувуа (Louvois) вмѣшились въ это дѣло весьма осмотрительно и энергично. Должность генерального полковника была уничтожена, назначеніе офицеровъ на должности или, по малой мѣрѣ, ихъ утвержденіе было передано власти короля. За каждое противозаконное дѣйствіе и за каждую неправильность, содѣянную въ полкахъ налагались тяжкія обезпечивающія паказанія, исполненіе которыхъ возлагалось на генеральныхъ инспекторовъ, имѣвшихъ обширныя полномочія. Каждый офицеръ долженъ быть пройти военную школу въ качествѣ простого солдата. Лувуа ввелъ также въ войска форму и ружья со штыками. Онъ организовалъ цѣлесообразное вооруженіе специально для гренадеровъ, для артиллеріи, для корпуса инженеровъ; онъ озабочился о призрѣніи солдатъ, устраивалъ госпитали и инвалидные дома. Онъ выказалъ настолько же выдающіяся творческія способности, насколько и настойчивость и желѣзную волю. Оборванныя, дикия, первѣко преступныя толпы временъ тридцатилѣтней войны были преобразованы въ дисциплинированное, покорное, правильно организованное и по наружности блестящее войско, въ которомъ все было подвержено точной и многочисленной регламентации, начиная съ манеры привязывать хвосты лошадей, до величины пучка перьевъ на шляпахъ и до качества кожи на сапогахъ, таково было дѣло руки Лувуа.

Число постоянныхъ войскъ поднялось до чрезвычайности: оно достигло наконецъ 280,000 чел. Армія эта блестательно оправдала возложенные на нее надежды; въ теченіе шестидесяти лѣтъ безпрерывныхъ войнъ, въ періодъ между сраженіями при Рокруа и при Гохштедтѣ, она лишь въ двухъ сраженіяхъ не одержала верхъ: при сраженіи у моста Kouzer (въ 1675 г.) и при Валькурѣ (1689 г.).

Примѣръ Франціи заставилъ всѣ континентальные государства Европы образовать значительныя постоянныя войска для охраны своей безопасности, насколько это позволяли ихъ средства, а часто даже и свыше своихъ средствъ. Государи скоро замѣтили, насколько армія усиливаетъ ихъ власть и надъ собственными подданными. Такъ сначала въ воинственной Германіи великие и мелкие правители соревновали другъ съ другомъ въ образованіи постоянныхъ армій. Эристъ Августъ Ганно-

верский содержалъ 20,000 человѣкъ, что составляло приблизительно пять процентовъ населенія его герцогства. Въ Саксоніи Иоаннъ Георгъ III (съ 1680 г.) образовалъ первую постоянную армию. Относительно весьма многочисленное гессенъ-кассельское войско прославилось во всей Европѣ своею храбростью и дисциплиной. Само собой разумѣется, что подобная вооруженія далеко превышали финансовые силы германскихъ государствъ и что расходы могли покрываться лишь при помощи займовъ у иностраннныхъ державъ, и следовательно, благодаря политическому рабству. Военная сила Бранденбурга-Пруссіи великаго курфюрста Фридриха Вильгельма (1640—1688) превышала всѣ прочія германскія государства. Съ энергией, неотступающей ни передъ чѣмъ, открыто нарушая право и конституції, но вполнѣ сознавая, что необходимо для его государства, онъ подавилъ стремленія сословій къ самостоятельности во всѣхъ своихъ владѣніяхъ, разсѣянныхъ отъ Рейна до Мемеля, подчинилъ ихъ курфюрстской центральной власти и создать такимъ образомъ настоящее государство въ новѣйшемъ значеніи этого слова. Будучи реформаторомъ, онъ тѣмъ не менѣе далъ равныя права католикамъ и лютеранамъ, и статья такимъ образомъ предтечей просвѣщенія абсолютизма. Главнымъ же подспорьемъ и главной цѣлью онъ считалъ свое постоянное войско, которое онъ довелъ до 30,000 человѣкъ.

Эти войска, какъ и прочіе германскіе контингенты, были организованы, одѣты и вооружены по образцу французскихъ. Составлялись они исключительно вербовкой внутри и внѣ страны; вербовки въ принципѣ основывались на добровольномъ желаніи, но въ дѣйствительности пускались въ ходъ хитрость и насилие. Служба была очень тяжела, а потому дезертировали часто.

Внукъ великаго курфюрста, король Фридрихъ I, увеличилъ силы прусской арміи до 83,500 чел. и при помощи драконовской жестокости и постоянныхъ упражненій онъ обратилъ ее въ наиболѣшую армию своего времени. Онъ первый изъ европейскихъ государей сдѣлалъ опытъ замѣнить хотя бы отчасти вербовку наемниковъ всеобщей военной повинностью. Желая увеличить народонаселеніе въ своемъ государствѣ, Фридрихъ Великій отступилъ отъ этого многообѣщающаго въ будущемъ принципа; лишь одна треть его арміи, состоявшей въ мирныя времена изъ 100,000 чел., во время войны изъ 200,000 ч., состояла изъ сыновей бѣднѣйшихъ классовъ его государства, остальная двѣ трети состояли изъ наемниковъ. Расходы на постоянное войско составляли девять десятыхъ всѣхъ государственныхъ доходовъ: ужасное бремя, гибельно вліявшее на благосостояніе народа!

Австрія долгое время пренебрегала военными силами; лишь во время войны такъ усердно вооружались, войско было храбро, но плохо подготовлено, плохо вооружено и сдержано. Лишь печальныя события Силезской войны заставили Марію Терезію и Йосифа II увеличить армию до 108,000 чел. и организовать ее по образцу прусскихъ полковъ.

Англія, благодаря своему счастливому положенію острова, не нуждалась въ принесеніи такихъ большихъ жертвъ для защиты страны; а съ тѣхъ поръ какъ войска Чолтаго Парламента и Кромвелля насилиственно подавили народъ, либералы и консерваторы, тори и виги, боялись даже

имени армії, какъ чего-то напоминающаго преторіанцевъ и деспотизмъ. Поэтому Англія обладала лишь совершило незначительнымъ постояннымъ войскомъ, содержавшимъ подчасъ не болѣе 7,000 чл. Даже въ XVIII стол., послѣ блестящихъ побѣдъ испанской войны за престолонаслѣдіе, при томъ въ такое время, когда Англія принимала горячее участіе въ несогласіяхъ континентальной Европы, ея постоянное войско состояло лишь изъ 17,000 чл. Въ случаѣ нужды правительство, конечно, было увѣreno въ томъ, что ему удастся составить многочисленную боевую силу при помощи насильственныхъ наборовъ и пайма иностраннныхъ войскъ.

Съ общей политической точки зрѣнія, возникновеніе большой постоянной армії служило поворотнымъ пунктомъ отишений. Болѣе слабыя государства—Венеція, Голландія, Савойя, Швейцарія, Данія,—имѣли возможность вмѣшиваться въ европейскія дѣла, пока споры могли разрешаться при помощи маленькихъ армій; но съ тѣхъ поръ какъ усовершенствованное финансовое искусство и возникновеніе монархического абсолютизма дали возможность правительямъ большихъ государствъ содержать арміи въ иѣсколько сотъ тысячъ, маленькая государства ужъ не могли съ ними тягаться. Безусловное преобладаніе великихъ державъ утвердилось въ будущемъ.

Кромѣ того абсолютизмъ создалъ учрежденіе, дотолѣ совершенно неизвѣстное, а именно многочисленную полицію, вмѣшивающуюся во всѣ дѣла гражданъ. Эта послѣдняя, безъ сомнѣнія, много способствовала возстановленію всеобщей безопасности. Еще въ началѣ 17 столѣтія во Франціи рыскали разбойники толпами до 400 человѣкъ, противъ которыхъ приходилось высыпать цѣлые полки. Лишь такъ называемая *Maré chaussé* (жандармерія), состоявшая изъ 3,576 служащихъ при Людовикѣ XIV возсталовила безопасность. Ниціе и бродяги во Франціи въ XVII столѣтіи ссыались на галеры, а въ XVIII—въ американскія колоніи. Но кромѣ того полиція имѣла еще и другое назначеніе—а именно вызывать чувство зависимости и несамостоятельности, а также вѣчнаго страха передъ начальствомъ въ каждомъ отдѣльномъ членѣ государства. Во времена Людовика XIV было около 30,000 полицейскихъ шпіоновъ въ Парижѣ. «Вы должны знать,—говорилъ генералъ-лейтенантъ полиціи,—что гдѣ собирается васъ три человѣка, тамъ я всегда между вами». Абсолютизмъ пользовался, какъ мы увидимъ ниже, полиціей, чтобы властствовать надъ всей жизнью, надъ всяkimъ поступкомъ подданныхъ.

Многочисленныя войска, не менѣе многочисленныя толпы чиновниковъ и полицейскихъ, а также расточительность и блескъ содержанія двора монарха, требовали огромныхъ денежныхъ средствъ, что, конечно, должно было возмущать подданныхъ. Бремя налоговъ страшно возрастало. Во Франціи Кольберъ довелъ чистый доходъ короля съ 84 миллионовъ до 116 милл. ливровъ въ годъ. Подати и мѣстные расходы почти столько же стоили народу; а къ этому присоединялись еще и противозаконные поборы военныхъ и чиновниковъ. Приведенные въ отчаяніе жители нерѣдко решались на самоубийство, и часто всыхивали восстанія, которыя подавлялись при страшномъ кровопролитіи. Цѣлые провинціи нищали, и крестьяне кормились желудями и кореньями, нерѣдко даже травой и древесной корой. Въ Пруссіи Фридриха Великаго дѣла обстояли не лучше. Крестьяне вынуждены были отдавать, въ видѣ податей, болѣе сорока процентовъ со скучныхъ сбо-

ровъ ихъ полей; въ иѣкоторыхъ мѣстахъ поборы превышали доходы, какие крестьяне не могли имѣть и въ наилучшійшее годы. Поэтому въ иѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напр., въ герцогствѣ Клеве, многие собственники покидали свои дворы, потому что не были въ состояніи уплачивать контрибуціи. Итакъ благодѣянія, которыхъ абсолютизмъ оказывалъ миру и благу народному, оканчивались тяжелыми жертвами.

Благодаря равномѣрному абсолютизму, опутавшему всю націю, политическое различие сословий уменьшилось, хотя въ соціальномъ отношеніи оно строго соблюдалось, и даже получило еще болѣе рѣзкое очертаніе. Высокорожденный дворянинъ наравнѣ съ ничтожнѣйшимъ поденщикомъ подчинялся повелѣніямъ ministra или полицейскаго начальства; а если ему случалось нарушать какой нибудь изъ многочисленныхъ эдиктовъ, то и ему, какъ которому либо изъ его слугъ, грозили темница, висѣлица, колесование. Когда прусскій военный судъ приговорилъ Катте за оказаніе помощи въ бѣгствѣ кронпринцу къ заключенію въ крѣпость, то Фридрихъ Вильгельмъ I велѣлъ ему отрубить голову мечомъ. Религіозная различія тоже потеряли значеніе: либо потому, что государство терпѣло лишь одно вѣроисповѣданіе, либо потому, что оно оказывало вѣротерпимость уклоняющимся отъ господствующей религії. Индивидуализація — таковъ былъ принципъ, который признавался наилучшимъ средствомъ для укрѣпленія и сохраненія деспотизма монархами и ихъ слугами. Должно было существовать лишь одно связующее звено, а именно исключительно власть монарха. Такимъ образомъ не только предупреждалася всякий опасный взрывъ всеобщаго неудовольствія — но и каждый отдѣльный индивидуумъ со всѣми желаніями своими и стремленіями могъ обращаться лишь къ милости монарха. Не было другого пути къ достижению должностей, почетей, могущества и богатства, какъ поступленіе на службу къ государю.

Придворный абсолютизмъ считалъ, что лишь «служба» можетъ представлять интересъ для подданныхъ и даже для правителя. Просвѣщенный абсолютизмъ замѣнилъ это понятіе понятіемъ государственного интереса «raison d'état». И то и другое были не болѣе какъ удобныя слова, какъ уже Хемницъ замѣтилъ въ своемъ произведеніи, изданномъ въ 1678 г. подъ заглавіемъ: «De ratione Status»; подъ этими словами легко могли укрыться эгоизмъ, самоволіе, жестокость. Но при лучшихъ правителяхъ польза была дѣйствительно единственной путеводной нитью ихъ дѣяній.

Экономическое развитие Европы.

Въ вышеприведенныхъ страницахъ мы попытались объяснить принципы и источники монархического абсолютизма, а также обрисовать истинный характеръ во всѣхъ направленихъ. Теперь намъ остается познакомиться съ послѣдствіями по отношенію къ социальному развитію Европы. Развитіе великаго національнаго государственного устройства, находящагося къ зависимости отъ все болѣе и болѣе укрѣпляющейся монархической власти, освободившейся отъ феодальныхъ формъ, имѣло большое значеніе для преобразованія и развитія экономическихъ отношеній. Въ средніе вѣка государи, за малыми исключеніями, смотрѣли на свое высокое положеніе лишь съ точки зрењія частнаго права. Ихъ отношеніе къ ремесламъ и къ торговлѣ было поэтому обыкновенно лишь фискальнымъ разбоемъ. Придерживаясь такой точки зрењія, они были неспособны вести цѣлесообразное и правильное хозяйство. Новое государство лучше поняло свою задачу. Торговля изъ занятія отдѣльныхъ корпорацій и городовъ обратилась въ національное дѣло; появилась національная торговля система. Государство заняло мѣсто корпорацій и сословій. Если и допустить, что произшедшее при этомъ уравненіе правъ не всегда влекло за собой благопріятныя слѣдствія, то въ общемъ вмѣшательство государства, съ точки зрењія экономической и политически-торговой, было прибыльно. Возродилось живое соревнованіе между отдѣльными націями; каждая изъ нихъ стремилась достичь благосостоянія, вліянія и величія. Быстрому росту и промышленности и торговли благопріятствовалъ переходъ отъ средневѣковаго обмѣна натурой къ денежному хозяйству, который съ XV столѣтія все болѣе и болѣе развивался.

Въ Германіи великий курфюрстъ впервые嘗тался примѣнить государственную власть на пользу промышленного и коммерческаго прогресса. Король Фридрихъ Вильгельмъ I, котораго обыкновенно изображаютъ грубымъ унтеръ-офицеромъ, тщательно изучилъ экономические вопросы и, благодаря ревностному старанию, сталъ творцомъ прусской промышленности въ обширныхъ размѣрахъ. Съ этого времени прусские города начали возвышаться. Всѣмъ известно, съ какимъ неутомимымъ рвениемъ, хотя и придерживалась односторонняго взгляда на вещи, Фридрихъ Великий посвятилъ себя благосостоянію своего государства. Одного того, что онъ сдѣлалъ для того, чтобы послѣ оккупации вновь привлечь полу-варварскую восточную Пруссію къ культурѣ и возсоединить ее съ Германіей, на что онъ приложилъ и уиъ

свой и проницательность и энергию, полную самопожертвования, было бы достаточно, чтобы закрепить за нимъ вѣчную славу и въ этомъ отношеніи.

Сосѣдка и соперница Пруссіи, Австрія, также была охвачена общимъ стремлениемъ того времени. Конечно усилия императора Карла VI поднять торговлю потерпѣли крушение, благодаря недомыслию народонаселенія, неумѣнію должностныхъ лицъ и незнакомству съ руководящими начальами. Но Марія Терезія имѣла уже болѣе успѣха. Всѣдѣствіе недостатка частной предпріимчивости и частныхъ капиталовъ, само правительство должно было взять на себя большую часть промышленныхъ нововведеній и вмѣстѣ съ тѣмъ въ качествѣ ногоціанта заботиться о сбытѣ своихъ произведеній, и даже поддерживать денежными ссудами остальныхъ ногоціантовъ. Благодаря этимъ ревностнымъ и всестороннимъ стараніямъ было положено начало промышленности и торговой самостоятельности.

Что же касается великихъ культурныхъ народовъ, то для чихъ торговли представляла первенствующій государственный интересъ. Въ данномъ случаѣ Англія подала примѣръ. Тюдоры—съ 1485—первые послѣдовательно вели торговлю съ политическими цѣлями. Ихъ примѣру послѣдовали голландцы, и наконецъ, въ особенности со временемъ Кольбера, французы. Изъза коммерческихъ вопросовъ эти государства вели тяжелыя войны, изъ-за торговыхъ интересовъ ставили на карту могущество и самое существование народовъ. Въ 1672 году Англія объявила войну Голландіи безъ всякаго повода, исключительно съ цѣлью подорвать соперничество на морѣ этой страны. Участіе обѣихъ могущественныхъ морскихъ странъ, Англіи и Голландіи, въ войнѣ за испанское престолонаслѣдіе было вызвано главномъ образомъ угрозой Франціи захватить въ свои руки торговлю съ испанскими колоніями, а также запретительными законами Людовика XIV, касающимися ввоза товаровъ. Когда король Карлъ VI основалъ въ Остенде Индійскую компанію, угрожавшую своею конкуренцію великимъ Остѣ-Индскимъ обществамъ Англіи и Голландіи, то обѣ морскія державы схватились за оружіе, и лишь распаденіе этой бельгійской компаніи предупредило войну. Изъ-за того, что Англія не пожелала сократить мелочную торговлю свою въ испанскихъ колоніяхъ, въ октябрѣ 1739 года вспыхнула война между Великобританіею и Испаніей. Во Франціи Кольберъ способствовалъ развитію промышленности, а еще больше—кардиналъ Флери, бывший первымъ министромъ съ 1726—1743 г., своими мягкими и мудрыми мѣрами довѣль благосостояніе индустрии до полнаго расцвѣта: онъ покровительствовалъ земледѣлію, возвелъ французскую торговлю и промышленность на высочайшую точку, на которой онъ, вирочемъ, не могли долго удержаться. Во всей Европѣ были устроены пути сообщенія, прорыты каналы, высушены болота, заключены торговые договоры, промышленность пользовалась покровительствомъ государства. Въ теченіе продолжительного мирнаго периода между 1763 и 1792 годами промышленность процвѣтала и въ Германіи. Издѣлія, напр., полотна и сукна въ то время были лучше теперешнихъ, если говорить относительно. Бумагопрядильная промышленность заняла первое мѣсто послѣ англійской. Процвѣтала фабрикація стали и пороха. Берлинскій фарфоръ и, въ особенности, мейсенскій заслужили всемирную известность и выдѣлка ихъ приняла большиѳ размѣры. Вмѣстѣ съ

этимъ стали накапляться капиталы. Въ Германиі въ началѣ XVIII вѣка до 1790 года и денежный запасъ возросъ въ четыре раза; онъ достигъ одного миллиарда талеровъ. Англія-же въ эту эпоху достигла положенія могущественнѣйшаго государства въ торговомъ и промышленномъ отношеніи по сравненію съ остальными европейскими государствами. Тогда-то наступили года первыхъ великихъ механическихъ изобрѣтеній, а честь этихъ послѣднихъ исключительно принадлежала Англіи. Дешевизна товаровъ и ростъ потребленія, таковы были слѣдствія. Англійскій каменныій уголь, стальныя издѣлія, бумажныя издѣлія—распространялись по всему свѣту. Великобританія вызывала всеобщее удивленіе своимъ богатствомъ, земледѣліе было тамъ образцовое, такъ какъ оно велось здѣсь на самыхъ рациональныхъ и слѣдовательно и самыхъ выгодныхъ условіяхъ; то-же можно сказать о скотоводствѣ, промышленности и торговлѣ.

Всюду возрастили благосостояніе и довольство въ буржуазной жизни. Въ Италии въ концѣ XVI вѣка появились носилки, которая герцогъ Букингамъ ввелъ и въ Англію въ 1610 году. Сначала народъ былъ возмущенъ тѣмъ, что одинъ человѣкъ употребляетъ другихъ людей вмѣсто выручныхъ животныхъ; но нѣсколько десятилѣтій спустя носилки вошли во всеобщее употребленіе. Само собой разумѣется, что они были сначала самого простого устройства. Экипажи съ стеклянными окнами появились приблизительно въ 1660 году. Сначала они употреблялись лишь знатными, потомъ начали входить во всеобщее употребленіе. Въ 1636 году въ Лондонѣ и въ его предмѣстіяхъ было 6,000 колясокъ, изъ числа коихъ было и много наемныхъ, въ 1660 году въ Лондонѣ было 800 дрожекъ къ услугамъ публики, которая стояла на углахъ улицъ.

Въ XVII столѣтіи уже не было необходимости совершать путешесвтвія пѣшкомъ или верхомъ или въ носилкахъ, запряженныхъ лошадьми.

По крайней мѣрѣ въ западной Европѣ стали предпочтаться почтовые экипажи. Само собой разумѣется они двигались очень медленно: на перѣездѣ изъ Лондона въ Оксфордъ, который совершаются теперь въ $1\frac{1}{2}$ часа, въ 1692 г. требовалось два дня; на перѣездѣ изъ Лондона въ Йоркъ, который совершается теперь въ 4 часа, тогда требовалось четыре дня. Уже въ XVII столѣтіи улицы столицъ держались чисто, очищались отъ сора.

Общественное освѣщеніе распространялось все болѣе; съ 1682 года въ Берлинѣ улицы освѣщались фонарями, прикрѣпленными къ столbamъ. Постепенно возникли приспособленія къ тушению пожаровъ. Плотники, кузнецы, трубочисты были обращены въ пожарныхъ, тѣмъ болѣе, что въ большихъ городахъ дома уже тогда достигали высоты въ четыре или въ пять этажей, не считая крыши, подъ которыми тоже были комнаты съ стеклянными окнами. Въ то время какъ въ Италии, за исключеніемъ Венеціи, до XVII столѣтія стеклянныя окна встрѣчались рѣдко и замѣнялись обыкновенно патинутымъ полотномъ, бумажной матеріей или бумагой, въ Германиі, Франціи и Англіи они были уже въ общемъ употребленіи. Употребленіе вилокъ было, напротивъ, введено въ Италии въ XVI столѣтіи, между тѣмъ какъ на європѣ оно было еще неизвѣстно, такъ что за обѣдомъ пускались въ ходъ просто пальцы. Сто лѣтъ спустя онѣ вошли въ общее употребленіе.

Такимъ образомъ жизнь становилась во всѣхъ отношеніяхъ и утонченнѣе. Въ противоположность съ средневѣковыми воззрѣніями, въ силу которыхъ цѣлью существованія было подготовленіе къ будущей жизни, стала все болѣе и болѣе выдвигаться на первый планъ забота о земномъ благополучіи. Этотъ поворотъ особенно рѣзко выразился въ національно-экономической тенденціи временъ монархического абсолютизма, въ такъ называемой меркантильной системѣ. Богатство народа — такова была основная мысль этой системы — основывается на количествѣ обращающагося въ народѣ благороднаго металла. Чѣмъ болѣе въ государствѣ золота и серебра, тѣмъ оно богаче. Поэтому слѣдуетъ покровительствовать всему тому, что увеличиваетъ количество благороднаго металла. Вывозъ его запрещается, а также по возможности препятствуется ввозу товаровъ, изъ-за которыхъ деньги уходятъ изъ страны. Зато вывозъ товаровъ поощряется. Но, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, продукты земледѣлія мало способны подыматься въ цѣнѣ, а слѣдовательно оно должно лишь считаться подспорьемъ торговли и промышленности, и продукты его не должны вывозиться во избѣженіе вздорожанія жизненныхъ припасовъ и кустарныхъ издѣлій. Промышленность же должна поощряться государствомъ всѣми возможными способами, каковы: привилегіи, награды, предписанія, пошлина, выгодные торговые договоры, но и строгое наблюдение и регламентациія, для того, чтобы производились хорошиѣ товары, замалчивые для иностранцевъ. Продукты, не добываемыѣ на родинѣ вслѣдствіе климатическихъ условій, должны быть доставляемы изъ колоній, которымъ поэтому дозволяется вести торговлю лишь съ метрополіей.

Эта меркантильная система съ ея ошибочными предположеніями господствовала до французской революціи, а отчасти господствуетъ и теперь, въ новѣйшія времена. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что она благопріятаствуетъ развитию и охранѣ зарождающейся промышленности, хотя и въ ущербъ земледѣлію и, вообще, потребителей; но окрѣпшей промышленности, полной жизненныхъ силъ, она лишь служить во вредъ. Кромѣ того очевидно, что она, благодаря своему строго провведенію въ жизнь эгоизму, ведетъ къ взаимному отчужденію различныхъ народовъ, къ торговой войнѣ, даже къ кровопролитнымъ сраженіямъ, что, какъ мы уже видѣли раньше, имѣло мѣсто и въ то время. Но ея вредныя послѣдствія были замѣтны и въ другомъ направленіи, особенно во Франціи, гдѣ Колльберъ довелъ ее до высшей степени развитія. Сельское населеніе, достигавшее тогда четырехъ пятыхъ всего французскаго народо-населенія, притеснялось и грабилось въ пользу торговли и промышленности и попадало въ самое плачевное положеніе. Это-то обстоятельство и дало толчекъ къ развитію системы, совершенно противоположной меркантильной, а именно къ системѣ *физіократической*, обязанной своимъ появленіемъ Кантillonу (Cantillon, 1755 г.) и особенно Кенэ (Quesnay), Гурнэ (Gournay) и Мирабо Старшему. Физіократы съ своей стороны ставили собственно производительный классъ земледѣльцевъ, гораздо выше классовъ промышленнаго, торгового, чиновничьяго, ученаго, класса художниковъ, такъ какъ всѣ эти классы служать лишь для распространенія роскоши. По ихъ мнѣнію, земледѣліе есть источникъ, который питаетъ ремесла и торговлю, науку и искусства и доставляетъ государству подати.

Тогда еще недостаточно понимали, что промыслы и торговля, не менеѣ земледѣлія, создаютъ новыя цѣнности. Несмотря на то, что одностороннее физіократическое учение не могло утвердиться въ науку, оно принесло ту несомнѣнную пользу, что заставило обратить вниманіе на притѣсненный бѣднѣйшій классъ народа и настойчиво требовало его освобожденія и уравненія его правъ. Такимъ образомъ оно подготовило французскую революцію. Кромѣ того физіократы, желающіе по возможности уничтожить всѣ охранительныя пошлины, были несомнѣнно настроены въ высшей степени космополитически, въ противоположность национальному эгоизму защитниковъ меркантильной системы. Въ Германіи школа эта не встрѣтила сочувствія; ея ревностнѣйшимъ последователемъ былъ великодушный, преданный благу своихъ подданныхъ Карлъ Фридрихъ Баденскій (1728—1811).

Адамъ Смійтъ положилъ конецъ односторонности такихъ крайнихъ воззрѣній въ политico-экономическихъ вопросахъ.

Наравнѣ съ экономическими воззрѣніями мѣнялось и экономическое преобладаніе національностей. Въ теченіе большей части семиадцатаго столѣтія голландцы безспорно занимали первое мѣсто, такъ какъ ихъ торговыя и промышленныя учрежденія въ тѣ времена служили для всѣхъ націй предметомъ восхищенія и подражанія, какъ впослѣдствіи учрежденія Англіи. Они служили посредниками международныхъ сношеній; изъ 20,000 кораблей, принадлежавшихъ Европѣ въ 1670 году, голландцамъ принадлежали отъ 15 до 16 тысячъ. На сушѣ голландская активная торговля достигла верхняго Майна. На Нѣмецкомъ морѣ она вполнѣ господствовала: въ Данцигѣ считалось за смѣость, ведущую къ банкротству, отправлять хлѣбъ въ Голландію на свой страхъ. Нидерландцы отняли у испанцевъ ихъ выгоднѣйшія колоніи; два большихъ общества на акціяхъ—остъ-индское и вестъ-индское—соединили въ своихъ рукахъ міровую морскую торговлю и извлекали изъ нея огромнѣйшую пользу. Амстердамская биржа задавала тонъ на міровомъ рынке, а амстердамскій банкъ держалъ въ своихъ погребахъ до 300 миллионовъ гульденовъ въ слиткахъ и монетахъ. Промышленность процвѣтала въ такой-же мѣрѣ: выдѣлка сукна и полотна, ковровая мануфактура и вышиваніе занимали почти третью всѣхъ жителей. Вся равнина походила на обширный садъ, красивенькие городки напоминали яички съ драгоценными вещами.

Постепенно Голландія однако погрузилась въ лѣнивую роскошь. Болѣе и болѣе она стала стушевываться, благодаря усилившему завистливо и враждебно настроенныхъ соперниковъ, Англіи и Франціи, столь превышающихъ ее числомъ народонаселенія, нанесшихъ ей иѣсколько чувствительныхъ пораженій на морѣ и на сушѣ. Наступила очередь Великобританіи и Франціи занять первое мѣсто. Франція, пріобрѣвшая всемірную извѣстность своимъ уточненнымъ вкусомъ, прочностью своихъ произведеній, а также и тѣмъ, что она была страной издѣлій роскоши, вывозила товаровъ на сумму въ 424 мил., а ввозила всего на сумму 380 мил. Доходъ съ земледѣлія достигалъ 1400 мил., запасы звонкой монеты достигали до 2000 мил. ливровъ. Но и въ то время Англія далеко пегнала Францію.

Начало замѣчательного промышленного процвѣтанія Англіи было полу-

— 1991 —

жено въ XVII столѣтіи, когда начали разрабатываться неистощимыя угольные копи Нортумберланда. Уже въ концѣ этого столѣтія Лондонъ считался главнымъ торговымъ складомъ Европы, и по приблизительному разсчету средній доходъ англичанина достигалъ 127 марокъ, француза—95 м. Вывозъ Англіи достигалъ 139, ввозъ 115 миллионовъ м. Въ 1730 года вывозъ равнялся 245, а ввозъ 145 мил. м.; въ 1774 г. вывозъ достигъ 347 мил. мар. и съ этихъ поръ безпрерывно возрасталъ съ неимовѣрной быстротой.

Проф. Филиппсонъ.

Еще о Шопенгауэрѣ.

Считаю необходимымъ добавить къ моей статьѣ «Ученіе Шопенгауэра о свободѣ воли» (см. № 7 «Научнаго Обозрѣнія» за 1899 г. и №№ 9 и 10 того-же журнала за 1900 г.) слѣдующіе мотивированные тезисы, резюмирующіе ея содержаніе:

Положенія:

- 1) Абсолютная *непознаваемость* (Unnerkennbarkeit) Кантовой *«вещи въ себѣ»* завѣдомо исключаетъ возможность какого-бы то ни было *ученія о волѣ*, какъ *«вещи въ себѣ»*.
- 2) Ученіе Шопенгауэра объ уничтоженіи виѣдѣственной воли, какъ *«вещи въ себѣ»* въ феноменѣ аскезы молчаливо покоится на завѣдомо несостоятельной презумпціи—допущеніи *«умопостигаемаго»* или виѣдѣственнаго дѣйствія (*die intellegible That*).
- 3) Сомнѣніе Куно Фишера въ возможности *«проявленія отрицанія воли (nolle)»* («такъ-какъ всѣ явленія суть утвержденія воли къ жизни (velle), то какъ можетъ когда-либо проявляться отрицаніе воли (nolle)?» См. Куно Фишеръ: «Артуръ Шопенгауэръ» перев. подъ ред. И. В. Пребображенскаго. Изд. Московск. Психолог. Общ. М. 1896, стр. 511) слѣдуетъ признать неосновательнымъ, такъ-какъ *прекращеніе* составляетъ такую-же законную *форму времени*, какъ и *возникновеніе воли, какъ явленія»*.
- 4) Ученіе Шопенгауэра о преобѣждении воли *интеллектомъ* въ феноменѣ аскезы съ одной стороны *покоится на логически несостоятельной презумпціи «умопостигаемаго» дѣйствія*, а съ другой стороны *молчаливо предполагаетъ возможность познанія завѣдомо непознаваемой воли, какъ «вещи въ себѣ»*.
- 5) Въ виду логической несостоятельности понятія *«умопостигаемаго»* или виѣдѣственного дѣйствія, на которомъ молчаливо покоится Шопенгауэрово ученіе о феноменѣ аскезы (см. четвертый тезисъ), этотъ послѣдній феноменъ аскезы слѣдуетъ признать такимъ-же одностороннимъ актомъ уничтоженія воли, какъ *«явленія»*, чтѣ и самоубійство.
- 6) Феноменъ аскезы (въ силу *пятаго тезиса*) слѣдуетъ признать такимъ-же *«безцѣльнымъ»*—по словамъ Шопенгауэра—*«и безсмысленнымъ поступкомъ»*, чтѣ и самоубійство, такъ-какъ по точному смыслу Шопенгауэрова ученія между феноменомъ аскезы и самоубійствомъ не можетъ быть (въ силу *пятаго тезиса*) никакого *принципіального различія*.

7) Недоумініе Куно Фишера по поводу можливості існування світу після уничтоження волі, якъ «явленія»¹⁾ слѣдуетъ призначати неосновательнимъ, такъ какъ (въ силу четвертаго тезиса) «индивидуальне отрицаніе воли» влечеть за собою единственно лишь отрицаніе умопостигаемаго характера волі, содѣлавшаго путемъ домірового акта вибора *даний* емпірический характеръ и не касается вовсе умопостигаемаго характера світу.

8) Теоретическая ошибка Шопенгауэрова учения объ уничтоженії въ феноменѣ аскезы умопостигаемаго характера кроется въ одновременномъ допущенії, что міровая воля (*Weltwille*) цѣликомъ и безраздельно содержится въ явленії и что такихъ явленій, однако, возможно бесконечное множество;

9) Ученіе Шопенгауэра объ «изумительной каѳолической трансцендентальной перемынѣ Асмуса», а равно и учение его о «свободѣ благодати» молчаливо поконится на логически несостоятельной презумпції «умопостигаемаго» дѣйствія.

10) Ученіе Шопенгауэра объ эволюції воли къ жизни (на что впервые указалъ г. М. М. Филипповъ²⁾) молчаливо поконится на завѣдомо несостоятельной презумпції «умопостигаемой» или виѣдѣйственной дѣйственности (*die intellegible Wirksamkeit*).

11) Канто-Шопенгауэрова конструкція понятія *умопостигаемаго характера* молчаливо поконится на *трехъ* логически несостоятельныхъ презумпціяхъ:

а) по скольку умопостигаемому характеру приписывается въ доміровомъ бытіи *творческая дѣятельность*, постолько понятію *виѣдѣйственной* волі, какъ «вещи въ себѣ» приписывается ео *ipso* категорія «умопостигаемаго» или виѣдѣйственного дѣйствія;

б) по скольку умопостигаемому характеру приписывается способность творить въ доміровомъ бытіи *многократно*, постолько понятію *виѣчислennой* волі, какъ «вещи въ себѣ» приписывается ео *ipso* категорія *множественности* (*Mehrheit*), т. е. категорія умопостигаемаго или *виѣчислennаго* числа;

с) по скольку между умопостигаемымъ и емпірическимъ характерами мыслится *причинное соотношеніе*, постолько понятію абсолютно виѣ причинной волі, какъ «вещи въ себѣ» приписывается ео *ipso* категорія «умопостигаемой» или *виѣпричинной причины*.

12) Канто-Шопенгауэрова конструкція понятія свободного акта вибора въ доміровомъ бытіи молчаливо поконится на завѣдомо несостоятельной презумпції «умопостигаемаго» или *виѣдѣйственного дѣйствія*.

13) Конструкція проф. Рихарда Фалькенберга Кантової «вещи въ себѣ» молчаливо поконится на логически несостоятельной презумпції—допущенії «умопостигаемаго» или виѣчислennаго числа.

14) Только молчаливымъ допущеніемъ (Шопенгауэра) соотвѣтствія числа умопостигаемыхъ характеровъ числу емпірическихъ можно объ-

¹⁾ См. Куно Фишеръ: „Артуръ Шопенгауэръ“ пер. подъ ред. В. П. Преображенского. Изд. Моск. Психол. Общ. М. 1896, стр. 510 и 119.

²⁾ См. статью г. М. М. Филиппова: „Необходимость и свобода“, напечат. въ „Научномъ Обозрѣніи“ №№ 4 и 5 за 1899 г.

яснить, почему «индивидуальное отрицание воли» не служит—вопреки мнѣнію Куно Фишера—«вмѣстѣ съ тѣмъ всеобщимъ отрицаніемъ и уничтоженіемъ міра» (Ср. тезисъ *седьмой*).

15) Посколько Канто-Шопенгауэрова классификація характеровъ молчаливо предполагаетъ *равенство числа умопостигаемыхъ характеровъ числу эмпирическихъ*, постолькю понятію абсолютную виѣчесленной воли, какъ «вещи въ себѣ» приписываются ею *ipso principia individualitatis*, т. е. молчаливо допускается возможность *нумерической различенія или индивидуализація* *завѣдомо виѣчесленной воли*, какъ «вещи въ себѣ».

16) Ученіе Шопенгауэра объ *измѣнености* мотивовъ дѣйствій путемъ познанія *противорѣчія* презумпціи *постоянства* мотивовъ, на которой молчаливо поконится Шопенгауэрьо учепіе о неизмѣнности врожденного, строго индивидуального эмпирическаго характера.

17) Ученіе Шопенгауэра о томъ, что человѣкъ «*при* совершенно *одинаковыхъ обстоятельствахъ* *одинаково* «будетъ всегда поступать и впередъ» *противорѣчія* утвержденію Шопенгауэра, что « *положеніе человѣка при одинаковыхъ виѣческихъ обстоятельствахъ* можетъ оказаться «во второй разъ дѣйствительно совершенно инымъ, чѣмъ въ первый»...

18) Ученіе Шопенгауэра объ *измѣненіи* мотивовъ путемъ познанія молчаливо предполагаетъ возможность препобѣждения первичной воли производнымъ интеллектомъ, чтѣ, въ свою очередь (въ силу *четвертаго тезиса*) поконится на логически несостоятельной презумпціи—возможности познанія *завѣдомо непознаваемой воли*, какъ «вещи въ себѣ».

19) Ученіе Шопенгауэра о возможности воздействиія на человѣка *новыхъ мотивовъ* *противорѣчія* молчаливой презумпціи *неизмѣнности* мотивовъ, какъ «*опредѣляющихъ оснований неизмѣнной воли*».

-20) Ученіе Шопенгауэра объ *измѣненіи* эмпирическаго характера въ феноменѣ аскезы *противорѣчія* Шопенгауэрьо ученію о *неизмѣнности* врожденного строго индивидуального эмпирическаго характера.

21) Ученіе Шопенгауэра объ *измѣненіи* эмпирическаго характера въ феноменѣ аскезы является *логическимъ наследиемъ* Кантова ученія о *«переломѣ»* (Revolution) въ характерѣ человѣка, благодаря «извѣстнаго рода перерожденію и иѣкоторому новому акту творенія и обновленія сердца (*durch eine Wiedergeburt und durch eine neue Schöpfung und Aenderung des Herzens...*)»

22) Усвоивъ понятію *воли* Канто различеніе умопостигаемаго и эмпирическаго характеровъ, Шопенгауэръ *необходимо* *долженъ* *быть повторить теоретическая ошибки Канта*, поскольку примѣнилъ къ понятію *внѣдѣльственной, внутренней и виѣчесленной воли*, какъ «вещи въ себѣ» категоріи *дѣйствія, причины и числа*.

23) Ученіе Куно Фишера о *превращеніи* (Umwandlung) «естественного характера» противорѣчить его утвержденію, что «*внутри характера* *нѣтъ* моральной свободы, *нѣтъ* способности измѣнить себя» и что «*основное направление* характера остается (всегда) тѣмъ-же самымъ».

24) Ученіе Шопенгауэра о *предопределѣленіи* всѣхъ дѣйствій «врожденного, строго индивидуального эмпирическаго характера» разрѣщается въ софизмѣ Гоммеля и «*fatum mahomedanem*» т. е. представляеть молчаливый *circulus vitiosus*.

25) Ученіе Шопенгауера о *неизмѣнности* эмпирического характера оказывается бессильнымъ служить объективнымъ критеріемъ для нравственной оцѣнки не только *прошлой* и *будущей*, но и всей вообще *земной* жизни человѣка, такъ-какъ *умопостигаемый характеръ*, по соображенію съ которымъ *единственно* возможна оцѣнка нравственного поведенія человѣка, будучи *внѣвременной* «вещью въ себѣ» абсолютно не зависитъ отъ земной, т. е. *временной* жизни человѣка.

26) Ученіе Шопенгауера о *неизмѣнности* эмпирического характера разрѣшается въ *отповѣдь* всякой нравственности и молчаливо покоится на *трехъ* завѣдомо несостоятельныхъ *презумпціяхъ*, указанныхъ въ *одиннадцатомъ* тезисѣ.

27) Шопенгауэрова конструкція «*неизмѣнного* эмпирического характера», молчаливо покоющаяся на завѣдомой *contradictio in adjecto*, разрѣшается въ логически несостоятельное понятіе «*внѣдѣйственнаго явленія*».

28) Шопенгауэрovo ученіе о совѣсти, поскольку оно покоится на понятіи «свободнаго акта выбора въ домировомъ бытіи» *приписываетъ понятію вѣнѣдѣйственной, вѣнѣчленной и вѣнѣпрчинной воли, какъ «вещи въ себѣ» завѣдомо противорѣчивы предикаты вѣнѣдѣйственнаго дѣйствія, вѣнѣчленного числа и вѣнѣпрчинной причины.*

29) Ученіе Шопенгауера о нравственной свободѣ, въ виду теоретическихъ погрѣшиостей, на которыхъ оно молчаливо покоится, *разрѣшается* (въ силу предыдущаго тезиса) въ *жестокий умопостигаемый* (т. е. *метафизический*) *фатализмъ*, исключающій возможность вмѣньяности, а равно и фактъ доброй и злой (нечистой) совѣсти.

30) Ученіе Шопенгауера объ *эвентуальномъ* характерѣ угрizenія совѣсти, уязвляющей человѣка *post factum*, не мирится съ ученіемъ его объ *умопостигаемомъ* характерѣ, какъ единственномъ критеріи нравственности.

31) Ученіе Шопенгауера о *неизмѣнности* «врожденнаго, строго индивидуального эмпирического характера» противорѣчитъ его ученію объ *искупленіи* въ феноменѣ аскезы.

32) Поскольку Шопенгауэръ приписываетъ какіе-бы то ни было *положительные* предикаты умопостигаемому характеру, постолько онъ впадаетъ въ самоопротиворѣчіе, допуская возможность познанія завѣдомо непознаваемой воли, какъ «вещи въ себѣ».

33) Завѣдомое *осужденіе* умопостигаемаго характера воли міра (*Urwillе*) молчаливо предполагаетъ возможность познанія абсолютно непознаваемой воли, какъ «*вс thi въ себѣ*».

34) Метафизический фатализмъ Шопенгауэра разрѣшается въ безнадежный этическій пессимизмъ метафизического происхожденія, вырождающейся, въ свою очередь, въ проповѣдь безусловнаго *нравственнаго коїзтизма*.

35) Принципъ состраданія, выставленный Шопенгауэромъ въ качествѣ *основанія* морали, не только не чуждъ эгоизма, но служитъ даже замаскированнымъ выражениемъ наиболѣе могучаго и утонченнаго *самоподтвержденія* воли (*Selbstbejahrung des Willens*) т. е. разрѣшается въ проповѣдь рафинированнаго, квалифицированнаго *эгоизма*;

36) Шопенгауэрова этика сострадания разрываются въ непримири-
мую внутреннюю *антиномию* и сводится напослѣдокъ къ проповѣди
убийства людей, т. е. къ апологіи смерти, провозглашающей девизъ: «*Pol-
ice verso!*» («Добей его!»)

37) Шопенгауэрова этика сострадания, разрывающая антитезу между
«я» и «не-я» въ синтезъ: «ты во мнѣ, ибо ты — я еще разъ», дѣлаетъ
непонятнымъ фактъ *зависти*, порождаемой сознаниемъ благополучія и до-
вольства другого лица.

38) Посколько Шопенгауэрова этика сострадания разрываются въ
проповѣдь наиболѣе могучаго самоподтвержденія воли и апологію *безгра-
ничного эгоизма*, постолько вся нравственная философія Шопенгауэра
вырождается въ апологію замаскированаго *эвдемонизма*.

39) Посколько Шопенгауэръ усваиваетъ міровой волѣ характеръ
активности, «безцокойства, неудержимаго влечения, нечасынаго стремле-
нія безъ меты и перерыва», постолько, ее *ipso* понятію абсолютно виѣ-
дѣйственной воли, какъ *«вещи въ себѣ»* неминуемо приписывается пре-
дикатъ дѣйственности (*Wirksamkeit*), или — иными словами — постолько
понятію вещи въ себѣ неизбѣжно приписывается завѣдомо противорѣчи-
вый предикатъ *явленія*.

40) Независимо отъ теоретическихъ погрѣшностей (указанныхъ въ один-
надцатомъ тезисѣ), Канто-Шопенгауэрова классификація характеровъ, какъ
и все вообще ученіе Шопенгауэра о волѣ, какъ *«вещи въ себѣ»* молча-
ливо предполагаетъ возможность познанія абсолютно непознаваемой Кан-
товой *«вещи въ себѣ»*.

41) Историческое значеніе всей вообще философіи Шопенгауэра
сводится напослѣдокъ къ постыдѣ примиренія въ синтезѣ оптимизма и
пессимизма этическаго міропониманія пантеизма (буддизма) и дуализма
(христіанства).

42) Своимъ ученіемъ о «волѣ къ власти», разрывающимся въ апо-
логію квалифицированаго самоподтвержденія воли и безграничного эгоизма,
Нитцше привнесъ логическій коррективъ въ Шопенгауэрскую этику состра-
дания, которая вырождается въ проповѣдь наиболѣе могучаго и уточчен-
наго эгоизма.

Семенъ Груzenбергъ.

Психологія въ политической экономії.

Когда говорять о психології и психологическомъ методѣ, то прежде всего необходимо знать, съ какою именно психологіей мы будемъ имѣть дѣло. Вѣдь еще и теперь не вполнѣ устраненъ тотъ взглядъ на психологію, по которому если не единственнымъ, то основнымъ методомъ этой науки является такъ называемое „самонаблюденіе“. Въ болѣе же отдаленныхъ отъ насъ времена многие психологи считали свою задачу исчерпанной, когда погружались въ свой собственный внутренний міръ и, не пользуясь ни экспериментальнымъ методомъ, ни какими-либо иными вспомогательными средствами, черпали откровенія изъ глубины собственного духа—при чемъ, разумѣется, находили не болѣе того, что содержалось въ ихъ собственномъ, ими-же произвольно ограниченномъ, мышлении.

Нѣкоторыя попытки экономистовъ обосновать свою науку на индивидуальной психології чрезвычайно напоминаютъ этотъ методъ самоуглубленія. Экономистъ, принадлежащій большою частью къ среднимъ слоямъ общества и привыкшій вращаться въ сферѣ извѣстныхъ интересовъ, начинаетъ размышлять о своихъ собственныхъ хозяйственныхъ стремленіяхъ или о тѣхъ, къ которымъ онъ привыкъ въ своемъ кругу. Мало-по-малу онъ приходитъ къ убѣжденію, что его индивидуальная психологія и сходная съ нею психологія ограниченного кружка людей, къ которому онъ принадлежитъ,—это универсальная психологія, одинаково примѣнимая и къ бушмену, и къ древнему египтянину, и къ русскому общиннику, и къ западно-европейскому пролетарію. На основаніи этой всеобщей психологіи строятся цѣлые новыя системы политической экономії. Такова извѣстная теорія предѣльной полезности. Теоретику даже не приходитъ въ голову провѣрить, примѣняли ли его психологія къ самымъ выдающимся явленіямъ хотя-бы капиталистического строя: онъ разсуждаетъ такъ, какъ будто все общество

состоит изъ людей, получающихъ небольшія ренты, стипендіи или пенсіи, и его очень мало интересуетъ тотъ классъ людей, которые вынуждены со дня на день продавать свою рабочую силу—единственное имущество, какимъ они располагаютъ. Недостаточно внимательно относится такой теоретикъ и къ психології тѣхъ людей, которые продаютъ, на десятки и сотни тысячъ рублей или фунтовъ стерлинговъ, товары, ни въ малѣйшей степени не интересующіе ихъ самихъ, какъ потребителей. Однимъ словомъ, такой экономистъ живеть въ счастливой странѣ, гдѣ есть продавцы и покупатели, но нѣть ни предпринимателей, ни рабочихъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ критикѣ этой удивительной мѣщанской психології, необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, какимъ образомъ психическій элементъ входитъ въ явленія соціальной жизни. Мы здѣсь оставимъ въ сторонѣ тѣхъ соціологовъ, которые не устаютъ повторять, что мыслить и чувствовать могутъ „только люди“, т. е. „отдѣльныя личности“ и на этомъ вполнѣ спрavedливомъ основаніи утверждаютъ уже безъ всякихъ разумныхъ доводовъ, что общество слѣдуетъ считать не реальнымъ, а чисто номинальнымъ агрегатомъ. Мыслить и чувствовать могутъ, конечно, только люди. Однако, стоить присмотрѣться къ любому кружку людей, въ которомъ сталкиваются разныя мнѣнія, интересы и чувства, чтобы убѣдиться въ томъ, что общеніе между людьми видоизмѣняетъ ихъ чувства и мысли, и что въ результатѣ такого общенія получается равнодѣйствующая, не имѣющая ничего общаго съ простымъ суммированіемъ мнѣній, интересовъ и чувствъ.

Присматриваясь къ соціальнымъ и, въ частности, къ экономическимъ явленіямъ, не трудно убѣдиться въ томъ, что въ нихъ прямо или косвенно всегда входитъ какой-либо психическій элементъ; и это по той простой причинѣ, что всѣ соціальные явленія сводятся или къ отношеніямъ между людьми или къ зависимости однихъ людей отъ того, что раньше сдѣлано другими. При всякой-же человѣческой дѣятельности играютъ извѣстную роль сознательныя мысли, чувства, стремленія. Но въ то же время не трудно замѣтить, что психическій элементъ входитъ въ соціальную область совсѣмъ особымъ образомъ. Чувства, мысли, стремленія людей не имѣютъ никакого соціального значенія, пока таятся въ нашей груди или въ головѣ. Итакъ, прежде всего, для того, чтобы стать соціальною, психическая дѣятельность должна воплотиться въ какой-либо виѣшней дѣятельности, создать какую-либо вещь, учрежденіе или виѣшнюю норму, однимъ словомъ, объективироваться. Но и этого еще не достаточно. Далеко не всякая дѣятельность человѣка, объективирующаяся въ вещахъ или какихъ-либо виѣшнихъ формахъ, имѣть соціальное значеніе. Соціальны лишь мысли, стремленія, повторяющіяся у многихъ лю-

дей¹⁾). Я не знаю такихъ экономистовъ, которые признавали бы экономическою дѣятельностью людей, напр., тѣлодвиженія или жесты, выражаютіе индивидуальное настроеніе человѣка. Но по-видимому были и такие: по крайней мѣрѣ одинъ изъ основателей теоріи предѣльной полезности, Менгеръ, считаетъ необходимымъ полемизировать съ такими учеными. Сомнительно даже, чтобы и тѣ акты индивидуального потребленія, которые не имѣютъ никакого отношенія къ производству входили въ составъ политической экономіи. Производство материальныхъ благъ для хозяйства одного человѣка, изолированного отъ интересовъ всѣхъ прочихъ людей, не входитъ въ область соціальныхъ наукъ. Робинсонъ, на которого такъ любили ссылаться прежніе экономисты, въ сущности самый плохой примѣръ для экономическихъ теорій. Онъ годится для политico-экономическихъ разсужденій лишь потому, что онъ уже принесъ съ собою культуру своего народа и воспитаніе, полученное въ своей странѣ. Но только съ появлениемъ Пятницы Робинсонъ вступаетъ въ настоящую область соціологии и политической экономіи.

Въ современномъ обществѣ, если исключить вѣкоторые общественные и государственные имущества, элементарной категоріей политической экономіи является товаръ. Товаръ прежде всего есть предметъ, удовлетворяющій общепризнанной потребности, потребности обширной группы людей или цѣлаго класса. Но никто не станетъ продавать товаровъ только ради того, чтобы удовлетворить чужимъ потребностямъ, вовсе не имѣя въ виду при этомъ и своихъ. Каждый продавецъ продаетъ съ тѣмъ, чтобы потомъ стать покупателемъ. Въ концѣ концовъ въ современномъ обществѣ все являются покупателями и продавцами. Этотъ фактъ всего болѣе бросается въ глаза, и на первый разъ, поэтому, кажется очень естественною мысль объяснить, исходя изъ этого факта, и самыя нормы, регулирующія обмѣнъ, другими словами, цѣнности или ихъ денежная выраженія—цѣны. Въ отношеніяхъ между продавцемъ и покупателемъ, стало быть, въ цѣломъ рядъ отношений между самыми разнообразными людьми всевозможныхъ классовъ, состояній и профессій, проявляется начало эгоизма, по которому каждый старается какъ можно дороже продать и дешевле купить. Это своего рода дуэль между продавцами и покупщиками, и этотъ фактъ торгашества, еще не вполнѣ исчезнувшій даже въ наиболѣе культурныхъ странахъ, бросается въ глаза: происходящія отсюда колебанія цѣнъ представляются существеннымъ моментомъ

¹⁾ Сравн. многія вѣрныя замѣчанія въ статьѣ Э. Абрамовскаго, Психологіческія основы соціологии (есть русск. перев. 1900 г.).

самаго образованія цѣнъ. Это, однако, то-же, какъ если бы волны представились основнымъ моментомъ, опредѣляющимъ высоту уровня моря.

Чѣмъ значительнѣе развивается товарное хозяйство, тѣмъ болѣе отступаетъ на задній планъ индивидуально-психологический элементъ, весьма еще рѣзко выступающій въ началѣ товарнаго обмѣна, а именно при натуральномъ мѣновомъ торгѣ. Даже и теперь въ мелочной торговлѣ, въ особенности въ малокультурныхъ странахъ или въ глухихъ мѣстностяхъ болѣе кульурныхъ странъ, элементъ торгащества выступаетъ гораздо рѣзче, чѣмъ въ оптовой и даже мелочной торговлѣ странъ съ развитымъ капиталистическимъ производствомъ. Въ Парижѣ даже разносчики, торгующіе фруктами, продаютъ по фиксированнымъ цѣнамъ, обозначеннымъ на ярлычкахъ. Въ средніе вѣка цѣны иногда назначались принудительными мѣрами; но торгащество вообще было развито еще больше, чѣмъ теперь въ самыхъ отсталыхъ европейскихъ странахъ. Не только сравнительное постоянство цѣнъ, но даже извѣстная коммерческая честность является результатомъ экономической эволюціи. Какъ замѣчаетъ Энгельсъ: „современной политической экономіей установленъ законъ, хотя и не занесенный въ учебники, что чѣмъ болѣе развивается капиталистическое производство, тѣмъ менѣе возможнымъ становится примѣненіе мелкаго плутовства и мошенничества, характеризующаго первыя ступени развитія капитализма“. Каковы бы ни были поэтуому „индивидуальная уклоненія“, съ которыми наскъ порою знакомятъ уголовные процессы, но политическая экономія въ своихъ психологическихъ предпосылкахъ имѣеть право, при сужденіи о современномъ строѣ, исходить изъ предположенія полной коммерческой честности. Мы допускаемъ поэтуому, что цѣны нигдѣ не „запрашиваются“ ни вчетверо, ни даже вдвое, но соотвѣтствуютъ, по крайней мѣрѣ приблизительно, нѣкоторой идеальной нормѣ¹⁾.

Но въ такомъ случаѣ является вопросъ, чѣмъ обусловли-

¹⁾ „Во всякомъ случаѣ, говоритъ Энгельсъ, съ прогрессомъ крупной промышленности и въ Германіи многое должно было измѣниться и въ особенностіи со временемъ филадельфіской промышленной яены утратилъ свою прежнюю силу принципъ старо-нѣмецкой порядочности: посыпать для угощенія покупателямъ прекрасные образцы, а затѣмъ—гнилые товары“. „Въ самомъ дѣлѣ—продолжаетъ Энгельсъ,—эти хитрости и уловки невыгодны теперь на обширномъ рынке, где время—деньги и где коммерческая честность достигла уже извѣстной высоты не изъ стремленія къ добродѣтели, а просто потому, что на эти уловки невыгодно тратить время и трудъ“.

Замѣчу, что „коммерческая честность“ не исключаетъ однако проявленія разнаго рода фальсификацій, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда разсчитываютъ на невѣжество потребителя или ближайшаго покупателя.

— 2001 —

вается равновесие между покупкой и продажей, т. е. когда-же переходъ товара изъ рукъ продавца въ руки покупателя можно считать обоядно выгоднымъ? На это пытались отвѣтить различные теоріи цѣнности, причемъ однѣ исходили изъ чисто объективныхъ началь, утверждая, что равенство обусловливается одинаковостью трудовыхъ усилий—или, по другимъ теоріямъ, одинаковостью издержекъ или затратъ,—тогда какъ другія теоріи опирались на субъективныя основанія, а именно на возможность уравновѣшеннія потребностей продавца и покупателя. Такъ какъ мы здѣсь занимаемся психологіей, то естественно обратить вниманіе на субъективную теорію.

Всякая объективная теорія цѣнности наталкивается на трудность, впервые окончательно устраниенную теоріей Маркса, а именно на невозможность объяснить происхожденіе прибыли изъ одного обмѣна. Дѣйствительно, всякая объективная теорія вынуждена признать обмѣнъ эквивалентовъ. Невозможно допустить, чтобы продавцы постоянно получали болѣе значительныя цѣнности, чѣмъ тѣ, которыя они отдаютъ покупщикамъ. Если-бы нѣчто подобное и случалось постоянно, то каждый продавецъ, выступая по необходимости какъ покупщикъ, терялъ-бы на покупкѣ выигранное на продажѣ. Этой трудности, какъ мы сейчасъ увидимъ, на первый взглядъ не существуетъ для субъективной теоріи. Но чтобы вполнѣ оцѣнить ее, необходимо указать на нѣкоторыя попытки обойти ее чисто объективнымъ путемъ.;

Еще Сэй, по французскому выражению популяризовавшій, а вульгаризировавшій ученіе Адама Смита, пытался доказать, что прибыль предпринимателя попросту уплачивается потребителемъ. На это—не совсѣмъ полно, но въ основѣ правильно—возразилъ Прудонъ въ своемъ пресловутомъ памфлете: „Что такое собственность“. Представимъ себѣ, говорить Прудонъ, цѣпь изъ какого угодно числа предпринимателей. Если изъ нихъ А получаетъ прибыль отъ В, то, по утвержденію Сэя, В заставитъ себѣ платить С, С получить прибыль со слѣдующаго и такъ далѣе до послѣдняго. Но кто-же заплатить послѣднему? Потребитель, говорить Сэй. Но развѣ кромѣ А, В, С и т. д. есть еще какіе-либо потребители? Кто же станетъ платить послѣднему? Если А, то стало быть никто не получить прибыли. Если отбросить не вполнѣ точные выраженія Прудона, который говорить о предпринимателяхъ и производителяхъ, гдѣ слѣдовало-бы говорить просто о покупателяхъ и продавцахъ, то можно сказать, что онъ уже привелъ утвержденія Сэя и ему подобныхъ къ нелѣпости.

Гораздо остроумнѣе взглядовъ Сэя теорія известного экономиста Лексиса. Онъ также исходитъ изъ объективной теоріи обмѣна и утверждаетъ слѣдующее: всѣ вообще мѣновыя сдѣлки происходятъ

на томъ основаніи, что продавецъ получаетъ прибыль съ покупателя, за исключениемъ, однако, одного класса сдѣлокъ, а именно между рабочими и наимателями. Въ этомъ случаѣ покупатель уплачиваетъ продавцу рабочей силы, т. е. рабочему, не выше настоящей цѣнности, а какъ разъ по цѣнности. Или, по словамъ самого Лексиса: „капиталистические продавцы получаютъ при своихъ сдѣлкахъ прибыль такимъ образомъ, что каждый продаетъ дороже, чѣмъ покупаетъ, стало быть каждый повышаетъ собственную цѣну товара (т. е. ту цѣну, сколько товаръ ему стоитъ), на известную процентную норму. Только рабочій не въ состояніи добиться такой прибавки цѣнности; но въ силу своего неблагопріятнаго положенія по отношенію къ капиталисту, онъ вынужденъ продавать свой трудъ за ту цѣну, сколько этотъ трудъ стоитъ ему самому, т. е. по стоимости необходимыхъ жизненныхъ потребностей. Такимъ образомъ эти указанныя надбавки цѣнъ сохраняютъ по отношенію къ наемнымъ рабочимъ все свое значеніе и приводятъ къ переходу въкоторой части цѣнности совокупнаго продукта къ классу капиталистовъ“.

Присмотрѣвшись къ этому разсужденію, не трудно понять, что Энгельсъ имѣлъ полное право назвать Лексиса замаскированнымъ марксистомъ. Дѣйствительно, рѣшительно все равно—сказать, что всѣ товары обмѣниваются какъ эквиваленты, по настоящимъ цѣнностямъ, и только одинъ изъ этихъ товаровъ, именно рабочая сила, обладаетъ свойствомъ доставлять покупателю большую цѣнность, чѣмъ та, которая соотвѣтствуетъ самому товару; или-же сказать, какъ это дѣлаетъ Лексисъ, что всѣ товары продаются выше настоящей цѣнности, а рабочая сила доставляетъ рабочему лишь свою настоящую цѣнность.

Очень грубая форма была придана теоріи Лексиса въ нашей литературѣ г. Слонимскому, который пытался воспользоваться доводами Лексиса, не называя впрочемъ источника, съ цѣлью опроверженія взглядовъ Маркса, а также съ цѣлью доказать полную возможность обмѣна не эквивалентныхъ цѣнностей совершенно независимо отъ вопроса о покупкѣ рабочей силы.

По мнѣнію г. Слонимского, то обстоятельство, что всякий продавецъ въ концѣ концовъ выступаетъ и какъ покупатель, ровно ничего не говоритъ противъ возможности получить прибыль въ актѣ обмѣна. „Фабриканть, говорить онъ, продаетъ свои товары съ надбавкой 10% къ ихъ стоимости и выручаетъ при этомъ сто тысячъ рублей прибыли. Затѣмъ онъ напр. на двѣсти тысячъ покупаетъ другіе товары, нужные ему для производства и съ своей стороны переплачиваетъ въ ихъ цѣнѣ десять процентовъ, т. е. онъ теряетъ при покупкѣ двадцать тысячъ рублей. Слѣдовательно онъ выигрываетъ при продажѣ сто тысячъ, а теряетъ при покупкѣ

двадцать тысячъ, что вовсе не одно и то же. Гдѣ-же тутъ равенство, которое предполагалъ Марксъ?“

На этомъ основаніи г. Слонимскій утверждаетъ, что Марксъ только играетъ словами, тогда какъ онъ, г. Слонимскій, анализируетъ дѣйствительныя явленія. Такимъ образомъ г. Слонимскому представляется дѣйствительнымъ явленіемъ слѣдующее: фабриканть произвѣль товаровъ на миллионъ рублей, такъ какъ по утвержденію г. Слонимскаго, 10% съ общей цѣнности произведенныхъ товаровъ составлять 100,000 р. Спрашивается, какъ составилась цѣнность, равная миллиону? Она конечно не свалилась съ неба, а составилась, выражаясь вульгарно, изъ издержекъ производства. Всѣ эти издержки такъ или иначе заставляли фабриканта выступать въ разное покупателемъ. Онъ покупалъ машины и теперь включаетъ въ издержки производства ихъ погашеніе; покупалъ сырье, покупалъ вспомогательные материалы, напр. топливо, наконецъ, покупалъ рабочую силу. Спрашивается, платилъ ли онъ за все это по настоящей цѣнности или же всѣ продавцы въ свою очередь получали съ него надбавки? Этотъ вопросъ устранился г. Слонимскимъ. Вмѣсто цѣлага онъ рассматриваетъ только часть издержекъ фабриканта и такимъ образомъ благополучно достигаетъ вмѣсто равенства прибылей и убытковъ ихъ неравенства, и это по той простой причинѣ, что часть дѣйствительно меньше цѣлага. Этотъ-то пріемъ укрывательства признается анализомъ дѣйствительныхъ явленій. Далѣе перефразируется теорія Лексиса: „разница между покупками и продажами фабриканта происходитъ прежде всего отъ того, что значительная часть издержекъ идетъ на заработную плату. Рабочіе, техники и пр. получаютъ плату безъ всякой надбавки къ стоимости ихъ работы и если они въ свою очередь теряютъ на этомъ, то это ужъ ихъ потеря, а не фабриканта“. Но мы уже видѣли, что теорія Лексиса есть, въ свою очередь, не болѣе какъ перефразировка какъ разъ той самой теоріи Маркса, противъ кото-рои г Слонимскій выдвигаетъ свои доводы¹⁾.

Субъективныя теоріи, къ которымъ мы теперь переходимъ, свободны отъ недѣлостей, въ родѣ тѣхъ, въ какія впадаютъ авторы, пытающіеся вывести прибыль изъ чисто объективныхъ условій обмѣна, исключая, разумѣется, обмѣна, состоящаго въ продажѣ рабочей силы. На первый взглядъ, это обстоятельство сильно говорить въ пользу субъективизма.

Уже Кондильякъ и другие писатели XVIII вѣка, пытались вывести законы обмѣна, исходя изъ понятія потребителей цѣн-

¹⁾ Считаю излишнимъ болѣе подробный разборъ взглядовъ г. Слонимскаго, такъ какъ надлежащая оценка ихъ была уже сдѣлана П. Неждановымъ въ „Научн. Обозр.“ за 1898 годъ.

ности. „Несправедливо, говорить Кондильякъ, утверждать, что при обмѣнѣ товаровъ мѣняются эквиваленты. Каждый изъ контрагентовъ всегда даетъ меньшую цѣнность за большую“.

Съ объективной точки зрењія это утвержденіе Кондильяка конечно, можетъ показаться верхомъ нелѣпости. Если А отдаетъ В меньшую цѣнность, чѣмъ та, которую получаетъ отъ В, то какимъ образомъ можно утверждать, что онъ получаетъ въ то же время отъ В меньшую цѣнность и даетъ ему большую? Но на это Кондильякъ возражаетъ, что цѣнность должна быть относима къ потребностямъ каждого изъ контрагентовъ. Съ точки зрењія А, отдаваемая имъ цѣнность меньше получаемой, но и В находится въ томъ-же положеніи, и для А точно также не обязательна точка зрењія В, какъ и обратно. Отдавая безполезную для насъ вещь, мы, говорить Кондильякъ, желаемъ получить въ обмѣнѣ вещь, для насъ полезную. Если-бы дѣйствительно можно было доказать, что субъективная полезность или желательность какой-либо вещи допускаетъ количественное мѣрило, то теорія Кондильяка пріобрѣла бы значительную видимость правдоподобія.

Аналогичная теорія, но уже на точномъ количественномъ основаніи, была развита въ сравнительно недавнее время Менгеромъ, Джевонсомъ, Визеромъ, Вальрасомъ, Бемъ-Баверкомъ и другими подъ именемъ „теоріи предѣльной полезности“.

Напомню главныя основанія этой теоріи.

Какъ и подобаетъ психологической теоріи, ученіе о предѣльной полезности беретъ въ основу психофизический законъ Вебера-Фехнера, состоящій въ томъ, что ощущеніе пропорціонально логарифму раздраженія или, что то же, ощущеніе должно возрастать лишь въ ариѳметической прогрессіи въ то время, какъ раздраженіе растетъ въ геометрической прогрессії.

Первый фунтъ, данный голодному человѣку, представляетъ поэту, гораздо большую субъективную полезность, т. е. большій источникъ удовлетворенія ощущенія голода, чѣмъ второй фунтъ; второй—больше, чѣмъ третій.

Другими словами, интенсивность ощущенія потребности зависитъ отъ уже потребленного количества. Нѣкоторые послѣдователи излагаемой теоріи, забывая о существованіи предѣльного раздраженія, ниже которого не возбуждается никакого ощущенія, готовы допустить справедливость приведенныхъ положеній даже для безконечно малыхъ раздраженій. На самомъ дѣлѣ, однако, теорія непримѣнима даже къ конечнымъ, но очень малымъ раздраженіямъ. Такъ ровно ничего нельзя сказать о томъ, какой миллиграммъ хлѣба интенсивнѣе утоляетъ голодъ, — первый или второй. Съ другой стороны, многіе послѣдователи теоріи недостаточно отличаютъ субъективную полезность, т. е. способность удовлетворить какой бы

то ни было потребности, хотя бы вовсе не соответствующей нормальнымъ функциямъ организма, отъ объективной полезности, опредѣляемой такими науками, каковы гигиена, педагогика и т. п. Говоря о полезности, экономическая теорія въ строгомъ смыслѣ подразумѣваетъ лишь желательность извѣстнаго предмета для тѣхъ или иныхъ потребителей, такъ что съ этой точки зрѣнія слѣдовало бы сказать, что водка „полезна“ пьяницѣ. Итакъ, если очистить теорію отъ нѣкоторыхъ неточностей, свойственныхъ нѣкоторымъ ея адептамъ, то въ чистомъ видѣ она должна гласить: психологической основой цѣнности является субъективная полезность или желательность предметовъ или благъ, и предѣломъ этой полезности является наименьшее раздраженіе, все еще доставляемое предметомъ для удовлетворенія потребности обладателя. Эта-то *предѣльная полезность* и опредѣляеть, по разматривающей теоріи, цѣнность всякаго предмета для его обладателя или пріобрѣтателя (но никакъ не для другихъ лицъ!).

Замѣчу еще, что нѣкоторые представители разматриваемаго ученія безъ надобности прибѣгаютъ для его иллюстраціи къ чрезвычайно рискованнымъ примѣрамъ. Они ссылаются, напр., на голодающаго человѣка, готоваго за первый кусокъ хлѣба чуть ли не продать самого себя, или на путника, который, находясь въ пустынѣ за первый глотокъ воды отдалъ бы все свое состояніе. Теорія чечевичной похлебки, извѣстная еще древнимъ евреямъ, находитъ правда, весьма существенныя примѣненія на томъ особомъ рынке, где покупается рабочая сила. Но она очень мало освѣщаетъ явленія товарнаго обмѣна между крупными товаровладѣльцами, хотя такое освѣщеніе является одною изъ ближайшихъ задачъ всякой теоріи, желающей анализировать современный строй. Съ точки зрѣнія фабриканта, покупающаго тысячи тюковъ хлопка для переработки ихъ въ хлопчатобумажную ткань, ни одинъ тюкъ не имѣетъ никакой субъективной полезности. Мы можемъ допустить даже, что ни фабриканть, ни одинъ изъ его домочадцевъ не носитъ никакихъ бумажныхъ тканей. Въ этомъ случаѣ и изъ выдѣланныхъ на фабрикѣ штукъ бумажной матеріи ни одна—ни первая ни вторая, ни сотая, не представляеть для фабrikата никакой субъективной полезности. Какъ же здѣсь, спрашивается, провести различіе между субъективною полезностью первой и второй штуки матеріи? Обойдемъ, однако, на время это капитальное затрудненіе теоріи.

Посмотримъ, какъ примѣняется ученіе о предѣльной полезности къ явленіямъ обмѣна. Разсмотримъ вслѣдъ за Менгеромъ¹⁾

¹⁾ C. Menger, Grundsätze der Volkswirthschaftslehre. 1871.

— 2006 —

такой примѣръ. Пусть *A* имѣеть шесть лошадей и одну корову, *B* имѣеть, наоборотъ, шесть коровъ и одну лошадь.

Пусть послѣдовательныя субъективныя полезности первой, второй и такъ далѣе лошади, какъ и коровы, для каждого обладателя соотвѣтственно измѣряются числами 50, 40, 30, 20, 10, 0. До обмѣна мы получаемъ, поэтому, слѣдующую картину.

<i>A</i>		<i>B</i>	
Лош.	Кор.	Лош.	Кор.
50	50	50	50
40	—	—	40
30	—	—	30
20	—	—	20
10	—	—	10
0	—	—	0

Для *A* цѣнность лошади, измѣряемая предѣльною полезностью, равна нулю, также равна нулю. Для *B* то же справедливо относительно коровы. Но съ другой стороны, для *A* цѣнность первой коровы равна 50, а если бы она имѣлъ двухъ коровъ, то предѣльная полезность, а стало быть и цѣнность, была бы равна 40. Для *B*, наоборотъ, предѣльная полезность, а стало быть и цѣнность лошади, послѣ приобрѣтенія второй лошади, была бы равна 40. Поэтому обѣимъ сторонамъ выгодно вступить въ обмѣнъ, отдавъ то, что представляется для каждого изъ нихъ цѣнность, равную нулю, за то, что представляется соотвѣтственно для каждого изъ нихъ цѣнность равную 40.

Для *A* выгоденъ и дальнѣйшій обмѣнъ еще одной его лошади на корову. Послѣ этого вторичнаго обмѣна дѣло представится въ слѣдующемъ видѣ:

<i>A</i>		<i>B</i>	
Лош.	Кор.	Лош.	Кор.
50	50	50	50
40	40	40	40
30	30	30	30
20	—	—	20

Каждый приобрѣтаетъ, въ разматриваемыхъ случаяхъ, одинаковыя цѣнности.

Дальнѣйшій обмѣнъ уже безразличенъ для обѣихъ сторонъ, такъ какъ каждая изъ нихъ могла бы получить въ обмѣнѣ на товаръ, обладающій для нея предѣльною полезностью (а стало быть и цѣнностью), равную 20, лишь эквивалентную цѣнность, равную также 20.

Теорія эта, очевидно, заимствована изъ разсмотрѣнія хозяйства мелкихъ товаропроизводителей, именно тѣхъ, которые не вышли еще окончательно изъ стадіи натурального хозяйства. Только у

такихъ производителей мы видимъ постоянный незамѣтный переходъ отъ предметовъ собственнаго потребленія къ предметамъ, превышающимъ это потребленіе и потому выносимымъ на рынокъ.

Даже для этого ограниченного кругозора теорія выражаетъ лишь часть описываемыхъ фактovъ, такъ какъ упускаеть изъ виду трудность или легкость возобновленія запасовъ. Но въ примененіи къ капиталистическому строю, гдѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, производятся не предметы собственнаго потребленія или предметы въ такомъ количествѣ, по сравненію съ которымъ собственное потребленіе является лишь каплею въ морѣ, теорія эта теряетъ всякое значение. Неполнота ея даже для натурального хозяйства очевидна изъ слѣдующаго простого соображенія.

Допустимъ, вмѣстѣ съ защитниками этой теоріи, что, достигнувъ извѣстнаго количества, предметы потребленія утрачиваются для обладателя всякую субъективную полезность, т. е. становятся совершенно излишними, какъ предметы потребленія, такъ что ихъ предѣльная полезность опускается до нуля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣнность ихъ для обладателя становится нулемъ. Трудно сказать, какое количество скота должно быть у скотовода для того, чтобы онъ могъ сказать, что дальнѣйшее приращеніе стада совершенно для него бесполезно, т. е. нежелательно съ субъективной точки зренія, напр., по недостатку пастбищъ или трудности ухода. Мы, однако, сдѣлаемъ здѣсь уступку теоріи и допустимъ, что такая норма всегда можетъ быть найдена, такъ какъ вѣдь рѣчь идетъ не о практическихъ затрудненіяхъ: теоретически же можно допустить, что потребности вполнѣ насыщены. Но теоретики предѣльной полезности вовсе не утверждаютъ, что такое насыщеніе всегда достигается и всегда является необходимымъ условиемъ обмѣна. Наоборотъ, они вполнѣ допускаютъ, что потребность насыщена не вполнѣ, что предѣльная полезность товара можетъ стоять выше нуля, и тѣмъ не менѣе обмѣнъ начинается.

Такъ въ нашемъ примѣрѣ можно было допустить, что съ самаго начала *A* имѣлъ двухъ коровъ и пять лошадей, а *B* двухъ лошадей и пять коровъ и тѣмъ не менѣе *A* было бы еще выгодно обмѣнять одну лошадь на корову. Какъ-же быть въ тѣхъ случаяхъ, когда лишь одинъ изъ контрагентовъ обладаетъ абсолютнымъ излишкомъ, т. е. товарами, которые по теоріи имѣютъ предѣльную полезность, равную нулю, тогда какъ другой обладаетъ товарами, не вполнѣ насытившими его собственные потребности, но, во всякомъ случаѣ, такими, которые онъ могъ бы продать, если бы нашелъ въ обмѣнѣ товаръ, представляющій для него болѣе значительную цѣнность? Пусть, напр., *A* выступаетъ съ шестью лошадьми и одной коровой, а *B* съ двумя ло-

шадьми и 4 коровами. Для *A* предъльная полезность лошади до обмѣна равна нулю, тогда какъ для *B*, если бы онъ могъ пріобрѣсть еще одну лошадь, предъльная полезность (а стало быть и цѣнность) лошади была бы равна 30. Какія отношенія могутъ установиться между этими двумя лицами? Для *A* предъльная полезность, а стало быть и цѣнность второй коровы послѣ обмѣна была бы равна 40, для *B* она равна до обмѣна лишь 20. Очевидно, обмѣнъ выгоденъ для *A* и для *B*, *A* отдаетъ цѣнность равную нулю, за цѣнность, равную для него послѣ обмѣна 40. Онъ пріобрѣтаетъ поэтому 40 единицъ цѣнности. Обратно, *B* за пріобрѣтаемую цѣнность, равную для него 30 (послѣ обмѣна), отдаетъ цѣнность равную для него лишь 20 (до обмѣна)

Здѣсь нѣть, однако, равновѣсія экономического. Дѣйствительно, если для *A* цѣнность лошади была равна нулю, то почему онъ не могъ бы отдать своей лошади кому бы то ни было, въ томъ числѣ и *B*, совершенно даромъ, безъ того, чтобы взять что-либо взамѣнъ? Вѣдь онъ ровно ничего отъ этого не теряетъ, такъ какъ, по предположенію, шестая лошадь для него совершенно лишняя. Но между тѣмъ онъ взялъ въ обмѣнъ цѣнность, для него равную 40. *B*, правда, также выигралъ, такъ какъ отдалъ 20 и получилъ то, что для него теперь составляетъ пріобрѣтеніе 30 единицъ цѣнности, но все же каждый согласится съ тѣмъ, что *A* получилъ 40 единицъ за нуль, т. е. хорошо воспользовался нуждою своего контрагента.

Это ясно изъ слѣдующихъ таблицъ:

До обмѣна:

Для *A* пред. полезн. лошади = 0. Для *B*. пред. полезн. коровы = 20.

<i>A</i>		<i>B</i>	
лош. кор.		лош. кор.	
50	50	50	50
40	—	40	40
30	—	—	30
20	— (= 40 для <i>A</i>)	<20	
10	—		
0	→ (= 30 для <i>B</i>)		

Послѣ обмѣна:

A пріобрѣлъ 40 ед. цѣнности и отдалъ нуль. *B* пріобрѣлъ 30 ед. цѣнности и отдалъ 20, т. е. пріобрѣлъ 10.

<i>A</i>		<i>B</i>	
лош. кор.		лош. кор.	
50	50	50	50
40	40	40	40
30		30	30
20			
10			

— 2009 —

Разсматриваемая теорія едва-ли удачно выражаеть даже отношенія, господствующія при сколько-нибудь упорядоченномъ мѣновомъ торгѣ. Дѣйствительно, изъ нея вытекаетъ, какъ показываетъ приведенный примѣръ, что для обмѣна не требуется не только какого-либо объективнаго начала, устанавливающаго эквивалентность товаровъ, но даже и приблизительнаго равенства субъективныхъ оцѣнокъ. Одна изъ сторонъ можетъ отдавать совершенно негодныя для нея и, съ субъективной точки зрењія, вполнѣ бесполезныя для нея вещи за товары, представляющіе для другой стороны значительную субъективную цѣнность,—лишь бы цѣнность, приобрѣтаемая этой другою стороною, была, съ ея-же субъективной точки зрењія, все-же выше той, какую утрачиваетъ эта другая сторона, отдавая цѣнныи даже съ ея точки зрењія товаръ. Если эта теорія хорошо выражаетъ какія-либо отношенія, то, конечно, отношенія торговой эксплуатациіи или хищнической торговли, существующія, напр., между народами, достигшими высокой степени торгашеской культуры, и народами малокультурными, обмѣнивающими драгоценные мѣха на какой-нибудь гвоздь или бусы. Субъективная полезность этихъ бездѣлушекъ для дикарей все-же выше, чѣмъ субъективная полезность мѣха или шкуры, тогда какъ для культурнаго торговца субъективная цѣнность привозимаго имъ товара буквально равна нулю (да и объективная немногимъ выше того). Но такъ какъ мы заранѣе исходили изъ психологической гипотезы „коммерческой честности“ (и эту гипотезу намъ, по всей вѣроятности, уступать представители ученія предѣльной полезности), то мы имѣемъ основаніе утверждать, что нашъ примѣръ и иллюстрируемое имъ общее положеніе служить однимъ изъ способовъ приведенія теоріи предѣльной полезности къ явному абсурду, не только этическому (что еще не могло-бы быть окончательнымъ аргументомъ), но и логическому. Въ известныхъ предѣлахъ, какъ было указано, коммерческая честность является чисто объективнымъ требованіемъ сколько-нибудь развитаго товарнаго хозяйства, такъ какъ при повальномъ мошенничествѣ вообще нельзѧ было-бы говорить о цѣнности товаровъ. Сверхъ того, и тѣ общія положенія, которыя высказаны нами относительно значенія психологіи въ соціальной жизни, прямо противорѣчать разбираемой теоріи полезной предѣльно сти. Дѣйствительно, эта теорія не даетъ ничего, кроме индивидуального мѣрила, основанного на чисто субъективной оцѣнкѣ благъ, тогда какъ всякая соціальная норма необходимо должна имѣть объективный характеръ, хотя бы основа ея была чисто психологическая.

Такимъ образомъ теорія предѣльной полезности обладаетъ лишь кажущимся преимуществомъ надъ тѣми объективными теоріями, которыя усматриваютъ въ цѣнности какое-то внутреннее

свойство товара, независимое отъ отношений между людьми—обладателями и покупателями этихъ товаровъ. Теорія, о которой идетъ рѣчъ, бессильна при объясненіи соціальныхъ фактовъ. Она не устанавливаетъ ни объективной, ни субъективной эквивалентности, т. е. не даетъ никакой мѣрила потерпѣній и пріобрѣтеній. Однимъ изъ ближайшихъ явленій, подлежащихъ ея объясненію, является установление цѣнъ посредствомъ конкуренціи. Спрашивается, какъ-же она объясняетъ этотъ процессъ?

Пока рѣчъ идетъ объ изолированной парѣ контрагентовъ, т. е. объ одномъ продавцѣ, имѣющемъ единичнаго покупателя, дѣло обстоитъ сравнительно просто. Умомъ представителя теоріи предѣльной полезности овладѣваетъ въ этомъ случаѣ фактъ торга, т. е. запроса и послѣдовательного пониженія цѣны. При наличности торгащества, цѣна есть дѣйствительно нѣчто весьма колеблющееся и индивидуальное, во многомъ зависящее отъ уже насыщенныхъ потребностей покупателя. Отъ сравнительной ловкости контрагентовъ будетъ зависѣть, кто окажется обманутымъ. Правда, какъ не разъ уже замѣчено, такое торгащество въ значительной мѣрѣ вытѣснено изъ торговли культурныхъ странъ, однако, есть еще одна область, где оно процвѣтаетъ всепрѣдѣльно въ самыхъ культурныхъ странахъ: это область биржевой игры на повышеніе и пониженіе. Но, по несчастію для теоріи „предѣльной полезности“, если даже усмотрѣть въ биржевыхъ бумажкахъ „субъективную полезность“, то насыщеніе поступаетъ здѣсь большою частью лишь вмѣстѣ съ разореніемъ покупателя и о правильныхъ хозяйственныхъ расчетахъ здѣсь вообще говорить не приходится.

Всякая вообще теорія обмѣна вынуждена исходить изъ предположенія, что каждый старается какъ можно дороже продать и какъ можно дешевле купить. Но вопросъ въ дальнѣйшемъ механизмѣ установленія цѣнъ. По теоріи предѣльной полезности, механизмъ этотъ сводится къ тому, что цѣны опредѣляются наиболѣе „слабыми“ покупателями, т. е. тѣми, которые менѣе всего заинтересованы въ покупкѣ, такъ какъ ихъ потребности сравнительно болѣе всего удовлетворены. (Терминъ „слабый“ не долженъ внушать понятія объ экономической слабости). Такъ разсуждается, напр., Бемъ-Баверкъ, одинъ изъ главныхъ сторонниковъ теоріи предѣльной полезности. Оцѣнка,—говорить онъ,—не можетъ зависѣть отъ лицъ, особенно нуждающихся въ товарѣ. Цѣна, основанная на такой оцѣнкѣ, была бы слишкомъ высока для покупателей съ болѣе слабыми потребностями. Цѣна должна быть выгодна не только для наиболѣе нуждающихся въ товарѣ, но для всѣхъ покупателей, поэтому она опредѣляется оцѣнкой самаго „слабаго“ покупателя. Однимъ словомъ, существуетъ не только предѣльная полезность, но и нѣкоторый предѣльный покупатель или предѣль-

— 2011 —

ная пара контрагентовъ и ея отношенія опредѣляютъ собою цѣнность товара.

Насколько „основательна“ подобная теорія, показываетъ слѣдующій простой примѣръ, заимствуемый мною изъ одной статьи Конрада Шмидта ¹⁾.

Допустимъ, что мы имѣемъ дѣло съ покупателями хлѣба и что въ данной странѣ былъ неурожай; предложеніе хлѣба уменьшилось, цѣна его повысилась. Почему произошло пониженіе? Теоретикъ предѣльной полезности скажетъ: потому что теперь наименѣе настоящей потребности не будутъ удовлетворены, стало быть соціальная предѣльная пара контрагентовъ будетъ уже иная; въ роли покупателя въ ней выступить лицо съ болѣе настоящими потребностями, а поэтому и оцѣнка хлѣба повысится. Но, какъ замѣчаетъ К. Шмидтъ, въ дѣйствительности все происходитъ какъ разъ наоборотъ. Наименѣе настоящей потребностью въ хлѣбѣ обладаютъ богатые классы. Они могли бы, конечно послѣдовать знаменитому совѣту той принцессы, которая утверждала что голодающіе могли-бы отлично обойтись безъ хлѣба и есть только пирожки. Но фактически богатые классы вовсе не сократятъ своего потребленія хлѣба. Во время неурожая не будетъ удовлетворена не наименѣе настоящая потребность богатыхъ классовъ, а часть самой настоящей потребности бѣдняковъ. Предѣльная полезность, опредѣляемая богатыми классами, стало быть не измѣнится, а между тѣмъ цѣна хлѣба все-же повысится. Несостоятельность теоріи предѣльной полезности здѣсь бросается въ глаза.

Въ концѣ концовъ, теорія предѣльной полезности,—какъ справедливо замѣчаетъ тотъ же Конрадъ Шмидтъ,—сохраняетъ смыслъ лишь какъ теорія регулированія бюджета. Въ' этомъ смыслѣ изложена эта теорія Вальрасомъ и Винярскимъ ²⁾. Но здѣсь зато всего очевиднѣе то, что болѣе скрыто въ другихъ варіантахъ теоріи, а именно, что теорія предѣльной полезности объясняетъ цѣны,—исходя изъ цѣнъ, т. е. въ сущности ровно ничего не объясняетъ.

Она вертится въ такомъ-же заколдованнымъ кругу, какъ и пресловутая теорія издержекъ производства.

Допустимъ,—говорятъ представители теоріи бюджетовъ,—что кто-либо имѣеть сто рублей въ мѣсяцъ. Онъ долженъ регулировать свой бюджетъ такъ, что будетъ въ среднемъ тратить столько-то на фду, скажемъ 50 р., на комнату 20, на книги 25, тогда найдемъ по опредѣленію:

$$\frac{\text{Рѣдкость (предѣльн. полезность) пищи}}{50} = \frac{\text{рѣдкости комнаты}}{20} = \frac{\text{рѣдкости книгъ}}{25}$$

¹⁾ Статья эта современемъ появится въ „Научн. Обозрѣніи“.

²⁾ Сравн. статью Л. Винярского въ „Научн. Обозрѣніи“ 1898 г., № 12.

и т. д. Другими словами, для данного лица рѣдкость (или, что тоже, субъективная полезность) какой-либо статьи его бюджета, дѣленная на число рублей или иныхъ единицъ, обозначающихъ цѣну этой статьи, есть величина постоянная. Или, еще иначе: количество субъективной полезности, приобрѣтаемое за одинъ рубль, одинаково для всѣхъ статей бюджета, если только бюджетъ этотъ составленъ правильно, т. е. если онъ наилучшимъ образомъ удовлетворяетъ субъективнымъ оцѣнкамъ данного лица. Но такая формула, удовлетворяющая требованію наибольшей полезности, не единственная при данномъ бюджетѣ: ее можно варировать, удовлетворяя то тѣмъ, то инымъ потребностямъ. Въ зависимости отъ этой неопределенноти, при данномъ бюджетѣ, расходъ на какой-либо предметъ, напр., на шляпу, можетъ быть весьма различенъ. Тоже относится къ обладателямъ другихъ бюджетовъ.

Согласуя разные бюджеты нѣсколькихъ лицъ, мы найдемъ, наконецъ, такие составы бюджетовъ, при которыхъ нѣсколько покупателей смогутъ дать одну и ту же цѣну за тотъ же товаръ скажемъ за шляпу. Эта цѣна и будетъ рыночной цѣной. Платежная способность конкурентовъ здѣсь ставится въ связь съ ихъ потребностями. Коренной недостатокъ этого остроумнаго объясненія состоить въ томъ, что оно должно избрать исходнымъ пунктомъ какія-либо цѣны, а далѣе можетъ объяснить лишь выборъ между разными уже существующими цѣнами. Такъ, въ данномъ примѣрѣ, не только самъ бюджетъ представляеть собою готовую цѣну, но даны и шляпы разныхъ цѣнъ, покупателямъ же предоставлено только приоритетъ эти цѣны къ своему бюджету. Такимъ образомъ эта теорія можетъ еще объяснить (хотя не полно, т. е. только со стороны спроса) колебанія цѣнъ около нѣкоторой нормы въ виду измѣненія спроса на предметы опредѣленной цѣны, но ровно ничего не можетъ объяснить въ самомъ образованіи цѣнъ, и даже неспособна объяснить, чѣмъ регулируются цѣны, выставленные со стороны предложенія. Вѣдь нельзя же допустить, что товары являются на рынокъ безъ всякой цѣны и что цѣна создается только спросомъ. Такимъ образомъ, теорія предѣльной полезности, во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ, потерпѣла вполнѣ фiasко. Это станетъ еще яснѣе, если мы подведемъ итогъ нашимъ критическимъ замѣчаніямъ.

Разбираемая теорія происходитъ, какъ было указано, изъ психо-физического закона Бебера-Фехнера. Мы здѣсь не станемъ разбирать сомнѣній, высказанныхъ относительно этого закона психологами. Допустимъ, что законъ вполнѣ вѣренъ. Однако, при малѣйшемъ примѣненіи его къ экономической области, мы встрѣтимъ много условій, съ которыми теорія предѣльной полезности или не считается вовсе или считается въ недостаточной степени.

— 2013 —

Въ сколько-нибудь упорядоченномъ хозяйственномъ строѣ стремлениѣ человѣка къ тѣмъ или инымъ благамъ всегда находится въ тѣсной связи съ способомъ производства. Повидимому, разбираемая теорія устанавливаетъ эту связь, разсуждая о зависимости, предѣльной полезности отъ имѣющагося уже у данного человѣка (стало быть, раньше произведенного) запаса благъ. Но весьма важно знать, какимъ образомъ получился этотъ запасъ и какъ онъ можетъ быть пополненъ? Допустимъ, что у лица А. имѣется самый ничтожный запасъ какого-либо блага; но затративъ самыя ничтожныя усиленія, А можетъ въ самое короткое время произвести значительное количество требуемаго блага. Въ такомъ случаѣ сомнительно, чтобы субъективная оцѣнка, основанная исключительно на временномъ недостаткѣ блага (зависящемъ, напр., отъ его скораго сбыта), могла быть высока. Наоборотъ, другое лицо В. можетъ имѣть огромный запасъ благъ другого рода; но если пополненіе этого запаса весьма трудно, требуетъ значительныхъ усилий или, выражаясь въ терминахъ капиталистического хозяйства, требуетъ большихъ затратъ капитала,—все равно, выражаются ли онъ въ большихъ издержкахъ на заработную плату или въ значительныхъ издержкахъ на сырье, другіе материалы и машины—во всѣхъ этихъ случаяхъ не менѣе сомнительно, чтобы обладатель большого запаса цѣнилъ свой товаръ низко только потому, что у него имѣется этотъ большой запасъ.

Односторонность психологіи предѣльной полезности очевидна еще изъ слѣдующаго. Всякая экономическая психологія должна принять во вниманіе два момента: силу испытываемой потребности и величину усиленія, необходимаго для осуществленія ея. Теорія предѣльной полезности принимаетъ во вниманіе первый моментъ; но она не замѣчаетъ, что усиленіе, необходимое для удовлетворенія потребности, не находится ни въ какой прямой зависимости отъ величины потребности. Когда рѣчь идетъ о самостоятельныхъ производителяхъ, недостаточность теоріи бросается въ глаза; но вопросъ менѣе ясенъ, когда, вмѣсто производителей, мы имѣемъ дѣло или съ предпринимателями, или съ лицами, получающими опредѣленную ренту, напр., со стипендіатами или чиновниками. Это зависитъ отъ того, что въ подобныхъ случаяхъ отношеніе между цѣною и производствомъ запутывается цѣлымъ рядомъ посредничающихъ продавцовъ.

Обратимся къ самостоятельнымъ производителямъ. Пусть А. производить какой-либо товаръ и для большаго согласованія съ разбираемой теоріей допустимъ, что часть продуктовъ онъ потребляетъ самъ—такъ что эта часть собственно не относится къ товару,—а другую часть выносить на рынокъ. Пусть онъ увеличилъ производительность своего труда, улучшивъ способъ производствъ.

изводства, а потребности его остались прежними. Тогда у него будетъ въ общемъ больше продукта и по вычетъ своего потребленія останется болѣе на продажу. Такъ какъ то, что превышаетъ его личное потребленіе, и раньше не имѣло, да и теперь не имѣть для него никакой потребительной цѣнности, то по теоріи мы должны принять, что предѣльная полезность товара для него равна нулю и такова же для него мѣновая цѣнность его товара. Стало быть, какъ бы ни измѣнялась производительность труда, если только потребленіе самого производителя было уже вполнѣ насыщено раньше, то никакое увеличеніе производительности труда не можетъ повлиять на измѣненіе цѣнности единицы товара. Сказать это, значитъ утверждать, что никакія усовершенствованія не удешевляютъ производства. Если вмѣсто самостоятельныхъ производителей подставить капиталистическихъ предпринимателей, то дѣло обстоитъ еще хуже для теоріи, такъ какъ въ этомъ случаѣ выйдетъ, что весь производимый товаръ не представляеть для предпринимателя никакой потребительной цѣнности, т. е. по теоріи, и мѣновая его цѣнность для самаго предпринимателя, равна нулю, какъ бы она ни была высока для другихъ лицъ.

Отбросивъ всю эту фальшивую психологическую основу; постараемся выяснить истинную психологическую сторону экономическихъ отношеній.

Въ основѣ этой психологіи лежить положеніе, которое по преимуществу слѣдуетъ назвать „экономическимъ принципомъ“, и которое изъ области политической экономіи было уже съ успѣхомъ перенесено и въ другія области, начиная съ механики и оканчивая теоріей познанія. Это принципъ минимума затраты силъ, и максимума достигаемыхъ результатовъ. Это также законъ психофизиологии и, можно сказать, законъ борьбы за жизнь и самой жизни.

Въ области обмѣна этотъ принципъ приводитъ, въ связи съ принципомъ эгоизма, къ положенію: дать какъ можно меньше за возможно большее. Но такъ какъ принципъ эгоизма всеобщъ, то при (чисто теоретическомъ) предположеніи равной силы состязающихся между собою индивидуумовъ, мы придемъ къ установлению между ними равновѣсія, т. е. такого состоянія, при которомъ каждый даетъ за получаемое имъ отъ другого точный эквивалентъ, не болѣе и не менѣе того, какъ если-бы контрагенты помѣнялись ролями, т. е. первый сталъ бы производить то, что раньше производилъ второй и обратно. Но если такъ, то очевидно, что субъективныя оцѣнки въ концѣ концовъ нейтрализуются и погашаются и остается лишь объективный законъ производства.

Теорія чисто субъективной оцѣнки, независимой отъ усилий, затрачиваемыхъ на добываніе вещи, наиболѣе примѣнима

— 2015 —

какъ разъ къ тому состоянію общества, когда хозяйственныя отношенія вообще, а мѣновыя—въ особенности, находятся еще въ весьма мало развитомъ состояніи.

Здѣсь, дѣйствительно, многое рѣшаютъ произволъ и даже настроеніе минуты.

Мгновенная потребность въ какомъ-либо предметѣ придаетъ ему огромную субъективную цѣнность; но стоитъ удовлетворить этой минутной потребности и вещь признается уже совершенно не имѣющею цѣны. Обмѣнъ не есть что-либо прирожденное человѣку, но явленіе историческое. Нѣкоторые первобытные народы еще не сознаютъ отчетливо различія между обмѣномъ и дареніемъ, т. е. считаютъ полученнное ими въ обмѣнъ—даренымъ. Такъ Лаба писалъ о караибахъ: „Условіе, которое слѣдуетъ соблюдать при торговлѣ съ ними, состоить въ томъ, чтобы убирать съ ихъ глазъ и немедленно уносить купленную вещь. Въ противномъ случаѣ, если бы имъ пришла фантазія взять ее назадъ, то они сдѣлали это безъ всякой церемоніи и не желая отдавать цѣны того, что бы стоить полученное ими¹⁾. Аналогичные факты можно наблюдать у нашихъ маленькихъ дѣтей, когда они впервые начинаютъ мѣняться вещами и требуютъ обратно отданного въ обмѣнъ, желая однако сохранить полученное.

Сообразно съ этимъ у многихъ малокультурныхъ народовъ мы, дѣйствительно, замѣчаемъ и вполнѣ субъективную—можно сказать минутную оцѣнку предметовъ. Вещь рассматривается исключительно съ точки зренія ея новизны и произведеніаго ею минутнаго впечатлѣнія.

Тотъ же Лаба сообщаетъ о караибахъ фактъ, въ своемъ родѣ классической и часто цитируемой этнографами: „Покупать у нихъ гамаки передъ тѣмъ, какъ они идутъ спать, нечего и думать, ихъ не продадутъ ни за какую цѣну, потому что понимаютъ ихъ значеніе. Поутру совсѣмъ другое дѣло. Тогда они не размышляютъ о пользѣ гамаковъ, предусмотрительность ихъ не настолько велика, и они отдадутъ вамъ ихъ за всякую цѣну“.

По мѣрѣ накопленія хозяйственного опыта, субъективная полезность всѣхъ все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто оцѣнкѣ ихъ дѣйствительной, т. е. объективной полезности. Нельзя обосновывать всю хозяйственную жизнь на примѣрахъ алкоголиковъ и тому подобныхъ субъектовъ, для которыхъ субъективно полезное въ то-же время оказывается объективно вреднымъ. Но даже и въ подобныхъ случаяхъ играютъ роль объективныхъ свойства вещи, а не толькоминутная оцѣнка этихъ свойствъ. Чѣмъ болѣе устанавливается объективная оцѣнка дѣйствій, производимыхъ тѣми или иными

¹⁾ Цитирую по Зиберу, Очерки первобытной культуры.

вещами на наши ощущения, темъ болѣе становится яснымъ, что между этой оценкой и тѣми усилиями, которых необходимы для приобрѣтенія вещи, нѣть никакой пропорціональности.

Объективно весьма полезная вода добывается съ самыми малыми усилиями, по крайней мѣрѣ тамъ, где каждый можетъ зачерпнуть ее въ колодцѣ. Но мы уже замѣтили, что въ основѣ обмѣна лежитъ принципъ равенства усилий. Будь иначе, одинъ изъ контрагентовъ всегда пользовался бы даромъ извѣстнымъ количествомъ усилий другого; но если силы контрагентовъ равны, что мы здѣсь предполагаемъ, то такое даровое пользованіе чужими усилиями, по крайней мѣрѣ въ видѣ общаго правила, невозможно. Оно вполнѣ возможно, какъ фактъ эксплуатации одного класса контрагентовъ другимъ классомъ, и въ этой эксплуатации заключается тайна баржи и капиталистической прибавочной цѣнности: но этотъ вопросъ наскѣ здѣсь не касается, такъ какъ онъ вовсе не интересуетъ сторонниковъ разбираемой теоріи. Такимъ образомъ, по мѣрѣ упорядоченія обмѣна (если вмѣстѣ съ теоретиками предѣльной полезности оставить въ сторонѣ фактъ эксплуатации), мы увидимъ, что субъективная оценка, а вмѣстѣ съ нею и принципъ настоительности потребностей, все болѣе отъсняется на второй планъ и замѣняется принципомъ обмѣна эквивалентовъ, представляющихъ вещи, стоявшія обладателямъ равныхъ усилий.

Психология самостоятельныхъ товаропроизводителей ясна при этомъ, какъ день. Въ воображаемомъ обществѣ, где все были бы такими производителями и где, следовательно, всякая эксплуатация чужого труда была бы исключена, согласование и регулированіе индивидуальныхъ стремленій къ наибольшей выгодѣ могло бы быть достигнуто двоякимъ путемъ: либо посредствомъ сознательного общественного регулированія, либо посредствомъ начала свободной конкуренціи. Для большей аналогіи съ современнымъ хозяйственнымъ строемъ, да и съ разбираемой нами теоріей, мы исключимъ всякое сознательное регулированіе. Допустимъ, что обмѣнъ регулируется стихійнымъ началомъ конкуренціи. Такъ какъ при сколько-нибудь развитомъ хозяйственномъ строѣ (въ которомъ мы сверхъ того исключаемъ всякія монополіи) одинъ и тотъ же товаръ производится многими лицами, то если одно изъ нихъ постарается получать въ обмѣнъ за свой товаръ болѣе того, чѣмъ сколько требуется законъ эквивалентности усилий, то тотчасъ же явятся конкуренты, которые предложатъ покупателямъ болѣе выгодныхъ условій. Если бы даже всѣ наличные производители данного товара вздумали поднять цѣны, такое состояніе могло бы быть лишь временнымъ, такъ какъ несоразмѣрный съ усилиями доходъ этого рода производителей тотчасъ привлекъ бы туда

силы изъ другихъ отраслей общественнаго раздѣленія труда, и нарушенное равновѣсие рано или поздно должно было бы восстановиться. Разумѣется, полной эквивалентности ни въ какомъ хозяйственномъ строѣ нельзѧ достичь, особенно гдѣ вмѣсто социального регулированія есть лишь стихійное; но всѣ вообще экономические законы не болѣе какъ тенденціи и здѣсь идетъ рѣчь именно о такомъ стремлениі къ идеальному равновѣсію.

Вопросъ значительно усложняется, какъ только на сцену выступаетъ *эксплуатация чужого труда*. Въ этомъ случаѣ нельзѧ уже говорить о пропорциональности цѣнностей—затраченнымъ усиліямъ, такъ какъ усилія предпринимателей не находятся ни въ какомъ соотвѣтствіи съ ихъ дѣйствительными затратами. Здѣсь на мѣсто пропорциональности валового дохода усиліямъ выступаетъ принципъ пропорциональности чистаго дохода затраченнымъ цѣнностямъ. Каждый рубль, на что бы онъ ни былъ затраченъ въ предпріятіи, долженъ дать прибыль по такой же процентной нормѣ, какъ и каждый другой рубль. Это не слѣдствіе „психологіи“ капиталиста; наоборотъ, психологія капиталиста вытекаетъ изъ такого положенія вещей.

Распределѣніе прибавочной цѣнности капиталистъ возводить на степень внутренняго свойства, присущаго самой величинѣ и производству цѣнности.

Кромѣ непосредственнаго пользованія рабочей силой, мы видимъ въ капиталистическомъ обществѣ косвенное пользованіе ею, черезъ посредство давленія капиталовъ высшаго строенія на капиталы, пользующіеся относительно большимъ количествомъ живого труда. Капиталы высшаго строенія не даютъ ниже организованнѣй капиталамъ возможности пользоваться всею приходящуюся на долю послѣднихъ прибавочною цѣнностью: часть этой цѣнности они присваиваютъ себѣ, эксплуатируя такимъ образомъ не только ими самими покупаемую рабочую силу, но и ту, которая куплена другими. Механизмъ этотъ и есть механизмъ образованія „цѣнъ производства“¹⁾). Тенденція уровня прибыли къ паденію, составляющая прямое послѣдствіе относительного роста средствъ производства и упадка роли живого труда, встрѣчаетъ, въ свою очередь, сильное противодѣйствіе въ существованіи другихъ отраслей производства, не достигшихъ ни высокаго техническаго развитія, ни

¹⁾) Здѣсь не мѣсто выяснять детали этого механизма, только *намѣченнаго* въ III т. Капитала. Одною изъ основъ образованія цѣнъ производства является *пониженіе цѣнности единицы товара путемъ увеличенія производительности труда*. Это даетъ возможность капиталу высшаго строенія, продавая товары по цѣнѣ, превышающей ихъ дѣйствительную цѣнность, тѣмъ не менѣе создавать „дешевое“ производство, т. е. продавать дешевле, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы капиталъ въ той же отрасли имѣлъ, въ среднемъ, низшее строеніе.

— 2018 —

соответственного строения капитала. Въ особенности падение нормы прибыли задерживается существованиемъ наряду съ капитализмомъ разныхъ докапиталистическихъ формъ хозяйства. Вотъ почему не-капиталистическая страны, напр. Китай, представляются такимъ Эльдорадо для капиталистическихъ культуртрегеровъ.

Я не стану разбирать вопросъ о томъ, какая изъ этихъ двухъ тенденций и въ какомъ случаѣ одерживаетъ верхъ. Моя цѣль достигнута, если мнѣ удалось показать, что психологическая основы политической экономіи не исключаютъ объективныхъ законовъ цѣнности и прибыли, и что односторонняя психологія предѣльной полезности не подвинула науку ни на шагъ впередъ, не давъ ничего, кроме частью неполныхъ, частью же призрачныхъ и ложныхъ объяснений.

М. Филипповъ.

Дифференціальна рента и теорія цѣнности¹⁾.

I.

Сущность теоріи дифференціальной ренты Рикардо состоитъ въ томъ, что цѣнность всего хлѣба, произведенаго въ данномъ обществѣ, регулируется тѣмъ количествомъ труда, которое потребно на производство хлѣба при наилучшихъ условіяхъ. Въ основѣ этого предположенія лежитъ известное опредѣленіе Рикардо понятія общественно-необходимаго труда. Цѣнностеобразовательною субстанціею является трудъ, затраченный на производство хлѣба при наихудшихъ условіяхъ; поэтому трудъ, затраченный при лучшихъ условіяхъ, даетъ некоторый излишекъ цѣнностей, составляющей ренту.

Такимъ образомъ, Рикардо знаетъ, чей трудъ производить ренту: это трудъ земледѣльческихъ рабочихъ. Трудъ фабричныхъ рабочихъ производить заработную плату и прибыль, трудъ земледѣльческихъ рабочихъ —заработную плату, прибыль и ренту. Трудъ земледѣльца производить больше цѣнностей, чѣмъ трудъ фабричного рабочаго. Слѣдовательно, величина цѣнностей, произведеныхъ даннымъ обществомъ, зависитъ не только отъ количества затраченного имъ производительного труда: путемъ перехода къ обработкѣ все болѣе и болѣе плохихъ земель, наряду съ землями лучшаго качества, мы можемъ почти безгранично увеличивать количество произведеныхъ цѣнностей. Выводъ этотъ противорѣчитъ основному принципу теоріи трудовой цѣнности, согласно которому количество цѣнностей можетъ быть увеличено только путемъ большей затраты производительного труда. Самъ Рикардо иногда сбивается съ предложенного имъ разрѣшенія вопроса и говоритъ: «ренту всегда уплачиваетъ потребитель»²). Какъ известно, Сисмонди считалъ ренту «номинальной цѣнностью»: рента есть единственная часть продукта труда, имѣющая только номинальную, а не дѣйствительную цѣнность, она есть, въ самомъ дѣлѣ, результатъ увеличенія цѣны, которую получаетъ продавецъ въ силу своей привилегіи, между тѣмъ какъ продаваемая вещь въ дѣйствительности дороже не стоитъ»³).

Рикардо цитируетъ также мнѣніе Буханана: «рента есть слѣдствіе дороговизны,..... то, что выигрываетъ этимъ способомъ землевладѣлецъ, онъ

¹⁾ Сравн. нашу статью въ № 5 «Научн. Об.» за этотъ годъ.

²⁾ Сочиненія, 61, 62.

³⁾ Sismondi, De la richesse commerciale, t. I, p. 4. Цитировано у Фукса, изслѣдованіе теоріи поземельной ренты, Москва, 1871, стр. 48.

выигрываетъ на счетъ цѣлаго общества. Общество не имѣть никакой вы-
годы отъ воспроизведенія ренты; одинъ классъ только пользуется въ этомъ
случаѣ убыtkами другого класса» ¹⁾). Другими словами, рента не создает-
ся трудомъ земледѣльческихъ рабочихъ; она представляетъ собою простой
вычетъ изъ реальныхъ цѣнностей, произведенныхъ трудомъ рабочихъ и
поступившихъ въ доходъ рабочихъ (заработка плата) и капиталистовъ
(прибыль). Рикардо замѣчаетъ: «Должно сознаться, что (совершенно оди-
наковые въ сущности) взгляды Сисмонди и Буханана правильны, что они
не ошибаются, рассматривая ренту, какъ цѣнность чисто номинальную,
представляющую не какое либо увеличеніе национального богатства, а не
болѣе какъ простой трансферть цѣнности, выгодный единственно для
землевладѣльцевъ и соотвѣтственно этому вредный для потребителя» ²⁾.

Однако, онъ надѣется примирить свой взглядъ со взглядами Сисмонди
и Буханана помощью слѣд. разсужденія: «Рентою создается цѣнность
(какъ я понимаю это слово), но не создается богатство. Если-бы цѣна
хлѣба возвысилась отъ трудности произвести известную часть его отъ 4
до 5 фун. за квартеръ, то цѣнность миллиона квартеровъ была-бы 5.000,000 ф.
вмѣсто 4.000,000, а такъ какъ этотъ хлѣбъ обмѣнивался-бы не только
за большее количество денегъ, но и за большее количество всѣхъ другихъ
товаровъ, то въ распоряженіи владѣльцевъ оказалась-бы болѣе значитель-
ная сумма цѣнности, и какъ никто не имѣлъ бы вслѣдствіе этого менѣе,
то общество въ цѣломъ составъ обладало-бы большею цѣнностью, и въ
этомъ смыслѣ рента представляетъ новую цѣнность. Но цѣнность эта на-
столько номинальна, что она не присоединяется ничего къ богатству, иными
словами, не увеличиваетъ собою предметовъ необходимости, удобствъ и
удовольствій общества. Мы располагали бы совершенно такимъ-же, а не
большимъ количествомъ товаровъ, и тѣмъ-же миллиономъ квартеровъ хлѣба,
какъ прежде; послѣдствіемъ того, что хлѣбъ этотъ продается теперь по
5 фун. вмѣсто 4, быль бы переходъ части цѣнности хлѣба и другихъ
товаровъ отъ прежнихъ владѣльцевъ его къ землевладѣльцамъ» ³⁾). Раз-
судженіе это не устраиваетъ затрудненій. Суть дѣла не въ томъ, пред-
ставляетъ ли собою рента увеличеніе национального богатства, а въ томъ,
какимъ трудомъ создается она? Выраженіе Сисмонди «номинальная цѣн-
ность» означаетъ лишь то, что рента не создается трудомъ. Возьмемъ
примѣръ Рикардо. Положимъ, что 1 ф. стерлинговъ соотвѣтствуетъ одной
трудовой единицѣ. Прежде миллионъ квартеровъ хлѣба обходился обществу
въ 4.000,000 трудовыхъ единицъ. Въ силу какихъ-то перемѣнъ 100,000
квартеровъ стали производиться не за 400,000 трудовыхъ единицъ, а за 500,000. Въ такомъ случаѣ миллионъ квартеровъ хлѣба будетъ стоить
обществу $3.600,000 + 500,000 = 4.100,000$ трудовыхъ единицъ. А цѣн-
ностей, по теоріи Рикардо, будетъ 5.000,000. Гдѣ-же тотъ трудъ, который
создалъ 900,000 цѣностныхъ единицъ?

Марксъ принялъ теорію дифференціальной ренты Рикардо; но то
обстоятельство, что общественно-необходимымъ трудомъ онъ считаетъ
ариѳметически среднее количество труда, а не количество труда, затра-

¹⁾ Сочиненія, стр. 36.

²⁾ ibid, стр. 258.

³⁾ Сочиненія, стр. 257.

чиваемое при наихудшихъ условіяхъ производства, подобно Рикардо, совершенно мѣняетъ обликъ теоріи дифференціальной ренты. Эта теорія позволила Рикардо отказаться отъ физіократической теоріи участія природы въ образованіи цѣнностей и болѣе или менѣе удовлетворительно отвѣтить на вопросъ: чимъ трудомъ создаются тѣ цѣнности, которыхъ получаетъ землевладѣлецъ въ качествѣ ренты? Въ рукахъ Маркса теорія не имѣеть этого значенія. Возьмемъ примѣръ, приводимый Марксомъ. Предположимъ, что общество имѣеть въ своемъ распоряженіи четыре участка земли разнаго плодородія; при затратѣ на нихъ одинакового количества труда и капитала (по 60 шиллинговъ на участокъ) мы получимъ различное количество продукта, скажемъ 1 кварт., 2, 3 и 4. Итого = 10 кв. при общей цѣнѣ производства ($60 \text{ шил.} \times 4$) = 240 шил. Слѣдовательно, цѣнность квартера хлѣба = 24 шиллингамъ; рыночная же его цѣнность, согласно теоріи дифференціальной ренты, будетъ равна 60 шил. Приведя этотъ разсчетъ Марксъ, продолжаетъ: «Это—опредѣленіе рыночной цѣнности товара, какъ она устанавливается конкуренціей на основѣ капиталистического способа производства; конкуренція создаетъ ложную соціальную цѣнность. Происходитъ это благодаря закону рыночной цѣнности, которому подчинены продукты земли... Если мы предположимъ, что капиталистический строй общества устранилъ и общество организовало въ сознательную и планомѣрную ассоціацію, тогда въ 10 квартерахъ хлѣба заключалось бы то-же количество рабочаго времени, какъ и въ 240 шил. Общество не покупало бы этотъ земледѣльческій продуктъ въ $2\frac{1}{2}$ раза дороже дѣйствительно затраченного на него рабочаго времени; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло-бы основаніе для существованія класса землевладѣльцевъ. Эта перемѣна подействовала-бы точно такъ же, какъ уденевленіе въ такой-же мѣрѣ продукта путемъ иностранного ввоза. Поэтому, насколько вѣрно заключеніе, что—при условіи сохраненія современнаго способа производства, но при предположеніи, что дифференціальная рента поступаетъ въ собственность государства,—цѣны земледѣльческихъ продуктовъ при прочихъ равныхъ условіяхъ не измѣнились-бы, настолько же невѣрно утвержденіе, что цѣнность ипродуктовъ не измѣнилась-бы при замѣнѣ капиталистического производства ассоціаціей»¹⁾). Такимъ образомъ, мы должны отличать цѣнность отъ рыночной цѣнности. Если цѣнность опредѣляется исключительно техническими условіями общественного производства, количествомъ затраченной обществомъ механической работы, то рыночная цѣнность, въ основѣ которой лежитъ эта трудовая цѣнность, опредѣляется еще производственными (экономическими) отношеніями капиталистического строя общества. Въ противоположность цѣнности, рыночная цѣнность заключаетъ въ себѣ соціально-исторический элементъ; она представляетъ собою историческую форму цѣнности, свойственную капиталистическому способу производства²⁾). Потомъ; рыночная цѣнность по величинѣ не равна

¹⁾ Das Kapital. III, II, 200.

²⁾ Классическая политическая экономія не различала цѣнности отъ исторической формы ея, рыночной цѣнности или, соответственно, цѣны производства: „Однимъ изъ основныхъ недостатковъ классической политической экономіи является то, что при анализѣ товара и специально товарной цѣнности, ей не удалось выработать понятія формы цѣнности, дѣлающей цѣнность рыночной цѣнностью...“

цѣнности продукта,—въ данномъ случаѣ она больше цѣнности. Если часть величины рыночной цѣнности хлѣба создана трудомъ, то другая часть ея—создана капиталистическими отношеніями производства и представляетъ собою *ложную соціальную цѣнность* (Марксъ) или номинальную цѣнность (Сисмонди). Съ устраненiemъ капиталистического способа производства исчезаютъ эти номинальные цѣнности. Наконецъ: Смиту и Рикардо совершенно чуждо понятіе цѣнности Маркса; они называли цѣнностью то, что Марксъ называетъ рыночной цѣнностью. Поэтому у Смита и Рикардо трудовой принципъ проведенъ не до конца: въ образованіи ихъ цѣнности, паряду съ техническими моментами (трудъ), принимаютъ участіе также сопіально-исторические моменты (капиталистический способъ производства). Отсюда существенное различие въ теоріяхъ дифференціальной ренты Рикардо и Маркса: для Рикардо рента (т. е. ея цѣнность) производится трудомъ земледѣльческихъ рабочихъ, для Маркса—рента не производится ничьимъ трудомъ, она представляетъ собою ложную соціальную цѣнность, продуктъ капиталистического способа производства.

Болѣе подробно на понятіи рыночной цѣнности Марксъ останавливается въ 10-й главѣ III тома. Глава эта показываетъ намъ, насколько невыработано было у Маркса понятіе рыночной цѣнности. Въ нашу задачу не входить детальная критика теоріи рыночной цѣнности Маркса; поэтому мы не будемъ утруждать читателя разборомъ всѣхъ довольно таки противорѣчивыхъ замѣчаній Маркса и остановимся только на тѣхъ изъ нихъ, которая заключаются въ себѣ положительное выясненіе причинъ, опредѣляющихъ рыночную цѣнность. Какъ извѣстно, колебанія рыночныхъ цѣнъ обусловлены колебаніями въ снабженіи рынка и дѣйствительномъ спросѣ. Такъ какъ рыночная цѣнность—основа рыночныхъ цѣнъ, то спросъ и предложеніе, очевидно, не могутъ быть причислены къ числу факторовъ, опредѣляющихъ рыночную цѣнность. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ игнорировать всѣ замѣчанія Маркса, показывающія, что онъ допускаетъ вліяніе спроса и предложенія на рыночную цѣнность. Такъ поступать намъ даетъ право утвержденіе Маркса, что «спросъ и предложеніе регулируютъ рыночную цѣнны или, скорѣе, уклоненіе рыночныхъ цѣнъ отъ рыночной цѣнности»¹⁾). Съ другой стороны, мы будемъ также игнорировать тѣ замѣчанія Маркса, въ которыхъ онъ отождествляетъ цѣнность и рыночную цѣнность; основаніемъ для подобного образа дѣйствій служитъ намъ вышеизведенная цитата о рыночной цѣнности земледѣльческихъ продуктовъ. Къ тому-же, если цѣнность отождествлять съ рыночной цѣнностью, а рыночную цѣнность съ рыночной цѣной, тогда цѣн-

Форма цѣнности продукта труда является самой абстрактной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самой общей формой буржуазнаго способа производства, характеризующей этотъ способъ производства исторически, какъ особливый родъ общественного производства. Если мы сдѣляемъ ошибку и примемъ ее за вѣчную естественную форму общественного производства, то необходимо просмотримъ также специфическая особенности формы цѣнности, слѣдовательно, также товарной формы и ея дальнѣйшаго развитія: денежнѣй формы, формы капитала и т. д.[“]. (I, 47). Ср. ПІ I, 162, прим. 30, въ которомъ отмѣчается, что понятіе цѣнности Рикардо и Шторха тождественно съ понятіемъ рыночной цѣнности Маркса.

¹⁾ Das Kapital, III. I, 160; также 162, 168--9.

— 2023 —

ность отождествляется съ рыночной цѣной, т. е. получается выводъ, противорѣчацій всѣмъ основамъ экономическихъ воззрѣній Маркса. Сдѣлавъ эти оговорки, обратимся къ теоріи рыночной цѣнности Маркса. «Мы должны разсматривать рыночную цѣнность съ одной стороны какъ среднюю цѣнность произведенныхъ въ одной отрасли производства товаровъ, съ другой стороны какъ индивидуальную цѣнность товаровъ, произведенныхъ при среднихъ условіяхъ производства данной сферы и образующихъ главную массу ея продуктовъ. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ товары, произведенные при наихудшихъ или наилучшихъ условіяхъ, регулируютъ рыночную цѣнность, которая въ свою очередь служить центромъ колебанія для рыночныхъ цѣнь»¹⁾). Какъ мы уже видѣли, такимъ «исключительнымъ случаемъ» является все земледѣліе. «Предположимъ, главная масса товаровъ данной сферы произведена при общественно-нормальныхъ условіяхъ производства, такъ что общественная цѣнность является вмѣстѣ съ тѣмъ индивидуальной цѣнностью образующихъ эту массу отдельныхъ товаровъ. Если относительно небольшая часть товаровъ произведена при худшихъ условіяхъ и такая-же небольшая часть при лучшихъ условіяхъ, такъ что индивидуальная цѣнность одной части больше, другой части менѣе средней цѣнности главной массы товаровъ, и оба эти уклоненія взаимно уравновѣшиваются другъ друга, такъ что средняя цѣнность этихъ товаровъ равна цѣнности товаровъ, принадлежащихъ къ средней массѣ, тогда рыночная цѣнность опредѣляется цѣнностью товаровъ, произведенныхъ при среднихъ условіяхъ производства... Допустимъ, напротивъ, что общее количество вынесенныхъ на рынокъ товаровъ остается безъ измѣненія, но цѣнность товаровъ, произведенныхъ при худшихъ условіяхъ, не уравнивается цѣнностью товаровъ, произведенныхъ при лучшихъ условіяхъ, такъ что масса произведенныхъ при худшихъ условіяхъ товаровъ представляетъ относительно значительную величину, какъ по сравненію со среднею массою, такъ и съ другою крайностью: тогда рыночная или общественная цѣнность будетъ регулироваться тѣми товарами, которые произведены при худшихъ условіяхъ. Примемъ, наконецъ, что масса товаровъ, произведенная при лучшихъ условіяхъ, значительно превосходитъ массу произведенныхъ при худшихъ условіяхъ товаровъ и даже представляетъ значительную величину сравнительно съ массой товаровъ, произведенныхъ при среднихъ условіяхъ; тогда рыночная цѣнность регулируется тою частью товаровъ, которые произведены при лучшихъ условіяхъ»²⁾). Итакъ, рыночная цѣнность регулируется господствующимъ техническимъ способомъ производства, т. е. такимъ, которымъ производится «главная масса» товаровъ данного рода. Слѣдовательно, рыночная цѣнность отклоняется отъ трудовой не только въ земледѣліи. По признанію Маркса, дифференціальная добавочная прибыль существуетъ также и въ обрабатывающей промышленности. «Добавочная прибыль, приносимая индивидуальнымъ капиталомъ въ той или другой сферѣ производства.. происходитъ, если мы оставимъ въ сторонѣ случайные уклоненія, отъ понижения стоимости производства, слѣдовательно

¹⁾ Ibid, III, I, 157.

²⁾ Das Kapital, III, I, 161—2.

уменьшения издержекъ производства, которое обусловливается или тѣмъ, что употребленъ капиталъ, по своимъ размѣрамъ выше средняго, благодаря чemu уменьшены faux frais производства, между тѣмъ какъ общія причины повышенія производительности труда (кооперація, раздѣленіе труда и т. д.) могутъ дѣйствовать въ болѣе сильной степени, такъ какъ расширены размѣры производства, или тѣмъ, что, независимо отъ размѣровъ дѣйствующаго капитала, примѣнены лучшіе способы производства, новые изобрѣтенія, усовершенствованыя машины, секреты химического производства, словомъ, новые, улучшенныя, стоящія выше средняго уровня орудія и методы производства... Источникомъ добавочной прибыли является въ данномъ случаѣ самъ капиталъ (включая въ него и приложенный трудъ);... и само по себѣ ничто не мѣшаетъ тому, чтобы весь капиталъ въ одной и той же отрасли производства былъ употребленъ такимъ же способомъ¹). Конечно, любой размѣръ предпріятія и любое усовершенствованіе могутъ стать частью господствующаго техническаго способа производства; но въ каждый моментъ существуютъ такие размѣры предпріятія и такія усовершенствованія, которыя приносятъ своимъ собственникамъ иѣкоторую добавочную прибыль и вызываются, слѣдовательно, отклоненіе рыночной цѣнности отъ трудовой цѣнности. Въ рыночной цѣнности товаровъ другихъ предпріятій, напротивъ, можетъ быть не реализована часть произведеныхъ трудовыхъ цѣнностей. Въ обрабатывающей промышленности возможны уклоненія рыночныхъ цѣнностей отъ трудовыхъ въ обѣ стороны. Особенное значеніе имѣютъ въ данномъ случаѣ секреты производства, патенты и невозможность перенесенія основного капитала изъ одной сферы производства въ другую. Наконецъ, специфическій случай добавочной прибыли мы имѣемъ въ монопольной цѣнѣ, превышающей трудовую цѣнность товара²).

Краткій смыслъ всего этого длиннаго разсужденія заключается въ томъ, что при капиталистическомъ способѣ производства продукты обмѣниваются по рыночнымъ, а не по трудовымъ цѣнностямъ. Другими словами, въ капиталистическомъ обществѣ обмѣниваются не-эквиваленты. Въ системѣ Маркса мы должны строго различать трудовую цѣнность, рыночную цѣнность и рыночную цѣну³). Цѣнность создается и измѣряется затратою механической работы; рыночная цѣнность есть историческая форма проявленія трудовой цѣнности, свойственная капиталистическому способу производства; рыночная цѣна создается уравненiemъ спроса и снабженія, конкуренціей. Марксъ развиваетъ рыночную цѣнность какъ «измѣненную форму» цѣнности, и рыночную цѣну, какъ «измѣненную форму» рыночной цѣнности⁴). Рыночные цѣны тяготѣютъ къ рыночнымъ цѣнностямъ, а не къ трудовымъ. Вообще въ сферѣ экономическихъ отношеній капиталистического общества иѣста мѣста трудовой цѣнности. Она памъ совершенно не нужна для объясненія явлений обмѣна. Чтобы добраться до трудовой цѣнности, мы должны устранить цѣлый рядъ эконо-

¹⁾ Das Kapital, III, II, 184; также III, I, 188.

²⁾ Ibid, III, II, 173, 308, 397.

³⁾ Какъ увидимъ ниже, между рыночною цѣнностью и рыночною цѣнною Марксъ оставляетъ еще понятіе цѣны производства.

⁴⁾ Срав. Das Kapital, III, I, 135—6 и 142.

мическихъ категорій современного общества,—дифференціальную ренту, добавочную прибыль, монопольную цѣну. Понятно, что экономисты капиталистического общества не находят трудовой цѣнности въ явленіяхъ обмѣна. Они вполнѣ правы,—ей нѣтъ тамъ мѣста. Правиломъ обмѣна товаровъ служить рыночная цѣнность, историческая форма трудовой цѣнности; трудовая же цѣнность имѣть надъ-исторический характеръ, выражаетъ собою вѣчную необходимость существованія человѣка, — необходимость труда. Понятно, почему трудовая цѣнность не можетъ ничего прибавить къ нашему знанію и пониманію экономическихъ категорій преходящей капиталистической формациіи общества.

Но если правиломъ обмѣна въ капиталистическомъ обществѣ служитъ рыночная цѣнность, а не трудовая, тогда неправъ Марксъ, считающій обмѣнъ товаровъ въ его чистомъ видѣ за «обмѣнъ эквивалентовъ¹». Въ капиталистическомъ обществѣ товары не могутъ обмѣниваться по трудовымъ эквивалентамъ, потому что подобный обмѣнъ предполагать бы отсутствие поземельной ренты и добавочной прибыли. Общество же, въ которомъ отсутствуютъ эти экономическія категоріи, не можетъ называться капиталистическимъ обществомъ, необходимо-предполагающимъ существованіе трехъ классовъ: рабочихъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ. «Прибавочная цѣнность не можетъ возникнуть ни при обмѣнѣ эквивалентовъ, ни при обмѣнѣ не-эквивалентовъ», говоритъ Марксъ²). Почему же она не можетъ возникнуть при обмѣнѣ не-эквивалентовъ? Развѣ рента и добавочная прибыль—не виды прибавочной цѣнности? А, вѣдь, эти двѣ формы я возникаютъ исключительно изъ обмѣна не-эквивалентовъ. Вся рента класса землевладѣльцевъ извлекается изъ продукта общественного труда только посредствомъ обмѣна не-эквивалентовъ. Но теорія прибавочной цѣнности Маркса построена на предположеніи, что товары обмѣниваются въ капиталистическомъ обществѣ по ихъ трудовымъ эквивалентамъ, а не рыночнымъ цѣнностямъ, уклоняющимся отъ трудовыхъ. Мы увидимъ ниже, какъ отражается эта ошибка на теоріи прибавочной цѣнности.

Къ числу очевидныхъ формъ обмѣна не-эквивалентовъ принадлежитъ торговля при неразвитомъ капиталистическомъ способѣ производства. Эту торговлю Марксъ отождествляетъ съ мошенничествомъ: «Такъ какъ невозможно объяснить изъ процесса обращенія превращеніе денегъ въ капиталъ, образование прибавочной цѣнности, то торговый капиталъ, при обмѣнѣ эквивалентовъ, представляется невозможнымъ; существованіе его возможно лишь при предположеніи двойного обмана покупающаго и продающаго товаропроизводителя со стороны втирающагося между ними паразита-купца. Въ этомъ смыслѣ говорить Франклинъ: «война есть грабежъ, а торговля—мошенничество». Чтобы объяснить возрастаніе торговаго капитала не изъ простого обмана товаропроизводителей, необходимо длинный рядъ посредствующихъ членовъ³), т. е. необходимо разсматривать торговый капиталъ какъ часть промышленного капитала. Въ третьемъ томѣ «Капитала» мы находимъ болѣе милостивое отношеніе къ торговому капиталу; еще въ первомъ томѣ Марксъ говоритъ: «Въ той мѣрѣ, въ какой развивается въ

¹) Das Kapital, I, 121, 122—3.

²) Ibid., I, 126.

³) Das Kapital, I, 126—7.

какой-либо странѣ капиталистическое производство, въ той же мѣрѣ развиваются въ ней национальныя интенсивность и производительность труда и становятся выше интернационального уровня. Различные количества товаровъ одного рода, производимыя въ различныхъ странахъ въ одинъ и тотъ же промежутокъ рабочаго времени, имѣютъ, следовательно, различную интернациональную цѣнность¹). Мы должны исправить ошибку, сдѣланную въ этой цитатѣ Марксомъ: цѣнностеобразовательной субстанціей, по его же собственной теоріи, является не рабочее время, а количество затраченной механической работы, т. е. произведеніе продолжительности рабочаго времени на его интенсивность. Поэтому, въ данномъ случаѣ Марксу нужно было обратить вниманіе только на различія въ национальной производительности труда. При различныхъ национальныхъ производительностяхъ труда, одно и то же количество механической работы производить разное количество рыночныхъ цѣнностей. Обстоятельство это приводить къ тому, что «капиталы, вложенные въ заграничную торговлю, могутъ приносить болѣе высокую прибыль, потому что въ этой торговлѣ, во-первыхъ, конкуренція ведется съ товарами, которые производятся другими странами съ большими трудностями, такъ что передовая страна можетъ продавать свои товары выше ихъ цѣнности и, однако, дешевле, чѣмъ конкурирующія страны... Страна, находящаяся въ благопріятномъ положеніи, получаетъ въ обмѣнѣ большее количество труда за его меныше количества, хотя эту разницу, этотъ плюсъ, кладетъ себѣ въ карманъ извѣстный классъ общества, какъ и вообще при обмѣнѣ между трудомъ и капиталомъ»²). Эту добавочную прибыль экспропріируетъ классъ торговцевъ. Такимъ образомъ, торговцы обогащаются не только путемъ обмана или аппроприаціи части прибыли, произведенной производительнымъ капиталомъ. Обмѣнъ между странами съ разной высотой развитія производительныхъ силъ создаетъ номинальныя цѣнности, присвоемыя классомъ торговцевъ. При неразвитомъ капиталистическомъ способѣ производства, торговцы занимались главнымъ образомъ международной торговлей, т. е. той отраслью ея, въ которой необходимо существуютъ номинальныя цѣнности. Мы не думаемъ, чтобы присвоеніе номинальныхъ цѣнностей можно было назвать мошенничествомъ и обманомъ. Этотъ lapsus Маркса объясняется только темъ, что онъ принялъ за правило обмѣна въ капиталистическомъ обществѣ обмѣнъ эквивалентовъ. Конечно, актъ обмѣна не можетъ создавать трудовыхъ цѣнностей; но онъ можетъ, создавая номинальныя цѣнности, измѣнить распределение произведенаго общественнаго богатства. Поэтому, прибавочная цѣнность можетъ создаваться въ самомъ актѣ обмѣна. Обмѣнъ не-эквивалентовъ въ предѣлахъ класса капиталистовъ можетъ дать лишь индивидуальную прибыль (т. е. не измѣняетъ соціального распределенія общественнаго богатства между отдѣльными классами общества). Другое дѣло обмѣнъ не-эквивалентовъ между различными классами общества. Этотъ обмѣнъ можетъ быть источникомъ обогащенія цѣлаго класса³).

¹) Ibid., I, 522—3.

²) Das Kapital, III, I, 218—9.

³) Справ. Ibid., I, 563, 566; II, 486; III, II, 164—9, 288, 306 etc.

II.

Итакъ, однимъ источникомъ прибавочной цѣнности въ капиталистическомъ обществѣ является обмѣнъ не-эквивалентовъ. Другимъ—покупка рабочей силы рабочаго. На существование этого источника прибавочной цѣнности указалъ еще Адамъ Смить: «Цѣнность, придаваемая работнику сырому матеріалу, разбивается на двѣ части, изъ коихъ одна покрываетъ содержаніе работника, а другая служить прибылью для предпринимателя на его капиталъ, употребленный на заработную плату и на приобрѣтеніе сырыхъ матеріаловъ. Для него не было бы побудительной причины заказать трудъ работнику, если бы онъ не надѣялся продажею изготавленной имъ вещи получить что нибудь, кроме возвращенія своего капитала, и для него не было бы побудительной причины употребить въ дѣло скорѣе больший капиталъ, чѣмъ меньшій, если-бъ прибыль его не была пропорціональна съ величиною употребленнаго капитала»¹⁾). Рикардо развиваетъ далѣе мысль Смита и дѣлаетъ крайне важное замѣчаніе о невозможности повышенія общей нормы прибыли путемъ повышенія цѣнъ товаровъ; поэтому, при повышеніи заработной платы норма прибыли должна упасть: «Когда возвышение (заработной) платы, простирается на всѣхъ производителей одинаково, то возвышение цѣнности всѣхъ ихъ товаровъ должно... представлять для нихъ совершенно безразличную вещь, такъ какъ, высока или низка была бы цѣна всѣхъ этихъ товаровъ, но ихъ относительныя цѣнности оставались бы тѣ-же самыя, а только одно измѣненіе въ ихъ относительной цѣнности даетъ владѣльцамъ ихъ большую или меньшую власть надъ товарами. Каждый въ концѣ концовъ обмѣнивается свои товары на чужие или на трудъ, и онъ мало заботится о томъ, продаетъ ли онъ собственно товары по высокой цѣнѣ, если онъ вынужденъ давать высокую цѣну за товары, которые покупаетъ,—или же продаетъ первые по низкой цѣнѣ, если въ то-же время онъ можетъ добыть себѣ и тѣ товары, въ которыхъ нуждается, также по низкой цѣнѣ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ размѣры потребленія его однаковы»²⁾). Другими словами, уровень прибыли зависитъ не отъ высоты цѣнъ товаровъ, а отъ высоты (относительной) заработной платы. Высоту заработной платы Рикардо измѣряетъ не деньгами, не продуктами, а трудовыми единицами: «Рабочій въ такомъ только случаѣ получаетъ дѣйствительно высокую цѣну за свой трудъ, когда онъ можетъ за свою задѣльную плату купить продуктъ большаго количества труда»³⁾). «Прибыль,—и это слѣдуетъ повторять безсчетное число разъ,—зависитъ отъ задѣльной платы,—не отъ номинальной, но отъ реальной задѣльной платы,—не отъ числа фунтовъ, которое можетъ быть ежегодно уплачиваемо рабочему, но отъ числа дней труда, необходимаго для получения этихъ фунтовъ»⁴⁾). Такимъ образомъ уже у Рикардо мы находимъ понятіе прибавочной цѣнности, возникающей

¹⁾ Адамъ Смить. Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ. 1866. т. 1, 168.

²⁾ Рикардо. Сочиненія, 506.

³⁾ Ibid, 173.

⁴⁾ Ibid, 82.

изъ эксплуатациі наемнаго труда: прибыль капиталистовъ создается неоплаченнымъ трудомъ рабочаго и высота ея обусловлена высотой зарплатной платы рабочаго.

Такова лицевая сторона воззрѣй Смита и Рикардо на капиталистическую прибыль. Оборотная сторона ихъ воззрѣй заключается въ неумѣнїи согласовать фактъ созданія прибавочной цѣнности неоплаченнымъ трудомъ рабочаго съ существованіемъ общей нормы прибыли. Смитъ не подозрѣвалъ даже противорѣчивости этихъ двухъ фактovъ капиталистического строя. Задачу эту разрѣшилъ Марксъ. Изъ положенія Рикардо, что прибавочная цѣнность создается неоплаченнымъ трудомъ рабочаго, Марксъ заключилъ, что количество всей прибавочной цѣнности, произведенной въ обществѣ неоплаченнымъ трудомъ рабочихъ, есть величина вполнѣ опредѣленная.

«Вся трудность происходитъ отъ того, что товары обмѣниваются не просто какъ товары, а какъ продукты капиталовъ, которые претендуютъ на участіе въ общей массѣ (общественной) прибавочной цѣнности соотвѣтственно своей величинѣ, или, при равной величинѣ, на равное участіе»¹⁾. Эмиграція капиталовъ изъ отраслей промышленности съ низкой прибылью, иммиграція въ отрасли промышленности съ высокой прибылью «создаетъ такое отношеніе снабженія къ спросу, что устанавливается одна и та-же общая средняя прибыль во всѣхъ отрасляхъ производства, почему цѣнности измѣняются въ цѣны производства»²⁾). Благодаря этому уравненію прибылей, прибыль всего класса капиталистовъ распредѣляется между отдельными капиталистами пропорционально ихъ капиталамъ. Если дана вся сумма общественной прибыли и известна вся сумма общественнаго капитала, норма прибыли опредѣляется отношеніемъ этихъ двухъ величинъ. «Если даны предѣлы цѣнности и прибавочной цѣнности, то легко понять, какимъ образомъ конкуренція капиталовъ превращаетъ цѣнности въ цѣны производства и еще далѣе въ рыночныя цѣны, прибавочную же цѣнность — въ среднюю прибыль. Безъ этихъ же предѣловъ рѣшительно нельзя постигнуть, почему конкуренція приводить общую норму прибыли къ такому уровню, а не другому, къ 15 %, а не 1500 %. Она можетъ лишь привести прибыль къ одному уровню. Но въ ней нѣтъ рѣшительно никакихъ элементовъ для опредѣленія самаго уровня»³⁾). При этомъ «сумма цѣнъ производства всего общественнаго продукта равна суммѣ его цѣнностей»⁴⁾, а сумма прибылей равна суммѣ прибавочныхъ цѣнностей⁵⁾.

Недостатокъ этой теоріи уравненія прибылей тотъ, что за основаніе, на которомъ развиваются цѣны производства, Марксъ принимаетъ трудовую, а не рыночную цѣнности.

Вообще въ «Капиталѣ» Маркса поражаетъ полная оторванность теоріи обмѣна эквивалентовъ, прибавочной цѣнности и цѣнъ производства отъ теорій рыночныхъ цѣнностей и ренты. И въ этомъ случаѣ такъ же: при выясненіи процесса уравненія нормы прибыли Марксъ совершенно по-

¹⁾ Das Kapital, III, I, 154; также 175.

²⁾ Ibid, III, I, 175—6.

³⁾ Ibid, III, I, 298.

⁴⁾ Ibid, III, I, 152; также III, I, 138; III, II, 291, 367.

⁵⁾ Ibid, III, I, 140.

— 2029 —

забыть о существовании рыночных ценностей; И только въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: «Что сказано здѣсь о рыночной цѣнности, примѣнительно и къ цѣнѣ производства, какъ скоро она заступила мѣсто рыночной цѣнности»¹). Замѣчаніе это показываетъ, что цѣны производства развиваются на основаніи рыночныхъ цѣнностей, а не трудовыхъ. Причины, создающія въ обрабатывающей промышленности добавочную прибыль, не прекращаютъ дѣйствовать оттого, что индивидуальныя прибавочныя цѣнности уравниваются до общей нормы прибыли. Поэтому сумма цѣнъ производства всего общественного продукта равна суммѣ его рыночныхъ, а не трудовыхъ цѣнностей. Итакъ, цѣны производства дважды уклоняются отъ трудовыхъ цѣнностей: одинъ разъ—потому что рыночная цѣнность уклоняется отъ трудовыхъ, другой разъ—потому что цѣны производства уклоняются отъ рыночныхъ цѣнностей. Это послѣднее уклоненіе существенно отличается отъ первого: оно не существуетъ, если мы возьмемъ всю совокупность общественного производства. Тогда сумма номинальныхъ цѣнностей будетъ равна суммѣ не-реализованныхъ трудовыхъ цѣнностей. Послѣднее уклоненіе существуетъ только для индивидуального продукта. Марксъ не показалъ намъ того внутренняго механизма, посредствомъ котораго часть рыночной цѣнности одного товара переносится на другой.

Какимъ образомъ часть рыночной цѣнности сапогъ (продукта капитала низкаго строенія), не реализованная въ ихъ цѣпѣ производства, переносится на продукты доменныхъ печей (капиталъ высокаго строенія), благодаря чему цѣна ихъ производства превышаетъ рыночную цѣнность². Очевидно, механизмъ—тотъ же, какъ и въ случаѣ уклоненія рыночной цѣнности отъ трудовой.

Факторомъ уравненія является рынокъ. По Марксу, ложныя соціальные цѣнности реализуются слѣдующимъ образомъ: «Та сумма, которую общество, какъ потребитель, переплачиваетъ на земледѣльческихъ продуктахъ, что составляетъ минус при реализаціи его рабочаго времени въ земледѣльческомъ производствѣ, сумма эта составляетъ плюсъ для одной части общества, землевладѣльцевъ»³). Монопольная рента составляетъ часть «прибавочной цѣнности другихъ товаровъ, т. е. товаровъ, на которые обмѣнивается товаръ, имѣющій монопольную цѣну»⁴). Номинальные цѣнности, заключающіяся въ цѣнахъ производства продуктовъ доменныхъ печей, реализируются, очевидно, такъ же точно, какъ и номинальные цѣнности земледѣльческихъ продуктовъ: за нихъ расплачивается потребитель. Напротивъ, не-реализованныя цѣнности сапогъ потребитель получаетъ даромъ.

Смѣщеніе всѣхъ товаровъ на рынкѣ равномѣрно распредѣляетъ всѣ эти плюсы и минусы между индивидуальными потребителями⁵).

Итакъ, въ современномъ капиталистическомъ обществѣ мы имѣемъ дѣло съ двумя видами прибавочной цѣнности.

¹⁾ Ibid, III, I, 158.

²⁾ Ibid, III, II, 201.

³⁾ Ibid, III, II, 368; также 391, 397.

⁴⁾ Номинальные цѣнности подобны фальшивой монетѣ: если ея количество равно одной десятой обращенія, то въ концѣ концовъ у каждого окажется въ карманѣ на 9 настоящихъ монетъ одна фальшивая.

Въ однихъ случаяхъ прибавочная цѣнность создается путемъ обмѣна не-эквивалентовъ, путемъ оплаты потребителемъ ложныхъ соціальныхъ цѣнностей. Исторически этотъ видъ эксплуатации предшествовалъ другому (примѣръ: торговый капиталъ). Въ другихъ случаяхъ, прибавочная цѣнность создается путемъ эксплуатации наемныхъ рабочихъ, путемъ покупки ихъ рабочей силы. При этомъ второмъ видѣ эксплуатации весь общественный продуктъ продается по его трудовой цѣнности. Въ современномъ обществѣ оба эти вида эксплуатации переплетаются между собою, такъ что обособить ихъ мы можемъ только путемъ абстракціи. Первый видъ эксплуатации мыслимъ (и фактически существовалъ и существуетъ) безъ эксплуатации наемныхъ рабочихъ въ процессѣ производства; второй видъ эксплуатации мыслимъ при отсутствіи эксплуатации потребителя въ процессѣ обмѣна, при обмѣнѣ трудовыхъ эквивалентовъ. Въ первомъ случаѣ прибавочная цѣнность создается въ процессѣ обмѣна, во второмъ — въ процессѣ производства. Конечно, материальная блага, составляющая прибавочный продуктъ, въ обоихъ случаяхъ создаются въ процессѣ производства.

Въ процессѣ обмѣна могутъ создаваться лишь ложныя соціальные цѣнности. Въ капиталистическомъ обществѣ производители подвергаются двойной эксплуатации: и какъ производители, и какъ потребители.

Къ эксплуатации производителей въ качествѣ потребителей Марксъ относится крайне двусмысленно. Въ первомъ томѣ «Капитала», посвященномъ «процессу производства капитала», мы не находимъ ни одного слова объ эксплуатации производителей путемъ обмѣна не-эквивалентовъ; все вниманіе обращено на вторую форму эксплуатации, на эксплуатацию наемного рабочаго при условіи обмѣна эквивалентовъ. Марксъ говоритъ о процессѣ производства капитала: — «Превращеніе денегъ въ капиталъ должно быть развито на основаніи законовъ, имманентныхъ процессу обмѣна товаровъ, такъ что исходною точкою долженъ быть обмѣнъ эквивалентовъ. Нашъ владѣлецъ денегъ, представляющій себѣ пока лишь личинку, изъ которой впослѣдствіи разовьется капиталистъ, долженъ покупать товары по ихъ цѣнности, продавать тоже по цѣнности, и все же въ концѣ процесса онъ долженъ получить больше, чѣмъ сколько вложилъ»¹⁾.

Что мы не напрасно придаемъ такое большое значеніе этой формулировкѣ вопроса, показываетъ статья Маркса²⁾ 1865 г. и формулировка Энгельса въ Анти-Дюрингѣ³⁾. Во второмъ томѣ «Капитала» встрѣчается уже нѣсколько замѣчаний, указывающихъ на существование иного источника прибавочной цѣнности, — обмѣна не-эквивалентовъ. Сравнительно большие вниманія этому вопросу удѣлено въ третьемъ томѣ, но и тамъ не выяснена связь, существующая между обмѣномъ не-эквивалентовъ, какъ источникомъ прибавочной цѣнности, и эксплуатацией наемного труда. И въ третьемъ томѣ обмѣнъ не-эквивалентовъ не нашелъ себѣ мѣста въ системѣ Маркса. Теорія прибавочной цѣнности, развитая въ первомъ томѣ «Капитала», — та теорія, за которой въ литературѣ установлено название

¹⁾ Ibid., I, 128—9.

²⁾ Прибыль, цѣна и зараб. плата. Пер. въ Научн. Обозр. 1898 года.

³⁾ Изд. 1894. стр. 215.

теорії прибавочнай цінності Маркса,—выводить всю общественнуу прибавочнуу цінності изъ эксплуатаціи наемнаго труда. Отношение прибавочнай цінності къ перемѣнному капиталу (заработной платѣ) Марксъ называетъ нормой прибавочнай цінності. Эту норму онъ считаетъ «точнымъ выражениемъ степени эксплуатаціи рабочей силы капиталомъ или рабочаго —капиталистомъ»¹). Въ третьемъ томѣ «Капитала» мы узнаемъ, что «часть произведенной капиталомъ прибавочной цінності попадаетъ къ земельному собственнику»²). Итакъ, единственнымъ источникомъ прибыли и ренты, вообще всей общественнай прибавочной цінності, является эксплуатація наемнаго труда при условіи обмѣна эквивалентовъ.

Правда, Марксъ удѣляетъ іѣкоторое вниманіе и эксплуатації рабочаго въ качествѣ потребителя. Посмотримъ, какое мѣсто отводитъ онъ ей въ своей системѣ? Онъ говоритъ о сдачѣ квартиры въ наемъ рабочимъ: — «Очевидно, рабочий классъ и въ этой формѣ обирается, и даже въ ви-плюющей степени; но его обираетъ также и мелкій торговецъ, поставляю-щій ему средства существованія. Это — вторичная эксплуатація, которой подвергается рабочій наряду съ первичной, происходящей непосредственно въ процессѣ производства»³). Несмотря на эту двойную эксплуатацію, рабочій получаетъ все же полную цінності своей рабочей силы. При этомъ условіи рабочаго можно эксплуатировать вторично (какъ потребителя), лишь при томъ условіи, что первичная эксплуатація (какъ производителя) оставила ему больше, чѣмъ полную цінності его рабочей силы. Именно это говорить Марксъ въ своей критикѣ взглядовъ Дестютта де Траси, указавшаго на фактъ эксплуатації рабочаго класса какъ потребителя⁴). Казалось бы, еще шагъ — и Марксъ признаеть, что рабочий классъ эксплуати-руется также путемъ обмѣна не-эквивалентовъ, признаѣть, слѣдовательно, что развитая имъ въ первомъ томѣ теорія прибавочной цінності объясняетъ намъ происхожденіе только части общественнай прибавочной цінності. Но Марксъ не дѣлаетъ этого шага. Онъ проводитъ качественную разницу между первичной и вторичной эксплуатаціей и устраняетъ послѣднюю съ поля своего зреенія: — «Вся произведенная масса товаровъ, весь обществен-ный продуктъ, какъ та часть его, которая возмѣщаетъ постоянный и перемѣнныи капиталы, такъ и та, которая представляется собою приба-вочную цінності,—весь этотъ продуктъ долженъ быть проданъ. Если про-дажа не совершиится, или будетъ продана только часть, или только по такимъ цѣнамъ, которыя стоятъ ниже цѣнъ производства, то рабочій хотя и эксплуатируется, но его эксплуатація не реализуется какъ таковая для капиталиста; капиталистъ можетъ или совсѣмъ не реализовать вы-жатой прибавочной цінності или реализовать ее только отчасти, можетъ даже потерять часть или весь свой капиталъ. Условія непосредственной эксплуатації не тождественны съ условіями ея реализации. Они различны не только по мѣсту и времени, но и по существу (*begrifflich*). Условія непосредственной эксплуатації ограничены лишь производительною силою общества, условія ея реализациі — пропорциональностью въ развитіи раз-

¹⁾ Ibid., I, 179.

²⁾ Ibid., III, II, 153.

³⁾ Ibid., III, II, 149; также II, 461.

⁴⁾ Ibid., II, 460; также III, I, 158—9; III, II, 402—3.

личныхъ отраслей производства и потребительною способностью общества... Далѣе они ограничены стремлениемъ къ накоплению, стремлениемъ къ увеличению капитала и производству прибавочной цѣнности въ болѣе широкихъ размѣрахъ¹⁾). Отнесясь внимательно къ дѣлаемому Марксомъ различію, мы замѣтимъ, что условія непосредственной эксплуатации относятся къ числу техническихъ условій производства, тогда какъ условія ея реализаціи — къ сферѣ экономическихъ отношеній капиталистического общества. Рѣзкое противоположеніе «первичной» эксплуатации рабочаго его «вторичной» эксплуатации, признаніе между ними различій «по существу» показываетъ, что Марксъ пытался связать свою теорію прибавочной цѣнности съ техническими условіями производства.

Онъ хотѣлъ, повидимому, слѣдя своему материалистическому методу, найти техническое основаніе для распредѣленія общественнаго продукта на необходимый и прибавочный. Попытка эта — если только Марксъ ее сдѣлалъ, если мы должны прибавить именно этотъ смыслъ его теоріи прибавочной цѣнности,—совершенно не удалась ему, да и не могла удастся. Дѣленіе общественнаго продукта на необходимый и прибавочный есть результатъ экономическихъ отношеній капиталистического строя, и не имѣть никакихъ корней въ технике производства.

Сколько трудовыхъ единицъ произведено въ обществѣ,—это вопросъ технической организаціи общества; какъ распредѣляются произведенные трудовыя цѣнности между отдѣльными классами общества,—это вопросъ его экономической организаціи. Самъ Марксъ рѣзко обособилъ и противопоставилъ эти два понятія въ своемъ анализѣ понятія производительности труда. И мы не можемъ признать, что своей теоріей прибавочной цѣнности онъ перекинулъ мостъ между этими сферами явлений. Смѣщеніе понятій не можетъ замѣнить требуемаго материалистическимъ методомъ развитія производнаго понятія изъ основнаго.

Смѣщеніе техническихъ и экономическихъ элементовъ въ понятіи прибавочной цѣнности — не единственный у Маркса примѣръ смѣщенія этихъ элементовъ. Вотъ другой: въ нѣсколькихъ мѣстахъ «Капитала» Марксъ говорить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ потребитель получаетъ прибавочный трудъ рабочаго даромъ²⁾). Капиталисту въ этихъ случаяхъ не удалось реализовать прибавочную цѣнность. Но во II части III тома онъ говоритъ по поводу подобнаго же случая: прибавочный трудъ «дарится обществу даромъ и не участвуетъ въ регулированіи цѣнъ производства; вообще онъ не участвуетъ въ образованіи цѣнностей»³⁾. Такимъ образомъ, капиталистическая отношенія могутъ въ известныхъ случаяхъ трудъ, цѣнностеобразовательный по техническимъ условіямъ, лишить этой цѣнностеобразовательной способности. Изъ всего вышеразвитаго слѣдуетъ, что этотъ взглядъ невѣренъ. Этотъ трудъ не образуетъ соотвѣтственной рыночной цѣнности; но трудъ не лишается своей цѣнностеобразовательной способности потому только, что онъ не зачтеть въ процессѣ обмѣна. Между тѣмъ, это не случайный lapsus со стороны Маркса. Буквально

¹⁾ Ibid., III, I, 225—6.

²⁾ Ibid., I, 511; II, 144; III, I, 14.

³⁾ Ibid., III, II, 340.

такое-же смышненіе техническихъ и экономическихъ моментовъ мы находимъ въ слѣдующей цитатѣ изъ I тома «Капитала»: «Предположимъ, напоцетъ, что каждый находящійся на рынке кусокъ холста содержитъ лишь необходимое рабочее время. Несмотря на это, вся сумма этихъ кусковъ можетъ заключать въ себѣ излишне-потраченное рабочее время. Если рынокъ не можетъ поглотить всего количества холста по нормальной ценѣ 2 шил. за локоть, то это показываетъ, что слишкомъ большая доля всей суммы общественного рабочаго времени потрачена въ формѣ тканья холста. Дѣйствие будетъ то-же самое, какъ если-бы каждый ткачъ употребилъ на свой индивидуальный продуктъ больше рабочаго времени, чѣмъ это общественно-необходимо. Здѣсь примѣнна пословица: вмѣстѣ пойманъ, вмѣстѣ и повѣнцъ. Весь холстъ на рынке идетъ за одинъ предметъ торговли и каждый кусокъ холста является лишь долей его»¹). Имѣнно къ трудовымъ цѣнностямъ примѣнено то различіе, которое Марксъ сдѣлалъ относительно прибавочныхъ цѣнностей: условія производства трудовыхъ цѣнностей по существу отличны отъ условій ихъ реализаціи на рынке. Реализованная на рынке трудовая цѣнность является рыночной цѣнностью, даѣтъ цѣною производства, еще даѣтъ—рыночной цѣнной. Развиваемое Маркомъ въ приведенной цитатѣ понятіе общественно-необходимаго труда есть составной элементъ не трудовой, а рыночной цѣнности. Еще болѣе рѣзко формулировано это понятіе въ III томѣ «Капитала»: тамъ понятіе общественно-необходимаго времени опредѣлено какъ «рабочее время, потребное для производства общественно-нужнаго количества товаровъ всякаго рода изъ числа находящихся на рынке при данныхъ общественно-среднихъ условіяхъ производства»²). Этимъ опредѣленіемъ Марксъ зачеркиваетъ весь свой анализъ труда, какъ цѣностеобразовательной субстанціи, и возвращается къ точкѣ зреія Рикардо³). Возьмемъ примѣръ. Положимъ, запросъ рынка можетъ быть удовлетворенъ 1,000 кусковъ холста. Производство ихъ стоитъ 1,000 единицъ труда. Несвѣдущіе же и конкурирующіе между собою производители затратили 1,200 единицъ труда на 1,200 кусковъ; въ такомъ случаѣ, согласно послѣднему опредѣленію общественно-необходимаго труда, 200 единицъ труда не произведутъ цѣнностей. Выводъ этотъ противорѣчить основному принципу трудовой теоріи, согласно которому цѣностеобразовательной субстанціей является все количество затраченного производительного труда пропорционально его интенсивности. Вѣдь холстъ найдетъ все-же потребителя, только его рыночная цѣна будетъ стоять ниже трудовой цѣнности. Если же рыночная цѣна въ количественномъ отношеніи является точнымъ выражениемъ трудовой цѣнности, тогда незачѣмъ было создавать цѣлую систему и развивать рыночную цѣнность изъ трудовой, цѣны производства изъ рыночной цѣнности, рыночную цѣну изъ цѣны производства. Если рыночная цѣна = трудовой цѣнности, тогда, конечно, товары обмѣниваются по ихъ трудовымъ эквивалентамъ. Всѣ эти «если» и слѣдующіе изъ нихъ выводы противорѣчать всей теоріи цѣнности Маркса. Вводя понятіе о

¹⁾ Ibid., I, 71—2; также III, II, 175—6.

²⁾ Ibid., III, II, 180.

³⁾ Срав. „Das Kapital“, III, I, стр. 162, примѣчан. 30.

рынкѣ въ опредѣлениѣ общественно-необходимаго труда, мы вводимъ экономическое условіе въ опредѣлениѣ цѣнности; а цѣнность есть лишь экономическое выраженіе техническаго факта, количества израсходованной механической работы.

До сихъ порь мы ни словомъ не касались данной Марксомъ формулы нормы прибавочной цѣнности. Норма эта является «точнымъ выражениемъ степени эксплуатации рабочей силы капиталомъ или рабочаго капиталистомъ»¹⁾). Посмотримъ, какія измѣненія внесутъ въ эту формулу Маркса поправки, сдѣланныя нами къ его теоріи прибавочной цѣнности. Обозначимъ заработную плату — v , прибавочную цѣнность — m . Норма эксплуатации равна $m' = \frac{m}{v}$. Возьмемъ какой-нибудь примѣръ со всѣми возможными упрощеніями: будемъ игнорировать изнашиваніе c (постояннаго капитала), уклоненіе рыночныхъ цѣнъ отъ цѣнъ производства; предположимъ, что трудъ всѣхъ рабочихъ — простой трудъ средней интенсивности, длина рабочаго дня — нормальная. Положимъ $c = 70$, $v = 30$, $p = 36$. Можемъ ли мы сказать, что сумма $v + p$ (и только она) созданы трудомъ рабочихъ? Нѣтъ. Разсмотримъ отдельно v и отдельно p . Положимъ, нашъ предприниматель обладаетъ секретомъ производства, благодаря которому онъ можетъ продавать свой продуктъ съ добавочною прибылью въ 20 единицъ. Съ другой стороны, другія орудія ея производства по производительности ниже среднихъ, благодаря которому онъ теряетъ 4 единицы. Поэтому его добавочная прибыль = 16 единицъ. Ихъ уплачиваетъ потребитель, какъ номинальные цѣнности. Нормальная прибыль = 20 един. Слѣдовательно, норма прибыли въ данномъ обществѣ $p' = \frac{p}{v+c} = \frac{20}{70+30} = 20\%$. Общественно-среднее строеніе капитала $80 c + 20 v$. Одна единица v производить, слѣдовательно, одну единицу m . При $v = 30$, $m = 30$. Слѣдовательно, рабочіе нашего предпринимателя производятъ не только его прибыль = 20, но и прибыль какихъ-то другихъ капиталистовъ съ болѣе высокимъ органическимъ строеніемъ капитала = 10. На полученную прибыль нашъ предприниматель пріобрѣтаетъ нужные ему товары. Положимъ, что количество номинальныхъ цѣнностей, произведенныхъ въ данномъ обществѣ, относится къ числу реальныхъ, какъ 1 : 2. Тогда за свою нормальную прибыль нашъ предприниматель получитъ на рынкѣ $13\frac{1}{3}$ трудовыхъ единицъ, за добавочную — $10\frac{2}{3}$, итого — 24 единицы. Напятые имъ рабочіе произвели для него $13\frac{1}{3}$ трудовыхъ единицъ и для другихъ предпринимателей $30 - 13\frac{1}{3} = 16\frac{2}{3}$ един. Обратимся къ v . За свою плату рабочіе пріобрѣтутъ нужная имъ средства существованія. Въ числѣ средствъ существованія на каждыя 2 реальныхъ единицы будетъ приходитьсь, по предположенію, одна номинальная. Слѣдовательно, рабочіе получать лишь 20 трудовыхъ единицъ. 10 единицъ они отдадутъ другимъ предпринимателямъ²⁾). Итакъ: въ данномъ предпріятіи рабочіе произвели 60 трудовыхъ единицъ; распредѣлились они слѣдующимъ образомъ: 1) 20

¹⁾ „Das Kapital“, 1, 179.

²⁾ Быть можетъ, нѣкоторая доля изъ нихъ вошла въ 16 единицъ добавочной прибыли нашего предпринимателя.

получили рабочие; 2) $13\frac{1}{3}$ предприниматель, 3) $26\frac{2}{3}$, классы капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Предприниматель-же нашъ въ видѣ прибыли получилъ 24 трудовыхъ единицы.

По Марксу, норма прибавочной цѣнности равна $\frac{m}{v} = \frac{30}{30} = 100\%$.

По нашему-же разсчету, она равна $\frac{13\frac{1}{3} + 26\frac{2}{3}}{20} = 200\%$.

Выразимъ полученный нами результатъ въ алгебраической формѣ. Положимъ, количество реальныхъ цѣнностей, произведенныхъ въ данномъ обществѣ, $= a$ (Arbeitswerth); количество nominalныхъ цѣнностей $= n$ (Nominalwerth). Сумму $m + v$ обозначимъ буквой s . Тогда

$$m' = \frac{s - v \cdot \frac{a}{a+n}}{v \cdot \frac{a}{a+n}} = \frac{s}{v} \left(\frac{n}{a} + 1 \right) - 1.$$

Формула эта показываетъ намъ, что норма эксплуатации труда рабочаго зависитъ отъ двухъ величинъ: 1) отъ $\frac{s}{v}$, т. е. количества единицъ механической работы, расходуемыхъ рабочимъ и высоты его заработной платы, выраженной въ трудовыхъ цѣнностяхъ; 2) отъ $\frac{n}{a}$, т. е. размѣра, въ какомъ классы землевладѣльцевъ и капиталистовъ обложили все общество nominalными цѣнностями. Если $n = 0$, тогда $m' = \frac{m}{v}$. Именно этотъ частный случай разобранъ Маркомъ въ его теоріи прибавочной цѣнности. Если $m = 0$, и $s = v$, тогда $m' = \frac{n}{a}$.

IV.

Теперь памъ предстоитъ подвести итогъ результатамъ нашей критики. Правиломъ обмѣна товаровъ въ капиталистическомъ обществѣ является не трудовая цѣнность, а рыночная цѣнность и цѣна производства. Товары обмѣниваются не пропорционально количеству затраченного на нихъ труда. Трудъ, затраченный на производство товаровъ, является только однимъ изъ многихъ составныхъ элементовъ ихъ мѣновой цѣнности (т. е. рыночной цѣнности или цѣны производства): онъ представляетъ собою техническій элементъ цѣнности, рядомъ-же съ нимъ существуетъ цѣлый рядъ экономическихъ элементовъ цѣнности, превращающихъ вѣчное условіе существования человѣка—трудовую цѣнность—въ историческую категорію капиталистического строя, цѣну производства и, далѣе, въ рыночную цѣну. Сверхъ того, существуетъ цѣлый рядъ товаровъ, произведенныхъ трудомъ человѣка и имѣющихъ рыночную цѣну, но не имѣющихъ цѣны производства. Бываетъ это въ томъ случаѣ, когда два или болѣе товара представляютъ собою продукты одной и той-же операций, или ряда операций. Мы можемъ опредѣлить, какова ихъ общая цѣна производства, но не въ состояніи опредѣлить цѣну производства каждого изъ нихъ въ отдѣльности. Напр., какъ опредѣлить цѣну производства газа и кокса въ

отдельности,—когда оба эти продукта представляют результатъ одной и той-же производственной операци? Какъ определить при пашнемъ трехпольи цѣну производства ржи и овса, когда каждое расширение озимаго поля предполагаетъ расширение ярового и наоборотъ? ¹⁾

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ товары имѣютъ рыночныя цѣны, опредѣляемыя уравненiemъ спроса и снабженія, и не имѣютъ цѣнъ производства. Шаконецъ, существуетъ цѣлый рядъ предметовъ, имѣющихъ рыночную цѣну и на производство которыхъ не было затрачено ни атома человѣческаго труда. Всѣ они «имѣютъ цѣны, не имѣя цѣнности» ²⁾). «Цѣна вещей, которыхъ сами по себѣ не имѣютъ никакой цѣнности, т. е. не являются продуктами труда, какъ земля, или не могутъ быть по крайней мѣрѣ воспроизведены трудомъ, какъ древнія вещи, художественные произведения извѣстныхъ мастеровъ и т. д., можетъ опредѣляться совершенно случайными комбинациями» ³⁾). Всѣ эти предметы, цѣна которыхъ опредѣляется ихъ рѣдкостью, т. е. уравненiemъ спроса и снабженія, не имѣютъ ни цѣнности, ни рыночной цѣнности, ни цѣны производства. Въ капиталистическомъ обществѣ эти материальные предметы продаются, однако, т. е. являются товарами. Поэтому невѣрно определеніе Маркса, по которому товаръ есть «простой сгустокъ безразличного человѣческаго труда, т. е. затраты человѣческой рабочей силы безъ отношенія къ формѣ этой затраты. Всѣ эти предметы не выражаютъ ничего болѣе, кромѣ того, что на ихъ производство затрачена рабочая сила человѣка, что въ нихъ накопленъ человѣческий трудъ. Какъ кристаллы этой общей имѣ общественной субстанціи, они представляютъ цѣнности,—товарыя цѣнности» ⁴⁾.

Очевидно, недостатокъ этого определенія чисто формальный, потому что самъ Марксъ прекрасно зналъ, что некоторые товары имѣютъ цѣну, не заключая въ себѣ ни атома кристаллизированаго труда. Уже Рикардо рѣзко разграничила эти двѣ группы товаровъ,—имѣющихъ цѣнность и не имѣющихъ ея. «Существуютъ нѣкоторые предметы,—говоритъ—опть, цѣнность которыхъ опредѣляется исключительно ихъ рѣдкостью. Никакой трудъ не въ состояніи увеличить количество такихъ предметовъ, и потому цѣнность ихъ не можетъ быть понижена вслѣдствіе увеличенія снабженія... Но эти предметы составляютъ лишь весьма незначительную часть той массы вещей, которая ежедневно промѣнивается на рынкѣ. Несравненно большая часть тѣхъ предметовъ, которыми желаютъ обладать люди, доставляется трудомъ и можетъ быть увеличиваюма не только въ одной странѣ, но и во многихъ до такого предѣла, который почти безграничень, если мы расположены расходовать трудъ, необходимый на добываніе ихъ. Говоря далѣе о товарахъ, ихъ мѣновой цѣнности и законахъ, управляющихъ относительными ихъ цѣнами, мы имѣемъ въ виду исключительно товары такого рода, количество которыхъ можетъ возрастать вслѣдствіи приложенія человѣческаго труда и производство которыхъ находится подъ влияніемъ свободного соперничества» ⁵⁾). Поэтому выраженіе: товаръ есть продуктъ

¹⁾ Ср. Милль. „Основанія политической экономіи“, 1898. стр. 512—513, 516.

²⁾ „Das Kapital“, III, I, 170.

³⁾ Ibid, III, II, 173.

⁴⁾ Ibid, I, 4.

⁵⁾ Рикардо. Сочиненія, стр. 2.

труда—въроно лишь въ условномъ смыслѣ. Абсолютнымъ признакомъ товара является его относительная рѣдкость. Въ самомъ дѣлѣ: товаромъ мы называемъ всякую вещь, имѣющую рыночную цѣну, рыночная же цѣна опредѣляется уравненіемъ спроса и снабженія, т. е. относительной рѣдкостью предмета. Рикардо прекрасно понималъ это, какъ показываетъ слѣдующее его замѣчаніе: «Почему вода не имѣеть цѣнности, какъ не всѣдѣствіе изобилия въ ней? Если бы хлѣбъ находился въ такомъ же изобилии, онъ имѣть-бы не болѣе цѣнности, каково бы ни было количество труда, израсходованного на его производство»¹⁾). Относительную рѣдкость товара Джевонсъ называетъ его предѣльной полезностью (въ противоположность общей полезности: общая полезность воды очень высока, предѣльная же ея полезность, благодаря изобилию, равна нулю); онъ устанавливаетъ, что рыночная цѣна товара непосредственно опредѣляется лишь его предѣльной полезностью (читай: относительной рѣдкостью), издержки-же производства лишь косвенно влѣаютъ на рыночную цѣну черезъ посредство измѣненія предѣльной полезности товаровъ: «цѣнность зависитъ исключительно отъ полезности, господствующее мнѣніе считаетъ источникомъ цѣнности скорѣе трудъ, чѣмъ полезность; некоторые утверждаютъ даже, что трудъ есть причина цѣнности. Я показываю, напротивъ, что намъ совершенно достаточно тщательно выяснить естественные законы измѣненій полезности зависящихъ отъ количества находящагося въ нашемъ распоряженіи товара, чтобы прийти къ удовлетворительной теоріи обмена, необходимымъ слѣдствіемъ которой являются законы спроса и снабженія. Теорія эта находится въ полной гармоніи съ фактами; и если есть какое либо кажущееся основаніе считать трудъ причиной цѣнности, то съ помощью этой теоріи мы получаемъ объясненіе этого основанія. Трудъ часто опредѣляетъ цѣнность, но только косвеннымъ образомъ, измѣняя степень полезности товара посредствомъ увеличенія или сокращенія снабженія»²⁾).

Такимъ образомъ теорія издержекъ производства Рикардо не противорѣчитъ, а находится, напротивъ, въ полномъ соотвѣтствии съ теоріей предѣльной полезности Джевонса. Джевонсъ только развила ту сторону вопроса, которая была намѣчена, но не развита Рикардо. Издержки производства регулируютъ цѣну производства и, дающе, рыночную цѣну въ томъ только случаѣ, когда предложеніе слѣдуетъ за спросомъ и береть въ свои руки регулированіе цѣнъ. Напротивъ, въ томъ случаѣ, когда снабженіе не слѣдуетъ за спросомъ, и развитіе спроса не можетъ убавить производства товара или расширить существующее производство, тогда рыночная цѣна товара опредѣляется исключительно его относительной рѣдкостью.

Итакъ, рыночная цѣна опредѣляется отношеніями рынка. Но отношенія рынка дѣйствуютъ также и на опредѣленіе рыночной цѣнности товара. Милль различаетъ два рода товаровъ: товары, увеличеніе количества которыхъ возможно лишь при повышеніи издержекъ производства (земледѣльческие продукты, напр.), и другой родъ товаровъ, количество которыхъ можетъ быть увеличено безгранично безъ повышенія издержекъ произ-

¹⁾ Рикардо, *ibid.* стр. 494.

²⁾ Jevons. *The theory of Political Economy*, 1888, стр. 1—2.

водства (мануфактурные продукты). Прайсъ отличаетъ существование еще третьаго класса товаровъ, увеличеніе количества которыхъ ведеть къ понижению издержекъ производства на каждую штуку товара, главнымъ образомъ, благодаря болѣе развитому раздѣленію труда и различнымъ экономіямъ. Сюда относится большинство товаровъ, отнесенныхъ Миллемъ во второй классъ. Земледѣльческіе продукты должны быть отнесены главнымъ образомъ въ первый классъ, мануфактурные—въ третій. Нормальная цѣна этихъ товаровъ (цѣна ихъ производства) опредѣляется предѣльными издержками ихъ производства¹⁾. Выходитъ, повидимому, что между цѣпою производства и рыночною цѣною нѣтъ существенной разницы, такъ какъ и та, и другая регулируются уравненіемъ спроса и снабженія. Отношенія рынка дѣйствуютъ, однако, совершенно различнымъ образомъ на рыночную цѣну и цѣну производства. Когда колебанія снабженія и спроса дѣйствуютъ лишь на покупательную силу товаровъ, не вызывая измѣненій въ производствѣ ихъ (расширепія или сокращенія производства), тогда мы имѣемъ дѣло съ колебаніями рыночной цѣны. Напротивъ, когда отношения рынка вліяютъ на размѣръ производства товаровъ и, следовательно, на издержки ихъ производства, тогда мы имѣемъ дѣло съ измѣненіемъ рыночныхъ цѣнностей и цѣнъ производства.

Итакъ, съ какой-бы стороны мы ни подошли къ явленіямъ обмѣна товаровъ, мы непремѣнно должны ввести въ нашъ анализъ экономическихъ отношеній производства. Мы не можемъ понять обмѣна товаровъ безъ помощи экономическихъ отношеній капиталистического строя. Марксъ, начавъ съ анализа труда, какъ цѣнностеобразовательной субстанціи, принужденъ ввести эти экономические отношенія, чтобы перейти отъ понятія трудовой цѣнности къ понятію рыночной цѣнности; въ дальнѣйшемъ анализѣ,—развитіи цѣнъ производства и соотвѣтственно рыночной цѣнѣ изъ рыночной цѣнности—онъ имѣетъ дѣло только съ экономическими отношеніями безъ всякихъ техническихъ моментовъ. Джевонсъ, начавъ съ предѣльной полезности,—понятія психологического, но измѣряемаго цѣною потребляемыхъ человѣкомъ товаровъ (!),—переходитъ къ законамъ уравненія спроса и снабженія и теоріи издержекъ производства, т. е. оиять таки къ экономическими отношеніямъ. Экономическая отношенія капиталистического строя чужды, виѣши понятію трудовой цѣнности Маркса. Матеріалистический методъ Маркса требуетъ развитія производнаго отношенія изъ основного. Развѣ Марксъ развивается отношеніе рыночной цѣнности изъ трудовой цѣнности? Нѣть, онъ его получаетъ путемъ привнесенія въ свой синтезъ экономическихъ отношеній, совершиенно виѣшихъ тѣмъ техническимъ моментамъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло при анализѣ понятія трудовой цѣнности. Тутъ нѣтъ развитія, а есть скачекъ отъ техническихъ условій къ экономическимъ отношеніямъ. Этотъ скачекъ необходимо заполнить, что мы и постарались сдѣлать въ нашей статьѣ, исходя изъ началь, слегка намѣченныхъ уже Родбергусомъ.

С. Прокоповичъ.

¹⁾ Price, A short history of Political Economy in England, стр. 106—110.

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Полученіе катодическихъ лучей съ помощью ультрафиолетового свѣта.

Открытое Герцемъ дѣйствие ультра-фиолетового свѣта, вызывающаго въ тѣлахъ отрицательное электричество, подробно изслѣдовано; точно также изслѣдованы пути освобождающагося электричества, какъ въ наполненномъ воздухомъ, такъ и въ разрѣженному пространствѣ. Остался невыясненнымъ только вопросъ о томъ, кто является носителемъ этого электричества вдоль этихъ путей. Доказанное уже много лѣтъ тому назадъ отдѣленіе частичекъ тѣлами подъ влияніемъ ультра-фиолетового свѣта (Rdsch. 1889. IV, 488) навело на мысль выставить такими носителями вѣсомыя материальныя частички освѣщенаго тѣла. Но произведенный опытъ, во время которого поверхность амальгамированного натрія, подъ влияніемъ ультра-фиолетовыхъ лучей, выдѣлила столько отрицательного электричества, что значительныя количества натрія должны были быть выставлены носителями его въ воспринимавшемъ его пространствѣ, далъ, какъ и некоторые другие такого же рода опыты, отрицательный результатъ.

Для открытія носителей этого электричества было важно то, что найдено было, что дѣйствие этого свѣта униполярно, такъ какъ ультра-фиолетовый свѣтъ вызываетъ только отрицательное электричество; что катодические лучи являются всегда носителями отрицательного заряда; что, по наблюденіямъ Righi, разряжающее дѣйствие свѣта на сильно заряженныя отрицательныя электричествомъ тѣла усиливается при постепенномъ разрѣжениіи воздуха все болѣе и болѣе, достигая тахітима при давленії, при которомъ воздухъ принимаетъ малѣйший электрическій зарядъ, и уменьшаясь при дальнѣйшемъ разрѣжениіи воздуха, межъ тѣмъ какъ способность свѣта зарядить положительнымъ электричествомъ не наэлектризованное тѣло выдѣленіемъ изъ него отрицательного электричества съ увеличеніемъ разрѣжениія воздуха всегда уменьшается. Послѣдніе два результата дѣйствія электрическаго свѣта не могутъ быть, конечно, слѣдствіемъ одной только причины, и Lenard прежде всего старается изолировать одинъ процессъ, изучая это явленіе при отсутствіи воздуха.

Изъ его опыта, надъ подробностями котораго мы останавливаться не будемъ, слѣдовало, что свѣтоэлектрическое дѣйствие не находится въ зави-

симости отъ воздуха, что въ самомъ разрѣженномъ пространствѣ, которое раньше считали доступнымъ только катодическимъ лучамъ, существуетъ электричество. Во всякомъ случаѣ, удивительнымъ является существование отрицательного электричества, присутствие котораго было доказано въ совершенной пустотѣ. Это электричество, отличающееся крайней косностью и образующее, приходя въ движение, катодические лучи, Lenard называетъ «Quanten».

Измѣреніе проведенного свѣтомъ въ пустоту электричества показало, что выдѣляющееся въ 1 единицу времени количество его въ весьма широкихъ предѣлахъ не зависито отъ существующаго напряженія; а при напряженіи въ 100 вольтъ это количество при все падающемъ напряженіи, очевидно, уменьшается. Это обстоятельство Lenard объясняетъ не тѣмъ, что при недостаточномъ напряженіи уменьшается излученіе, а тѣмъ, что часть излученного «Quanten» возвращается къ электроду. Когда падающее напряженіе становится положительнымъ, то излученное количество падаетъ до нуля. Постоянство излученія при различныхъ отрицательныхъ напряженіяхъ держится только до тѣхъ поръ, пока давленіе равно нулю, но, при 0,002 mm. воздушного давленія и тѣмъ болѣе при болѣе высокомъ давленіи, выдѣляющееся электричество все болѣе и болѣе возрастаетъ при увеличеніи напряженія.

Направленія лучей соответствуютъ наблюденіямъ Righi, согласно которымъ они въ обыкновенномъ воздухѣ слѣдуютъ силовыемъ линіямъ электрическаго поля и, при увеличеніи разрѣженія, все болѣе и болѣе приближаются къ прямымъ линіямъ.

Количественные измѣренія магнитнаго отклоненія дали рядъ данныхъ, которые дали возможность производить дальнѣйшія сравненія съ измѣреніями, произведенными авторомъ надъ катодическими лучами и показали полное соответствие «Quanten» изслѣдованнаго луча съ «Quanten» катодическаго луча. Особенностью этихъ измѣреній является только то, что излученіе освѣщенныхъ поверхностей совершается по всѣмъ направленіямъ и что первоначальная скорость этихъ «Quanten» равна въ среднемъ 10^5 сантиметро-секундъ. Въ присутствии же газа исходящіе отъ освѣщенныхъ поверхностей лучи поглощаются, отдаютъ газу свои заряды и имъ проводятся дальше.

Если давленіе газа неизначительно, то лучи поглощаются вполнѣ; при меньшемъ давленіи слой, въ которомъ совершается передача электричества катодическими лучами, сгущается и наблюденіе поэтому становится болѣе возможнымъ (Annal. der Physiol.).

Хемотропическое движение капли ртути. Къ теоріи амебовиднаго движения (Pflügers Archiv f. Phisiologie 1900, Bd. LXXX, S. 628).

Если помѣстить маленькую каплю ртути въ плоской чашкѣ, наполненной слабой сѣрной кислотой, и близко отъ нея помѣстить также кристалликъ двухромовокислого кали, то можно замѣтить, что при прикосновеніи капля приходитъ въ колебательное движение, то придвигаясь къ кристаллику, то отодвигаясь отъ него. Это явленіе происходитъ отъ того, что двухромовокислый кали въ присутствии кислоты окисляетъ каплю ртути

на томъ мѣстѣ, которымъ она обращена къ кристаллику, и тѣмъ уменьшаетъ поверхностное натяженіе ея. Вслѣдствіе этого капля ртути, приведенная въ движение болѣе сильнымъ натяженіемъ противоположной стороны, придвигается къ кристаллику. Когда же образованная, благодаря этому, окись ртути растворяется въ сѣрной кислотѣ, то вмѣстѣ съ восстановленіемъ первоначальной металлической ртути возстанавливается и первоначальное большее поверхностное натяженіе и капля отскакиваетъ на свое прежнее мѣсто. Повтореніемъ этого процесса создается быстрое колебательное движеніе.

Побуждаемый этимъ опытомъ, предложеннымъ Раальзовъимъ, авторъ попытался узнать, нельзя ли подобнымъ же образомъ вызвать помошью измѣненія поверхностного натяженія блужданіе капли ртути въ соответствующей жидкости. Это удалось ему устроить слѣдующимъ образомъ. Онъ помѣстилъ каплю ртути въ срединѣ стеклянной трубы, имѣющей въ длину 8 мм. и въ ширину 3 мм. и наполненной разведенной сѣрной кислотой, а въ одномъ концѣ этой трубы онъ помѣстилъ кристалликъ двухромовокислого кали. Какъ только втекающій въ трубку желтый растворъ двухромовокислого кали достигалъ капли ртути, послѣдняя начинала, кружась, подвигаться къ кристаллику, пока она его не достигала.

Яснѣе наблюдается это движеніе капли въ чашкѣ съ плоскимъ, почти горизонтальнымъ стекляннымъ дномъ, въ которую налита разведенная сѣрная или еще лучшая азотная кислота. Въ этой послѣдней движенія капли, благодаря, конечно, болѣе быстрому очищенію поверхности ртутной капли отъ образовывающагося осадка хромовокислой ртути, являются болѣе ясными и энергичными и вполнѣ производятъ впечатлѣніе движенія живого организма.

«Движенія ртутной капли въ высшей степени разнообразны. То она движется вокругъ кристалла, то удаляется отъ него, принявъ форму полумѣсяца и обративъ вогнутую сторону къ кристаллику и въ этомъ состояніи часто движется въ дугѣ вокругъ послѣдняго въ ту или другую сторону; то она опять бросается къ кристаллику, самымъ разнообразнымъ образомъ мѣняя свою форму. Всѣ эти движенія обусловливаются, по всей вѣроятности, различиями въ концентраціи раствора, которая во время этихъ движеній становится все болѣе и болѣе неравномѣрными. Если удалить кристаллъ и прикоснуться стеклянной палочкой къ жидкости, движенія прекращаются».

Это движеніе капли жидкости вслѣдствіе измѣняющагося поверхностного натяженія существеннымъ образомъ подтверждаетъ выставленную Berthold'омъ и Quinske теорію амебоиднаго движенія (Rdsch. III, 1888, 506), согласно которой эти движенія обусловливаются измѣненіями поверхностного натяженія живого вещества противъ окружающей его среды. При амебоидныхъ движеніяхъ внутри протоплазмы образуются, благодаря процессу обмѣна веществъ, химические процессы, которые и вліяютъ на поверхностное натяженіе этой протоплазмы, тогда какъ у капли ртути эти процессы происходятъ на поверхности капли, благодаря реакціи между ртутной каплей и окружающей ее средой. «Въ принципѣ, однако-жъ, эти процессы постольку однородны, поскольку «химическая энергія» превращается у нихъ «въ энергію поверхностного натяженія», и послѣдняя при однородныхъ условіяхъ превращается далѣе въ «механическую энергію».

Мы не можемъ здѣсь воспроизвести всѣ теоретические выводы, дѣлаемые авторомъ относительно механизма этихъ процессовъ. Для большаго уясненія приведемъ еще вкратцѣ слѣдующее.

Если на одной сторонѣ ртутной капли (на правой, напримѣръ,) поверхностное натяженіе уменьшается, то туда происходитъ притокъ жидкости съ другой (лѣвой) стороны; правая сторона увеличивается, а лѣвая уменьшается (Предѣльный уголъ на сторонѣ уменьшившагося поверхностнаго натяженія также становится, вѣроятно, менѣе, хотя и остается всегда больше прямого угла, такъ какъ ртуть никогда не смачиваетъ стекло). Такъ какъ высота капли остается почти постоянной, то лѣвая половина должна укоротиться въ горизонтальномъ направленіи, а правая—удлиниться; вслѣдствіе всего этого капля движется слѣва направо. Это движеніе можетъ, конечно, продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока происходитъ измѣненіе формы въ вышеизложенномъ направленіи и безъ этого измѣненія это движеніе невозможнo.

Эти движенія ртутной капли въ общемъ вполнѣ напоминаютъ амебоидное движеніе протоплазмы, но при послѣднемъ играютъ роль еще и другіе факторы (химическіе процессы, происходящіе внутри тѣла протоплазмы, вязкость ея вещества, притяженіе стѣнокъ и др.), которые и могутъ самыми разнообразными образомъ видоизмѣнить движеніе протоплазмы. (Natur. Rund.).

НОВЫЯ КНИГИ.

М. А. Энгельгардтъ. Прогрессъ, какъ эволюція жестокости.
Изд. Ф. Павленкова.

Произведеніе г. Энгельгардта, название которого помѣщено выше, является нагляднымъ примѣромъ того, какъ не слѣдуетъ писать книги. Неужели г. Энгельгардтъ думаетъ, что нахватать изъ вторыхъ источниковъ (преимущественно у Летурно) рядъ фактовъ, сгруппировать ихъ на основаніи предвзятой мысли, сдѣлать произведеніе «забористыми» фразами, не всегда даже удобными въ фельетонѣ провинциальной газеты—неужели г. Энгельгардтъ думаетъ, что это значитъ написать изслѣдованіе о «Прогрессѣ»? Уже въ виду новизны и парадоксальности тезиса (авторъ считаетъ, что его идея идетъ въ разрѣзъ съ ходячими взглядами) не мѣшало бы отнести къ своей задачѣ иѣсколько серьезнѣе. Впрочемъ основная идея автора далеко не такъ нова, какъ онъ полагаетъ. Она представляется иѣсколько запоздалое подновленіе, вдѣбавокъ плохо понятой г. Энгельгардтомъ, мечты Руссо о «золотомъ вѣкѣ», который долженъ лежать гдѣ-то въ колыбели человѣчества, и о развращающемъ вліяніи культуры и цивилизаций. Но то, что было у мѣста и имѣло историческое оправданіе полтора вѣка назадъ, — теперь представляетъ жалкую криклившую карикатуру; да и полтора вѣка назадъ нужно было быть Руссо и обладать его геніемъ, чтобы вопреки здравому смыслу съ усиліемъ проповѣдывать прелести первобытного состоянія. Но вѣдь то былъ Руссо, который написалъ *Contrat Social* и былъ духовнымъ отцомъ поборниковъ будущаго, а не прошедшаго. Напрасно также г. Энгельгардтъ ссылается на авторитетъ Энгельса и Маркса и вообще на материалистическое пониманіе исторіи. Между его пониманіемъ исторіи и материалистическимъ очень мало общаго, если не сказать рѣшилье. Правда, у иѣкоторыхъ экономическихъ материалистовъ еще остались слѣды соціального романтизма, съ его мечтами о «золотомъ вѣкѣ» прошлаго, но этотъ элементъ необходимо рассматривать какъ своеобразное переживание; рядомъ съ этимъ Марксъ возсталъ противъ всякой романтизма, провозгласивъ ростъ производительныхъ силъ, а въ частности для капиталистической эпохи—накопленіе капитала — условиемъ и фундаментомъ всякаго прогресса, т. е. прогресса умственнаго и нравственнаго.

Замѣтимъ, что всѣ подобныя идеализаціи низшихъ формъ и учре-

жденій покоятся въ концѣ концовъ на глубокой психологической ошибкѣ, а именно на перенесеніи современныхъ идей и чувствъ въ общественные отношенія, не имѣющія съ ними ничего общаго. Эта психологическая ошибка настолько обща, что необходимо съ крайней осторожностью относиться къ показаніямъ путешественниковъ о честности, кротости, добродушіи и пр. добродѣтеляхъ дикарей и, во всякомъ случаѣ, не строить на основаніи этихъ показаній скороспѣльныхъ обобщеній о развращающемъ вліяніи культуры. Того-же Летурно обвиняютъ въ некритическомъ отношеніи къ материалу, который огнъ употребляется для оправданія заранѣе поставленного тезиса. Что-же нужно сказать о г. Энгельгардѣ, весь кладезь премудрости которого заключается въ многочисленныхъ «Эволюціяхъ» бельгійского антрополога?

С. Ш.

Г. Шульце-Геверницъ. Крупное производство въ Россіи.
Переводъ съ нѣмецкаго Б. В. Авилова. М. 1899.

Въ ряду сочинений, посвященныхъ экономической эволюціи современной Россіи, книга Ш.-Геверница должна занять видное и вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальное положеніе, такъ какъ авторъ ея—иностраниецъ, чуждый, слѣдовательно, тѣхъ предвзятыхъ относительно изслѣдуемой имъ области мышленій, въ которыхъ упрекаютъ нерѣдко другъ друга русскіе изслѣдователи. Шульце-Геверницъ—не Гакстгаузенъ, путешествовавшій около 60 лѣтъ тому назадъ по Россіи подъ надзоромъ особаго чиновника («дабы отстригнуть незамѣтнымъ образомъ все то, что могло бы сему шлюстру подать поводъ къ неправильнымъ и неумѣстнымъ заключеніямъ») и находившій поэтому повсюду миръ и благодать, восторгавшійся русской общиной и отсутствиемъ пролетаріата, а относительно развитія въ Россіи фабрично-заводской промышленности глубокомысленно замѣтившій: «очень сомнительно, чтобы это имѣло благопріятные результаты». Шульце-Геверницъ, прежде всего, вполнѣ компетентный изслѣдователь-экономистъ, изучавшій вопросъ обѣ экономической эволюціи Россіи совершенно объективно, научно, прямо на мѣстѣ, безъ всякаго офиціального посредничества. Его выводы и заключенія должны, намъ кажется, имѣть особый интересъ для представителей того направленія, которое не такъ давно признавалось господствующимъ, и которое Ш.-Геверницъ называетъ «національнымъ экономическими ученіемъ». Мишнія представителей этого ученія, что Россія въ своемъ экономическомъ развитіи отклоняется отъ выработаннаго западной Европой типа, авторъ не раздѣляетъ. «Миѣ кажется, наоборотъ,—говорить онъ,—что ницѣѣ иѣтъ болѣе благопріятной почвы для современного капитализма, какъ въ Россіи». Крупное производство Россіи (авторъ изслѣдовалъ хлопчато-бумажн. промышленность) и въ настоящее время достигло, по мнѣнію автора, весьма значительныхъ размѣровъ и имѣть тенденцію къ дальнѣйшему развитію. Такой отзывъ Шульце-Геверница получаетъ еще большее значеніе потому, что компетентный авторъ, изучавшій до того промышленную жизнь Англіи и Германіи, выросшій на зап.-европейской почвѣ, по необходимости долженъ былъ сравнивать русскую дѣйствительность съ образцами, несомнѣнно, крупно-капиталистического, зап.-европейского производства. Очевидно, Россія и на сторонняго, зап.-

европейского человѣка способна произвести впечатлѣніе страны съ преобладающимъ крупнымъ производствомъ.

Отмѣтимъ наиболѣе существенныя положенія, устанавливаемыя авторомъ. Во-первыхъ, то обстоятельство, что промышленный капиталъ является обыкновенно результатомъ роста капитала торгового («Развитое товарное обращеніе, торговля составляютъ историческую предпосылку возникновенія капитала». Они «открываютъ собой..., современную исторію капитала»). Марксъ, I, 99), авторъ считаетъ характернымъ и для экономической исторіи Россіи. Русская крупная промышленность возникла, по мнѣнію Шульце-Геверница, благодаряльному росту торговыхъ операций въ прошломъ Россіи, который обусловливался обширностью площади страны и значительными разстояніями между мѣстами производства и сбыта продуктовъ (эта мысль выражена, какъ извѣстно, и Тугань-Барановскимъ въ его «Фабрикѣ»). Но поутру авторъ дѣлаетъ и крупную ошибку, замѣчая, что большая часть первыхъ русскихъ фабрикъ принадлежала помѣщикамъ. Не помѣщики, а главнымъ образомъ скучинки положили въ Россіи начало капиталистическому производству. Въ спорномъ вопросѣ о рынкѣ для русского капиталистического производства Ш.-Геверницъ проводить взглядъ, родственныій теоріи третьихъ лицъ Струве (ср. «Крит. Зам.»; «Научн. Обозр.», 99, I etc.), находя, что земледѣльческая Россія является крупнымъ рынкомъ и солиднымъ базисомъ для русского капитализма. На нейтральномъ-же рынкѣ «въ настоящее время Россія неспособна выдержать конкуренцію», главной причиной чего является по мнѣнію автора охранительная таможенная политика, мѣшающая техническому прогрессу. Положеніе свое, что ростъ крупной промышленности сопровождается улучшеніемъ положенія рабочаго класса, что «крупное производство означаетъ собой соціальный прогрессъ», совершающійся «при уменьшениі затраты труда на единицу продукта, при увеличеніи заработной платы и уменьшениі рабочаго дня» (положеніе это развито подробно авторомъ въ его соч. «Крупн. произв., его значеніе для экон. и соціальн. развитія») Шульце-Геверницъ подкрепляетъ данными изъ русской действительности, хотя сравненіе послѣдней съ З. Евр. заставляетъ автора признать, что данные эти обрасываютъ состояніе крупной промышленности Россіи не въ очень благопріятномъ видѣ. Авторъ констатируетъ крайне низкую зараб. плату, эксплоатацию рабочаго посредствомъ фабричныхъ лавокъ, чрезмѣрную продолжительность рабочаго дня, злоупотребленія со стороны предпринимателей, антигигієническія условія труда, дороговизну капитала (отношеніе между Англіей и Россіей составляетъ 1 и 3), большее, чѣмъ въ Зап. Евр. число рабочихъ при одной машинѣ, высокую оплату труда сравнительно съ производимымъ имъ продуктомъ, низкое качество труда и т. п. Но такое сравненіе не измѣняетъ основной мысли автора, такъ какъ «недостатки эти исчезаютъ» постепенно въ русской промышленности. Въ специальной главѣ «Европеизация фабричн. труда» авторъ доказываетъ это фактами. Отмѣтимъ, между прочимъ, крупную ошибку автора, утверждающаго, что русскій рабочій не порвалъ связи съ землею, что «родная нива составляетъ вѣнецъ его желаній» и приводящаго съ этой цѣлью доказательства, которыми охотно пользуются обыкновенно русскіе противники капитализма. Впрочемъ, на стр. 104. Ш.-Геверницъ замѣчаетъ,

что связь рабочаго съ землей «выражается только въ помощи, оказываемой сельскимъ родственникамъ, и поддерживается вслѣдствіе паспортной и падатной зависимости отъ деревни».

Размѣры рецензіи не позволяютъ коснуться подробно книги Шульце-Геверница, которая, несмотря на нѣкоторые недостатки свои и ошибки автора, можетъ быть полезна для всякаго, интересующагося экономической эволюціей Россіи. Нѣкоторыя ошибки отмѣчены и компетентнымъ переводчикомъ, примѣчанія котораго для лицъ, мало знакомыхъ съ русской дѣйствительностью, могутъ многое уяснить въ книгѣ Шульце-Геверница.

С. Семеновъ.

«*Marx und Nietzsche*». Von Max Falkenfeld. Leipzig, 1899.
S. 29. Preis 0,60 M.

Попытка провести параллель между Марксомъ и Ницше не поразить русскаго читателя своею новизною или эксцентричностью. Н. К. Михайловскій на страницахъ «Русскаго Богатства» уже пытался сравнить этихъ двухъ мыслителей. Какъ известно, общею чертою Маркса и Ницше г. Михайловскій считаетъ «любовь къ дальнему» въ противоположность «любви къ ближнему». Формально сходство уловлено вѣрно, но за то и вѣрно оно лишь формально. Прежде всего оба эти выраженія страдаютъ крайнею неопределенностью. Фамусовъ несомнѣнно проявлялъ и былъ доволенъ благодаря «любви къ ближнему», Чацкій страдалъ и мучился «миллиономъ терзаній» благодаря «любви къ дальнему». Любовь къ ближнему можетъ получить чисто физиологический характеръ — «иу, какъ не порадѣть родному человѣчу»; любовь къ дальнему есть, въ сущности говоря, лишь стремленіе къ идеалу, и лишены «любви къ дальнему» могутъ быть лишь люди, придерживающіеся убѣжденія *après nous le déluge*. Но здѣсь, однако, не мѣсто останавливаться на этой большой и интересной темѣ: цѣль предыдущихъ строкъ лишь отмѣтить, что попытка Фалькенфельда не представляетъ единичнаго явленія. Фалькенфельдъ подходитъ къ этому вопросу съ совершенно иной стороны, чѣмъ Н. К. Михайловскій. Фалькенфельдъ не отыскиваетъ у Ницше и Маркса общихъ имъ чертъ, а наоборотъ, выставляетъ ихъ полными антиподами, выражающими собою два совершенно различныхъ уклада жизни, два непримиримыхъ міросозерцанія.

Марксъ,—говорить Фалькенфельдъ,—крайній демократъ; онъ и въ теоріи и на практикѣ придавалъ значеніе лишь массамъ, массовымъ движеніямъ; онъ былъ рѣзкимъ противникомъ всякаго индивидуализма и весьма скептически относился къ «роли личности въ исторіи». Марксъ, конечно, безо всякаго бы колебанія подписался подъ словами, сказанными Faustомъ постѣ долгихъ колебаний

„Im Anfang war die That“.

Съ другой же стороны передъ нами аристократъ съ головы до ногъ, въ теоріи и въ жизни—Фридрихъ Ницше. Ницше всею своею пылкою душою ненавидитъ демократію, клеймя ее всею силою своего сарказма и краснорѣчія. Насквозь проникнутый индивидуализмомъ, онъ во всемъ и вездѣ

интересовался лишь личностями; массы были для него лишь материаломъ, почвой для создания «героя». Ему, конечно, совершенно чуждо и глубоко ненавистно то пониманіе «сущности исторического процесса», которое зовется материалистическимъ пониманіемъ исторіи. Онь гораздо охотнѣе бы подпісался подъ первою формулировкою Фауста «Im Anfang war das Wort». Таково, въ самыхъ общихъ чертахъ, отношеніе Фалькенфельда къ Марксу и Нитцше. И характеристика Маркса, и характеристика Нитцше отличаются у Фалькенфельда поверхностностью и шаблонностью. Конечно, философія Маркса и философія Нитцше неизриммы во многомъ, какъ огонь и вода, но за всѣмъ тѣмъ можно было бы уловить въ ихъ отношеніи къ современному обществу кое-что родственное. Есть также точки соприкосновенія въ нѣкоторыхъ гносеологическихъ взглядахъ этихъ двухъ мыслителей.

П. Берлинъ.

Книги, присланныя въ редакцію для отзыва.

**Густавъ Карпелесь. Всеобщая исторія литературы отъ начала
ея до настоящаго времени.** Переводъ съ иѣмен. С. Гринберга. Изд.
перев. 1900. Вып. I. Ц. 30 к., 113 стр.

**А. П. Лидовъ. О получениі трудно сгорающихъ углеродистыхъ
газовъ.** Харьковъ. 1900. Ц. 1 р., 47 стр.

**Р. Н. Поліковъ. Каковы наши искусственные минеральныя ши-
пучія воды и сиропы?** Одесса, 1900. Ц. 30 к., 72 стр.

А. И. Красницкій. Маленький Геркулесь. Повѣсть для юношес-
тва. Изд. А. Девріена. СПб., 1900. Ц. 1 р. 25 к. Въ папкѣ 1 руб.
50 к., 268 стр.

Іосифъ Голечекъ. Россія и Западъ. (Глава изъ книги „Поездка
въ Россію“). Перев. съ чешскаго. Изд. П. П. Сойкина. СПб., 1900.
Ц. 75 к., 147 стр.

**Нернстъ и Шенфлісъ. Собраниe формулъ, относящихся къ диф-
ференциальному и интегральному исчислению.** Перев. Д. К. Добро-
сердова, подъ ред. А. В. Васильева (заслуж. проф. Казанского уни-
верситета). Москва, 1900. Ц. 40 к., 38 стр.

**Отчетъ Либавскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Техничес-
каго Общества.** 1900, 25 стр.

И. Я. Неклепаевъ. Народная медицина въ Сургутскомъ краѣ. СПб.,
1900; 31 стр.

**Баденъ-Поузлъ. Происходженіе и развитіе деревенскихъ об-
щинъ въ Индіи.** Перев. съ англ. Н. Кончевской. Москва, 1900. Ц.
70 к., 171 стр.

Ф. О. Гертцъ. Вопросы аграрной политики. Съ предисл. Э. Берн-
штейна. Харьковъ, 1901. Ц. 60 к., 172 стр.

**Статистический обзоръ экономического положенія крестьянскаго
населенія Орловскаго у., Вятской губ. за 1899—1900 сельско-хозяй-
ственный годъ.** Вятка, 1900, 232 стр.

Ф. С. Комарскій. Семейный университетъ. Собраниe популяр-
ныхъ лекцій для самообразованія. Годъ II. Вып. VIII (IV). Курсъ
второй. СПб., 1900, 112 стр. Ц. за годъ—10 р., за границу—12 р.
Въ теченіе 1900 г. выйдутъ 5 вып.

Опытъ критики критицизма.

Um die Welt der Vielheit zu begreifen,
suchte der ringende Geist die Einheit und
da er sie gefunden, verschwindet ihm die
Welt.

Въ большинствѣ философскихъ учебниковъ и популярныхъ изложеній основныя положенія кантовской системы излагаются приблизительно такъ:

Кантъ былъ первый великий философъ, который центральнымъ пунктомъ своей системы поставилъ вопросъ о границахъ человѣческаго познанія и разрѣшилъ его слѣдующимъ образомъ: продуктъ или сумма нашего познанія состоить изъ двухъ факторовъ—объективнаго и субъективнаго. Объективный факторъ есть содержаніе познанія, субъективный—форма его. Первый принадлежитъ вѣнчальному миру, второй—внутреннему миру субъекта. Вѣнчаний миръ въ свою очередь долженъ быть рассматриваемъ съ двойкой точки зреянія: съ одной стороны какъ миръ вѣнчанаго чувственнаго воспріятія, какъ „ноуменъ“, или какъ миръ въ себѣ, съ другой стороны какъ миръ феноменовъ или какъ миръ для насъ, т. е. какъ онъ воспринимается нашими чувствами и объективируется нашимъ разсудкомъ (*Verstand*).

Вѣнчаний миръ, какъ веъть въ себѣ или какъ миръ ноуменовъ, лежацій виѣ нашого чувственнаго воспріятія, непознаваемъ, такъ какъ познающій субъектъ не можетъ находиться виѣ своего воспріятія или, другими словами, виѣ самого себя. Миръ, какъ веъть въ себѣ, есть поэтому граница нашей познавательной способности.

Такимъ образомъ, область познаваемаго ограничивается міромъ, какъ онъ отражается въ насъ, т. е. міромъ явленій или міромъ феноменовъ. Миръ феноменовъ есть, слѣдовательно, тотъ объективный факторъ, который составляетъ содержаніе всякаго опыта. Отсюда вытекаетъ, что все то, что лежитъ виѣ предѣловъ чувственнаго воспріятія или виѣ предѣловъ опыта, есть метафизика и догматизмъ. Богъ, бессмертіе и свобода суть метафизическія идеи, потому что имъ ничто не соотвѣтствуетъ въ нашей

чувственности. Потому чистый разумъ впадаетъ въ неразрѣшимыя противорѣчія, коль скоро онъ начинаетъ размышлять объ этихъ метафизическихъ идеяхъ.

Изъ подобнаго схематического изложенія основныхъ принциповъ Кантовскаго ученія ясно вытекаетъ, что основа этого ученія есть опытъ. Въ общемъ это, конечно, такъ. Но тутъ возникаетъ вопросъ, какіе элементы лежать въ основаніи опыта у Канта и къ какимъ окончательнымъ результатамъ ведеть это ученіе?

Въ этой статьѣ мы постараемся выяснить, что содержаніе опыта, какъ его понимаетъ критицизмъ, ничего общаго не имѣть съ дѣйствительнымъ содержаніемъ того опыта, который лежитъ въ основѣ современной науки.

Научно-образованный человѣкъ нашего вѣка, стоящій сознательно или безсознательно на материалистической точкѣ зрењія, тоже твердо придерживается опыта и является, такимъ образомъ, противникомъ всякой метафизики.

Тѣлесный міръ виѣ нась и сознаніе. въ нась намъ прежде всего даны, какъ факты. Виѣшній міръ и его законы познаются посредствомъ наблюденія и опыта. Но міръ и сознаніе виѣ нашего восприятія, а также и ихъ послѣднія причины, намъ неизвѣстны и принадлежать къ области метафизики. Опытъ, т. е. изслѣдованіе виѣшняго и внутренняго міра, какъ мы ихъ воспринимаемъ и мыслимъ, является, такимъ образомъ, единственной возможной областью человѣческаго познанія.

Такъ разсуждаетъ современный научно-образованный человѣкъ и, читая различныя популяризациі, въ которыхъ основные принципы кантовской системы переданы такъ, какъ мы только что ихъ изложили, онъ находитъ въ нихъ подтвержденіе своей предвѣтой точки зрењія и становится кантіанцемъ.

Въ случаѣ если онъ не довольствуется поверхностными популярными изложеніями и обращается къ самому источнику, къ „Критикѣ чистаго разума“, съ нимъ происходитъ слѣдующее. „Критика чистаго разума“ не даромъ подвергалась и подвергается до сихъ поръ различнымъ и даже противоположнымъ толкованіямъ. Чтобы быть правильно понятой, эта трудная и мѣстами совершенно темная философская библія должна быть пережита и, по справедливому замѣчанію Гербarta, продумана не только сначала до конца, но и, наоборотъ, съ конца до начала. Понимать же лишь отдельные принципы критики—значить, должно понимать все ея содержаніе. Но такъ какъ не всякий въ состояніи послѣдовать совѣту Гербarta, то это произведеніе, во всемъ своемъ объемѣ и всей связи, часто остается ложно понятымъ.

Обыкновенному читателю ясно только то, что онъ заранѣе зналъ изъ популярныхъ изложеній, именно то, что Кантъ стоитъ

на твердой почвѣ опыта. Вѣдь на первой же страницѣ введенія въ Критику стоитъ: „Несомнѣнно, что всякое наше познаніе начинается съ опыта, ибо чѣмъ же другимъ и возбуждается къ дѣятельности наша познавательная способность“. Далѣе, въ отдѣлѣ трансцендентальной эстетики постоянно говорится объ опыте. Въ трансцендентальной логикѣ Кантъ неоднократно повторяетъ и подчеркиваетъ, что разсудокъ безъ эмпирическаго созерцанія лишенъ всякаго содержанія. Трансцендентальная діалектика опять-таки доказываетъ, что чистый разумъ залутывается въ неразрѣшмыя противорѣчія, когда оставляетъ твердую почву опыта. Однимъ словомъ, обыкновенный читатель видѣть и понимаетъ въ „Критикѣ чистаго разума“ то, что самъ заранѣе думалъ, и то, что вынесъ изъ популяризаций или, скажемъ языкомъ Канта, онъ получаетъ изъ своего опыта обратно то, что онъ туда вложилъ.

Недоразумѣніе, существующее между просвѣщенной публикой и критицизмомъ, зависитъ въ послѣдней инстанціи отъ различнаго пониманія сущности опыта.

Мы поэтому сосредоточимъ все свое вниманіе на этомъ вопросѣ и, поскольку намъ позволяютъ размѣры статьи, коснемся всѣхъ тѣхъ элементовъ кантовской системы, которые прямо или косвенно связаны съ понятіемъ объ опыта.

Цѣль и планъ нашей работы требуетъ повторенія пѣкоторыхъ понятій, которыхъ давно извѣстны читателю. Просимъ на то его позволенія и начнемъ нашъ анализъ.

Прежде всего въ „Критикѣ чистаго разума“ предполагается существованіе субъекта и объекта. Объектъ производить впечатлѣніе на чувства субъекта. Воспринятое отъ объекта впечатлѣніе есть явленіе. То, что въ явленіи дѣйствуетъ на наши чувства, есть матерія этого явленія; то, что въ извѣстномъ отношеніи упорядочиваетъ разнообразное въ явленіи, есть форма его. Первичныя формы, подъ которыми мы воспринимаемъ эту разнообразную матерію, суть пространство и время.

Пространство и время являются, такимъ образомъ, функціями нашей воспринимательной способности, субъективными формами чувственныхъ созерцаній. Онѣ суть необходимыя формы аргумента лежащія въ основаніи всякаго восприятія или, какъ Кантъ ихъ называетъ, первыя условія нашей чувственности, которая необходимо предшествуетъ всякому опыту.

Но безсвязная и разрозненная матерія явленія въ пространствѣ и времени, т. е. рядомъ и одно за другимъ, еще не составляетъ единства и не есть поэтому *представленіе*. Чтобы изъ этой безсвязной, разрозненной матеріи получилось представлѣніе—она должна быть прежде всего объединена. Процессъ объединенія этихъ безсвязныхъ элементовъ, находящихся въ нашихъ ощуще-

ніяхъ, совершаются посредствомъ слѣдующаго тройкаго синтеза. Чтобы связать эти отдельныя части, онъ: 1) должны быть восприняты совокупно одна за другой, 2) всякая воспринятая часть должна быть сохраняма въ памяти и воспроизведима при восприятіи послѣдующей части, 3) воспроизведенныя элементы должны быть опять узнаны, какъ уже разъ воспринятые, или другими словами — должно быть установлено тождество между воспринятыми и воспроизведенными элементами.

Эти три рода соединенія Кантъ называетъ: 1) синтезомъ аппрэгензіи въ созерцаніи (*Synthesis der Apprehension in der Anschauung*), 2) синтезомъ репродукціи въ воображеніи (*Synthesis der Reproduction in der Einbildungskraft*), 3) синтезомъ рекогносціи въ понятіи (*Synthesis der Recognition im Begriffe*).

Изъ этого ясно вытекаетъ, что безъ синтеза аппрэгензіи и репродукціи это соединеніе не было бы возможно. „Очевидно,—говорить Кантъ,—что если я хочу мысленно провести линію или представить себѣ время отъ одного полудня до другого, или известное число, то мнѣ прежде всего необходимо представить эти разнообразныя представленія одно послѣ другого. Но если бы я всегда забывалъ предшествующіе моменты (первыя части линій, прежнія части времени или послѣдовательно представляемыя единицы) и, переходя къ слѣдующему, не воспроизводилъ бы ихъ, то никогда не могло бы возникнуть ни цѣлого представленія, ни одной изъ вышеизложенныхъ мыслей, и даже никогда не могло бы быть чистѣйшихъ и первыхъ основныхъ представленій пространства и времени“¹⁾.

Однако, аппрэгензія въ созерцаніи и репродукція въ воображении не даютъ еще готоваго представленія. Посредствомъ аппрэгензіи данные элементы представленія восприняты какъ нѣчто цѣлое, но тѣмъ не менѣе смутное; посредствомъ репродукціи эти элементы воспроизведены. Передъ нами, однако, носится одно смутное воспоминаніе о воспринятыхъ элементахъ, которое еще не есть представленіе. Это смутное воспоминаніе становится лишь въ тотъ моментъ представленіемъ, когда констатирована тождественность между воспринятыми и воспроизведенными элементами, т. е. въ рекогносціи.

Спрашивается теперь: какъ возможна рекогносція или другими словами — гдѣ источникъ увѣренности въ тождественности воспроизведенного съ воспринятымъ? Если бы наше сознаніе было подвержено тѣмъ постояннымъ измѣненіямъ, которыя оно само претерпѣваетъ отъ различныхъ восприятій, то тождество между

¹⁾ Стр. 611.—Мы вездѣ будемъ цитировать по послѣднему русскому изданію Критики чистаго разума. Переводъ Н. М. Соколова.

воспринятымъ *A* въ одномъ моментѣ времени и воспроизведен-
нымъ *A* въ другомъ моментѣ времени было бы совершенно не-
возможно, потому что наше собственное *я* въ разное время раз-
лично и находится въ процессѣ постояннаго измѣненія. Наше
сегодняшнее *я* отличается отъ нашего вчерашняго *я* и само на-
ходится въ непрерывной зависимости отъ впечатлѣнія воспріятія.
Передъ этимъ измѣнчивымъ *я* или, какъ его называеть Кантъ,
эмпирическимъ сознаніемъ¹⁾, носится поэтому смутно воспроизве-
денное *A* въ воспринятомъ *A*. Не хватаетъ, слѣдовательно, тожде-
ства; рекогносція пока невозможна и мы не имѣемъ представлѣнія.

Для достиженія тождества воспринятаго съ воспроизведен-
нымъ необходимо тождественное сознаніе, т. е. такое сознаніе,
которое при всѣхъ измѣненіяхъ душевнаго состоянія оставалось бы
одинаковымъ. Чтобы *A*, воспринятое въ одинъ моментъ времени,
было тождественно съ *A*, воспроизведеннымъ въ другой моментъ
времени, необходимо, чтобы наше *я* при воспріятіи было тожде-
ствено съ нашимъ *я* при воспроизведеніи. Когда я, напр., въ
воспринятомъ мною вчера *A*, сегодня его опять узнаю, то это воз-
можно только потому, что я самъ себя воспринимаю и въ моемъ
сегодняшнемъ *я* узнаю мое вчерашнєе *я*. *Я* сознаю тождество *A*,
потому что сознаю тождество моего *Я*. *A = A* потому, что я мыслю:
Я = Я. Поэтому,— говорить Кантъ,—молчаливое „я мыслю“ сопро-
вождается всѣ наши представлѣнія.

Это тождественное сознаніе Кантъ называеть трансценден-
тальной апперцепціей.

Изъ всего изложеннаго ясно вытекаетъ, что въ послѣдней
инстанціи въ основѣ тождества, воспринятаго съ воспроизведен-
нымъ въ рекогносціи лежитъ трансцендентальная апперцепція
„Устойчивое и постоянное *я* (чистой апперцепції) создаетъ кор-
релять всѣхъ нашихъ представлѣній, поскольку только ихъ воз-
можно сознавать“²⁾.

На вопросъ, какъ подводится эмпирическое сознаніе подъ
категорію, отвѣчаетъ схематизмъ.

Подведеніе эмпирическаго созерцанія подъ категорію совер-
шается съ помощью трансцендентальной схемы, въ основѣ кото-
рой лежать чистыя априористическая формы чувственности, *время*
и *пространство*. Эти априористические формы чувственности мо-
гутъ потому служить посредствующимъ звеномъ, что онѣ не эмпи-

¹⁾ „Сознаніе себя самого по определенію нашего состоянія при внутрен-
немъ воспріятіи чисто эмпирическое, всегда измѣнчивое въ этомъ потокѣ вну-
треннихъ явлений не даетъ устойчиваго и постояннаго *я* и обыкновенно назы-
вается внутреннимъ чувствомъ или эмпирической апперцепціей“. Стр. 614.

²⁾ „Критика чистаго разума“, стр. 642.

ричны и не интеллектуальны, следовательно, и то и другое въ одно и то же время.

Теперь неизбѣжно возникаетъ вопросъ, отражаются ли въ представлениі свойства возможныхъ реальныхъ вещей? Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ предыдущемъ нашемъ анализѣ. Дѣло въ томъ, что, какъ мы видѣли, образованіе представлениія потому именно и возможно посредствомъ трансцендентальной апперцепціи, что послѣдняя чужда всякихъ чувственныхъ элементовъ (Кантъ потому и называетъ ее „чистой“ и первоначальной (*ursprünglich*)). Измѣнчивость свойственна *эмпирическому* сознанію, которое, въ силу своей зависимости отъ ощущенія, не можетъ быть тождественно, и потому не въ состояніи констатировать тождество между воспринятымъ и воспроизведеннымъ. *Представление, стало быть, потому и возможно, что ему ничего не соответствуетъ въ ощущеніи*, такъ какъ гдѣ ощущеніе,— тамъ измѣнчивость субъекта, гдѣ измѣнчивость, тамъ нѣтъ единства сознанія, а гдѣ нѣтъ единства сознанія, тамъ невозможно тождество воспринятаго съ воспроизведеннымъ. Ясно, что трансцендентальной апперцепціи не даны объекты, которые она должна была бы объединить, но наоборотъ—она сама создаетъ объекты, объединяя отдѣльные чувственные элементы въ объекты и объекты между собою, причемъ въ окончательномъ резулѣтатѣ ничего не содержится изъ элементовъ ощущенія.

Выводъ изъ этого для Канта былъ тотъ, что *то, что мы называемъ природой, есть не что иное, какъ единство трансцендентальной апперцепціи*. „Можетъ казаться очень страннымъ и не лѣшимъ, что природа должна согласоваться съ нашей субъективной основой апперцепціи и даже зависѣть отъ нея въ своей закономѣрности. Но если вспомнимъ, что эта природа въ себѣ самой только совокупность явлений и, значитъ, не вещь въ себѣ, а *множество представлений души*, — то не будемъ удивляться тому, что увидимъ ее въ коренной способности всякаго нашего познанія, а именно въ трансцендентальной апперцепціи, въ единствѣ которой она ввиду только этого и можетъ называться объектомъ всякаго возможного опыта, т. е. природой“¹). Природа, следовательно, есть совокупность модификацій души, объединенныхъ трансцендентальной апперцепціей. Логическимъ выводомъ изъ роли и значенія трансцендентальной апперцепціи было: „Если отрицаютъ мыслящій субъектъ, тѣлесный міръ долженъ пасть, такъ какъ онъ только явленіе въ чувственности нашего субъекта и представляетъ одинъ изъ видовъ его представлений“²).

¹⁾ Стр. 618. Крит. ч. разума.

²⁾ Ibid. 653.

Мы пришли къ основному источнику познавательной способности субъекта, къ трансцендентальной апперцепції. Трансцендентальная апперцепція и есть основа разсудка съ его категоріями. „Единство апперцепції по отношению къ синтезу воображения, это разсудокъ“¹). Категоріи суть не что иное, какъ разновидности этой-же апперцепції.

Мы видѣли до сихъ поръ, какъ изъ эмпирическаго созерцанія дѣлается опытное познаніе посредствомъ внутренней дѣятельности субъекта. Какова же причина эмпирическаго созерцанія?

Но прежде чѣмъ заняться отвѣтомъ на этотъ вопросъ, необходимо точно установить компетенцію разсудка съ точки зрѣнія Канта. Результатъ изслѣдованія этой компетенціи слѣдующій: „Итакъ, всѣ понятія, а съ ними и всѣ основоположенія, поскольку они возможны a priori, всегда относятся къ эмпирическимъ созерцаніямъ, т. е. къ даннымъ для возможного опыта. Безъ этого они не только не имѣютъ объективнаго значенія, но являются простою игрою воображенія или разсудка съ своими представленими“²). Причинность, какъ данное a priori чистое понятіе разсудка, можетъ, слѣдовательно, стноситься только къ эмпирическому созерцанію. Это понятіе категоріи причинности надобно всегда имѣть въ виду, когда вопросъ касается причины эмпирическаго созерцанія у Канта. Будемъ-же помнить значеніе этой категоріи и перейдемъ къ изслѣдованію причины эмпирическаго созерцанія.

На первой страницѣ трансцендентальной эстетики мы читаемъ: „Дѣйствие предмета на способность представлений, поскольку этотъ предметъ на насъ дѣйствуетъ, есть ощущеніе“. Существуетъ, стало быть, внѣшній предметъ, дѣйствие котораго—причина ощущенія.

Определеніе этого предмета проходитъ отчасти черезъ всю критику, въ особенности-же разбирается онъ въ отдѣлахъ о „дедукціи чистыхъ разсудочныхъ понятій“, и объ „основѣ различія всѣхъ предметовъ вообще на рѣаеномѣпа и поштепа“. Возьмемъ съѣдующее определеніе: „Объектъ, къ которому я отношу явленія вообще, есть трансцендентальный предметъ, т. е. совершенно не-определенная мысль о чѣмъ-то вообще. А этого нельзя называть ноуменомъ, ибо я не знаю, что такое этотъ объектъ въ себѣ и не имѣю никакого другого представлениа о немъ, какъ только о предметѣ чувственнаго созерцанія вообще, который, слѣдовательно, одинъ и тотъ-же для всѣхъ явленій“³). Значитъ, этотъ предметъ или ноуменъ есть неопределенное понятіе о чѣмъ-то, чего мы абсолютно познать не можемъ, о чѣмъ мы только знаемъ, что оно есть предметъ чувственнаго созерцанія.

¹⁾ Стр. 621. Критика ч. разума.

²⁾ Крит. ч. р., стр. 911.

³⁾ Стр. 218—219. Критика ч. разума.

Если-же мы ничего не знаемъ объ этомъ ноуменѣ, то откуда-же мы знаемъ, что онъ есть предметъ нашего чувственного созерцанія? Быть можетъ, мы посредствомъ какой-нибудь функции нашего разсудка должны мыслить этотъ ноуменъ, какъ причину чувственного созерцанія? Кантъ отвѣтаетъ, что абсолютно нѣтъ: „Мыслить его я не могу ни по какой категоріи, ибо категоріи имѣютъ значеніе только для эмпирическаго созерцанія, чтобы подводить его подъ понятіе предмета вообще“¹⁾.

Допустимъ еще одну возможность. Быть можетъ, въ томъ фактѣ, что мы мыслимъ такой ноуменъ, уже заключается доказательство его существованія, какъ причины эмпирическаго созерцанія. На это опять-таки Кантъ отвѣтаетъ: „Чистое примѣненіе категоріи здѣсь хотя и возможно, такъ какъ не заключаетъ въ себѣ противорѣчія, но оно не имѣетъ объективнаго значенія, потому что не опирается на созерцаніе, которое въ такомъ случаѣ должно было-бы получить единство объекта; ибо категоріи все-таки только функции мышленія, которыхъ предметовъ не даютъ, а въ нихъ только мыслится то, что можетъ быть дано въ созерцаніи“²⁾.

Резюмируя все сказанное, мы получаемъ слѣдующій результатъ: 1) мы о вещи въ себѣ ничего не знаемъ; 2) вещь сама въ себѣ не можетъ быть мыслима посредствомъ какой-бы то ни было категоріи, такъ какъ она не есть эмпирическое созерцаніе; 3) хотя посредствомъ категоріи и можетъ быть мыслимо нѣчто такое, что не есть эмпирическое созерцаніе, но это понятіе лишено реального содержанія.

Изъ первого положенія ровно ничего не слѣдуетъ; изъ второго слѣдуетъ, что ноуменъ немыслимъ; а изъ третьаго, что если мы его мыслимъ, то это есть бесодержательное понятіе.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ приведенномъ нами опредѣлениі первая половина ея, въ которой ноуменъ предполагается, опровергается второй ея половиной, гдѣ Кантъ стремится точнѣе его опредѣлить.

Итакъ, мы видимъ, что объектъ, дѣйствие котораго должно быть причиной ощущенія, оказался бесодержательнымъ понятіемъ. И это весьма понятно съ точки зренія Канта. Кантовскій объектъ есть вещь въ себѣ, а вещь въ себѣ—не представляемый объектъ. Но объектъ, лишенный своего главнаго свойства быть представляемымъ, есть тоже самое, что треугольникъ безъ трехъ сторонъ и трехъ угловъ: онъ не объектъ. Объектъ и его представляемость неразрывны. Если мы и мыслимъ объекты, которые быть можетъ никѣмъ и никогда не были и не будуть представляемы, то мы и

¹⁾ См. тамъ-же.

²⁾ См. тамъ-же.

въ этомъ отрицательномъ смыслѣ опять-таки мыслимъ объектъ и его представляемость неразрывно. Мысль о никъмъ не представляемыхъ объектахъ можетъ только возникнуть на основаніи объектовъ представляемыхъ. Но утвержденіе, что всѣ объекты эмпирическаго созерцанія лишены свойства быть представляемыми, есть величайшее противорѣчіе. Изъ уродливаго понятія „вещи въ себѣ“ должно было необходимымъ образомъ слѣдоватъ лишеніе ея причинности. Если объектъ совершенно различенъ и оторванъ отъ субъекта, то само собой понятно, что онъ не можетъ быть причиной нашихъ ощущеній. Оказалось, что мы вещи въ себѣ не знаемъ, потому что наше познаніе не непосредственное, а посредственное,透过ъ дѣйствіе на нашъ субъектъ. Разъ мы познаемъ черезъ дѣйствіе на субъектъ, то мы не можемъ познавать въ субъекта, т. е. въ дѣйствія на насть. Не зная, такимъ образомъ, вещи въ дѣйствія на насть, мы, слѣдовательно, не знаемъ, обладаетъ-ли она свойствомъ причинности. Изъ уродливаго понятія вещи въ себѣ получился не менѣе уродливый выводъ: вещь на насть не дѣйствуетъ, потому что дѣйствуетъ. На основаніи предположенія причинности вещи въ себѣ, причинность ея исключается. Вместо того, чтобы дѣйствіе объекта на субъектъ связало объектъ съ субъектомъ, оно, наоборотъ, благодаря такому странному ходу размышенія, оторвало объектъ отъ субъекта и сдѣлало объектъ сомнительнымъ. Кантъ былъ правъ, когда говорилъ: „So bleibt es immer ein Scandal der Philosophie und allgemeinen Menschenvernunft, das Dasein der Dinge ausser uns (von denen wir doch den ganzen Stoff zu Erkenntnissen selbst für unseren inneren Sinn haben) bloss auf Glauben annehmen zu müssen“¹⁾.

Правда, что и неокантіанцы критикуютъ вещь въ себѣ своего учителя. Отто Либманъ, который заканчиваетъ каждую главу одного изъ своихъ сочиненій (Kant und die Epigonen) восклицаніемъ: „Also muss auf Kant zurückgegangen werden!“, весьма рѣзко и нѣ безъ остроумія возстаетъ противъ понятія ноумена. Такъ, онъ говорить: „Alles was er (Kant), nur über den eingeschmuggelten Unbegriff sagt ist dunkel und widersprechend. Bald ist es „weder möglich, noch unmöglich“, bald ist es ein X, von dem man gar nichts sagen kann u. s. w. Schon aus dieser schwankenden, unklaren Sprachweise kann man schliessen, dass Kant in diesem Punkte kein reines Gewissen hatte, denn „ce

¹⁾) Kritik d. r. Vernunft. S. 31 издание Кербаха.—Мы цитируемъ это мѣсто по тексту: г. Соколовъ переводить эти строки такъ: ибо здѣсь мы только на вѣру должны принять существование вещей въ насть, отъ которыхъ получаемъ все содержаніе познанія даже для нашего внутренняго чувства. Слова: „So bleibt es immer ein Scandal der Phil. und allgemeinen Menschenvernunft“, вѣроятно по случайности, пропущены въ переводѣ.

que l'on conçoit bien, s'énonce clairement“¹⁾), заканчивает Либманъ словами Буало свою критику этого понятія.

Такая критика нисколько, однако, не помышала тому-же Отто Либману стать кантіанцемъ и потомъ черезъ заднюю дверь опять впустить „вещь въ себѣ“.

Отто Либманъ, какъ и всѣ критицисты, начинаетъ свои разсужденія съ середины. Объектъ и субъектъ совпадаютъ, такъ какъ объектъ есть модификація ощущеній, подведенная подъ категорію. Разъ объектъ есть одно только представлениe, то вещь въ себѣ, конечно, устранена. Но дѣло, однако, обстоитъ благополучно лишь до тѣхъ поръ, пока критицистъ не сталкивается съ вопросомъ о причинѣ модификацій ощущеній. При первомъ-же столкновеніи съ этимъ весьма непріятнымъ и роковымъ вопросомъ, критицисту приходится или признать причину ощущенія результатомъ дѣятельности интеллекта, или результатомъ дѣйствія реально существующаго объекта. Въ первомъ случаѣ онъ долженъ стать на точку зрѣнія Фихте, во второмъ на точку зрѣнія материализма. А такъ какъ критицисты не любятъ ни того, ни другого, то они торопливо заявляютъ, что причина ощущенія лежитъ въ опыта, т. е. въ ощущенія субъекта, что они не метафизики и не догматики, чтобы заходить за предѣлы опыта,— словомъ, что причина эта трансцендентальна. Но что-же такое трансцендентальность причины ощущенія, если не та-же изгнанная критицистами „вещь въ себѣ“.

Но вернемся къ Канту.

Мы видѣли, что вещь въ себѣ, какъ вслѣдствіе категоріи причинности, такъ вслѣдствіе самаго ея понятія, оказалась пустымъ понятіемъ. Если-же вѣшній объектъ невозможенъ, какъ причина ощущенія, то неизбѣжно возникаетъ вопросъ, чѣмъ же обусловливается дѣятельность нашихъ познавательныхъ способностей? Чтоaprіористическая функція предполагаютъ вѣшинюю причину,—очевидно изъ ихъ опредѣленія и ясно выражено на первой же страницѣ введенія въ критику самимъ Кантомъ: „Несомнѣнно, что всякое наше познаніе начинается съ опыта, *ибо чѣмъ же инымъ и возбуждается къ дѣятельности наша познавательная способность, какъ не тѣми предметами, которыя действуютъ на наши внешнія чувства и отчасти сами вызываютъ въ насъ представления, отчасти приводятъ въ движение нашу разсудочную дѣятельность, заставляютъ ее сравнивать эти представлія, соединять или раздѣлять ихъ и такимъ образомъ перерабатывать грубый матеріалъ чувственныхъ впечатлѣній въ познаніе предмета, который называется опытомъ?* Итакъ, во времени ни

¹⁾ „Kant und die Epigonen“.

одно наше познаніе не предшествуетъ опыту и всякое начи-
нается имъ“¹⁾.

Это мѣсто выражаетъ ясно и опредѣленно, что наша позна-
вательная способность не можетъ функционировать безъ дѣйствія
внѣшняго объекта, „ибо, чѣмъ же другимъ и возбуждается къ дѣя-
тельности наша познавательная способность, какъ не тѣми предметами,
которые дѣйствуютъ на наши внѣшнія чувства“. Подъ пред-
метами-же, которые дѣйствуютъ на наши внѣшнія чувства, слѣ-
дуетъ, несомнѣнно, понимать вещи въ себѣ, какъ причины эмпи-
рическаго созерцанія. Если же, какъ мы видѣли, эта вещь въ
себѣ невозможна, какъ причина ощущенія, то стало быть такъ-же
невозможна познавательная дѣятельность субъекта. Априоризмъ
безъ внѣшней причины, которая должна привести его въ движе-
ніе, есть вопіющее противорѣчіе, которое критицисты всяческими
способами стараются скрыть.

Однимъ словомъ, съ одной стороны мы не можемъ вызвать
безъ внѣшней вещи въ себѣ дѣятельности априористическихъ функций
субъекта, а съ другой устройство субъекта окончательно исключаетъ
причинность внѣшней вещи въ себѣ.

Система Канта раскалывается, такимъ образомъ, на двѣ
части, причемъ одна другую обусловливаетъ и въ то-же время
одна другую исключаетъ. Въ этомъ основномъ противорѣчіи дви-
жется вся „Критика чистаго разума“, и чѣмъ дальше мы въ ней
подвигаемся впередъ (въ особенности въ первомъ изд.), тѣмъ
больше все содержаніе опыта концентрируется въ субъектѣ, такъ
что вещь въ себѣ, предложенная сначала, какъ внѣшняя при-
чина ощущенія, отступаетъ все больше и больше на задній планъ,
пока она, наконецъ, не растворяется окончательно въ интеллиги-
белльную свободу.

Другого результата нельзя было и ожидать.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что Кантъ поставилъ эмпирическое
созерцаніе между внѣшнимъ объектомъ и разсудкомъ, онъ ли-
шилъ разсудокъ возможности переходить за предѣлы эмпириче-
скаго созерцанія. Отнявъ эту компетенцію у разсудка, Кантъ ро-
ковымъ образомъ долженъ былъ прийти къ тому противорѣчію,
устраненіе котораго составило исходный пунктъ идеализма Беркли.

Для Беркли воспріятіе и существованіе были идентичны

¹⁾ Какъ во всемъ нашемъ изложениіи, такъ и въ цитатахъ, мы придержи-
ваемся первого нѣмецкаго изд. Критики. Мы предпочитаемъ текстъ первого
изданія на томъ основаніи, что въ немъ система Канта выразилась гораздо
яснѣе и послѣдовательнѣе. Одна только эта цитата взята изъ 2-го изд. Заклю-
чающійся въ ней реалистический моментъ существуетъ также и въ 1-мъ изд.,
но мы предпочли эту цитату во 2-мъ, потому что указанный моментъ форму-
лированъ въ этомъ изданіи болѣе кратко, чѣмъ въ первомъ.

Вещи существуют, поскольку мы ихъ воспринимаемъ. Бытие въ восприятія есть противорѣчіе, слѣдовательно иллюзія. Противорѣчіе было, такимъ образомъ, устраниено съ самаго начала тѣмъ, что объектъ и субъектъ были совмѣщены въ субъектѣ.

Выходя изъ этого софизма, Беркли могъ быть болѣе или менѣе послѣдовательнымъ.

Кантъ, несомнѣнно, началъ свою критику съ намѣренія опровергнуть Беркли. Онъ предполагаетъ поэтому вѣшній объектъ, какъ причину эмпирическаго созерцанія. Но, отнявъ у разсудка возможность переходить за предѣлы послѣдняго, онъ долженъ былъ прийти къ тому, съ чего началъ Беркли, а именно къ тому что восприятіе и существованіе идентичны, и что предположенный объектъ есть не что иное, какъ пустое понятіе, чѣмъ и оказался его ноументъ. И вмѣсто того, чтобы опровергнуть Беркли, Кантъ совершаєтъ одну непослѣдовательность за другой. Тотъ, кто читаетъ „Критику“ серьезно, не можетъ не замѣтить, до какой степени стоитъ философу поперекъ дороги предположенный имъ объектъ.

Когда указываютъ на это основное, нераазрѣшимое противорѣчіе, то тѣ, которые хотятъ во что-бы то ни стало видѣть въ Канту чистаго и послѣдовательнаго эмпириста, ставятъ вмѣсто возраженія слѣдующій вопросъ: какъ это возможно, чтобы такой гений, какимъ несомнѣнно былъ Кантъ, не замѣтилъ такого противорѣчія? Этотъ вопросъ можетъ скорѣе запугать, чѣмъ убѣдить.

На этотъ стереотипный вопросъ мы прежде всего отвѣтимъ словами Гербарта. „Если такой умъ, какъ Кантъ, начинаетъ фантазировать? то онъ не скоро перестаетъ“. Къ этому мы прибавимъ съ своей стороны, что Кантъ, именно благодаря колоссальной силѣ своего абстрактнаго мышленія сумѣлъ, отступая отъ своей темы и увлекаясь въ разныя стороны абстракціи, подъ разными формами и видами, скрыть это основное противорѣчіе. Шопенгауэръ говоритъ: „Я убѣжденъ, что противорѣчіе въ системѣ Канта было главной причиной темноты изложенія въ трансцендентальной логикѣ. Кантъ, собственно говоря, смутно сознаетъ свое противорѣчіе, онъ внутренно борется съ нимъ, но не хочетъ или не можетъ ясно сознать это, онъ скрываетъ его поэтому для себя и для другихъ, обходя его разными способами. Должно полагать, что по этой же причинѣ онъ сдѣлалъ изъ нашей познавательной способности такую сложную машину со столькими колесами, какъ 12 категорій, трансцендентальный синтезъ воображенія, внутренняго чувства, трансцендентальная апперцепція, далѣе схематизмъ чистыхъ разсудочныхъ понятій и т. д., и т. д. И несмотря на этотъ огромный аппаратъ, не дѣлается ни одной серьезной попытки для объясненія вѣшнаго міра, что однако, всегда остается самымъ

главнымъ для нашего познанія¹⁾). Шопенгауэръ со свойственной ему проницательностью вѣрно угадалъ, почему понадобилось Канту сдѣлать изъ нашей познавательной способности такое многоэтажное зданіе. Мы не станемъ, однако, никакъ оспаривать значеніе и дѣйствительность нѣкоторыхъ изъ найденныхъ Кантомъ элементовъ нашего познанія.

Но какъ бы велико ни было значеніе кантовскаго анализа субъекта для логики и теоріи познанія, анализъ этой сущности дѣла не мѣняетъ, а наоборотъ, только запутываетъ вопросъ. Благодаря сложности механизма субъекта, даже и специалисту-читателю трудно замѣтить, что все это грандиозное зданіе построено на пескѣ.

Германъ Когенъ проявилъ не мало упорства мысли, чтобы открыть въ этомъ зданіи фундаментъ. Нѣть никакого сомнѣнія, что самымъ серьезнымъ произведеніемъ въ литературѣ критицистовъ является „Kant's Theorie der Erfahrung“. Если глубоко понять мыслителя значитъ или серьезно согласиться съ нимъ, или серьезно опровергнуть его, то Германъ Когенъ глубоко проникъ въ тайну гениального и, если можно такъ выразиться, трагического мышленія кенигсбергскаго Фауста. Проникшись этимъ учениемъ, Когенъ взялъ на себя задачу объяснить или, вѣрнѣе, еще разъ обосновать систему своего учителя. Посмотримъ, насколько ему это удалось.

Авторъ „Kant's Theorie der Erfahrung“ начинаетъ свою книгу съ изложенія и выясненіяaprіористическихъ элементовъ. Объ этихъ элементахъ трактуетъ онъ почти до самаго конца, стараясь главнымъ образомъ доказать необходимую, органическую связь между трансцендентальной эстетикой, логикой и діалектикой. Рядомъ съ этой основной мыслью Когенъ полемизируетъ и даже не безъ нѣкотораго раздраженія противъ всѣхъ тѣхъ, которые въaprіоризмѣ усматриваютъ осколокъ врожденныхъ идей. Aprіоризмъ есть, слѣдовательно, по глубокому убѣждѣнію автора, не что иное какъ функции и сами по себѣ пустыя формы, которыхъ виѣ опыта не имѣютъ ни малѣйшаго значенія.

Соглашаясь со всѣмъ изложеннымъ, интересующійся читатель ждетъ съ напряженнымъ нетерпѣніемъ, когда-же, наконецъ, появится та причина, тотъ двигатель, который приведетъ эти функции въ движение и дастъ содержаніе пустымъaprіористическимъ формамъ? Наконецъ, только въ предпослѣдней главѣ открываетъ нашъ авторъ сущность Кантовой и своей системы.

„Основа Кантовой системы говоритъ авторъ, — выражена въ слѣдующемъ мѣстѣ Пролегоменъ: „о томъ, что я представляю

¹⁾ Die Welt als Wille und Vorstellung S. 564 Ausg. Griesbach.

себѣ въ пространствѣ и времени, я не долженъ утверждать, что оно существуетъ и безъ моей мысли объ этомъ, потому что время и пространство и явленія въ нихъ сами по себѣ, *внѣ моего представления не существуютъ*. Явленія суть не что иное, какъ мои формы представлениія. И я бы, слѣдовательно, самъ себѣ противорѣчилъ, если бы стала утверждать, что чистыя формы представлениія существуютъ *внѣ моего представлениія*¹⁾.“

Итакъ, виѣшнай міръ есть наше представление, а такъ какъ онъ есть представление, то противорѣчиво утверждать, что представление существуетъ *внѣ* представлениія.

На поставленный философской литературой вопросъ: почему же представлениe виѣшняго міра исключаетъ его дѣйствительное существованіе,— Германъ Когенъ отвѣчаетъ: „Darin liegt der „offenbare“ Widerspruch, das Etwas, was nur fü r die M glichkeit unserer Erfahrung angenommen, aus derselben deducirt wird, auch ohne dieselbe, als ein Wirkliches, objectives soll m glich sein k nnen“²⁾. Ясно, что заключающаяся въ априористическихъ свойствахъ возможность, опыта дѣлаетъ возможными и объекты нашего опыта! „Die M glichkeit der Erfahrung bedingt zugleich die M glichkeit der Gegenst nde der Erfahrung“³⁾. Но какъ же возникаетъ объектъ нашего опыта, и что онъ такое? Объектъ есть эмпирически данное пространство объединенное трансцендентальной апперцепціей, въ синтетическомъ единствѣ которой онъ и возникаетъ. Предметъ опыта является, такимъ образомъ, исключительно результатомъ дѣятельности априористическихъ формъ субъекта. Если это такъ, то гдѣ же въ такомъ случаѣ разница между обыкновеннымъ и трансцендентальнымъ идеализмомъ? Разница,—отвѣчаетъ Германъ Когенъ,—заключается въ томъ, что разсудокъ безъ априористическихъ формъ чувственности, времени и пространства, не въ состояніи произво-

¹⁾ Здѣсь будетъ не лишнее привести другое мѣсто изъ тѣхъ же Прологеменъ: „Идеализмъ заключается въ утвержденіи, что нѣть другихъ существъ, кромеъ мыслящихъ. Другія вещи, воспринимаемыя нами въ нашемъ созерцаніи, суть только представления мыслящаго субъекта,—представления, которымъ фактически во виѣшнемъ мірѣ ничего не соотвѣтствуетъ“.

„Я же, наоборотъ, говорю: Намъ даны вещи, какъ виѣ нась находящіеся объекты нашихъ ощущеній. Но какъ эти вещи выглядятъ въ себѣ, мы не знаемъ, такъ какъ мы можемъ знать только ихъ явленія, т. е. представления, которыя онъ вызываютъ въ насъ, дѣйствуя на нашу чувственность. Согласно этому я утверждаю, что существуютъ *внѣ* насъ тѣла, т. е. вещи, относительно которыхъ вамъ совершенно неизвѣстно, каковы онъ въ себѣ, такъ какъ мы *ихъ* познаемъ посредствомъ ихъ вліянія на насъ. Мы имъ даемъ название тѣла, слово, относящіеся къ явленію предмета, намъ неизвѣстнаго, но тѣмъ не менѣе дѣйствительнаго“. „Prolegomena“ изданіе Кирхмана, стр. 39—40.

²⁾ „Kants Theorie der Erfahrung“ S. 240.

³⁾ Ibid. S. 241.

дить объектовъ опыта: „Ohne die Kategorie, kein Gegenstand. Die Kategorie selbst fordert aber den Raum“¹⁾). Но тутъ же неизбѣжно возникаетъ другой вопросъ, какимъ образомъ чистыя формы чувственности, пространство и время, приобрѣтаютъ свою эмпирическую реальность? Что время и пространство въ опыта никакого значенія не имѣютъ, слѣдуетъ изъ трансцендентальной эстетики. „Даже пространство и время,—говорить Кантъ,—какъ ни свободны эти понятія отъ всего эмпирическаго и какъ ни достовѣрно, что они вполнѣ a priori представляютъ въ душѣ, были бы лишены объективнаго содержанія, а черезъ это значенія и смысла, если бы не было указано ихъ необходимое примѣненіе къ предметамъ опыта“²⁾. Съ этимъ положеніемъ Германъ Когенъ вполнѣ согласенъ: „der Raum hat empirische Realitt, d. h. zunchst nur empirische Realitt; keine absolute, keine materiale“³⁾. Время и пространство становятся, стало быть, эмпирически-реальными въ силу ихъ примѣненія къ объектамъ опыта.

Вспомнимъ теперь содержаніе объекта опыта Германа Когена. Объектъ этотъ есть эмпирически реальное пространство, подведенное подъ категорію. Итакъ, чтобы получить объектъ, предполагается эмпирическое пространство; эмпирическое же пространство предполагаетъ, какъ мы видѣли, объектъ; объектъ, значитъ, эмпирически реалентъ, потому что въ основѣ его лежитъ эмпирическое реальное пространство; пространство эмпирически реально потому, что относится къ объектамъ опыта. Въ этомъ же вѣчномъ кругу вращается авторъ, когда повторяетъ любимую формулу: „Мы о вещахъ можемъ только то познать a priori, что мы въ нихъ вкладываемъ.“ Но что же такое тѣ вещи, куда мы вкладываемъ? Конечно, результатъ того же a priori⁴⁾, ибо die Mglichkeit der Erfahrung bedingt zugleich die Gegenstnde der Erfahrung“. Результатъ изъ всѣхъ разсужденій таковъ, что a priori есть a priori,—а объектовъ опыта у Германа Когена никакихъ не получается.

¹⁾ Ibid. S. 240.

²⁾ „Критика чистаго разума“ стр. 147.

³⁾ Kants Theorie der Erfahrung. S. 239.

⁴⁾ Карль Штумпфъ, обращая вниманіе на другую сторону вопроса, говоритъ: Die modernen Kriticisten folgen Kant in tautologischen Wendungen nach. Einem (Германъ Когенъ) drckt sich von der „Einheit der Apperception“ sprechend, also aus: „Wir knnen a priori nur das von den Dingen erkennen; was wir selbst an sie legen. Woher nehmen wir selbst dasjenige, was wir in die Dinge legen mssen, um etwas a priori an ihnen zu erkennen? Wenn jetzt die Antwort lautet: aus dem Bewusstsein, so denken wir das Bewusstsein als den Inbegriff der Mittel und Methoden, die jenes Hineinlegen ausmachen“. Werden wir hier nicht einfach im Kreise herum gefhrt? Wir nehmen dasjenige, was wir in die Dinge legen mssen aus dem Inbegriff der Methoden, die das Hineinlegen ausmachen. Psychologie und Erkenntnisstheorie. S. 16.

Другого результата и быть не можетъ.

Отрицая виѣшній объекѣ какъ причину опыта, не признавая также и интеллектуальной причины его и твердо стоя на той точкѣ зреїнія, что априоризмъ виѣ опыта есть иллюзія, ему ничего другого не остается, какъ вращаться въ вѣчномъ кругу, предполагая отрицаемый имъ объекѣ то при одной, то при другой формѣ a priori. Когда же авторъ дѣйствительно оставляетъ объекѣ, тогда происходитъ какое-то странное треніе между чистыми формами a priori, причемъ одна другую уничтожаетъ, подобно пущеннымъ въ ходъ жерновамъ безъ всякаго содержимаго. Старое философское положеніе, что изъ ничего — ничего не выходить остается въ полной силѣ, несмотря ни на какія ухищренія человѣческаго ума.

Германъ Когенъ устранилъ вещь въ себѣ, признавалъ ее исключительно ограничительнымъ понятіемъ. Но теорію опыта онъ этимъ нисколько не обосновалъ, а наоборотъ, показать только всю несостоятельность критицизма.

Въ какомъ бы противорѣчіи ни стояла кантовская вещь въ себѣ ко всей системѣ, она все-таки является фундаментомъ этого зданія, такъ какъ ея дѣйствіе на субъектъ даетъ опыту содержаніе. Противъ этого возстаютъ критицисты, и даже самымъ энергичнымъ образомъ. По мнѣнію Когена, Фр. Альб. Ланге и другихъ кантовская „вещь въ себѣ“ должна быть съ самаго начала понята какъ ограничительное понятіе. Они такъ далеко идутъ въ своихъ произвольныхъ толкованіяхъ мысли учителя, что утверждаютъ, будто Кантъ самъ иначе и не думалъ. Если бы это было такъ, если бы Кантъ съ самаго начала понималъ свою вещь въ себѣ, какъ ограничительное понятіе, онъ бы съ того и началъ, не разсчитывая на своихъ будущихъ комментаторовъ. Кантъ, конечно, не былъ неокантіанцемъ; онъ сознавалъ, что безъ объекта не можетъ быть познанія послѣдняго. Но въ силу того обстоятельства, что онъ оторвалъ познаваемый объекѣ отъ познающаго субъекта, онъ оторвалъ его также и отъ своего собственного познанія, и самъ ясно не сознавалъ, куда должно привести его учение.

Превращеніе вещи въ себѣ въ ограничительное понятіе было логически необходимымъ, но для самаго Канта вполнѣ случайнымъ результатомъ. Виѣшній объекѣ, который на первой страницѣ трансцендентальной эстетики опредѣляется какъ предметъ, дѣйствующій на наши виѣшнія чувства, превращается въ отдѣлъ: „Объ основѣ различія всѣхъ предметовъ вообще на phaenomena и noumena“ въ совершенно неопределенную мысль о чемъ-то вообще. Тому, кто серьезно и внимательно читаетъ отдѣлы: „Дедукція чистыхъ разсудочныхъ понятій“ и „Объ основѣ различія всѣхъ предметовъ и т. д.“, должно броситься въ глаза, какъ различно

Кантъ опредѣляетъ „вещь въ себѣ“. Мѣсто не позволяетъ намъ привести всѣ опредѣленія вещи въ себѣ и подвергнуть ихъ подробному, систематическому анализу. Если бы подобный анализъ былъ здесь умѣстенъ, мы могли бы показать, какъ внѣшняя вещь въ себѣ изъ реальной причины эмпирическаго созерцанія постепенно, вопреки волѣ и намѣренію философа, превращается въ чистое созданіе разума.

Мы можемъ только обратить вниманіе читателя на это обстоятельство и представить ему самому, посредствомъ внимательнаго чтенія упомянутыхъ отдѣловъ, провѣрить этотъ процессъ постепеннаго превращенія.

Стѣсненій оторванностью познаваемаго объекта отъ познающаго субъекта, Кантъ старается на различные лады обосновать существованіе первого, но тѣмъ не менѣе вынужденъ прийти къ слѣдующему: „Наконецъ, нельзя и усмотреть возможность такихъ ноуменовъ, и объемъ ихъ въ сферы явленій (для насъ) пустъ, т. е. мы имѣемъ разсудокъ, который проблематически заходитъ дальше явленій, но у насъ не можетъ быть никакого созерцанія и даже никакого понятія о возможномъ созерцаніи, въ которомъ намъ давались бы предметы и въ области чувственного и къ которымъ разсудокъ могъ бы имѣть ассерторическое примѣненіе. Итакъ понятіе ноумена есть, слѣдовательно, только ограничительное понятіе, чтобы ограничить чувственность“¹⁾.

Ноуменъ есть, стало быть, ничего иное, какъ *субъективное представление о внешней причинѣ эмпирическаго созерцанія*. Мы имѣемъ это представление потому, что разсудокъ нашъ „проблематически“ заходитъ дальше явленій, причемъ объемъ „сферы“ въ нашей чувственности или въ субъекта „пустъ“. — Граница познанія лежитъ, стало быть, не по ту, а по эту сторону чувственного восприятія. Ноуменъ есть ограничительное понятіе, т. е. понятіе, которое мы принимаемъ за причину чувственного восприятія и этимъ самымъ ставимъ ему границу. Мы только мыслимъ ноумены, какъ внѣшнія причины чувственного опыта, но существуютъ-ли таковые, и соответствуетъ-ли нашему представлению о подобныхъ объектахъ что-нибудь въ дѣйствительности, — это проблематично. Однимъ словомъ, ноуменъ оказался результатомъ нашего чистаго мышленія; онъ мыслится къ явленію для объясненія послѣдняго. Но откуда и что такое этотъ объектъ, мы изъ трансцендентальной аналитики не узнаемъ. Эта часть критики заканчивается поэтому вопросомъ.

Загадка разрѣшается, однако, мало по малу самимъ Кантомъ отчасти уже въ трансцендентальной діалектицѣ, частью въ „Кри-

¹⁾ Критика ч. разума, стр. 222.

ДЕКАБРЬ.

тикъ способности суждения“, главнымъ же образомъ въ „Критикѣ практическаго разума“. Дѣло въ томъ, что Кантъ различаетъ двоякаго рода причинность: „условную“ или сенсибельную и „безусловную“ или интеллигibleльную. Первый родъ причинности относится къ явленіямъ, временный рядъ которыхъ обусловливается явленіемъ же, второй родъ не относится къ явленію и потому не зависить ни отъ времени, ни отъ пространства. Вещь въ себѣ существуетъ, слѣдовательно, виѣ времени и, однако, обладаетъ причинностью. Ея причинность абсолютная или интеллигibleльная.

Вещь въ себѣ оказывается такимъ образомъ абсолютной свободой, или чистой волей, лежащей въ основѣ мірового нравственного закона.

Съ превращенiemъ вещи въ себѣ въ интеллигibleльную свободу, лежащую въ основѣ нравственнаго закона, „принять“ практическаго разума былъ обозначенъ самимъ Кантомъ.

То распространенное мнѣніе, что критика практическаго разума противорѣчитъ критикѣ чистаго разума, основано на поверхностномъ пониманіи первой. Правда, что „Критика чистаго разума“ начинается предположенiemъ виѣнняго объекта, дѣйствующаго на наши виѣшнія чувства, въ критикѣ же практическаго разума этотъ объектъ превращается въ сознаніе свободнаго интеллекта. Противоположности точекъ зрѣнія, конечно, на лицо. Но эти же противоположныя точки зрѣнія борются и въ „Критикѣ чистаго разума“, причемъ идеалистический моментъ постепенно одерживаетъ побѣду надъ реалистическимъ. Отдѣленный отъ субъекта и лишенный вслѣдствіе этого причинности объектъ, какъ мы видѣли, долженъ быть свестись къ чистому созданію разума. А разъ у насъ фактически существуетъ понятіе объ объектѣ, какъ о причинѣ эмпирическаго созерцанія, то это понятіе нельзя было никакъ другимъ объяснить, какъ свободной дѣятельностью нашего интеллекта.

Критика практическаго разума является, такимъ образомъ, естественнымъ продолженiemъ критики чистаго разума.

Вещь въ себѣ есть, стало быть, интеллигibleльная основа феномена. Субъективная дѣятельность нашего я является, слѣдовательно, источникомъ какъ матеріи опыта, такъ и формы его. Что субъектъ есть источникъ всего опыта, — достаточно развито въ „Критикѣ чистаго разума“ въ отдѣлѣ о дедукціи чистыхъ разсудочныхъ понятій, содержаніе котораго было нами изложено выше.

Что же такое трансцендентальная апперцепція, если не то-же самое, что интеллектуальное созерцаніе у Фихте? Трансцендентальная апперцепція опредѣляется Кантомъ какъ коренней источникъ, радикальная способность (Radikalvermögen) всякаго опыта. Всѣ наши представления сопровождаются первоначальнымъ: „Я мыслю“. Это

я ist ein Actus der Spontanität. Оно, поэтому, чисто отъ эмпирическаго созерцанія, совершенно независимо отъ него и предшествуетъ ему. Если это *я* существуетъ раньше опыта, то оно, следовательно, свободно и въ абсолютномъ смыслѣ, и есть ничто иное, какъ непосредственное сознаніе первоначальной и свободной дѣятельности субъекта. Ясно, что основа апперцепціи совпадаетъ съ категорическимъ императивомъ¹⁾. Изъ этихъ элементовъ сложилась система Фихте.

Первое положеніе его „Wissenschaftslehre“: Ich setzt das Ich или Ich=Ich есть дѣло абсолютнаго *я*. Первоначальная идентичность сознанія предшествуетъ всякому познанію у Фихте, какъ трансцендентальная апперцепція у Канта. Однако, одно абсолютное *я* не даетъ еще познанія. Для познанія требуется познаваемый объектъ, безъ котораго самосознаніе оставалось бы пустымъ, такъ какъ оно заключается въ различеніи субъекта отъ познаваемаго объекта.

Абсолютное *я* предполагаетъ поэтому различное отъ субъекта *не-я*, которое *я* познаетъ. Отсюда вытекаетъ второе основное положеніе Фихте: „Das Ich setzt sich schlechthin ein Nicht-Ich entgegen“. Это „не *я*“ и есть кантовскій ноуменъ, который здѣсь, конечно, не вещь въ себѣ, а ограничительное понятіе, созданное субъектомъ или,—какъ это объяснялъ Фихте,—„der Gegenstand afficirt“,—значить: „es wird nur gedacht als afficirend“. Соответственно этому, система Фихте показываетъ, какъ абсолютное *я*, вслѣдствіе собственнаго созерцанія, необходимымъ образомъ себя ограничиваетъ, это ограниченіе непосредственно воспринимаѣтъ и свое воспріятіе объясняетъ ограничивающимъ объектомъ, который мыслится *nами*, какъ дѣйствующій на насъ.

Субъективный идеализмъ Фихте является, такимъ образомъ, не произвольнымъ толкованіемъ философіи Канта, а, наоборотъ, однимъ изъ возможныхъ ея логическихъ выводовъ.

Критицисты весьма недовольны такимъ выводомъ и недовольны главнымъ образомъ потому, что субъективный идеализмъ Фихте имъ слишкомъ живо напоминаетъ о половинчатости и не-

¹⁾ „Was Fichte intellectuelle Anschauung nennt, das wird die Kantische Kritik unmöglich in Abrede stellen: er nennt intellectuelle Anschauung das unmittelbare Bewusstsein unserer eigenen ursprünglichen Thätigkeit. Ist das Sitten gesetz, der kategorische Imperativ bei Kant nicht ein solches Bewusstsein? Was die Wissenschaftslehre als intellectuelle Anschauung bezeichnet, das nennt die Kantische Vernunftkritik „die reine Apperception“; dieselbe Bedeutung, die bei Fichte die intellectuelle Anschauung beansprucht, hat bei Kant die transzendentale Apperception. Fichte nennt intellectuelle Anschauung „das ursprüngliche Selbst bewusstsein oder Ich“. Genau so nennt auch Kant die transzendentale Apperception. Mithin haben beide dasselbe Prinzip auch unter denselben Namen.“

Kuno Fischer. Geschichte der neuern Philosophie, V Band, S. 423.

смѣлости ихъ собственного міросозерцанія. Въ большинствѣ случаевъ они стараются обойти этотъ вопросъ притворно-небрежнымъ молчаніемъ, упоминая лишь иногда мимоходомъ, что-моль самъ Кантъ протестовалъ противъ системы Фихте или что личные качества великаго идеалиста были основнымъ источникомъ его философіи.

Когда-же аргументація становится абсолютно неизбѣжной, критицистъ прибѣгаешь къ болѣе вѣрному средству: онъ становится на точку зрѣнія материалистического реализма.

Возражая Фихте, Отто Либманъ говоритъ, напр., слѣдующее: „Jeder wird zwar zugeben müsssen, dass alles Existirende, objective für uns ganz allein insofern da ist, als es in unser Bewusstsein tritt; schwerlich aber, dass alle ins Bewusstsein tretende Vorstellungen von Gegenständen *durch uns selbst producirt sind*. Wenn ich den blauen Himmel sehe, so werde ich freilich bei einiger Ueberlegung inne, dass dieses Gewölbe und diese blaue Farbe, ohne die bestehende Einrichtung meines sinnlichen Erkenntnissvermögen und ohne Aufnahme in meinem Bewusstsein verschwinden müssten, und dass daher in diesem Sinne mein Subject die Bedingung jenes Objects ist; dass aber überhaupt meinem so beschaffenen Intellect *ein Object entgegentritt*, welches ich als blauen Himmel vorstelle, *dies werden wir nimmer als unsere That anerkennen* wollen. Viel mehr werden wir überzeugt sein, dass jedes Object ohne unser Zuthun uns gegeben wird“ ¹⁾.

Оказывается, что Отто Либманъ признаетъ существующій независимо отъ субъекта объектъ. Но этотъ объектъ существуетъ тѣмъ не менѣе для Отто Либмана, только въ тотъ моментъ, когда ему приходится спорить противъ Фихте. Но вообще тотъ-же Отто Либманъ формулируетъ сущность своего міросозерцанія, приводя слѣдующую цитату изъ Канта: „Alles worauf die Kategorien anwendbar sind, hat nur in Beziehung auf den Intellect Gültigkeit und ist daher unabhängig von denselben *Nichts*“ ²⁾. Тутъ невольно вспоминаешь слова Канта: „Consequent zu sein ist die grösste Obligenheit eines Philosophen, und wird doch am seltesten angetroffen“ ³⁾.

Отмѣчая противорѣчія критицистовъ, мы нисколько не имѣемъ въ виду указывать на непослѣдовательность мышленія того или другого философскаго писателя этой школы. Насъ въ данномъ случаѣ главнымъ образомъ интересуетъ противорѣчивость самой точки зрѣнія, которая роковымъ образомъ обнаруживается въ разсужденіяхъ представителей этого направленія,—часто, быть можетъ, независимо отъ индивидуальныхъ свойствъ ихъ мышленія. Извѣстный афоризмъ Фихте: каковъ человѣкъ, такова его

¹⁾ „Kant und die Epigonen“ S. 80.

²⁾ Ibid S. 24.

³⁾ Kritik. d. pr. Vernunft изд. Кербаха стр. 38.

філософія,—можеть бути съ успѣхомъ перевернуть и такъ: каково міросозерцаніе, таковъ и мыслитель,—причемъ слѣдуетъ замѣтить, что міросозерцаніе, будучи всегда исторически необходимымъ, можетъ иногда оказаться индувидуально случайнymъ.

Боясь догматизма, какъ монахъ женщины, критицистъ не можетъ имѣть точки отправленія въ теорії познанія. Такъ какъ онъ не желаетъ начать ни съ субъекта, ни съ объекта, то ему ничего не остается, какъ вращаться между этими единствено-возможными точками отправленія всякаго познанія. Въ столкновеніяхъ съ идеализмомъ онъ матеріалистъ, съ матеріализмомъ—идеалистъ.

Въ такомъ-же положеніи находился самъ Кантъ. Гдѣ только філософу приходится опровергать идеалистическую точку зренія, тамъ онъ фатальнымъ образомъ становится матеріалистомъ. Таковымъ является онъ въ началѣ „Критики чистаго разума“, гдѣ онъ намѣренъ оспаривать Беркли, въ тѣхъ мѣстахъ Пролегоменъ, гдѣ онъ защищается отъ берклейизма и въ особенности во второмъ изданіи Критики, въ опроверженіи идеализма. Опроверженіе идеализма, въ этомъ смыслѣ наиболѣе характерно и мы остановимся на немъ.

Чтобы опровергнуть проблематической идеализмъ Декарта, Кантъ находитъ одну только возможность: „Искомое доказательство должно показать, что внѣшнія вещи не только наши *phantasii*, но даются и въ опыте, а это можетъ быть сдѣлано только доказательствомъ того, что даже нашъ *внутренний*, для Декарта несомнѣнныи, опытъ возможенъ только подъ условиемъ внѣшняго опыта“¹⁾). Доказывается это положеніе тѣмъ, что наше самосознаніе „предполагаетъ нѣчто устойчивое въ воспріятіяхъ“.

„А это устойчивое, — говоритъ Кантъ, — не можетъ быть созерцаніемъ во мнѣ. Ибо всѣ основанія опредѣленія моего существованія, которыя могутъ находиться во мнѣ, суть представленія и, какъ таковыя, нуждаются въ отличномъ отъ нихъ, въ устойчивомъ, на чёмъ можно было бы опредѣлить ихъ въ ихъ смѣнѣ, т. е. опредѣлить мое существование во времени, въ которомъ эти представленія мѣняются. Слѣдовательно, воспріятіе этого устойчиваго возможно только черезъ вещь внѣ менѣ, а не черезъ представление о вещи внѣ менѣ“²⁾.

Тутъ сказано, и весьма ясно, что наше самосознаніе опредѣляется рядомъ воспріятій дѣйствительно существующихъ внѣ насть вещей. Если бы напримѣръ представленіямъ ничто не соотвѣтствовало въ дѣйствительности, то нечѣмъ было бы опредѣлить ихъ смѣны, такъ какъ чистыя представленія вѣврьменны. Сознаніе же

¹⁾ „Критика ч. р.“ ст. 197.

²⁾ Ibid. стр. 197.

собственного существования „определяется во времени, въ кото-
ромъ эти представліяются“.

Если же самосознаніе невозможно безъ воспріятія дѣйстви-
тельно существующихъ предметовъ, то фактъ самосознанія является
свидѣтельствомъ послѣднихъ. Поэтому „сознаніе моего собствен-
ного существования есть вмѣстѣ съ тѣмъ и сознаніе существованія
другихъ вещей въ менѣ“¹).

Нельзя не видѣть, что тутъ опровергнутъ не только пробле-
матической идеализмъ Декарта, но и трансцендентальныи идеализмъ
Канта. Вещи оказались не ограничительными понятіями, а дѣй-
ствительно существующими реальными вещами, т. е., говоря от-
кровенно, материей. Пространство не чисто субъективной формой,
а объективнымъ, вмѣстѣ съ вещами. Точно также время стало въ
зависимость отъ послѣдовательного ряда воспріятій устойчиваго
влияния на насъ и опредѣляющаго наше самосознаніе.

Вспомнимъ теперь трансцендентальную апперцепцію и мы уви-
димъ, какъ глубоко это противорѣчіе.

Согласно учению объ апперцепціи, устойчивость объекта воз-
никаетъ въ синтетическомъ единстве первоначального, всякому
опыту предшествующаго я. Согласно опроверженію идеализма,
само единство сознанія опредѣляется послѣдовательнымъ рядомъ
воспріятій существующаго въ насъ „устойчиваго“. Тамъ объектъ
является результатомъ чистаго самосознанія. Тутъ, наоборотъ, са-
мосознаніе—результатомъ дѣйствующихъ на насъ объектовъ. Изъ
значенія трансцендентальной апперцепціи вытекало: „Если отри-
цаютъ мыслящій субъектъ, тѣлесный міръ долженъ пасть, такъ
какъ онъ только явленіе въ нашей чувственности и представ-
ляетъ одинъ изъ видовъ его представлений“.

Изъ опроверженія идеализма слѣдуєтъ: „внутренній субъектъ
долженъ быть опредѣленъ по отношенію ко времени, для чего
совершенно необходимы *внѣшніе предметы, такъ что, следова-
тельно, внутренний опытъ самъ возможенъ только черезъ вѣнѣшній
опытъ*“²). Однимъ словомъ, тамъ безъ субъекта нѣть объекта,
здесь безъ объекта нѣть субъекта.

Такъ боролся самъ Кантъ, находясь между этими двумя по-
люсами. Эта непрерывная борьба и постоянная противорѣчія до-
казываютъ только то, что *критицизмъ, сущность котораго заклю-
чается въ боязни констатировать существование объекта опыта, не
въ состояніи обосновать теорію опыта*.

Загнавъ объектъ въ субъектъ и, однако, понимая, что безъ объ-
екта опыта невозможенъ, Кантъ неустанно старается опять его до-
бить. Однимъ изъ способовъ обоснованія объекта явились такъ назы-

¹⁾ Ibid. стр. 198.

²⁾ Ibid. стр. 198.

ваемая эмпирическая реальность послѣдняго, которая стала главной основой критицизма. Эмпирическая реальность составляетъть, по мнѣнію критицистовъ, существенное различіе между обыкновеннымъ и трансцендентальнымъ идеализмомъ и скептицизмомъ.

Посмотримъ, такъ ли это.

Обыкновенный реалистъ,—разсуждаетъ Кантъ, а за нимъ неокантіанцы,—выходитъ изъ той точки зрењія, что чувственно являющееся есть реальное.

Но реальность, чтобы быть дѣйствительно реальностью, должна существовать виѣ и независимо отъ воспріятія субъекта. Далѣе, по мнѣнію обыкновенныхъ идеалистовъ, чувственное воспріятіе обманываетъ насть, поэтому оно не можетъ быть настоящимъ орудіемъ познанія вещей въ ея сущности; настоящая реальность лежитъ, стало быть, виѣ чувственного опыта. Трансцендентальный реалистъ или, какъ такового критицисты называютъ, материалистъ, ищетъ критерія данного въ чувственности явленія виѣ чувственного опыта.

Иначе думаетъ трансцендентальный идеалистъ. Онъ разсматриваетъ находящіяся въ субъектѣ явленія, какъ реальные объекты.

Причина явленія или являющіеся объекты не интересуютъ трансцендентального идеалиста. Они не могутъ быть непосредственно, т. е. виѣ воспріятія воспринятыми и поэтому они трансцендентальны. Наше я различаетъ въ себѣ субъектъ отъ объекта и мыслить послѣдній, какъ виѣшнее бытіе. Поэтому объектъ данъ нашему сознанію непосредственно и для насть эмпирически реаленъ. „Я сознаю только свои представлениа; слѣдовательно существуютъ и эти представлениа, и я самъ, который имѣть эти представлениа. Но виѣшніе предметы (тѣла) только явленія,—значить, ничего иное, какъ видъ моихъ представлений, предметы которыхъ нѣчто только въ силу этихъ представлений, а виѣ ихъ ничто“.

„Слѣдовательно, какъ существуютъ виѣшнія вещи, такъ существую и я самъ, и притомъ то и другое по непосредственному свидѣтельству моего самосознанія, съ тѣмъ только различіемъ, что представление меня самого, какъ мыслящаго субъекта, относится къ внутреннему чувству, а представлениа, которыя обозначаютъ протяженная существа, относятся къ виѣшнему чувству“. Слѣдовательно, „какъ то, такъ и другое (субъектъ и объектъ) только представлениа, непосредственное воспріятіе, котораго сознаніе служить достаточнымъ доказательствомъ его дѣйствительности“ ¹⁾.

¹⁾ Критика ч. раз. стр. 645. Германъ Когенъ того мнѣнія, что Кантъ говоритъ въ этомъ мѣстѣ то же самое, что въ „опроверженіи идеализма“ (Kants Theorie d. Erfahrung S. 250). Когенъ глубоко ошибается. Въ этомъ мѣстѣ Кантъ говоритъ только то, что субъектъ различаетъ въ самомъ себѣ субъектъ отъ объекта, и что объектъ данъ поэтому сознанію непосредственно. Существова-

Объектъ, слѣдовательно, потому эмпирически-реаленъ, что мы его таковыи мыслимъ. Не трудно замѣтить, что сущность всѣхъ этихъ разсужденій сводится въ концѣ концовъ къ основному бер克莱евскому положенію, что воспріятіе и существованіе тождественны. Подчеркивается критицистами особенно то положеніе, что мы наши явленія считаемъ реальными, что также подчеркивалъ и Беркли: „Я, говорить Беркли, не оспариваю существованія какой-бы то ни было вещи, которую мы познаемъ въ нашемъ субъектѣ посредствомъ чувственного воспріятія или рефлексіи. Что вещи, которыхъ я вижу моими собственными глазами и осужаю собственными руками, существуютъ и дѣйствительно существуютъ, въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь“.

„Единственное, что мы оспариваемъ, это то, что философы называютъ матеріей или материальной субстанціей“¹⁾. Очевидно, что и Беркли признавалъ эмпирически-реальными тѣ объекты, которые восприняты вищими чувствами. Но критицисты, конечно, не хотятъ признать сходства ихъ міросозерцанія съ догматическимъ идеализмомъ великаго епископа.

Кантъ былъ убѣжденъ, а за нимъ убѣждены и всѣ пеокантіанцы, что бер克莱евскій догматический идеализмъ разъ навсегда и окончательно опровергнутъ въ трансцендентальной эстетикѣ, на томъ основаніи, что пространство есть чистая форма чувственности.

По учению Беркли, пространство такое-же субъективное ощущеніе какъ цвѣтъ и звукъ, изъ чего слѣдовало, что вищій міръ—иллюзія. По Канту, пространство независимая и свободная отъ всѣхъ ощущеній форма a priori.

ніе объекта виѣ сознанія здѣсь окончательно отрицается, такъ какъ „предметы (тѣла) только видъ представленій, предметы которыхъ нѣчто только въ силу этихъ представленій, а виѣ ихъ, *ничто*“. Согласно этому мѣсту объектъ реаленъ, потому что мы его мыслимъ таковыи. Наше непосредственное сознаніе объекта, есть реальность его. Діаметрально противоположное доказывается въ „опроверженіи идеализма“. Тамъ не наше сознаніе объекта есть самъ объектъ, но наоборотъ, безъ дѣйствительно существующаго объекта виѣ нась, не возможно и самосознаніе. Правда, что и тамъ и тутъ говорится, что сознаніе служитъ достаточнымъ доказательствомъ дѣйствительности объектовъ. Но сходство этихъ выражений чисто вищнее и смыслъ ихъ зависить отъ основной мысли. Въ „опроверженіи идеализма“ Кантъ, какъ мы видѣли, выходитъ изъ того положенія, что само самосознаніе *немыслимо* безъ существующаго виѣ нась объекта и потому фактъ самосознанія является свидѣтельствомъ его реальнаго существования. Здѣсь-же утверждается реальность представлениія на томъ основаніи, что оно дано *готовои* сознанію непосредственно. Тамъ реаленъ объектъ. Тутъ представление, виѣ котораго нѣть ничего. Нужно обладать достаточной дозой пристрастія, чтобы отрицать разницу въ двухъ противоположныхъ положеніяхъ.

¹⁾ Объ основахъ человѣческаго познанія. Ueber die Prinzipien der menschl. Erkenntniss S. 38. Цитируемъ по нѣмецкому переводу Э. Ибервега.

Пространство, какъ таковое, т. е. въ себѣ есть иллюзія, но въ силу необходимаго примѣненія этойaprіористической формы къ объектиамъ опыта, пространство приобрѣаетъ объективную, эмпірическую реальность. Согласно этому, эмпірическая реальность виѣшняго міра должна быть обоснована, не выходя за предѣлы ощущенія.

Чтобы убѣдиться въ абсолютной невѣрности этого основного положенія критицизма, намъ необходимо повторить забываемое въ этомъ случаѣ критицистами начало трансцендентальной эстетики. Трансцендентальная эстетика начинается, какъ мы видѣли, указаниемъ на дѣйствіе виѣшняго объекта, вызывающаго ощущеніе, разнообразіе котораго воспринимается подъ чистыми формами a priori пространства и времени и объединяется въ трансцендентальной апперцепції. Пространство становится въ такомъ случаѣ эмпірически-реальнымъ въ силу того, что разнообразное въ ощущеніи воспринимается подъ этой формой. Отсюда ясно, что эмпірическая реальность пространства зависитъ въ послѣдней ипстанціи отъ дѣйствія вещи въ себѣ. Но предположеніе *внѣшней вещи въ себѣ*, дѣйствующей на наши виѣшнія чувства, предполагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и объективность пространства. A priori данная, чистая субъективная форма приобрѣаетъ такимъ образомъ эмпірическую объективность на основаніи заранѣе предположенной объективности пространства. Если мы, поэтому, оставимъ вещь въ себѣ какъ *внѣшній* объектъ, то становится излишнимъ все дальнѣйшее построеніе, которое опрокидывается его догматическимъ началомъ. Если-же уничтожить вещь въ себѣ и признать ее за ограничительное понятіе, то не откуда вывести эмпірическую объективность пространства, на что нами было указано выше при разборѣ Германа Когена.

Берклеевскій догматический идеализмъ въ трансцендентальной эстетикѣ, слѣдовательно, нисколько не опровергнутъ, а если берклеевская точка зрѣнія опровергается Кантомъ, то это опять-таки въ „опроверженіи идеализма“, гдѣ Кантъ вынужденъ перешагнуть за предѣлы субъекта. Оставаясь на точкѣ зрѣнія исключительной реальности ощущеній,— между критической и берклеевской философіей въ обоснованіи объектовъ опыта принципіального различія нѣть. Съ точки зрѣнія Берклия, пространство и вещи — въ нась. Съ точки зрѣнія критицизма, пространство въ нась, а вещи въ немъ. Разница возникаетъ только въ томъ случаѣ, когда критицистъ становится непослѣдовательнымъ.

Изъ нашего анализа слѣдуетъ, что критицизмъ не можетъ рассматриваться какъ *мирозозерцаніе*, такъ какъ для того, чтобы быть таковымъ, ему не хватаетъ главнаго,—цѣльности и единства точки зрѣнія.

Критицизмъ является непослѣдовательнымъ материализмомъ, оставляя вещь въ себѣ какъ виѣшній объектъ и лишая ее причинности; непослѣдовательнымъ фихтеанізмомъ превращая вещь въ себѣ въ ограничительное понятіе и не желая признать объектъ результатомъ дѣятельности абсолютнаго Я; непослѣдовательнымъ берклианізмомъ, признавая исключительно реальными субъективные ощущенія и, въ то же время, отстаивая реальность виѣшняго міра.

Формулируя окончательно теоретико-познавательную точку зрења трансцендентальнаго идеализма, Германъ Когенъ говорить: „необходимое начало всякаго познанія не должно быть непремѣнно пунктомъ его возникновенія. И потому первый шагъ критициста есть абстракція отъ матеріи опыта. Эта матерія не есть для него начало всякаго мышленія; онъ не обращается къ міру до опыта съ цѣлью найти при его помощи объясненіе опыта съ егоaprіористической истиной. Это невозможное требование. А такъ какъ онъ не хочетъ знать ничего раньше и ничего кромѣ возможности опыта, то въ его мышленіи понятія: матерія и форма находятся въ обратномъ порядкѣ. Прежде всего надо найти форму духа, форму опыта. Эта форма есть истинное a priori. Вокругъ нея долженъ вращаться объектъ познанія и въ этомъ вращеніи возникать¹⁾. Итакъ, сущность трансцендентальнаго идеализма есть абстракція отъ матеріи опыта (замѣтимъ при этомъ, что существованіе матеріи опыта предполагается самими критицистами; да оно и понятно, такъ какъ безъ такого предположенія не можетъ быть рѣчи о формѣ). Объектъ опыта возникаетъ въ движениі априористическихъ формъ опыта. Ясно, что опытъ остается всецѣло на субъективной почвѣ. Если же это такъ, то неизбѣжно возникаетъ вопросъ, и вопросъ самый существенный въ теоріи познанія, о возможномъ критеріи научнаго опыта. Самъ Кантъ, установивъ основное различіе между обыкновеннымъ и трансцендентальнымъ идеализмомъ, немедленно приходитъ къ этому главному вопросу: „Изъ воспріятій,—говорить онъ,—можетъ возникнуть познаніе предметовъ или путемъ игры воображенія, или посредствомъ опыта. Могутъ, конечно, возникнуть ошибочные представления, которымъ предметы не соответствуютъ, при чёмъ заблужденіе приписывается или ошибкѣ воображенія (въ сновидѣніяхъ), или ошибкѣ способности сужденія (при такъ называемыхъ обманахъ виѣшнихъ чувствъ)“²⁾. Кантъ, слѣдовательно, усматриваетъ существованіе ложныхъ представлений, которые не соответствуютъ объектамъ. Какимъ же объектамъ не соответствуютъ ложныя

¹⁾ Kants. Theorie der Erfahrung. S. 243.

²⁾ Критика чистаго разума, стр. 648.

представленія? Вѣдь съ точки зрѣнія трансцендентальнаго идеализма, реальны всѣ тѣ явленія, которыя даны въ чувственности и подведены подъ категорію. Трансцендентальный идеализмъ въ томъ и заключается, что онъ, въ своей теоріи познанія, не выходитъ за предѣлы субъекта¹⁾.

Далѣе говорится о возможной обманчивости чувственныхъ воспріятій, что опять-таки абсолютно исключается трансцендентальнымъ идеализмомъ, такъ какъ обманъ чувствъ предполагаетъ познаніе дѣйствительныхъ свойствъ объекта съ представленіями которыхъ сравниваются ложныя представлениія. Очевидно, что, при первомъ столкновеніи съ вопросомъ о критеріи опыта, Кантъ вынужденъ оставить точку зрѣнія трансцендентальнаго идеализма и стать на точку зрѣнія трансцендентальнаго реализма. Что основа критерія опыта не можетъ быть иной, кромѣ дѣйствительно существующаго объекта, это выражено Кантомъ еще опредѣленіѣ и рѣзче въ „опроверженіи идеализма“. „Изъ того, что существованіе виѣшнихъ предметовъ необходимо для возможности опредѣленного сознанія настъ самихъ, еще не слѣдуетъ, что каждое сознательное представлѣніе виѣшнихъ вещей необходимо заключаетъ въ себѣ и существованіе ихъ, ибо каждое изъ нихъ можетъ быть только продуктомъ воображенія, какъ это бываетъ въ сновидѣніяхъ и въ состояніи безумія; оно скорѣе дается только черезъ репродукцію прежніхъ воспріятій, которая возможна только при дѣйствительности виѣшнихъ предметовъ“²⁾.

Итакъ, ложныя представлениія есть *репродукція дѣйствительныхъ, дѣйствительность которыхъ состоитъ въ томъ, что ихъ причина есть дѣйствіе существующаго реальнаго объекта.*

Такимъ образомъ мы видимъ, что основное положеніе трансцендентальнаго идеализма, состоящее въ абстракціи отъ матеріи опыта, падаетъ окончательно при первой попыткѣ научнаго обоснованія опыта. Но знающій критику чистаго разума неокантіанецъ можетъ напомнить намъ о масштабѣ опыта, данномъ въ слѣдующемъ правилѣ Канта: „дѣйствительно то, что соединяется съ воспріятіемъ по эмпирическимъ законамъ“³⁾. Не трудно доказать, что это правило не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, коль скоро опытъ остается на исключительно-субъективной почвѣ.

¹⁾ Вундтъ, мѣтко критикующій неокантіанізмъ въ различныхъ своихъ произведеніяхъ, такъ характеризуетъ теорію познанія трансцендентализма: „Die transzendentale Erkenntnisslehre ist nãmlich objectiver Realismus, insofern sie ein unabhãngig von der Vorstellung existirendes Ding annimmt; und sie ist subjectiver Idealismus, da sie alles Erkennen nicht auf dieses Ding, sondern lediglich auf die Vorstellungen von Objecten, als die Erscheinungswelt des Subjectes besitzt“. Wundt. „System der Philosophie“. S. 97.

²⁾ Критика чистаго разума, стр. 199.

³⁾ Критика чистаго разума, стр. 648.

Дѣло въ томъ, что подъ эмпирическими законами слѣдуетъ въ данномъ случаѣ пониматьaprіоризмъ вообще и эмпирически-реальное пространство въ частности. Въ этомъ смыслѣ основа критерія опыта сводится прежде всего къ слѣдующему: „все то, что воспринимается въ пространствѣ, дѣйствительно“. Но какъ мы уже это видѣли выше, эмпирическая реальность пространства либо совпадаетъ съ дѣйствительнымъ существованіемъ внѣшняго объекта, либо остается пустой субъективной формой, когда объектъ разсматривается какъ ограничительное понятіе. Въ первомъ случаѣ масштабъ опыта сводится къ существующему объекту, во второмъ—его не откуда взять.

Германъ Когенъ чувствуетъ, что въ этомъ пункѣ дѣло не совсѣмъ ладно. Стараясь какъ-нибудь выйти изъ этого по истинѣ затруднительного положенія, онъ указываетъ на слѣдующей критерій: „объектъ памъ данъ посредствомъ чувственности и мыслится нами посредствомъ категоріи. Если онъ данъ только въ пространствѣ, то онъ, какъ таковой, чистая иллюзія (Hirngespinst); если-же онъ только мыслится въ категоріи, то онъ — результатъ чистаго явленія; въ обоихъ случаяхъ объектъ не имѣть никакого реальнаго содержанія. Если мы поэтому въ трансцендентальной эстетикѣ спрашиваемъ, какъ получается объектъ? мы должны обратиться къ категоріи. Если мы въ трансцендентальной логикѣ спрашиваемъ какъ намъ дается объектъ, мы должны вернуться обратно къaprіористической формѣ созерцанія пространства¹). „Масштабомъ опыта берется въ такомъ случаѣ „Критика чистаго разума“. Чтобы узнать дѣйствительно или недѣйствительно данное представлениe, необходимо его анализировать согласно правиламъ трансцендентальной эстетики и трансцендентальной логики. Если обѣaprіористическія формы участвуютъ въ образованіи представления, то оно дѣйствительно. Но откуда, спрашивается, узнать намъ, въ какихъ представленияхъ участвуютъ обѣ формы a priori? Вѣдь самъ Кантъ говоритъ, что ложныя представления суть репродукція дѣйствительныхъ! Если это такъ, то ложныя представления съ формальною, т. е. субъективной стороны, ничѣмъ не отличаются отъ дѣйствительныхъ. Наконецъ, мы спросимъ вмѣстѣ съ Вундтомъ: „Woher in aller Welt sollten wir auch die Vorstellung nehmen, dass irgend ein Object der Wahrnehmung nicht wirklich sei, wie es uns doch unmittelbar erscheint, als eben darau, dass diese Ansicht in gewissen Fällen in Folge der Collision mit anderen Wahrnehmungen undurchföhrbar wird? Die Erwagung, dass alles Erkennen ein subjectiver Vorgang sei, schliesst doch wahrlich nicht aus, dass der Gegenstand des Erkennens objectiv sein könne, wie er in der That stets vorausgesetzt wird“²).

¹⁾ Kant's „Theorie der Erfahrung“. S. 248.

²⁾ Logik. S. 383, I Bd.

Точно такъ же, какъ Германъ Когенъ, разсуждаетъ объ этомъ вопросѣ Фр. А. Ланге. Начнемъ съ слѣдующаго мѣста „Исторіи матеріализма“: „Вслѣдствіе понятія причинности происходитъ то, что обезьяна,—въ этомъ, какъ кажется, организованная по человѣчески, — хватаетъ лапою позади зеркала, или оборачивается этотъ насмѣшилый снарядъ, чтобы найти причину появленія своего двойника. Вслѣдствіе понятія причинности происходитъ то, что дикарь приписываетъ громъ колесницѣ Бога или воображаетъ при солнечномъ—затменіи дракона, который хочетъ проглотить источникъ свѣта. Законъ причинности заставляетъ грудного ребенка соединять благодѣтельное появленіе матери съ своимъ крикомъ и порождать этимъ путемъ опытъ. Привилегированный же глупецъ, приписывающій все случаю, мыслить себѣ, если онъ вообще мыслить, случай, какъ демоническое существо, коварство котораго заключается въ себѣ достаточное основаніе для всѣхъ его наостей“¹⁾). Спрашивается, на какомъ основаніи можетъ критицистъ опровергнуть обезьяну, дикаря, грудного ребенка и привилегированнаго глупца, которые связываютъ явленія соответственно чисто априористическимъ законамъ, не выходя за предѣлы субъекта? Правда, что историкъ матеріализма формулируетъ значеніе закона причинности слѣдующимъ образомъ: „Понятіе причинности коренится въ нашей организаціи и оно по задатку ранѣе всякаго опыта. Оно имѣеть, поэтому, неограниченное значеніе въ области опыта и вѣроятно совершенно никакого“²⁾). Допустимъ. Но что же такое опытъ съ точки зренія Ф. А. Ланге? Вотъ что: „Явленія суть то, что обыкновенный разсудокъ называетъ вещами; философъ называетъ вещи явленіями, чтобы обозначить этимъ, что они не суть что-либо противостоящее мнѣ абсолютнѣо во вѣрѣ, но продуктъ законовъ моего ума и моей чувственности“³⁾.

Если это такъ, если во вѣрѣ нѣть ничего противостоящаго, если вещи и ихъ взаимная связь суть не что иное, какъ продуктъ законовъ ума и чувственности, то обезьяна, дикарь, грудной ребенокъ и привилегированный глупецъ поступаютъ вполнѣ согласно основнымъ принципамъ теоріи познанія критицизма, связывая явленія согласно своей собственной организаціи. Говоря о возможности неправильнаго примѣненія закона причинности, историкъ матеріализма молчаливо предполагаетъ матерію опыта данной объективно, такъ какъ иначе не можетъ быть и рѣчи о правильномъ или неправильномъ примѣненіи закона причинности къ опыту. Критерій певѣрности причинной связи оказывается, такимъ

¹⁾ „Исторія матеріализма“, стр. 54, томъ II; рус. переводъ II изданія.

²⁾ Ibid., стр. 52.

³⁾ Ibid., стр. 57.

образомъ, внѣ субъекта, что рѣшительно противорѣчить точкѣ зрењія Ф. А. Ланге.

Желая доказать, что причинность есть исключительно субъективное стремленіе связывать явленія, онъ ссылается на возможную неправильность примѣненія этого закона, какъ на доказательство его субъективнаго происхожденія, упуская при этомъ изъ виду, что неправильное примѣненіе закона причинности къ опыту предполагаетъ объективную причинную связь явленій.

Словомъ, какъ бы ни разсуждалъ субъективистъ, онъ самъ не обходится безъ объекта даже въ томъ случаѣ, когда онъ стремится обосновать субъективную точку зрењія. И это весьма понятно, такъ какъ безъ объекта не можетъ быть и рѣчи объ опыте. По этому вопросу вполнѣ вѣрно разсуждаетъ Германъ Лотце, когда говоритъ: „Wahrheit besteht nur in der Uebereinstimmung einer Vorstellung mit derjenigen Vorstellung, welche in Bezug auf dasselbe Objekt in allen Geistern von derselben Organisation entstehen muss. Wenn aber die ganze Existenz der ausseren Wirklichkeit aufgehoben wird, so fällt nur ganz der Beziehungspunkt hinweg, mit Bezug auf welchen von einer Wahrheit oder Unwahrheit die Rede sein konnte, und damit geht eigentlich der Begriff der Erkenntniss selbst, die ohne ein solches nicht denkbar ist, verloren“¹⁾). Но какъ же доказать дѣйствительность объекта, когда мы фактически имѣемъ дѣло съ субъективнымъ представлениемъ?

Наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ существованія реально-тѣлеснаго міра была бы исторія возникновенія и развитія идеализма и скептицизма. И, разумѣется, не исторія приложенія—часто принимаемаго за развитіе—готовыхъ идей и системъ, а исторія реальныхъ причинъ ихъ возникновенія. Но такая всеобъемлющая и обширная задача ждетъ соотвѣтствующаго ума. Мы же скажемъ мимоходомъ, что полная оторванность представлений отъ лежащаго въ его основѣ дѣйствія объекта произошла въ силу развитія научнаго обобщенія и накопленія абстрактныхъ понятий. Все болѣй и болѣй ростъ абстрактнаго мышленія скрылъ лежащую въ его основѣ реальность. Рефлектирующему сознанію, наконецъ, не легко, поэтому, вновь найти потерянный міръ. Несравненно легче принимать за готовое и самостоятельное находящіяся на поверхности идеи и изслѣдоватъ присущіе имъ законы, нежели отыскивать материальная причины ихъ происхожденія и роста, ибо, какъ прекрасно выразился Вундтъ: „Нѣть ничего легче, какъ быть наивнымъ отъ природы, и нѣть ничего труднѣе, какъ вновь приобрѣсти природную наивность“.

Существующая въ популярной философской литературѣ догма

¹⁾ Hermann Lotze. Grundzüge der Metaphysik. S. 95.

о невозможности логически доказать существование внешнего мира всегда имѣла и имѣть своимъ основаніемъ берклеевскій софизмъ, что противорѣчivo мыслить міръ и утверждать его существование вѣ и независимо отъ нашего мышленія. Этотъ софизмъ, хотя и косвеннымъ образомъ, не разъ опровергался вѣ философской литературѣ. Само собою понятно, что мы не можемъ вѣ этой статьѣ провести всѣ существующія мнѣнія по этому вопросу. Мы ограничимся на этотъ разъ приведеніемъ одного наиболѣе характерного мѣста изъ одной превосходной статьи Вундта, вѣ которой авторъ выступаетъ противъ современной имманентной философіи.¹⁾ Вундтъ тамъ говоритьъ: „Это мнимое противорѣчие есть только софизмъ, который отличается поразительнымъ сходствомъ съ Зеноновскими доказательствами противъ множества существующаго и другими діалектическими фокусами подобнаго рода“.

„Само собою понятно, что мысль о какой-нибудь вещи не можетъ быть независима отъ моего мышленія, и поскольку данная вещь мнѣ дана вѣ мысли, она, конечно, не существуетъ для меня, когда я ея не мыслю. Но изъ этого не слѣдуетъ никоимъ образомъ, что вещь существуетъ черезъ мое мышленіе, такъ какъ существовать для моего мышленія и существовать черезъ мое мышленіе двѣ вещи разныя. Если бы моя мысль о вещи была сама вещь, то вещь это должна была бы обладать такими признаками, которые доказывали бы зависимость ея существованія отъ моего мышленія или отъ мышленія вообще“²⁾. Внимательный и вдумчивый читатель найдетъ вѣ этихъ строкахъ полное теоретическое опроверженіе берклеевского софизма. Германъ Когенъ, понимая, что это берклеевское положеніе не выдерживаетъ серьезной критики, находитъ доказательство противъ существованія объекта вѣ кантовскомъ априоризмѣ. Объектъ, по его мнѣнію, не можетъ существовать независимо отъ насъ потому, что онъ возникаетъ вѣ синтетическомъ единстве трансцендентальной апперцепціи. Прежде всего считаемъ нужнымъ констатировать, что эта мысль находится и у Беркли, который говоритъ: „матерія и каждая ея частица, по существу своего понятія, безформенна и безконечна. Разумъ нашъ, и только разумъ, соадаетъ разнообразіе видимаго нами міра, каждое отдѣльное тѣло котораго постольку и до тѣхъ поръ существуетъ,

¹⁾ Мимоходомъ замѣтимъ, что имманентная философія, представителями которой являются Шуппе, Шубертъ-Зольдерть и Кауфманъ, есть чистѣйший солипсизмъ, ведущій, и съ полнымъ правомъ, свою родословную отъ Ф. А. Ланге.

²⁾ Ueber naiven und kritischen Realismus. S. 325—326. Wundts philos. Studien Bd. XII.

поскольку оно нами воспринимается¹⁾). Не трудно узнать въ этомъ положеніи основной принципъ кантовской трансцендентальной апперцепціи, ея роль и ея значеніе. Тѣла не существуютъ въ нась, по мнѣнію Беркли, какъ и по мнѣнію Когена, потому что безформенное и бесконечное объединяется разумомъ въ объекты.

Удивительная аргументація! Чтобы доказать несуществование виѣшняго объекта, предполагается, что единство принадлежитъ исключительно субъекту. А гдѣ же въ такомъ случаѣ безконечные и безформенные частицы матеріи? Очевидно, что или въ томъ же субъектѣ, или въ его. Если—въ субъектѣ, то единство теряетъ исключительность принадлежности субъекту и лишается, вслѣдствіе этого, силы доказательства. Безформенные и бесконечные частицы матеріи являются въ такомъ случаѣ такимъ же результатомъ разума, какъ единство, вслѣдствіе чего субъективизмъ критицистовъ, какъ идеализмъ Беркли, догматиченъ. Отсюда ясно, что на основаніи субъективнаго единства только тогда возможно доказывать несуществование виѣшняго объекта, когда беаформенная и бесконечная матерія предполагается существующей виѣ субъекта, что фактически дѣлалъ Беркли и за нимъ критическая философія, основывая на этомъ предположеніи свое отрицаніе виѣшняго объекта. Оказывается, что нѣть возможности даже отрицать существованіе матеріи, не предположивъ ее существующую. Кроме того, рѣшительно непонятно, почему Беркли и критическая философія приписываютъ разуму въ данномъ случаѣ только синтезъ, игнорируя другую его сторону, анализъ. Принимая во вниманіе другую сторону, анализъ, матеріалистъ можетъ съ точно такимъ же успѣхомъ доказывать, что намъ дано единство объекта чувствъ, но что разумъ, вслѣдствіе своего свойства анализировать, разлагаетъ данное единство до прекращенія бытія.

Послѣдній доводъ критицистовъ противъ познанія и существованія виѣшняго объекта, заключающійся въ томъ, что другая организация, отличная отъ нашей, иначе воспринимаетъ объекты, нежели мы, опять-таки нисколько не противорѣчитъ ни существованію виѣшняго объекта, ни его дѣйствію на нась, а какъ разъ наоборотъ, предполагаетъ и то, и другое. Положеніе, что другая организация воспринимала бы объекты иначе, только подтверждаетъ основное теоретико-познавательное положеніе материализма, что источникъ нашего познанія есть дѣйствіе виѣшняго міра на нась.

Какъ въ этомъ аргументѣ, такъ и во всѣхъ другихъ аргументахъ критицизма, существованіе виѣшняго объекта предполагается,

---

1) Нѣм. переводъ Ueber die Principien der menschl. Erkenntniss S. 45.

а затѣмъ на основаніи различія объекта отъ нашихъ ощущеній, дѣлается заключеніе обратно, что объектъ есть результатъ модификаціи нашихъ ощущеній и законовъ разума. Въ томъ-то и дѣло, что неокантіанцы рѣшительно не въ состояніи *критически* обосновать критицизмъ,—и имъ остается начать изъ *ничего*,—не прибѣгая къ объекту.

Поэтому, критическая философія есть догматический материальный реализмъ,—поскольку она стремится обосновать субъективизмъ,—и догматический субъективизмъ—поскольку она не обосновываетъ его.

Но какъ бы ни обстояло дѣло съ логической послѣдовательностью критицистовъ, ихъ теорія познанія все больше и больше застываетъ на догматическомъ субъективизмѣ. Это—догма, убивающая всякое стремленіе къ познанію, потому что, съ точки зреянія субъективизма, прогрессъ познанія рѣшительно невозможенъ.

Съ точки зреянія субъективизма критерій опыта долженъ свестись и фактически сводится критицистами къ согласію воспринимающихъ и воспріятій. Критерій, который по глубокому и мѣткому сравненію Вундта, подобенъ закону старого права, по которому одинъ свидѣтель можетъ лгать, а два непремѣнно должны говорить правду.

Согласованіе между воспринимающими и воспріятіями есть одно изъ вспомогательныхъ условій опыта, но не основа его. Въ дѣйствительности наука, вопреки всѣмъ метафизическимъ теоріямъ познанія и схоластическимъ фокусамъ, стояла и стоитъ на той твердой почвѣ, что *дѣйствительно объективны только тѣ наши представленія, источники которыхъ находятся въ субъекта*.

Критицизмъ, уничтожая этотъ базисъ, уничтожаетъ научность опыта въ самомъ корнѣ.

Основные принципы познанія должны, въ такомъ случаѣ, свестись къ догматическому скептицизму, а опытъ—къ вульгарной практикѣ, во что фактически и вырождается теорія познанія критической философіи.

Л. Аксельродъ.

Значеніе микробіології въ промышленности.

Небезъинтереснымъ и весьма важнымъ фактъмъ въ области химической техники послѣдняго времени, при томъ не только одного какого-нибудь производства, а многихъ, является введеніе въ циклъ основныхъ работающихъ причинъ безконечно малыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма дѣятельныхъ микроорганизмовъ.

Заслуга изслѣдованія этого нового дѣятеля принадлежитъ, какъ извѣстно, Пастеру. Микробіологія есть въ сущности зоологии, ботаника и физиологии почти безконечно малыхъ, невидимыхъ простымъ глазомъ животныхъ и растительныхъ организмовъ. Изученіе отношенія нѣкоторыхъ изъ этихъ существъ къ природѣ вообще и къ животному миру въ особенности, и составляеть сущность классическихъ изслѣдованій Пастера, который доказалъ, что эти невидимыя простымъ глазомъ существа, всюду проникающія, носящіяся въ видѣ зародышей въ воздухѣ и обыкновенно въ большихъ количествахъ заключающіяся въ водѣ и почвѣ, оказываютъ существенное вліяніе па всю органическую природу. Въ настоящее время эта новая отрасль знанія трудами многихъ сотенъ ученыхъ болѣе или менѣе изучена и, при помощи такъ называемыхъ чистыхъ культуръ, выдѣленъ цѣлый рядъ отдельныхъ микроорганизмовъ, изучены условія ихъ существованія, взаимныя отношенія и т. п.

Эти малыя существа интересуютъ человѣчество съ очень различныхъ точекъ зрѣнія. Патогенные или болѣзнетворные микроорганизмы составляютъ предметъ медицинской бактеріологіи; наряду съ патогенными существуетъ цѣлый рядъ другихъ, оказывающихся полезными человѣчеству въ томъ или другомъ отношеніи.

Разложеніе сложныхъ органическихъ веществъ, какъ въ природѣ, такъ и въ лабораторіи, обусловливается не только дѣйствіемъ различныхъ физическихъ причинъ, напримѣръ: теплоты, свѣта, электричества и т. п., но также и различнаго рода реагентовъ, даже воды (гидролизъ), другихъ сложныхъ органическихъ, но не организованныхъ ферментовъ, такъ называемыхъ „энзимовъ“ и наконецъ организованныхъ ферментовъ или тѣхъ самыхъ микроскопическихъ существъ, изученіе которыхъ и составляетъ предметъ микробіологіи. Изъ этихъ организованныхъ ферментовъ

одни могут существовать только въ присутствіи воздуха (аэробные микроорганизмы), другіе-же для своего существованія не требуютъ воздуха (такъ называемые анаэробные микроорганизмы). Всѣ эти ферменты относятся въ настоящее время къ тремъ группамъ: плѣссеней, дрожжей или сахаромицетовъ и бактерій или шизомицетовъ.

Нѣкоторые изъ этихъ организмовъ .издавна уже служатъ человѣчеству; таковы, напримѣръ, пивныя дрожжи. Подтверждѣніемъ сказанному можетъ служить тотъ фактъ, что хотя обыкновенные пивныя дрожжи и чрезвычайно распространены, но всегда находятся только въ человѣческомъ общежитіи; въ дикомъ состояніи они до сихъ порь съ достовѣрностью не найдены, хотя другихъ видовъ дрожжи, кромѣ пивныхъ, находятся и въ дикомъ состояніи на поверхности плодовъ, корней растеній, въ растительныхъ слизистыхъ сокахъ и т. п.

Сахаромицеты представляютъ микроскопической грибокъ съ совершенно своеобразною организаціею и характернымъ ходомъ развитія; они обладаютъ рѣзко выраженною способностью вызывать такъ называемое спиртовое броженіе, т. е. превращать сахаръ въ углекислоту и спиртъ.

Именно въ виду этой способности дрожжи имѣли и имѣютъ огромное практическое значеніе при производствѣ различныхъ спиртуозныхъ жидкостей, приготовляемыхъ броженіемъ: вина, водки, пива и т. п. Изученіе жизнедѣятельности дрожжей составляетъ заслугу датскаго ученаго Ганзена, который выработалъ методъ выдѣленія отдѣльныхъ разновидностей при помощи такъ называемой „чистой культуры“ или разводки ихъ въ подходящихъ температурныхъ условіяхъ и въ соответствующей питательной средѣ. Имъ былъ выдѣленъ цѣлый рядъ видовъ *Sacharomyces cerevisiae* I, S. *Pastorianus* I, S. P. II, S. P. III, S. *ellipsoideus* и др.

Всѣ извѣстныя нынѣ разновидности пивныхъ дрожжей относятся къ двумъ расамъ: обусловливающимъ или такъ называемое „верховое“, или же такъ называемое „низовое“ броженіе. Ганзенъ вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ, что различного рода болѣзни пива, или уклоненія отъ нормального хода производства и нормального состава, обусловливаются чаще всего примѣсью къ пивнымъ дрожжамъ дикихъ дрожжей или даже другихъ микроорганизмовъ. Поэтому, во избѣженіе этихъ неправильностей, существенно важно употреблять дрожжи чистой культуры и старательно избѣгать зараженія пивного сусла со стороны. Такимъ образомъ въ настоящее время строго установлено, что для полученія постоянно пива определенныхъ свойствъ, существенно важно, помимо соответствующаго химического состава веществъ, идущихъ для приготовленія затора, употреблять еще и совершенно опредѣленный сортъ дрож-

жей чистой культуры. Этотъ же самый пріемъ работы примѣняется теперь какъ въ винокуренномъ производствѣ, такъ и въ винодѣліи. Прежде, еще сравнительно недавно, при винокуреніи пользовались обыкновенными пивными дрожжами, а въ настоящее время большую частью употребляютъ дрожжи собственнаго производства, для чего на заводахъ приготавляется специальный дрожжевої заторъ, который служитъ питательной средой для задаваемыхъ ему дрожжей чистой культуры.

При приготовленіи вина изъ винограда въ сущности нѣть надобности употреблять дрожжи, такъ какъ зародыши дрожжевыхъ клѣтокъ находятся на самомъ виноградѣ и при надавливаніи сока переходятъ въ сусло. Такой пріемъ работы, однако, въ широкихъ размѣрахъ практиковавшійся въ прежнее время, въ настоящее время примѣняется все рѣже и рѣже; какъ показываетъ винодѣльная практика, для полученія вина опредѣленнаго качества или букета существенно важно, помимо употребленія опредѣленнаго сорта винограда, еще и соотвѣтствующія дрожжи. Есть указанія, что употребляя дрожжи опредѣленнаго сорта и изъ винограда, считавшагося непригоднымъ, или мало пригоднымъ для выдѣлки вина опредѣленнаго вкуса и букета, удается приготовить вино близкое къ нему по свойствамъ.

Изъ консульскихъ донесеній видно, что въ Неаполѣ приготавляется виноградное вино изъ ячменя вмѣсто винограда, при чемъ сбраживание ячменного сусла производится винными дрожжами: хересными, малаговыми и т. п. Въ Германіи тоже имѣются заводы для выдѣлки винограднаго вина изъ солода. Въ суслѣ, приготовленномъ изъ ячменя или солода, винные дрожжи даютъ вино съ специальнымъ букетомъ того вина, изъ котораго эти дрожжи получены ¹⁾.

Въ огромныхъ количествахъ расходуются дрожжи и въ хлѣбопеченіи; представляется общезвѣтнымъ тотъ фактъ, что изъ одного и того же тѣста съ двумя различными сортами дрожжей получается хлѣбъ неодинакового качества. Потребность хлѣбопеченія въ дрожжахъ удовлетворяется продуктами нѣсколькихъ заводовъ, приготавлиющихъ такъ называемыя „прессованныя

¹⁾ Небезынтересно также, что съ развитиемъ бактериологии, старымъ зараженнымъ дрожжамъ, имѣющимъ свою исторію, и при томъ исторію, теряющуюся во мракѣ временъ, въ послѣднее время явился новый конкурентъ во образѣ мукориновой плѣсени или грибка *Amylomyces Rouxii*, обладающаго способностью производить не только разложеніе сахара на спиртъ и углекислоту, но также и весьма энергично осахаривать крахмаль, что, конечно, представляетъ значительныя преимущества по сравненію съ дрожжами, такъ какъ ускоряетъ и облегчаетъ работу и дѣлаетъ излишнимъ употребление солода. Такое же дѣйствіе оказываетъ и другой грибокъ *Aspergillus ogurae*, употребляемый въ Японіи вмѣсто дрожжей для приготовленія спиртуозныхъ жидкостей.

дрожжи“, которые и въ самомъ дѣлѣ получаются прессованіемъ отбродившаго дрожжевого затора.

Оставляя вино, пиво, или какую нибудь другую спиртуозную жидкость, содержащую небольшое количество азотистыхъ веществъ въ открытомъ сосудѣ на воздухѣ, она быстро окисляется вслѣдствіе превращенія винного спирта въ уксусную кислоту. Окисленіе вызывается жизнедѣятельностью микроорганизма, относящагося къ плѣсениямъ *Mycoderma acetii*, зародыши которого носятся въ воздухѣ. Наиболѣе благопріятная температура для развитія этого процесса не превышаетъ 30° и существенно важно, какъ и при всякомъ броженіи, чтобы жидкость содержала подходящую питательную среду, т. е. кроме белковыхъ веществъ, также и соответствующія количества различныхъ минеральныхъ солей. Въ настоящее время, впрочемъ, производство уксуса броженіемъ ведется еще безъ достаточнаго вниманія къ основнымъ принципамъ ферментациіи при помощи чистыхъ культуръ, примѣняемыхъ, какъ уже выше было сказано, въ широкихъ размѣрахъ въ пивовареніи и винокуреніи и недостаточно еще освѣщена необходимость вести работу съ организмомъ опредѣленнаго только вида.

Наряду съ уксуснымъ производствомъ, существующимъ уже давно, въ послѣдніе годы развивается совершенно новая отрасль химической технологіи, основанная на броженіи, а именно, производство органическихъ кислотъ: молочной и лимонной. Первая молочная кислота, находитъ примѣненіе въ красильной техникѣ главнымъ образомъ при окрашиваніи шерсти, вторая въ очень значительныхъ количествахъ расходуется въ общежитіи, кондитерскомъ дѣлѣ и медицинѣ и до самаго послѣдняго времени готовилась исключительно изъ лимоновъ, вслѣдствіе чего стоила сравнительно очень дорого: до 40—50 рублей за пудъ.

Производство молочной кислоты изъ патоки есть результатъ жизнедѣятельности микроорганизма *Bacillus acidi lactici* или той же самой молочной бактеріи, которая обусловливаетъ и скисаніе молока. Къ раствору патоки прибавляется подходящій азотистый и минеральный питательный материалъ и въ качествѣ бродильнаго начала, закваска изъ кислого молока. Броженіе длится 3—5 дней и въ результатѣ получается жидкость, содержащая молочную кислоту почти въ двойномъ количествѣ противъ первоначально содержащагося въ растворѣ сахара, такъ какъ изъ одной частицы глюкозы получаются двѣ частицы молочной кислоты.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Вемерь показалъ, что грибокъ *Citromyces* обусловливаетъ разложеніе патоки въ подходящихъ условіяхъ съ образованіемъ лимонной кислоты. Въ настоящее время для той же цѣли примѣняется другое микроскопическое существо *Mucor piriformis*. Этотъ грибокъ находится на гніющихъ пло-

дахъ. Чистая культура грибка приготовляется высеваниемъ споръ въ подходящую питательную среду при подходящей температурѣ, не выше 14°—20° С.

Приготовление лимонной кислоты изъ глюкозы указаннымъ путемъ производится уже въ довольно значительныхъ размѣрахъ, такъ какъ до 60% дешевой глюкозы (патоки) можетъ быть превращено въ сравнительно дорогую лимонную кислоту.

Небезынтересно, что даже такое рутинное производство, какъ кожевенное, начинаетъ пользоваться услугами микробиологии. Въ этомъ производствѣ весьма важное значение имѣть „золка“, операция, состоящая въ такой подготовкѣ сырой кожи, что воловьиной покровъ послѣ этой операции удаляется очень легко при помощи простого деревянного ножа; обстоятельство это имѣть очень большое значение, такъ какъ при такого рода легкомъ отдѣлении волоса, безусловно, избѣгается порча лицевой стороны кожи или порѣзъ ея. Кромѣ извести, русмы, старыхъ дубильныхъ соковъ давно уже, въ особенности при переработкѣ подошвенныхъ кожъ, примѣняется золка „припариваніемъ“, состоящая въ томъ, что кожи развѣшиваются въ специальныхъ „потныхъ камерахъ“ или „швицъ-камерахъ“, въ которыхъ поддерживаются определенная степень влажности и определенная температура. При этомъ припариваніи сравнительно скоро съ мясной стороны или такъ называемой „бахтармы“ начинается поверхностное загниваніе, въ результате которого выдѣляется аммиакъ, обуславливающій разрыхленіе луковичекъ волосъ. Это припаривание даетъ высокий сортъ подошвенного товара, но не всегда удается, такъ какъ иногда гнилостный процессъ протекаетъ ненормально быстро и вся толща кожи портится. По изслѣдованіямъ Виллона и Шмитцъ-Дюмона озоленіе припариваніемъ обуславливается жизнедѣятельностью особаго микробы *Streptococcus*. Для успешнаго веденія указанного приема золки Шмитцъ-Дюмонъ рекомендуетъ сперва стерилизовать кожу сѣрнистымъ углеродомъ и уже на такимъ образомъ обеззараженную кожу наносить чистую культуру указанной выше бактеріи, такъ какъ неправильности въ работе, по его изслѣдованіямъ, обуславливаются именно жизнедѣятельностью другихъ, кромѣ указанной, бактерій. Какъ показываютъ другія изслѣдованія, огромное значение имѣть бактеріальная жизнь и при самомъ дубленіи кожи, такъ какъ въ дубильныхъ чанахъ, въ которыхъ кожи остаются лежать въ теченіе несколькиихъ мѣсяцевъ, нерѣдко протекаютъ различного рода бактеріальные процессы, обуславливающіе разложеніе какъ дубла, такъ и самой кожи.

Въ kleevаренномъ производствѣ хлопотливой, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень важной операцией является сушка остуженного и нарѣзанного на куски клея. Сырой клей высыхаетъ очень трудно.

Сушка идетъ сравнительно хорошо только на свѣжемъ воздухѣ и при томъ тогда, когда и не очень жарко, и не очень холодно, т. е. весною и осенью. Лѣтомъ же клей подъ вліяніемъ жара не рѣдко расплывается и не успѣваетъ подсохнуть. Понятно, что на большихъ kleеваренныхъ заводахъ давно уже перешли къ искусственной сушкѣ въ специальныхъ сушилкахъ съ очень большимъ притокомъ воздуха. При этомъ, однако, носящіеся въ воздухѣ зародыши различныхъ микроорганизмовъ, встрѣчая въ kleевомъ студнѣ подходящую питательную среду, сравнительно быстро развиваются и на поверхности не вполнѣ высохшаго клея развивается бактеріальная жизнь, при чёмъ въ очень значительной степени ухудшаются качества клея.

На нѣкоторыхъ заводахъ это теперь пытаются устраниить тѣмъ, что входящій въ сушильную камеру воздухъ процѣживается черезъ вату, которая и задерживаетъ носящіеся въ воздухѣ зародыши.

Микробіологія имѣетъ значеніе и въ красильной техникѣ именно въ кубовомъ крашенії, а также и при приготовленіи нѣкоторыхъ пигментовъ, напримѣръ, орсейля. Въ составъ горячихъ ферментационныхъ кубовъ, употребляемыхъ для окрашиванія шерстяныхъ тканей индиго, входитъ: краппъ, вайда, отруби, щелочь, известь, сода или поташъ и индиго. Броженіе въ такихъ кубахъ обусловливается жизнедѣятельностью микробы *Bacillus subtilis*, споры котораго находятся въ заложенныхъ материалахъ и въ самомъ помѣщеніи красильни. Нерѣдко, однако, случается, что ферментационный процессъ идетъ неправильно, образуется то, что на языкѣ красильщиковъ носить название „болѣзней“ куба. Прежде эти уклоненія въ работѣ были совершенно необъяснимы, такъ какъ случалось, что при тѣхъ же самыхъ материалахъ и щепетильномъ соблюдении тѣхъ же самыхъ условій работы заправленный кубъ тѣмъ не менѣе не красилъ, т. е. въ немъ не происходило возстановленіе синяго индиго въ растворимое въ водѣ бѣлое индиго, или же наоборотъ возстановленіешло дальше, чѣмъ это нужно для дѣла. Съ развитиемъ микробіологіи стало очевиднымъ, что эти уклоненія въ работѣ кубовъ зависятъ, главнымъ образомъ, если не исключительно, отъ введенія въ подходящую питательную среду другихъ микроорганизмовъ, измѣняющихъ теченіе реакцій въ нежелательномъ направлениі.

Не менѣе значеніе начинаетъ пріобрѣтать микробіологія въ молочномъ хозяйствѣ, главнымъ образомъ при приготовленіи коровьяго масла и сыровъ.

Извѣстно, что при приготовленіи масла въ большихъ количествахъ его приготавляютъ не изъ сливокъ, а изъ сметаны, представляющей въ сущности закисшія сливки. Закисаніе молока и

сливокъ обусловливается жизнедѣятельностью молочныхъ бактерій. Конъ опредѣлилъ, что въ 1 к. с. свѣжихъ сливокъ содержится 4.060,000 бактерій, а въ 1 к. с. тѣхъ же сливокъ, но уже скисшихся черезъ 48 часовъ въ сметану 346.040,000. Кроме молочныхъ бактерій, находящихся въ молокѣ, въ него попадаютъ бактеріи и изъ воздуха, въ особенности при храненіи молока въ недостаточно чистой посудѣ и въ помѣщеніи съ плохимъ воздухомъ; при этомъ молоко инфицируется, ферментационный процессъ „при его храненіи“ идетъ въ другомъ направленіи и получается сметана не нормального вкуса, дающая и масло плохого качества. Отсюда видно, какъ важно въ молочномъ хозяйствѣ для полученія масла всегда хорошаго качества (вкуса, цвѣта и стойкости), чтобы ферментационный процессъ протекалъ нормально и неудивительно, что въ Даніи, Голландіи и Германіи уже пришли къ необходимости не давать закисать перерабатываемымъ молочнымъ продуктамъ самопроизвольно, а только по прибавкѣ определенной закваски или чистой культуры молочныхъ бактерій приготовляемой на такъ называемыхъ молочныхъ опытныхъ станціяхъ. На большихъ маслодѣльныхъ заводахъ нерѣдко все доставляемое на заводъ молоко сперва стерилизуется, а затѣмъ къ нему прибавляется закваска съ указанныхъ станцій совершенно определенного состава. Сыроваренное производство сравнительно еще мало изучено, но несомнѣнно, что оно цѣликомъ основывается на микробиологическихъ данныхъ и что существенное различіе въ составѣ различныхъ сыровъ обусловливается главнымъ образомъ жизнедѣятельностью различныхъ бактерій.

Наконецъ и въ земледѣльческой промышленности микробиология начинаетъ оказывать вліяніе. Извѣстно, что бобовые растенія: вика, горохъ и т. п. обладаютъ способностью поглощать азотъ, необходимый для ихъ питанія изъ воздуха. Эта способность находится въ зависимости отъ жизнедѣятельности бактерій, гнѣздящихся въ наростахъ и бугоркахъ на корняхъ этихъ растеній. Если эти нарости и слѣдовательно бактеріи будутъ удалены, то растеніе погибаетъ, или можетъ расти только въ томъ случаѣ, если будетъ получать азотъ въ видѣ удобренія, такъ какъ азота воздуха оно поглощать уже не можетъ.

Такимъ образомъ присутствіе бактерій имѣеть огромное значеніе для культуры многихъ растеній. Д-ра Ноббе и Гильтнеръ приготовили чистую культуру указанныхъ бактерій въ соответствующей, благопріятной для ихъ развитія средѣ, и эта чистая культура ими названа „нитрагиномъ“. Въ настоящее время нитрагинъ готовится уже въ сравнительно большихъ количествахъ на одномъ изъ химическихъ заводовъ въ Германіи. Нитрагинъ или прибавляется передъ посѣвомъ къ сѣменамъ, или, что лучше,

предварительно смѣшиваются съ землей, и эта земля равномѣрно распредѣляется по пашнѣ. Для различныхъ растеній имѣются различные культуры или различные сорта нитрагина. Пробы, произведенныя съ нитрагиномъ, показали, что онъ дѣйствительно представляетъ весьма энергично дѣйствующее вещество въ смыслѣ обогащенія почвы азотомъ. При употреблениіи нитрагина, подъ культуру указанныхъ растеній могутъ быть заняты такія земли, которыя безъ нитрагина для этой цѣли оказываются мало или даже совершенно непригодными. Другимъ большимъ химическими заводомъ въ Германіи въ прошломъ году былъ выпущенъ въ продажу аналогичный продуктъ, чистая культура грибка „алинитъ“, способствующая росту злаковъ. Для посѣва зерна на одной десятинѣ достаточно всего двухъ граммовъ алинита. Есть вмѣстѣ съ тѣмъ указанія, что алинитъ значительно увеличиваетъ урожай.

Что тоже представляетъ не маловажный общественный интересъ,—это примѣненіе микробиологии къ рѣшенію одной изъ наиболѣе трудныхъ задачъ общественной гигіиены, именно примѣненіе ея къ очисткѣ городскихъ и заводскихъ сточныхъ водъ. Какъ известно, наилучшій методъ, спускъ этихъ водъ на поля орошенія не вездѣ примѣнимъ, вслѣдствіе отсутствія подходящей почвы, климатическихъ условій и т. п. На всемъ земномъ шарѣ найдется сравнительно очень мало населенныхъ пунктовъ, где бы этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ вполнѣ удачно. Въ прошлогоднемъ годовомъ митингѣ „Общества химической промышленности“ въ Ноттингемѣ, въ Англіи, предсѣдатель его профессоръ Классъ, въ сказанной имъ привѣтственной рѣчи указалъ, какъ на очень крупный фактъ въ ходѣ развитія санитарной техники, на опыты, производившіеся въ Лондонѣ, надъ очисткой сточныхъ водъ фильтраціей ихъ черезъ коксъ, предварительно инфицированный бактеріями, обусловливающими быстрое разложеніе органическихъ веществъ. Опыты пока производились въ небольшихъ размѣрахъ, но съ несомнѣнностью показали, что двойная фильтрація сточной лондонской воды черезъ два небольшихъ фильтра съ бактеріальнымъ коксомъ дала очень благопріятные результаты. Какъ констатируетъ комиссія, производившая эти опыты, при такого рода процѣживаніи сточная вода очищается на 95%.

Теперь лондонскій муниципалитетъ производить подобные же опыты въ значительно большихъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ изъ нѣдръ недавно еще почти неизвѣстнаго, таинственного и трудно доступнаго человѣческому разуму мира безконечно малыхъ, нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ уже поступили на службу человѣка и становятся, если уже только не стали въ полномъ смыслѣ этого слова, домашними животными.

Проф. **Лидинъ.**

Ученіе о бактеріяхъ, какъ причинѣ болѣзней.

(Продолженіе).

VIII.

Оспа. Причиною оспы служать также микрококки, а именно—оспенные. Ихъ также предлагаетъ намъ Клебсъ. Прививку оспы онъ не производить, такъ какъ всякому извѣстно, что осенняя матерія производить осенныя пустулы. Доказательство же причинной зависимости оспы отъ микрококковъ бактеріологи видятъ въ томъ, что послѣдніе находятся не только въ осеннихъ пустулахъ, уже созрѣвшихъ, но и въ то время, когда лимфа въ нихъ еще прозрачна; а также въ томъ, что вскрытие умершихъ отъ оспы показываетъ присутствіе микрококковъ въ различныхъ внутреннихъ органахъ. Я выше упомянулъ, что въ каждой, и не осенней пустулѣ, находятся микрококки; что-же касается нахожденія ихъ въ лимфатическихъ сосудахъ и нѣкоторыхъ внутреннихъ органахъ, то было-бы противно физіологическимъ законамъ, если-бы они тамъ не находились. Разъ происходитъ всасываніе гноя, то бактеріи, находящіяся въ немъ, должны также вступить вмѣстѣ съ гноемъ въ лимфатические сосуды, въ силу законовъ физическихъ; изъ лимфатическихъ сосудовъ они должны перейти въ кровь, отсюда въ почки и т. д.

IX.

Коклюшъ. Въ открытіи паразитовъ при этой болѣзни Клебсъ не принимаетъ участія и на сцену выступаютъ уже и другія бактеріи,—не микрококки (гдѣ нѣть Клебса, тамъ нѣть микрококковъ!). Въ этой болѣзни у бактеріологовъ господствуетъ полная анархія. Первый, если не ошибаемся, специфической грибокъ при этой болѣзни заявленъ Letzerich'омъ. Грибокъ этотъ, по описанію Letzerich'a, состоитъ изъ кругловато-эллиптическихъ споръ, изъ которыхъ развиваются нити *thallus'a* (слоевища). „Они похожи,—говоритъ Letzerich“, на открытые мною при дифтеритѣ грибки, только меньшей величины и не круглой, а овальной формы“. Послѣ Letzerich'a начинается искать и, конечно, находить не Letzerich'овскаго, а своего

собственного паразита, Poulet. Этот послѣдній заявляетъ, что коклюшный паразитъ вовсе не такой большой, какъ его описываетъ Letzerich, а напротивъ того, самый маленький; сверхъ того, Poulet различаетъ въ немъ двѣ разновидности и, тѣмъ не менѣе, ни одна изъ нихъ не похожа на Letzerich'овскаго паразита. Но послѣднее слово не осталось и за Poulet. Jansen¹ также захотѣлъ испробовать счастья найти своего паразита, и, дѣйствительно, нашелъ въ ней образованія, непохожія ни на грибки Letzerich'a, ни на обѣ разновидности грибковъ Poulet. Наконецъ, Henke нашелъ также новаго паразита: круглые клѣтки, снабженныя множествомъ маленькихъ тѣлцѣвъ, находящихся въ постоянномъ движеніи. Послѣднее слово, однако, не осталось и за Henke. Д-ръ Ю. Раттеръ въ Берлинѣ (въ 1891 г.) нашелъ свои микробы для коклюша, оказавшіяся мельчайшими организмами изъ породы двойныхъ кокковъ (*diplococcus*). Опыты прививки остались безъ результатовъ.

X.

Дизентерія. При этой болѣзни одинъ изъ бактериологовъ употребилъ совершенно оригинальный способъ для доказательства зависимости этой болѣзни отъ бактерій, именно производилъ сначала искусственно самую болѣзнь, при помощи ѳдкихъ химическихъ веществъ, а потомъ уже вводилъ въ организмъ бактеріи. Наблюдая вслѣдъ затѣмъ странствованіе ихъ по различнымъ органамъ животнаго тѣла, онъ вывелъ отсюда заключеніе, что болѣзнь несомнѣнно производится бактеріями, и что для этого требуется еще известное предрасположеніе заболѣвающаго органа¹).

Такъ какъ ѳдкими веществами вызывается не предрасположеніе къ этой болѣзни, а самая болѣзнь, мы должны сказать, какой патологической процессъ представляеть собою дизентерія.

Дизентерія въ патолого-анатомическомъ отношеніи процессъ тождественный съ дифтеритомъ, т. е.—есть воспаленіе слизистой оболочки кишкѣ съ фибринознымъ выпотомъ въ ткань кишкѣ и на ея поверхность.

Всякое воспаленіе, какъ известно и не врачу, мы можемъ произвести искусственно, съ помощью какого-нибудь раздраженія: раскаленнымъ желѣзомъ, кипяткомъ, сѣрою кислотою, ѳдкими щелочами и проч. При менѣе сильномъ раздраженіи является воспаленіе менѣе интенсивное, при болѣе сильномъ, если мы будемъ впрыскивать ѳдкія вещества въ ткани слизистой оболочки или какого-нибудь паренхиматознаго органа — является воспаленіе съ фибринознымъ выпотомъ. Я производилъ у кроликовъ, посредствомъ впрыскиванія въ почки ѳдкаго амміака, искусственное

¹⁾ Раевскій „Centralblatt“, № 41. 1875.

воспаленіе почекъ, сопровождавшееся выпотомъ фибринъ въ эпителіальныя клѣточки¹⁾). Ссылаясь въ этомъ также на работу бактеріолога Oertel'я²⁾), который производилъ у кроликовъ растворомъ Ѣдкаго амміака дифтеритъ аѣва и гортани и нашелъ, что произведенныя искусственно-дифтеритическая оболочки какъ въ микроскопическомъ, такъ и въ химическомъ отношеніи ничѣмъ не отличаются отъ таковыхъ³⁾ при дифтеритѣ.

Послѣ всего сказаннаго обратимся къ опытамъ.

Раевскій впрыскивалъ въ кровь жидкости, содержащія микрококки, взятыя у больныхъ дізентерію, но обманулся въ своихъ ожиданіяхъ: результатъ вышелъ вполнѣ отрицательный, — не получилось ни малѣйшаго воспаленія въ кишкахъ. Тогда онъ рѣшился взять въ помощь бактеріямъ Ѣдкій амміакъ, которымъ дѣлалъ впрыскиваніе въ кишечный каналъ, а жидкость, содержащую бактеріи, въ кровь животнаго.

Ѣдкимъ амміакомъ онъ, конечно, произвелъ воспаленіе слизистой оболочки кишечкъ, послѣ чего на воспаленномъ мѣстѣ можно было констатировать микрококки.

Если даже въ интересахъ экспериментатора предположить, что на мѣстѣ произведенаго воспаленія оказались тѣ самые микрококки, которые были введены имъ въ кровь животнаго, слѣдуетъ ли изъ этого, что они произвели воспаленіе? Вѣдь кровеносные сосуды должны были разносить ихъ по всему организму. Самъ авторъ говоритъ, что микрококки находились не только въ больной, но и въ здоровой ткани. Нельзя также отрицать и того, что тѣ бактеріи, которыми было сдѣлано впрыскиваніе, могли очутиться въ другихъ мѣстахъ и не дойти до мѣста пораженія, на этомъ-же послѣднемъ могли явиться новыя бактеріи.

Мы сказали уже въ предисловіи, что споры бактерій постоянно находятся въ живомъ организмѣ и начинаютъ развиваться въ немъ, если являются къ тому благопріятныя условія. Въ доказательство развитія бактерій на мѣстѣ произведенаго искусственно воспаленія, ссылаясь наприведенную выше статью Oertel'я³⁾), который говоритъ въ ней, что, производя искусственно посредствомъ Ѣдкаго амміака дифтеритическое воспаленіе, онъ находилъ на пораженномъ мѣстѣ присутствіе бактерій, именно микрококковъ, какъ на эпителіѣ, такъ и въ самой протоплазмѣ эпителіальныхъ клѣточекъ.

Мы привели опыты Р. для того, чтобы наглядно показать, къ какимъ ватяжкамъ должны были прибѣгать бактеріологи, чтобы

¹⁾ Ueber die entzündlichen Veränderungen des Epithels der Harnkanälchen. Med. Jahrb. II Heft. 1872. fig. II.

²⁾ „Deutsches Archiv f. klin. Med. B. VIII Heft. 3

³⁾ I. c.

поставить какую-нибудь болезнь, въ этіологическую зависимость оть бактерій. Вскорѣ послѣ этихъ опытовъ съ микрококками, вниманіе бактеріологовъ было обращено на другое патогенное начало (не на бактерію)—на вибрѣточного паразита—амебу;—въ первый разъ на него указываетъ Лешъ (1875 г.). Затѣмъ нахожденіе амебъ при дизентеріи констатируется Кохомъ. Послѣдній находилъ ихъ въ разрѣзахъ, кишечныхъ язвъ при дизентеріи въ Египтѣ и Индіи. Въ силу этого амебы объявляются бактеріологами за причину дизентеріи. Роль амебъ при этой болѣзни главнымъ образомъ защищалъ Kartulis, нашедшій ихъ въ испражненіяхъ дизентериковъ и описавшій подъ именемъ гигантскихъ. Зависимость оть нихъ дизентеріи К. видѣть въ томъ, что имъ изслѣдовано было около 500 дизентериковъ съ положительнымъ результатомъ; между тѣмъ какъ при другихъ пораженіяхъ кишечнаго канала, онъ ихъ не находилъ. Kartulis заявляетъ, что получилъ чистую культуру амебъ въ настоѣ соломы при доступѣ воздуха и вызвалъ у кошки дизентерію путемъ прививки культуры и временнаго закрытия заднаго прохода.

Роль амебъ, какъ причины дизентеріи, окончилась въ концѣ прошлаго десятилѣтія. Противъ патогенетического значенія амебъ при этой болѣзни были сдѣланы слѣдующія возраженія: 1) отсутствіе амебъ у многихъ дизентериковъ, 2) нахожденіе ихъ при холерѣ, брюшномъ тифѣ, и даже при простомъ катаррѣ кишечъ, 3) нахожденіе амебъ у здоровыхъ, именно въ жидкихъ испражненіяхъ при употребленіи карльсбадской соли. Кохъ также въ 1887 г. не признаетъ ихъ уже за причину болѣзни, вслѣдствіе того, что, аналогичныя съ кишечными амебы, въ одномъ случаѣ абсцесса въ печени, онъ нашелъ въ капиллярныхъ сосудахъ этого органа. Въ силу всѣхъ этихъ данныхъ Schuberg справедливо замѣчаѣтъ, что обилие амебъ при дизентеріи, есть слѣдствіе ея, а не причина, и что если впрыскиваніе, взятыхъ изъ дизентерическихъ испражненій, амебъ могло иногда вызвать дизентерію, то послѣдняя могла также явиться слѣдствіемъ производимаго при этомъ впрыскиваніи запиванія прямой кишки.

Поиски бактерій при этой болѣзни привели къ слѣдующему: Chantemesse и Widal указываютъ при дизентеріи на особыя палочки, которыя они не находили у здоровыхъ и считаютъ это обстоятельство совершенно достаточнымъ для того, чтобы принять палочки эти за причину дизентеріи. Zancarol-же того мнѣнія, что болѣзнь эту производятъ круглые бактеріи, именно Streptococci. Конечно заявленія эти не убѣждаютъ и бактеріологовъ въ патогенетическомъ значеніи этихъ бактерій. Bertrand и Boucher высказываютъ даже очень свободную мысль, что дизентерія умѣренныхъ странъ вызывается вообще, микробами, населяющими кишеч-

ный каналъ, которые становятся патогенными, вслѣдствіе усиленія своей вирулентности, или вслѣдствіе *предварительного измѣненія слизистой оболочки кишечнаго канала*.

Мы не можемъ не указать на то, что сопоставленіе моментъ, слѣдствіемъ которыхъ является дизентерія, едва-ли дасть возможность объяснить появленіе ея вхожденіемъ какой-нибудь бактеріи въ кишечный каналъ. Несомнѣнную роль играютъ въ этиологии этой болѣзни, какъ причины теллурико-атмосферической, такъ и всѣ тѣ условія, которыя ведутъ къ раздраженію кишечнаго канала; извѣстны также моменты, усиливающіе распространеніе этой болѣзни: нищета, неурожай, войны и т. д. Во всякомъ случаѣ, для того, чтобы признать дизентерію за болѣзнь паразитическую, слѣдуетъ паразита предварительно отыскать.

XI.

Возратная горячка. Мы не можемъ не заявить напередъ, что при этой болѣзни изслѣдованія бактеріологовъ отличаются вполнѣ рациональнымъ характеромъ, а именно они занимаются почти исключительно опредѣленіемъ свойствъ бактерій, открытыхъ въ крови больныхъ при этой болѣзни. Обращено вниманіе на то, въ какомъ періодѣ болѣзни бактеріи появляются въ крови, когда послѣдняя въ особенности бываетъ богата ими, при какомъ поворотѣ болѣзни количество ихъ начинаетъ уменьшаться и когда они совершенно исчезаютъ. Нѣкоторые экспериментаторы занимаются опредѣленіемъ условій, при которыхъ бактеріи, взятые изъ крови больныхъ, могутъ существовать въ организме, какое вліяніе оказывается на нихъ температура среды; какъ реагируютъ они на красящія вещества и проч. Наконецъ, что также очень важно, всѣ бактеріологи сходятся на одномъ микробѣ при этой болѣзни, именно на спирillaхъ. Единственная ошибка бактеріологовъ состоѣть здѣсь только въ томъ, что они приняли причину за слѣдствіе, но для доказательства во что бы ни стало этой зависимости, не приѣгаютъ ни къ какимъ курьезнымъ опытамъ.

Въ виду всего сказаннаго при разсмотрѣніи этой болѣзни мы будемъ ссылаться исключительно на изслѣдованія, принадлежащія только бактеріологамъ.

Еще въ 1873 году Obermayer открылъ въ крови больныхъ возвратною горячкою — спириллы, которые въ настоящее время носятъ поѣтому название *Spirilli recurrentis*. По внѣшнему виду они между прочимъ ничѣмъ не отличаются отъ спирилль, которыя, какъ мы выше упомянули, были найдены Штейнбергомъ въ веществѣ, накопляющемся между зубами, что ясно видно изъ приложеннаго Ш. рисунка (*Spirill. denticola*). Cohn открылъ тѣ же спириллы

въ болотной водѣ (*Spir. plicatilis*). Бактеріологи также умалчиваютъ о внѣшнемъ отличіи спирілль, находящихся въ крови больныхъ возвратною горячкою, отъ этихъ послѣднихъ, слѣдовательно о дифференцированіи не можетъ быть здѣсь рѣчи; переходимъ къ самой болѣзни.

Kannenberg¹⁾ наблюдалъ 37 случаевъ возвратной горячки и постоянно находилъ въ крови больныхъ — спиріллы. Въ самомъ большомъ количествѣ они появлялись во время пароксизмовъ, именно пока температура доходила до своего maximum'a. Этотъ maximum, въ случаяхъ, которые наблюдалъ Kannenberg, доходилъ только до 40°С. Съ этого момента спиріллы начинали исчезать. Наблюденія же Зеньковича²⁾ показываютъ, что они не исчезаютъ и при болѣе высокой температурѣ, (41,3), но только въ томъ случаѣ, если кровь не изслѣдовалась за нѣсколько часовъ до кризиса.

Наблюденія, относящіяся къ температурѣ, при которой живутъ спиріллы въ организма, показываютъ, что они могутъ жить и при температурѣ еще высшей. Изслѣдованія Гейденрейха доказываютъ, что спиріллы умираютъ въ организма только при температурѣ 42—45 С. Что-же касается низшей температуры, то по его наблюденію спиріллы могутъ существовать до 2-хъ дней при температурѣ 0°С. и даже ниже нуля. По наблюденію Зеньковича при +12°С. спиріллы могутъ жить отъ 4—5 дней, въ томъ случаѣ, если притокъ воздуха къnimъ будетъ прекращенъ.

То обстоятельство, что спиріллы живутъ въ организма при температурѣ болѣе высокой, чѣмъ въ крови при возвратномъ тифѣ, даетъ конечно поводъ заключить, что причина исчезновенія ихъ при этой болѣзни не находится въ зависимости отъ температуры. Заключеніе это находитъ подтвержденіе и въ томъ обстоятельствѣ, что по однимъ наблюденіямъ они исчезаютъ при 40°С., а по другимъ находятся еще въ крови при 41,3. Всѣ изслѣдованія однако сходятся въ томъ, что спиріллы исчезаютъ передъ концомъ пароксизма. Такъ, Kannenberg говоритъ, что исчезновеніе спирілль соответствуетъ тому моменту, когда температура достигаетъ своего maximum'a, а этотъ послѣдній всегда предшествуетъ кризису; изъ наблюденій же Зеньковича явствуетъ несомнѣнно, что при одной и той-же температурѣ, они могутъ быть, или отсутствовать, смотря по тому, производится-ли изслѣдованіе незадолго до кризиса, или-же послѣдній еще отдаленъ.

Итакъ исчезновеніе, или присутствіе спирілль въ крови

¹⁾ Bericht ueber die auf der propaedeutischen Abtheilung der Charit  vom 14 Februar bis Ende Juli 1879 beobachteten F lle v. febr. recur. 1880.

²⁾ I. c.

больныхъ, находится въ зависимости оть условій, лежащихъ въ другихъ функціяхъ организма, а именно они начинаютъ исчезать съ того момента, когда въ организмѣ начинается поворотъ къ здоровымъ физіологическимъ, отправленіямъ.

Бактеріологи дѣлаютъ изъ этого наблюденія противоположный выводъ; именно, что пароксизмъ продолжается до тѣхъ поръ пока спиріллы находятся въ крови, а поворотъ къ кризису начинается въ то время, когда количество ихъ уменьшается. Что касается преимущества той или другой гипотезы, то наша, какъ объясняющая болѣшій кругъ явленій, намъ кажется болѣе вѣроятною. Мы объясняемъ ею развитіе бактерій въ организмѣ при всѣхъ вообще болѣзняхъ. Основаніе для такового предположенія мы видимъ также и въ общихъ законахъ природы, въ томъ, что все живущее является продуктомъ среды, а не само производить среду. Изъ этого закона не должны быть изъяты и бактеріи.

Но, предположимъ, что гипотеза бактеріологовъ имѣеть съ нашою одинаковую долю вѣроятности. Въ этомъ случаѣ, придерживаясь требованій логики, бактеріологи должны бы были, дѣлаемый ими изъ ихъ положеній выводъ, выразить въ смыслѣ предположенія и до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ подтверждены дальнѣйшими изслѣдованіями, не возводить его на степень научнаго факта. Послѣдующія же изслѣдованія не только не подтвердили справедливость вывода бактеріологовъ, но доказываютъ по мнѣнію нашему его несостоятельность. Если спиріллы въ крови являются не слѣдствіемъ болѣзни, но представляютъ собою специфическія бактеріи возвратной горячкі, сами производящія ее, то они не должны находиться въ здоровомъ организмѣ. Между тѣмъ Wittich¹⁾ нашелъ ихъ въ крови совершенно здоровыхъ хомяковъ. Не пойдутъ-же бактеріологи въ своихъ предположеніяхъ такъ далеко, чтобы утверждать, что одни животные могутъ носить въ крови своей спиріллы возвратной горячкі, другія—дифтеритические микробы и т. д. Они не могутъ этого допустить уже потому, что для опытовъ прививки пользуются преимущественно животными, исходя изъ того возарѣнія, что бактеріи и въ тѣлѣ животнаго произведутъ ту же самую болѣзнь, продукты которой они взяли отъ человѣка. Не говорять также въ пользу зависимости возвратного тифа отъ спирілль и опыты бактеріологовъ Koch'a и Carter'a. Опыты эти показали, что прививка крови, взятой отъ больныхъ возвратною горячкою, человѣку и обезьянамъ производила эту болѣзнь, какъ въ томъ случаѣ, когда кровь содержала спиріллы, такъ и въ томъ, когда послѣднихъ въ крови не было.

¹⁾ Centralblatt med. Wissenschaft № 4 1881

XII.

Influenza. Во время распространившейся нѣсколько лѣтъ тому назадъ эпидеміи инфлюэнзы, мы съ увѣренностью ожидали появленія, соотвѣтствующаго этой болѣзни паразита, которыхъ, какъ и слѣдовало ожидать, явилось нѣсколько, вмѣстѣ съ новыми, неизвѣстными до тѣхъ поръ именами изслѣдователей. Д-ръ Вейксельбаумъ въ Вѣнѣ нашелъ при инфлюэнцѣ *Diplococcus*; д-ръ Риббертъ—*Streptococcus*; д-ръ Пфейферъ¹⁾ нашелъ при этой болѣзни мельчайшія палочки въ бронхиальномъ секрѣтѣ больныхъ. Культура ихъ была переносима на обезьяньи и другихъ животныхъ, но только у первыхъ она вызывала болѣзнь. Ни способа переноса, ни характера болѣзниенныхъ явлений, Пфейферъ однако не описываетъ. Д-ръ Канонъ нашелъ микроорганизмы въ крови больныхъ. Онъ описываетъ ихъ, какъ маленькие *Diplococci*, или какъ коротенькия палочки. Канонъ находилъ ихъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ симптомы болѣзни были не ясны, даже при отсутствии кашля. Инъекціи культуры мышамъ давали результаты отрицательные. Зависимость этой болѣзни отъ найденныхъ имъ бактерій, Канонъ видѣтъ въ томъ что при инфлюэнцѣ во время лихорадочного состоянія они находятся въ крови больныхъ, при другихъ-же болѣзняхъ онъ ихъ открыть не могъ. Слѣдовательно, по его мнѣнію, это есть микробъ специфической *Bacillus influenzae*.

Корь. Бактеріи, найденные при кори (Канонъ и Пелике), представляютъ различную величину и доходятъ до величины кровяного шарика; нѣкоторыя имѣютъ видъ двойныхъ кокковъ. Изслѣдователи заявляютъ, что, найденные ими при кори бактеріи, находятся въ крови больныхъ постоянно, иногда даже и въ болѣе позднемъ періодѣ, когда температура становится нормальною; а также, что въ одномъ случаѣ ихъ было особенно много во время кризиса (?) Найдены, слѣдовательно, при кори не только специфическая бактеріи, но и кризисъ. — Авторы утверждаютъ, что найденные ими при кори бациллы не похожи ни на одинъ изъ извѣстныхъ до сихъ поръ микроорганизмовъ. Нахожденіе ихъ въ крови больныхъ и ихъ отличительный внѣшній характеръ должны служить неоспоримымъ доказательствомъ, что они являются причиной болѣзни.

XIII.

Бугорчатка (чахотка). Для того, чтобы отыскать специфический микробъ при этой болѣзни, приложили много труда Klebs,

¹⁾ Deutsch. med. Woch. 1892.

Autrech¹⁾ и другіе, но изслѣдованія ихъ были отг҃снены открытиемъ Koch'a²⁾; по крайней мѣрѣ ему всецѣло приписываютъ честь открытія въ туберкулахъ специфического микроба. Koch нашелъ въ легочныхъ бугоркахъ палочки, величиною отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ діаметра кровяного шарика, которая содѣжали отъ двухъ до трехъ овальныхъ споръ, расположенныхъ по длини палочки на равномъ разстояніи другъ отъ друга. Эти самыя палочки Кохъ находилъ также при бронхитѣ съ казеознымъ перерожденіемъ бронхіальныхъ железъ, въ золотушныхъ железахъ, при фунгозномъ воспаленіи суставовъ и проч. Нахожденіе этихъ бактерій въ болѣзняхъ различнаго этиологическаго происхожденія не говоритъ въ пользу ихъ специфичности, а напротивъ того, служить подтвержденіемъ того положенія, что одинаковая среда является въ себѣ и болѣе или менѣе однородные виды паразитовъ: золотушныя железы и туберкулы легкихъ, такъ же какъ и фунгозное воспаленіе суставовъ,—представляютъ тождественные процессы гиперплазіи. Изслѣдованія другихъ врачей также говорятъ противъ этиологической зависимости бугорчатки отъ Koch'овскихъ палочекъ, а именно Lichtheim, Hansenmann и Ziel не находили ихъ при ясно выраженыхъ признакахъ чахотки.

Посмотримъ, на основаніи какихъ наблюдений пришелъ Koch къ своему выводу.

Онъ переносилъ взятыя изъ труповъ творожисто-перерожденныя туберкулы, а также творожисто-перерожденныя лимфатические железы въ сыворотку телячьеї крови, которую доводилъ до температуры 37—38° С. Бациллы развивались на первой недѣлѣ въ меньшемъ количествѣ, на второй въ большомъ. Снимая ихъ нагрѣтою платиновою пластинкою, Кохъ переносилъ ихъ, съ цѣлью очищенія, во вторую жидкость, изъ этой въ третью и производилъ затѣмъ прививки. Дѣйствительно-ли они черезъ эти переносы были безуокоризненно очищены отъ среды, изъ которой были взяты и процессы, вызываемый этою прививкою, бытъ-ли туберкулезный, изъ описанія Koch'a мы убѣдиться не можемъ. Да-лѣе онъ нашелъ, что бациллы живутъ только при температурѣ 30—41° С. и что поэому они не могутъ развиваться въ воздухѣ, а только въ тѣлѣ животнаго; тѣмъ не менѣе, эти неподвижныя бациллы, находящіяся въ отхаркиваемыхъ больными мокротахъ, прилипаютъ къ носящейся въ воздухѣ пыли и такимъ образомъ вдыхаются окружающими. Гипотеза-ли это или Кохъ изслѣдовалъ носящуюся въ воздухѣ пыль, съ приставшими къ ней бактеріями, онъ не объясняетъ.

¹⁾ Allgem. med. Centr.-Zeit. 1852.

²⁾ Berlin, Klinisch. Wochensch. № 15, 1882.

Что касается причины, почему его бациллы оставляют среду, въ которой они могут питаться и размножаться, то Koch заявляетъ, что бациллы исчезаютъ изъ тѣла животнаго тамъ, где процессъ простоянавливается, т. е. объясняетъ это съ точки зрѣнія не-паразитической, а согласно приведенному нами выше положенію: нѣть соответствующей среды, нѣть мѣста и бактеріямъ. Такъ какъ, по мнѣнію Коха, его бациллы сами служатъ причиной туберкулезного процесса, то, съ его точки зрѣнія, первичнымъ явленіемъ слѣдовало-бы считать исчезновеніе бактерій, а затѣмъ, вслѣдствіе исчезновенія ихъ,—прекращеніе туберкулезного процесса, но тогда вопросъ о причинѣ исчезновенія бацилль оставался бы открытымъ. — Противорѣчія, которыя мы встрѣчаемъ у бактериологовъ, доказываютъ, что въ области естественныхъ наукъ трудно соблюсти послѣдовательность въ выводахъ, взявши ошибочно причину за слѣдствіе.

Прививка чахотки,—говорить Кохъ,—труднѣе, нежели прививка сибирской язвы и отсюда относительно рѣдкое зараженіе туберкулезомъ. Заражаются имъ, по мнѣнію Коха, преимущественно лица, находящіяся въ постоянномъ общеніи съ чахоточными, или же зараженіе происходитъ вслѣдствіе вскрытия туберкулезныхъ труповъ, при царепинахъ на рукѣ.

Что касается первого рода зараженія, то, не отрицая заразительности чахотки, мы далеко не раздѣляемъ этого мнѣнія. Для врачей было бы желательнѣе, если-бы г. Кохъ, вмѣсто голословнаго заявленія, представилъ статистическія данныя хотя одной изъ больницъ, изъ которыхъ можно-бы было видѣть сколько болничнаго персонала въ палатахъ съ хроническими больными, или исключительно чахоточными, умирало отъ этой болѣзни; тогда, конечно, никто не считалъ-бы заявленіе Коха пустословіемъ. Тѣ статистическія данныя, которыя намъ извѣстны, не говорятъ въ пользу того, чтобы большинство заболѣваній чахоткою происходило отъ частаго общенія съ чахоточными, т. е. отъ зараженія. Такъ, Lendet въ парижской медицинской газетѣ говоритъ, что зараженіе чахоткою случается очень рѣдко. По его наблюденіямъ и по собраннымъ имъ справкамъ, изъ 112 вдовцовъ и вдовъ, супруги которыхъ умерли отъ чахотки, оказались чахоточными только 7 (4 вдовы и 3 вдовца). При этомъ авторъ замѣчасть, что если въ этихъ случаяхъ и признать зараженіе, то были при этомъ и другія условія, подготовившія почву: наслѣдственность, слабое сложеніе, а также истощеніе отъ перенесенныхъ болѣзней¹). Подтвержденіе этого мнѣнія находимъ также у Brehmer'a. (Mittheil. aus dem D-r Brehmer'schen Heilanstalt in Gorbendorf).

¹⁾ Le Bulletin mÃ©dical. Приведено газетой „Врачъ“ 1889 г. № 51.

Что же касается второго способа зараженія, т. е. зараженія вслѣдствіе вскрытия труповъ, то намъ было-бы весьма любопытно узнать, изъ какихъ источниковъ Кохъ почерпнулъ это свѣдѣніе? Въ медицинской литературѣ мы не можемъ припомнить *ни одного* сообщенія, гдѣ быль-бы описанъ случай полученія врачемъ чахотки, вслѣдствіе вскрытия имъ туберкулезнаго трупа. Еще болѣе удивительно, что Кохъ говоритъ объ этомъ переносѣ болѣзни, не какъ объ исключительномъ явленіи, а какъ о болѣе частомъ случаѣ заразы.

Мнѣніе, что причиною чахотки служать открытые Кохомъ бациллы, нельзя допустить даже a priori или какъ имѣющу ка-кія либо данныя, гипотезу.

Для того, чтобы практиковавшій врачи могъ предположить, что причина чахотки заключается въ Коховскихъ бациллахъ, онъ долженъ позабыть то, чему онъ учился и что онъ въ теченіе своей практической дѣятельности наблюдалъ.

Причины чахотки слишкомъ многочисленны и разнообразны. Для ясности мы ихъ раздѣлимъ на двѣ главныя группы: къ первой мы отнесемъ наслѣдственную чахотку, ко второй—пріобрѣтенную. Если чахотка передается по наслѣдству, то, съ точки зре-нія паразитологовъ, по наслѣдству-же должны быть передаваемы и чахоточные паразиты. Какъ же совершается эта наслѣдственная передача бактерій? Въ какихъ органахъ они пребываютъ прежде нежели начнется туберкулезный процессъ въ легкихъ? Отчего пѣ-которые, рожденные отъ чахоточныхъ родителей, остаются свободны отъ этой болѣзни? Чѣмъ вообще отличается наслѣдствен-ная чахотка отъ пріобрѣтенной?

О наслѣдственной чахоткѣ Кохъ не высказываетъ никакого мнѣнія, никакихъ вопросовъ не разбираетъ, а ограничивается только категоричнымъ заявленіемъ, что разсужденіе объ отличіи чахотки наслѣдственной отъ пріобрѣтенной *затруднительно* въ *области гипотезъ*¹⁾). Переидемъ поэтому къ другой группѣ, — къ чахоткѣ пріобрѣтенной.

Слишкомъ разнообразные этиологические моменты, которые имѣютъ слѣдствіемъ развитіе бугорчатки, заставляютъ насъ раз-дѣлить эту группу на нѣсколько подраздѣленій.

1) Бугорчатка является слѣдствіемъ золотухи, пріобрѣтенной въ раннемъ дѣтствѣ. Если дитя, родившееся отъ здоровыхъ родителей, кормится молокомъ матери или здоровой кормилицы, при хорошей гигієнической обстановкѣ, то оно не будетъ ни золотушнымъ, ни, слѣдовательно, чахоточнымъ въ силу этого эти-логического момента.

¹⁾) Berlin, Klin. Wochenschrift № 15. 1882.

Попытки Коховскихъ бацилль поселиться въ данномъ организмѣ не будутъ имѣть никакого успѣха. Если-же, наоборотъ, у кормилицы молоко дурного качества, или-же дитя вскармливается искусственно и кормленіе это вредно отражается на его пищевареніи, если являются неправильности въ отправлениі кишечнаго канала, то мы, послѣ большаго или меньшаго промежутка времени, въ теченіе котораго замѣчались эти уклоненія желудочно-кишечной функциї, находимъ у ребенка золотушныя явленія: ес-теза, припуханіе лимфатическихъ железъ и проч. Симптомы эти являются послѣдствіемъ всасыванія мезентеріальными железами гетерогенныхъ продуктовъ неправильнаго пищеваренія (эти же-лезы поэтому еще раньше подвергаются заболѣванію) и переноса ими испорченной лимфы другимъ железамъ. Продукты золотушнаго процесса могутъ путемъ капиллярной эмболіи поступить въ легкія и дать поводъ къ развитію въ послѣднихъ однороднаго процесса—туберкуль.

Спрашивается, можемъ-ли мы дать мѣсто бактеріямъ, какъ причинѣ, если намъ известна этіология и постепенное развитіе болѣзни съ равняго дѣствія и если мы напередъ можемъ предсказать появленіе ея?

2) Чахотка является слѣдствіемъ другихъ болѣзней, какъ, напр.,—крупознаго воспаленія легкихъ, или хронического плевритическаго экссудата. Пользующій врачъ, не находя еще никакихъ явленій туберкулеза, никакихъ бацилль въ мокротѣ, тщательно изслѣдуетъ въ этомъ случаѣ верхушки легкихъ, зная, что грозить пациенту.

Бактеріологи не занимаются опредѣленіемъ условій, при которыхъ можно напередъ предсказать появленіе бацилль въ легкихъ и о прогнозѣ разумно умалчиваютъ; такъ какъ констатировать ненормальность физиологическихъ отправлений, или патологической процессъ, слѣдствіемъ котораго должно быть появленіе бацилль въ легкихъ, значило-бы объявить ихъ не причиной, а слѣдствіемъ.

3) Чахотка является, какъ слѣдствіе неблагопріятныхъ жизненныхъ условій и въ этомъ смыслѣ можетъ быть названа болѣзнью пролетаріата: сырое жилище, нечистый воздухъ, вдыханіе вредныхъ веществъ, недостаточная и нездоровая пища, изнурительный физический трудъ и проч. Если, при этихъ условіяхъ жизни, бактеріологи и могли-бы сдѣлать ни на чёмъ не основанное предположеніе, что сырой и нечистый воздухъ представляетъ для бацилль чахотки излюбленную среду, то тѣ случаи, где болѣзнь, эта развивается при самыхъ лучшихъ гигіеническихъ условіяхъ потребовали-бы новой гипотезы отъ бактеріологовъ.

4) Мы встрѣчаемъ людей, живущихъ въ самыхъ лучшихъ

матеріальнихъ уловіяхъ и получающихъ чахотку вслѣдствіе небодержной жизни: кутежей, полового злоупотребленія, вообще вслѣдствіе такъ называемаго прожиганія жизни, или какого-нибудь особеннаго порока, влекущаго за собою такое-же истощеніе организма, какъ и физической трудъ, соединенный съ лишеніями въ первыхъ физическихъ потребностяхъ. Онанисты, не могущіе отстать отъ своего порока, болѣе всего боятся получить болѣзнь спиннаго мозга, чаще-же получаютъ чахотку.

5) Чахотка бываетъ слѣдствіемъ чрезвычайного умственного труда, неизбѣжнымъ спутникомъ котораго является антигигиеническій режимъ: лишеніе себя чистаго вѣдуха, сидячее положеніе, отсутствіе необходимаго движенія, лишеніе себя сна и проч.; а также отъ причинъ нравственныхъ: гнетущая тоска, вслѣдствіе ударовъ судьбы, потрясающихъ организмъ человѣка, можетъ также повлечь за собою разстройство его физиологическихъ функций, а вслѣдствіе этого—упадокъ питанія, истощеніе и дальнѣйшія его послѣдствія.

Итакъ, во всѣхъ случаяхъ чахотки врачъ имѣть возможность съ одной стороны констатировать непосредственную причину ея, съ другой,—изслѣдуя организмъ индивидуума, можетъ опредѣлить, грозитъ-ли ему эта болѣзнь, или же сказать, что при данномъ состояніи его здоровья и при уловіяхъ жизни, въ которыхъ онъ находится, послѣдній гарантированъ отъ этой болѣзни.

Спрашивается, могли-бы врачи ставить опредѣленное предсказаніе чахоткою въ зависимости отъ произвола бацилль?

Такъ какъ всякой чахоткѣ предшествуетъ ослабленіе организма, то рациональная терапія этой болѣзни должна заключаться не въ вирескиваніи въ тѣло ядовитыхъ веществъ, а въ устраненіи тѣхъ неблагопріятныхъ условій, слѣдствіемъ которыхъ было развитіе болѣзни и въ подъемѣ питанія тѣла. Отсюда—леченіе кумысомъ, въ особенности въ нашихъ восточныхъ губерніяхъ, гдѣ жаркій и при этомъ сухой воздухъ заставляетъ больныхъ потреблять въ большомъ количествѣ этотъ питательный напитокъ. Вообще при чахоткѣ питательная пища: мясо, молоко, мучнистые вещества, жиры и проч. служатъ лучшимъ средствомъ для восстановленія здоровья. Прочія гигиеническія уловія разумѣются сами собою.

Въ заключеніе мы должны сдѣлать слѣдующій выводъ: если здоровый человѣкъ, материально обеспеченный и ведущій правильный образъ жизни, гарантированъ отъ Коховскихъ бацилль, равно какъ и индивидуумъ, получившій туберкулезъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ жизненныхъ условій, будучи поставленъ въ условія, при которыхъ происходитъ поднятіе силъ и питанія организма, выздоравливаетъ отъ этой болѣзни, (конечно, при сильно-

развитомъ страданіи въ рѣдкихъ случаяхъ, но тогда и изгнаніе бациллъ не принесетъ пользы), то какую-же роль могутъ играть бактеріи, кромѣ второстепенныхъ продуктовъ болѣзни? Ни Кохъ, ни другіе бактеріологи не задаются, впрочемъ, никакими вопросами для уясненія отношенія, бациллъ къ тому или другому состоянію организма, къ роли которую они играютъ при благопріятномъ поворотѣ болѣзни. Паразитъ найденъ, слѣдовательно, онъ есть причина болѣзни, а чтобы больной выздоровѣть, нужно паразита этого устраниить. Для умерщвленія его Кохъ изобрѣль специфическое средство, названное имъ туберкулипомъ. Онъ получалъ этотъ продуктъ, смѣшивая свои чистыя культуры съ 40—50% глицерина; затѣмъ уничтожалъ содержащіяся въ жидкости бациллы дѣйствіемъ жара отъ 70—100° С., отфильтровывалъ ихъ черезъ глиняные цилиндры и фільтратомъ, содержащимъ уже только растворенный ядовитый продуктъ, производилъ впрыскиванія больному. Является при этомъ, однако, вопросъ: гарантируетъ ли это впрыскиваніе туберкулина отъ вторичнаго наплыва бациллъ въ организмъ и если не гарантируетъ, то не можетъ ли человѣкъ заболѣть чахоткою на другой день послѣ выздоровленія отъ этой болѣзни?

Не могу умолчать здѣсь о томъ, что д-ръ Varty находилъ въ кишкахъ при отравленіи мышьякомъ холерныхъ палочки. Если-бы врачъ въ этомъ случаѣ, вмѣсто того, чтобы давать средства противъ отравы, направилъ-бы свое лѣченіе на удаленіе палочекъ, то это было-бы совершенно аналогично съ лѣченіемъ чахотки туберкулиномъ.

Мы не можемъ не обратить вниманія на то, какъ относятся къ бактеріологической теоріи знаменитые представители науки. Только въ одной болѣзни, именно въ сибирской язвѣ, они принимаютъ участіе въ трудахъ бактеріологовъ. Изслѣдованія Davain'a¹⁾ и Pasteur'a, въ смыслѣ зависимости этой болѣзни отъ специфическихъ бактерій, носятъ иной характеръ, нежели работы другихъ бактеріологовъ, хотя зависимость эта и не доказана. Противъ специфической натуры бактерій сибирской язвы говорить то обстоятельство, что тѣ-же самыя бактеріи находили и при другихъ условіяхъ. Брауэль, Лейзерангъ, Фуксъ и другіе и находили ихъ въ крови животныхъ, умершихъ отъ другихъ болѣзней; Трасбортъ²⁾ нашелъ множество бактерій сибирской язвы у одной лошади, умершей отъ воспаленія легкихъ; кровь этой лошади была привита кролику и онъ умеръ отъ гнойнаго зараженія. Съ другой

¹⁾ Sur la nature des maladies charbonneuses. Archive g  n  r. de m  decine 1866. Recherches phys. et pathol. sur les bact  ries. Compt. rendus № 66.

²⁾ Canstatt's Jahresber. 1868.

стороны ихъ не находили иногда у животныхъ, заболѣвшихъ сибирскою язвою. Buhle¹⁾ и Брауель²⁾ были въ состояніи, помоющы прививки этой крови, не содержащей бактерій, вызвать сибирскую язву. Обращаетъ па себя вниманіе и то обстоятельство, что иногда бактеріи эти появляются въ крови только послѣ смерти и даже не тотчасъ, а спустя нѣсколько часовъ. Аргументы достаточно сильны противъ допущенія причинной связи между бактеріями и патологическими явленіями сибирской язвы.

Что касается другихъ свѣтиль медицинской науки, то они непричастны ни къ открытію какихъ-либо бактерій, ни къ пропагандированію ученія о грибкахъ, какъ живыхъ ядахъ. Naegeli и Вирховъ признаютъ ихъ только носителями заразы; другими словами отказываются отъ ученія бактеріологовъ, состоящаго въ томъ, что заразительное начало представляютъ сами грибки, какъ живой ядъ (*Contagium vivum*). Противъ деградаціи грибковъ на степень носителей яда, бактеріологи возстаютъ почти также горячо, какъ и противъ тѣхъ, которые считаютъ бактеріи вовсе непричастными даже къ перенесенію заразы. Oesterlen и Бильротъ, о трудахъ котораго мы упоминали выше, отвергаютъ всякое отношеніе бактеріи къ заразѣ. Въ особенности возстаютъ противъ этой теоріи гигиенисты: Эрисманъ³⁾ говорить о ней слѣдующее: „побѣда этой теоріи еще далеко не можетъ быть признана рѣшительною“. При этомъ довѣріе къ ней подрываютъ главнымъ образомъ ея неразумные приверженцы. Полное отсутствіе критики, характеризующее многоя работы въ этой области, легкомысліе, съ которымъ признаются за низшіе организмы и объявляются причиной заразныхъ болѣзней различныя ядра, зернышки и другія микроскопическая образованія, встрѣчающіяся въ органахъ тѣла и его выдѣленіяхъ, уже много разъ вызывали громкіе протесты со стороны компетентныхъ изслѣдователей. Дѣйствительно невольно чувствуется желаніе протестовать уже a priori противъ того фанатизма, съ которымъ цѣлая масса ученыхъ и такихъ, которые воображаютъ себя учеными, стремятся повсюду видѣть бактеріи и микрококки и считать ихъ причиной всякаго зараженія. Особенно должно со жалѣть объ этомъ слѣпомъ рвениіи съ гигиенической точки зрѣнія, ибо, благодаря ему, развился также особенный дезинфекціонный фанатизмъ, который оттѣснилъ на задній планъ цѣлый рядъ дѣйствительныхъ гигиеническихъ мѣропріятій. Знаменитый гигиенистъ Петтенкоферъ выступилъ передъ собраніемъ врачей въ Мюнхенѣ съ рефератомъ о послѣдней холерной эпидеміи, за-

¹⁾ Virchow's Archiv B. 36. 1866.

²⁾ Ziemssen Handb. d. Speciell. Pathologie B. III,

³⁾ Руководство къ гигиенѣ 1872 г.

ключавшимъ въ себѣ горячую полемику противъ теоріи бактеріологовъ. Петтенкоферъ понялъ, что борьба съ этою теоріею, представляющей, такъ сказать, стихійную силу, не легкое дѣло и требуетъ героическихъ мѣръ. Онъ дѣлалъ поэтому лично на себѣ эксперименты, вводя въ свой организмъ такъ называемыя холерные бациллы, а именно 1 куб. сантиметръ холерныхъ запятыхъ вмѣстѣ съ 1 грам. sodы и 100 куб. сент. воды. „Нѣкоторые изъ моихъ учениковъ,—говорить П.,—боялись за меня и предлагали, если я настаиваю на необходимости опыта, пожертвовать собой за своего старого учителя. Но я далеко не такъ трагически смотрѣль на свой опытъ, а наоборотъ, былъ убѣжденъ, что бациллы меня не тронутъ“. Петтенкоферъ и повторившій тотъ-же опытъ проф. Эймерихъ чувствовали себя превосходно, несмотря на то, что въ ихъ кишечномъ каналѣ констатированы были миллионы бацилль. Изъ этого опыта Петтенкоферъ выводить заключеніе, что бациллы не могутъ быть сами по себѣ причиной зараженія холерою.

Ложное ученіе, пока оно остается еще на бумагѣ, тормозить, конечно, въ извѣстной степени прогрессъ науки, хотя, какъ мы видимъ, — ученые, которымъ мы обязаны прогрессомъ, не занимаются открытиемъ бактерій и временемъ своимъ для этой теоріи не жертвуютъ. Но разъ дѣло касается принятія, въ смыслѣ этого ученія, практическихъ мѣръ, оно приносить не только косвенный, но и прямой вредъ. Практическія мѣры, которая были приняты въ Гамбургѣ во время холерной эпидеміи, имѣли исключительную цѣлью предупредить зараженіе путемъ прикосновенія къ бацилламъ холерныхъ. Петтенкоферъ настаивалъ на бесполезности подобныхъ предупредительныхъ мѣръ, этой, какъ онъ выражается, ловли бацилль и обращалъ вниманіе на мѣстныя условія; состояніе почвы, санитарные условія и проч., но эти послѣднія въ соображеніе не принимались. „Сколько миллионовъ—говорить П.,—потрачено безъ всякой пользы въ одномъ Гамбургѣ, въ угоду этой односторонней теоріи, между тѣмъ какъ они принесли бы действительную пользу, еслибы были употреблены на оздоровленіе города“.

Мы не можемъ также не вспомнить при этомъ, сколько средствъ было потрачено у насъ обществомъ Краснаго Креста, во время свирѣпствовавшей въ Полтавской губерніи эпидеміи дифтерита, на бесполезную борьбу съ болѣзнью путемъ дезинфекціи крестьянскихъ избъ. Дезинфекція производилась посредствомъ паровъ сѣрнистой кислоты, получаемой при горѣніи сѣры. Сѣрнистая кислота была рекомендована бактеріологами, какъ наиболѣшее средство для умерщвленія дифтеритическихъ грибковъ (?). Мѣра эта не только не приносила никакой пользы, но скорѣе могла способствовать распространенію дифтеритической эпидеміи и сверхъ того, какъ

мы увидимъ, ниже, приносила и косвенный вредъ. Дезинфекція избъ была сплошная, т. е. выкуривались не только тѣ избы, гдѣ были заболѣванія дифтеритомъ, но также и тѣ, гдѣ больныхъ не было. Передъ дезинфекциє земляной полъ избы, а иногда и стѣны ея, были соскабливаемы желѣзными лопатами; затѣмъ земля и прочій соръ, вмѣстѣ съ предполагаемыми въ нихъ микрококками, выбрасывались изъ избы. Все сбереженіе крестьянина, хранившееся въ сундукахъ (штуки холста, новая, не бывшая въ употребленіи одежда и проч.) руками дезинфекторовъ, иногда только что оставившихъ избу, переполненную дифтеритными больными, перерыто, разбросано, подвергнуто выкуриванію.

Такъ какъ пора была лѣтняя, то большинство народа было въ полѣ, а по возвращеніи заставало у себя этотъ разгромъ. Сцены были возмутительныя; въ нѣкоторыхъ селахъ было открытое сопротивленіе, а между врачами находились лица, считавшія необходимымъ принятие принудительныхъ мѣръ, включительно до призыва войскъ.

Не такъ легко было хозяевамъ привести опять въ порядокъ свое хозяйство. У зажиточныхъ масса одежды, холста и вообще „приданаго“, скопляемаго десятками лѣтъ, долгое время должна была оставаться разбросанною. Въ рабочую пору времени на то, чтобы все это сложить и спрятать не, было. Кромѣ того, такъ какъ изба выкуривалась по крайней мѣрѣ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ, то и послѣ выкуриванія въ нее нельзя было войти, вслѣдствіе удушливатаго запаха сѣрнистой кислоты.

Всѣ жившіе въ выкуренной (дезинфекцированной) избѣ, вмѣстѣ съ грудными дѣтьми, проводили не одну ночь на улицѣ, или же находили себѣ пріютъ въ другихъ избахъ, иногда въ тѣхъ, гдѣ находились больные дифтеритомъ. Представьте-же себѣ отчаяніе тѣхъ родителей, у которыхъ до дезинфекціи всѣ дѣти были здоровы, а послѣ дезинфекціи начинаютъ болѣть дифтеритомъ!

Проводя въ это время каникулы въ деревнѣ и будучи свидѣтелемъ всего этого, я открыто заявляль врачамъ мое мнѣніе о нерациональности и бесполезности такой дезинфекціи, но оно показалось имъ настолько смѣлимъ, что объ этомъ моемъ заявлѣніи было доложено Распорядительному Комитету ¹⁾.

Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ этой дезинфекціи явились у дѣтей, въ особенности у грудныхъ,—бронхиты. Причиною ихъ были от части ночи, проведеныя на сырой землѣ, а главнымъ образомъ пары сѣрнистой кислоты, которые грудные дѣти должны были вдыхать въ себя изъ выкуренной одежды матерей.

¹⁾ Отчетъ распорядительного Комитета по прекращенію эпидеміи дифтерита въ Полтавской губерніи. 1881 г. Стр. 151.

Къ категоріи вытекающихъ изъ бактериологической теоріи практическихъ мѣръ относится также туберкулинъ Коха, которымъ теперь, конечно, никто не захочетъ лѣчиться отъ чахотки; но въ первое время, когда Кохъ заявилъ о своемъ чудодѣйственномъ изобрѣтеніи, сколько больныхъ изъ разныхъ странъ устроилось въ Берлинъ, принося свои послѣднія средства и послѣдніе остатки здоровья въ жертву экспериментовъ Коха. Къ числу такихъ же праздныхъ изобрѣтеній относится и дифтеритная сыворотка. Нѣкоторые врачи констатируютъ уменьшеніе $\%$ смертности при лѣченіи ею, но вмѣстѣ съ тѣмъ оставляютъ открытымъ вопросъ, въ какихъ случаяхъ она не помогаетъ. Можно-ли вообще основывать свое мнѣніе при примѣненіи во время эпидеміи какого-нибудь средства, свойства которого не извѣстны, на одномъ незначительномъ уменьшениі $\%$ смертности въ данный моментъ.

Всякая эпидемія, какъ извѣстно, можетъ ослабѣвать и тогда $\%$ смертности уменьшается самъ собою; больные, которые были лѣчимы дифтеритною сывороткою, могли представлять меньшую интензивность болѣзни и т. д. Если въ больницахъ производились даже опыты лѣченія извѣстного количества больныхъ дифтеритною сывороткою и параллельно съ этимъ лѣченіе такого-же количества больныхъ другими средствами, то и при этомъ далеко не безразлично знать, какіе случаи подверглись одному и какіе другому лѣченію, т. е. въ какомъ періодѣ была болѣзнь и какіе симптомы она представляла. Кроме того понятіе о специфичности какого-нибудь средства исключаетъ вообще возможность невыздоровленія при употребленіи его, или же для этого отводится очень малый $\%$ въ исключительныхъ случаяхъ. Мы называемъ хининъ специфическимъ средствомъ противъ перемежающейся лихорадки, потому, что онъ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ не оказываетъ дѣйствія на ту болѣзнь,—даетъ, слѣдовательно, почти 100 $\%$ выздоровленія. Можно-ли назвать поэту дифтеритную сыворотку специфическимъ средствомъ, если $\%$ смертности при употребленіи ея понижается по свидѣтельству нѣкоторыхъ (но далеко не всѣхъ) врачей на нѣсколько единицъ, при чёмъ совершенно не принимаются во вниманіе другія возможности этого пониженія; если при пользованіи ею получается 30 $\%$ и болѣе смертныхъ случаевъ и если въ числѣ послѣднихъ были также не интензивныя формы дифтерита? Еще большій $\%$ выздоровленія получался-бы при лѣченіи дифтерита, если-бы врачи смотрѣли на него не какъ на паразитическую болѣзнь, а какъ на воспалительный процессъ слизистой оболочки съ фибринознымъ выпотомъ и сообразно съ этимъ лѣчили-бы его.

Нѣ могу не обратить вниманіе на то, что нѣкоторыя эпидеміи дифтерита, или-же одна и та-же эпидемія въ извѣстномъ періодѣ

я, при рациональномъ лѣчениі, даютъ 90% и болѣе выздоровленія,—между тѣмъ, какъ на такой высокой % выздоровленія дифтеритная сыворотка, сколько намъ известно, не претендуетъ. Не можемъ также умолчать и о тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь въ самомъ началѣ отличается очень бурными явленіями: быстрое и сильное повышение температуры, бредъ, сильное припуханіе лимфатическихъ подчелюстныхъ железъ, вслѣдствіе чего затруднено открытие рта, и изслѣдованіе зѣва дѣлается почти невозможнымъ. Мы думаемъ, что въ этихъ случаяхъ при употребленіи дифтеритной сыворотки не получается ни одного лишняго % выздоровленія.

Для полноты нашего очерка о бактеріяхъ, мы не можемъ не упомянуть, что существуетъ цѣлый рядъ наблюдений, говорящихъ въ пользу того, что бактеріи составляютъ продуктъ распада бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, или вообще протоплазмы животнаго тѣла. Наблюденія констатируютъ тотъ фактъ, что вообще глубокое разстройство питанія, при острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, выражается въ сильной зернистости и увеличеніи бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, которое оканчивается полнымъ умираніемъ клѣточекъ и зернистымъ распадомъ ихъ.

Карстенъ, уже много лѣтъ тому назадъ, утверждалъ, что дрожжевые грибы, также, какъ и всѣ бактеріальные формы, могутъ образоваться внутри бѣлыхъ кровяныхъ, а также гноиныхъ шариковъ¹⁾. Равичъ²⁾, изслѣдуя кровь животныхъ, погибшихъ отъ зараженія гнилостными веществами, постоянно находилъ въ ней увеличеніе бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ и зернистый распадъ послѣднихъ, послѣ чего появлялись въ жидкости неподвижныя палочки, названныя Davain'омъ бактеридіями. Голубевъ видѣлъ образованіе бактерій изъ распадавшихся бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ лягушки. Гриммъ³⁾, изслѣдуя образованіе бактерій при сибирской язвѣ, нашелъ, что онъ происходитъ изъ бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ. Риссъ доказываетъ, что описываемые другими авторами организмы въ крови піемическихъ—ничто иное, какъ зернистый распадъ бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ⁴⁾. Недавній описываетъ переходъ кровяныхъ шариковъ въ слабо контурированныя зернистая образованія; зерна эти, попадая въ сыворотку крови, сохраняютъ способность самостоятельныхъ движений. Наблюденія Билльрота, Галлера и другихъ еще раньше установили фактъ, что движение бактерій ничѣмъ не отличается отъ молеку-

¹⁾ Die Fäulniss und Ansteckung. Schaffhausen. 1872.

²⁾ Ученіе о гнилостномъ зараженіи СПб. 1870.

³⁾ Zur Naturgeschichte der Vibronen. Archiv. f. mier. Anatom., VIII, 1872.

⁴⁾ Zur pathol. Anatomie des Blutes. Archiv. v. Reichert u. Dubois-Reymond. 1872.

лярного движенья зернистаго распада. Штейнбергъ¹⁾ доказываетъ, что бактериальныя образованія являются продуктомъ распада коренного вещества животныхъ клѣточекъ, а именно не только изъ протоплазмы бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, но вообще изъ всякой комка протоплазмы, къ какой бы ткани она не принадлежала.

Наблюденія эти съ одной стороны ясно показываютъ, какъ легко было бактериологамъ впадать въ ошибки и видѣть бактеріи тамъ, гдѣ они имѣли передъ собою только зернистый распадъ, или-же Davaip'овскія бактеридіи; съ другой, — говоря въ пользу образования бактерій внутри организма, при различныхъ патологическихъ процессахъ, не исключаютъ возможности вхожденія ихъ споръ также и извнѣ, а только подтверждаютъ то положеніе, что въ самомъ организмѣ есть достаточно условій для развитія бактерій и что толчекъ къ этому развитію даетъ самыи патологическіи процессы.

Изъ всего сказаннаго мы дѣлаемъ слѣдующіе выводы:

1) Бактеріи, или ихъ споры, распространены въ природѣ повсюду. Живыя существа вдыхаютъ ихъ съ воздухомъ, принимаютъ съ пищею и питьемъ.

2) Въ здоровомъ организмѣ встречаются тѣ-же бактеріи, что и въ болѣномъ, но въ первомъ они не развиваются и не размножаются, подобно тому, какъ и съмена другихъ растеній, падающія на безплодную почву,—гибнутъ, но не прорастаютъ и не развиваются.

3) Бактеріи не представляютъ поэтуому первичнаго момента болѣзней, а только сопровождаютъ ихъ, какъ случайные или необходимые спутники и развиваются при нихъ вслѣдствіе предшествующаго ослабленія жизненной энергіи тканей.

4) Лѣченіе, направленное противъ бактерій, не имѣеть поэтуому смысла, такъ какъ, парализируя ихъ жизнедѣятельность, или даже прекращая ихъ существованіе, не устраняетъ существенной причины болѣзни. Такъ, напримѣръ, чахоточныя бациллы, попадая на ткань здоровыхъ легкихъ, гибнутъ безъ болѣзненныхъ для организма послѣдствій; внѣдряясь-же въ болѣвныя ткани, живутъ и размножаются, причемъ болѣзненный процессъ даетъ общезвестные результаты. Лѣченіе болѣзней поэтуому должно быть направлено не на выѣзныхъ возбудителей, а на поддержаніе или поднятіе оборонительной силы тканей.

5) Бактериологи исходятъ изъ того представленія, что лѣчить болѣзни слѣдуетъ химическими ядовитыми продуктами самыхъ

¹⁾ О форменныхъ измѣненіяхъ гистологическихъ элементовъ крови при гнѣвніи. СПб. 1875.

бактерій, какъ производителей данныхъ болѣзней. Въ настоящее время установлено ими два метода лѣченія: 1) При лѣченіи чахотки, ядъ, извлеченій изъ чистыхъ культуръ туберкулезныхъ бациллъ, посредствомъ впрыскиванія вводится въ организмъ больного. 2) Другой методъ, какъ, напр., при лѣченіи дифтерита и другихъ болѣзней, состоитъ въ томъ, что ядовитая культура бактерій впрыскивается здоровой лошади, въ крови которой дифтеритный ядъ долженъ обратиться въ противоядіе. Сыворотка этой крови впрыскивается пациенту. Въ первомъ случаѣ туберкулинъ долженъ обратиться въ антитуберкулинъ въ организмъ больного, во второмъ—это превращеніе яда въ противоядіе происходитъ въ крови животнаго.

Логика человѣка, воспитанного на обыкновенныхъ явленіяхъ природы, не можетъ помириться съ предположеніемъ, что въ организмѣ животнаго, отравленнаго, напр., стрихниномъ, морфиемъ, мышьякомъ и проч., могутъ вырабатываться продукты, со свойствами противоядій противъ этихъ-же ядовитыхъ веществъ.

6) Что касается дѣленія бактерій на роды и виды, то вопросъ этотъ въ настоящее время разрѣщается еще различно. Нѣкоторые не признаютъ нужнымъ дѣленія ихъ даже на двѣ главныя группы: съ одной стороны на бродильныя, плѣсневыя, гнилостныя и проч., съ другой на такъ называемыя патогенные, какъ потому, что при измѣненіи вицѣнныхъ условий, не только форма бактерій, но и физиологическая ихъ свойства измѣняются, такъ и потому, что тѣ и другія вырабатываются, какъ индифферентные алкалоиды, такъ и токсины равной ядовитости. Послѣдніе образуются не только при гнѣніи органическихъ веществъ послѣ смерти (трупный ядъ), но и при жизни въ разлагающихся частяхъ тканей. Они представляютъ собою алкалоиды, состоящіе изъ водорода, углерода, азота и иногда кислорода. Тѣмъ не менѣе въ виду важнаго значенія, какое оказываетъ среда на физиологическія свойства бактерій, мы не можемъ отрицать, что бактеріи, какъ необходимые спутники извѣстныхъ болѣзненныхъ процессовъ, могутъ вырабатывать алкалоиды, свойственные преимущественно той средѣ, въ которой они проявляютъ свою жизнедѣятельность,— подобно тому, какъ токсины, получающіеся при гнѣніи мяса или сыра, могутъ быть отличны отъ таковыхъ, образующихся при гнѣніи кукурузы и другихъ растеній.

7) Соглашаясь съ тѣмъ, что продукты жизнедѣятельности бактерій бываютъ ядовиты (также точно, какъ они могутъ быть и индифферентными), мы рѣшительно отвергаемъ предполагаемую цѣлебную способность этихъ ядовъ и скорѣе согласимся допустить, что они, будучи введены въ организмъ, могутъ принести вредъ живому существу и даже отравить его, нежели излѣчить,

8) Если-бы бактериологи оставили свое предвзятое мнѣніе, что всѣ болѣзни, которыми страдаетъ родъ человѣческій, происходять отъ бактерій, они, быть можетъ, при опытахъ своихъ пришли-бы къ совершенно другимъ выводамъ. Такъ, напр., они до сихъ поръ не доказали, что дифтеритная сыворотка дѣйствуетъ цѣлечи-
нѣе, нежели таковая изъ нормальной крови здоровой лошади. Необходимость таковыхъ опытовъ говорить сама за себя. Если дифтеритная сыворотка давала-бы лучшіе результаты лѣченія, нежели сыворотка нормальной крови, то бактериологи имѣли бы хотя эмпирическое основаніе говорить въ пользу ея цѣлечности; если-же, наоборотъ, результаты лѣченія сывороткою не дифтеритною будутъ такие-же, или еще лучше, то они могли-бы увидѣть невѣрность своего взгляда на лѣченіе.

Такіе опыты являются необходимыми и по другой причинѣ. Врачи, употребляющіе зараженную кровь лошади при лѣченіи больного, дѣйствуютъ съ одной стороны какъ бактериологи, съ другой—какъ органотерапевты. Нужно-же опредѣлить, на сторонѣ какого лѣченія перевѣсь въ пользу больного. Извѣстно, что нѣ-которые врачи употребляютъ для лѣченія препараты органовъ тѣла животныхъ, такъ, напр., сперминъ, печень и сердце теленка, препараты gl. thyroideas овцы и проч. Средства эти предписы-ваются многими врачами; у насъ въ Россіи они пропагандируются въ особенности журналомъ „Медицина и Фармація“, издаваемымъ д-ромъ химіи Poehl'емъ.

Производя впрыскиванія кровью животныхъ, не прибѣгаютъ ли и бактериологи къ органотерапії? Все это слѣдовало-бы принять во вниманіе, чтобы вступить на путь изслѣдований вполнѣ научныхъ. Тогда только бактериологи могли-бы внести свою лепту въ сокровищницу науки. Но для того, чтобы идти по новой стезѣ, нужно отрѣшиться отъ всякаго предвзятаго мнѣнія и отъ того узкаго и односторонняго взгляда, которымъ отличается большинство бактериологическихъ работъ, загромождающихъ собою въ настоящее время дорогу къ истинѣ.

Д-ръ А. Липскій.

О первобытномъ обществѣ.

(Окончаніе).

Въ противоположность Моргану видѣвшему въ дѣлениі на брачные классы „кровосмѣсительную“ семью предшествовавшую семье цуналуа, Куновъ основательно доказываетъ, что хотя брачные классы и древнѣе рода, ибо они возникли изъ дѣленія на поколѣнія „кровной“ семьи, но что классификація существующая у современныхъ дикарей и принятая Морганомъ за первоначальную, относится на самомъ дѣлѣ къ болѣе поздней эпохѣ, когда изъ орды уже выдѣлился тотемный союзъ. Господствующіе у этихъ народовъ взгляды на бракъ и родство не представляютъ самой первичной формы общественныхъ отношеній, какъ это утверждаетъ Морганъ: эти взгляды на самомъ дѣлѣ служатъ выражениемъ переходной фазы къ родовой организаціи, въ которой удержалось дѣление на возрастные классы паряду съ дѣлениемъ на тотемные союзы.

Морганъ постоянно исходить изъ системы родства ирокезовъ и имѣть въ виду при этомъ лишь племя сенека. Но господствовавшая у этого племени система не можетъ считаться нормальною: она опирается не на запрещеніе брака между членами рода, какъ это утверждаетъ Морганъ, а на исключеніе изъ половыхъ сношеній значительно болѣе обширнаго круга лицъ. Имѣя въ виду специфическую организацію брака у племени сенека и считая ее общимъ слѣдствіемъ родовой организаціи, Морганъ придерживается ошибочнаго взгляда на роль группового дѣления австралийскихъ племенъ. Игнорированіе именно возрастнаго характера брачныхъ группировокъ первобытныхъ племенъ привело Моргана къ очень большой путаницѣ.

Первоначальное дѣление на брачные классы отнюдь не служило, какъ это утверждаетъ Морганъ, для устраниенія половыхъ сношеній между близкими боковыми родственниками, а для устраниенія союзовъ между родственниками восходящей и нисходящей линіи, между родителями и дѣтьми, племянниками и племянницами и т. д. Дѣление на брачные классы выросло изъ дѣ-

ления на поколѣнія, о чемъ непреложно свидѣтельствуетъ этимологическое значеніе именъ этихъ классовъ, сохранившіяся институты, организація родства у австралійцевъ.

Въ основѣ дѣленія на могущія вступать въ бракъ группы лежала сначала идея различенія между „молодымъ“ и „старымъ“, малымъ и большимъ. Почти у всѣхъ австралійскихъ племенъ вся жизнь мужчины и женщины раздѣляется на три периода, имѣющей каждый свое особое имя: дѣтство, молодость и старость. Это дѣленіе не соотвѣтствуетъ нашему субъективному различенію этихъ же периодовъ, такъ какъ у австралійцевъ вступленіе въ каждый изъ этихъ периодовъ требуетъ исполненія ряда обязанностей и вмѣстѣ съ тѣмъ приносить многія привилегіи. Уже въ раннемъ возрастѣ ребенка начинаютъ подготавливать къ вступленію въ періодъ молодости. Его заставляютъ продѣлывать множества церемоній, пріучаютъ къ воздержаніямъ и лишеніямъ. Если 17—18-тилѣтній юноша въ состояніи выдержать рядъ испытаній, то его торжество причисляютъ офиціально къ періоду юношества и допускаютъ ко всѣмъ празднествамъ и церемоніямъ. При этомъ юноша получаетъ новое имя. Браки могутъ заключаться лишь дѣвушками и юношами, уже причисленными къ „юношеству“. Когда дѣти ихъ подростаютъ и въ свою очередь вступаютъ въ юношескій періодъ, родители причисляются къ старикамъ, что приносить за собою рядъ обязанностей и привилегій и новое имя.

Вступленіе въ періодъ юношества позволяетъ вступить въ бракъ и лишь члены юношеской группы могутъ принимать участіе въ битвахъ, охотахъ, празднествахъ. На старикахъ же лежитъ обязанность блюсти традиціи, обычай, церемоніи. Эта возрастная обособленность распространяется даже на ъду: юношамъ напр., запрѣщено употреблять въ пищу нѣкоторыя растенія и рыбы.

Всѣдѣствие всего сказаннаго родъ распадается на возрастныя группы, поколѣнія. Къ самой юной группѣ принадлежать дѣти и тѣ молодые люди, которые еще не выдержали испытанія; второй слой, составляютъ молодые люди имѣющіе право вступать въ бракъ и уже женатые, къ послѣдней группѣ относятся родители взрослыхъ дѣтей. И эти то дѣленія на поколѣнія и обусловливали характеръ первоначальной организаціи родства и лишь позднѣе развитіе рода и запрещеніе вступать въ бракъ извѣстнымъ лицамъ измѣнило эту систему. При первоначальной возрастной группировкѣ принадлежность къ тому или иному поколѣнію рѣшила степень родства; члены самого старшаго слоя считались родителями членовъ средняго слоя и эти послѣдніе родителями самого юнаго слоя. Выраженіе „отецъ“ означало сначала не дѣйствительную физиологическую связь, а принадлеж-

ность называемаго такъ лица къ старшему поколѣнію. То же самое слѣдуетъ замѣтить о выраженіяхъ мать, сестра, братъ и т. д. Это однако не означаетъ полнѣйшаго незнакомства съ тѣмъ, кто былъ дѣйствительною матерью или отцомъ.

Въ связи съ дѣленіемъ на возрастные группы находится и запрещеніе вступать въ бракъ въѣ границы своего поколѣнія. „Молодой“ человѣкъ не можетъ жениться на „старой“ женщинѣ; это считалось бы бракомъ между родителями и дѣтьми.

Положимъ, что я принадлежу къ самому младшему поколѣнію. Тогда всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ среднему поколѣнію, я называю материами и отцами—у пѣкоторыхъ австралійскихъ племенъ существуетъ лишь одно общее название для отца и матери—а всѣхъ лицъ самого старшаго поколѣнія моими дѣдушками и бабушками. Въ самомъ старшемъ поколѣніи я долженъ отыскивать своего дѣйствительнаго „дѣдушку“ (въ современномъ смыслѣ словъ), къ этому же поколѣнію обыкновенно принадлежать и всѣ его братья, хотя постѣднѣе—не необходимо. Напр., болѣе молодой двоюродный братъ моего дѣдушки можетъ принадлежать къ возрастной группѣ моего отца и наоборотъ, старшій двоюродный братъ моего отца можетъ принадлежать къ группѣ моего дѣдушки. Въ этомъ случаѣ само собою разумѣется, что дѣдушка называется своего двоюроднаго брата не братомъ, а отцомъ. Возможенъ случай, когда старшій братъ будетъ принадлежать къ „отцамъ“ младшаго брата. Переходъ одного лица изъ одной группы въ другую влечетъ за собою измѣненіе всей поменклатуры родства.

У австралійцевъ точно различаютъ между собственнымъ супругомъ и его братьями, а также между супругою и ея сестрами; братья мужа и мужья сестеръ считаются зятьями между собою и все таки мужъ и жена называютъ дѣтей своихъ родныхъ и двоюродныхъ братьевъ и сестеръ сыновьями и дочерьми. Какъ это примирить съ гипотезой Моргана, что дѣти считаются двоюродными братьями и сестрами своихъ родителей собственными дѣтьми, въ виду того, что они не могутъ установить свое происхожденіе? Въ такъ называемой гавайской системѣ родства мы находимъ рядъ названий, совершенно не мирящіхся съ гипотезой Моргана, именно слова: *kai*—*ko*,—*ka*, означающія зять, своячница; *hu*—*no*,—*na*, означающія свекръ, свекровь и т. д.

Если бы была вѣрна теорія Моргана и гавайская поменклатура означала бы состояніе, гдѣ братъ находился въ половыхъ сношеніяхъ съ сестрою, то приведенные выраженія остаются совершенно непонятными, такъ какъ при этомъ состояніи не могло бы быть ни зятя, ни свекрови.

Изученіе языка австралійцевъ опять таки указываетъ на то

что выражения отецъ, мать, дитя характеризовали возрастную группировку. Напр., у племени бануиви:

Кāmbājā означаетъ большой.
Kāmbuyā „ отецъ.
Kāmbakā „ жена.

У племени ваймбо:

Kum̄baia означаетъ большой.
Kum̄bia „ отецъ.

Дальнеѣшее развитіе семейной организаціи привело прежде всего къ исключенію изъ половыхъ сношеній родныхъ и двоюродныхъ братьевъ и сестеръ. Сначала это исполненіе распространилось лишь на дѣтей однихъ и тѣхъ же родителейъ, а затѣмъ и на дѣтей сестеръ и племянниковъ. Послѣдствіе подобнаго ограниченія выразилось въ томъ, что мужчина все болѣе приуждался искать себѣ жену въ своей орды. Вслѣдствіе этого орда развивалась въ родственную экзогамную группу, члены которой смотрѣли другъ на друга какъ на „очень близкихъ кровныхъ товарищъ“. Символомъ этого кровнаго родства служило какое-либо название растенія или животнаго.

На первоначальной стадіи развитія, когда орда еще не развилась въ экзогамную группу, стоять австралійскиеaborигены. Поэтому австралійцы наиболѣе пригодны для установленія генезиса брачной организаціи.

У австралійцевъ существуетъ такъ называемое отцовское право, т. е. ребенокъ принадлежитъ къ ордѣ, роду или фратрии отца, но при заключеніи браковъ принимается во вниманіе родство то по отцовской, то по материнской линіи. Вопросъ о томъ отъ кого произошелъ ребенокъ, отъ отца или отъ матери, совершенно не возникалъ у австралійца, пока мужчина выбиралъ себѣ жену въ собственной ордѣ. Семьи тогда собственно не существовало и рождающійся ребенокъ становился членомъ орды своихъ родителей.

Когда затѣмъ пришлось выбирать себѣ жену въ своей родной группѣ, возникъ вопросъ—къ какой, материнской или отцовской, группѣ долженъ причисляться ребенокъ и восторжествовало материнское начало. Съ возникновеніемъ родовыхъ и классовыхъ союзовъ система родственныхъ отношеній усложнилась. Когда орда развилаась въ экзогамный союзъ, члены котораго должны были брать себѣ женъ въ своей орды, уже недостаточно стало дѣленія на поколѣнія. Орда стала въ родственные отношенія къ другой ордѣ и это не могло, конечно, не отразиться на номенклатурѣ родства.

Здѣсь ужъ начинаютъ отличать братьевъ и сестеръ мужа или жены и своихъ братьевъ и сестеръ, а также между своими дѣтьми

и дѣтьми свекрови и ужъ впослѣдствіи между наследниками по мужской и женской линіи.

Дальнѣйшее измѣненіе наступаетъ тогда, когда экзогамная группа все болѣе расширяется и изъ соединенія нѣсколькихъ мѣстныхъ тотемовъ возникаютъ фратріи. При этомъ всѣ мужчины данной фратріи называются всѣхъ мужчинъ своей возрастной группы своими „братьями“, всѣхъ женщинъ своими „сестрами“, всѣхъ членовъ старшаго поколѣнія, безразлично, принадлежать они къ его тотему или нѣтъ, своими отцами и матерями и всѣхъ членовъ младшаго поколѣнія сыновьями или дочерьми. Всѣхъ женщинъ соотвѣтствующаго поколѣнія другой фратріи, изъ которой они могутъ брать себѣ жену, они одновременно называютъ „супругами“ и „кузинами“, мужчинъ же—зятьями.

Установленіе родства по женской линіи вновь влечетъ за собою измѣненія въ номенклатурѣ родства. Мужчины старшаго поколѣнія получаютъ уже название дядей (а не отцовъ, какъ прежде).

Такова была первоначальная организація родства; та же организація, которую описываетъ Морганъ, явилась позже. Стадія группового брака развилаась изъ вышеописанной стадіи возрастной организаціи. При групповомъ бракѣ не было совершенно беспорядочного полового сожитія; вступающія въ бракъ стороны всегда принадлежали двумъ различнымъ экзогамнымъ группамъ (ордамъ, поселеніямъ, родамъ, фратріямъ).

Описываемый Морганомъ бракъ пуналуа вовсе не былъ бракомъ между рядомъ единоутробныхъ и двоюродныхъ братьевъ и рядомъ единоутробныхъ и двоюродныхъ сестеръ, какъ это утверждаетъ Морганъ. Если бы это было дѣйствительно такъ, то тогда было совершенно непонятно, почему, напримѣръ, гавайцы называютъ сына брата отца „братомъ“, а мужа сестры своего мужа—„близкимъ товарищемъ“ такъ какъ въ данномъ случаѣ дѣло идетъ объ одномъ и томъ же лицѣ. На самомъ же дѣлѣ Морганъ ошибается, братъ мужа не всегда его же паналуа.

Таковы основные возраженія дѣлаемыя Моргану, въ той ихъ формулировкѣ, какая имъ была дана въ трудахъ Кунова. Они безспорно доказали, что первоначальной стадіей въ развитіи брачной организаціи была *возрастная* группировка.

Намъ остается въ заключеніе остановиться нѣсколько на вопросѣ о материнскомъ правѣ. Выше мы уже видѣли, что Бахоффенъ доказывалъ, что никогда существовала стадія господства материнского родства. Такая стадія несомнѣнно существовала, но о характерѣ ея Морганъ и въ особенности Бахоффенъ имѣли очень неточныя, невѣрныя представления.

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что еще весьма споренъ самый вопросъ о томъ, было ли господство материнского род-

ства характернымъ для самой первоначальной стадіи развитія. Изслѣдованные Бахофеномъ и даже Морганомъ народы стояли далеко не на примитивной ступени развитія, и очень многія данныя заставляютъ предполагать, что материнское родство отсутствовало на этой стадіи и появилось иѣсколько позже.

Такъ, напримѣръ, насколько позволяютъ судить имѣющіяся данныя, родство по женской линіи отсутствовало у низшихъ охотничыхъ племенъ. Здѣсь, пожалуй, даже наоборотъ: большее вниманіе удѣляется родственнымъ отношеніямъ между отцомъ и ребенкомъ. У ботокудовъ и австралійцевъ даже ребенокъ, котораго послѣ смерти мужа мать береть въ свой родъ, долженъ быть, по достижениіи возмужалости, возвращенъ въ родъ отца.

Австралійские негры, стоящіе на примитивнѣйшей ступени, всегда считаются одновременно съ родствомъ по отцовской и материнской линіи. Даже въ тѣхъ племенахъ, гдѣ тотемная имена передаются исключительно по женской линіи, принимается въ другихъ случаяхъ во вниманіе и отцовское родство¹⁾.

Бахофенъ и въ значительно меньшей степени Морганъ смѣшивали затѣмъ родство по женской линіи съ фактическимъ гла-венствомъ женщины, т. е. смѣшивали материество съ матріархатомъ. А между тѣмъ эти два явленія не находятся ни въ логической, ни въ исторической связи. Въ первобытную эпоху, когда не существовало никакого состоянія и следовательно нечего было наблюдать, вопросъ, родство не могъ играть важной роли, вопросъ же о правѣ, о власти быть вопросомъ о силѣ въ самомъ грубомъ и непосредственномъ смыслѣ этого слова. Правда, изслѣдованія первобытныхъ людей заставляютъ предполагать, что физическая дифференціація была въ ту эпоху несравненно слабѣе, чѣмъ теперь, но она все-таки была, функція дѣторожденія все-таки лежала на женщинѣ, кромѣ того чрезвычайно долгій періодъ кормленія грудью въ первобытное время, продолжавшійся до 3—4 лѣтъ, служилъ женщинѣ серьезною обузою при кочевомъ охотничьемъ образѣ жизни. Лишь послѣ того, какъ женщины научились заниматься примитивнымъ земледѣліемъ, повысилось ихъ значеніе въ борьбѣ за существованіе и уменьшилась ихъ зависимость отъ мужчины. Женщина стала скрѣпляющимъ центромъ рода, хранительницей домашняго очага. Это и было временемъ расцвѣта родства по женской линіи, при чемъ мѣстами родство по женской линіи могло развиться въ настоящій матріархатъ, въ господство женщинъ. Но повторяемъ, вообще говоря родство по женской ли-

¹⁾ „На самой низшей ступени культуры господство мужа надъ женой является самымъ безусловнымъ, самымъ неограниченнымъ“, говорить Гроссе, иѣсколько преувеличивая дѣло. (Ср. Гроссе. „Формы семьи и формы хозяйства“. Москва, 1898 г. стр. 311).

ни не вело за собою господства женщинъ. Ссылка на амазонокъ, бабъ-поляницъ и т. д. ровно ничего не доказываетъ, такъ какъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ вѣрю замѣтилъ г. Филипповъ¹⁾, можно ссылаться на Орлеанскую Дѣву въ доказательство того, что у французовъ той эпохи господствовали женщины и своею силою и властью не уступали мужчинамъ. Большинство современныхъ изслѣдователей отрицаютъ существованіе господства женщинъ въ первобытную эпоху, какъ общаго явленія, что не мѣшаетъ имъ, конечно, признавать существовавшее родство по женской линіи. Назовемъ Летурно („L'évolution du mariage“), Даргуну („Mutterrecht und Vaterrecht“), Кунова (уже названные труды), Лаврова „Опытъ исторіи мысли“), Гроссе („Формы семьи и формы хозяйства“) и т. д. М. Ковалевскій, склонявшійся прежде къ теоріи патріархата и считавшій, что господствовала нѣкогда преобладающая власть женщинъ, отказался впослѣдствіи отъ этого мнѣнія. Онъ писалъ: „данныя не оправдываютъ... ученія о существовавшемъ нѣкогда періодѣ женовластія“ „вмѣсто того, чтобы принадлежать женщинѣ, власть въ материнскомъ родѣ всецѣло со средоточивается въ рукахъ ея мужскихъ когнатовъ: дяди и брата²⁾.

Сплошь и рядомъ мы находимъ племена, признающія материнское родство и вмѣстѣ съ тѣмъ управляемыя деспотическою властью мужчинъ; съ другой стороны мы видимъ народы съ строго патріархальною организаціей семьи, а между тѣмъ они случайно подпали подъ власть женщинъ-правителей и женщинъ-предводителей. Извѣстный изслѣдователь Банкрофтъ разсказываетъ о племени команчей, которое, несмотря на свою патріархальную организацію, находилось подъ властью своихъ женъ и имѣло своимъ предводителемъ старую женщину. Вспомнимъ еще, что у евреевъ вполнѣ развитіе патріархальной семьи, женщиныользовались очень высокимъ общественнымъ положеніемъ.

Четверть вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ появилось въ оригиналѣ сочиненіе Моргана, лежащее передъ нами въ русскомъ переводе. За эти четверть вѣка соціальная эмбріология безостановочно развивалась и удивительно ли, что нѣкоторые догматическія стороны замѣчательного труда американского этнографа уже устарѣли, но съ методологической стороны развитіе науки приносило и приносить обильныя доказательства вѣрности точки зренія Моргана.

Усердно рекомендуемъ вниманію русскаго читателя замѣчательный трудъ американскаго ученаго.

П. Берлинъ.

¹⁾ М. М. Филипповъ. „Философія дѣйствительности“ т. 11. СПб. 1898 г., стр. 1161.

²⁾ М. Ковалевскій. „Законы и обычай на Кавказѣ“ т. I, стр. 26.

Гюи де Мопасанъ и его общество.

(Характеристика).

Мопасанъ родился въ Нормандіи и прожилъ въ ней большую часть своей жизни. Нормандія оставила глубокій слѣдъ на его характерѣ и на его произведеніяхъ.

Мопасанъ былъ рослый, статный человѣкъ съ открытымъ красивымъ лицомъ, веселый и остроумный. Вся его фигура дышала несокрушимымъ здоровьемъ. Онъ отличался большой физической силой, и еще въ молодости ходили слухи про его удаль. Мопасанъ былъ баловень успѣха. Всюду принятый и любимый всѣми за талантъ, онъ вносилъ всюду атмосферу юности и простоты. Всѣ искали его, чтобы отдохнуть душой въ его обществѣ, чтобы освѣжиться, словно вздохнуть воздухомъ лѣса. У него были друзья, но не было завистниковъ даже въ дни его высшей славы, потому что нельзя завидовать ребенку, который постоянно шутить и хочется падь всѣмъ на свѣтѣ.

Мопасанъ любилъ жить и развлекаться и на жизнь смотрѣть, какъ на развлеченіе. Его можно было встрѣтить то съ ружьемъ за плечами, блуждающимъ по лѣсамъ, то на гичкѣ, въ компаніи гребцовъ, плавающимъ по Сенѣ въ окрестностяхъ Парижа. Часто бывалъ онъ въ театрѣ среди актеровъ, художниковъ и поэтовъ, на свѣтскихъ базарахъ, праздникахъ, балахъ, любилъ стрѣлять, фехтовать, ѡздѣтъ верхомъ по Булонскому лѣсу. Не разъ видали его въ обществѣ женщинъ, сидящимъ за столомъ въ загородномъ ресторанѣ гдѣ-нибудь надъ водой въ бесѣдкѣ съ вьющимся виноградомъ, куда онъ прїезжалъ на своей лодкѣ. Мопасанъ путешествовалъ по Франціи и Италии, былъ въ Корсикѣ, Сициліи, жилъ на сѣверѣ Африки. Но любимымъ его развлечениемъ было путешествіе по морю. Къ морю возвращался онъ много разъ въ жизни и море описывать онъ всегда съ особою любовью. Въ рыбачкихъ лодкахъ пыталъ онъ въ Нормандіи по Ламаншу и на своей яхтѣ «Bel-amie» объѣздилъ французское побережье Средиземнаго моря.

Мопасанъ любилъ природу, но любилъ ее, какъ нормандецъ.

«Я наслаждаюсь всѣмъ,—пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ путешествій «На водѣ», — но наслаждаюсь на манеръ животнаго (*à la façon d'un animal*). Я учуваюсь всѣми ощущающими радостями жизни. Я люблю небо, какъ птица, лѣса, какъ блуждающей волкъ, скалы, какъ дикая коза, высокую траву, чтобы валяться въ ней, чтобы бѣгать по ней,

какъ конь, и свѣтлую воду, чтобы плавать въ ней, какъ рыба. Я чувствую, какъ трепещутъ во мнѣ задатки всѣхъ животныхъ, всѣхъ истинктоў, всѣхъ смутныхъ желаній низшихъ существъ... Я люблю землю, какъ эти животныя, а не такъ, какъ вы, люди, я люблю ее, не поклоняясь ей, не поэтизируя ее, не восторгаясь. Я люблю животной и глубокой, презрѣнной и священной любовью все, что живетъ, все, что растетъ, все, что мы видимъ, потому что все это, оставляя въ покой мой умъ, туманитъ мой взоръ и опьяняетъ мое сердце. Я люблю все: и дни, и ночи, и рѣки, и моря, и бури, и лѣса, и зори, и взглядъ, и тѣло женщинъ. Ласка воды на береговомъ пескѣ или на гранитѣ скаль волнуетъ и трогаетъ меня; и радость, охватывающая меня, когда меня гонитъ вѣтеръ и песетъ волна, исходить отъ того, что я предаюсь грубымъ естественнымъ силамъ міра и возвращаюсь къ первобытному состоянію... Въ жилахъ моихъ течетъ кровь древнихъ сладострастныхъ фавновъ. Я не братъ людямъ, а сродни всѣмъ животнымъ и всѣмъ велкамъ».

Мопасанъ думалъ и часто любилъ повторять, что онъ человѣкъ особой высшей организаціи, что есть области человѣческихъ чувствъ, доступныхъ только ему одному или немногимъ избраннымъ.

Но врядъ-ли это вѣро.

Мопасанъ не былъ такимъ избранникомъ. Онъ не чувствовалъ безконечности. Онъ не испыталъ не только экстазовъ фантазіи Шопена и мистическихъ видѣній Эдгара По, но и болѣе здравой тонкости чувства Байрона, Пушкина, даже Бретъ-Гарта. Чувство Мопасана рѣдко выходить за предѣлы его животныхъ ощущеній. Онъ чувствуетъ много, но его чувства не высокаго полета. Вотъ какъ онъ самъ рисуетъ ихъ:

«Когда я гляжу на холмъ,— пишетъ онъ въ романѣ «Mont-Oriol»,— на группу деревьевъ, взирающихъ на гору, у меня весь лѣсъ въ глазахъ: онъ проникаетъ въ меня, охватываетъ, течетъ въ моей крови, мнѣ кажется также, что я ємъ его, что онъ наполняетъ мой желудокъ, я дѣлаюсь самъ лѣсомъ!.. А какими наслажденіями я обязанъ моему носу!.. Я пью этотъ воздухъ, онъ опьяняетъ меня, я живу имъ, я чувствую все, что въ немъ есть, все, рѣшительно все!.. Никогда ничто не волновало такъ моего сердца, какъ запахъ винограда въ цвѣту! А потомъ такъ же могучій запахъ капитановъ, сладкое испареніе акаций, ароматы горъ, травы... «Вы слышите запахъ?»— пишетъ онъ далѣе.—А что?—Пахнетъ хлѣбомъ».— Но самое любопытное въ этомъ отношеніи — какъ Мопасанъ слушаетъ музыку. Онъ, конечно, не музыкантъ—она не дѣйствуетъ на его умъ, но она вообще не трогаетъ его сердца и не волнуетъ его фантазіи. Она даже не помогаетъ ему работать, какъ Дарвину. Онъ слушаетъ музыку первыми, онъ весь какъ будто превращается въ уши. «Когда я слушаю любимое мною музыкальное произведеніе,—читаемъ мы въ его «Vie errante»,— то прежде всего мнѣ кажется, что первые его звуки отдаляютъ мою кожу отъ моего тѣла, расправлиютъ, растворяютъ ее такъ, что она совсѣмъ исчезаетъ и тогда я, какъ бы заживо ободранный, остаюсь подъ всѣми ударами инструментовъ. На моихъ нервахъ играетъ оркестръ, на моихъ обнаженныхъ и трепещущихъ нервахъ, вздрагивающихъ отъ каждой нотки... И я слушаю музыку не только моими

ушами, но чувствительностью всего моего тѣла, выбириующаго съ головы до ногъ»...

Эта «животность» чувствъ должна развить эгоизмъ. И дѣйственно характеръ Монасана проникнуть такимъ свойствомъ.

Это не возвышенный эгоизмъ Шопена или Миосса, не эгоизмъ артиста, чувствующаго себя выше другихъ людей и потому охраняющаго свою чуткую душу отъ грубаго прикосновенія жизни. Эгоизмъ Монасана—самый простой, низкий, общечеловѣческий, такъ сказать, животный эгоизмъ. И тутъ повидимому, сказалась въ немъ Нормандія.

Въ романѣ «Pierre et Jean» старшій братъ, послѣ долгихъ психологическихъ тонкостей, убѣждается, что мать его измѣняла его отцу и младшій его братъ рожденъ отъ другого. Онъ приходитъ въ ярость, бросаетъ этотъ гадкій упрекъ въ лицо брату и матери и до того ихъ мучаетъ, что, видя самъ плачевные результаты своего тиранства, рѣшается уѣхать изъ родительскаго дома. Не говоря уже о томъ, что не пристало сыну являться судьею своей матери, читатель чувствуетъ тягостное впечатлѣніе не отъ соціального противорѣчія, которое хотѣлъ изобразить авторъ, а отъ сплошной жестокости и эгоизма, проникающаго весь романъ.

Къ женщинамъ Монасанъ относится не мягче.

Храбрый герой романа «Mont-Oriol» сходится въ порывѣ экзальтированной любви съ молодой женой богатаго биржевика. Когда же молодаая женщина, будучи отъ него беременної, утратила тонкость своей талии и красоту и гармонію своихъ формъ, художественный любовникъ не преминулъ влюбиться въ юную дѣственницу, дочь мѣстнаго винодѣла, и увѣнчать бракомъ свою новую любовь. Покинутая женщина вынесла жестокій ударъ и рѣшилась искать утѣшенія въ любви къ своему ребенку. И вся эта некрасивая исторія произошла отъ того, что герой былъ не изъ породы отцовъ, а любовниковъ, и привыкшій къ нравамъ Парижа его круга, смотрѣть на женщинъ, какъ на дичь, охота за которой болѣе или менѣе трудна (слова Монасана).

Но наиболѣе рѣзко проявляется эгоизмъ писателя въ его отношеніи къ страждущему человѣчеству. Область любви и состраданія, въ которой недавно царили въ литературѣ Андерсенъ и Диккенсъ и въ которой еще нынѣ есть вѣчно юный, какъ весна, представитель, называемый Бертъ-Гартомъ—недоступна Монасану.

Картины человѣческихъ страданій вызываютъ въ немъ не жалость и не желаніе помочь, а минутное отвращеніе къ жизни, желаніе уйти, уѣхать, не видѣть...

Въ разсказѣ «Шкафъ» онъ приходитъ къ женщинѣ легкаго поведенія и слышитъ въ шкафу шорохъ. Открывъ шкафъ, онъ находитъ въ немъ ребенка, котораго мать запираетъ туда, пока припимаєтъ гостей. Героя охватываетъ ужасъ и глубокое отвращеніе къ людямъ, къ жизни, и къ себѣ и онъ бѣжитъ прочь безъ оглядки...

Въ своемъ дневнике «На водѣ» Монасанъ описываетъ, какъ онъ однажды въ деревнѣ, по просыбѣ врача, поѣстиль двухъ умирающихъ: старуху и дѣвочку въ черной грязной лачугѣ. Онъ размышилялъ, сидя у огня, о бренности человѣческой жизни и «когда вошла сидѣлка,—пишетъ

онъ,—я оставилъ ей немного денегъ и поторопился уйти со своей собакой. Я бѣжалъ подъ дождемъ, какъ преступникъ: мнѣ все казалось, что я слышу позади себя сипѣніе этихъ двухъ гортаней, бѣжалъ къ моему теплому дому, гдѣ ждали меня мои слуги, приготавляя мнѣ вкусный обѣдъ»...

Мопасанъ бралъ отъ жизни все, что могъ, срывалъ всѣ цветы удовольствія, попадавшіеся на его пути. На все смотрѣлъ онъ глазами туриста, путешествующаго для развлечения.

Мопасанъ не былъ созданъ для усидчивой кабинетной работы ученика. Не въ характерѣ этого свѣтскаго охотника и рыболова было сидѣть въ библіотекѣ и въ книгахъ искать истину. Про него нельзя сказать: «savant comme Balzac». Въ его сочиненіяхъ мы не встрѣтимъ ни одной ссылки на научную книгу. На людей онъ смотритъ не сквозь призму извѣстныхъ обобщеній, выработанныхъ долгой терпѣливой мыслью философа и поэта. Мопасанъ смотритъ на людей глазами обыкновеннаго средняго человѣка. Мопасанъ не критикъ. Его критическіе очерки вообще слабы, а статья о Флоберѣ хороша главнымъ образомъ въ художественной ея части. Приведемъ одинъ примѣръ. Мопасанъ описываетъ, какъ у Флобера собирался кружокъ писателей: «Робко входитъ Тэнъ»,—пишетъ онъ. Даѣше онъ описываетъ его костюмъ, очки, манеры и т. п.,—словомъ все, что можетъ видѣть всякий, но вы и не подозрѣваете, что предъ вами философъ, авторъ «Происхожденія современной Франціи»... Да врядъ-ли и читаль Мопасанъ его произведенія!

Мопасану некогда было читать.

По натурѣ своей, онъ человѣкъ практическій, человѣкъ дѣла. Онъ не идеалистъ, не мечтатель, гоняющійся за фантазіей. Онъ знаетъ жизнь и цѣну людямъ. Его не надуешь на жизненному рынке. Онъ созданъ для борьбы. Нормандскій святой въ его «Легенда о горѣ св. Михаила» падуль самого чорта. Надо умѣть воевать со всѣми — говорить Мопасанъ въ разсказѣ «Прощеніе»,—или по крайней мѣрѣ жить въ вооруженномъ мири; кто наивенъ, того всегда обманываютъ, того, кто искрененъ, всегда проводятъ, того, кто добръ, всегда обзываютъ».

Критики говорили про Мопасана, что онъ возстановилъ форму новеллы XVI вѣка. Кажется, онъ сдѣлалъ это безсознательно, потому что онъ и по духу похожъ на писателей той эпохи. То были придворные и воины, принимавшіе дѣятельное участіе въ жизни своего времени. Они занимались политикой, были государственными дѣятелями или въ качествѣ гугенотовъ переживали гоненія и сражались, какъ простые солдаты. А писали они свои поэмы и новеллы, какъ д'Обинье, въ походной палатѣ между двумя битвами.

Мопасанъ, правда, былъ поставленъ въ другія условія жизни. У культурного человѣка конца XIX вѣка общество и государство отняло почти всякую инициативу. И Мопасанъ утратилъ свою первобытную силу. Большой художественный даръ развилъ въ немъ наблюдательность и сомнѣніе въ упцерѣ силѣ и рѣшимости. Наконецъ, наслѣдственный психическій недугъ, отъ котораго онъ погибъ впослѣдствіи, парализовалъ также его энергию.

И все, что осталось отъ этого монстра духа, рожденного для смѣ-

лыхъ подвиговъ,—ушло въ область литературы.—Онъ сталъ записывать свои мысли, чувства и наблюденія. Байронъ, умирая, сказалъ: «Въ концѣ концовъ, литература не была моимъ призваниемъ»... Эти слова пе лишены доли истины и примѣнны къ Мопасану.

Чтобы понимать твореніе Мопасана, надо помнить, что этотъ громадный художникъ во всемъ осталъномъ былъ обыкновеннымъ смертнымъ. У него не было высокой души. Оглушенный шумомъ славы и погруженный въ тину свѣтскихъ удовольствій, онъ жилъ еще болѣе пустой и призрачной жизнью, чѣмъ большинство, такъ какъ у него не было ни жены, ни дѣтей. Онъ подчинялся всѣмъ предразсудкамъ общества и совершалъ всѣ низости, терпимыя въ свѣтѣ. Онъ принялъ свѣтъ, какъ онъ есть, и глумясь надъ обществомъ, глумился надъ самимъ собою. Онъ гулялъ и веселился и цѣловалъ женщинъ «по трактирной привычкѣ», какъ выражается онъ самъ. И о всей его жизни, кромѣ литературы, можно смѣло сказать: «*Vanitas vanitatum*»!

Но и литературѣ онъ не могъ отдаваться всецѣло. Это была его любовница, а не законная жена. Онъ былъ черезтуръ нормандцемъ, чтобы служить такой отвлеченной идеѣ, такой фантастичной цѣли. И онъ, пожалуй, не отдавалъ себѣ отчета въ глубинѣ и важности своихъ твореній. Онъ былъ литераторъ, какъ охотникъ, любитель рыбной ловли, какъ поклонникъ женщинъ. Онъ писалъ, какъ жиль... для развлеченья... Онъ мыслилъ, потому что такъ *пріятно* мыслить (*tout de mème il est doux de penser*)...

* * *

Мопасанъ, какъ Байронъ, писалъ, что видѣлъ. Тэнъ, разбирая Байрона въ своей «Исторіи англійской литературы», считаетъ такое свойство недостаткомъ воображенія. Но то, что для Байрона, какъ романтика, было недостаткомъ, оказалось Мопасану великую услугу. Мопасанъ, описывая жизнь людей, достигъ такого поражающаго реализма, что въ его произведеніяхъ не видать порой ни автора, ни искусства, и они производятъ почти такое же впечатленіе, какъ сама жизнь.

Мопасанъ не задавался никакой отвлеченной цѣлью, онъ размышлялъ только надъ тѣмъ, что ему встрѣчалось въ жизни, но его размышенія всегда глубоки и часто вѣрны. Однѣй французский критикъ доказалъ, что большинство его разсказовъ взяты цѣликомъ изъ дѣйствительной жизни и большинство его героевъ—не вымыщленныя лица. Художественная правдивость Мопасана настолько велика, что картины, не видѣнныя имъ самимъ, какъ наприм. Индія въ разсказѣ «Шали» нарисованы очень слабо. Фантазія же его почва. Онъ силенъ только на землѣ, среди обыденной жизни.

Рассказы Мопасана написаны въ краткой формѣ французской остроумной повеллы. Форма эта доведена у него до такого совершенства, что напоминаетъ иногда импровизацію. Рассказъ начинается подробнымъ описаніемъ какой-нибудь мелочи, или характеристикой героя или какого-нибудь человѣческаго свойства и потомъ вдругъ, какъ-бы случайно развертывается самая тема. Рассказъ ведется гдѣ-нибудь въ замкѣ вечеромъ среди отдыхающихъ охотниковъ, или среди свѣтскихъ молодыхъ людей, встрѣтившихся на бульварѣ или въ гостиной знатной дамы. Рассказъ передается

въ видѣ анекдота, чтобы посмѣяться и развлечь слушателей. У Мопасана и на самомъ дѣлѣ ветрѣчаются разсказы, писанные только для развлечения. Къ нимъ относятся «Задвижка», «Преступленіе дяди Бонифація» «Бекасъ» и т. п. Въ нихъ кромѣ занимательности, нѣтъ никакой идеи. И въ книгѣ «На водѣ» онъ разскажать нѣсколько анекдотовъ.

Въ виду краткости разсказа, Мопасанъ не отдаѣтъ своихъ картинъ. Въ немъ нѣтъ утонченной артистичности Додэ и др. Онъ рисуетъ полными законченными штрихами. Онъ не вдумывается въ красоту картины, а передаетъ такъ, какъ она сама отразилась въ его душѣ. Съ этой точки зрѣнія онъ правъ, говоря, что не идеализируетъ природы. Онъ передаетъ чувство и картину иной разъ однимъ словомъ. Въ предисловіи къ дневнику «На водѣ» онъ говоритъ: «Я записывалъ каждый день то, что видѣлъ и думалъ, А видѣлъ я воду, солнце, облака и скалы, а думалъ я такъ, какъ думаютъ, когда волна баюкаетъ, усыпляетъ и уносить».

Картины Мопасана сильны по ихъ объективности. Въ немъ есть нѣчто мощное, напоминающее античнаго грека. Одинъ русскій критикъ сравнилъ картины Мопасана съ наивной живописью Гомера, и это сравненіе совершенно вѣно.

Но не смотря на всю красоту своего таланта, Мопасанъ не всегда выдержанъ. Онъ черезъ-чуръ нормандецъ, а избытокъ мужества есть грубость. «Кисть его груба, смѣхъ циниченъ» — говоритъ про Мопасана Рене Думикъ.—У Мопасана были здоровые крѣпкие нервы; и хотя онъ и считалъ ихъ особенно чуткими, однако на самомъ дѣлѣ ихъ не легко было разшевелить. Чтобы привести его въ поэтическое настроеніе, мало какой-нибудь капли росы, отражающей небо, или быстрого взгляда влюбленныхъ женскихъ глазъ, ему нужна пѣлая обстановка, широкая, романтическая, почти чудовищная картина.

Вотъ образецъ его картинъ.

«Высокія скалы бросали тѣнь на воду, описываетъ онъ рыбную ловлю въ разсказѣ «Вечеръ». Казалось, въ морѣ настроены башни.—Вдругъ я замѣтилъ, что море свѣтится медленные удары весель зажигали въ водѣ какой-то странный пловучій огонь, который далеко потомъ тянулся за нами и постепенно угасалъ. Я нагнулся и смотрѣлъ на эти струи блѣднаго свѣта, разбивавшіяся на мелкія части, на этотъ необъяснимый свѣтъ моря, на этотъ огонь, загорающійся отъ движения и умирающій вмѣстѣ съ послѣднимъ всплескомъ волны... Жарко было, очень жарко! Тьма, словно нагрѣтая печь, обдавала тепломъ... Вдали лаяли собаки... Въ отвѣтъ на лай раздавались голоса лисицъ, шакаловъ, гіенъ, а певдалекъ какой-нибудь одинокій левъ рычалъ гдѣ-то въ ущельи Атласа... Вдругъ лодочникъ зажегъ костеръ... (Описаніе въ страницу, какъ онъ зажигалъ и какъ костеръ началъ горѣть). Костеръ пылалъ осѣпительнымъ краснымъ заревомъ... Яркий свѣтъ костра проникалъ вглубь до самыхъ подводныхъ скалъ. Мы скользили надъ поразительнымъ лѣсомъ травъ: красныхъ, розовыхъ, зеленыхъ, желтыхъ... Волна такъ была свѣтла и чиста, что ея присутствіе скрѣе угадывалось, чѣмъ замѣчалось... Все подводное принимало таинственный видъ, какъ пейзажи сновидѣній... Въ травѣ показывались серебристыя рыбки и скрывались изъ вида. Другія спали еще, слабо повиснувъ среди водяного кустарника, блестящія, неуловимыя. Крабъ бросился въ сторону

прячась куда-то въ ямку. Голубоватая медуза, прозрачная, цвѣта блѣдной лазури— настоящій цвѣтъ моря— всѣмъ своимъ жидкимъ тѣломъ потянулась за нами. Потомъ морское дно вдругъ пропало, падая внизъ, туда, далеко... Пожелтѣвшее зеркало воды подернулось туманомъ. Въ глубинѣ виднѣлись только неясныя очертанія огромныхъ утесовъ, да темныя водоросли, слабо освѣщенныя пылавшимъ костромъ»..

Во всемъ этомъ нагроможденіи образовъ и красокъ не видать пластичнаго Мопасана, потому что лиризмъ не его область. Въ тѣхъ-же картинахъ, въ которыхъ Мопасанъ желаетъ, такъ сказать, быть по первамъ, онъ бѣть словно обухомъ, онъ переходить всякия границы художествен-ной мѣры, и рисуетъ кистью, безобразной по своей жестокости. Въ «По-другъ Поля» онъ подвобно описываетъ, какъ рыболовъ, вытащилъ изъ воды на удочекъ рыбу и, такъ какъ она не снималась быстро съ крючка, то выворотилъ ей крючкомъ всѣ внутренности. Въ «Вечерѣ» разсказано, какъ герой живому спруту поджигаль на кострѣ поги, пока не сжегъ его живьемъ, причемъ наслаждался воспоминаніемъ объ испанской инквизиції.. Такихъ картинъ у Мопасана много. Въ разсказѣ «Ньеро» старуха бро-сила свою собаку въ старый колодезь. Тамъ въ темнотѣ происходятъ ужас-ныя драмы. Въ то время какъ какое-нибудь животное умираетъ на днѣ описываетъ Мопасанъ эту яму, втеченіе десяти или двѣнадцати дней пи-тайась нечистыми остатками своихъ предшественниковъ, внезапно сбрасы-ваютъ новое, большое и конечно, болѣе сильное животное. И вотъ они остаются тамъ одни, голодные, со свѣркающими глазами, слѣдя другъ за другомъ, подстерегая одинъ другаго и какъ-бы колеблясь нѣкоторое время. Но голодъ побуждаетъ ихъ, они внезапно бросаются другъ на друга, долго, ожесточенно борются и болѣе сильный одолѣваетъ болѣе слабаго, пожирая его живьемъ. Сравненія его часто не менѣе безобразны— «глаза его вва-лились»— пишетъ онъ въ романѣ «*Tort comme la mort*», точно ихъ кто тащилъ къ себѣ изнутри веревкой (!).

Самая слабая мѣста въ произведеніяхъ Мопасана, это — тѣ, въ кото-рыхъ онъ желаетъ быть поэтичнымъ и предается лиризму. Да и странно было-бы видѣть какого-нибудь закаленного героя тридцатилѣтней войны съ мандолиною трубадура въ рукахъ. Стихотворенія Мопасана самостоятель-ного интереса не возбуждаютъ.— Когда Мопасанъ описываетъ лунный свѣтъ (это его любимая тема— тоже грубо-ватая въ смыслѣ поэзіи) онъ настолько, хотя безсознательно, чувствуетъ свою слабость, что наполняетъ страницы своихъ книгъ чужими стихотвореніями.

Итакъ, мы видимъ, что нормандское происхожденіе Мопасана выра-зилось и въ нѣкоторой грубости его художественнаго дара.

Мопасанъ любилъ женщины. Женщины, повидимому, играли очень важ-ную роль въ его жизни; и имъ посвящены почти три четверти всѣхъ его произведеній. Любовь во всевозможныхъ видахъ и женскіе типы, самые разнообразные, начиная отъ свѣтской дамы и кончая крестьянкой, напол-няютъ страницы его разсказовъ. Гдѣ-бы ни былъ Мопасанъ, его первая мысль о женщинахъ. Когда навстрѣчу ему попадаются кавалеръ съ дамою, онъ онъ не замѣчаетъ мужчины. Если Лермонтовъ говорить, что иѣть такой красивой женщины, которой онъ-бы не забыть, глядя на картину природы, то Мопасанъ можетъ смѣло сказать обратное. Для него природа сосредо-

точиваются на женщинѣ. Мопасанъ не идеализируетъ женщины, онъ не ищетъ обыкновенно возвышенной поэтичной любви Миоссэ и не восхищается женственностью ума и характера своихъ героинь, какъ Бальзакъ; онъ любить женщинъ животной любовью, онъ любить ихъ тѣло, ихъ физическую красоту, «*c'est un amant enrage de la chair*».

Онъ постоянно думаетъ о женщинахъ и говорить о нихъ при всякомъ случаѣ. Изъ его мнѣй о любви и женщинахъ можно составить цѣлую книгу афоризмовъ. «Ничто мнѣ такъ не нравится, какъ хорошенькая дѣвушка, гдѣ-бы она ни была, къ какому-бы классу она ни принадлежала». «Я въ восторгѣ отъ свѣжихъ женщинъ, дѣйствительно *свѣжихъ*... Я восхищаюсь ими, какъ убѣжденный артистъ».., «Онъ былъ одержимъ, говорить Мопасанъ про одного своего героя—постоянныемъ желаніемъ и мыслями о женщинѣ» (Mont-Oriol). Онъ искусился въ любви, какъ старый солдатъ на маневрахъ, опытный во всѣхъ хитростяхъ ухаживанья и вѣжности.—Женщину Мопасанъ называетъ самой лучшей книгой при слѣдующихъ условіяхъ: герой разсказа «*Ce cochon de Morin*» вошелъ въ комнату къ молодой дѣвушкѣ.—«Я забылъ попросить вѣсть кое-что дать мнѣ прочесть... Она сопротивлялась, но я скоро нашелъ книгу, которую искалъ. Я не назову ея заглавія. Это былъ самый чудный романъ и самая божественная поэма въ свѣтѣ».. И въ природѣ Мопасанъ видить преимущественно любовь. Природа для него—чудовищная самка. Вотъ какъ описывается онъ наприм. закатъ солнца на морѣ. (*Une vie*) «Послѣдняя дуновенія вѣтра стихли, всякая зыбь сгладилась, и неподвижный парусъ сталъ краснымъ.. Безграничное затишье, казалось, хотѣло усыпить пространство, окружить безмолвіемъ эту встрѣчу элементовъ, тогда какъ море, выгибая подъ небомъ свое блестящее и струистое чрево, эта чудовищная невѣста, ожидало своего огненнаго любовника, медленно опускавшагося на нее. Онъ торопилъ ея паденіе, весь горя желаніемъ обладать ею. Онъ настигъ ее и вотъ понемногу она его пожрала. Тогда съ горизонта повѣяло свѣжестью, дрожь пробѣжалась по колыхавшейся груди воды, точно проглоченное свѣтило обдало міръ вздохомъ удовлетворенія. Гейне въ «Нордзее» сравниваетъ блѣдную луну, подымающуюся за уходящимъ солнцемъ съ влюбленной женщиной, стремящейся къ своему возлюбленному. Но насколько благороденъ образъ Гейне, настолько грубо чувственна картина Мопасана.

Въ области искусства наиболѣе сильное впечатлѣніе оставляютъ на Мопасанѣ образы женщинъ, созданныхъ для любви. «Флоренція притягиваетъ меня,—пишетъ онъ въ «Бродячей жизни»,—почти чувственнымъ образомъ, отъ того, что тамъ существуетъ картина Тиціана, это изображеніе лежащей женщины, этотъ чудный сонъ плутской красоты. Когда я думалъ о Флоренціи, преисполненной такихъ прелестей, что устаетъ къ концу дня глядѣть на нихъ, точно воротился съ дальней охоты, всякий разъ, среди обступающихъ меня воспоминаний, сверкнетъ вдругъ это длинное полотно съ лежащей на немъ крупной женщиной, обнаженной въ беззастѣничной позѣ, свѣтлорусой, бодрствующей и спокойной». Но яснѣе всего высказывается Мопасанъ свое предпочтеніе физической красоты женщины въ описаніи статуи Венеры, видѣнной имъ въ сиракузскомъ музѣ. «Это—не идеализированная, не божественная и величавая женщина въ родѣ Венеры Милосской, а просто настоящая женщина, какую любишь и

желаетъ и стремицься обнять. Она полная, съ высокою грудью, съ могучими бедрами, съ ногами нѣсколько тяжеловатыми, однимъ словомъ, вполнѣ плотская Венера, которую, увидавъ стоящей, хочется положить. Недостающей рукой она прикрывала грудь; оставшейся она держитъ драпировку, прелестнымъ жестомъ пакрывая ею наиболѣе сокровенныхъ изъ своихъ прелестей. Вся фигура задумана, исполнена, направлена къ этому движению, всѣ линии указываютъ на него, вся мысль на немъ сосредоточена. Этотъ жестъ—простой и естественный, стыдливый и безстыдный, прячущій и указывающій, привлекающій и ускользающій—опредѣляетъ кажется, всю роль женщины на землѣ. И этотъ мраморъ живеть: хочется осязать его руками, съ увѣренностью, что онъ будетъ поддаваться, какъ живое тѣло. Главная красота этой фигуры—въ бедрахъ. Съ какой мягкой грацией развивается волнообразная линія этой полной женской спины отъ затылка до пятокъ, проходящая черезъ всѣ модуляціи человѣческой прелести, выраженная и очертаніемъ плечъ, и округленностью бедръ, и легкой выпуклостью ноги, съуженной къ щиколодкамъ».

Женщина, какъ любовница, играетъ вообще во французской литературѣ сравнительно большую роль, чѣмъ въ пѣмѣцкой, англійской и др. Романы Жоржъ Зандъ, Бальзака, Золя, Додэ, разсказы Миоссэ проникнуты, такъ сказать, женшиной и любовью. Ни въ одной литературѣ нѣть такихъ произведений, какъ Машонъ Леско и Новая Элоиза, а если мы оглянемся на еще болѣе раннюю эпоху, то встрѣтимъ имена Брантома и Рабле, этихъ завзятыхъ поклонниковъ женщины, грубыхъ и сильныхъ, какъ все ихъ время. Но врядъ-ли кто изъ старыхъ или новыхъ писателей Франціи питалъ такую сильную всеноглощающую страсть къ женщинамъ, какъ Монасанъ.

Мы любимъ женщинъ,—пишетъ онъ (На водѣ).—Мы ихъ умѣемъ любить, пылко и легкомысленно, остроумно и почтительно. Кто хранить въ своемъ сердцѣ любовный пыль, тотъ окружаетъ женщину глубокою и веселою нѣжностью. Онъ любить все, что исходитъ отъ женщины, все, что въ нихъ есть и все, что онъ дѣлаютъ. Онъ любить ихъ наряды, ихъ бездѣлушки, ихъ хитрости, наивность, коварство, ихъ ложь и граціозную миловидность. Онъ любить ихъ всѣхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, молодыхъ и даже старыхъ, брюнетокъ, блондинокъ, полныхъ, худыхъ. Около нихъ, посреди нихъ онъ чувствуетъ себя въ своемъ элементѣ. Онъ вѣчно оставался-бы съ ними, никогда не уставая, никогда не скучая, счастливый однимъ ихъ присутствіемъ. Онъ съ первыхъ-же словъ, взглядомъ, улыбкою, умѣеть пробудить ихъ вниманіе, прищирить ихъ желаніе нравиться, развернуть предъ нимъ всѣ свои средства обольщенія.—Между ними и имъ устанавливается тотчасъ живая симпатія, какое-то инстинктивное товарищество, какое-то родство характера и природы. Между ними и имъ начинается поединокъ кокетства и любезности, завязывается таинственная дружба на военную ногу, устанавливается темная связь ума и сердца. Онъ умѣеть сказать то, что имъ нравится, дать имъ понять, что онъ думаетъ, высказать, никогда не оскорблія ихъ хрупкій и неустойчивой стыдливости, скромное и сильное желаніе, всегда горящее въ его глазахъ, дрожащее на губахъ и кишащее въ жилахъ. Онъ ихъ другъ и рабъ, служитель ихъ капризовъ и обожатель ихъ особы. Онъ всегда готовъ по-

первому зову помочь имъ, защитить ихъ, какъ тайный союзникъ. Онъ желалъ-бы пожертвовать собой для нихъ, для тѣхъ, которыхъ онъ знаетъ мало, для тѣхъ, которыхъ онъ не знаетъ вовсе, для тѣхъ, которыхъ онъ никогда не видалъ. Онъ любитъ женщину, которая прошла мимо него на улицѣ и скользнула по немъ взглядомъ. Онъ любить девочку съ непокрытой головой, голубымъ бантикомъ въ волосахъ и цветкомъ на груди, съ робкимъ или смѣлымъ взглядомъ, торопливо или медленно пробирающуюся среди уличной толпы. Онъ любить всѣхъ незнакомыхъ—и продавщицу, мечтающую на порогѣ своей лавочки, и беспечную красавицу, лежащую въ открытомъ экипажѣ. Для него женщина украшаетъ міръ, дѣлаетъ жизнь привлекательной и т. д., и т. д.

Въ этой страсти Мопасана къ женщинамъ виденъ тотъ-же избытокъ силы и здоровья, который характеризуетъ его, какъ человѣка и какъ художника.

Но уже въ 1883 году (Мопасантъ родился въ 1850) появляется его разсказъ «Страхъ», и душа этого здороваго человѣка все болѣе и болѣе омрачается. «Мопасанъ пораженъ безумiemъ,—пишетъ Золя,—это было для всѣхъ неожиданностью». Однако, въ томъ-же 1883 г. написанъ имъ романъ «Жизнь», ужасный по своему мрачному взгляду на людей и жизнь. Въ 1884 г. Мопасанъ излилъ свое гнетущее настроение въ рассказѣ «Lui?» Рассказъ этотъ уже прямо больной въ психическомъ отношеніи. Въ 1886 г. написаны: «Un fou» и «Solitude», въ 1887 г.—«Le horla», въ 1888 г.—«Nos lettres», «La nuit», въ 1890 г.—«Qui sait?» и т. д. Сумасшествіе Мопасана принимаетъ угрожающій видъ.

Раньше всего, подъ вліяніемъ сердечной тоски, въ немъ развивается крайній пессимизмъ. Онъ окрашивается всѣ его мысли, отравляетъ всѣ его прежнія радости. Онъ не вѣритъ ни во что хорошее. Красота—обманъ, природа—смерть. Въ дыханіи любимой женщины онъ замѣчаетъ запахъ разложения и проникнутый отвращеніемъ къ женщинѣ, ищетъ любви у цветковъ (см. Бракоразводное дѣло). Такія фразы, какъ «Ахъ, какъ я не-навижу людей!»—«Что можетъ быть отвратительнѣе человѣка!»—«Какъ люди безобразны!»—«Какъ безграницна людская глупость!»—встрѣчаются все чаще и чаще въ его произведеніяхъ.—Мопасану становится ненавистнымъ лицо человѣческое. Онъ не выносить Парижа и городской суеты. Всемирная выставка со всѣмъ, что интересуетъ людей и нравится имъ, возбуждаетъ въ немъ уныніе и злобу. «Я бѣгу отъ Эйфелевой башни—начинаетъ онъ описание своихъ путешествий главой подъ заглавіемъ «Тоска». Эта башня мозоитъ ему глаза, какъ всѣ люди и вся жизнь. Онъ уходитъ въ лѣса и уѣзжаетъ на яхтѣ въ море. Онъ наслаждается одиночествомъ, неизвѣстностью и полнѣйшимъ покоямъ. Никто не придетъ къ нему въ гости, никто не заставитъ его говорить. Что можетъ быть ужаснѣе человѣческихъ разговоровъ! Никто не знаетъ, гдѣ онъ и не напишетъ ему письма, чтобы отнять частицу его жизни, заставить думать о себѣ, лишить покоя!

Взглядываясь въ жизнь людей и въ свою собственную, онъ приходитъ къ самымъ безотраднѣмъ выводамъ. Его охватываетъ полное разочарованіе. Къ чему онъ живъ? Что онъ сдѣлалъ? И что ждетъ его? Онъ погибнетъ одинокимъ, какъ и жилъ, и вѣрою, никто не пожалѣтъ

о немъ. И что такое человѣкъ?—Муха, попавшая въ бутылку и ударяющаяся о ея стѣнки при малѣйшей попыткѣ вылетѣть.

Чувства его обострены. Они доходить до крайней степени возбуждости. Онъ чувствуетъ теперь все сильнѣе и больше, воображеніе его становится ярче и озаряется уже болѣзненнымъ блескомъ. Онъ изнемогаетъ отъ работы чувствъ. Онъ страдаетъ отъ всего, что видитъ, слышитъ и наблюдаетъ. «Зачѣмъ это страданіе жизни, тогда какъ другіе испытываютъ одно удовлетвореніе? Зачѣмъ грызть меня эта певѣдомая тоска? Отчего я не могу узнать реальности удовольствій, ожиданий и наслажденій? Я пишу отъ того, что понимаю и страдаю отъ всего, что есть... (На водѣ).

Природа не успокоила разстроеннаго воображенія и не вернула равновѣсія больной душѣ. Мопасанъ сталъ тяготиться одиночествомъ, своей заброшенностью, своей ненужностью. «Я женился, чтобы не быть однимъ,— говоритъ герой разсказа «Онь». Разсказъ «Solitude» напоминаетъ вполнѣ сложившееся помѣшательство, проявляющееся въ боязни пустыхъ площадей, пустыхъ комнатъ.—«Я не хочу больше быть одинъ ночью. Я хочу чувствовать подлѣ себя живое существо, совсѣмъ близко, около, которое могло бы говорить... все равно что, чтобы слышать голосъ, сознавать, что въ моей квартирѣ живутъ, чувствовать присутствіе жизни... чтобы видѣть, когда я внезапно зажгу свѣчу, человѣческое лицо подлѣ меня... потому что... потому что... (мнѣ стыдно сознаться) я боюсь, когда я одинъ!...

Умъ Мопасана полонъ противорѣчій, душа полна мрака. Онъ не видитъ людей и все людское. «Люди, это какъ камень!»—говорить онъ и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ боится остаться одинъ, онъ дрожитъ отъ ужаса при мысли объ одиночествѣ. И уйти ему некуда, некуда бѣжать отъ самого себя!

Тогда мысль о смерти заполоняетъ его умъ.

Встрѣчаешьъ ли онъ свою старинную знакомую, которую онъ любилъ молодой цветущей девушкой, онъ пораженъ перемѣной, произшедшей съ ней—она полная женщина, окруженнная дѣтьми. И прошло только 12 лѣтъ. А гдѣ та, которую онъ любилъ? Умерла,—ея ужъ нѣтъ! Вспоминаешьъ ли онъ свою молодость, онъ плачетъ надъ потеряннымъ счастьемъ («Расказаніе»). Всюду предъ нимъ смерть. Вся природа постоянно умираетъ. Мопасанъ жестоко страдаетъ въ жизни. «Насъ надо жалѣть»,—говорить онъ про писателей—и онъ тоскуетъ при мысли о смерти. Онъ чувствуетъ приближеніе конца.

Слабѣющій умъ его сталъ подверженъ неописуемымъ страхамъ и галлюцинаціямъ. «О, только тотъ пойметъ меня, кто самъ испыталъ эти глупые, ужасные страхи. Душа точно отлетаетъ, сердце перестаетъ чувствовать, все тѣло дѣлается мягкимъ, какъ губка, какъ будто распалась вся внутренняя сторона человѣка» (разсказъ «Видѣніе»). Онъ описываетъ ужасы убийцы, которому является привидѣніе убитаго имъ человѣка, страхъ смерти отъ сыпучаго песку въ Африкѣ и т. п. Разныя видѣнія посыпаютъ его. Давно умершая владѣтельница замка заставляетъ его расчесывать ей волосы («Видѣніе»). Возвращаясь домой по почамъ, онъ слышитъ у себя невообразимый шумъ и вся его мебель гуляетъ по комнатѣ и наконецъ,

выходить на улицу («Кто знает?»). Въ разсказѣ «Онъ» и «Орля» (самые сильные изъ его больныхъ разсказовъ) Мопасанъ описываетъ, какъ всюду онъ видитъ своего двойника, который мѣшаетъ ему жить, парализуетъ его движенія, преслѣдуетъ его. Затѣмъ слѣдуютъ еще разсказы: «Трусь», «Наши письма», «Ночью», «Сумасшедшій» и т. д.

Мопасанъ сознавалъ свой недугъ. «Неужели я лишился разсудка?— говорилъ онъ незадолго до смерти.— То, что произошло, то, что я видѣлъ въ прошлую ночь, до такой степени странно, что голова у меня идетъ кругомъ... я становлюсь помѣшаннымъ...» «Брѣясь,— пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,— я ежедневно испытываю желаніе перерѣзать себѣ горло...» И дѣйствительно, въ припадкѣ сумасшествія, онъ пытался кончить жизнь самоубийствомъ.

Полтора года послѣ этого прожилъ еще онъ въ домѣ для умалишеныхъ, не возвращаясь болѣе къ сознанію, и умеръ въ Парижѣ 5 июля 1893 года, 43 лѣтъ отъ роду.

* * *

Но что сдѣлалъ Мопасанъ? Въ чёмъ его новое слово?

Мопасанъ, сельскій житель, обожающій природу, привыкшій къ тиши лѣсовъ и свободѣ полей, сильно чувствующій и безъ всякаго стыда обнаруживающій свои чувства, попадаетъ въ шумный городъ, въ суетливую бульварную жизнь, въ атмосферу дымного кафе. Онъ становится чиновникомъ, просиживаетъ часы, дни, годы за унылымъ столомъ департамента, въ однообразной бесплодной работѣ (Мопасанъ лѣтъ 10 служилъ въ морскомъ министерствѣ). Онъ знакомится съ міромъ журналистовъ, съ чиновниками другого чернильного царства, съ дамами свѣта и полусвѣта, съ безобразными развлечениями столичнаго жителя. Сначала онъ живетъ какъ живутъ всѣ, работаетъ, развлекается, веселится, примѣняется къ людямъ и обстоятельствамъ, входить вполнѣ въ кругъ жизни культурнаго человѣка, участвуетъ даже въ шинели солдата въ походѣ 70-го года. Но мало-по-малу онъ начинаетъ вглядываться въ окружающую его обстановку, вдумываться въ основы общественной жизни и на каждомъ шагу онъ наталкивается на противорѣчія—противорѣчія между обществомъ и природой, среди которой онъ выросъ. Онъ старается выйти изъ этихъ противорѣчій, но они окружаютъ его все сильнѣе и, наконецъ, каждое явленіе общественной жизни кажется ему извращеніемъ природы.

«Общественные учрежденія,—говорить Руссо,—находящіяся въ противорѣчіи съ природой человѣка, ничего не стоять». Мопасанъ не рѣшился высказать мнѣніе этого крайняго мыслителя XVIII вѣка. Онъ не вышелъ, такъ сказать, изъ противорѣчій, не осилилъ ихъ, онъ только подчеркнулъ ихъ, указалъ на нихъ людямъ, бросилъ насмѣшливый упрекъ въ лицо обществу, вселилъ въ души сомнѣніе и беспокойство. Руссо восторгался естественнымъ состояніемъ людей, онъ обрушился моральной проповѣдью на крайности цивилизациі, мечталъ вернуть человѣчество къ простотѣ первобытныхъ нравовъ. Онъ дѣйствительно увлекалъ людей своимъ фантастичнымъ краснорѣчіемъ. Оптимистъ и мечтатель, онъ давалъ нечто положительное. Мопасанъ же пессимистъ и практикъ въ родѣ Макіавелли, слишкомъ хорошо зналъ животную сторону человѣка, чтобы

увлечься какой-нибудь теорией. Поэтому задача Мопасана главным образомъ отрицательная.

Онъ подкапывается подъ связь, соединяющую общественное зданіе съ фундаментомъ природы, разрываетъ ее, превращаетъ ее въ прахъ, показываетъ ея ничтожество. Логический премъ Мопасана—премъ опытного и умного діалектика. Онъ становится на точку зрѣнія своего противника и доводя постепенно до крайности его мысль, заставляетъ его впасть въ противорѣчіе. И многія основы общественной жизни оказываются сплошною ложью. Мопасанъ не ищетъ причинъ зла и не даетъ средствъ къ его устраненію, ему безразлично, кто виноватъ, онъ не имѣетъ предвзятыхъ мыслей, онъ рисуетъ только, что видѣть, а видѣть онъ, что есть.

Первое, что бросилось въ глаза Мопасану, это—сила общественного мнѣнія. Общественному мнѣнію подчиняются все и всѣ. Оно регулируетъ нравы, внушаетъ убѣжденія, диктуетъ законы. Общественное мнѣніе есть величайшая сила. Оно царить надъ людьми, царить надъ царями. Наблюдая эту силу, Мопасанъ показываетъ, что она не строгая величественная матрона, а просто куртизанка самого низкаго разбора. Она не имѣеть основъ въ незыблемыхъ вѣчныхъ законахъ нравственности, а постоянно мѣняется въ зависимости отъ настроения, народа, климата, почвы и т. п. Мопасанъ любить поэтому изображать разнообразіе взглядовъ и направлений разныхъ народовъ. Въ легендахъ о горѣ св. Михаила онъ разсказываетъ, какъ св. Михаиль, покровитель нормандцевъ, побѣдилъ дьявола, и кончаетъ разсказъ словами: «Другой народъ представилъ бы себѣ эту борьбу иначе». Въ разсказѣ «Вендетта» и въ картинахъ Корсики, парижской въ романѣ «Жизнь», онъ даетъ яркія характеристики корсиканскихъ взглядовъ на обиду и месть. То, что для одного народа считается преступлениемъ, то для другого—необходимость, предписанная общественнымъ мнѣніемъ. За что въ холодномъ климатѣ грозитъ тяжкое наказаніе, то въ жаркой странѣ — общепринятый обычай. Въ разсказѣ «Шали» авторъ посѣтилъ одного индійскаго князька. Гостепримный хозяинъ отвелъ ему часть своего дворца среди знойнаго тропического лѣса, гдѣ въ густыхъ ліанахъ качаются райскія птицы и скачутъ дерзкія обезьяны. Гость, войдя въ свою комнату, нашелъ въ ней нѣсколько маленькихъ дѣвочекъ, присланныхъ для его развлеченія. «Я понялъ, что здѣсь предпочитаютъ плодъ, пока онъ зеленъ», пишетъ Мопасанъ. Онъ выбралъ себѣ старшую, лѣтъ 13-ти, напоминавшую прекрасную статуэтку изъ слоновой кости и вскорѣ она стала его женою. «Я игралъ съ ней, какъ отецъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ласкалъ ее, какъ мужчина». — «Когда я цѣловалъ ее, — пишетъ онъ далѣе,— мнѣ казалось, что я держу въ своихъ объятіяхъ цѣлую древнюю расу». Онъ подарилъ своей «Шали» коробку изъ раковинъ, игрушку, имѣющую самую ничтожную цѣну. Шали обвинили внослѣдствіи въ кражѣ этой коробки и уточили за это въ озерѣ. Итакъ, тамъ, гдѣ разрышается пользоваться маленькой дѣвочкой, какъ предметомъ наслажденія, тамъ за кражу ничтожнаго предмета зашиваютъ въ мѣшокъ и бросаютъ въ воду.

Мало того, общественное мнѣніе, которому подчиняются люди, не выше ихъ. Это—мнѣніе толпы, средины, большинства, мнѣніе такое же

среднее, неумное, какъ толпа, недовѣрчивое, завистливое и злорадное, склонное видѣть во всемъ дурную сторону. Въ разсказѣ «Boitelle» (это одинъ изъ безукоризненныхъ перловъ поэзіи Мопасана) молодой солдатикъ въ Гаврѣ влюбился въ негритянку, прислуживавшую въ кафе. Дѣвушка была достойная во всѣхъ отношеніяхъ, но родители Буателя, нормандскіе крестьяне, признавая всѣ ея достоинства, не согласились, однако, на ихъ бракъ только потому, что она совсѣмъ не бѣлая (*mais elle est brin blanche!*). Покорный сынъ отказался отъ невѣсты, но потерялъ и счастье. Потомъ у него была жена и 12 человѣкъ дѣтей. «Да, жена,—говорить онъ,— я люблю свою жену, но... это совсѣмъ другое дѣло... та, первая, негритянка, когда, бывало, на меня взглянетъ, я чувствовалъ себя счастливымъ, не зная самъ почему»...

Злоба общественнаго мнѣнія нарисована въ разсказѣ «Бичевка». Идя на базаръ, дядя Гошкорнъ нашелъ на дорогѣ бичевку, поднялъ ее и сунулъ въ карманъ. Шорникъ замѣтилъ это. Въ это время кто-то потерялъ на дорогѣ портфель съ деньгами. Шорникъ рассказалъ про дядю Гошкорна, и всѣ обвинили его въ кражѣ денегъ. Какъ ни доказывалъ обвиняемый, ему никто не вѣрилъ. Портфель вскорѣ нашелся, но всѣ думали, что это дядя Гошкорнъ подстроилъ его находку и несмотря на всѣ увѣренія въ невиновности, всѣ смеялись старику въ лицо и говорили ему: «Старый шутъ! Поди ты, старый плутяга!» Наконецъ, шутъ такъ долго рассказывалъ про бичевку, что лишился ума и умеръ, повторяя въ agonії:—«Такая маленькая бичевочка... маленькая бичевочка... да вотъ она, посмотрите, г. мэръ»...

Въ обоихъ этихъ разсказахъ Мопасанъ создалъ большое обобщеніе. Сколько въ самомъ дѣлѣ жизней разбито изъ-за такого *«elle est brin blanche»* и сколько страшныхъ судебныхъ ошибокъ основано на маленькихъ бичевочкахъ!...

Но общество поглощаетъ и болѣе прекрасныя жертвы.

Очарованная Иветта (см. *Ivette*), дѣвушка красивая, какъ пэри, умная, образованная, честная и прямая, обречена на гибель только потому, что она дочь куртизанки. Она влюбляется въ молодого свѣтскаго льва и когда узнаетъ, что онъ не можетъ на ней жениться, несмотря на всю любовь къ ней, рѣшается умереть. Послѣ неудачной попытки отравиться, эта высокая душа смирилась. Общество сломило ее, растоптало этотъ благоухающій цвѣтокъ. Она становится сдержанкой своего возлюбленного. А развѣ она не стоила счастья? Развѣ многія такъ прекрасны, какъ она и умѣютъ любить такъ беззавѣтно?...

Любовь со всѣми ея послѣдствіями и осложненіями, вызванными обществомъ, дала богатѣйший матеріалъ наблюденію Мопасана. Здѣсь на смѣшка его надъ предразсудками общества принимаетъ самые разнообразные виды. Онъ издѣвается надъ чопорностью свѣтскихъ барышенъ (см. *Окно*), надъ ложнымъ воспитаніемъ мальчиковъ, отъ которыхъ скрываютъ самыя элементарныя истины жизни (Въ вагонѣ), надъ нелѣпымъ поклоненіемъ предъ женской дѣственностью, понимаемой въ физическомъ смыслѣ и т. д. Въ разсказѣ «M-me Baptiste» описанъ слѣдующій курьезный случай. Дѣвочка въ одномъ богатомъ семействѣ сдѣлалась жертвой страсти лакея. Лакея звали Батистъ. Съ тѣхъ поръ всѣ ея сторонились, матери запрещали сво-

имъ дѣтямъ играть съ нею и звали ее не иначе, какъ М-те Батистъ. На нее смотрѣть, какъ на чудовище. Дѣвушка выросла, вышла замужъ за молодого достойнаго человѣка, которому родители сочли необходимымъ разсказать про исторію съ лакеемъ. Наконецъ, у нея родился ребенокъ. Общество стало относиться къ ней лучше, какъ будто рожденіе ребенка было для нея особымъ очищеніемъ. Она стала даже уважаемой дамой. Вдругъ однажды на какомъ-то народномъ празднике она съ мужемъ распредѣляла награды музыкантамъ. Кто-то изъ недовольныхъ крикнулъ мужу, что лучшаго нечего и ждать отъ мужа г-жи Батистъ... Тогда поднялся страшный шумъ. Всѣ кричали и ревѣли: Г-жа Батистъ! Г-жа Батистъ! Мальчишки прыгали и визжали, а бѣдная женщина, сгорая отъ стыда, принуждена была бѣжать, какъ овечка отъ стаи волковъ.

Это самое общество, которое такъ строго и безжалостно къ малѣйшимъ нарушеніямъ его предразсудковъ, смотрѣть сквозь пальцы на нѣкоторыя вопиющія нарушенія общечеловѣческой нравственности, терпитъ и даже вызываетъ разные пороки... Взглядъ на женщину въ этомъ обществѣ самый унизительный. Богатство, чѣмъ бы оно ни было добыто, оправдывается все. Въ разсказѣ «Проклятый хлѣбъ» родные и знакомые одной женщины легкаго поведенія съ презрѣніемъ отшатнулись отъ нея, но когда она стала богата, начали у нея обѣдать и восхищаться обѣдомъ, не переставая читать нравоученія. Въ повѣсти «Наслѣдство» одна старуха, умирая, завѣщала состояніе свое около миллиона франковъ своему брату подъ условіемъ чтобы дочь его вышла замужъ и чтобы у нея родился ребенокъ до известнаго срока. Отецъ, мелкій чиновникъ, выдалъ немедленно дочь свою за молодого чиновника, подающаго большія надежды. Но молодой мужъ не оправдалъ надеждъ. Хотя онъ очень хорошо шелъ по службѣ, но ожидаемый ребенокъ не рождался. Срокъ приближался, въ семье поднялись страшныя ссоры, совмѣстная жизнь становилась невыносимой. Мужъ сдѣлался мишенью департаментскихъ насмѣшекъ. Отецъ, видя, что миллионъ неминуемо ускользнетъ отъ нихъ, пригласилъ въ домъ другого чиновника, известнаго красавца, и вскорѣ героиня оказалась беременною. Тогда началось всеобщее ликованіе... Всѣ помирисились. Фактъ былъ засвидѣтельствованъ у нотаріуса и съ появлениемъ на свѣтѣ малютки миллионъ заполученъ. Семья купила виллу за Парижемъ и устроила пышный праздникъ. Отъ красавца не трудно было отдѣляться и хотя всѣ въ министерствѣ знали, въ чёмъ дѣло, и никто, собственно говоря, никого не обманулъ, однако, всѣ, даже начальство, пришли засвидѣтельствовать свою радость. На праздникѣ героиня съ одной своей знатной гостью пошли по берегу Сены. «На встрѣчу имъ тихо подплывала лодка. Двѣ женщины за гребцовъ сидѣли на веслахъ, а на днѣ лодки въ растяжку лежало двое мужчинъ. Одна изъ лодочницъ закричала, обратившись къ берегу.

— Эй, вы, честныя женщины! У меня есть продажный мужчина, не дорого возьму, кому угодно?

Кора (героиня) съ презрѣніемъ отвернулась и взявъ гостью подъ руку, сказала:

— Здѣсь просто нельзя оставаться, лучше уйдемте! Какія безстыдныя создания!

Въ разсказѣ «Заведеніе Телье» (посвященномъ Тургеневу) описы-

вается переполохъ среди общества мужчинъ, произведенный въ городѣ закрытиемъ на время дома терпимости. И это общество состоить главнымъ образомъ изъ пожилыхъ и женатыхъ людей, изъ почтенныхъ отцовъ семействъ!

Въ «Пышкѣ» (Beule de suif) собраны представители разныхъ классовъ общества, знати, буржуазіи, даже демократіи. И всѣ они съ пренебреженіемъ отворачиваются отъ «Пышки», дѣвушки легкаго поведенія, съ которой будуть вмѣстѣ въ дилижансѣ и во время войны и которую заставляютъ отдаваться прусскому офицеру, чтобы безпрепятственно проѣхать мимо пикета. Это общество лживое, чопорное и злое, потребовавъ отъ бѣдной дѣвушки подобной жертвы, оставляетъ ее голодать въ дорогѣ, послѣ того, какъ съѣло всю ея провизію. Подобно тому, какъ въ «Венеціанскомъ купцѣ» Шекспира единственно драматическое лицо — несчастный Шейлокъ, такъ и въ «Пышкѣ» Мопасана одна только эта дѣвушка возбуждаетъ жалость и симпатію, а общество отвратительно и гнусно.

Любовныя отношенія, порожденныя обществомъ, заставили Мопасана обратить вниманіе и на ихъ слѣдствія. Извлѣлся рядъ разсказовъ, посвященныхъ судьбѣ незаконныхъ дѣтей и озаглавленныхъ «Отецъ», «Сынъ», «Исповѣдь» и т. п. Въ нихъ онъ описываетъ, какъ свѣтскія дамы видятъ грубаго крестьянина въ полѣ за плугомъ и знаютъ, что это ихъ сынъ, хотятъ его обнять и бѣгутъ отъ него, не смѣясь его любить и терзаются этой мыслью. — Старый сенаторъ узнаетъ своего сына въ мужика, копающемся въ навозѣ или свѣтскій баринъ — въ противномъ ему буржуа — ремесленникѣ. Родители покидаютъ своихъ дѣтей. Въ «Отцеубийцѣ» молодой слесарь убилъ своихъ свѣтскихъ родителей, бросившихъ его и отказавшихъ ему только въ ласкѣ, о которой онъ мечталъ съ дѣствомъ... Въ «Оливковой рощѣ» старый священникъ убилъ въ припадкѣ отчаянія себя и негодяя бродягу, оказавшагося его сыномъ. Но что значатъ всѣ эти драмы въ сравненіе съ тѣмъ, что описано въ разсказахъ «Портъ» и «Отшельникъ»! Въ «Портѣ» молодой матросъ, прѣѣхавъ изъ дальнѣаго плаванья въ Марсель, отправляется въ веселой компаніи въ одинъ изъ веселыхъ домовъ и женщина, съ которой онъ подъ пьяную руку проводитъ ночь, оказывается его сестрой. — Въ «Отшельникѣ» дѣло происходитъ въ Парижѣ. Одинъ богатый холостякъ идетъ справлять сорокалѣтіе своей спокойной сѣтой жизни. Онъ заходитъ въ скромный ресторанъ, чтобы вспомнить свое студенчество. Молоденькая служанка, его старая знакомая, приглашаетъ его къ себѣ и онъ ночуетъ у нея. На утро, уходя, онъ замѣчаетъ на каминѣ портретъ какого-то господина. Кто это? Это ея отецъ, котораго она никогда не видѣла, а портретъ перешелъ къ ней отъ умершей матери. Онъ вглядывается въ портретъ и узнаетъ себя, какимъ онъ былъ въ молодости...

Цѣнь общественныхъ предразсудковъ, а главное тяжелыя условія жизни порождаютъ грустныя соціальные явленія. Пролетаріатъ — создание общества. Въ разсказѣ «Бродяга» Мопасанъ доказываетъ, что общество толкаетъ бѣдняка на преступленія. Честный человѣкъ голоденъ и лишенъ крова, а стоитъ ему совершиТЬ кражу, — и его пріютятъ и накормятъ. — Картины страданій отъ голода не рѣдки въ обществѣ (разсказъ Идилія). Въ «Розалії Прюданѣ» ярко описанъ случай дѣтоубийства изъ нужды и т. д.

Таково въ общихъ чертахъ общество въ его спокойномъ состояніи, этотъ муравейникъ при ясной и тихой погодѣ. Но Мопасанъ продѣлалъ кампанию франко-пруссской войны, онъ видѣлъ войну вблизи и далъ рядъ рассказовъ, характеризующихъ общество въ бурное время. Выводы, къ которымъ онъ пришелъ—самые безотрадные. Война—общераспространенный фактъ. Война—необходимость. Безъ войны не можетъ существовать общество. Вся эта ложь, обманъ, проституція, пролетаріатъ, дѣтуубийства и т. д. нуждаются въ войнѣ, чтобы спокойно разъѣдать человѣчество. Война—крыша этого прекраснаго зданія...

«Надо знать, что такое сама война!»—говорить Мопасанъ.— «Одинъ гениальный истребитель людей, Мольтке, сказалъ:—«Война священна»—она поддерживаетъ въ людяхъ всѣ великия чувства—честь, бескорыстіе, добродѣтель, храбрость и мѣшаетъ имъ, однимъ словомъ, впасть въ самый ужасный материализмъ».

«Итакъ, соединяясь стадами въ четыреста тысячъ человѣкъ, ходить день и ночь, не думая ни о чёмъ, ничему не учиться, ничего не читать, не приносить никому пользы, гнить въ грязи, жить, какъ животныя въ постоянномъ одурѣніи, грабить города, жечь села, разорять народы, дѣлать озера крови, груды труповъ, оставаться безъ рукъ и безъ ногъ, дать раздавить себѣ мозгъ безъ пользы для кого-бы то ни было и околѣть гдѣ-нибудь въ полѣ, въ то время какъ ваши старые родители, ваши жены и дѣти умираютъ съ голода—вотъ, что называется не впадать въ самый ужасный материализмъ».

«Мы видѣли войну. Мы видѣли, какъ люди превращались въ звѣрей, теряли разсудокъ, убивали изъ удовольствія убивать, изъ страха, изъ фанфаронства, изъ хвастовства. Когда право болѣе не существуетъ, когда законъ мертвъ, когда всякое понятіе о справедливости исчезло, мы видѣли, какъ разстрѣливали ни въ чемъ неповинныхъ людей, найденныхъ по дорогѣ и подозрительныхъ только потому, что они боялись. Мы видѣли, какъ убивали собакъ, привязанныхъ на цѣпи у дверей хозяина, только чтобы испытать новые револьверы, мы видѣли, какъ изъ одного удовольствія стрѣляли дробью въ мирно пасущихся на полѣ коровъ, безъ всякой причины, такъ, чтобы пострѣлять и посмѣяться»...

«Вотъ, что называется не впадать въ самый ужасный материализмъ!»

«Вторгнуться въ страну, убить человѣка, который защищаетъ свой домъ за то, что онъ не ходитъ въ блузѣ и у него нѣтъ кѣпи на головѣ, сжигать жилища несчастныхъ, у которыхъ нѣтъ даже хлѣба, ломать мебель, воровать вещи, пить вино на погребахъ, насиливать женщинъ, встрѣченныхъ на улицѣ, сжигать милюны франковъ въ видѣ пороха и оставлять за собой нищету и холеру»...

«Вотъ что называется не впадать въ самый ужасный материализмъ!..

Этотъ крикъ негодованія, вырвавшійся изъ груди художника, вполнѣ справедливъ, такъ какъ картины его всѣ списаны съ натуры. Рассказы «Безумная», «Ночь на рождество» и др. полны ужасовъ войны. Въ «Приключеніи Вальтера Шнаффса» толстый миролюбивый нѣмецъ попалъ въ солдаты и посланъ въ сраженіе. У него подкашиваются ноги отъ одной мысли быть убитымъ или убить кого-нибудь. Самое лучшее, рѣшаетъ онъ, это—сдѣлаться пѣннымъ. И разсказъ посвященъ тому, какъ Валь-

теру Шнаффсу удалось, наконецъ, попасть въ плѣнъ и среди неистовыхъ криковъ толпы сердце его преисполнилось радости и когда его заперли въ тюрьму, онъ сталъ плясать, какъ помѣшанный... Какой насмѣшкой звучитъ этотъ разсказъ надъ всѣми патріотическими воевальными, проповѣдующими войну и всѣми гимнами побѣдъ и воинскими доблестями! И, по истинѣ, трудно сказать, кому больше приносить вреда война, побѣдителю или побѣжденному.

Военные разсказы Мопасана носятъ объективный философскій характеръ. Они совершенно лишены патріотического духа. Онъ сочувствуетъ одинаково какъ французамъ, такъ и немцамъ. Въ этомъ сила его военныхъ разсказовъ, и этимъ они существенно отличаются почти отъ всей литературы, порожденной войной 70-го года, даже отъ разсказовъ Додэ и его послѣдователей. Несмотря на всю ихъ художественность, эти окрашены всегда грустью по поводу разгрома Франціи.—Мопасанъ-же одинаково грустиль-бы при разгромѣ Пруссіи. Его возмущаетъ война вообще, и его интересуетъ только общество.

Но кому поклоняется это общество? Въ чёмъ тѣ идеалы, которые скращиваются всѣ мрачныя стороны его жизни? Власть, вѣроятно, принадлежитъ добродѣтели, мужеству, знанию, скромности?

Ничуть ни бывало.

Въ романѣ «Bel-amis» Мопасанъ беретъ типъ красиваго негодяя и доводить его изъ нищеты до высокихъ ступеней общественной лѣстницы только благодаря его нахальству и подлости. Общество почитаетъ деньги, а отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палать каменныхъ. Общество въ концѣ концовъ невѣжественно и глупо, потому дерзкій плутъ всегда будетъ пользоваться успѣхомъ.—Романъ этотъ важенъ, какъ характеристика общества конца нашего столѣтія. Продажная печать, развращающая народъ, журналисты, ежедневно и ежемѣсячно выпускающіе изъ себя заразу лжи и старающіеся загрязнить и замутить всякий чистый источникъ, продажныя власти, добившіяся подкупокъ депутатскимъ и другихъ мѣстъ и громкими фразами обѣ отечествѣ и благѣ народа скрывающія свои денежныя спекуляціи на биржѣ, продажныя женщины изъ всѣхъ классовъ общества, превратившіяся въ безпощадныхъ чувственныхъ самокъ, утратившихъ женственность — таково общество Мопасана. Тамъ все лживо! И трудно сказать, кто честиѣ—воръ, пойманый съ поличнымъ, или жандармъ, ведущій вора въ полицію (см. разсказъ «Воръ»); правительство павшее или одержавшее побѣду («Государственный переворотъ»); счастливый любовникъ или негодующій супругъ? (разсказъ «Реваншъ»).

Когда сравниваешь знаменитаго плута XVIII в. Фигаро съ Милымъ Другомъ Мопасана, сравненіе оказывается въ пользу героя Бомарше. Фигаро уменъ, остроуменъ, даровитъ, знаетъ жизнь и людей вдоль и поперекъ, онъ предпримчивъ и смѣль, весель и увлекателенъ. Фигаро—маленький французскій Макіавелли. Милый-же Другъ Мопасана только красивъ, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ вполнѣ ничтожество. Но онъ лишенъ чести и совѣсти, и безграницна его наглость. Въ Фигаро есть увлеченіе, полетъ фантазіи, поэзія. Милый другъ буржуазенъ и мелоченъ. Настолько-же конецъ XIX вѣка отличается отъ прошлаго столѣтія.

Мопасанъ далъ вѣрную картину своего общества. Его пластичные образы прямо выхвачены изъ жизни, и самая строгая критика не упрекнетъ его въ недостаткѣ реализма. Общественные противорѣчія, подчеркнутыя имъ, существуютъ вокругъ насъ и только не желающій видѣть ихъ не замѣчаетъ. Нашъ вѣкъ — буржуазный, вѣкъ низшихъ интересовъ. Мы предпочитаемъ овоши цвѣтамъ. Наши мыслители не доискиваются вѣчныхъ законовъ природы, какъ Галилей, Кеплеръ, Ньютона и др., ихъ мысль направлена на мелкія удобства, они изобрѣтаютъ велосипеды, фонографы, свѣтиящіяся обои. Въ такое время нравственный противорѣчія общества выступаютъ всего сильнѣе, и Мопасанъ явился яркимъ ихъ выразителемъ. И не одинъ Мопасанъ мыслилъ въ такомъ направлении. Нашъ русскій безвременно погибшій Гаршинъ и молодой англичанинъ Киплингъ работали по тому-же пути. Разборъ общественныхъ противорѣчій есть вѣяніе литературы конца нашего вѣка.

* * *

Мопасанъ не остановился на критикѣ общественныхъ отношеній, не ограничился картиной общества. Онъ перешелъ въ своеобразіе обобщеній къ человѣку вообще и задумался надъ человѣческой природой.

Человѣкъ, по мнѣнію Мопасана, животное, проникнутое эгоизмомъ, стремящееся исключительно къ удовлетворенію своихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ страстей. Человѣкъ жаденъ. Предъ нами цѣлая книга крестьянскихъ разсказовъ Мопасана, важныхъ еще въ бытовомъ отношеніи, посвященныхъ картинамъ человѣческой жадности. Крестьянинъ живеть землей и трудомъ. Время ему дорого. Онъ долженъ убирать хлѣбъ и сѣять и дѣлать все во время. Чтобы поспѣть къ жатвѣ, крестьянинъ оставляетъ свою мать умирать въ одиночествѣ. Врачъ заставляетъ его напечь сидѣлку. Онъ заключаетъ съ сидѣлкой условіе на срокъ — платить ей до смерти матери, въ надеждѣ, что та еще не скоро погрѣть и потому ему обойдется дешевле, чѣмъ платить поденно. Но сидѣлка на второй день его обманула — она завела съ болѣй разговоръ о чертихъ и одѣвъ простыню и котель на голову, а въ руки взявшъ метлу, такъ ее испугала, что та сразу померла (разсказъ «Дьяволъ»). Въ «Сочельникѣ» крестьянская чета уложила умершаго отца въ ларь, служацій диваномъ, а сама легла на единственную въ домѣ кровать. Въ разсказѣ «Старикъ» дѣти устраиваютъ поминки старику, который еще не умеръ или точнѣе опоздалъ умирать, а пышки, приготовленныя на угоженіе гостямъ, уже готовы. Въ разсказѣ «На морѣ» канатомъ отъ сѣти прижало руку одному изъ рыбаковъ. Сѣть принадлежала его брату. Но сѣть стоила дорого и пока братъ колебался ее отрѣзать, она отрѣзала руку его брату. Разсказъ кончается словами: «Если бы братъ позволилъ разрѣзать канатъ, я, вѣроятно, и по сейчасъ бы былъ бы съ рукой. Но онъ думалъ только о своемъ добрѣ». Въ «Боченкѣ» крестьянинъ спаиваетъ старуху, чтобы по ея смерти завладѣть ея добромъ, заключивъ съ ней предварительно договоръ на случай смерти.

Предъ копѣйкой умоляютъ всѣ человѣческія чувства, родство, совѣсть, даже дѣвичья стыдливость. Въ «Признаніи» крестьянская дѣвушка признается матери, что она беременна. Она сошлась со старымъ извозчи-

комъ, чтобы не платить постоянно 20 су за три километра. Въ рассказѣ «Въ поляхъ» молодой крестьянинъ проклинаетъ своихъ родителей за то, что они своевременно его не продали богатой бездѣтной дамѣ, какъ это сдѣлали ихъ сосѣди, тамъ изъ крестьянскаго мальчика вышелъ настоящій баринъ и т. д.

Не одни крестьяне отличаются у Мопасана такою мелкой страстью къ дешьгамъ. Въ «Наслѣдствѣ» правда дѣло шло о миллионѣ. Въ «Дождевомъ зонтике» жена одного чиновника съ несокрушимой энергией добивается получения 25 франковъ съ страхового отъ огня общества за зонтикъ, прожженный сигарой ея мужа.

Но въ чёмъ ярче всего проявляется низменная животность человѣка, такъ это въ половыхъ отношеніяхъ. Страсть въ человѣкѣ сильнѣе ума, вѣрность въ любви—пустой звукъ. Въ разсказѣ «Мысли полковника» молодая полковница чуть не задохлась отъ смѣха, когда строгий мужъ ея сталъ исповѣдываться въ своей случайной невѣрности. «Ахъ, мой бѣдный другъ!»—повторила она... Полковникъ, видя, что она смѣется, остановился, задумался, потомъ вышелъ изъ комнаты, хлопнувъ дверью. Женщина у Мопасана полна чувственности. Въ разсказѣ «Парижское приключеніе» молодая провинціалка ёдетъ въ Парижъ, чтобы узнать, что такое развратъ. Жена измѣняетъ мужу по темпераменту, когда ея природа не соответствуетъ натурѣ мужа. «У моей жены, — говорить герой разсказа «Мудрецъ»,—худенькой блондинки съ большими свѣтлыми глазами, темпераментъ Мессалины». Чтобы она въ конецъ не разстроила его здоровья, мудрый мужъ предоставилъ ей своего товарища. Жена измѣняетъ мужу по любопытству. Въ разсказѣ «Сигналъ» одна свѣтская барыня, сидя у окна, сдѣлала знакъ какому-то мужчинѣ. Тотъ немедленно вошелъ въ подъѣздъ. Молодая женщина страшно испугалась и чтобы поскорѣе заставить уйти этого человѣка, отдалась ему. «Одно обстоятельство меня очень смущаетъ, — говорить она потомъ своей подругѣ,— онъ оставилъ у меня на каминѣ два червонца». «Душа моя,—отвѣчаетъ подруга,—на это надо... надо купить какую-нибудь бездѣлушку и... подарить твоему мужу... Этого требуетъ справедливость!» Въ разсказѣ «Полѣно» молодая жена тоже изъ любопытства хочетъ соблазнить друга своего мужа, чтобы испробовать, какъ выражается Мопасанъ, запретнаго плода. Жена измѣняетъ мужу отъ бездѣлья. Юная графиня, живя одна въ имѣніи, въ отсутствіи мужа стала привороживать къ себѣ молодого лакея, раздѣвалась при немъ почти до гола. Однажды она велѣла ему везти себя въ лѣсъ и притворившись больной, приказала снять съ себя корсетъ. «Это косолапое животное,—говорить она,—чуть не поѣхало за докторомъ, но всетаки черезъ часъ произошло падение этого прекраснаго Іосифа! (разсказъ «Жозефъ»). Въ разсказѣ «Неосторожность» жена просить мужа свести ее въ отдѣльный кабинетъ ресторана, где онъ бывалъ когда-то съ другими женщинами, и за бокаломъ шампанскаго она его допрашиваетъ о разныхъ женщинахъ, которыхъ онъ зналъ раньше; онъ имѣлъ неосторожность сказать ей, что женщины неодинаковы.—И это очень интересно мнѣть?—спросила она.—Конечно.—А мужчины тоже неодинаковы? Ну, этого я не знаю! Ты не знаешь?.. Не знаю. Должно быть, они тоже разные... Она держала въ рукѣ полный бокалъ и, глядя въ глубь желтой прозрачной жидкости,

какъ бы стараясь увидѣть тамъ неизвѣстныя и желанныя вещи, шептала мечтательнымъ голосомъ: О, да! Это, дѣйствительно, должно быть интересно!.. Жена измѣняетъ мужу изъ мести... Въ разсказѣ «Секретъ» молодая женщина отдается первому встрѣчному отъ досады на то, что мужъ отправляетъ ей жизнь ни на чемъ не основанной ревнотою. Женской невѣрности посвящены кромѣ того разсказы «Коробейникъ», «Комната № 11», «Покойница», «Морокка», «Испытаніе» и т. д. и т. д. Бываютъ также случаи, когда жена измѣняетъ мужу изъ любви къ другому, но эти случаи сравнительно рѣдки. Таковы разсказъ «Завѣщеніе», романъ «Пьеръ и Жанъ». Словомъ, жена измѣняетъ мужу при первомъ удобномъ случаѣ. Предметъ и время не всегда подъ рукой, но когда они на лицо, измѣна обеспечена.

Женщина сходится съ мужчинами, такъ сказать, по призванію, какъ, напр., странствующая цыганка въ разсказѣ «Отецъ» или «Муха», плавающая по Сенѣ въ компаніи гребцовъ; по жадности (*Ca ira*), по легкомыслию, по чemu угодно.

«Гдѣ та великосвѣтская женщина,—восклицаетъ Мопасанъ,—у которой не было-бы дюжины любовниковъ, и кто изъ ея любовниковъ настолько глупъ, чтобы не знать этого? Не стремятся-ли добиться вечера у знаменитой продажной женщины, какъ добиваются ложи въ оперѣ или Одеонѣ? Десять человѣкъ содержатъ женщину, которая дѣлить между ними свое время, точно также, какъ десять любителей спорта совмѣстно пріобрѣтаютъ одну лошадь для скачекъ, на которой Ѣздить только жокей, являющійся вѣрнымъ изображеніемъ настоящаго избранника сердца» (Муха).

Женщины Мопасана въ своихъ любовныхъ похожденіяхъ доходятъ даже до чудовищности. Въ разсказѣ «Подруга Поля» юный сынъ сенатора бросился въ воду отъ ревности и отчаянія изъ-за того, что его любовницѣ пришла въ голову фантазія отдаваться одной—женщинѣ, къ которой часто прїѣзжали молодые барышни и свѣтскія дамы. Онъ засталъ ихъ въ саду вмѣстѣ, и его возлюбленная шептала той слова любви, которыя обыкновенно она обращала къ нему. Въ романахъ, посвященныхъ той-же темѣ, наприм. Бальзака «La fille aux yeux d'or» и другихъ новыхъ писателей, обыкновенно трактуется о привязанностяхъ цѣлой жизни, о дружбѣ, возникшей еще въ пансіонѣ; страсть принимаетъ грандиозную роковую форму. Характерно для Мопасана, что въ его разсказѣ эта страсть изображена минутнымъ мимолетнымъ капризомъ. Въ разсказѣ «Сумасшедший-ли?» молодая свѣтская женщина убита своимъ мужемъ изъ ревности къ....лошади.(!) «Кто измѣритъ когда-либо извращенность женской чувственности!—восклицаетъ Мопасанъ.—Кто пойметъ ихъ неправдолюбодобные капризы и странное удовлетвореніе самыхъ странныхъ фантазій!»

Мужчины, конечно, не отстаютъ отъ женщинъ. Идеальная старая англійская дѣва въ разсказѣ «Миссъ Гареттъ» влюбилась въ художника и кончила жизнь самоубійствомъ, заставъ свой идеалъ обнимающимъ прислугу. Героиня романа «Жизнь» застаетъ своего мужа, барона, въ объятияхъ своей горничной. Въ «Сестрахъ Рондoli» герой живъ съ двумя сестрами итальянками въ одномъ итальянскомъ городѣ и черезъ нѣсколько лѣтъ Ѣдетъ туда снова изъ Парижа, такъ какъ третья сестра, бывшая тогда еще маленькой дѣвочкой, вѣроятно уже выросла. Въ разсказѣ «Бу-

лавки» герой принимаетъ у себя двухъ дамъ въ разные дни, пока онъ не перемѣшили своихъ булавокъ у него на зеркаль. Въ «Гото-отецъ и Гото-сынъ» сынъ пріѣзжаетъ сообщить о внезапной смерти своего отца его любовницѣ и вскорѣ замѣщаетъ его и т. д.

Жена устраиваетъ разводъ съ мужемъ, нанивъ красивую горничную съ условіемъ соблазнить его. Назначенъ день и часъ. Приглашены родственники и мужъ пойманъ на мѣстѣ преступленія («Спасена»). Въ разсказѣ «Незнакомка» молодой человѣкъ подходитъ на улицѣ къ незнакомой женщинѣ и говоритъ, что онъ влюбился въ нее съ первого взгляда. Она идетъ съ нимъ на его квартиру и не произнеся ни одного слова, совершенно раздѣвается.

Старые женщины не уступаютъ молодымъ въ чувственности. Въ «Деревенскихъ судахъ» толстая пожилая деревенская дама откормила себѣ мальчика и съ 15-ти-лѣтняго возраста обязала его письменно не покидать ея. Черезъ пять лѣтъ онъ хотѣлъ уйти. Чтобы удержать его, она обѣщала ему свою землю. Вскорѣ онъ все-таки ушелъ и судомъ требуетъ обѣщанную землю... Въ «Замѣстителѣ»уважаемая старушка въ кружевномъ чепчикѣ, благочестивая и жеманная, встрѣтила въ скверѣ молодого солдата и сказала ему: «Г-нъ военный! Если желаете заработать по 10 франковъ въ недѣлю, то приходите ко мнѣ туда-то». Солдатъ пришелъ и доказалъ, что драгуны никогда не отступаютъ. Такъ продолжалось полтора года. Вдругъ драгунъ заболѣлъ. Тогда онъ послалъ вмѣсто себя своего товарища съ условіемъ отдать ему пять франковъ. Произошло обѣясненіе и, по воинской чести, вызовъ на дуэль. Но, слава Богу, все обошлось благополучно, такъ какъ старуха оставила обоихъ драгуновъ, представляя каждому по одному дню въ недѣлю.(!)

Затѣмъ слѣдуютъ у Мопасана картины дикости, жестокости и свирѣпости человѣка. Мужъ бѣть до полусмерти свою жену за то, что у нея нѣтъ дѣтей. Пьяница въ припадкѣ ревности и пьянства изрубилъ на мелкие куски свою жену («Пьяница»). Два рыболова, поссорившись за счастливое мѣсто, подрались вмѣстѣ съ женами и въ результатѣ одинъ изъ нихъ попалъ въ воду и утонулъ («Омутъ»). Прусскій офицеръ приказываетъ вынести хозяїку одного дома, не пожелавшую къ нему сойти, въ лѣсъ и тамъ оставить на морозѣ («Безумная»). Мальчики забавляются разстрѣливаньемъ привязанного осла («Осель»). Офицеръ на свиданіи у своей замужней любовницы щиплетъ до синяковъ ея грудного ребенка, чтобы тотъ не просился къ матери и предоставилъ ее всецѣло въ его пользованіе («Болѣзнь Андре»). Мать уродуетъ своихъ дѣтей, чтобы имѣть возможность продавать ихъ какъ рѣдкость («Мать уродовъ»). Мэръ селенія изнасиловалъ и убилъ дѣвочку, заставъ ее купающейся въ рѣчкѣ («Малютка Рокъ»). Судья убиваетъ людей и осуждаетъ невинно привлеченныхъ («Убийца»). Учителъ кормить дѣтей пирожками, начиненными булавками и т. д.

Прибавимъ къ этому лицемѣре и ханжество—и мы получимъ полную характеристику человѣка по Мопасану. (См. разсказы «Мощи», «Мой дядя Состенъ», «Рождественская сказка», «Исповѣдь Теодоля Сабо», «25 франковъ старшей сестры», «Хозяйка» и др.).

Таковъ человѣкъ у Мопасана.

Но неужели эгоизмомъ, алчностью, свирѣпостью и сладострастiemъ

исчерпывается все существо человѣка? Вѣдь, есть же у него умъ, душа, красота, искусство, наука и т. д.

«Нельзя быть настолько ослѣпленнымъ,—отвѣчаетъ на это Мопасанъ, и опьяненнымъ безсмысленною гордостью, чтобы воображать себя выше другихъ животныхъ... Намъ говорять: «утѣшайтесь любовью къ наукѣ и искусству! Да развѣ вы не видите, что мы вѣчно заперты въ самихъ себѣ, не можемъ выйти изъ себя и обречены влачить тяжесть нашей безкрылой мечты? Весь прогрессъ нашей умственной работы сводится къ установлению фактовъ, наблюдаемыхъ посредствомъ несовершенныхъ орудий, пополняющихъ несовершенство нашихъ органовъ... Каждыя двадцать лѣтъ какой-нибудь несчастный изобрѣтатель, умирающій надъ своей работой, открываетъ, что воздухъ содержитъ неизвѣстный еще дотолѣ газъ, что можно получить необыкновенную, необъяснимую и неоцѣнимую силу посредствомъ тренія сургуча о сукно, что между безчисленными невѣдомыми звѣздами есть еще одна дотолѣ незамѣченная рядомъ съ другой, видѣнной и окрещенной уже давнымъ давно. Что въ этомъ? Наши болѣзни происходятъ отъ микробовъ? Прекрасно, а откуда микробы? А болѣзни самихъ микробовъ? А откуда взялись свѣтила? Мы ничего не знаемъ, ничего не видимъ, ничего не можемъ, ничего не угадываемъ, мы заперты въ самихъ себѣ. А люди удивляются человѣческому гeniu!»

«Искусство?»

«Живопись заключается въ воспроизведеніи красками однообразныхъ пейзажей, которые, однако, никогда не похожи на природу, въ изображеніи людей, не похожихъ на живыхъ существъ. Люди въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ стараются подражать тому, что есть, и только едва удается имъ намекнуть привычному глазу на то, что хотѣлось изобразить».

«Къ чему это усиlie? Къ чему это тщетное подражаніе? Къ чему это бanaльное воспроизведеніе вещей, которыхъ сами по себѣ достаточно печальны?»

Однако человѣчество движется впередъ, прогрессъ культуры не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Мы далеко ушли отъ неудобного вооруженія рыцарей и ихъ наивнаго суевѣрія. Мы живемъ, окруженные комфортомъ подъ защитой государственности и свободы!

«Слова, слова и только слова!»—возражаетъ Мопасанъ.

Править людьми, по его мнѣнію, тотъ, кто умѣеть говорить громкія слова. Исторія—сборникъ каламбуровъ. «Жаль, что меня не было тамъ съ моими франками!—сказалъ Хлодвигъ, слушая исторію Спасителя.— «Кто изъ двухъ болѣе достоинъ царствовать: кто достойно выполняетъ королевскія обязанности, не имѣя титула короля или тотъ, кто носить этотъ титулъ, не умѣя управлять?»—сказалъ Пилиппъ, отнимая престолъ у Хильперика. Въ битвѣ при Бренневилѣ англичанинъ положилъ руку на Людовика VI, говоря: «Король взять!» Людовикъ отвѣтилъ: «Развѣ ты не знаешь, что короля не берутъ никогда, даже въ шахматахъ!» Филиппъ VI, этотъ идiotъ, побитый и раненый при Кressи, стучался въ ворота замка д'Арбруа, крича: «Отворите! Здѣсь судьба Франціи!» Мы и до сихъ поръ благодарны ему за это мелодраматическое изреченіе. Францискъ I, этотъ глупецъ, воловита и несчастный полководецъ, спасъ свою

память и даже окружил свое имя неувядаемымъ ореоломъ, написавъ своей матери послѣ пораженія при Павіи гордые слова: «Все потеряно, государыня, кромѣ чести!» Генрихъ IV, коварный, скептикъ, хитрый, развратникъ, пьяница, невѣрующій ни во что, съумѣлъ нѣсколькими словами создать себѣ въ исторіи великолѣпную репутацію великодушнаго, доброго и честнаго короля... «Повѣсься, храбрый Крильонъ—мы побѣдили безъ тебя!»—«Если у васъ не хватитъ офицеровъ,—говорить онъ солдатъ,—идите за моимъ бѣлымъ султаномъ—вы найдете его всегда на пути къ чести и побѣды!»—Выбирая между вѣрой и престоломъ, онъ говоритъ: «Ба! Парижъ стоитъ обѣдни!» Но онъ навѣки покорилъ сердце французовъ, буржуа и народа, сказавъ: «Если Богъ продлитъ мою жизнь, я хочу, чтобы не было такого бѣднаго крестьянина въ моемъ государствѣ, который не могъ бы сварить курицу въ воскресенье» и т. д. «Наполеонъ I пригоршнями бросалъ слова, которыя шли прямо къ сердцу его солдатъ» (*«На водѣ»*).

Вотъ и исторія человѣчества!

Крайность этого мрачнаго взгляда Мопасана настолько очевидна, что не вызываетъ даже серьезныхъ возраженій. Если въ памяти людей сохранились всѣ эти слова, то только потому, что они умны или прекрасны. Самый фактъ ихъ сохраненія уничтожаетъ взглядъ Мопасана на человѣка, какъ на низменное животное. Несмотря на все, человѣческое сердце чутко къ прекрасному и не забываетъ даже тѣхъ, кто поддѣлялся подъ правду и красоту.

Насколько вѣрина и безпристрастна у Мопасана критика общественныхъ отношеній, настолько преувеличенъ его общій взглядъ на человѣка. Человѣкъ никогда не былъ только животнымъ, даже въ эпохи крайняго варварства.

Да и самъ Мопасанъ не убѣжденъ въ своихъ словахъ. И у него есть идеалы, таящіеся на днѣ его души. Онъ рѣдко ихъ обнаруживаетъ, но порой они сами прорываются сквозь мракъ его міровоззрѣнія, какъ солнце сквозь тучи и только тогда мы видимъ художественный даръ Мопасана во всей его силѣ.

Мопасанъ всегда былъ поэтомъ, чуткимъ ко всему прекрасному. Онъ всегда оставался сельскимъ жителемъ, привыкшимъ къ свободѣ полей и лѣсовъ. Пессимизмъ же его объясняется развитіемъ психического недуга, таившагося въ немъ всю жизнь и погубившаго его во цвѣтѣ лѣтъ. Мопасанъ былъ мужественный художникъ. Онъ любилъ природу и глубоко чувствовалъ ея красоты (*«Лунный свѣтъ»*). Онъ восторгался силой истинной любви (*«Мадемуазель Перль»*) и чарующей красотой молодости (*«Разбитый корабль»*), онъ беззавѣтно, почти безсознательно любилъ поэзію (*«Жюли Роменъ»*). Картины Мопасана сильны по ихъ простотѣ. Онѣ пластичны своими образами и ложатся въ памяті, какъ скульптурное произведеніе. Мопасанъ—скульпторъ среди поэтовъ. Главная же историко-культурная заслуга Мопасана заключается въ томъ, что онъ оставилъ намъ характеристику своего времени, и имя его поэтому должно стоять во французской литературѣ недалеко отъ имёнъ Мольера, Бальзака и Додэ.

А. Прессъ.

Максъ Мюллеръ.

Некрологъ.

28 (15) октября телеграфъ принесъ изъ Англіи печальную вѣсть о смерти Фридриха Макса Мюллера, одного изъ самыхъ выдающихся представителей науки сравнительной религіи и сравнительной лингвистики. Съ конца сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія и вплоть до самой своей смерти, Максъ Мюллеръ безъ устали работалъ надъ вопросами сравнительной лингвистики и религіи, поражая всѣхъ своею изумительною трудоспособностью, непрерывно обогащая науку плодотворнѣшими изслѣдованіями. Въ теченіе болѣе чѣмъ полувицковой своей дѣятельности М. Мюллеръ сдѣлалъ для вышеупомянутыхъ наукъ болѣе чѣмъ кто либо другой и успѣль выпустить десятки сочиненій, имѣющихъ крупинѣшее научное значеніе. Онъ обладалъ одною драгоценною чертою, такъ рѣдко, къ сожалѣнію, встрѣчающеюся у специалистовъ-ученыхъ—замѣчательнымъ даромъ популяризациі. Выдающійся ученый, которому наперевѣ предлагали каѳедру въ крупинѣшихъ университетахъ Англіи и Германіи (въ Оксфордѣ для него была создана специальная каѳедра сравнительного языкознанія) никогда не сторонился отъ популяризациі добытыхъ имъ же истинъ. Съ величайшою охотою и неподражаемъ искусствомъ онъ въ легкой и блестящей формѣ знакомилъ широкую публику съ новѣйшими завоеваніями своей науки, печатая неисчислимое множество статей въ общихъ журналахъ и газетахъ. Это сдѣлало его имя необычайно популярнымъ среди широкой публики Германіи и Англіи и журналы употребляли всѣ усиленія, чтобы за-вербовать его въ число своихъ сотрудниковъ.

Прежде чѣмъ говорить о заслугахъ Макса Мюллера передъ наукой, мы дадимъ о немъ краткія біографическія свѣдѣнія.

Фридрихъ Максъ Мюллеръ родился 6 декабря 1823 года въ Дессау; отецъ его, филологъ, былъ извѣстенъ какъ страстный и энергичный сторонникъ грековъ въ ихъ тогдашней борьбѣ за освобожденіе. Свое гимназическое образование М. Мюллеръ получилъ въ Лейпцигѣ, въ Лейпцигѣ же онъ началъ и закончилъ свое университетское образование на филологическомъ факультетѣ, гдѣ специально занимался изученіемъ классической филологии. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ проф. Брокгауза онъ занялся затѣмъ специальнымъ изученіемъ санскритскаго языка, продолжая это изученіе послѣ Лейпцига въ Берлинѣ подъ руководствомъ знаменитаго санскритолога Боппа и въ Парижѣ подъ руководствомъ столь же знаменитаго Бюрунфа.

Послѣдній обратилъ внимание Макса Мюллера на древніе гимны Ригведы, которые тогда (въ 1845 году) еще не были изданы. Познавъ огромное значение ихъ изученія для сравнительной религіи и сравнительной лингвистики, Максъ Мюллеръ поставилъ себѣ задачей во что бы то ни стало добиться изданія на одинъ изъ новѣйшихъ европейскихъ языковъ этого замѣчательнѣйшаго произведенія древнейшей культуры. Для осуществленія этого колоссального предпріятія нужна была затрата массы упорного труда. Но это никакъ не пугало молодого ученаго, полнаго по отношенію къ своей наукѣ вѣры, надежды, любви. Остановливала лишь необходимость очень крупной материальной затраты для изданія этого огромнаго сочиненія. Не встрѣтивъ въ Германіи материальной поддержки своему предпріятію, Максъ Мюллеръ перѣѣхалъ въ Англію и здѣсь, благодаря посредничеству нѣмецкаго консула Бунзена, англійская «Остъ-Индская компанія» согласилась поручить молодому ученому изданіе на англійскомъ языкѣ книги Ригъ-Веды. Въ періодъ между 1849—1875 г. вся Ригъ-Веда была издана въ шести томахъ и съ тѣхъ порь ея содержаніе служило Максу Мюллера неисчерпающимъ источникомъ научнаго творчества.

Въ 1854 г. М. Мюллеръ получилъ и принялъ отъ Оксфордскаго университета приглашеніе занять каѳедру новыхъ языковъ и новой литературы. При реформированіи Страсбургскаго университета онъ занялъ тамъ каѳедру сравнительного языкознанія, но черезъ короткое время онъ сложилъ съ себя профессорское званіе, снова вернулся въ Англію и ужъ разъ навсегда покинулъ преподавательскую дѣятельность, чтобы всецѣло отдать себя наукѣ.

Чрезвычайно разносторонне образованный, отзывчивый на всѣ злободневные вопросы, онъ нерѣдко выходилъ въ литературѣ за предѣлы своей специальности и писалъ по весьма различнымъ вопросамъ. Въ области же науки онъ продолжалъ неустанно и не отклоняясь въ сторону работать надъ вопросами древнейшей религіи и лингвистики.

Кромѣ вышеупомянутаго уже изданія шести томовъ Ригъ-Веды, М. Мюллеръ пріобрѣлъ себѣ еще большую известность изданіемъ «Священныхъ книгъ Востока» («Sacred Books of the East»). Въ общей сложности ихъ было издано въ англійскомъ переводѣ 50 томовъ этихъ книгъ, куда вошли священные книги брахманизма, буддизма, Зороастры, Конфуція и Магомета. Надъ этимъ изданіемъ, редактированнымъ М. Мюллеромъ, работалъ цѣлый рядъ выдающихся ориенталистовъ; лично Максомъ Мюллеромъ здѣсь были переведены два тома Упанишадъ, Джамашада и одинъ томъ Ригъ-Веды.

Главнѣйшими трудами Макса Мюллера являются: «Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache» (2 тома), «Geschichte der alten Sanscrits literatur» (1 томъ) «Essays» (4 тома), «Natürliche Religion» (4 тома), «Indien in seine weltgeschichtliche Bedeutung», «Ursprung der Religion» и неисчислимая масса статей въ газетахъ и журналахъ. Первою религіей по Мюллеру былъ не монотеизмъ и не дуализмъ, а, по изобрѣтенному имъ же выражению, «генотеизмъ» или «катенотеизмъ». Подъ этимъ выражениемъ М. Мюллеръ понималъ вѣрованіе или почитаніе отдѣльныхъ предметовъ. Въ этихъ предметахъ человѣкъ сначала чтилъ присутствіе чего-то сверхчувственного и безконечнаго, затѣмъ постепенно и неизѣтно эти предметы приняли въ воображеніи человѣка характеръ и сверх-

естественного. Въ процессѣ исторического развитія они изъ Devas—свѣтящихъ существъ превратились сначала въ Asurab—живыхъ существъ, а затѣмъ въ Amartyas—бессмертныхъ и невидимыхъ существъ. Позднѣе имъ было приданъ атрибутъ божественности.

По учению Мюллера религія это особое врожденное свойство человѣческаго духа, особое специфическое чувство для восприятія безконечнаго; человѣкъ одаренъ отъ природы религіознымъ чувствомъ, какъ онъ отъ природы одаренъ чувствомъ зрѣнія или слуха. Наука изучаетъ лишь развитие историческихъ формъ и проявлений этого чувства. По своему же генезису религіозное чувство сводится по Мюллеру къ какому то мистическому «чувству безконечнаго».

Въ этой области Мюлльеръ является столь же убѣжденнымъ, сколь неубѣдительнымъ противникомъ эволюціонизма и находить возможнымъ приписывать голову дикарю, еще не додумавшемуся до употребленія огня и орудія, сложное метафизическое «чувство безконечнаго»!

М. Мюлльеръ, къ сожалѣнію, упорно отстаивалъ этотъ метафизическій взглядъ на происхожденіе религіи, не дающій намъ, въ сущности говоря, рѣшительно никакого объясненія, потому что такъ легко порѣшиенный имъ вопросъ о происхожденіи, генезисъ религіи снова вскипываетъ передъ нимъ и нами лишь подъ псевдонимомъ «чувства безконечнаго». Откуда взялось это чувство, какъ оно возникло? Неужели въ наше время еще можно отѣльваться отъ вопроса о генезисѣ того или другого стремленія человѣка ссылкой на какія-то мистическая «врожденныя» чувства!

Методъ, которымъ работалъ Максъ Мюлльеръ, вообще кажется намъ весьма мало плодотворнымъ и въ концѣ концовъ приводящимъ въ тупой переулокъ даже такие сильные умы, какъ умершій чѣмецкій ученый. Мы уже только-что видѣли это на примѣрѣ его мистического ученія о религіи, увидимъ сейчасъ это и на примѣрѣ его увлеченія лингвистическимъ методомъ изученія первобытныхъ и древнѣйшей культуры.

Въ послѣднѣмъ случаѣ разносторонній Мюлльеръ раздѣлилъ односторонность специалистовъ, склонныхъ придавать рѣшающее и главнѣйшее значеніе именно разрабатываемой ими полосѣ человѣческой жизни. Знаменитый естествоиспытатель Дю-Буа-Реймонъ въ своей рѣчи «Culturgeschichte und Naturwissenschaft» провозглашаетъ положеніе, что «исторія естествознанія составляетъ собственно всю исторію человѣчества»; знаменитый химикъ Либихъ доказывалъ, что паденіе Рима вызвано было исключительно недостаткомъ фосфорной кислоты и кали въ почвѣ, истощенной перациональнымъ земледѣліемъ, а знаменитый лингвистъ Максъ Мюлльеръ склоненъ былъ видѣть въ своей науцѣ единственную «истинную» науку, а въ языѣ—главнѣйшій факторъ человѣческой исторіи. Послѣ изслѣдований Макса Мюллера, Шлейхера, Шрадера и мн. др., не можетъ быть никакого сомнѣнія въ огромномъ значеніи лингвистики для раскрытия тайнъ древнѣйшей культуры. Путемъ остроумнѣйшаго разбора словъ и выражений, рядомъ остроумнѣйшихъ сближеній, лингвистамъ, и въ ихъ числѣ и Максу Мюллеру, удалось возстановить не одну важную страницу изъ книги бытія древнихъ людей. Но какъ ни важно значеніе лингвистики, какъ методомъ изслѣдованія ею приходится пользоваться крайне осторожно, никогда не придавать ей абсолютнаго значенія, такъ какъ,

какъ это непреложно показываютъ новѣйшія изслѣдованія, слова мигрировали и эмигрировали, кореннымъ образомъ измѣняли свое первоначальное значеніе и языкъ не всегда точно отражалъ особенности культуры. Между языками и расой, напр., не существуетъ той роковой, фатальной зависимости, которую предполагали лингвисты и въ частности Максъ Мюллеръ. Увлечение лингвистическимъ методомъ изслѣдованія уже внесло немало печальныхъ заблужденій въ науку о первобытномъ и древнемъ обществѣ. Сильную дань этому увлечению отдалъ М. Мюллеръ, что и его привело къ крупной ошибкѣ, съ которой борются теперь выдающиеся ученые.

Дѣло идеть о крайне интересномъ, сложномъ и запутанномъ вопросѣ о происхожденіи арійцевъ.

Съ тѣхъ порь, какъ знаменитый лингвистъ Боппъ въ своей «Сравнительной грамматикѣ» (въ 1835 г.) показалъ, что большинство изъ европейскихъ языковъ и нѣкоторые изъ азіатскихъ произошли отъ общаго праязыка, установилось предубѣжденіе, что все эти народы происходятъ и отъ общихъ предковъ. Изъ первичного единства языка заключили о первичномъ единстве расы. На этой ошибочной точкѣ зрѣнія стояли очень многие ученые, стояль на ней и Максъ Мюллеръ¹⁾). Въ своихъ «Lectures on the Science of Language» (1861 г.) онъ находитъ возможнымъ говорить не только объ арійскомъ языке но и объ арійской расѣ, онъ утверждаетъ, что нѣкогда предки индусовъ, персовъ, грековъ, римлянъ, славянъ, кельтовъ и германцевъ «жили не только въ одномъ селеніи, но и подъ одной кровлей».

Въ сочиненіи «Survey of Language» М. Мюллеръ доказываетъ, что въ жилахъ англичанина и бенгалезца течетъ одна и та-же кровь, что въ наше время «не найдется такого англійского суда присяжныхъ, который, разсмотрѣвъ старые документы, отказался бы признать общее происхожденіе и законное родство между индусомъ, грекомъ и тевтономъ». Эта руководящая точка зрѣнія была приложена М. Мюллеромъ и къ изслѣдованію вопроса о происхожденіи арійцевъ. Путемъ чисто лингвистическихъ изслѣдованій пришли къ заключенію, что санскритъ и зендъ представляютъ древнѣйшіе языки, что эти языки были праязыками арійской расы, что колыбелью ихъ была Азія и что, слѣдовательно, и колыбелью арійской расы послужила Азія. Изъ Азіи влекомая какимъ-то мистическимъ «непреодолимымъ побужденіемъ» арійская раса перекочевала въ Европу.

Эта теорія азіатского происхожденія арійцевъ нашла себѣ мощную поддержку въ распространенной вѣрѣ, что Азія была колыбелью всего человѣчества. *Ex oriente lux!* При этомъ арійцевъ отождествляли съ потомками Іафета. Новѣйшія изысканія въ области археологии и краніологии доказали всю шаткость этой гипотезы. Они неопровергнуто доказали, что

¹⁾ Въ настоящее время эта теорія понемногу теряетъ свой научный кредитъ. Для критики ея сдѣлалъ очень много лингвистъ-же Шрадеръ въ своемъ превосходномъ сочиненіи „Первобытная история и языкознаніе“. Ср. также Тэйлоръ „Происхожденіе арійцевъ и доисторический человѣкъ“, гдѣ собраны и освѣщены новѣйшія данныя. Въ нижеизложенномъ мы популяризуемъ точку зрѣнія Тэйлора.

человѣкъ жилъ въ Западной Европѣ во времена болѣе древнія, чѣмъ самыя старыя преданія, что его пребываніе здѣсь относится къ концу ледниковой эпохи.

Краніологія показала далѣе, что народы, говорящіе въ настоящее время однимъ арійскимъ языкомъ, принадлежать на самомъ дѣлѣ не къ одной, а къ различнымъ расамъ, и что тѣ расы, которыя живутъ въ настоящее время въ Европѣ, жили въ ней постоянно съ начала неолитического периода.

Данныя археологовъ и краніологовъ опираются на тщательныя *изслѣдованія* череповъ и найденныхъ орудій и оружій, тогда какъ данные лингвистовъ опираются на остроумныя, но произвольныя *толкованія* и исходить изъ ошибочной идеи о тождествѣ языка и расы.

Однимъ и тѣмъ-же языкомъ, справедливо замѣчаетъ Тэйлоръ, говорятъ въ Корнваллисѣ и въ Эссексѣ, между тѣмъ какъ въ первомъ населеніе кельтское, а во второмъ тевтонское; наоборотъ языкъ Корнваллиса отличается отъ того, которымъ говорятъ въ Бретани, а раса здѣсь и тамъ почти одна и та-же. На основаніи ихъ языка мы причисляемъ испанцевъ къ народамъ латинской расы и однако-же у нихъ имѣется весьма слабая доля латинской крови, и т. д., и т. д.

Эти вѣсія даныя заставили многихъ ученыхъ отказаться отъ ихъ гипотезы объ азіатскомъ происхожденіи арійцевъ; Максъ же Мюллеръ до самой смерти отстаивалъ эту гипотезу, хотя вмѣсто аргументовъ, онъ продолжалъ лишь упрямо повторять, а не доказывать старую идею. «Если приходится отвѣтить на вопросъ относительно мѣста, где жили наши предки арійцы до ихъ раздѣленія, писалъ онъ въ 1889 г., то я повторю, какъ сорокъ лѣтъ назадъ: «гдѣ-нибудь въ Азіи» и ничего болѣе».

При жизни заслуги Мюllera были достаточно признаны. Онъ былъ однимъ изъ 8-ми избранниковъ «Institut de France», былъ награжденъ многочисленными орденами и признанъ учеными и профанами. Наука не забудетъ о немъ и послѣ его смерти.

П. Б.

НОВЫЯ КНИГИ.

Физико-Математический Ежегодникъ. (Издание кружка авторовъ «Сборника въ помощь самообразованію»). 1900 г., № 1.

Еще одно новое периодическое издание по физикѣ. Всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ («Научное Обозрѣніе», іоны) мы привѣтствовали появление «Физического Обозрѣнія» проф. Зилова, а теперь мы съ удовольствіемъ отмѣтить, какъ весьма отрадный фактъ въ нашей учебной литературѣ, появление въ свѣтѣ I-го тома «Физико-Математическаго Ежегодника». Это новое изданіе имѣеть несомнѣнныя преимущества передъ прежнимъ «Сборникомъ въ помощь самообразованію», успѣхъ котораго, по словамъ издателей, превзошелъ всякия ожиданія. Въ разматриваемомъ новомъ изданіи, кромѣ отдѣла научныхъ обзоровъ, оригиналъныхъ и переводныхъ статей, имѣются еще научная хроника, педагогической и критико-библіографической отдѣлы. Это уже не простой сборникъ болѣе или менѣе случайныхъ статей, а цѣлое обозрѣніе главнѣйшихъ успѣховъ науки за истекшій годъ. Въ немъ такъ много материала, что несмотря на интересъ, представляемый очень многими статьями, нѣть никакой возможности въ короткой библіографической замѣткѣ нѣтолько остановиться на разсмотрѣніи ихъ содержанія, но даже и просто перечислить ихъ заглавія. Упомянемъ только о нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе привлекающихъ къ себѣ вниманіе. Первое мѣсто, по очевидному и безспорному основанію, предоставлено статьѣ А. Васильева «Пространство и движеніе», въ которой излагается главнымъ образомъ философское изслѣдованіе извѣстнаго французскаго математика Пуанкаре о соотношеніи между геометріей и механикой (H. Poincaré. L'espace et la géometrie. 1895). Къ статьѣ этой приложенъ портретъ знаменитаго Н. И. Лобачевскаго и приводятся его мысли, высказанныя имъ въ «Новыхъ началахъ геометріи», и касающіяся разматриваемаго въ статьѣ вопроса. Выдается затѣмъ своимъ блестящимъ изложеніемъ статья О. Д. Хвольсона «Объ одной формулировкѣ двухъ началъ термодинамики». Заканчивается она слѣдующими строками: «Итакъ, два начала термодинамики учатъ насъ, что невозможны, ни *repetitum mobile* первого, ни—второго рода. Тотъ и другой сулили намъ новый золотой вѣкъ, волшебная картина котораго, вѣроятно, еще никѣмъ не была обдумана во всѣхъ деталяхъ. Соединяя оба начала, мы можемъ сказать: *Два начала термодинамики учатъ насъ, что новый золотой вѣкъ невозможенъ*». Даѣ

идутъ интересныя статьи: И. А. Зилова «Жидкій воздухъ», С. Г. Егорова «Магнитное поле земли», В. Бернацкаго «Объ опытахъ Герца», А. С. Попова «Телеграфирование безъ проводовъ». Эта послѣдняя статья представляетъ особенное значеніе, такъ какъ принадлежитъ автору, очень много плодотворно поработавшему въ описываемой имъ области. Любопытны также статьи гг. Розенберга, Игнатовскаго и Асанасьева. Замѣчу здѣсь кстати, что въ послѣдней изъ нихъ, «О беккерелевыхъ лучахъ», открытие этого новаго рода удивительныхъ лучей ошибочно приписывается Э. Беккерелю, тогда какъ оно сдѣлано его сыномъ (Непту Веснеромъ). Самая большая статья въ книгѣ принадлежитъ Ю. Шокальскому: «Очеркъ развитія физики океановъ». Это уже цѣлый маленький курсъ океанографіи въ историческомъ изложении. Нѣсколько статей кромѣ того посвящены различнымъ вопросамъ химіи, метеорологіи и астрономіи. Послѣдне въ этомъ отдѣлѣ помѣщена очень интересная статья Ф. Н. Шведова «Космология конца XIX вѣка» (рѣчь, произнесенная въ общемъ собрании Х съезда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Кіевѣ, 25 августа 1898 г.).

Вообще, какъ мы видимъ, книга заключаетъ въ себѣ много весьма разнообразнаго и интереснаго материала. Нѣть сомнѣнія, поэтому, что она будетъ имѣть еще больший успѣхъ, чѣмъ прежній «Сборникъ».

Н. Гезехусъ.

Rinella. Sabino. Alti e bassi solari (ricerche sulla distribuzione della riechezza). Roma, 1899.

Основная мысль молодого автора заключается въ слѣдующемъ: высокая заработная плата есть необходимое условіе для сохраненія плодотворнаго и продолжительнаго мира въ человѣческой дѣятельности; отъ самихъ рабочихъ зависитъ главнымъ образомъ достиженіе этой цѣли; не надо совсѣмъ перевернуть современный капиталистический строй, чтобы рабочие имѣли полную возможность усовершенствовать и развивать всѣ свои индивидуальные способности, какъ выражается Брентано, ибо всѣ необходимые для этой цѣли элементы имѣются на лицо въ нашемъ строѣ.

Соціалистическая теорія плодь крайняго пессимизма. Нѣть борьбы классовъ. Наоборотъ, солидарность въ настоящее время проникаетъ всѣ стороны человѣческой дѣятельности. Между трудомъ и капиталомъ существуетъ гармонія — такая, что когда одному скверно, терпѣть и другой, и наоборотъ. Политическая экономія имѣеть обязанностью наилучшимъ образомъ разрѣшить рабочій вопросъ, основу дальнѣйшаго развитія соціального общежитія, опредѣлить условія, при которыхъ рабочіе могутъ достигнуть того, что есть основа всякаго личнаго прогресса, т. е. получать плату за трудъ достаточную, обезпеченнную и независимую.

Какъ видно изъ вышесказанного, авторъ принадлежитъ къ школѣ реалистовъ, или катедеръ-соціалистовъ, и въ частности къ школѣ Брентано, Геркнера, Шульце-Геверница. Улучшенія своей участіи рабочіе, по мнѣнію автора, должны добиваться сами посредствомъ воспитанія и ассоціації. Государство въ рѣдкихъ случаяхъ должно вмѣшиваться и оказывать свое покровительство труду, но при этомъ не должно ограничивать свободы конкуренціи и капиталистического развитія. Какъ всѣ катедеръ-соціалисты, авторъ страдаетъ излишнимъ оптимизмомъ и большой неопределенностю

относительно границъ улучшения положенія рабочаго класса. Зато никто не будетъ отрицать, что высокая заработка плата и укороченіе рабочаго дня полезны не только рабочимъ, но и промышленникамъ.

Въ первой главѣ авторъ даетъ опредѣленіе заработной платы и различныя теоріи ея. Историческій обзоръ показываетъ, что заработка плата начинаетъ только тогда постоянно увеличиваться, когда рабочіе объединяются въ союзы, т. е. съ средины нынѣшняго столѣтія.

Въ 1824 году заработка плата была на минимальной высотѣ. Желѣзный законъ Лассалля авторъ считаетъ невѣрнымъ, такъ какъ въ болѣе развитыхъ странахъ рабочіе настолько успѣли поднять свою заработную плату, что у нихъ остается порядочный излишекъ, идущій на культурные потребности и откладывающійся въ видѣ сбереженій на черный день. Величину заработной платы не опредѣляетъ только спросъ и предложеніе, или какой-нибудь одинъ только принципъ, а цѣлый рядъ условій, какъ обиліе и скудость работы, цѣнность благородныхъ металловъ, продуктивность труда, войны и общественные несчастія, коалиціи рабочихъ и проч. Высокой заработной платой называется такая плата, которая не только въ состояніи удовлетворить самыя необходимыя физическія потребности рабочаго и его семьи, но еще оставляетъ ему излишекъ — на образованіе дѣтей, на развлечениія и проч. Авторъ разбираеть не временный подъемъ заработной платы въ одной какой нибудь области индустріи, а постоянный и одновременно во всѣхъ областяхъ. Подкрѣпляя свои разсужденія многочисленными статистическими данными, авторъ приходитъ къ заключенію, что низкая заработка плата обозначаетъ дорогой трудъ, а высокая дешевый трудъ. Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ: на фабрикахъ гвоздей американскій рабочій получаетъ плату въ 10 разъ выше англійскаго рабочаго (30 долларовъ въ недѣлю противъ 3,87), зато онъ въ 20 разъ больше производить въ одинаковый промежутокъ времени ($2\frac{1}{2}$ тонны противъ 200 фунтовъ). Объясняется этотъ фактъ, повторяющійся во всѣхъ отрасляхъ промышленности и во всѣхъ странахъ, тѣмъ, что здоровье, энергія, спокойствіе необходимыя условія для продуктивнаго труда. Сицилійскіе «carusis», т. е. подростки, работающіе на сѣрыхъ шахтахъ, съ 8—9-лѣтияго возраста ташатъ по 40—50 килогр. руды на плечахъ, получають въ день двѣнадцатичасового труда по 50 центезимовъ, и такъ мало вырабатываютъ, что хозяева жалуются, что ничего не зарабатываютъ. Или вотъ еще данные: въ Германіи рабочій въ недѣлю дѣлаеть 460 ярдовъ холста, работая по 12 часовъ въ день, получая плату 11 шиллинговъ 8 пенсовъ въ недѣлю, англійскій-же рабочій по 9 часовъ въ день, съ платой въ 10 шил. 3 пенса дѣлаеть 706 ярдовъ. Уменьшеніе рабочаго дня идетъ рука объ руку съ увеличеніемъ заработной платы.

Третья глава посвящена историческому обзору заработной платы въ Греціи и Римѣ, въ средніе вѣка, въ эпоху до Адама Смита, во время Адама Смита и послѣ него. Мы узнаемъ, что до Адама Смита было общепроявленное мнѣніе, за единичными исключеніями, что необходимо рабочаго заставить работать пуждой, давая ему низкую плату и поднимая цѣны на предметы потребленія, и то больше 3—4 дней въ недѣлю никто не хотѣлъ работать. Соціалисты, основываясь на ученіи Мальтуса и Рикардо, находятъ, что рабочіе не улучшаютъ своего положенія съ прогрес-

сомъ индустрії. Авторъ, наоборотъ, приверженецъ ученія Брентано (какъ уже сказано), что экономической прогрессъ идетъ также въ пользу рабочему классу.

Капиталъ не поглощаетъ заработную плату, а увеличиваетъ. Англія богаче капиталами и рабочій имѣть въ среднемъ $3\frac{1}{2}$ франка въ 9-ти часовой рабочій день, Италія бѣдна, и рабочій имѣть 2 фр. въ день 12 — 14 — 16 часовъ труда. То-же замѣчается и въ Америкѣ: параллельно росту капитала идетъ ростъ заработной платы. Машины, по Марксу, увеличиваютъ тенденцію къ сокращенію количества рабочихъ. Авторъ приводить данныхыя, опровергающія это положеніе: явленіе, подмѣченное Марксомъ, только преходящее, современемъ дѣло улаживается, и безработные снова получаютъ работу. Въ Америкѣ съ 1860 по 1890 г. населеніе удвоилось, число же рабочихъ на фабрикахъ утроилось, а количество механической паровой силы учетверилось. Вліяніе машины на рабочаго двойное: съ одной стороны, онъ выигрываетъ отъ дешевизны продукта, какъ потребитель, съ другой, какъ производитель, ибо онъ недолго остается безработнымъ: вслѣдствіе дешевизны продукта происходитъ усиленный сбытъ и потребность въ новыхъ фабрикахъ и рабочихъ. Машины дѣйствуютъ на рабочаго и воспитывающимъ образомъ, пріучая его побѣждать природу.

Конкурренція рабочихъ между собой,—понижениемъ заработной платы, и протекціонизмъ въ промышленности одинаково вредны для промышленности. Рабочіе могутъ избѣгнуть дурныхъ послѣдствій взаимной конкуренціи труда, вступая въ коалицію рабочихъ на своей родинѣ, а также и на чужбинѣ.

Женскій и дѣтскій трудъ, вопреки Марксу, авторъ считаетъ неопаснымъ конкурентомъ, ибо увеличивается потребность во всякаго рода рабочихъ, какъ взрослыхъ, такъ и дѣтскихъ и женскихъ. Вліяніе населенія на заработную плату слѣдующее: цивилизованные народы имѣютъ средства для предохраненія себя отъ избытка населенія, вродѣ позднихъ браковъ, искусственнаго ограниченія дѣторожденія, отсталые или вырождающіеся народы, характеристической признакъ которыхъ — непредусмотрительность, прибѣгаютъ къ безнравственнымъ средствамъ (проституція, искусственное бесплодіе, abortion и проч.). Остается вѣрной формула Кобдена: когда два капиталиста ищутъ одного рабочаго, заработка плата высока, когда же двое рабочихъ ищутъ одного капиталиста, заработка плата низка.

Въ пятой главѣ авторъ разбираетъ самый интересный вопросъ о взаимоотношеніяхъ между заработной платой и соціальнымъ прогрессомъ. Не нищета увеличилась въ современномъ цивилизованномъ мірѣ, а чувство человѣческаго достоинства значительно усилилось. Отсюда и выражение неудовольствія, когда желаніе наслажденія не можетъ быть легко удовлетворено. Подъ давленіемъ этихъ жалобъ фабrikанты принуждены усовершенствовать производство, чтобы иметь возможность увеличивать плату рабочихъ.

Фабrikанты принуждены вводить все новые машины, съ особыннымъ вниманіемъ слѣдить за собственнымъ дѣломъ и экономничать на администраціи. Двадцать лѣтъ тому назадъ ткацкіе челноки дѣлали по 5,500 оборотовъ въ минуту, введенъ былъ скоро типъ Sawyer, дѣлающій 7,500 обор., а теперь типъ Roberth — по 9,000 оборотовъ. Въ 1890 г.

было представлено въ Соед. Шт. 41,048 открытій для полученія патента, признано изъ нихъ 26,292. Во Франціи было дано 7,634 патента. Въ промежутокъ времени между 1837—1895 гг. было признано 543,956 патентовъ изъ представленныхъ на разсмотрѣніе 950,855. Зато и производство всевозможныхъ предметовъ въ Соед. Шт. достигло колоссальныхъ размѣровъ. Рабочіе, привыкшіе къ известному образу жизни, гораздо труднѣе приспособляются къ худшему, чѣмъ къ лучшему. Въ Италіи агркультура потому такъ плоха, что крестьяне-рабочіе не имѣютъ большихъ потребностей и довольствуются низкой заработной платой и вообще плохими условіями труда. Подымись ихъ standard of life, пошли бы требованія увеличенія платы и владѣльцы земли волей-неволей принуждены были бы вводить у себя всѣ тѣ усовершенствованія, которыя ежедневно представляются прогрессирующей техникой. Въ Соед. Шт. въ 1880 г. было 1,005 фабрикъ, производившихъ на $69\frac{1}{2}$ мил. долларовъ желѣза, въ 1890 г. фабрикъ уже меньше—615, производство же возрасло до 431 мил. долл.. Фабриканты экономничаютъ на всемъ возможномъ, лишь бы давать рабочимъ хорошую плату.

A. 3.

О различныхъ видахъ неспособности къ труду рабочихъ, занятыхъ въ горной промышленности. А. Кеппена. 1899 г.

Названный новый трудъ А. П. Кеппена, известнаго статистика по горнозаводскимъ вопросамъ, является новымъ вкладомъ въ нашу литературу по вопросу о заболѣваемости и увѣчьяхъ горнозаводскихъ рабочихъ. Насколько этотъ вопросъ уже выясненъ въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ, настолько же онъ у насъ находится еще въ зачаточномъ состояніи. Авторъ, сообщая данные о болѣзниности, смертности, несчастныхъ случаяхъ и невыгодности рабочихъ, обращающихся при различныхъ горнозаводскихъ работахъ, оказываетъ большую пользу и нашей статистикѣ по даннымъ вопросамъ. Несмотря на то, что трудъ г. Кеппена изобилуетъ массою цифровыхъ данныхъ, которая на первый взглядъ, быть можетъ, покажутся сухими, — тѣмъ не менѣе онѣ достаточно освѣщаются вопросъ и всматриваясь въ эти «сухія» цифры, подвергая ихъ изученію, свѣдующіе наблюдатели могутъ ихъ еще дополнить новыми данными. По полнотѣ изложенія особенно выдѣляется третій отдѣлъ—о несчастныхъ случаяхъ съ рабочими. О болѣзниности рабочихъ цѣнныя свѣдѣнія даютъ прусскія и саксонскія горнозаводскія товарищества, а также и австрійскія. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ оказывается, что изъ общаго числа горныхъ и горнозаводскихъ рабочихъ ежегодно заболѣваетъ отъ 60 до 75% и что на каждого изъ рудничныхъ и горнозаводскихъ рабочихъ приходится въ году не менѣе 7,75 дней больныхъ. Къ сожалѣнію, ничего подобнаго мы не знаемъ относительно Россіи, равно также отсутствуютъ и свѣдѣнія о смертности. Между тѣмъ, послѣднія свѣдѣнія особенно были бы важны, при сравненіи съ заграницными, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Пруссіи, смертность горно-рабочихъ за послѣднія 15 лѣтъ значительно уменьшилась: за періодъ времени съ 1869—75 г. изъ всѣхъ членовъ горнозаводскихъ товариществъ умерло 11,9 на 1000 членовъ, съ 86 по 96 г.—въ среднемъ—8,2. Что ка-

сается несчастныхъ случаевъ съ рабочими, то горнозаводскія работы вообще даютъ наибольшее ихъ число, чѣмъ фабрики, и въ этомъ отношеніи особенно выдѣляются каменно-угольныя копи. Такъ, въ Германіи на 1000 постоянныхъ рабочихъ въ каменно-угольныхъ копяхъ приходится въ среднемъ 100,9 всѣхъ пострадавшихъ, въ желѣзной же промышленности приходится пострадавшихъ 70,67. Такимъ образомъ работа въ желѣзныхъ заводахъ въ отношеніи несчастныхъ случаевъ представляется менѣе опасною, чѣмъ въ горной вообще (82,97) и каменно-угольной въ особенности. По отношенію къ Россіи авторъ хотя и приводитъ данные о несчастныхъ случаяхъ на заводахъ, фабрикахъ и промыслахъ, но не дѣлаетъ какихъ-либо выводовъ «въ виду несовершенства русской статистики» о несчастныхъ случаяхъ. Въ настоящее время съ введеніемъ новой регистраціи несчастныхъ случаевъ можно надѣяться, что этотъ вопросъ получитъ належащее разрѣшеніе.

Разсмотрѣвъ заболѣваемость, смертность, а также и несчастные случаи съ рабочими въ горной промышленности, въ послѣдней главѣ авторъ рассматриваетъ статистическую свѣдѣнія объ инвалидности горныхъ и горнозаводскихъ рабочихъ, а также и о лицахъ, которыя по смерти горно-рабочихъ имѣютъ право на пенсію. Авторъ разсматриваетъ данные отдельно для каждого государства. Не приводя цифровыхъ данныхъ по всѣмъ государствамъ, замѣтимъ лишь, что число лицъ, имѣющихъ право на пенсію послѣ убитыхъ, довольно значительно. Напримеръ, въ Германіи на 1000 убитыхъ въ среднемъ приходится: 635 вдовъ, 1605 сиротъ и 55 родителей; во Франціи—число вдовъ близко подходитъ къ германскимъ, тогда какъ сиротъ на 24% менѣе чѣмъ въ Германіи, число же родителей слишкомъ въ 6 разъ болѣе, чѣмъ въ Германіи. Какое число родственниковъ у насъ остается послѣ убитыхъ? Къ сожалѣнію и здѣсь отсутствуетъ нить статистики.

Рекомендуемъ настоящій трудъ г. Кеппена лицамъ, занятымъ рабочимъ вопросомъ, гдѣ они найдутъ для себя много нового.

Д. Н—кій.

Книги, присланныя въ редакцію для отзыва.

В. Вагнеръ (изъ записокъ Императорской Академіи Наукъ). Городская ласточка (*Chelidon urbica*), ея индустрія и жизнь, какъ материалъ сравнительной психологіи. Спб., 1900. 125 стр. съ 7-ю таблицами. (Прислано въ даръ редактору).

Сельско-хозяйственный обзоръ Вятской губ. за 1900 годъ. (Годъ девятый). Выпускъ I. Вятка, 1900. 99 стр.

Генри Джорджъ. Синтетическая философія Герберта Спенсера. Критический очеркъ. Переводъ съ англійскаго С. Д. Николаева. Москва, 1900. Цѣна 20 коп. 36 стр.

Аркадій Прессъ. Общедоступная философія. Макіавелли. Государь. Разсужденія о Титѣ-Ливіѣ. Спб., 1900. Выпускъ 3. Цѣна 40 к. 47 стр.

Л. Вольтманнъ. Исторический материализмъ. Изложеніе и критика марксистскаго міросозерцанія. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей д-ра философіи М. Филиппова. Издание Зябицкаго и Пятіна. Спб., 1901. Цѣна 1 р. 35 к. 325 стр.

Россія. Полное географическое описание нашего отечества. Подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова. Томъ III. Озёрная область. Издание А. Ф. Девріена. Спб., 1900. Цѣна 1 р. 90 к. Въ мягкой папкѣ 2 р. 15 к. 456 стр.

Е. А. Флеровъ. Распорядительныя собранія всероссійскихъ Пироговскихъ съѣздовъ. Харьковъ, 1900. Цѣна 35 к. 52 стр.

Нернстъ и Шёнфлиссъ. Основанія высшей математики. Переводъ М. П. Дунельского. Съ 70 чертежами. Харьковъ, 1900. Издание М. и С. Сабашниковыхъ. Цѣна 2 р. 25 к. 308 стр.

Монтескье. О духѣ законовъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей А. Г. Горнфельда, со вступительной статьей М. М. Коновалевскаго. Спб., 1900. Издание Л. Ф. Пантелеїева. Цѣна 4 руб. 687 стр.

А. И. Красницкій. За приподнятою завѣсой. Фантастическая повѣсть о дѣлахъ будущаго (XX вѣкъ). Спб., 1900. Цѣна 1 р. 30 к. 244 стр.

Инсаровъ. Современная Франція. Исторія третьей республики. Спб., 1900. Цѣна 2 р. 50 к. 460 стр.

Н. Г. Вороновъ. Опытъ сравнительной исторіи Европы. Москва, 1900. Цѣна 2 р. 135 стр.

Иллюстрированный настольный календарь Т-ва „Просвѣщеніе“ на 1901 г. Спб., 1900. На изящно полированной доскѣ, съ дугами для перелистыванія и подставкой, 1 р. 20 к.; въ формѣ отрывного календаря 80 к.

Годичный отчетъ Императорскаго Московскаго Общества испытателей природы за 1899—1900 годъ. Москва, 1900. 25 стр.

Эмиль Дюркгеймъ. О раздѣленіи общественнаго труда. Этюдъ объ организаціи высшихъ обществъ. Перевѣтъ съ французскаго П. Юшкевичъ. Одесса, 1900. Цѣна 1 р. 25 к. 331 стр.

О. Кюльпе. Введеніе въ философію. Перев. съ нѣмецкаго подъ ред. П. Б. Струве и съ библіограф. дополненіями Я. Н. Колубовскаго. Спб., 1901. Издание Поповой. Цѣна 1 р. 25 к. 331 стр.

Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи, составленныхъ кружкомъ преподавателей. Выпускъ III (съ 6 портретами и 63 чертежами). Москва, 1900. Цѣна 1 р. 20 к. 306 стр.

И. Гливенко. Задачи и методы изученія новыхъ языковъ въ средней школѣ. Киевъ, 1900. 17 стр.

Вл. Сербскій. Судебная психопатологія. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Клиническая психіатрія. Москва, 1900. Цѣна 2 р. 50 к. 471 стр.

Ф. Ле-Дантекъ. Ламаркізмъ и дарвинизмъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей проф. Н. Яковлева. Спб., 1900. Издание О. Н. Поповой. Цѣна 75 к. 207 стр.

П. Казанскій, профессоръ новороссійскаго университета. Введеніе въ курсъ международнаго права. Одесса, 1901. Цѣна 3 руб. 386 стр.

В. Нернстъ и А. Шенфлисъ. Краткій и элементарный курсъ дифференціального и интегральнаго исчисленій для физиковъ химиковъ и натуралистовъ. Съ 70 фигурами въ текстѣ. Москва 1900. Цѣна 2 руб. 351 стр.

М. Н. Лежневъ. Марксъ и Кантъ. (Критико-философская параллель). Николаевъ, 1900. Цѣна 75 к.

Андреевичъ. Книга о Максимѣ Горькомъ и А. П. Чеховѣ. Съ приложеніемъ автобіографіи Горькаго и портретовъ Горькаго и Чехова. Спб., 1900. Цѣна 1 р. 50 к. 259 стр.

Россія въ концѣ XIX вѣка. Подъ общую редакцію В. И. Ковалевскаго. Издание министерства финансовъ. Спб., 1900. 968 стр.

Фридрихъ фонъ Бецольдъ. Исторія реформаціи въ Германії. Переводъ съ нѣмецкаго. Томъ второй. Спб., 1900. Цѣна 2 р. 50 к. 390 стр.

Окраины Россіи. Сибирь, Туркестанъ, Кавказъ и полярная

часть Европейской Россіи. Съ приложеніемъ карты окраинъ Россійской имперіи. Подъ редакціей П. П. Семенова, вице-предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Изданіе министерства финансовъ. Спб., 1900. 287 стр.

Д-ръ Э. Мюнстербергъ. Объединеніе дѣятельности благотворительныхъ учрежденій. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе Московскаго Городскаго Общественнаго Управленія. Москва, 1900. 101 стр.

Эдмундъ Вильсонъ. Роль клѣтки въ развитіи и наслѣдственности. (The Cell in Development and Inheritance). Переводъ съ англійскаго Владимира Линдемана. Москва, 1900. Цѣна 2 р. 50 к. Изданіе К. Т. Солдатенкова. 460 стр.

Насъ просять сообщить слѣдующее:

Московское Общество Испытателей Природы открыло повсемѣстную въ Имперіи подписку для составленія капитала на учрежденіе при немъ зоологической преміи имени его покойнаго президента, Карла Ивановича Ренара. Предполагая закрыть означенную подписку 1-го января 1901 года, Общество имѣетъ честь покорнѣйше просить г.г. своихъ членовъ, а равно научныхъ учрежденія и частныхъ лицъ, желающихъ почтить память *K. И. Ренара*, поспѣшить принятиемъ участія въ ней и доставленіемъ своихъ взносовъ къ указанному сроку.

Адресъ: Московскій Университетъ Обществу Испытателей Природы. Президентъ Заслуженный Профессоръ **Н. Умовъ**.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ИЗДАНИЕ Н. М. ГЛАГОЛЕВА.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

Докторъ Герхартъ фонъ Шульце-Геверницъ,
профессоръ университета въ Фрейбургѣ.

ОЧЕРКИ ОБЩЕСТВЕННОГО ХОЗЯЙСТВА И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ.

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Б. В. Авилова и П. П. Румянцева,
съ предисловіемъ Петра Струве.

Содержаніе: Введеніе.—Прежній меркантилизмъ.—Помѣщичи фабрики.—Посессіонныя фабрики.—Хлопчато-бумажная промышленность Центральной Россіи.—Издержки производства въ Россіи и Зап. Европѣ.—Выгодныя и невыгодныя стороны фабричного труда.—«Европеизація» фабричного труда въ Средней Россіи.—Славянофилы.—Панслависты.—Народники.—Новѣйшая политика міровой державы.—Торговая политика 80-хъ годовъ.—Желѣзодѣлательная промышленность.—Аграрные отношенія.—Аграрное законодательство.—Реформа денежнаго обращенія.—Курсъ рубля и рублевая биржа.—Финансово-политическая основы денежнай реформы.—Платежный балансъ.—Торговый балансъ.—Заключеніе.

XVI+506 стр. большого формата. СПБ., 1901 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Выписзывающіе отъ издателя (СПБ., Лиговская, 19) за пересылку **не платятъ**.

Изъ предисловія П. Б. Струве:

«Книга проф. Шульце-Геверница, одного изъ самыхъ выдающихся учениковъ Брентано, не можетъ не представлять крупнаго интереса для русскихъ читателей. Всегда поучительно слушать голосъ умнаго и ученаго иностранца о нашихъ экономическихъ и общественныхъ дѣлахъ. Шульце-Геверницъ говорить умно и, опираясь на солидныя знанія экономического положенія Россіи, онъ ставить вопросъ такъ широко, какъ этого требуетъ грандиозное историческое значеніе этой проблемы... Сильную сторону труда Шульце-Геверница составляетъ широкій сравнительно-исторический фонъ, на которомъ онъ вырисовываетъ свою картину экономического развитія Россіи... Большую цѣнность для русскихъ читателей имѣть даваемая нѣмецкимъ ученымъ реалистическая характеристика славянофильства и смѣнившаго его болѣе грубаго национализма. Характеристика эта превосходно обнажаетъ буржуазную подкладку въ яко-бы вполнѣ отвлеченнай славянофильской идеологии».

Изъ отзыва П. Берлина о нѣмецкомъ изданіи книги:

Шульце-Геверницу «съ поразительной для иностранца мѣткостью и проницательностью удалось схватить основныя черты еще формулирующагося новаго фазиса въ развитіи русскаго народнаго хозяйства и дать его яркое и ясное изображеніе. Мы усердно рекомендуемъ вниманію читателей талантливый трудъ Шульце-Геверница... Книга Шульце-Геверница хороша, какъ мастерской анализъ нарождающейся Россіи, превращенія Россіи въ европейскую страну. Особенно хороши у нѣмецкаго профессора характеристики психологическихъ настроеній различныхъ экономическихъ группъ и вообще разборъ психологическихъ предпосылокъ развитія русской промышленности» («Жизнь», 1900 г. т. IV. «Новости экономической литературы», стр. 266—269).

СЪ РАЗРѦШЕНИЯ УЧЕБНАГО НАЧАЛЬСТВА

открыты въ Одесѣ

ПРАКТИЧЕСКИЕ

КУРСЫ СТЕНОГРАФІИ

(быстрописи) по упрощенной системѣ І. Животовскаго.

Цѣль курсовъ дать возможность—воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній дословно записывать лекціи,—секретарямъ различныхъ учрежденій и референтамъ стенографировать всевозможные рефераты,—ученымъ писателямъ и всѣмъ пишущимъ вообще сокращать время и трудъ при всякихъ письменныхъ работахъ.

Окончившій полный курсъ въ состояніи стенографировать на всѣхъ европейскихъ языкахъ.

Стенографія преподается лично при курсахъ и заочно, посредствомъ письменныхъ лекцій, вполнѣ замѣняющихъ личное преподованіе, въ 5 уроковъ за небольшое вознагражденіе.—Воспитанники учебныхъ заведеній пользуются льготами.—Приготовляются стенографы-профессионалисты. Подробности въ проспектахъ, которые вмѣстѣ съ программой и условіями платы высылаются **БЕЗ-ПЛАТНО**.

Браштася по адресу: ОДЕССА, ПРАКТИЧЕСКИЕ КУРСЫ СТЕНОГРАФІИ И. ЖИВОТОВСКАГО

Продолжается подписка на изданіе П. П. Сойкина

ТАЛМУДЪ.

Полный переводъ текста, сдѣланный ориенталистомъ Н. А. Переферновичемъ и снабженный объяснительными примѣчаніями переводчика и наглядными чертежами.

1-го января 1901 г. выйдетъ въ свѣтъ шестая книга „ТАЛМУДА“, заканчивающая собой первую половину предпринятаго нами изданія „Мишны и Тосефты“. Никогда еще эти двѣ основныя книги еврейскаго ученія, на которых опираются всѣ дальнѣйшія части Талмуда, не были представлены въ такомъ полномъ переводе (Тосефта переводится *впервые на европейскій языкъ*), съ такимъ множествомъ объяснительныхъ примѣчаній, рисунковъ, чертежей, схемъ. Въ средніе вѣка Талмудъ не разъ сжигался тысячами писанныхъ и печатныхъ экземпляровъ, какъ зловредная и еретическая книга. Когда христіанскій міръ ближе познакомился съ этой таинственной, поражавшей трудностью языка книгой, то позволено было ее печатать, но съ большими выпусками и измѣненіями, на которых не скучилась инквизиціонная цензура. Самі евреи изъ страха преслѣдованій выпускали изъ текста все, что могло бы подать малѣйшій поводъ къ обвиненію въ нетерпимости, ибо всякое торжественное сжиганіе (*„ауто да фе“*) Талмуда сопровождалось разгромомъ еврейскаго имущества. Русскій переводъ даетъ полный и точный текстъ Талмуда, критически восстановленный по сохранившимся рукописямъ и цензурированнымъ изданіямъ. Переводчикъ стоитъ на строго научной почвѣ въ всякихъ полемическихъ или религиозныхъ вліяній и путемъ буквального, всесторонне объясненнаго, литературного перевода вводить даже совсѣмъ неподготовленного русскаго читателя въ чуждый строй талмудической мысли.

Все изданіе „Мишны и Тосефты“ будетъ состоять изъ 6 томовъ, объемомъ каждый въ 25—35 листовъ большого формата, и будетъ раздѣлено на 12 книгъ.

Въ отдельной продажѣ цѣна каждого тома 2 руб. 50 коп., съ перес. 3 руб.

ПОДПИСНАЯ ЦѦНА на все изданіе „Талмуда“ въ 6 томахъ (12 книгъ) 12 руб. Допускается разсрочка (исключительно у издателя) на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ уплачивается 8 руб. и получаются первые три тома (6 книгъ), по выходѣ въ свѣтъ IV-го и V-го тт. уплачивается по 2 руб., а VI-й томъ высылается бесплатно.

3-й годъ изданія политехническаго, иллюстрированнаго журнала,
выходящаго 2 раза въ мѣсяцъ,

ВСЕМИРНОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНІЕ

Журналъный годъ начинается съ ОКТЯБРЯ мѣсяца.

Редакторъ-Издатель Подполковникъ С. Х. Золотухинъ.

Журналъ „Всемирное Техническое Обозрѣніе“ имѣть своею цѣлью: 1) распространять между читателями техническія свѣдѣнія, добытыя непосредственно отъ заводовъ, фабрикъ, техническихъ фирмъ и учрежденій, раскинутыхъ по всей Россіи; 2) знакомить читателей съ новостями, усовершенствованіями и открытиями, появляющимися за границей, и 3) быть посредникомъ между заводами, техническими фирмами, техническими обществами, инженерами, техниками разныхъ специальностей и прочими лицами, интересующимися техникой и промышленностью.

Главными материалами журнала служать техническія статьи по всѣмъ отраслямъ техники и промышленности, какъ въ Россіи, такъ и за границей; въ немъ помѣщаются, напримѣръ, статьи по механическому, горному, металлургическому дѣлу, по инженерному и строительному искусству, желѣзводорожному дѣлу, по кораблестроенію, по артиллерійскому сухопутному и морскому дѣлу, по минному морскому дѣлу, по всѣмъ отраслямъ электротехники, по ткацкому дѣлу, по воздухоплаванію, по фотографіи и многимъ другимъ отдѣлкамъ техники; при этомъ обращается особенное вниманіе на то, чтобы помѣщенные статьи имѣли возможно большій интересъ и практическое значеніе.

Статьи журнала иллюстрируются большимъ числомъ пояснительныхъ рисунковъ, на ясность и качество которыхъ обращается особенное вниманіе.

Въ журналѣ помѣщаются также отчеты о засѣданіяхъ и докладахъ въ техническихъ обществахъ, сообщаются свѣдѣнія обѣ устройствѣ выставокъ, стѣздаў и т. п.

Кромѣ того, въ журналѣ имѣются еще слѣдующіе отдѣлы: наши и иностранные заводы, техническое образованіе, мелкія новости и сообщенія, хроника, правительственные распоряженія, библиографія, указатель вновь изданныхъ русскихъ и иностранныхъ техническихъ книгъ, корреспонденція, справочныхъ свѣдѣнія, обзоръ иностранныхъ привилегій, представляющихъ наибольшее практическое значеніе, выданныхъ въ Россіи и въ иностранныхъ государствахъ (всѣ привилегіи иллюстрируются рисунками) и, наконецъ, полный указатель привилегій, выданныхъ въ Россіи за послѣднее время.

Въ обширномъ отдѣлѣ объявлений имѣется обстоятельно составленный „Алфавитный указатель специальностей заводовъ и техническихъ фирмъ“.

Подписная цѣна на журналъ:

	на 1 годъ.	на ½ года.	на 3 мѣс.	одинъ №.
Безъ доставки	9 руб.	5 руб.	3 руб.	— р. 60 к.
Съ дост. и перес. во всѣ го- рода Россійск. Имп. . . .	10 "	6 "	4 "	— 80 "
За границу	14 "	8 "	5 "	1 " — "

Подписка принимается съ какого угодно мѣсяца на сроки, указанные въ этой таблицѣ.

Для годовыхъ подписчиковъ съ журнального года допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р. и затѣмъ по 1 р. въ слѣдующіе ближайшіе мѣсяцы.

Высылка подписной платы по почтѣ, при подпискѣ безъ разсрочки, для годовыхъ подписчиковъ можетъ быть замѣнена наложеніемъ редакціей платежа на подписную квитанцію.

Въ слѣдующихъ случаяхъ дѣлается скидка:

Книжнымъ магазинамъ 5%. Всѣмъ учебнымъ заведеніямъ—25%. Выписывающимъ одновременно 10 годовыхъ экземпляровъ журнала—одиннадцатый экземпляръдается бесплатно.

Для ознакомленія съ журналомъ можетъ быть высланъ одинъ изъ нумеровъ журнала (по усмотрѣнію редакціи) за 30 коп. марками.

Объявленія въ журналѣ принимаются по установленному тарифу, который высылается по требованію.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Колокольная, 14, у всѣхъ извѣстныхъ книгородавцевъ и въ конторахъ по приему объявлений и подписки на газеты и журналы.

Духовный богословско-апологетический журналъ

ВѢРА И ЦЕРКОВЬ

третій годъ изданія.

Журналъ „Вѣра и Церковь“ имѣть своюю задачею отвѣтчать на запросы религіозной мысли и духовной жизни современаго общества въ противодѣйствіе рационализму и невѣрію.

Въ соотвѣтствіе съ такой основной задачей журнала, въ немъ, согласно утвержденной Свят. Синодомъ программѣ, помѣщаются статьи по всѣмъ отдѣламъ богословія (въ широкомъ значеніи этого слова), служащія къ разъясненію преимущественно такихъ духовныхъ вопросовъ, которые подвергаются несогласіемъ съ учениемъ православной церкви толкованіемъ въ современной жизни и мимо-либеральной печати; здѣсь поэтому имѣются мѣсто и статьи по естественно научной апологетикѣ. Статьи этого первого—научно-богословскаго отдѣла, утверждались на свящ. Писаніи и святоотеческихъ твореніяхъ и въ то же время стремясь къ научной обоснованности, предлагаются въ общедоступномъ изложении.

Второй отдѣлъ журнала—церковный—мы посвящаемъ обозрѣнію выдающихся проявленій благодатной силы и истинной вѣры православной Церкви въ событияхъ современной жизни, между прочимъ по ея изображеніямъ въ свѣтской печати, а также ознакомленію съ благими дѣятелями вѣры и Церкви послѣдняго времени. Заключительную часть отдѣла составляетъ духовная библіографія, имѣющая предметомъ своимъ преимущественно книги богословско-апологетического содержанія.

Въ виду предпринятыхъ въ послѣднее время школьнѣхъ реформъ и въ соотвѣтствіе нуждамъ законоучительства въ современной школѣ, въ журналѣ помѣщаются статьи по вопросамъ образованія и воспитанія юношества въ духѣ православной Церкви, и ведутся постоянные библіографические отчеты о новыхъ учебныхъ книгахъ по Закону Божию.—Въ приложениѣ печатаются академическая чтенія по св. Писанію Нового Завѣта, еп. Михаила.

Журналъ выходитъ десять разъ въ годъ (за исключеніемъ іюля и іюля) книжками въ 8—10 печ. листовъ.

Подписная цѣна на годъ пять рублей, съ доставкой и пересылкой—шесть рублей.

Подписка принимается у редактора-издателя, законоучителя Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая, священника Иоанна Ильича Соловьевъ (Москва Остоженка, зданіе лицея).

Редакторъ-издатель свящ. И. Соловьевъ.

РУССКАЯ СТАРИНА.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старинѣ» будетъ попрежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники;

Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, озенныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по истории русской литературы и искусства; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждого мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродацамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНИЕ за 1900 годъ.

Алфавитный указатель.

- Авиловъ.** Новая книга Бернштейна. № I, стр. 29.
- В. Агафоновъ.** Спектръ и эфиръ. № VI, стр. 1085.
— Спектръ и эфиръ. № VII, стр. 1247.
- В. Аггеенко.** Заселеніе Крыма. № V, стр. 854.
- Проф. Сванте Арреніусъ.** Вліяніе космическихъ условій на физиологическаяя отправленія. № II, стр. 261.
- Б. А.** Новѣйшія теченія въ драмѣ. № V, стр. 955.
- Б.** Дифракція Рентгеновыхъ лучей. № I, стр. 171.
— Москитная теорія маляріи. № II, стр. 403.
- П. Б.** Уранія (Корреспонденція изъ Германіи). № IX, стр. 1628. (Съ 2 рисунками).
- В. Базаровъ.** Къ вопросу о производительномъ трулѣ (Отвѣтъ г. С. Прокоповичу). № IV, стр. 797.
- Проф. Бахметьевъ.** Анабіозъ, № I, стр. 17.
- Проф. Ю. Белохъ.** Крупная промышленность древняго міра. № IV, стр. 649.
- В. Бельше.** Происхожденіе научаго міросозерцанія нашего времени. № I, стр. 143.
— Изъ исторіи науки. Обоснованіе картины космоса въ эпоху отъ Коперника до Ньютона. № III, стр. 590.
- П. Берлинъ.** Масарикъ противъ Маркса. № X, стр. 1840.
О первобытномъ обществѣ. № XI, стр. 1946.
Максъ Мюллеръ. № XII, стр. 2146.
- Эд. Бернштейнъ.** Къ теоріи трудовой цѣлности. № IV, стр. 711.
- А. Богдановъ.** Новые точки зре-нія въ экономической науки. № III, стр. 1435.
- В. Богучарскій.** Александръ Ивановичъ Герценъ. № VIII, стр. 1407.
— Александръ Ивановичъ Герценъ. № IX, стр. 1542.
- Б-вичъ.** Отвѣтъ М. Филиппову. № II, стр. 413.
- Проф. Больцманъ.** О развитіи методовъ теоретической физики въ новѣйшее время. № I, стр. 105.
— О развитіи методовъ теоретической жизни въ новѣйшее время. № II, стр. 238.
- Ф. Брунсь.** Планета Марсъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. № VIII, стр. 1329.
— Планета Марсъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. № IX, стр. 1489.
- В. Бачебаство въ Средней Азіи.** № X, стр. 1678.
- Проф. Вагнеръ.** Критика ученія о покровительственной окраскѣ и о мимекріи у животныхъ. № III, стр. 433.
- Б. Вальтеръ.** О природѣ Рентгеновыхъ лучей. № X, стр. 1653.

- Б. П. Вейнбергъ.** Доказательства существованія и единства эфира. № IV, стр. 672.
- Ольгердъ Вильчинскій.** Иванъ Гутенбергъ. № VIII, стр. 1421.
- Л. Винярскій.** Антропо-соціологія. № I, стр. 1.
- Антропо-соціологія. № II, стр. 120.
- А. Волжскій.** Нѣсколько словъ по поводу взглядовъ г. Филиппова на проблему цѣнности и прибыли. № V, стр. 922.
- Проф. Гейгеръ.** Возрожденіе и реформація. № VI, стр. 1135.
- Реформація и контроль-реформація. № IX, стр. 1570.
- I. Гербсманъ.** Къ вопросу о заразительности и профилактике проказы. № IX, стр. 1509.
- Проф. Оскаръ Гертвигъ.** Объ отношеніи біологии къ соціології. (Академіческая рѣчь, читанная въ берлинскомъ университетѣ). № I, стр. 35.
- Проф. Гиртъ.** Древняя культура европейскаго востока. № VII, стр. 1279.
- Сѣверные славяне и борьба съ германскимъ духомъ. № X, стр. 1707.
- M. Ю. Гольдштейнъ.** Алхимическая задача и ихъ исторія. № II, стр. 299.
- C. Груzenбергъ.** Ученіе Шопенгауера о свободѣ воли. № IX, стр. 1529.
- Ученіе Шопенгауера о свободѣ воли. № X, стр. 1775.
- Еще о Шопенгауэрѣ, № XI, стр. 1992.
- Сади Гунтеръ.** Исторический материализмъ и практическій идеализмъ. № X, стр. 1759.
- I. Давыдовъ.** Къ вопросу о производительномъ и не производительномъ труде. № I, стр. 151.
- П. Засодимскій.** Изъ первобытной исторіи человѣчества. № I, стр. 57.
- Изъ первобытной исторіи человѣчества. № II, стр. 189.
- Георгъ Зиммель.** Роль денегъ во взаимномъ отношеніи половъ. № I, стр. 74.
- Къ методології соціальной науки. № II, стр. 249.
- В. Ильинъ.** Некритическая критика. № V, стр. 945.
- Некритическая критика. № VI, стр. 1062.
- Карелинъ.** Дмитрій Ивановичъ Писаревъ. № III, стр. 479.
- Дмитрій Ивановичъ Писаревъ. № IV, стр. 741.
- Дмитрій Ивановичъ Писаревъ. № VI, стр. 1068.
- Дмитрій Ивановичъ Писаревъ. № VII, стр. 1194.
- Замѣтки читателя по поводу упраздненія Туганъ-Барановскими и Струве учекія Маркса о прибыли. № X, стр. 1921.
- Тоже, № XI, стр. 1923.
- Проф. Кауфманъ.** Народы и государства въ средн.вѣка. № II, стр. 371.
- A. Кирсановъ.** Письма безъ адреса. Искусство у первобытныхъ народовъ. № III, стр. 462.
- Письма безъ адреса. № VI, стр. 1000.
- Проф. Конъ.** О чѣмъ повѣствуетъ лѣсь. № VII, стр. 1211.
- О чѣмъ повѣствуетъ лѣсь. № VIII, стр. 1346.
- О чѣмъ повѣствуетъ лѣсь. № X, стр. 1662.
- M. Кроль.** Эволюція землепользованія у забайкальскихъ кочевниковъ. № VI, стр. 1101.
- Эволюція землепользованія у забайкальскихъ кочевниковъ. № VII, стр. 1229.
- Къ вопросу о классифікаціи типовъ землепользованія. № IX, стр. 1549.
- C. Н. Кулябка.** Къ вопросу о реформѣ русскаго алфавита. № XI, стр. 1937.
- Д-ръ Людвигъ.** Страданія и подвиги женщинъ во время войны. № VIII, стр. 1428.
- Страданія и подвиги женщинъ во время войны. № IX, стр. 1603.
- П. Минкуевъ.** Соціальное значеніе желѣзныхъ дорогъ въ Америкѣ. № IV, стр. 658.

- Проф. Могкъ.** Быть древнихъ скандинавовъ. № IV, стр. 687.
- Орієнталістъ.** Китайскій вопросъ. № VIII, стр. 1463.
- Передольскій.** Экономическія условия быта инородцевъ Туруханскаго края. № III, стр. 512.
- С. Прокоповичъ.** Теорія трудовой цѣнности и ея критики. № V, стр. 935.
- Ренанъ.** Талмудъ. № V, стр. 914.
- Проф. Рони.** Философія Лао-цзы. № V, стр. 893.
- А. Рыкачевъ.** Ученіе Бемъ-Баверка о прибыли и капиталѣ. № II, стр. 219.
- Ученіе Бемъ-Баверка о прибыли и капиталѣ. № IV, стр. 776.
- Гербертъ Спенсеръ.** Наука и существо. № III, стр. 551.
- Ст. Собанская.** Товіянскій и его вліяніе. № VII, стр. 1165.
- Тотоміанцъ.** Начало кооперативнаго движенія въ Швейцарії. № V, стр. 839.
- Трачевскій.** Историко - культурный очеркъ. Московская смута XVIII вѣка и основа соціологіи. № I, стр. 126.
- Московская смута XVIII вѣка и основа соціологіи. № II, стр. 328.
- Московская смута XVIII вѣка и основа соціологіи. № V, стр. 812.
- Московская смута XVIII вѣка и основа соціологіи. № VI, стр. 981.
- Литературный обзоръ. № III, стр. 565.
- Туганъ - Барановскій.** Трудовая цѣнность и теорія прибыли (Моимъ критикамъ). № III, стр. 607.
- Кн. Г. Тумановъ.** Земельная неурядица въ Закавказіи. № X, стр. 1810.
- Хизанскій вопросъ. № XI, стр. 1853.
- В. Ульрихъ.** Къ вопросу о земле-дѣльческой колонизации сѣвера Сибири. № VII, стр. 1274.
- „Доброе“ старое время въ Ливоніи № IX, стр. 1618.
- „Доброе“ старое время въ Ливоніи, № X, стр. 1736.
- М. Филипповъ.** Критика новѣйшихъ экономическихъ учений № I, стр. 91.
- Критика новѣйшихъ экономическихъ учений № II, стр. 312.
- Новѣйшие русские экономисты А. И. Чупровъ. № III, стр. 529.
- Объ экономическомъ догматизмѣ и о постулатѣ Маркса (по поводу статьи П. Маслова). № III, стр. 560.
- Новое изслѣдованіе объ общинѣ (К. Качоровскій. Русская община). № IV, стр. 727.
- Теорія критически - мыслящей личности. № IV, стр. 755.
- Мнимая антиподія. № V, стр. 903.
- Левъ Толстой и его „Воскресеніе“. № VI, стр. 1120.
- Левъ Толстой и его „Воскресеніе“. № VII, стр. 1292.
- Еще одна попытка новой экономической теоріи. № VII, стр. 1264.
- Ученіе Спенсера и критическая философія. № VIII, стр. 1149.
- Итоги полемики о цѣнности. № IX, стр. 1553.
- Итоги полемики о цѣнности. № X, стр. 1793.
- Проф. Филиппсонъ.** Европа до революціи 1789 г. № XI, стр. 1964.
- В. Фрей.** Юбилей инфлуэнцы. № III, стр. 500.
- Р. Фюсслейнъ.** Англія и Трансвааль. № II, стр. 343.
- Англія и Трансвааль. № III, стр. 526.
- К. Ціолковскій.** Вопросы воздухоплаванія. № X, стр. 1689.
- С. Чугуновъ.** Шейное ребро у человѣка съ точки зрѣнія теоріи эволюціи. № V, стр. 873.
- Проф. Шульце-Геверницъ.** Национализмъ въ Россіи и его экономические представители. № VI, стр. 1034.
- П. Энгельмейеръ.** Техника, какъ искусство. № VI, стр. 1021.
- Техника, какъ искусство. № VIII, стр. 1364.

- Альфонсъ Мильнъ - Эдвардсъ** („Nature“). Науч. нов. № VI.
- Атомный вѣсъ элемента радиа.** Науч. нов. № II.
- Брандтъ. Иностранные капиталы.** Библ. № VI.
- А. Велицынъ.** Торжество социализма Библ. № X.
- Л. Вигуру.** Рабочіе союзы въ Америкѣ. Библ. № VII.
- Вліяніе колебаній теплоты Норвежскаго моря на круговоротеніе атмосферы въ Европѣ** („Nature“). Научн. нов. № VII.
- Воздушный корабль графа Цеппелина.** Науч. нов. № VIII.
- Водяной велосипедъ Романова.** Науч. нов. № VIII.
- Время вращенія Венеры.** Науч. нов. № VI.
- Проф. Геркнеръ.** Рабочій трудъ въ З. Европѣ. Библ. № II.
- Герцогъ Аргайлльский** („Nature“). Науч. нов. № VI.
- Эрнстъ Гистровъ** (Gystrow). Соціологія генія. Библ. № V.
- Доисторическая находки въ такъ называемой котельной ямѣ,** („Science Amer.“) Науч. нов. № VII.
- Еще о новомъ русскомъ календарѣ.** Науч. нов. № V.
- Е. Жадовский.** Таблицы для определенія растеній. Библ. № III.
- Зависимость** между распределениемъ воздушного давленія и склоненіемъ луны. Науч. нов. № II.
- Замѣчательное** открытие русского ученаго. Науч. нов. № II.
- Зоологъ,** отлученный отъ католической церкви („Science Amer.“). Науч. нов. № V.
- Измѣненіе** поверхности металловъ свѣтомъ („Compt. Rend.“) Науч. нов. № IX.
- Инстинкты** нѣкоторыхъ ось (съ рис.). Науч. нов. № III.
- Исполинскіе** локомотивы. Науч. нов. № I.
- Каменноугольныя бактеріи.** Науч. нов. № VII. (Naturw. Rundschau).
- Н. Карелинъ.** Жанъ Жакъ Руссо. Библ. № I.
- Mario Carli** Че-Кіангъ. Библ. № III.
- Густавъ Карpelесъ.** Всеобщая исторія литературы. Библ. № IX.
- А. Кеппенъ.** О различныхъ видахъ неспособности къ труду рабочихъ, занятыхъ въ горной промышленности, Библ. № XI.
- Л. Кирилловъ.** Къ вопросу о внѣземлемѣдѣльческомъ отходѣ. Библ. № X.
- Ф. С. Комарскій.** Семейный университетъ. Библ. № I.
- А. Красносельскій.** Основы учениія Н. К. Михайлова. Библ., № VI.
- Лависсъ.** Всеобщая исторія. Библ. № III.
- Проф. Листъ.** Преступленіе, какъ соціально-патологическое явление. Библ. № I.
- Механическая** движенія подъ вліяніемъ катодныхъ лучей и лучей Рентгена („Nat. Rund.“). Науч. нов. № VIII.
- Многофотористая** сѣра („Naturw. Rundschau“). Науч. нов. № VII.
- Муха,** сооружающая воздушный шаръ. Науч. нов. № I.
- Д. Н.** Пришлые сельско-хозяйственные рабочіе въ Херсонской губерніи. Библ. № VII.
- Люборъ Нидерле.** Человѣчество въ доисторической времена. Библ. № II.
- Новая обсерваторія** въ Вашингтонѣ. Науч. нов. № I.
- Новая комета.** Науч. нов. № I.
- Новый спутникъ** Полярной звѣзды. Науч. нов. № I.
- Новая** физиологическая изслѣдованія надъ круглолистной росинкой. Науч. нов. № IV.
- Новый** ископаемый грызунъ („Nature“). Науч. нов. № VI.
- Новое** раціоактивное тѣло актиний („Nat. Rundsch.“). Науч. нов. № VII.
- Образование** хлорофилла въ темнотѣ. Науч. нов. № VII.
- Объ образованіи** угольной кислоты куриного зародыша („Archiv. f. Physiologie“). Науч. нов. № IX.

- Огнеупорный составъ** И. Иванова. Науч. нов. № VIII.
- Ограничение** браковъ въ штатѣ Дакота. Науч. нов. № I.
- О полезныхъ свойствахъ куль-
турныхъ растеній.** („Naturw.
Woch.“). Науч. нов. № VI.
- О содержаніи** соли въ хрящахъ
разныхъ животныхъ („Naturw.
Rund.“). Науч. нов. № VII.
- Опыты** Крэмптона надъ сро-
ніями гусеницъ и куколокъ („Nat.
Rund“). Науч. нов. № VIII.
- Опыты** борьбы съ градомъ въ
России. Науч. нов. № V.
- Открытие** каолина въ Херсон-
ской губ. Науч. нов. № V.
- Отношеніе** между грибами и
водорослями („Amer. Nat.“). Науч
нов. № X.
- Парижскій воздухъ** („Compt.
Rend.“). Науч. нов. № IX.
- Проф. Пель.** Терапія спермина.
Библ. № VII.
- Переливаніе** крови, какъ доказа-
тельство кровного родства между
животными. Научные новости
№ IV.
- Максъ Планкъ.** Лекціи по тер-
модинамикѣ, проф. Н. Гезехуса.
Библ. № VI.
- Подземный шумъ** (Rendiconti Accad. dei Lincei). Науч. нов. № IX
- Попытка** опредѣленія спектро-
графическимъ путемъ скорости
вращенія Венеры. („Astr. Nachr.“).
Науч. нов. № X.
- Попытки** опредѣлить причины
естествен. смерти. Науч. нов. № I.
- Поцѣлуй на лунѣ.** Науч. нов. № III.
- Предсказаніе** погоды по способу
г. Демчинского. Науч. нов. № V.
- Прогуливающіеся** коконы („La
Nature“). Науч. нов. № V.
- Проростаніе** съмявъ, охлажден-
ныхъ жидкимъ водородомъ. Науч.
нов. № IV.
- Реформа** календаря въ Россіи
Науч. нов. № IV.
- Rinella.** Sabino. Alti e bassi salari.
Библ. № XI.
- Dr. Hugo Rickes.** Wert und Tausch-
wert. Библ. № IX.
- Саламандры,** лишеннія легкихъ.
Науч. нов. № IV.
- Проф. И. А. Сикорскій.** Сборникъ
статей. Библ. № VII.
- Свѣтлые края** на изображеніяхъ
темныхъ предметовъ на свѣтломъ
фонѣ. (Nat. Rund.“). Науч. нов.
№ IX.
- Скорость** движенія Полярной
звѣзды. („Astr. Nachr.“) Науч. нов.
№ VII.
- Сыркинъ.** Пластическія иску-
стства. Библ. № III.
- Телеграфонъ** („Natur Rund.“).
Науч. нов. № IX.
- В. Тотоміанцъ.** Мощь коопе-
раціи. Библ. № III.
- Удѣльная** теплота никеля и
cobальта („Nature“). Науч. нов.
№ VIII.
- Фауна** моравскихъ пещеръ.
(„Zoolog. Anzeig.“). Научные новости
№ IX.
- Физико** Математический Ежегод-
никъ, Библ. № XI.
- О. Д. Хвольсонъ.** Краткій курсъ
физики. Курсъ физики (полный),
т. II и III. Библ. № II.
- Dr. Lazarus Schweiger.** Philoso-
phie der Geschichte. Библ. № IX.
- Л. Ю. Шепелевичъ.** Наши со-
временники. 2. Вѣстникъ права.
Журн. Юрид. Общ. при Петерб.
Унив. Библ. № V.
- К. Шраммъ.** Основы экономиче-
ской науки. Библ. № I.
- Штумпфъ.** Эволюціонная идея
въ современной философіи. Библ.
№ IV.
- Wilhelm Schuppe.** „Was ist Bildung“.
Библ. № VIII.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ШЕСТОЕ ИЗДАНИЕ (П. П. СОЙКИНА)

Полное собрание сочинений

Н. А. Добролюбова.

Съ портретомъ, биографіей автора, составленной М. Филипповыимъ,
и библіографическимъ указателемъ.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

Н. А. Добролюбовъ, по справедливому замѣчанію одного биографа, принадлежитъ къ тѣмъ любимцамъ судьбы, произведенія которыхъ на многие десятки и сотни лѣтъ переживаются своими творцами, не утрачивая современности. Это—«вѣщий пророкъ изъ славной плеяды писателей шестидесятыхъ годовъ, могучий голосъ котораго долго еще будетъ раздаваться подъ сводами вѣковъ, поучая и вдохновляя нашихъ сыновей, внуковъ и правнуковъ». Являясь типичнымъ представителемъ эпохи славнаго умственнаго движения, какое когда-либо переживало наше отечество, Н. А. Добролюбовъ въ то же время поражалъ современниковъ, да не перестаетъ поражать и нась, идеальной высотой своей личности. Неудивительно, что при такомъ счастливомъ совпаденіи качествъ писателя и человѣка, этотъ критикъ пріобрѣлъ многихъ поклонниковъ, особенно среди пылкой молодежи и вообще тѣхъ, кому дороги завѣты «шестидесятниковъ»—и съ каждымъ новымъ поколѣніемъ число этихъ поклонниковъ возрастаетъ, доказательствомъ чего служить, между прочимъ, и быстрое распространеніе его сочиненій, выдержавшихъ уже пять изданій. **Въ настоящее время выходитъ новое, ШЕСТОЕ изданіе.**

Томъ I выйдетъ въ Декабрѣ сего года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на все изданіе безъ доставки 6 руб.,
съ пересыплюю по всей Россіи 7 руб.

Допускается разсрочка: при подписаніи 2 руб., по выходѣ въ свѣтъ II т. 2 руб. и по выходѣ III т. остальные. IV т. подписанчики получаютъ бесплатно. По выходѣ въ свѣтъ IV-го тома подписанка прекращается, и цѣна на сочиненія Н. А. Добролюбова **будетъ возвышена**.

Подписанка принимается у издателя П. П. Сойкина въ С.-Петербургѣ и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи.

Подписавшіеся **БЕЗЪ ДОСТАВКИ** могутъ получать вышедшия тома въ **С.-Петербургѣ у издателя П. П. Сойкина** и въ книжныхъ магазинахъ: **А. С. Суворина**—въ СПб., **Москвѣ**, Одесѣ, Саратовѣ и Харьковѣ; **Н. П. Карабинова**—въ СПб., **Москвѣ**, Варшавѣ и Вильнѣ; **Бр. Башмановыхъ**—въ Казани и Ригѣ; **Н. Я. Оглоблина**—въ Кіевѣ; **П. В. Манушкина**—въ Иркутскѣ и Томскѣ, и въ городахъ: Архангельскѣ, Витебскѣ, Воронежѣ, Вяткѣ, Екатеринбургѣ, Екатеринопольѣ, Курскѣ, Минскѣ, Новгородѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Новочеркассѣ, Новороссійскѣ, Омскѣ, Орлѣ, Перми, Ростовѣ на Дону, Рязани, Самарѣ, Севастополѣ, Симбирскѣ, Смоленскѣ, Ставрополѣ губ., Таганрогѣ, Тамбовѣ, Тифлісѣ, Тулѣ, Уфѣ и Юрьевѣ.

Печатается и въ концѣ текущаго года выйтѣть въ свѣтъ книга администраціи, промышленности и торговли

ВСЯ ДОНСКАЯ ОБЛАСТЬ И СЪВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ

на 1901 годъ.

Издание А. И. Терѣ-Абраміанъ. Годъ изданія VII.

Цѣль изданія дать толковую справочную книгу объ области войска Донского и Сѣверномъ Кавказѣ.

Главное содержаніе книги, помимо календарныхъ и т. п. свѣдѣній, составлять свѣдѣнія о всѣхъ учрежденіяхъ, какъ административныхъ, такъ и общественныхъ и частныхъ, и о всѣхъ фабрикахъ, заводахъ, торговыхъ и ремесленныхъ предпріятіяхъ области, до мѣльчайшихъ.

СОВЕРШЕННО НОВАЯ ПЕРЕРАБОТКА ВСѢХЪ СВѢДѢНІЙ.

Приложеніями на 1901 г. въ книгу войдутъ: 2 карты области войска Донского и Кавказа, въ краскахъ; планы всѣхъ областныхъ и губернскихъ городовъ, виды и портреты административныхъ и общественныхъ дѣятелей.

ПРИЕМЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ ОТКРЫТЬ.

Съ заказами просятъ обращаться въ контору изданія — типо-литографія А. И. Терѣ-Абраміанъ, въ Ростовѣ на-Дону, Б. Садовая, с. д. № 61.